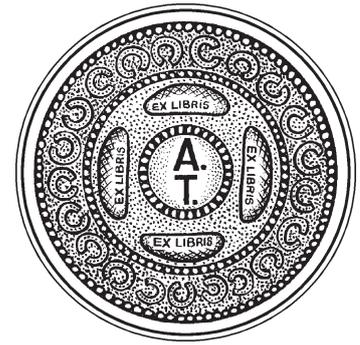

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

АРХЕОЛОГІЯ
І ДАВНЯ ІСТОРІЯ
УКРАЇНИ
Випуск 2 (23)

2017
КИЇВ

НАУКОВА СЕРІЯ — ЗАСНОВАНА У 2010 Р.

ВИДАЄТЬСЯ ЧОТИРИ РАЗИ НА РІК

СТАРОЖИТНОСТІ РАНЕЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

Наукова серія з проблем археології та давньої історії

Серія присвячена публікаціям досліджень з археології та давньої історії України. Висвітлюються питання соціально-економічного розвитку та культурних зв'язків населення України у кам'яному та мідно-бронзовому віках, сторінки з історії киммерійців та скифів, матеріальна та духовна культура античних греків у Північному Причорномор'ї, етногенез та рання історія слов'ян, розвиток давньоруських міст і сіл, матеріальної культури середньовіччя і нового часу. Видаються нові археологічні матеріали, розвідки з історії археології та архівні джерела. Для археологів, істориків, краєзнавців, учителів історії, студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією України.

Серия посвящена публикациям исследований по археологии и древней истории Украины. Освещаются вопросы социально-экономического развития и культурных связей населения Украины в каменном и медно-бронзовом веках, страницы истории киммерийцев и скифов, материальная и духовная культура античных греков в Северном Причерноморье, этногенез и ранняя история славян, развитие древнерусских городов и сел, материальной культуры средневековья и нового времени. Издаются новые археологические материалы, исследования по истории археологии и архивные источники. Для археологов, историков, краеведов, учителей истории, студентов исторических факультетов, всех, кто интересуется древней историей Украины.

A series is devoted to publications of investigations on archaeology and ancient history of Ukraine. Questions of social and economic development and cultural relations of the population of Ukraine in the Stone and Copper-Bronze Age, pages of Cimmerian and Scythian history, material and spiritual culture of antique Greeks in Northern Black Sea Coast, ethnogenesis and early history of Slavs, development of the Ancient Russian cities and villages, material culture of Medieval and Modern periods are under observing. New archeological records, survey on history of archaeology and archival sources are being published. This series is intended for archeologists, historians, regional specialists, teachers of history, students of historical departments and for all who is interested in ancient history of Ukraine.

Засновник та видавець

Інститут археології
Національної академії наук
України

Свідоцтво

про реєстрацію ЗМІ
КВ № 17659-6509Р
від 29.03.2011

Адреса редакції:

Україна, 04210, Київ 210,
просп. Героїв Сталінграда, 12
Тел.: (+380-44) 418-61-02
Факс: (+380-44) 418-33-06
E-mail: gorbanenko@gmail.com

Затверджено до друку

Вченою радою
Інституту археології
НАН України
4.04 2017, протокол № 3.

Усі матеріали рецензовано

Наукові редактори:

С.С. Бессонова, Д.С. Гречко, О.С. Дзеньладзе, Д.В. Каравайко, С.В. Махортих, О.Д. Могилев, О.В. Симоненко, С.А. Скорий, О.Е. Фіалко

Рисунки

авторські

Надруковано

в авторській редакції

Комп'ютерна верстка

С.А. Горбаненка

Усі права застережено.

Передрук можливий
зі згоди редакції
та авторів статей

ISSN 2227-4952

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

СКОРИЙ С.А. (головний редактор), доктор історичних наук, професор

ГОРБАНЕНКО С.А. (відповідальний секретар), кандидат історичних наук

БОЛТРИК Ю.В., кандидат історичних наук

ЗАЛІЗНЯК Л.Л., доктор історичних наук, професор

ІВАКІН Г.Ю., член-кореспондент НАН України

КРИЖИЦЬКИЙ С.Д., член-кореспондент НАН України

КУЛАКОВСЬКА Л.В., кандидат історичних наук

МОЦЯ О.П., член-кореспондент НАН України

ОТРОЩЕНКО В.В., доктор історичних наук, професор

ПЕТРАУСКАС О.В., кандидат історичних наук

ПОТЄХІНА І.Д., кандидат історичних наук

СОН Н.О., кандидат історичних наук

ТОЛОЧКО П.П., академік НАН України

ЧАБАЙ В.П., член-кореспондент НАН України

Надруковано на замовлення Національного історико-культурного заповідника «Чигирин»

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2017

Підписано до друку 22.05.2017. Формат 60 × 84/8.

Гарн. Century Schoolbook. Папір офс. Друк офс. Ум.-друк. арк. 62,8. Обл.-вид. арк. 71,6. Тираж 150 екз. Зам.

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан», 61002, Харків, вул. Чернишевська, 59. Тел.: (057) 700-37-30

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

ЗМІСТ

Передмова

НАШІ ЮБІЛЕЇ

Скорый С.А., Саенко В.Н. К 110-летию со дня рождения профессора Алексея Ивановича Тереножкина

Мурзин В.Ю. Мои первые встречи с Алексеем Ивановичем Тереножкиным

СТАТТІ

Клочко В.І. Початок еволюції втульчастих сокирокельтів бронзової доби на території України

Бабенко Л.І. Два монетних сюжета на изделиях греко-скифской торевтики

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Вихревые композиции в искусстве саков Центрального Казахстана

Беловинцева Н.И., Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. Железные детали погребальных конструкций из скифского царского кургана Козел

Болтрик Ю.В. Огуз — курган на ключовому роздоріжжі Скіфії (пошук Херсонського сліду)

Гречко Д.С. О формировании Классической Скифии в V в. до н. э.

Гуцал А.Ф. Черпаки Рудковецького городища і деякі питання хронології чорнолісся на Дністрі

Зимовец Р.В. Крым в контексте раннескифских миграций (по материалам звериного стиля)

Кайзер Э., Гаврилюк Н.А., Кашуба М.Т., Кулькова М.А. Сосуды «фракийской группы» из степных предскифских погребений в Северном Причерноморье: возможности изучения

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2017

CONTENTS

7 Introduction

OUR JUBILEES

8 *Skory S.A., Saenko V.N.* To the 110 Years from the Day of Birth of Professor Alersey Ivanovich Terenozhkin

20 *Murzin V.Yu.* My First Meetings with Alexej Ivanovich Terenozhkin

ARTICLES

24 *Klochko V.I.* Origins of Evolution of Bush-Based Axes (Celts) during the Ukrainian Bronze Age

30 *Babenko L.I.* Two Monetary Plots on Handiwork of Greek-Scythian Toreutics

40 *Beisenov A.Z., Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A., Duisenbai D.B., Akhiyarov I.K.* Swirling Compositions in Saka Art of Central Kazakhstan

59 *Belovintseva N.I., Perevodchikova E.V., Firsov K.B.* Iron Details of Sepulchral Constructions from the Scythian Royal Barrow Kozel

66 *Boltryk Yu.V.* Oguz — the Tumulus in a Crucial Crossroads of Scythia (Search for Khersones' Mark)

78 *Grechko D.S.* About the forming of Classical Scythia in the 5th c. BC

107 *Gutsal A.F.* Bailleurs from the Rudkovetskyi Hillfort and Some Questions on the Chronology of the Chernolesya on the Dnester

118 *Zymovets R.V.* Crimea in the Context of the Early Scythian Migrations (According to Scythian Animal Style)

137 *Kaiser E., Gavrilyuk N.A., Kashuba M.T., Kulкова M.A.* Vessels of the «Thracian group» from the pre-Scythian Graves in the Steppes of the Northern Black Sea Region: the Possibilities of Research

- Клочко Л.С., Васина З.О.* Убрання скіф'янок за матеріалами з Мелітопольського кургану 152 *Klochko L.S., Vasina Z.O.* Female Scythian Attire According to Materials from the Melitopol Mound
- Махортых С.В.* Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII—VI вв. до н. э. 166 *Makhortykh S.V.* Harness Fittings in the South of Eastern Europe in 7th—6th Centuries BC
- Полидович Ю.Б.* Лев и пантера (ажурные пластинки из Мелітопольского кургана) 185 *Polidovych Iu.B.* Lion and Panther (Openwork Plates from Melitopol Burial-Mound)
- Ромашко О.В.* Про використання металевих казанів у культовій практиці племен скіфської культури 193 *Romashko A.V.* By Question about the Use of Metallic Cauldrons in Cult Practice of Tribes of Scythian Culture
- Трейстер М.Ю.* Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубезж (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.) 200 *Treister M.Yu.* A Bronze Matrix Found in the Floodplaine of Trubezh River (on the Use of Bronze Matrices with Relief Images in the Pontic Area in the 6th—4th Centuries BC)
- Фиалко Е.Е.* Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова) 208 *Fialko O.Ye.* A Series of Scythian Female Warrior's Burials from the Cemetery near Glinoe Village (Moldova)
- Хохоровски Я.* Кавказ и Карпатский бассейн в раннем железном веке (проблема происхождения сигиннов) 228 *Chochorowski Ja.* The Caucasus and the Carpathian Basin in the Early Iron Age (on the Genesis of the Siginni)
- Люштина М., Нинčić И.* Скіфська зброя та кінське спорядження на території Сербії 245 *Ljuština M., Ninčić I.* Scythian Weapons and Horse Harness in the Territory of Serbia

ПУБЛІКАЦІЇ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

PUBLICATIONS of ARCHEOLOGICAL MATERIALS

- Дзnelадзе Е.С., Сикоца Д.Н., Симоненко А.В.* Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре 255 *Dzneladze O.S., Sikoza D.N., Symonenko O.V.* The Warrior Burial of the Chervony Mayak Cemetery in the Lower Dnieper Region
- Діденко С.В., Шелехань О.В.* Мечі та кинджали періоду скіфської класики в зібранні Національного музею історії України 271 *Didenko S.V., Shelekhan O.V.* The Swords and Daggers of the Classic Scythian Period from Collections of the National museum of History of Ukraine
- Каравайко Д.В.* Исследования городищ Путивльского Посемья в 2016 г.: итоги и перспективы 279 *Karavaiko D.V.* Investigations on the Hillforts in Putivl and Seym River Region in 2016: Results and Prospects
- Крютченко А.А.* Перекопский вал на Харьковщине 292 *Kriytschenko A.O.* The Perekopsky Wall on the Kharkov Region
- Ляшко Ю.Ю.* Нове велике поселення скіфського часу в околицях Мотронинського городища 299 *Lyashko Yu.Yu.* New Large Settlement near Motronins Hillfort of Scythian Period
- Могилев А.Д.* Ранняя группа погребений Светловодского могильника 303 *Mogylov O.D.* The Early Group Burials of the Svitlovodsk Cemetery
- Окaтeнко В.Н., Скорый С.А.* Скифский курган «Турецкая Могила» в бассейне Северского Донца 311 *Okatenko V.M., Skory S.A.* Scythian Barrow «Turetska Mohyla» in the Seversky Donetsbasin
- Панченко К.И.* Дослідження пам'ятки скіфського часу біля с. Заломи на Кіровоградщині 335 *Panchenko K.I.* The Research of the Site of the Scythian Time near the Village Zalomi in Kirovograd Region
- Пеляшенко К.Ю.* Зольник Циркуновского городища 340 *Pelyashenko K.Yu.* Ash-hill Tsyркuni hillfort
- Скорый С.А., Орлик А.П.* Захоронение воина предскифского времени на юге Кировоградщины 354 *Skory S.A., Orlyk O.P.* The Grave of Warrior of Pre-Scythian Time at South of Kirovograd Region
- Приложение 1.** *Яниш Е.Ю.* Результаты определения таксономической принадлежности археозоологических материалов из погребения в кургане 3 у с. Богдановка (Фрунзе) 365 **Application 1.** *Yanish E.Yu.* The Results of Taxonomic Definition of Archezoologic Materials from the Grave of the Burial 3 near v. Bogdanovka (Frunze)
- Приложение 2.** *Литвинова Л.В.* Антропологический материал из погребения в кургане 3 у с. Богдановка (Фрунзе) 366 **Application 2.** *Litvinoiva L.V.* The Anthropological Material from the Grave of the Burial 3 near v. Bogdanovka (Frunze)
- Приложение 3.** *Сергеева М.С.* Заключение о породах дерева от перекрытия разрушенного киммерийского погребения 366 **Application 3.** *Sergeeva M.S.* The Conclusion for the Species of Wood Overlap of Destroyed Cimmerian Grave
- Приложение 4.** *Гошко Т.Ю.* Состав металлов из киммерийского захоронения у с. Богдановка (Фрунзе) 367 **Application 4.** *Hoshko T.Yu.* The Composition of Metals from the Cimmerian Grave Burial 3 near v. Bogdanovka (Frunze)

- Шрамко И.Б.* Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Скоробор 368 *Shramko I.B.* New burial complex of Early-Scythian time in the Skorobir burial mounds
- Шульга П.И., Оборин Ю.В.* «Восточные» зеркала-погремушки и бронзовые диски с гравировками 381 *Shulga P.I., Oborin Yu.V.* «Oriental» rattle-mirrors and engraved bronze discs
- Эрлих В.Р., Канторович А.Р.* Псалии с уникальным изображением кошачьего хищника из ритуального комплекса могильника Псенафа в контексте скифского звериного стиля 390 *Erlikh V.R., Kantorovich A.R.* The Cheek-Pieces with the Unique Image of Feline Predator from Ritual Complex of Psenafa-Site (Adygea) in the Context of the Scythian Animal Style

АРХЕОЛОГІЯ і ПРИРОДНИЧІ НАУКИ

- Дараган М.Н.* Крупные городища скифского времени в украинской Лесостепи (особенности расположения) 397 *Daragan M.N.* The Great Hillforts of Scythian Time in Ukrainian Forest-Steppe (Features of Localization)
- Окatenко В.Н., Следюк Д.В.* Изучение топологии археологических объектов фотограмметрическим методом с использованием беспилотных летательных аппаратов 428 *Okatenko V.N., Sledyuk D.V.* Study of the Archaeological Objects' Topology by Photogrammetric Method with Using Unmanned Aerial Vehicles
- Гошко Т.Ю.* Про технологію виготовлення Ягорлицького казана 442 *Hoshko T.Yu.* Technology Manufacturing Yagorlitski Cauldron
- Лошенко М. И.* О растительных примесях в лепной посуде финального неолита и бронзового века на территории Беларуси 449 *Loshenkov M.I.* The Combination of Impurities in the Stucco Ware of the Final Neolithic and the Bronze Age
- Горбаненко С.А.* Городище Циркуни: палеоэтноботаничні дослідження 456 *Gorbanenko S.A.* Tsyркuny hillfort: palaeoethnobotanic research
- Додаток.** *Сергеева М.С.* Визначення антракологічних матеріалів з городища Циркуни (2016 р.) 463 **Application.** *Sergeyeva M.S.* Identification of Anthracological Materials from the Tsyркuny Hillfort (2016)

ARCHEOLOGY and NATURAL SCIENCES

ДИСКУСІЇ

- Королькова Е.Ф.* О неабсолютности абсолютной хронологии архаической Скифии и ее восточных реперов 465 *Korolkova E.F.* About Non-Absolut of Absolute Chronology of Archaic Scythia and its Eastern Chronological Benchmarks
- Кузнецова Т.М.* Сосуд или зеркало (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова) 470 *Kuznetsova T.M.* A Vessel or a Mirror (on the Question of a Bronze Handle from Nemirov)
- Ольговский С.Я.* Существовал ли караванный путь из Ольвии на Урал и в Поволжье в архаическую эпоху? 476 *Olhovskyy S.Ya.* Was there a Caravan Rout from Olbia to the Urals and Volga Region in the Archaic Era
- Чугунов К.В.* Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы синхронизации их с древностями Восточной Европы 484 *Chugunov K.V.* Problems of Dating of Earlynomads Asian Materials and Questions of their Synchronization with Antiquities of Eastern Europe

DISSCATIONS

ІСТОРІЯ НАУКИ

- Мурзин В.Ю.* Киммерийцы европейские и киммерийцы азиатские 500 *Murzin V.Yu.* The Cimmerians European and the Cimmerians Asian
- Брель О.В.* Давньослов'янські пам'ятки Чигиринщини у археологічних дослідженнях О.І. Тереножкіна 505 *Brel O.V.* The Ancient Slavonic Monuments of the Chyhyryn Region in the Archeological Researches of A.I. Terenozhkin
- Отрошченко В.В.* Остання стаття Олексія Івановича Тереножкіна 509 *Otroshchenko V.V.* The Last Article Of Olexiy Ivanovich Terenozhkin
- Бузько О.В.* Про участь Марії Вязьмітіної в археологічних дослідженнях Середньої Азії (за спогадами і листуванням) 515 *Buzko O.V.* Mariia Vyazmitina's Participation in the Archaeological Research of Central Asia (Based on the Memoirs and Correspondence)
- Полін С.В.* Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье 527 *Polin S.V.* About the Robbery of Scythian Kurgans in Northern Black Sea Coast

HISTORY of SCIENCE

Наші автори
Список скорочень

536 Our authors
539 List of abbreviations

Олексій Іванович ТЕРЕНОЖКІН
(1907—1981)

За вивченням речей з Мелітопольського кургану
26 вересня 1954 р. Матеріал з ЦДКФФАУ 0-51526

ПЕРЕДМОВА

У 2017 р. виповнюється 110 років від народження видатного вченого, доктора історичних наук, професора, засновника київської школи археології раннього залізного віку Олексія Івановича Тереножкіна. Цій важливій події присвячені Міжнародна археологічна конференція (м. Чигирин, травень 2017 р.) і видання чергового збірника «Старожитності раннього залізного віку» в серії «Археологія і давня історія України».

Наукові інтереси професора Тереножкіна були дуже широкі, різноманітні та охоплювали великий хронологічний діапазон — від доби бронзи до слов'янських часів. Не менш значним був і географічний обрій його дослідницьких пошуків: Середня Азія, Росія, Україна. При цьому не буде перебільшенням сказати, що його археологічні розробки у вивченні стародавньої історії Середньої Азії (зокрема, пам'яток Хорезму та Самарканду), передскіфських та скіфських старожитностей Східної Європи і зараз є актуальними орієнтирами для багатьох науковців. Безумовно, концепції професора Тереножкіна щодо передскіфського та скіфського часів мали певний вплив і на колег, які займаються дослідженням історії населення доби раннього заліза в Середній Європі.

Представлені у цій збірці праці певною мірою відповідають різноманітним науковим інтересам О.І. Тереножкіна. Варто підкреслити, що це дійсно міжнародне наукове видання, адже у ньому беруть участь фахівці з семи країн — України, Росії, Білорусі, Казахстану, Німеччини, Польщі та Сербії.

Зрозуміло, що найбільшим числом представлених праць українських дослідників, оскільки саме зі старожитностями цієї території була пов'язана майже половина дослідницького життя О.І. Тереножкіна. Серед них вагому частину складають наукові доробки співробітників Відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України, який понад 30 років очолював Олексій Іванович і де виховав плеяду учнів. Вони успішно працюють (та вже і їх учні!) над широким колом питань археології та давньої історії Східної Європи.

Взагалі ж, у збірнику є праці фахівців із багатьох наукових центрів: від Казахстану до Німеччини, що, на наш погляд, робить видання важливим внеском не тільки у справу дослідження різноманітних проблем євразійської археології, а й до скарбниці пам'яті про видатного науковця Олексія Івановича Тереножкіна.

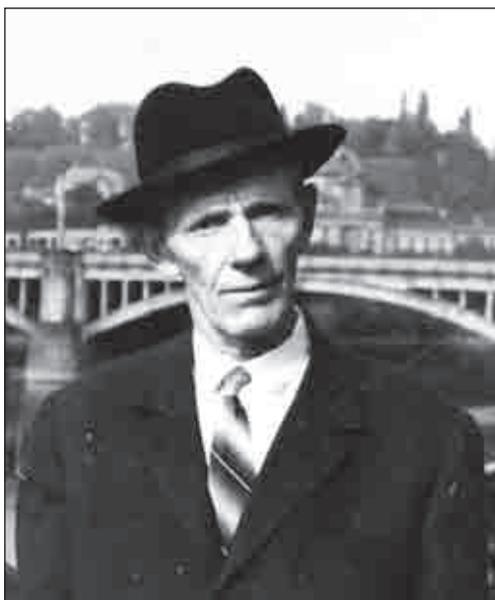
* * *

Цей випуск «Старожитностей раннього залізного віку» побачив світ завдяки фінансовій підтримці з боку нашого постійного партнера на ниві вивчення та популяризації вітчизняної археологічної спадщини — Національного історико-культурного заповідника «Чигирин». Редакційна колегія та автори висловлюють щирі вдячність генеральному директору Заповідника, к. і. н. Василю Івановичу Полтавцю. Його відданість науці дозволяє з упевненістю дивитись на майбутню співпрацю на благо археології та історії України і світу.

УДК: 902.028.42(091)

С.А. Скорый, В.Н. Саенко

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ТЕРЕНОЖКИНА

А.И. Тереножкин, г. Прага, 1961 г.

Масштабы деятельности в археологической науке оцениваются не только с учетом широты и глубины разрабатываемой проблематики, но и размаха полевой работы, ее географии, которые в немалой степени и определяют исследовательские диапазоны. В этом смысле судьба и научная биография профессора Алексея Ивановича Тереножкина, 110-летие со дня рождения которого отмечает в этом году Институт археологии НАН Украины и его Отдел раннего железного века, а по большому счету — в целом широкая археологическая общественность, показательны и во многом поучительны.

© С.А. СКОРЫЙ, В.Н. САЕНКО, 2017

Осмысление сделанного этим ученым в изучении различных исторических периодов и отдельных археологических культур на обширных пространствах евразийских степей, примыкающих к ним лесостепных, предгорных и полупустынных зон обрело за последние десятилетия достаточно представительную историографию. Его работы продолжают находиться в центре внимания, о выдающемся деятеле с уважением, благодарностью, любовью вспоминают многие его коллеги, последователи и ученики. Однако, оценка научного наследия А.И. Тереножкина на фоне наработок предшественников и с учетом современных достижений потребует, без преувеличения, нескольких монографических исследований, а издание как избранного, так и академического собрания его трудов было бы востребовано читателями.

Вместе с тем, не только научные занятия, но и сама жизнь А.И. Тереножкина была столь интересна, столь насыщена всевозможными яркими событиями, что ныне, отмечая юбилей дня его рождения (26 ноября 1907 г.), следует вспомнить некоторые вехи его биографии.

Нужно заметить, что в семье Тереножкиных связывали именины будущего ученого с днем Алексея, Божьего человека. История рода Тереножкиных уходит своими корнями в события церковного раскола, когда несогласные с реформами Никона переселялись на земли Речи Посполитой. При Екатерине II предки Алексея Ивановича из мест их проживания в какой-то части северной Украины или юга Белоруси были репатриированы в заволжские степи. Там, в излучине р. Большой Иргиз возвращенные старообрядцы основали в пойменных лесах, на заброшенных руинах золотоордынского городка, станицу Мечетная. Со временем она стала

уездным центром Николаевском, знаменитым своей мукомольной промышленностью и зерновой торговлей. Поначалу светская культурная жизнь за пределами многочисленных монастырей ограничивалась, главным образом, мероприятиями по повышению грамотности и борьбой с народным пьянством. Но постепенно образовательный уровень среди разных социальных слоев все же повышается, и в русле этих изменений отец Алексея, Иван Александрович, открывает в 1893 г. книжный магазин, по-видимому, следуя семейной традиции. Известно, что его отец, Александр Андреевич Тереножкин, был офеней и, передвигаясь с коробом за плечами, тоже торговал книгами, церковными предметами и разными мелочами, а затем держал лавку.

Произошедшая революция принесла много нового и в Заволжье. На волне первоначального энтузиазма местная интеллигенция стала создавать научно-просветительские общества, сломался сам патриархальный уклад купеческих и крестьянских семейств, который ранее никак не позволил бы отвлекаться на «неприбыльные» дела, вроде археологии. Но главное — из-за опасной и голодной обстановки в столицах отсюда происходит отток научных сил. Так, в частности, в Самару выехали такие ученые, как В.В. Гольмстен, В.Н. Перетц, В.П. Адрианова-Перетц, будущий академик М.Н. Тихомиров и другие, что позволило открыть в городе университет, ориентированный, прежде всего, на обучение гуманитарным дисциплинам. В сфере интеллектуального влияния этого центра оказался и г. Николаевск, переименованный по предложению В.И. Чапаева в г. Пугачев. Также вскорости на государственном уровне начинает проводиться линия на развитие краеведения.

Приезжавшие из губернии лекторы призывали к проведению археологических раскопок, на что первыми откликнулись местные мальчишки. Уже с 1919 г. одиннадцатилетний Алексей Тереножкин начинает собирать в размывах речных берегов обломки керамики и приносит находки в музей. В 1921 г. представители местного «Общества мироведения» проводят на окраине города исследования небольших курганов, потревоженных подростками-пастухами. Это как раз и были самые первые археологические раскопки, в которых принял деятельное участие гимназист А. Тереножкин.

Изыскания пугачевских краеведов курировала Вера Владимировна Гольмстен и летом 1926 г. к ней в экспедицию, пешком, отправляется Алексей, по пути производя археологические разведки. Осенью он поступает на археолого-этнологическое отделение Высших курсов при Самарском обществе краеведения, дававшее среднее археологическое (!) образование. Тогда же, в 1927—1928 гг. Тереножкин начинает свои самостоятельные раскопки, исследуя два поселения эпохи бронзы (срубной культуры) — Успенское и Клопихинское и не-

Семья Тереножкиных, г. Николаевск, около 1905 г. Публикуется впервые

Алексей Тереножкин (в центре), г. Пугачев, около 1925 г.

большие курганы золотоордынского времени в Пугачевском уезде. Досрочно закончив курсы, он продолжает учебу в первом МГУ.

В конце 1920-х гг. в Московском университете жизнь кипела: студенты могли «проработать» профессоров на собраниях, в аудиториях проходили выступления А.В. Луначарского, Н.И. Бухарина, В.В. Маяковского, а в общезжитиях до самого утра велись горячие споры о преобразовании жизни. Этнографический факультет, куда поступил Алексей Иванович, состоял к 1928 г. из этнографического отделения (представленного, главным образом, школой Д.А. Анучина) — там велось также обучение археологии, и отделения историко-археологического, где преподавали В.А. Городцов, Ю.В. Готье. Среди сокурсников Алексея на этнофаке

Справка об отчислении А.И. Тереножкина из университета, 1930 г. Публикуется впервые

В экспедиции А.Н. Бернштама, 1936 г. В нижнем ряду, крайний справа Алексей Тереножкин

были, ставшие потом людьми известными, Борис Рыбаков, Сергей Толстов, Татьяна Жданко, Евгений Крупнов, Николай Прокошев, искусствовед Борис Веймарн, писательница Наталья Баранская.

А.И. Тереножкин принадлежит, безусловно, к школе В.А. Городцова (также и через В.В. Гольмстен, которая была ученицей последнего). Вопрос о научных школах вообще достаточно сложный и многогранный из-за разнообразности в конкретных проявлениях. Современная историография, например, предпочитает говорить о научных сообществах, что более корректно. Забегая вперед, отметим, что Тереножкин, создав впоследствии украинскую школу скифоведения (и, отчасти, школу «бронзовиков»), в результате стал одним из тех ученых, которые обеспечили преемственность от дореволюционной историко-археологической мысли до современных исследований в работающих ныне научных институтах. «По-

рвалась дней связующая нить, как мне обрывки их соединить?» — слова, целиком соответствующие канве жизни Алексея Ивановича.

А тогда студент Тереножкин успешно начал исследовательскую работу: летом 1929 г. осуществил разведки в долине р. Чу в Северной Киргизии (экспедиция Антропологического научно-исследовательского института МГУ). В следующем году проводились раскопки на открытых им археологических памятниках (Палеоэтнологическая экспедиция АИМК). К тому же, в середине октября он поступил на работу в ГИМ, в отдел доклассового общества.

Однако после «года великого перелома» репрессии среди ученых приняли системный характер. Полному разгрому подверглось краеведческое движение, началась ликвидация учебных учреждений исторического профиля. Попадает под эту волну и Алексей Тереножкин. Он был исключен с последнего курса университета по доносу, — что тогда было обычным делом — за «сокращение социального происхождения». Именно так отчислили, например, и учившегося на юридическом факультете Варлама Шаламова.

Это, понятно, не поспособствовало ни научным занятиям, ни карьерному росту молодого ученого. Летом он опять отправляется в Северную Киргизию снимать планы средневековых крепостей в долине р. Талас, а затем вынужден уехать в Зауралье, заведовать музеем в г. Алапаевск Свердловской области (музей и сейчас находится в том же здании). На р. Нейва Алексей зарисовывает наскальные изображения и копает неолитические стоянки. Осенью удалось вернуться в Москву, и, поменяв несколько мест работы, Тереножкин устраивается в Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ): шефом-покровителем был нарком юстиции Н.И. Крыленко. И хотя от дирекции ГИМа поступают заманчивые предложения о создании отдела феодализма Средней Азии, этому мешает квартирный вопрос — семья Тереножкиных живет в ведомственном доме.

В это время начинается многолетнее сотрудничество Алексея Ивановича с Борисом Николаевичем Граковым, тогда уже весьма известным московским археологом. В 1932 г. они планировали вместе провести разведки в нижнем течении р. Урал, от г. Уральска до г. Гурьева (около 500 км), но в результате А.И. Тереножкину в одиночку удалось пройти менее половины маршрута¹. В следующем году ученые работают в верховьях этой реки — на раскопках затапливаемых при устройстве ГЭС памятников, в руководимой Граковым экспедиции. Затем, в 1938 г., Тереножкин участвует в исследовании скифских курганов в Украине, около г. Никополь. Заметим также, что впоследствии Алексей Ива-

1. Б.Н. Граков работал на среднем течении р. Урал в 1927—1929 гг., а в начале 1929 г. написал брошюру о задачах археологических исследований в Казахстане [Граков, 1930]. В 1931 г. он проводил разведки на верхнем Урале, в зоне планируемого строительства ГЭС.

нович пытался привлечь Бориса Николаевича к участию в раскопках Мелитопольского кургана в Приазовье, на р. Молочной. В 1955 г. они отдельными отрядами проводили раскопки на Суботовском городище в Среднем Поднепровье, в результате появилась их единственная совместная публикация [Граков, Тереножкин, 1958].

Подводя итог своим ранним увлечениям, Алексей Иванович подготовил статью о заволжских поселениях эпохи поздней бронзы¹ и начинает специализироваться на средневековой проблематике. Он пишет статьи о курганном могильнике у г. Орск, о музыкальном инструменте из своих раскопок (последние две не опубликованы), рецензии на работы А.Ю. Якубовского и Б.Д. Грекова о Золотой Орде [Тереножкин, 1932].

С 1934 г. А.И. Тереножкин снова работает в ГИМе и готовится к поступлению в аспирантуру при ГАИМК. Однако, диссертация оказалась не подготовленной, научным руководителем был С.П. Толстов, а его аспиранты, похоже, часто находились в состоянии «свободного плавания». Разрабатываемой темой, по-видимому, была периодизация культур Семиречья, судя по публикациям этого времени, посвященных древностям Северной Киргизии [Тереножкин, 1935; 1938а]. Тогда он впервые представил целостную картину археологических соответствий к «Очерку истории Семиречья» В.В. Бартольда [Тереножкин, 1938]. Монографически археологию региона потом рассмотрел А.Н. Бернштам в работах «Археологический очерк Северной Киргизии» (1941), «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала» (1943). На вторую из них Алексей Иванович уже после войны написал рецензию [Тереножкин, 1947].

Истоки интереса к среднеазиатским древностям, побудившего А.И. Тереножкина посвящать им значительную часть своей жизни, сам он объяснял впоследствии следующим образом: «Проведя детство и юношество в Заволжье, в пограничье между Европой и Азией, в университете обратился к археологии Средней Азии, увлечение которой составило в моей жизни многое» [Из жизни..., 2006, с. 98].

В это же время начинается знакомство Алексея Ивановича с древностями Хорезма. Из его воспоминаний видно, что он глубоко прорабатывал всю доступную ему литературу по среднеазиатской проблематике, имеющуюся в Ленинской библиотеке, копировал карты и схемы, на которых были изображены селения и руины древних городов, каналы и пр. Уже тогда он пришел к выводу, что наиболее перспективными для археологических открытий являются территории Правобережья Амударьи: «Можно было ожидать, что на этих землях окажутся памятники не только средне-

А.И. Тереножкин и Б.Н. Граков вблизи с. Суботов Чигиринского р-на Черкасской обл. 1950-е гг.

вековья, но и более ранней античной поры» [Из жизни..., 2006, с. 16]. Его предположение стало реальностью буквально через несколько лет. С 1934 г. начался поистине плодотворный период археологических исследований А.И. Тереножкина в Средней Азии, который продолжался до 1948 г. (и был прерван лишь войной). Он стал участником и организатором разведок и раскопок многих экспедиций на территории Киргизии, Казахстана, Таджикистана и особенно Узбекистана. В 1934 г. в составе экспедиции М.В. Воеводского, совместно с А.А. Потаповым, молодой археолог осуществил исследования в Хорезме, в области нижнего течения Амударьи. Основным объектом изучения тогда явилось средневековое городище Замахшар с прекрасно сохранившимися фортификационными сооружениями. Здесь были произведены небольшие раскопки на местах горнов для обжига расписной поливной керамики. В ходе этих работ были собраны и фрагменты терракотовых и алебастровых статуэток, которым вначале не придали особого значения. Оказалось, что это были находки из древнего Замахшара, остатки которого залегали под слоем наносного песка, но это стало понятным позже. В 1937 г., когда С.П. Толстов (в тот период ученый секретарь Московского отделения ГАИМК) решил создать многолетнюю экспедицию для исследования в Средней Азии, А.И. Тереножкин (тогда аспирант) предложил произвести работы в Хорезме, с целью поиска памятников домусульманского времени, причем начать их на Правобережье Амударьи. Летом А.И. Тереножкин, который, по сути, был и начальником, и единственным научным сотрудником Хорезмской экспедиции 1937 г., в пустынных безжизненных местностях к востоку от г. Тьрткуль обнаружил группу (более 30) выдающихся памятников доарабского Хорезма. Среди них особенно выделялись своими масштабами и сохранностью раннесредневековая крепость Беркут-кала (то есть Орлиная крепость) и комплекс античных кре-

1. Рукопись, датированная 13.06.1932 г., сохранилась в фонде Городцова в ОПИ ГИМа, также есть вариант, написанный уже в 1970-е гг.

На Большом Ташкентском канале. Слева от А.И. Тереножкина — Ю.А Ахунбаев, Председатель Президиума Верховного Совета Уз. ССР, 1940 г. Публикуется впервые

постей Аяз-калы. Как позже писал Алексей Иванович: «В оазисе Беркут-кала мне приоткрылась завеса над главной тайной древности, над античным Хорезмом». И далее: «Открытие в 1937 г. памятников домусульманского Хорезма считаю своим важнейшим достижением» [Из жизни..., 2006, с. 22—23]. Это открытие положило начало многолетним плодотворным работам Хорезмской экспедиции¹. Однако, блестящие результаты и понимание огромных перспектив заставляют С.П. Толстова оставить за собой руководство экспедицией. Ему также досталась для научной обработки и публикации переданная Тереножкиным уникальная коллекция собранных монет — надписи на них были первыми образцами хорезмийского алфавита.

Алексей Иванович еще принимает участие в работе Хорезмской экспедиции в 1938—1939 гг. В начале 1939 г. он переехал из Москвы в Ташкент, где стал работать в Узбекистанском комитете по охране и изучению памятников материальной

1. Любопытно, что в научно-популярной литературе о составе Хорезмской экспедиции 1937 г. говорится следующее: «В состав экспедиции входило двое научных работников — один из них сам Толстов, а другой — А.И. Тереножкин, и двенадцать рабочих» [Бершадский, 1949, с. 94]. Вот так создаются легенды и делится (а порой — забирается) чужая слава.

культуры («правопреемник» Узкомстариса) старшим научным сотрудником, а затем в Институте языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР. В качестве объекта диссертационного исследования он выбрал совокупность памятников VII—VIII вв., составляющих комплекс Беркут-кала, однако противодействие со стороны начальника Хорезмской экспедиции не позволило выполнить намеченную работу. Тем не менее, результаты своих раскопок 1937 г. Алексей Иванович смог опубликовать в виде статьи [Тереножкин, 1940], помимо этого, по хорезмской тематике у него вышло еще четыре публикации [Тереножкин, 1940; 1940а; 1940б; 1958]. По прошествии многих лет, весной 1978 г. Тереножкин был приглашен для участия в конференции, посвященной 40-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и прочитал там доклад о первых годах исследований.

А тогда, в 1939 г., из-за сложившейся ситуации, А.И. Тереножкин несколько изменил географию своих научных изысканий и перенес археологические исследования на окрестности Ташкента. Здесь для него особый интерес представлял могучий замок Ак-тепе. В ходе его раскопок в 1940—1941 гг. были получены весьма успешные результаты по истории среднеазиатской монументальной архитектуры и материальной культуры домусульманского времени. Также весной 1940 г., Алексей Иванович осуществлял наблюдения на строительстве Большого Ташкентского канала, собрав ценные разнородные материалы от эпохи бронзы до начала II тыс. н. э. В ходе новейших исследований ему удается доказать ошибочность отнесения культур Каунчи II в Ташкентском оазисе и Талли-Барзу I, выделенную на Зеравшане, к ахеменидскому времени, установив, что их необходимо датировать временем не ранее рубежа новой эры. В среднем течении Сырдарьи он выделил неизвестную ранее культуру — бургулоксую, охватывающую период формирования и развития сакского этноса (IX—IV вв. до н. э.). В свете этих исследований тема, связанная с разработкой историко-археологической периодизации культур Средней Азии — от эпохи раннего железа до раннего средневековья, стала особенно актуальной [Тереножкин, 1940в; 1941].

Начавшаяся война прервала археологические исследования молодого ученого. Осенью 1941 г. А.И. Тереножкин был призван на службу. В рядах 4-й гвардейской армии он прошел славный боевой путь от Сталинграда до Вены и был награжден орденом Красной Звезды, и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Следует сказать, что, будучи на фронте, Алексей Иванович по поручению Военного совета 4-й гвардейской армии принял участие в написании большой книги «Боевой путь Н-ской гвардейской армии от Сталинграда до Вены» (в соав-

торстве). Она была издана в 1945 г. и роздана на память бойцам и командирам.

Пока шла война, многие защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации, перспективные в археологическом отношении территории оказались поделенными. После демобилизации А.И. Тереножкин вернулся в Ташкент и восстановился в прежней должности в Институте истории и археологии АН Узбекистана. Основным объектом исследований он выбирает городище Афрасиаб — руины древнего Самарканда (Мараканда античных авторов), одного из важнейших центров среднеазиатской цивилизации, разрушенного в 1220 г. полчищами Чингиз-хана. В 1946 г. Алексей Иванович переезжает из Ташкента в Самарканд, где создает постоянную археологическую базу. Три года упорных работ на Афрасиабе (1945—1947 гг.) позволили исследователю получить важнейшие материалы для историко-археологической периодизации этого памятника. Он выдвинул тезис о том, что Самарканд, как большой город, возник на месте городища Афрасиаб еще в ахеменидское время, в VI в. до н. э. [Тереножкин, 1946; 1948; 1951] ¹.

Следует добавить, что в 1947—1948 гг. Алексей Иванович работал также в Пянджикенте в экспедиции, которой руководил А.Ю. Якубовский [Тереножкин, 1950а].

Итоги обширных и весьма результативных работ, осуществленных в 1940—1941, 1945—1947 гг., были подведены А.И. Тереножкиным в кандидатской диссертации «Согд и Чач», блестяще защищенной 28 апреля 1948 г. в Ленинграде в Институте истории материальной культуры АН СССР [Тереножкин, 1950].

В диссертации А.И. Тереножкин предложил археологическую периодизацию от эпохи бронзы (середина XV в. до н. э.) до начала монгольского завоевания. Особенно дискуссионным был вывод, что уже на ранних этапах Самарканд был огромным поселением (при этом Алексей Иванович ссылается на наблюдения С.П. Толстова над эволюцией хорезмских памятников) [Тереножкин, 1947а]. Что касается существования в Согде тогда исключительно гипотетических слоев ахеменидского периода, то после передатировок хронологии Г.В. Григорьева, этот вопрос не в последнюю очередь решался благодаря наличию каменной резной печати из случайных поступлений, а в ее подлинности сомневались и допускали, что она изготовлена торговцами древностей. В.Л. Вяткин же на основании своих коллекций вообще отрицал на Афрасиабе присутствие слоев даже кушанского периода.

1. Забегая несколько вперед, отметим, что открытие А.И. Тереножкина получило широкий общественный резонанс, и позже, в 1970 г., в Самарканде прошли юбилейные торжества, посвященные 2500-летию основания города.

С фронтовыми наградами. Начало 1970-х гг.

Титульный лист книги «От Сталинграда до Вены»

По прошествии десятилетия М.Е. Массон ², оспаривал вывод, что в кушанское время Афрасиаб находился в состоянии упадка. А.И. Тереножкин же и в дальнейшем продолжал на-

2. Он считался экспертом в самаркандской археологии, еще гимназистом вместе с В.Л. Вяткиным копал на Афрасиабе, а потом до 1924 г. работал заведующим Самаркандским музеем.

На раскопках Пянджикента. Храм № 2 с настенными росписями. Август 1948 г.

Варвара Ильинская и Алексей Тереножкин. Киев, 1948 г.

стаивать на заметном отставании в развитии, по сравнению с южными областями, а причину видел в сарматских нашествиях. Кроме того, разногласия были и в трактовке позднесредневековых слоев [Массон, 1959].

Алексей Иванович готовил монографию о своих исследованиях на Афрасиабе (сохранились предисловие и машинопись трех глав отчетного характера о раскопках 1945—1947 гг.), однако из-за последующего переезда в Украину и оторванности от материалов он отошел от этой проблематики. Тереножкин посещал Самарканд в 1960—1980-е гг., проводил небольшие раскопки на Афрасиабе. В январе 1970 г. поступило предложение переехать в Самарканд и занять кафедру в университете. В апреле-мае он прочитал там курс лекций. К готовящемуся юбилею Самарканд были проведены новые раскопки на Афрасиабе, результаты которых не противоречили построениям Алек-

сея Ивановича. В начале 1971 г. он закончил статью «Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда», которая вышла в следующем году [Тереножкин, 1972].

Но вернемся к событиям конца 1940-х гг. Весной 1948 г., немногим более месяца до защиты диссертации, а точнее, 17 марта, в Самарканде на раскопках Алексей Иванович познакомился с молодой женщиной, сыгравшей огромную роль в его судьбе и, таким образом, оказавшей немалое влияние на развитие среднеазиатской и украинской археологии. Этой женщиной была Варвара Андреевна Ильинская, в то время аспирантка Института археологии АН УССР. Она стала самой большой любовью в жизни А.И. Тереножкина, женой и верной соратницей в его последующей работе. Ей удалось убедить Алексея Ивановича заняться украинской археологией. Разумеется, сделать это было весьма нелегко. Во-первых, после выдающихся открытий в Средней Азии, блестящей защиты кандидатской диссертации перед А.И. Тереножкиным открывались заманчивые перспективы дальнейших масштабных исследований. Во-вторых, не хотелось терять ценного работника и руководству Института истории и археологии Узбекской Академии наук. Наконец, в-третьих, и у самого Алексея Ивановича были некоторые сомнения в том, нужно ли столь резко менять сферу своих научных интересов. Украина не была terra incognita для А.И. Тереножкина. Как известно, в 1921—1923 гг. еще мальчиком он спасался здесь от страшного голода в Поволжье, позже, в годы Великой Отечественной войны с боями прошел по лесостепной Украине. Однако от археологической проблематики, связанной с этим регионом, он был далек. Лишь однажды, в 1938 г. (о чем уже упоминалось), ему пришлось участвовать в экспедиции Б.Н. Гракова, осуществлявшей раскопки скифских курганов вблизи Никополя.

Свои сомнения на этот счет Алексей Иванович изложил в одном из писем к В.А. Ильинской в достаточно поэтической форме: «... мне так хочется работать в Украине, но я не уверен, что гладко привьюсь к вишневой веточке у хать» [Из жизни..., 2006, с. 57]. Но обоюдная любовь и настойчивость Варвары Андреевны победили.

Все переипетии этого небольшого по времени, но достаточно напряженного периода в жизни Алексея Ивановича ярко отражены в его эпистолярном наследии [Из жизни ..., 2006, с. 55—69].

В декабре 1948 г. по приглашению академика П.П. Ефименко, директора Института археологии АН Украинской ССР, А.И. Тереножкин переехал в Киев и был принят на должность старшего научного сотрудника в Отдел скифо-античной археологии. Так начался украинский период жизни и научной деятельности Алексея Ивановича. 1 апреля 1949 г. он стал заведующим Отделом и работал в этой должности до 1981 г., то есть 32 года. В статье, посвященной 60-летию Отдела

археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, время его руководства отделом было названо «эпохой Тереножкина» в истории этого подразделения, что представляется вполне объективным [Скорый, 2005, с. 5]. Сферой научных интересов А.И. Тереножкина становятся предскифский и скифский периоды на юге европейской части СССР. «Мне, — как напишет Алексей Иванович в наиболее поздней, незавершенной автобиографии, — пришлось резко и быстро перестроиться в своей исследовательской работе, как того потребовал переход от среднеазиатской к восточноевропейской тематике» [Из жизни..., 2006, с. 102]. Остается только поражаться тому, как стремительно и результативно вошел в восточноевропейскую проблематику А.И. Тереножкин. Сейчас, по прошествии значительного времени, оценивая сделанное Алексеем Ивановичем в развитии украинской археологии, совершенно определенно можно утверждать, что на украинской почве еще более рельефно, нежели в Средней Азии, проявилось не только его умение масштабно оценивать то или иное историческое явление, но и безошибочно видеть наиболее актуальные проблемы археологии и, главное, — четко определять верные пути к их решению. Одной из таких «болевых» проблем являлась проблема хронологии белогрудовской культуры эпохи бронзы, выделенной еще в 20-х гг. прошлого века, прежде всего, на материалах памятников в районе Умани, а также ее хронологические позиции относительно древностей собственно скифской поры. Произведя разведки и небольшие раскопки весной 1949 г. на белогрудовских памятниках вблизи Умани, Алексей Иванович четко установил, что белогрудовская культура относится к концу бронзового века. Остро стал вопрос о возможности существования неких архаических памятников железного века между белогрудовской культурой и древностями скифской поры. И такие памятники были обнаружены А.И. Тереножкиным весной 1949 и поздней осенью 1950 г. в ходе обширных разведок, проведенных на севере Черкасской и юге Кировоградской областей. Он открыл группу неизвестных ранее городищ, среди которых по масштабам выделялось городище в урочище Черный Лес, в верховьях р. Ингулец, на севере Кировоградской области. Осуществленные раскопки показали, что все эти поселения относятся к предскифской поре. Это позволило А.И. Тереножкину выделить особую культуру начала раннего железного века в Среднем Поднепровье, являющуюся звеном между поздним бронзовым веком и собственно скифской эпохой. Эта культура получила название чернолесской. Выделение данной культуры имело огромное значение для понимания позднейшего предскифского периода не только в Лесостепном Правобережье, но и на Украине вообще.

Уже в это время А.И. Тереножкин приходит к оригинальному выводу о том, что скифская

культура не сформировалась на основе срубной культуры бронзового века, как считал ряд специалистов, в первую очередь московские скифологи, а между культурами есть некий переходный период — от бронзы к железному веку. В последующее время ученый вплотную занялся этой проблемой. В 1958 г. в Москве в Институте археологии АН СССР, Алексей Иванович успешно защитил докторскую диссертацию «Предскифский период в Днепро-Донецком Лесостепном Правобережье», изданную тремя годами позже в виде основательной монографии [Тереножкин, 1961]. Одним из важнейших положений этой работы был вывод о глубоких местных корнях и этнокультурной преемственности населения Правобережного лесостепного региона, начиная от тшинцево-комаровской культуры эпохи бронзы до зарубинецкой культуры включительно. Это население, по мнению исследователя, должно быть соотнесено с праславянами. Данная монография и доньше считается одной из наиболее глубоких и важных работ по изучению предскифского периода, хотя с годами появились новые материалы, которые позволили уточнить некоторые представления об этом времени, в частности хронологические позиции чернолесской культуры и другие вопросы.

Занимаясь проблемами предскифского времени в украинской Лесостепи, А.И. Тереножкин еще с 1950-х гг. параллельно начал работать и над вопросами археологии доскифского периода юга Восточной Европы, а также — собственно скифской археологии. Он прекрасно осознавал: в зависимости от того, как будут решаться вопросы позднейшего предскифского периода на юге Восточной Европы, зависит и понимание ряда проблем собственно скифской археологии. Значительное внимание изучению древностей позднейшего предскифского времени в эти годы уделяли помимо А.И. Тереножкина еще два известных специалиста — московский исследователь Е.И. Крупнов и ленинградский — А.А. Иессен. Е.И. Крупнов в процессе раскопок Каменноостского могильника кобанской культуры на Северном Кавказе (Кабарда) обратил внимание на группу погребений с вещами переходного периода — от эпохи бронзы к раннему железному веку, найдя при этом аналогии ряду изделий в степных памятниках юга Восточной Европы. Датируя эти погребения концом VIII — началом VII в. до н. э., Е.И. Крупнов объяснял наличие в них вещей «восточного облика» степным киммерийским влиянием [Крупнов, 1950, с. 273]. В 1952 г. Алексей Иванович опубликовал статью, где он впервые, опираясь на материалы Каменноостского могильника и фрако-киммерийских древностей Карпато-Подунавья, объединил в культурно-хронологическую группу степные погребения конных воинов из курганов Черногоровского, Камышевахского и Малой Цимбалки. Он датировал их позднейшим предскифским временем (не позже конца

IX—VIII вв. до н. э.), правда, воздержавшись от этноисторической трактовки этих памятников [Тереножкин, 1952]. Как известно, еще более рельефно комплекс вещей степного (предскифского) времени был очерчен в работах А.А. Иессена 1953—1954 гг., который выделил на материалах Степного Предкавказья и Северного Кавказа Новочеркасскую группу археологических памятников VIII — начала VII в. до н. э. (название от клада бронзовых вещей, случайно найденного на окраине Новочеркаска Ростовской обл. РФ в 1939 г.). При этом исследователь полагал, что древности подобного типа могли принадлежать как киммерийцам, так и древнейшим скифам, материальная культура которых, по его мнению, была весьма близкой [Иессен, 1953, с. 108—109; 1954, с. 119—126]. Но основная заслуга в разработке периодизации, хронологии и культурно-этнической трактовке позднейших предскифских памятников юга Восточной Европы, бесспорно, принадлежит А.И. Тереножкину. Детально и тщательно исследовав весь круг известных источников, он в ряде обстоятельных статей и в своем завершающем по этой проблематике труде — монографии «Киммерийцы» [Тереножкин, 1976] — показал, что позднейшая предскифская культура, сложившаяся на базе культур эпохи поздней бронзы (в первую очередь — срубной), может быть разделена на два последовательных хронологических этапа (или группы памятников) — черногоровский (900—750 гг. до н. э.) и новочеркасский (750—650 гг. до н. э.). При этом ученым были сделаны два важнейших вывода: 1) указанная позднейшая предскифская культура принадлежит историческим киммерийцам; 2) культура черногоровско-новочеркасского типа не трансформировалась в скифскую культуру, а была сменена ею механически. Это открытие вносило ясность не только в понимание предскифского периода, но и открывало новые перспективы для скифоведения. А.И. Тереножкин хорошо понимал значение сделанного им в изучении предскифского периода: *«Книгу “Киммерийцы” считаю главным итогом своей научно-исследовательской деятельности за прошедшие 30 лет: в ней найдены подступы к правильному освещению культуры киммерийцев в нашей стране, она завершила поиск этих начал, о чем мечтали многие наши предшественники»* [Из жизни..., 2006, с. 105]. Монография «Киммерийцы» вызвала широкий положительный резонанс в кругу специалистов как отечественных, так и зарубежных, занимающихся проблемами раннего железного века.

Вместе с тем, необходимо отметить, что не все положения А.И. Тереножкина были восприняты уже в то время однозначно. Так, например, А.М. Лесков, принимая в целом периодизацию А.И. Тереножкина, предложил иную этнокультурную трактовку и хронологию черногоровской и новочеркасской групп, относя первую из них (середина VIII — начало VII вв. до н. э.) к

позднейшим киммерийцам, а новочеркасскую (конец VIII — начало последней четверти VII в. до н. э.) — к древнейшим скифам [Лесков, 1981, с. 98]. Позже появились иные точки зрения, в частности, о возможности соотнесения с киммерийцами только одной из двух групп позднейших предскифских памятников, а именно новочеркасской группы, и пр. И все же, по прошествии 40 лет, несмотря на определенное увеличение источниковой базы, можно с ответственностью утверждать, что в целом разработки А.И. Тереножкина по киммерийской проблеме (и сама монография «Киммерийцы») не устарели. Значительная часть специалистов в области археологии раннего железного века по-прежнему работает в системе научных координат, четко определенных в предскифской проблематике А.И. Тереножкиным.

Уже первые успехи в изучении предскифского периода в лесостепной и степной частях Украины давали Алексею Ивановичу хорошую основу для познания скифской культуры и Скифии — темы, которая занимала большое место в его научно-исследовательской работе на протяжении всей жизни. При этом надо подчеркнуть, что скифская тема, по сути, разрабатывалась им параллельно с изучением предскифского периода. Основными направлениями, привлекавшими его внимание, были: формирование скифского этноса и происхождение скифской культуры, возникновение и характер скифской государственности, вопросы этногеографии Скифии. Каждый из этих кардинальных вопросов освещался им на протяжении значительного времени в многочисленных работах, написанных как самостоятельно, так и совместно с В.А. Ильинской, и, в конечном счете, нашел концентрированное выражение в ряде блестящих основополагающих статей Алексея Ивановича, таких, как «Об общественном строе у скифов» [Тереножкин, 1966], «Скифская культура» [Тереножкин, 1971], «Класи і класові відношення у Скіфії» [Тереножкин, 1975] и др. Квинтэссенцию этих разработок содержат написанные совместно с В.А. Ильинской обстоятельные разделы для «Археології Української РСР» (1971), «Археологии Украинской ССР» (1986) и фундаментальная монография «Скифия VII—IV вв. до н. э.» [Ильинская, Тереножкин, 1983]. Уже с конца 1960-х гг. в работах А.И. Тереножкина, в противовес доминирующей в то время концепции о скифском этносе и культуре, сложившихся в Северном Причерноморье на основе населения позднесрубной культуры, о территории Скифии, ограничивающейся исключительно степной частью Северного Причерноморья, и Лесостепи, заселенной земледельческо-скотоводческими племенами со скифоидной культурой, была предложена иная стройная концепция. Согласно этой концепции, скифы-иранцы, принешие свою кочевническую культуру из глубин Азии, завоевали древнее автохтонное население Северного Причерноморья, ассимилировали его и широко

распространили свою культуру (элементы местной культуры были «заслонены» новой яркой культурой). В Степи и Лесостепи — подчеркивал в своих трудах исследователь — существовали не две культуры (как считали представители, прежде всего, московской школы скифоведения), а единая скифская, принадлежавшая племенам, различающимся по этносу и хозяйственному укладу. В степной части Северного Причерноморья обитали скифы-иранцы, занимающиеся кочевым скотоводством. Скифами (как и В.А. Ильинская) исследователь считал и большую часть населения Левобережной Лесостепи, основным занятием которого было земледелие. Что же касается Правобережья Среднего Приднепровья, а также бассейна р. Ворскла на левом берегу, то здесь А.И. Тереножкин помещал земледельческо-скотоводческое население нескифского этноса, вероятных праславян (скифы-пахари Геродота?). Вся территория Степи и Лесостепи входила в состав единого политического объединения — Скифии. Надо сказать, что этим взглядам А.И. Тереножкин следовал до конца своей жизни, стремясь постоянно подкреплять их новыми аргументами.

Разумеется, широта обобщений, должная аргументация тех или иных положений нуждались в конкретных археологических материалах из памятников скифской культуры в различных регионах Северного Причерноморья. Алексей Иванович осуществил весьма результативные раскопки древностей скифской поры, причем, как правило, выступал новатором, как с точки зрения масштабов изучаемых им памятников, так и применяемой методики. Перечень раскопанных исследователем памятников скифского времени весьма значителен, но остановимся на наиболее ярких. В Лесостепи к таковым, безусловно, относится 9-метровый (при диаметре 60—70 м) курган, исследованный в 1949—1950 гг. у с. Глеваха на Киевщине [Тереножкин, 1954], содержащий под насыпью обширную погребальную камеру. Без учета опыта раскопок А.И. Тереножкиным этого выдающегося погребального памятника, принадлежавшего, по-видимому, скифскому вождю архаического времени, последующие исследования больших лесостепных курганов вряд ли были бы успешными. В еще большей степени сказанное касается исследования в 1954 г. «царского» скифского кургана в г. Мелитополе [Тереножкин, 1955].

По сути, это были первые раскопки памятника подобного класса после известных дореволюционных открытий Н.И. Веселовского. Понятно, что опыт, полученный в ходе этих исследований, трудно переоценить. Именно при раскопках Мелитопольского кургана Алексеем Ивановичем была не только выяснена сложная вальвовая структура насыпи (по сути — не насыпи, а архитектурной конструкции), но и впервые успешно применена методика иссле-

«А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская на раскопках, 1960-е гг.

На раскопках Гаймановой Могилы, 1969 г. Северная гробница № 1

дования глубоких подземных погребальных сооружений с использованием специальных материалов для их крепления и привлечением квалифицированных специалистов.

Впоследствии этот опыт был закреплен при исследовании кургана скифской знати Гайманова Могилы (1969—1970 гг.), раскопками которого руководил В.И. Бидзиля (а Алексей Иванович являлся консультантом этих работ), и широко применен при исследовании целого ряда выдающихся курганов скифской аристократии.

В руках — знаменитая чаша из Гаймановой Могилы. Слева-направо: Б.Н. Мозолевский, В.И. Бидзиля, А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская. 1969 г.

Около скифской катакомбы кургана у с. Кирово Днепропетровской обл. Справа-налево: А.И. Тереножкин, Э.В. Яковенко, В.А. Ильинская, Б.Н. Граков, Е.В. Черненко, Г.Т. Ковпаненко с дочерью Натасей. 1961 г.

Материалы Мелитопольского кургана были подготовлены и изданы учеником А.И. Тереножкина — Б.Н. Мозолевским [Тереножкин, Мозолевский, 1988], а Гаймановой Могилы — С.В. Полиным [Бидзиля, Полин, 2012].

С именем А.И. Тереножкина с середины 1960-х гг. связано и начало массовых раскопок скифских курганов, в основном в районах крупных новостроек на юге Украины. Именно тогда довольно широко стала применяться методика определения скифских курганов с помощью ручного бурения. Вот как писал по этому поводу сам Алексей Иванович: *«Первые попытки бурения курганов были предприняты при раскопках около Борисполя на левом берегу Днепра к востоку от Киева, когда было прочно установлено, что они очень эффективны: из массы окружающих древнеямыных и других курганов стало возможным безошибочно находить скифские»* [Из жизни..., 2006, с. 105].

Было бы несправедливо не упомянуть, хотя бы кратко, и о вкладе А.И. Тереножкина в изучение степных культур эпохи бронзы. Достаточ-

Научные сотрудники отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины: ученики А.И. Тереножкина вместе со своими учениками. 2014 г.

но вспомнить его раскопки кургана Сторожевая Могила, где впервые были обнаружены остатки повозки древнеямыной культуры, великолепные результаты, полученные экспедицией под его руководством, при изучении курганов ямной, катакомбной, срубной культур на р. Молочная (1951—1952), где в общей сложности было исследовано более 500 погребений. При этом им были внесены зачастую серьезные поправки в атрибуцию и хронологию некоторых категорий памятников. Так, например, А.И. Тереножкину удалось доказать, что каменные антропоморфные изваяния, относимые ранее к киммерийцам, на самом деле принадлежат ямной культуре. Следует также подчеркнуть, что именно в результате раскопок на р. Молочная были исследованы обширные сарматские могильники, составившие основательную источниковую базу для занятия сарматской проблемой на Украине.

И все же, наверное, одним из важнейших научных достижений А.И. Тереножкина в ходе его многолетних работ на Украине, помимо открытия новых культур или исследования ярких археологических памятников, было создание и воспитание киевской школы специалистов в области археологии раннего железного века, в которую вошли его единомышленники и ученики.

Со времени ухода А.И. Тереножкина (19 мая 1981 г.) прошло 35 лет. В коллективе Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины и ныне плодотворно работают ученики Алексея Ивановича. Есть уже ученики и у его учеников, некоторые стали за эти годы докторами наук. При этом проблематика, разрабатываемая специалистами Отдела, во многом находится в рамках тех научных ориентиров, которые объективно и прозорливо были намечены на будущее А.И. Тереножкиным.

Труды А.И. Тереножкина в области археологии Украины получили при жизни исследователя широкий научный резонанс и официаль-

ное признание. В 1967 г. он стал профессором. В 1977 г. решением Верховного Совета УССР ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Украины и в этом же году в составе коллектива авторов трехтомной «Археології Української РСР» Алексей Иванович был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии Украины за написание (с В.А. Ильинской) и редактирование основной части второго тома этого издания [Археологія, 1971].

Завершить юбилейную статью хочется не строгим перечнем официальных заслуг профессора А.И. Тереножкина, а строчками из стихотворения археолога и поэта Б.Н. Мозолева, одного из учеников Алексея Ивановича, в которых лаконично, но емко определена масштабность этого выдающегося археолога XX столетия:

Світ, зачитаний як читанку,
Я відкрив — і зацікавив:
Так, як ти, його, Учителю,
Ще ніхто читав не вмів.

Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 2. — 504 с.

Бершадский Р. На раскопках Древнего Хорезма. — М., 1949. — 111 с.

Бидзля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 751 с.

Граков Б. Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана. (Исполнено по заказу Центрального музея). — [Кзыл-Орда], 1930. — 20 с.

Граков Б.Н., Тереножкин А.И. Суботовское городище (раскопки 1955 г.) // СА. — 1958. — № 2. — С. 164—178.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. — 1953. — Т. 18. — С. 49—110.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954. — С. 113—131.

Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). — К., 2006. — 112 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 378 с.

Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки Кабардинского НИИ. — Нальчик, 1950. — Т. 5. — С. 195—275.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. — Л., 1981. — 168 с.

Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. — 1959. — № 4. — С. 155—166.

Скорый С.А. Выдающийся археолог Алексей Иванович Тереножкин: к 100-летию со дня рождения // Археологические вести. — 2010. — № 16. — С. 290—300.

Тереножкин А.И. [Рец.:] А.Ю. Якубовский, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке, Известия ГАИМК, 1931 // Сообщения ГАИМК. — 1932. — № 5—6. — С. 75—77.

Тереножкин А.И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 году // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 5—6. — С. 138—150.

Тереножкин А.И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. — 1938. — № 1. — С. 204—215.

Тереножкин А.И. Киргизские фрески // Искусство. — 1938а. — № 2. — С. 159—162.

Тереножкин А.И. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма // Искусство. — 1939. — № 2. — С. 121—128.

Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме // СА. — 1940. — Т. VI. — С. 168—189.

Тереножкин А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // Изв. Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1940а. — № 6. — С. 54—64.

Тереножкин А.И. Жилые постройки XI—XII вв. в Кара-Калпакской АССР // Известия Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1940б. — № 7. — С. 58—73.

Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1940в. — № 9. — С. 30—36.

Тереножкин А.И. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г. // Известия Узбекстанского филиала АН СССР. — Ташкент, 1941. — № 3. — С. 49—59.

Тереножкин А.И. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. // КСИИМК. — 1946. — Вып. 17. — С. 116—121.

Тереножкин А.И. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии // ВДИ. — 1947. — № 2. — С. 87—90.

Тереножкин А.И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. // ВДИ. — 1947а. — № 4. — С. 127—135.

Тереножкин А.И. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Труды Института истории и археологии АН УзССР. — Ташкент, 1948. — вып. I. — С. 71—134.

Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIII. — С. 152—169.

Тереножкин А.И. Раскопки в кухендизе Пянджикента // МИА. — 1950а. — Т. 15. — С. 81—93.

Тереножкин А.И. Раскопки на городище Афрасиабе // КСИИМК. — 1951. — Вып. XXXVI. — С. 136—140.

Тереножкин А.И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. — 1952. — Вып. 47. — С. 3—14.

Тереножкин О.И. Курган біля с. Глеваха // Археологія. — 1954. — Т. IX. — С. 80—97.

Тереножкин А.И. Скифский курган в г. Мелитополь // КСИА АН УССР. — 1955. — Вып. 5. — С. 23—34.

Тереножкин А.И. Бронзовый псалый с городища Кюзели-гыра в Хорезме // КСИЭ. — 1958. — Вып. XXX. — С. 34—39.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961. — 248 с.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. — 1966. — № 2. — С. 33—49.

Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. — М., 1971. — С. 15—26 (МИА. — № 177).

Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда // СА. — 1972. — № 3. — С. 90—100.

Тереножкин О.И. Класи і класові відносини у Скіфії // Археологія. — 1975. — Вып. 15. — С. 3—13.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 223 с.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.

Одержано 14.12.2016

В.Ю. Мурзин

МОИ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С АЛЕКСЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ ТЕРЕНОЖКИНЫМ ¹

Будучи семиклассником, я стал посещать археологический кружок при Детской экскурсионно-туристической станции в г. Запорожье. Руководитель кружка И.И. Бурцев, учитель истории по специальности, был фанатичным приверженцем пешего туризма. Под его руководством мы с удовольствием ходили в разнообразные походы, в том числе и многодневные. Но от археологии он был весьма далек, поэтому наше знакомство с этой загадочной наукой сводилось к частым вылазкам на Лысую Гору (среди прочих Лысых Гор, которых немало на территории Украины, есть такая и под Запорожьем), у подножия которой, в слоях, размытых Днепром, можно было собрать подъемный материал разных эпох.

Первая встреча с Алексеем Ивановичем. Однажды Иван Иосифович — дело было в самом начале летних каникул, в июне 1966 г., возбужденно сообщил нам, что случайно познакомился с профессором Тереножкиным, который сейчас исследует курганы у с. Беленькое (неподалеку от Запорожья, на правом берегу Днепра) и испытывает острую потребность в рабочей силе. Поэтому желающие могут помочь профессору. Поехать в экспедицию вызвались я и еще три мои товарища по кружку. Я тогда окончил 8 класс, остальные были на год старше.

На ступеньках местной сельской школы, где размещалась экспедиция (Алексей Иванович испытывал особую любовь к пустующим летом школам и при малейшей возможности старал-

ся там отабориться) мы увидели невысокого, худенького мужчину в темных брюках от хлопчатобумажного костюма (были такие костюмы, в которые любили носить сельские мужчины из-за их стоимости — если память мне не изменяет, цена такого наряда составляла 3 рубля 50 коп.), светлой майке и фетровой шляпе. Этот ансамбль дополняла черная полевая сумка из кирзы, в которых обычно носили свои инструменты сантехники.

Приняв его за рабочего, мы спросили, где найти профессора Тереножкина. К великому нашему удивлению профессором — а по фильмам мы их представляли себе степенными мужчинами в добротной одежде, с окладистой бородой и ермолкой на голове, и оказался тот самый невзрачный на первый взгляд человек.

Кстати, звание «профессор» настолько не вязалось с его внешностью, что дело порой доходило до курьезов. На следующий год, когда мы во главе с Алексеем Ивановичем проводили разведку в окрестностях с. Балки Запорожской обл. (на месте будущей оросительной системы), остановились, как всегда, в местной школе. В связи с отсутствием директора школы Алексей Иванович договорился с его заместителем. Вернувшись из отпуска, директор решил из школы нас выселить.

Директор приходил рано утром, до нашего отъезда в поле, и неизменно сталкивался с Алексеем Ивановичем, который специально его поджидал. На просьбу директора позвать профессора, Алексей Иванович начинал бегать вокруг школы и громко кричать: «Профессор Тереножкин!». После чего беспомощно разводил руками. Так мы и прожили в школе до окончания экспедиции, а директор школы так и не познакомился с профессором.

1. Подробнее о моей работе под руководством с Алексеем Ивановичем можно прочитать: Мурзин, 2013.

Алексей Иванович Тереножкин во время полевого сезона

Археологическая разведка. Однако следует рассказать и о причине нашего появления в Балках. В июне 1967 г. я получил телеграмму, в которой Алексей Иванович предлагал принять участие в археологической разведке на месте строительства Северо-Рогачикской оросительной системы. Через несколько дней я вместе с моим товарищем по кружку Иваном Бобьрем были в Киеве и приняли живое участие в экспедиционных сборах.

Прибыла машина из Автобазы экспедиционных машин АН УССР — грузовик ГАЗ-51 с тентом. Из кабины вышел водитель — осанистый мужчина в белой рубашке, белых полотняных брюках. Дополняли наряд белые носки и белые парусиновые туфли. Его внешний вид произвел неизгладимое впечатление на жену и коллегу Алексея Ивановича — Варвару Андреевну Ильинскую (рис. 2), которая привыкла к не очень опрятным мастерам автодела.

В первый день мы доехали до Корсунь-Шевченковского, где остановились во дворе местного музея. Пока мы с Ваней разгружали машину, Варвара Андреевна начала чистить картошку, а Николай Иванович — так звали водителя, достал чистое ведро, а затем, наполнив его водой с разведенным в ней мылом, он запустил в него все свое белое облачение и потолок его ног. Постирив таким способом вещи, он почистил туфли зубным порошком. Это вызвало очередной восторг Варвары Андреевны.

Когда картошка сварилась и была заправлена мясной тушенкой, Николай Иванович глубокомысленно изрек: «Чистить картошку — тяжелая работа, а после каждой тяжелой работы

Варвара Андреевна Ильинская, середина 1950-х гг.

надо выпить!». На слабые протесты Варвары Андреевны — мол, чистить картошку для нее удовольствие, да и водки нет, наш негибачейший водитель сообщил, что в дорогу захватил с собой 20 бутылок самогона. Алексей Иванович решил не отрываться от народа и составил ему компанию.

Проснувшись на рассвете, мы с удивлением увидели, что перед тем, как начать умываться, наш шофер налил полный стакан своей любимой жидкости и залпом выпил ее. На изумленный возглас Варвары Андреевны: «Нам же ехать надо!», Николай Иванович спокойно ответил: «Потому и пью, что ехать надо. Если не выпью, у меня глаза не видят и руки дрожат». Потом эта процедура повторялась каждое утро и мы к ней уже привыкли.

Наконец добрались до Балок. Выяснилось, что в зону будущего строительства ирригационной системы попадает около 200 курганов.

Алексей Иванович с нашей помощью составлял схемы курганных групп, Относительно

Алексей Иванович во время археологической разведки

Алексей Иванович за расчисткой тайника в северной гробнице Гаймановой Могилы

большие курганы бурили с помощью колодезного бура. Наиболее высоким среди них оказался 9-метровый курган, которые местные жители называли Гаймановой Могилой. Было сделано несколько попыток пробурить и ее с целью определить мощность могильного выкида. Но на глубине около 5 м бур неизменно попадал в слои рыхлого грунта и стенки скважины начинали осыпаться.

Раздосадованный Алексей Иванович написал записку, которая начиналась словами: «Тем дуракам, которые начнут копать этот курган...», положил ее в пустую бутылку, надежно закупорил последнюю и опустил в буровую скважину.

Через год, когда Василий Иванович Бидзия приступил к исследованиям Гайманки, эта записка была найдена. Она сыграла свою роль, когда проходка входных ям застопорилась. Василий Иванович вспомнил, что на данный момент опыт раскопок больших скифских курганов есть только у Алексея Ивановича (именно он исследовал в начале 50-х гг. Мелитопольский курган, применив крепление входных ям) и вызвал его в экспедицию. С помощью А.И. Тереножкина дело было налажено, в Северной гробнице Алексей Иванович обнаружил тайник, в котором и была найдена знаменитая чаша (рис. 4).

Но вернемся к событиям разведки. Вскоре заболела Варвара Андреевна и уехала в Киев. Покинул нас и Иван. Он в этом году окончил среднюю школу и ему надо было подыскать себе подходящую работу. Наша экспедиция сократилась до трех человек.

Наши бытовые обязанности Алексей Иванович распределил так: я отвечал за завтрак, Алексей Иванович — за обед, водитель — за

ужин. На завтрак я обычно разогревал пару банок венгерского гуляша, обедом нам служили пара больших арбузов с черным хлебом. Вечером наш водитель говорил одну и ту же фразу: «Одной бутылки мало, две много!». Затем командовал мне, как самому молодому: «Слава сбегай в магазин, купи бутылку водки и две бутылки “Білого міцного”!». На этом его участие в подготовке ужина завершалось.

Я получал от Алексея Ивановича необходимую сумму, а когда возвращался с требуемыми продуктами, Алексей Иванович доставал из багажного ящика палку сырокопченой колбасы, большое количество которой он захватил с собой из Киева, и тонко нарезал ее. Я мыл помидоры и огурцы, резал хлеб. В «полноценном» ужине я участия не принимал — мне не исполнилось тогда даже 16 лет, поэтому я довольствовался лишь колбасой.

После ужина Николай Иванович развлекал нас своими рассказами. Он много лет работал на академической автобазе экспедиционных машин и имел свою точку зрения относительно различных научных изысканий.

«Археология — говорил он — не вредная, и не полезная. Вышел на пенсию и занимайся археологией, если время некуда больше девать». Самая хорошая профессия у тех, «кто рыб изучает» — т.е. ихтиология. «Выедем на берег моря — продолжал он мысль, поймает осетра — всем нельзя, а нам для науки можно. Его нужно заспиртовать, а такой банки у нас нет. Поэтому замерим его от носа до хвоста, а потом осетра съедим, а спирт выпьем!».

После разведки мы разъехались по домам и наша следующая встреча с Алексеем Ивановичем произошла лишь летом следующего года

Как мне носки рисовали. В 1968 г. я окончил среднюю школу и для «подготовки» к вступительным экзаменам в университет отправился в экспедицию, которой, опять-таки, руководил А.И. Тереножкин. Экспедиция исследовала курганы вблизи с. Ивановка, что неподалеку от современного г. Энергодар (Запорожская обл.). Жили в одноэтажной, так называемой «старой» школе, поскольку в селе была еще недавно построенная трехэтажная «новая» школа.

Однажды к нам пришла молодая учительница и сообщила, что директор школы хочет организовать встречу учеников с археологами. Варвара Андреевна отобрала группу сотрудников, которые должны были сопровождать ее и Алексея Ивановича на это мероприятие. Приказала собираться и мне. Тогда я еще не был даже студентом, правда, мне доверяли исследовать небольшие курганы и вести соответствующую полевую документацию. Так мои учителя готовили меня к будущей самостоятельной работе.

Подозреваю, что все же не это было причиной ее решения. После встречи планировался сов-

местный обед и она решила дать мне возможность полакомиться вкусной сельской пищей.

Я соответственно экипировался — одел различные брюки, вязанную болгарскую (по тем временам дефицитный импорт) тенниску, хорошие туфли.

Варвара Андреевна все это решительно забрала. Взамен она извлекла из багажного ящика Алексея Ивановича и выдала мне его брюки, пошитые, вероятно, не позднее середины 1950-х гг., его сорочку и туфли.

Сорочка была туго накрахмалена и ее воротник резал шею, а брюки оказались коротковаты и между носками и широкими отворотами брюк оказались видны мои неприкрытые ноги. Поэтому Варвара Андреевна приказала мне носки снять вовсе, затем посадила на табурет и начала наносить мне разноцветными шариковыми ручками (они только появлялись в нашем обиходе; в основном их привозили из зарубежных поездок) горизонтальные полоски на моих голых ногах. При этом она давилась смехом, но мне было совсем не до смеха, когда в актовом зале школы нас вывели на сцену и ниже моих (вернее, Алексея Ивановича) коротких брюк зрителям открылся живописный шедевр Варвары Андреевны.

В дальнейшем, в студенческие годы, экспедиционный период мне приходилось делить на две части — в июле я работал в университетской экспедиции Бориса Андреевича Шрамко на Бельском городище, а в августе и сентябре (декан разрешал мне задерживаться в экспедиции до октября вместо поездки на сельхозработы) — у Алексея Ивановича.

Пройдя аспирантуру при украинском Институте археологии, где моим научным руководителем была Варвара Андреевна Ильинская, я начал работать в этом же Институте, в Отделе скифо-сарматской археологии, которым руководил Алексей Иванович.

* * *

После войны моя прабабушка, бабушка и будущая моя мама, тогда еще девочка-подросток, оказались в г. Мелитополе. В разрушенном городе жилья не было. Тогда они под руководством прабабушки, Марии Ивановны, слепили своими силами маленький домик из самана в районе самостроев — Юровка.

Как-то, приехав домой в Запорожье, я, рассказывая об Алексее Ивановиче, упомянул о том, что именно он исследовал Мелитопольский курган, который располагался на территории одной из усадеб в той же Юровке. Прабабушка удивленно всплеснула руками и поведала мне, что неоднократно водила меня, трехлетнего, посмотреть на раскопки — других-то развлечений не было.

Теперь я часто задумываюсь, была ли это случайность или знак судьбы, определивший мою встречу с Алексеем Ивановичем и связавший всю мою сознательную жизнь с изучением истории и культуры скифов?

Мурзин В. Об археологии с улыбкой. — К., 2013. — 223 с.

Одержано 19.12.2016

УДК: 904.22(477.4)“6377”

В.І. Клочко

ПОЧАТОК ЕВОЛЮЦІЇ ВТУЛЬЧАСТИХ СОКИР-КЕЛЬТІВ БРОНЗОВОЇ ДОБИ НА ТЕРИТОРІЇ УКРАЇНИ

У статті з використанням нових матеріалів розглядаються ранні етапи еволюції втульчастих сокир-кельтів у Східній Європі.

Ключові слова: втульчасті сокири-кельти, доба ранньої бронзи, доба середньої бронзи, ямно-катакомбний час, період культури Бабіно, олов'янисті бронзи.

Проблема походження втульчастих сокир-кельтів доби пізньої бронзи Східної Європи ще й досі не має достатньо аргументованого пояснення. Нові знахідки комплексів та окремих знахідок металевих предметів доби середньої бронзи на Україні дозволяють запропонувати нову версію початку їх еволюції.

Так, у 2015 р. біля с. Новоселиця Жмеринського р-ну Вінницької обл. був знайдений скарб [Клочко, Козыменко, 2017, 2.2.1].

Опис речей: До складу скарбу Новоселиця входило тесло типу Старий Биків завдовжки 12,2 см, завтовшки 0,4 см, ширина леза 2,5 см (рис. 1, 1); мотика (тесло?) зі «згорнутою» кованою втулкою довжиною 7, 9 см, ширина леза 3,5 см, діаметр втулки 2,8 × 2,3 см (рис. 1, 2); та долото зі «згорнутою» кованою втулкою типу Скакун довжиною 7,0 см, ширина леза 1,0 см, діаметр леза 1,3 × 1,0 см (рис. 1, 3).

Типохронологія скарбу. Тесло зі скарбу Новоселиця подібне до тесла зі скарбу Старий Биків, Бобровицький район Чернігівської області [Клочко, 2017, илл. 8] (рис. 2, 3) та до тесел зі скарбу «К» з Трої [Schaeffer, 1948, Fig. 167] (рис. 2, 1), який датується другою половиною III тис. до н. е. Долото подібне до долота зі «згорнутою» кованою втулкою зі скарбу Скакун з Харківської обл. [Gimbutas, 1965], до воно було знайдене разом з сокирами «колонтаївського» типу ката-

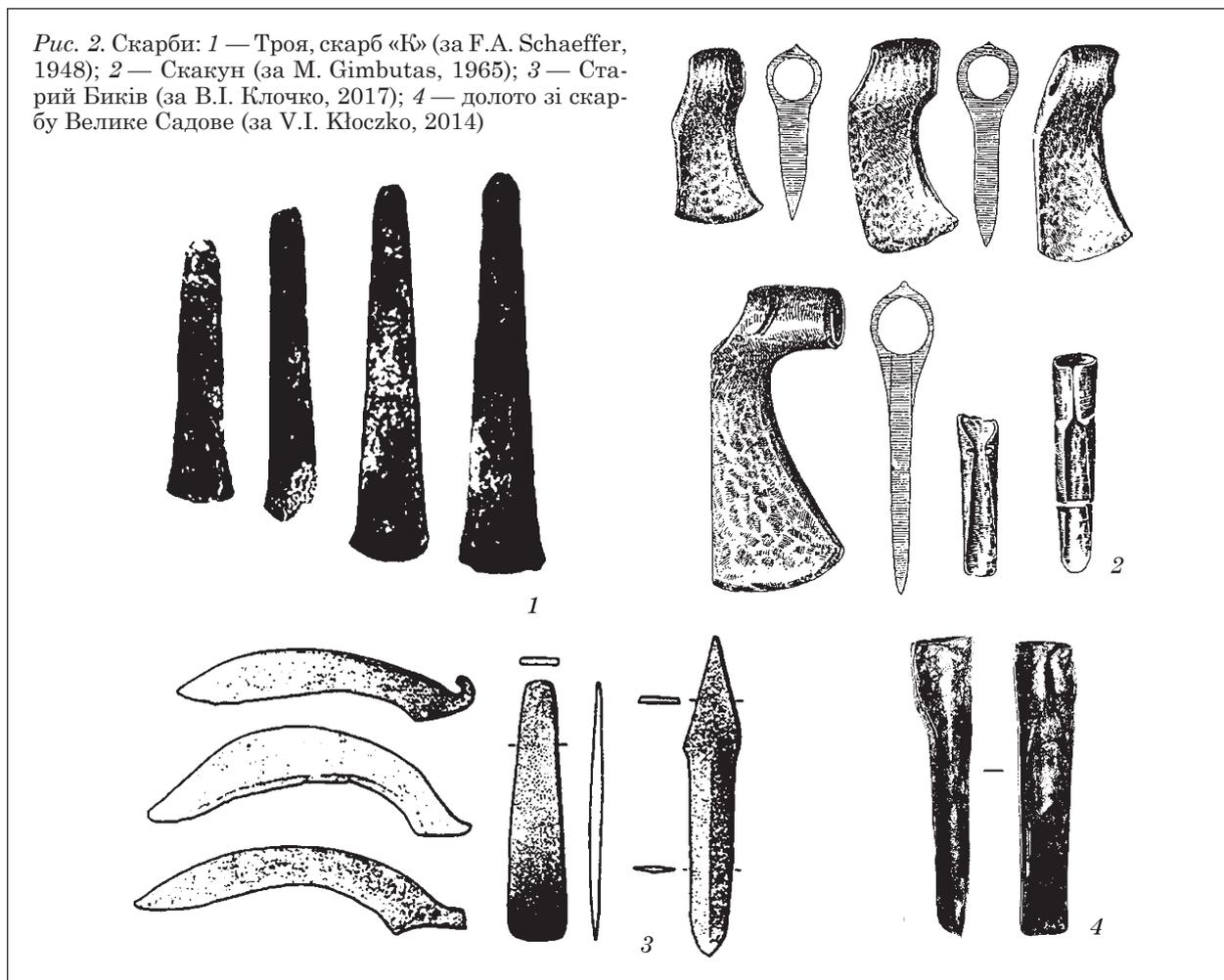
комбної культури [Жореневский, 1976] (рис. 2, 2). Друге долото зі скарбу Скакун аналогічне долоту зі скарбу катакомбної культури Велике Садове в Криму (рис. 2, 4), який ми датували серединою III тис. до н. е. [Клочко V., Клочко L., 2013, p. 68; Клочко, Козыменко, 2017, 2.6.1—15].

Спираючись на скарби Скакун, Велике Садове, Старий Биків та Новоселиця можна зробити висновок, що технологічна традиція виготовлення «згорнутої» втулки на мотиках, теслах, долотах, сокирах та списах з'явилася на території України у другій половині III тис. до н. е., у ямно-катакомбний час.

Рис. 1. Скарб Новоселиця (за В.І. Клочко, А.В. Козыменко, 2017)

Рис. 2. Скарби: 1 — Троя, скарб «К» (за F.A. Schaeffer, 1948); 2 — Скакун (за M. Gimbutas, 1965); 3 — Старий Биків (за В.І. Клочко, 2017); 4 — долото зі скарбу Велике Садове (за V.I. Kloczko, 2014)

Подальший розвиток виробів зі «згорнутою» втулкою на Україні відноситься до часу культури Бабино.

У 2016 р. у лісі біля сс. Мар'янівка, Крикинці та Ометинці Немирівського району Вінницької обл. був знайдений скарб [Клочко, Козыменко, 2017, 11.7] (рис. 3).

Опис речей: До складу *Мар'янівського скарбу* входили: сокира-кельт зі «згорнутою» втулкою та відкованим валиком на втулці (*мар'янівський тип*) довжиною 12 см, діаметр втулки $5,4 \times 3,5$ см, ширина леза 4,8 см (рис. 3, 1); сокира-кельт мар'янівського типу довжиною 12,3 см, діаметр втулки $5,5 \times 3,4$ см, ширина леза 5,5 см (рис. 3, 2); сокира-кельт мар'янівського типу довжиною 9,5 см, діаметр втулки $5,8 \times 3,4$ см, ширина леза 5,2 см (рис. 3, 3); сокира-кельт мар'янівського типу довжиною 10,5 см, діаметр втулки $5,8 \times 3,5$ см, ширина леза 5,1 см (рис. 3, 4); *тесло типу «Козари»* [Клочко, Козыменко, 2017, 3, 2] довжиною 12,8 см, товщина 1,2 см, ширина леза 4,1 см (рис. 3, 5); тесло-стамеска зі «згорнутою» втулкою та довгим вузьким лезом довжиною 8,6 см, ширина леза 0,7 см, діаметр втулки 1,8 см (рис. 3, 6); тесло-клин довжиною 6,3 см, товщина 1,1 см, ширина леза 3,6 см (рис. 3, 7); вістря,

загострене з обох боків (ніж?) довжиною 6,3 см, ширина до 1,7 см, товщина 0,3 см (рис. 3, 8).

Типохронологія скарбу. *Мар'янівський скарб* знарядь деревообробки разом з *комплексами типу Козари* [Клочко, Козыменко, 2017, 3.2] складають основу для виділення нової, раніше не відомої великої групи металевих виробів (металургійної традиції?) доби середньої бронзи України з якої за доби пізньої бронзи виникають кардашинська та лобойківська металургійні традиції.

Знахідки сокири-кельта мар'янівського типу разом з оригінальними серпами на поселеннях культури Бабино у Черкаській області, у поймі Дніпра [Куштан, 2013, рис. 22, 13, 26; 23, 6, 14, 19; 24, 9, 19] (рис. 4) дозволяють співвіднести речі мар'янівського типу з культурою Бабино.

Навесні 2012 р. в районі відомого Кіровського поселення доби бронзи [Лесков, 1970] біля смт. Кіровське Ленінського р-ну АР Крим був знайдений *Кіровський скарб* бронзових речей (рис. 5), що складався з трьох великих кіс-косарів, чотирьох тесел, втульчатої сокири-кельта, втульчатого тесла та наконечника списа [Клочко, 2014; Клочко, Козыменко, 2017, 3.5.1].

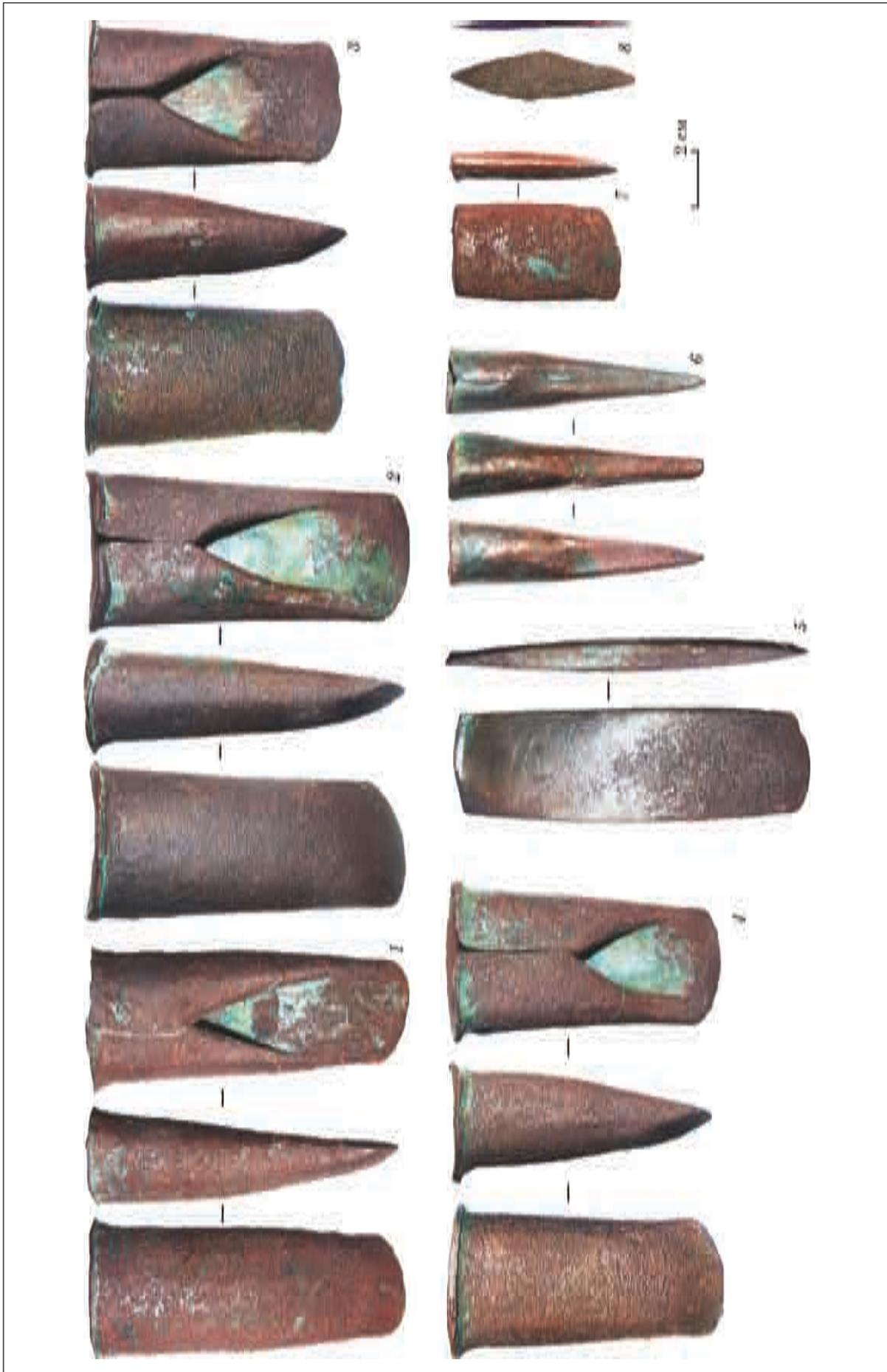

Рис. 3. Мар'яновський скарб (за В.І. Ключко, А.В. Козименко, 2017)

Рис. 4. Матеріали з поселень культури Бабіно на Черкащині (за Д.П. Куштан, 2013)

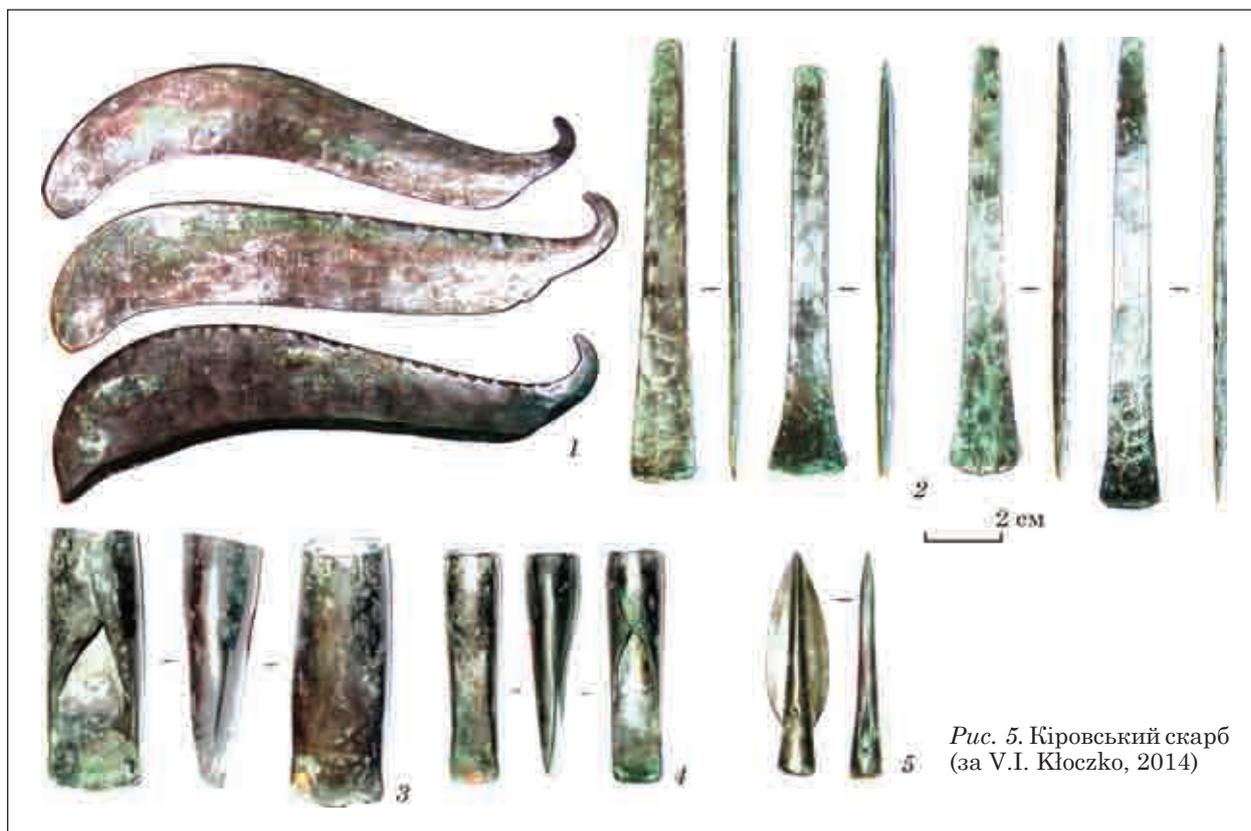
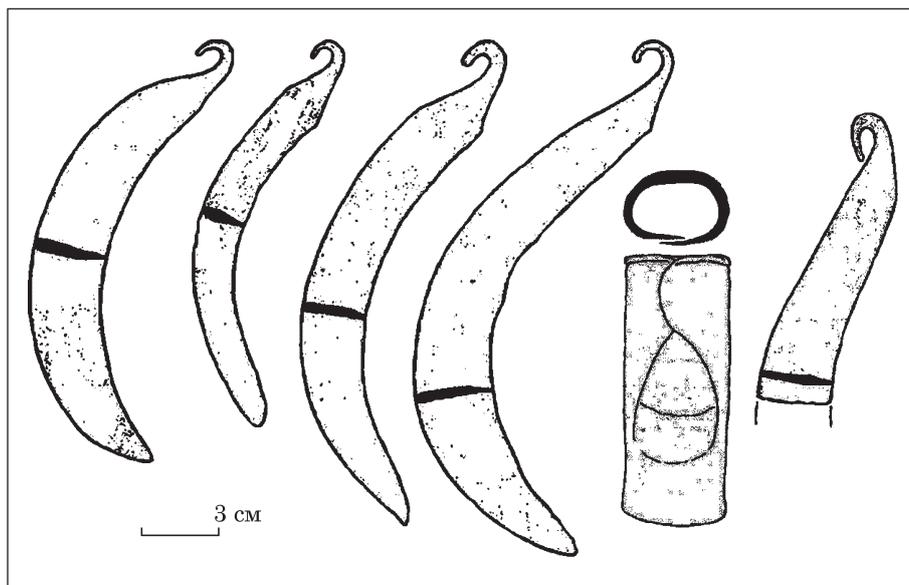

Рис. 5. Кіровський скарб (за V.I. Kłoczko, 2014)

Опис речей. Коси-косарі малоазійського типу (рис. 5, 1). Довжина 22,5, 25, 23,2 см. Товщина спинок 0,5 см. Спинки прикрашені трикутними насічками. Тесла (рис. 5, 2). Довжина 22,5, 21, 22, 23,6; товщина 0,6, 0,9, 0,6, 0,5 см відповідно.

Втульчата сокира-кельт з «згорнутою» втулкою (кіровський тип) (рис. 5, 3). Довжина 11,2 см, діаметр втулки 3 см.

Втульчате тесло з «згорнутою» втулкою (рис. 5, 4). Довжина 8,3 см, діаметр втулки 1,8 см.

Наконечник списа (рис. 5, 5). Довжина 12 см, ширина 3,6 см, діаметр втулки 2 см.

Типохронологія скарбу. Кіровський скарб відноситься до горизонту Рибаківка-Костромська-Кіровське культурного кола Бабіно [Kłoczko, 2014].

Висновки. Спираючись на скарби Скакун, Велике Садове, Старий Биків та Новоселиця можна зробити висновок, що технологічна традиція виготовлення «згорнутої» втулки на мотиках, теслах, долотах, сокирах та списах з'явилася на території України у другій по-

Рис. 6. Узагальнена хронотопологія еволюції втульчастих знарядь від доби ранньої до доби пізньої бронзи на території України

ловині III тис. до н. е., у ямно-катакомбний час.

Подальший розвиток виробів зі «згорнутою» втулкою на Україні відноситься до часу культури Бабино, початку II тис. до н. е., в цей час з'являються перші вироби з олов'янистої бронзи [Клочко, Козыменко, 2017, Т.Ю. Гошко, таблиця аналізів металла].

Мар'янівський скарб знарядь деревообробки разом з комплексами типу Козари складають основу для виділення нової, раніше не відомої великої групи металевих виробів (металургійної традиції?) доби середньої бронзи України з якої за доби пізньої бронзи виникають кардашинська (білогрудівська культура) та лобойківська (бережнівсько-маївська зрубна культура) металургійні традиції, в тому числі і сокири-кельти з «глухою» відлитотою втулкою.

Сокири-кельти зі «згорнутою» втулкою кіровського типу часу культури Бабино складають основи для металургійної традиції Рішешть культур Ноа і Сабатинівська (рис. 6).

Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України. — К., 2006. — 336 с.

Клочко В.І., Козыменко А.В. Древний металл Украины. — К., 2017. — 366 с.

Клочко В.І. Древнейшие этапы развития металлургии на Украине (типохронология древних металлических изделий Украины) // Клочко В.І., Козыменко А.В. Древний металл Украины. — К., 2017. — С. 285—331.

Кореневский С.Н. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. — 1976. — № 4. — С. 16—31.

Куштан Д.П. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. — Донецьк, 2013. — 169 с. (Археологічний альманах. — № 29).

Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. — К., 1970. — С. 7—59.

Catling H.W. Cypriot bronzework in the Mycenaean world. — Oxford, 1964. — 927 p.

Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. — Paris; Hague; London, 1965. — 365 p.

Klochko V., Klochko L. Complex of Metal Goods between the Vistula and Dnieper rivers at the turn of the 4th/3rd to the 3rd millennium BC. Concept of the Carpathian—Volhynia «Willow Leaf» metallurgy centre // The Ingul-Donets Early Bronze Civilization as sprig-board for transmission of Pontic Cultural Pannerns to the Baltic Drainage Basin 3200—1750 BC. — Poznań, 2013 — P. 39—71 (Baltic-Pontic Studies. — Vol. 18).

Kłoczko V.I. Skarby Bolshoye Sadovoye i Kirovskoye z Krymu w kontekście związków Połnocnego Nadczerwomorza ze Wschodnim Środkomorzem we wczesnym okresie epoki brązu // Gdańskie Studia Archeologiczne. — 2014. — 3. — S. 167—186.

Schaeffer F.A. Stratigraphie comparee et chronologie de l'Asie Occidentale. — London, 1948. — 1875 p.

В.І. Клочко

V.I. Klochko

НАЧАЛО ЭВОЛЮЦИИ ВТУЛЬЧАТЫХ ТОПОРОВ-КЕЛЬТОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Проблема происхождения втульчатых топоров-кельтов позднего бронзового века Восточной Европы все еще не имеет достаточно аргументированного пояснения. Новые находки комплексов и отдельных предметов периода раннего и среднего бронзового века на Украине позволяют предложить новую версию начала их эволюции.

Опираясь на клады Скакун, Большое Садовое, Старый Быков и Новоселица можно заключить, что технологическая традиция изготовления «свернутой» втулки на мотыгах, теслах, долотах, топорах и косяках появилась на территории Украины во второй половине III тыс. до н. э. в ямно-катакомбный период.

Дальнейшее развитие изделий со «свернутой» втулкой на Украине относится к периоду культуры Бабино, началу II тыс. до н. э., в этот период появляются и первые изделия из оловянистой бронзы.

Марьяновский клад инструментов для обработки дерева вместе с комплексами типа Козары составляют основу для выделения новой, ранее не известной большой группы металлических изделий (металлургической традиции?) периода среднего бронзового века Украины, из которой в период позднего бронзового века возникают кардашинская (белогрудовская культура) и лобойковская (бережновско-маевская срубная культура) металлургические традиции, в том числе и топоры-кельты с «глухой» литой втулкой.

Топоры-кельты со «свернутой» втулкой кировского типа периода культуры Бабино закладывают основы для металлургической традиции Рішесть культур Ноуа и Сабатиновская.

Ключевые слова: втульчатые топоры-кельты, ранний период бронзового века, средний период бронзового века, ямно-катакомбное время, период культуры Бабино, оловянистые бронзы.

ORIGINS OF EVOLUTION OF BUSH-BASED AXES (CELTS) DURING THE UKRAINIAN BRONZE AGE

The issue of origins of the Eastern European Late Bronze Age bush-based axes (celts) still has no reasoned explanation. With new excavations and finds of metal artifacts of the Ukrainian Middle Bronze Age, a new theory about its evolution can be suggested.

Relying on the hoards of Skakun, Velyke Sadove, Staryi Bykiv and Novoselytsa we can conclude that the technological tradition of creating «folded» bushes on hoes, adzes, chisels, axes, and spears originated in the Ukrainian territories in the second half of 3000 BC., in the Yamnaya-Catacomb time.

Further development of wares with «folded» bushes in the Ukrainian territories refers to the Babino culture period of the early 2000 BC., when the first tin bronze wares originate.

The Mariyankivsky hoard of woodworking tools, along with the Kozary-type complexes are the foundation for the identification of a new, previously unknown, large group of metal wares (a metallurgical tradition?) of the Ukrainian Middle Age period, which, during late Bronze Age, serves as the origin of the Kardashynska (Bilogrudivska culture) and the Loboikivka (Berezhnovka-Mayovka Srubnaya culture) metallurgical traditions, including bush-based axes (celts) with a «deaf» cast bush.

The Kirovsky-type axes (celts) with a «folded» bush of the Babino culture time serve as the foundation for the Râșești metallurgical tradition of the Noua and Sabatynivka culture.

Keywords: bush-based axes (celts), Early Bronze Age, Middle Bronze Age, Yamnaya-Catacomb time, Babino culture period, tin bronze.

Одержано 14.02.2017

Л.И. Бабенко

ДВА МОНЕТНЫХ СЮЖЕТА НА ИЗДЕЛИЯХ ГРЕКО-СКИФСКОЙ ТОРЕВТИКИ

В статье приведены два случая возможного заимствования монетных сюжетов на предметах греко-скифской торевтики — пекторали из Толстой Могилы и золотых пластинах головного убора из песочинского могильника.

Ключевые слова: скифы, торевтика, пектораль из Толстой Могилы, древнегреческие монеты, песочинский могильник.

Следствием тесных греко-скифских контактов стало проникновение в скифскую среду огромного количества предметов торевтики — как изделий, изготовленных массовым тиражом, так и уникальных высокохудожественных шедевров, орнаментированных разнообразными образами и сюжетами, репертуар которых вышел далеко за пределы традиционного скифского искусства. Однако очень многие образы, украсившие предметы торевтики, являлись произведением не самостоятельного творчества художников по металлу, а были заимствованы ими из других источников, прежде всего, из нумизматического материала. На подражания античным монетам различных городов, прежде всего, при изготовлении золотых бляшек, указывали многие исследователи [Толстой, Кондаков, 1889, с. 113; Ростовцев, 1925, с. 443—449; Шелов, 1956, с. 140; Онайко, 1970, с. 46—49; Алексеев, 1987, с. 32—38; Королькова, 1998; Мозолевский, Полин, 2005, с. 392—410; Трейстер, 2005, с. 504; Полин, 2016 и др.]. Использование монетных сюжетов не ограничивается кругом пластинчатой аппликации, а прослеживается и на других изделиях художников по металлу [Манцевич, 1949; Болтрик, Трейстер, Фіалко, 2009, с. 46].

Перечень подобных заимствований можно дополнить еще двумя случаями практически

дословного воспроизведения монетных сюжетов, нашедших воплощение в изделиях торевтов. Первый случай представлен одной из сцен верхнего фриза пекторали из Толстой Могилы, а именно — фигуркой коровы с головой, повернутой к сосущему вымя теленку (рис. 1, 1). Скульптурная группа расположена слева (для зрителя) от центральной сцены и является составной частью «табунного bestiaria» верхнего фриза. В целом, табунными животными предметы торевтики украшались очень редко. Помимо пекторали из Толстой Могилы, их можно увидеть еще на одной пекторали из Большой Близницы и на серебряной амфоре из Чертомлыка. Иногда эти сюжеты относят к категории сцен «кочевнического быта», как бы списанных непосредственно с природы и свидетельствующих о знании художника по металлу нюансов хозяйственного уклада заказчиков своей продукции — скифов.

Сам Б.Н. Мозолевский, считал сцену с коровой и сосущим ее теленком исключительно редкостной. По мнению исследователя, единственной аналогией этому изображению являлась такая же сцена на стеклянном (обсидиановом) скарабеоиде из нимфейского кургана V в. до н. э. № 24 1876 г. (рис. 2, 4) [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 2], что, в свою очередь, могло свидетельствовать о причерноморском происхождении самой пекторали [Мозолевский, 1979, с. 214].

Однако Н.А. Онайко подвергла критике подобные выводы, указав на то, что скарабеоид был привозным, а сам сюжет, не получивший распространение в Северном Причерноморье, является очень древним и «долго пользовался популярностью в искусстве разных народов, в том числе и у древних греков». Отметив большую самобытность близкой по содержанию

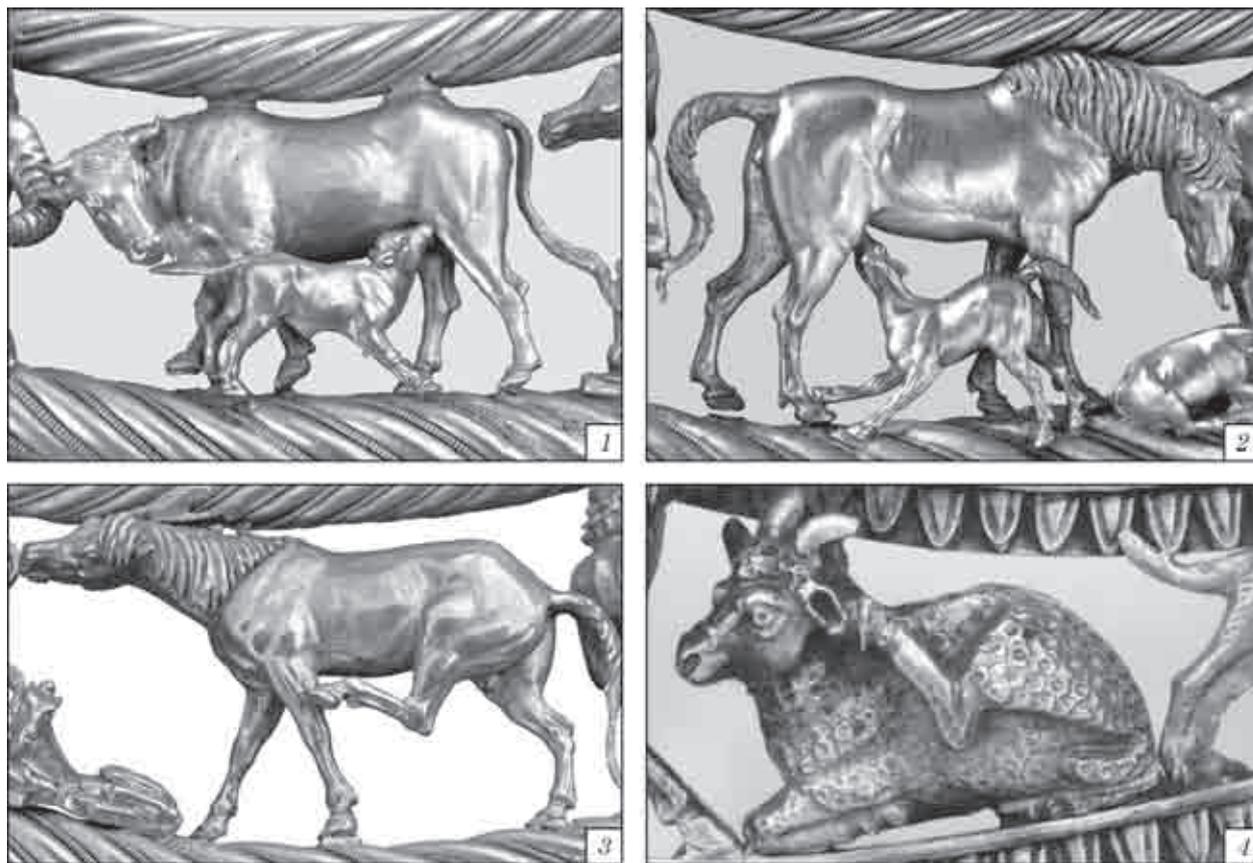

Рис. 1. Фрагменты пекторалей с изображением животных: 1—3 — Толстая Могила [Мозолевский, 1979, рис. 71, 72]; 4 — Большая Близица [Калашник, 2014, с. 190]

сцены пекторали — лошади с сосущим ее жеребенком — исследовательница сопоставила ее с изображением оленихи с олененком на пластине из Семибратних курганов (рис. 2, 3) [Онайко, 1982, с. 256].

Г.Н. Курочкин параллели сценам кормления самкой детеныша на пекторали находил на изделиях II — начала I тыс. до н. э. из Северного Ирана (Митанни, Марлик-тепе) и Афганистана (рис. 2, 2) [Kurochkin, 1993, p. 389, fig. 34, 1b—d], что, несомненно, свидетельствуют о глубоких корнях этого сюжета. Сцены кормления газелью детеныша можно увидеть также и на трех плакетках из Зивие — двух из Аббег-музея и одной из Метрополитен-музея (рис. 2, 1) [Луконин, 1987, с. 225]. Однако вследствие значительной хронологической лакуны едва ли приемлемо рассматривать эти изображения в качестве прототипа, оказавшего влияние на замысел мастера.

В то же время можно указать на гораздо более близкие хронологически и территориально аналогии этому сюжету. Речь идет об изображениях на аверсах монет целого ряда греческих городов. Впервые монеты с изображением сцены кормления теленка коровой начали чеканить на Керкире (Корфу) еще с VI в. до н. э. (рис. 3, 1, 2). С V в. до н. э. этот сюжет получил еще более широкое распространение и его можно увидеть на монетах Аполлонии, Диррахии, Каристоса [Plant, 1979, 936, 936d, 1671] (рис. 3,

3—8). Принимая во внимание массовый характер чеканки монет, можно предположить, что представленные на них сюжеты послужили прототипом для воссоздания аналогичных сцен — и не только на пекторали из Толстой Могилы, а и на других украшениях, в частности, на предметах глиптики¹.

Как справедливо заметила Н.А. Онайко, сцена кормления жеребенка кобылицей встречается гораздо реже (рис. 1, 2)². Поэтому, если сцену кормления теленка коровой можно рассматривать как своеобразную «реплику» монетного сюжета, но исполненную в иной технике и на более высоком художественном уровне, то сцена кормления жеребенка кобылой представляет своеобраз-

1. Помимо отмеченного Б.Н. Мозолевским и Н.А. Онайко скарабеоида из кургана № 24 Нимфейского некрополя, такую же сцену можно видеть на сердоликовой инталии V в. до н. э. из Государственного Эрмитажа (инв. № ГР-20762). В этом же музее хранится халцедоновая ионийская инталия V в. до н. э., на которой вырезана олениха, кормящая олененка (инв. № ГР-20764) [<https://www.hermitagemuseum.org>].

2. Похожим сюжетом орнаментирована более поздняя серебряная бактрийская чаша III в. до н. э. из Соликамского уезда Пермской губернии (рис. 2, 5) [Смирнов, 1909, табл. XL, 69; Тревер, 1940, с. 90—92, табл. 25, 26]. Интересно, что К.В. Тревер фигуры лошадей на чаше соотносила с изображениями коней на сельвкидских монетах Антиоха II [Тревер, 1940, с. 37].

Рис. 2. Сцены кормления самками детенышей: 1 — костяная плакетка из Зивие, Метрополитен-музей [<http://www.metmuseum.org>]; 2 — нижняя часть золотого сосуда из Марлик-тепе [Луконин, 1987, с. 224]; 3 — серебряная пластина из к. 2/1875—76 гг. группы Семибратних курганов (фрагмент) [Артамонов, 1966, табл. 113]; 4 — перстень из к. 24/1876 г. Нимфейского могильника [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 2]; 5 — серебряная чаша из Соликамского уезда Пермской губернии [Тревер, 1940, табл. 25, 26]

разную «творческую переработку» этого сюжета мастером пекторали. Необходимость близкой по содержанию сцене была обусловлена логикой структуры композиции пекторали, в которой сюжеты сцен левой стороны противопоставлены сюжетам правой стороны, образуя ряд парных оппозиций [Раевский, 1985, с. 198]. В этом случае, по одну сторону от центральной сцены верхнего фриза были размещены лошадь с лежащим жеребенком и корова, кормящая теленка, по другую сторону — сцены противоположного содержания — лошадь, кормящая жеребенка и корова с лежащим теленком.

Не исключено, что и идея сцены с изображением лошади, которая «задней ногой массирует локоть передней» [Носков, 1973, с. 207, 208], «отбивается от мух» [Мозолевский, 1979, с. 87] или «чесется» [Балонов, 1994, с. 18] (рис. 1, 3), также могла быть позаимствована из нумизматических сюжетов. Так, на серии монет из Эретрии изображена корова, тянущаяся задней ногой к своей морде [Plant, 1979, 1759] (рис. 3, 9, 10). В этом случае мастером пекторали был

изменен вид животного — коровы на лошадь. Интересно, что сцену подобного содержания — козла, лежащего с поднятой вверх к уху задней ногой — изобразил *другой* мастер пекторали из Большой Близицы (рис. 1, 4) [Калашник, 2014, с. 190], переработав уже сюжет украшения из Толстой Могилы.

Несомненно, указанные сцены могли быть «срисованы» художником непосредственно и с кочевнического быта. Однако в пользу «нумизматического» генезиса этих сюжетов могут свидетельствовать два фактора — устойчивая традиция в среде торевтов использования монетных сюжетов в декоре своей продукции в целом, а также высокая степень влияния на структуру композиции пекторали и отдельные ее сюжеты собственно древнегреческого искусства, что отмечалось многими исследователями. Наиболее зримо подобные заимствования проявились в наследовании изобразительных фризов пекторали скульптурным композициям фронтонов Парфенона [Мозолевский, 1979, с. 216, 217], растительным композициям [Мелю-

Рис. 3. Монеты с изображением сцен кормления теленка коровой (1—8) и коровы с поднятой задней ногой (9, 10) (1, 2 — Керкира; 3, 4 — Диррахия; 5, 6 — Аполлония; 7, 8 — Каристос; 9, 10 — Эретрия. Фото [https://www.cngcoins.com/])

кова, 1979, с. 204, 205; Pfrommer, 1982, S. 156—159; Jacobson, 1995, p. 118; Schwarzmaier, 1996, S. 127; Gebauer, 1997] и многими другими элементами. Что, в свою очередь, наглядно отражает среду, являющуюся для мастера пекторали источником вдохновения при создании своего шедевра.

Второй случай заимствования торевтом монетного сюжета можно увидеть на паре орнаментных золотых пластин от женского парадного головного убора, обнаруженного в погребении 1 кургана 8 Песочинского могильника на Харьковщине (рис. 4, 1—4) [Бабенко, 1999, с. 87, рис. 1, 2; 2002, с. 60, рис. 1, 2; 2004, рис. 2, 2; 2005, с. 122—124, рис. 16, 1, 6, фото 12]. Параметры этих пластин, их описание и аналогии

представленным сюжетам и образам приведены в указанных выше публикациях. Поэтому акцентируем внимание на отдельных моментах.

Узор песочинских пластин во многом, иногда до мельчайших деталей, аналогичен орнаментальному фризу метоиды / диадемы из Куль-Обы (рис. 5, 1а, б) [Древности ..., 1854, табл. II, 3; Уильямс, Огден, 1995, кат. 85]. При этом композиции куль-обинской и песочинских пластин имеют два заметных отличия (не считая верхнего ряда шестилепестковых розеток куль-обинской метоиды). Сюжет обеих песочинских пластин идентичен и в общих чертах представлен центральным миксаморфным персонажем, по обе стороны которого расположены морские чудовища и, далее, — две многолепестковые пальметки.

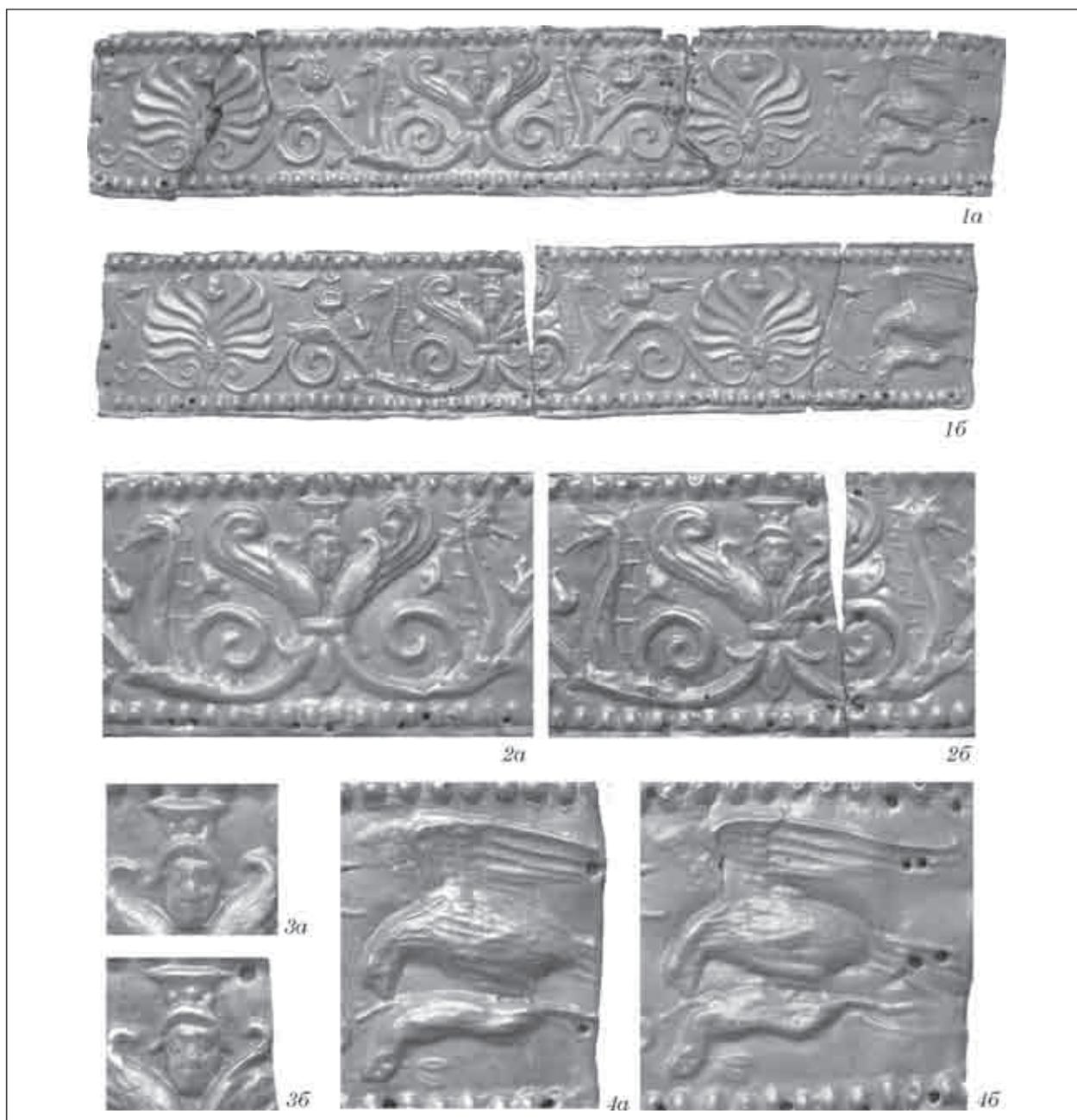

Рис. 4. Золотые пластины (1а, б) и их фрагменты (2—4) головного убора из к. 8, п. 1 Песочинского могильника. Харьковский исторический музей, ЛБЗ-335, 336. Фото автора

Куль-обинская метопида представлена сплошной пластиной, на которой указаный композиционный сюжет (пальметка-миксаморфный персонаж-пальметка¹) был оттиснут дважды — по обоим краям пластины. В центре пластины был оттиснут еще один миксаморфный персонаж, благодаря чему удалось получить ритмично чередующийся ряд пальметок и «прорастающих божеств». При этом для изображения полной версии миксаморфного персонажа в центре не достало места, и морское чудовище расположено только по левую сторону от него.

1. Можно предположить, что именно эта композиция была вырезана на матрице, используемой для получения оттисков.

Второе — более заметное — отличие состоит во включении в композицию песочинских пластин сцены терзания орлом лежащего на спине зайца (рис. 4, 4а, б). Выполненная в иной — предельно реалистичной — манере и нарушающая ритмику остальной композиции пластины (что особо отчетливо заметно при сравнении с куль-обинской метопидой), сцена терзания зайца орлом едва ли является случайным включением торефта в общий сюжет пластин. Данная сцена может поспособствовать более глубокому пониманию как созданной композиции в целом, так и составляющих ее образов.

Ю.Б. Полидовичем и Г.Н. Вольной, подробно изучившими изображения зайца в скифском ис-

Рис. 5. Золотая метопида / диадема из Куль-Обы: 1а — Древности ..., 1854, табл. II, 3; 1б — Уильямс, Огден, 1995, кат. 85

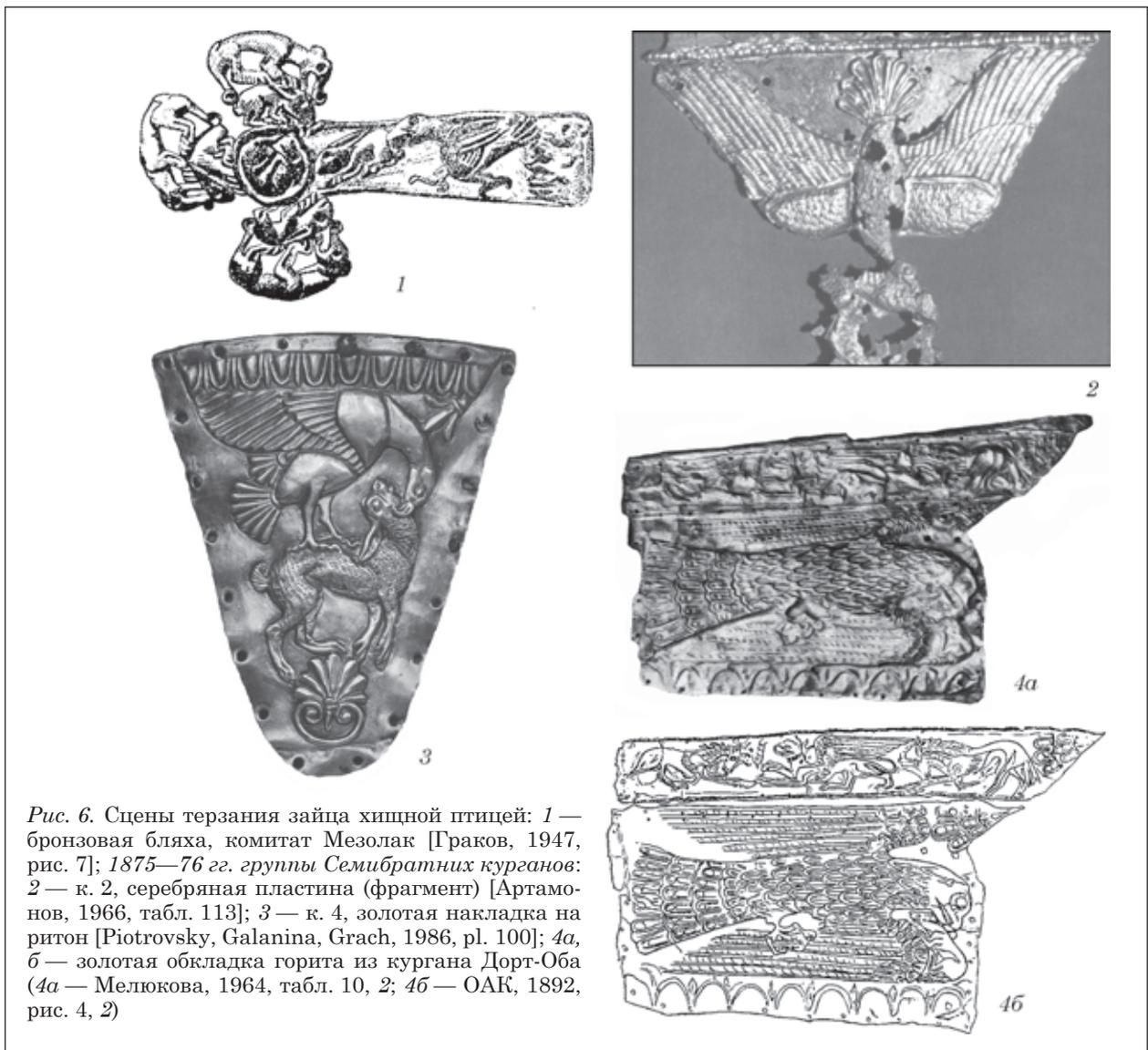

Рис. 6. Сцены терзания зайца хищной птицей: 1 — бронзовая бляха, комитат Мезолак [Граков, 1947, рис. 7]; 1875—76 гг. группы Семибратних курганов: 2 — к. 2, серебряная пластина (фрагмент) [Артамонов, 1966, табл. 113]; 3 — к. 4, золотая накладка на ритон [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 100]; 4а, б — золотая обкладка горита из кургана Дорт-Оба (4а — Мелюкова, 1964, табл. 10, 2; 4б — ОАК, 1892, рис. 4, 2)

Рис. 7. Монеты с изображением сцен терзания зайца хищной птицей; Акрагас, Сицилия. Фото [http://www.wildwinds.com/]

кусстве, было выделено четыре группы сюжетов, одна из которых представлена сценами нападения или терзания зайца хищной птицей (орлом?) [Полидович, Вольная, 2005, с. 421, 422, 428, 429]. Данная группа включает пять самостоятельных изображений (включая песочинские пластины) на предметах V и IV веков до н. э. (рис. 6, 1—4) [Полидович, Вольная, 2005, с. 436]. Несмотря на сюжетную близость, во всех случаях композиции каждой из сцен имеют отличное, не похожее друг на друга, воплощение. Поэтому можно утверждать наличие спроса на предметы с подобными сценами при отсутствии устойчивой иконографической традиции сюжета. И, в случае необходимости, торецт самостоятельно искал приемлемый образ для воплощения этой сцены.

Такой же оригинальный вид — в сравнении с другими случаями — имеет и сцена терзания зайца орлом на песочинских пластинах. Но в то же время она является подробнейшей репликой такой же сцены, которую в различных вариантах можно увидеть на монетах сицилий-

ского Акрагаса, чеканившихся в последней четверти V в. до н. э. (рис. 7, 1—8) [A Catalogue..., 1876, p. 9—12]. Совпадают не только фигуры лежащего навзничь зайца и стоящего на нем с распростертыми вверх крыльями орла, но и более мелкие детали, такие как характер моделировки оперения птицы. Можно предположить, что торецт для воплощения необходимой сцены воспользовался уже готовым сюжетом, увиденным им на одной из монет Акрагаса.

В подавляющем большинстве случаев обратная сторона монет из Акрагаса содержит изображения различных представителей морской фауны — моллюсков, креветок, крабов, рыб, а также Скиллы — морского чудовища греческой мифологии¹. Подобный акцент на морской тематике в контексте использования сюжета терзания зайца орлом на песочинских пластинах подчеркивает морскую составляющую морфологии миксаморфного существа, распо-

1. Подробнее об этом персонаже см. прим. 2 на с. 37.

ложенного в композиционном центре пластин (рис. 4, 2а, б).

Синкретичность морфологии этого персонажа, сочетающего в себе антропо-, зоо-, орнито- и фитоморфные признаки, обусловила и множественность его трактовок. Часть исследователей видят в нем женское мифологическое существо — «крылатую змееногую богиню» [Мирошина, 1981, с. 52; Бабенко, 1999, с. 87; 2002, с. 60; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 95], «рукокрылую богиню» [Клочко, 1982, с. 42], «полуантропоморфное божество с головой женщины, крыльями птицы и побегами аканфа вместо ног» [Бабенко, 2005, с. 122—124], «змееногую богиню» [Гуляев, 2013, с. 153], «Rankenfrau» [Трейстер, 2001, с. 150] или «Rankegöttin» [Трейстер, 2009, с. 425]. Часть — близкий ей по функциям андрогинный персонаж — «мужское бородатое божество» [Уильямс, Огден, 1995, с. 142, 143], «бородатый мужской персонаж с крыльями», «Владыку звезд» [Шауб, 2007, с. 153, 154], бородатую Афродиту [Ustinova, 2005, р. 76—78]. Окончательному предпочтению «женской» или «мужской» атрибуции этого персонажа препятствует схематичность черт его лица. Существо действительно имеет удлинённый овал лица, который при желании можно трактовать как «бороду» (рис. 4, 3а, б), но все же ее длина заметно уступает явным андрогинным персонажам близкого ряда [Бессонова, 1983, рис. 10, 1—4]. При этом морфология персонажа на куль-обинской и песочинских пластинах заметно отличается от крылатых андрогинных божеств отсутствием рук. И напротив — близка представительной серии именно женских фантастических персонажей¹. Поэтому вопрос о «женской» или «мужской» сущности этого персонажа остается открытым.

В последнее время ряд исследователей откажутся от традиционной трактовки подобного образа как «змееной богини», считая его не имеющим отношения к скифской мифологии. Персонажи подобного рода, именованные как «Rankenfrau», «Rankegöttin» или «прорастающая дева», связываются непосредственно с греческой культурной традицией [Буйских, 2006, с. 140; Скржинская, 2010, с. 206; Журавлев, Новикова, 2012; Стоянов, 2013; Журавлев,

Новикова, Шемаханская, 2014, с. 102—110]. Морфология божества из куль-обинской и песочинских пластин отличается очень зримым синкретизмом, одновременно сочетая выразительные растительные и животные признаки, характерные персонажам этого круга.

Фантастические существа, расположенные по обе стороны от божества, являются своеобразными ответвлениями от одного из растительных побегов и, одновременно, нижними его конечностями. В этих персонажах видят гиппокампов [Мирошина, 1981, с. 52; Michel, 1995, S. 93; Бабенко, 2005, с. 123; Шауб, 2011, с. 133], грифонов [Клочко, 1982, с. 42], морских чудовищ [Уильямс, Огден, 1995, с. 142, 143] или морских монстров [Ustinova, 2005, р. 76]. По классификации Ю.Б. Полидовича эти существа можно отнести ко второй разновидности змеев-драконов, являющихся воплощением чудовища кетос (κέτος) и представленными изображениями на дне серебряного килика из Чмыревой Могилы и на щитке перстня из Павловского кургана [Полидович, 2014—2015, с. 192]. В целом, можно констатировать принадлежность этих «чудовищ» к кругу морских существ, что, в свою очередь, указывает на близкую сущность и данного иконографического варианта «прорастающего божества». Его «морскую» составляющую подчеркивает и доштамповка законченной композиции сценой терзания зайца орлом, заимствованной торевтом из монетных сюжетов Акрагаса, богатых также на разнообразные морские персонажи. Это, в свою очередь, дает дополнительные основания для признания правомерности упомянутого выше мнения об инокультурности² данного образа для скифского мира.

В целом, широкое привлечение художниками по металлу греческих и южноитальянских сюжетов при изготовлении предметов так называемой греко-скифской торевтики демонстрирует высокую степень интервенции в скифскую среду чужеродных изобразительных традиций.

2. Еще один из персонажей, представленных на монетах Акрагаса — Скилла (рис. 7, 7) — известен, хотя и в иной иконографии, на нескольких предметах торевтики. Скилла изображена на двух фаларах из Бабиной Могилы [Мозолевский, Полин, 2005, с. 312, 313, табл. 10] а также на золотом наушнике из кургана возле Анапы 1881 г. и нащечниках шлема из гробницы 1834 г. в Керчи [Мозолевский, Полин, 2005, с. 313; Алексинский, 2008]. Но наиболее интересно ее изображение на обломке золотой пластины из Куль-Обы (!) [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 28—33, табл. 1, 2]. И.Ю. Шаубом было высказано предположение о возможном родстве и тесной иконографической и функциональной связи Скиллы со «змееной богиней» [Шауб, 2009], которое не получило поддержки [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 33], но в свете изложенных наблюдений его столь категорическое отрицание представляется преждевременным. М.Ю. Трейстер полагает южноитальянское происхождение сюжета фаларов из Бабиной Могилы [Трейстер, 2005, с. 505]. Возможно, подобное определение вполне справедливо по отношению к золотым пластинам из Куль-Обы и кургана № 8 песочинского могильника.

1. Близкое по морфологии существо можно видеть на костяной пластине из Гаймановой Могилы [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 727, 728], фиалах из ст. Мариинской [Журавлев, Новикова, 2012, рис. 6] и Чмыревой Могилы [Трейстер, 2009, с. 423—426, рис. 4, 2, 3, 5], бляшках из Большой Близицы [Артамонов, 1966, табл. 308], к. 1/1912 Елизаветинского могильника [Галанина, 2003, табл. I, 3], Неаполя Скифского [Київський..., 1974, табл. 59], подвесках-медальонах сережек из курганов у с. Буторы [Мелюкова, 1973, с. 413], № 3/8 у с. Тягинка на Херсонщине, № 6 у с. Марьяновка на Николаевщине [Блан, Солтис, 1998, с. 92, 95, рис. 7, 1], из «майкопского комплекса», хранящаяся в Филадельфии [Трейстер, 2009, с. 426], а также неясного происхождения из Крыма, хранящаяся в Берлине [Greifenhagen, 1970, Taf. 16, 1] и Майнца [Трейстер, 2001, с. 150].

- Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. — 1987. — № 3. — С. 28—39.
- Алексинский Д.П. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи // Тр. ГЭ. — 2008. — Т. XLI. — С. 31—70.
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Ленинград, 1966. — 120 с., 331 табл.
- Бабенко Л.И. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // Донская археология. — 1999. — № 2. — С. 85—90.
- Бабенко Л.И. Жіночий головний убір IV ст. до н. е. з кургану 8 біля с. Пісочин Харківської області // Археологія. — 2002. — № 4. — С. 59—69.
- Бабенко Л.И. Античный импорт в погребениях песочинского могильника // РА. — 2004. — № 3. — С. 147—159.
- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Харьков, 2005. — 284 с.
- Балонов Ф.Р. Пектораль из Толстой Могилы как модель мифопоэтического пространства-времени // Элитные курганы степей Евразии. — СПб, 1994. — С. 17—22.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). — К., 2000. — 236 с.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — К., 1983. — 138 с.
- Білан Ю.О., Солтис О.Б. Скіфські кургани поблизу с. Мар'янівка на Миколаївщині // Археологія. — 1998. — № 1. — С. 82—98.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.
- Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю., Фіалко О.С. Импортный бронзовый посуд из схи́дної могили Бердянського кургану // Археологія. — 2009. — № 1. — С. 40—52.
- Буйских А.В. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. — 2006. — Вып. XI. — С. 127—145.
- Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. — 2003. — Вып. 36. — С. 89—99.
- Гуляев В.И. К 250-летию скифской археологии // РА. — 2013. — № 3. — С. 146—153.
- Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. — СПб, 1854. — Т. III. Атлас. — 86 табл., 5 с. чертеж и план, 2 л. карт.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю. Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой // Тр. ГИМ. — 2012. — Вып. 189. — С. 80—97.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. — М., 2014. — 352 с.
- Калашник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. — СПб, 2014. — 280 с.
- Кійський музей історичних коштовностей. — К., 1974. — 195 с.
- Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. — К., 1982. — С. 37—53.
- Королькова Е.Ф. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI—IV вв. до н. э. // Проблемы археологии. — СПб, 1998. — Вып. 4. — С. 166—177.
- Луконин В.Г. Золотой сосуд с «историей козы» из Марлика // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. — М., 1987. — С. 223—232.
- Манцевич А.П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. — 1949. — № 2. — С. 196—220.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д1-4).
- Мелюкова А.И. Раскопки курганов у с. Буторы // АО 1972 г. — М., 1973. — С. 413, 414.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 256 с.
- Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // СА. — 1981. — № 4. — С. 46—69.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 251 с.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — 600 с., 24 табл. + цв. илл.
- Носков Н.М. Основы этологии. — Горький, 1973. — 256 с.
- ОАК за 1892 год. — СПб, 1894. — 173 с.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднесторенье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — М., 1970. — 212 с. (САИ. — Вып. Д1-27).
- Онайко Н.А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Поднепровья // СА. — 1982. — № 4. — С. 248—260.
- Полидович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецкий археологичний збірник. — 2014—2015. — № 18—19. — С. 149—201.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. — М., 2005. — С. 425—436.
- Полин С.В. О некоторых монетных типах скифских золотых нашивных бляшек // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. — Севастополь, 2016. — С. 67—73.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. — М., 1985. — 256 с.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. — Л., 1925. — 621 с.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. — 1959. — № 69. — С. 5—107.
- Скржинская М.В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. — К., 2010. — 324 с.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. — СПб, 1909. — 18 с.+130 табл.
- Стоянов Р.В. Rankenfrau с маской Силена: к вопросу о контексте находок // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар, 2013. — С. 128—133.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. — СПб, 1889. — Вып. 2: Древности скифо-сарматские. — 162 с.
- Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. — М.; Л., 1940. — 178 с., 50 табл.

Трейстер М.Ю. Серебряный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма // Херсонесский сборник. — 2001. — Вып. XI — С. 149—154.

Трейстер М.Ю. Об изделиях торевтики и из скифского кургана Бабина Могила // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — С. 503—512.

Трейстер М.Ю. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // Древности Боспора. — 2009. — Вып. 13. — С. 414—460.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V—IV века до н. э. — СПб, 1995. — 272 с.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.). — СПб, 2007. — 484 с.

Шауб И.Ю. О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. — СПб, 2009. — С. 276—280.

Шауб И.Ю. Морские монстры в религиозно-мифологических представлениях боспорян и скифов // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. — СПб, 2011. — С. 131—137.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры. — М., 1956. — 220 с., IX табл.

A Catalogue of Greek Coins in the British Museum. — London, 1876. — Vol. II: Sicily. — 292 p.

Gebauer J. Rankengedanken — zum Pektoral aus der Tolstaja Mogila // Zur graeco-skythischen Kunst: Archäologisches Kolloquium (Münster, 24.—26. November 1995). — Münster, 1997. — S. 147—160.

Greifenhagen A. Schmuck arbeiten in Edelmetall. — Berlin, 1970. — Bd. 1. — 102 S., 74 Taf.

Jacobson E. The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world. Handbook Of Oriental Studies. — Leiden; New York, Vol. 2. — 1995. — XVIII, 305 p.

Kurochkin G.N. Archaeological search for the Near Eastern Aryans and the royal cemetery of Marlik in northern Iran // Academiae Scientiarum Fennicae: Series B. — 1993. — Vol. 1 (271). — P. 389—395.

Michel S. Der Fisch in der skythischen Kunst: Zur Deutung skythischer Bildinhalte. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1995. — 274 S.

Pfrommer M. Grossgriechischer und mittelitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. — 1982. — Bd. 97. — S. 119—190.

Piotrowsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. — Leningrad, 1986. — 182 p.

Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. — 1996. — Bd. 111. — S. 105—137.

Ustinova Y. Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first. — Exeter, 2005. — P. 64—79.

Электрон. ресурс; режим доступа: <https://www.cng-coins.com>.

Электрон. ресурс; режим доступа: <https://www.hermitagemuseum.org>.

Электрон. ресурс; режим доступа: <http://www.met-museum.org>.

Электрон. ресурс; режим доступа: <http://www.wild-winds.com>.

Л.И. Бабенко

ДВА МОНЕТНИХ СЮЖЕТА НА ВИРОБАХ ГРЕКО-СКІФСЬКОЇ ТОРЕВТИКИ

Характерною рисою греко-скифської торевтики є широке запозичення майстрами для прикрашення своїх виробів різноманітних монетних образів та сюжетів.

Коло подібних запозичень можна доповнити ще двома випадками. Перший репрезентований сценою годування теляти коровою на пекторалі з Товстої Могили. Подібний сюжет знаходить найближчу хронологічну та культурну відповідність саме на низці давньогрецьких монет. Вперше монети з зображенням аналогічної сцени почали карбувати на Керкірі (Корфу) ще з VI ст. до н. е. А з V ст. до н. е. цей сюжет почали використовувати і при карбуванні монет Аполлонії, Діррахії та Карістоса.

Другий випадок представлений сценою шматування зайця хижим птахом на двох золотих пластинах від головного убору з кургану № 8 Пісочинського могильника. Сцена є майже буквальною реплікою зображення на серії монет, що карбувалися у останній чверті V ст. до н. е. — на початку IV ст. до н. е. у Акрагасі на Сицилії.

Широке залучення майстрами сюжетів з суто грецького та південноіталійського середовища при виготовленні предметів так званої греко-скифської торевтики демонструє високу ступінь інтервенції у скифське середовище чужорідних образотворчих традицій.

Ключові слова: скифи, торевтика, пектораль з Товстої Могили, давньогрецькі монети, пісочинський могильник.

L.I. Babenko

TWO MONETARY PLOTS ON HANDIWORK OF GREEK- SCYTHIAN TOREUTICS

The particular feature of Greek-Scythian toreutics is the masters' widespread borrowing for decoration of their handiwork of different monetary images and plots.

The range of these borrowings can be supplied with two more cases. The first one is represented by the scene of a cow feeding its calf on the pectoral from Tovsta Mohyla. The similar plot is the closest in chronological and cultural way to the Ancient Greek coins. For the first time the coins representing the similar scene were minted on Corfu starting from the 6th century BC. And since the 5th century people start using this plot during minting coins of Apollonia, Dyrrhachium and Karystos. The second case is represented by the scene of varmint butchering the hare; that was depicted on two golden plates of the headwear from the barrow 8 of Pischyn burial mound. The scene is almost a distinct replica of an image on series of coins that were minted in the last quarter of the 5th — the beginning of the 6th centuries BC. in Acragas on Sicily.

The widespread toreutic borrowings of plots from the Greek and South Italy environment during manufacturing the things of so-called — Scythian toreutics show high degree of extraneous image-making traditions intervention to the Scythian environment.

Keywords: Scythians, toreutics, pectoral from Tovsta Mohyla, Ancient Greek coins, Pischyn burial mound.

Одержано 10.02.2017

А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева,
Д.Б. Дуйсенбай, И.К. Ахияров

ВИХРЕВЫЕ КОМПОЗИЦИИ В ИСКУССТВЕ САКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА ¹

В статье анализируются данные из памятников Центрального Казахстана — Акмустафа, Бакыбулак, Баршатак и Тасмола-5, в материалах которых содержатся предметы конского снаряжения. Основное внимание в работе уделено вопросам изучения вихревых композиций в искусстве саков. Предлагаемая тема рассматривалась комплексно, с привлечением данных по археологии эпохи бронзы и раннего железа, а также филологии, искусствоведению, фольклору, этнографии, истории военного дела.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, ранний железный век, тасмолинская культура, курганы, жертвенники, древнее искусство, изобразительные памятники, вихревые композиции, образ коня.

В последнее время в результате планомерных исследований Центрального Казахстана получены новые данные о тасмолинской культуре [Бейсенов, 2011; 2014а; 2014б; Beisenov, 2013; Beisenov et al., 2014] (рис. 1). В то же время череда ярких открытий, сделанных в различных регионах Степной Евразии, таких как Таксай-1 в Западном Казахстане [Лукпанова, 2014], Кичигино-1 на Южном Урале [Гаиров, Боталов, 2010], Филипповка-1 в Приуралье [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013], Аржан-2 в Туве [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010] и др., новые материалы и исследования позволяют по-новому анализировать имеющиеся данные, выявить те или иные стороны перспективных направлений. Одной из актуальных аспектов

является рассмотрение орнаментов в виде вихревых композиций.

В связи с этим вызывают интерес данные по археологии раннего железного века Центрального Казахстана, полученные во второй половине прошлого века. Так, в 1961 г. экспедицией под руководством М.К. Кадырбаева исследовался могильник Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 315]. Судя по описанию, памятник находится в 1,8 км к северо-востоку от Тасмола-1 и в 2 км к востоку от реки Шидерты. Представлен пятью курганами, вытянутыми ломаной цепочкой с севера на юг (рис. 2, 1). Насыпи курганов сложены из земли и щебня. М.К. Кадырбаев указывает, что вокруг кургана 1 было кольцо, образованное из вкопанных в землю камней. Остальные четыре объекта имеют широкие заплывшие рвы [Кадырбаев, 1966, с. 315].

Первым кругом источников, вызвавшим интерес к данной теме, явились предметы конского снаряжения, выявленные в кургане 3 (рис. 3). Судя по публикации М.К. Кадырбаева, данный объект самый крупный на всем поле (рис. 2, 1). Назовем основные сведения о памятнике: курган имел каменное кольцо в основании, его опоясывал широкий ров, на дне могилы находились разбросанный скелет погребенного, два конских и пять бараньих черепов. Из предметов можно назвать четыре костяные фигурные накладки в виде колец, соединенных друг с другом; бронзовый трехгранный черешковый наконечник стрелы (торчал в одном из позвонков); застежка из оленьего рога, выполненная в виде стилизованной головы грифона. На ее поверхности вырезаны фигура мчащегося кабана, три головы козлов, головы волка и, вероятно, лося. Застеживающаяся часть пряжки оформлена в виде пяти смыкающихся колец. А также — роговое изде-

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии».

Рис. 1. Локализация памятников Акмустафа, Бакыбулак, Баршатаг, Тасмола-5 относительно населенных пунктов Астана, Караганды, Семей, Екибастуз, Тортуй. Исполнитель: Д. Дуйсенбай

лие в виде звена стремевидных удил; предмет из рога с вырезанным отверстием в полый части и вторым фигурным отверстием в выпуклой части; три костяные пронизки, ворворки.

По описанию М.К. Кадырбаева: «череп лошадей и баранов лежали веерообразно, мордами на восток, на них покоился скелет барана. На лбу восточного черепа лошади найдена золотая барельефная фигура хищника весом 7,1 г, в зубах лошади зажаты бронзовые стремевидные удила с остатками пластинчатых железных псалий, украшенных по внешней стороне орнаментом из золотого листа толщиной 0,5 мм. Судя по сохранившимся фрагментам, псалий имел ширину около 2 см и толщину 0,5 см. Края его украшены волнообразными золотыми лентами

шириной до 3 и более мм, а середина — зигзагом из таких же лент» [Кадырбаев, 1966, с. 324].

Слева и у затылочной части черепа этой же лошади собрано 11 круглых железных бляшек, выпуклая поверхность которых украшена раз-

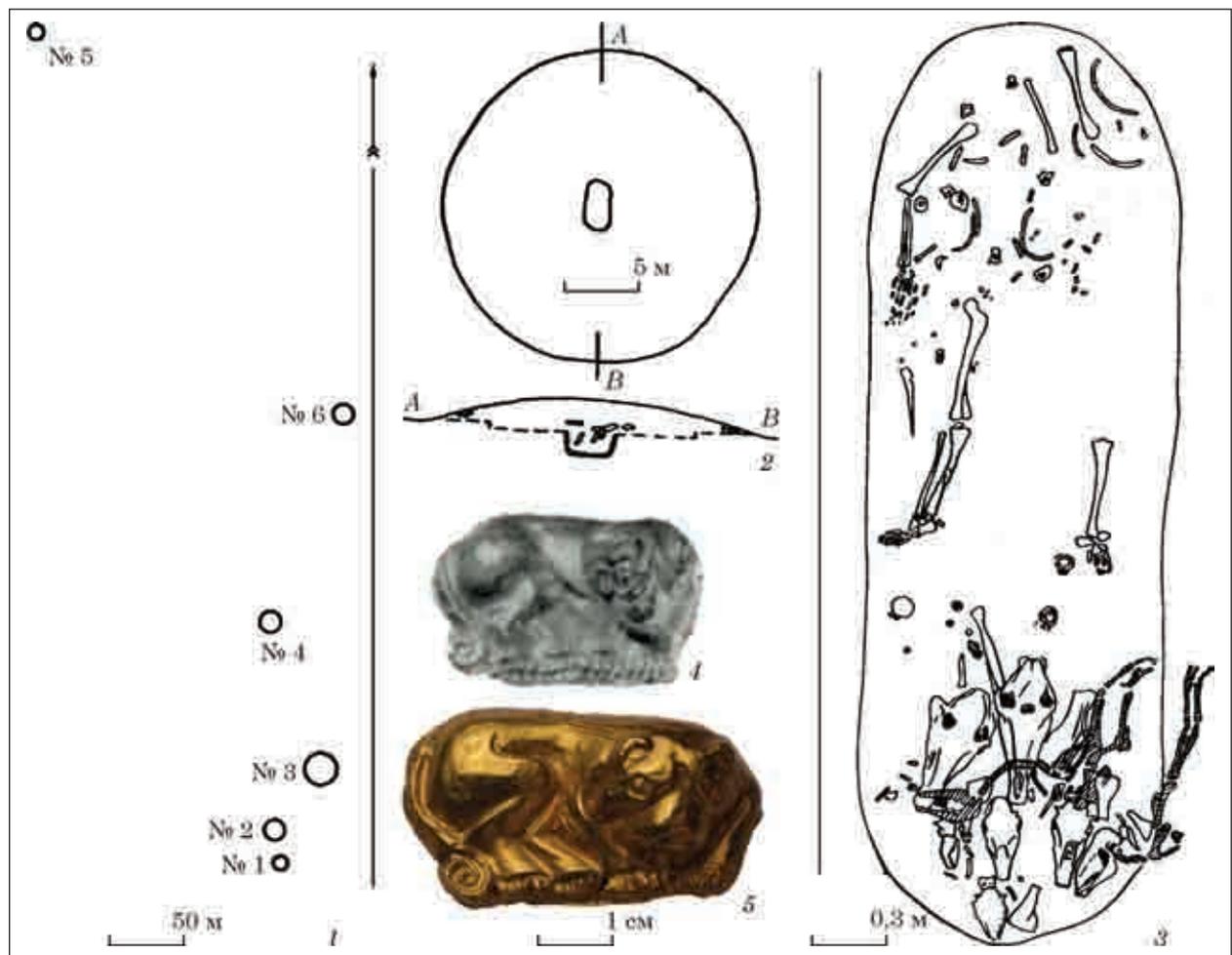

Рис. 2. Могильник Тасмола-5: планы: 1 — могильника; 2 — к. 3; 3 — могильной ямы к. 3; изображения кошачьего хищника: 4 — с налобного ремня уздечного набора, к. 3; 5 — из к. 4 мог. Тасмола-5 (1—4 — по: Кадырбаев, 1966, рис. 11; рис. 20, 3, 4; 63, 3; 5 — фото О. Белялова)

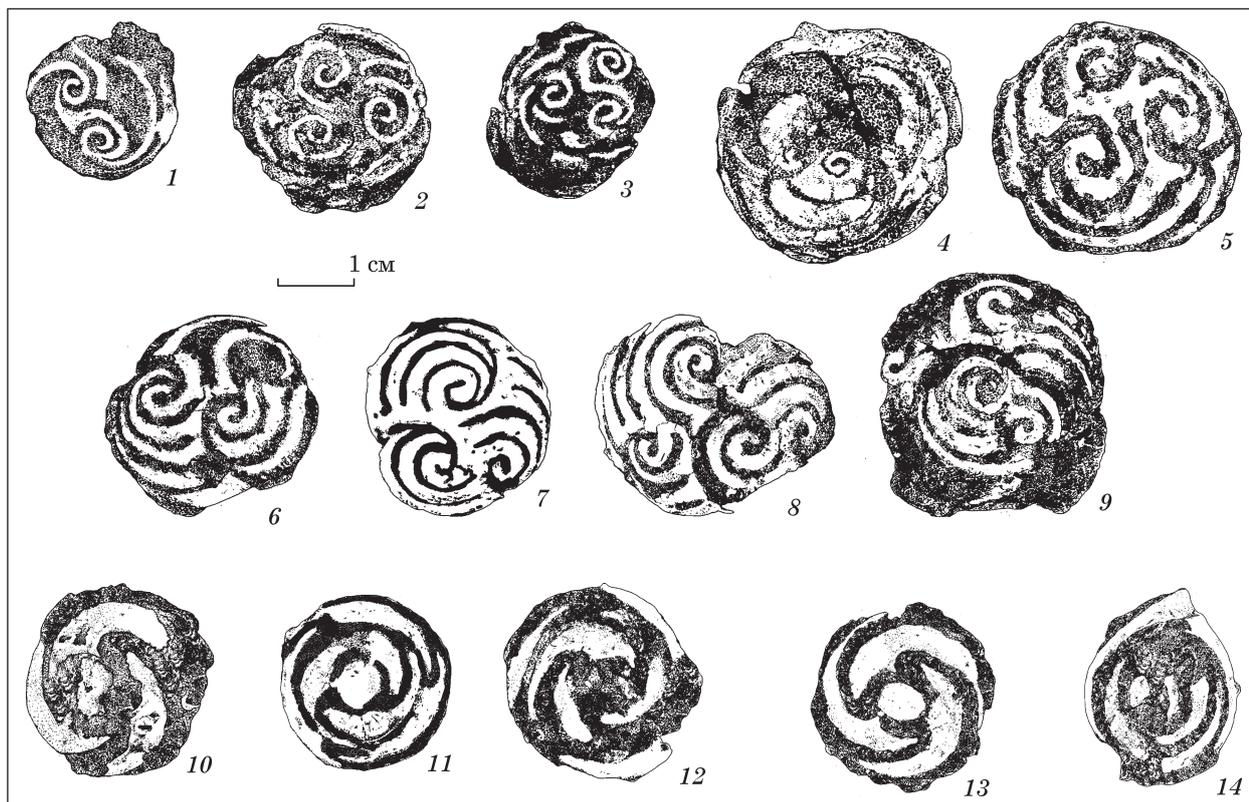

Рис. 3. Могильник Тасмола-5, к. 3. Бляшки от уздечного ремня. Раскопки М.К. Кадырбаева (по: Кадырбаев, 1966, с. 427, рис. 71; 72). Исполнитель: А. Колесникова

личными сочетаниями спиралеобразно-вихревого орнамента из золотого листа (рис. 3). У лопатки лошади лежала семигранная ворворка, чуть севернее — парные бронзовые круглые пряжки с рамковидным выступом. В зубах одного из черепов лошади, находились стремевидные удила с остатками ремней на верхних дужках. У затылочной части подняты бронзовая пряжка, скреплявшая на затылке суголовные ремни, две фигурные ворворки и бляха с ромбовидным штырьком. Из могилы было извлечено всего 34 предмета из бронзы, золота, кости и железа [Кадырбаев, 1966, с. 324—325]. Таким образом, анализируемые материалы происходят из элитарного погребения. Декоративное оформление элементов конского снаряжения, выполненное с использованием золотой фольги, предполагает неординарный сопроводительный комплекс и подчеркивает высокий социальный статус того, кому он был предназначен. Материалы памятника уже не раз привлекали внимание исследователей. Например, многофигурная композиция в декоре пряжки, именуемая «загадочной картинкой», присутствует в ряде работ специалистов, изучающих особенности поясной гарнитуры, вопросы искусствоведческого характера и др.

Возвращаясь к материалам кургана 3 могильника Тасмола-5, отметим, что в составе комплекса конского снаряжения имеется золотая бляха, выполненная в виде изображения хищника, располагавшаяся, очевидно, на

налобном ремне (рис. 2, 4) [Кадырбаев, 1966, с. 324]. Анализ предмета позволяет предположить, что данная находка представляет собой попытку мастера изобразить зверя, свернувшегося в кольцо. Но характер изображения свидетельствует о том, что образ животного, видимо, был не знаком древнему художнику, поскольку он воспроизвел его очень приблизительно. Лапы животного показаны как бы свисающими. Причем иконография тасмолинского зверя имеет ряд аналогий. Похожие находки встречены в курганах 4 (рис. 2, 5) и 6 могильника Тасмола-5, а также в Приаралье [Артамонов, 1973; Итина, Яблонский, 1997], Южном Урале [Таиров, Боталов, 2010] и Приуралье [Яблонский, 2013]. Единственное, в последнем случае трактовка изображения хищника имеет весьма приблизительное сходство, о чем мы упоминали ранее [Бейсенев, Базарбаева, 2013].

В убранстве коня присутствует изображение хищника (рис. 2, 4), крепившееся на налобный ремень и вихревые композиции (рис. 3), в которых, судя по крючковидно загнутым окончаниями, видимо, прослеживается присутствие орнитоморфных образов, выполненных в традициях, именуемых скрытым анимализмом. Связь коня с кошачьим хищником и птицей имеет ряд аналогий в ритуальных масках пазырыкской культуры [Базарбаева, Джумабекова, 2014].

Рассмотрим декоративное оформление элементов узды. Как заметил Н. Ю. Смирнов, анализирувавший предметы, оформленные

при помощи так называемого плетеного узла, тасмолинские находки относятся к иной ступени развития орнаментального сюжета. По мнению исследователя, исходная территория орнаментального мотива — район Приаралья, следующий этап развития — раннескифские комплексы Тувы и Алтая, и савроматские комплексы Южного Приуралья с территорией Центрального Казахстана «в качестве транслирующей медианы» [Смирнов, 2004, с. 294]. На наш взгляд, в предметах из Тасмолы заключены вихревые композиции, оформленные несколько по-разному. В одном случае лучи цельные, расходятся в стороны от центра, обозначенного в виде круга, а в другом — три луча разветвляются от центра и имеют крючковидно загнутые окончания. Ранее указывалось, что в искусстве раннего железного века орнаментальные композиции — это своеобразные знаки-символы, которые имели такое же распространение, как и изображения, выполненные в зверином стиле [Бейсенов, Базарбаева, 2014].

Предметы из Тасмолы-5 — не единственные в Центральном Казахстане, декорированные орнаментальным мотивом в виде вихревой розетки. В последние годы получены новые материалы из могильника Бақыбулак. Также необходимо отметить находки из раскопок ограды 96Б могильника Акмустафа, изучавшегося экспедицией под руководством Ж. Курманкулова, и комплекс случайных находок из Баршатага.

Бақыбулак — разновременный могильник, расположенный на территории Каркаралинского района Карагандинской обл. С западной стороны курганов раннего железного века выявлены каменные жертвенники [Бейсенов,

2015а], округло-овальной формы, составленные из крупных камней. В жертвенниках 4 и 5, расположенных вблизи кургана 14, были найдены комплекты предметов конского снаряжения.

Курганы Бақыбулака, наряду с некоторыми другими памятниками, входят в число выделяемых в настоящее время наиболее ранних объектов тасмолинской культуры [Бейсенов, 2016]. В лаборатории Королевского Университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания были получены калиброванные даты по костным образцам из курганов 14 и 15. На основе полученных дат курганы могильника Бақыбулак были включены в круг памятников раннесакского времени востока степной Евразии. А. З. Бейсенов предложил дату этих памятников в рамках периода VIII—VII вв. до н. э. Ранняя форма наконечников стрел из кургана 9 этого могильника подтверждает такую дату. Таким образом, количество памятников, дата которых охватывает VIII в. до н. э., в настоящее время увеличивается [Бейсенов, 2015б, с. 24—25, рис. 9; Бейсенов, Шаблавина, 2015; Weisenov et al., 2016]. С некоторыми из таких ранних памятников напрямую связана рассматриваемая категория — жертвенники.

Из жертвенника 4 могильника Бақыбулак получен комплекс конского снаряжения, выполненный из бронзы и покрытый фольгой (рис. 4). Псалии напускные, дугообразной формы, украшенные с лицевой стороны косыми насечками. Удила состоят из двух звеньев, каждое из которых с одной стороны завершается прямоугольным окончанием с упором, а противоположное — кольцом. Пронизи найдены в количестве семи экземпляров. С лицевой

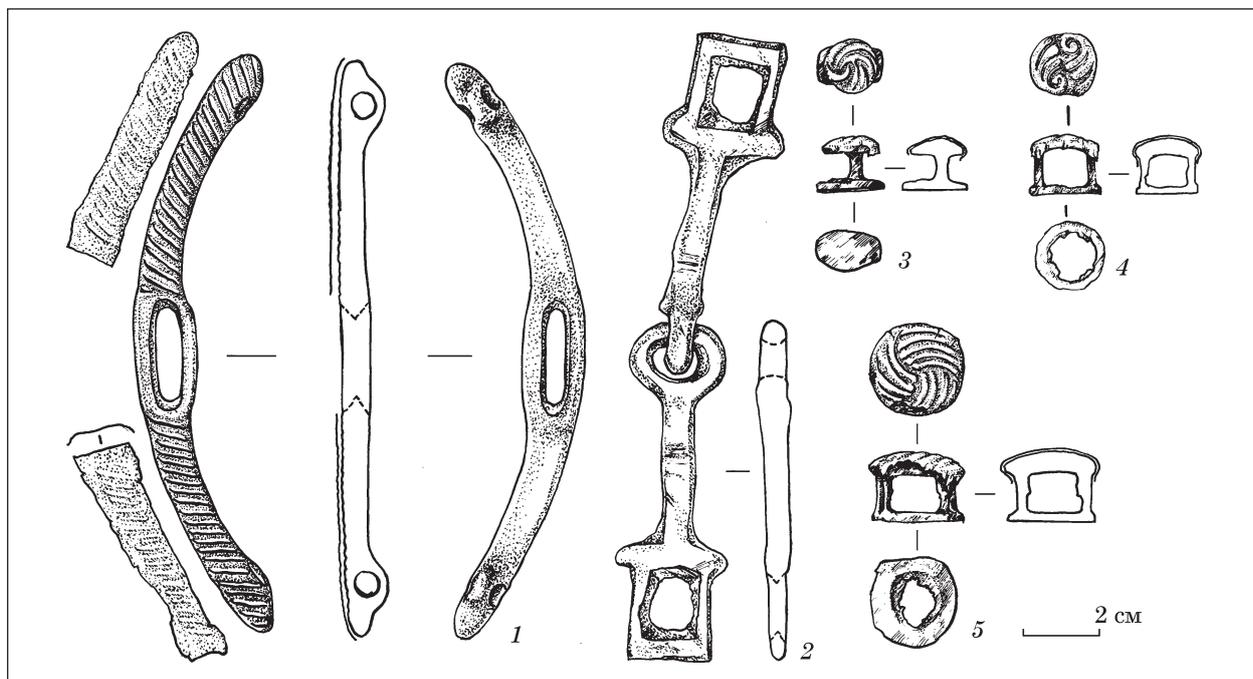

Рис. 4. Могильник Бақыбулак, жертвенник 4. Комплекс конского снаряжения. Раскопки А.З. Бейсенова, Д.Б. Дуйсенбай. Исполнитель: Д. Джанабаев

стороны предметы орнаментированы солярно-вихревой композицией. Две серии распределителей уздечных ремней из шести экземпляров, представляющих собой две пластины (верхняя с вихревым орнаментом, нижняя — в виде овальной рамки), соединенные между собой четырьмя штифтами-стойками. Пара удила с дополнительным колечком внутри стремевидных окончаний из могильника Бақыбулак, жертвенника 5 (рис. 4, 2) не имеет декора. На основании данных изучения вещей трасологическим методом выявлено, что рассмотренные удила из жертвенников Бақыбулака отлиты аржано-черногоровским способом, сделан вывод об единстве производственной традиции тасмолинской и алды-бельской культур [Бейсенов, Шаблавіна, 2015].

В ряд раннесакских комплексов, обнаруженных вне погребального сооружения, относятся предметы конской сбруи из ограда 96Б могильника Акмустафа в Центральном Казахстане. Эти предметы не имеют декора в виде вихревой композиции, тем не менее, приведем данные о них. Ограда 96Б располагалась на территории могильника эпохи бронзы несколько обособленно — в 150 м к юго-востоку от основной части. Ограда была округлой формы, образована семью вертикально установленными плитами. Внутри ограды находилась упавшая плита, некогда стоявшая вертикально. Западнее этой плиты были найдены металлические предметы конской сбруи. На глубине 0,2 м — подпружная пряжка и пронизь-застежка с грибовидной шляпкой. На глубине 0,4 м была выявлена яма прямоугольной формы со сторонами 0,15 × 0,16 м, содержащая фрагменты сожженных костей лошади, бронзовые, железные предметы конской узда.

Комплекс содержит: пару трехдырчатых псалиев с двуплановым расположением отверстий; удила со стремевидными окончаниями и отверстием пешковидной формы, с упором, с прямоугольными выступами на стержнях; две пряжки; три обоймы-распределителя, полусферические шляпки которых имеют граненую поверхность; три пронизи-застежки с круглой шляпкой на стержне; две фрагментированные полусферические бляшки; две фрагментированные бляшки с ровным щитком, имеющим невысокую закраину; кольцо. Три изделия из железа — одна застежка и две бляшки с закраиной. Все остальные предметы выполнены из бронзы. Датирован комплекс VIII—VII вв. до н. э., автор находки Ж. Курманкулов связывает его со стелой бегазы-дандыбаевского (позднебронзового) облика, у подножия которой было совершенно ритуальное захоронение черепа лошади. Предметы узды из ямы побывали в костре, совершенном в стороне. Среди находок также имеется несколько неподдающихся определению фрагментов от расплавленных бронзовых предметов [Бейсенов, 2015г, с. 114, рис. 3].

В Центральном Казахстане на могильнике эпохи бронзы Талдысай (Улытауский р-н, Карагандинская обл.) был изучен курган 1 с каменно-земляной насыпью, давший еще один подобный комплекс. В основе кургана находилась каменная ограда диаметром 8,5—9 м, несомкнутая в восточной стороне. Ограда не содержала могильную яму и следов человеческого захоронения. Внутри ограды, вблизи восточной, несомкнутой, стороны, на древнем горизонте были найдены сложенные в кучку бронзовые предметы конского снаряжения: пара подпружных пряжек и двусоставные удила архаичного типа. Примечательно, что изделия долгое время находились в применении, оба звена удила преднамеренно сломаны. Удила — двукольчатые с двуплановым расположением отверстий, внешнее кольцо выполнено в виде стремени. Датировка — VIII—VII вв. до н. э. [Бейсенов, 2002].

Изделия с декором в виде вихревой розетки имеются среди предметов конской упряжи, найденных, по-видимому, в 1960-х гг. в 30 км от с. Баршата (Аягозский р-н, Восточно-Казахстанская обл.). При поступлении в Центральный Государственный музей РК (г. Алматы) предметы были определены как случайная находка, хотя, на наш взгляд, состав их допускает предположить, что они найдены в околочурганном жертвеннике. Данная местность, ранее относившаяся к Шубартаускому району Семипалатинской области, географически находится в восточной оконечности Казахского мелкосопочника и тяготеет к территории Центрального Казахстана (Восточная Сарыарка).

Комплекс, представляющий собой, скорее всего, приклад раннесакского времени, состоит из 13 предметов (рис. 5). Набор довольно стандартный: псалий напускной изогнутый трехдырчатый (центральное отверстие перпендикулярно концевым, оформленным в виде подпрямоугольного кольца) (рис. 5, 1); удила со стремевидными окончаниями и рифленой поверхностью в виде двух рядов квадратов (рис. 5, 2); ворворка в виде усеченного конуса (рис. 5, 5), обойма поясная (рис. 5, 6); застежка уздечных ремней (рис. 5, 7), четыре распределителя уздечных ремней (рис. 5, 3, 4); пряжка (рис. 5, 8); две бляшки плохой сохранности, железная и бронзовая (рис. 5, 9, 10). Из них — распределители ремней и застежка декорированы вихревой композицией. Распределители ремней — одна крупная и три поменьше по размеру. Описание и атрибуция этих предметов приведена в статье Б.Б. Бесетаева [Бесетаев, 2016]. В настоящее время предметы хранятся в фондах ЦГМ РК (коллекционный шифр: КП 20304/1—14) [Культура ..., 2008].

Судя по имеющимся данным, предметы конской упряжи с вихревым орнаментом происходят как из погребений, так и из жертвенно-поминальных сооружений. Выкладки из камней

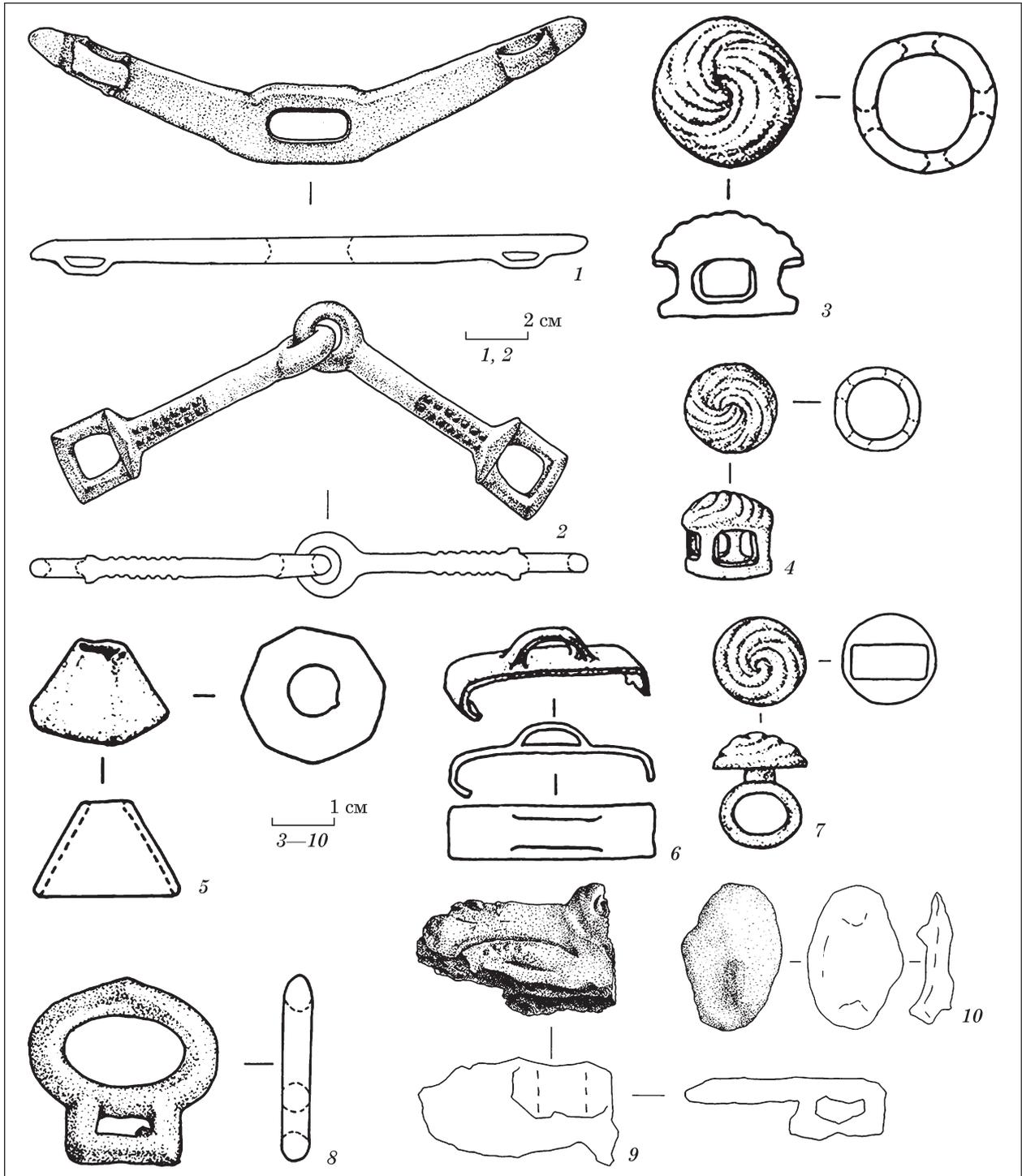

Рис. 5. Комплекс Баршата, ВКО. Случайная находка. Фонды ЦГМ РК. Исполнитель: Д. Джанабаев

на могильниках обычно трактуют как жертвенники [Бейсенов, 2015а], поминальники, ритуальные, культовые места, функционирование связывается с циклом поминальных обрядов.

Каменные выкладки, расположенные с западной стороны курганов, А.А. Тишкин и Е.В. Шепелева рассматривают как «реализацию акта «кормления», прощания с душой умершего, задабривания богов, а также средство связи с потусторонним миром» [Тишкин, Шепелева, 2006, с. 68].

С жертвоприношением связывает внекурган-ные сооружения, сопровождающие погребения раннескифского времени, Д.Г. Савинов. Жертвоприношения, по его мнению, тесным образом связаны с погребальным обрядом. При этом, умерший является посредником (медиатором) в передаче тех или иных ценностей, характерных и необходимых для данного сообщества.

Сопроводительные захоронения животных или их соответствующих частей необходимо рассматривать как предназначенные для са-

мого погребенного, так и те, что покойный должен представить в потустороннем мире для их реинкарнации.

В качестве наиболее ярких и известных примеров можно назвать Аржан-1 и Аржан-2. В каменных кольцах были выявлены угли, кости лошади, оплавленные вещи. Подобные памятники, по мнению Д.Г. Савинова, представляют собой как погребальные, так и ритуальные (жертвенные) комплексы [Савинов, 2012].

К.В. Чугунов рассуждает о ритуальных кладках между плит ограды кургана Аржан-2. Исследователь склоняется к мнению, что кольцевые каменные выкладки являлись местами жертвоприношений. Состав кладок представлен наконечниками стрел, элементами конской сбруи. Таковы: клад 2б, который мог быть помещен между плит кромлеха сразу после его постройки; «клад» 2а — залегал за внешними плитами. На втором этапе погребального обряда когда происходили непосредственные похороны «царя», в могилу «царя» положили котлы и блюдо, в яму могилы 2 — украшения рис. царского» коня, а уздечный набор закладывают между плит в восточной части ограды («клад»-приношение 1) [Чугунов, 2011а].

Такие «кладки», явно ритуального характера, распространены по всей территории степной Евразии. Например, на Алтае одной из отличительных черт части раннесакских погребений можно считать захоронение рядом с могилкой, но в отдельной яме, взнузданного коня или только комплекта узды.

В Восточном Казахстане погребальный обряд начального этапа сакской эпохи включал положение конской сбруи на горизонте, внутри ограды, рядом с могилкой погребенного. Среди них можно назвать комплекс в 12 км от ст. Ушбиик (Уш-Биик), комплекс из ограды 17 мог. Измайловка, клад у с. Камышинка. В Жетысу (Семиречье) и Кыргызстане известно несколько комплексов начального этапа эпохи ранних кочевников: Биже (Быжы), Тюп, Шамалган, Иссык и др.

О ритуальном характере комплексов говорит почти стандартный набор на всей территории, следы воздействия огня или намеренно сломанные предметы, кости животных (лошадь). Характерно, что период появления таких кладок — раннесакское время, они выступают своеобразным маркером сложения раннесакского культурного комплекса, формирования слоя конных воинов. Фиксируются неизбежные для огромной территории вариации в деталях состава и локализации комплексов. Можно допустить, что, как и в случае с традицией установки оленных камней, затухающей с востока на запад (но фиксируется традиция установки стел в раннесакское время), уменьшается количество жертвенных лошадей (от нескольких десятков на территории Монголии и Тувы) в сторону Казахстана. В западной части скифс-

кого мира количество жертвенных лошадей насчитывает десятки и сотни в одном памятнике.

Д.Г. Савинов предполагает о жертвенном характере каменных оградок, колец и предметов с костями животных в них.

Возможно, одной из линий дальнейшего развития ритуальных кладок декорированной конской упряжи, явилось сопроводительное сопогребение коней, декорированное убранство которых полностью преображало их.

Видимо, мотив кругового движения, розетки, свастики имеют если не одинаковое, то, по крайней мере, весьма сходное значение. В связи с этим определенный интерес представляют две новые находки, происходящие из могильника Кайтпас-1, расположенного на окраине г. Шымкент в Южном Казахстане (рис. 6, 2). По описанию Б.А. Байтанаева, исследовавшего памятник в 2012 г., материалы происходят из кургана 2, содержащего парное погребение [Байтанаев, 2013, с. 88]. Предметы представляют собой два золотых диска диаметром 6,7 см по внешнему контуру и 3 см — по внутреннему. В центральной части дисков были вставки из кости. По внешнему краю дисков фиксируется 12 сквозных отверстий, в двух из которых сохранились согнувшиеся золотые гвоздики длиной 6 мм. Изображения на дисках выполнены штампом. Изделия парные.

Уникальная находка из могильника Кайтпас-1 требует детального рассмотрения в контексте изучения особенностей культуры населения, оставившего данный тип курганов, и т. д. Пока можно отметить лишь в общих чертах особенности изображения на дисках. Здесь в узкое пространство диска по кругу вписано по одному изображению фантастического животного, у которого голова птицы с мощным, открытым клювом с восковицей, характерные лопатовидные рога лося, хвост кошачьего хищника, завершающийся колечком. Видимо, форма предмета предполагает наличие круговой композиции, которая также может заключаться в фигуре зверя, свернувшегося в кольцо. Изображение выполнено настолько стилизовано, что, во-первых, возникают затруднения с идентификацией лап животных и, во-вторых, в присутствующих завитках как будто угадывается намек на наличие крыльев, которые одновременно напоминают роговидные отростки, птичьих головы и т. п.

То, что на одном предмете животное обращено вправо, на другом влево предполагает их симметричное крепление, образующее геральдическую композицию.

Подобные зооморфные изображения имеют место в искусстве пазырыкской культуры. В то же время удлиненные пропорции тела наталкивают на мысль о присутствии драконовидного существа. Несмотря на перекличку с изобразительными памятниками пазырыкской культуры, Кайтпас-1 вряд ли нужно связывать с этой археологической культурой, но стилистические особенности

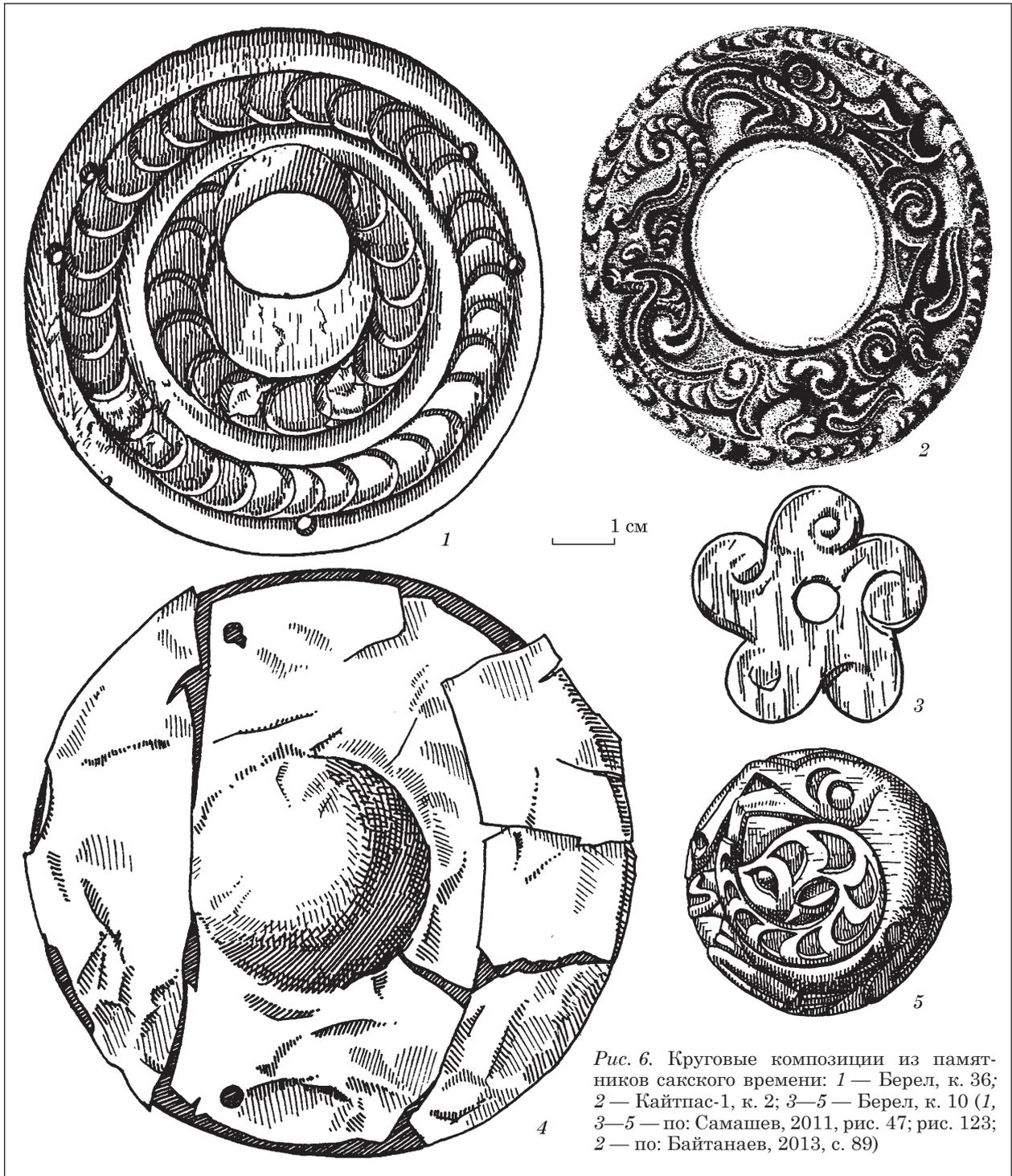

Рис. 6. Круговые композиции из памятников сакского времени: 1 — Берел, к. 36; 2 — Кайтпас-1, к. 2; 3—5 — Берел, к. 10 (1, 3—5 — по: Самашев, 2011, рис. 47; рис. 123; 2 — по: Байтанаев, 2013, с. 89)

изображения на дисках, усиленные указанной «драконовидностью», наталкивают на мысль «об ушедших на запад» юечжах. Б.А. Байтанаев датирует Кайтпас-1 на основании керамических сосудов, имеющих аналогии в керамике Согда, IV—II вв. до н. э. [Байтанаев, 2013, с. 88].

Мотив кругового движения в скрытом виде присутствует в декоре предметов из берельских курганов. Например, в оформлении некоторых находок из курганов 10 и 36 [Самашев, 2011]. Так, в налобной бляхе из кургана 36 по кругу

вписан чешуйчатый орнамент (рис. 6, 1), который в ходе анализа зооморфных изображений ансамбля конского убранства в целом позволяет атрибутировать его как принадлежность к образу птицы. Поскольку ведущий зооморфный образ данного комплекта представлен фантастическим существом, у которого хищный крючковидно загнутый вниз клюв и корона лосиных рогов. В этой связи также интересны круговые композиции из берельского кургана 10 в виде вихревой розетки (рис. 6, 3), в виде круглой налобной бляхи с по-

Рис. 7. Тургайская свастика. Космоснимок. Copyright: Mapdata©2014, 2007 Digital Globe, courtesy GoogleEarth (по: Логвин, Шевнина, 2011, фото 13; Motuzaite Matuzeviciute et al., 2016, fig. 7)

лусферическим выступом в центре (рис. 6, 4), а также композиция в виде изображения архара, свернувшегося в кольцо (рис. 6, 5).

Некоторое исследование вихревых композиций позволяет отметить еще один момент. Среди геоглифов — памятников археологии Тургай, географически тяготеющему к западному крылу Сарыарки, также присутствует свастика (рис. 7) [Логвин, Шевнина, 2011; Motuzaite Matuzeviciute et al., 2016]. В настоящее время нами на примере одного так называемого «геоглифа», расположенного неподалеку от села Акшыганак (Джангельдинский р-н, Костанайская обл.) и обследованного в полевом сезоне 2016 г., подвергается сомнению правомочность применения этого термина ко всем таким сооружениям. Речь идет об обычных культово-ритуальных объектах, присутствующих в планиграфии археологического комплекса или расположенных отдельно. Рассмотренный в районе с. Акшыганак, неподалеку от кладбища Борсыкбай и зимовки Жалкыгтобе, памятник представлен одним курганным сооружением и системой небольших «поминальников» (жертвенников), вытянутых в одну линию и расположенных с ЮЮЗ от погребального сооружения (рис. 8). Комплексы подобной планиграфии имеются как в Казахстане, так и во многих регионах степной Евразии и Центральной Азии. Один из примеров — комплекс «37 воинов» в Карагандинской области [Бейсенов, 2015в]. Тургайские «геоглифы» являются обыкновенными археологическими памятниками погребально-поминального характера. Следует ли, например, керексуры Центральной Азии или любые большие системы жертвенников, столь характерных для культур раннесак-

кой/раннескифской эпохи степной Евразии, называть «геоглифами»?

Группой А.В. Логвина выполняется большая и важная работа по фиксации и изучению памятников Тургай. Надо полагать, дальнейшие исследования позволят раскрыть суть таких «загадочных» сооружений.

В настоящее время в научный оборот введены данные о «геоглифах» в виде свастики, квадрата (2), кольца / круга (4/2), креста (7), линии (18) [Логвин, Шевнина, Дей, 2011; Motuzaite Matuzeviciute et al., 2016]. Так, Тургайская свастика вписывается в окружность диаметром около 90 м. Тургайское кольцо образовано из 25 насыпей. Диаметр кольца — 170 м. Уштогайский квадрат (рис. 9) имеет сторону в 287 м, а диагональ — 406 м. Образован квадрат из 101 насыпи, диаметром по 10—12 м и высотой до 1 м. Длина стороны Шилийского квадрата около 225 м. Большой Ашутагинский крест образован из 38 насыпей. Длина фигуры — 436 м. Южнотургайский крест образован из 20 насыпей. Длина фигуры — 195 м.

На двух объектах, с Большого Ашутагинского креста и Тургайского кольца были взяты образцы для датирования. Памятники расположены на расстоянии 120 км друг от друга. Полученные результаты имеют очень близкие данные, которые укладываются в интервал, свидетельствующий о том, что объекты оставлены примерно 2800—2750 лет назад [Motuzaite Matuzeviciute et al., 2015, p. 6].

Относительно культурно-исторической принадлежности памятников исследователи пока воздерживаются от преждевременных выводов. Однако, характер памятников и, особенно, их форма представляют для нас огромный интерес в свете анализа истоков и генезиса вихревых композиций.

И свастика, и кольца, и квадрат с диагоналями находят аналогии среди изобразительных памятников эпохи бронзы и раннего железа. Единственное отличие заключается в материале и масштабах, соответственно. Если на керамике, металле, роге запечатлены одиночные изображения (квадраты с вогнутыми сторонами; свастики) или орнаментальные композиции в декоре сосудов, то в случае с погребально-поминальными конструкциями — «геоглифами» — дело обстоит иначе. Здесь «узорь» создается из земли. Дефицит камня в регионе внес отпечаток на культуру местных обитателей. Если бы они сооружались из камня, — данный журналистский «термин» в данном случае, скорее, отпал бы.

Все эти фигуры присутствуют в памятниках материальной культуры эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 10). Так, например, квадраты с вогнутыми сторонами широко присутствуют в декоре конского снаряжения в серии памятников раннесакского облика (рис. 10, 10—12). Свастики, кольца, кресты очень часто встречаются в орнаментации на керамике эпохи бронзы, с чем пере-

кликаются и металлические украшения (рис. 10, 1—9). В работах видного казахстанского исследователя И.А. Кукушкина подчеркнута связь свастичного орнамента эпохи бронзы с конем, с колесницей. В культуре ранних кочевников эта связь проявляется в размещении жертвенных коней в могилах, а также в системах жертвенников, включающих многочисленные сооружения из камня [Кукушкин, 2003; 2004].

Количество насыпей, образующих «геоглифы», — 101, 38, 25, 20, свидетельствует о множественности, цикличности осуществляемых действий. Д.Г. Савиновым при анализе количества жертвоприношений на различных памятниках раннего железного века Степной Евразии было тонко подмечено: «Естественным образом возникает вопрос: одновременны или разновременны в каждом комплексе входящие в них объекты жертвоприношений, число которых, как уже говорилось, в некоторых случаях достигает несколько сотен. Если разновременны, то, кроме самого акта жертвоприношения, они могут являться знаками присутствия участников ритуальных действий, не более. Если одновременны, то их количество не обязательно связано с числом участников обряда, а имеет качественно иную основу и демонстрирует паритет желаемого и действительного: реальное или символическое соотношение пожертвованных и (очевидно, желательно умноженных) получаемых ценностей. В пользу последней точки зрения, не исключаяющей, впрочем, и первую, свидетельствует не случайное (хаотическое), а явно продуманное, четко организованное и планиграфически выверенное расположение жертвенных объектов (колец, выкладок и т. д.) относительно центрального сооружения. Особенно выразительно это проявилось при создании курганов-херексуров и установке связанных с ними оленьих камней» [Савинов, 2012, с. 357].

В ходе анализа идеи множественности в культуре кочевников раннего железного века и средневековья Д.Г. Савинов также акцентирует внимание на моменте сближения материалов скифского и древнетюркского времени, разделенных несколькими веками. Д.Г. Савинов отмечает, что это обстоятельство вполне логично, поскольку, «именно древнетюркский культурный комплекс содержит целый ряд и других элементов, непосредственно (минуя гунно-сарматскую эпоху) восходящих к скифскому времени» [Савинов, 2012, с. 362].

Возвращаясь к анализу тургайских «геоглифов» заметим, что, по всей видимости, эти «знаки» маркируют существование не открытого и, поэтому, неизвестного нам, нового культурного

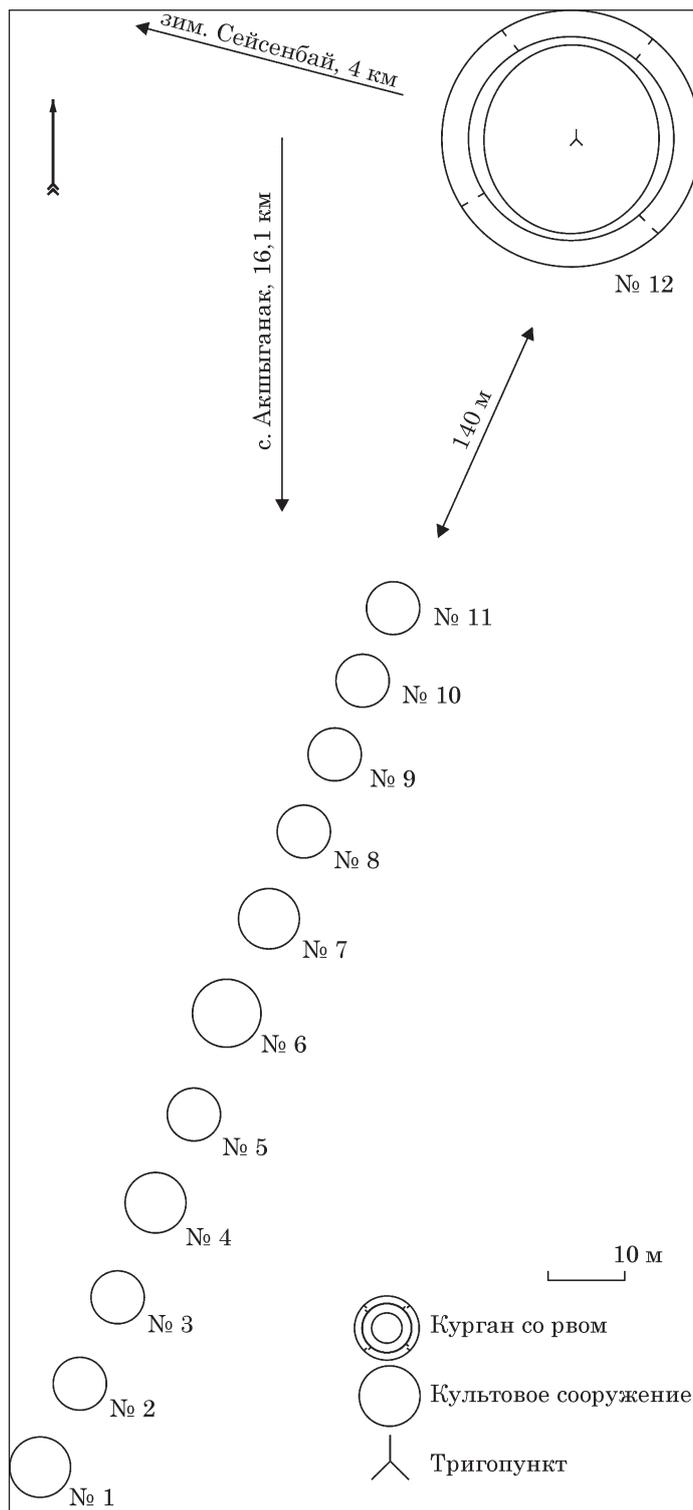

Рис. 8. Курган Борсыкбай. Ситуативный план памятника. Исполнитель: Д. Дуйсенбай

сообщества начального этапа раннего железного века, весьма близкого ныне известным образованиям раннесакского круга Казахстана и степной Евразии.

В Западной Сарыарке в полевых сезонах 2015—2016 гг. проведены поисково-разведочные работы и раскопки. Полученные материалы логично укладываются в круг древностей, синхро-

Рис. 9. Уштогайский квадрат, космоснимок. Copyright: Mapdata©2014, 2007 Digital Globe, courtesy GoogleEarth (по: Логвин, Шевнина, 2011, фото 12; Motuzaitė Matuzevičiūtė et al., 2016, fig. 2, b)

низируемых с Тасмолы [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015]. Разумеется, основные выводы, объем и содержание которых будут зависеть от масштаба планируемых работ, еще впереди.

Что касается технологии изготовления железных предметов, декорированных золотом, то довольно подробная подборка таких комплексов приводится в недавней работе И.В. Рукавишниковой [Рукавишников, 2015]. Назовем несколько комплексов: Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966], Иссык [Акишев, 1978], Южный Тагискен [Итина, Яблонский, 1997], Аржан-2 [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010], Филипповка-1 [Яблонский, 2013]. Причем во всех остальных комплексах кроме Тасмолы-5 золотом декорированы предметы вооружения. Парадный характер предметов подчеркивает престижность вещи, принадлежавшей привилегированному слою общества древних кочевников.

Вихревые розетки и спиралевидный орнамент, используемые в декоре бляшек из Тасмолы, в какой-то мере перекликаются с оформлением железных предметов вооружения из Аржана-2.

Кинжал из могилы 5 декорирован изображениями животных, стилизованных крыльев и спиралей, стилизованных голов хищной птицы [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 8; 9; 40]. На навершии изображены обращенные друг к другу кошачьи хищники, вероятно, тигры [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 8; 9; 40, 1, 2, 5]. Между тиграми находится стилизованное, со спиралевидными завитками изображение копытного животного. По форме рогов можно предположить, что это козел. На рукояти находится подобная же сцена с козлом

между двумя тиграми. Далее на рукояти изображены копытные животные — олени и козлы [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 8; 9, 1a; 40, 1, 2, 4, 5; 9, 1b—1d; 40, 3].

На клинке помещен рельефный фриз из животных [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 8; 9, 1a; 40, 1, 4—8]. Здесь также чередуются изображения тигров и копытных животных. Фриз с обеих сторон окаймлен орнаментальной полосой, состоящей из спиралевидных завитков, возможно, стилизованных изображений голов хищных птиц [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 8; 40, 1, 5—8]. На перекрестье и навершии сюжет развернут на 90°, между двумя тиграми помещено изображение копытного животного.

В этой же могиле находился нож с кольцевым навершием, рукоять которого плакирована золотом [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 10, 1; 11, 1; 41, 1]. Предмет декорирован удлиненными, V-образными, изогнутыми элементами [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 10, 1; 11, 1; 41, 1]. V-образные фигуры заполнены стилизованными изображениями баранов и спиралевидными элементами.

Второй нож с кольцевым навершием орнаментирован двумя рядами соединенных друг с другом спиралевидных завитков [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 10, 2; 11, 2; 41, 2]. Похожий орнамент встречается на клеуце [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 27; 49] и на лезвии железного кинжала скелета 2 [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 61].

Железные наконечники стрел: на каждой из трех сторон был нанесен спиралевидный завиток, возможно, стилизованное изображение хищной птицы, с повернутой назад головой, как и на железном трехгранном наконечнике стрелы со сценной терзания [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 22; 23; 24, 5—12; 46, 2—11; 24, 3; 46, 1].

Железный чекан покрыт спиралевидными завитками и пламевидными фигурами, как и нож [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 27; 49]. Железный вток с золотой плакировкой [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 27, 3—6] сохранился во фрагментах.

К. В. Чугунов прослеживает аналогии полусвернутой позы хищника, зафиксированной на кинжале из Аржана, в некоторых областях скифского мира (Жетысу (находка из Жалаулы), Северо-Западный Пакистан, Приаралье) [Чугунов, 2011б, с. 52—53]. Второй элемент, указывающий на связь Тувы с другими районами скифского мира, — сложный завиток. Автор не исключает трактовку завитка П.И. Шульгой (комбинация из орлиных голов, позже трансформировавшаяся в образ грифона) и М.П. Завитухиной (растительные мотивы). Предполагает, что распространение мотива «сложного завитка» показывает связь искусства раннескифского времени Тувы, Хакасско-Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Казахстана.

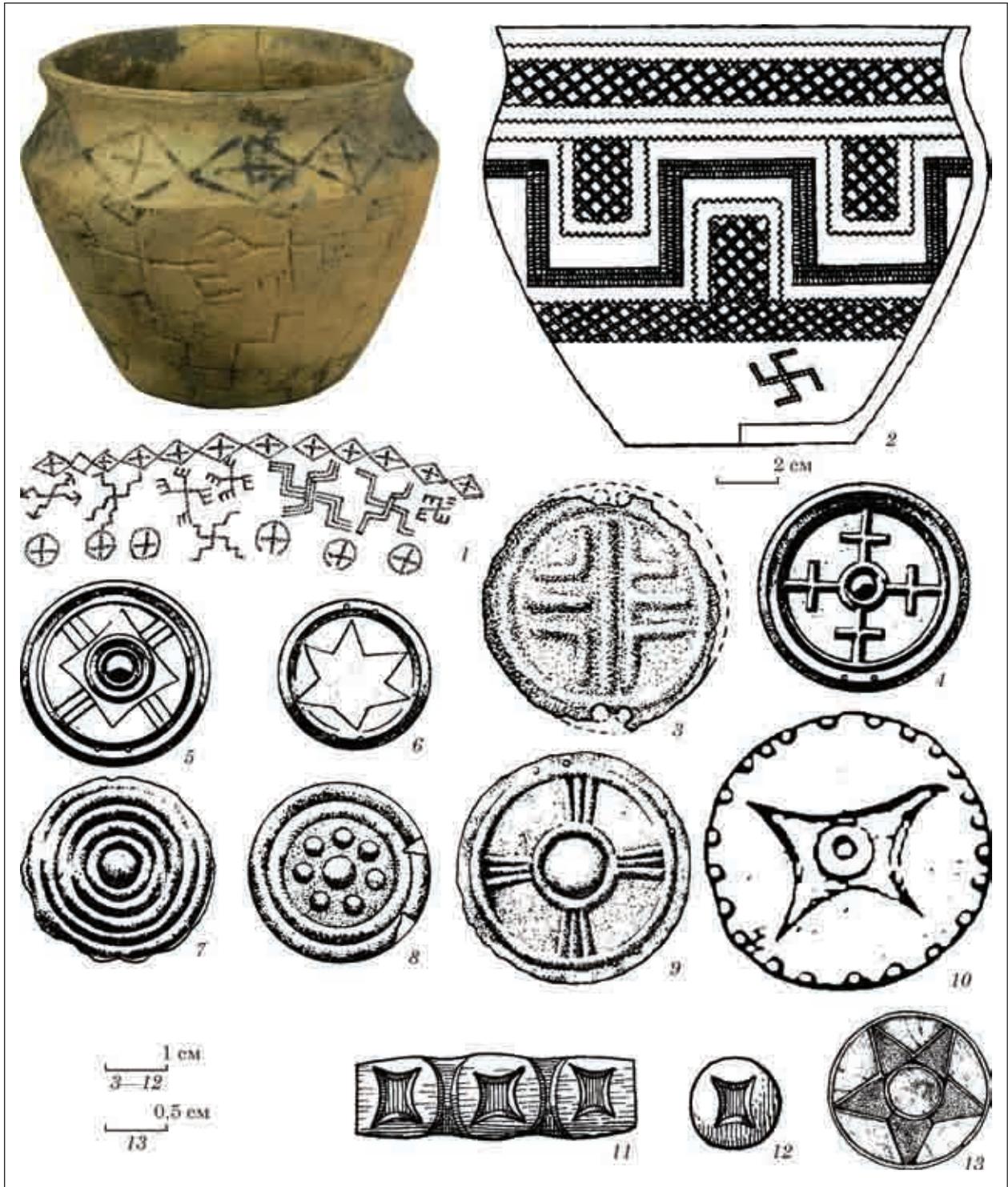

Рис. 10. Элементы геометрического орнамента в декоре предметов эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана: 1 — Бестамак; 2 — Кент; 3 — Кызылбулак-1; 4, 5 — Былкылдак-1, огр. 8; 6 — Былкылдак-3, огр. 1; 7, 9 — м. Алексеевский, п. 3; 8 — Бугулы-1; 10 — Измайловка, к. 5; 11, 12 — Берел, к. 36; 13 — Шиликты, к. Байгетобе (1 — по: Логвин, Шевнина, 2011, фото 7; 2 — по: Ломан, 2015, с. 78, рис. 4, 11; 3 — по: Марьяшев, Горячев, 2011, рис. 5, 28; 4—9 — по: Маргулан, 1979, с. 314, рис. 228, 1—3, 7, 9, 10; 10 — по: Ермолаева, 2012, с. 208, рис. 78, 1; 11, 12 — по: Самашев, 2011, рис. 416, 421; 13 — по: Toleubaev, 2006, с. 53) (1, 2 — керамика; 3—10 — металл; 11, 12 — рог; 13 — металл, рог, камень)

Кроме этого мотива, предметы из Аржана-2 украшены и другими изображениями, в числе которых можно назвать пламевидные фигуры, иногда образующие более сложные композиции.

Орнаментальные мотивы, обрамляющие навершью на кинжале — спиральные завитки и криволинейные фигуры. К.В. Чугунов подобные мотивы находит в китайской историографии как орнамент «в виде облаков». По мнению

автора, многое указывает на центрально-азиатское происхождение традиций искусства звериного стиля из комплекса кургана Аржан-2. Наиболее многочисленная группа изделий, по его мнению, находит аналогии среди древностей Казахстана [Чугунов, 2011б, с. 55—56].

Специалист по древней технологии изготовления изделий из металла Р.С. Минасян пришел к выводу о том, что железные изделия из кургана Аржан-2, декорированные золотом, плакированы. Для нас важен вывод о том, что такие вещи не пригодны для использования в быту, они «изготавливались специально для обряда погребения особо знатных умерших, чтобы они ими могли пользоваться в загробной жизни» [Минасян, 2014, с. 260, 261]. Вывод сделан на основании того факта, что накладки на плакированных предметах механически не закреплены.

Нас интересует семантический аспект изображений на кинжалах. Ю.Б. Полидович, анализируя декор кинжалов с золотой плакировкой, выделил три основные темы: жертвенная смерть; «шестые животные»; ритмическое повторение одноименных животных [Полидович, 2014, с. 263]. Железные клинки, украшенные золотом, по мнению Ю.Б. Полидовича, безусловно, не могли быть боевыми. Это церемониальные и/или ритуальные предметы [Полидович, 2014, с. 266]. Можно предположить, что соединение в одном предмете изображений спиралевидных завитков, копытного животного и тигра, выражающее идею жертвенной смерти, должно перекликаться с соединением в убранстве коня образа кошачьего хищника и спиралевидных завитков. Рассматривая семантику сцен с присутствием хищника и его жертвы, Ю.Б. Полидович предполагает, что на кинжале выделяется целый ряд «композиционных формул», выражающих различные воплощения мотива терзания. На кинжале из Аржана-2 размещается один из вариантов. Эти сцены символизировали смерть жертвы [Полидович, 2006, с. 360]. В целом, сцены нападения / терзания трактуются как символическое изображение жертвоприношения.

Один из часто приводимых примеров воплощения этой идеи — бляха VII—VI в. до н. э. (о дате предмета см.: [Акишев А.К., 1976, с. 188] из Прииртышья, в декоре которой отражена тема культа солнца и жертвоприношения. А.К. Акишев отмечает: «семантика мотива на пряжке из Прииртышья, вероятно, объясняется существованием древнего культа Солнца и огня. Форма пряжки является вариацией солярного креста и свастики, а сцена пожирания чудовищами сайгака отражает религиозную философию дуализма» [Акишев, 1976, с. 188].

В композиционной идее трехчастной жертвы выражена в фигурах трех хищников. Специалистами постулируется связь коня с солярным богом, что выражается солярными символами (свастика, крест, розетка). Учитывая, что сцены нападения/терзания рассматриваются как

изображения, воплощающие идею возрождения через смерть, их использование для декора конского снаряжения и предметов вооружения — закономерно. Отмечается, что эти предметы подчеркивают знатное, аристократическое или же царское происхождение их владельцев [Полидович, 2006, с. 369, 370, 373].

Е.Ф. Королькова отмечает семантическое единство и иконографическую близость зооморфных свастик и вихревых розеток. Конская сбруя — наиболее предпочтительный объект для размещения деталей, украшенных мотивом зооморфной свастики. По ее мнению, самые ранние зооморфные свастикообразные изображения появились в Центральной Азии [Королькова, 2009, с. 67].

Символика изображения свастики и вихревой розетки, связь с конем достаточно подробно рассмотрена в литературе. В целом, в древнем искусстве посредством сцен с присутствием копытного и хищного животных реализуется представление о круговороте жизни и смерти, иллюстрируется мифологема цикла «жизнь—смерть».

В мифологической традиции скифо-сакских племен конь — один из важнейших мифологических образов, — предстает как верховое животное, обладающее способностью переноситься из одной зоны мироздания в другую; он — носитель воли божеств, связующее звено между мирами. Лошадь играет важнейшую роль в цикле смерть—возрождение—бессмертие. Это прослежено и по предметам с ее изображением, и по погребальному циклу, и по героическому эпосу. В них конь выступает как товарищ, оружие войны, средство общения с миром предков.

Особенностями общества скифского времени, общества потестарного типа, являются, в частности, ограниченные возможности экстенсивного кочевого хозяйства, нестабильность кочевнической экономики, постоянные войны за скот и пастбища, родоплеменная структура общества, в основе которой лежит военно-политическая организация. В этих условиях почти все взрослое боеспособное население обязано было принимать участие в военных действиях. Мужская часть общества составляла военное ополчение, основную часть дружины, ядро ее было представлено профессиональными воинами — военной аристократией [Хазанов, 1975, с. 12—130, 166, 179—181 и др.].

Надо полагать, позицию исследователя скифского общества, скифского воинства (как, впрочем, и иных обществ), в значительной степени должен определять фактор психологический, незаслуженно игнорируемый. Психологическая оценка профессионального воина древнего общества дана С. Вейль в статье, посвященной анализу образа Силы в «Илиаде» Гомера [Вейль, 1990]. Воин, по С. Вейль, имеет предназначение сражаться с себе подобными, и он обречен на смерть в одном из сражений, смерть для него — это само будущее, назначенное профессией. Од-

нако, состояние постоянной готовности к смерти противоестественно человеческой природе, оно создает колоссальную психическую нагрузку, которая способна изменить человека. И возникает вопрос: как воин преодолевает это состояние, этот противоестественный ужас смерти?

Известно, что воинские формирования того времени воспроизводили социальную форму общественной организации (семьи), что создавало психологически устойчивую атмосферу бытия. А.Я. Гуревич и Ф. Кардини подробно рассмотрели этот аспект на примере воина раннего средневековья. Вождь заменял воину отца и отношения командира и подчиненного скреплялись клятвой, заменявшей кровные обязательства. Между рядовыми воинами устанавливались отношения братства, воспроизводившие еще один элемент семьи. Обычай побратимства у скифов отмечены Геродотом, Лукианом. Помимо обычая побратимства существовали другие способы спасения от такого состояния. Это опьянение силой, убийство врага, которое может продолжаться или повторяться бесконечно. Воин попадает под воздействие Силы, как характеризует это состояние С. Вейль. Сила — перерождает душу, уподобляет воина стихии, дикому зверю. Иначе — этот человек проиграл, он побежден. И в побратимстве, и в «перерождении» воина улавливается соответствие с названием, отождествлением воинов с волками (медведями), которые «терзали» слабых («гнали овец»). Это явление, прослеживаемое в военной организации на огромной территории, определяется как стадильное.

Сплачивало воинов и совместное участие в религиозных церемониях. Ряд последовательных переходов мужчин из одного социального положения в другое (и в «волка-медведя») в свое время оформлялось системой религиозно-посвятительских обрядов. Она способствовала укоренению в сознании воинов идеи воинского избранничества.

Система ценностей, традиционная в любой армии, — воинская доблесть, культ героизированных предков, верность клятве, воинская честь, — присуща скифскому воинству. Обряды, составлявшие отчасти воинский быт, отражали ту систему ценностей, и ту идеологию, которая культивировалась в обществе.

В ряду таких обрядов — обряд посвящения коня покойнику. По мнению специалистов, конь выступает здесь не только как перевозчик и проводник умершего в мир мертвых, но и как медиатор между мирами. Оформление коня солярными символами отражает в этом случае «связь души умершего, его благостных деяний и посмертного воздаяния с солнцем». Дальнейшая трансформация обряда — облачение коня в определенный убор, декорирование образами животных являет эквивалент маски, способной ритуально перевоплотить коня в синкретическое животное, «обладающее качествами преодолеть границы зон мироздания, доставить в

мир мертвых». А также в убранстве коня отражались представления кочевников о мироздании [Полидович, 2013, с. 207—208].

Характерные для этого уровня развития Nomads представления о святости войны способствовали выделению групп воинов-профессионалов, которые существовали обособленно в качестве отдельной общественной группы, но не теряли тесной связи с племенной структурой социума. Эти дифференцированные воинские сообщества, обладающие особой сакральностью, состояли из прошедших инициацию воинов. Они отличались от остальных внешним видом, специфической эмблематикой, особой манерой поведения. Их братство — стая. Благодаря прохождению обряда инициации молодой воин обретал новые качества воина-зверя, вступал в новую для него воинскую семью, основанную на доблести, братстве и общности судьбы.

Воины-волки обретали сущность зверя благодаря «магико-ритуальной процедуре экстатического типа» либо внешнему уподоблению какому-нибудь зверю. Такие воины уже не отделяли себя от зверя, они ощущали себя дикими, неуязвимыми для стрел и мечей противника. Звериная ярость охватывала воина во время битвы. При этом особое, определяющее значение в «воинской семье» придавалось воинской доблести [Кубарев, Черемисин, 1987]. И позже военно-охотничье мировоззрение кочевников также выражалось через образы и характерные качества хищных птиц и зверей. Об этом красноречиво свидетельствует рунический памятник в честь Кюльтегина [Кушкумбаев, 2001, с. 42]. Многочисленные изображения хищников на оружии, конском снаряжении имели целью помогать в битвах воину, делать неуязвимым боевое животное. В таком случае воин, восседающий на коне с декором в виде изображений хищника и солярных символов, наделялся особыми качествами. Качествами волка, тигра, барса обязательно должен был отличаться военный предводитель (образ витязя в тигровой шкуре). В эпосе тюрко-монгольских народов присутствует много антропонимов, связанных с волком, обычно это военные прозвища-эпитеты. По мнению вождей тюрков, достойный полководец должен обладать определенными качествами петуха, льва, кабана, лисы, пса, сокола, журавля, волка [Кушкумбаев, 2001, с. 43]. Можно предположить, что истоки этих представлений лежат в культуре эпохи скифов.

Здесь прослеживается вторая линия, связанная с вихревой розеткой и конем, — война и охота. Становление военного дела кочевников и роль облавной охоты подробно рассмотрены в ряде работ [Кушкумбаев, 2001; Хазанов, 2010, и др.]. Один из приемов облавной охоты — замыкание в круг конников местности с животными. После замыкания круга право первого выстрела из лука имел хан, потом очередность шла по ниспадающей (сыновья, военачальники по рангу, рядовые воины). У кочевников Цент-

ральной Азии этот обычай носил ритуальный характер [Кушкумбаев, 2001, с. 35—36].

По письменным источникам этот прием прослеживается у хунну — вывести противника в открытое место и охватить фаланги с целью окружения. Боевое построение в виде круга у татар в XVI в. называлось символично — «пляска» [Кушкумбаев, 2001, с. 39]. А.К. Кушкумбаев проследил появление на базе облавных охот особого военно-охотничьего института внутри кочевого общества, что способствовало созданию военных объединений уже на основе триальной военной организации и десятичной системы деления войска [Кушкумбаев, 2001, с. 43].

Особую роль в военной организации номадов играл институт военных вождей, батыров. В позднее время часто исход битвы зависел от поединка батыров. И здесь вызывают интерес некоторые приемы противоборства батыров. Вот некоторые примеры, почерпнутые не из исторических, однако, источников, а из художественных:

«Конь пока что круто повернул, пропахав копытами землю. Кипчакбай тоже успел повернуться к нему лицом. Теперь они уже не пускали коней вскачь, решили испытать судьбу в ближнем бою. Ошакбай прибег к древнему приему «волчок». Цель его — стремительными круговыми движениями выбить копыте из рук противника. Тут нужна сноровка, иначе самому немудрено выронить оружие. Они съехались, ударились копытами. Завертелся «волчок» все быстрее, быстрее. Горела ладонь, ныло предплечье. Вот уже выпало копыте из рук Кипчакбая, и Ошакбай, не давая ему опомниться, кольнул еще острием в бедро. Он помнил о правилах и лишь слегка ранил противника. Но этого было достаточно: Кипчакбай рухнул на землю». «Джунгарин, выжидая, кружился на месте, хватал копыте попеременно то левой, то правой рукой» [Досжанов, 1983, с. 15].

«Казаки упрятались за спинами солдат. Офицер что-то орал, размахивая руками. Солдаты стали поспешно перестраиваться, чтобы встретить огнем отряд Кобланды. Дальнейшее произошло молниеносно: недружный ружейный залп, казалось, заглох под топотом коней; пыль, дым, — все смешалось; топот коней, храп, визг, крик — сплошной гвалт стоял над степью. Люди, кони закружились, завертелись, замелькали в куче — так, еле видимая, трепещет в клубках серой пыли только что сваленная бурей юрта...» [Есенжанов, 1973]. «Подпустив казаков поближе, джигиты засыпали их тучей стрел и снова ушли далеко вперед. Так они делали несколько раз, кружили по степи, обстреливали погоню и снова уходили» [Есенжанов, 1973].

Помимо солярной символики, вихревая розетка, спираль, завиток в более позднее время в военно-охотничьей культуре приобрели иное наполнение.

Так, в военной лексике казахов известен такой термин как «толгама». К началу XVI в. от-

мечается широкое употребление слова «толгамаль» в составе сложных и составных военных терминов. Эти военные термины употреблялись для обозначения элективных предметов вооружения конного воина.

Этимологически «толгамаль» связано с широко употребляемыми словами во многих современных тюркских языках и их диалектах: крутить, вертеть, двигать туда и сюда, делать спиральные нарезки на древке, чтобы оно не скользило на руке, кружить и т. д. У Бабура «толгама» — «военный маневр, нападение во фланг неприятеля» [Байжанов, 1993]. Известна «толгама» и в качестве детали казахского боевого копыта (найза). По фольклорным данным казахов, в частности Центрального Казахстана, — толгама делалась в виде полосы кожи, которая наматывалась (фиксировалась) на древке на нужном его участке и служила для предотвращения скольжения древка в ходе сражения. «Толгамалы найза», воспетое в произведении степных жырау, есть боевое копыте. Речитатив у казахских жырау, кстати, и обозначается устойчивым термином «толгау». Называя речитативом, вместе с тем, его нельзя сравнивать с монотонным, исполняемым низким голосом, другими разновидностями этого жанра. Толгау — чаще явление военизированное, сочетающееся с широкой степью. Проникнутые рыцарским духом и идеей войны вообще, пусть также и направленные на самые разные событийные ориентиры, толгау исполнялись высоким голосом, обычно в быстром темпе, и содержали повторяющиеся приемы в исполнении. Причем, не только в исполнительской манере (речитатив), но и в самом содержании нередко применялись приемы повторения. Например, знаменитый толгау Бухар жырау Калкаманулы (по одним данным, 1693—1781 гг.), сочетавшего в себе качества и обязанности воина-всадника, поэта и известного советника Абылай хана, строится на повторении фразы-вопроса «Умыттын ба соны, Абылай?!» (обращение можно перевести как вопрос-предупреждение: «Забыл ли ты это, Абылай?!» или «Неужели ты забыл это, Абылай?!»). Мы рискуем выйти за рамки темы, поэтому, следует лишь подчеркнуть, что происходящие от корня «тол / толга / толка» многие слова в казахском языке связаны с элементом повторения, чередования, ритмичности [Толковый словарь, 2008].

Таким образом, в более позднее время первоначальное содержание декора коня и оружия, возможно, расширилось: образы коня, батыра, военно-охотничьи приемы и декор коня и предметов вооружения получили новое наполнение.

Один из вариантов вихревой композиции — «солярно-вихревая розетка» имеет место в ряде памятников раннесакского времени. Как подчеркивали многие исследователи, семантическое поле древних мотивов — явление очень широкое и емкое. В данном элементе можно увидеть и скрытое изображение борьбы, поединка (каз. жекпе-жек). Быть может, сцены с изображением противопоставленных животных также обладают

сходным смысловым наполнением. Н.Ю. Смирнов, исходя из того, что данный мотив им рассматривается, как плетение, важное значение придает практической стороне момента — орнамент располагался на тех предметах конского снаряжения, которые сами по себе связаны с функцией соединения и крепления [Смирнов, 2004, с. 293]. Следует отметить, что гораздо важнее его семантическая роль в убранстве коня, к тому же, если добавить к этому роль самого коня в обрядах проводов умершего. В рассмотрении данного типа орнамента вряд ли будет правомочным отойти от основной идеи — солярной символики, идущей из глубин тысячелетий. Конь — животное, символически связанное с солнцем. Особые качества этого животного наделяли его способностью передавать бессмертие царю (Ашвамедха). Поэтому конь в мифологии древних жителей Степи — и средство достижения мира предков, и символ бессмертия царя. Этой теме (конь, культ солнца, огня, древние погребальные традиции) посвящено немало работ. Однако напрашивается вопрос — украшали ли сбрую подобными предметами всадники той эпохи при жизни или же они являлись принадлежностью погребального предметного комплекса? Если будет доказана принадлежность их только к погребальной практике населения скифской эпохи, связанной в свою очередь с соответствующими для этого времени религиозными представлениями, то станет понятной и причина исчезновения их в последующие исторические периоды.

По-видимому, неправомочным будет также и стремление выводить солярную розетку из какого-либо одного отдельно взятого района распространения раннескифской культуры. Вряд ли этот орнамент является изобретением некоей одной группы населения. Если признать, что истоки этого орнамента лежат в культуре бронзового века, то в этом отношении особое место отводится территории Казахстана — одного из мощных очагов культуры бронзы. Различные крестовидные орнаменты, в том числе свастиковидные, найдены в многочисленных памятниках эпохи бронзы на широкой территории. Наряду с этим, среди них имеются варианты, весьма приближенные именно к вихревому орнаменту, заключенному внутри круга. Интересен в этом отношении орнамент на керамике из могильников Ташик и Майтан в Центральном Казахстане, Лисаковский в Северо-Западном Казахстане и др. [Рудковский, 2013, с. 181]. Но зачастую из поля зрения исследователей выпадают металлические украшения эпохи бронзы, имеющие те или иные точки соприкосновения с материалами скифского времени (рис. 10, 3—9). Т.В. Рябкова, посвятившая ряд работ ромбовидным знакам раннескифского времени, сравнивает их с окуневскими изображениями [Рябкова, 2011]. Следует отметить, что хронологически более близкие аналогии ромбовидным знакам находятся в памятниках эпохи бронзы Казахстана (рис. 10, 4—9). В данном отношении можно рассматривать

круглую бронзовую накладку из ограды 8 могильника Былкылдак-1 в Центральном Казахстане [Маргулан, 1979, с. 314, рис. 228, 2], на которой изображен квадрат со слабоогнутыми сторонами (рис. 10, 5). С квадратом совмещен крестовидный знак, внутри квадрата двойной круг, а сама композиция также заключена в двойной концентрический круг. В целом, перед нами архаичный и сложный орнамент. Тем не менее, он может быть сопоставлен с раннескифскими ромбовидными знаками с точкой или отверстием в центре. Былкылдак-1 относится к середине II тыс. до н. э. Что касается многочисленных других металлических накладок и бляшек из Центрального и Северо-Западного Казахстана с солярной символикой (ареал таких предметов, разумеется, гораздо шире), они найдены в памятниках как андроновской эпохи, так и времени бытования бегазы-дандыбаевской культуры.

Квадрат с вогнутыми сторонами — один из распространенных элементов декора кочевников скифской эпохи, в том числе, например, носителей пазырыкской культуры [Самашев, 2011, рис. 50, 392, 416, 421] (рис. 10, 11, 12). Как и другие декоративные элементы эпохи бронзы (бляшки с солярными символами), они получили распространение в раннескифский [Арсланова, 1972; Ермолаева, 2012: фото 59; рис. 78, 1, 2; Итигина, Яблонский 1997, рис. 62, 5, 6] и скифский периоды (рис. 10, 10—12). Соответственно развитию общества, смене системы идеологических представлений, солярные символы с одежды, как и с керамики, переместились на коня. В памятниках эпохи бронзы Казахстана (в частности, Центрального Казахстана) можно предположить и истоки другого замечательного элемента раннескифского искусства — звездочки, выявленной в пилюктинском кургане Байгетобе (рис. 10, 13) [Маргулан, 1979, с. 314, рис. 228, 3; Toleubaev, 2006].

Вообще свастика, триквестр, солярно-вихревая розетка — все это особенно ярко проявляется в искусстве саков. Вероятно, возникнув еще в эпоху бронзы, этот элемент, пройдя через раннесакский период (Тасмола, Аржан-2 — бутероль [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 91, 9; 106, 4], получил широкое распространение в сакское время.

Ажурные свастики и розетки многочисленны в материалах пазырыкской культуры. Зафиксировано сочетание головы кошачьего хищника и триквестра с окончаниями в виде головы орлиного грифона [Самашев, 2011, рис. 378]. Может быть это устойчивое сочетание образов декора коня с раннесакского времени, принявшее новые формы в сакской культуре, но обусловленное сохраняющимися мифологическими представлениями.

Обращает на себя внимание ажурность, легкость многих элементов декора конского снаряжения пазырыкцев, которая, как оказалось, свойственна «тасмолинцам» и «аржанцам» (Талды-2, Аржан-2). Стилизованные изображения орлиных и грифонных головок, избыточных в искусстве ранних кочевников Алтая, отмечены в

искусстве раннескифского времени (по крайней мере, орлов — Аржан-2, Талды-2). Можно перечислять еще видимые свидетельства того, что наиболее сохранившиеся на сегодняшний день изображения сакского звериного стиля находят прототипы в раннесакском и позднебронзовом периодах. В это время — раннесакский период — можно увидеть истоки и такого известного степного кочевнического орнамента, как «кошкар муйиз» (каз. «бараний рог»). Элементы этого орнамента («муйиз», «сынар муйиз») прослеживаются в геральдических композициях, имеющих место в материалах из Талды-2 [Бейсенов, 2011], Шиликты (Байгетобе) [Toleubaev, 2006], Жалаулы [Тасмагамбетов, 2003], а также в наскальных изображениях из Сауыскандыка [Швец и др., 2008]. Более четко видны элементы «кошкар муйиз» в искусстве пазырыка, истоки композиции (крест), вероятно, уходят в эпоху бронзы.

Поддерживая тезис исследователей об истоках и символике солярного декора на бляшках конского убранства (квадрат с вогнутыми сторонами, вихревая розетка, свастика), можно предположить одной из зон его возникновения территорию Центрального Казахстана в эпоху поздней бронзы. Представление о коне, как о животном, связанным с идеей круговорота жизни и смерти, совершающим вместе со своим хозяином посмертное путешествие, соответственно его декорирование, преобразование, зародившись в период становления раннекочевнического культурного комплекса, получило дальнейшее развитие в период расцвета скифо-сакской культуры. Делая скидку на несохранившиеся элементы конского снаряжения из органики, позволим себе предположить, что параллельно развитию и распространению мифологических представлений о роли коня, его преобразование получало все более пышные формы, что можно наблюдать в памятниках пазырыкской культуры.

Таким образом, рассмотренные данные позволяют еще раз констатировать, что орнамент в виде вихревых композиций является широко распространенным и важным элементом культуры сакской/скифской эпохи степной Евразии. Истоки вихревых композиций, очевидно, кроются в культуре племен, населявших территорию Казахстана в бронзовом веке. Некоторые вкратце рассмотренные моменты показывают, что тема вихревого орнамента далеко выходит за пределы «локального» вопроса орнаментации предметов конского снаряжения в сакскую эпоху. Это один из важных аспектов научно-теоретических разработок, касающихся генезиса и особенностей формирования культур раннесакского / раннескифского круга в целом. Вихревые композиции в декоре элементов конского снаряжения из Акмустафы, Бақыбулака, Баршатаса, Тасмолы демонстрируют связь знака с конем. Факт обнаружения предметов конского снаряжения в жертвенниках позволяет считать эти объекты как места символического, ритуального захоронения коня.

Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976. — С. 183—195.

Акишев К.А. Курган Иссык. — М., 1978. — 130 с.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. — 1972. — № 1. — С. 253—258.

Артамонов М.И. Сокровища саков. — М., 1973. — 279 с.

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Убранство коня в культуре кочевников // II Аргынбаевские чтения: Материалы докл. междунар. научн.-практич. этногр. конф., посвящ. 90-летию выдающегося ученого-этнографа, докт. ист. наук, проф. Х. Аргынбаева (25 декабря 2014). — Алматы, 2014. — С. 230—237.

Байжанов Т.Б. История военной лексики в казахском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Алматы, 1993. — 44 с.

Байтанаев Б.А. Золотые диски могильника Кайтпас // Археология Казахстана: итоги и перспективы: Материалы междунар. научн.-практ. конф. (5 декабря 2013). — Алматы, 2013. — С. 88—89.

Бейсенов А.З. К изучению памятников раннего этапа сакской культуры Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век до н. э.). — Тирасполь, 2002. — С. 208—212.

Бейсенов А.З. Сарыарка — колыбель степной цивилизации. — Алматы, 2011. — 32 с.

Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестн. Томского государственного университета. — 2014а. — № 6 (32). — С. 121—128.

Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. — Барнаул, 2014б. — С. 7—16.

Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестн. Томского государственного университета. Сер. История. — 2015а. — № 36. — С. 96—104.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: Сб. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. — Алматы, 2015б. — С. 11—38.

Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «37 воинов» // Вестн. Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. — 2015в. — Т. 15, № 1. — С. 6—12.

Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестн. Томского государственного университета. Сер. История. — 2015г. — № 3 (35). — С. 112—122.

Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестн. Томского государственного университета. История. — 2016. — № 1 (39). — С. 119—126.

Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестн. Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. — 2013. — 13, № 2. — С. 12—17.

Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Орнамент в культуре саков Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. — 2014. — Вып. 16 (№ 3). — С. 597—604.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Изучение памятников тасмолинской культуры в За-

- падной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб., посвящ. 70-летию Ю.Ф. Кирюшина. — Барнаул, 2015. — С. 294—297.
- Бейсенов А.З., Шаблавина Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестн. Томского госуниверситета. Сер. История. — 2015. — № 4 (36). — С. 105—112.
- Бесетаев Б.Б. Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2016. — № 2 (33). — С. 41—52.
- Вейль С. «Илиада», или Поэма о силе // Новый мир. — 1990. — № 6. — С. 249—260.
- Досжанов Д. Шелковый путь. — М., 1983. — 605 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — раннее железо). — Алматы, 2012. — 236 с.
- Есенжанов Х. Яик — светлая река. — Алма-Ата, 1973. — 695 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). — М., 1997. — 187 с.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1966. — С. 303—433.
- Королькова Е.Ф. Знаковая система, приемы композиции и некоторые устойчивые мотивы в искусстве звериного стиля (зооморфные свастики и вихревые розетки) // Нижневолжский археологический сборник. — 2009. — № 10. — С. 64—72.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 98—117.
- Кукушкин И.А. Некоторые аспекты семантики андроновского (федоровского) орнамента // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. — Барнаул, 2003. — Кн. 1. — С. 106—111.
- Кукушкин И.А. Семантика массовых захоронений лошадей в царских курганах ранних кочевников // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004. — С. 276—282.
- Культура ранних кочевников Казахстана. Археологическая коллекция ЦГМ РК: Каталог. — Алматы, 2008. — 553 с.
- Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII—XVIII веках. — Алматы, 2001. — 172 с.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Археология Торгая в период независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991—2011): Сб., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. — Алматы, 2011. — С. 369—385.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Дей Д.Б. Геолифы Торгая // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — Уральск, 2011. — № 1 (вып. 14). — С. 226—229.
- Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. — 2015. — № 4 (13). — С. 71—80.
- Лукпанова Я.А. Костюм женщины сарматской эпохи: опыт реконструкции // Диалог культур Евразии и археологии Казахстана: Сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рожд. выдающегося археолога К.А. Акишева. — Астана, 2014. — С. 430—440.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. — 363 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетгюсу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991—2011): Сб., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. — Алматы, 2011. — С. 313—337.
- Минасян Р.С. Инкрустация и плакирование // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы междунар. научн. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26—29 апреля). — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 257—264.
- Поллидович Ю.Б. Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк, 2006. — Т. 3. — С. 355—398.
- Поллидович Ю.Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы предскифского и скифского времени // Текст. Контекст. Подтекст: Сб. в честь М.Н. Погребовой. — М., 2013. — С. 157—227.
- Поллидович Ю.Б. Изображения на клинках кинжалов и мечей скифо-сакского времени // Восхождение к вершинам археологии: Сб. материалов междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева (26—28 мая 2014 г.). — Алматы, 2014. — С. 257—272.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. — Уфа, 2012. — 280 с.
- Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. — Алматы, 2013. — 192 с.
- Рукавишников И.В. К вопросу о скифских железных мечах с золотым декором и многофигурными изображениями в зверином стиле Среднего Дона // Уфимский археологический вестник. — 2015. — № 15. — С. 39—61.
- Рябкова Т.В. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграции в эпоху ранних кочевников // Маргулановские чтения—2011: Материалы междунар. конф. (20—22 апреля 2011 г.). — Астана, 2011. — С. 104—109.
- Савинов Д.Г. Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сб. научн. трудов семинара «Теория и методология архаики». — СПб, 2012. — Вып. 5. — С. 49—62.
- Самашев З. Берел. Berel. — Алматы, 2011. — 236 с.
- Смирнов Н.Ю. «Плетеный узел» раннескифской культуры (орнаментальный мотив в контексте культурогенеза) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематич. научн. конф. (1—4 декабря 2004). — СПб, 2004. — С. 290—294.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий: Сб. к 60-летию Л.Т. Яблонского. — М., 2010. — С. 339—354.
- Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. — Алматы, 2003. — 336 с.
- Тишкин А.А., Шепелева Е.В. Изучение «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул, 2006. — Вып. 2. — С. 57—75.
- Толковый словарь казахского языка. — Алматы, 2008. — 968 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. — М., 1975. — 342 с.

Хазанов А.М. Роль кочевников евразийских степей в истории военного искусства // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства: Сб. материалов междунар. научн. конф. памяти Н.Э. Масанова (22—23 апреля 2010 г.). — Алматы, 2010. — С. 8—25.

Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. — 2011а. — № 1. — С. 262—335.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М.Б. Щукину. — СПб, 2011б. — С. 39—60.

Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Некоторые итоги изучения местонахождения петроглифов Саускандык в Южном Казахстане // Вестн. КарГУ. Сер. история, философия, право. — 2008. — № 4 (52). — С. 22—26.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.): Каталог коллекции. — М., 2010. — Кн. 1. — 232 с.

Beisenov A. Die Nekropole Taldy-2 in Beziehung zu den Kulturen der fruhsakischen Zeit Osteurasien // Unbekanntes Kasachstan. Archaologie im Herzen Asiens. — Bochum, 2013. — Т. II: Catalogue of the exhibition. — P. 595—608.

Beisenov A.Z., Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A., Kassenalin A.E. The world of images in the art of the ancient population of the Central Kazakhstan (1 millennium BC) // 2nd World Conference on Design, Arts and Education (DAE-2013). — 2014. — No. 122. — P. 194—198 (Procedia Social and Behavioral Sciences).

Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. — 2016. — No. 58. — P. 179—191.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. — Mainz, 2010. — 330 S. (Archäologie in Eurasien. — 26; Steppenvölker Eurasiens. — 3).

Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Logvin A.V., Shevnina I.V., Seitov A.M., Feng J., Zhou L. OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. — 2016. — Vol. 7. — P. 1—9.

Toleubaev A. Snow leopards, eagle-felines and golden deer treasures from the «Hill of horse races» // Of gold and grass: nomads of Kazakhstan. — Washington, 2006. — P. 51—55.

А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Д.Б. Дуйсенбай, И.К. Ахияров

ВИХРОВІ КОМПОЗИЦІЇ У МИСТЕЦТВІ САКІВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНУ

У статті проаналізовано дані з пам'яток Центрального Казахстану — Акмустафа, Бакибулак, Баршата і Тасмола-5, в матеріалах яких було знайдено предмети кінського спорядження. Основна увага в роботі приділена питанням вивчення вихрових композицій. Пропонована тема розглядалася

комплексно, із залученням даних по археології доби бронзи і раннього заліза, а також філології, мистецтвознавства, фольклору, етнографії, історії військової справи. Судячи з наявних даних, предмети кінської упряжі з вихровим орнаментом походять як з поховань, так і з жертвовно-поминальних споруд. Мабуть, мотив кругового руху, розетки, свастики мають якщо не однакове, то, по крайній мере, дуже схоже значення. Символіка зображення свастики і вихрової розетки, зв'язок з конем досить докладно розглянута в літературі. Ще одна лінія, пов'язана з вихровою розеткою і конем, — війна і полювання. Крім солярної символіки, вихрова розетка, спіраль, завиток у більш пізній час у військово-мисливській культурі набули іншого наповнення. Початковий зміст декору коня і зброї, можливо, розширився. Витоки вихрових композицій, очевидно, криються в культурі племен, що населяли територію Казахстану за доби бронзи. Деякі коротко розглянуті моменти показують, що тема вихрового орнаменту далеко виходить за межі «локального» питання орнаменталізації предметів кінського спорядження в сакську добу.

Ключові слова: Центральний Казахстан, доба бронзи, ранній залізний вік, тасмолинська культура, кургани, жертвовники, давнє мистецтво, образотворчі пам'ятки, вихрові композиції, образ коня.

A.Z. Beisenov, G.S. Dzhumabekova, G.A. Bazarbaeva, D.B. Duisenbai, I.K. Akhiyarov

SWIRLING COMPOSITIONS IN SAKA ART OF CENTRAL KAZAKHSTAN

The article gives analysis of the data from the Central Kazakhstan monuments — Akmuştafa, Bakybulak, Barshatas and Tasmola-5, the materials of which contain items of horse equipment. Main attention is paid to studying the swirling compositions. The present issue was studied in a complex, involving data on the archaeology of the Bronze Age and the early Iron Age, as well as philology, art history, folklore, ethnography, history of military affairs. Judging by available data, items of harness with swirling patterns are originated both from burials and memorial of the sacrificial-funerary constructions. Apparently, the motive of the swirling motion, rosace, swastika are, if not identical, then at least bear very similar meaning. The symbolism of the swastika and the image of the swirling rosace, connection with a horse is thoroughly discussed in the literature. Another line associated with the swirling rosace and horse is war and hunting. In addition to solar symbolism, swirling rosace, spiral, curl at a later time in the military and hunting culture acquired another meaning. The original content of horse decor and weapons, possibly, expanded. The origins of the swirling compositions are, obviously, rooted in the culture of the tribes that inhabited the territory of Kazakhstan in the Bronze Age. Some points considered briefly show that the theme of the swirling ornament goes far beyond the «local» issue of items ornamentation of horse equipment in the Saka era.

Keywords: Central Kazakhstan, Bronze Age, Early Iron Age, Tasmola culture, kurgans, altars, ancient art, iconic monuments, swirling composition, horse image.

Одержано 21.01.2017

*Н.И. Беловинцева,
Е.В. Переводчикова, К.Б. Фирсов*

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ИЗ СКИФСКОГО ЦАРСКОГО КУРГАНА КОЗЕЛ

В статье описываются железные предметы из скифского царского кургана Козел IV в. до н. э., раскопанного И.Е. Забелиным в 1865 г.

Это железные гвозди, «скобы», «скрепы», «крепи» и фрагменты этих изделий. Подобные предметы, часто встречающиеся в скифских курганах, использовались для скрепления деревянных частей погребальных конструкций.

Ключевые слова: скифские царские курганы, курган Козел, железные предметы, детали погребальных конструкций.

Скифский царский курган Козел IV в. до н. э. был раскопан И.Е. Забелиным в 1865 г. Материалы его исследований хранятся в Государственном Историческом музее [ГИМ 54746. Оп. Б 288].

Под насыпью кургана находилось центральное погребальное сооружение — входная яма с отходящими от углов четырьмя катакомбами — и конские захоронения в специальной гробнице из трех примыкающих друг к другу ям, а также расположенные рядом погребения «конюших». Центральное сооружение, по данным И.Е. Забелина, было ограблено, но конские погребения сохранились полностью.

В числе находок имеется группа железных предметов, связанных с 11 конскими погребениями или с ограбленным основным захоронением. Это четыре комплекта удила и псалиев, подпружные пряжки, ножи, а также ряд находок, описанных в описи И.Е. Забелина как «обоймы», «крепи», «скобы» и гвозди (рис. 1).

«Скобы», «обоймы» и их фрагменты из кургана Козел представляют собой железные пластинки разных размеров П-образной формы, или согнутые пластины, концы которых закрепле-

ны с помощью массивной железной заклепки. Их размеры: 3,3—5,5 × 9,5—2,8 × 0,8—4,2 см.

К «крепам» или «скрепам» можно отнести железные пластины, в том числе соединенные друг с другом, которые на концах, как правило, имеют вертикально торчащие заклепки или гвозди. Размеры: 9,2 × 1,6—1,8 × 2,8—3,2 см; 8,3—13 × 1,6—1,9 × 0,6—2,8 см.

Гвозди крупные, массивные, кованые, с большой подквадратной или округлой шляпкой, сужаются к концу. В сечении — округло-овальные или подквадратные. Большинство гвоздей согнуто под углом в 90° в середине их длины или ближе к концу. Размеры: общая длина — 5,5—15,1 см; толщина — 0,5—1,2 см; размеры шляпок — 2,2—2,7 × 1,9—2,8 см; расстояние от шляпки до места сгиба — 4,4—8,4 см.

Предположения о вероятном местоположении этих находок в кургане и назначении этих предметов возможны на основе существующих документов.

В нашем распоряжении имеются несколько первоначальных вариантов описей предметов, найденных при раскопках кургана, Донесение автора раскопок Императорской археологической комиссии, а также опубликованные дневники и записные книжки И.Е. Забелина 1865 г., в которых среди текстов на разные темы содержатся сведения о раскопках кургана Козел.

В Донесении И.Е. Забелин пишет, что в насыпи кургана «в разных местах, преимущественно с западной стороны попадались изредка небольшими кучками железные гвозди, согнутые в виде скоб, и при них частицы перегнившего дерева. Подобные же гвозди потом найдены были и в гробницах» (Л. 1а).

Конские погребения «первоначально не были засыпаны землей, а были покрыты, вдоль по всей

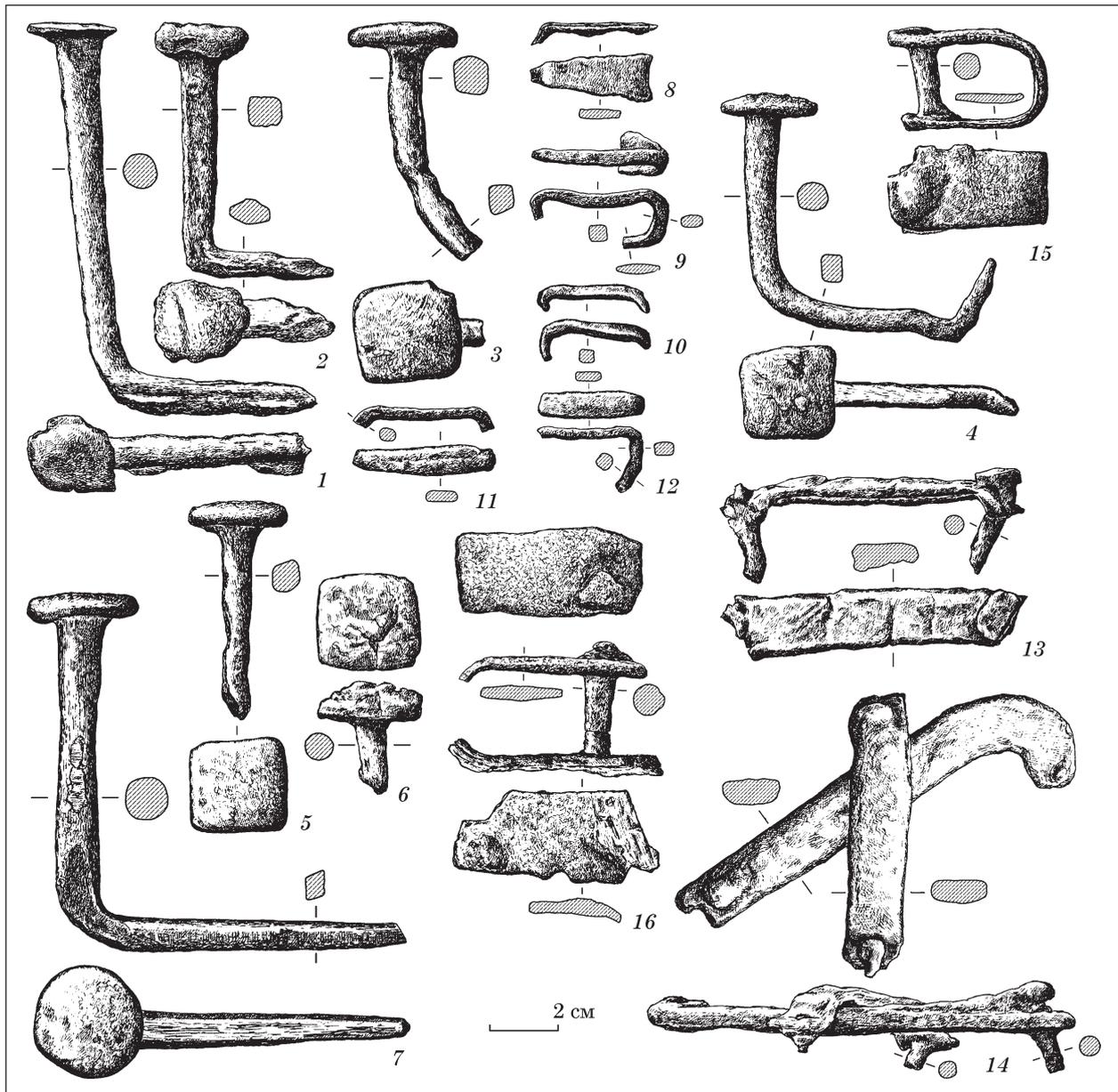

Рис. 1. Железные предметы из кургана Козел: 1—7 — гвозди; 8—12 — скобы; 13, 14 — щеколды?; 15, 16 — обоймы

гробнице, тремя деревянными брусьями, в четверть толщиной и по брусьям прутьями, лозами, и небольшими кругляшками. Эта деревянная покрывка была скреплена в концах железными гвоздями и сколочена железными тонкими полосами» (Донесение, Л. 2). В районе конской гробницы «попадались куски дерева с гвоздями в виде скобы и один кругляк», а также «большая железная обойма» [Забелин, 2001, с. 265, 272, 277].

На дне основного погребения «собрали только несколько железных перегорелых гвоздей и ржавых обломков железа, служившего скрепою досок или брусьев, ибо на них оставались еще следы дерева» (Донесение, Л. 2а).

Кроме того, могила второго конюшего «была покрыта досками, скрепленными гвоздями и железом и расписанными красками красною и голубою» (Донесение, Л. 2).

Эти данные позволяют заключить, что рассматриваемые предметы могли принадлежать либо деревянному перекрытию конской могилы, либо заслонам входов в катакомбы.

Заслоны, перегораживающие входы в погребальные камеры, обычны для скифских курганов этого времени, иногда в их устройстве использовались гвозди и скобы [Ольховский, 1991, с. 30].

Здесь следует обратить внимание на то, что рассматриваемая серия насчитывает всего 16 экземпляров, т. е. она ничтожно мала по сравнению с количеством возможностей применения этих предметов в кургане. В этой ситуации следует обратиться к публикации материалов раскопок других курганов, среди которых есть примеры не ограбленных и при этом достаточно тщательно раскопанных и зафиксированных за-

хоронений. В таких случаях изделия, подобные нашим, представлены не только в достаточном количестве, но и в контексте ситуации. Попробуем отождествить с ними наши предметы на основе их формальных признаков.

В нашем распоряжении имеется 5 железных кованых скоб П-образной формы с загнутыми концами (рис. 1, 8—12). Они изготовлены из прямоугольного в сечении стержня. Такая их форма объясняется тем, что они, вероятно, использовались для соединения досок заслонов входа в погребальное сооружение. Они являются наиболее частой находкой в скифских захоронениях V—IV вв. до н. э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 271—272, кат. 97, 103, 105, 221, 277, рис. 397, 403, 405, 616, 689].

Похожие П-образные скобы найдены *in situ* при исследовании заслона входного отверстия в катакомбу впускной гробницы 3 Гаймановой Могила. Здесь доски были скреплены в единый щит подобными предметами, а боковые стороны щита имели почти сплошную обивку из них [Бидзиля, Полин, 2012, с. 149—150, рис. 216].

Подобные скобы представлены в каталоге находок из кургана Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 258, кат. 232] — наиболее сходного с курганом Козел по конструкции погребального сооружения. Входы в катакомбы этого кургана были перегорожены деревянными заслонами. И.Е. Забелин пишет, что скобы «скрепляли какие-то деревянные палки толщиной в 1/2 вершка, совсем уже истлевшие, и которые, как можно было заметить по сохранившимся в черноземных слоях впадинам, стояли некогда у стен ямы вертикально, на расстоянии друг от друга на 4—6 вершков» [ДГС, с. 91].

Близкая конструкция обнаружена при исследовании конского захоронения Центральной гробницы 2 Гаймановой Могила. Отверстие со стороны входной ямы было закрыто вертикально вкопанными в дно входной ямы плоскими деревянными планками. Сам заслон состоял из вертикального щита, сколоченного из горизонтально расположенных досок. Он удерживался вбитыми в дно входной ямы планками. Здесь же были найдены железный гвоздь и скобы [Бидзиля, Полин, 2012, с. 142, рис. 202].

По сохранившимся остаткам плах в кургане Блинец-2 можно представить конструкцию заслона как деревянного щита, скрепленного скобами, на которых сохранились отпечатки дерева [Ромашко, Скорый, 2009, с. 75]. Найденные фрагменты скоб представляют собой пластины, иногда согнутые, с заклепками [Ромашко, Скорый, 2009, с. 192, рис. 11].

В кургане Соболева Могила на входах в погребения 2 и 3 были обнаружены канавки для установки деревянных заслонов, от которых сохранились только скобы и гвозди [Мозолевский, Полин, 2005, с. 155, 163]. Скобы сохранились полностью [Мозолевский, Полин, 2005, с. 162, 180, рис. 92, 108], в отличие от наших; возможно, скобы из нашего кургана имели такую же форму.

В устьях ограбленных подбоев в кургане Хомина Могила также были найдены скобы от заслонов [Мозолевский, 1973, с. 212], они похожих размеров и тоже прямоугольной формы [Мозолевский, 1973, с. 222, рис. 32, 1]. Подобной формы скобы со следами дерева были найдены и в кургане 15 Золотобалковского могильника (рис. 2, 26—36).

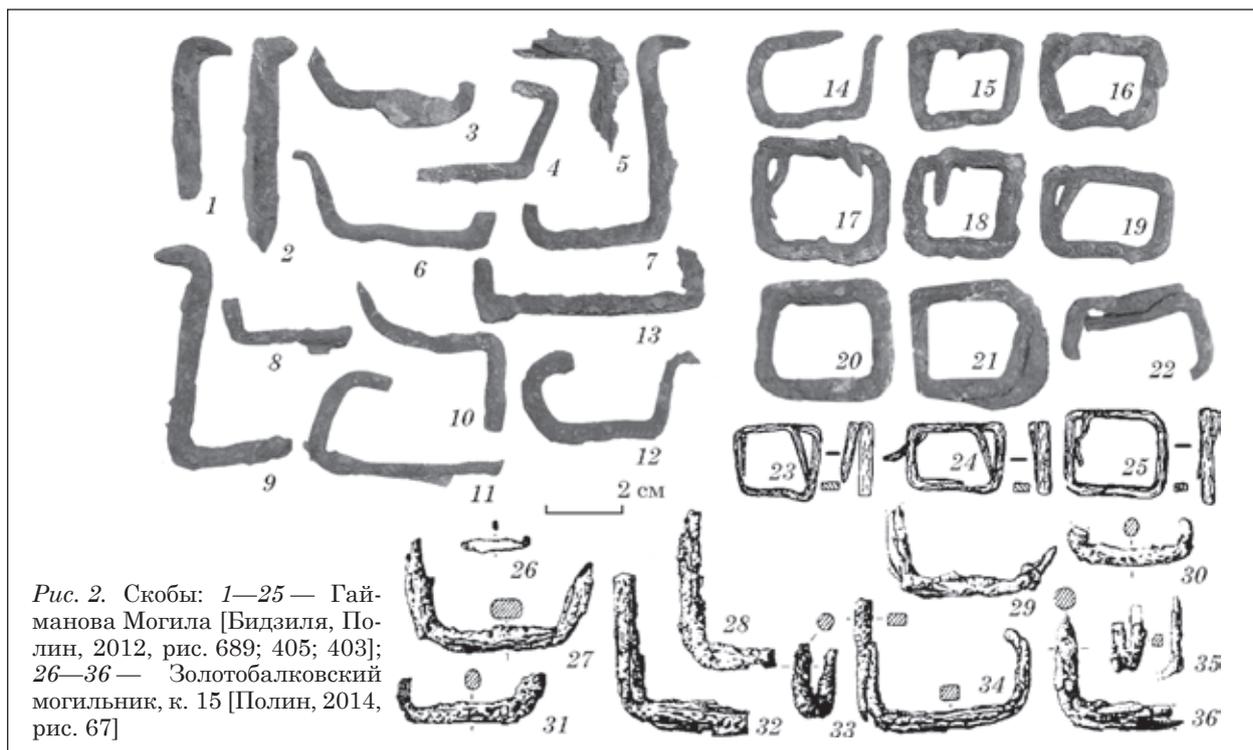

Рис. 2. Скобы: 1—25 — Гайманова Могила [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 689; 405; 403]; 26—36 — Золотобалковский могильник, к. 15 [Полин, 2014, рис. 67]

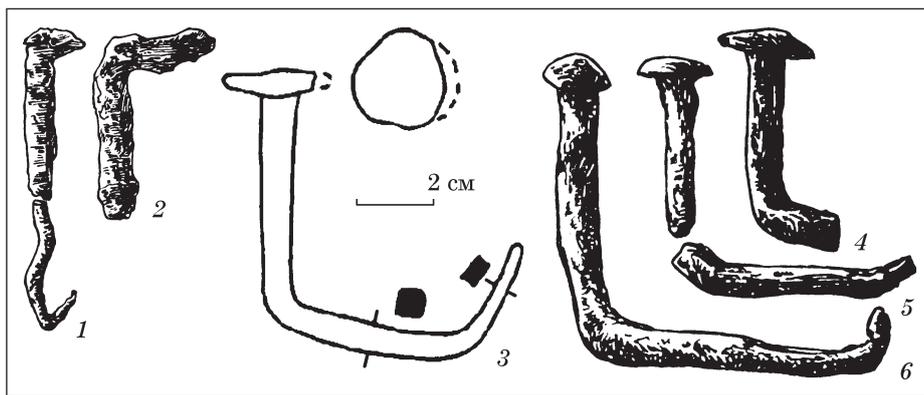

Рис. 3. Гвозди: 1, 2 — к. 11 у с. Нагорное [Мозолевский, 1973, рис. 17, 19]; 3 — Соболева Могила [Мозолевский, Полин, 2005, рис. 104, 3]; 4—6 — Хомина Могила [Мозолевский, 1973, рис. 32, 1]

Железные кованые гвозди наряду со скобами использовались в гробницах скифских курганов для соединения досок деревянных заслонов входов в камеры или для скрепления плах деревянных решетчатых гробовищ [Бидзиля, Полин, 2012, с. 267, 274, кат. 92/1, 104, 125, рис. 404, 435]. Как правило, они согнуты под прямым углом — например, гвозди из к. 11 у с. Нагорное (рис. 3, 1, 2), Соболевой Могилы (рис. 3, 3), Хоминой могилы (рис. 3, 4—6).

В кургане Козел найдено 7 подобных гвоздей (рис. 1, 1—7) с большой подквадратной или округлой шляпкой (см. описание выше). Большинство из них согнуто под углом в 90° в середине их длины или ближе к концу. Как и в других случаях, согнутые гвозди служили для неподвижного скрепления деревянных конструкций. Расстояние от шляпки до места сгиба, очевидно, означает толщину такой конструкции.

В описываемой серии имеется предмет, состоящий из двух прикипевших друг к другу перекрещивающихся пластин (рис. 1, 14). Длинная пластина на одном конце имеет массивный гвоздь-заклепку, другой ее конец загнут. Короткая пластина немного выгнута и имеет на

каждом конце гвозди-заклепки. Обе пластины подпрямоугольного сечения. На тыльной стороне длинной пластины и на участках короткой пластины вокруг гвоздей-заклепок прослеживаются отпечатки древесных волокон (рис. 4). Размеры: 1) длина — 12,9, ширина — 1,6—1,7, толщина — 0,5—0,8 см; 2) длина — 8,3, ширина — 1,7, толщина — 0,7 см.

Такой облик предмета, а также следы дерева на краях полосы с заклепками и их отсутствие на ее средней части позволяют предполагать, что перед нами остатки некоего запирающего приспособления типа щеколды с подвижным крючком (рис. 5, 1). Подобные приспособления в силу своей простоты и рациональности используются и в наше время (рис. 5, 2). Полной аналогии ему

Рис. 4. Щеколда (?) из кургана Козел, фото

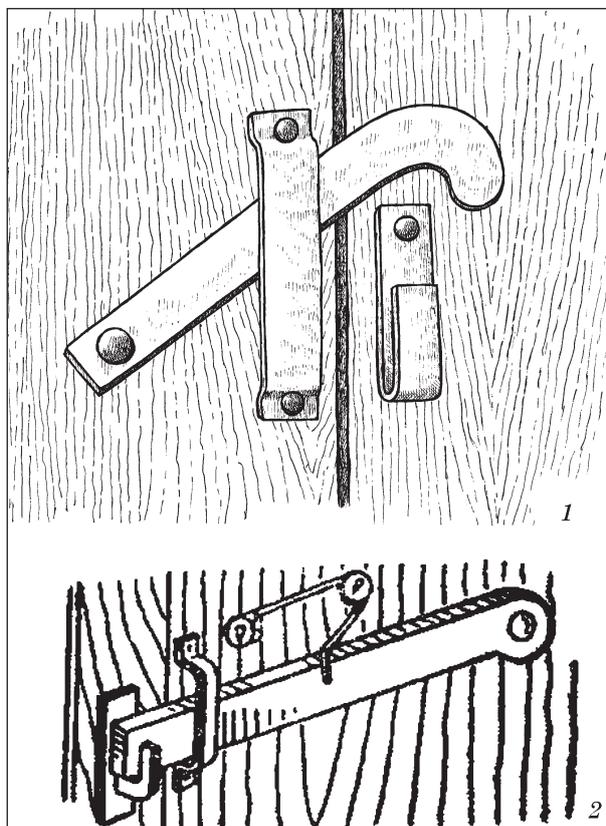

Рис. 5. Щеколды: 1 — реконструкция, курган Козел; 2 — современный аналог [<http://trudowiki.ru/kak/kak-sdelat-pruzhinu-dlya-shchekolda-na-dveri>]

в исследованных памятниках нам найти не удалось. Однако, в кургане 15 Золотобалковского могильника были найдены щеколды (клямки) несколько иного облика (рис. 6, 5, 6), но тоже простые и находящие аналогии в современной жизни [Полин, 2014, с. 118].

Железная накладка с прямоугольным отверстием, найденная на боковой планке заслона дромоса со стороны входной ямы 1 кургана Гайманова Могила (рис. 6, 4), является обыкновенной щеколдой (клямкой) и свидетельствует о том, что дощатый заслон имел вид простейшей двери сарайного типа [Бидзиля, Полин, 2012, с. 81], так же как и заслон в кургане 15 Золотобалковского могильника [Полин, 2014, с. 119]. Подобные предметы встречены также в Водяной Могиле в деревянных перекрытиях захоронений конюха и лошадей (рис. 6, 3) и во входной яме 2 в кургане 13 в уроч. Носаки (рис. 6, 1, 2).

Возможно, фрагментом щеколды является предмет из нашей коллекции в виде железной пластины подпрямоугольного сечения с массивными гвоздями-заклепками на концах (рис. 1, 13). Его размеры: длина — 9,3, ширина — 1,6—1,8, толщина — 0,5—0,8, длина гвоздей — 3,1—3,4, диаметр — 0,5—0,6 см. Наиболее близка ему по форме щеколда из кургана 15 Золотобалковского могильника (рис. 6, 6).

В числе рассматриваемых предметов имеются две железные обоймы (рис. 1, 15, 16). Они изготовлены из железной пластины, согнутой пополам, форма изгиба округлая. Концы пластины неподвижно закреплены с помощью массивной заклепки. Размеры: длина — 4,7—6,5, ширина — 2,2—2,7, толщина пластин — 0,3—0,5, высота обоймы — до 3,5, длина заклепки — 3,1—3,5, диаметр — 0,6—0,9 см.

Судя по их форме, они были предназначены для укрепления края деревянного предмета, который охватывался такой обоймой и закреплялся при помощи заклепки.

Нам не удалось найти полных аналогий нашим скрепам-обоймам в материале других курганов. Ближайшей, пожалуй, можно считать железные предметы похожей конфигурации, но большей длины и лучшей сохранности, найденные в погребении 3 кургана Соболева Могила

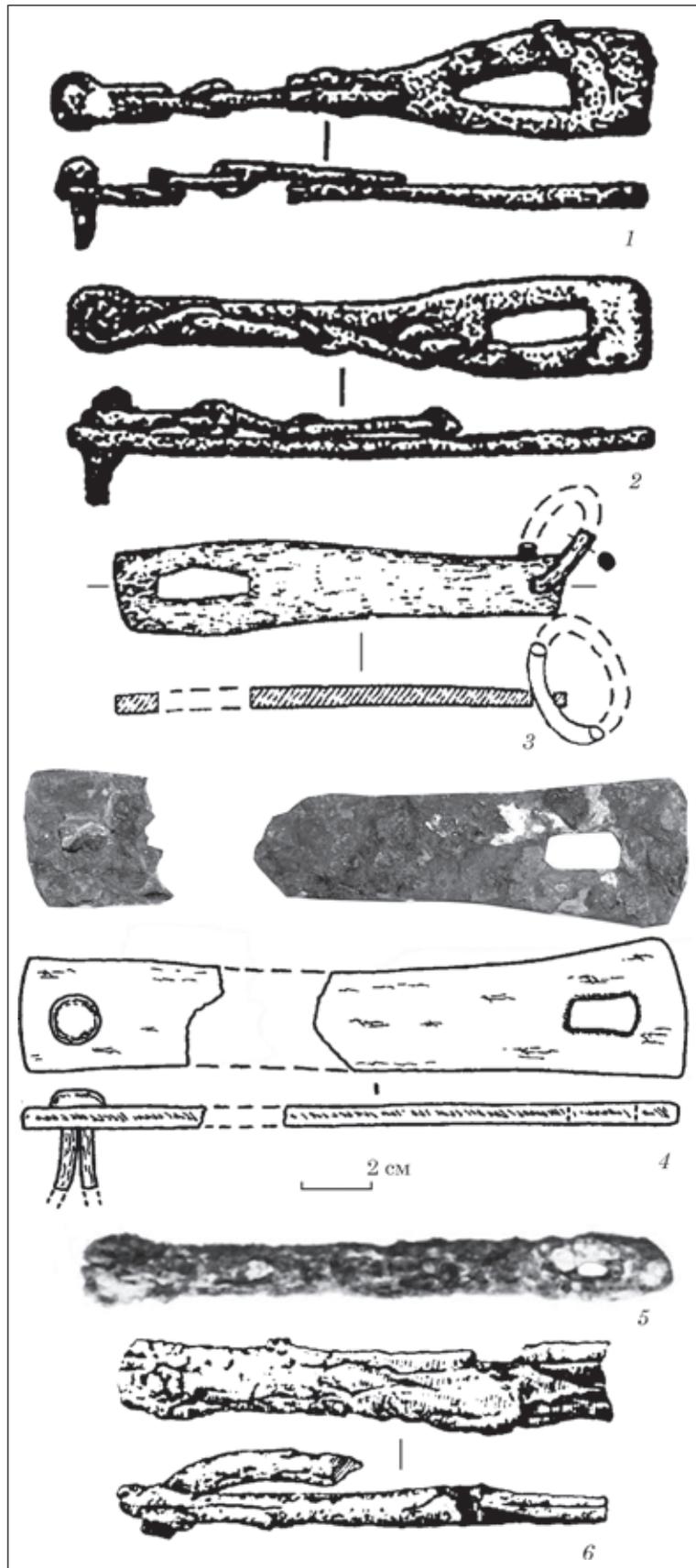

Рис. 6. Щеколды из других курганов: 1, 2 — Носаки [Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский, 1977, рис. 38, 1, 2]; 3 — Водяная Могила [Мозолевский, Полин, 2005, рис. 18, 14; 21, 7]; 4 — Гайманова Могила [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 402]; 5, 6 — Золотобалковский могильник, к. 15 [Полин, 2014, рис. 67, 1, 2]

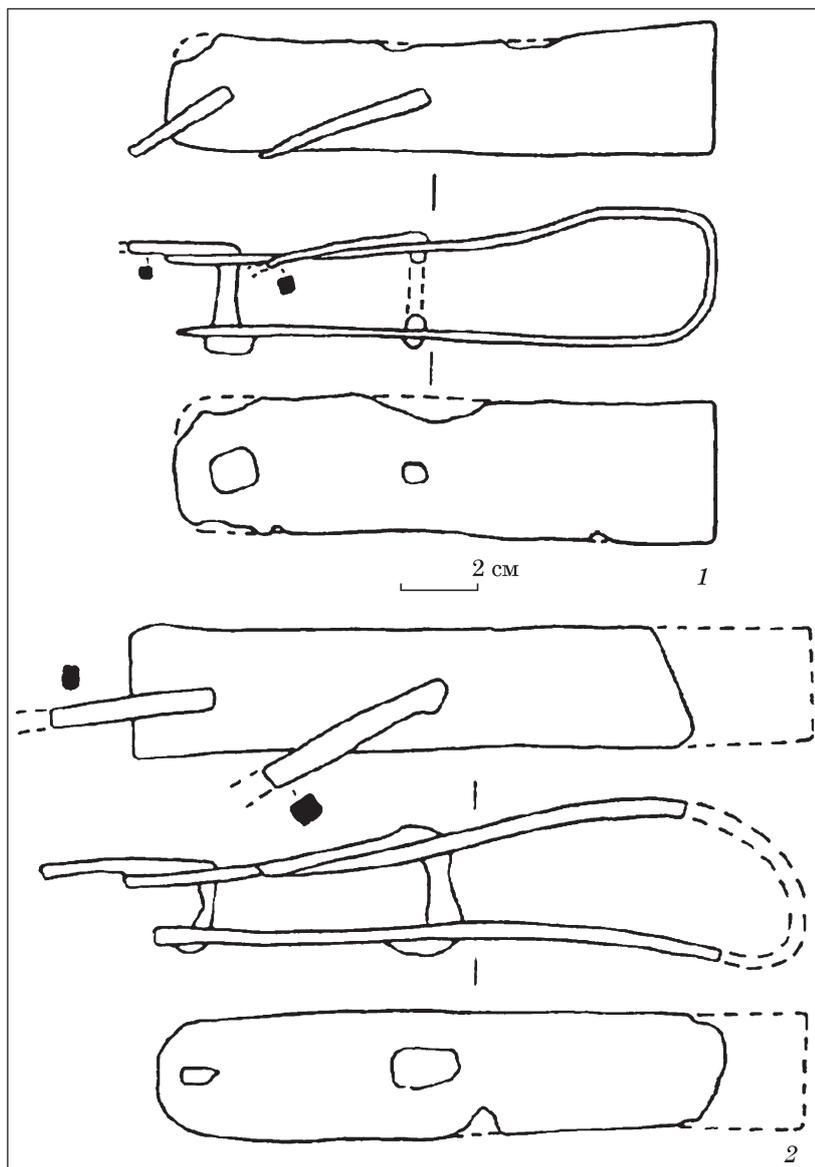

Рис. 7. Обоймы из Соболевой Могилы [Мозолевский, Полин, 2005, рис. 108]

(рис. 7, 1, 2). В описании этих предметов сказано, что они соединяли доски заклада, обхватывая их [Мозолевский, Полин, 2005, с. 190]. Однако на тех страницах описания входа в эту ограбленную погребальную камеру, идет речь только о канавке, предназначенной для деревянного заслона, видимо, уничтоженного грабителями [Мозолевский, Полин, 2005, с. 163]. Иными словами, это не наблюдение находки *in situ*, а предположение о том, для чего этот предмет служил.

Соединенные заклепками пластины — массивные железные скрепы — из Гаймановой Могилы служили для соединения частей обода колеса, найденного в кургане. Они отличаются от наших отсутствием округлого изгиба и наличием заклепок-болтов с двух сторон [Бидзиля, Полин, 2012, с. 275—277, 286, кат. 106/1—2, рис. 407—408].

Оковки колеса, также с заклепками, найдены и в кургане 15 Золотобалковского мо-

гильника [Полин, 2014, с. 101, рис. 57—58]. Отличие этих предметов от наших состоит прежде всего в размерах (толщина сшиваемого заклепками дерева у деталей колес значительно больше), а также в другой конструкции изделий (отсутствием округлого изгиба и наличием заклепок-болтов с двух сторон). Край колеса в этом случае укреплялся отдельной железной полоской-шиной с гвоздями.

Неожиданное сходство с нашими предметами обнаруживают детали шины от колеса повозки бронзового века, найденной на Гонур-тепе. Бронзовая шина охватывала край деревянного колеса, сделанного из досок, и в числе ее деталей присутствуют выступы с заклепками, весьма сходные с нашими железными предметами [Новожинов, 2016, с. 364, рис. 3]. Такая шина защищала и усиливала внешний край колеса, сделанного из досок [Новожинов, 2016, с. 365]. Повозки с такими простыми деревянными колесами существовали и в скифское время.

Нисколько не настаивая на том, что перед нами именно деталь колеса, мы не можем оставить этот вопрос без внимания, поскольку в скифских курганах в качестве заслонов, по мнению ряда исследователей, могли использоваться колеса и другие детали повозок. В Гаймановой Могиле, в частности, на дне входной ямы 1 при входе в дромос к деревянному дощатому заслону были привалены четыре деревянных колеса [Бидзиля, Полин, 2012, с. 80].

В кургане Огуз заслон был сооружен из частей повозки (борта, щиты из жердей и досок), там тоже были найдены скобы и гвозди [Фиалко, 1994, с. 133—134]. С.С. Бессонова предполагает, что в ряде случаев роль щитов заслонов играли стенки повозок [Бессонова, 1982, с. 106].

Заслон отверстия входной ямы конского захоронения Центральной гробницы 2 Гаймановой Могилы, по мнению В.И. Бидзили, состоял из частей кузова разобранной повозки [Бидзиля, Полин, 2012, с. 142, рис. 202].

Такие предположения относительно заслонов, найденных в других курганах, высказывались исследователями и ранее. Как правило, вместе с заслонами находят некоторое коли-

чество железных скоб и гвоздей. Однако, как пишет С.В. Полин, согласно этнографическим данным для крепления кузовов повозок вплоть до начала XX в. металлургические элементы не использовались [Бидзиля, Полин, 2012, с. 80, 272].

Крайне незначительное количество предметов рассматриваемой серии в сочетании с грандиозностью погребальных сооружений кургана Козел, а также с фактом полного разграбления его центральной гробницы, заставляет нас учитывать все возможные случаи использования этих предметов и при этом не всегда позволяет приходиться к каким-либо четким выводам. Прежде всего, это касается скреп-обойм из кургана. По поводу скоб и гвоздей можно сказать, что их принадлежность заслонам на входах в погребальные камеры выглядит вполне правдоподобной. Обнаруженная среди других предметов щеколда также выглядит уместно в этом контексте.

Удивительно, что почти все рассмотренные предметы нашли место именно в конструкции центрального сооружения, полностью разграбленного. Среди находок мы пока не видим фрагментов железных полос, упомянутых в описании сохранившегося *in situ* перекрытия конских могил. Впрочем, к нему могли относиться некоторые гвозди.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). — К., 1991. — 416 с.

Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 102—117.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (предварительная публикация). — К., 1977. — С. 61—157.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.

Древности Геродотовой Скифии. — СПб, 1872. — Т. 2. — 90 с.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. — М., 2001. — 400 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — К., 1973. — С. 187—234.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — 600 с.

Новоженков В.А. Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени // Тр. Маргианской археологической экспедиции. — М., 2016. — Т. 6: Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. — С. 361—377.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.

Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 776 с.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Близначь-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном

Надпорожье. — Днепропетровск, 2009. — 251 с.

Филалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. — К., 1994. — С. 122—144.

Н.И. Беловинцева,
О.В. Переводчикова, К.Б. Фирсов

ЗАЛІЗНІ ДЕТАЛІ ПОХОВАЛЬНИХ КОНСТРУКЦІЙ З СКИФСЬКОГО ЦАРСЬКОГО КУРГАНУ КОЗЕЛ

У статті проаналізовані залізні деталі поховальних конструкцій з скифського царського кургану Козел IV ст. до н. е., розкопаного І.Є. Забеліним у 1865 р. Курган був пограбований.

У збірці знахідок є залізні цвяхи, скоби скріпи і їх фрагменти. Такі предмети часто знаходять у скифських курганах, де вони використовувалися для поєднання дерев'яних частин конструкцій.

Вже згадана серія дуже невелика, тому ми шукали аналогії в матеріалі інших курганів на основі формальних ознак наших предметів. Аналогії, знайдені у скифських курганах IV ст. до н. е., дали можливість зрозуміти місце наших предметів у конструкції поховальних споруд кургану Козел. Більшість з них були деталями дерев'яних заслонів входів до поховальної камери, які іноді виглядали як прості двері. Залізні предмети могли зшивати частини дерев'яного заслону або служити частиною замикаючого пристрою на двері.

Ключові слова: скифські царські кургани, курган Козел, залізні предмети, деталі поховальних конструкцій.

N.I. Belovintseva,
E.V. Perevodchikova, K.B. Firsov

IRON DETAILS OF SEPULCHRAL CONSTRUCTIONS FROM THE SCYTHIAN ROYAL BARROW KOZEL

The article deals with iron details of sepulchral constructions from the Scythian royal barrow Kozel dated to 4 century BC excavated by I.E. Zabelin in 1865. The barrow had been plundered.

There are iron nails, cramps, brackets, clamps and their fragments in the collection. These items are frequently found in the Scythian barrows used to tie wooden parts of constructions.

The series of items is quite small, so we looked for analogues in other barrows basing on formal characteristics of our items. The analogues found in Scythian barrows of the 4 century BC gave us a chance to understand the place of our items in the grave constructions of Kozel barrow. Most of them are the details of the wooden walls at the entrance to the burial chamber which may sometimes look as a simple door. The iron items were to tie the parts of wooden wall or be a part of the locker of the door.

Keywords: Scythian royal barrows, Kozel barrow, iron items, details of sepulchral constructions.

Одержано 13.03.2017

Ю.В. Болтрик

ОГУЗ — КУРГАН НА КЛЮЧОВОМУ РОЗДОРІЖЖІ СКІФІЇ (пошук Херсонеського сліду)

Статтю присвячено встановленню факту існування давнього перехрестя шляхів поблизу кургану Огуз. Аналіз наявної інформації дозволяє реконструювати маршрути, що пролягали в шести напрямках від кургана-гіганта. До відомого раніше шляху з центру Скіфії на Боспор додається торговий транзит з хори Херсонесу до городищ Лісостепу. Маркерами тут правлять знахідки керамічної тари з Південного Понту і Херсонесу.

Ключові слова: кургани, перехрестя, скіфи, Гераклея, Херсонес, шляхи.

У смузі степу для давніх шляхів без твердого покриття обирали вододіли. Ними обходили спуски та підйоми, ці підвищення висихали швидше за інші ділянки степу. На вододіли (вірогідно, як на межі між пасовиськами) вносили кургани, частіше елітні. Тому так часто співпадають кургани та шляхи, які були прокладені по вододілах. Ці обставини дозволяють реконструювати напрямки стародавніх сухопутних трактів. Оскільки оптимально прокладені тракти існували сторіччями, то їх траси співпадають з середньовічними та чумацькими битими шляхами. Звичайно, особливу зацікавленість мають викликати місця перехресть давніх шляхів, як зони розташування потенційних поселенських структур, святилищ чи залишків культових відправ. Пошук цих зон в значній мірі є справою складною і потребує мобілізації всіх наявних археологічних, історичних та картографічних джерел. Але здається, одне з перехресть давніх шляхів вдалося встановити.

Вже з доби пізньої бронзи в Українському степу, спираючись на картографування місць знахідок скарбів, відзначають існування шляхової мережі [Суботін, Черняков, 1982, с. 20—

21]. Встановлено взаємозв'язок торговельних шляхів та переправ з могилами киммерійців [Бокий, Горбул, Отрощенко, 1991, с. 179—180, рис. 4]. Простежено давню трасу магістрального субширотного Причорноморського шляху. З'ясовано, що від його головних переправ на Нижньому Дніпрі й далі на схід, шлях розгалужувався на дві гілки: південну — через Перекоп на Тамань, та східну — вздовж північного берега Азовського моря до гирла Дону [Отрощенко, 1986, с. 147—148]. Кримська частина цього маршруту перегукується з реконструкцією напрямку міграцій (і мабуть не тільки) скіфів в часи їх ранньої історії від Гіпанісу (Кубані) до Гіпанісу (Південного Бугу) [Вахтина, Виноградов, Горончаровский, Рогов, 1979, с. 76—78]. Цей маршрут додатково маркують три архаїчні поховання — Темир-Гора біля Керченської переправи та Філатовка на Перекопі, а між ними курган Черноземне-Желябівка на р. Біюк-Карасу в Південному Присівашші [Колтухов, 2012, с. 86].

Пошукам доріг скіфського часу присвячено чимало робіт і в своїх попередніх студіях в цій царині я згадував їх, тому є сенс перейти до розгляду сюжету, що вносить новий аспект в інформацію щодо сухопутних комунікацій Скіфії часів «золотої осені».

Давно помічено, що в просторі степу всі найвищі кургани Скіфії вишикуються в один ланцюжок. На більш ніж стокілометровій ділянці опиняються кургани Огуз, Козел, Солоха, Чортотлик і Александрополь [Болтрик, 1981; 1987; 1990]. На не випадковість цього ряду вказує і та обставина, що в місці перетину ним заплави Дніпра знаходяться Кам'янське та Капулівське городища [Болтрик, 2015, с. 22]. Ці центральні городища контролювали та обслуговували бро-

ди в районі відомого в середньовіччі Микитино-го Рогу (біля нинішнього м. Нікополь). Таке розташування головних поховальних пам'яток та двох центрів осілості Скіфії промовисто свідчить, що вони пов'язані з давнім шляхом.

Оскільки цей путь з'єднував найбільші могили Скіфії і Боспору, північний край цієї магістралі, відомий в середньовіччі як Ромоданівський шлях, приводив до найбільших курганів Посулля, а нижньодніпровська ланка опинялась у створі Арабатської стрілки¹ та прямувала нею до Пантікапею, то я і назвав це Трансскіфським шляхом². Тобто головною і єдиною реконструйованою магістраллю Скіфії до останнього часу залишався Трансскіфський або Пантікапейський шлях. Тут слід зазначити, що матеріальний вплив Боспорської держави на Скіфію настільки вагомий, різноплановий і багатократно відзначений декількома поколіннями дослідників, починаючи від відомої праці М.І. Ростовцева і закінчуючи численними авторами десятих випусків «Боспорського феномену», «Боспорських читань» та «Боспорських досліджень», що в цій статті на ньому немає сенсу зупинятися. А от на тлі потужного Боспорського економічного вектору торгівельна активність мешканців хори Херсонесу залишається майже непомітною. Внесок мешканців Херсонеської хори, як виробників так і посередників, спробуємо обгрунтувати нижче.

ЦЕНТРАЛЬНЕ СТЕПОВЕ РОЗДОРІЖЖЯ СКІФІЇ IV ст. до н. е.

Південний фланг ланцюга найбільших курганів замикав грандіозний Огуз (за 2,5 км на південь від нього знаходився Діїв курган). Стосовно ж місця знаходження його велетенсько-

1. Спираючись на наслідки буріння Арабатської стрілки в середині ХХ ст., Т.М. Смекалова дорікає мені, що в античні часи піщаного пересипу між Сивашем та Азовським морем не існувало [Смекалова, 2009, с. 51—52]. Але ті самі автори, чікими висновками оперує мій опонент, стверджують, що за античних часів Сиваш був прісноводним [Стащук, Супрычев, Хитрая, 1964, с. 164]. Тобто в давнину прісний Сиваш був все ж таки відокремлений від Азовського моря. Тому-то по периметру мертвого зараз берега так багато курганів доби бронзи, що були збудовані явно не на солончаках. Зважаючи на домінування тут східних вітрів, Арабатська стрілка по всій довжині піддається фронтальній дії морських хвиль, які поступово переміщують пересип на захід. Таким чином в античний час стрілка мала знаходитись на декілька десятків метрів від берегу в бік моря. Що ж стосується інших варіантів шляху з Боспору до центру Скіфії, як альтернативний маршрут можна розглядати рух караванів через Перекоп (не виключаємо, що за якихось особливих умов їм користувалися теж), проте різниця в 110 км (а це зайві 4—5 днів шляху) не сприяла його популярності.

2. Останнім часом цей шлях слушно запропоновано називати Пантікапейським [Бессонова, Полтавець, 2015, с. 26].

го насипу не полишав подив — чому в такому непоказному місці, хоча й в середині Дніпро-Молочанського степу, влаштували могили царя Скіфії? І не настільки вже привабливим здавалось це місце, з огляду на перетин тут важливим шляхом чималої степової Сірогозької балки. Однак виявилось, що містина все ж таки була знаковою. Це випадково пощастило з'ясувати завдяки листу трьохверстової карти (Велика Білозерка), на якому синім чорнилом було позначено трасу і підписано українською мовою — Муравський шлях, Старий Чумацький — та обведено ряд курганів³. Тут нам цікавий саме Муравський шлях, як один з найважливіших стратегічних шляхів XVI—XVIII ст., який пролягав з Криму до Тули та використовувався ще в скіфські часи [Шрамко, 1987, с. 20—23]. Вирізнявся він як пряміший та гладкий, був звичайною дорогою, якою татари ходили лівою стороною Дніпра і, відповідно, заборізькі козаки цим маршрутом робили набіги на Крим [Яворницький, 1990, с. 66].

Тобто повз курган Огуз з Перекопу в напрямку сучасного міста Орехова Запорізької обл. і далі вододілом Дніпра та Сіверського Дінця проходив шлях, який в більш пізні часи став відомим як Муравський⁴. Варто зауважити, що далі на північ на теренах Харківщини визначено тяжіння до Муравського шляху поселенських структур та некрополів скіфської доби [Гречко, 2010, с. 101, 114]. Артефакти з цих пам'яток дотичним чином засвідчують наявність, крім традиційного Боспорського торговельного імпульсу, ще й Херсонеського вектору та дозволяють припускати, що повз Огуз йшли каравани не лише до центру Скіфії, але й на північний схід. Свідченням цього слугують амфори Гераклеї та Херсонесу, що в останню черть IV та на початку III ст. до н. е. надходили на городища правобережжя Сіверського Дінця⁵ [Гречко, 2010, с. 67, 69].

3. З огляду на час напису (1920-і рр.) та назви бокових гілок шляху (Кримський та Чумацький), можна припустити, що написи виконані рукою Д.І. Яворницького або ж Я.П. Новицького чи когось з їх кореспондентів.

4. У реальному проходженні Муравського шляху саме цим маршрутом сумніватися не доводиться, оскільки на північний схід від Огузу в старих найближчих селах (Менчикури, Михайлівка та ін.) напрямки вулиць відповідають загальному північно-східному напрямку цієї ділянки магістралі.

5. Цілком вірогідно, що від Муравського шляху йшло відгалуження до зони курганів Середнього Подоння. В усякому разі серед амфор з цих курганів половину складала тара Гераклеї (астиними Евридам, Пісістрат, Агатон) і були присутні також синопські посудини [Медведев, 1999, с. 114]. З огляду на понтіїське походження цих амфор можна припускати, що вони потрапляли на Середній Дон саме через гавані хори Херсонесу, втім не виключаємо їх перевалку в гирлі Дону.

У степах північної Таврії на мапі Г. Боплана та й на інших рукописних картах Муравський шлях показано непевно або взагалі він уривався при вході до Дніпро-Молочанського межиріччя. Ділянку Муравського шляху, що зі сходу на південний захід діагонально перетинає степ між Молочною та Дніпром, доречно було б назвати Херсонським *тропосом* (шляхом) або ж його східною гілкою. А з огляду на малу кількість курганів епохи бронзи уздовж цієї гілки, слід визнати цей відрізок більш пізнім, а то й другим за значенням у порівнянні із шляхом на Боспор.

Крім того, є достатньо підстав припускати, що Братолюбівський курган, який стояв неподалік від заплави Дніпра, та куц елітних курганів на правому березі Молочної (Шульгівка, Ташенак та Мелітополь) з'єднував шлях, що

також проходив поблизу Огуза. На серії старих великомасштабних карт простежуються фрагменти шляхів, що у вигляді своєрідного пунктиру вкладаються в широтний напрямок, який пов'язував згадані кургани. На листі 12, XXX ряду трьохверстової карти Братолюбівський курган позначено як «Большая Могила» і повз нього, від заплави Дніпра та Конки, через верхів'я балки Довга Каїрка в напрямку Огузу (до нього 41 км) тягнеться шлях. На давність цієї магістралі, крім низки курганів уздовж неї, вказує роздоріжжя за 5 верст на схід від Братолюбівського кургану, позначене декількома колодязями. Від цих джерел при роздоріжжі до Огузу залишався день шляху. Наступний етап руху в бік Молочної (в обхід верхівок степових балок) займав приблизно два дні, оскільки відстань до Шульгівки складала 58 км, а до

Рис. 1. Схема перехрестя біля кургану Огуз в Лівобережному степу із знахідками-маркерами: 1 — клейма Агасікла на херсонських амфорах (300—285 рр. до н. е. за В.І. Кацем): а — знахідка з Керкінітиди (одне зі 130 херсонських клейм, опублікованих О.О. Махнєвою [Махнєва, 1994, с. 111—112]; б — знахідка О.В. Бодяньського з Капулівського городища (Фонди ІА НАН України, розд. ІV, колекція 493); 2 — випадкова знахідка двох бронзових навершів біля с. Догмарівка; 3 — випадкова знахідка бронзового навершя біля с. Дем'янівка; 4 — знахідка бронзових навершів під час розвідки біля с. Водославка; 5 — випадкова знахідка бронзового навершя біля с. Петропавлівка

Просторові позиції першорядних курганів Скіфії IV — початку III ст. до н. е.

Курган-лідер	Розміри, м		Супроводжуючі насипи	Позиція в просторі
	Висота	Діаметр		
Александрополь	21	101	Практично відсутня курганна група: 2 кургани ланцюгом на Пд	Останній в низці великих насипів і в часі
Нечаєва (Гегелина) Могила	16	—	Відсутня курганна група (1 довга могила поруч), але за 2,2 км на Пд Орлова Могила і її група	Наявність довгої могили дає підстави вважати, що курган виник біля святилища
Чортотлик	19,5	115—120	Велика курганна група (довга могила поруч)	Збудували біля святилища (довгий курган $h = 8$ м), за 21 км від Капулівського городища, напрям на Александрополь, розгалуження на Жовтокам'янку (за 30 км) і Башмачку (за 70 км)
Мамай Гора	7	—	Найбільша курганна група з «плям» в Степовій Скіфії (3 довгих могили поруч)	Поставили біля культового комплексу, за 11 км від Капулівського городища та за 8 км від Кам'янського акрополя
Солоха	18	—	Велика курганна група з 76 насипів і «плям». На 3 від Солохи була алея-прохід, між 2 смугами насипів	Побудували за 17 км (за пів дня шляху) від Кам'янського акрополя, курганний могильник існував мінімум 50 років
Козел	14	—	Група з десятка насипів та «плям»	На високому березі балки. У групі є кургани доби бронзи, схоже частина скіфські, був час, щоб «виросло» курганне оточення
Огуз	21—24	130	Невелика курганна група, мінімум 1 скіфський курган існував раніше. За 2,5 км на Пд Дієви Могили	Над похилим лівим берегом балки, біля перехрестя трьох шляхів
Кош-Оба	9	—	Курганна група з 7 насипів (з них 1 довга могила)	За 5—6 км на ПдЗ від Кош-Оби, знаходяться групи Чайан та Апан-Сарча. За 22 км на Пд Керкінітида

Мелітопольського кургану 68—70 км (рис. 1)¹. У пізніші часи цей шлях² змістився на південь (біля Дніпра на 18 км, в центрі степу на 9 км та на східному краю, біля р. Ташенак, на 7 км). А в XIX ст. він з'єднав важливі степові ярмарки — Каховські (осінній Покровський і весняний Нікольський) та Мелітопольський. Зараз це частина автомагістралі «Рені—Одеса—Мелітополь—Ростов». Тобто частина довгого напрямку, що йде степом вздовж морського узбережжя та з'єднує Нижній Дунай з гирлом Дону. Отже цілком слушним є припущення, що і в античні часи його використовували як сухопутний маршрут між Ольвією та поселенськими структурами Нижнього Дону.

Регулярні проходження караванів чи торговельних обозів (валок) майже не залишають

1. Не виключено, що ім'я Агасікла на клеймах амфор та монетах належать одній і тій самій особі. Ніщо не заважає припустити, що це видатний діяч Агасікл син Ктесія [Ланцов, 2005, с. 128], удостоєний за визначні заслуги кінної статуї від вдячних співгромадян десь в межах першої третини III ст. до н. е. (IOSPE. I2.418).

2. Під назвою Мелітопольського грейдера цей шлях дожив до часів побудови Каховської зрошувальної системи.

археологічних слідів. Проте мали існувати традиційні місця зупинки та відпочинку, переправи, броди, перехрестя чи навіть попередники караван-сараїв. Схоже залишки саме таких структур на схилах Сірогозької балки побачив співробітник ІА АН УРСР Я.І. Болдин. На рівні збору уламків артефактів він відкрив десятки стоянок та чотири поселення широкого хронологічного діапазону, частина з них з уламками античних та середньовічних амфор [Болдин, 1981, с. 232]. З огляду на наявність в Сірогозькій балці слідів стоянок зрубної культури, це роздоріжжя існувало набагато раніше появи тут скіфів і є підстави вважати, що вже в першій половині IV ст. до н. е. торговельний транзит з Херсонесу Таврійського чи його хори проходив тут в напрямку центру Скіфії та лісо-степових городищ (таблиця).

З таблиці видно, що частина курганів-лідерів не мають курганної групи навколо або ж вона дуже мала. Пояснити це можна тим, що домінуючі кургани були збудовані в період фінальної історії Скіфії і поховальна периферія навколо не встигла утворитись.

У відкритому степу грандіозний насип Огузу було видно за 18 км, тобто подорожні вже за півдня шляху його бачили. Таким чином, мож-

на констатувати, що з останньої третини IV ст. до н. е. курган Огуз в середині лівобережного степу практично був маяком — дороговказом при роздоріжжі, від якого **шляхи розходилися мінімум в шести напрямках**.

Зважаючи на ту обставину, що в необмеженому просторі степу ці напрямки, як шляхи так і їх колії, могли розходитись та сходитись, а амплітуда цих відхилень могла сягати в ширину і декількох кілометрів, то вважаємо цілком коректним для маркування давніх шляхів залучати випадкові знахідки. Такими знахідками є фігурні бронзові навершшя — оздоби кутів на криття скіфських возів [Болтрик, 2009, с. 43—45, рис. 3], вони відомі на чотирьох з шести напрямків (рис. 1). Два таких навершшя лягають на Муравський напрямок. Одне з них на відстані півтора дня шляху від Сірогоської балки в бік Криму, в смузі вірогідного перетину або повороту давнього шляху біля с. Петропавлівка Каховського району, а інше за півдня шляху від тієї ж балки у бік городищ Сіверського Дінця поблизу с. Дем'янівка Нижньосірогоського району Херсонської області [Ратнер, Костюк, 1989].

Інші знахідки навершшя пов'язані з Пантикапейським шляхом. За два дні шляху від Огузу в напрямку Боспору знаходиться с. Водославка Новотроїцького р-ну Херсонської обл., там, на одному з курганів біля поду Кара-Куя (Чорний колодязь), під час розвідки П.М. Шульца в зоні майбутньої зрошувальної системи були знайдені два бронзові навершшя ¹ [Черепанова, Щепинский 1966, с. 75]. Побічно на належність місцевості до місця відпочинку караванів вказують топоніми: середньовічні «*Кара-Куя* = *Чорний колодязь*», тобто колодязі та пізня «*Славна вода*». Це місце відпочинку було цінним з огляду на те, що до північного краю Арабатської стрілки залишалось менше дня шляху, а до мілкої протоки через Сиваш (ширина 100—120 м) ² біля південного краю півострова Чонгар (за умови що, в скіфські часи діяла і ця гілка маршруту) повноцінний день руху. Напрямо Пантикапейського шляху на Каменське городище вже після Огузу фіксує навершшя з Догмарівки Нижньосірогоського району [Клочко, Оленковський 1990, с. 253] (вірогідно пов'язане з курганом Могила Сапожнікова на трьохверстовій карті). Зауважу, що це бокова гілка шляху, яка відокремлювалась від кургану Козел в напрямку Великої Цимбалки, потім

все одно виводила до Микитської переправи біля Каменського городища. На згадуваному листі трьохверстової карти (XXIX, 13) цю ділянку позначено як «Старий чумацький» і він міг використовуватись караванами і з Перекопу.

Стильові особливості та коло аналогій навершшям з відомих поховальних комплексів дозволяють віднести їх до останньої третини IV — початку III ст. до н. е. В трьох випадках вони належать до плоских ажурних (лопатоподібних) навершшя зі сценою шматування оленятка грифоном (Догмарівка 2 екз., Петропавлівка 1 екз., Водославка 1 екз.), а ще одне з Водославки має композицію з трьох фігур: людини зі списом на грифоні, що полює на оленя ³. Навершшя з Дем'янівки належить до XI типу за класифікацією О.В. Переводчикової ⁴, має грушоподібний бубонець з фігурними проймами на низькій втулці підпрямокутного перетину, увінчано ажурною фігурою грифона ⁵. Згідно еволюційному ряду О.В. Переводчикової, артефакт з Дем'янівки в часі передувє плоским ажурним навершшям з грифоном або оленем (тип II) [Переводчикова 1980, с. 42, рис. 9].

Оскільки знахідки випадкові, то частина з них, скоріш за все, була пов'язана з поховальними комплексами (Догмарівка, Водославка), а частину, вірогідно, загубили під час руху шляхом (Дем'янівка, Петропавлівка). У місці знахідки двох перших є кургани і автори публікацій пов'язують їх з ними [Клочко, Оленковський 1990, с. 253], до того ж і в Догмарівці, і у Водославці знайдено по два таких арте-

3. Сюжет ідентичний чотирьом навершшям з Бабиної Могили та Слоновської Близниці. Цю сцену трактують як полювання Геракла [Граков, 1950, с. 14] або Аполлона Гіперборейського [Онайко, 1977, с. 153—159].

4. Я використовую типологію О.В. Переводчикової з метою зорієнтувати читача в системі артефактів цієї категорії. Втім зазначу, що зараз ця систематизація потребує корегування. Мабуть слід повернутись до пропозиції М.І. Ростовцева розглядати окремі хронологічні та територіальні групи цих артефактів [Rostowzew, 1931, р. 291]. На підсумковій карті О.В. Переводчикової придніпровська група окреслена ізольованим масивом. І є всі підстави вважати артефакти цієї групи приналежністю транспортних засобів. Стосовно ж більш ранніх навершшя такої впевненості немає. З огляду на недавню статтю Т.В. Рябкової про кулясті прорізні навершшя з Келермеського кургану 2/В (№ 31) теза про окремішність кубанських навершшя від дніпровських набуває ваги. Т.В. Рябкова слушно наголошує, що в Закубанні центрально-азійський імпульс має досить давню лінію розвитку і згасає з останньої чверті VII ст. до н. е. На подальший розвиток цієї категорії речей починає впливати східно-грецька традиція [Рябкова, 2016, с. 20—22].

5. Викликає певний подив, що навершшя з Дем'янівки подібне до артефактів з Чмиревої, Гайманової та Товстої Могили. Курганів таких розмірів поруч з селом немає, Огуз знаходиться за 16 км і в часі має іншу позицію. Залишається трактувати артефакт з Дем'янівки, як загублений на дорозі.

1. Через малі розміри села Водославка (за радянських часів його не показували на картах) та через те, що розвідку проводили кримські археологи, ці навершшя помилково вважають знайденими в Північному Криму.

2. Дві подібні протоки зараз відділяють і Арабатську стрілку від материкового берега, але з огляду на коливання в часі рівня світового океану та ту обставину, що Сиваш за античних часів був прісним, є підстави очікувати, що ці протоки не існували.

факти. Заслужує на увагу той факт, що обидва навершя з Водославки мають аналогії на зовнішньому периметрі розповсюдження цих артефактів навколо центральних поселенських структур Капулівського та Каменського городищ. Так навершя, прикрашене сценою шматування зміїним грифоном оленятка, відоме в Краснокутському кургані, а друге, що зберігається в Одеському археологічному музеї НАН України, випадково знайдене на березі Тілігульського лиману. Інше навершя з трьома фігурами (людиною, грифоном та оленем) майже тотожне знахідкам з Слоновської Близниці та Бабиної Могили [Мозолевський, Полин, 2005, с. 125]. В просторових позиціях згаданих навершів слід вбачати принцип горизонтальної стратиграфії — все, що лежить далі від центру, є найпізнішим.

З огляду на встановлення факту наявності перехрестя біля Огузу, слід відмовитись від вже традиційної версії перекладу назви кургану як «*бик*» і прийняти інше тлумачення цього топоніму. Носій ногайського діалекту кримськотатарської мови Азиме Кемалова пропонує для топонімів Тарханкуту ряд тлумачень серед них і *Ауз, Агъыз, Агыз, Авуз, Авыз*, що означає: *рот, паща, вхід, початок дороги, стик, перехрестя* [Кемалова, 2014, с. 159]. Здається останнє значення напрощуд влучно трактує назву кургану, що стояв на землях ногайців, і саме тому на старих документах та картах його назва була позначена, як *Агуз, Агусь, Агуска*. Прикметно, що і курган Козел на карті трьохверстці позначено як *Агусь*, з огляду на розгалуження шляху біля нього назва цілком слушна.

ШЛЯХ ВІД ПЕРЕХРЕСТЯ ДО ПЕРЕКОПУ

Після перетину Сірогозької балки та до місця впадіння в неї Торгайської балки, просування караванів відбувалось, вірогідно, вздовж правого берега першої. Інша назва цієї балки Чокрак або Чекрак (в перекладі *жива солодка вода, джерело*). На трьохверстовій карті там зображено колодязь (за переказами з доброю водою). Тобто це могло бути місцем привалів чи відпочинку за півдня шляху (за 17—18 км) від Огузу. Подальше просування Муравського шляху до Перекопу йшло частково в обхід балок меншого рівня, що дренивали поверхню степу в напрямку моря або ж подів. Через це шлях дугою відхилився на південний захід і вже після Зеленої та Чорної долин повертав на південь до Перекопу. Ця обхідна гілка, вірогідно, мала мінімум два розгалуження. Обидва вони перетинали балку Каштанак в районі с. Дмитрівка (Каховського району) десь за день шляху від устя Торгайської балки.

Ці розгалуження на трьохверстовій карті фіксуються довгими ланцюгами курганів та компактних курганних груп. Східна йде в на-

прямку Чаплинки між Зеленим Подом та Чорною долиною. Західна гілка, більш насичена насипами курганів, перед обходом до Чорної долини минає вже згадане с. Петропавлівку (що і зараз знаходиться на перехрещенні сучасних шляхів різного значення) і наближається до давніх піщаних алювіальних відкладень Дніпра (північної частини Олешківських пісків), і також виводить на Чаплинку.

Все ж таки найбільш привабливим залишається варіант шляху вздовж східного краю Зеленого Поду, оскільки тут над степом домінував семиметровий насип Першого Мордвинівського кургану, а за 6—7 км від нього, вже на південному березі поду, знаходився Другий Мордвинівський курган. Подальший маршрут пролягав поруч з верхів'ям р. Каланчак і від селища Чаплинки повертав в напрямку Перекопу.

Таким чином дистанція між Огузом та Перекопським валом складає 125—127 км. Прямий маршрут був би на 20 км коротше. Але на ньому головною перепорою виступає Великий Агайманський Під — один з найбільших на Україні, це долинне зниження, що утворилося внаслідок просідання лесових порід у лівобережному степу. У нього, не доходячи до моря, впадає Сірогозька балка. Витягнутий з півночі на південь на 16 км, шириною до 11 км, Агайманський Під на 15 м нижче оточуючого степу. Його схили терасовані або уривчасті. Під час танення снігу та в дощові роки заповнюється водою, влітку пересихає (рис. 1). Далі в бік Перекопу перешкоди руху створювали Асканійський та декілька менших подів. Переміщенню подами перешкоджала висока трава, що піднімалася навколо них, оскільки вона намотувалась на маточини коліс та блокувала рух [Яворницький, 1990, с. 66].

Крім подів, балок та балочок, що впадали до них, вірогідно, була ще одна небезпека, що чатувала на давніх подорожніх, — це табуни диких коней-тарпанів та і вепрів. Шляхи та поселення в цій місцевості з'явилися разом з першим населенням на початку XIX ст., і лише у 1879 р. тут вбили останнього тарпана.

Чим ближче до Перекопу, тим більше ми опиняємося в невизначеності, яку залишив нам батько історії. Маю на увазі його пасаж про шосту річку Скіфії Гіпакірій, що тече з озера в землі скіфів-кочовиків і вливається в море біля міста Каркінітіди [Herod., IV, 55]. Серед різних локалізацій цієї річки перевагу слід надати р. Каланчак, яка могла брати початок з одного з подів, тим більше, що при великих опадах степові блюдця перетворювалися на озера, а сама річка ставала своєрідною довгою затокою, що вдавалися у степ на кілька кілометрів. Плутанина з Керкінітидою (розміщення її на північному узбережжі Каркінітської затоки) начебто дискредитує інформацію Геродота, але вірний напрям на Гілею та Ахілів дром змушує

йому повірити, особливо якщо взяти до уваги, що інформацію Геродот одержав від купців, які шли понад річками та переходили їх. Тому змішався сухопутний шлях з річками, тому і Герр (Молочна) впадає в Гіпакірій, і тому Герр ділила землі кочовиків та скіфів царських, бо й Муравський шлях по діагоналі розмежовує степ між Дніпром та Молочною на дві частини. А шлях до Керкінітиди в приморській смузі лежить вздовж Гіпакірія-Каланчака, що і могло призвести до плутанини в географічному описі Геродота стосовно шостої та сьомої річок Скіфії.

ШЛЯХ ВІД ПЕРЕКОПУ ДО КЕРКІНІТИДИ

Зважаючи на велику концентрацію поселень Херсонеської держави в Північно-Західному Криму [Ланцов, 2003, карта-схема] та ще більшу кількість курганів там, особливо на півострові Тарханкут та в Передгірському Криму [Смекалова, 2009, рис. 5, 6] важко обрати якийсь єдиний варіант шляху (рис. 2). З одного боку, зважаючи на те, що місто Херсонес відокремлюють від степового Криму чотири річки і Перша гряда Кримських гір, до того ж вірогідність спіткання з таврами, могла створити проблеми для торговельних караванів. З іншого боку, велика концентрація скіфських поховальних пам'яток та взірців кам'яної скульптури навколо міста Керкінітиди між озерами Донузлав та Сасик, свідчить про концентрацію та активність скіфів в цій частині Криму, змушує орієнтуватись на нього, як на ключовий торговельний термінал Херсонеської хори. А з середини IV ст. до н. е. сусіднє з Керкінітидою невелике городище «Чайка», ймовірно, теж підключається до посередницької торгівлі. Більш давню традицію співпраці греків зі скіфами побічно фіксує Гекатей Мілетський, письменник і логограф VI—V ст. до н. е., в описі Європи він називав Керкінітиду містом скіфським [Фр. 153. Steph. Byz.]. Додатковим індикатором існування тут регіонального центру Скіфії часів Атея виступає золота обкладка піхов меча з кургану Чайан [Shcegllov, Katz, 1991, р. 97—122], локалізація якого неподалік від Керкінітиди переконливо доведена [Щеглов, Кац, Смекалова, Беван, 2013; Смекалова, Колтухов, Чудин, 2014, с. 231—236]. Тому слід очікувати,

що Керкінітида в значній мірі перебирала торговельний транзит на себе, остання фаза шляху до Херсонесу в разі потреби могла проходити морем, втім не відмовляючись і від караванного варіанту по суші.

Дистанція по самому Перекопському перешийку і далі до Керкінітиди була позначена курганами доби бронзи та скіфів, та займала в подорожніх 3,5—5 днів шляху (в залежності від обраного маршруту). Варіантів маршрутів могло бути кілька. Проте, схоже вихід з Перекопу на південний захід окреслюють досліджені кургани зі скіфськими похованнями широкого хронологічного діапазону біля сіл Філатівка, Рисове, Танкове, Новопавлівка, Сватове, Матвіївка, Калініно, Криловка [Колтухов, 2012, рис. 1].

Подальше проходження маршруту могло розгалужуватись на Калос-Лімен, вздовж морського узбережжя та на великий курган Кош-Оба,

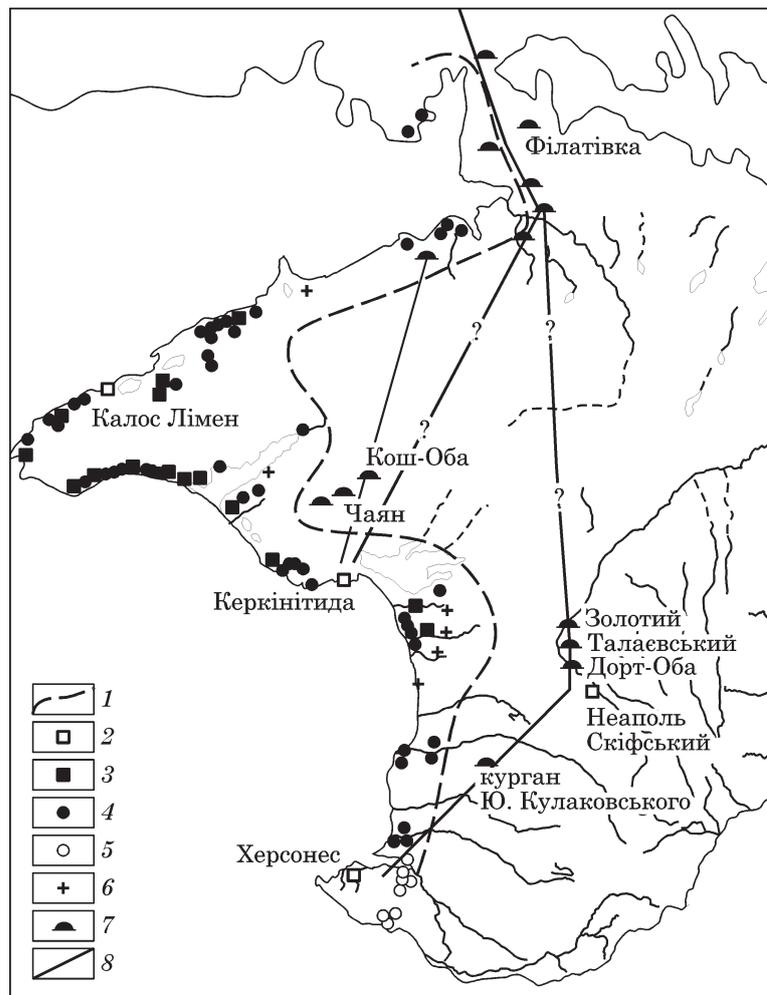

Рис. 2. Схема вірогідних шляхів скіфського часу в Західному та Центральному Криму (за основу взято картосхему пам'яток Херсонеської держави (межа IV—III ст. до н. е.) С.Б. Ланцова [Ланцов, 2005, рис. 1]): 1 — орієнтовні межі херсонеських теренів; 2 — міста; 3 — укріплення; 4 — поселення; 5 — залежні від Херсонесу варварські поселення; 6 — місця виявлення підйомного матеріалу IV—III ст. до н. е.; 7 — скіфські кургани, що могли слугувати маяками-орієнтирами на давніх шляхах; 8 — реконструйовані напрямки шляхів

за 24 км на північ від Керкінітиди. Прикметно, що в разі руху в бік Калос-Лімену, неподалік від зручної Бакальської бухти, але не доходячи до неї, було роздоріжжя десь дев'яти шляхів та біля нього невеликий татарський аул Огуз-Оглу (сучасне с. Чернишове Роздольненського р-ну). Це місце знаходилося за два дні шляху від Перекопського валу. Зауважу, що за день шляху від цього роздоріжжя на березі моря знаходиться античне поселення Маслини, а ще за один день шляху подорожні потрапляли до Калос-Лімену.

Не виключаємо, що і шлях до Керкінітиди через чудовий орієнтир — курган Кош-Оба на Меловому увалі також проходив або через Огуз-Оглу, або через ще більше розгалуження шляхів Ак-Шейх (сучасне селище Роздольне). Відстань від цих розгалужень до Керкінітиди складала біля двох днів шляху. Заслугує на увагу той факт, що серед насипів, які оточують дев'ятиметровий насип Кош-Оби, присутній меридіонально орієнтований довгий курган. Крім того, магнітною зйомкою виявили в ньому правильну прямокутну кам'яну споруду, що дозволило зробити висновок про наявність святилища доби пізньої бронзи, яке, можливо, використовувалося і в ранньому залізному віці [Щеглов, Кац, Смекалова, Беван, 2013, с. 24—25, рис. 28а, 40, 41]. Забігаючи вперед відзначу, що в довгих курганах Нижнього Подніпров'я кам'яні конструкції не зафіксовані, там є лише великі лінії глини, а от на західному березі Чорного моря, на південь від гирла Дунаю вони є. Я бачив та пояснював румунським колегам В. Сирбу та Г. Сімеону в 1995 р. призначення кам'яних конструкцій, відкритих того року в довгому кургані поблизу відомого кургану Ад-жигіол в Північній Добруджі.

Стосовно контактів скіфів з мешканцями Керкінітиди є дещо розмиті свідчення, що містяться в цікавому епіграфічному документі. Йдеться про лист Апатурія Невменію, де є згадка про сплату данини скіфам [Соломоник, 1987; Кутайсов, 1992; 2004, с. 142]. Текст прошкрябано на уламку фасосської амфори третьої чверті V ст. до н. е. З огляду на важливість тексту, наведу його повністю за перекладом Е.І. Соломонік з доповненнями Ю.Г. Виноградова: *«Апатурій Невменію. Солону рибу вези додому і рівну кількість зв'язок для неї; і нехай ніхто не займається твоїми справами; і, звичайно, дбайливо стеж за волами; і дізнайся, хто буде платити данину скіфам»*. Інший варіант перекладу листа Апатурія запропонував В.О. Анохін, згідно його інтерпретації в листі йдеться про суму прибутку, а не про сплату данини скіфам. На його гадку під «солоную рибою» слід розуміти «аріхи» — грошові знаки, які виготовляли в Керкінітиді та Ольвії. А незрозумілий попереднім тлумачам термін «сфекіса» означав керамічні форми для відливання монет у вигляді стріл та дельфінів («арі-

хи») [Анохін, 1998, с. 136—141]. Тому переклад Владилена Опанасовича виглядає таким чином: *«Апатурій Невменію. Аріхи же та сфекіси вези додому; і нехай ніхто не займається твоєю справою без мене; і ретельно стеж за “биками”; та визнач який (наскільки великий) прибуток в Скіфію»* [Анохін, 1998, с. 141]. Все одно залишається згадка про Скіфію і фінансові справи греків в Керкінітиді.

Інше літературне повідомлення дотично свідчить про існування зручного прямого шляху до центру Криму з Придніпровського степу. Мова йде про блискавичний рейд загону цариці Амаги в переказі Поліена [Polyaen, VIII, 56]. Сарматська цариця Амага правила замість свого чоловіка пияка і допомогла Херсонесу після того, як мешканці цього міста пожалілися на набіги скіфів. Разом зі 120 добірними воїнами, кожен з яких дістав по три коня в своє розпорядження, вона за добу пододала понад 200 км і раптово з'явилася в ставці скіфів. Амага вбила скіфського царя, а владу передала його синові, наказавши правити справедливо і не чіпати сусідів. Фахівці, спираючись на можливість сучасних коней, переконані, що відомості Поліена про спроможність кочовиків здолати відстань в 190 км за добу, маючи в запасі змінних коней, не викликають сумнівів [Симоненко, 2015, с. 328—329]. Єдине в чому можна не погодитись з таким досвідченим вершиком, яким є Олександр Володимирович, так це з тим, що легендарний загін Амаги рушив не з бідного на рослинність присивашського степу, а з зони гарних Придніпровських різнотравно-типчакково-ковилових пасовищ, на яких і мала перебувати царська ставка. На наш погляд, початок рейду в 190 км слід лічити від зони Чорної Долини або Зеленого Поду (що відповідає розташуванню елітних Мордвинівських та Червоноперекопських курганів [Лесков, 1974, с. 45—60; 66—101], понад шляхом від Огузу до Перекопу). А закінчення раптового набігу сарматів слід очікувати не біля Херсонесу, а в палаці Неаполя Скіфського або ж на городищі Кермен-Кир, що найближче відповідає відстані, зазначеній автором «Військових хитрощів». Асинхронність згаданих подій з часом класичної Скіфії не є на заваді, а навпаки, дотично вказує на важливість і довге існування нашої магістралі.

ЧИННИКИ ТА НАЯВНІ ОЗНАКИ ТОРГІВЕЛЬНОЇ АКТИВНОСТІ ХЕРСОНЕСЬКОЇ ДЕРЖАВИ

На відміну від Керкінітиди Геродот Херсонеса не знає, оскільки на час його візиту до Ольвії міста на Гераклеїському півострові Криму не існувало. Найперша ж звістка про Херсонес сходиться до другої половини IV ст. до н. е. Вона міститься в творі під назвою «Періпл», що при-

Рис. 3. Схема західної кільцевої течії в Чорному морі та міста-колонії Гераклеї, з'єднані нею

писується грецькому авторові Скілаку Каріандському. У § 68 цього твору повідомляється, що в Таврійській землі живуть елліни, в яких торговельне місто Херсонес, мис Баранячий Лоб, на який від Істру три дні та три ночі прямого путі, а вдовж берегу вдвічі довше, бо там є затока. В той же час одним з ключових чинників виникнення емпорію Херсонес вважають освоєння греками прямих коротких маршрутів в Чорному морі [Максимова, 1954, с. 56—57; Кац, 1990], що дозволяло швидше ніж за три доби подолати відстань між протилежними берегами. В.Ф. Гайдукевич, спираючись на текст «Історії» Геродота та інші джерела, припускає, що вже в середині V ст. до н. е. греки здійснювали довгі переходи у відкритому морі, а з першої половини IV ст. до н. е. ці переходи стали традиційними [Гайдукевич, 1969, с. 18—19]. Це вдалося завдяки використанню давніми мореплавцями західної кільцевої течії в відкритому морі та орієнтуванню по зірках та сонцю.

Згадана кільцева течія в значній мірі була своєрідною турбіною, що збільшила розвиток активних торговельних стосунків греків Південного узбережжя з греками Західного Криму, а через них і з світом скіфів (рис. 3). Тут йдеться про головні течії Чорного моря, які утворюють два велетенські кільця, що рухаються проти годинникової стрілки [Золотарев, 1979, с. 95—98, рис. 1]. В середовищі гідрологів їх називають «окулярами Кніповича»¹. Додатково істотний вплив на водні потоки посилює і сила вітру. Тому в окремі моменти швидкість його потоку може сягати 1 м/с, хоча в 20 км від берегу в смузі шириною 30—90 км середня швидкість становить 30—40 см/с. Морський перехід від Гераклеї до Херсонесу таким чином міг тривати півтори—дві доби. Давньогрецькі

1. М.М. Кніпович у 1920—30-х рр. керував Азовсько-Чорноморською науково-промисловою експедицією, що і відкрила цей ефект.

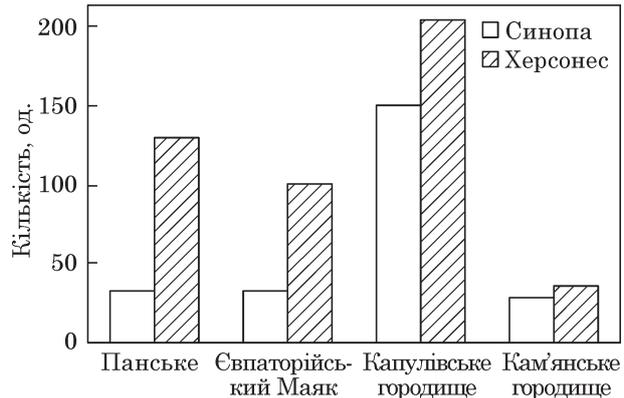

Рис. 4. Графік розподілення клейм Херсонесу та Синопи на городищах Нижнього Дніпра в порівнянні з поселенськими структурами Західного Криму, за: [Фатеев, 2014]

мореходи, використовуючи течію до звичайної швидкості своїх суден в 4 вузла, додавали ще вузол, що дозволяло долати найкоротшу відстань (142 милі) через Чорне море за 30 годин [Золотарев, 1979, с. 96]. Раціональний рух по західному колу дозволяв швидко переміщуватись між містами-колоніями Гераклеї Херсонесом та Каллатією, складніше з огляду на турбулентність в мілкій Каламітській затоці було підходити до порту або ж якірних стоянок Керкінітиди.

В.І. Кац вважає, що Херсонес зобов'язаний своїм виникненням саме освоєнню коротких маршрутів через Понт [Кац, 1990, с. 106]. З урахуванням торговельних інтересів Гераклеї, для колонії обрали одну з найбезпечніших бухт Південно-західного Криму. Зважили і те, що значення Херсонесу для загальнопонтійської торгівлі в період переходу від каботажного плавання до прямих маршрутів через Понт безмірно зросло. До кінця першої чверті IV ст. до н. е. південно-західний край Криму опинився на перетині двох найбільших потоків руху кораблів в водах Понта, що не могло не сприяти перетворенню Херсонесу в значний центр транзитної морської торгівлі [Кац, 1990, с. 107]. Збільшення товарної маси потребувало її подальшого транспортування і тут роль своєрідного ретранслятора дісталась Керкінітиді та Калос-Лімену, звідки до Скіфії мали відбувати торговельні каравани.

Основою економіки Херсонеса Таврійського було виноробство, тому саме амфори в останню чверть IV — на початку III ст. до н. е. позначають його торговельну активність в Скіфії [Ланцов, 2005, с. 127, 129]. Звичайно демографічний (і, відповідно, економічний) потенціал Херсонесу був в декілька разів меншим за можливості Боспорського царства. Але на межі IV — III ст. до н. е. позиція Херсонесу в економіці Північного Причорномор'я стає значно вагомішою, особливо це стосується поставок вина до Скіфії, що значно збільшуються [Рогов, 2002, с. 152].

Про це ж свідчить велика кількість клейм Херсонесу на городищах Нижнього Дніпра (рис. 4) [Фатеев, 2014].

Торгівельна активність нащадків дорійців в Скіфії простежується також завдяки амфорам Гераклеї, а їх кількість за підрахунками ще на сімдесяті роки минулого сторіччя була найбільшою серед посудин інших центрів. І в період максимального піднесення понтійської торгівлі в IV ст. до н. е. гераклеїські амфори досягали віддалених на північ від моря територій до рівня Києва, Воронежу, а на сході — до берегів Волги [Брашинский, 1984, с. 82, 108]. Домінування продукції Гераклеї наочно демонструє графік, складений на підставі колекції клейм Керкінітиди (рис. 5).

Значна торгівельна інтервенція Гераклеї припала на період правління скіфського царя Атея і не могла відбуватися без його згоди. Цілком вірогідно, карбування монет в 353—347 рр. до н. е., що було здійснене на монетному дворі Гераклеї, до певної міри мало сприяти покращенню стосунків з володарем Скіфії. З одного боку, золоті піхви меча з кургану Чаян, що потрапляють в коло однакових престижних дарунків і дотично свідчать про присутність скіфського наглядача за Керкінітидою (вагомий, мабуть, похований в кургані Кош-Оба), а з іншого боку, карбування другої серії монет Атея в 347—339 рр. до н. е. в Каллатісі, на тлі погрозу

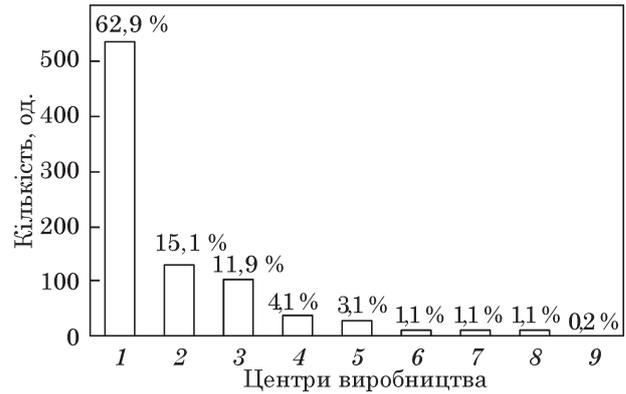

Рис. 5. Графік домінування продукції Гераклеї на тлі клейм Керкінітиди, за: [Махнева, 1991, с. 105]: 1 — Гераклея; 2 — Херсонес; 3 — Синопа; 4 — Фасос; 5 — Родос; 6 — Кнід; 7 — Менда; 8 — Хіос; 9 — Кос

громаді Візантія наводить на певне припущення (рис. 6). Всі ці події відбувалися на узбережжі Понту, дещо далі в Боспорі Фракійському опинився Візантій. Міста де карбували монети та піхви меча з кургану Чаян практично вписуються в велетенський трикутник, який, в свою чергу, вписаний в західне кільце течії Чорного моря, по якому курсували кораблі Гераклеї.

Грецька морська торгівля, імовірно, впливала на стан речей в Скіфському степу, а Херсонес посилював цей вплив, оскільки був важливим партнером в цій торгівлі. Схоже, що з загибеллю

Рис. 6. Карта знахідок урочистої зброї «троянської серії» — вірогідних дарів царя Атея регіональним лідерам та царю Македонії Філіпу II

Атея торгівельна активність Гераклеї в Скіфії лише посилилась [Ланцов, 2005, с. 131], оскільки невдовзі почався похід Александра до Персії і поліси Егейського моря змінили напрям своїх торгівельних пріоритетів. За цих сприятливих умов в останній третині IV—на початку III ст. до н. е. відбувається максимальний розквіт економіки Херсонеса [Зубар, 1990, с. 46, 48—49; Ланцов, 2005, с. 137], що засвідчено багатьма категоріями археологічного матеріалу.

На закінчення слід зауважити, що ми не можемо визначити весь спектр товарів, якими обмінювались мешканці херсонеської хори (а через них і споживачі інших полісів / центрів) та їх контрагенти в Скіфії, але можна зазначити, що крім традиційної продукції античного світу на північ та схід, в зворотному напрямку крім зерна та шкур йшла велика кількість меду з степової заплави Дніпра (Великого Лугу та Базавлугу). Нібито напрошується думка про транспортування меду в амфорах з під вина. Втім, оскільки мед любить тару натуральну, то для цього більше підходили бочки, барильця, липовки. Цю тару важче зафіксувати археологічно, але як прецедент можна нагадати бочку з цільної колоди (липовку?) з поховання V ст. до н. е. з Малої Цимбалки [Алексеев, 1995, с. 53].

Рух на перехресті торгівельних шляхів біля Сірогозької балки, цілком вірогідно, в часи Атея та при його наступнику продовжував бути інтенсивним, якщо і не посилювався. Підставою для такого висновку є збільшення імпорту вина з Гераклеї¹, Херсонеса, Сінопи як до центру, так і до віддалених районів Скіфії [Фатеев, 2004, с. 262—264; 2009, с. 284—303; Монахов, 1999]. Факт домінування сортів недорогого вина з найближчих центрів виноробства пояснюється тим, що держава Скіфія після Атея слабшає і торгівля відреагувала на це належним чином. Проте, повз величній поховальний комплекс скіфського царя, зведений в середині степу, який ми знаємо як курган Огуз та через перехрестя з інтенсивним рухом біля нього йшли каравани з дешевим (та малою часткою коштовного) вином та олією.

1. Велика робота проведена в останнє десятиріччя С.В. Поліним з перегляду хронологічної системи таврування амфор Гераклеї Понтійської. Утім спроба обмежити її третьою чвертю IV ст. до н. е. і на підставі цього штучно звузати час спорудження курганів вищого соціального прошарку Скіфії, не знайшла підтримки у ключових фахівців, більше того зазнала різкої критики [Алексеев, 2013, с. 350—351; Кац, 2016, с. 241—258]. Торпедують позицію С.В. Поліна і автори великої монографії, присвяченої могильнику III—II ст. до н. е. біля с. Глине на Нижньому Дністрі. Відстоюючи факт існування пам'яток III ст. до н. е. на численних переконливих прикладах, М.П. Тельнов, В.С. Сініка та І.А. Четвериков «повертають» скіфів в Північне Причорномор'я, в тому числі і на Нижній Дніпро, де межує їх перебування виступає середина цього сторіччя [Тельнов, Четвериков, Сініка, 2016, с. 985—998].

Алексеев А.Ю. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1968 г.) // АСГЭ. — 1995. — № 32. — С. 53—59.

Алексеев А.Ю. «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы междунар. науч. конф. — СПб, 2013. — С. 349—352.

Анохин В.А. Еще раз об античном письме из Керкениды // Археология. — 1998. — № 1. — С. 136—142.

Бессонова С.С. Полтавець В.І. Шляхи сполучення в басейні Тясмину на початку доби заліза // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 21—37 (АДІУ. — № 2 (15)).

Бокій Н.М., Горбул Г.П., Отрощенко В.В., Киммерийські захоронення на Кіровоградщині // СА. — 1991. — № 1. — С. 173—183.

Болдин Я.И. Обследование древних балок в Херсонской области // АО 1980 г. — М., 1981. — С. 232.

Болтрик Ю.В. Об одном из вероятных торговых трактов Скифии // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР.: Тез. докл. — К., 1981. — С. 59—60.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // Проблемы археологии Степной Евразии: Тез. докл. — Кемерово, 1987. — Ч. II. — С. 3—5.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днестра) // СА. — 1990. — № 4. — С. 30—44.

Болтрик Ю.В. Повозки как показатель целостности комплекса скифского кургана // Эпоха раннего железа. — Киев; Полтава, 2009. — С. 39—47.

Болтрик Ю.В. Східне крило курганів Золотого Поясу Скіфії (географічний аспект) // Археологія і простір. — К., 2015. — С. 14—29 (АДІУ. — № 4 (17)).

Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). — Л., 1984. — 248 с.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., Розов Е.Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюз. конф. по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). — Тбилиси, 1979. — С. 71—81.

Гайдукевич В.Ф., О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. — 1969. — Вып. 116. — С. 11—19.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.

Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIV. — С. 7—18.

Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюз. конф. по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). — Тбилиси, 1979. — С. 94—100.

Зубар В.М. З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV — початку III ст. до н. е. // Археологія. — 1990. — № 1. — С. 39—50.

Кац В.И. Эмпорий Херсонес // Античный мир и археология. — 1990. — Вып. 7. — С. 97—111.

Кац В.И. Изыскания С.В. Полина в области керамической эпиграфики Гераклеи Понтийской // Stratum plus. — 2016. — № 3. — С. 241—258.

Кемалова А.Р. Тюркские топонимы на карте Тарханкута // Материалы к археологической карте Крыма. — 2014. — Вып. XIV. — С. 155—164.

Ключко Л.С., Оленковский Н.П. Новые скифские навершия с нижнего Днестра // СА. — 1990. — № 3. — С. 253—255.

Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н. э. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма // Материалы к археологической карте Крыма. — 2012. — Вып. X. — 139 с.

Кутайсов В.А. Античный город Керкенидида. — Симферополь, 1992. — 192 с.

Кутайсов В.А. Керкинитиды в античную эпоху. — К., 2004. — 325 с.

Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. — К., 2003. — 118 с.

Ланцов С.Б. О скифо-херсонесских отношениях в последней трети IV — первой трети III вв. до н. э. // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. — Iași, 2005. — С. 127—146.

Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 123 с.

Максимова М.И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. — 1954. — № 33. — С. 45—57.

Махнева О.А. Керамические клейма Керкинитиды (общий обзор) // Северо-западный Крым в античную эпоху. — К., 1994. — С. 105—122.

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э. — М., 1999. — 159 с.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы Скифского Герроса IV в. до н. э. — К., 2005. — 599 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. — Саратов, 1999. — 678 с.

Онайко Н.А. Апполон Гиперборейский // История и культура античного мира. — М., 1977. — С. 153—159.

Отроценко В.В. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986. — С. 117—152.

Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверхий // СА. — 1980. — № 2. — С. 23—44.

Ратнер И.Д., Костюк Л.И. Древности Херсонщины. — Симферополь, 1989. — 112 с.

Рогов Е.Я. Херсонес и варвары Юго-западного Крыма в IV в. до н. э. // Античный мир и археология. — 2016. — Вып. 11. — С. 140—153.

Рябкова Т.В. Наверхия с шаровидными прорезными бубенцами из раннескифских памятников Закубанья // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., пам. М.Н. Погребовой. — М., 2016. — С. 215—222.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — К., 2015. — 77 с.

Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. I. Предгорный Крым // БИ. — 2009. — Вып. XXI. — С. 42—119.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Чудин А.В. Курганные могильники Чаян и Апан-Сарча в Северо-Западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. — 2014. — Вып. XIV. — С. 231—263.

Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. — 1987. — № 3. — С. 72—81.

Стацук М.Ф., Супрычев В.А., Хитрая М.С. Минералогия, геохимия и история формирования донных отложений Сиваша. — К., 1964. — 174 с.

Суботин Л.В., Черняков И.Т. Новотроянский скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи // Археологія. — 1982. — Вип. 39. — С. 15—22.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное. — Тирасполь, 2016. — 1096 с.

Фатеев О.В. Херсонесский амфорный импорт на скифских поселениях Нижнего Приднепровья // ССПіК. — 2004. — XI. — С. 262—265.

Фатеев О.В. Амфоры и клейма Гераклеи Понтийской из Кагуловки // ССПіК. — 2009. — XV. — С. 284—303.

Фатеев О.В. Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV — начала III вв. до н. э. // Stratum plus. — 2014. — № 3. — С. 223—244.

Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдет Северо-Крымский. — Симферополь, 1966. — 95 с.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 184 с.

Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван В.В. Курганы скифской знати в западном Крыму // Материалы к археологической карте Крыма. — 2013. — Вып. XI, ч. 1. — 102 с.

Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. — К., 1990. — Т. 1. — 592 с.

Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. — Berlin, 1931. — Bd. 1. — 651 s.

Shcheglov A.N., Katz V.I. A Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in Crimea // Metropolitan Museum Journal. — 1991. — 26. — P. 97—122.

Ю.В. Болтрик

ОГУЗ — КУРГАН НА КЛЮЧЕВОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ СКИФИИ (поиск херсонесского следа)

Толчком в написании этой статьи послужило установление факта пересечения трех древних дорог близ кургана Огуз, среди них и средневекового Муравского шляха. Детальный анализ археологической, картографической и нарративной информации позволяет реконструировать важный перекресток в центре степной области — между реками Днепр и Молочная. Удалось установить, что через Огуз пролегли маршруты в шести направлениях. Помимо ранее известного пути из центра Скифии на Боспор, удалось определить торговый транзит, который соединял Херсонес и его хору с зоной лесостепных городищ. Маркерами тут служат пункты находок керамической тары из южнопонтийских центров и Херсонеса.

Доминирование импорта из Синопы и особенно из Гераклеи в IV — начале III вв. до н. э. возможно объяснить несколькими причинами. Первая из них — освоение краткого пути через Черное море в Западный Крым. Вторая — вероятное содействие скифского царя Атея, взявшего под свой контроль поток товаров из Южного Понта. Третья — угасание либо переориентация торговой активности полисов Эгейского моря (не исключено в связи с походом Александра Великого в Персию) и экономическая активизация Гераклеи Понтийской.

Ключевые слова: курганы, перекресток, скифы, Гераклея, Херсонес, пути.

Yu.V. Boltryk

OGUZ — THE TUMULUS IN A CRUCIAL CROSSROADS OF SCYTHIA (Search for Kheroneses' Mark)

The establishment of the fact of crossing of three ancient roads near Oguz kurhan was the impulse for writing this article. The medieval Muravsky Shlyakh appeared to be among those roads. A detailed analysis of archaeological, cartographic and narrative information allows us to reconstruct an important intersection in the center of the steppe region between the Dnieper and Molochna rivers. It was possible to establish that the routes in six directions ran through Oguz. In addition to the previously known route from the center of Scythia to Bosphorus, it was possible to determine the trade transit that connected Chersonesus and its choir with a zone of forest-steppe settlements. The markers here are the points of finds of ceramic ware from the South-Pontian centers and Chersonesus.

The dominance of importation from Sinop and especially from Heraclea in the early 4th century BC can be explained by several reasons. The first one is the development of a short way through the Black Sea to the Western Crimea. The second is the probable assistance of Scythian king Athey, who took control of the flow of goods from South Pontus. The third reason is the extinction or reorientation of the trading activity of the polies of the Aegean Sea (probably in connection with the campaign of Alexander the Great to Persia) and the economic activation of Heraclea Pontus.

Keywords: Barrows, crossroads, Scythians, Heraclea, Chersonesus, ways.

Одержано 3.04.2017

Д.С. Гречко

О ФОРМИРОВАНИИ КЛАССИЧЕСКОЙ СКИФИИ В V в. до н. э.

Статья посвящена анализу погребального обряда и эволюции материальной культуры населения Классической Скифии в V в. до н. э. Захоронение первой половины века V в. до н. э. представлены почти исключительно ямами разной формы. Подбои, катакомбы и отдельные могилы лошадей появляются около середины данного столетия и сосуществуют с ямами. В развитии материальной культуры II группы захоронений А.Ю. Алексеева выделено 5 подгрупп.

Ключевые слова: Классическая Скифия, среднескифский период, погребальный обряд, материальная культура.

Изучение основных этапов истории Скифии и культуры ее населения является важным вопросом в скифологии. Накопление источниковой базы позволяет детализировать события и процессы, которые имели место в переходные периоды, и имели определяющее значение для определенных этапов скифской истории. Массив информации и спектр проблем, которые затрагивает данная работа обширны, поэтому я остановлюсь лишь на основных итогах первичного анализа собранного на данный момент материала.

Несколько слов стоит сказать о недавних работах ведущих исследователей, посвященных событиям, которые происходили на юге Восточной Европы в V в. до н. э. В.Ю. Мурзин относит образование северопричерноморской Скифии и формирование ее центра в Нижнем Поднепровье и степном Крыму к концу VI — V в. до н. э. [1984, с. 64] С.А. Скорый отмечает, что Степная Скифия после успешного окончания войны с Дарием I Гистас-

пом¹ в начале V в. до н. э. обретает определенную политическую стабильность, а кочевники начинают процесс подчинения лесостепного населения юга Восточной Европы [1997, с. 67]. Агрессия кочевников привела к кризису поселенческой структуры, как в Днепровском Правобережье², так и на Левобережье. Материалы Стеблевского могильника и комплексы из Яснозорья, по мнению ученого, указывают на проникновение и дальнейшее проживание степняков до Поросья уже в первой половине V в. до н. э., что может говорить об установлении контроля над данными территориями. При этом отмечается, что данный период являлся все еще «пробой сил» степняков, а давление степняков до второй половины (и особенно конца) V в. до н. э. не имело массивного характера, а население Лесостепи под эгидой военно-кочевой знати³ в какой-то степени успешно противо-

1. Данные события, по мнению исследователей, фактически не затронули население Северного Причерноморья [Полин, 1994; Брумяко, 2005, с. 221].

2. С.А. Скорый отмечает, что 6 из 9 городищ прекращают свое функционирование к концу V в. до н. э., а обожженность валов исследователь связывает с пожарами на укреплениях [1997, с. 70]. Обожженные сердцевины валов необязательно указывают на их разрушение, а могли являться результатом определенной технологии сооружения насыпей (подробнее см.: [Гречко, 2010, с. 30—31; Крютченко, 2013]).

3. Потомков кочевников, которые проникли в регион в раннескифское время. Захоронения воинов первой половины V в. до н. э. (Журовка, Грушевка и др.) С.А. Скорый связывает с данными группами кочевников [1997, с. 71], что не бесспорно. Погребальный обряд Стеблевского могильника также близок традиционному для части населения Лесостепи в раннескифское время.

стояло агрессорам. Окончательное покорение лесостепного Правобережья исследователь связывает с распространением захоронений в катакомбах, которые принадлежали завоевателям. Важен, отмеченный С.А. Скорым, момент, что часть степняков была погребена не в катакомбах, о чем говорят данные исследования Стеблева. В это же время происходит освоение степняками террасовой Лесостепи [1997, с. 71—73]. Данные события исследователь связывает с третьей («северопричерноморской») волной вторжений степняков в Лесостепь, которая растянулась фактически на весь V в. до н. э. [2003, с. 83—84].

Концом первой четверти V — 30—ми годами V в. до н. э. А.Ю. Алексеев датирует шестой период скифской истории, который характеризуется становлением нового скифского общества, которое сопровождалось военно-политическим давлением на греческие полисы [2003, с. 27]. А.Ю. Алексеев рассматривает как наиболее поздние в первой группе памятников Классической Скифии древнейшие погребения Адзигольского (1G)¹ и Журовского (№ 400) могильников [Алексеев, 2003]. Я данные памятники соотношу со следующим периодом в истории скифов в этом регионе, связанным с переходом ко второй стадии кочевания (с 480—470-х гг. до н. э.), которая и характеризуется образованием стационарных могильников вследствие упорядочивания отношений с соседями (подчинение либо установление даннических отношений) и ограничении территории кочевания.

Письменные источники сообщают о походе скифов на Херсонес Фракийский в 496/495 г. до н. э. [Herod., VI, 40], который фиксируется и археологически благодаря находкам в Нижнем Подунавье и Болгарии характерных деталей конской узды [Скорый, 2006, с. 154—157; Minchev, 2005]. Во главе скифов стоял Ариапиф, который женился на дочери царя одрисов Тера [Herod., IV, 78, 80]. После гибели царя от рук царя агафирсов Спаргапифа скифов возглавлял Скил [Herod., IV, 78]. Трагическая история Скила и приход к власти Октамасада общеизвестны [Herod., IV, 80].

Данная работа является продолжением серии статей, в которых ранее были затронуты вопросы развития материальной культуры и этнокультурных процессов на юге Восточной

Европы с конца VIII по первые два десятилетия V вв. до н. э., т. е. с предскифского времени по начало среднескифского периода (далее ССК) [Гречко, 2012; 2013; 2016; 2016a]. Ниже основное внимание будет уделено классическим комплексам ССК (конец первой четверти — начало последней четверти V вв. до н. э.) вплоть до начала сооружения «царских» курганов (основного погребения Солохи).

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСОВ

Данные комплексы (II группа А.Ю. Алексеева) хронологически следуют за погребениями в Золотом кургане, Острой Томаковской Могилы, и Александровкой, предшествуя возникновению «царских» курганов.

Стоит отметить трудность в четком разделении этих групп погребений², поскольку древнейшие комплексы в стационарных могильниках (около 480-х гг. до н. э.) (Перецепино кург. 9, Журовка кург. 400, Ковалевка и др.) по составу колчаных наборов неотличимы от захоронений первых десятилетий данного столетия (Александровка и др.). Лишь предметы античного импорта и детали конской узды помогают уточнять датировку.

Аналогичная проблема существует и с разделением памятников второй половины V в. до н. э., поскольку в конце третьей четверти сосуществуют хиосские позднепухлогорлые и прямогорлые амфоры и комплексы с последними из них могут датироваться как концом третьей четверти, так и концом данного столетия. Детали конской сбруи и колчаные наборы, позволяют, с большой долей вероятности отделять лишь памятники конца V — начала IV вв. до н. э., чего нельзя сказать о 430—410-х гг. до н. э.

Столовая античная посуда в комплексах данного периода также часто, отнюдь, не способствует уточнению датировки, а часто, наоборот, запутывает ситуацию. Чернолаковая и расписная столовая посуда дает лишь *terminus post quem*³ [Алексеев, 2003, с. 207]. Наиболее яркий пример — Корнеевка кург. 2. В позднейшем погребении 3 кургана был найден скифос группы St. Valentin третьей четверти V в. до н. э., а в первом впускном погребении 2 — четыре гераклейские амфоры конца данного столетия. В одной из последних работ С.В. Полин все же омолодил датировку позднейшего погребения до последней четверти-конца V в. до н. э. [По-

1. Не совсем ясным является отнесение амфор из данного комплекса к поздней разновидности пухлогорлых амфор варианта III-A начала V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 17, сн. 45]. Фото амфоры не дает однозначного ответа, но по общей морфологии сосуда она стоит ближе к варианту III-B, кроме того, венчик не окрашен [Ebert, 1913, Abb. 10, i]. Данное предположение подтверждает датировка чернолакового килика концом первой четверти V в. до н. э. [Полин, 2014, с. 239], что соответствует времени появления, как раз, развитого варианта пухлогорлых амфор [Монахов, 2003, с. 17].

2. Размытость «границ» является характерным для всех переходных периодов, что является следствием доживания одних и появлением новых элементов материальной культуры, погребального обряда и др.

3. Серию примеров, которые свидетельствуют о долгом использовании варварами столовой посуды, привела Е.Е. Фиалко [2006, с. 364—366].

лин, 2014, с. 201], при этом исследователь все еще настаивает на том, что чернолаковые и краснофигурные сосуды синхронны амфорной таре [2014, с. 192]. С.В. Полин приводит еще один пример диахронности столовой посуды в комплексах — Нововасильевка, кург. 3 (килик древнее скифоса на четверть века) [2014, с. 201]. В кургане 4 погребении 7 у с. Луговое в Крыму вместе были обнаружены фасосская амфора (II-A-3) последней трети V в. до н. э. и скифос второй-третьей четверти данного столетия [Колотухин, 2000, с. 49—50; Полин, 2014, с. 235]. Аналогична ситуация и с Малым Чертомлыком — фрагменты хиосской прямогорлой амфоры указывают на последнюю треть V в. до н. э., а чернолаковая чаша — на 480—425 гг. до н. э. [2014, с. 201].

Еще более показательный комплекс — кург. 4 группы Дедовой Могилы у Орджоникидзе. Здесь в тризне первичного погребения были найдены фрагменты хиосских амфор, как позднепухлогорлых (III-C-1) третьей четверти V в. до н. э., так и с прямым горлом (IV-B) последней трети данного столетия, а также фрагмент чернолакового килика середины-третьей четверти V в. до н. э. Во впускном погребении данного кургана найдена чернолаковая чашечка, сделанная из сосуда на высокой ножке (что еще раз подтверждает долгое использование чернолаковой керамики) первой половины V в. до н. э. С.В. Полин датировал курган 4 в целом серединой-третьей четвертью V в. до н. э. [2014, с. 219], несмотря на находки фрагментов прямогорлой хиосской амфоры последней трети данного столетия. Обломки аналогичных хиосских амфор (III-C-1 и IV-B) с чернолаковым блюдцем третьей четверти V в. до н. э. были обнаружены в кург. 40 группы Чертомлык-III [Полин, 2014, с. 223]. Последние примеры иллюстрирует трудность в отнесении комплексов к концу третьей четверти или последней четверти V в. до н. э.

Не менее важна датировка и кургана 2 (1883—1885 гг.) у с. Аксютинцы. Чернолаковый килик датируется серединой V в. до н. э., а сами материалы близки Солохе [Алексеев, 2003, с. 206—207]. А.Ю. Алексеев датировал данный комплекс третьей четвертью столетия, при этом на иллюстрации справедливо отметил для данного захоронения возможность отнесения его и к последней четверти V в. до н. э. [2003, с. 207, 399, рис. 26]. С.В. Махортых и Р. Ролле также склоняются к синхронизации данного комплекса с Солохой [2015, с. 197].

Интересна ситуация с датированием амфор круга Фасоса с раздутым горлом. Наиболее ранние из них (Мирмекий 1938 г. и Ольвия 1906/16) датированы по находке в погребениях килика группы Хаймона, килика и аска второй четвертью V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 77—78]. Учитывая комплекс кургана 3 у

с. Нововасильевка¹, и вероятное использование столовой посуды одно-два десятилетия, мы получаем замкнутый круг. Амфоры датируются по столовой керамике, а после этого мы отдаем предпочтение в датировании комплексов амфорам!

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПИ

Комплексы данного периода, в отличие от первых комплексов ССК, являются в значительной степени основными в курганах (74 %) и первыми в новых² курганных могильниках «дружинного» характера в Степи и Лесостепи (Адзиголь и Ковалевка в Побужье, Нимфейские курганы), так и Лесостепи (Журовка, Перещеино, Протопоповка, Коротич и др.). Безусловно, что когда уже существовали могильники, во время перекочек или при других обстоятельствах (зима и др.) совершались впускные погребения. Время появления могильников можно соотносить с завершением активных военных действий скифов против соседей и переходом ко второй стадии кочевания.

Существует диспропорция в распространении впускных погребений данного периода по регионам (рис. 1). Практически 2/3 из них сосредоточены в Крыму (54 комплекса в 21 пункте, 63 % от общего числа крымских комплексов). Абсолютно преобладают впускные погребения в Северо-Восточном Крыму (Присивашье), где они группируются по 2—4 в одном пункте [Колтухов, 2012а, с. 19]³. Для Северного Причерноморья и Приазовья, таким образом, их доля составляет лишь около 13 %.

В фундаментальной работе В.С. Ольховского было учтено 168 погребений V в. до н. э. (120 комплексов из Северного Причерноморья и 48 из Крыма)⁴, включая Приазовье и Нижний

1. Использование столовой посуды греками до ее положения в могилу, также как и у варваров, могло происходить одно—два десятилетия [Рогов, 2011, с. 37]. С.Ю. Монахов справедливо датирует комплекс из Мирмекия временем предпочтительнее около середины V в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 102], а в каталог-определитель переходит дата — вторая четверть V в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 77—78]. Подобные неточности при датировке одних и тех же материалов, отнюдь, не способствуют уточнению хронологии комплексов.

2. В могильниках могут присутствовать курганы раннескифского времени, но они могут быть связаны со среднескифскими лишь символически, учитывая более чем столетний разрыв.

3. Интересно мнение А.В. Гаврилова о том, что на местах селищ эллинистического времени в V в. до н. э. располагались стойбища кочевников, что подтверждается находками характерных деталей конской узды [Гаврилов, Шонон, 2004, с. 92].

4. В Своде было учтено всего 61 комплекс V в. до н. э. [1986, с. 345], а в работе В.Ю. Мурзина — 69, среди которых присутствуют захоронения, которые относятся к I группе комплексов А.Ю. Алексеева [1984].

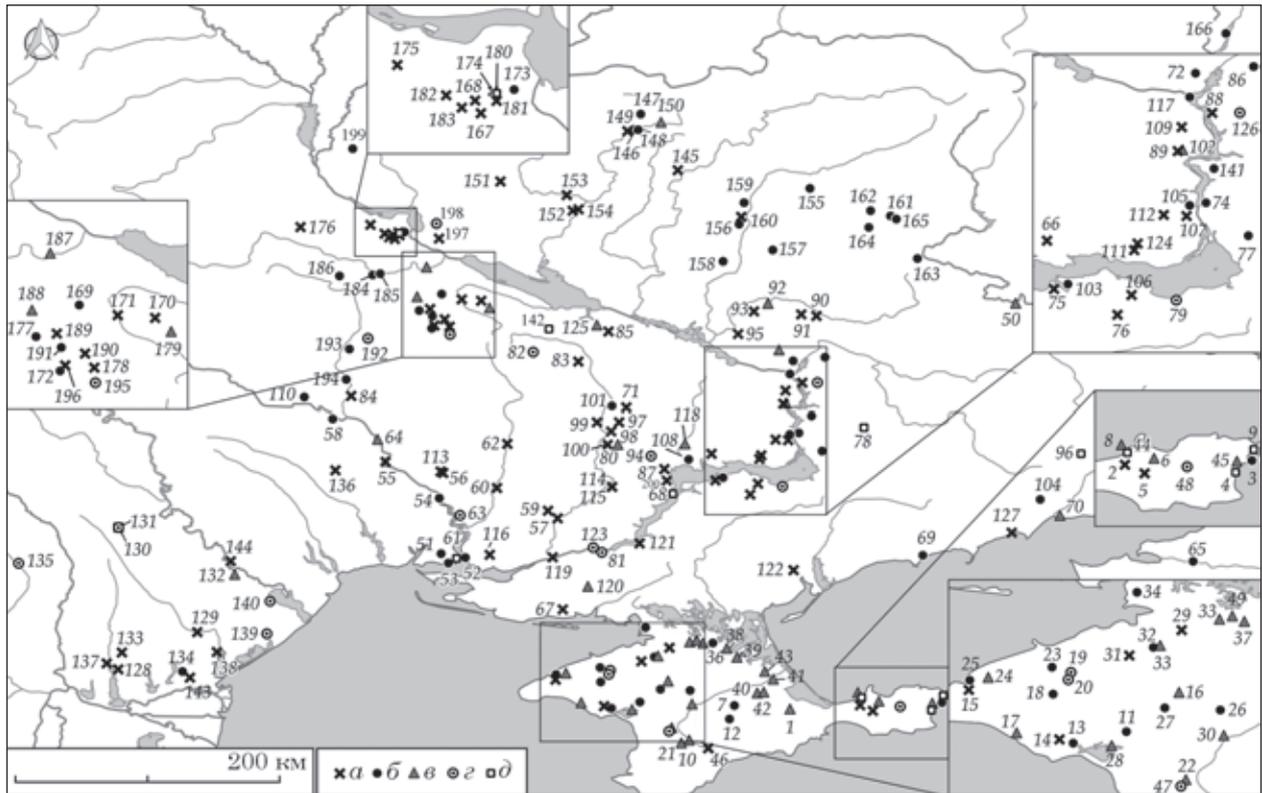

Рис. 1. Погребения V в. до н. э. Северного Причерноморья, Крыма и восточноевропейской Лесостепи (в скобках указано количество погребений): 1 — Ильичево (2); 2 — Ак-Бурун; 3 — Нимфей (9); 4 — Золотое (5); 5 — Кирово, к. 2; 6 — Астанино; 7 — Акташ (2); 8 — Аджимушкай; 9 — Фронтовое (2?); 10 — Танковое (2); 11 — Наумовка (3); 12 — Луговое (3); 13 — Суворовское (4); 14 — Колоски; 15 — Снежное; 16 — Черново; 17 — Крыловка; 18 — Красноярское (3); 19 — Кара-Меркет; 20 — Березовка; 21 — Молочное; 22 — Кулаковского; 23 — Славное-Рылеева (5); 24 — Водопойное; 25 — Межводное (3); 26 — Григорьевка (3); 27 — Открытое (2); 28 — Орлянка; 29 — Братское (2); 30 — Октябрьское; 31 — Крыловка (2); 32 — Калинино (3); 33 — Матвеевка; 34 — Рисовое-Кураевка (4); 35 — Новоалександровка-Богащевка; 36 — Мартыновка (3); 37 — Колоски; 38 — Столбовое; 39 — Перепелкино; 40 — Желябовка (2); 41 — Емельяновка; 42 — Черноземное; 43 — Чкалово; 44 — Рыбное; 45 — Арцинцево; 46 — им. Калинино; 47 — Аркадьевка; 48 — Михайловка; 49 — Целинное; 50 — Шпаковка; 51 — Матросовка (9); 52 — Лупарево (3); 53 — Аджиголь (6); 54 — Ковалевка (12); 55 — Бугский; 56 — Заречное (2); 57 — Нововасильевка (2); 58 — Каменная Балка (4); 59 — Кобзарцы; 60 — Константиновка, Баштанский р-н; 61 — Ольвия (2?); 62 — Новорозановка; 63 — Константиновка, Новоодесский р-н; 64 — Константиновка, Арбузинский р-н; 65 — Елизаветовский могильник (42?), Дугино; 66 — Никопольское курганное поле; 67 — Широкое II; 68 — Михайловка (3); 69 — Ногайск (4); 70 — Марциполь (2); 71 — группа 22 шахты; 72 — Подгороднее (3); 73 — Великая Маевка; 74 — Кичкас; 75 — Великая Знаменка (2); 76 — Малая Цимбалка; 77 — Новогригорьевка (5); 78 — о-в Таволжаный; 79 — Днепрорудный; 80 — Рахмановка; 81 — Днепр-ны; 82 — Сокольники (Станишино) (2); 83 — Головки; 84 — Ольшанка; 85 — Омельник; 86 — Мелиоративный (2); 87 — Марьянское; 88 — Любимовка; 89 — Башмачка; 90 — Перецепино (2); 91 — Пролетарское; 92 — Миновка; 93 — Дмухайловка (3); 94 — Апостолово (Бабы, Раскопана Могила); 95 — Ново-Подкрыж (2); 96 — Стъбла; 97 — Близнюки; 98 — Христофоровка (2); 99 — Родионовка (2); 100 — Кривой Рог, ЮГОК-2; 101 — Недайвода (5); 102 — Кривой Рог; 103 — Мамай-Гора (5); 104 — Шевченково (3); 105 — Запорожье (3); 106 — Ново-Днипровка; 107 — Запорожье, пр. Советский (3); 108 — Орджоникидзе (26); 109 — Сурско-Антоновское; 110 — Молдовка (4); 111 — МГОК (2); 112 — Новое Запорожье; 113 — Щербани; 114 — Малоекатериновка (2); 115 — Староселье; 116 — Правдино (2); 117 — Новослободка (3); 118 — Базавлук (2); 119 — Садово; 120 — Брилевка; 121 — Софиевка; 122 — Волчанское (4); 123 — Ольговка; 124 — Глухое; 125 — Табурище; 126 — Первомайское; 127 — Арциз; 128 — Жовтнево; 129 — Червоный Яр 2; 130 — Суручены; 131 — Маяки; 132 — Новые Раскайцы; 133 — Помазаны (2); 134 — Чилик-Дере; 135 — Николаевка 2 (у вышки) (3); 136 — Мрешота Могила; 137 — Курчи; 138 — Борисовка (2); 139 — Семеновка (3); 140 — Кочковатое; 141 — Ясиноватая (5); 142 — Заломы; 143 — Шевченково; 144 — Чобручи; 145 — Броварки (3); 146 — Аксютинцы (3), Стайки Верх (4); 147 — Басовка (2); 148 — Волковцы (2); 149 — Плавинищи; 150 — Кулеповка; 151 — Крячковка; 152 — Лубни; 153 — Поставамуки; 154 — Мгарь; 155 — Купьеваха (4); 156 — Оледирищина (2); 157 — Васильевка (2); 158 — Мачухи; 159 — Бельск (23); 160 — Опошня (2); 161 — Коротич (2); 162 — Протопоповка (5); 163 — Б. Гомольша; 164 — Черемушная; 165 — Песочин; 166 — Частые Курганы (5); 167 — Ковали (2); 168 — Куриловка (2); 169 — Константиновка (3); 170 — Жаботин (2); 171 — Великая Яблунька; 172 — Турья (6); 173 — Бобрица (3); 174 — Пекари; 175 — Лазурцы; 176 — Ивановка; 177 — Матусов (3); 178 — Оситняжка; 179 — Грушевка; 180 — Гришцины (2); 181 — Тростянец; 182 — Берестяги (2); 183 — Казаровка; 184 — Стеблев (7); 185 — Яблунька (7); 186 — Медвин (2); 187 — Яснозорье (2); 188 — Ксаверово; 189 — Куцивка; 190 — Пастирское; 191 — Макеевка (3); 192 — Петраковка; 193 — Журовка (14); 194 — Показовое (2); 195 — Защита; 196 — Капитановка (2); 197 — Гладковщина; 198 — Софиевка; 199 — Сеньковка; 200 — Золотая Балка. *Условные обозначения:* а — одиночное основное погребение; б — курганное погребение; в — впускное погребение; г — тип погребального сооружения неизвестен или сомнителен; д — грунтовый могильник

Таблиця 1. Погребальні споруди Степи V в. до н. э.

Територія	Яма	Подбой	Катакомба	Каменна гробниця	Сырцовая гробниця	Тип неясен	Редкі типи	Итого
Крым	32	5	4	20	7	22	3	94
Нижнее Побужье	44	6	—	—	—	2	3	55 *
Нижний Дон	42	—	—	—	—	—	—	42
Нижний Днепр	47	44	10	—	—	15	4	120
Северо-западное Причерноморье	12	4	3	—	—	4	—	23
Приазовье	7	4	3	—	—	1	—	15
Итого, ед.	184	63	20	20	7	45	10	350
Итого, %	53	18	6	6	2	12	3	100

* С учетом двух погребений у с. Показовое.

Дон¹. В данном перечне присутствуют погребения второй половина VI — начала V вв. до н. э., которые я отношу к переходному и первому периоду ССК (Вишневка, Александровка, Медерово, часть ольвийских захоронений и др.). На то время было зафиксировано семь грунтовых погребений. Исследователь отмечал преобладание захоронений в ямах — 78,3 %, появление ям 1 типа вариантов 2, 3, 5. Лишь в данное время встречается шестой вариант ям с канавкой по периметру. Четверть ям имеет подквадратную и округлую в плане форму (тип 2). В Елизаветовском могильнике появляются длинные ямы третьего типа. Деревянные гробницы (4,4 %) зачастую несут следы огня и связывались исследователем с притоком населения из Лесостепи. В.С. Ольховский отмечал, что катакомб в это время больше, чем в предшествующий период, но все же мало — 8 %. Преобладают сооружения первого варианта первого типа. Появляются в значительном количестве ниши и тайники. Возникает традиция сооружения кургана над несколькими одновременными погребениями и впуска могил в скифские курганы [Ольховский, 1991, с. 65—66].

На сегодня ситуация существенно поменялась и источниковая база для изучения истории Скифии в V в. до н. э. удвоилась (рис. 1). Можно говорить о 246 комплексах в Северном Причерноморье² и Приазовье и 94 — в Крыму.

1. В.С. Ольховский учитывал для данного региона лишь 25 комплексов VII—V вв. до н. э. и 8 — V—IV в. до н. э. На данный момент в Елизаветовском могильнике насчитывается, как минимум 42 комплекса второй—третьей четвертей V в. до н. э. [Полин, 2014, с. 205—211]. Общее количество станет понятным после полной публикации результатов раскопок могильника. 2. Важное значение для данной работы имела монография С.В. Полина, в которой были собраны данные о комплексах V в. до н. э. с античными импортами [2014, с. 195—243]. Значительная часть комплексов, исследованных новостроечными экспедициями, до сих пор не опубликована из-за «права собственности» на эту информацию участников работ, что сильно мешает при подготовке аналитических работ и тормозит развитие целых направлений в отечественной археологии.

Статистика типов погребальных сооружений следующая (табл. 1).

Вырос удельный вес подбоев и катакомб³ — вместе практически четверть (24,4 %). Здесь стоит отметить диспропорцию в распространении отдельных типов погребальных сооружений. Каменные и сырцовые гробницы, обычай дозахоронений в каменные ящики (Стоячий Камень) известны фактически лишь в Крыму⁴ [1991, с. 87]. Как раз, ко второй—третьей четверти V в. до н. э. С.Г. Колтухов относит формирование локальных групп скифских памятников (в частности западнокрымской) в Крыму [2012, с. 135—136].

Подбой и катакомбы концентрируются в Нижнем Поднепровье, где они незначительно преобладают над ямами (табл. 1). В Нижнем Побужье больше ям, а в Северо-Западном Причерноморье и Приазовье наблюдается приблизительно равное использование данных типов погребальных сооружений. Приазовье, судя по характеристикам погребального обряда, тяготеет к Нижнему Поднепровью, а не Нижнему Подонью. Погребения данного региона маркируют восточные границы территории, которую в то время контролировали скифы-царские. Ритуальное освоение территории путем создания погребально-поминальных комплексов было, вероятно, основным заданием перед строителями скифских курганов в районе современного Мариуполя в V в. до н. э. Территория Приазовья могла использоваться кочевниками как

3. Уточнения В.С. Ольховского не влияют на общую картину (Бабы, Раскопана могилы — тип могилы неясен, а Мариуполь, кург. 6 — яма тип 1, вариант 2) [1991, с. 66].

4. Можно предполагать, что среди комплексов предгорий и Керченского полуострова, значительная часть принадлежала не скифам, а местному населению [Ольховский, 1991, с. 80—93]. Кроме того, сильное влияние на кочевников в данном регионе оказывали греки. Каменные ящики известны еще лишь в Нижнем Побужье (Нововасильевка, кург. 13, 50/1), что, скорее всего, связано с наличием камня [Гребенников, 2008, с. 31].

зимовники, что подтверждается аналогиями в средневековье [Плетнева, 1990].

Проблемы изменений погребального обряда при переходе от первой стадии кочевания ко второй уже рассматривались на примере средневековых кочевников А.В. Комаром. Исследователь отмечает, что изменения при переходе от впускных к основным захоронениям незначительны [Комар, 2001, с. 32]. Это находит подтверждение и в степных материалах первой половины V в. до н. э. — абсолютно доминирующим типом погребального сооружения остается яма, с той оговоркой, что данные погребения становятся основными.

В Степи нет подбоев и катакомб, которые бы надежно датировались концом первой — второй четвертью V в. до н. э. (рис. 2, 11, 16) Подбой раннескифского времени, связанные с традициями населения предскифского времени, отстоят во времени от аналогичных ССК на столетие. Лишь одно впускное погребение конца VI — начала V вв. до н. э., совершенное, скорее всего, в подбое, известно в Крыму (Крыловка, кург. 19/7) [Колтухов, 2012, с. 113]. На плане виден подбой в одной из стенок, но по чертежу неясно как располагался костяк относительно подбоя — в нем или там находились лишь кости ног погребенного [Колтухов, 2012, с. 32, 116, рис. 7, 1]. Судя по ориентировке на ЮЗ, захоронение могло быть совершено в зимнее время, что и обусловило недостаточные размеры могилы для вытянутого положения костяка в яме и необходимость создания подбоя в одной из стенок.

Единственный подбой, с которым связана хиосская пухлогорлая амфора — кург. 27 у с. Головкивка. Рисунок амфоры не позволяет ее уверенно датировать. Материалы из погребения относятся ко времени ближе к середине — третьей четверти V в. до н. э. [Полин, Тупчиенко, Николова, 1994, с. 60, рис. 23, 2—4]. Степные комплексы второй четверти V в. до н. э. представлены исключительно захоронениями в ямах (Мамай-Гора кург. 92, 158, Ковалевка, Аджигольские курганы, кург. 12/1 у Шахты 22).

Начиная с конца второй четверти V в. до н. э. разнообразные погребальные сооружения сосуществуют (рис. 2). Во второй половине данного столетия подбой и катакомбы будут лишь немного превосходить ямы в Нижнем Поднепровье. Интересно отметить, что именно временем около середины V в. до н. э. фиксируются древнейшие захоронения коней в отдельных могилах (Шевченко-2, кург. 1, Великая Знаменка, кург. 13) [Зарайская, Привалов 1992; Отроценко, Рассамкин, 1986]. В древнейших лесостепных комплексах группы взызданный конь размещался в одной могиле с погребенным (Журовка, Коротич, Макеевка), а в Степи подобные комплексы неизвестны.

* * *

Причины формирования традиции сооружения различных типов погребальных сооружений у населения юга Восточной Европы следует искать в V в. до н. э. Важным отправным пунктом моих рассуждений будет тезис о том, что после значительных миграций конца VI — начала V в. до н. э. в Северном Причерноморье кочевое население будет развиваться в V—IV вв. до н. э. на преимущественно стабильной, уже «местной» основе.

Вопросы происхождения скифского обряда погребения в катакомбах разобраны В.С. Ольховским [1991, с. 38]. Важное значение, безусловно, имели религиозные представления скифов и их взгляд на загробную жизнь. До сих пор семантике традиции погребения в катакомбе у скифов не уделялось достаточного внимания. Семантика погребения в катакомбах трактуется по-разному (подробнее см.: [Кияшко, 2003; Гречко, Шелехань, 2012, с. 90—91]). Наиболее реалистичной гипотезой нам представляется мнение А.Н. Гея, который считает, что катакомбная конструкция появляется в процессе формирования «... идеи соответствия могильного сооружения (ямы / катакомбы) заупокойному жилищу-повозке, углубленной жилой “повозке для сна и отдыха” живых» (отождествление камеры катакомбы с крытой тяжелой повозкой, а дромос — передок повозки с местом размещения символической запряжки) [Гей, 1999, с. 78—113]. Оригинальным является и предположение, что шкуры крупного рогатого скота с черепами и костями ног (быков) символизировали животных, тянущих повозку [Гей, 1999, с. 97—103]. Находки колес повозок и захоронений лошадей в дромосах или возле них хорошо известны в большинстве погребений скифской элиты в Степи.

Интересно, что захоронения в столбовых камерных захоронениях V в. до н. э. с размещением коней в дромосах (Журовка, Скифская могила и др.), вероятно, не отличались по заключенной в них смысловой нагрузке от аналогичных катакомбных могил. Дромосные, подбойные и катакомбные погребальные сооружения были объединены К.Ф. Смирновым в один разряд камерных могил [1978, с. 64]. Идею об их «семантической тождественности» поддержал Р. Исмагил. Кроме того исследователь справедливо отмечал, что важное значение в сооружении того или иного типа камерного погребения имело наличие древесины и геологическое строение почвы [1996, с. 187].

Погребения в подбоях и катакомбах в Степи, о чем уже шла речь выше, появляются и распространяются лишь около середины V в. до н. э. До этого и в Степи и Лесостепи погребения совершались в ямах прямоугольной и подквадратной в плане формы.

В связи с данным наблюдением стоит вспомнить гипотезу Р.М. Исмагилова. Исследователь

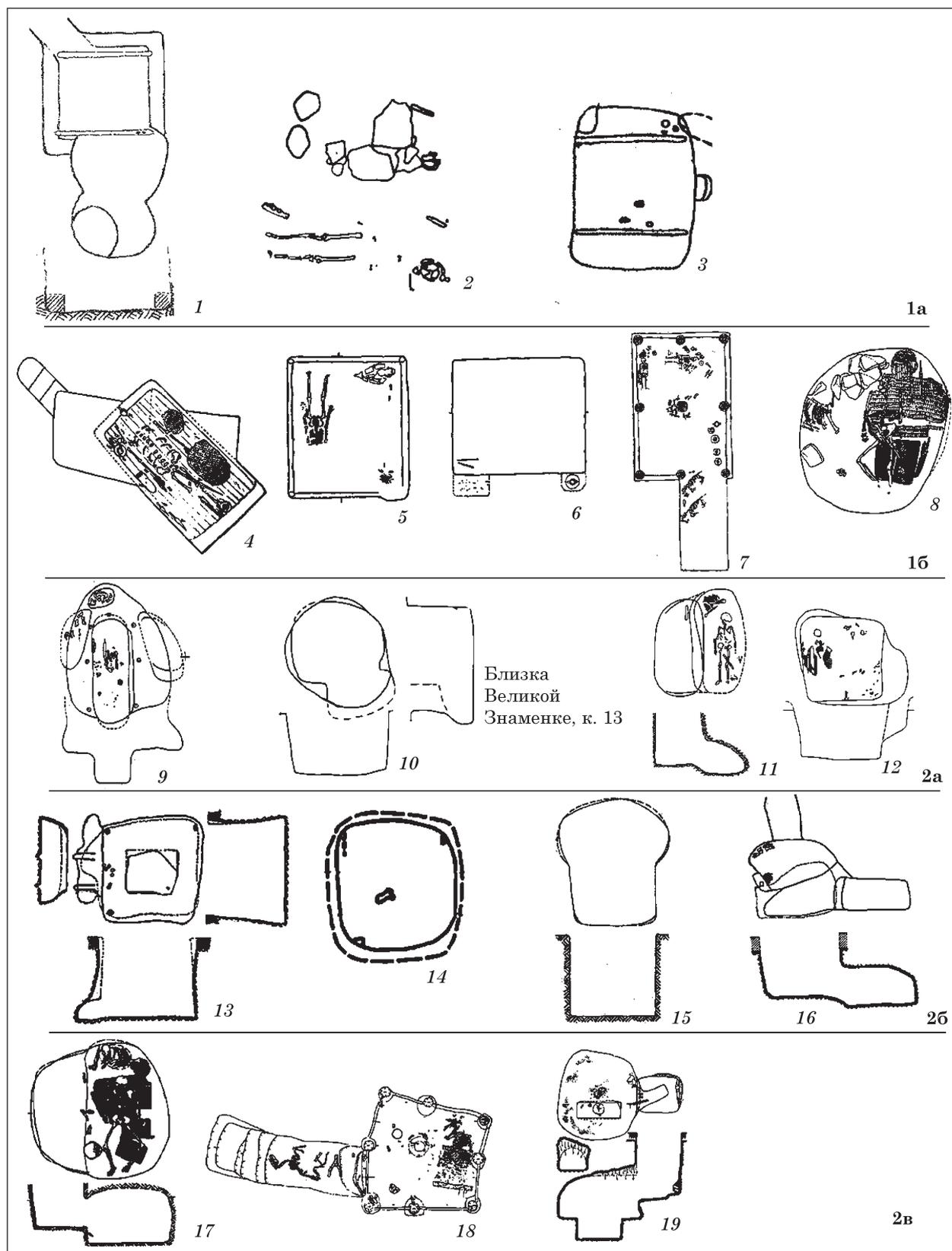

Рис. 2. Погребальные сооружения восточноевропейской Лесостепи и Северного Причерноморья V в. до н. э.: 1 — Перещепино, кург. 24; 2 — Ковалевка-1, кург. 6/1; 3 — Перещепино, кург. 9; 4 — Аджиголь 1G; 5 — Протопоповка, кург. 1/1973; 6 — Протопоповка, кург. 3; 7 — Журовка, кург. 400; 8 — Новорозановка; 9 — Нововасильевка, кург. 9; 10 — Шевченко-2, кург. 1/1; 11, 12 — Каменная Балка, кург. 6/1—2; 13 — I Завадская Могила; 14 — Каменная Балка, кург. 7; 15 — Чобручи, кург. 1/1; 16 — IV Испанова Могила; 17 — Гладковщина; 18 — Скифская могила, погр. 2; 19 — Близнец-2 (составлено по [Махортых, 2012; 2013; Ковпаненко, Бунятян, 1978; Ebert, 1913; Бабенко, 2009; Шапошникова, 1970; 1976; Гребенников, 2008; Мозолевский, 1980; Зарайская, Привалов, 1992; Скорый, Хохоровски, 2009; Ромашко, Скорый, 2009; Григорьев, 1994]; масштаб произвольный)

данные кардинальные изменения¹ связывал с появлением новой группы кочевников-сарматов с востока ([1996]; критику см.: [Алексеев 2003, с. 212—213]). Исследователь не совсем верно датировал возобладание катакомбных и подбойных могил в Северном Причерноморье второй половиной V в. до н. э. [Исмагил, 1996, с. 178], в то время как данное явление В.С. Ольховский относил к рубежу V—IV вв. до н. э. [1991, с. 94]. Против привнесения в готовом виде данных типов могил свидетельствует использование погребений в ямах наравне с катакомбами вплоть до конца V в. до н. э. в Нижнем Поднепровье, а в других регионах Степи первые даже преобладают. Р. Исмагил отмечал, что лишь в Семирежье известно большое количество дромосных могил, которые могли быть прототипами скифских камерных гробниц [1996, с. 178—179]. К сожалению, не было обращено внимания на восточноевропейскую Лесостепь, где погребения в дромосных камерных могилах были широко распространены с раннескифского времени. В этой связи, интересно отметить тот факт, что древнейшие захоронения II группы А.Ю. Алексеева (480—470-е гг. до н. э.), кроме Нижнего Побужья и Крыма, зафиксированы в Днепровском лесостепном Лео- и Правобережье (Журовка, Макеевка, Пекари, Броварки, Басовка и др.). Массово камерные погребения с дромосом в первой половине V в. до н. э. были распространены лишь в бассейне Тясмина, у южной границы Лесостепи (Журовка, 7 комплексов — рис. 2, 7, Турия, кург. 512), где они служили исключительно для захоронения знати [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 38]. Можно аккуратно предположить, хоть это и звучит несколько парадоксально, что идея создания камерных захоронений (катакомб, как минимум, типа III) в степных условиях (нехватка дерева и приемлемый грунт для создания камер) для захоронений родовой знати проникла около середины V в. до н. э. из южных районов Лесостепи² вместе с перемещением групп скифов после покорения данного региона. В свою очередь, вполне вероятно привнесение данной традиции кочевниками в Лесостепь в более раннее время с востока [Тереножкин, 1971, с. 19; Мурзин, 1984, с. 64], в частности из Приаралья (Уйгарак и др.). Безусловно, предпочтительным является появление погребальных сооружений (дромосные могилы, катакомбы), символизировавших повозку, с миром кочевников.

1. Достаточно резкое появление и распространение подбойных и катакомбных погребальных сооружений в Скифии.

2. В первую очередь бассейна Тясмина. О проникновении традиции сооружения деревянных гробниц вместе с перемещением части населения лесостепи в степь, особенно в V в. до н. э., уверенно писал В.С. Ольховский [Ольховский, 1991, с. 43].

Подобное происхождение маловероятно по отношению к подбоям (тип 1 по В.С. Ольховскому), на что справедливо указывали исследователи. Подбой могли быть генетически связаны, например, с колоколовидными в разрезе ямами [Ольховский, 1991, с. 39—40]. Можно упомянуть о широком распространении в первой половине V в. до н. э. разного рода ниш и подбоев в стенках захоронений в ямах для размещения инвентаря или захоронения коня (Макеевка к. 491), которые могли трансформироваться в подбой (рис. 2, 5, 6, 9, 10, 13).

Во второй половине V в. до н. э. в Нижнем Поднепровье постепенно распространился престижный обряд погребения в катакомбах, связанный, вероятно, с обособлением скифов-царских и укреплением их позиций в Северном Причерноморье. Именно временем около середины V в. до н. э. С.В. Полин датирует появление традиции захоронений скифской знати на Нижнем Днепре [Мозолевский, Полин, 2005, с. 446]. Смена не произошла резко — ямы и подбой с катакомбами используются на равных в Нижнем Поднепровье до последней четверти данного столетия. Ярким примером являются курганы третьей четверти V в. до н. э. I Завадская и IV Испанова Могилы [Мозолевский, 1980, с. 86], курган 6 у с. Каменная Балка в степном Побужье [Шапошникова, 1976, с. 78, 282, табл. 53, 2; 57, с. 92].

Это позволяет предполагать формирование и развитие погребальных традиций царских скифов во второй четверти V в. до н. э. под влиянием традиций кочевой и полукочевой знати Лесостепи, которая могла быть этнически и в языковом отношении близка новымномадам.

Интересно, что в V в. до н. э. параллельно с переходом к созданию основных захоронений в курганах, происходит и распространение грунтового обряда захоронения среди беднейших родов скифов³ [Ольховский, 1991, с. 87]. А.В. Комар отмечает, что при переходе к грунтовому обряду погребения он максимально упрощается [2001, с. 32]. Данное наблюдение справедливо лишь к рядовым общинникам. Скифская знать во второй половине V — IV вв. до н. э. не перешла к грунтовому обряду, а, наоборот, усложняет конструкцию погребальных сооружений, а ассортимент инвентаря увеличивается в разы.

Как мы видим, единства типов погребальных сооружений скифов в V в. до н. э. не наблюдается. При этом этническая близость кочевников в разных регионах Степи вполне вероятна,

3. Известны отдельные грунтовые могилы конца VI — начала V вв. до н. э. (Маяки, Приднепровка, о-в Дубовый). Появление стационарных грунтовых некрополей в Нижнем Поднепровье (Скельки, Михайловский, Верхнехортицкий и др. [Остапенко, 2007, с. 147—154] и на границе с Лесостепью (Светловодский, Заломы) относится ко второй половине V в. до н. э.

поэтому можно говорить о том, что тип могилы является наименее этнодифференцирующим признаком [Бессонова, 1990]. Данная характеристика может показывать своеобразие погребальных традиций отдельных племен или родов в связи со спецификой местных природно-географических условий, социального положения погребенного, а, вероятно, и причин смерти.

Доминируют одиночные труположения. Интересна серия погребений с кремацией (Показовое, 2 комплекса; Чкалово). Отмечено лишь 4 парных захоронения, что является новой чертой погребальной обрядности. Известны кенотафы. Вытянутое положение покойников абсолютно преобладает.

Подтверждается преобладание широтной ориентировки для скифов, погребенных в V в. до н. э. Интересно отметить, что по этнографическим данным западная и восточная, как и любые другие зеркальные, ориентировки часто являются равноценными при отправлении умершего в мир предков. Положение головой или ногами к стране мертвых известно по данным этнографии [Косарев, 2003, с. 101]. Например, ханты, у которых загробный мир располагается на севере, умершего могли похоронить лицом в этом направлении, чтобы видел куда идти, или ногами — чтобы встал и сразу пошел. Аналогично как северная ориентировка понималась положения покойника вниз головой или лицом [Косарев, 2000, с. 47]. Мусульмане хоронят покойных лицом к Мекке, что на нашей территории часто предполагает западную ориентировку с небольшими отклонениями, хотя не имеет никакого отношения к заходу солнца.

Хорошо известны несколько методик позволяющих определить время года, когда было совершено погребение (подробнее см.: [Козак, 2010, с. 22]). В этом отношении обращают на себя внимание часть захоронений Крыма с юго-западной ориентировкой погребенных (20 комплексов¹), которая является зимним вариантом широтной. С.Г. Колтухов справедливо связывает подобную ориентировку с совершением захоронений в зимнее время [2012, с. 68], однако данное предположение не относится, как считает исследователь к Северному Причерноморью, где на весь массив погребений данного периода приходится лишь 8 комплексов [Ольховский, 1991, с. 67]. Это может говорить о том, что часть населения Нижнего Поднепровья могла зимовать в степях Таврики, особенно, в суровые зимы. Присутствие в могильниках захоронений как с зимней, так и с летней широтной ориентировкой может говорить об относительно ограниченном расстоянии при сезонных перемещениях в условиях раздела пастбищ.

1. Но есть и летние отклонения (6).

Интерес вызывает редкость нахождения в скифских погребениях в Степи деталей конской сбруи. Всего известно 24 случая, из которых в 10 — узда располагалась в отдельных могилах коней (Нимфейские курганы, I Завадская и IV Испанова Могилы, Великая Знаменка к. 13, Шевченко-2, к. 1/1). Стоит отметить, что если есть отдельные захоронения взнузданных коней, то в самой могиле отсутствуют детали узды. Данное наблюдение, подчеркивает то, что наличие / отсутствие деталей конской сбруи не является решающим при определении этнической принадлежности и рода занятий погребенного (кочевник / земледelec).

Можно отметить наибольшую концентрацию погребений с середины V в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Разреженное распространение памятников вокруг данного ареала может указывать на направления сезонных перемещений царских скифов.

Лесостепные погребальные традиции

Данному вопросу будет посвящена отдельная работа, поэтому остановлюсь лишь на предварительных наблюдениях. Более подробная информация об отдельных погребениях и могильниках среднескифского времени содержится в ряде работ исследователей [Ильинская, 1968; Скорый, 1997; 2003; Бабенко 2009; 2009а; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989; Махортых, 2013; Могилов, Диденко, 2008; 2014; Кулатова Супруненко, 2010].

Относительно надежно датированных комплексов конца первой — начала последней четверти V в. до н. э. меньше, чем в Степи — 147 (табл. 2). Больше всего их исследовано в Днепровской правобережной Лесостепи (около 76²) и на Ворскле — 35. В Посулье можно отметить большой процент элитных захоронений близких по времени первичному захоронению Солохи На Северском Донце и Среднем Дону в конце первой трети V в. до н. э. формируются новые воинские могильники, не связанные с более ранними. Для некрополя Бельского городища С.В. Махортых отмечает преобладание

2. Исследователи отмечали 97 погребений второй половины VI — V вв. до н. э. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 36]. Комплексы у с. Показовое все же оторваны от массива лесостепных захоронений и ближе степным захоронениям Побужья (Каменная Балка).

Таблица 2. Погребения V в. до н. э. восточноевропейской Лесостепи

Регион	Днепровское лесостепное Левобережье	Ворскла	Сула и Псел	Северский Донец	Средний Дон	Терраса
Количество	76	34	20	10	5	2

грунтовых ям и наличие характерной особенности с первой половины V в. до н. э. в виде «земляно-деревянных срубов» [2013, с. 246].

Для Днепровского лесостепного Правобережья можно отметить редкость одиночных курганов и преобладание могильников, которые преимущественно существовали с эпохи бронзы, реже — лишь скифского времени. Самые высокие курганы данного времени расположены именно здесь (Журовка 4—6 м, Бобрица — 6 м)¹. Остатки кремации (20 %) помещали в сосуд (Петраковка / Ромейковка, Яблонька), либо производили сожжение на древнем горизонте (Гуляй-Город к. 236). Захоронения в ямах преобладают. Камерные погребальные сооружения довольно разнообразны, но стоит отметить преобладание столбовых (9), часто с дромосом (12) гробниц. Ориентировка на Тясмине нестабильна, а на Роси больше западной [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 38—39, табл. 6].

* * *

Можно сказать несколько слов о сходстве и отличии погребальных традиций населения Степи и Лесостепи V в. до н. э. В Степи захоронений в два раза больше, но высота² курганов существенно больше в Лесостепи (Журовка кург. 403—6,2 м, Великая Знаменка кург. 13 — 3,6 м, I Завадская Могила — 4,35 м). В Лесостепи не зафиксировано подбоев и катакомб данного периода. Их эквивалентом могли быть дромосные камерные могилы, что обусловлено природно-географическими факторами. В Степи известны деревянные гробницы (4,4 %) [Ольховский, 1991, с. 61].

В Степи захоронения коней в отдельных могилах появляются в третьей четверти, а Лесостепи — они известны с последней четверти V в. до н. э. (Малая Рогозянка-1, кург. 2) [Гречко, 2010, с. 47, 68]. В Степи абсолютно преобладает широтная ориентировка умерших, а в Лесостепи — она более разнообразна. Интересно, что, например, Журовских курганах в равной степени представлены широтная (4), меридиональная (4) и по линии СЗ—ЮВ (6) ориентировки [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 244—246]. Интересно распространение ниш в погребальных сооружениях разных типов в Степи и Лесостепи [Ольховский, 1991, с. 65; Бабенко, 2009, с. 49].

В.С. Ольховский отмечал, что в данный период в Степи резко преобладали захоронения мужчин-воинов, женских очень мало при значительном проценте амазонок, детских захоро-

нений неизвестно³. Данные черты, по мнению исследователя, находят параллели с «дружинными» могильниками Лесостепи, особенно, Посулья [1991, с. 74]. Здесь имеются отличия. В Правобережной Лесостепи известны отдельные женские захоронения высокого ранга (Журовка кург. 397, Турия кург. 466), в том числе и под курганами выше 5 м высотой (Журовка кург. 402 и 404). Известны парные комплексы (5). На Северском Донце и Среднем Дону женские захоронения неизвестны.

В Посулье и на Ворскле погребения женщин, зачастую в парных захоронениях различных комбинаций, распространяются в последней трети V в. до н. э. (Перецепино кург. 2/2002, 2001/2, Аксютинцы кург. 2 (1883—1885) и др.). Стоит отметить, что данные комплексы являются элитными и сопровождались изделиями из золота. Курганы Посулья (Стайкин Верх кург. 3, Волковцы кург. 4 (раскопки И.А. Линиченко) имели высоту 5,6—7,8 м. Именно в данных погребениях появляются характерные для Посулья наборы из массивных ножных бронзовых браслетов и длинных парных гвоздевидных булавок.

В Степи парным является один из самых богатых комплексов середины V в. до н. э. — Великая Знаменка кург. 13. Вероятно, данные изменения (появление богатых женских захоронений) связаны с дальнейшей стратификацией скифского общества в данный период.

ВОПРОСЫ МИКРОХРОНОЛОГИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Материальная культура степных и лесостепных комплексов практически идентична [Алексеев, 2003, с. 203], поэтому будет проанализирована вместе.

А.Ю. Алексеев отмечает для II группы древностей / захоронений новую конструкцию и стиль элементов конской сбруи, появление новых типов украшений, более частые находки металлической, деревянной и античного производства посуды. Самыми ранними комплексами исследователь справедливо считает захоронения содержавшие бляшки в виде голов птиц, свернувшихся хищников (волкообразных)⁴ в сочетании с базисными наколками стрел. Несколько более поздними предложено считать когтевидные, овальные и бляшки-розетки, ромбовидные налобники, бляшки в виде лап животных и человеческих

3. Распространение парных и коллективных захоронений с рубежа V—IV вв. до н. э., фактически полное отсутствие женских погребений было отмечено в Своде [1986, с. 349—350].

4. Мы присоединяемся к мнению А.Ю. Алексеева о восточном происхождении серии новых композиций и образов, а не об их местном развитии; подробнее о восточных инновациях в зверином стиле ССК см.: [Алексеев 2003, с. 176—179, 181—183].

1. В Посулье вновь начнут сооружаться курганы выше 7 м ближе ко времени создания первичного погребения Солохи.

2. До Солохи.

костей, S-видные псалии. Отмечается единство материалов Степи и Лесостепи. Из особенностей Лесостепи, которая характеризует комплексы конца VI — начала второй четверти V вв. до н. э., выделяются псалии с секировидными концами, аналогии которым известны на Северном Кавказе и Прикубанье [Алексеев, 2003, с. 203]. Для второй-третьей четверти V в. до н. э. характерны бляхи в виде лосинных голов, оскаленных голов хищников, шире распространяются Г-образные псалии, подвески-замочки, длинные граненные ворворки [2003, с. 204]. С этим можно согласиться, за исключением голов оскаленных хищников типа Журовки, которые найдены лишь в комплексах второй четверти V в. до н. э. В середине — третьей четверти V в. до н. э. распространяются крыловидные нащечники-наушники, налобники и изделия в зверином стиле типа I Завадской Могилы, носники в виде головок хищной птицы и реалистичные бляшки в виде кисти руки. В целом, II группу комплексов А.Ю. Алексеев датирует около 480/475—425/420 гг. до н. э. В последней четверти данного столетия распространяются памятники III группы, среди которых видное место будут занимать, т. н. царские курганы [Алексеев, 2003, с. 204—207]. В целом можно согласиться с выводами исследователя, и я лишь постараюсь уточнить ряд моментов.

Значительное количество античного импорта в погребениях данного времени позволяет сделать некоторые наблюдения и попытаться выделить хронологические подгруппы захоронений II группы комплексов А.Ю. Алексеева.

Древнейшая подгруппа 1а захоронений данного периода выделяется на основании находок характерных деталей конской узды и античных импортов первой четверти V в. до н. э. Интересно, что данные комплексы, кроме кург. 1 у Яблоновки¹, не содержали амфор. Единственное захоронение курганной группы Ковалевки-II в кургане 6/1 (рис. 2, 2), которое содержало характерные детали конской узды, является впускным² [Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 133—150].

Недавно надежную хронологическую привязку к 490—480 гг. до н. э., благодаря находке в хорошо датированном слое Пантикапея, получили бляхи в виде свернувшегося в кольцо хищника типа Макеевки 491 (рис. 3, 2, 7) [Толстиков, 2011, с. 56—58]. Там же в слое данного времени была выявлена и бляшка в виде головы лося без рогов (типа рис. 3, 1) [Толстиков, Белик, 2013, с. 27, табл. 27а]. Данный факт позволяет отнести комплексы с аналогичными бляхами к концу первой четверти V в. до н. э.

1. Тип неизвестен.

2. Еще в одном впускном захоронении данной группы были найдены базисные наконечники стрел и золотая обивка от деревянной чаши. Впускным также является яркий комплекс из Кулешовки в Посулье [Ильинская, 1968, с. 54].

(Кулаковского, Макеевка кург. 491, Басовка кург. 499) (рис. 3, 1, 5). Лишь в данной подгруппе захоронений встречены бляшки в виде головки орла с выделенной восковицей типа Ковалевки 6/1 (рис. 3, 1, 4; 4, 1—3). Изготовление подобных бляшек можно связывать с Нижним Побужьем. Именно в Ольвии найдены литейные формы для их изготовления, одна из которых имеет привязку к полуземлянке последней трети VI в. до н. э., в засыпи которой не обнаружено материалов позднее рубежа VI—V вв. до н. э. [Буйских, 2015, с. 93—110]³.

Т.Б. Барцева отмечала для орлиноголовых бляшек присутствие разных видов сырья. Интересно, сочетание восточного сырья бляшки в виде свернувшегося в кольцо хищника из кург. 499 у с. Басовки и наличие у нее застежки-штыря, что также характерно для более восточных регионов (рис. 3, 1) [Барцева, 1981, с. 51, 53—55, 84]. Подобная застежка имеется и на одном из изделий кург. 6/1 Ковалевки, (рис. 3, 4). Это интересно в контексте взаимоотношений с кочевниками Южного Приуралья и иткульскими металлургами. А.Д. Таиров допускает возможность переселения части кочевников из Северного Причерноморья не только на Средний и Нижний Дон, но и на Южный Урал, где они участвуют в сложении местной элиты в конце VI в. до н. э. Все это связывается с прекращением существования ананьинской культуры и как следствие прекращение поступления металла из данного региона. С другой стороны, в зависимость от кочевников попадает иткульское население, а кочевники начинают обменные операции (включая металл) по «торговому пути Геродота». Таким образом, кочевники Южного Зауралья становятся одними из основных поставщиков металла в Северное Причерноморье, что могло привести к притоку в данный регион кочевников с запада, которые желали контролировать, а, возможно, и оттеснить местных кочевников от управления иткульскими металлургами [Таиров, 2008, с. 32—33]. Здесь стоит отметить, что активные обменные операции по «торговому пути Геродота» из Ольвии в скифское время не подтверждаются источниковой базой [Полидович, 2010, с. 195—196].

В основном в комплексах подгруппы 1а были найдены ромбовидные бляшки (рис. 3, 1, 3, 7; 4, 1—4). Налобники имеют ассиметрически ромбическую форму (рис. 3, 1, 3), а железные псалии — секировидную форму и иные близкие S очертания (рис. 4, 1—3). Известны изделия с зооморфными окончаниями и прямые с одним немного загнутым концом (Макеевка 491) (рис. 3, 7). Классических Г-образных псалиев

3. В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин считали, что появление новых типов деталей узды выполненных в зверином стиле связано с античным влиянием и увеличением количества античного импорта в Лесостепь, в частности, на Тясмин [1983, с. 250].

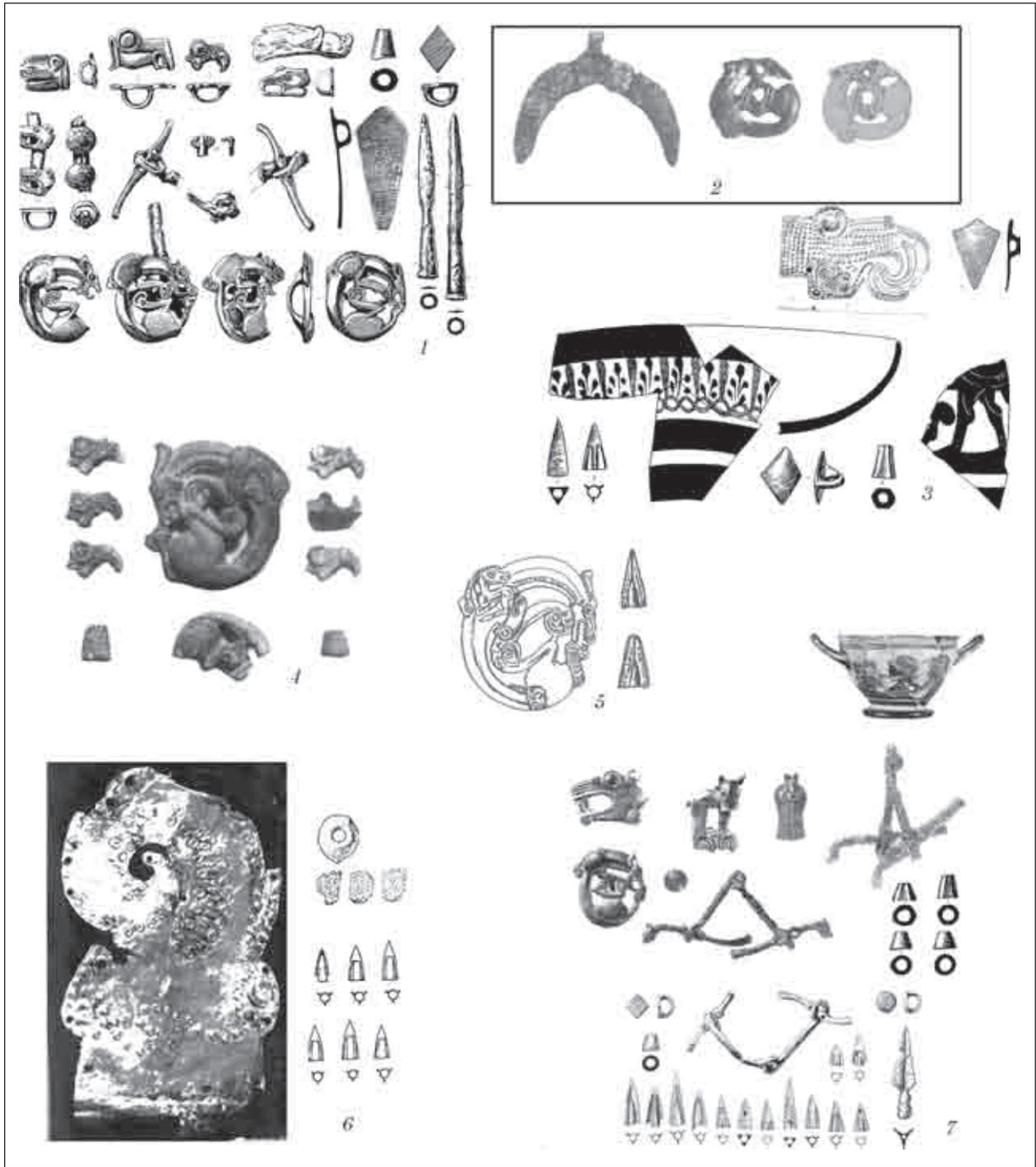

Рис. 3. Материалы из комплексов подгруппы 1а: 1 — Басовка, кург. 499; 2 — Пантикапей (Керч); 3 — Пекари, кург. 411; 4 — Ковалевка; 5 — курган Кулаковского; 6 — Ковалевка; 7 — Макеевка, кург. 491 (составлено по [Галанина, 1977; Ковпаненко, Бунятян, 1978; Толстиков, 2011; Алексеев, 2003]; масштаб произвольный)

в данных комплексах нет. Стоит отметить, что своим происхождением, как минимум, секировидные железные псалии, ромбовидные и бляшки-розетки, а, вероятно, и орлиноголовые, связаны с Прикубаньем, где находят прямые параллели в более ранних материалах Ульских курганов (рис. 5, 3) [Алексеев, 2003, с. 203; Эрлих, 2015]. Более ранний образец бляшки в виде свернувшегося в кольцо хищника с орлиной головкой на плече известны в Поволжье

(рис. 5, 1) [Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997].

В захоронениях данной группы в колчаных наборах абсолютно преобладают базисные трехлопастные и трехгранные наконечники стрел (Кулаковского, Ковалевка, Макеевка, кург. 491, Перещепино, кург. 9, 24, Яблоновка, кург. 1, Пекари, кург. 411) (рис. 3, 3, 5—7; 4, 1, 3, 4), что показывает хронологическую близость впускным захоронениям начала V в. до

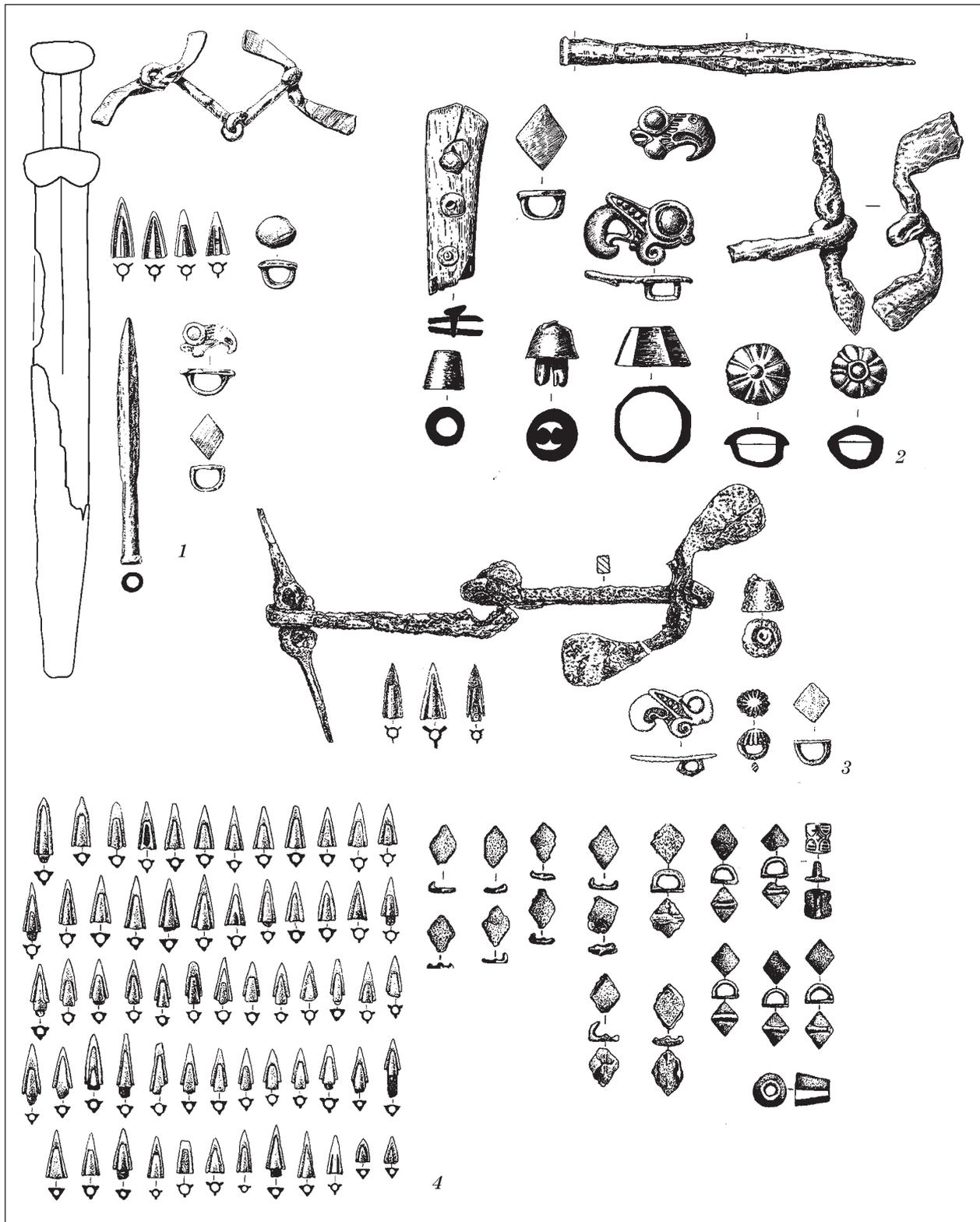

Рис. 4. Материалы из комплексов подгруппы 1а: 1 — Кулешовка, кург. 425; 2 — Броварки, кург. 502; 3 — Перещепино, кург. 24; 4 — Перещепино, кург. 9 (составлено по [Махортых, 2006; 2012; 2013; Ильинская, 1968; Галанина, 1977]; масштаб произвольный)

н. э. (Александровка и др.). Ворворки данного времени **все низкие**, усеченно-конические, иногда граненные (рис. 3, 1 3, 4, 7; 4, 2—4).

Курганы в целом невысокие. Выделяется лишь кург. 491 у с. Макеевка — 3,5 м. В Ниж-

нем Поднепровье нет представительных захоронений данного времени.

Подгруппа 16. Памятники данного времени содержали хиосские пухлогорлые амфоры развитого варианта III-B по С.Ю. Монахову без

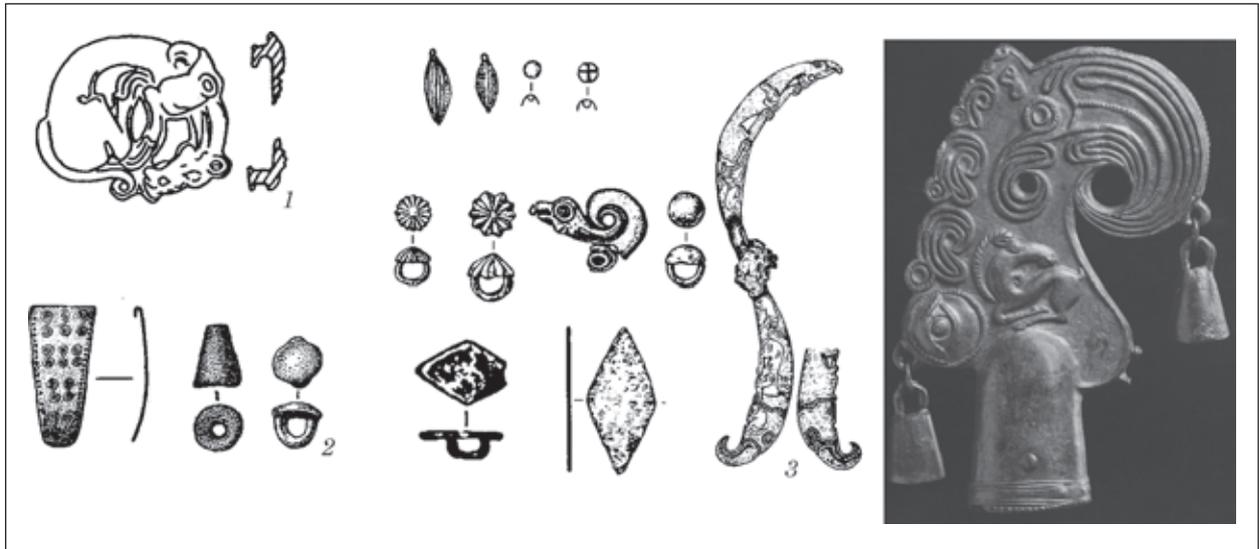

Рис. 5. Аналогии изделиям из комплексов подгруппы 1а в погребениях второй половины VI — начала V вв. до н. э.: 1 — Комсомольский, кург.; 2 — Александровка; 3 — Ульский курган 1909/2 (составлено по [Эрлих, 2015; Ульские ..., 2015; Ильинская, Тереножкин, 1983; Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997]; масштаб произвольный)

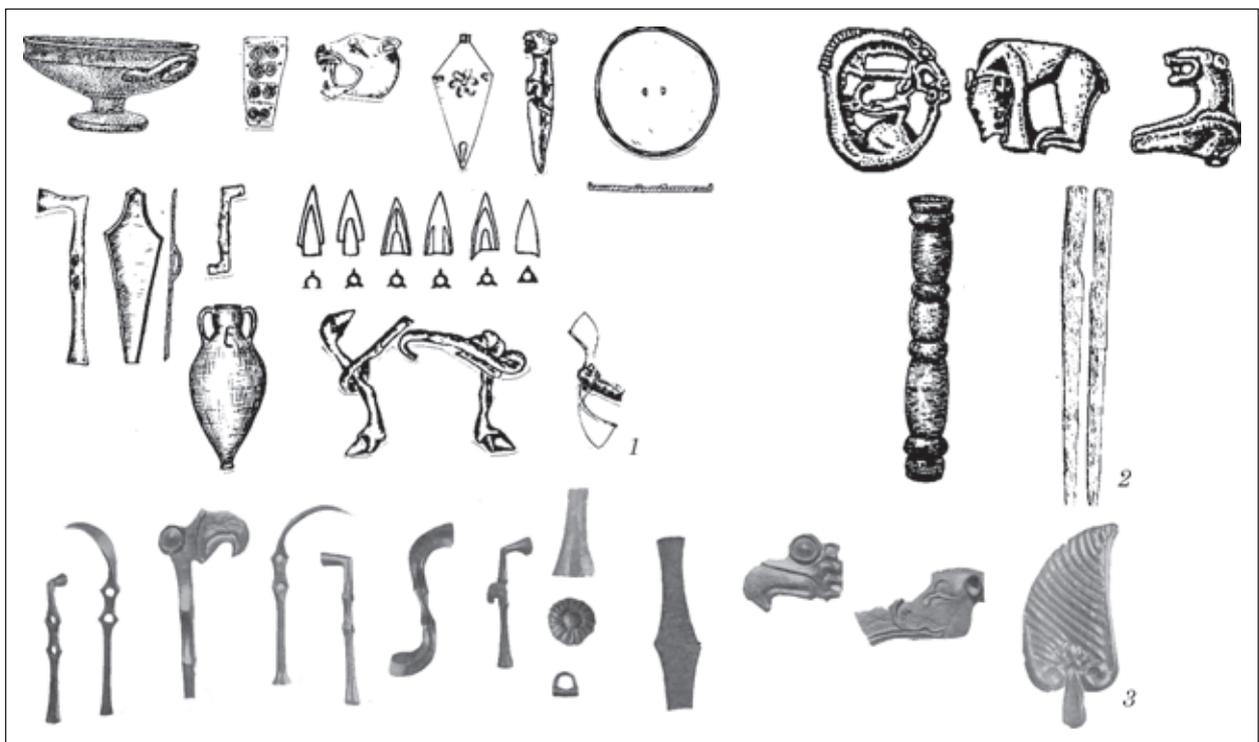

Рис. 6. Материалы из комплексов подгруппы 1б: 1 — Журовка, кург. 400; 2 — Частые Курганы, кург. 8; 3 — Нимфей, кург. 24/1976 (составлено по [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989; Замятин, 1946; Силантьева, 1959]; масштаб произвольный)

орнаментации лаком по венцу, с нанесенными бурым лаком крестами и крупными дипинти в виде отдельных букв ¹, наборы стрел и типы де-

1. С.Ю. Монахов справедливо отметил, что именно хиосские амфоры являются наиболее надежным датировочным материалом для комплексов первой половины V в. до н. э. [1999, с. 61]. Фасосские амфоры стеблевской серии ни разу не были найдены в комплексах первых двух десятилетий V в. до н. э. [1999, с. 82].

талей конской узды, которые отличаются от изделий подгруппы 1а (рис. 6—8). К данным более молодым комплексам (вероятно, 470—460-е гг. до н. э. ²) можно отнести Журовские курганы, Нимфей 24/1873, Аджигольские курганы, се-

2. Подобные даты во многом условны и обозначают больше относительную хронологию комплексов с хиосскими амфорами развитого варианта III-B.

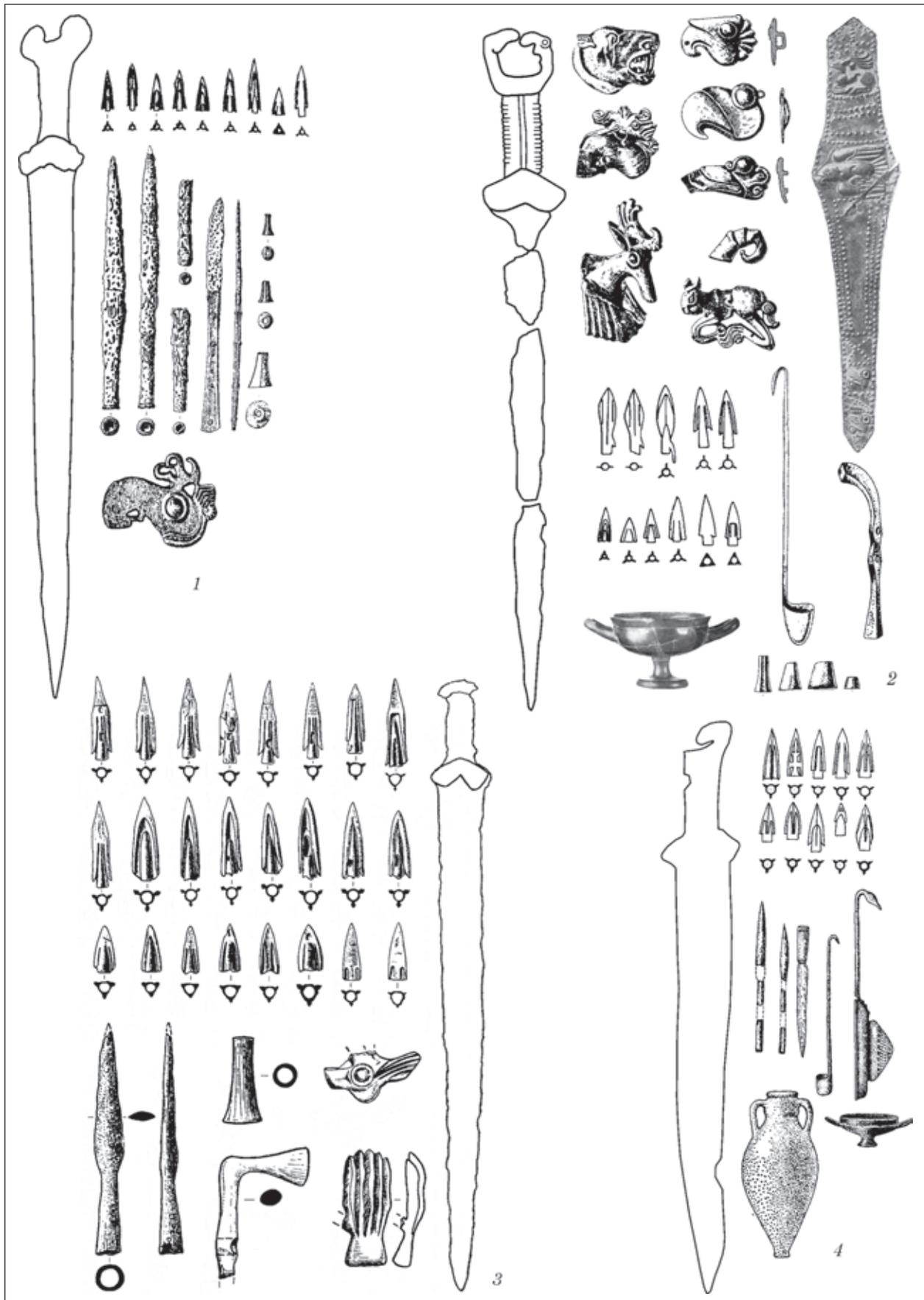

Рис. 7. Матеріали з комплексів підгрупи 16: 1 — Новорозанівка, кург.; 2 — Журівка, кург.; 3 — Стыла; 4 — Аджиголь 1G (составлено по [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989; Ebert, 1913; Бабенко, 2009; Шапошнікова, 1970; Привалов, 1993]; масштаб произвольний)

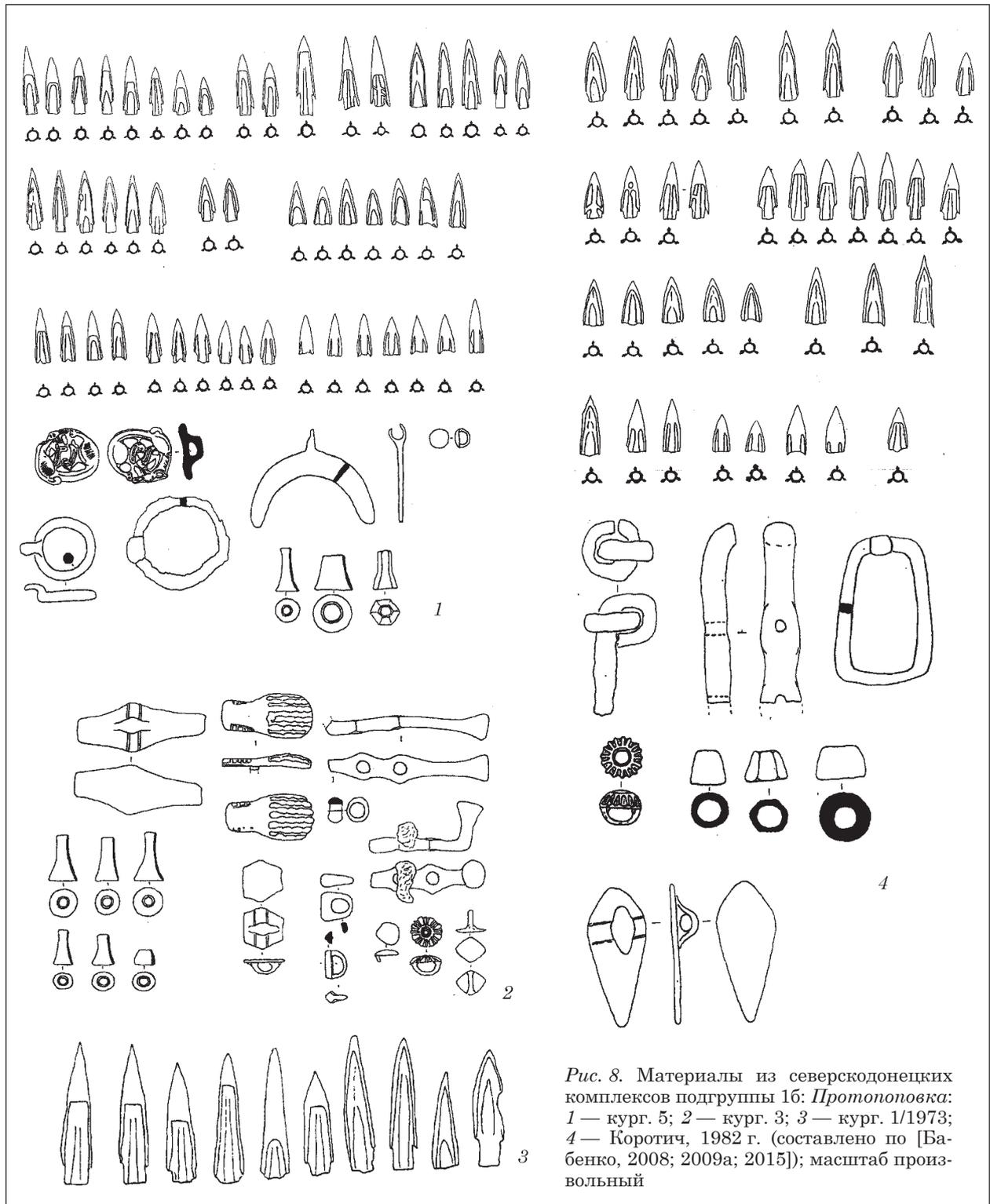

Рис. 8. Материалы из северскодонецких комплексов подгруппы 1б: Протопоповка: 1 — кург. 5; 2 — кург. 3; 3 — кург. 1/1973; 4 — Коротич, 1982 г. (составлено по [Бабенко, 2008; 2009а; 2015]); масштаб произвольный

веродонецкие погребения в кург. 1/1973¹, 3, 5 Протопоповского могильника и комплекс 1982 г. у Коротича [Бобринский, 1905; Силантьева, 1959; Еберт; Бабенко, 2009; 2009а]. В составе данных колчаных наборов базисные стрелы без выделенной втулки представлены пример-

1. В данном комплексе найдена хиосская пухлогорлая амфора развитого варианта III-B [Коленченко, 1973].

но половиной экземпляров² (рис. 7; 8, 1, 4). Бляшки в виде свернувшегося в кольцо хищника из кург. 5 Протопоповки, кург. 8 Частых Курганов (рис. 6, 2; 8, 1) и кург. 398 Журовки отличаются от типа Макеевка 491 большей сти-

2. Исключением является Журовский курган 400, где базисные наконечники преобладают. В нем также найдено зеркало с обломанной центральной ручкой (рис. 6, 1).

лизацией. В Нижнем Поднепровье к этой подгруппе памятников относится кург. 12 группы у Шахты 22¹ [Мозолевский, 1973].

В кургане 3 Протопоповского могильника найдена ромбовидная бляха² (рис. 8, 2) [Бабенко, 2008, с. 28—38], которая является единственной среди находок в комплексах, где встречаются высокие ворворки, замочки и бляха-лапа, что еще раз подтверждает близость данных комплексов захоронениям подгруппы 1а.

В данных захоронениях не встречено большинство бляшек предшествующего времени (свернувшийся в кольцо хищник, ромбовидные, лосенок и др.). В кург. 24 Нимфейского некрополя и Журовском кургане 401 были найдены бляшки в виде головы орла с восковицей, которые отличаются от более ранних (рис. 6, 3; 7, 2). В кург. 401 Журовки обнаружен новый тип блях — в виде головы лося с рогами (рис. 7, 2). Появляются Г-образные бронзовые псалии, высокие ворворки (рис. 6, 1, 3) и бляшки в виде лапы хищного животного (первая группа С.В. Махортыха) [Махортых, Ролле, 2015, с. 192]. Секировидные псалии в это время делались из бронзы (Нимфей кург. 24) и также имеют отличия от более ранних (рис. 6, 3). Таким образом, уже во второй четверти V в. до н. э. происходит определенная смена состава колчаных наборов³, часть типов деталей узды исчезает, а новые появляются (высокие ворворки, замочки, крыловидные нащечники, Г-видные псалии).

Мечи и кинжалы подгруппы 1а характеризуются использованием изделий с брусковидным навершием (Броварки, к. 504, Кулешовка (рис. 4, 1) [Ильинская, 1977, табл. 29], а подгруппы 1б — с волотовидными (Аджиголь, 1Г, Журовка, 401 (рис. 7, 1, 2, 4). Продолжают встречаться кинжалы с сегментовидным перекрестием (Елизаветовка, кург. 15, 40). В целом, клинковое оружие V в. до н. э. значительно разнообразнее, чем в предшествующие периоды. А.В. Шелехань указывает на смену технологии изготовления брусковидного навершия — от пробитого бруска к пластинчатому (как и перекрестья), отмечает увеличение процента средних и длинных, а также эволюцию зооморфных когтевидных наверший в зооморфные ажурные

1. Среди переходных комплексов он выглядит наиболее молодым из-за отсутствия базисных наконечников стрел. Низких ворворок все еще больше, чем высоких, хотя это может быть обусловлено их разным использованием в системе креплений доспеха.

2. Фрагмент, по всей видимости, ромбовидной бляхи был обнаружен в к. 18/1 Перещепинского могильника [Махортых, 2006, с. 68, рис. 5, 9], который относится к группе Пб по С.В. Махортыху, то есть временем около середины — третьей четверти V в. до н. э. [Махортых, 2012].

3. В том числе и появление бронзовых трехлопастных наконечников стрел с П-образным ложком и трехгранным острием (Нимфей 24/1876) [Силантьева, 1959, с. 57, рис. 25, 2].

[Шелехань, 2015, с. 79; 2016, с. 13—14]. Происхождение последних дискусионно, но наиболее вероятным мне представляется их происхождение от восточных прототипов [Алексеев, 2003, с. 181].

Курганы подгруппы 1б в Лесостепи достигают значительных размеров — Журовка кург. 402 (5,5 м), 403 (5,2 м). Интересно отметить, что погребения подгруппы 1 зафиксированы в основном в Таврике, Нижнем Побужье и Лесостепи, т. е. в регионах, где существовало стабильное земледельческое население, которое, вероятно, несло в значительной мере бремя по тыловому обеспечению военных акций кочевников. Именно в данных комплексах найдены трофеи (Журовка кург. 400⁴), что позволяет говорить о ведении определенных военных действий против греческих полисов Северного Причерноморья, что согласуется с результатами их раскопок.

Подгруппа 2. Реперные захоронения конца второй — начала третьей четвертей V в. до н. э. (**подгруппа 2а**) содержат хиосские пухлогорлые амфоры развитого типа с угловатыми плечами и немного намеченным перехватом (III-B) (курган 13 у с. Великая Знаменка, Петраковка, Шевченко-2, к. 1/1 (?), лесбосскую сероглиняную амфору (Берестняги, кург. 5 (40-е гг. V в. до н. э.), ранние типы амфор круга Фасоса с раздутым горлом (Нововасильевка кург. 9⁵) и другие импорты данного времени. В колчаных наборах практически полностью исчезают базисные наконечники. Начинают доминировать трехлопастные наконечники стройных пропорций с короткой выступающей втулкой с башневидной и подтреугольной формой головки (рис. 9, 3). По составу колчаных наборов комплексы конца второй и третьей четвертей V в. до н. э. не различаются. В кург. 5 у с. Берестняги (440-е гг. до н. э.) встречена бляха в виде задней лапы животного (рис. 9, 5) [Могилев, Диденко, 2008, с. 86, рис. 1, 8], которые получают широкое распространение во второй половине V в. до н. э. Комплекс кург. 13 Великой Знаменки подтверждают появление около середины-начала третьей четверти V в. до н. э. всего набора узды типа 1 Завадской Могилы.

Комплексы третьей четверти V в. до н. э. (**подгруппа 2б**) можно выделить благодаря наличию хорошо датированных захоронений с хиосскими позднепухлогорлыми амфорами (III-C-1 и 2) (Чобручи, I Завадская Могила и др.), амфорами с «раздутым горлом» изящных

4. Маловероятным выглядит предположение С.Ю. Сапрыкина о том, что данная находка свидетельствует об использовании греческого языка на поселениях и городищах Лесостепи [2013, с. 15].

5. Важным является наблюдение С.Ю. Монахова, что очень близкие амфоры были найдены в елизаветовском кургане 87, который датируется черноталовым киликом третьей четвертью V в. до н. э. [1999, с. 105].

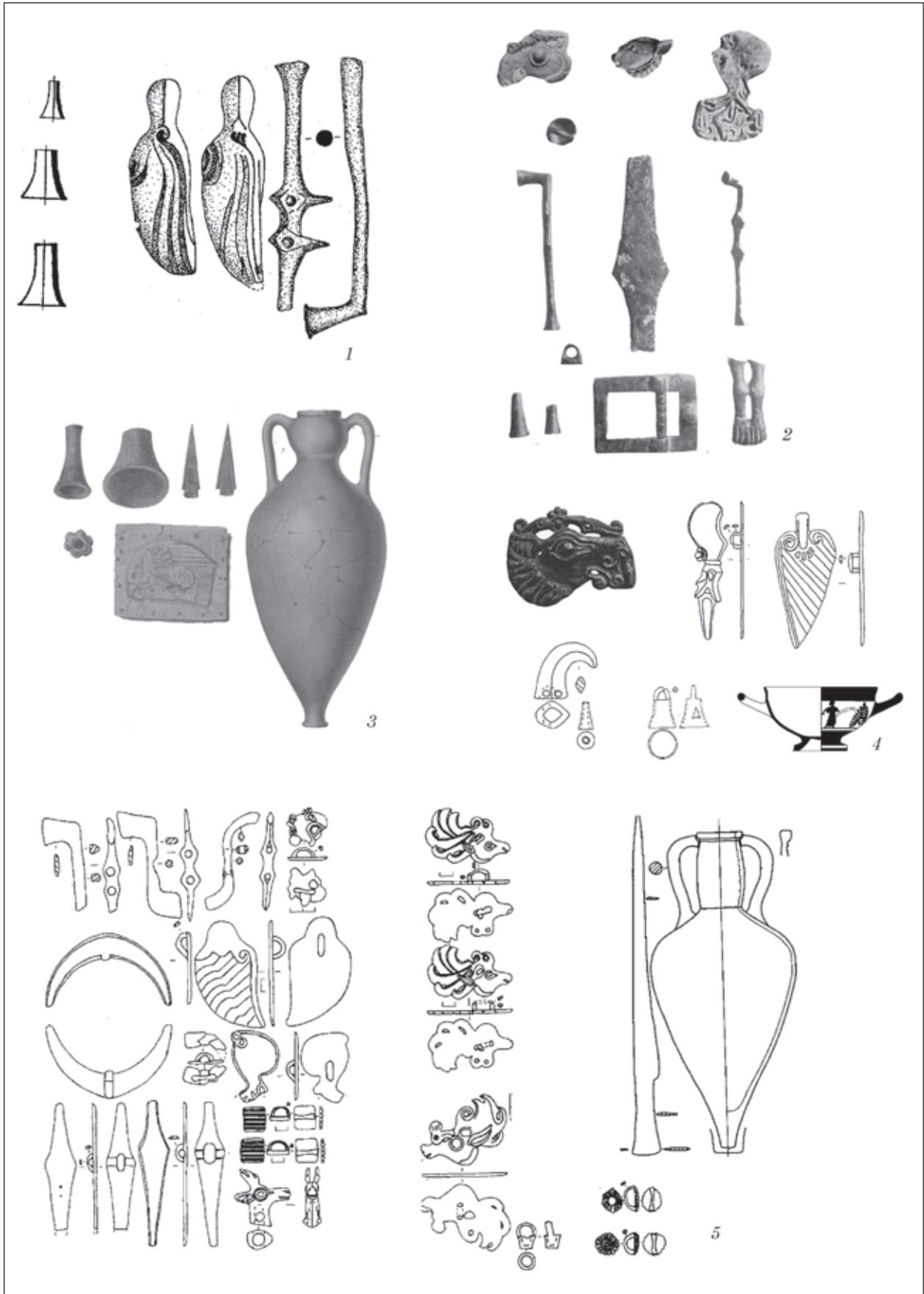

Рис. 9. Материалы из комплексов подгруппы 2а: 1 — Каменная Балка, кург. 6/1; 2 — Нимфей, кург. 1/1878; 3 — Петраковка; 4 — Турия; 5 — Берестяги, кург. 5 (составлено по [Могилов, Диденко, 2008; 2014; Силантьева, 1959; Гребенников, 2008; Фундуклей, 1848]; масштаб произвольный)

Рис. 10. Материалы из комплексов подгруппы 2б: 1 — Чобручи, кург.; 2 — Нимфей, кург. 17/1876; 3 — Ольвия, 1992/8; 4 — I Завадская Могила; 5 — Перещепино, кург. 3/2002; 6 — Мреснота Могила (составлено по [Агульников, Субботин, 1997; Папанова, 1993; Кулатова, Супруненко, 2010; Мозолевский, 1980; Силантьева, 1959; Гудкова, 1984]; масштаб произвольный)

пропорций и «цилиндрическим горлом» круга Фасоса (Каменная Балка кург. 7, Мреснота Могила, Маяки кург. 2, Перещепино 2002/3). Именно с середины V в. до н. э. возобладает и будет очень распространен на протяжении всей третьей четверти данного столетия характерный набор деталей узды — бронзовые замочки, высокие ворворки, бляхи в виде задних ног животных и лапы животного¹, нащечники в виде крыла и Г-образные, бронзовые и железные псалии (рис. 10). Налобники приобретают ромбическую форму. Массово распространяют-

ся золотые обивки деревянных чаш с изображениями в зверином стиле.

Третьей четвертью V в. до н. э. может датироваться меч из перещепинского кургана 3/2002 (треугольный клинок и усложненное навершие с головками хищных птиц) (рис. 10, 5) [Кулатова, Супруненко 2010; Махортых, 2012, с. 150], который является индикатором начала трансформации мечей с простым волотовидным навершием в серию Солохи. Около середины V в. до н. э. появляются однолезвийные мечи и кинжалы [Шелехань, 2014, с. 50]. Я присоединяюсь к мнению А.В. Шелеханя, что подобные инновации связаны с фракийскими племенами Балкан, с которыми активно контактировали в

1. Про эти бляшки подробнее см.: [Махортых, Ролле, 2015].

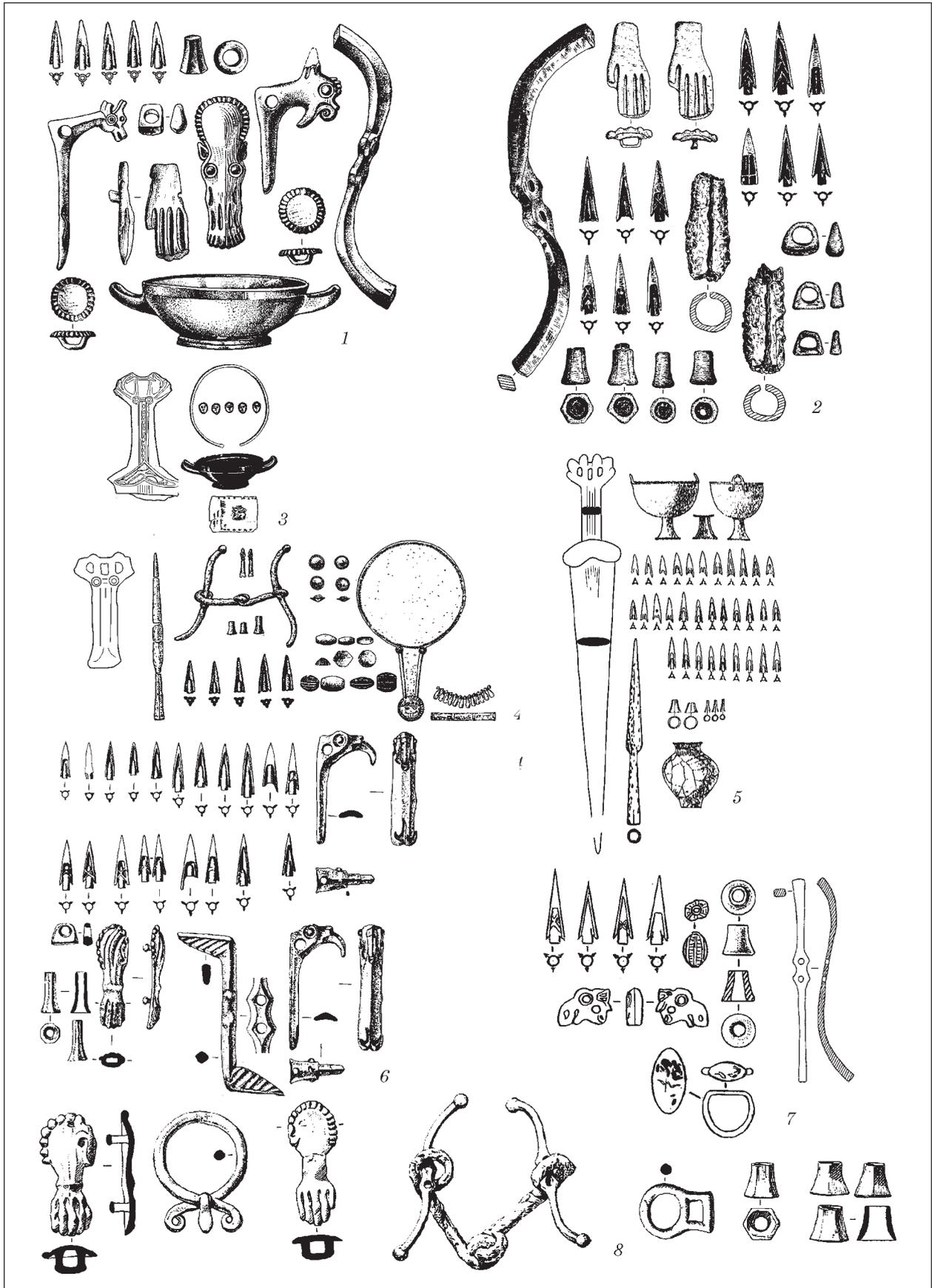

Рис. 11. Материалы из комплексов подгруппы 2в: 1 — Стайкин Верх, кург. 2; 2 — Новое Запорожье, кург. 7; 3 — Аксютинцы, кург. 2 (1883—1885 гг.); 4 — Стайкин Верх, кург. 3; 5 — Гладковщина; 6 — Малая Цимбалка; 7 — Близнаец-2; 8 — Солоха, первичное погребение (составлено по [Ильинская, 1968; Григорьев, 1994; Плешивенко, 1991; Алексеев, 1995; Манцевич, 1987; Ромашко, Скорый, 2009]; масштаб произвольный)

данный период скифы [Редина, 1999, 223; Шелехань, 2014, с. 60].

Подгруппа 2в (переходная к группе III по А.Ю. Алексееву). В конце третьей четверти — начале последней четверти V в. до н. э. выделяется серия комплексов, в которых сочетаются находки хиосских позднепухлогорлых и прямогорлых амфор. Данные захоронения непосредственно предшествуют времени создания первичного погребения Солохи. В это время появляются и массово распространяются трехлопастные наконечники стрел с треугольной в плане головкой, гранями, переходящими в шипы, трехгранным острием и короткой выступающей втулкой (Малая Цимбалка, Близнаец-2; рис. 11, 6, 7) [Алексеев, 1995; Ромашко, Скорый, 2009]. В данный период появляются трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой и двумя вертикальными углублениями либо П-образным ложком, которые будут распространены в конце V — IV в. до н. э. Колчаный набор Гладковщины более характерен для последней четверти V — начала IV в. до н. э. и лишь бронзовые ворворки не позволяют его, безоговорочно, отнести к данному времени¹ (рис. 11, 5) [Григорьев, 1994].

Появляются нахрапники в виде головы хищной птицы с удлинённым основанием (рис. 11) [Алексеев, 2003, с. 204]. Бляшки в виде руки используются, но появляются новые петельчатые изделия в виде, как считает А.Д. Могиллов, лапы кошачьего хищника (рис. 11, 6) [2008, с. 322, рис. 103, 13—18]. С данного периода начинают доминировать S-видные псалии (рис. 11), а Г-образные исчезают. А.Д. Могиллов датирует появление S-видных изделий и вторую среднескифскую группу второй-четвертой четвертями V в. до н. э., что представляется не совсем удачным, поскольку в ней смешаны комплексы ССК и начала следующего периода (основное погребение Солохи и другие синхронные комплексы) [2008, с. 120], а динамика изменений формы деталей уздечки не совсем четко прослежены. Ворварки вновь изменяют форму и становятся низкими, усеченно-коническими. Появляются бляшки в виде кисти руки (вторая группа С.В. Махортыха) [Махортых, Ролле, 2015, с. 200].

Во второй половине-последней четверти V в. до н. э. появляются и получают развитие мечи и кинжалы типа Солохи [Топал, 2014, с. 380]. Одними из древнейших изделий является мечи из Гладковщины (рис. 11, 5) [Григорьев, 1994, с. 77] и кург. 3 в ур. Стайкин Верх (рис. 11) [Ильинская, 1968, с. 90], которые можно датировать не ранее третьей четверти, а, более вероятно, последней третью V в. до н. э.

1. Меч и наконечники копий также больше характерны для начала позднескифского времени. Все это склоняет к мысли о датировке данного комплекса последней третью V в. до н. э.

В V в. до н. э. происходит трансформация формы наконечников копий от лавролистной к остролистной [Мелюкова, 1964, с. 38—40]. Уменьшается ширина пера и длина втулки. Древнейшие² надежно датированные дротики относятся ко второй половине (преимущественно последней четвертью) V в. до н. э. Несколько выделяется комплекс кургана 12 Стеблева, который С.А. Скорый датировал серединой-второй половиной V в. до н. э. [1997, с. 57], а С.В. Полин и С.Ю. Монахов амфоры из данного комплекса — первой четвертью данного столетия и 480—470 гг. [2014, с. 195]. Интересно, что амфоры пифоидного типа стеблевской серии I-A-2 по С.Ю. Монахову были найдены в кург. 13 у с. Великая Знаменка³ [Монахов, 2003, 265, табл. 35, 4, 5], который, с учетом хиосских амфор с намеченным перехватом на горле, может датироваться и началом третьей четверти V в. до н. э. [Полин, 2014, с. 195]. Стоит отметить, что колчаный набор и наконечники копий, свидетельствует в пользу, как минимум второй половины данного столетия [1997, с. 146—148, рис. 42—44] (табл. 3)⁴.

* * *

Традиция захоронения на разостланном доспехе генетически связана с более ранними впускными захоронениями последней четверти VI — начала V в. до н. э. (Адзигол, Новорозановка, Дмухайловка, Запорожье (2 комплекса). Панцири были отмечены В.С. Ольховским в 29 комплексах (входит и Вишневка, Александровка) [Ольховский, 1991, с. 69]. На сегодня число степных комплексов с панцирем выросло до 67. При этом в 3 случаях выявлено по 2 панциря. Еще 3 комплекса содержали лишь боевые пояса. В процентном соотношении выделяются периферийные районы — Приазовье (Шевченко, Мариуполь — 5 комплексов с 7 панцирями — 33 % от числа приазовских комплексов) и Северо-Западное Причерноморье (9 комплексов с панцирями и 2 пояса — 39 %). В Нижнем

2. Выделяется экземпляр из к. 478 у с. Волковцы, в котором можно предполагать наконечник копья с сильно поврежденным пером [Ильинская, 1968, табл. 39, 2].

3. Хотя С.В. Полин их наличие в данном комплексе при определении его даты не упоминает [Полин, 2014, с. 195]. Данный факт ставит под сомнение датирование всей данной серии первой четвертью V в. до н. э. С.Ю. Монахов подчеркивает близость великознаменских и стеблевской фасосских амфор [Монахов, 1999, с. 100].

4. Данные приведенные в таблице могут и будут корректироваться в связи с открытием новых хорошо датированных комплексов, поскольку на сегодня их количество не настолько значительно, чтобы что-то утверждать. Единичные находки более ранних изделий в смежных подгруппах подчеркивают эволюционный характер изменений. Отдельного рассмотрения требуют изделия из драгоценных металлов.

Таблица 3. Развитие некоторых типов материальной культуры Классической Скифии в V в. до н. э.

Под-группа	Маркеры	Посттипы	Иновации ¹	Базовые комплексы
1а (480—470-е гг. до н. э.)	Иновационные детали конской узда в сочетании с изделиями характерными для последней четверти VI — начала V в. до н. э. (посттипы), включая столовую посуду данного времени	Низкие железные ворворки, базисные наконечники стрел, железные секировидные псалии, кинжалы с брусковидным навершием	Бляшки-розетки, зооморфные обивки деревянных чаш, бляшки в виде свернувшийся в кольцо хищник (типа Макеевка 491), бляшки в виде орлиной головы с восковицей (типа Ковалевка 6/1), ромбические, лосенок	Ковалевка-II, 6/1, Макеевка 491, Кулаковского, Пекари, Кулешовка, Броварки 504, Перещепино к. 9, 24, Басовка 499
1б (470—460-е гг. до н. э.)	Хиос III-B, аттические килики	Бляшки в виде орлиной головы с восковицей (типа Журовка 401), свернувшийся в кольцо хищник (типа Протопоповка к. 5), бляшки в виде головы хищника с оскаленной пастью (типа Журовка 402), базисные наконечники стрел, низкие ворворки, ассиметричные ромбические налобники, бляшки-розетки	Кинжалы с волотовидным навершием ² , бляшки в виде головы рогатого лося, 3—лопастные наконечники стрел стройных пропорций, Г-ные псалии, когтевидные бляхи, высокие ворворки, уховидные (крыловидные) нащечники, замочки, бляшки в виде лапы хищника	Журовка 400, 401, Аджиголь 1Г, Нимфей 24/1876, 32/1876, Протопоповка 1/1973, 5, Коротиц 1982, Новорозановка, Частые Курганы 8
2а (460—440 гг. до н. э.)	Хиос III-B с угловатыми плечами, лессоская сероглиняная амфора III-A, ранний тип амфоры круга Фасоса с раздутым горлом	Высокие ворворки, Г-ные псалии, крыловидные нащечники, замочки, бляшки-розетки, бляшки в виде лапы хищника	Ромбовидные налобники, бляхи в виде задних ног животного (Нимфей 1/1878, В.Знаменка 13), ритоны с золотыми обивками	Великая Знаменка к. 13, Петраковка, Берестняги кург. 5, Нововасильевка кург. 9, Нимфей 1/1878, Каменная Балка кург. 6/1—2, Шевченко-2, к. 1/1
2б (440—430/420 гг. до н. э.)	Хиос III-C-1 и 2, амфоры с «раздутым горлом» изящных пропорций и «цилиндрическим горлом» круга Фасоса	Ромбовидные налобники, бляхи в виде задних ног животного, крыловидные нащечники, бляшки в виде человеческой кисти и лапы животного, высокие ворворки	Меч с треугольным клинком и усложненным навершием с головками хищных птиц	1 Завадская Могила, Каменная Балка кург. 7\1, Мрешота Могила, Чобручи, Перещепино 3/2002
2в (430/420 — 410-е гг. до н. э.)	Хиос III-C- 2 и IV	Высокие ворворки, трехлопастные наконечники стрел стройных пропорций, замочки, бляхи-кисти, бляхи в виде головы лося (типа Скифской Могилы). Круглые бляшки с рубчатыми краями ³	Мечи типа Солохи, бронзовые трехгранные наконечники стрел с двумя ложками или П-образным ложком, трехлопастные наконечники стрел с треугольной в плане головкой, гранями переходящими в шипы, трехгранным острием и короткой выступающей втулкой, бляшки в виде лапы кошачьего хищника (типа Малая Цимбалка), низкие усеченно конические ворворки. S-ные псалии, нахрапники в виде головы хищной птицы с удлиненным основанием, бляшки в виде человеческой кисти	Малая Цимбалка, Орджо, Близначе-2, Турецкая Могила, Скифская Могила, Аксютинцы, Гладковщина, Стайкин Верх к. 2, 3, Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.), Шевченко-во-I, к. 3/1. Группа III (после 410-х г. до н. э. первичная гробница Солохи, Корнеевка к.2/2

Примечания. ¹ Данные маркеры являются инновационными для Северного Причерноморья. ² Подобные навершия хорошо известны в комплексах второй половины VI — начала V вв. до н. э., поэтому данная инновация, вероятно, появилась из-за незначительного количества комплексов подгруппы 1а. ³ Генетически связаны с бляшками-розетками.

Поднепровье доспехи найдены в 30 комплексах, но их удельный вес среди нижнеднепровских меньше (25 %).

В Лесостепи находки панцирей не редкость, но их меньше (Посулье (10), Ворскла (8 и 2 пояса), Северский Донец (2)). На Среднем Дону доспехов данного времени неизвестно. В Днепровском лесостепном Правобережье находки панцирей данного периода концентрируются в некрополях знати (Журовка, Макеевка, Стеблев), на которые приходится более 2/3 всех находок (всего 11 — 15 %), несмотря на значительное количество исследованных курганов.

Связь захоронений тяжеловооруженных воинов с внутренними конфликтами у скифов неоднозначна, хотя и вполне вероятна [Алексеев, 2003, с. 211]. По мнению С.И. Плетневой, разные кочевые этнические группы постоянно воевали и любое перемещение по Степи часто сопровождалось столкновениями [1982, с. 28]. В отношении скифов, поэтому необходимо определить, что мы имеем в виду под внутренними конфликтами: внутри семьи, рода, племени, с подчиненными группами кочевников и земледельцев Лесостепи. Нельзя исключать пограничные конфликты, столкновения с греками и др. Вероятно, в целом V в. до н. э. был нестабильным периодом и создание Классической Скифии сопровождалось конфликтами. Агрессия имела место по отношению к оседлому населению юга Восточной Европы, а внутренние конфликты среди скифов могли возникать при разделе (переделе) пастбищ и смене маршрутов кочевания. Набор погребального инвентаря и вооружения в V в. до н. э. может свидетельствовать о более менее равном положении скифских воинов (военная демократия). Позже расслоение будет значительным, а наборы защитного и наступательного вооружения будут доступны лишь скифской верхушке. В IV в. до н. э. изживет себя и обычай помещать умершего на доспех (всего 54—56 доспехов — 4 %). Существенно большее распространение в IV в. до н. э. получают боевые пояса (42 случая) [Ольховский, 1991, с. 110]. Уменьшение процента погребений с доспехом связано еще и с увеличением общего числа комплексов, в числе которых значителен процент женских и подростковых, которые были единичными в V в. до н. э. Вероятно, в то время не все поло-возрастные группы скифов хоронились под курганами, реже, в грунтовых могильниках. Это может обуславливать высокий процент захоронений с доспехом по сравнению со следующим столетием.

Металлические обивки деревянных чаш связаны с более ранними изделиями (Александровка), отличаясь лишь зооморфным оформлением. Наиболее ранние изделия выявлены в древнейших погребениях группы II (Пекари, Ковалевка, Журовка). Позднее данные изделия широко распространяются [Рябова, 1984, с. 31—44].

В трех комплексах были найдены парные бронзовые ножи (Берестняги кург. 5, Аджиголь 1 G, Частые курганы к. 8). После середины V в. до н. э. подобные ножи неизвестны. Еще одной категорией находок, которая имеет истоки, вероятно, среди материалов архаического времени являются каменные плитки, которые приходят на смену каменным блюдам ([Ольховский, 1991, с. 71]; о неочевидности генетической связи с раннескифскими изделиями см.: [Алексеев, 2003, с. 172]).

Редкие находки зеркал и других украшений свидетельствует о появлении небольшого числа женских захоронений, чаще всего в парных погребениях. Данным периодом, особенно первой половиной V в. до н. э., датируется незначительное количество нашивных золотых бляшек (Нимфей, Великая Знаменка кург. 13, Журовка кург. 402). Навершие данного периода неизвестны. Железные ножи с V в. до н. э. начинают размещаться вместе с мясной напутственной пищей (46 %) [Ольховский, 1991, с. 68].

БЫЛА ЛИ ЛЕСОСТЕПЬ ЗАВОЕВАНА СКИФАМИ?

Данная тема является дискуссионной (подробнее см.: [Гречко, Шелехань, 2012]). Главными аргументами против признания покорения степняками Днепро-Донской Лесостепи являются, якобы расцвет поселенческих структур земледельческого населения в V—IV вв. до н. э. и продолжение использования лесостепной элитой типов погребальных сооружений, которые были характерны для кочевников раннескифского времени [Медведев, 1999, с. 126; Бабенко, 2005, с. 199]. Данное утверждение на сегодня не может быть принято. В данный период происходит резкое сокращение количества поселений и городищ [Гречко, 2010, с. 106]. В конце первой трети V в. до н. э. по непонятным причинам прекращает использоваться Западное укрепление Бельского городища, а в непосредственной близости возникает Перещепинский «дружинный» некрополь. Аналогична ситуация и с Тясмином — Мотронинское городище активно существует до конца первой трети V в. до н. э., а более поздние находки единичны [Бессонова, Скорый, 2001, с. 125], комплексы и слои отсутствуют, а за валами начинают сооружаться курганы, видимо, скифов [Скорый, Хохоровски, 2009]. Все это не выходит за рамки процессов происходивших в это время в Северном Причерноморье.

Несколько отличаются от ситуации в Днепро-Донецкой Лесостепи археологические реалии на Среднем Дону. В данном регионе большинство городищ, поселений и курганов относится к концу V—IV вв. до н. э. [Медведев, 1999, с. 55]. В данном случае нет прямых аргументов для констатации вхождения среднедонского регио-

на в состав Скифии. Хотя, стоит отметить, что в данном регионе и не существовало значительного количества поселений и городищ VI — начала V вв. до н. э., на которых бы отразилось обострение этнокультурной ситуации на юге Восточной Европы. Наоборот, массовое заселение Среднего Дона в V в. до н. э. и кризис поселенческих структур в Днепро-Донецкой Лесостепи, вероятно, явления взаимосвязанные [Медведев, 1999, с. 126].

Сегодня существует тезис о том, что в Днепро-Донской Лесостепи свою власть сохранили потомки кочевников, которые появились в регионе VII—VI вв. до н. э. [Медведев, 1999, с. 126]. На это указывают характеристики многочисленных элитных могильников. Остается вопрос об их взаимоотношениях со скифами-царскими. На данный момент нет оснований говорить о полном подчинении лесостепных «дружин» степнякам, что подразумевало бы выплату дани скотом и принудительную воинскую повинность без участия в дележе добычи [Тортика, 2006, с. 126]. Как показывают находки в лесостепных курганах погребенные там воины участвовали в военных компаниях степняков, но с той оговоркой, что они, безусловно, имели право на часть трофеев.

Местная знать влилась в ряды завоевателей В Лесостепи продолжают использоваться деревянные камерные гробницы, в Крыму сооружаются сырцовые и каменные погребальные сооружения. Этнически и идеологически отдельные скифские племена, вероятно, были близки.

СКИФЫ И ЭЛЛИНЫ

В данный период исследователи отмечают усиление давления кочевников на греческих колонистов [Алексеев, 2003, с. 207—210].

В конце первой трети V в. до н. э. исчезают поселения большой хоры Ольвии, а население переселяется в ближайшую округу и предместье города [Крыжицкий и др. 1989, с. 20, 95]. Следы разрушений первой половины V в. до н. э. зафиксированы и в самой Ольвии. На участке Клиф-1 был частично исследован подвал с хиосскими пухлогорлыми амфорами «первой половины V в. до н. э.». Исследователи считают, что, «возможно, данное помещение погибло вследствие пожара (о чем свидетельствуют обгоревшие фрагменты амфорных стенок), и в дальнейшем было засыпано чистым песком и перекрыто более поздней кладкой» [Крапивина и др., 2002, с. 153—154]. На участке Т-3 «жилая, застраиваемая поверхность предполагалась вырезаться на плотном материковом грунте, но часто оказывалась устроенной на лесовых слоях переотложенного материкового грунта, образовавшихся вследствие разрушения глинобитных наземных стен построек раннеклассического времени, погибших во второй четверти V в. до н. э.» [Назарчук, 2004, с. 236].

Интересно, что скифские могильники первой половины V в. до н. э. окружают Ольвию со всех сторон. Они расположены на расстоянии всего 6—10 км. Греческие поселения и курганы у с. Лупарево, вероятно, указывают на место переправы на левый берег Бугского лимана. В этом месте, возможно, начинался сухопутный путь в Днепровское лесостепное Правобережье по водоразделу рек, который маркирован на всем протяжении скифскими погребениями и каменными изваяниями [Болтрик, 2000, с. 122—125].

Причины исчезновения сельских поселений Нижнего Побужья большая группа исследователей-антиковедов связывает с завершением процесса формирования Ольвийского государства и реорганизацией хоры [Крыжицкий и др., 1989, с. 22]. Это объяснение можно было бы принять, если бы подобное явление было локальным. Но это не так. В конце первой четверти V в. до н. э. происходит прекращение жизни на поселениях Нижнего Поднестровья [Охотников, 1990, с. 70], в окрестностях Истрии [Марченко, 2005, с. 103]. Следы разрушений зафиксированы в Фанагории, Кепях, Тиритаке, Нимфее, сельских поселениях Европейского Боспора, Мирмекии, возводится Тиритакский вал [Голстиков, 1984, с. 27, рис. 1; Виноградов, Тохтасев, 1994, с. 54—59]. В это время (480 г. до н. э.) на Боспоре к власти приходит династия Археанактидов [Виноградов, 2002, с. 185]. Роль Нимфея в скифо-боспорских отношениях уже достаточно описана в литературе [Алексеев, 2003, с. 209].

Вероятно то, что большинство античных полисов Северного Причерноморья пережила события рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э., явилось следствием установления определенной системы взаимоотношений с кочевниками. Можно согласиться с исследователями, что нет оснований говорить о варварском «протекторате», как об экономическом контроле над жизнью оседлого населения [Виноградов, 1989, с. 104—105], что должно было превратить греков в трансагентов по вывозу хлеба в Средиземноморье [Зубарь, Сон, 2007, с. 61]. Скорее всего, мы имеем дело с определенной формой «данничества», которая предполагала заключение соглашений о платной охране греческих центров определенной ордой [Марченко, 1999, с. 155, 157; Зубарь, Сон, 2007, с. 61]. Подобные взаимоотношения греков и скифов надежно зафиксированы в письме Апатурия Невмению из раскопок Керкеникиды [Соломоник, 1987, с. 114—125].

Ольвия во второй половине V в. до н. э. перестает играть важную роль для скифов, и их внимание переключается на Боспор, где, возможно, под влиянием кочевников¹ происходит

1. Некоторые исследователи считают Спартока дядей Октамасада [Алексеев, 2003, с. 210].

смена династий (438/437 гг. до н. э.). Это отражается и в переориентации торговых связей. Вероятно, начинает активно функционировать Муравский Шлях. Престижные изделия из драгоценных металлов в могилах скифов теперь, по мнению исследователей, изготавливаются в мастерских Спартокидов [Онайко, 1966, с. 46—48].

Археологи-антиковеды часто используют в качестве аргумента против любых форм зависимости северочерноморских полисов от кочевников в V в. до н. э. малочисленность погребений скифов. На сегодня же известно 350 погребений номадов 480—420-х гг. до н. э. в Степи и 147 комплексов в Лесостепи (вместе около 500 комплексов), которые в абсолютном большинстве своем представлены захоронениями воинов. Чтобы представить военную мощь подразделений кочевников данного времени можно сравнить данные со средневековьем. Например, для Северного Причерноморья М.В. Квитницкий насчитывает немногим более 300 половецких захоронений середины XI — середины XIII вв. [Квитницкий, 2016, с. 280]. При этом известно, что отдельная орда кипчаков могла состоять из не менее чем 40 тыс. человек, включая 5—20 тыс. воинов [Толочко, 2003, с. 93]. Причем, на территории Северного Причерноморья и Приазовья кочевало не менее 5 орд [Плетнева, 1990, с. 115]. Мы видим, что скифы могли даже превосходить по военному потенциалу половцев, что не противоречит установлению, как минимум даннических отношений с эллинами. Подобному натиску кочевников могли противостоять лишь значительные по потенциалу государства типа Киевской Руси.

Исследователи справедливо отмечают изменение ситуации в 30-е гг. V в. до н. э., связанную с приходом к власти на Боспоре Спартокидов и вероятным установлением тирании в Ольвии (подробнее см.: [Алексеев, 2003, с. 210]). Вероятно, в третьей четверти V в. до н. э. происходит стабилизация отношений между варварами и греками в Северном Причерноморье, которые приобретают стабильный и мирный характер [Виноградов, 1990, с. 11—12]. Именно в это время, как отмечалось выше, на Нижнем Днепре массово возникают скифские, часто элитные, погребения и начинается формирование нижнеднепровского Герроса [Мозолевский, Полин, 2005, с. 446].

* * *

Резюмируя, можно попытаться реконструировать процесс становления Классической Скифии в Северном Причерноморье. В последней четверти VI в. до н. э. в связи активной экспансией первых Ахеменидов начинается определенное движение кочевников, которое приводит на юг Восточной Европы новые груп-

пы номадов (скифы Геродота), которые не обошли на своем пути Предкавказье и Прикубанье, вовлекая в этот процесс и местные группы населения. Период освоения новой родины в Северном Причерноморье продолжался до начала V в. до н. э. (около 30—40 лет) и характеризовался относительно немногочисленными одиночными впускными погребениями. Активность данных кочевников в это время отмечена письменными источниками и археологическими данными на Балканах. Лесостепные земледельцы и греческие колонисты не испытывают давления со стороны степи, что приводит к расцвету поселенческой структуры. Обменные операции между варварами Лесостепи и эллинами очень активны.

В первой половине V в. до н. э. фиксируются наиболее низкие температуры (похолодание ранней субатлантической эпохи). Подобные климатические условия благоприятны для развития скотоводческого хозяйства и соответственно приводят к росту численности населения [Таиров, 2008].

Данный период завершается усилением агрессивности скифов в 480—470-е гг. до н. э. по отношению к населению Лесостепи и греческим колонистам. После определенных успехов номадов, на территориях которые перешли под контроль кочевников возникают первые некрополи¹. Вероятно, это были места их систематического пребывания. Можно говорить о первой половине V в. до н. э., как о периоде военно-демократического строя у скифов, а расслоение в их среде было все еще незначительно.

Существенные изменения происходят около середины — третьей четверти V в. до н. э. скифы переносят на территорию Нижнего Поднепровья места захоронений знати и других членов их сообщества. Формируется Геррос. Именно в это время в данном регионе появляется и распространяется обряд захоронения в подбоях и катакомбах, который сосуществует с традиционными погребениями в ямах с широтной ориентировкой. Фиксируются первые захоронения знати под значительными курганами (I Завадская Могила, Великая Знаменка кург. 13 и др.). Подобные изменения связаны с упорядочиванием отношений с завоеванными племенами и соседними племенами и государствами. Данным процессам в средневековье значительное внимание уделила С.И. Плетнева. Можно предполагать, что территория Скифии была разделена между подразделениями кочевников. Формируются кочевые коллективы (именуемые для средневековья «курениями») с собственной кочевой территорией. Вероятно, происходило выделение богатых семей, которые формировали айлы. При этом, община

1. Особенно стоит выделить Лесостепь, в первую очередь Правобережную со значительным количеством курганов знати (4—6 м высотой) (Журовка, Турия).

начинает распадаться, а рядовые кочевники беднели и переходили, часто, к оседлости, либо примыкали к аилам, чтобы пасти чужой скот, оставаться в зимовниках для занятий земледелием и заготовкой сена. Аильное кочевание характерно, как раз, для второй стадии. Несколько аилов могли формировать орду, которая состоит не из кровнородственных социальных подразделений. Параллельно происходит разложение военно-демократического строя и возникновение родовой аристократии [1982, с. 37—39].

Данный процесс логически завершается появлением целой серии еще больших курганов в последней трети V в. до н. э. в различных регионах уже сложившейся Скифии (Аксютинцы, Скифская Могила, Турецкая Могила, Близнаец-2 и др.), среди которых выделяется первое «царское» захоронение в основном погребении Солохи. Данное событие знаменует начало расцвета Классической Скифии, как завершеного общественного образования¹ со стабильными доминантными отношениями с соседями.

1. Характер государственного образования скифов дискусионен и является темой для специальных исследований. Стоит отметить работу А.И. Тереножкина, посвященную общественному строю скифов [Тереножкин, 1977].

Агульников С.М., Субботин А.В. Скифский курган V в. до н. э. в Днестровском Правобережье // Никоный и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997. — С. 182—187.

Алексеев А.Ю. Погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1868 г.) // АСГЭ. — 1995. — Вып. 32. — С. 53—59.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб, 2013. — 416 с.

Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Харьков, 2005. — 284 с.

Бабенко Л.И. Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н. е.) // Проблеми археології Восточної Європи: К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. — Харьков, 2008. — С. 28—38.

Бабенко Л.И. Поховальний обряд Протопопівського курганного могильника // Древности. — 2009. — Вып. 8. — С. 44—56.

Бабенко Л.И. Скифське поховання V ст. до н. е. поблизу смт. Коротич на Харківщині // Археологія. — 2009а. — № 1. — С. 52—61.

Бабенко Л.И. Колчанные наборы Протопоповского курганного могильника: состав и хронология // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 9—16.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское Левобережье. — М., 1981. — 128 с.

Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкций идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990. — С. 17—40.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — К., 2001. — 256 с.

Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. // ИАК. — 1905. — Вып. 14. — С. 13—19.

Болтрик Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в Днепровское лесостепное правобережье // РА. — 2000. — № 1. — С. 121—130.

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.). — Кишинев, 2005. — 358 с.

Буйских А.В. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии // *Olbio: in memoriam V.V. Krapivina*. — К., 2015. — С. 205—216 (АДІУ. — Вып. 1 (14)).

Виноградов Ю.А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н. э.: Авторефер. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1990. — 16 с.

Виноградов Ю.А. Особенности и историческое значение объединения Археанатидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. — СПб, 2002. — С. 183—196.

Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. — 1994. — № 1. — С. 54—63.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — 286 с.

Гаврилов А.В., Шоносов И.В. Скифские селища V — первой трети III в. до н. э. в степной зоне Центрального Крыма // Древности Боспора. — 2004. — Вып. 7. — С. 89—99.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. е. Бранденбурга). — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д1-33).

Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. — М., 1999. — С. 78—113.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы степного Побужья. — Николаев, 2008. — 192 с.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.

Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // *Stratum plus*. — 2012. — № 3. — С. 75—106.

Гречко Д.С. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // *Stratum plus*. — 2013. — № 3. — С. 133—154.

Гречко Д.С. От Архаической Скифии к Классической // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2016. — С. 33—60 (АДІУ. — № 2).

Гречко Д.С. Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI — первая четверть V в. до н. э.) // *Revista arheologică*. — 2016а. — Vol. XII, nr. 1—2. — С. 145—168.

Гречко Д.С., Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012. — 198 с.

Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов. — К., 1984. — С. 63—79.

Гудкова А.В., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской экспедиции в 1984 г. / НА ІА НАН України. — 1984/158.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. — 1997. — № 3. — С. 127—131.

Замятин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем // СА. — 1946. — Т. VIII. — С. 9—50. Зарайская Н.П., Привалова А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий архео-

- логический сборник. — 1992. — Вып. 2. — С. 118—159.
- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития. — Симферополь, 2007. — 240 с. (МАИЭТ. — Вып. 3).
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 203 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 379 с.
- Исмагил Р.* Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. — С. 176—211.
- Квитницький М.В.* Происхождение и пути миграции половцев в Северное Причерноморье по данным археологических источников // *Stratum plus*. — 2015. — № 6. — С. 277—304.
- Кияшко А.В.* Некоторые вопросы генезиса и семантики катакомбного обряда эпохи средней бронзы Восточной Европы // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности в ГИМ В.А. Городцова. — М., 2003. — Ч. 1. — С. 200—202.
- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П.* Скифские курганы у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. — К., 1978. — С. 133—150.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). — К., 1989. — 335 с.
- Козак О.Д.* Кияни княжії доби: Біоархеологічні студії. — К., 2010. — 396 с.
- Коленченко Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской области в 1973 году / НА ІА НАН України. — 1973/64.
- Колотухин В.А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма. — Симферополь, 2000. — 119 с.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н. э. (погребальные памятники). — Донецк, 2012. — 268 с. (Археологический альманах. — Вып. 27).
- Колтухов С.Г.* Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. — Симферополь, 2012. — 138 с. (Материалы к археологической карте Крыма. — Вып. 10).
- Комар А.В.* К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности. Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. — 2001. — Т. 2: Хазарское время. — С. 11—44.
- Косарев М.Ф.* Приобщение к вземным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. — М., 2000. — С. 42—53.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. — М., 2003. — 352 с.
- Кративина В.В., Буйских А.В., Крутилов В.В., Хмелевский Д.Н., Смирнов А.И.* Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги) // АБУ 2000—2001 рр. — 2002. — С. 153—154.
- Крижицький С.Д.* Ольвия і скіфи у V ст. до н. е. До питання про скіфський протекторат // Археологія. — 2001. — № 2. — С. 21—35.
- Крыжицький С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрепко В.М.* Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 238 с.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б.* Кургани скіфсько-го часу західної округи Більського городища. — К., 2010. — 200 с.
- Крютченко А.А.* К вопросу о преднамеренном обжиге валов лесостепных городищ скифского времени // Древности. — 2013. — Вып. 12. — С. 155—162.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. — Ленинград, 1987. — 143 с.
- Марченко К.К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V—IV вв. до н. э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // *Stratum plus*. — 1999. — № 3. — С. 145—172.
- Марченко К.К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья. — СПб, 2005. — С. 42—136.
- Махортых С.В.* Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 57—76.
- Махортых С.В.* Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // *Stratum plus*. — 2012. — № 3. — С. 145—160.
- Махортых С.В.* Погребальные сооружения и обряд курганных некрополей Бельского городища // *Stratum plus*. — 2013. — № 3. — С. 223—256.
- Махортых С.В., Ролле Р.* Изображения редуцированной лапы животного и кисти человеческой руки в искусстве степной и лесостепной Скифии // *Stratum plus*. — 2015. — № 3. — С. 183—204.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. — М., 1999. — 160 с.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д1-4).
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у східноєвропейському Лісостепу. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Могилев А.Д., Диденко С.В.* Курган 5 у с. Берестняги — пам'ятник середнескифського часу в Поросьє // РА. — 2008. — № 4. — С. 84—90.
- Могилев О.Д., Диденко С.В.* Курган V в. до н. э. у с. Турия в Днепровской Правобережной Лесостепи // РА. — 2014. — № 2. — С. 96—107.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — К., 1973. — С. 187—234.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—155.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна, и Соболева Могилы). — К., 2005. — 599 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э. — Саратов, 1999. — 678 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. — Москва; Саратов, 2003. — 351 с.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 134 с.
- Назарчук В.И.* Новые материалы из раскопок участка Т-3 в Ольвии // АБУ 2002—2003 рр. — 2004. — С. 235—236.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — М., 1966. — 70 с. (САИ. — Вып. Д1-27).
- Остапенко М.А.* Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья // Античный мир и

- варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. — Москва; Запорожье; Киев, 2007. — С. 143—179.
- Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я.* Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка // АО за 1984 г. — М., 1986. — С. 285—286.
- Охотников С.Б.* Нижнее Поднепровье в VI—V вв. до н. э. — К., 1990. — 85 с.
- Папанова В.А.* Раскопки некрополя Ольвии конца V — IV вв. до н. э. в 1991—1992 гг. // Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). — Бердянск, 1993. — С. 26—90.
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. — М., 1982. — 190 с.
- Плетнева С.А.* Половцы. — М., 1990. — 210 с.
- Плешивенко А.Г.* Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Древности степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1991. — II. — С. 143—152.
- Полидович Ю.Б.* Находки предметов «античного круга» VI в. до н. э. на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // III Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Астрахань, 2010. — С. 190—196.
- Полин С.В.* О походе Дария в причерноморскую Скифию // Древности Скифов. — К., 1994. — С. 88—102.
- Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 774 с.
- Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В.* Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка): Препр. — Кировоград, 1994. — Вып. 3. — 95 с.
- Привалов О.Я.* Скифское погребение у с. Стылы // Донецкий археологический альманах. — 1993. — Вып. 2. — С. 161—166.
- Редина Е.Ф.* К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1999. — С. 222—227.
- Рогов Е.Я.* Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011. — 216 с. (МАИЭТ. — Suppl. 10).
- Ромашко В.А., Скорый С.А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. — Днепропетровск, 2009. — 251 с.
- Рябова В.О.* Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. — 1984. — № 46. — С. 31—44.
- Сапрыкин С.Ю.* Эллинизация и варваризация античных государств Северного Причерноморья (каллипиды и миксалины догетской Ольвии) // ВДИ. — 2013. — № 3. — С. 3—27.
- Силантьева П.Ф.* Некрополь нимфея // МИА. — 1959. — № 69. — С. 3—107.
- Скорый С.А.* Стеблев: скифский могильник в Поросе. — К., 1997. — 173 с.
- Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с.
- Скорый С.А.* Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 140—171.
- Скорый С.А., Хохоровски Я.* Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratum plus. — 2009. — № 3. — С. 234—276.
- Смирнов К.Ф.* Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978. — С. 57—61.
- Соломоник Э.И.* Два античных письма из Крыма // ВДИ. — 1987. — № 3. — С. 114—131.
- Таиров А.Д.* Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. // Наука ЮУрГУ. — Челябинск, 2008. — Т. 1. — С. 160—164.
- Тереножкин А.И.* Скифская культура // Проблемы скифской археологии. — М., 1971. — С. 15—24.
- Тереножкин А.И.* общественный строй скифов // Скифы и сарматы. — К., 1977. — С. 3—28.
- Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. — СПб, 2003. — 158 с.
- Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н. э.) // ВДИ. — 1984. — № 3. — С. 24—48.
- Толстиков В.П.* К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварских культур на Боспоре в VI—V вв. до н. э. // Боспорский феномен. — СПб, 2011. — С. 54—58.
- Толстиков В.П., Белик Ю.Л.* Отчет о раскопках Пантикапея в 2013 г. / НА ІА НАН України. — 2013/17.
- Тортика А.А.* Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. — Харьков, 2006. — 554 с.
- Ульские курганы.* Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — 211 с. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — 2).
- Фиалко Е.Е.* Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 351—387.
- Фундуклей И.* Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. — К., 1848. — 124 с.
- Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В. и др.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. — К., 1986. — 353 с.
- Шапошникова О.Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул // СА. — 1970. — № 3. — С. 208—212.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.М., Балушкин А.М.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. / НА ІА НАН України. — 1976/7.
- Шелехань О.В.* Односічний меч із кургану біля с. Мирне на Херсонщині // Археологія. — 2014. — № 4. — С. 50—63.
- Шелехань О.В.* Метричні групи клинкової зброї скіфського лісостепу // Магістеріум. — 2015. — Вип. 60. — С. 76—81.
- Шелехань О.В.* Хронологічна колонка двосічної зброї скіфського часу (за матеріалами пам'яток лісостепу) // Друга міжнародна зброєзнавча конференція: тези доп. — К., 2016. — С. 12—15.
- Эрлих В.Р.* Конское снаряжение и предметы вооружения из Ульских курганов // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 44—57 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — 2).
- Ebert M.* Ausgrabungen auf dem gute Maritzyn // PZ. — 1913. — Bd. 5. — P. 1—79.
- Minchev A.* Thrakians and Scythians in notherneastern Bulgaria: some bilateral contacts in metal works // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonithation to the Ottoman Conquest. — Iasi, 2005. — P. 11—27.

Д.С. Гречко

D.S. Grechko

ПРО ФОРМУВАННЯ КЛАСИЧНОЇ СКІФІЇ У V ст. до н. е.

Стаття присвячена аналізу поховального обряду та еволюції матеріальної культури населення Класичної Скіфії у V ст. до н. е. Поховання цього часу в значній мірі є основними в курганах та першими у курганных могильниках у Степу та Лісостепу. Поховання першої половини століття V ст. до н. е. представлені майже виключно ямами різної форми. Підбої, катакомби та окремі могили коней з'являються близько середини цього століття та співіснують з ямами. У розвитку матеріальної культури II групи поховань А.Ю. Алексеєва виділила 5 підгруп. Дані підгрупи відображають зміни предметів озброєння, деталей кінського спорядження та інших категорій інвентарю з 480-х по 410-і рр. до н. е.

Скіфи з'явилися у Північному Причорномор'ї у останній чверті VI ст. до н. е. у наслідок руху племен спровокованого активністю перших Ахеменідів. Період освоєння нової батьківщини тривав до початку V ст. до н. е. Цей період завершується початком агресії скіфів по відношенню до населення Лісостепу та грецьких колоністів у 480—470-і рр. до н. е. Встановлення стабільних домінуючих відношень з сусідами протягом другої—третьої чвертей V ст. до н. е. дозволив скіфам наприкінці даного століття завершити формування військово-політичного об'єднання, яке дослідники часто називають Великою Скіфією.

Ключові слова: Класична Скіфія, середньоскіфський період, поховальний обряд, матеріальна культура.

ABOUT THE FORMING OF CLASSICAL SCYTHIA IN THE 5th c. BC

This article is devoted to the analysis of the burial ceremony and the evolution of the material culture of the population of Classical Scythia in the 5th c. BC. Burials of this time are predominantly central in burial mounds and first in burial mound grounds of the Steppe and Forest-Steppe regions. Burials of the first half of the 5th c. BC are represented almost exceptionally by the different shape pits. Kervings, catacombs and separate burials of horses appeared near the middle of this century and coexisted with pits. There are 5 sub-groups separated by A.Ju. Alekseev in the development of the material culture of the IInd group of burials. These sub-groups reflect changes of armament, harness details and other categories of the inventory since 480th till 410th BC.

Scythians had appeared in the Northern Black Sea area in the last quarter of the 6th c. BC as a result of the movement of tribes provoked by the activity of first Achemenids. The period of assimilation in the new homeland continued till the beginning of the 5th c. BC. This period was finished by the beginning of Scythian aggression to the population of Forest-Steppe area and Greek colonists in the 480—470th BC. Establishment of the stable prepotent relations with neighbors during the second-third quarters of the 5th c. BC had allowed Scythians finish the forming of military-political union at the end of this century. This union is often named the Great Scythia by researchers.

Keywords: Classical Scythia, middle-Scythian period, burial ceremony, material culture.

Одержано 14.02. 2017

А. Ф. Гуцал

ЧЕРПАКИ РУДКОВЕЦЬКОГО ГОРОДИЩА І ДЕЯКІ ПИТАННЯ ХРОНОЛОГІЇ ЧОРНОЛІССЯ НА ДНІСТРІ

У статті подано характеристику глиняних черпаків з Рудковецького городища, зроблено порівняння цього виду посуду з аналогічною керамікою з інших пам'яток Середнього Подністров'я, розглянуто питання їх хронології.

Ключові слова: Григорівка, Дністровка, Непоротово, Рудківці, Середнє Подністров'я, чорноліська культура, кераміка, черпаки.

Городище в с. Рудківці Новоушицького р-ну досліджувалося у 1970-х рр. Тоді було розкрито біля 400 м² площі, відкрито ряд жител, з'ясовано характер фортифікацій, отримано значний керамічний матеріал. Роботи на пам'ятці були продовжені у 2016 р. Городище займає територію у 115 га, розташовану на крутому схилі лівого берега Дністра і на плато, де розмішене сучасне село.

Колекція кераміки складається із відомих на пізньочорноліських старожитностях форм посуду. Серед них домінують корчаги, тюльпановидні горщики, миски із загнутим всередину вінцем та черпаки.

Серед загального числа кераміки черпаки складають 16,1 %. Можливо якась частина фрагментів належить кубкам, але цілих форм цього типу посуду не знайдено, в той час як черпаків нараховується кілька десятків. Поодинокі знахідки кубків і на інших пізньочорноліських об'єктах Середнього Подністров'я — у Григорівці [Смирнова, 1983, с. 62], Дністровці [Смирнова, 1985, с. 18] в Непоротово. Таке явище звичне для скіфської епохи Дніпровського Правобережжя [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 52]. Складається враження, що кубки зовсім не використовувалися на поселеннях, що дуже вірогідно.

© А.Ф. ГУЦАЛ, 2017

На розкритій площі городища зібрано понад дві сотні ручок черпаків, які збереглися разом з цілими посудинами чи у фрагментах. Це показує наскільки широко даний тип глиняних виробів побутував у тодішнього населення. При виготовленні їм приділялася особлива увага. Вони були неодмінними аксесуарами в ході різних святкувань, релігійних церемоній тощо [Горбов, 2002, с. 243]. До аналізу цієї категорії посуду дослідники звертаються все частіше [Кашуба, Левицкий, 2011; Кашуба, Дараган, 2009; Щербань, Рахно, 2006, Шрамко, 1999]. Стало зрозуміло, що вони виступають свого роду хроноіндикаторами. М. Дараган, вивчаючи черпаки Жаботинського поселення, прийшла до висновку, що цей тип посуду дуже яскраво характеризує зміни між першим і другим горизонтом поселення [Дараган, 2003, с. 312]. Іншими стали форма чашечки, ручки, відростки. Ручки на дрібних черпаках стають вузькими, кругло-овальними в перерізі. Вони орнаментувались різного роду косими паралельними смугами, заштрихованими трикутниками, ромбами тощо. Відростки набувають вигляду сплющеного великого пальця або рогоподібного виступу, тоді як циліндричні і цв'яхоподібні виступи зникають [Дараган, 2003, с. 314].

Як і вся столова кераміка, рудковецькі черпаки формувалися із щільного, добре промішаного тіста з домішками шамоту, піску, окремих вкраплень жорстви. Поверхня здебільшого сіро-чорного, коричнево-сірого забарвлення, добре заглажена, нерідко підлощена. Кожна посудина має свій профіль, який може бути від майже прямого (рис. 1, 7) до різко есовираженого (рис. 2, 8). Практично всі черпаки мають глибоку чашку, злегка відхилений назовні ві-

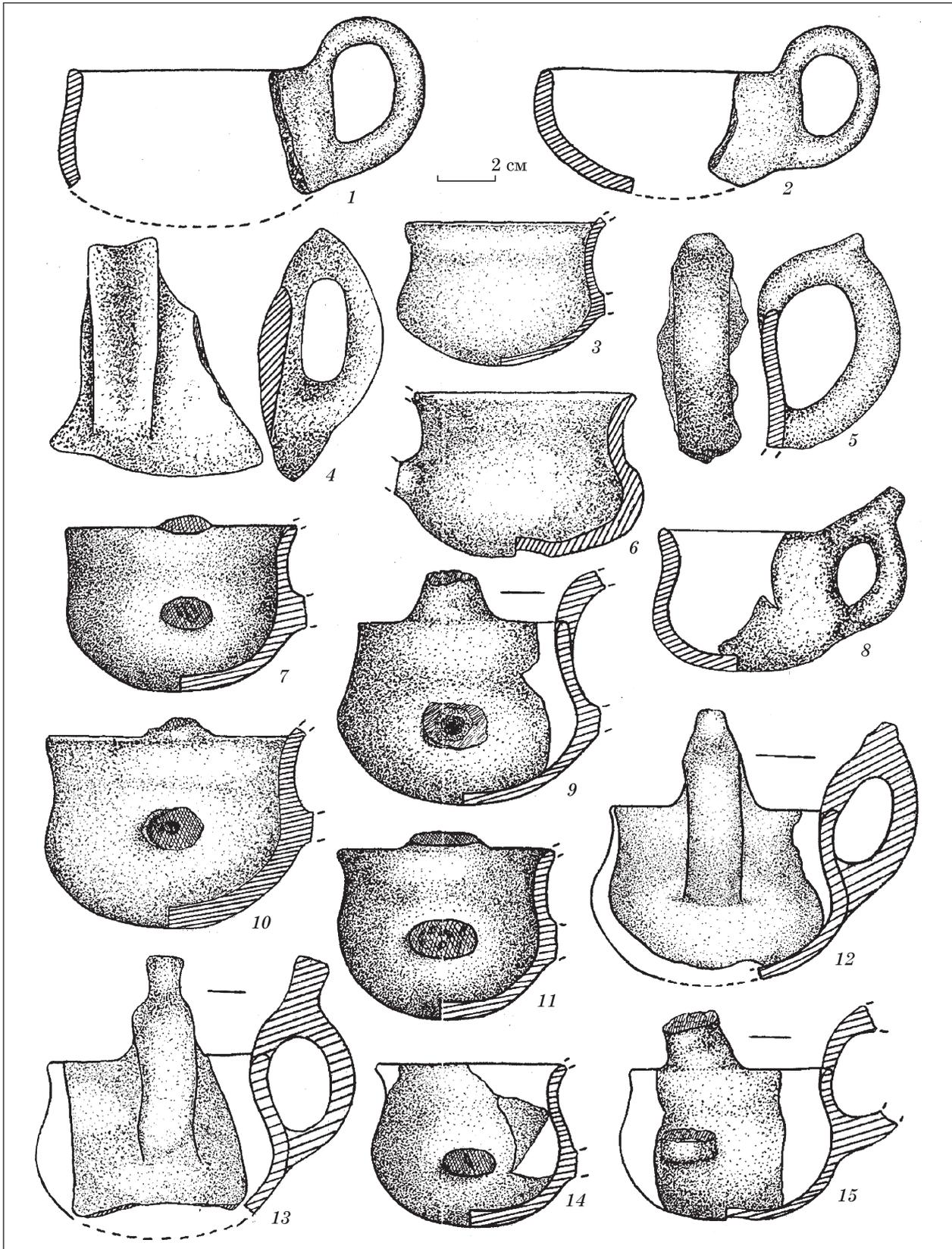

Рис. 1. Черпаки з Рудковецького городища

нець, округле дно. З нашого погляду більше всього їх відрізняє ручка.

За цією ознакою виділяється кілька типів черпаків. До першого можемо віднести посудини, що мають просту петельчасту ручку. Серед черпаків вони складають 8,5 %. У них тулуб без видимих перегинів переходить у майже прямий вінчик і округле дно. Корпус ледь ширший

ни, що мають просту петельчасту ручку. Серед черпаків вони складають 8,5 %. У них тулуб без видимих перегинів переходить у майже прямий вінчик і округле дно. Корпус ледь ширший

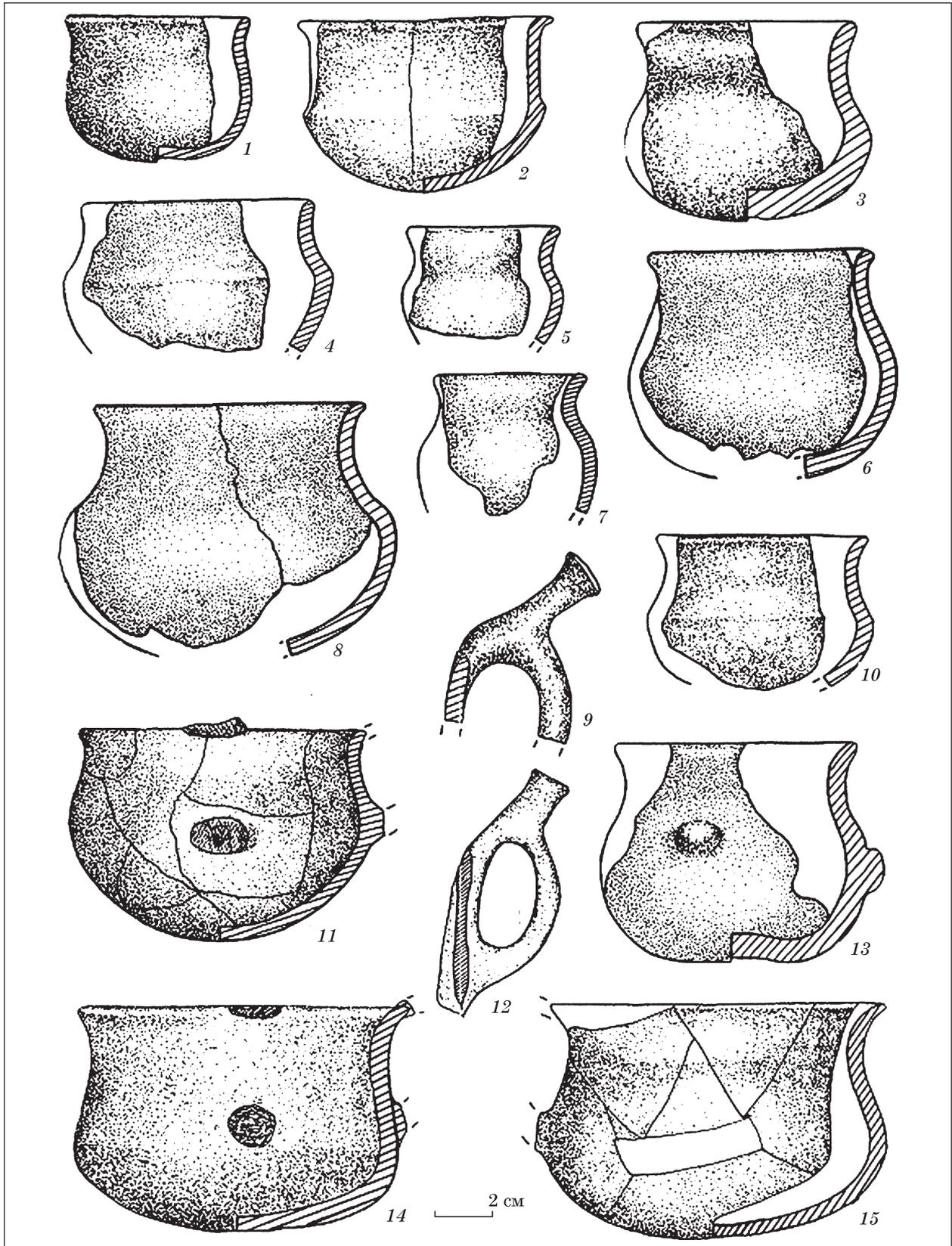

Рис. 2. Черпаки з Рудковецького городища

діаметра вінець. Одні мають порівняно глибоку чашку (рис. 1, 1), інші — значно меншу (рис. 1, 2). Ручка дещо підвищується над краєм. Такі вироби відомі на Середньому Дністрі у біло-

грудівській культурі [Рибалова, 1998, рис. 5, 8], на чорноліських пам'ятках, таких, як поселення Дністровка [Смирнова, 1985, рис. 6, 4, 7, 9; 10, 1—3; 1986, рис. 5, 10; 7, 5], Непорогове [Кру-

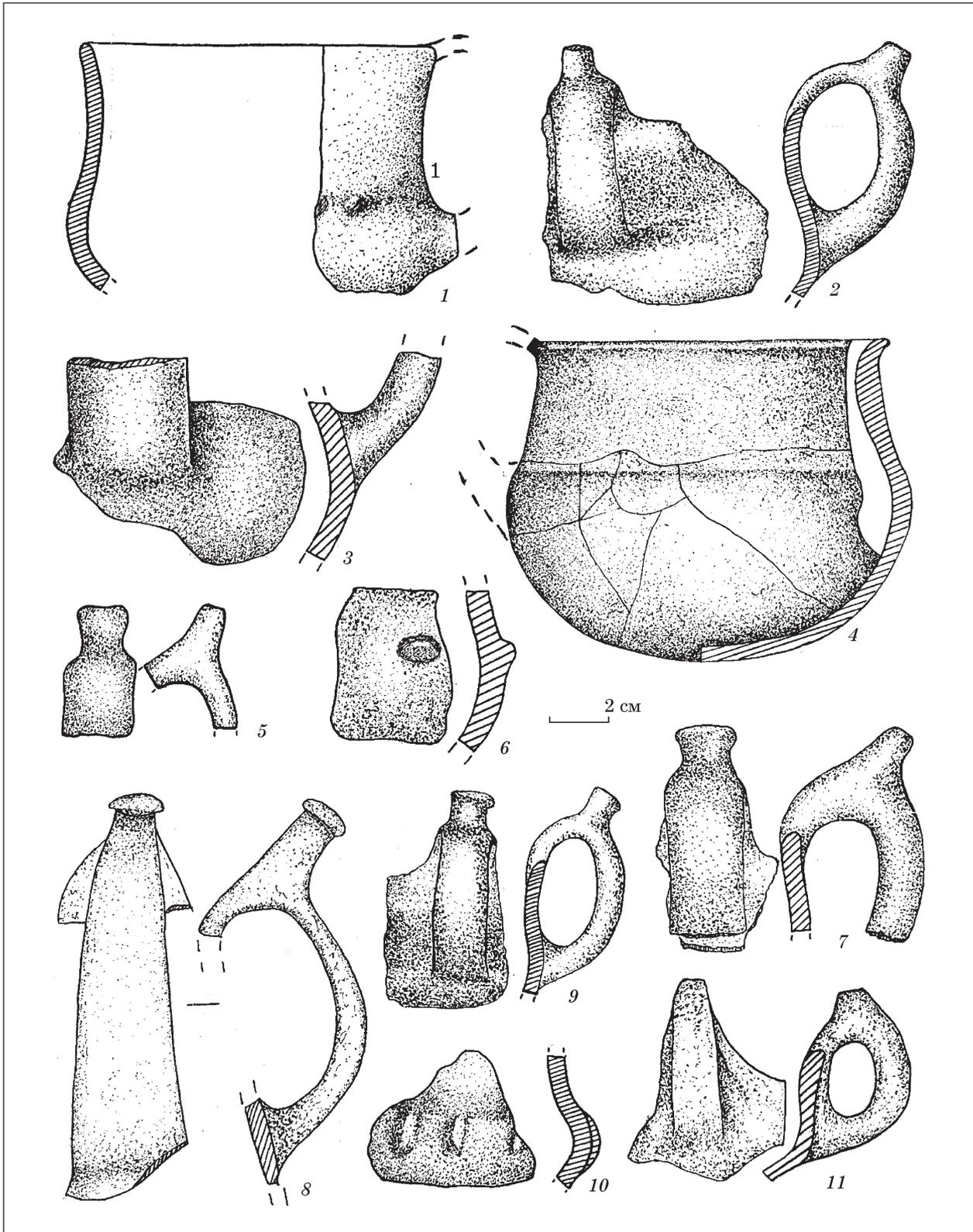

Рис. 3. Черпаки з Рудковецького городища

шельницька, 1998, рис. 13, 10; 16, 3, 4], Ленківці [Мелокова, 1958, рис. 2, 12—14].

Друга група черпаків, які привертають увагу, має ручку з нерозвинутим загостреним відростком наверху. Їм належить 3,5%. До одного такого черпака була прикріплена

стрічкова ручка з поздовжнім жолобком на зовнішній стороні і широким загостреним виступом на вершині (рис. 1, 4). Ручки інших посудин в розрізі округлі, овальні і зовсім круглі, виступи тільки намічені, конусовидні (рис. 1, 5).

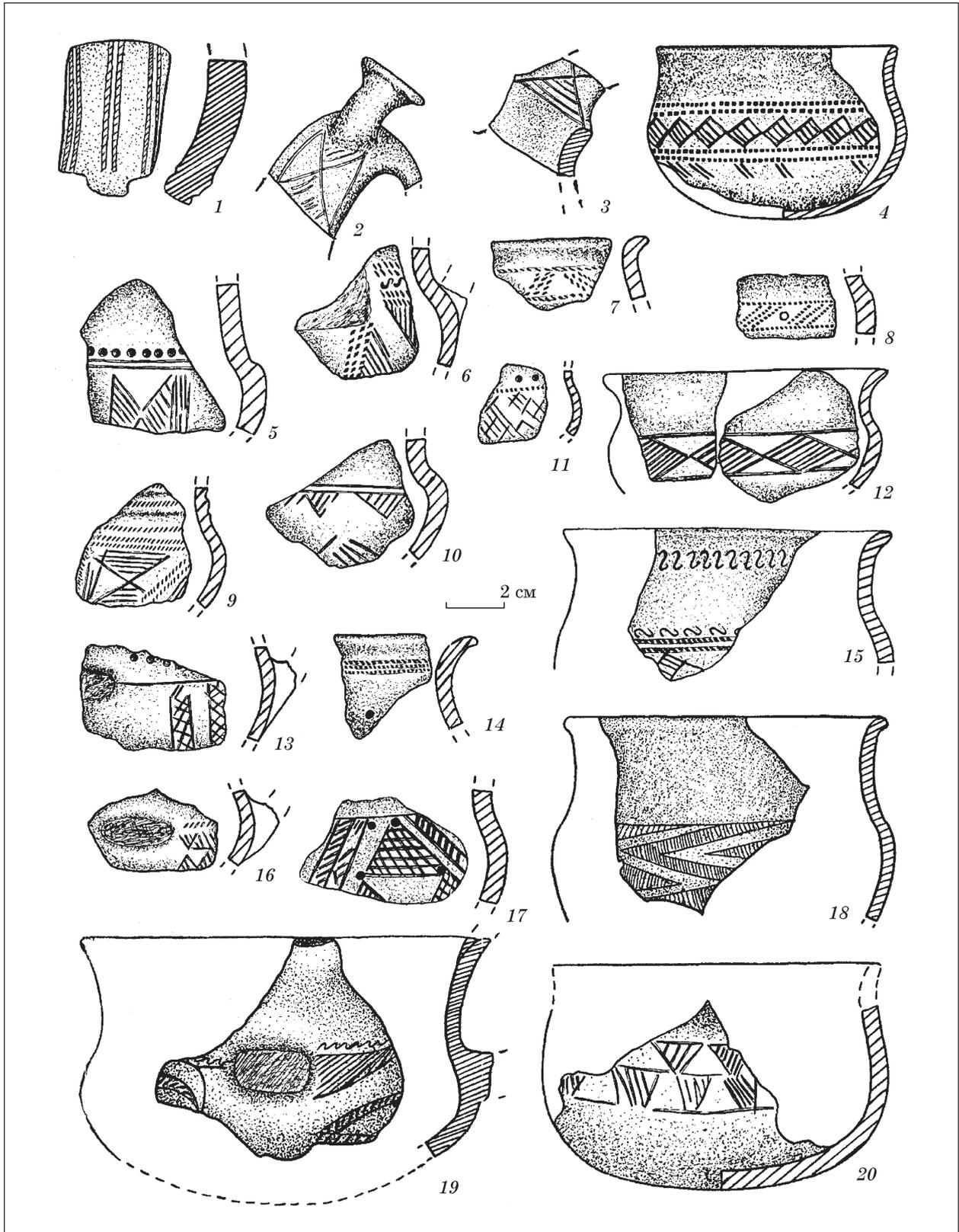

Рис. 4. Черпаки з Рудковецького городища

Основна ж маса черпаків відрізняється від інших тим, що у них ручки, піднімаючись на 2—3 см над кромкою чашки, завершуються конусовидно зрізаним, циліндричним (чи близьким до нього) або циліндричним, з розширеним

на кінці виступом (рис. 1, 8, 12, 13; 2, 9, 12), зрізка їх буває два (рис. 5, 1, 2) і навіть три (рис. 5, 4). У відсотковому співвідношенні вони займають 86 %. Більшість — це невеликі посудини з глибокою до 6—8 см чашкою, тулубом 6—12 см,

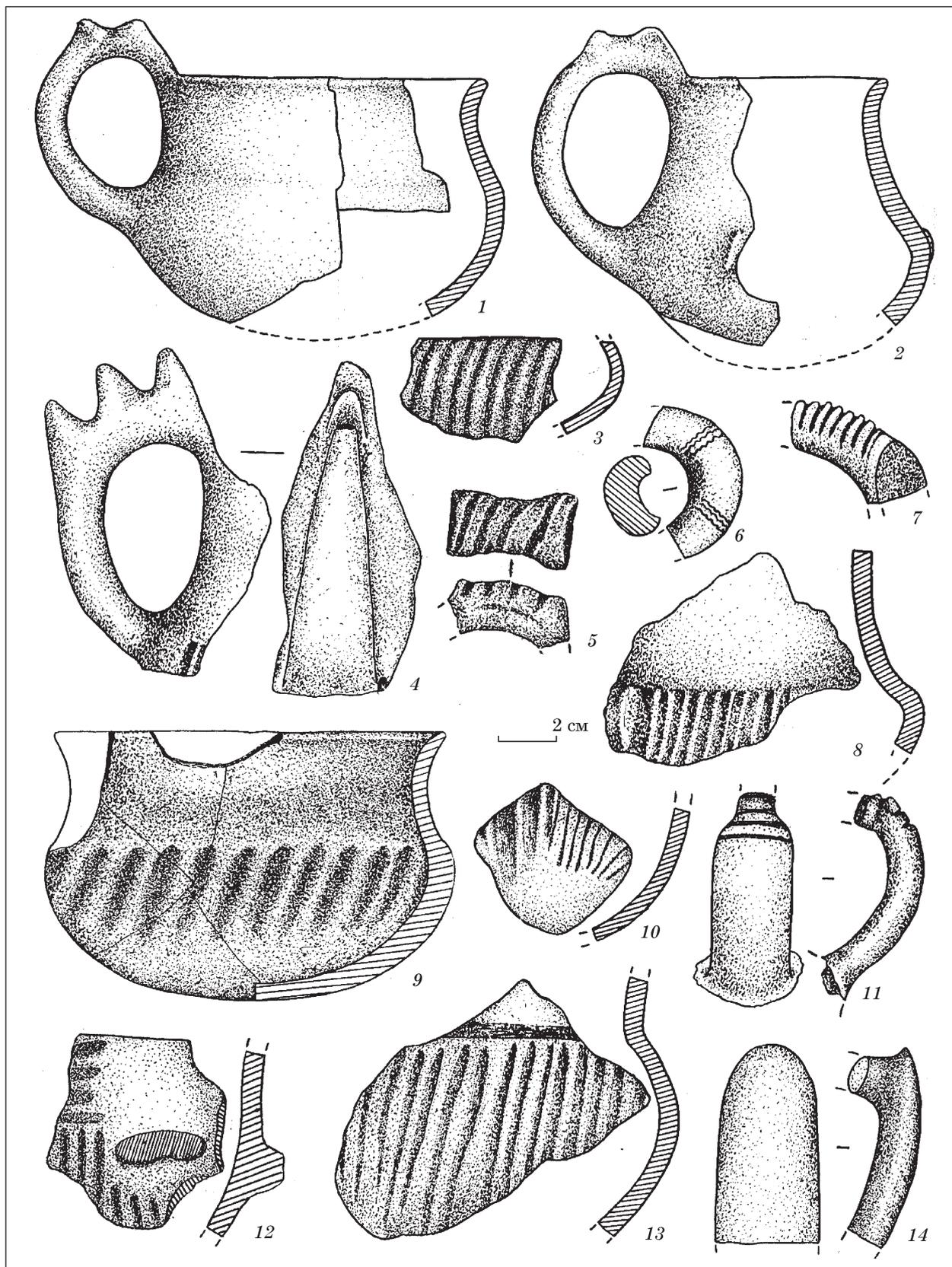

Рис. 5. Черпаки з Рудковецького городища

округлим дном, на якому іноді помітний умбон. У частини з них слабо профільований корпус, коли ледь намічена шийка переходить у злегка відхилений назовні вінець, а тулуб майже

рівний діаметру останнього (рис. 1, 7, 8, 10, 11). Інші екземпляри характеризуються помітнішим S-видним профілем, діаметр тулуба незначно перевищує діаметр вінця (рис. 1, 6,

12—15). Є посудини, у яких тулуб конусовидно переходить до звуженого вінчика майже по прямій лінії (рис. 1, 9). Такі вироби за формою (особливо, коли б вони були трохи глибші) скоріше наближаються до грушевидних черпаків, відомих в Подніпров'ї у ранньоскіфську пору [Ильинская, 1975, табл. I, 1; IX, 9].

Стінки всіх черпаків переважно тонкі, не перевищують 0,5 см, виглядають естетично, заглажені, нерідко залощені. Але бувають і значно грубішої обробки. Наприклад, є фрагменти стінок завтовшки 1 см (рис. 2, 3), виготовлені такі посудини недбаліше, поверхня шорсткувата. Подібне оформлення поверхні і на виробах з шишковидними виступами на боках (рис. 2, 13; 3, 1, 6, 10). Третина черпаків мала збільшені розміри. У них діаметри вінець становили 14—19 см, ручки широкі, масивні, з виступом (рис. 3, 3, 8).

Частина черпаків (14 %) прикрашена зубчатим, S-подібним кільцевидним, штампом, врізними лініями, що утворюють заштриховані геометричні фігури. Часто це трикутники, ромби з'єднані вершинами в поєднанні із штампами (рис. 4, 2—17, 19, 20), заштриховані зигзаговидні смуги (рис. 4, 18) тощо. Така орнаментация притаманна посуду з чорноліських пам'яток дністро-дніпровського межиріччя [Смирнова, 1983, рис. 1, 1—6; 4; 1984, рис. 8, 1, 2, 8, 9; Тереножкин, 1961, рис. 41], з жаботинських [Дараган, 2011, рис. V.12, 20, 24; табл. 125, 1, 2, 5, 7 та ін.; Ильинская, 1975, рис. 12; табл. I, 3; XXXI, 4] та сахарнянських старожитностей [Гольцева, Кашуба, 1995, рис. LX, 5; LXX, 3; LXXI, 9; Кашуба, 2000, рис. LXIII, 13; LXXXII, 1, 7, 12]. Рідкісною є ручка, декорована трьома здвоєними лініями зубчатого штампа (рис. 4, 1). Орнамент такого типу бачимо на ручці кувшина із Глінжень II [Гольцева, Кашуба, 1995, с. 34, табл. LXX, 5].

Цікава категорія черпаків (6 %) представлена виробами з канелюрами. Цим вони різко виділяються серед інших. Частіше орнаментувався тулуб. Канелюри розташовувалися вертикально (рис. 5, 10) або злегка нахиленими вправо (рис. 5, 3, 8, 9), на шийці — горизонтально (рис. 5, 12). Корпус плавно профільований, округлий, вінець відігнутий (рис. 5, 9), іноді форма тулуба має біконічну форму (рис. 5, 8), є посудини з раптовим переходом від кулевидного тулуба до вертикально поставленої шийки (рис. 5, 13). Очевидно, цим черпакам належать ручки особливої конструкції. Вони, як можна судити за кількома уламками, складаються ніби з двох елементів. Їх нижня частина, яка кріпилася до стінки в місці найбільшого розширення, має форму стрічки із заокругленими краями. У крайній вищій точці стрічка раптово звужується і майже під прямим кутом переходить у горизонтально повернутій в сторону вінчика, круглий стержень (рис. 5, 11, 14). Останній, як правило, декорований поперечними

канелюрами (рис. 5, 5, 7, 11). Поодинокі знахідки ручок, з таким декоруванням трапилися у Григорівці [Смирнова, 1983, с. 62, рис. 2, 3, 9], Непорогово [Крушельницька, 1998, рис. 96, 20], частіше вони зустрічаються в групі Кишинів-Корлатень [Смирнова, 1990, с. 23, рис. 2, 5, 11; Мелюкова, 1961, с. 39, рис. 15, 11—15], культурі Басарабі [Vulpe, 1965, Abb. 6, 14], на городищі Глінжень II [Гольцева, Кашуба, 1995, с. 34].

Канельовані черпаки з Рудковець практично повністю повторюють форми і орнаменти аналогічних виробів із Шолданешт. Це, головним чином, посудини з розширеним округлим тулубом, прикрашеним вертикальними чи нахиленими канелюрами, між якими бувають, як і на рудковецьких (рис. 5, 8), симетрично видавлені із середини три горбкуваті виступи (один на стороні протилежній до ручки і два по боках) [Мелюкова, 1958, рис. 16, 2; 21, 1—4]. Навіть якістю недбалого тьмяного лощіння рудковецькі черпаки подібні шолданештським. У той же час фрагменти корчаг типу вілланова, мисок з відігнутим назовні вінцем, які теж трапилися на городищі, мають добре чорне лощіння значно вищої якості, як і в Шолданештах [Мелюкова, 1958, с. 57, 71]. Немає сумніву у походженні цього варіанту посуду із культур шолданештського кола. Цікаве і таке спостереження науковців: для території Середнього Подніпров'я впливи культурного комплексу Басарабь, як зараз в'яяснено, були прямими, але переважно без участі культури Шолданешт [Кашуба, Левицкий, 2011, с. 155], то для Рудковецького городища навпаки — безпосередніми були контакти з Шолданештами. Але і чисто басарабські культурні імпульси теж не можна ігнорувати. Їх зустрічаємо на ручках у вигляді характерного орнаменту (рис. 4, 1; 5, 6), відомого із культурних комплексів Басарабі-Шолданешти городища Глінжень II [Гольцева, Кашуба, 1995, рис. LXX, 5; LXXI, 7]. Одним із таких свідчень їхньої наявності є прокреслені на внутрішній стороні ручок фігури з елементами мальтійського хреста (рис. 4, 2, 3), що є однією з невід'ємних басарабських ознак, відсутніх у Шолданештах [Дараган, Кашуба, 2008, с. 55]. Поява такого символу у Північному Причорномор'ї засвідчена з середини VIII ст. до н. е. [Кашуба, Дараган, 2009, с. 78, 79]. З'ясувалося, що специфічні зображення мальтійських хрестів на кераміці присутні, як на Правобережжі Дніпра у середині-третій чверті VIII ст. до н. е., так і на цілому ряді поселень Лівобережжя у ранньоскіфський час [Дараган, Кашуба, 2008, с. 55]. Останнє означає, що і в Рудківцях хвиля басарабських запозичень може припадати як мінімум на першу половину VII ст. до н. е.

Черпаки шолданештського зразка, декоровані канелюрами, відомі в межах Рудковецького регіону і з інших місць. Т.Г. Мовшею в с. Ло-

мачинці Сокирянського району Чернівецької області відкрито поховання заключного етапу чорноліської культури, де знайдено такий черпак [Крушельницька, 1998, с. 136—137; рис. 86, 3]. На поселенні с. Сокілець Дунаєвського р-ну Хмельницької обл. при розвідкових обстеженнях В.А. Захарьєвим виявлено уламки канельованих черпаків та частину бронзових однокільчатих вудил, датованих кінцем VIII — початком VII ст. до н. е., [Бандрівський, Захарьєв, 1998, с. 506, рис. 1, 4, 5]. Це зайвий раз говорить про те, що продукція шолданештських керамістів інтенсивно поставлялася в райони подільського Подністров'я

У Середньому Подністров'ї найкраще досліджені чорноліські старожитності на Григорівському [Артамонов, 1955] та Рудковецькому [Гуцал, 2000] городищах, поселеннях у Дністровці [Смирнова, 1986], Козлові [Белозор, Могилов, Скорый, 2010], Комарові [Ковпаненко, 1998], Ленківцях [Мелюкова, 1958], Непоротове [Крушельницька, 1998], Селищі [Мелюкова, 1953].

Колекції глиняного посуду із більшості цих старожитностей виглядають так ніби їх зібрано на одному місці. Треба сказати, що візуальне ознайомлення з матеріалами Григорівки і Дністровки у фондах Ермітажу, Непоротова — безпосередньо ще під час розкопок, і порівняння їх з рудковецькими не виявили яких небудь суттєвих відмінностей ні у зовнішньому вигляді посуду, забарвленні поверхні, формах чи сировині, з якої він виготовлений. Зрозуміло, що якщо пам'ятки синхронні, відносяться до однієї культури, розташовані компактно на невеликій території, то так мало би й бути. Проте, повністю співпадаючи за основними характеристиками, кераміка має і деякі свої особливості. Проявляються вони в асортименті і, в першу чергу, стосуються черпаків. Все це наводить на думку, чи існували ці об'єкти археології одночасно, чи в їхніх датах можуть бути певні розходження. Якщо вони асинхронні, то в чому це проявилось.

Вчені давно звернули увагу на те, що форми ручок розвиваються поступово від простих петельчатих до ручок з виступами на вершині. О.І. Тереножкін писав, що висхідною формою черпака була кружка з невисокою дуговидною ручкою [Тереножкін, 1961, с. 78, рис. 51, 1, 2, 7, 8, 16, 17]. В.А. Іллінська зауважувала, що неорнаментовані кружковидні черпаки з петельчатою заокругленою, загостреною або з невеликим горбком на вершині ручкою, представляють найбільш ранній варіант [Ільїнська, 1975, с. 116]. Поселення в с. Ленківці, де знайдено черпаки з простими петельчастими, ручками Г.І. Мелюкова вважала близьким за особливостями матеріальної культури до поселень епохи пізньої бронзи типу Білогрудовки, а поселення, де виявлені черпаки з виступами на перегині ручки, впевнено зара-

ховувала до більш пізнього періоду [Мелюкова, 1953, с. 72].

Якщо виходити із таких типологічних розробок, виконаних у свій час для Дніпровського Правобережжя, то і для Середнього Подністров'я найранішими треба вважати посудини, які мають просту петельчату ручку без виступу. На поселенні у Дністровці такий вид посуду, як черпак, представлений в своїй основній масі виробами із простими петельчастими ручками. Вони там повністю домінують, в той час як ручки із виступом на вершині трапляються дуже рідко [Смирнова, 1984, с. 49; 1985, с. 18]. Виходячи із специфіки матеріальної культури, Г.І. Смирнова наполегливо відстоювала точку зору про дві локальні групи пізньочорноліських пам'яток на Середньому Дністрі, названі нею «Дністровка-Ленківці» та «Григорівка» [Смирнова, 1984, с. 55—57; 1985, с. 26—27] і разом з М.Т. Кашубою присвятили цьому окрему статтю [Смирнова, Кашуба, 1988, с. 18—28]. Разом з тим, дослідниця ставила перед собою запитання, чи не є ці старожитності різночасовими, але відкидала цю думку [Смирнова, 1985, с. 26]. Відмінності в матеріалах двох зазначених груп, вона бачила в тому, що на формування чорноліського комплексу Григорівського городища активно впливали носії групи Сахарна—Солончени, а на Дністровку-Ленківці — голіградське населення [Смирнова, 1985, с. 27]. Цей висновок цілком логічний, в той час як твердження про дві локальні групи вимагає переконливішої аргументації.

В свою чергу нагадаємо, що на поселенні були можливі деякі стратиграфічні спостереження. Так, курганом і двома зольниками перекривалися більш ранні культурні нашарування. Крім цього, автор дослідження відзначила, хоч і незначну, відмінність в кухонній кераміці із зольника 2 і об'єктів відкритих під ним [Смирнова, 1985, с. 19]. Дещо допомогти може роговий псалій трьохдірчастого типу [Смирнова, 1982, рис. 12, 14]. О.Д. Могилов, виходячи з того, що він знайдений в житлі пізньочорноліської епохи, а житло перекривав курган з пізньочорноліськими похованнями, датував знахідку першою-третьою чвертями IX ст. до н. е. [Могилов, 2003, с. 79]. Але трьохдірчаті рогові псалії, хоч можливо і дещо іншої морфології, відомі вже набагато раніше. Зокрема, вони знайдені у Білогрудівському лісі, у культурному шарі першої ступені чорноліської культури Суботівського городища [Тереножкін, 1961, с. 98, рис. 62, 1, 2; 63, 1, 2], на старожитностях пізньої бронзи [Березанская, 1982, с. 127, рис. 40, 4, 5]. Тому, не виключено, що екземпляр із Дністровки може бути старшим запропонованої дати.

Все це опосередковано говорить про те, що на поселенні були різночасові ділянки. Г.І. Смирнова віднесла період його функціонування до

IX—VIII ст. до н. е. з умовою, що нижня дата буде уточнюватися. Разом з тим, проведений аналіз деревного вугілля із ями 24 та житла 5 за радіовуглецевим методом показав середню-другу половину XI ст. до н. е. Ця дата дослідницею не була прийнята [Смирнова, 1986, с. 23] як і пропозиція Г. Косака, про яку вона згадує, віднести початок пізнього етапу чорноліської культури до X ст. до н. е. [Смирнова, 1985, с. 34]. З позицій сьогодняшнього дня, така точка зору Г. Косака вже не виглядає аж дуже дивно. А якщо врахувати результати аналізу за C¹⁴, то ж цілком реально, що поселення у Дністровці могло зародитися у X ст. до н. е., а то і раніше. Хронологія пам'яток фінальної фази епохи бронзи та початку раннього залізного віку за останній час зазнала колосальних змін. Як в калейдоскопі міняються дати, зміст міжкультурних взаємозв'язків. Те, що ще зовсім недавно вважалося доведеним, зараз не витримує критики. Звичайно це закономірний і позитивний процес оскільки останні дослідження пам'яток створюють нові можливості для оптимізації дат. Але це також означає те, що нинішня хронологія не є остаточною і вона ще не раз буде змінюватися.

Рудковецьке городище і поселення Непоротово розташовані по різних сторонах Дністра, за 6 км одне від одного, тобто на віддалі прямої видимості. І вже між ними аж ніяк не могло бути розходжень в керамічних наборах при умові повної синхронності. Л.І. Крушельницька відзначає, що у культурному шарі цих пам'яток відсутні керамічні вироби з канельованим орнаментом [Крушельницька, 1998, с. 161]. Такий висновок може свідчити про згасання життєдіяльності в Непоротово до того, як сюди почався експорт кераміки, прикрашеної канелюрами. Однак з розкопу VII, який дослідниця відносить до найпізнішого періоду існування поселення, трапився фрагмент черпака (?) з таким декором [Крушельницька, 1998, рис. 62, 1]. Канелюри присутні і серед колекції черепків, зібраних на іншому поселенні — Непоротове V [Крушельницька, 1998, с. 127; рис. 80, 8, 11], яке, треба думати, виникло в той момент, коли розвиток поселень Непоротово I—IV пішов на спад. Припускаємо, що це мало місце близько кінця VIII ст. до н. е., тобто до моменту з'явлення канельованого посуду басарабішолданештського чи скоріше шолданештського гатунку на Середньому Дністрі [Кашуба, 2000а, с. 145—147]. Спочатку появу культури Басарабі—Шолданешти у Дністро-Прутському межиріччі М.Т. Кашуба датувала не пізніше кінця першої половини VIII ст. до н. е., а верхній рубіж — серединою — кінцем VII ст. до н. е. [Гольцева, Кашуба, 1995, с. 36—37]. При цьому вона приводить думку М. Гуми, згідно якої матеріали з могильників шолданештського типу відносяться до VII ст. до н. е. [Гольцева, Кашуба, 1995, с. 36]. В одній з останніх праць

кінцевий період побутування шолданештських пам'яток доводиться на першу половину VII ст. до н. е., хоча не виключено, що може бути обмежений часом близько початку VII ст. до н. е. [Кашуба, 2012, с. 240] Приблизно таку ж позицію щодо шолданештських матеріалів займала і Г.І. Мелюкова [Мелюкова, 1989, с. 20].

І хоча деякі дати можуть показатися застарілими зовсім ігнорувати їх мабуть не варто. Це, в свою чергу, показує, що канельований орнамент міг проникнути у подільський регіон не раніше VII ст. до н. е. Незначне число кераміки шолданештського зразка у Рудківцях, те що вона не набула широкого розповсюдження, свідчить про її появу тут не у самий ранній період існування цих пам'яток.

Кераміка з Григорівки є, по суті, повним аналогом рудковецької. Але і тут є винятки. У Григорівці приблизно вдвічі більше посуду, оздобленого врізним і штампованим орнаментом. Більше і канелюр. Можливо це пояснюється ближчим розташуванням городища до сахарнянської групи, або довшим періодом його існування, що не виключено.

Визначення абсолютних дат чорноліських пам'яток з території Середнього Дністра — задача не реальна на сьогоднішній день. Такі хроноіндикатори, як кам'яні циліндричні молотки, глиняні когтисті лапи і деякі бронзові вироби не дають «вузьких» дат. Вони говорять лише про якийсь окремих період синхронного співіснування поселень. Із всіх датуючих знахідок на цих старожитностях найпереконливіше виглядають бронзові асиметрично-ромбічні наконечники стріл з Рудковець [Гуцал, 2000, рис. 3, 1—8]. Навряд чи варто сумніватися у їх скіфській приналежності. В.А. Іллінська пов'язувала такий тип стріл з раннім етапом історії скіфів у Північному Причорномор'ї і підкреслювала, що вони локалізуються по шляхах скіфських походів [Іллінська, 1973, с. 17]. Якщо так, то постає питання, коли вони могли потрапити на городище. Верхня дата пізньочорноліських пам'яток, згідно оцінок останніх десятиліть, припадає на середину VIII ст. до н. е. [Смирнова, 1985а, с. 43], кінець IX ст. [Кашуба, 2000а, с. 362; Дараган, Кашуба, 2008, с. 46, табл.], а в одній із недавніх хронологічних схем середньодністровську групу доведено до кінця VIII ст. до н. е. [Кашуба, Смирнова, Вахтина, 2010, с. 163, табл.]. Тобто, стає очевидним, що оптимальні дати поки що не знайдені.

Верхній рубіж чорноліської культури і припинення життя на Рудковецькому городищі це різні речі. Очевидно, що городище продовжувало розвиватися і на етапі Жаботина III [Кашуба, Смирнова, Вахтина, 2010, с. 163, табл.] і його фініш наступив, якщо не у середині VII ст. до н. е., то аж ніяк не раніше першої половини VII ст. до н. е., і, ймовірно, ближче до середини століття. На ряді пам'яток з території

Середнього Подністров'я, аналогічних за культурними проявами Рудківцям, в той період продовжувалося життя. Наприклад, поселення Козлів II, яке за керамічним матеріалом дуже близьке Рудківцям, дослідники датують другою половиною VIII—VII ст. до н. е. [Белозор, Могилов, Скорый, 2010, с. 168]. Очевидно, що дністровські матеріали пізнього чорнолісся включають в себе і жаботинський етап, який виражений тут дуже слабо.

Фінальна дата городища опосередковано може бути підкріплена і таким фактом. Дослідження вчених останніх років показали, що приблизно в однаковий час, близько середини VII ст. до н. е., у Північному Причорномор'ї появляються східно-гальштатські імпорти, а у Карпатському басейні і південно-східній альпійській зоні фіксуються предмети ранньоскіфського походження, що підтверджує наявність тісних культурних зв'язків. Відстежується також повернення загонів воїнів-вершників в лісостепові області Подніпров'я з далеких приальпійських земель близько середини VII ст. до н. е. [Кашуба, 2012, с. 245; Кашуба, Смирнова, Вахтина, 2010, с. 163, табл.]. Це, власне, підтверджує, що скіфська поява і в зоні Середнього Подністров'я мала місце у вказаний час, і Рудковецьке городище було одним із центрів тих подій.

Таким чином, знахідки, які могли б в межах вузької хронології визначити абсолютні дати для вище згаданих об'єктів археології відсутні. Тим не менше, керуючись тими типологічними змінами, які сталися з керамікою, зокрема з черпаками, на пам'ятках, про які йшлося, ми схильні вважати, що найдавнішим було поселення у Дністровці (орієнтовно воно могло існувати протягом X — кінця VIII ст. до н. е.), в Непоротово життя буяло у кінці X — VIII ст. до н. е., у Рудківцях — кінець X — перша половина VII ст. до н. е., у Григорівці — остання чверть X — середина VII ст. до н. е.

Зрозуміло, що викладені тут міркування з приводу хронології середньо-дністровських старожитностей потребують додаткового обґрунтування. Для цього потрібні нові польові дослідження, виявлення закритих комплексів, чіткі стратиграфічні спостереження. Сподіваємося, це справа майбутнього.

Артамонов М.И. Археологические исследования в Южной Подольи в 1952—1953 гг. // КСИМК. — 1955. — Вып. 59. — С. 100—117.

Бандрівський М., Захар'єв В. Нова знахідка бронзових однокільчастих вудил в Україні // Зап. НТШ: Праці археол. комісії. — Львів, 1998. — 235. — С. 505—510.

Белозор В., Могилов А., Скорый С. Комплексы раннего железного века у с. Козлов на Среднем Дестре // *Tyragetia. Arheologie Istorie Antica.* — 2000. — Vol. IV (XIX), nr. 1. — С. 149—174.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. — К., 1982. — 209 с.

Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинженъ II — многослойный памятник Среднего Поднестровья. — Тирасполь, 1995. — 272 с.

Горбов В.Н. О сакральной функции архаических черпаков Лесостепной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк, 2002. — Т. 1. — С. 243—255.

Гуцал А.Ф. Рудковецьке городище і перший похід скіфів у Придністровський лісостеп // Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). — Кам'янець-Подільський, 2000. — С. 69—79.

Дараган М.Н. Периодизация Жаботинского поселения // АБУ 2001—2002 pp. — 2003. — С. 310—317.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 848 с.

Дараган М.Н., Кашуба М.Т. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // *Revista Arheologica.* — 2008. — Vol. 4, n. 2. — С. 40—74.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 221 с.

Ільїнська В.А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. — 1973. — Вип. 12. — С. 13—26.

Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия—Сахарна) // *Stratum plus.* — 2000. — № 3. — С. 241—488.

Кашуба М.Т. Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь—Шолданешть в Днестро-Прутском междуречье // *Stratum plus.* — 2000a. — № 3. — С. 140—156.

Кашуба М., Дараган М. «Чудесные знаки» гальштатского периода в юго-восточной Европе и северном Причерноморье. 1: Мальтийский крест // *Studia archaeologiae et historiae antiquae: Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur.* — Chisinau, 2009. — С. 65—86.

Кашуба М.Т. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье — современное состояние исследований // Археологические вести. — 2012. — № 18. — С. 232—252.

Кашуба М.Т., Смирнова Г.И., Вахтина М.Ю. Немировское городище: сто лет археологических исследований // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. — СПб, 2010. — С. 156—167.

Кашуба М.Т., Левицкий О.Г. Заметка о происхождении одной категории сосудов для питья позднейшего предскифского — раннескифского времени в Северном Причерноморье // Древности Восточной Европы: Сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко. — Харьков, 2011. — С. 148—159.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифского времени Днепровского Лесостепного Правобережья. — К., 1989. — 333 с.

Ковпаненко Г.Т. Поселение предскифского времени у с. Комаров на Днестре // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова. — СПб, 1998. — С. 33—34.

Крушельницька Л.І. Чорноліська культура Середнього Придністров'я. — Львів, 1998. — 222 с.

Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в Лесостепной Молдавии // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. — М., 1961. — С. 5—52 (МИА. — № 96).

Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи евразийской части СССР

- в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 16—29.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 233 с.
- Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. — 1953. — Вып. 51. — С. 60—61.
- Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. — 1958. — № 64. — С. 5—102.
- Могиллов О.Д. Деталі кінського спорядження у пам'ятках західноподільської групи скіфського часу // Археологія. — 2003. — № 2. — С. 72—83.
- Рибалова В.Д. Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра и некоторые проблемы белогрудовской культуры (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953—1954 гг.) // Археологические вести. — 1999. — № 6. — С. 320—342.
- Смирнова Г.И. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. — Л., 1982. — С. 30—53.
- Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолеско-жаботинских памятников) // АСГЭ. — 1983. — № 23. — С. 60—72.
- Смирнова Г.И. О формировании позднечернолеской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука) // АСГЭ. — 1984. — № 25. — С. 43—59.
- Смирнова Г.И. Поселение у с. Днестровка — памятник чернолеской культуры на Днестре // АСГЭ. — 1985. — № 26. — С. 5—29.
- Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. — 1985а. — № 4. — С. 33—53.
- Смирнова Г.И. Последний сезон работ на чернолеском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья // АСГЭ. — 1986. — № 27. — С. 8—26.
- Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ. — 1988. — № 29. — С. 18—28.
- Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // АСГЭ. — 1990. — № 30. — С. 20—33.
- Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961. — 248 с.
- Шрамко И.Б. Техника конструирования черпаков скифского времени // АЛЛІУ. — 1999. — № 2. — С. 19—20.
- Щербань А.Л., Рахно К.Ю. Глиняні черпаки початку доби раннього заліза з пам'яток поблизу Диканьки // АЛЛІУ. — 2006. — № 2. — С. 29—39.
- Vulpe A. Zur mitleren halstattzeit in Rumanien (Die Basarabi-Kultur) // Dacia. — 1965. — IX. — S. 105—132.

А.Ф. Гуцал

ЧЕРПАКИ РУДКОВЕЦЬКОГО ГОРОДИЩА І НЕКОТОРІЕ ВОПРОСИ ХРОНОЛОГІЇ ЧЕРНОЛЕСЬЯ НА ДНЕСТРЕ

В статті дана характеристика черпакам із Рудковецького городища, розположеного в районі Середнього Дністра. Проводиться їх порівняння з такими ж сосудами, знайденими на чернолеских пам'ятниках в Григоровці, Днестровці, Непоротово. Установлено, що по основним параметрам показателі збігаються, але є і відмінності, які стосуються оформлення ручок сосудів, наявності або відсутності виробів, декорированих каннелюрами. Зроблено висновок про те, що ці давності мають декілька різну хронологію. Найбільш раннім представляється поселення в Днестровці, найбільш пізнім — в Григоровці. Для більш ґлибокого вивчення питань, пов'язаних з чернолескою культурою на Дністрі, необхідні нові польові дослідження.

Ключевые слова: Григоровка, Днестровка, Непоротово, Рудковці, Середнє Поднестров'є, чернолеска культура, кераміка, черпаки.

A.F. Gutsal

BAILERS FROM THE RUDKOVETSKYI HILLFORT AND SOME QUESTIONS ON THE CHRONOLOGY OF THE CHERNOLESSYA ON THE DNESTER

The paper presents the characteristics of bailers from the Rudkovetskyi hillfort located in the area of the Middle Dnester. Compares them with the same bailers found on the monuments in chernolessya in Grygorovka, Dnestrovka, Neporotovo. It was found that the figures on the basic parameters are the same, but there are differences relating to the mounting of handle of bailers, presence or absence of items decorated with fluted. The conclusion is that these ancient times have somewhat different chronology. The earliest settlement is in Dnestrovka, the most late — in Grygorovka. For a more in-depth study of issues related to chernolesskaya culture on the Dnester, needs new field researches.

Keywords: Grygorovka, Dnestrovka, Neporotovo, Rudkovtsy, Middle Dnester, chernolesskaya culture, ceramics, bailers.

Одержано 23.02.2017

Р.В. Зимовец

КРЫМ В КОНТЕКСТЕ РАНЕСКИФСКИХ МИГРАЦИЙ (по материалам звериного стиля)

Раннескифский звериный стиль является одним из маркеров продвижения скифов в Восточноевропейской Степи и Лесостепи в VII—VI вв. до н. э. На основании анализа скифского звериного стиля Крыма, а также его многочисленных аналогий из Восточной Европы, выдвигается гипотеза, в соответствии с которой полуостров был основным транзитным путем из Предкавказья в Северное Причерноморье и Лесостепь в это время. Рассматриваются основные возможные маршруты такового продвижения. Обосновывается предположение о значительном присутствии скифского контингента в VII в. до н. э. на территории как Степного, так и Предгорного Крыма.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, Крым, ранний железный век, миграции скифов.

Как письменные, так и археологические источники свидетельствуют о том, что примерно с середины VII в. до н. э. на Крымский полуостров начали проникать носители скифской культуры. Геродот недвусмысленно пишет о том, что *вернувшись* (выделено нами — Р. З.) на свою территорию после переднеазиатских походов, скифы встретили сопротивление потомков слепых рабов, прокопавших ров от Меотидского озера до Таврских гор [Herod., IV, 1], перекрывших, таким образом, Ак-Монайский перешеек [Ольховский, 1981, с. 61—63]. То есть, скифы (по крайней мере, определенная их часть) присутствовали в Крыму уже до походов в Переднюю Азию. Возможно, именно с полуостровом связана и описанная Геродотом «погоня» за киммерийцами, в результате которой оба народа оказались в Передней Азии [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155—156]. Во всяком случае, после походов скифы возвращались в Крым уже как в «свою страну». К 640-м гг. до н. э. относится погребение на Темир-горе, чуть более позднему времени — 630—625 гг. до н. э. — захоронение у с. Филатовка в Северном Крыму [Храпунов, 1995, с. 30] — четкие индикаторы присутствия скифов в степных районах Восточного и Северного Крыма. Однако характер этого присутствия, а также вопросы, связанные с его территорией и интенсивностью в эпоху архаики (VII—VI вв. до н. э.) до сих пор остаются предметом дискуссии среди специалистов.

Большинство исследователей разделяет точку зрения, в соответствии с которой во второй половине VII—VI вв. до н. э. кочевники лишь изредка проникали на территорию Степного Крыма. Как отмечает И.Н. Храпунов, единичный характер памятников этого времени отражает малочисленность населения, хотя «не возникает сомнения, что кочевые скифы были единственными жителями крымских степей» [Храпунов, 2003, с. 16]. В совместной книге И.Н. Храпунов и В.С. Ольховский указывают, что и до переднеазиатских походов, и после возвращения из них скифы попадали в Северопричерноморскую Степь двумя путями: через низовья Дона и через Керченский пролив и полуостров. При этом исследователи отмечают, что второй путь был намного короче и известен скифам со времени «погони» за киммерийцами, т. е. с самого начала их пребывания на этих территориях [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 20—21]. Однако в своей монографии, вышедшей пятью годами позже, И.Н. Храпунов определенно пишет о проникновении ранних скифов в VII в. до н. э. в Крым «с севера», т. е. через Перекопский перешеек [Храпунов, 1995, с. 45].

Меняются взгляды двух исследователей и на вопрос проникновения скифов в Центральный

Меняются взгляды двух исследователей и на вопрос проникновения скифов в Центральный

Крым и Крымское Предгорье. Так, в 1980-х гг. В.С. Ольховский полагают, что скифы проникают в Предгорье не позднее первой половины VI в. до н. э. и в это же время вступают в контакт с представителями кизил-кобинской культуры. Начинается процесс культурного взаимодействия и взаимопроникновения, в результате чего возникает некая смешанная культура, сочетающая в себе черты скифской и кизил-кобинской. Ее погребальный обряд совмещал западную ориентировку и вытянутое положение покойников при наличии керамики с резным геометрическим орнаментом и могильных сооружений в виде каменных ящиков. Однако немногочисленность памятников этого времени заставляет предположить, что скифы появляются в Крыму периодически, видимо, для сбора дани, а основными территориями их кочевья являются южноукраинские степи [Ольховский, 1982, с. 76]. А в уже упомянутой совместной книге соавторы пишут, «что кизил-кобинское население предгорий и части степей уже в VII в. до н. э. вступило в прямые контакты с появившимися в степи скифами. Подобные контакты вполне могли привести к появлению в столь ранний период группы смешанного скифо-кизил-кобинского населения, оставшегося в Крыму после ухода основной массы скифов в Переднюю Азию» [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 26]. В более поздней работе И.Н. Храпунов все-таки говорит о VI в. до н. э. как о времени начала контактов скифов и кизил-кобинцев [Храпунов, 2003, с. 14].

В статье, опубликованной еще в 1950-х гг., на основании известных на то время археологических материалов, Т.Н. Троицкая пришла к выводу о существовании принципиальных отличий между раннескифской культурой Керченского полуострова, изначально находившейся под сильным греческим влиянием, и скифской культурой Центрального Крыма, являвшейся неким отголоском скифской культуры Поднепровья. Различными, по мнению Троицкой, были и пути проникновения скифов в Крым. Если восточная часть полуострова была тесно связана с Прикубаньем и миграция шла через Керченский пролив, в Центральном Крыму скифы оказываются на столетие позднее, проникая туда, вероятно, из приднепровских Степей через Перекоп [Троицкая, 1957, с. 68]. Основанием для такого вывода служат, в первую очередь, материалы «скифской триады», появляющиеся в Центральном Крыму намного позднее, чем в Восточном. Если предметы звериного стиля с Темир-горы датируются серединой — третьей четвертью VII в. до н. э., то первым ранним памятником в Центральном Крыму, из которого происходят известные бронзовые бляхи в виде свернувшегося хищника и ритуальный топорик, сочетающий голову хищной птицы и ногу неопределенного копытного, является погребение 3 кургана 2 у с. Долинное

(курган Кулаковского), относящееся ко второй половине VI в. до н. э. При этом территориальная и хронологическая уникальность Темир-горы привела исследовательницу к выводу об «особом характере» данного памятника и его нетипичности для крымского региона [Троицкая, 1957, с. 69].

Противоположная точка зрения на характер присутствия скифов в Центральном Крыму и Предгорье была высказана Х.И. Крис. По ее представлениям, во второй половине VII в. до н. э. скифы не только появляются в Предгорье Крыма, но и уже составляют значительную группу населения [Крис, 1976, с. 245]. По мнению исследовательницы, к раннескифскому времени (вторая половина VII — начало VI вв. до н. э.) можно отнести около 50 впускных погребений, характеризующихся положением на спине и западной ориентировкой. Что касается лощеной керамики с резным геометрическим орнаментом, встреченной во многих из этих погребений, то она вполне может быть связана с пришлым скифским населением, поскольку, появившись в VII в. до н. э., проявляет сходство с керамикой Северного Причерноморья, Северного Кавказа, частично, Лесостепи (жаботинские памятники) [Крис, 1976, с. 241]. То есть, как полагала Х.И. Крис, не скифы заимствовали кизил-кобинскую керамику, а наоборот, кизил-кобинцы переняли у пришлых скифов новый керамический комплекс.

Э.В. Яковенко в докторской диссертации выдвинула гипотезу о существовании «торного пути», соединявшего район Северного Кавказа с Балкано-Дунайским регионом и Лесостепным Поднепровьем еще с предскифского времени и проходившего через территорию Крыма [Яковенко, 1985, с. 4, 17]. Этот путь был кратчайшим, и имел большое значение для утверждения скифских племен в Северном Причерноморье. Исследовательница обращает внимание на отличную от современной экологическую ситуацию на Керченском полуострове в VII—IV вв. до н. э., наличие в Керченском проливе удобных для перехода бродов¹, по которым «скифы устремились из Предкавказья на новое завоевание Северного Причерноморья» [Яковенко, 1985, с. 4, 17].

Схожую гипотезу развивает и М.Ю. Вахтина, акцентируя внимание на значении Крыма как транзитной территории в раннескифское время, соединявшей Прикубанье и Северное Причерноморье. Ссылаясь на упоминания «отца истории», она высказала предположение о том, что «через район Восточного Крыма в эпоху архаики проходил путь регулярных миграций скифов, связывавших Степное Поднепровье и Кубань» [Вахтина, 1989, с. 78]. В пользу этих

1. Само слово «Боспор» в переводе с греческого языка означает «бычий брод» [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 21].

данных свидетельствуют и археологические материалы. В контексте обычая кочевников насыпать курганы вдоль главных степных «дорог» интерпретируются курганы на Темир-горе и близ Филатовки. На основании анализа родосско-ионийских сосудов с Темир-горы, Филатовки и Немировского городища, а также аналогий негреческим вещам с Темир-горы исследовательница отмечает определенное «тяготение» темиргорского погребения к западным районам Северного Причерноморья [Вахтина, 1989, с. 78].

Подытоживая мнения разных исследователей о роли и месте крымского полуострова в контексте раннескифских миграций, можно сформулировать следующие положения, которые демонстрируют единство и различия в подходах к данному вопросу.

Во-первых, все исследователи согласны с тем, что время появления скифов в Крыму необходимо относить к третьей четверти VII в. до н. э., т. е. ко времени темиргорского памятника.

Во-вторых, считается, что на протяжении второй половины VII—VI вв. до н. э. скифское население Крыма было крайне немногочисленным, и кочевало в степных районах полуострова.

Различия касаются, преимущественно, трех моментов. Во-первых, путей проникновения скифов на Крымский полуостров: через Керченский пролив (Э.В. Яковенко), Нижнее Подонье и Перекоп (И.Н. Храпунов), по обоим маршрутам (В.С. Ольховский, И.Н. Храпунов), по обоим маршрутам, но в разное время (Т.Н. Троицкая). От решения данного вопроса во многом зависит понимание роли Крыма в контексте раннескифских миграций: случайное проникновение, транзитная территория, постоянное пребывание.

Во-вторых, времени проникновения скифов в Центральный Крым и Предгорье: либо раннее, в VII в. до н. э. (Х.И. Крис, В.А. Колотухин), либо более позднее — VI в. до н. э. (Т.Н. Троицкая, А.М. Лесков). В.С. Ольховский и И.Н. Храпунов в разное время принимали и более ранний, и более поздний временной интервал.

В-третьих, это вопрос взаимоотношения скифов и аборигенного — кизил-кобинского — населения Крыма. С тем, что кизил-кобинская культура повлияла на скифов, кочевавших в Предгорье, похоже, согласны все исследователи, однако вопрос о степени этого влияния и его составляющих элементах остается дискуссионным. Также необходимо отметить, что, по сути, лишь один исследователь — Т.Н. Троицкая — на основании анализа раннескифского звериного стиля, дал четкую картину хронологической дифференциации эпохи архаики в Крыму и предложил свое видение заселения полуострова скифами в VII—VI вв. до н. э.

Задача данной статьи — проанализировать приведенные выше выводы и остающиеся

открытыми вопросы в контексте современных знаний о зверином стиле эпохи архаики, представленном на территории полуострова. Звериный стиль, наряду с другими предметами «скифской триады», является одним из наиболее характерных маркеров культур скифского облика на различных территориях их распространения. Естественно, рассмотрение этого материала должно находиться в контексте анализа других элементов «триады», а также погребальных комплексов и поселенческих структур.

Однако здесь и возникает принципиальная сложность. Комплексов, датируемых временем скифской архаики в Крыму крайне мало, и они хорошо известны. В то же время, с территории Крыма происходит достаточно представительная коллекция предметов «скифской триады» архаического времени и, в первую очередь, предметов, оформленных в зверином стиле. Методологическая оправданность привлечения материалов скифского звериного стиля к рассмотрению вопроса о миграциях ранних скифов объясняется и тем фактом, что для большей части VI в. до н. э. не зафиксировано производство металлических предметов в зверином стиле в греческих городах Северного Причерноморья и на городищах Лесостепи [Ольговский, 2014, с. 88, 185, 249]. Звериный стиль, как в виде целостного репертуара образов, так и отдельных категорий предметов, появляется в Восточной Европе в «готовом виде», не имея аналогов и прототипов в предшествующих культурах данной территории, а это означает, что «за распространением характерных элементов культуры скрываются перемещения самих носителей этих культурных традиций» [Курочкин, 1989, с. 109]. После начала производства металлических изделий, оформленных в зверином стиле, в эллинских центрах Северного Причерноморья и на лесостепных городищах с конца VI и, в особенности в V вв. до н. э. этот феномен становится, в большей степени, маркером культурных влияний, связанных с производственными центрами, эстетическими предпочтениями и т. д., нежели миграционных процессов.

Определение аналогий целому ряду образов, происходящих с территории Крыма, их генезиса, дает представление о возможных путях миграций скифов во второй половине VII—VI вв. до н. э., а также роли крымского полуострова в этом процессе. Для решения поставленной задачи мы проанализируем репертуар образов звериного стиля эпохи архаики в Крыму, и приведем основные аналогии крымским изображениям с других территорий Восточной Европы, выявляя возможные закономерности их генеалогии и развития (1), на основании этого анализа рассмотрим возможные направления миграций ранних скифов и роль Крыма в этом процессе (2).

1. СОСТАВ ОБРАЗОВ И ИХ АНАЛОГИИ

Коллекция оригинальных архаических крымских изображений в скифском зверином стиле насчитывает 38 экземпляров (с учетом зооморфных превращений и дополнительных изображений). Количество предметов, которые они оформляют — 32. Наиболее известными изделиями звериного стиля с территории Крыма, относимыми ко второй половине VII в. до н. э. являются костяное налучье и бляха в виде свернувшегося хищника с Темир-горы (рис. 1, 1, 2).

Костяное налучье выполнено в виде головы бараноптицы (грифобарана), оформленного дополнительными изображениями на клюве (моделировка рта), в основании клюва (моделировка рогов), и в основании головы. Изображение бараноптицы является одним из наиболее архаичных в скифском зверином стиле, на что уже неоднократно обращали внимание специалисты¹. Наиболее ранние изображения зафиксированы в Келермесских курганах 1/В, 2/В, датируемых 660—640 гг. до н. э. [Галанина, 1997, с. 184—192]. Однако образ баранопти-

цы встречается также в Закавказье и Передней Азии — зоне переднеазиатских походов скифов, в частности в Тейшебаини (Кармир-Блуре) и Норшунтепе [Иванчик, 2001, с. 25, рис. 4, 8; с. 37, рис. 14, 6]. Большинство среднеднепровских изображений исследователи считают подражательными по отношению к предкавказским образцам [Канторович, 2015, с. 806], что позволяет уверенно говорить о сложении данного образа на территории Кавказа-Предкавказья во время переднеазиатских походов и последующем его проникновении в Среднее Поднепровье через территорию Крыма.

В виде изображений бараноптицы оформлены распределительные пряжки-пронизи уздечных ремней, навершия деревянных псалиев, налучья, ритуальные бронзовые навершия. Относящаяся к категории костяных налучий², темиргорская бараноптица характеризуется рядом оригинальных черт: она имеет значительные размеры, и украшена тремя дополнительными изображениями. Наиболее близкие по стилистике экземпляры происходят из могильника Новозаведенное-II, относимого ко второй половине VII — началу VI вв. до н. э. [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 246],

1. Историография вопроса и комплексный анализ данного образа представлен [Канторович, 2007].

2. Каталог налучий был недавно приведен в специальной работе И.Б. Шрамко [Шрамко, 2015].

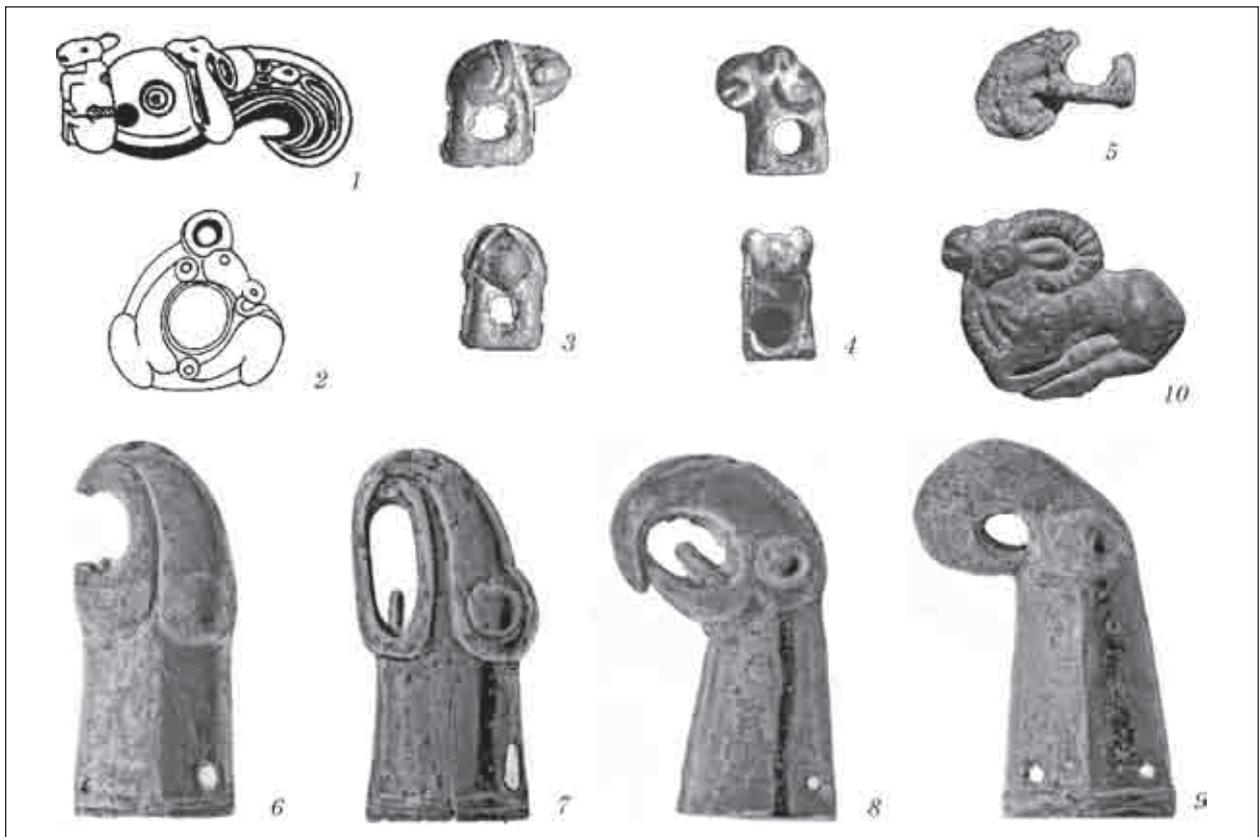

Рис. 1. Скифский звериный стиль Крыма VII — первой половины VI вв. до н. э.: 1, 2 — Темир-гора; 3 — уроч. «Седьмое поле» Красногвардейского р-на; 4 — Агармыш (окрестности Старого Крыма); 5 — с. Межгорье Белогорского р-на; 6 — уроч. Алан-Тепе (окрестности Старого Крыма); 7 — Агармыш; 8 — Кубалач; 9 — с. Александровка Белогорского р-на; 10 — между пос. Зуя и Ароматное Белогорского р-на

из зольника 28 Бельского городища, датированного последней четвертью VII — второй—третьей четвертью VI вв. до н. э. [Шрамко, 2015, с. 489], из погребения 1 кургана 2 близ Семеновки Херсонской области [Мурзин, 1984, с. 17, рис. 5, 6]. Семеновское налучье — единственное в данной серии, не имеющее дополнительных изображений. Близким по иконографии является изображение бараноптицы на парных бронзовых навершиях из кургана 476 у с. Волковцы, также украшенных дополнительными изображениями и датировемых VI в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 193].

Дополнительные изображения заслуживают отдельного рассмотрения. Э.В. Яковенко обратила внимание на общность образа головы копытных животных на клюве бараноптицы с Темир-Горы и ряде посульских псалиев [Яковенко, 1976, с. 238—239]. Изображение на клюве темиргорской бараноптицы представляет собой удлиненную головку, оканчивающуюся двумя рельефными овалами, передающими ноздрю и рот животного. Маленький глаз моделирован кружком. Сзади — длинное лепестковой формы ухо, впадина раковины которого образует, одновременно, рот бараноптицы. Это изображение находит параллели на костяных псалиях Посулья, выполненных в виде головы «бегущих» коней, относимых к VI в. до н. э. [Яковенко, 1976а, с. 129; Яковенко, 1976, с. 238—239]. Особенно схожей с темиргорской головкой является одна из головок «бегущего» коня из кургана у хут. Шумейко [Ильинская, 1965, с. 89; рис. 1, 5]. Посульские аналогии собственно и позволили Э.В. Яковенко идентифицировать дополнительное изображение на темиргорском клюве как голову коня. Но кроме посульских псалиев, крайне близким этому изображению является изображение на клюве бараноптицы из кургана 13 могильника Новозаведенное II (Предкавказье). Здесь также представлено животное с удлиненной головкой, оканчивающейся двумя овалами и имеющей длинное ухо [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 244—245, рис. 5, 1]¹.

На клюве бараноптицы волковецких наверший отсутствует дополнительное изображение головки копытного. В то же время, ее рога, также как и рога темиргорской бараноптицы, оформлены в виде фигурок животных, интерпретация которых до сих пор неоднозначна. Так, Э.В. Яковенко видит в данном образе молодого (безрогого) лося, характерным признаком

которого является горбоносая морда [Яковенко, 1976, с. 239]. Е.В. Переводчикова трактует их как изображения зайцев [Переводчикова, 1994, с. 54], А.Р. Канторович — как голову копытного или зайца [Канторович, 2015, с. 804]. Не так давно идентификация дополнительного изображения на рогах бараноптиц с Темир-горы и Волковцов в качестве головы зайца получила дополнительную аргументацию. На Западном укреплении Бельского городища был выявлен костяной наконечник лука в виде головы бараноптицы, рога которой украшает выполненное крайне реалистично полнофигурное изображение зайца [Шрамко, 2015, с. 487—511, ил. 1. 1]. По мнению И.Б. Шрамко, уникальность бельского налучья заключается в том, что с его помощью становится возможной идентификация ряда дополнительных образов, размещенных на головах бараноптиц — темиргорской, волковецких и, возможно, новозаведенной — остававшихся до настоящего времени спорными. Соглашаясь с И.Б. Шрамко относительно идентификации образа зайца в оформлении рогов бараноптиц с Темир-горы и Волковцов, отметим, что трактовка Э.В. Яковенко изображений на клюве темиргорской (а, значит, и новозаведенной) бараноптицы как головок копытного остается актуальной, благодаря аналогиям «бегущим» коням на псалиях Посулья.

Впрочем, для целей нашего исследования важна не столько идентификация, сколько сама связь рассматриваемых образов. Известны лишь два случая, когда непосредственно клюв бараноптицы украшается дополнительной головкой копытных: Темир-Гора и Новозаведенное II. Ближайшими аналогиями этим изображениям являются головки «бегущих» коней на посульских псалиях. Таким образом, есть основания говорить о том, что специфическая иконография головы бараноптицы с дополнительными изображениями копытных на клюве сложилась на пространстве от Кавказа до Восточного Крыма, а отдельный его элемент находит самостоятельное оригинальное воплощение на костяных псалиях Посулья.

Если верно предположение о том, что субъектом зооморфных превращений рогов бараноптиц с Темир-горы, Бельска и Волковцов является фигура зайца, становится возможным говорить о локальных особенностях образов, характерных для Крыма и Днепровской Левобережной Лесостепи (Посулья и бассейна Ворсклы)². К сожалению, необходимо признать, что условность изображения в основании клюва темиргорской бараноптицы, да и в целом «определенный разнородностью признаков», характерный для изображения зайца в эпоху арха-

1. Необходимо отметить, что идентификация дополнительного изображения на клювах бараноптиц с Темир-горы и Новозаведенного II, как головы копытного, не является бесспорной. Так, А.Р. Канторович идентифицирует изображение на клюве темиргорского изделия с головой «копытного или зайца», а на клюве бараноптицы из Новозаведенного II — как «копытного или хищника» [Канторович, 2015, с. 804].

2. Зооморфная трансформация рогов новозаведенской бараноптицы в большей степени отсылает к мотиву хищника, нежели зайца [Петренко, Маслов, Канторович, 2014, с. 245].

ики [Полидович, Вольная, 2005, с. 423], не позволяя пока ставить точку в этой дискуссии.

Клювовидные и барановидные пряжки-пронизы. Фрагментированная клювовидная пряжка-пронизь с сильно загнутым клювом и рельефно выраженным ртом была обнаружена неподалеку от с. Межгорье Белогорского р-на (рис. 1, 5). Еще 2 бронзовые пряжки-пронизы в виде скульптурной головы барана найдены в окрестностях Старого Крыма, на территории горного массива Агармыш (Кировский р-н), а также к юго-западу от пос. Красногвардейское одноименного р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 70, 72] (рис. 1, 3, 4).

Ближайшими аналогами крымской клювовидной пряжки-пронизы с обозначенным ртом являются пряжки из Келермесских курганов 2—4, 24 [Галанина, 1997, табл. 22, рис. 87; 88; табл. 25, рис. 339; 347]. На территории Украинской Лесостепи учтено 25 подобных предметов, 20 из которых на Посулье, 1 — в Поворсклье, 4 — в бассейне Тясмина [Могилов, 2008, с. 69]. В.Р. Эрлих отмечает стилистическую близость клювовидных пронизей и птицеголовых скипетров предскифского времени с территории Кавказа [Эрлих, 1990, с. 249], что дает основание говорить об их кавказском происхождении и последующем распространении на территорию Крыма и Лесостепи. Таким образом, крымская клювовидная пронизь может быть отнесена ко второй половине VII в. до н. э.

Две пронизы в виде головы барана находят аналогии в Келермесских курганах 2—4, 2, 24 [Галанина, 1997, табл. 21, рис. 169, 170; табл. 22, рис. 270, 271, 232; табл. 23, рис. 291, 292; табл. 24, рис. 378, 379], а также в Лесостепи, где учтено 11 экземпляров: 5 — в Тясминской группе, 5 — в Посулье и 1 — в Западном Подолье [Могилов, 2008, с. 69]. Принимая во внимание морфологическую динамику данного типа изображений, крымские головки баранов, подвергшиеся явной схематизации по отношению к келермесским, необходимо относить к рубежу VII—VI вв. до н. э. либо к первой половине VI в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 475]. Обнаружение барановидных и, в особенности, клювовидной пряжки-пронизы в Крыму вписывает полуостров в общий контекст скифской архаики второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э., представленной Келермесскими курганами с одной стороны, и памятниками Посулья и Тясмина — с другой.

Еще одной группой архаических предметов с территории Крыма являются 4 *бронзовые бутероли, оформленные в виде головы хищной птицы* (рис. 1, 6—9). Они происходят: из урочища Алан-Тепе (окрестности Старого Крыма), горных массивов Агармыш и Кубалач, с Александровки Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 39—42]. По аналогии с бутеролью из впускного захоронения Репяховатой Могилы, крымские наконечники ножен могут быть

датированы второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. [Скорый, 2003, с. 36], либо концом VII в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 295]. Исключение составляет бутероль из Александровки, являющаяся явной схематизацией и упрощением по отношению к аналогам, а потому относящаяся, скорее всего, к первой половине VI в. до н. э.

Большая часть аналогий крымским бутеролям, оформленным в виде головы хищной птицы, происходит с территории Кавказа и Предкавказья (15 экземпляров). При этом имеет смысл выделять бутероли с конусовидной втулкой, оканчивающейся закрученной, выступающей за ее пределы головкой (дигорско-чегемский тип), конусовидной втулкой, оканчивающейся ажурной, моделированной двумя или тремя полосами головкой (кобанский тип) и подпрямоугольной втулкой и вытянутой головкой с очень массивным клювом, продолжающей форму втулки (тип «Репяховатая Могила») ¹. Как было продемонстрировано в отдельной работе [Зимовец, 2016], лишь на территории Юго-Восточного Крыма встречены сразу два различных типа бутеролей — дигорско-чегемский и «Репяховатая Могила». При этом одна из бутеролей может быть рассмотрена как переходный вариант от дигорско-чегемского типа к типу «Репяховатая Могила» (конусовидная втулка, закрученная головка, но, в то же время, массивный клюв, большой выпуклый глаз). Бутероли типа «Репяховатая Могила» обнаружены только на территории Причерноморской Степи и Лесостепи ², на Кавказе они пока не встречены. При том, что родиной бутеролей в виде головы хищной птицы является, скорее всего, Кавказ и Предкавказье [Зимовец, 2016, с. 85], вполне допустимо, что именно Крым стал территорией формирования новой стилистики бутеролей, распространившейся на Северное Причерноморье, Приднестровье и Лесостепь.

Бронзовая бляха с двухфигурной композицией козы с козленком (?). Крайне интересно оформление бляхи — детали конской узды, обнаруженной между пос. Зуя и с. Ароматное Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 101—102] (рис. 1, 10; 2, 1). У животного — поджатые под туловище ноги, передняя нога лежит на задней. Туловище — массивное, с четко выделенным бедром. Короткая толстая шея плавно изогнута, по ее внешнему краю рубчиками условно показана шерсть. Голова животного слегка приподнята, смотрит вперед, глаз моделирован концентрическим кружком.

1. Схожий принцип классификации разработан Д.А. Топалом [2015].

2. Агармыш, Старый Крым, о-в Левке (Змеиный), Репяховатая Могила (Матусов), Ниспоренский р-н Молдовы, а также бутероль из фондов Харьковского исторического музея [Зимовец, 2016, с. 80; Топал, 2015, с. 66].

Рис. 2. Двухфигурные композиции в скифском зверином стиле: 1 — Крым; 2 — Аржан; 3 — Жаботин

Все изображение выполнено очень компактно: ноги плотно прилегают к туловищу, рог лежит на спине животного, ухо полностью заполняет пространство между шеей и оформленным рельефными валиками рогом.

Уникальность крымского изображения состоит в наличии в нижней части туловища и, частично, на шее еще одной головки, оформленной в той же манере, что и голова козла, но без рогов и с длинными стоячими ушами. Дополнительная головка органично вписана в первое изображение: большая ее часть выполняет роль лопатки основного изображения, морда немного заходит на туловище, а длинное лепестковой формы ухо расположено вдоль шеи. Видовую принадлежность второго животного определить сложно, но, скорее всего, здесь представлена коза с детенышем.

С точки зрения двухфигурного характера композиции нам известны лишь два изображения, происходящие с крайне удаленных друг от друга территорий. Первое — на хоро-

шо известных костяных бляшках и пластине из кургана 2 у с. Жаботин на юге Днепровской Правобережной Лесостепи, где представлены двухфигурные композиции, воплощающие, по мнению М.И. Вязьмитиной, лосиху с детенышем [Вязьмитина, 1963, с. 160] (рис. 2, 3). Второе — на «оленном» камне, обнаруженном у подножья горы Кош-Пей, в 2,5 км к востоку от поселка Аржан, где изображены две свернувшиеся пантеры, вписанные одна в другую (рис. 2, 2). Время жаботинского кургана 2 определяется, как правило, VII в. до н. э. [Ильинская, 1975, с. 71], при этом уже достаточно давно наметилась тенденция к удревнению этой даты вплоть до конца VIII в. до н. э. [Медведская, 1992, с. 87]. «Оленный» камень из окрестностей Аржана находчик и публикатор датирует концом IX — VIII вв. до н. э. по аналогии с изображением из «царского» кургана Аржан (бронзовая бляха свернувшегося хищника) [Марсадилов, 2005, с. 304].

По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, истоки жаботинской композиции «двухголовых животных» следует искать в луристанском искусстве. В качестве прототипов указываются бронзовые рукоятки точильных камней с конической втулкой, увенчанные двумя головками козлов, «вырастающих» из одного туловища [Погрехова, Раевский, с. 151, рис. 30, ж, с. 154]. Принимая во внимание эту важную аналогию, все-таки необходимо отметить, что в отличие от луристанского скифские изображения не *двухголовые*, а именно *двухфигурные*: наличие стремление мастера не просто изобразить дополнительную головку, но передать наличие полноценного дополнительного изображения, аналогичного, но меньшего (как по размеру, так и по возрасту) животного. Это достигается при помощи компактности композиции, органичного вписывания дополнительного образа в основную и стремлению к закругленности формы изображений. В жаботинском и крымском изображениях дополнительные фигуры как бы

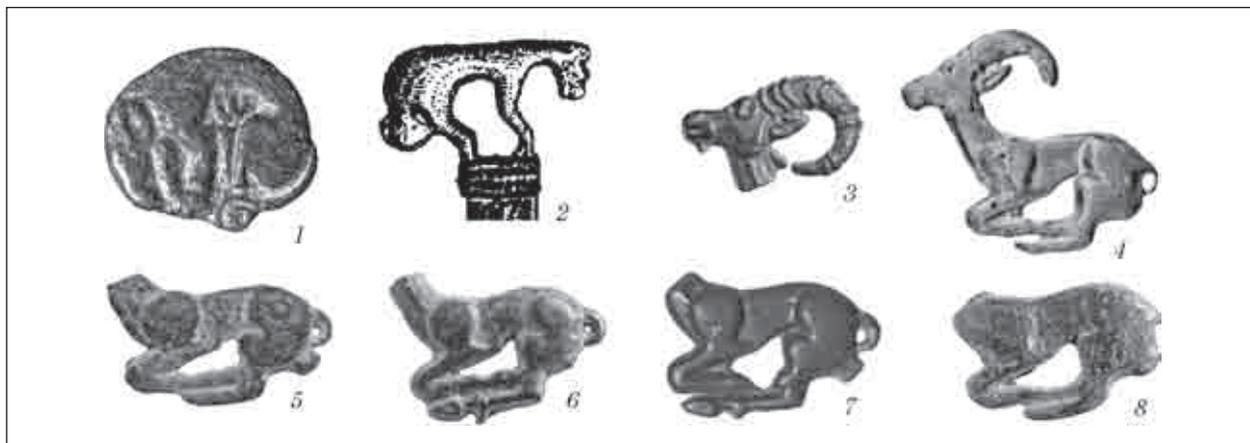

Рис. 3. Скифский звериного стиль Крыма VI в. до н. э.: 1 — с. Новопокровка Кировского р-на; 2 — Керчь; 3, 7 — окрестности с. Дивное; 4 — окрестности сс. Русское, Мелехово; 5, 6 — окрестности с. Богатое; 8 — окрестности сс. Сенное, Некрасово

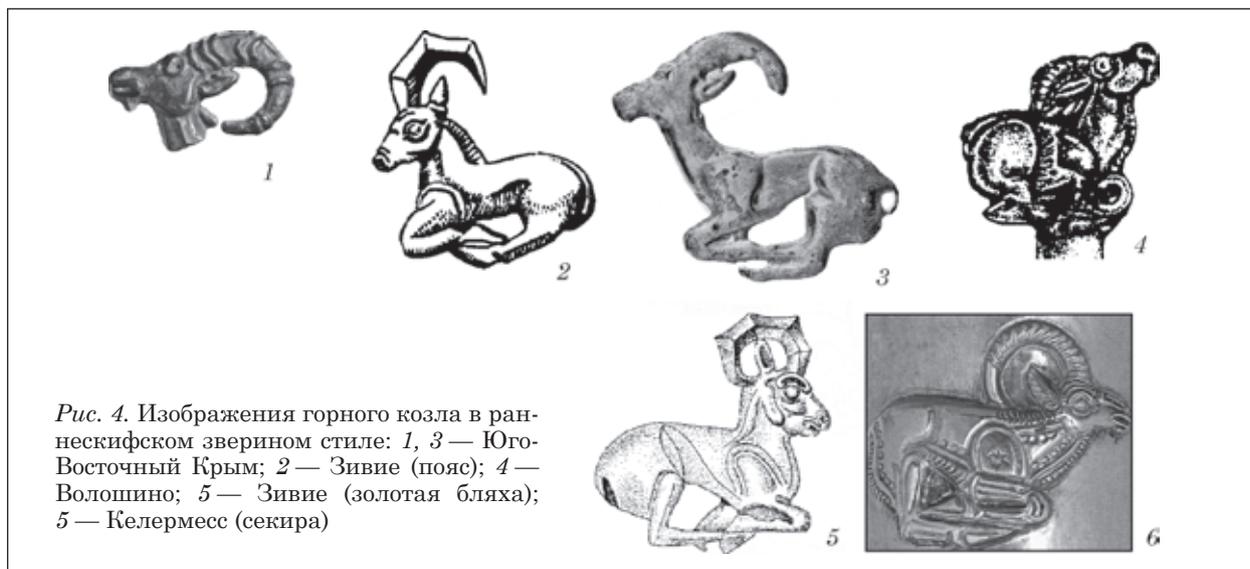

Рис. 4. Изображения горного козла в раннескифском зверином стиле: 1, 3 — Юго-Восточный Крым; 2 — Зивие (пояс); 4 — Волошино; 5 — Зивие (золотая бляха); 6 — Келермес (секира)

произрастают из основной, являясь естественно наложенными на нее. В аржанском такое наложение формально отсутствует: меньшая фигура просто помещена в контур большей, основной. Но в силу самой специфики композиции свернувшегося хищника такая двойственность вполне выглядит как наложение: меньшая фигура как-бы помещается «на фоне» основной и тем самым органично вписана в нее. Идея композиции, в которой меньший образ органично вписан в основной, не являясь при этом зооморфным превращением, объединяет все три раннескифских изображения и не находит художественных аналогий в луристанских рукоятках точильных камней. В связи с этим можно сделать вывод о самостоятельном характере рассматриваемой композиции в скифском искусстве и ее возможных истоках в саяно-алтайском регионе.

Если же «взять в скобки» двухфигурность, ближайшей аналогией крымской бляхе по иконографии и стилистике исполнения можно считать костяную булавку с зооморфным окончанием из женского погребения 1, кургана 1 группы II Волошинского могильника в Полтавской области (рис. 4, 4), которое авторы раскопок датируют первой половиной VII в. до н. э. [Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 53; рис. 6, 2]¹. Более отдаленная аналогия — бронзовая подвеска из погребения 1 Нижнечегемского могильника [Канторович, 2015, с. 1167]. По мнению А.Р. Канторовича, объединяющего

оба изображения в волошинско-чегемский тип, он «явно не местного происхождения, поскольку находит многочисленные соответствия в изображениях козла, лежащего с ногами внахлест, в более восточных зонах скифо-сибирского мира, в особенности в Южной Сибири» [Канторович, 2015, с. 930]. В то же время, исследователи волошинского погребения акцентировали внимание на переднеазиатских и келермесских аналогиях костяному изображению горного козла, происходящего из этого памятника [Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 56—59].

Учитывая крайне ограниченную серию двухфигурных изображений, вопрос об их прародине и генезисе пока не может быть решен окончательно. Бесспорно только то, что они представляют собой один из наиболее архаичных пластов скифского искусства звериного стиля, бытующего ограниченный период времени — в VII в. до н. э., возможно в первой его половине. Если принять «низкую» датировку «оленного» камня из Аржана, предложенную Л.С. Марсадоловым, тогда действительно, есть основания считать саяно-алтайский регион прародиной этого образа и общим истоком двухфигурных композиций. Также появляется еще один аргумент в подтверждение центральноазиатской концепции происхождения скифского звериного стиля и тезиса А.И Тереножкина о необходимости поиска прародины скифов в «глубинах Азии» [Тереножкин, 1961, с. 205]. В этой связи вполне вероятно, что датировка крымского изображения может быть отнесена к первой половине VII в. до н. э.

Бронзовые бляхи в виде фигуры горного козла с направленной вперед головой. С юго-востока полуострова (горный массив Кубалач) происходят 6 экземпляров бронзовых бляшек, на которых представлен горный козел в позе, аналогичной рассмотренному экземпляру, но уже без дополнительного изображения и исполненный в другой стилистике [Скорый, Зимовец,

1. Примечательно, что в этом же погребении была найдена костяная булавка, верхняя часть которой оканчивалась резным скульптурным изображением головки барана. На рукояти булавки также имелся резной геометрический рельефный орнамент в виде равнобедренных треугольников, аналоги которого известны на жаботинских псалях, изделиях из Кармир-Блур и псалях из Самтавро, что и позволило авторам раскопок предложить такую раннюю датировку.

2014, с. 102—105] (рис. 3, 3—8). Несмотря на то, что целым является лишь одно изделие, а остальные 5 — фрагментированы (в 4 случаях это туловища без головы, а в одном — голова без туловища), однотипная стилистика исполнения сохранившихся фрагментов не оставляет сомнений в том, что все экземпляры передают образ горного козла, выполненный в единой манере¹. Все 6 изображений левосторонние, передняя нога лежит на задней. Туловище неширокое, поджарое. Ноги не прилегают к туловищу, а голова к шее, как в ранее рассмотренном экземпляре, благодаря чему данные изображения выглядят ажурными и как-бы облегченными. В 4 экземплярах хорошо проработаны рельефные бедро и лопатка. Шея относительно тонкая, немного наклонена вперед. В 3 экземплярах вдоль шеи проходит ребро, подчеркивающее ее двухплоскостную моделировку. Хвост передан небольшой петелькой с отверстием. В двух экземплярах под хвостом фигурок имеется выступ прямоугольной формы, скорее всего, — не удаленный литник. У единственного целого изображения голова смотрит прямо (рис. 3, 4; 4, 3), такая же позиция головы была, скорее всего, и у других экземпляров. У целого экземпляра голова проработана довольно условно. Обособленная же голова выполнена детально и высокохудожественно: глаз обозначен впадиной, окаймленной рельефным кружком, двумя параллельными рельефными валиками переданы губы животного, линией-впадиной между ними — рот, выделена борода (рис. 3, 3; 4, 1). Форма рога у обоих экземпляров с сохранившейся головой круглая либо подковообразная, имеет рельеф. Удлиненное лепестковой формы ухо расположено у основания рога, полностью заполняя открытое пространство между рогом и затылком.

Изображения горного козла с поджатыми ногами и направленной вперед головой редки в скифском зверином стиле Восточной Европы. Гораздо более распространенным является образ козла в жертвенной позе — с повернутой назад головой [Переводчикова, 1994, с. 91]. Полных аналогий на территории, как Восточной Европы, так и восточной «провинции» скифского звериного стиля крымским изображениям отыскать не удастся. С Нижнего Поднепровья и Прикубанья происходят 3 изображения козла, иконографически схожих с крымскими. Это золотая обивка сосуда из Испановой Могилы [Мозолевский, 1980, с. 146—148, рис. 83, 11], бронзовый нащечник из разрушенного комплекса у с. Шунтук [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 84] и парные бронзовые нащечники из ритуального комплекса 2 кургана 8 Уляпского могильника [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76]. Они вы-

делены А.Р. Канторовичем в отдельный испаново-уляпский тип середины V—IV в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 449—451]. Общие черты с крымскими фигурками имеют и изображения горных козлов из погребения 1 у с. Хошеутово в Нижнем Поволжье [Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232]. Однако все вышеприведенные аналогии существенно отличаются по стилистике исполнения от крымских экземпляров. Так, изображения из Испановой Могилы и Шунтука — более схематичные, в них отсутствует проработка ног, головы и деталей туловища. У уляпского изображения непропорционально большая голова, у шунтукского — ноги животного. У всех изображений — очень короткие шеи, что создает диспропорцию. В целом, манера их исполнения более условна и схематична, что свидетельствует о производном и более позднем характере данных изображений.

Более близкие аналогии, на наш взгляд, можно найти между рассматриваемыми крымскими изображениями и изображаемыми козла на поясе и золотой бляшке из Зивие (рис. 4, 2, 5), а также на знаменитой парадной секире из кургана 1/III Келермесского могильника [Алексеев, 2012, с. 74] (рис. 4, 6). Интересно, что если изображения из Зивие ажурны, изображения на келермесской секире сочетают в себе ажурность (изображение рога, уха) и компактность (достаточно плотно прижатые к туловищу ноги), что делает их близкими, как рассматриваемым однотипным изображениям, так и крымскому изображению козла (козы) в двухфигурной композиции. Изображения горного козла с направленной вперед головой хорошо известны по луристанским бронзам (II — начало I тыс. до н. э.) и печатям типа Керкук середины II тыс. до н. э. «Причем на печатях эта поза объясняется всей композицией: козлы с подогнутыми ногами обычно даны по бокам священного дерева, они как бы поклоняются ему. На Ближнем Востоке эти изображения уходят в глубокую древность...» [Членова, 1967, с. 125, с. 282, табл. 32]. Можно проследить более или менее непрерывное развитие образа горного козла от ранних переднеазиатских образцов, через изображения из Зивие, к Келермесу и, далее, к крымским и волошинскому экземплярам.

Несмотря на относительную редкость изображения горного козла в Северном Причерноморье, необходимо отметить важность этого образа в мировоззрении скифов эпохи архаики. Не кажется случайным тот факт, что самые ранние изделия греческой керамики, найденные в раннескифских захоронениях и на городищах раннескифского времени (ойнохой с Темир-горы, фрагмент кувшина из кургана у села Болтышка, фрагменты ойнохой с Немировского и Трахтемировского городищ) также несут на себе изображения горного козла. Видимо этот образ был настолько востребован ранними скифами, что даже чисто греческие

1. Более детально о данной серии однотипных изображений, а также о возможных причинах их преднамеренного повреждения [Скорый, Зимовец, 2015].

изображения этого животного заимствовались ими, в том числе для использования в ритуальной практике.

Стилистическая однотипность 6 крымских изображений, проявляющаяся в целом ряде характеристик и деталей (пропорции, передача ног, бедра и лопатки, форма хвоста, рога, наличие не удаленного литника либо его следов) свидетельствует об одной художественной школе, в рамках которой они создавались. Поскольку изображения в этой стилистике встречены только в Крыму, вполне оправдано говорить о локальном крымском варианте образа горного козла с направленной вперед головой, явившегося результатом переработки переднеазиатских и келермесских образцов. В пользу архаичного характера крымских изображений свидетельствуют такие детали, как выделение лопатки и моделировка шеи двумя сходящимися плоскостями [Канторович, 1995, с. 49], выделение скулы и щеки. Учитывая определенную стилизацию крымских изображений по отношению к переднеазиатским и келермесским прототипам, их можно датировать широкими рамками рубежа VII—VI — VI в. до н. э.¹

Бляхи в виде свернувшегося хищника. В Крыму хорошо представлены все массовые типы этого образа, от самого архаического темиргорского до эллинизированного ак-бурунского². К эпохе архаики можно отнести два изображения — темиргорское и новопокровское. Еще одно изображение — кулаковское — относится к рубежу архаики — началу классического времени. Аналогии темиргорского кошачьего хищника сосредоточены, в основном, на территории Предкавказья (22 экземпляра), в том числе в Келермесских курганах (9 экземпляров) [Канторович, 2015, с. 1088—1090]. Еще 4 экземпляра происходят с территории Среднего (Дарьевка, Волковцы, Яблоновка) и Нижнего (Константиновка) Поднепровья, 1 экземпляр — с Подонья (Новоалександровка). При этом приднепровские изображения из Волковцов и Яблоновки стоят, по мнению А.Р. Канторовича, в конце эволюционного ряда данного типа, на грани другого морфологического типа, к которому относятся изображения из погребения 3, кургана 2, у с. Долинное (курган Кулаковского) и Пантикапея [Канторович, 2015, с. 95].

Последние, в отличие от темиргорского изображения и его аналогий, скорее всего, передают образ волка: морда хищника вытянута и узкая, туловище — узкое, поджарое, отсутствует кольчатость в трактовке лап и кончика хвоста, появляются ажурность и зооморфные

1. В связи с этим мы вынуждены скорректировать датировку, предложенную в первой публикации указанной серии блях [Скорый, Зимовец, 2014, с. 102—105].

2. Не представлен в данной статье, т. к. надежно датируется V в. до н. э.

трансформации. Большая и малая бронзовые бляхи из кургана Кулаковского относятся ко второй половине VI — рубежу VI—V вв. до н. э. [Яковенко, 1976а, с. 130], либо же к концу VI — первой половине V в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 104] (рис. 5, 1, 2). В состав изображений двух свернувшихся хищников входят дополнительные образы: голова лося и козел с головой, повернутой назад (большая бронзовая бляха) и голова лося (малая бронзовая бляха). Еще одно оригинальное изображение свернувшегося хищника, тиражированное на 3 бляхах, происходит из конского погребения в Пантикапее [Толстикова, 2011, с. 265—267] (рис. 5, 3). К этому же типу относится и хищник на фрагментированной (бракованной?) бляхе из Белогорского района Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 83—84] (рис. 5, 4). География этого типа свернувшегося хищника, по отношению к предыдущему существенно смещается на запад: с территории Предкавказья происходит лишь 5 из 21 аналогичного изображения, с территории Крыма — 3, с Подонья — 4, остальные — с территории Поднепровья и Побужья: Ковалевка, Томаковка, Новые Раскайцы (Правобережная часть Северного Причерноморья), Журовка, Макеевка (Лесостепное Правобережье), Басовка, Кнышевка, Протопоповка, Енковцы (Лесостепное Левобережье). По мнению Э.В. Яковенко, образ волчьего хищника заимствуется скифами из ананьинского искусства через посредство савроматских племен, однако на территории Скифии и, в особенности, Крыма, он перерабатывается под влиянием античных мастеров, привносящих в образ черты ажурности и натурализма [Яковенко, 1976а, с. 130]. По А.И. Шкурко, среднедонские изображения имеют явно вторичный и подражательный характер по отношению к поднепровским [Шкурко, 1976, с. 99, 101; рис. 3]. А.Р. Канторович полагает, что данный тип изображения сформировался, скорее всего, в Приднепровской Степи, с последующим заимствованием в Лесостепи и копированием в Подонье. Таким образом, механизм передачи «савроматского» образа на территорию Скифии остается не вполне ясным. Мы находим его уже в сформированном виде на территории Степного Причерноморья (включая Крым) и с некоторыми признаками античного влияния (дополнительное декорирование, изображение гениталий у кулаковского хищника).

Аналогии еще одного изображения свернувшегося хищника из Новопокровки Кировского р-на Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 108—109] вообще не встречаются в Предкавказье (рис. 3, 1). Большинство из них происходят с территории степного и лесостепного Левобережного Поднепровья: Мелитопольского уезда, Гусарки, Опишлянки, Волковцов, Басовки. Лишь по одному изображению — из Ольвии и Нижнего Подонья. Два изображения также об-

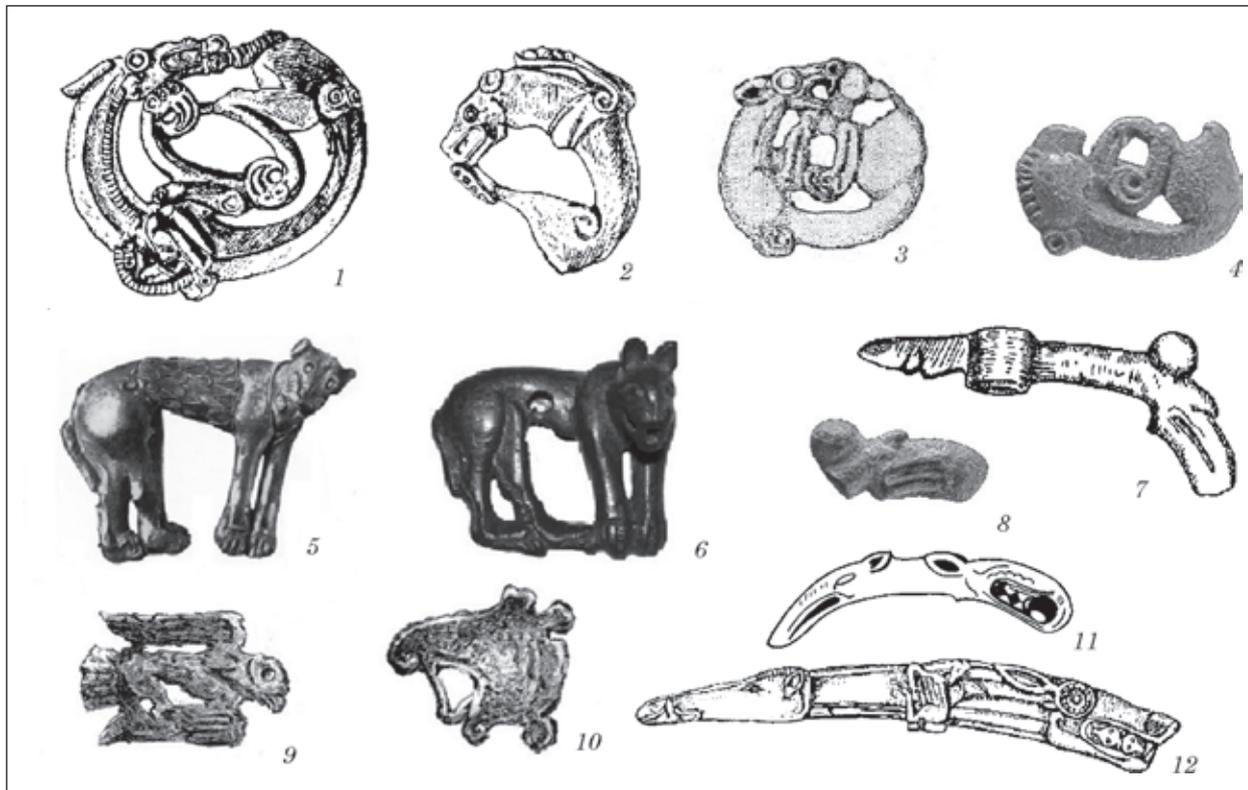

Рис. 5. Скифський звериний стиль Криму кінця VI — початку або першої половини V в. до н. е.: 1, 2, 7 — курган Кулаковського; 3, 6 — Пантикапей; 4 — між пос. Зуя, Ароматне Белогорського р-на; 5, 9, 10 — Золотий курган; 8 — між пос. Айвазовське, Приветне Кіровського р-на; 11 — ім'єння Талаєвої; 12 — Керчь

наружены на территории Румынии, одно — в Нижнем Поволжье (могильник Аксай-1). Данный образ размещается, преимущественно, на крестовидных бляхах, но также известен и на отдельных изделиях (Басовка, Мелитопольский уезд). Изображение является чем-то средним между свернувшимся и согнутым в лапах хищником. Исследователи уже обращали внимание на преемственность данного образа по отношению к схеме стоящих на полусогнутых ногах кошачьих хищников типа Келермесской пантеры, верхней части рукояти зеркал «ольвийского типа» [Капошина, 1956, с. 178—179] и даже по отношению к «аржано-казахстанским образам», в частности хищникам, представленным на кинжалах из кургана Аржан-II [Поллидович, 2010, с. 221]. Время бытования этих изображений — вторая половина VI в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 145].

Еще одним изделием «ольвийского» типа является изображение хищника на бронзовой рукояти зеркала из Керчи [Кузнецова, 2002, табл. 81, кат. 252] (рис. 3, 2). Всего учтено 21 аналогичное изображение, происходящее с территории Нижнего Побужья и Поднепровья (7), Среднего Поднепровья (2), Подолья (1), Приазовья (1), Прикубанья (8), Центрального Предкавказья (2) [Канторович, 2015, с. 140]. При этом крымское изображение относится к более позднему типу данных изображений, для которых характерно упрощение и схематизация

и датируется второй половиной VI в. до н. э. Именно этот тип изображений широко встречается как собственно в Скифии, так и за ее пределами: в Предкавказье, Поволжье, Центральной Европе [Кузнецова, 2002, с. 323—328].

Фрагментированный топорик-скипетр, оформленный в виде головы хищной птицы и ноги неопределенного копытного был обнаружен в Кировском р-не Крима [Скорый, Зимовец, 2014, с. 135—136]. От него сохранился лишь «клинок» в виде скульптурной головы хищной птицы с массивным клювом и гиперболизированным шаровидным глазом (рис. 5, 8). Однако почти полная идентичность фрагмента «клинка» целого экземпляра из кургана Кулаковского (рис. 5, 7) позволяет также датировать его второй половиной VI — рубежом VI — V вв. до н. э., либо концом VI — первой половиной V в. до н. э. и отнести к очень ограниченной серии топориков (всего 4 экз.), в оформлении которых сочетается изображение головы хищной птицы («клинковая» часть) и неопределенного копытного (обушная часть). Известны всего лишь две аналогии двум крымским топорикам-скипетрам из кургана Кулаковского и Кировского р-на: из северокавказского аула Тауйхабль [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 55] и Левобережной Лесостепи (Посулье) [Яковенко, 1976а, с. 132]. Однако оба крымских экземпляра характеризуются более короткой клинковой частью, что делает их крайне схожими между собой.

Концом VI — первой половиной V в. до н. э. датируются две подвески из клыка кабана, украшенные изображениями головы кабана и волчьего хищника: из кургана 3 имения Талаевой [Яковенко, 1976а, с. 131—132] и из разрушенного погребения около Керчи [Королькова, 2006, табл. 64, 1], (рис. 5, 11, 12). Роговые подвески и их бронзовые имитации, оформленные в виде голов животных (как правило, хищника и птицы) находят многочисленные аналогии в Поволжье и Южном Приуралье (курган Blumenфельда, Пятимры-1, Мечет-Сай), с одной стороны, и в Приднепровской Лесостепи (Пастырское, Медерово, Журовка, Макеевка, Гуляйгород, Роменский уезд), с другой [Королькова, с. 227—231, табл., 60—64]. Сюжеты, распространенные на крымских и поднепровских клыках, скорее всего, были позаимствованы из ананьинского искусства посредством савроматских племен [Яковенко, 1969, с. 206]. Этим сюжетам присущи определенные локальные особенности. Так, для приднепровских клыков это, преимущественно, сочетание головы птицы (узкая часть) с головой волчьего хищника (широкая часть), либо изображение головы хищной птицы в сочетании с дополнительной орнаментацией, в которую могут входить и зооморфные изображения. Исключение составляет клык из Национального музея истории Украины, на котором изображены фасы голов, судя по всему медведя. Сюжетные композиции савроматских клыков более разнообразны, кроме птиц и волчьих в них присутствуют кошачьи хищники и даже копытные (олени), что косвенно подтверждает их генетическую приоритетность. В крымских же изображениях узкий конец клыка оформлен в виде головы кабана, весьма популярного в Крыму сюжета и в более позднюю эпоху скифской классики [Скорый, Зимовец, 2014, с. 105—108, 156], что, в свою очередь, может свидетельствовать о местных особенностях интерпретации данного образа. Из 77 известных кабаньих клыков и их имитаций на пространстве от Алтая до Восточной Европы известны лишь 4 изображения кабана. Помимо крымских, это клык с городища Глубокая Пристань (Нижнее Побужье, хора Ольвии) и с разрушенного погребения у села Новопривольное (Нижнее Поволжье) [Королькова, 2006, с. 249—250].

В Золотом кургане представлены образы в специфической стилистике, указывающей на переход от архаики к классике, сопровождавшийся усилением влияния греческого искусства. Все они относятся к концу VI — началу V в. до н. э. [Алексеев, 2003, рис. 26, 14]. География их аналогий практически полностью замыкается в пределах Скифии. Поясная бляха в виде *полнофигурного изображения птицы* с распрямленными крыльями и с повернутой в профиль головой [ИТУАК, 1891, рис. 12; 13] (рис. 5, 9) имеет ограниченный круг аналогий, происхо-

дящих из Центрального Поднепровья — Мельгуновский курган, Журовка, Старый Мерчик; Нижнего Поднепровья — Солоха; Предкавказья и Кавказа — Краснодарский край, Красноямацкий могильник, могильник Вани (птицы из последних 2 памятников выполнены, преимущественно, в греческой манере и практически лишены черт скифского звериного стиля). При этом крымская птица занимает среднюю хронологическую позицию между самыми ранними экземплярами из Мельгуновского кургана (вторая половина VII в. до н. э.) и более поздними изображениями из Солохи (конец V в. до н. э.). Еще более ограниченной является серия блях в виде *головы грифона* с открытой пастью и ломаным языком [ИТУАК, 1891, рис. 12; 13] (рис. 5, 10). Эти изображения передают мотив редуцированного позднегреческого грифона, хотя исследователи не исключают возможность формирования данного образа и в скифской среде, в результате контаминации профильных голов львов и хищных птиц. Кроме крымского, в нее входят изображения из Грищенец, Берестняг, Журовки и Ольвии. Наконец, имеется всего 2 аналогии крымским *полнофигурным изображениям кошачьих хищников* со «свисающими» передними лапами из Золотого кургана [ИТУАК, 1891, с. 148, рис. 8] и Пантикапея [Островерхов, Охотников, 1989, рис. 1, 1] (рис. 5, 5, 6), происходящие из Среднего Поднепровья (Журовка и Макеевка). При этом поднепровские «пантеры» выделяются схематизмом и утратой ряда мелких деталей, что говорит об их подражательном характере и генеалогическом приоритете крымских изображений. Кроме того, сама композиция крымских кошачьих хищников, а также наличие на «пантере» из Золотого кургана специальных гнезд для цветных вставок свидетельствуют в пользу серьезного греческого влияния на формирование этого образа. Исследователи склонны считать обе крымские бляхи произведениями «боспорской школы» звериного стиля [Островерхов, Охотников, 1995, с. 52].

2. ГЕОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ОБРАЗОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ МИГРАЦИЙ РАННИХ СКИФОВ

Картографирование мест обнаружения предметов в зверином стиле архаического времени указывает на места их концентрации, коими являются: восточная часть Керченского полуострова (9), Предгорье Центрального Крыма (10) и Предгорье Юго-Восточного Крыма (10). Единичные экземпляры обнаружены в Центральной и Юго-Восточной Степи (3) (рис. 6).

При анализе всей совокупности архаических образов с территории Крыма, в первую очередь заслуживает внимания факт их достаточно

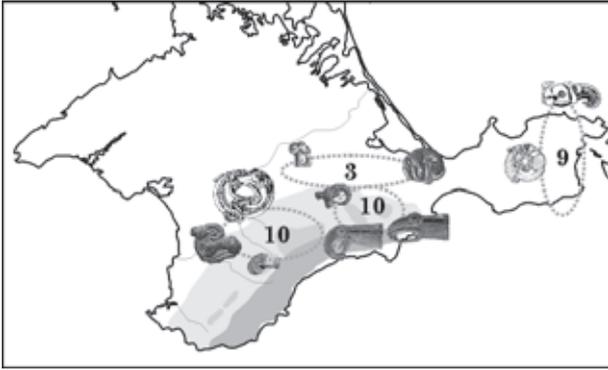

Рис. 6. Микрорегионы концентрации предметов скифского звериного стиля эпохи архаики в Крыму: Керченский полуостров, Юго-Восточное Предгорье, Центральное Предгорье, Степь. Цифрами обозначено количество находок

большой количественной представленности. К VII — рубежу VII—VI либо первой половине VI в. до н. э. можно отнести уже не только единичные темиргорские изображения, но и серии пряжек-пронизей (3 экземпляра), бутеролей (4 экземпляра). Что касается двухфигурной композиции козы с козленком то, как уже говорилось выше, по стилистическим признакам и всего лишь двум композиционным аналогиям она может быть отнесена к первой половине VII в. до н. э. Еще большее количество изображений (12 на 14 предметах) можно отнести к концу VI — началу либо первой половине V в. до н. э. Число же изображений, уверенно относимых к середине — второй половине VI в. до н. э. несколько меньше, чем в предшествующей и последующей хронологических группах (8 изображений).

Увеличение общей совокупности архаических предметов, выполненных в зверином стиле, несколько меняет наши представления о присутствии скифов на территории Крыма. Очевидно, что кочевания ранних скифов были не такими уж малочисленным и тем более не единичными, как представлялось ранее. Это относится как ко времени переднеазиатских походов (середина — вторая половина VII в. до н. э.) — выделяемая исследователями «первая волна» скифских мигрантов [Скорый, 2003, с. 88], так и, в еще большей степени, ко времени после походов (рубеж VII — VI, начало VI вв. до н. э. Более того, уже в «походное» время проникновение скифов на полуостров не ограничивалось только лишь территорией Степного (Восточного и Северного) Крыма, но затронуло и Предгорье, о чем свидетельствует бляха с двухфигурной композицией и клювовидная пронизь. После походов количество скифов в Крыму, вероятно, увеличивается, о чем свидетельствуют, как рассмотренные предметы звериного стиля (бутероли в виде головы хищной птицы, бляшки в виде горного козла с направленной вперед головой), так и предме-

ты вооружения — клинковое оружие, наконечники стрел [Скорый, Зимовец, 2014, с. 19—53]. Увеличение предметов звериного стиля архаического облика в Крыму не должно нас удивлять, учитывая, что, по Геродоту, эта территория была освоена скифами еще в «допоходное время», а «возвращение» из походов напрямую связано с ним.

В середине — второй половине VI в. до н. э. происходит уменьшение количества предметов, выполненных в зверином стиле, а также сокращение репертуара образов. Если образ горного козла, с направленной вперед головой продолжает свое развитие (серия из 6 однотипных блях), то бутероли в виде головы хищной птицы, клювовидные и барановидные пряжки-пронизы выходят из употребления. Также больше не встречается образ бараноптицы и свернувшийся хищник келермесско-яблоновского типа. Определенный упадок скифского звериного стиля во второй половине VI в. до н. э. наблюдается и в Лесостепи [Шкурко, 2000, с. 36], что свидетельствует об общности проходивших в то время культурных процессов на обширных территориях Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья. В то же время, в единичных экземплярах появляются 2 новых типа хищника: свернувшийся кошачий из Новопокровки и стоящая на «полусогнутых» ногах «пантера» из разрушенного погребения близ Керчи. Время их бытования довольно узкое — вторая половина VI в. до н. э. Ю.Б. Полидович полагает, что рассматриваемый образ кошачьего хищника сложился под влиянием аржано-казахстанской изобразительной традиции и, скорее всего, был связан с волной мигрантов, принесших изобразительное новаторство [Полидович, 2010, с. 222].

Наконец, на рубеже архаики и классики появляется целый ряд новых образов, знаменующих собой практически полную смену репертуара звериного стиля: свернувшийся волчий хищник, редуцированные образы волчьего хищника (на клыках-подвесках), грифона, кабана. Под влиянием греческого искусства существенно меняется стилистика изображения кошачьих хищников («пантерь») со «свисающими» лапами из Золотого кургана и Пантикапея). Позднее, уже в V в. до н. э., в репертуар скифского звериного стиля Крыма добавится образ лося — редуцированного либо в жертвенной позе — и оленя. Последний не зафиксирован в скифской архаике Крыма, что нуждается в отдельном объяснении, хотя нельзя сбрасывать со счетов и неполноту источников. В целом, такая смена репертуара характерна для всей Скифии конца VI — начала V в. до н. э., и ее можно связать с появлением новой волны кочевников в Причерноморье и Лесостепи [Алексеев, 2003, 168—192], а также с усилением влияния на скифский звериный стиль греческого искусства.

Вторым важным выводом из приведенного анализа является наличие аналогий крымским изделиям в Предкавказье и на Кавказе, с одной стороны, и в Левобережной и Правобережной Скифии (преимущественно лесостепной), с другой. Это справедливо как для хорошо известных образов так и для экземпляров, относительно недавно введенных в научный оборот, что свидетельствует о единстве репертуарного ядра архаических скифских образов на территории Предкавказья и Скифии. При этом, чем ближе к классической эпохе, тем меньше становится пропорция кавказских аналогий и увеличивается доля аналогий, происходящих с территории Лесостепного Поднепровья. Это можно объяснить как более активным освоением скифами Степного и Лесостепного Поднепровья, т. е. физическим исходом значительной массы населения с Кавказа, так и началом производства предметов в скифском зверином стиле в греческих городах Северного Причерноморья и на поселениях Лесостепи.

Все крымские образы, за исключением двухфигурной композиции козы с козленком, принадлежат так называемому сакизско-келермесскому кругу [Шкурко, 2000, с. 306], сформировавшемуся в условиях прямых контактов с древневосточным искусством, в основном во время переднеазиатских походов. Наиболее древние из них находят аналогии на Левобережье. Это образ бараноптицы (Темир-гора, Семеновка, Бельск, Волковцы), дополнительные изображения копытного на клюве бараноптицы (Новозаведенное II, Темир-гора, посульские псалии) и дополнительные изображения зайца в основании клюва (Темир-гора, Бельск, Волковцы), клювовидные и барановидные пряжки-пронизи (Келермес, Центральный и Юго-Восточный Крым, Посулье, Поворсклье), образ горного козла с направленной вперед головой (Центральный Крым, Поворсклье), бронзовые топорики-скипетры с головой хищной птицы и копытом неопределенного животного (Тауйхабль, Юго-Восточный Крым, Центральный Крым, Волковцы). Правобережные аналоги представлены бутеролями, оформленными в виде головы хищной птицы (Кавказ и Предкавказье, Юго-Восточный Крым, Северо-Западное Причерноморье, Поднепровье, Правобережная Лесостепь), клювовидными и барановидными пряжками пронизиями (Келермес, Центральный и Юго-Восточный Крым, Тясмин).

Характер взаимосвязи двухфигурных композиций козы с козленком из Зуи-Ароматного, лосихи с лосенком из Жаботина и пантер из Аржана является, на наш взгляд, наиболее интригующим вопросом, остающимся пока без окончательного ответа. Можно ли считать аржанское изображение общим истоком двухфигурных композиций, как жаботинской, так и крымской? В этом случае было бы логично говорить о некоем прямом саяно-алтайском им-

пульсе на территорию Восточной Европы, связанном с одной из самых ранних миграционных волн, возможно еще в «допоходное» время. Пока же можно лишь констатировать факт наличия в очень вытянутом на восток треугольнике Аржан—Жаботин—Центральный Крым композиционно сходных изображений, относящихся к древнейшему пласту скифского искусства.

Также требует дальнейшего исследования и географическая динамика образа свернувшегося хищника. Так, для самого раннего, келермесско-яблоновского типа, к которому относится и темиргорское изображение, местом основной концентрации является Предкавказье (Келермесские курганы) и Кавказ, откуда он, скорее всего, и проник в Поднепровье через территорию Крыма. Что касается свернувшегося волчьего хищника из кургана Кулаковского, Пантикапея и Белогорского района, то, несмотря на его возможную савроматскую и ананьинскую генеалогию, местом формирования данного типа является, судя по археологическим материалам, Причерноморская Степь, вполне возможно — Крым (учитывая влияние античного искусства на иконографию кулаковской большой бляхи). Образы, обнаруженные в Предкавказье и на Среднем Дону, имеют уже явно подражательный, вторичный характер и их количество относительно невелико.

Отдельная бляха с изображением свернувшегося кошачьего хищника из Новопокровки является третьей из известных на данный момент, при этом остальные обнаружены только на Левобережье (Мелитопольский уезд, Басовка). Однако аналогичные изображения свернувшегося кошачьего входят в композиции крестовидных блях, происходящих с Левобережья, Карпато-Дунайского региона, Ольвии, Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Прикамья [Полидович, 2000, с. 35—38]. При этом наибольшее сходство с новопокровским хищником наблюдается на бляхах с Левобережья (Гусарка, Опишлянка, Волковцы), Ольвии, Нижнего Подонья (Дугино) и Нижнего Поволжья (могильник Аксай). Традиционно, крестовидные бляхи связывались с ольвийским производственным центром [Фурманская, 1963, с. 63—65]. Однако со временем эта версия встретила аргументированную критику [Ольговский, 1995; 2014, с. 207—248; Полидович, 2000]. Результаты нашей картографии подтверждают, скорее, выводы С.Я. Ольговского и Ю.Б. Полидовича о том, что происхождение крестовидных блях можно связать с территорией Левобережной Лесостепи и нет доказательств в пользу их ольвийского происхождения. Как нам представляется, решение этого вопроса во многом будет зависеть от выяснения генезиса образа свернувшегося хищника, в частности, являются ли одиночные бляхи с этим изображением генетически приоритетными по отношению к сложным композициям ольвийских блях. Тот

Рис. 7. Основные маршруты раннескифских миграций

факт, что большинство образов, изображенных на крестовидных бляхах — голова хищной птицы, барана, полнофигурные хищники — находят аналогии в отдельных изображениях более раннего этапа архаического периода с территории Лесостепи и Казахстана [Полидович, 2000, с. 42], свидетельствует в пользу синтетического характера этих изделий.

В свете приведенных соображений, общий вопрос о контактах ранних скифов Крыма с Ольвией остается открытым. В то же время, концентрация зеркал «ольвийского» типа на территории Нижнего Побужья и Поднепровья очевидна. И находка пантеры — окончания ручки зеркала «ольвийского» типа в Керчи — как будто бы может свидетельствовать о наличии таких контактов во второй половине — конце VI в. до н. э. Во всяком случае, более поздний материал — V в. до н. э. — свидетельствует в пользу присутствия устойчивых связей крымских скифов с ольвийским производственным центром [Скорый, Зимовец, 2014, с. 163].

Таким образом, в результате проведенного анализа, есть все основания полагать, что Крымский полуостров был основным путем продвижения ранних скифов с территорий Кавказа и Предкавказья в Северное Причерноморье и Приднепровскую Лесостепь. Речь идет, во-первых, о «походном» времени — второй—третьей четверти VII в. до н. э. (темиргорские изображения, клововидная пронизь). Во-вторых, о периоде рубежа VII—VI — начале VI в. до н. э., «возвращении» (бутероли, барановидные пронизи, однотипные бляхи горных козлов). В-третьих, о времени перехода от архаики к классике — новая миграционная волна (?) конца VI — начала V в. до н. э. (свернувшийся волчий хищник, клыки-подвески, образы головы грифона и пантеры со «свисающими» лапами).

Важно отметить, что на Нижнем Дону, где также мог пролегать один из основных путей миграции скифов с востока в Северное Причерноморье и Лесостепь, пока не известны ни клововидные и барановидные пряжки-пронизи, ни бутероли в виде головы хищной птицы, также как и образ козла, с направленной вперед головой¹. Что касается нижнедонских костяных налужий в виде головы бараноптицы и хищной птицы (Дюнный, Высочино, Новоалександровка-1), то их стилистика существенно отличается от линии Новозаведенное—Семеновка—Бельск—Волковцы и свидетельствует, скорее, в пользу некоей локальной и упрощенной интерпретации.

Принимая во внимание приведенные ранее методологические соображения о значении предметов звериного стиля как маркеров миграционных процессов в эпоху архаики, картографирование мест обнаружения описанных выше артефактов, на наш взгляд, хорошо маркирует маршрут продвижения ранних скифов из Предкавказья в Лесостепь (рис. 7). Он проходил через Керченский пролив, Керченский полуостров, Степной Крым, Перекоп далее, вероятно, разделяясь на Причерноморский, который вел через одну из многочисленных переправ на Нижнем Днепре² на запад, в сторону Фракии («торный путь» Э.В. Яковенко) и Приднепровский. Последний, в свою очередь, разделялся на Правобережный, проходивший, вероятно, через Никопольскую или Кичкасскую переправу и далее, по Правобережью вплоть до тясминского

1. Одна клововидная пряжка-пронизь, отличающаяся по типу от рассматриваемых, происходит со Среднего Дона — кургана 2 у с. Владимировка [Могилев, 2008, рис. 129, 15].

2. Г.Л. де Боплан упоминает 5 переправ, существовавших «от Кичкаса до Очакова» [Боплан, 1990, с. 43].

куста памятников (именно этот путь в более позднее время получил название «соляного шляха», по которому чумацкие обозы доставляли соль с берегов Сиваша в Лесостепную Украину [Літопис ..., 1990, с. 570]) и Левобережный, шедший по левому берегу в направлении Поворскля и Посулья. Кстати, одно из ответвлений «соляного шляха» проходило по левому берегу до Каховки, а оттуда степью на Перекоп [Болтрик, 1990, с. 39]. Обе ветки «соляного шляха» были наиболее короткими маршрутами, соединявшими Крым с Лесостепью. По мнению Ю.В. Болтрика, именно на основных направлениях сухопутных коммуникаций, в более позднее время, были сооружены такие курганы, как Огуз, Козел, Солоха, Чертомлык [Болтрик, 1990, с. 38]. При этом, безусловно, нельзя исключать, что маршрут через Нижнее Подонье также существовал¹. Просто, судя по доступному на данный момент материалу скифского звериного стиля, если им и пользовались для проникновения в Приднепровскую Степь и Лесостепь в раннескифское время, то намного реже.

В связи с высказанными аргументами относительно интенсивности и географии пребывания ранних скифов в Крыму, становится сомнительным тезис Т.Н. Троицкой о существовании резких культурных различий между Центральным Крымом и Керченским полуостровом в эпоху архаики, а также гипотеза о том, что в это время проникновение скифов в Центральный Крым происходило исключительно из Причерноморских Степей, через Перекопский перешеек. Культурные отличия между ранними памятниками востока и центра полуострова связаны с двумя разновременными волнами мигрантов. При этом представители первой, «походной» волны, как мы попытались продемонстрировать, также присутствовала в центре полуострова. И обе волны проникали в Крым через Керченский пролив и полуостров.

Картографирование крымских предметов звериного стиля и их аналогий подтверждает гипотезу Э.В. Яковенко о существовании пути (по крайней мере, в скифское время), соединявшего Предкавказье, Приднепровскую Степь и Лесостепь и проходившего через территорию Крыма. Также подтверждается гипотеза М.Ю. Вахтиной и ряда исследователей о том, что через район Восточного Крыма в эпоху архаики проходил путь регулярных миграций скифов, связывавших Степное Поднепровье и Кубань. Однако в контексте приведенного выше материала, данный тезис нуждается в двух существенных дополнениях.

Во-первых, путь миграций связывал с Предкавказьем не только Степное, но и Лесостепное Поднепровье, в котором и обнаружено боль-

шинство аналогий предметам из Предкавказья и Крыма. Особенно устойчивая связь наблюдается между Предкавказьем, Крымом и Лесостепным Левобережьем: начиная с ранней архаики (образ бараноптицы) и заканчивая рубежом архаики и классики (топорики-скипетры) мы видим очень близкие аналогии. Впоследствии, в эпоху классики, можно также наблюдать ряд впечатляющих аналогий между крымскими и левобережно-лесостепными предметами звериного стиля [Скорый, Зимовец, 2014, с. 162], что подтверждает гипотезу существования в скифское время устойчивого левобережного маршрута из Крыма в Лесостепь.

Во-вторых, уже в архаическое время Крым был не только транзитной территорией, но и местом постоянного пребывания определенной части скифов, о чем свидетельствуют архаические предметы из Предгорья и Степи, концентрация бутеролей (при том, что определенный их тип — «Репяховатая Могила» — вероятно, мог и появиться на этой территории) и, конечно же, локальные особенности крымского звериного стиля (однотипные изображения горного козла с направленной вперед головой). Это пребывание фиксируется уже в «походное» время. После походов, численность скифов в Крыму увеличивается.

В связи со вторым дополнением отдельного внимания заслуживает тот факт, что значительная часть предметов скифского звериного стиля архаической эпохи (те же бляхи с изображением горного козла, с направленной вперед головой, бутероли) концентрируется в Центральном и Восточном Предгорье. На наш взгляд, даже учитывая случайный характер многих находок, в таком сосредоточении проявляется определенная закономерность, которая может быть объяснена двумя причинами, не исключая друг друга. Во-первых, столкновением скифов с автохтонными горцами — таврами во время освоения территории полуострова во второй половине VII — VI вв. до н. э. Во-вторых, межскифские столкновения, нашедшие отражение в эпосе Геродота о борьбе вернувшихся из переднеазиатских походов скифов и потомков слепых рабов в начале VI в. до н. э. Обоснование первой гипотезы было изложено в специальной статье [Скорый, Зимовец, 2015а] и базировалось на следующих аргументах: следы битв (наконечники стрел), большое количество потерянного оружия и предметов конской упряжи в юго-восточной и центральной части Предгорья, длительный характер противостояния (вся эпоха архаики вплоть до окончания скифо-персидской войны). Второе обоснование высказано С.Г. Колтуховым и основано на территориальной близости мест концентрации клинкового оружия (Кировский р-н) и предполагаемого рва, выкопанного потомками рабов (Ак-Монайский перешеек) [Колтухов, 2014, с. 127]. Однако не стоит забы-

1. В средневековье известен «залозный шлях», шедший с Левобережной Лесостепи в Нижнее Подонье [Літопис ..., 1989, с. 551].

вать и версию, высказанную В.С. Ольховским и И.Н. Храпуновым. Геродотовское сказание о потомках слепых рабов вполне могло быть мифологизированной передачей реального процесса смешения скифов и кизил-кобинцев, проходившего в VII — начале VI вв. до н. э. [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 27]. В этом случае, концентрация оружия и предметов звериного стиля в Восточном Предгорье может отражать реальную борьбу, которая имела место между ранее освоившими эту территорию скифами, во многом ассимилированными с кизил-кобинцами и «второй волной» скифов, вернувшихся после переднеазиатских походов [Скорый, 2003, с. 88]. К сожалению, для большей убедительности данной версии не хватает более точных, «зауженных» датировок предметов звериного стиля и вооружения, что позволяет лишь очень условно разнести во времени предметы до и после возвращения основной массы скифов из Передней Азии. Однако этот аргумент не может быть решающим, поскольку само это «возвращение» нельзя рассматривать как одномоментное действие, произошедшее после пира Киаксара. Скорее всего, это был растянутый во времени и волнообразный процесс, продолжавшийся большую часть VII в. до н. э. [Кисель, 2003].

Следует отметить, что концентрация предметов звериного стиля в Центральном и Восточном Предгорье Крыма, а также наличие здесь его локального варианта (серия однотипных бляшек в виде ажурного изображения горного козла с направленной вперед головой) действительно сопровождается и концентрацией двух других элементов скифской триады, в особенности клинкового оружия и стрел, свидетельствующих о боевых столкновениях [Скорый, Зимовец, 2014, с. 19—54; 2015а, с. 33—36]. Как бы ни решался вопрос относительно сторон этих столкновений, несомненным является факт довольно длительного пребывания ранних скифов в этих районах Крыма. Владение горными массивами Кубалач и, в особенности, Агармыш (восточная оконечность Предгорья) являлось стратегически важным для контроля над самой узкой частью Керченского полуострова, соединяющего его с остальным Крымом — Акмонайского перешейка — а также довольно узкого прохода с Керченского полуострова в Степной Крым, зажатого между Меотидой и Предгорьем. Удерживание этой территории давало возможность практически полного контроля над транзитным путем из Предкавказья через Боспор Киммерийский и Керченский полуостров к Перекопу и далее в Поднепровье — основным маршрутом скифских передвижений в архаическое время. А также контроль над продвижением в область тавров — Крымское Предгорье — по Старокрымской долине или по долинам рек Индол, Кучук-Карасу и Бюк-Карасу, равно как и перемещением из области тавров в степные районы.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб, 2003. — Альбом. — 272 с.

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. — СПб, 2003. — 416 с.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. — 1990. — № 4. — С. 30—44.

Боплан Г.Л. Опис України // Гійом Лавассер де Боплан. Опис України. Проспер Меріме. Українські козаки та їх останні гетьмани; Богдан Хмельницький. — Львів, 1990. — 301 с.

Вахтина М.Ю. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII—VI вв. до н. э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов): Материалы 2-го археол. семинара. — Новочеркасск, 1989. — С. 74—89.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. — 1980. — № 4. — С. 155—161.

Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. — 1963. — № 2. — 158—170.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. — М., 1997. — 270 с.

Зимовец Р.В. О локальных особенностях бронзовых бутеролой в виде головы хищной птицы // Старожитность раннего залізного віку. — К., 2016. — С. 76—88 (АДІУ. — Вип. 2 (19)).

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. — М., 2001. — 324 с.

Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. — 1965. — № 1. — С. 86—107.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 223 с.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 203 с.

ИТУАК. — 1891. — № 11.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. — М., 2007. — С. 235—257.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.

Канторович А.Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. — 1995. — № 4. — С. 45—55.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... докт. ист. наук. — М., 2015. — 1724 с.

Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитерное искусство из курганов Адыгеи. — М., 2006. — 232 с.

Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху // МИА. — 1956. — № 50. — С. 211—254.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). — СПб, 2006. — 272 с.

Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. — СПб, 2003. — 192 с.

Колтухов С.Г. Скифы горной части Крымского полуострова (регион, ресурсы и хозяйственная де-

- ятельность, история изучения) // ССПиК. — 2014. — Вып. XVII. — С. 122—153.
- Крис Х.И. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира // СА. — 1976. — № 2. — С. 240—245.
- Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии. VI—III вв. до н. э. — М., 2002. — Т. 1. — 349 с.
- Кулатова И.Н., Скорый С.А., Супруненко А.Б. Раннескифское погребение на юге Приднепровской Левобережной террасовой Лесостепи (к вопросу о переднеазиатских инновациях в восточноевропейском зверином стиле) // АЛЛУ. — 2006. — № 1. — С. 46—60.
- Курочкин Г.Н. Ранние этапы формирования скифского искусства (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов): Материалы 2-го археол. семинара. — Новочеркасск, 1989. — С. 102—120.
- Литопис руський. — К., 1989. — 591 с.
- Марсадалов Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. — М., 2005. — С. 301—316.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. — 1992. — № 3. — С. 86—107.
- Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 440 с.
- Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—154.
- Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 136 с.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. — 1989. — № 2. — С. 50—67.
- Ольговский С.Я. Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія — 1995. — № 2. — С. 25—31.
- Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. — М., 2014. — 278 с.
- Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. — 1981. — № 3. — С. 52—65.
- Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. — 1982. — № 4. — С. 61—81.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. — Симферополь, 1995. — 128 с.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. — М., 2012. — 472 с.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. — М., 1994. — 206 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозадненное-II // Скифы и Сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000. — С. 238—248.
- Погрובהва М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. — М., 1992. — 260 с.
- Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан-II и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. — СПб, 2010. — С. 217—224.
- Полидович Ю.Б. Скiфські хрестоподібні бляхи // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 35—48.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г.В. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005. — 590 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Бляшки-«козль» с отрубленными головами (к ритуальной практике крымских горцев в эпоху раннего железа) // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 140—144 (АДЛУ. — Вып. 2 (15)).
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. К вопросу о взаимоотношениях скифов и тавров в VII—IV вв. до н. э. // Археологія і простір. — К., 2015а. — С. 30—45 (АДЛУ. — Вып. 4 (17)).
- Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. — К., 1961. — 248 с.
- Топал Д.А. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // МАСП. — Одесса, 2015. — С. 54—79.
- Троицкая Т.Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // Изв. крымского отдела географического общества. — 1957. — Вып. 4. — С. 67—76.
- Толстиков В.П. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспорские чтения. — 2001. — Вып. XII. — С. 365—367.
- Фурманская А.И. Бронзолитейное ремесло в Ольвии // Археологія. — 1963. — Т. XV. — С. 61—70.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. — М., 1967. — 300 с.
- Шкурко А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам Лесостепной Скифии) // Скифы и Сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000. — С. 304—313.
- Шрамко И.Б. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // Археологія без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015. — С. 487—511 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
- Храпунов И.М. Етнічна історія Криму у ранньому залізному віці: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. — К., 2003. — 36 с.
- Храпунов И.М. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. — Симферополь, 1995. — 83 с.
- Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеобразных скипетров предскифского времени // СА. — 1990. — № 1. — С. 249—250.
- Яковенко Э.В. Древнейший памятник искусства скифов // СА. — 1976. — № 2. — С. 236—240.
- Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976а. — С. 131—132.
- Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. — 1968. — № 4. — С. 200—207.
- Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — К., 1985. — 35 с.

Р. В. Зимовець

R. V. Zymovets

КРИМ У КОНТЕКСТІ РАНЬОСКІФСЬКИХ МІГРАЦІЙ (за матеріалами звіриного стилю)

Стаття присвячена виявленню значення Криму у заселенні Північного Причорномор'я і Придніпровського Лісостепу скіфами на початку раннього залізного віку — у VII—VI ст. до н. е. При цьому скіфський звіриний стиль розглянуто як один з головних маркерів пересування кочовиків епохи архаїки. Зібрано інформацію про всі відомі нині предмети, оформлені у скіфському звіриному стилі у Криму, які датуються VII — початком V ст. до н. е. Аналіз широкого кола аналогій кримським предметам у звіриному стилі доводить, що, як з точки зору репертуару, так і стилістики образів вони були пов'язані з територією Кавказу та Передкавказзя з одного боку, та Подніпров'я (особливо Лісостепу) — з іншого. У сукупності з іншими джерелами це доводить, що у раньоскіфський час Крим був основною транзитною територією, через яку йшло проникнення скіфського контингенту з Передкавказзя у Подніпров'я. Існував й інший шлях такого проникнення — через Нижній Дон, але, судячи з аналізу предметів звіриного стилю, якщо ним і користувалися, то набагато рідше.

Локальні особливості й географія кримських предметів звіриного стилю свідчать про те, що вже у VII ст. до н. е. півострів був не лише транзитною зоною, але й місцем постійного перебування певного контингенту скіфів, яке не було обмежене лише Степовою частиною (Східний і Північний Крим), а досягало Східного й Центрального Передгір'я, де спостережена найбільша концентрація випадкових знахідок архаїчного звіриного стилю. Зважаючи також на велику концентрацію предметів озброєння (клинкова зброя, наконечники стріл) на цій території можна зробити висновок про тривале перебування ранніх скіфів у Центральному та, особливо, Східному Передгір'ї, пов'язане з бойовими діями з автохтонами-таврами, або з більш ранньою, «першою» хвилею скіфів, що оволоділи цим мікрорегіоном до приходу основної маси кочовиків з Передньої Азії та їх міграції з Кавказу до Північного Причорномор'я.

У середині — другій половині VI ст. до н. е. кількість предметів звіриного стилю дещо скорочується, спостерігається звуження репертуару образів. Натомість вже наприкінці VI — початку V ст. до н. е. репертуар оновлюється, з'являється низка нових образів (вовчий хижак, що згорнувся, редуковані зображення вовка, грифона, кабана), а старі образи (кошачий хижак, хижа птиця) зазнають суттєвих стилістичних трансформацій. Така зміна репертуару характерна для всієї Скіфії рубежу архаїчного та класичного часів й свідчить про появу нової хвилі кочовиків у Північному Причорномор'ї як носіїв нових імпульсів у розвитку звіриного стилю, а також про зростаючий вплив грецького мистецтва.

Ключові слова: скіфський звіриний стиль, Крим, ранній залізний вік, міграції скіфів.

CRIMEA IN THE CONTEXT OF THE EARLY SCYTHIAN MIGRATIONS

(According to Scythian Animal Style)

The role of the Crimea in the process of settlement of the Scythians of Northern Black Sea Coast and Dnieper Forest-Step region in the Early Middle Age (7th—6th centuries BC) is on the focus of current article. Scythian animal style is considered as a one of the most important marker of the movement of nomads in the archaic epoch. Article collect information about all currently known objects decorated in the Scythian animal style in the Early Middle Age. The analysis of a wide range of analogies of the Crimean animal style objects (elements of horse bridle mostly) prove that they are connected with Caucasus region from the one side and Dnieper region (especially Middle Dnieper, Forest-Steppe) from the other in terms of repertoire and stylistic features. This confirm conclusion that Crimea was the main transit territory, through which Early Scythian nomads penetrated from Caucasus to Northern Black Sea Coast and Middle Dnieper Region. Alternative way via Lower Don was much less demanded.

Besides, local features and geography of Crimean animal styled objects show that already in 7th century BC the permanent contingent of Scythians presented on peninsula. That is true not only for Steppe Crimea (east and north parts of peninsula) but for the Central and East Foothill also, where the highest concentration of archaic animal style are recorded. Paying attention to high concentration of armament items (bladed weapons, arrows) on this territory author argues about long stay Early Scythians in the Foothill. The reasons was military confrontation with Crimean autochthonous — Taurus — or with «first wave» of Scythians which seized this territory before the main part of nomads came here from Middle East military campaign and Caucasus.

In middle — second part of 6th century BC quantity of animal styled objects is decreasing, narrowing of the repertoire of images observed. But already in the end of 6th — early 5th century BC repertoire updated, a series of new images appears (coagulated wolf, reduced images of wolf, griffin, boar), old images (feline predator, predatory bird) are transformed seriously. Such repertoire renovation is peculiar to all Scythia in transition time from archaic to classic period and proves the emergence of new nomads wave as well as growing impact of Greek culture.

Keywords: Scythian animal style, Crimea, Early Iron Age, Scythian migrations.

Одержано 04.03.2017

Э. Кайзер, Н.А. Гаврилюк, М.Т. Кашуба, М.А. Кулькова

СОСУДЫ «ФРАКИЙСКОЙ ГРУППЫ» ИЗ СТЕПНЫХ ПРЕДСКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ¹

Статья посвящена лощеной керамике из погребений ранних кочевников (IX—VIII/VII вв. до н. э.) Северного Причерноморья. Обозначены основные проблемы, которые необходимо решать с учетом важных результатов, связанных с пересмотром концепции культурно-исторического развития лесостепи Северного Причерноморья (включая Восточное Прикарпатье) и понижением хронологии предскифского и раннескифского периодов. Кратко проанализированы сосуды «фракийской» группы (более 40 экземпляров), присутствие которой среди степной лощеной керамики ставилось под сомнение, а материалы считались малочисленными.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ранний железный век, ранние кочевники, культура Сакхара, культура Басарабь-Шолдэнешть, керамика, орнаментация.

Первые века I тыс. до н. э. характеризуются глобальными изменениями в укладе жизни степных племен юга Восточной Европы, когда земледельческо-скотоводческое хозяйство и оседлый быт сменяются скотоводческим хозяйством и кочевым образом жизни. В условиях кочевого быта продолжает использоваться, но в меньшем количестве, посуда из глины, при этом ее значение, как ведущего этнокультурного признака, понижается. Считается, что из-за хрупкости и малой пригодности для транспортировки, керамика не принадлежит к основному инвентарю кочевых групп или групп мобильного образа жизни. Вместе с тем, благодаря ежегодным раскопкам фонд такого рода находок неуклонно пополняется.

Источником для изучения керамики у ранних кочевников всегда служили материалы из степных погребений предскифского периода. В свое время А.И. Тереножкин впервые представил полноценный каталог раннекочевнических («киммерийских») погребений, предложил их интерпретацию, датировку и периодизацию. В числе прочего инвентаря он проанализировал и керамику, в частности, обратил внимание на близкие аналогии в земледельческо-скотоводческих культурах лесостепной зоны Северного Причерноморья [Тереножкин, 1976, с. 15]. В специальной литературе неоднократно отмечено, что труды А.И. Тереножкина заложили основы для изучения предскифского периода на юге Восточной Европы. Обращаясь к этой теме, авторы отдадут дань этому выдающемуся исследователю и считают за честь внести посильный вклад в начатое им важное научное направление.

После работ А.И. Тереножкина проблематика «киммерийской культуры» юга Восточной Европы неоднократно являлась предметом специальных исследований, в которых было уделено внимание и керамике из степных погребений ². Упомянем несколько работ, которые вывели интересующую нас проблематику на качественно новый уровень изучения и стимулировали новые направления.

В конце 1970-х гг. одна из авторов настоящей статьи опубликовала исследование, в котором впервые были представлены классификация и типология лощеной керамики из степных предскифских погребений. Важным оказался автор-

1. Работа выполнена при поддержке Фонда Фольксваген (Германия), грант № 90 216.

© Э. КАЙЗЕР, Н.А. ГАВРИЛЮК, М.Т. КАШУБА,
М.А. КУЛЬКОВА, 2017

2. В задачи настоящей статьи не входит полный анализ всех работ, так или иначе касающихся проблем изучения керамики из степных предскифских погребений Северного Причерноморья.

ский подход, когда на основе анализа керамики были выявлены местные и заимствованные компоненты в «киммерийской» культуре [Гаврилюк, 1979, с. 20]. Речь шла о том, что в составе посуды IX — первой половины VII в. до н. э. из степных северопричерноморских погребений присутствуют несколько разных по происхождению групп керамики (см. [Гаврилюк, 1999, с. 85; 2004, с. 25]). Во всех дальнейших исследованиях этот вывод никем не оспаривался и помимо хронологии, всегда обсуждались характер и состав раннекочевнического керамического комплекса.

В те же годы увидел свет капитальный труд А.И. Мелюковой, посвященный фракийскому влиянию в культурах предскифского и скифского времени Северного Причерноморья. В числе остальных находок исследовательница рассмотрела керамику из погребений степной зоны. Она выявила формы и орнаменты, которые сопоставила с посудой типа Сахарна и типа Шолдэнешть, относимой к фракийскому миру [Мелюкова, 1979, с. 62]. Длительная и оживленная дискуссия о происхождении (пришлый или местный) геометрического узора на керамике предскифского периода в Северном Причерноморье (см. [Скорый, 1999, с. 46; Кашуба, 2000а, с. 246, библиография; Бруяко, 2005, с. 14]) не помешала обозначить «фракийскую» группу в посуде из степных захоронений. Однако эту точку зрения разделяли не все специалисты, чему способствовали подходы и самой А.И. Мелюковой к датировке Сахарны и ее статусу. Речь шла о «группе Сахарна» — небольшом количестве памятников, не имеющем тогда статуса археологической культуры. Хотя исследовательница отстаивала не местный, а пришлый балкано-дунайский характер чернолесско-жаботинской лощеной посуды и ее орнаментации, хронологию Сахарны она выстраивала через синхронизацию с поздним Чернолесьем [Мелюкова, 1989, с. 21]. Соответственно, А.И. Мелюкова датировала тогда Сахарну не ранее конца IX в. до н. э., а основной период ее бытования — VIII — началом VII в. до н. э. [Там же]. Тем самым невозможно было выстроить хронологический приоритет в поисках аналогий степным сосудам: речь шла о синхронных или частично синхронных культурах (Сахарна и позднее Чернолесье) в лесостепи Северного Причерноморья, поэтому в орнаментации и форме одного и того же сосуда специалисты нередко усматривали совсем разные культурные влияния.

Заслуживает внимания исследование С.А. Скорого, хотя и посвященное «киммерийцам» лесостепной зоны Северного Причерноморья, но содержащее весьма ценные наблюдения о характере и составе керамических наборов в степных «киммерийских» погребальных комплексах [Скорый, 1999, с. 43—47]. В частности, автор отметил, что «керамический набор киммерийских погребений Лесостепи отличается от степных захоронений и по количеству сосудов, и по ассортименту послед-

них. В степных могилах, как правило, находят по одному сосуду» [Там же, с. 43]. Исследователь пришел к выводу о местном характере керамики из «киммерийских» погребений лесостепи и вновь поднял вопрос о первичных территориях, откуда лощеная посуда попадала в степные предскифские комплексы [Там же]. Он привел мнение ряда исследователей о проникновении лесостепных форм в степь, как свидетельство тесных контактов со стороны лесостепных племен с «киммерийцами» или со стороны «киммерийцев» с лесостепью (см. [Ильинская, 1975, с. 168; Тереножкин, 1976, с. 96; Мелюкова, 1989, с. 15; Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 152]), и выдвинул оригинальную идею. На основании того, что «киммерийцы степного ареала ... не пользовались лесостепной керамикой», он предположил, что погребения с чернолесско-жаботинской посудой в степи могли быть оставлены оседлым земледельческим населением [Скорый, 1999, с. 47, сн. 25].

К работам, придавшим новый импульс рассматриваемой здесь проблематике, бесспорно, принадлежит исследование И.В. Бруяко. Помимо собранного им корпуса предскифских погребений с керамикой из Северо-Западного Причерноморья, автор предложил новую классификацию орнаментации сосудов и выдвинул основы для придания «геометрической» керамике статуса хронологического индикатора предскифского периода [Бруяко, 2005, с. 13—73]. Рассматриваемая работа содержит также оригинальный очерк развития причерноморско-балканской «геометрии» в сопоставлении с кавказско-крымской (в том числе кобанской) «геометрией», по терминологии И.В. Бруяко [Там же, с. 52, рис. 14]. Исследователь привлек широкий спектр аналогий геометрическому узору из культур лесостепной зоны, разделяя их территориально — Среднее Поднепровье и Среднее Поднестровье, и хронологически — Чернолесье II / Жаботин и Сахарна / Шолдэнешть, соответственно. Он выявил совстречаемость орнаментальных мотивов и композиций на керамике и в случаях, когда это возможно, проверяя свои наблюдения иными, некерамическими хроноиндикаторами. Представленный И.В. Бруяко вариант хронологии памятников Северо-Западного Причерноморья на основе анализа массовой категории погребального инвентаря — геометрической керамики — убедителен, особенно, по части последовательности и / или соотношений комплексов между собой [Там же, рис. 3, табл. П]. Что касается абсолютных датировок погребений, их «этнокультурных» привязок, то здесь потенциал изучения далеко не исчерпан. В частности, новые данные по раннекочевническому захоронению Паркань, 97 показали, что его можно поместить в конец IX — начало VIII в. до н. э. и отнести к продукции керамистов¹ культуры Сахарна [Кашуба, 2016, с. 187]. Предложенная И. В. Бруяко классифика-

1. Термин «керамисты» в данном контексте используется условно.

ция орнаментации сосудов из предскифских погребений несет большой потенциал по части своего использования и дальнейшего развития. Важным оказалось разделение мотивов и композиций узора на архаические, чернолесско-сахарнянские (по терминологии И.В. Бруяко) и жаботинские, что позволяет более детально подходить к такому источнику, как лощеная орнаментированная посуда у ранних кочевников (см. ниже).

Масштабное исследование по «киммерийцам» Северного Причерноморья опубликовано С.В. Махортых. Он представил наиболее полный на сегодняшний день каталог предскифских захоронений, тем самым расширив источниковедческую базу, заложенную еще А.И. Тереножкиным, а также дал полновесную характеристику материальной и духовной культуры «киммерийцев», уточнил абсолютную и относительную хронологию и пр. [Махортых, 2005]. В своей работе он уделил значительное внимание и посуде, имевшей хождение в степных мобильных сообществах на протяжении всего предскифского периода. Автор широко и во многом убедительно использовал близкие аналогии в морфологии и орнаментации сосудов из степной зоны в предшествующий период (белозерская культура), а также из лесостепи синхронного времени (культуры позднечернолесская, жаботинская, Сахарна) [Махортых, 2005, с. 72—76, 106—110, рис. 33—38; 40—45]. В монографии С.В. Махортых хорошо показано, что лощеная керамика из степных «киммерийских» погребений фактически не обнаруживает аналогий в позднечернолесской культуре Среднего Поднепровья, зато имеет множество параллелей на последующем по времени Жаботинском поселении [Там же]. Добавим, что современные исследования показывают необходимость уточнений в описании некоторых сосудов и их классификации, а также расширение списка памятника за счет опубликованных новых и ранее неизвестных материалов (см. [Гребенников, 2008, с. 19; Ромашко, 2013]).

Недавно опубликована работа, посвященная лощеной посуде из предскифских погребений Северного Причерноморья [Дараган, Подобед, 2012, с. 332; 2013, с. 32]¹. Ценность этого исследования, в первую очередь, заключается в том, что авторы собрали максимально полный список «киммерийских» погребений с лощеной посудой², а также поставили вопрос о достоверности ее воспроизведения в изданиях. Они опубликовали качественные рисунки и фотографии ранее неизвестной лощеной керамики, посвятив отдельный пассаж примечательному сосуду из Любимовки, 56/2 [Дараган, Подобед,

2013, с. 32—35, рис. 1; 2]. В центре внимания оказалась орнаментация, но она рассматривалась, фактически, без связи с формами сосудов. Подход авторов к изучению собственно узора вызывает вопросы, так как декор степных образцов был проанализирован по «схеме, примененной к жаботинской орнаментации лесостепи» на основе «совпадения форм, отделки наружной поверхности, построения композиций геометрического орнамента (очень часто затертого белой пастой)» [Там же, с. 34]. Опубликованная ранее эта схема сама по себе представляет интерес: она детализирована и может быть использована в качестве примера или методических наработок для описания узора на посуде других культур или другого времени [Дараган, Пефтиц, 2011, с. 411]. Однако, ссылаясь на источники, авторы на самом деле им противоречат, потому что весь корпус лощеной посуды, как и сами степные предскифские погребения, фактически оказались привязанными к горизонту развития Жаботинского поселения, и только. Жаботинское поселение ранее рубежа IX/VIII — начала VIII в. до н. э. не существовало, по меньшей мере, его раскопанная часть (см. [Дараган, Кашуба, 2008, с. 59; Дараган, 2011, с. 531, 545]). Справедливо указывая, что ранние мотивы орнаментации (например, Касперовка, 2/5 и др.) сопоставимы с наиболее ранним горизонтом Жаботин Ia, авторы почему-то упускают из виду, что этот горизонт выделен на основе аналогий в культуре поздняя Сахарна [Там же]. Серьезные вопросы вызывает и употребляемый авторами термин «группа Сахарна», который давно является историографическим фактом (см. выше). Здесь речь должна идти о хронологическом приоритете, применяя который И.В. Бруяко, в частности, убедительно датировал в пределах IX в. до н. э. целый ряд сосудов (и комплексов) из Северо-Западного Причерноморья [Бруяко, 2005, рис. 3]. В противном случае, проделав интересное и во многом полезное исследование, М.Н. Дараган и В.А. Подобед фактически не увидели ранние комплексы с керамикой и сконцентрировали свое внимание на «сквозных формах и типах орнаментации сосудов, характерных как для поздней Сахарны, так и для Жаботина» в «эпоху господства жаботинского кубка в предскифской степи» [Дараган, Подобед, 2013, с. 40—41]. На самом деле, дифференцированный подход к источнику — лощеной посуде из предскифских погребений — дает более выразительную картину (см. рис. 1—9).

Можно заключить, что изучение лощеной керамики из степных предскифских погребений Северного Причерноморья — это динамично развивающийся исследовательский процесс, в котором остаются многие вопросы:

1) пользовались ли ранние кочевники своей посудой — речь идет о «степной» группе и ее корнях в степной белозерской культуре, с од-

1. Фактически, была опубликована одна работа с одинаковым названием в двух версиях — укороченной (2012) и более расширенной (2013).

2. Или погребений черногородовской культуры, согласно М.Н. Дараган и В.А. Подобеда.

Рис. 1. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья с лощеными сосудами, сопоставимыми с керамикой культур Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть (предварительный вариант, без указаний памятников) Условные обозначения: а — керамика, сопоставимая с посудой культуры Сахарна; б — керамика, сопоставимая с посудой культуры Басарабь-Шолдэнешть

ной стороны, а также местных, степных подражаниях чуждым, внестепным формам;

2) пользовались ли ранние кочевники лесостепной посудой из Среднего Поднепровья — речь идет об этнокультурной принадлежности степных погребений с чернолесско-жаботинской керамикой;

3) какая «чужая» посуда была у ранних кочевников — речь идет о разграничении во времени и пространстве контактов, отложившихся в глиняной посуде;

4) какова динамика взаимоотношений между ранними кочевниками и оседлыми сообществами — речь идет о дифференциации внутри «фракийской», «лесостепной» (чернолесско-жаботинской) и других групп в корпусе степной лощеной керамики.

Хотя обозначенный круг вопросов, по большому счету, новым не назовешь, в последние десятилетия появились важные результаты, имеющие прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Были существенно пересмотрены концепции культурно-исторического развития лесостепи Северного Причерноморья (включая Восточное Прикарпатье) и понижена хронология предскифского и раннескифского периодов.

Новые материалы и исследования не подтверждают традиционной концепции, согласно которой позднернолесская культура доживает до жаботинского этапа, который датируется исключительно раннескифским временем и

представлен во всей северо-причерноморской лесостепи. Устойчивое мнение, что в позднернолесской культуре лощеная керамика с геометрическим узором многочисленна, не подтверждается новыми исследованиями [Пефтиць, 2005, с. 53, рис. 1; 2; Дараган, 2011, с. 424—427; Дараган, Подобед, 2013, с. 41—42]. Если это верно, то вряд ли ее окажется много в степных предскифских погребениях, да и местная линия развития геометрического узора в лесостепи Среднего Днепра прослеживается только с началом Жаботина [Бруяко, 2005, с. 52—63].

Много изменений коснулось и самого Жаботина. Согласно новым данным, на Среднем Днестре жаботинский этап отсутствует [Ларина, Кашуба, 2005, с. 212], а сам он лишился своего расширительного статуса. Новый анализ материалов Жаботинского поселения и синхронных находок в погребальных комплексах позволил выделить жаботинскую археологическую культуру, которая в VIII — начале VI в. до н. э. занимала сравнительно небольшую территорию — южную часть лесостепного Правобережья Днепра [Дараган, 2011]. Проведенные М.Н. Дараган исследования подтверждают, что в Северном Причерноморье не было «жаботинского этапа», но существовала жаботинская культура. В таком случае, едва ли всю разнообразную лощеную орнаментированную посуду (особенно кубки) в степных комплексах нужно относить к продукции жаботинских мастеров по глине.

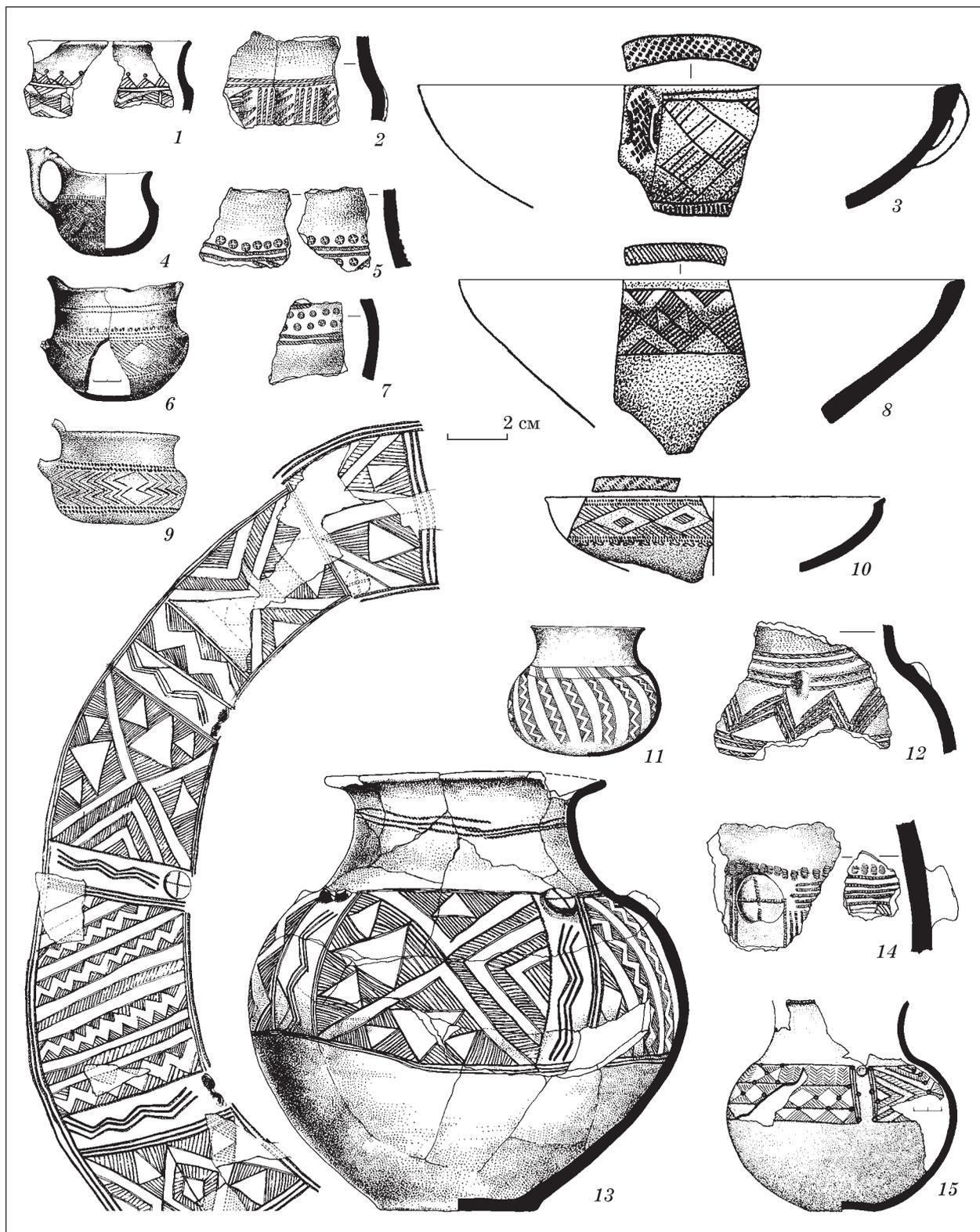

Рис. 2. Лощеная керамика культуры поздней Сахарны; выборочно: 1, 2, 5, 7, 12–14 — Сахарна-Цыглэу, раскоп I (1 — скопление керамики 1; 2, 12, 15 — яма 2; 5, 14 — яма 9; 7 — яма 4; 13 — яма 6); 3, 4, 6, 8, 10 — Алчедар III, раскоп IV, второй горизонт (3, 6, 8 — яма 76; 4 — яма 97; 10 — яма 133); 9 — Алчедар, могильник, ящик III; 11, 15 — Глинжень II-Ла Шанц (11 — ритуальное скопление 1; 15 — ритуальные скопления 12 и 13) (1, 2, 5, 7, 12–14 — по Niculiță, Nicic, 2014; 3, 4, 6, 8–10 — по Кашуба, 2000а; 11, 15 — по Гольцева, Кашуба, 1995; опубликовано — Дараган, Кашуба, 2008, рис. 2)

Как известно, основой новых датировок основания Жаботинского поселения (около 800 г. до н. э.) и раннего горизонта Жаботин-I (первая по-

ловина VIII в. до н. э.) послужило наличие на Жаботинском поселении элементов культуры поздняя Сахарна [см. Дараган, Кашуба, 2008,

с. 46, 59, рис. 1; Дараган, 2011, с. 531, 545]. Согласно современным, принятым для раннегалльштатской культуры Сахарна датам, ее начало приходится на конец XI — рубеж XI/X вв. до н. э., а поздние материалы не выходят далеко в VIII в. до н. э. (см. [Kašuba, 2008a, S. 210]), что оказалось древнее где-то на полстолетия по сравнению с ранее предложенными датами [Kašuba, 2000a, с. 340, рис. XXXIX]. Были охарактеризованы мотивы и композиции геометрического узора, характерного для поздне-

го этапа развития культуры Сахарна [Kašuba, 2000a, с. 307, 340, рис. XXXVI; XXXVII] (рис. 2). Новые масштабные раскопки сахарнянских памятников в Среднем Поднестровье подтверждают эти данные (см. [Niculiță, Zancsi, Arnăuț, 2008]), как и материалы поселения Сахарна-Цыглэу, большая часть которых относится к позднему этапу развития культуры Сахарна [Niculiță, Niciș, 2014, p. 84, tab. 1—23].

Изменились взгляды и на развитие культуры Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть) на Сред-

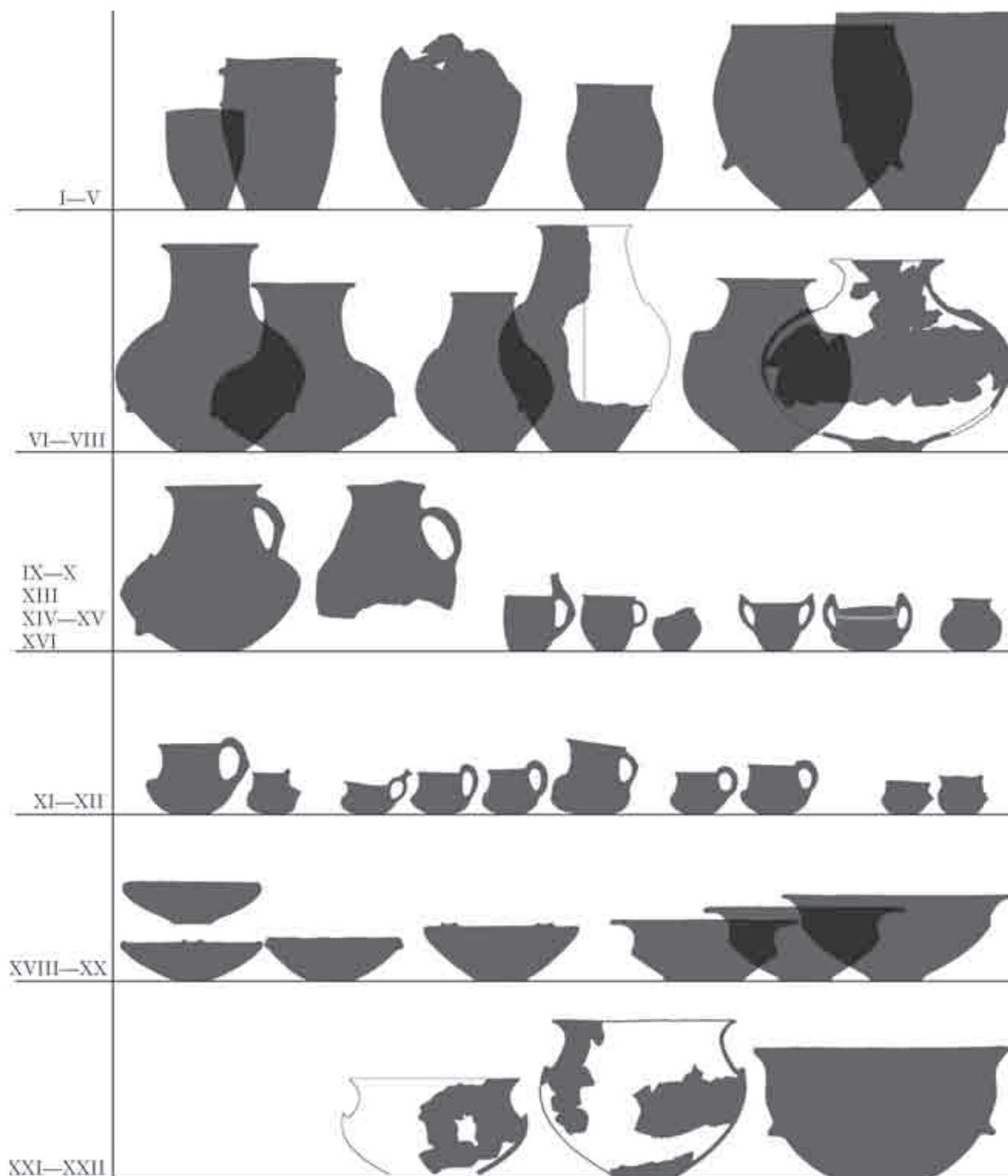

Рис. 3. Керамический спектр культуры Басарабь—Шолдэнешть Среднего Поднестровья (по Kašuba, 2008, fig. 6)

нем Днестре, которая небольшой промежуток времени (начало — первая четверть VIII в. до н. э.) сосуществовала с культурой поздней Сахарны [Кашуба, 2000б, с. 140], далее охватывала весь VIII в. до н. э. и прекратила свое существование где-то в середине VII в. до н. э. [Kašuba, 2007, S. 369; Kašuba, 2008b, p. 37]. Проведены систематизация шолдэнештских материалов, классификация и типология керамики, в том числе ее орнаментации (рис. 3). Были существенно скорректированы и представления о присутствии в Северном Причерноморье культурного комплекса Басарабь. Культура Шолдэнешть на Среднем Днестре — это памятники его восточной периферии, а на остальной северо-причерноморской территории отложились прямые контакты, импорты (глиняные жертвенники, керамика, отдельные изделия) и присутствуют имитации [Там же]. Присутствие здесь прямых импортов культурного комплекса Басарабь подтверждается, например, сосудом из Сараты, 10/13¹ (рис. 5, 3), а имитацией — сосудом из Любимовки, 56/2 (рис. 4, 1). Возникает также вопрос, в какой среде могли производить такого рода имитации или, по образному выражению М.Н. Дараган и В.А. Подобеда, «оригинально прочитывать басарабский “текст”» [Дараган, Подобед, 2013, с. 33]: в оседлых сообществах лесостепной зоны или в степных мобильных группах? В этой связи любопытен фрагмент из позднесахарнянского поселения Сахарна-Цыглэу: на небольшом кубковидном сосуде (рис. 4, 2) узор подражает орнаменту культуры Басарабь, а его манера исполнения сопоставима с декором на сосуде из Любимовки (рис. 4, 1).

Все эти данные имеют прямое отношение к рассматриваемой нами теме. При изучении лощеной керамики из степных пред-

Рис. 4. Имитации узора культурного комплекса Басарабь на сосудах из Северного Причерноморья; выборочно: 1 — Любимовка, 56/2; 2 — поселение Сахарна-Цыглэу (1 — по Дараган, Подобед, 2013, рис. 1, 4; 2 — по Niculiță, Nicic, 2014, tab. 4, VC)

Рис. 5. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — сосуды с ручкой (1, 3), кубки с отогнутым венчиком и цилиндрическим горлом (2, 4, 5), сопоставимые с керамикой культуры поздняя Сахарна и культуры Басарабь-Шолдэнешть; выборочно: 1 — Рошкань, 3/4; 2 — Траповка, 1/7; 3 — Сарата, 10/13; 4 — Слободзея, 3/1; 5 — Глиное, 4/2

1. Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Сарата, 10/13 соответствует могильник Сарата, курган 10, погребение 13.

Рис. 6. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — кубки с зональной орнаментацией, сопоставимой с узором на керамике культуры Сахарна, выборочно: 1 — Васильевка, 1/8; 2 — Красное, 5/3; 3 — Кэушень, 1/2; 4 — Томарино, 8/4; 5 — Паркань, 97

скифских погребений Северного Причерноморья их нельзя просто игнорировать. Отмеченные выше проблемы с учетом новых датировок и концепций авторы будут рассматривать комплексно, с привлечением современных аналитических методов исследования древней керамики, охарактеризованных нами ранее [Кайзер и др., 2016, с. 34].

В настоящей работе кратко остановимся на сосудах «фракийской»¹ группы, присутствие которой среди степной лощеной керамики из

предскифских погребений многим специалистам кажется не столь очевидным, да и сами материалы считались малочисленными и разрозненными. Характеристика такой посуды позволит показать не только состав группы, но и проследить взаимовстречаемость с сосудами других генетических групп и другими находками, выявить связь набора керамики с конструкцией погребального сооружения, положением в могиле и с половозрастными характеристиками погребенных и т. д.

1. Термин «фракийская» группа используется условно: им обозначены сосуды из степных комплексов, сопоставимые с керамикой из Среднего Поднестровья —

раннегальштатской культуры Сахарна и среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть.

Рис. 8. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — черпаки и другие сосуды, орнамент которых сопоставим с узором на керамике культуры Сахарна; выборочно: 1 — Великодолинское, группа 1, 2/11; 2 — Виноградный Сад, 4/2; 3 — Петродолинское, 2/1; 4 — Киркэешть, 2/6

Кратко охарактеризуем состав и орнаментацию «фракийской» группы. Это более 40 лощеных сосудов, происходящих из погребальных

памятников черногоровского и новочеркасского периодов степной зоны Северного Причерноморья (рис. 1). Они представлены кубками

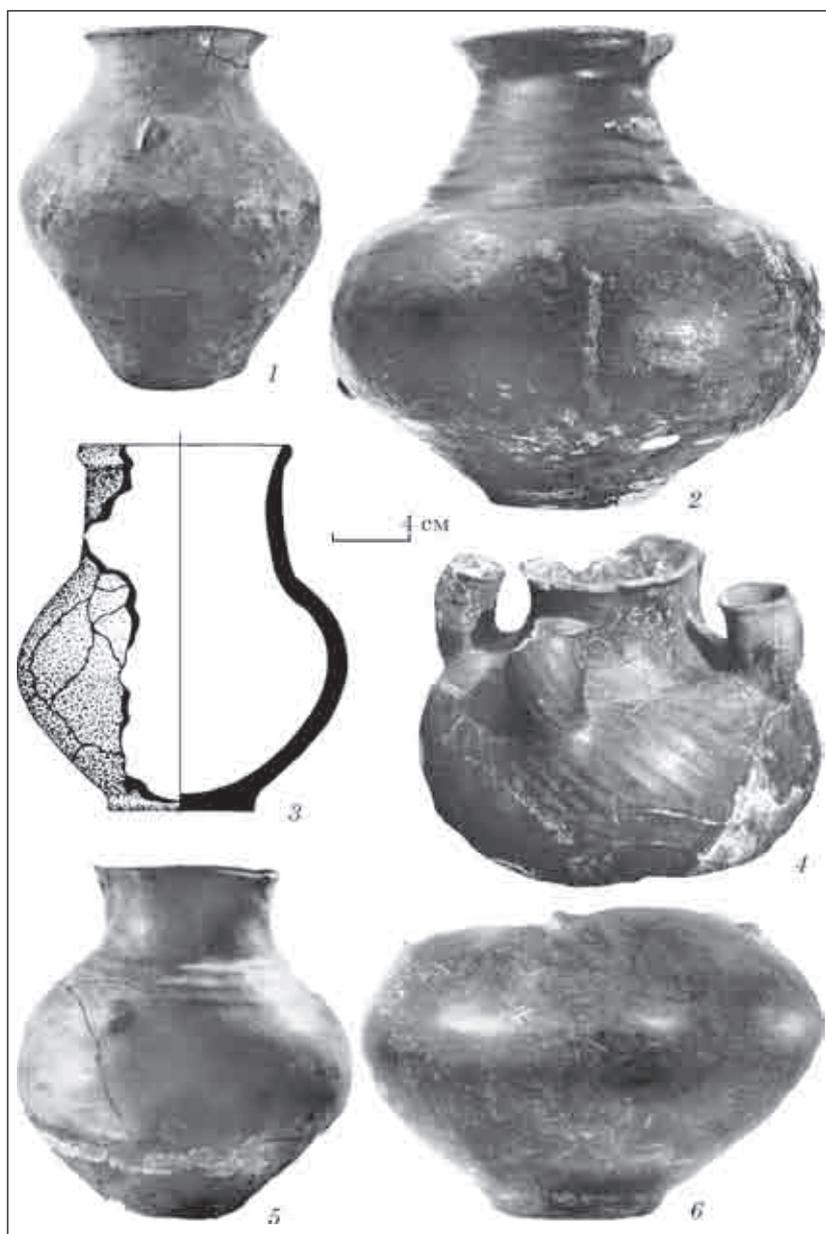

Рис. 9. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — корчаги с цилиндрическим и с конусовидным горлом, сопоставимые с керамическими формами культуры Басарабь-Шолдэнешть; выборочно: 1 — Костычи (Костычево), 2/2; 2 — Калиновка, 1/2; 3 — Глиное, 4/2; 4 — Великая Александровка, 1/1; 5 — Суворово, 6/1; 6 — Петрово-Свистуново, курган

(три типа), кубковидными сосудами, корчагами (три типа) и сосудами с ручками (черпаками и кувшинами)¹. Отметим, что они выделяются визуально своей качественной лощеной внешней поверхностью, а их узор почти всегда затерт белой пастой (см. ниже). Рассмотрим отдельные примеры (рис. 5—9).

Кубки с отогнутым венчиком и высокой шейкой слегка изогнутой или цилиндрической шей-

*кой, шаровидным туловом и плоским дном*². Это сосуды с правильными пропорциями: соотношение высоты и наибольшего диаметра тулова близко к единице — от 0,94 до 1,17. Сосуды изготовлены из темной формовочной массы с примесью известковых включений, покрыты хорошим черным лощением. Орнамент рельефный — на плечиках по четыре конусовидных налета: Глиное, 4/2 [Яровой, Агульников, 1995, с. 181—183, рис. 1] и Траповка, 1/7 [Ванчугов, Загинаило, Тоцев, 1976, с. 219, рис. 2, 3, 4], сюда же относятся и кубок из Слободзеи, 3/1 [Яровой, Кашуба, Махортых, 2002, с. 290—230, рис. 3, 9]. Высота кубков не превышает 15, кубковидного сосуда из Глиного — 27 см (рис. 5, 2, 4, 5).

Два погребения, в которых найдены кубки описанного типа, впускные, захоронение в кургане у с. Глиное — основное. Погребение из Слободзеи, 3/1 происходит из кургана с горелым шатровым сооружением, устроенным над основным погребением 3. Использование дерева зафиксировано и в погребении Глиное, 4/2 — прямоугольная яма имела деревянное перекрытие. В остальных комплексах форма ямы не определена. Все три погребения принадлежали взрослым. Скелет в погребении у с. Глиное был уложен на левом боку, головой на восток, на подстилку из овечьей шкуры. Положение погребенных в двух других курганах — вытянуто на спине. Сосуды найдены в группах

инвентаря, связанных с напутственной пищей, которая располагалась, как правило, у головы или в районе плеч погребенных. Сосуды из Траповки и Глиного — аналогичны по форме и орнаментации. В целом, группа кубков с отогнутым венчиком и высокой шейкой имеют аналогии как в поздних памятниках культуры Сахарна (рис. 2), так и в культуре Басарабь-Шолдэнешть Среднего Поднепровья (рис. 3).

1. В настоящей статье охарактеризованы не все сосуды, которые можно отнести к «фракийской» группе. Импорты и подражания керамике культурного комплекса Басарабь здесь также не рассматриваются.

2. Поскольку объемы статьи не позволяют привести полный каталог сосудов, здесь принята короткая схема их описания и при первом упоминании сосуда даются ссылки на первую публикацию.

Кубки приземистые (соотношение высоты и наибольшего диаметра тулова 0,79—0,97) с короткой изогнутой шейкой, шаровидным туловом и округлым вогнутым или вдавленным (с умбоном) дном. Сосуды изготовлены из темной формовочной массы с примесью дресвы и органических включений. Они покрыты хорошим черным лощением. К этому типу лощеной керамики принадлежат более десятка «фракийских» сосудов (рис. 6). Средняя часть тулова таких сосудов покрыта резным или штампованным орнаментом в виде широкого пояса. По особенностям организации внутреннего пространства кругового пояса орнаментация этих кубков делится на зональную, панорамную с повторяющимся мотивом и панорамную с неповторяющимися мотивами.

Кубки с зональной орнаментацией составляют самую многочисленную группу. К ним относятся находки из Васильевки, 1/8 [Шевченко, 1987, с. 143—145, рис. 2, 1—7], Кэушень, 1/2 [Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989, с. 72—76, рис. 33, 5]; Колшаковка, 4/1 [Ромашко, 1981, с. 85—86, рис. 1, 6—8]; Паркань, 97 [Мелюкова, 1962, с. 116, табл. 1]; Томарино, 8/4 ([Дараган, Подобед, 2013, с. 36—37; рис. 4, 1] — перепутано с Тамарино в Николаевской обл. — см. [Евдокимов, Куприй, Солтыс, 1989/24]); Терновка, курган 1 ([Тереножкин, 1976, с. 66, 40] — перепутано с Терновое [Славин, Бондар, 1956/10а]) и др. (рис. 6). Широкий поясок резного орнамента, дополненного отпечатками круглого штампа или отпечатками зубчатого штампа, располагался на средней части внешней поверхности тулова сосуда. Поясок делится вертикальной незаштрихованной полосой с выступами или налестками на плечиках, как правило, на четыре зоны. Чаще всего повторяется квадрат, в который вписан незаштрихованный крест из полос: все зоны — Терновка и Васильевка (рис. 6, 1), две зоны — Паркань (рис. 6, 2), Томарино (рис. 6, 4) и Колшаковка.

Такая же орнаментация зафиксирована на кубковидных сосудах из Семеновки, 2/1 [Субботин, Охотников, 1981, с. 102—103, рис. 1, 8, 9, 11] (рис. 7, 1) и Привольного (Новый Буг) (рис. 7, 2), а также корчаги из Конгаза, 1/1 [Махортых, 2005, с. 338, рис. 98, 6] (рис. 7, 3). Описанные мотивы орнаментации находят прямые аналогии среди посуды культуры поздняя Сахарна (рис. 2), аналогичный узор имеет кубковидный сосуд из поселения Сахарна-Цыглю [Niculiță, Niciș, 2014, p. 192, tab. 2, fig. 84, 3a—c].

Встречаются кубки, одна из зон орнаментации которых покрыта рядами из небольших треугольников, заполненных косыми линиями, которые обычно размещались в шахматном порядке вершинами вверх. Такая же орнаментация располагалась на тулове двух черпаков — Виноградный Сад, 4/2 [Махортых, 2005, с. 322, рис. 69, 2] (рис. 8, 2) и Петродолинское, 2/1 [Ванчугов, Островерхов, 1984, с. 18, рис. 3, 10]

(рис. 8, 3). В шахматном порядке располагались группы коротких косых линий на кубке из Красное, 2/7 [Серова, Яровой, 1987, с. 33—35, рис. 14, 4—6] (рис. 6, 2) и кубковидном сосуде из Семеновки (рис. 8, 1), а также на черпаке из Киркэешть, 4/6 [Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989, с. 141—143, рис. 62, 1, 2] (рис. 8, 4). Аналогичная орнаментация характерна для поздней Сахарны, в частности, присутствует на лощеных сосудах из поселения Сахарна-Цыглю [Niculiță, Niciș, 2014, p. 192, fig. V; VIII, A—D].

Еще один мотив орнаментации кубков — чередование диагоналей: косые полосы, заполненные штриховкой из горизонтальных линий и косых полос без штриховки (Томарино — рис. 6, 4). На кубке из Паркань чередуются косые незаштрихованные линии с косо расположенными и тоже незаштрихованными ломаными линиями (рис. 6, 5).

Круговая (панорамная) орнаментация представлена (панорамная с изогнутым горлом из Великодолинского, группа 1, 2/11 [Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, с. 192, 193, рис. 4, 1, 2, 6, 7] (рис. 8, 1) и Великой Александровки, 1/1 [Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 144 сл.]. Аналогичный орнамент имеется на кубковидном сосуде из поселения Сахарна-Цыглю [Niculiță, Niciș, 2014, p. 312, fig. 84, 3a—c].

Сосуды с орнаментацией, сопоставимой с узором на керамике культуры Сахарна, происходят из погребений как со скорченными скелетами на левом боку (Великодолинское, Колшаковка, Красное, Терновка, Семеновка и др.) и преобладающей ориентацией на восток, так и с вытянутыми на спине (Васильевка, Кэушень, Паркань, Костычи и др.) с ориентацией на запад или юго-запад. Если считать положение скелета хронологическим маркером [Тереножкин, 1976, с. 200—201], то лощеная керамика с орнаментацией, аналогичной орнаментации керамике культуры Сахарна, встречаются в погребениях как черноголовского, так и новочеркасского этапов. Это наблюдение не противоречит ни датировке «киммерийской» культуры в Северном Причерноморье, ни культуры Сахарна (см. выше).

Сосуды с ручками представлены кувшинами и черпаками. *Кувшинами* считаются сосуды с ручками, у которых высота превышает наибольший диаметр, т. е. соотношение высоты и максимального диаметра тулова составляет 1—1,1. К таким сосудам относятся кувшины из Рошкань, 3/4 [Борзияк, Дубовская, 1986, с. 71—73, рис. 1] и Сарата, 10/13 [Ванчугов, Черняков, 1984, с. 18, рис. 3, 12] (рис. 5, 1, 3). Небольшие петлевидные ручки таких сосудов крепились на горле. Кувшины из указанных погребений имели рельефный орнамент — каннелюры в основании шейки (Рошкань и Сарата) или конические налестки на плечиках сосудов. Налестки на плечиках сосуда из Рошкань окружены парой дуговидных налестков (рис. 5, 1). По особен-

ностям орнаментації і формі ці кувшини належать до лощеної кераміки, яка має аналогії в керамічному комплексі культури Шолдзешть (рис. 3).

Черпаки із Петродолинського, 2/1, Виноградного Сада, 4/2 і Киркзешть, 2/6 повторюють форму черпаків з S-овидним профілем. Днища округлі, з умбоном в центрі. Їх ручки: овальна в сеченні з гвоздевидним выступом — у черпака із Петродолинського, і ленточні — у черпаків із Виноградного Сада і Киркзешть, — піднімаються вище венчика посуду (рис. 8, 2—4).

Черпаки орнаментовані різкими лініями (трикутники, розташовані в шаховому порядку на черпаку із Петродолинського, і групи коротких косих ліній, розташовані в шаховому порядку на черпаку із Киркзешть — рис. 8, 4), зубчастим штампом (черпак із Виноградного Сада — так виконані трикутники, розташовані в шаховому порядку, а також орнаментація в основанні шийки — поєднання круглого штампа, — в деталях повторює орнаментацію в основанні шийки кубка із Паркань), отпечатками S-овидного і круглого штампів (рис. 8, 2). Отпечатки штампа використовуються як додатковий елемент: на черпаку із Петродолинського вони підкреслюють кути трикутників (рис. 8, 3), на черпаку із Виноградного Сада вершини трикутників підкреслюють отпечатки S-овидного штампа. Вони ж обмежують широкий орнаментальну смугу цього посуду, а також прикрашають шийку посуду під венчиком (рис. 8, 2).

Публікуючи погребальний комплекс у с. Петродолинське, В.П. Ванчугов і А.С. Островерхов привели аналогії черпаку, зв'язуючи його з S-овидними черпаками із Жаботинського поселення і знахідками із погребень Сахарнянського могильника [Ванчугов, Островерхов, 1984, с. 57—65]. Тут слід згодитися, скорше, з І.В. Бруяко [Бруяко, 2005, с. 32], а також з В.С. Синицею, С.Н. Разумовим і Н.П. Тельновим, які відносять ці черпаки до «производственным центрам культур фракийского гальштата Дунай-Днестровского междуречья» [Синица, Разумов, Тельнов, 2013, с. 100]. У всякому випадку, такі елементи як отпечатки S-овидного і круглого штампів, а також штампований зубчастий узор вказують на зв'язок цих посудів з керамікою культури Сахарна (рис. 2).

Корчаги з циліндричним горлом представлені посудом двох типів (рис. 9). До першого типу належать *корчаги з отогнутим венчиком і циліндричним горлом*: Костычи, 2/2 [Гребенников, Елисеев, Ключинцев, 1984, с. 39, рис. 3, 3, 4] (рис. 9, 1), Суворово, група 1, 4/1 [Тереножкин 1976, с. 62, рис. 31, 2] (рис. 9, 5), Золотая Балка, 14/3 [Шевченко, 1987, с. 141, рис. 1, 3—7], Широфанка, 4/1 [Махортьх 2005, с. 366, рис. 155, 4—6]. Зимогорье, 2/5 [Дубовская, 1985, с. 167]. Другий тип склали *кор-*

чаги з конусовидним горлом: Калиновка, 1/2 [Тереножкин 1976, с. 47] (рис. 9, 2), Петрово-Свистуново, курган [Бодянский, 1951/12, с. 52—53] (рис. 9, 6). Пятигорлый сосуд із Великої Александровки, 1/1 — з високим конусовидним основним горлом і чотирма додатковими, розташованими на плечиках вигнутими, сферичним туловом, плоским дном, включений до цієї групи умовно і тільки тому, що орнаментований канелюрами і, несомненно, належить до «фракийської» групи (або гальштатської кераміки) (рис. 9, 4). Віднесення його до «керносам» теж дуже умовно, т. к. ритуальні функції керносов в основі на використанні додаткових, прикріплених до плечиків посудиках-мисочках або горшочках (більш детально см. [Гаврилюк, 2010, с. 271—277]). Ритуальна функція посуду, подібного Великоалександровському інша: якщо наповнити посуд рідиною до венчика і закрити його невеликою кришкою, прижав її і створюючи тим самим додаткове тиснення на поверхню, рідина почне вилитися фонтанами із додаткових горл.

Таким чином, кераміка «фракийської» групи в корпусі степної посуду із предскифських погребень представлена посудом, сопоставимим з керамікою культури Сахарна (раннього і пізнього етапів її розвитку), культури Шолдзешть, імпортом і подражаннями кераміці культурного комплексу Басараб (рис. 1).

Многочисленна група «фракийської» лощеної кераміки степної зони IX — початку VIII в. до н. е. складається із приземистих кубків з отогнутим венчиком і вигнутою шийкою, кубковидних посудів і корчаг з вигнутою шийкою. Поверхності таких посудів покриті широкими орнаментальними смугами. Орнаменти виконані в різній техніці, отпечатками зубчастого, S-овидного і круглого штампів. Переважає заповнення геометричних фігур (трикутників, ромбів) косими лініями. Формувальна маса добре вимучена, лощення оливково-сіре, коричневе, іноді — сіре, хорошого якості. Різної і штамповані узорі степних посудів, сопоставимих з сахарнянською керамікою, заповнені білою пастою.

Біла паста в орнаментації кераміки — надзвичайно цікаве явище. Такий спосіб заповнення врезного і будь-якого іншого углобленого (штампованого, наприклад) геометричного узора достатньо часто зустрічається на археологічних пам'ятниках давньої Європи. Інкрустовані білою пастою посуду були знайдені при розкопках пам'ятників до неоліта до раннього залізного століття в Карпатському басейні, а також в Франції, Богемії, нижній Австрії, Малій Польщі, північно-східній Іспанії і Італії. Питання про те, коли біла паста з'являється в Північній Чорно-

рье — пока открыт. В рассматриваемый нами период — с появлением здесь раннегальштаттской культуры Сахарна.

Нами были взяты на исследование образцы белой пасты из геометрического узора на сосудах культуры Сахарна (Хлижень II-Ла Шанц), Жаботинского поселения и некоторых степных погребений. Исследования геохимического состава образцов белой пасты проводились с помощью микронзондового анализа (SEM-EDS). В большинстве случаев в составе образцов белой пасты присутствовал гидроксипатит (костная зола), а также каолинит, гипс и карбонат кальция. Отметим практически одинаковый состав белых паст на сосудах из Северного Причерноморья.

Технология, которая использовалась гончарами при нанесении орнамента, по всей вероятности, включала нанесение декоративных мотивов с помощью процарапывания и заполнение царапин и надрезов мягкой, влажной белой пастой, которая представляла собой смесь сухой порошкообразной кости с жидкостью, например, с водой, жиром или кровью. В одном из образцов на минеральных частицах пасты были обнаружены 100 нм кокковидные частицы. Основным компонентом этих наночастиц является биоapatит. Эти наночастицы представляют собой формы из биоapatита, размножению и росту которых способствует белковый комплекс, содержащий фетун, который, в свою очередь, является основным биологическим компонентом крови. Вероятно, выбор материала и цвета для паст, применявшихся в инкрустации сосудов, зависел не только от технологических особенностей изготовления. Он также может нести в себе символические черты, особенно, если эти сосуды были использованы в ритуалах в погребальных комплексах.

Любопытно отметить, что белая паста почти всегда присутствует в орнаментации степных сосудов, которые с большой долей вероятности можно относить к «фракийской» группе. Что касается жаботинских кубков — то их орнаментация может быть и без пасты.

Часть рассмотренной лощеной посуды из погребений VIII — первой половины VII в. до н. э. из степной зоны Северного Причерноморья (кубки и кубковидные сосуды с цилиндрическим горлом, кувшины и корчаги с цилиндрическим и с конусовидным горлом) соотносится с керамическим комплексом культуры Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть). Основные орнаментальные мотивы такой керамики — каннелюры и конусовидные налпы. Сосуды изготовлены из хорошо подготовленной формочной массы и покрыты отличным черным лощением.

Отметим, что сосуды «фракийской» группы встречены в погребениях, имеющих особый социальный статус:

1) Васильевка, 1/8 — прямоугольная в плане яма с деревянным перекрытием и деревянным

саркофагом, где кубок с орнаментацией стоял слева от черепа погребенного, но за пределами саркофага, а неорнаментированный кубок «белозерской» группы — стоял у стопы погребенного;

2) Великая Александровка, 1/1 — в «овально-прямоугольной» яме с деревянным перекрытием два сосуда фракийской группы — «кернос» с каннелюрами и кубковидный сосуд с зональной орнаментацией — стояли слева от погребенного у ног, два других сосуда: корчага «белозерской» группы и кубок «степной» группы — справа от погребенного;

3) Глиное, 4/2 — в прямоугольной с закругленными углами яме, несмотря на его ограбление в древности, найдено два лощеных «фракийских» сосуда в одной группе инвентаря, третий сосуд «белозерского» облика — в другой.

Возможно, в «социально значимые» погребения ставились сосуды, указывающие на связь погребенного с местным населением, а сосуды «импортные», с богатой орнаментацией составляли иную группу инвентаря, которая в месте с просторной погребальной камерой с дополнительными деталями в виде деревянных конструкций, подчеркивала его высокое положение в социальной иерархии.

Картографирование, даже в самом предварительном виде, «фракийской» группы в корпусе степной лощеной керамики показывает интересные закономерности (рис. 1).

Погребения с лощеной посудой, сопоставимой с керамикой культуры Сахарна, расположены компактно по отношению друг к другу, тяготеют к Черноморскому побережью и нижним течениям рек, лишь единичные комплексы встречены вглубь лесостепной зоны. В IX — начале VIII в. до н. э. прослеживается меридиональный вектор распространения в Северном Причерноморье комплексов с керамикой «фракийской» группы.

Погребения с посудой, сопоставимой с керамикой культуры Басарабь-Шолдэнешть (включая импорты и подражания культурному комплексу Басарабь) показывают большую рассеянность по отношению друг к другу, а также сравнительно широкое распространение в степной и южной лесостепной областях Северного Причерноморья. В VIII — первой половине VII в. до н. э. наблюдается большее освоение степных и южных лесостепных пространств, а также широтный вектор распространения комплексов с керамикой «фракийской» группы.

Открытым остается вопрос о путях проникновения «фракийской» керамики в степную зону Северного Причерноморья. Безусловно, это могли быть и обменно-торговые контакты, и этнокультурные влияния. Разграничить эти направления можно будет с использованием современных аналитических методов исследования древней керамики, чему посвящен проект, в ходе которого проводится данное исследование.

- Бодянский О. Відчити за археологічні досліді 1951 року / НА ІА НАН України. — 1951/12.
- Борзияк И.А., Дубовская О.Р. Новое погребение предскифского времени в Молдавии // Изв. АН МССР, серия общественных наук. — 1986. — № 2. — С. 71—73.
- Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.). — Кишинев, 2005. — 358 с. (Археологические источники Восточной Европы).
- Ванчугов В.П., Загинало А.Г., Тоцев Г.Н. Охранные раскопки кургана у с. Траповка Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. — Киев; Одесса, 1976. — С. 214—224.
- Ванчугов В.П., Островерхов А.С. Позднекиммерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одесчине. — К., 1984. — С. 57—65.
- Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — К., 1984. — С. 5—24.
- Гаврилюк Н.А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — К., 1979. — С. 20—41.
- Гаврилюк Н.А. Местные и заимствованные компоненты в киммерийской культуре (по материалам керамики) // ВДИ. — 1999. — № 1. — С. 85—97.
- Гаврилюк Н. Історія дослідження кераміки доби раннього заліза та археологічне матеріалознавство // Український керамологічний журнал. — 2004. — № 1. — С. 25—30.
- Гаврилюк Н.А. Керносы из материалов городищ Нижнего Поднепровья // Symbola. — Москва; Киев, 2010. — С. 271—277.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глиняный II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978—79 гг. и 1989—90 гг.). — Тирасполь, 1995. — 272 с.
- Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX—III вв. до н. э.). — Николаев, 2008. — 192 с.
- Гребенников Ю.С., Елисеев И.Ф., Ключинцев В.В. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — К., 1984. — С. 33—49.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. — К., 2011. — 848 с.
- Дараган М., Кашуба М. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista Arheologică. — 2008. — Vol. IV, 2. — С. 40—74.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологический соотношения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. — СПб, 2012. — Кн. 2. — С. 332—339.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологический соотношения // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В.П. Копылова. — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 32—45.
- Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. — 1985. — № 2. — С. 166—172.
- Евдокимов Г.Л., Курпий Н.М., Солтыс О.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительной системы в Херсонской области Краснознаменной экспедиции в 1989 г. / НА ІА НАН України. — 1989/24.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 223 с.
- Кайзер Э., Кашуба М., Гаврилюк Н., Кулькова М. Дискуссионные проблемы изучения керамики у ранних кочевников Северного Причерноморья // Еминак. — 2016. — № 4. — С. 34—41.
- Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. — 2000a. — № 3. — С. 241—488.
- Кашуба М.Т. Заметки о формировании среднегалштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье // Stratum plus. — 2000b. — № 3. — С. 140—156.
- Кашуба М.Т. Древние вещи в поздних контекстах, или История сосуда из кургана Паркань 97 в Северо-Западном Причерноморье // Археологические вести. — 2016. — № 22. — С. 187—195.
- Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. — 1985. — № 4. — С. 144—154.
- Ларина О.В., Кашуба М.Т. Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье // Revista Arheologică. — 2005. — Vol. I, nr. 1. — С. 212—239.
- Махорных С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 380 с. (Bibliotheca Vita Antiqua).
- Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // Памятники скифо-сарматской культуры. — М., 1962. — С. 114—166 (МИА. — 115).
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 233 с.
- Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 16—29 (Археология СССР).
- Педіть Д.М. Фігурні штампи в орнаментуванні чорноліської кераміки Середньої Наддніпряниці // Магістеріум. Археологічні студії. — 2005. — Вип. 20. — С. 53—58.
- Ромашко В.А. Памятники финальной бронзы — раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. — Днепропетровск, 1981. — С. 37.
- Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). — К., 2013. — 592 с.
- Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григоринопольские курганы. — Кишинев, 1987. — 145 с.
- Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы. — Тирасполь, 2013. — 146 с. (Археологические памятники Приднестровья. — Вып. I).
- Скорый С.А. Киммерийцы в украинской лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — 136 с.
- Славін Л.М., Бондар М.М. Розкопки 1956 р. Причерноморської археологічної експедиції Київського державного університету / НА ІА НАН України. — 1956/10a.
- Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К., 1981. — С. 102—116.
- Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья // МАСП. — 1976. — Вып. 8. — С. 186—201.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 220 с.

Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.Н., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1989. — 212 с.
Шапошникова О.Г., Балущин А.М., Гребенников Ю.Н. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 г. / НА ИА НАН України. — 1984/9.

Шевченко Н.П. Новые памятники раннего железного века на юге Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 140—147.

Яровой С.В., Агульников С.М. Курганы білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністрів'ї // Древности степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 181—185.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь, 2002. — С. 279—343.

Каšуба М. Zur Entstehung der Basarabi-Kultur in Osteuropa // Scripta praehistorica varia in honorem Biba Teržan. — Ljubljana, 2007. — S. 369—380 (Situla: razprave Narodnega muzeja v Ljubljani — dissertationes Musei nationalis Sloveniae. — 44).

Каšуба М. Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. — 2008a. — Bd. 14. — S. 193—231.

Каšуба М. Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu — observații preliminare // Tyragetia. — 2008b. — Vol. II (XVII), nr. 1. — P. 37—50.

Niculici I., Nicic A. Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău. — Chișinău, 2014. — 423 p. (Biblioteca Tyragetia. — XXV).

Niculici I., Zanoci A., Arnăut T. Habitatul din mileniul I a. Chr. În regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). — Chișinău, 2008. — 408 p. (Biblioteca Tyragetia. — XVIII).

*Е. Кайзер, Н.О. Гаврилюк,
М.Т. Кашуба, М.А. Кулькова*

ПОСУД «ФРАКІЙСЬКОЇ ГРУПИ» З СТЕПОВИХ ПЕРЕДСКІФСЬ- КИХ ПОХОВАНЬ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я ПЕРСПЕКТИВИ ВИВЧЕННЯ

Розглянуто лощений посуд з поховань ранніх кочовиків (IX—VIII/VII ст. до н. е.) з Північного Причорномор'я. Аналіз робіт попередників показав, що вивчення лощеного посуду з степових передскіфських поховань Північного Причорномор'я — дослідницький процес, що динамічно розвивається. Визначені основні проблеми, котрі необхідно вирішувати з врахуванням важливих результатів, пов'язаних з переглядом концепції культурно-історичного розвитку лісостепу Північного Причорномор'я (разом зі Східни Прикарпаттям) та пониженням хронології пере скіфського і ранньоскіфського періодів. Коротко проаналізована кераміка «фракийської» групи (близько 40 екземплярів) присутність якої серед степового лощеного посуду ставилась під сумнів, а матеріали вважались нечисленими. Це кубки, кубоподібні посудини корчаги, черпаки та глеки. Дана коротка характеристика їх орнаменталії. Попереднє картографування «фракийської» групи показує вектори її розповсюдження. Комплекси з посудом цієї

групи з'явлені з керамікою пам'яток культури Сахарна (IX — початок VIII ст. до н. е.), розташовані компактно і тяжіють до Чорноморського узбережжя та регіонами нижніх течій рік. Лише поодинокі комплекси з таким посудом зустрінуті у глибинах лісостепової зони. Степові поховання з посудом культури Басарабь-Шолданешти, включаючи імпорти та наслідування культурному комплексу Басарабь (VIII — перша половина VII ст. до н. е.) показують більшу розповсюдженість. Для цього періоду можна говорити про освоєння мобільними співтовариствами степової та південної лісостепової областей Північного Причорномор'я.

Ключові слова: Північного Причорномор'я, ранній залізний вік, ранні кочовики, культура Сахарна, культура Басарабь-Шолданешти, кераміка, орнаменталія.

*Е. Kaiser, N.A. Gavrilyuk,
M.T. Kashuba, M.A. Kulkova*

VVESSELS OF THE «THRACIAN GROUP» FROM THE PRE-SCYTHIAN GRAVES IN THE STEPPES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION: THE POSSIBILITIES OF RESEARCH

The article is devoted to glazed ceramics from the burials of the early nomads (9—8/7 centuries BC) of the Northern Black Sea region. An analysis of the works of the predecessors showed that the study of glazed ceramics from the steppe pre-Scythian burials of the Northern Black Sea Region is a dynamically developing research process. The main problems that need to be addressed in view of important results related to the revision of the concept of the cultural and historical development of the forest-steppe of the Northern Black Sea Region (including the Eastern Carpathian region) and a decrease in the chronology of the pre-Scythian and Early Scythian periods are identified. The vessels of the «Thracian» group (more than 40 specimens) were briefly analyzed, the presence of which among the steppe glazed ceramics was questioned, and the materials were considered to be small. It are cups, cup-shaped vessels, korchages, bowls and jugs. A brief description of its ornamentation is given. Preliminary mapping of the «Thracian» group shows the vectors of its distribution. Complexes with such vessels are comparable with the ceramics of Saharna culture (9 — beginning of the 8 century BC) and are compact and gravitate towards the Black Sea coast and the lower regions of rivers, only single complexes are found deep into the forest-steppe zone. Burials with vessels comparable to the ceramics of the Basarabi-Șoldănești culture, including imports and imitations of the cultural complex of Basarabi (8 — the first half of the 7th century BC) show greater absentmindedness towards one another on the stepian zone. For this period, we can talk about the development by mobile communities of the steppe and southern forest-steppe regions of the Northern Black Sea Region.

Keywords: Northern Black Sea Region, Early Iron Age, early nomads, Saharna culture, Basarabi-Șoldănești culture, ceramics, ornamentation

Одержано 1.04.2017

Л.С. Клочко, З.О. Васіна

УБРАННЯ СКІФ'ЯНОК ЗА МАТЕРІАЛАМИ З МЕЛІТОПОЛЬСЬКОГО КУРГАНУ

У статті представлено обґрунтування гіпотетичної реконструкції жіночих костюмів із поховання 1 у Мелітопольському кургані. Джерелами відтворення усіх компонентів убрання є пам'ятки торевтики, на яких представлено образи жінок, а також декоративні елементи оформлення головних уборів, одягу, взуття.

Ключові слова: реконструкція, декоративні елементи, пластинки-аплікації, полос, кандіс.

Костюмознавство чи костюмологія належить до наукових дисциплін, які набрали специфічних ознак окремої галузі знання, відносно недавно: тільки за останні 100 років. Ще пізніше почало формуватися палеокостюмознавство — тематичний розділ, назва якого вказує на предмет досліджень: вбрання населення в різних регіонах Землі за праісторичних часів. Джерельну базу складають археологічні знахідки: конкретні залишки головних уборів, одягу, взуття, особисті прикраси, пам'ятки образотворчого мистецтва та інші декоративні вироби, кераміка, а також писемні документи — словом, усі речі, що дозволяють виявити особливості художнього мислення, естетичний ідеал, покладений в основу образного вирішення вбрання, уявити його силует та способи виготовлення компонентів.

Археологи звернулися до вивчення костюма тому, що цій категорії культури притаманні такі риси, як історичність та значний інформаційний потенціал. Аксиомою для спеціалістів є твердження, що костюми тієї чи іншої спільноти відбивають технічні та технологічні досягнення, зв'язки, соціальні відносини, вірування, звичаї, моральні норми, художні традиції, тобто містять відомості про матеріальну та духовну сферу буття суспільства і окремої людини.

© Л.С. КЛОЧКО, З.О. ВАСІНА, 2017

У процесі опрацювання матеріалів, за якими можна скласти уявлення про вбрання, спеціалісти виробили ряд методів дослідження. Вони виникли на підставі, насамперед, комплексного та компаративного аналізу археологічних та писемних пам'яток. Зазначені способи вивчення джерел дозволяють намалювати пунктирні лінії, за якими можна відтворити, тобто реконструювати костюм або його складові. Слід наголосити, що в деяких аспектах реконструкція відповідає такому поняттю, як моделювання (макетування): перенесення характеристик одного об'єкта на інший з метою визначення його особливостей та перевірки достовірності гіпотез. Отже реконструкція — не тільки результат, але і метод вивчення вбрання. Важливе значення у відтворенні костюмів праісторичних народів мають і досягнення етнології: палеокостюмологи послуговуються понятійним апаратом, спираються на деякі теоретичні засади, залучають спостереження етнографів та етнографічні колекції.

За останні роки значно зросла кількість археологічних знахідок, інтерпретація яких стала основою для відтворення костюмів давнього населення. Це відбивають численні публікації (статті, монографії), у яких подано графічні реконструкції різних компонентів убрання, способів їх виготовлення, оздоблення, знакових функцій. Аналіз археологічних залишків дає можливість розкрити і символіку окремих елементів, і загальний характер костюма за простими опозиціями: повсякденний — парадний; чоловічий — жіночий; бідний — багатий, а також виявити більш глибокі явища буття етносу, втілені в убраннях.

Отже, для реконструкції костюма потрібно, насамперед, знайти певні «точки опертя», від-

повідно до загальних положень костюмознавства. Як відомо, появу і окремого елемента, і цілісного ансамблю вбрання обумовлено необхідністю їх практичного використання, а існування (в часі та просторі) — уявленнями про красу. Гармонійне поєднання між практичним та красивим («корисністю та красою») у костюмі чи якомусь компоненті спричиняло до їх використання впродовж навіть кількох століть. Форми повсякденного одягу були пристосовані до кліматичних умов і відповідали вимогам господарської діяльності, тому зберігали впродовж довгого часу риси локальної своєрідності. За висновками етнографів: «крій одягу та інші його риси здебільшого формуються не в рамках народу, а в межах регіону» [Лобачева, 1989, с. 35]. Парадне вбрання вирізняє переважання знакових функцій над утилітарними.

Як відомо, найбільше археологічних джерел для вивчення всіх компонентів костюма відкрито у похованнях жінок. За знахідками — органічними рештками та декором головних уборів, одягу, взуття реконструйовано не тільки загальний вигляд вбрання скіф'янок, які мешкали у різних регіонах Скіфії, але й способи створення всіх складових костюмних ансамблів, їх естетичні та семантичні особливості.

Розкопки Мелітопольського кургану свого часу були сенсацією. Узагальнення матеріалів дослідження здійснено в монографії: О.І. Тереножкіна і Б.М. Мозолевського, яку присвячено Мелітопольському кургану [Тереножкин, Мозолевский, 1983]. Особливу цікавість науковців викликала знахідка в похованні чоловіка (гробниця 2), а саме — у тайнику. Йдеться про накладку на горит — пластину з рельєфними сценами, які, на думку багатьох скіфологів, пов'язані з міфом про Ахілла¹ [Тереножкин, Мозолевский, 1983, с. 121—128]. Речі з схованки — аплікації з сюжетом «адорації» — зображення богині із дзеркалом, перед якою стоїть скіф з ритонном — залучені для реконструкції чоловічого головного убору [Клочко, 2009, с. 178—179].

За спостереженнями Б.М. Мозолевського у Мелітопольському кургані першим було здійснено поховання скіф'янки — представниці аристократичних кіл із супровідною особою

1. Українські археологи на чолі з директором Інституту археології І.Г. Шовкоплясом вирішили залишити увесь комплекс знахідок із Мелітопольського кургану в Україні. Директор Ермітажу — відомий вчений М.І. Артамонов надіслав керівництву Інституту листа, в якому наполягав на необхідності передати речі саме до Ермітажу «согласно сложившейся традиции». Але українські археологи стояли на своєму, тобто — знахідки мають бути в Україні, тому М.І. Артамонов звернувся до президента АН УРСР академіка О.І. Палладіна. А він підтримав українських вчених і за його розпорядженням усі матеріали з Мелітопольського кургану передали до Державного історичного музею УРСР. Відтоді, за рішенням Президії АН УРСР, всі історичні реліквії науковці мали залишати на своїй землі.

«служниці». Небіжчиця — літня жінка («десь за 50 років»), для обряду захоронення якої спорудили гробницю [Тереножкин, Мозолевский, 1983, с. 163]. Конструкція могили, пишний обряд, за яким, мабуть, відбулося захоронення скіф'янки, її багатий парадний костюм — все говорить про високий соціальний статус небіжчиці. Вона, на думку Б.М. Мозолевського, мала функції жриці. Про це, зокрема, свідчать залишки коліс у вхідній ямі, а крім того, деякі предмети, які можна інтерпретувати як сакральні, а також пластинки — аплікації з виразною символікою культу плодючості — декоративні елементи убрання. Його відтворення — завдання не з легких, оскільки поховання частково зруйноване. Адже навіть фіксація окремих ділянок *in situ* не дає надійних «точок опертя», щоб можна було вважати реконструкцію аподиктичною. Але ми намагалися здійснити її (тобто, реконструкцію) з найменшою кількістю гіпотетичних припущень.

Перший пункт у плані дослідження вбрання — обробка даних про виробництво текстилю (тканини, повсті) та шкіри, щоб мати уявлення, з чого виготовляли головні убори, жіночий, дитячий та чоловічий одяг (плечовий, поясний, буденний, святковий), взуття.

Отже, звернімося до залишків текстильних та шкіряних виробів. Основною сировиною, з якої пряли нитки мешканці Дніпровського Правобережжя та Лівобережжя були овеча вовна та льон, а скіфи-номади запровадили вирощування коноплі (її скіфська назва — *кана*). Геродот, описуючи землі, на яких утвердили свою владу кочовики, відзначав: «Росте у них в країні конопля, що нагадує льон, від якого відрізняється товщиною та висотою. За цими якостями вона краща за льон. Вона росте і сама собою і посіяна» [Herod., IV, 74]. На думку науковців, коноплю культивували у заплавах Дніпра та інших річок. Знахідки у похованнях свідчать, що в цей час уміли виробляти тканину полотняної та саржевої структури, фарбували її в червоний, жовтий, синій кольори.

Зрідка на територію Скіфії потрапляли шовкові смужки (тасьма), якими оздоблювали одяг. Наприклад, фрагменти тасьми помаранчевого кольору знайдено в похованні дівчинки в кургані Вишнева Могила (Запорізька обл.) [Прилипко, Болтрик, 1991, с. 27]. Мабуть «царським» вважали атлас — рештки такого дорогого текстилю зафіксовано в жіночому похованні в кургані Товста Могила (Дніпропетровська обл.) [Мозолевський, 1979, с. 206].

Скіфи-степовики широко використовували повсть. У скіфських могилах збереглися рештки повстяного одягу, головних уборів, підкладок під металеві частини шоломів, футляри для дзеркал, тощо. Як відомо, повсть є однією з характерних етнографічних рис побуту номадів. Так, римський історик Страбон зазначав: «Що стосується кочовиків, то їхні повстяні намети

прикріплюються до кибиток, в яких вони живуть» [Strabo, VII, 17].

У похованнях на землях Скіфії знайдено рештки поясів, взуття, сагайдаків, кінської зброї та інших речей, виготовлені зі шкіри різного ґатунку. Отже, населення володіло технологічними знаннями, необхідними для її досконалої обробки. Археологічні матеріали свідчать і про вміння фарбувати шкіру. Так, на деяких предметах збереглися сліди червоного кольору, мабуть, результат застосування рослинного чи мінерального барвника.

Наступний крок — вивчення елементів костюма за пам'ятками образотворчого та декоративного мистецтва, знімними прикрасами, аплікаціями. Останні несуть особливе навантаження: їх розміщення у могилі *in situ*, (тобто так, як вони були колись розташовані на предметі), відбиває конструктивні лінії одягу, а різноманітні комбінації оздоб — суспільну роль людини, її сімейний статус, належність до певної вікової групи.

Серед пам'яток торетики Північного Причорномор'я нема яскравих витворів з наративними композиціями, присвячених жіночим образам. Зображення жінок доволі схематичні. Натомість, в похованнях скіф'янок відкрито органічні рештки та декор головних уборів, одягу, взуття *in situ*. Аналіз усіх джерел є основою для реконструкції не тільки загального вигляду, але й способів створення всіх складових костюмних ансамблів, їх естетичні, етнолокальні та семантичні особливості.

Тракування жіночих образів у мистецтві Північного Причорномор'я здійснено у греко-скіфському стилі, що склався в IV ст. до н. е. Серед характерних рис цього стилю слід назвати своєрідне поєднання реалізму та примітивізму, гіперболізацію деяких деталей, оригінальне композиційне вирішення сюжетів. Із скіфських курганів походить кілька типів пам'яток, які подають зображення жінок — божеств життєдайних сил природи.

ГОЛОВНІ УБОРИ

Різнманітні покрови голови завжди склали найбільш важливу категорію костюмного комплексу, на яку покладали демонстрацію соціальних, статусних, вікових відзнак. Ці чинники суспільної ідентифікації досить чітко пов'язані з формою та оздобами чоловічих, жіночих та дитячих головних уборів. Дослідження істориків костюма та етнологів, а також спостереження етнографів дозволили розділити всі об'єкти, що належать до категорії «головні убори», на такі види: платові, стрічкові та шапки. На думку Г. Маслової варто виділити як окремий вид корони і типологічно близькі убори (наприклад, стефани) [Маслова, 1983, с. 189]. Різниця між шапкою і короною в тому, що остання не має «денця», тобто, маківка убору не закрита.

Про головні убори скіф'янок дослідникам відомо більше, ніж про інші деталі костюмів. За різноманітними оздобами, залишками текстилю, шкіри, зафіксованих *in situ*, а також на підставі вивчення пам'яток образотворчого мистецтва відтворено види та типи головних уборів, притаманних жінкам Скіфії. Вони носили налобні стрічки, шапки та покривала, прикрашені золотими аплікаціями із зооморфними, міфологічними, рослинними, антропоморфними та геометричними мотивами. Як свідчать археологічні матеріали, найчастіше всі види головних уборів — (налобна пов'язка, шапка і покривало) у вбранні скіф'янок були поєднані. Жінка, похована в Мелітопольському кургані, мабуть, також мала такий ансамбль уборів. Про це свідчать декоративні елементи — золоті пластинки-аплікації. Останні хоча й не зафіксовані на черепі, але за морфологічними ознаками відповідають прикрасам головних уборів, реконструкція яких є аподиктичною чи зроблена з незначними гіпотетичними припущеннями.

Найменше сумнівів щодо *налобної стрічки*. Скіф'янки здебільшого носили неширокі (2—3 см) пов'язки, на яких спереду пришивали суцільну золоту смужку з рельєфним візерунком, виконаним у техніці витискування по матриці. Серед золотих декоративних елементів, що походять з поховання 1, знайдена розламана на три частини видовжена пластина чи смужка (довжина всіх фрагментів — 35,4, ширина — 2,1 см) [Тереножкин, Мозолевский 1983, с. 86—87]. На поверхні золотої стрічки — рельєфний орнамент: верхній вузький фриз розміщено між двома лініями, перпендикулярно до них нанесено коротенькі риски, між якими опуклі кружальця. Другий ряд візерунків — фестони з дугоподібних ліній. По верхньому краю золотої смужки і по боках пробито отвори для прикріплення до декорованої поверхні — текстильної пов'язки (рис. 1). Такі орнаментовані смужки давно одержали в літературі назву «метопіда», що значить «посеред лоба». Убори цієї категорії: стрічки, вінки, діадеми тощо є, можливо, найдавнішими за походженням. Простота форми та способів виготовлення сприяли, з одного боку, поширенню названих головних уборів у костюмах багатьох народів, а з іншого — спонукали до застосування різних засобів оздоблення. Усі метопіди вирізняє однакова структура оформлення. Зображення розміщували у двох смугах: зверху — фриз із рослинних, зооморфних або антропоморфних образів, а знизу — бордюр чи кайма з овів, іоніків, так званих «перлин». Ці елементи утворювали різні варіанти орнаментів, традиційних в еллінській архітектурі та декоративному мистецтві. Бачимо їх в оформленні колон, облямуванні сюжетних картин тощо. Такі пояски візерунків, можливо, сприймали як захисний рубіж. На декоративному полі налобних стрі-

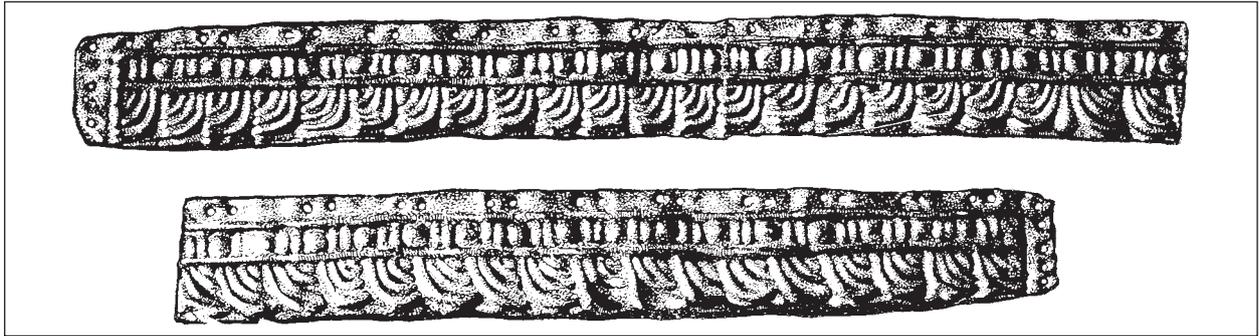

Рис. 1. Метопіда — золота накладка на налобну стрічку

чок ці смуги з овів тісно переплетені з основною орнаментальною композицією [Клочко, 1982а, с. 40—50].

Серед знахідок у похованні жінки зафіксовані оздобы, які можуть бути джерелом для реконструкції ще одного головного убору, а саме *шапки*. Припущення про це виникло на підставі вивчення археологічних матеріалів: пам'яток торевтики, а також залишків шапок в різних костюмних комплексах скіф'янок.

В основу класифікації шапок покладено форму, бо вона є не тільки зовнішньою ознакою, але й відбиває найбільш суттєві риси уборів, пов'язані з семантикою. Парадні шапки, які носили у давнину, систематизовано за умовними ознаками. Це «жорсткі» або «тверді» убори циліндричного, конусоподібного та напівсферичного абрису, для виготовлення яких застосовували спеціальний крій, каркаси з гнучких гілочок верби, а також повсть, шкіру. Щоб визначити форму убору, необхідно виявити зв'язок між нею (тобто формою) та прикрасами, а також — закономірності їх розміщення на декорованій поверхні. Відомий дослідник Г.А. Федоров-Давидов, аналізуючи художню творчість кочовиків Євразії, назвав кілька періодів у розвитку їхнього прикладного мистецтва. На ранньому етапі бачимо одиничний, замкнутий зооморфний образ, не пов'язаний ні з поверхнею виробу, на якому його вміщено, ні з іншими елементами. У подальшому спостерігаємо повну відповідність зображення контурам предмета. Ще одна сходинка в досягненні виразності оздоблення відмічена тенденцією до «відокремлення» мотиву від тієї речі, для якої він (мотив) був призначений, медальйонами, рамками [Федоров-Давидов, 1976, с. 5—7]. У V—IV ст. до н. е. творчість населення Скіфії збагатилась не тільки новими образами, а й принципами оформлення предмета: декоративне поле розділяють на зони чи яруси орнаментальними смугами з овів, «перлів», на поверхні вміщують композиції, створені з ритмічних рядів однорідних образів. Візерунки підкреслюють пропорції речей, окреслюють абрис.

Зосередимо увагу на циліндричних уборах. Визначення має недоліки, тому що, насправді, силует уборів більш складний і не завжди від-

повідає строгим рамкам геометричної фігури, тобто циліндрові. Термін — «циліндричні убори» — дозволяє знайти загальні принципи у їх створенні, зрозуміти модифікацію [Клочко, Васіна, 2011, с. 102 — 103]. На наш погляд, різноманітні варіанти шапок цієї групи виникли як результат розробки «базової» (циліндричної) форми. Зрештою, такий поділ уборів застосовують у сучасній практиці конструювання. Інформацію про убори, що належать до групи циліндричних, можна вилучити із зображень на пам'ятках торевтики, а також аналізуючи археологічні рештки — декоративні елементи. Звернемось до одного з названих джерел — творів, на яких предствлено образи скіф'янок. З кургану поблизу с. Сахновка (Черкаська обл.) походить велика прямокутна пластина (37 × 9 см), призначена для оздоблення парадної шапки, акцентуючи її циліндричну форму. На поверхні цієї накладки подано рельєфну багатофігурну композицію, центральний персонаж якої — жінка, вбрана у пишний костюм. Його домінантою є висока циліндрична шапка з пласкою верхівкою. Такий же убор виділяє богиню, образ якої створено на сержках з курганів Товста Могила (Дніпропетровська обл.) та поблизу с. Любимівка (Херсонська обл.) (рис. 2, 1, 2). Такі убори називають полосом [Силантьєва, 1972, с. 32]. Як бачимо, його характеризує майже строга форма циліндра, хоча невеликі розбіжності між нижнім та верхнім діаметрами не виключені: убори, як правило, трохи розширюються до верху. Близьким до полоса, ймовірно був модій.

Пам'ятки торевтики подають інформацію про ще один різновид циліндричних уборів: невисока шапка з дугоподібним виступом над лобом, на потилиці звужується, тобто її абрис нагадує так звану стефану. Такий компонент убрання «богині з дзеркалом» показано в сцені «адорації» на золотих мініатюрах з курганів Мелітопольського, Чортомлик тощо (зараз відомо вже 8 реплік) (рис. 3).

Ймовірно, подібне оформлення головного убору передав давній художник, зображаючи богиню на пластинках, що були основою сержок (к. 10, с. Велика Знамянка Запорізької обл.). Богиня представлена en face. Її голову

Рис. 2. Зображення головних уборів на пам'ятках торевтики зі скіфських курганів: 1 — образ богині на пластині з кургану поблизу с. Сахновка (Черкаська обл.); 2 — зображення богині на сережках з поховання поблизу с. Любимівка (Херсонська обл.); 3 — головний убір з дугоподібним завершенням — зображення на сережках з к. 10 поблизу с. Велика Знамянка (Запорізька обл.); 4 — Реконструкція головного убору за декоративними елементами (Г.Н. Боровка)

увінчує високий убір, нижній край якого плавною дугою вигнуто над бровами, а верхній — також дугоподібний — піднімається над чолом. Декор зосереджено в трьох зонах, відокремлених одна від одної опуклими лініями. Від убору на плечі жінки лягають по дві стрічки (рис. 2, 3).

Ще одне джерело для реконструкції уборів: золоті оздобы, знайдені у похованнях скіф'янок. Йдеться про прямокутні та дугоподібні пластини, стрічки, обідки з підвісками у формі бутонів. Зазначені декоративні деталі є «формотворчими», тому що чітко відбивають особливості поверхні, на якій їх прикріпляли (рис. 2, 4). Перші реконструкції зробили М.І. Ростовцев і П.К. Степанов, а також Г.Н. Боровка. Останній виділив ознаки, властиві наборам декоративних засобів оформлення уборів різних видів [Боровка, 1921, с. 169].

«Формотворчі» прикраси використовували для різних варіантів циліндричних уборів — полосів, модіїв та калафів.

Найпоширенішою назвою реконструкцій головних уборів є калаф (kalathos). Його харак-

теристики наведені, наприклад, у словнику «Lexikon der Antike»: келихоподібний кошик для плодів, квітів, вовни, сиру; корона Гекати, Артеміди, Сарапіса, символ плодючості; схожа за формою горловина посудини для вина [Lexikon ..., 1972, с. 266]. Пам'ятки образотворчого мистецтва донесли до нас зображення таких уборів: вони мають вигляд корзинки з вузьким денцем [Артамонов, 1964, табл. 178, 230, 267, 273, 299, 308]. Як бачимо, убір нагадує зрізаний конус, перекинтий догори широкою основою. Ще одна особливість грецьких калафів — вони, мабуть, належать до корон на відміну від «скіфських калафів». За декоративними елементами, знайденими у могилах скіф'янок (кургани Тетянина Могила Дніпропетровської обл., № 22 поблизу с. Кам'янка Миколаївської обл.), реконструйовано шапки, яким притаманні характерні риси калафа (тобто, головного убору у формі кошика) Але вони відрізняються від «класичних» пропорціями: «скіфські калафи» вирізняє основа, яка дорівнює окружності голови [Клочко, Гребенников, 1982, с. 91; Клочко, Мурзін, Ролле, 1993, с. 60].

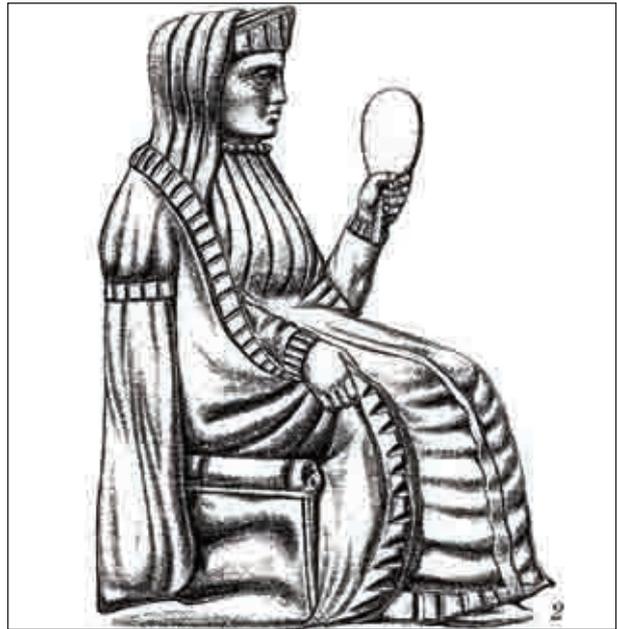

Рис. 3. Пластинка із зображенням сцени адорації, Мелітопольський курган (1); костюм скіф'янки за зображенням на пластинці з кургану 4 поблизу с. Носаки Запорізької обл. (2)

Найпишніший декор вирізняв полоси, відтворені за матеріалами з курганів Товста Могила, № 22 (п. 1 і 2) поблизу Вільної України, Велика Рижанівка, Чортомлик тощо. Убори були символами особливого статусу власниць. Більш скромні прикраси полосів зафіксовані у похованнях жінок, що не належали до найвищих щаблів суспільства (курган 16, п. 2 поблизу с. Златопіль, Запорізька обл.) [Клочко, 1982, с. 123, рис. 3].

Отже, для оздоблення циліндричної поверхні використовували прямокутні пластини, які прикріплювали до убору, створюючи горизонтальні смуги. Останні підкреслювали форму шапки. Повернемося до декоративних елементів у Мелітопольському кургані. Оздоба, які, ймовірно, використовували для оформлення головного убору циліндричної форми зафіксовано у похованні скіф'янки біля південно-східної стінки камери. [Тереножкин, Мозолевський, 1983, с. 30]. У шарі глини, що утворився через обвал склепіння, знайдено ажурні пластинки: із зображенням лева і пантери, які стоять навпроти один одного — 35 екземплярів (12—18 × 4—48 мм), осі (мухи) і павука (також — один проти одного) — 24 екземпляри (11—15 × 35—43 мм) (рис. 4, 1, 2). Ймовірно, ажурні смужки прикрашали поверхню полоса, трохи розширеного верху. Нижній діаметр убору приблизно 56—58, верхній 65—68 см. Про таке зіставлення верхнього і нижнього діаметрів полоса свідчать їх зображення.

Ажурні пластинки, виконані в техніці витискування за матрицею. Мініатюрні фігурки лева (зліва) і пантери (справа) вміщено між двома тоненькими смужками, які імітують перевитий шнурок. Рельєфне зображення тварин

вирізняє чіткий силует, детальне відтворення видових ознак хижаків із породи котячих, їхні характерні пози: тварини припали до землі. Схожа композиція представлена на пластині, яка прикрашала калаф боспорянки, похованої в кургані 1 з групи Трибратніх кургани поблизу с. Огоньки (АР Крим). На фризі пластини — накладки на калаф — образи більш виразні: зліва пантера з відкритою пащею, її права лапа витягнута на землі, а ліва піднята. Візаві пантери — лев, також з відкритою пащею, передні лапи в такій же позиції, як і у пантери [Трейстер, 2008, с. 110]. Можливо, для розуміння семантики сцени «протистояння» варто звернути увагу на сюжет на нижньому ярусі пекторалі з кургану Товста Могила (Дніпропетровська обл.): леопард, пластично вигнувшись, пружно приліг на передні лапи, щоб стрибнути на вепра, у круп якого вп'явся лев [Мозолевський, 1979, с. 80, рис. 61]. В усіх випадках бачимо подібність у створенні образів хижаків з породи котячих: вигин спини, напруження м'язів тіла, витягнуті передні лапи. Але сцена на пекторалі відображає полювання і вплетена у загальний зміст нижнього ярусу твору. На пластинках — прикрасах головних уборів показано хижаків, пари яких утворюють орнамент — візерунок з ритмічно повторюваних образів. Функції орнаменту — захист від злих сил, а повторюваність образів підсилювала їхню значимість як апотропеїв. Слід зазначити, що в IV ст. до н. е. набули популярності орнаменти, модулями яких (у композиції «протистояння») були пари міфічних образів: грифон, грифон і сфінкс, та зооморфних — козлики, хижаків з породи котячих. Золоті стрічки з рельєфними орнаментами, створеними за

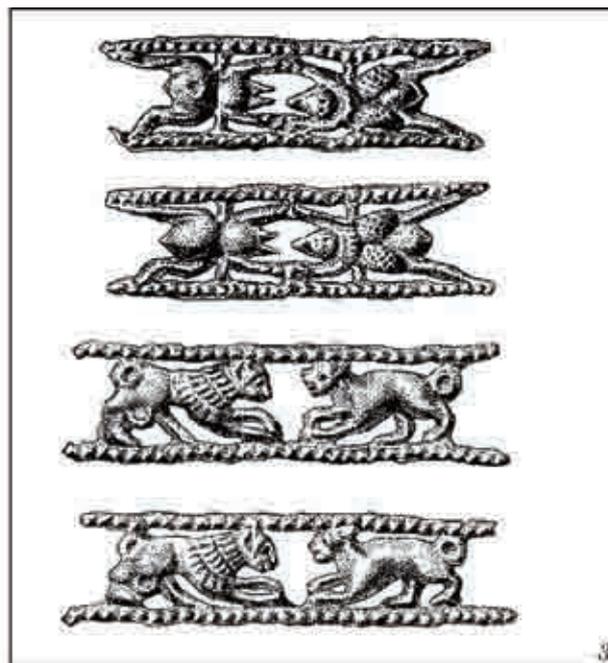
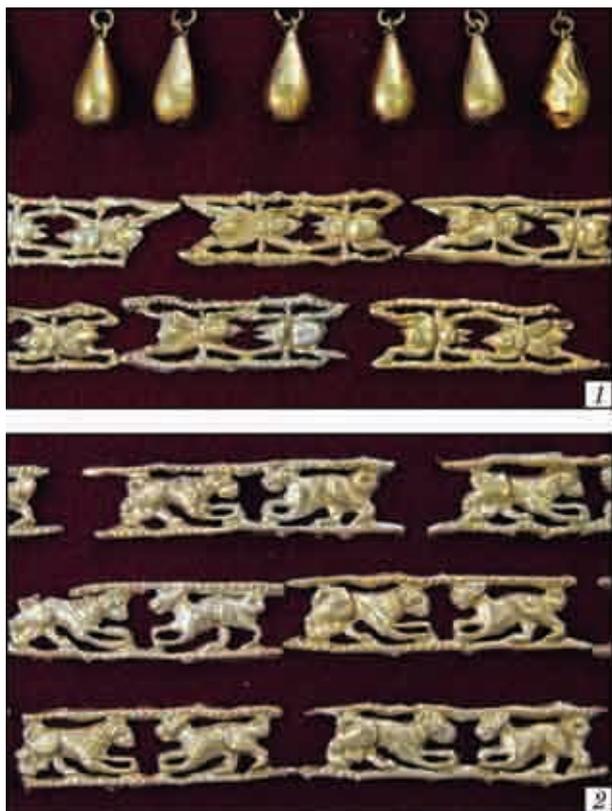

Рис. 4. Ажурні пластинки — прикраси головного убору із зображенням сцени протистояння лева і пантери (1); пластинки із зображенням мухи і павука (2); 3 — прорисовка

вказаною схемою, найчастіше прикрашали головні убори [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. № 128, 136]. Мабуть, крім захисних функцій, декор головного убору наділяли й іншим змістом — образи тварин сприймали як символи божеств життєдайних сил природи.

Ще один тип оздоб полоса небіжчиці, похованої в Мелітопольському кургані — ажурні пластинки із зображенням мухи (зліва) і павука (справа), які стоять навпроти один одного. Істоти показані зверху, значно стилізовані. Їх образи вміщено між двома вузенькими пружками, які нагадують перевитий шнур. Аналогічні пластинки знайдені в курганах 4 поблизу с. Володимирівка (Херсонської обл.), Вишнева Могила (Запорізької обл.). Дослідники не дійшли одностайності у питанні семантики образів, та навіть — видової приналежності одного з «персонажів»: муха чи оса зображена зліва [Триколенко, 2012, с. 143]. О.В. Ліфантій зазначила, що у іранській та грецькій міфології нема образів оси, але є згадки про мух. Можливо, зображення цих комах на золотих аплікаціях є апотропеєм. Поєднання образів мухи та павука в одній композиції відповідає традиції створення орнаменту, в основі композиції якого — сцена «протистояння» [Ліфантій, 2015, с. 101].

Отже, розглянемо варіант реконструкції полоса скіф'янки. Середня довжина пластинок із зображенням лева та пантери — 44 мм. Довжину ряду декоративних елементів на циліндричному уборі оберемо довільно, розміщуючи прикраси спереду та по боках — 30 см, тобто, можна утворити приблизно — 5 рядів.

Середня довжина пластинок із зображенням мухи та павука — 39 мм. Можна утворити 3 ряди. Ширина рядів смужок із зображенням лева і пантери — $15 \text{ мм} \times 5 = 75 \text{ мм}$; мухи і павука — $13 \text{ мм} \times 3 = 39 \text{ мм}$. Якщо між рядами зробити проміжки 5 мм, то висота убору буде приблизно 140 мм.

Декоративні смужки, мабуть, слід розмістити паралельно одна одній, вибравши варіант, при якому ряди чергуються. Наприклад: 2 ряди — із зображенням лева і пантери, 1 ряд — із зображенням мухи і павука; 2 ряди — образи лева і пантери, ще один ряд — мухи і павука; по одному ряду: зображення лева і пантери; мухи і павука. Але можна розмістити декор і за іншою схемою. Деталіями оформлення головного убору, ймовірно, були підвіски. Як свідчать археологічні матеріали, обідки з підвісками інколи входили до складу декоративних елементів полосів та скіфських калафів [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. № 138; Ключко, Гребенников, 1982, с. 90]. Серед знахідок декоративних елементів у поховальній камері Мелітопольського кургану є кілька типів підвісок: краплеподібні та у вигляді бутона, жолудя [Тереножкин, Мозолевський 1983, с. 30, рис. 98, 2—4, 13—15]. На реконструйованому полюсі, мабуть, слід прикріпити оздобу, що за формою нагадує бутони (рис. 6, 7, 9). Вони збагачують реконструкцію полоса не тільки естетично, але й змістовно, оскільки пов'язані з символікою культу плодючості.

Ще один вид головних уборів скіфських жінок — *покривала*. Основою їх був відріз ткани-

ни. Краї покривал оздоблювали пластинками (найчастіше прямокутними) з різними мотивами (образ грифона, «сцена братання», «сцена адорації», «богиня біля жертовника»). Розміри полотнища — до п'ястків рук — тобто 2—2,5 м визначені завдяки фіксації декору у похованні.

Для реконструкції покривала скіф'янки, похованої в Мелітопольському кургані, маємо деякі «пунктирні лінії». Зафіксовано, що справа від голови у напрямку до борта дерев'яного настилу тяглася смуга з 11 округлих золотих пластинок із зображенням голови Афіни (в профіль, обернена вліво) в шоломі у вигляді маски лева (рис. 5). Всі пластинки лежали обличчям Афіни вліво, до скелету. Зсередини кожні дві пластинки з головою Афіни поєднані короткою трубочкою з рифленою поверхнею, а ззовні золоті розетки, трубочки — пронизки та намистини утворювали сітку [Тереножкин, Мозолевський, 1983, с. 33, рис. 97, 1, 6].

Пластинки із зображенням Афіни у левиному шоломі: d — 24—25 мм, всього 103 екземпляри. Якась частина була пришита на поясі — зафіксовано *in situ* 7 екз. (рис. 7). Судячи із розташування у похованні, пластинки

Рис. 5. Декоративні елементи — прикраси покривала (*in situ*)

прикріплювали не щільно одна біля одної, а з деякими проміжками. Якщо на декор пояса забрати 30 екз., то на покривало залишиться понад 70 екз. Покривало, мабуть, було прикрашене по краю пластинками з Афіною (обличчя Афіни обернене до скелета), а за цими аплікаціями нашиті трубочки з рифленою поверхнею. Аналогія нашому припущенню — оформлення

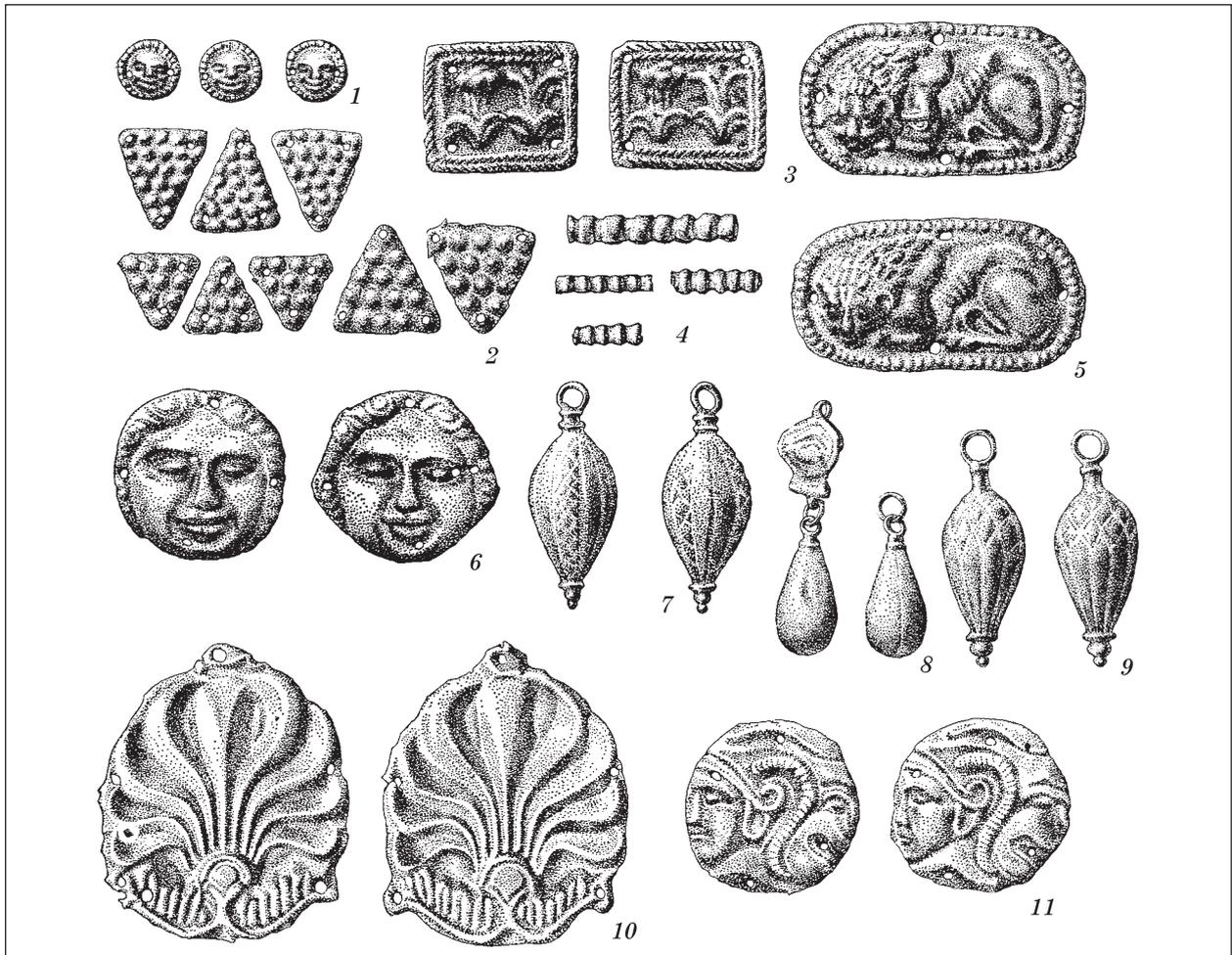

Рис. 6. Золоті аплікації та підвіски — прикраси одягу

Рис. 7. Золоті пластинки із зображенням пальметки (фіксація in situ)

покривала в Рижанівському кургані, в похованні чоловіка — там стояв калаф, а зверху накинуто покривало, оздоблене парами пластинок: круглими із зображенням Горгони Медузи та фігурними (вісімкоподібними) [Chochorowski, Skoryj, 1997, f. 7—8].

Ансамбль уборів скіф'янок відбиває особливості світогляду, звичаїв, норм поведінки тощо. Зокрема, віддзеркалює давні традиції, втілені у ставленні до жіночого волосся. Так, жоден «портрет» скіфської богині не дозволяє уявити її зачіску: вона захована під шапкою (досить низько насунутою на лоб) та покривалом. Звичай ховати волосся літнім жінкам або молодим пошлюбленим існував у середовищі різних племен і зберігся до нашого часу в культурі багатьох народів.

Загалом, всі убори мали призначення створити «золоте сяйво» навколо обличчя жінки, щоб підкреслити її престижне становище в соціальному і сакральному планах.

Як зазначено вище, біля небіжчиці у Мелітопольському кургані зафіксовані маленькі розетки, намистини і пронизки (трубочки) з рифленою поверхнею (рис. 6, 1, 4). Можливо, це залишки 1) або сітчастого нагрудника; 2) або декору наплічного одягу — кандіса.

ОДЯГ

Розглянемо джерела вивчення верхнього плечового одягу скіф'янок. Зображення жінок на пам'ятках тореvтики, що походять з території Скіфії, не настільки інформативні, як це притаманно образам чоловіків. Але все ж дослідники мають можливість залучити матеріа-

ли, аналіз яких дозволяє зробити висновки щодо складу жіночих костюмів, силуету одягу тощо. Ми вже зверталися до деяких пам'яток, коли йшлося про головні убори. Насамперед, привертають увагу мініатюрні прямокутні пластинки із зображенням богині Аргімпаси в «сцені адорації» (одне з умовних означень сюжету: «богиня з дзеркалом і скіф перед нею») (рис. 3). В рамці з овів вміщено зображення жінки із дзеркалом у руці, яка сидить у величній позі, та юнака у традиційному скіфському костюмі. Такі пластинки походять із восьми курганів: Мелітопольський, Куль-Оба, Чортомлик (Дніпропетровська обл.), Верхній Рогачик, Перший Мордвинівський (Херсонська обл.), курган 4 в урочищі Носаки, Огуз (Запорізька обл.). Мініатюри використовували, мабуть, для оздоблення жіночого вбрання. Зокрема, достеменно відомо, що в Чортомлику аплікації зі «сценами адорації» були прикріплені по краях покривала. У Мелітопольському кургані 54 екземпляри знайдено у похованні чоловіка (в тайнику) [Тереножкин, Мозолевский, 1983, с. 174]. Як вже вказано, пластинки, можливо, прикрашали жрецький головний убір у костюмі чоловіка. Але, зараз ми розглядаємо сюжет з метою вивчення жіночого вбрання. Богиня одягнена у довгу сукню з рукавами. Одяг широкий, під шиєю призбираний так, що утворюються складки. Рукава закривають руки жінки до зап'ясть і зібрані на манжету. Верхній одяг — довгий халат — кандіс, накинутий на плечі. Поли кандіса прикрашено по краю смугами, можливо, хутряною опушкою. Профільний ракурс образів у композиції дозволяє бачити один рукав одягу: він підкреслено довгий — сягає долівки (рис. 3, 1, 2).

Ще одна пам'ятка тореvтики містить інформацію про одяг скіф'янки: вже згадувана прикраса головного убору — пластина з кургану поблизу с. Сахнівка (Черкаська обл.) [Музей, 2004, кат. № 22] На її площині вміщено багатофігурну композицію, центральний персонаж якої — богиня Аргімпаса. Постаць передано узагальнено, але можна спостерігати деталі вбрання. На голові богині — висока шапка з пласкою верхівкою, надіта на покривало. Рельєфними лініями показано широке плаття з глибоким вирізом на грудях та довгими (до зап'ясть) рукавами, а також верхнє вбрання — довгополий халат з широкими рукавами, накинутий на плечі. Ракурс, у якому представлено богиню, дозволяє побачити обидві її руки: навколо зап'ясть рукава зібрано манжеткою чи браслетом. Поли верхнього одягу облямовували гладенькі смуги, причому на спині вони досить широкі (рис. 2, 1).

Деякі подробиці у оформленні одягу жінки передав давній художник, зображаючи богиню на пластинках, що були основою сережок (курган 10, с. Велика Знам'янка) [Музей, 2004, кат. № 35]. Скіф'янка одягнена у плаття —

глухе, накладне вбрання з довгими рукавами. Добре позначені такі деталі: комір трикутної форми, прикраси рукавів — поздовжні смуги від плеча до зап'ястя. Там, де закінчуються рельєфні оздобы, були лінії пришивання рукавів до стану, який утворювали центральне полотнище та дві бокові вставки (рис. 2, 3).

Однією з особливостей давнього костюма історики та етнографи вважають однакові способи формування чоловічого та жіночого одягу. Якщо розглянути всі пам'ятки, на яких представлено антропоморфні образи (чоловіків і жінок), то можна зробити висновок, що плечове вбрання скіфів було створене за принципами тунікоподібного крою. Його простота, раціональність у використанні тканини, припасованість до форм людського тіла, пластичність — все це забезпечило широке застосування тунікоподібного крою і, як свідчать етнографічні матеріали, досить довго — до нашого часу. Справжній крій, тобто округлення пройми, виточки і таке інше — все це виникло у період середньовіччя, а в народному костюмі і в Європі, і в Азії превалює тунікоподібний спосіб створення плечового одягу.

Наші знання про одяг скіф'янок дозволяють розширити матеріали археологічних досліджень. Насамперед, йдеться про фіксацію декоративних засобів у могилах [Клочко, 1984, с. 59—63].

Розташування аплікацій на одязі було підпорядковане певним закономірностям його оздоблення. А саме: вишивки, всілякі візерунки-аплікації розміщували на швах, навкруг горловини, на руках навколо зап'ясть, облямовували поли, мережили край одягу. Якщо у похованні прикраси убрання зафіксовано *in situ*, то вони служать відправними точками, за якими можна визначити силует одягу, його деталі (форму вирізу, манжети), а також спосіб формування, тобто крій. Чітко зафіксовано розташування декоративних залишків костюма у похованні скіф'янки у кургані Товста Могила. Золоті пластинки окреслюють силует вбрання: прикраси на руках та на грудях. Вбрання жінки було накладним, тобто — сукня. Стан його сформовано з двох полотниць шириною близько 27—30 см. Їх шивали посередині та з боків. До стану пришивали рукава: лінія пришивання була на 12 см нижче плеча. На звороті пластинок — аплікацій збереглися клаптики тканини: це атлас червоного та синього кольорів. Можна уявити, який ефектний вигляд мав костюм, в якому поєднано ці барви, підкреслені сійвом золота [Мозолевський, 1979, с. 206].

Залишки декору вбрання зафіксовані у похованні в кургані Казенна Могила (с. Шмальки Запорізької обл.). Оздобы сукні — золоті пластинки, що прикрашали рукава та комір одягу. Це відправні точки для визначення його силуету та крою. Жінка була одягнена у нерозпашну сукню. Про це свідчить розташування аплікацій із зображенням розеток, пальметок,

масок з обличчя: вони утворюють суцільний разок, окреслюючи виріз у формі трикутника. Загальна довжина орнаментального ряду на вирізі — 34 см. Візерунки на рукавах — поздовжні ряди — відмічають місце їх з'єднання зі станом — на плечових суглобах. Відстань між ними близько 40 см: це ширина полотнища, яка була основою стану. Під рукавами робили бокові вставки, щоб досягти необхідної ширини. Рукава входили всередину крою. Сукня скіф'янки нагадує зображення на пластинці від сережки з кургану 10 поблизу с. Велика Знам'янка (згадану вище). Збігаються форми вирізу на грудях, розміщення прикрас на рукавах. Це є надійним доказом правильності запропонованої реконструкції [Клочко, 1992, с. 101—106].

Аналіз пам'яток мистецтва та археологічних матеріалів дають інформацію про поясний одяг скіф'янок. Так, за деякими зображеннями можна уявити форму і навіть деталі розпашних спідниць. Йдеться, насамперед, про убрання богині («Володарки звірів»), образ якої бачимо на сакральних предметах з Олександропольського кургану. На бронзових навершях показано жінку в розпашній спідниці з численними складками. Одяг довгий, закриває взуття. А на ажурних залізних пластинах, плакірованих сріблом, богиня так само в складчастій, але короткій (до колін) спідниці, закріпленій на торсі вузьким поясом [Артамонов, 1966, с. 136—138]. Такий одяг простий у виготовленні: кілька відрізків тканини з'єднували між собою, так щоб одержати одне полотнище, яке пришивали до пояса. Крім того, розпашні спідниці зручні у вжитку: їх можна надівати поверх штанив, сукні тощо. Схожу спідницю — бельдемчи — описують етнографи в киргизькому костюмі [Мохова, 1979, с. 206, рис. 1, 2]. За археологічними знахідками (рештками тканини) у похованні дівчинки в кургані Вишнева Могила (Запорізька обл.) реконструйовано такий вид одягу [Прилико, Болтрик, 1991, с. 18—23].

Аналіз мініатюри зі «сценою адорації» дозволяє одержати інформацію про інший тип поясного одягу. Так, на деяких пластинках цієї серії (наприклад, з Мелітопольського кургану, № 4 поблизу с. Носаки) добре видно такий елемент костюма як спідниця. Її вирізняє вшита посередині полотнища поздовжня планка, з двох боків якої створені поперечні складки, змальовані дугоподібними лініями (рис. 3). Схожий одяг (з поперечними драпіровками) зображено на «жінці перед курільницею» (циліндрична печатка з колекції Клерка) [Руденко, 1952, рис. 23]. Мабуть, спідниця описаного типу належала до категорії одягу з яскраво вираженою знаковою функцією. Їх, імовірно, носили поверх сукні аристократки, як і кандіс та інші символи соціального престижу.

Реконструкцію одягу скіф'янки, похованої в Мелітопольському кургані, можна зробити

зі значними гіпотетичними припущеннями, адже те що залишилося від кістяка і декор *in situ* — подають недостатньо інформації. Ймовірно, парадний костюм жінки нагадував пишне убрання Аргімпаси, образ якої представлено на мініатюрах зі сценою «адорації». Тобто, скіф'янка була одягнена в сукню, кандіс, спідницю з поперечними драпіровками, а на ногах у неї туфельки, прикрашені золотими пластинками (рис. 9, див. вклейку). Кольорова гама костюма відповідає нашим знанням про фарбування текстилю: як було сказано вище, яскраві кольори — відтінки червоного і синього — були притаманні скіфам.

Розглянемо ділянки при кістяку, де оздобу зафіксовано *in situ*. О.І. Тереножкін вважав оформленням покривала дрібні розетки (d 8—9 мм, 137 екз.), пронизки — трубочки з рифленою поверхнею (d 2,5—3, довжина від 5 до 20 мм, 719 екз.), намисто з двох спаяних половинок (d 6 мм, 226 екз.). За нашою реконструкцією з цих декоративних елементів створили візерунок на полах кандіса (в нижній частині). Крім того, частину оздоб могли використати для сітчастої нагрудної прикраси. На полах кандіса, мабуть, прикріпили пластинки із зображенням лева, який лежить. Як зазначено у звіті, аплікації (4 екз.) зафіксовано збоку біля ребер (справа), але і зліва від кістяка (хоча ця частина поховання зруйнована повністю) знайдено зазначені пластинки [Тереножкін, Мозолевський, 1983, с. 34]. Всього таких аплікацій було 53 екземпляри, розміри: 20—22 × 38—40 мм. Це пласкі овальні пластинки, на яких показано образ лева, який лежить у позі, характерній для хижака з породи котячих. Голова повернута в фас і покоїться на передніх лапах (рис. 6, 5). Якщо ці пластинки розмістити на полах кандіса з невеликими проміжками, то довжина декоративних смуги буде близько 70—80 см. А до низу поли халата прикрашали візерунки з пронизок та дрібних розеток, про що йшлося вище. Можливо, на краях рукавів і на місці пришивання їх до стану халата були золоті аплікації, наприклад, прямокутні пластинки з фітоморфними мотивами, знайдені у переміщеному стані над кістяком [Тереножкін, Мозолевський, 1983, с. 33]. Це невеликі пластинки (15—16 × 18—20 мм) із зображенням лотосоподібної пальметки та лілеї, облямовані рамкою у вигляді перевитого шнура (рис. 6, 3).

На ділянці з дрібних розеток та пронизок, поряд з верхнім кінцем цього набору з внутрішньої сторони знайдено 2 пластинки із зображенням Горгони, а усього таких пластинок зафіксовано 18 екз. (рис. 6, 6). Можливо, ці круглі пластинки (d 22—23 мм) використовували як обшивку коміра (23 мм × 18 = 414 мм) сукні. Якщо припустити, що виріз для голови був обшитий кругом і для цього використали саме таку кількість пластинок, то виріз замалий. Але є варіанти оформлення коміра: 1) при-

кріпити аплікації тільки спереду і збільшити виріз (як на сукні небіжчиці з кургану Казенна Могила), 2) додатковий розріз на грудях (як в Рижанівському кургані), якщо крій одягу (сукні) «центральне полотнище і бокові вставки» 3) не до кінця зшити полотнища, якщо припустити крій, як в Товстій Могилі — два полотнища зшиті з боків, спереду та на спинці. На нашу думку, варто зупинитися на варіанті 3.

Отже, на скіф'янці надіта сукня, прикрашена зверху по вирізу пластинками із зображенням Горгони Медузи, нижче — сітчаста оздоба, оформлена підвісками.

На сукні, ймовірно, ще були прикріплені пластинки у вигляді пальметки (рис. 7). У звіті зазначено, що аплікації (3 екземпляри) зафіксовані над ребрами справа [Тереножкін, Мозолевський, 1983, с. 34]. Всього дев'ятипелюсткових пальметок (40 × 30 мм) було 7 екземплярів (рис. 6, 10). Вони, ймовірно, склали вертикальну доріжку в нагрудній частині сукні, щоб закрити місце з'єднання полотнищ стану. Довжина орнаментальної смужки близько 30 см, тобто вона закінчується на талії. Можливо, декор збагатили візерунки з трикутників (так звані «виноградні грона» з напівсферичними опуклинами на поверхні) (рис. 6, 2). Пластинки зафіксували над ребрами небіжчиці, а також в різних частинах камери.

ПОЯСНИЙ ОДЯГ

Як сказано вище, у похованні зафіксовані *in situ* пластинки із зображенням Афіни, які можна інтерпретувати як декор пояса (рис. 7). Але, як відомо, пояси були характерною деталлю вбрання жінок із племен, що мешкали на землях Середнього Подніпров'я. У костюмах скіф'янок зі степової спільноти поясів не було. Тому є підстави припустити, що аплікації із зображенням Афіни у левиному шоломі прикрашали пояс спідниці. Її форма відповідає зображенню на богині в сцені адорації, тобто з планкою посередині (рис. 9, див. вклейку).

ВЗУТТЯ

Своєрідна манера художнього втілення жіночих образів позбавила нас можливості побачити взуття: здебільшого воно прикрите довгою сукнею. Але в похованнях скіф'янок знайдено фрагменти шкіри та золоті оздобу, за якими відтворено короткі чобітки — скіфіки, черевички, наведені способи його моделювання та виготовлення [Клочко, 1992а, с. 26—33]. За знахідками в кургані Вишнева Могила (с. Гюнівка, Запорізька обл.) реконструйовано черевички, викроєні з одного цілого шматка шкіри, зшиті заду і спереду [Прилишко, Болтрик, 1992, с. 29]. За етнографічними спостереженнями подібне взуття — м'яке, виготовлення якого не потребувало спеціальних приладів — шили жінки.

Рис. 8. Пластинки із зображенням квітки арацеї — прикраси взуття in situ (1); реконструкція взуття за декоративними елементами (2)

Можливо, це належить до «жіночих робіт», про які розповідає Геродот [Herod., IV, 114].

Для вивчення жіночого взуття важливим джерелом є декоративні елементи — золоті нашивки. Вони знайдені у похованнях жінок аристократичного кола: Товстій та Гаймановій Могилах, Мелітопольському кургані. Що стосується останнього — Мелітопольського кургану, то тут, зафіксовано особливо пишне оздоблення. Воно збереглося на обох ногах жінки, але на лівій нозі не порушена схема розміщення аплікацій — 37 пластинок у формі квітки арацеї (рис. 8). Пластинки (розміри: 20—22 × 23 мм) були нашиті смугами: від трьох до семи рядів: від кінчиків пальців до підйому. Конфігурація оздоб нагадує трикутник, окреслюючи форму черевичка (рис. 8, 1). Дослідники поховання відмітили, що біля кісток ніг спостерігали залишки шкіри, власне тлін, а його пляма нагадує контур чобітка [Тереножкін, Мозолевський, 1983, с. 36]. Але, на наш погляд скіф'янка була взута в черевички: на це вказує декор. Він закривав передній шов не тільки з міркувань естетики, а й з метою магічного захисту.

Невід'ємною частиною жіночого костюма є накладні (знімні) прикраси різних категорій: для голови — сережки, підвіски; шийно-нагрудні — гривни, намисто; наручні — браслети, персні; для ніг — браслети. Крім естетичного, вони мали знакове навантаження. Знаковий зміст прикрас підкреслено матеріалом, з якого вони виготовлені. Золото набуло особливого значення в системі матеріальних і духовних цінностей населення Скіфії. Варіанти поєднання різних прикрас у одному наборі відбивали соціальний ранг, суспільний статус, вікову категорію, моральні норми, тощо.

У костюмі скіф'янки, яка належить до аристократичної верхівки суспільства, майже не

залишилось знімних прикрас, крім персня. Археологічні спостереження свідчать, що грабіжники забирали з поховального інвентарю, насамперед ті предмети, які у певній соціальної групі сприймали як знаки престижу, особливого статусу власника речей (найчастіше — прикраси). Але соціальну функцію костюма відбивають форми і оздоблення головних уборів, одягу, взуття. Усі компоненти святкового убрання були призначені для демонстрації знаків — декоративних елементів. Мотиви аплікацій на усіх деталях костюма скіф'янки складають кілька груп: антропоморфні (Афіна, Горгона Медуза), зооморфні (хижаки з породи котячих; павук, муха); фітоморфні (пальмета, арацея, лотосова пальметка і лілея); геометричні (трикутники з пуасонними опуклими на поверхні). Всі образи входять до кола символів божеств життєдайних сил природи і підкреслюють жрецький статус скіф'янки.

Реконструкція убрання скіф'янки, поховання якої дослідили в Мелітопольському кургані, доводить, що жінка посідала високе місце у ієрархії соціуму.

Костюм служниці. У дромосі здійснено захоронення, мабуть, служниці. Це була молода жінка, яку поклали на дерев'яному помості, на спині, у випростаному стані. Під скелетом і навколо нього — залишилися сліди якогось текстилю — коричневий тлін, можливо, від одягу та підстилки [Тереножкін, Мозолевський, 1983, с. 77]. З обох боків черепа лежали дві срібні сережки з тоненької дротинки (товщиною 1,5 мм). Одна з них — прикраса овальної форми (розміри — 32 × 25 мм), кінці розімкнуті, заходять один за другий, вирізняється підвіскою — бронзовим кільцем. Інша сережка — також кільцеподібна (d — 35 мм), закінчення трошки заходять один за другий (рис. 10, 2, 7). Небіж-

чиця мала нашійні оздоби — низки з намиста. Можливо, було кілька разків, утворених з різноманітних намистин (рис. 10, 4, 5, див. вклейку). Найбільше скляних: дрібні кулясті — світло-сині (150 екз.), більші кільцеподібні — сині та жовті (89 екз.), амфороподібні (10 екз.), у формі глечиків (3 екз.), кілька варіантів циліндричних та кулястих з вічками тощо. Наручні прикраси служниці: браслети. На правій руці бронзовий виріб у вигляді замкнутого кільця ($d = 82$ мм), зовнішня поверхня якого вкрита неглибокими борозенками на 6 ділянках між напівсферичними виступами (рис. 10, 6). Ще одна оздоба та правій руці — перев'язка з намистин різних типів: дрібних кільцеподібних, циліндричних жовтого, білого, синього, блакитного, коричневого кольорів, велика куляста з білими вічками, округло-циліндричні діжки подібні коричневого, синьо-сірого кольорів, намистинка у вигляді глечика. Крім того, нанизували амулети: морський камінець червоного кольору; зуби оленя (5 екз.); клешня краба [Тереножкін, Мозолевський, 1983, с. 78—83].

Оздоба на лівій руці — два залізних кільцеподібних браслети з не зімкненими кінцями ($d = 70$ мм), а також браслет — перев'язка зі скляних дрібних кільцеподібних намистинок блакитного, зеленкуватого і темно-синього кольорів (рис. 10, 1, 3). Слід відмітити, що за нашими спостереженнями залізні браслети в жіночому костюмі позначали підлегле становище власниці прикрас.

Привертають увагу ще деякі рештки убрання служниці. На краю помосту, поряд з гомілкою правої ноги жінки знайдено скляне намисто: з кільцеподібних дрібних намистин білого та жовтого кольорів (36 екз.), а також — блакитних і синіх, більших за розмірами (65 екз.). Поряд зі скупченням намистин зафіксовано два біконічних глиняних прясельця (24×21 мм). Ймовірно, зазначені намистини використовували для браслета — перев'язки, який жінка носила на нозі (на щиколотці). Чи були в низці разом з намистом і прясельця? В усякому разі, в наручні прикраси ці предмети інколи включали.

На лівій нозі жінки також була перев'язка, якщо взяти до уваги знахідки: біля коліна — 3 кістяні пронизки (дві біконічні та одна діжкоподібна — розміри: 15×12 мм), а також — низка дрібних скляних намистин (29 екз.: циліндричні бурого кольору, відрізки тоненьких трубочок коричневого і оранжевого кольорів). Отже, набір декоративних елементів молодої скіф'янки складався із сережок, кількох разків намиста, наручних прикрас: металевих браслетів та перев'язок (низок намиста). Останні, тобто браслети-перев'язки, мабуть, були і на ногах жінки. Це викликає особливу цікавість, тому що у Степовій Скіфії знахідок ножних браслетів небагато.

Для реконструкції костюма служниці слід залучити матеріали, дослідження яких дозволить

(з незначними гіпотетичними припущеннями) змалювати убрання. Почнемо, як завжди, з голови. Оскільки не залишилося ніяких слідів головного убору, то про нього можна скласти уявлення тільки за аналогіями. Як було зазначено вище, найпростіший убір — налобна пов'язка. Коли у похованні фіксують якісь рештки: текстильні чи шкіряні смужки, декор — золоті накладки, намисто, то за знахідками найчастіше є підстави відтворити стрічку. Це універсальний головний убір і його найчастіше носили представники соціальної групи, яку називають прості обциники. Якусь кольорову смужку (можливо, текстильну) на голові, можливо, носила служниця. Убір доповнювали золоті кільцеподібні сережки.

Плечовий одяг служниці можна відтворити тільки узагальнено. Ми припускаємо, що жінка була одягнена у сукню з вовняної чи льняної тканини, бо саме такий текстиль найчастіше притаманний населенню Скіфії. Стан сукні тунікоподібного крою: утворювали два полотнища зшиті на спинці, спереду та по боках. До стану нижче плеча пришивали рукава. Зафіксовані прикраси на ногах служниці, ймовірно, свідчать про те, що на сукні велику ділянку від коліна донизу залишали незшитою: для зручності пересування і щоб показати оздоби (рис. 9, див. вклейку).

Мелітопольський курган — одна з найвизначніших пам'яток Скіфії. Знахідки, що походять з поховань, здійснених у кургані, надзвичайно інформативні: дозволяють розширити коло знань у різних областях скіфології, зокрема, з історії костюмів населення Скіфії.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. — 416 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Ленинград; Прага, 1964 — 120 с.

Боровка Г.Н. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМ. — 1921. — Т. 1. — С. 169—193.

Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. — К., 1982. — С. 118—130.

Клочко Л.С. Скифские налобные украшения IV—III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры — К., 1982а. — С. 37—53.

Клочко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до н. э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К., 1982. — С. 86—96.

Клочко Л.С. Верхний плечевой одяг скіфів // Археологія. — 1984. — Вип. 47. — С. 57—68.

Клочко Л.С. Плечовий одяг скіф'янок // Археологія. — 1992. — № 3. — С. 95—107.

Клочко Л.С. Скифская обувь // РА. — 1992а. — № 3. — С. 26—33.

Клочко Л.С. Поясная одежда скифов // Древности Скифия. — М., 2006. — С. 64—76.

Клочко Л.С., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Реконструкция головного убора з кургану Тегянина Могила. // Археологія. — 1991. — № 3. — С. 58—62.

Клочко Л.С., Васіна З.О. Реконструкція головних уборів за декоративними елементами із поховань скіф'янок (версії загальної класифікації) // Музейні читання: Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, 15—17 листопада 2010). — К., 2011. — С. 97—113.

Ліфантій О.В. Дрібні пластинки із зображеннями членистоногих — прикраси одягу скіфів // Музейні читання: Матеріали наук. конф. Музею історичних коштовностей України «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, листопад, 2014). — К., 2015. — С. 100—107.

Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1989. — С. 5—38.

Маслова Г.С. Народная одежда восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX века. — М., 1984. — 235 с.

Махова Е.И. Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. — М., 1979. — С. 195—209.

Мозолевський Б.М. Курган Товста Могила. — К., 1979. — 248 с.

Музей історичних коштовностей України: Альбом / Л.С. Клочко, О.П. Підвисоцька, О.В. Старченко. — К., 2004. — 464 с.

Прилипко Я.П., Болтрик Ю.В. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребени скифянки из Вишневої Могили // Курганы Степной Скифии — К., 1991 — С. 18—33.

Силантьева Л.Ф. Коринфские терракотовые статуэтки из Пантикапея // Тр. ГЭ. — 1972. — Т. XIII. — С. 30—55.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелітопольський курган. — К., 1988. — 262 с.

Триколенко С.Т., Триколенко О.В. Изображение осы с пауком золотых пластинок из Мелітопольського кургана и его связь с реальностью // Музейні читання: Матеріали наук. конф. Музею історичних коштовностей України «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, листопад, 2011). — К., 2012. — С. 137—146.

Трейстер М.Ю. Изделия из бронзы, кости и украшения // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV — III вв. до н. э. — Симферополь — Бонн, 2008. — С. 106—122.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. — М., 1976. — 268 с.

Lexikon der Antike. — Leipzig, 1972. — 638 S.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryzanowskiiego // MiSROA. — 1997. — Т. XVIII. — С. 77—92.

Л.С. Клочко, З.А. Васіна

КОСТЮМЫ СКИФЯНОК ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ МЕЛИТОПОЛЬСКОГО КУРГАНА

Исследователи разных специальностей: историки, археологи, искусствоведы всегда проявляли значительный интерес к костюмам населения Украины

в древности. Изучение облачения племен Скифии привело к значительным результатам: определены закономерности размещения украшений, их знаковые функции, реконструированы головные уборы, одежда, обувь благодаря комплексному анализу письменных памятников и археологических находок, среди которых: произведения изобразительного искусства, личные украшения, декоративные элементы оформления и фрагменты различных компонентов костюма. Обобщение материалов по истории скифского костюма стало основой для реконструкции нарядов скифянок из разным социальным группам, погребения которых исследовали в Мелітопольском кургане. Еще один источник для реконструкции: золотые аппликации — средства оформления деталей костюма, зафиксированные *in situ*. Интерпретация всех находок, сравнительный метод их изучения дали возможность воссоздать богатый костюм представительницы аристократического круга (возможно, жрицы), а также — сопровождающей особы (служанки). Это гипотетические представления о форме и декоре женского костюма, но дальнейшее изучение темы, возможно, позволит снять все гипотетические допуски.

Ключевые слова: реконструкция, декоративные элементы, пластинки-аппликации, polos, кандис.

L.S. Klochko, Z.O. Vasina

FEMALE SCYTHIAN ATTIRE ACCORDING TO MATERIALS FROM THE MELITOPOL MOUND

Various scientists — historians, archaeologists, historians of art — have always shown significant interest in the attire of Ukraine's ancient populations. Studying the garments of Scythian tribes has produced great results: patterns of distribution of ornaments, their symbolic functions, reproductions of head-gear, clothing and footwear through the use of complex analysis of written sources, and archaeological finds, including fine art works, personal ornaments, decorative design elements, and fragments of various components of a costume. Summarizing the Scythian costume history materials served as the basis for reconstruction of attire of Scythian women of a variety of social statuses, whose tombs were studied in the Melitopol mound (kurgan). Another source for reconstruction was golden applications, used as decorations on the costume details, as reflected *in situ*. The interpretation of all finds, using the comparison method for studying them, provided an opportunity to recreate a rich costume of an aristocratic woman (most likely, a priestess) and a supporting person (a maid). These are hypothetical conceptions about forms and decorations of female attire; however, further exploration of the topic may possibly allow probably allow lifting all hypothetical assumptions.

Keywords: reconstruction, decorative elements, plaques-applications, polos, kandis.

Одержано 2.03.2017

С.В. Махортых

ПРОНИЗИ ДЛЯ ПЕРЕКРЕСТНЫХ РЕМНЕЙ КОНСКОЙ УПРЯЖИ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VII—VI вв. до н. э.

Статья посвящена пространственно-хронологическому анализу металлических и костяных пронизей для уздечных ремней бытовавших на юге Восточной Европы в VII—VI вв. до н. э.

Ключевые слова: конское снаряжение, Северный Кавказ, лесостепная Украина, VII—VI вв. до н. э.

Металлические и костяные пряжки-пронизы или распределители использовались для соединения и украшения пересекающихся ремней конской сбруи. Они относятся к числу важных элементов уздечки скифского времени. Предлагаемая статья посвящена рассмотрению этой довольно многочисленной категории материальной культуры, выявленной на Северном Кавказе и в лесостепной Украине. Упомянутые регионы относятся к числу главных центров сосредоточения археологических памятников VII—VI вв. до н. э. на юге Восточной Европы.

На Северном Кавказе основными ареалами распространения рассматриваемых пронизей являются Центральное и Западное Предкавказье. Так, например, в Краснознаменском могильнике (курганы 1—3, 6—8) выявлено не менее 40 разнообразных распределителей, главным образом, изготовленных из бронзы. Максимальное число пронизей в составе одной уздечки — пять, но встречено и четыре, три и даже две пронизы [Петренко, 2006, с. 77].

В Келермесских курганах найдено более 30 пронизей (курганы 1/В, 2/В, 3 или 4/Ш, курган 19 погребение 5), при этом их подавляющее большинство изготовлено из кости и орнаментировано зооморфными мотивами. Максимальное количество распределителей также не превышало пяти экземпляров в уздечке [Галанина, 1997, с. 124, 126].

© С.В. МАХОРТЫХ, 2017

Довольно представительная коллекция бронзовых и железных уздечных распределителей (не менее 20 экз.) на Северо-Западном Кавказе происходит из Ульского некрополя (курганы 2/1898 г., 1/1909 г., 2/1990 г., 10/1982 г.) [Эрлих, 2015].

В Нартановском могильнике пронизы обнаружены в 15 из 24 исследованных курганов (№ 5, 6, 10, 11, 13—15, 17—24). Причем представлены они там, в основном, единичными экземплярами. Лишь в курганах 13, 14, 17, 19 найдено от двух до четырех распределителей в погребении [Батчаев, 1985, табл. 19, 8; 29, 10; 31, 14].

Помимо этого, в Центральном Предкавказье, пряжки-пронизы, служащие распределителями для перекрестных ремней, встречены в курганах раннескифского времени у хут. Алексеевского, г. Новопавловска, а также в могильнике у с. Новозаведенное, а в Закубанье — в кургане 41 уроч. Клады, первом Говердовском кургане и др. [Минаева, 1956, с. 331, рис. 2, 3; Лесков, Эрлих, 1999, с. 131, рис. 39, 3—6; Петренко, Маслов, Канторович, 2004; Канторович, Петренко, Маслов, 2007; Эрлих, Нехаев, 2011].

Наряду с кочевническими захоронениями, пронизы выявлены и в некоторых местных, меотских или кобанских захоронениях Северного Кавказа: погребение 27 Келермесского грунтового некрополя, могильники Владимировский, Фабричный, Султангорский 1, Фаскау и др. [Галанина, 1985, с. 160, рис. 4, 6—8; Дударев, Рунич, 1992; Козенкова, 1995, с. 163, табл. 28, 1—5; Мошинский, 2006; Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007].

В лесостепном Поднепровье распределители обнаружены как на правом, так и левом берегу Днепра, где они концентрируются, главным

образом, в бассейне р. Тясмин и особенно в Посулье. Среди них следует отметить Старшую Могилу, где найдено 38 пронизей [Лллінська, 1951, с. 206, табл. 5].

Кроме этого, в Днепровском лесостепном Левобережье довольно значительное число распределителей (от 5 до 10 экземпляров в одной могиле), изготовленных из кости или бронзы, выявлено в курганах 2/1886 г. и № 478 у с. Волковцы, № 9 и 10 у с. Поповка и т. д. [Ильинская, 1968, с. 45, 59; Галанина, 1977].

На территории Днепровской Правобережной лесостепи наибольшее количество пронизей (19 экз.) обнаружено в кургане 407 у с. Журовка. Среди них — три костяные и 16 бронзовых изделий [Ильинская, 1975, с. 24]. Интерес представляет также курган 38 у с. Гуляй-Город, где найдено несколько костяных и девять бронзовых пронизей — конусообразные, клювовидные, а также украшенные головкой барана [Ильинская, 1975, с. 14, 15, табл. II].

В остальных случаях количество распределителей в захоронениях Правобережья варьирует от двух до четырех экземпляров. Зачастую они изготавливались из кости и имели цилиндрическую или близкую к ним геометрическую форму (Жаботин, курган 2; Иванковичи; гробница 1 Репяховатой Могилы; Медвин, курган 23 и др.) [Вязьмитина, 1963, рис. 1, 3, 4; Білан, Солтис, 2014, рис. 13; Левченко, Левченко, Гречко, 2015, рис. 22, 3, 4]. Среди бронзовых находок известны распределители с округлым верхним щитком, в виде сильно загнутого птичьего клюва и т. д. (Захарейкова Могила, Яснозорье, курган 6 погребение 1 и др.) [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 4, 15, 16; 36, 1, 2; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, рис. 6, 5].

Следует упомянуть также несколько уздечных пронизей выявленных на бытовых памятниках скифского времени различных регионов лесостепной Украины (городища: Бельское, Люботинское, Кнышевское, поселения: Пожарная Балка, Сокол и др.) [Андриенко, 2001; Шрамко, 1996, рис. 14, 33; Могилов, Гуцал, 2008, рис. 1, 19; Шрамко, 2015, рис. 11, 14].

По форме, а также присутствию или отсутствию декора рассматриваемые пронизи подразделяются на две основные группы, внутри которых выделяются типы, а также, возможно, вычленение подтипов. **Первая группа** объединяет распределители геометрической формы, иногда имеющие солярные изображения на щитке. Она насчитывает более 250 экземпляров. Ко **второй группе** относятся пронизи зооморфной формы или имеющие зооморфные изображения на щитке. В настоящее время их известно 239 экземпляров.

В рамках **первой группы** наиболее многочисленными являются пронизи *типа 1*, имеющие форму цилиндра, и реже, куба с двумя парами поперечных боковых отверстий округ-

лой или овальной формы. Отверстия сделаны в прямых или слегка вогнутых стенках (рис. 1, 1—15; 2, 1—13; 3, 25). Всего известно 122 находки, в том числе на Северном Кавказе найдены 55 пронизей, а в лесостепной Украине — 67 экземпляров. Скорее всего, в лесостепной Скифии их было больше, если учитывать не менее 20 подобных бронзовых фрагментированных образцов, из разных областей и, в первую очередь, Посулья [Могилов, 2008, с. 67, рис. 127, 1—21].

Высота распределителей типа 1 варьирует от 1 до 2,2 см, а диаметр составляет 1,1—2,3 см.

В настоящее время можно выделить два подтипа в рамках типа 1. К подтипу 1 относятся пронизи, имеющие практически одинаковую высоту и ширину и дающие в сечении подквадратную форму. По опубликованным материалам, соотношение их высоты к максимальной ширине составляет 0,9—1.

В подтип 2 объединены пронизи с подпрямоугольным сечением, у которых высота превышает ширину в 1,33 и более раза. Они немногочисленны и встречены, главным образом, в Центральном Предкавказье: Нартан (курганы 14 и 15), Новозаведенное II (курган 13), а также Кызылкалинский могильник (рис. 2, 6—8) [Алексеева, 1971, табл. 136, 26; Батчаев, 1985, табл. 37, 20; 39, 46; Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 2, Б]. С ними сближается костяная пронизь из Роменских курганов в Посулье [Древности Приднепровья, 1899, табл. 32, 527].

Абсолютное большинство пронизей типа 1 на Северном Кавказе изготовлено из бронзы. Исключение составляют одна костяная и две железные разделительные обоймы из курганов 6 Краснознаменского и 18 Нартановского могильников, а также раннескифского кургана у г. Новопавловска [Махортых, 2016, с. 172].

В лесостепном Поднепровье наблюдается противоположная ситуация, там господствуют костяные пронизи (55 из 67 экземпляров или 82 %).

Главным центром распространения пронизей типа 1 на Северном Кавказе является Центральное Предкавказье, где выявлено 87 % таких распределителей. Они встречены в могильнике у хут. Красное Знамя (21 экз., южная гробница кургана 1 (уздечные наборы 1—3), а также курганы 3, 6 и 8); кургане 7 могильника Новозаведенное II (не менее 3 экз.); курганах 5, 13, 18, 22 Нартановского могильника (4 экз.); кургане у г. Новопавловска (2 экз.) (рис. 1, 1—10).

В Закубанье пронизи типа 1 встречаются значительно реже (7 экз.). Так, в погребении 5 кургана 19 Келермесского могильника обнаружены четыре цилиндрические пронизи, каждая с четырьмя сквозными отверстиями в слегка вогнутых стенках [Галанина, Алексеев, 1990, рис. 9, 1].

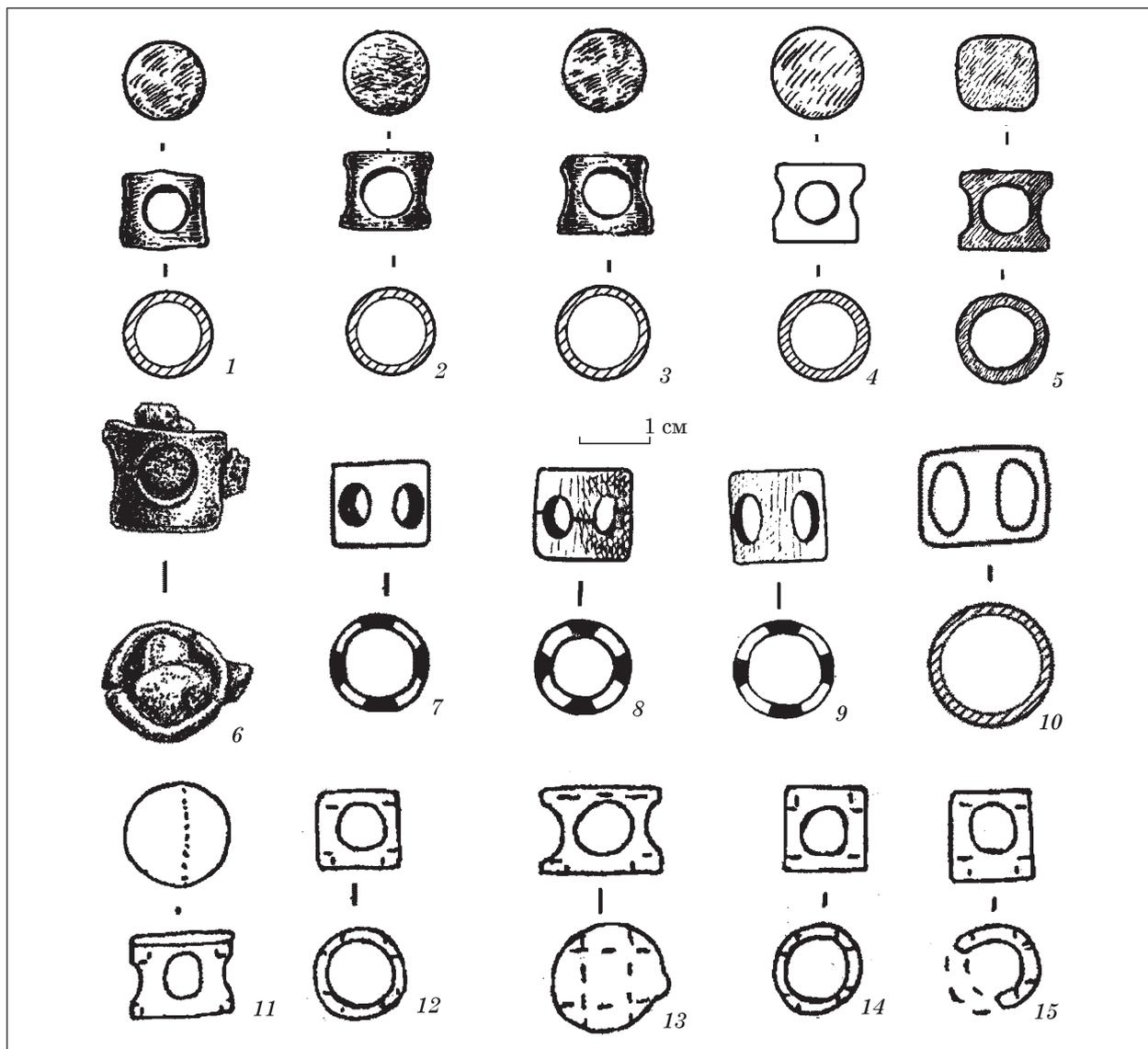

Рис. 1. Распределители узды первого типа первой группы с территории Северного Кавказа и лесостепной Украины: 1—3 — южная гробница Краснознаменского кургана 1; *Красное Знамя*: 4 — курган 3; 5 — курган 6; 10 — курган 8; 6 — Новопавловск; *Нартан*: 7 — курган 5; 8 — курган 13; 9 — курган 22; 11, 13 — Роменский уезд; 12, 14, 15 — Поповка (по: Батчаев, 1985; Петренко, 2006; Канторович, Петренко, Маслов, 2007; Могилов, 2008)

Интерес представляют бронзовые пронизи цилиндрической формы, происходящие из Алексеевского кургана на Ставрополье (6 экз.) и погребения 27 (3 экз.) Келермесского грунтового могильника в Адыгее. Они украшены сверху солярным значком в виде ромбической розетки с кружком в центре¹ (рис. 2, 9, 11). Еще

1. Т.В. Рябкова некорректно изложила точку зрения А.И. Тереножкина, согласно которой ромбовидные знаки на предметах предскифского времени якобы являются результатом культурного импульса, идущего из Сибири и Центральной Азии [Рябкова, 2011, с. 100]. На самом деле А.И. Тереножкин отмечал дискуссионность вопроса возникновения и распространения этого мотива на юге Восточной Европы, не исключая вслед М.И. Вязмитиной и В.А. Ильинской его заимствование из Передней Азии [Тереножкин, 1976, с. 174]. Следует также упомянуть наход-

три бронзовые распределителя первого типа, декорированные сходным геометрическим орнаментом, происходят из района Кавказских Минеральных Вод: могильник Фабричный и погребение 1 могильника Султан-Гора 1 (рис. 2, 10) [Дударев, Рунич, 1992, рис. 8, 10; Козенкова, 1995, табл. 28, 3].

Пронизи типа 1, найденные в лесостепном Поднепровье, также являются довольно многочисленными. Всего там известно 67 экземпля-

ки более древних металлических блях, украшенных «киммерийским» ромбическим знаком с вогнутыми сторонами и кружком в центре, в захоронениях каткомбной культуры восточной Украины — например, Красная Заря курган 3, погребение 4 [Санжаров, 1992, рис. 6, 3, 4].

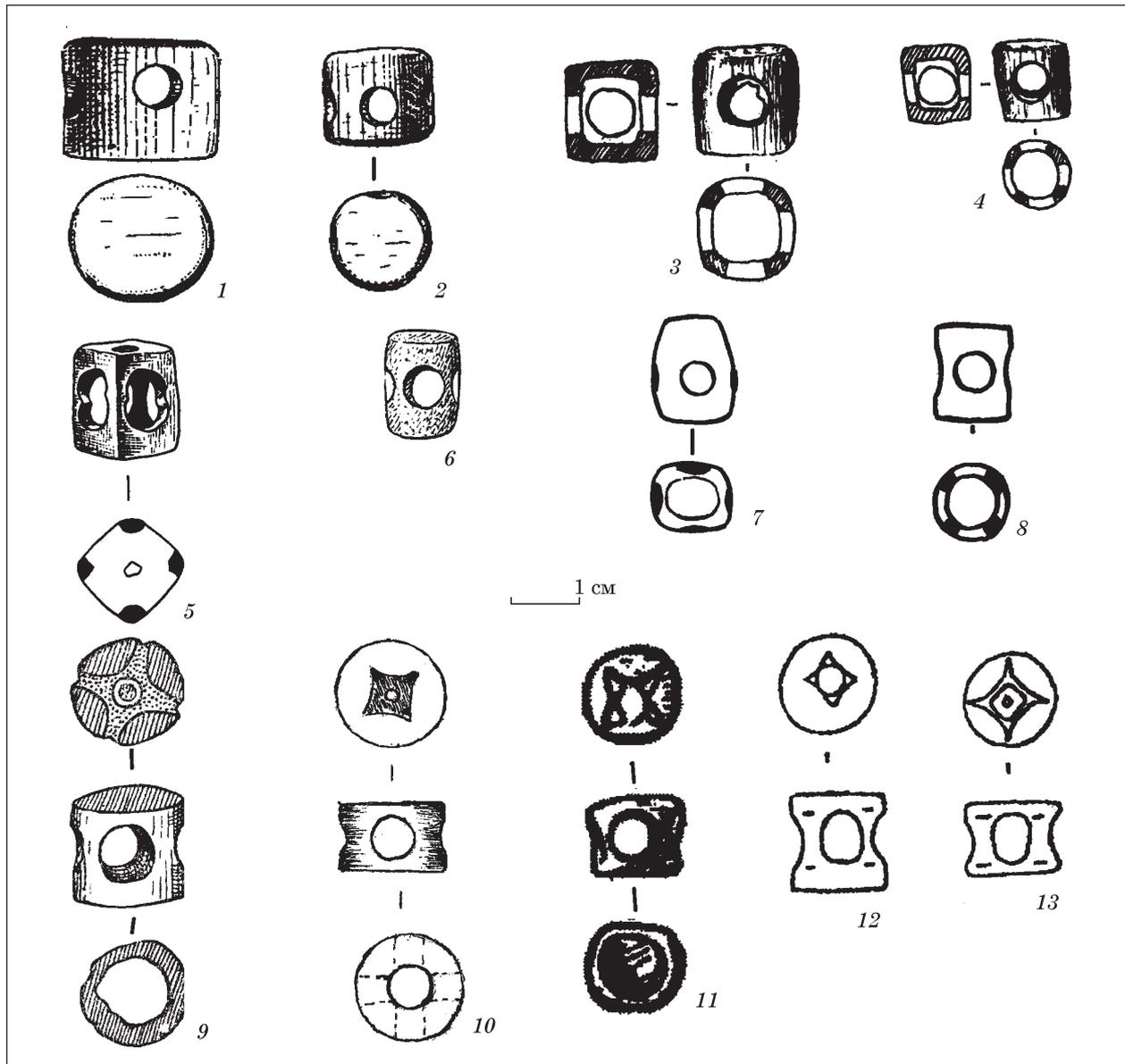

Рис. 2. Распределители узды первого типа первой группы с территории Северного Кавказа и лесостепной Украины: 1, 2 — Старшая Могила; 3, 4 — курган 23 Медвин; 5 — курган 467 Аксютинцы; 6 — Кызылкалинский могильник; *Нартан*: 7 — курган 15; 8 — курган 14; 9 — хут. Алексеевский; 10 — могильник Фабричный; 11 — погребение 27 Келермесского могильника; 12, 13 — Роменский уезд (по: Минаева, 1956; Ильинская, 1968; Алексеева, 1971; Галанина, 1977; Батчаев, 1985; Дударев, Рунич, 1992; Могилев, 2008; Левченко, Левченко, Гречко, 2015)

ров¹. Основная их часть выявлена в Днепровском лесостепном Левобережье, и в частности, Посулье — 41 экз.: в Старшей Могиле, курганах 2 (1886 г.) и № 467 у с. Аксютинцы, № 1, 2 в ур. Солодке, № 2 (1886 г.) Волковцы и т. д.

1. Некоторые костяные пронизи, зачисленные А.Д. Могилевым в цилиндрические пряжки-пронизи (подкласс III, отдел 1), [Могилев, 2008, с. 70, рис. 130, 42, 43], являются фрагментированными, что затрудняет определение их типологической принадлежности, например, Волковцы, курган 12 (1886 г.), либо по типологическим характеристикам их следует относить к другим разновидностям цилиндрических пронизей, например, распределители с округлым оформлением верхнего щитка (Будки) и пр.

(рис. 1, 11—15; 4, 14) [Іллінська, 1951, табл. 5, 13—17; Ильинская, 1968, табл. II, 44—48; XII, 8, 23; XIX, 6; XXXIV, 13; Галанина, 1977, табл. 18, 13; Могилев, 2008, рис. 130, 11—41; 131, 1—5, 7—17].

На территории Днепровского лесостепного Правобережья пронизи типа 1 встречаются реже, чем на Левобережье, хотя изготавливались они там также, в основном, из кости (13 экз.). Эти находки сделаны, преимущественно, в бассейне р. Тясмин (Жаботин, курган 2; Журовка, курганы 407, 447, Прусы) и в Поросье (Медвин, курган 23) (рис. 2, 3, 4) [Ильинская 1975, табл. 10, 8, 9; Левченко, Левченко, Гречко, 2015].

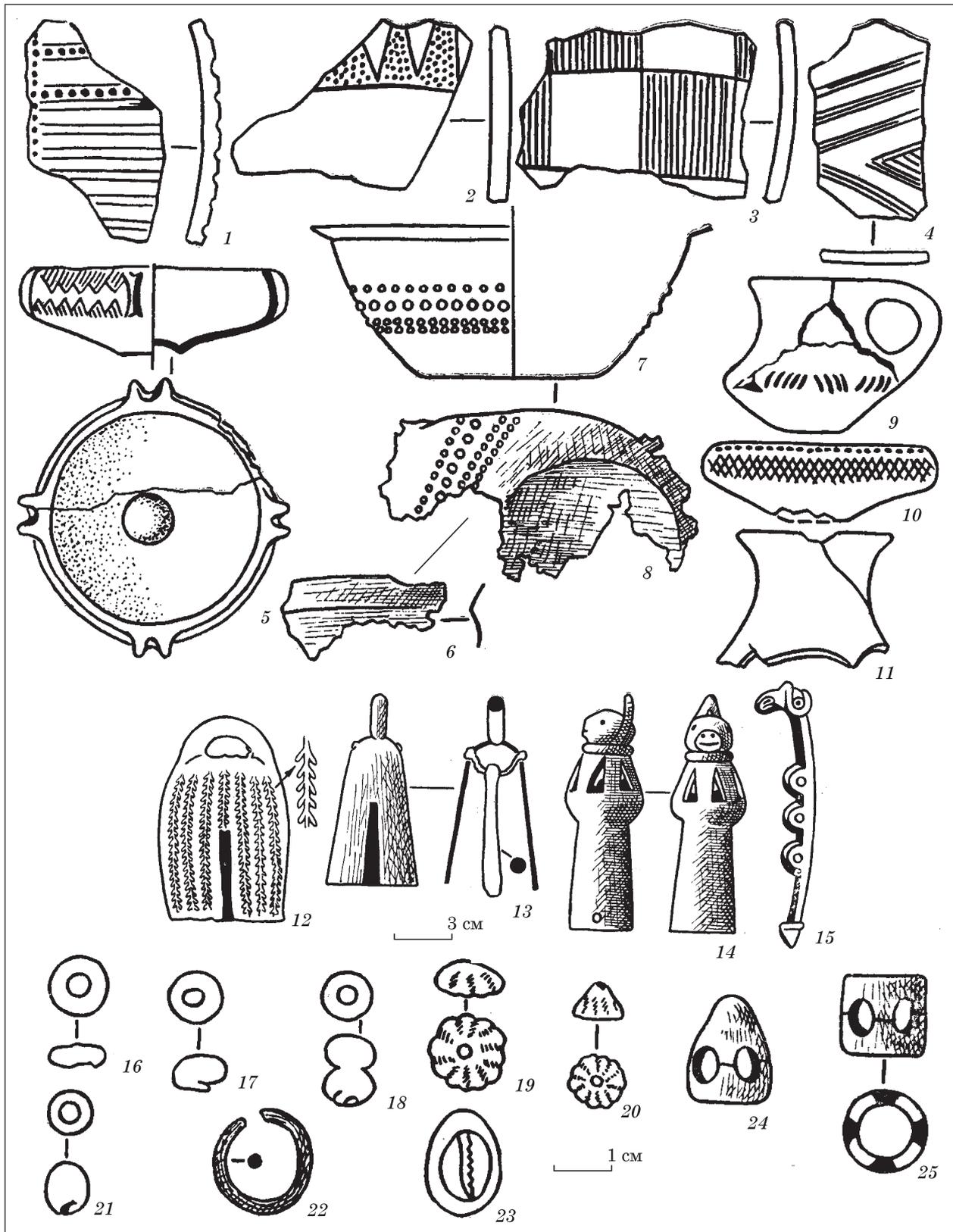
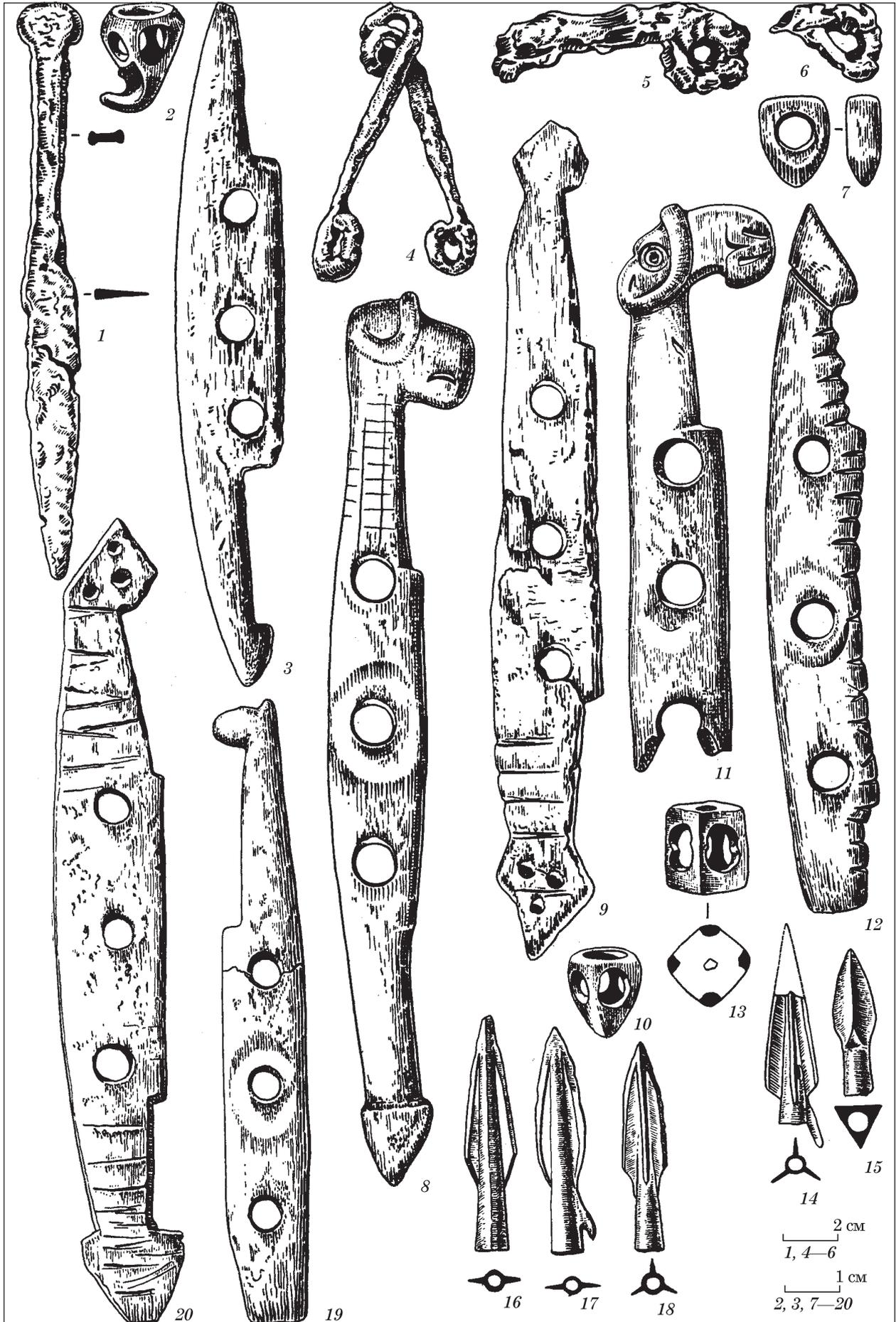

Рис. 3. Инвентарь погребения в кургане 13 Наргановского могильника (по: Батчаев, 1985)

Что касается бронзовых пронизей цилиндрической формы с прямыми или слегка вогнутыми в средней части стенками, то они также известны в Украинской лесостепи (12 экз.), причем 11 из них найдены в Посулье: могилы

Рис. 4. Материалы из погребений у с. Аксютинцы: 1—4 — курган 466; 5—20 — курган 467 (по: Галанина, 1977)

раскопанные близ хут. Поповка, в том числе из кургана 14, а также Роменского уезда (рис. 1, 11—15) [Ильинская, 1968, табл. LIII, 3; Могилов, 2008, с. 67, рис. 127, 22—38]. Среди них также имеются два экземпляра, верхний щиток которых украшен солярным ромбовидным знаком (рис. 2, 12, 13).

Рассматривая вопрос о хронологии пронизей типа 1, следует отметить, что большая часть северокавказских находок датируется в рамках второй половины VII — начала VI вв. до н. э., хотя отдельные экземпляры продолжали встречаться в первой и / или второй половине VI в. до н. э., например, распределитель из кургана 5 Нартана [Махорты, 1991, с. 76, 79; Галанина, 1985, с. 163; Алексеев, 2003, с. 107; Петренко, Маслов, Канторович, 2004, с. 197; Петренко, 2006, с. 112—114; Канторович, Петренко, Маслов 2007, с. 206].

На территории Украинской лесостепи период бытования пронизей типа 1 определяется в целом серединой VII — серединой VI вв. до н. э. [Могилов, 2008, с. 67, 70].

По моему мнению, к числу наиболее архаичных находок, обнаруженных в курганах второй половины — конца VII в. до н. э. и / или начала — первой половины VI в. до н. э., относятся пронизи из курганов 2 Жаботин, № 23 Медвин и № 407 Журовка на Правобережье Днепра, а также Старшая Могила, Волковцы, курган 2 (1886 г.), Аксютинцы, курган 2 (1886 г.) и некоторые другие, на Левобережье.

Более молодые в хронологическом отношении находки пронизей этого типа выявлены в курганах 1 и 2 Солодка, № 467 Аксютинцы, № 447 Журовка, № 14 Поповка, датирующиеся в рамках середины — второй половины VI в. до н. э.

Следует отметить, что в Посулье пронизи типа 1 продолжали встречаться и в комплексах V в. до н. э., например, курган 1 Аксютинцы (1886 г.), курган 2 Волковцы (1897 г.). Еще одна возможная находка бронзовой пронизи в контексте V в. до н. э. связывается с Днепровским лесостепным Правобережьем — Тенетинка курган 188 [Ильинская, 1975, с. 43; Могилов, 2008, рис. 127, 38].

Сходные по форме бронзовые и костяные (роговые) уздечные распределители известны также в сбруйных наборах восточной части степного пояса Евразии, например на Алтае, где они бытовали не только в эпоху скифской архаики, но и раннепазырыкское время [Шульга, 2008, с. 80—82, рис. 42, 5, 20—22; 57; 2015, с. 102, рис. 78, 11].

Тип 2, включает пронизи цилиндрической формы, однако, в отличие от типа 1, они имеют не плоский, а выпуклый верхний щиток с полусферическим завершением. Высота распределителей типа 2 варьирует от 1 до 1,9 см, а диаметр составляет 1—2,1 см.

Всего известно 37 находок этого типа, в том числе на Северном Кавказе 14 экземпля-

ров. В основном они изготовлены из бронзы и встречены, преимущественно, в Центральном Предкавказье: в захоронениях Нартановского (курганы 10, 11, 17, 19) и Новозаведенного II (курган 13) могильников (рис. 5, 2, 3) [Батчаев, 1985, табл. 29, 10; 31, 14; Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 2, Б].

Еще четыре бронзовых распределителя в виде широких литых цилиндров с четырьмя боковыми отверстиями и полусферическим завершением происходят из Северной Осетии (рис. 5, 4) [Мошинский, 2006, рис. 15, 3].

Известны подобные находки и в памятниках VII—VI вв. до н. э. лесостепной Украины (23 экз.). Примечательно, что бронзовые экземпляры в данном случае превосходят по численности костяные (15 против восьми). Основными областями их сосредоточения являются Посулье на левом берегу Днепра (12 экз.) и Поросье (шесть экз.) — на правом. Эти находки происходят из следующих пунктов: курган 14 в ур. Стайки Верх, курганы 2 и 3 Аксютинцы (1886 г.), могилы около Поповки, Луки, Будки, Яснозорье, курган 6 погребение 1, Лазурцы и др. (рис. 5, 7, 8) [Ильинская, 1968, рис. 19; табл. XI, 1; XIX, 7; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, рис. 6, 6; Могилов, 2008, рис. 130, 43, 44; 131, 37—42].

Менее многочисленны пронизи этого типа на территории Поворскля (курган 23 Скоробор; поселение Пожарная Балка) и бассейна Тясмина — погребение 1 Репяховатой Могилы; курганы Г Журовка (рис. 5, 1, 5, 6) [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 3, 15, 16; Шрамко, 1994, рис. 11, 12; Могилов, 2008, рис. 128, 14].

Большая часть комплексов с пронизями типа 2 хронологически является довольно компактной и укладывается в рамки позднего VII и / или раннего VI вв. до н. э. Среди них на Северном Кавказе (курганы 10, 11, 17 Нартана и курган 13 могильника Новозаведенное II). На территории Днепровского лесостепного Левобережья с ними по времени, главным образом в рамках VI в. до н. э., сближаются, курганы 2 и 3 (1886 г.) Аксютинского могильника, курган 14 в ур. Стайки Верх, курган 23 Скоробор, а на правом берегу Днепра — погребение 1 Репяховатой Могилы.

Древнейшим среди комплексов, содержащих пронизи типа 2, является погребение в кургане 6 Яснозорье (середина — вторая половина VII в. до н. э.), а наиболее молодым — курган у с. Будки (конец VI в. до н. э.) [Ильинская, 1968; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994; Махорты 2014].

Тип 3 пронизей первой группы составляют экземпляры в форме усеченного конуса или, редко, усеченной пирамиды со скругленными углами. Они имеют, преимущественно плоский гладкий верх и четыре боковых отверстия (рис. 6, 1—22).

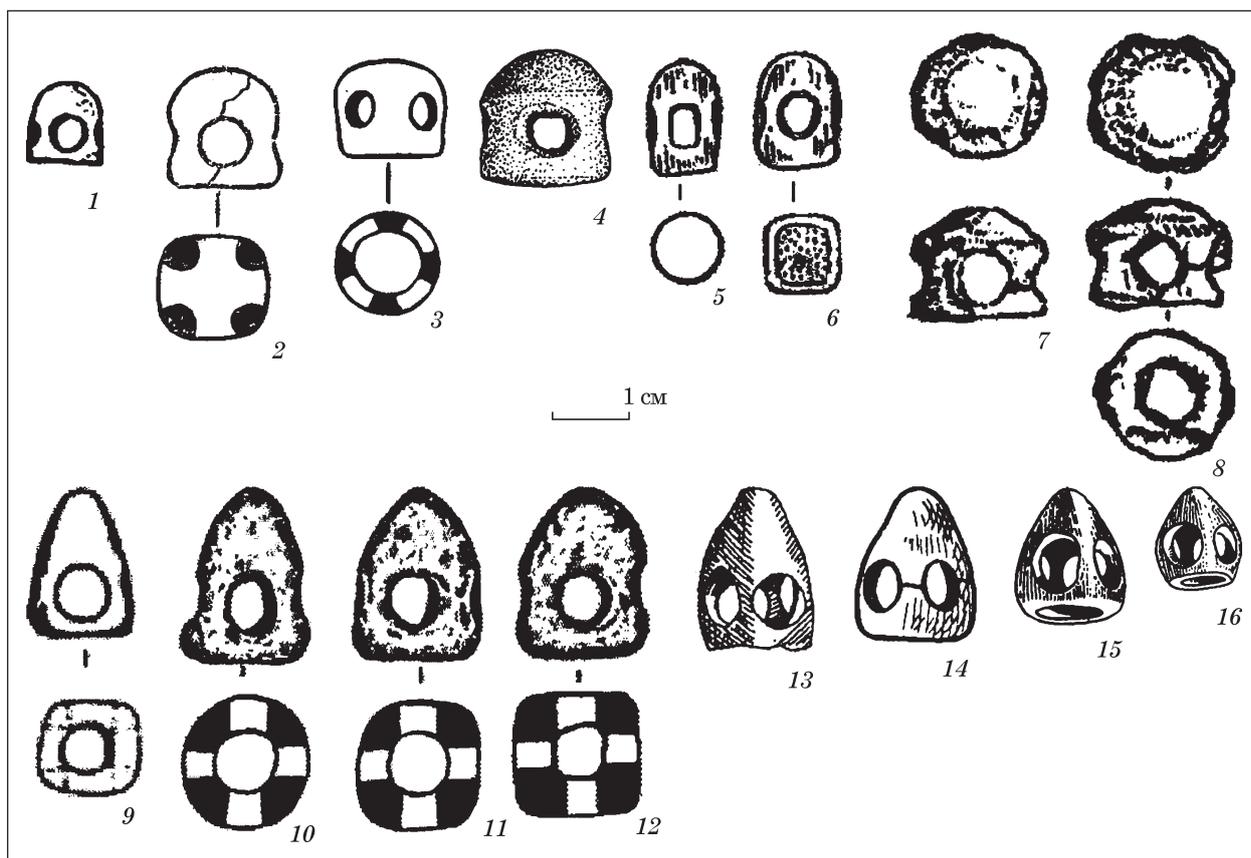

Рис. 5. Геометрические пронизи первой группы: *тип 2*: 1 — курган 23 Скоробор; 2 — курган 10 Нартан; 3 — курган 17 Нартан; 4 — Фаскау; 5, 6 — гробница 1 Репяховатой Могилы; 7, 8 — Яснозорье, курган 6 погребение 1; *тип 4*: 9 — погребение 163 Володимирского могильника; 10—12 — Говердовский 1 курган; 13 — Ходоров, курган 423; 14 — курган 13 Нартан; 15 — курган 467 Аксютинцы; 16 — курган 469 Аксютинцы (по: Галанина, 1977; Батчаев, 1985; Ильинская, Мозоловский, Тереножкин, 1980; Шрамко, 1994; Мошинский, 2006; Эрлих, Нехаев, 2011)

Распределители имеют следующие размеры: высота 0,9—2, диаметры 0,6—1,5 и 1,1—2,2 см.

Всего известно 44 экземпляра, 17 из которых приходится на территорию Северного Кавказа, а 27 — на лесостепное Поднепровье.

За исключением костяного экземпляра из кургана 23 Нартана, все остальные предкавказские распределители изготовлены из бронзы¹. Они приблизительно поровну распределяются между Центральным Предкавказьем (10 экз.) и Закубаньем (7 экз.): курган 29 Келермесского некрополя, могильник Красное Знамя (курган

ны 2, 3, 7) (рис. 6, 1—5, 7—10). Еще одна близкая по форме пронизь найдена в Ульском кургане 1910 г. (рис. 6, 6).

Распределители из Нартановского могильника (курганы 23 и 24), в отличие от более узких и вытянутых келермесских и краснознаменских экземпляров, довольно массивны и имеют приземистые пропорции в виде низкого цилиндра. Следует также отметить наличие изображения соляного знака на верхнем щитке пронизи из кургана 24 (рис. 6, 12).

Ближайшие соответствия северокавказским пронизям типа 3 обнаруживаются на территории Днепровского лесостепного Левобережья. Среди них преобладают изделия из кости (19 против восьми бронзовых предметов). В курганах Посулья найдено не менее 20 таких распределителей VII—VI вв. до н. э. (Старшая Могила, курганы 470 Аксютинцы, № 478 Волковцы, № 2 Поповка и др. (рис. 6, 20—22).

В остальных областях лесостепной Украины находки пронизей типа 3 встречаются значительно реже: Поворсклье (поселение Пожарная Балка), бассейн Северского Донца (Люботинское городище) и Киевщина (курган у с. Иванковичи) (рис. 6, 18, 19).

1. Благодаря находкам 12 подобных бронзовых пронизей в киммерийском захоронении у пгт Слободзея в Нижнем Поднепровье, можно говорить об их использовании ранними кочевниками Северного Причерноморья уже в IX—VIII вв. до н. э. (рис. 7, 1—12) [Яровой, Кашуба, Махортых, 2002, рис. 8]. То же самое можно утверждать и о выявленных в этом же комплексе бронзовых трехпрорезных цилиндрических пронизях-распределителях, которые пополняют число сходных предметов скифской культуры, линия развития которых прослеживается с предскифского периода (могильники: Краснознаменский (курган 6 и южная могила кургана 1), Нартановский (курганы 20, 22) и Келермесский (к. 2/В).

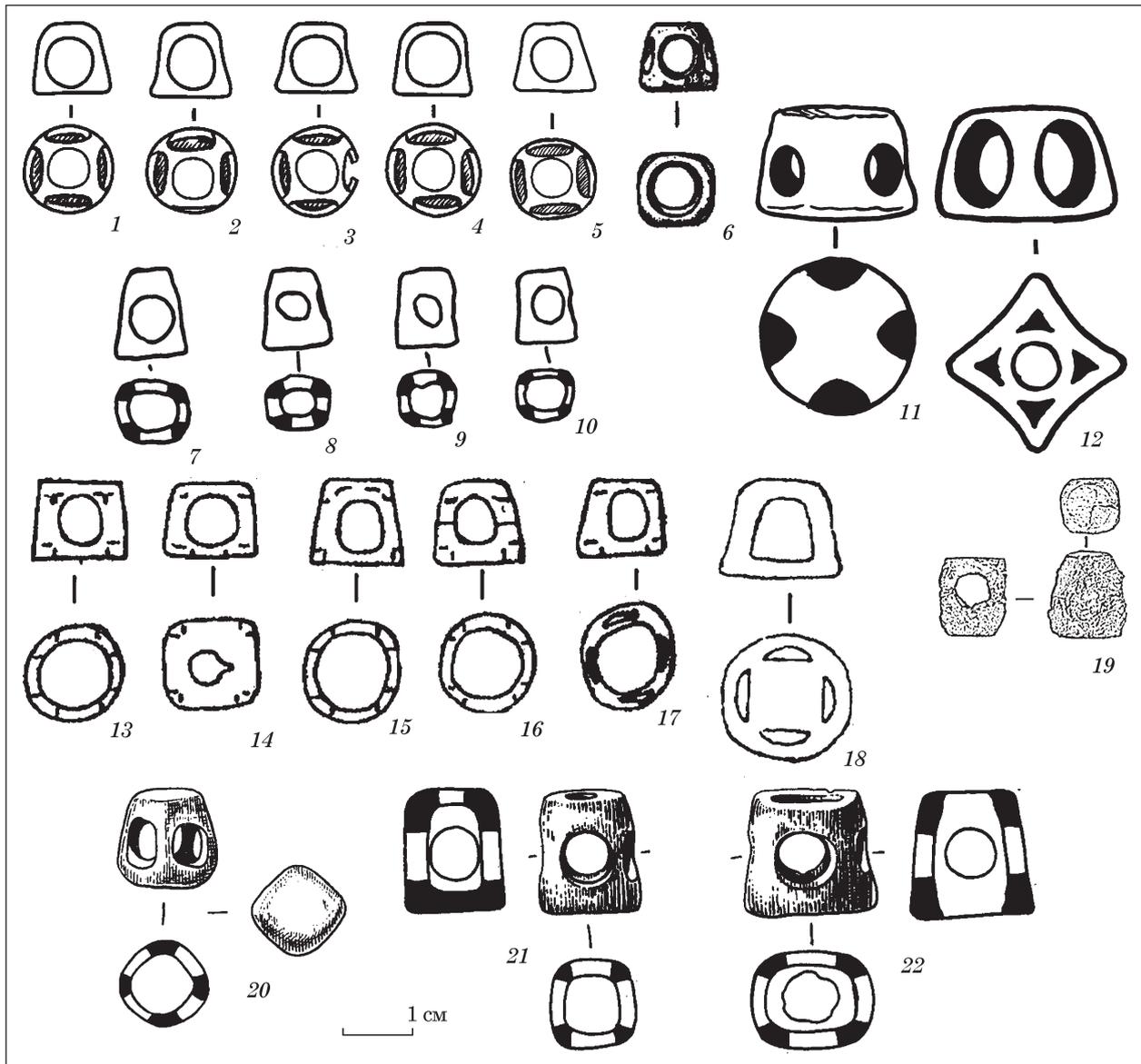

Рис. 6. Геометрические пронызы первой группы, тип 3: *Красное Знамя*: 1—4 — курган 3; 5 — курган 7; 6 — Ульский курган 1910 г.; 7—10 — курган 29 Келермес; *Нартан*: 11 — курган 23; 12 — курган 24; 13 — курган 2 Поповка; 14 — Поповка; 15—17 — Роменский уезд; 18 — Люботинское городище; 19 — Иванковичи; 20 — курган 470 Аксютинцы; 21, 22 — Волковцы 478 (по: Батчаев, 1985; Галанина, 1997; Шрамко, 1998; Петренко, 2006; Могилов, 2008; Эрлих, Нехаев, 2011; Білан, Солтис, 2014)

Курганы 3, 7 Краснознаменского могильника, а также курган 29 Келермеса и Ульский курган 1910 г. датируются исследователями второй половиной VII в. до н. э. [Галанина, 1999, с. 64; Петренко, 2006, с. 112, 114]. Что касается курганов 23 и 24 Нартана, то первый из них, вероятно, относится к началу — первой половине VI в. до н. э., а второй — к 550/530—480 гг. до н. э. [Махортых, 1991, с. 78, 79; Алексеев, 2003, с. 107].

В Днепровском лесостепном Поднепровье наиболее архаичные пронызы типа 3 из достоверных комплексов датируются, скорее всего, в рамках «раннего» VI в. до н. э. (Старшая Могила, Иванковичи) [Ильинская, 1968; Скорый, Солтис, Белан, 2001, с. 134—135]. Хронологически к ним примыкают захоронения с

пронизями типа 3 из курганов 470 Аксютинцы и возможно № 2 Поповка, относящиеся к началу — первой половине VI в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 69; Галанина, 1977, с. 38].

И замыкает группу памятников с находками рассматриваемых проныз — курган 478 Волковцы, датирующийся в пределах середины — второй половины VI в. до н. э.¹ [Ильинская, 1968, с. 73; Алексеев, 2003; Могилов, Диденко, 2009].

К *типу 4* относятся бронзовые пронызы с четырьмя боковыми отверстиями, приближа-

1. Отдельные находки проныз типа 3 на территории Посулья (курган 1 Аксютинцы (1886 г.) связываются с комплексами V в. до н. э. [Ильинская, 1968, табл. 17, 12].

ющиеся по форме к конусу, имеющие заостренную вершину и треугольное вертикальное сечение (рис. 5, 9—16). Их размеры составляют 1,1—2,6 × 1—1,8 см. На юге Восточной Европы обнаружено 22 таких находки.

Основная часть распределителей типа 4 выявлена на Северо-Западном Кавказе (14 экземпляров или 87 % от общего числа известных находок): курган 1 у хут. Говердовского (кони 2, 12—14), а также погребения 101 и 163 Владимировского могильника близ г. Новороссийска (рис. 5, 9—12).

В Центральном Предкавказье, по меньшей мере, две такие находки происходят из кургана 13 Нартана и кургана 13 могильника Новозаведенное II (рис. 5, 14) [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 245].

Пронизи рассматриваемого типа встречены также в раннескифских памятниках лесостепного Днепроовского Правобережья (курган 423 у с. Ходоров) и Левобережья (курганы 467 и 469 у с. Аксютинцы) (рис. 5, 13, 15, 16).

С этим типом сближаются и две конические пряжки-пронизи из кургана 38 у с. Гуляй-Город [Могилов, 2008, рис. 128, 15, 15а].

В.Р. Эрлих и А.А. Нехаев соотносят по времени Говердовский курган 1 с младшей группой келермесских курганов, раскопанных Д.Г. Шульцем, которые, в свою очередь, на основании близости к кургану 16 могильника Новозаведенное II, содержащего несколько фрагментов восточно-греческих сосудов, датируются временем, близким к рубежу VII — VI вв. до н. э.¹ [Эрлих, Нехаев, 2011, с. 140].

Новозаведенский курган 13, вероятно, относится к концу VII и / или первым десятилетиям VI вв. до н. э., поскольку его вещевой комплекс составляет единый хронологический пласт с комплексами Новозаведенских курганов 7, 14 и 16, а также обнаруживает определенные параллели с инвентарем кургана 467 в Посулье по выявленным там бронзовым конусовидным пронизям и изображениям в скифском зверином стиле² [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 239—243].

1. Обнаружение в Говердовском 1 кургане ряда находок, в том числе и наверхия, увенчанного фигуркой оленя на конической прорезной втулке, находящихся близкие параллели в кургане 3, погребения 1 у с. Гладковщина в Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи [Григорьев, Скорый, 2012, рис. 8] может свидетельствовать о том, что верхней хронологической границей этого памятника является «ранний» VI в. до н. э.

2. Происходящий из кургана 467 у с. Аксютинцы набор наконечников стрел, включающий трехлопастные экземпляры с головками вытянутой треугольной формы и шипом, а также башневидных очертаний (рис. 4, 14—18) [Галанина, 1977, табл. 18, 14, 18] находит аналогии в погребении 15/1914 Ольвийского некрополя [Скуднова, 1988, с. 158, кат. 243], датированном второй половиной VI в. до н. э.

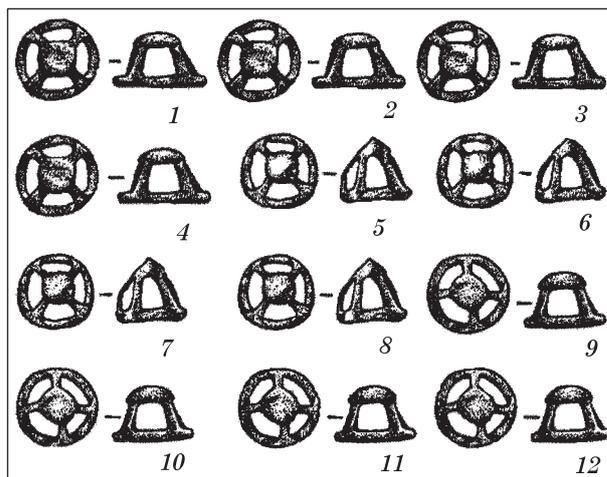

Рис. 7. Бронзовые уздечные распределители из киммерийского кургана у пгт Слободзея (по Яровой, Кашуба, Махортых, 2002)

О довольно молодой хронологической позиции пронизей типа 4, относящихся к числу местных восточноевропейских разновидностей этой категории конского снаряжения, свидетельствуют и их находки в памятниках лесостепного Поднепровья, где на основании выявленных вместе с ними колчаных наборов и предметов конской упряжи они датируются в рамках начала — первой половины VI в. до н. э. (курган 469 у с. Аксютинцы) или же середины — второй половины VI в. до н. э. (курган 467 у с. Аксютинцы). Эта дата подтверждается находками двух бронзовых пронизей близкой формы в кургане 38 середины VI в. до н. э. у с. Гуляй-Город в бассейна Тясмина [Ильинская, 1975; Гречко, 2016].

Тип 5 образуют бронзовые пронизи на широком цилиндрическом основании с четырьмя — пятью отверстиями, верхним плоским или, реже, слегка выпуклым округлым щитком, выступающим за края основания.

Высота распределителей типа 5 варьирует от 1,1 до 2, а диаметр составляет 1,8—3,9 см.

Всего известно 27 таких находок. На Северном Кавказе найдены 16 экземпляров, главным образом в Ульском некрополе (курганы 2/1898 г., 1/1909 г., 10/1982 г.), а также Фаскау и Верхней Рутхе³ (рис. 8, 6—10, 12, 13).

В лесостепной Украине рассматриваемые пронизи получили распространение в Днепровском лесостепном Левобережье, и, особенно, в Посулье (всего 11 экз.): курган 477 у с. Волковцы, Шумейко, курган 18 погребение 1 Мачухского могильника (рис. 8, 11) [Могилов, 2008, с. 68, табл. 128, 18, 19].

3. С рассматриваемыми находками сближаются, и пять оригинальных бронзовых пронизей со сдвинутым за края основания щитком, орнаментированным солярным знаком, из южной гробницы 1 Краснознаменского кургана относящейся ко второй половине VII в. до н. э. (рис. 8, 1—5) [Петренко, 2006, табл. 50, 57].

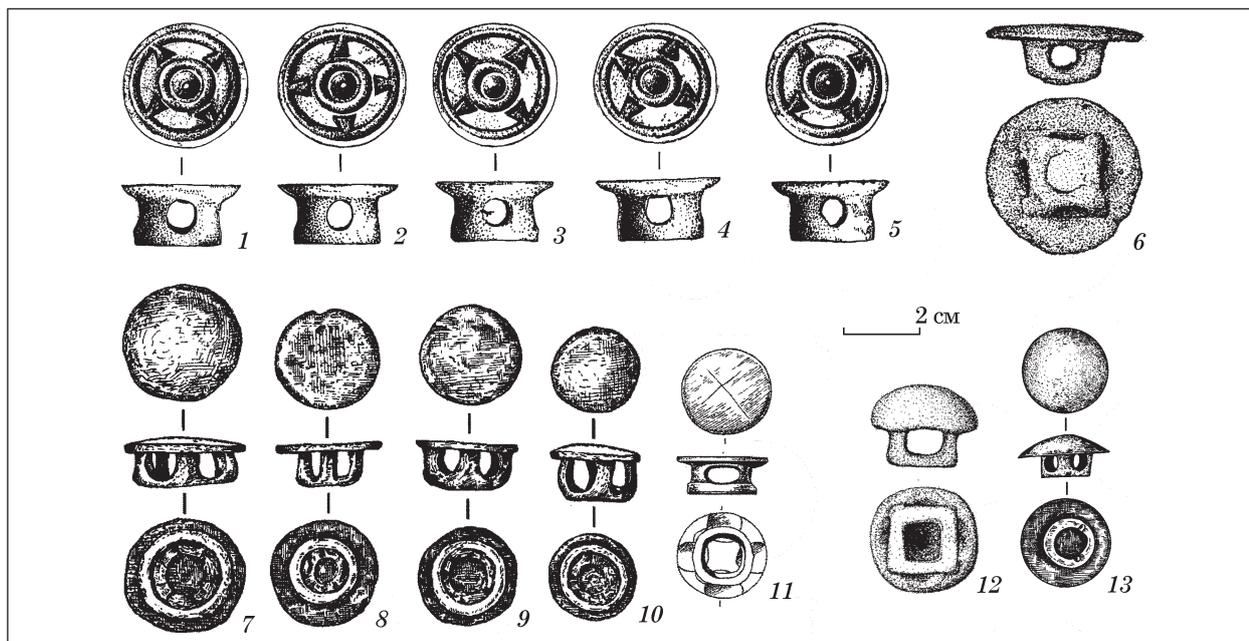

Рис. 8. Бронзовые распределители конской упряжи: 1—5 — южная гробница 1 Краснознаменского кургана; 6 — Фаскау; 7—10, 13 — Ульский курган 1/1909 г.; 11 — курган 477 Волковцы; 12 — Верхняя Рутха (по: Галанина, 1997; Петренко, 2006; Мошинский, 2006; Эрлих, 2015)

Основной период бытования пронизей этого типа приходится на середину — вторую половину VI в. до н. э.

Завершая рассмотрение «геометрических» типов пронизей первой группы следует упомянуть и о двух распределителях, входящих в состав уздечного набора коня 2 из кургана 6 могильника Новозаведенное II [Петренко, Маслов, Канторович, 2006, рис. 4, 3, 4]. Они изготовлены из железа и имеют выпуклый полусферический щиток, с инкрустацией золотой фольгой в виде вытянутых треугольников, расположенных в три ряда по кругу и образующих спирально-вихревой орнамент, завершающийся завитком на вершине. Под щитком находятся укрепленные на кольцевом основании четыре столбика-скобы, образующие овальные отверстия с четырех сторон.

По мнению авторов публикации, ближайшие аналогии новозаведенским пронизям (по материалу, технике исполнения и конфигурации орнамента) обнаруживаются среди инвентаря кургана 3 могильника Тасмола V, в Центральном Казахстане, что позволяет предполагать их восточное происхождение [Петренко, Маслов, Канторович, 2006, с. 399]. Дата кургана 6 могильника Новозаведенное II определяется в пределах VI в. до н. э., точнее второй четверти — середины этого столетия.

Вторая группа восточноевропейских пронизей — распределителей представлена экземплярами, имеющими зооморфное оформление или зооморфное изображение на щитке ¹.

1. Ко второй группе восточноевропейских зооморфных распределителей могут быть отнесены также

к типу 1 относятся пронизы с окончаниями, оформленными в виде изогнутого когтя, клюва или схематической птичьей головки. С четырех боковых сторон и снизу столбиков имеются округлые отверстия. На поверхности некоторых предметов видны грани подрезов, образовавшиеся при изготовлении формы.

Всего насчитывается не менее 70 экземпляров, в том числе на Северном Кавказе 52 предмета и в Украинской лесостепи 21 [Могилов, 2008, с. 68, рис. 129, 1—15; Махортых, 2016, с. 179, рис. 7].

Пронизы изготавливались из бронзы и реже из серебра ². Их высота в большинстве случаев варьирует от 1,8 до 2,5, а диаметры оснований составляют 1—1,6 см.

пронизы из клыков кабана или их бронзовые имитации (7 экз.), найденные в южной могиле кургана 1 Краснознаменского могильника, кургане 6 Нартана и уздечном наборе из ст. Подгорная Краснодарского края [Ложкин, Петренко, 1981, с. 72; Батчаев, 1985, табл. 21, 26; Петренко, 2006, с. 77, табл. 47, 18, 26]. Еще четыре просверленных клыка кабана, служившие пряжками для перекрестных ремней выявлены в кургане 2 (1886 г.) у с. Волковцы в Посулье [Ильинская, 1968, табл. XXXIV, 14]. Довольно своеобразными являются и три бронзовые круглые уздечные бляшки-пронизки с изображением свернувшегося кольцом зверя из кургана 482 у с. Басовка (рис. 11, 16) [Галанина, 1977, табл. 25, 2].

2. Заметным своеобразием отличаются железные клювовидные пронизы, найденные на Северо-Западном Кавказе в Ульском кургане 10/1982 г. (кони 13—15). Их высота составляет 4,6—6,5, а диаметр основания 1,2—1,8 см (рис. 9, 22—24) [Эрлих, 2015, с. 50, табл. 16, 220; 18, 264, 267, 269].

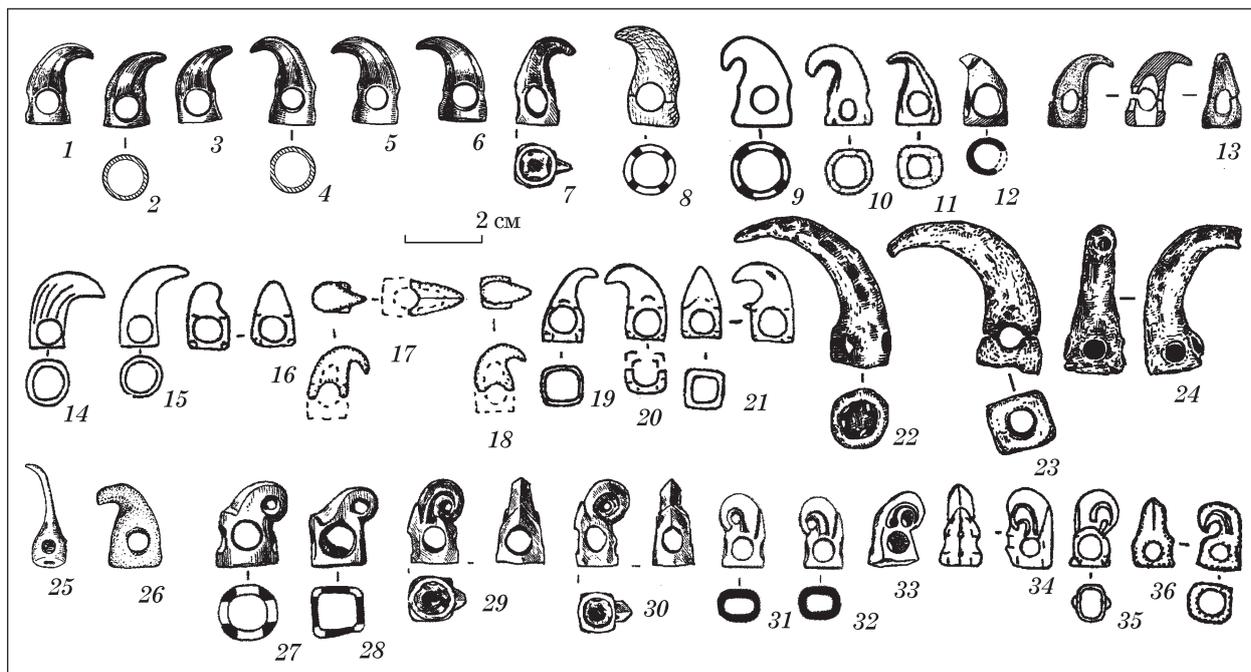

Рис. 9. Зооморфные пронизи второй группы: *тип 1*: 1—7 — южная гробница Краснознаменского кургана 1; 8 — курган 21 Нартан; 9 — курган 14 Нартан; 10 — погребение 118 Володимирского могильника; 11 — погребение 135 Володимирского могильника; 12 — курган 2/В Келермес; 13 — Новоавлавск; 14, 15 — Пятигорский музей; 16 — Роменский уезд; 17—19 — курган 38 Гуляй-Город; 20, 21, 25 — Шумейко; 22—24 — Ульский курган 10/1982 г.; 26 — Верхняя Рутха; *тип 2*: 27—30 — курган 24 Келермес; 31, 32 — курган 3 или 4/III Келермес; 33 — Переведив; 34 — Роменский уезд; 35 — курган 38 Гуляй-Город; 36 — Захарейкова Могила (по: Батчаев, 1985; Галанина, 1997; Петренко, 2006; Мошинский, 2006; Могилов, 2008; Бандрівський, 2010)

В Центральном Предкавказье известно не менее 14 экземпляров, выявленных в южной гробнице кургана 1 Краснознаменского могильника (уздечные наборы 4 и 5); Нартановском могильнике — курганы 14, 21; раннескифском кургане у г. Новоавлавска, а также в составе уздечного набора, хранящегося в Пятигорском музее (рис. 9, 1—9). Помимо этого, следует упомянуть аналогичные находки из кургана 1 Моздокского могильника, а также погребения 6 Султангорского первого могильника [Пиотровский, Иессен, 1940, с. 12, 45; Дударев, Рунич, 1992, рис. 4, 11]. Еще два распределителя в виде литых цилиндров с четырьмя боковыми отверстиями, завершающиеся клювовидными выступами происходят из Северной Осетии (рис. 7, 26).

На Северо-Западном Кавказе бронзовые пронизи типа 1 являются более многочисленными (27 экз.). Они обнаружены в Келермесском могильнике: к. 2/В (уздечный набор коня 12) и кургане 24 (уздечный набор коня 4) [Галанина, Алексеев, 1990, рис. 6, 19, 21; Галанина, 1997, табл. 22, 279—281; 25, 332—334]. Следует также упомянуть пронизи, завершающиеся клювовидным выступом, найденные в кургане 41 ур. Клады, а также погребениях 35, 118, 135 Владимировского могильника (рис. 9, 10, 11) [Лесков, Эрлих, 1999, рис. 39, 3—6].

В Приднепровской лесостепи рассматриваемые пронизи встречаются не так часто как на

Северном Кавказе. Большая часть этих находок (11 экз.) связывается с двумя захоронениями открытыми в курганах Шумейковском (Посулье) и № 38 у с. Гуляй-Город (бассейн Тямина) (рис. 9, 17—21).

Как дальнейшее развитие типа 1, вероятно, можно рассматривать девять зооморфных пронизей с территории Посулья, которые, по всей вероятности, являются хронологически более молодыми. Это пронизи с длинным, тонким, вытянутым или же загнутым почти под прямым углом «клювом» и биконическим основанием (Аксютинцы, курган 466, Волковцы, курган 478, Шумейко и др.) (рис. 4, 2; 9, 25) [Галанина, 1977, табл. 18, 2; 23, 30; Могилов, 2008, рис. 129, 16—21]. Эти находки свидетельствуют, что клювовидно-когтевидные распределители не только довольно длительное время бытовали на территории Днепровского лесостепного Левобережья, в том числе и на протяжении значительной части VI в. до н. э., но и получили там свое дальнейшее развитие в виде новых форм.

Бронзовые пронизи типа 1, встреченные как в старших (к. 2/В), так и младших комплексах (курган 24) Келермесского некрополя, а также некоторых могильников местного кавказского населения, укладываются в хронологические рамки второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э. [Дударев, Рунич, 1992; Козенкова, 1995; Галанина, 1997, с. 128]. Эта дата

согласуется с датировкой, предложенной для южной могилы кургана 1 Краснознаменско-го могильника, вторая половина VII в. до н. э. [Петренко, 2006, с. 112].

Железные клювовидные пронизи, найденные в Ульском кургане 10/1982 г. принадлежат к числу наиболее молодых разновидностей этого типа зооморфных распределителей на территории Предкавказья и относятся ко второй половине VI в. до н. э. [Эрлих, 2015].

В Украинской лесостепи пронизи типа 1, преимущественно, датируются в рамках VI в. до н. э. (курганы 3 Аксютинцы (1886 г.), № 38 Гуляй-Город, Шумейко, № 478 Волковцы), что противоречит заключению В.Р. Эрлиха о том, что бытование клювовидных пронизей на этой территории прекращается в VI в. до н. э. [Эрлих, 2010, с. 89].

Особого внимания заслуживают находки бронзовых распределителей типа 1 в восточных районах Евразии, например, Западном Казахстане — курганы 3—5, 9 могильника Бесоба [Кадырбаев, 1984, рис. 1, 2; Кузнецова, Карманкулов 1993, рис. 3, 7, 10]. Следует отметить, что эти предметы не имеют там местных истоков, впрочем, как и выявленные вместе с ними пронизи, оформленные в виде конской головки [Мамедов, 2011, рис. 2, 7, 8, 19, 20]. Распространение этих уздечных пронизей в восточном направлении следует рассматривать в русле западного вектора контактов населения Нижнего Поволжья и Южного Урала с Северным Причерноморьем во второй половине VI — начале V вв. до н. э. [Махортых, 2016а].

Тип 2 зооморфных пронизей представлен распределителями, оформленными в виде детализированных головок хищной птицы с объемным закрученным клювом и рельефно обозначенным ртом или восковицей. На цилиндрическом основании расположены четыре боковых отверстия и одно снизу. Высота большинства находок варьирует в пределах 1,9—2,5, а диаметр составляет 1,1—1,6 см.

Всего на рассматриваемой территории выявлено 38 экземпляров, причем в Украинской лесостепи их найдено в два раза больше, чем в Предкавказье (26 против 12).

Основным центром распространения пронизей этого типа на Северном Кавказе является Закубанье (12 экз.). Пара таких бронзовых распределителей, обтянутых золотой фольгой, обнаружена в Келермесских курганах 3 или 4, раскопанных Д.Г. Шульцем (рис. 9, 31, 32). Еще девять близких бронзовых пронизей найдены в кургане 24 Келермеса, где они входили в состав уздечных наборов коней 5 и 6 (рис. 9, 27—30). Там же, но среди разрозненных уздечных принадлежностей, встречены две идентичные пронизи [Галанина, 1997, табл. 25, 339—341, 347, 381, 382]. Одна аналогичная пронизь найдена вне комплекса в могильнике Сукко [Эрлих, 2007, рис. 202, 8].

В лесостепном Поднепровье бронзовые и, крайне редко, костяные пронизи типа 2 выявлены, в основном, на левом берегу Днепра в Посулье (22 экземпляра — Аксютинцы, курган 53 Ярмолинцы, Поповка, Роменский уезд) и Поворсклье (пять экземпляров, курган 1 в ур. Лапивищина около с. Михайловка, курган 11 Мачухи (рис. 9, 34) [Бобринской, 1894, табл. 24, 7, 16; Бобринской, 1901, табл. 8, 7; Ильинская, 1968, табл. LIII, 17; Ковпаненко, 1970, рис. 3, 25; Кулатова, 1998, рис. 2, 5].

В Днепровском лесостепном Правобережье, и в частности в бассейне Тясмина, эти распределители встречаются значительно реже. Известно всего четыре находки: курган 38 Гуляй-Город, курган 244 близ Великого Деренговца, Захарейкова Могила и курган 344 на Ташлыке (рис. 9, 35, 36) [Ильинская, 1975, табл. XIII, 6; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 36, 1; Могилов, 2008, с. 69, 71, рис. 129, 25—42; 134, 18].

Еще одна бронзовая пронизка в виде загнутого книзу клюва происходит из Западного Надбужья (рис. 9, 33).

По мнению Л.К. Галаниной, дату Келермесских курганов 3 и 4 в пределах второй половины VII в. до н. э. позволяют уточнить выявленные там колчаные наборы, а также довольно многочисленные предметы престижного характера (диадема, серебряные зеркало, ритоны), основу которых составляют находки импортной торевики эпохи Аппшурбанипала. Вместе с тем, целый ряд привозных вещей из Келермеса не поддается пока что более узкой датировке, чем вторая половина VII в. до н. э., что нельзя не учитывать при определении верхнего хронологического рубежа этой курганной группы [Галанина, 1997, с. 184, 192].

Что касается пронизей типа 2, найденных в погребальных комплексах лесостепи, то они близки по времени северокавказским и, вероятно, датируются в рамках начала — первой половины VI в. до н. э.

Пронизи второй группы, относящиеся к *типу 3*, представляют собой костяные или бронзовые цилиндрические столбики с двумя парами поперечных боковых отверстий, завершающиеся объемными головками различных животных. Их шеями служит собственно пронизь. Среди них выделяется четыре варианта.

Вариант 1 образуют пронизи, увенчанные головками грифо-баранов; *вариант 2* имеет головки баранов; *вариант 3* украшен головкой животного с выступающей вперед тупой мордой; *вариант 4* декорирован головкой хищной птицы.

Наиболее многочисленными являются пронизи *варианта 1* (35 экз.), выявленные на Северном Кавказе (17 экз.), и в лесостепной Украине (18 экз.). Их размеры составляют 1,8—3 на 2—2,5 см.

В Предкавказье эти распределители представлены находками в к. 1/В (уздечные наборы коней 19, 20 и 22), к. 2/В (уздечные наборы

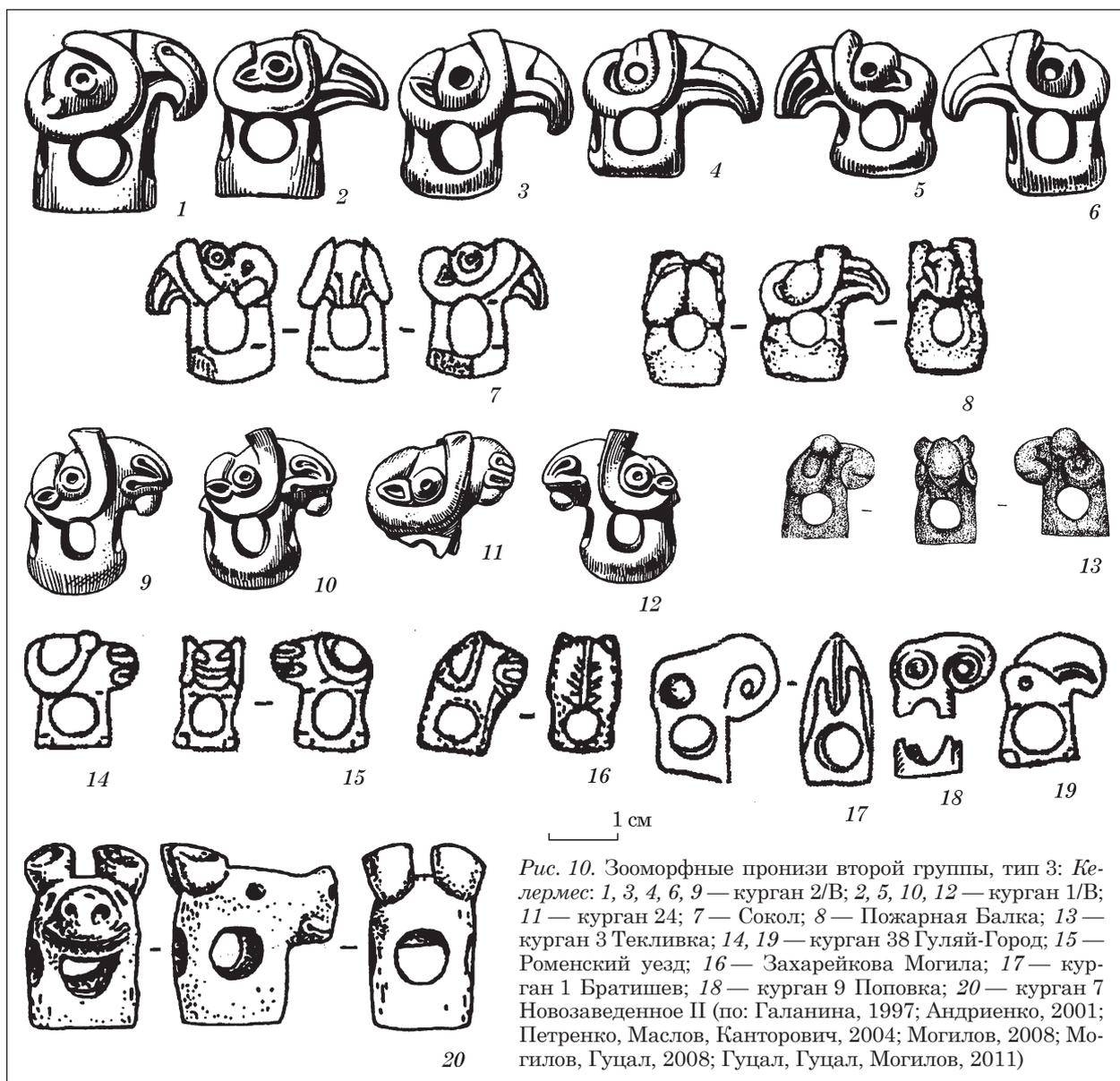

Рис. 10. Зооморфные пронизи второй группы, тип 3: Келермес: 1, 3, 4, 6, 9 — курган 2/В; 2, 5, 10, 12 — курган 1/В; 11 — курган 24; 7 — Сокол; 8 — Пожарная Балка; 13 — курган 3 Текливка; 14, 19 — курган 38 Гуляй-Город; 15 — Роменский уезд; 16 — Захарейкова Могила; 17 — курган 1 Брагишев; 18 — курган 9 Поповка; 20 — курган 7 Новозаведенное II (по: Галанина, 1997; Андриенко, 2001; Петренко, Маслов, Канторович, 2004; Могилов, 2008; Могилов, Гуцал, 2008; Гуцал, Гуцал, Могилов, 2011)

коней 3—5, 11, 14), а также кургане 24 Келермесского могильника (рис. 10, 1—6) [Галанина, 1977, табл. 21, 188, 189; 22, 235—238, 240, 241].

Еще три костяные пронизи, оканчивающиеся головками грифо-баранов, найдены в Центральном Предкавказье: южной гробнице 1 Краснознаменского кургана и кургане у г. Новоавловска [Петренко, 2006, табл. 48, 62; Канторович, Петренко, Маслов, 2007, рис. 39].

На территории лесостепной Украины, костяные пряжки-пронизи с головкой грифо-барана, близкие северокавказским, являются довольно редкими и представлены двумя находками на поселениях Пожарная Балка в Поворосклье и Сокол в Западной Подолии (рис. 10, 7, 8).

Что касается пронизей из погребальных памятников, то, очевидно, хронологически более молодыми по сравнению с упомянутыми выше костяными экземплярами являются 16 бронзовых пронизей со схематичными изображениями головок барано-птицы из кургана 407

у с. Журовка в бассейне Тясмина [Ильинская, 1975; Канторович, 2010, рис. 18, 15, 16].

Вариант 2 четырехдырчатых распределителей с бараньими головками представлен 16 находками, пять из которых найдены на Северном Кавказе, а 11 — в лесостепном Поднепровье. Их высота составляет 1,8—2,9, диаметр 1,4—1,8 см.

Все северокавказские пронизи изготовлены из кости (рога) и концентрируются на территории Закубанья — к. 1/В (уздечные наборы коней 19 и 20), к. 2/В (уздечный набор коня 1), а также курган 24 Келермесского некрополя (рис. 10, 9—12) [Галанина, Алексеев, 1990, рис. 6, 8; Галанина, 1997, табл. 21, 169, 170; 22, 232, 233; 24, 378].

Что касается лесостепной Украины, то там пронизи, украшенные головкой барана, в отличие от Северного Кавказа, изготавливались из бронзы. Всего учтено 11 предметов, которые практически поровну распределяются между Посульем (курган 10 Поповка, Аксютинцы, Ро-

менский уезд) и бассейном Тясмина (Захарейкова Могила, курган 38 Гуляй-Город) (рис. 10, 14—16) [Ильинская, 1968, табл. ЛП, 11; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Могилов, 2008, рис. 129, 42—48].

Одна бронзовая пронизь второго варианта происходит из Западной Подолии (курган 3 у с. Теклинка) (рис. 10, 13) [Гуцал, Гуцал, Могилов, 2011, рис. 2, 5; Бандрівський, 2010, с. 151].

Основной период бытования вариантов 1 и 2 третьего типа восточноевропейских зооморфных пронизей приходится на середину — вторую половину VII в. до н. э. для Северного Кавказа или первую — начало второй половины VI в. до н. э. для лесостепного Поднепровья.

Вариант 3 типа 3 представлен двумя экземплярами с головками животного, имеющего тупую морду, небольшие глаза и вертикально торчащие уши. Определенное сходство эти изображения обнаруживают с головой свиньи (рис. 10, 20). Эти распределители найдены в кургане 7 могильника Новозаведенное II, датирующемся в пределах второй половины VII — начала VI вв. до н. э. [Петренко, Маслов, Канторович, 2004, с. 193, 197, рис. 11, 4]. Высота пронизей — около 2,2 см.

Упомянутые выше скульптурные звериные головки по трактовке передней части морды животного — «пяточок», сходны с зооморфными изображениями на некоторых бронзовых наконечниках VII—VI вв. до н. э. из Закубанья (Майкоп), Центрального Предкавказья (курган 13 Нартановского могильника), а также Днепроовского лесостепного Левобережья (рис. 3, 14) [Канторович, 2010, с. 208—210, рис. 14].

К *варианту 4* относятся пронизи, оформленные в виде головки хищной птицы. Всего известно 12 находок, среди которых одна происходит с Северного Кавказа и 11 из лесостепной Украины¹. Размеры пронизей этого варианта составляют 2—2,4 на 1,5—2 см.

Фрагментированная пронизь из Центрального Предкавказья вырезана из кости в виде головки хищной птицы с открытым клювом, в котором показан язык, окрашенный в красный цвет. Она выявлена в заполнении южной могилы 1 Краснознаменского кургана и датируется второй половиной VII в. до н. э. [Петренко, 2006, табл. 48, 61].

В отличие от нее, находки с территории Украины изготовлены из бронзы. Как правило, птичьей головки у них изображались с сильно загнутым клювом и глазами, переданными выпуклым или углубленным кружком. Они обнаружены в Посулье (курган 9 Поповка), бассей-

1. Оригинальную самостоятельную разновидность бронзовых пронизей, напоминающих головку хищной птицы с большим загнутым четырехгранным клювом и глазами показанными в виде двух выпуклых шишечек, образуют три распределителя из кургана Шумейко [Пллінська, 1961, рис. 13, 16; Могилов, 2008, рис. 130, 1—3].

не Тясмина (курганы 38 Гуляй-Город и № 344 Ташлык), а также на территории Западной Украины (курган 1 Братишев, Городница)² (рис. 10, 17—19) [Могилов, 2008, рис. 130, 4—9; Бандрівський, 2010, рис. 2, 2, 3]. На основании сопровождающего погребального инвентаря эти предметы следует датировать в рамках первой половины — середины VI в. до н. э.

Тип 4 пронизей второй группы объединяет костяные и бронзовые распределители, декорированные сверху различными зооморфными плоскорельефными изображениями. Представлены они *семью вариантами*, три из которых связаны с территорией Северного Кавказа (№ 1—3), а четыре — лесостепного Поднепровья (№ 4—7).

Вариант 1 образуют костяные цилиндрические четырехдырчатые пронизи, украшенные фигуркой свернувшегося хищника кошачьей породы. Он насчитывает девять экземпляров из кургана 2/В (уздечный набор коня 7) и кургана 24 Келермеса (рис. 11, 5—9) [Галанина, Алексеев, 1990, рис. 6; Галанина, 1997, табл. 24, 374—377]. Еще три близких экземпляра происходят из кургана 16 Новозаведенного II могильника в Центральном Предкавказье (рис. 11, 10) [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 3, 4, 5, 8]. Их размеры: высота 1,5—2, длина щитков 1,8—2,4 см.

Верхней датой бытования пронизей этого варианта считается время, близкое к рубежу VII — VI вв. до н. э.

Вариант 2 включает костяные четырехдырчатые распределители с вырезанной мордой копытного животного с загнутым вперед рогом, стилизованным наподобие птичьей головки (7 экз.): к. 1/В (наборы коней 19—21) и к. 2/В Келермесского могильника (рис. 11, 1—4) [Галанина, 1997, табл. 21, 174—177, 183, 184]. Высота пронизей варьирует от 1,6—1,7 до 1,9—2 см. Пронизи варианта 2 были встречены в тех же Келермесских комплексах, что и костяные распределители, украшенные изображениями головок баранов и грифо-баранов (тип 3, варианты 1 и 2), поэтому их можно датировать одним и тем же временем.

Вариант 3 составляют бронзовые пятидырчатые пронизи с изображением головы хищной птицы и дополнительным зооморфным изображением на затылке. К нему относятся три бронзовых пронизи, найденные в кургане 24 Келермеса, Ульском кургане 2/1909 г. и кургане раннескифского времени у с. Новозаведенное³

2. Костяная пронизка, предположительно оформленная в виде головки хищной птицы, происходит из Люботинского городища на Харьковщине [Могилов, 2008, рис. 134, 17].

3. Следует также упомянуть три бронзовые петельчатые бляшки со щитком в виде плоскорельефной головы хищной птицы с дополнительной звериной головкой на затылке из Ульского кургана 1/1910 г., которые сближаются с рассматриваемыми зооморфными пронизями варианта 3 [Галанина, 1999, с. 64, рис. 1, 11].

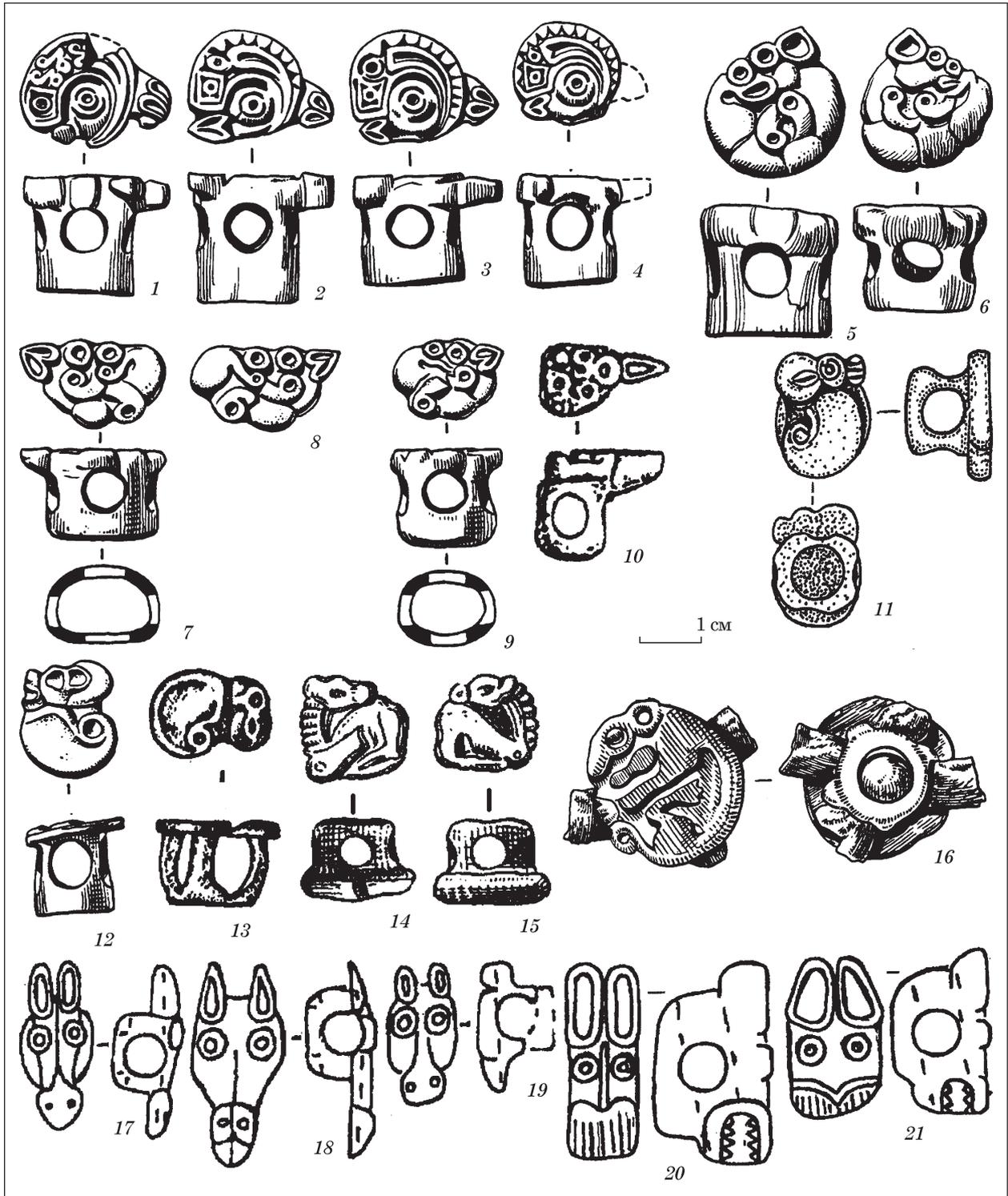

Рис. 11. Зооморфные пронизи второй группы, тип 4: Келермес: 1—4 — курган 1/В; 5, 6 — курган 2/В; 7—9, 12 — курган 24; 10 — курган 16 Новозаведенное II; 11 — курган 1975 г. Новозаведенное; 13 — Ульский курган 2/1909 г.; 14, 15 — Старшая Могила; 16 — курган 482 Басовка; 17, 18 — Будки; 19 — Роменский уезд; 20, 21 — курган Будки (по: Ильинская, 1968; Галанина, 1977; 1997; Кореняко, 2001; Могилов, 2008)

(рис. 11, 11—13) [Галанина, 1997, табл. 24, 380; Кореняко, 2001, рис. 4, 2; Эрлих, 2015, табл. 9, 162]. Их размеры — высота 1,4—1,5, длина щитка 1,8—2,05 см.

Курган 24 Келермеса, вероятно, следует датировать «поздним» VII и / или ранним VI вв. до н. э., а комплекс материалов из Ульского

кургана 2/1909 г. — позднеархаическим временем [Галанина, 1999, с. 64; Эрлих, 2015, с. 50, 57].

К варианту 4 относится костяная пронизь, декорированная плоскорельефным изображением головки грифо-барана с крупным глазом и сильно загнутым клювом. Происходит она

из погребения в кургане 211 на р. Тенетинке (бассейн Тясмина), которое датируется не позднее второй половины — конца VII в. до н. э. [Бобринской, 1894, табл. 4, 2; Ильинская, 1975, с. 160, табл. 30, 15].

Вариант 5 включает бронзовые пронизи, верхний щиток которых украшен изображением лежащего копытного животного (лошади?) с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Восемь экземпляров таких пронизей происходят из кургана Старшая Могила, вероятно, датирующегося, «ранним» VI в. до н. э. (рис. 11, 14, 15) [Ильинская, 1968].

Вариант 6 включает бронзовые и значительно реже костяные пронизи с изображением головки коня с узкой длинной мордой и вытянутыми ушами. Из 13 предметов девять происходят с Посулье: курган 4 погребение 1 Волковцы, Шумейко, курган 10 Поповка, Роменский уезд, Будки (рис. 11, 17—19).

Еще три аналогичных находки известны из бассейна Тясмина (могильник у с. Гуляй-Город — курганы 38, 48, 319) и одна с Киевщины — Ржищев [Ллїнська, 1961, рис. 13, 2—6; Могилов, 2008, рис. 128, 26—38; 135, 4].

Размеры пронизей составляют 2,3—3 на 1—1,7 см.

Основной период бытования распределителей этого варианта охватывает VI в. до н. э. [Гречко, 2016, с. 53, 54]. Следует также отметить находки близких пронизей на Средней Волге и Западном Казахстане (курган 3 могильника Бесоба, погребение 2 Убеевского могильника), где они датируются концом VI — началом V вв. до н. э. [Чижевский, 2008, с. 149, рис. 28, 22; Мамедов, 2011, рис. 2, 19, 20].

Вариант 7 включает костяные пронизки в виде головы хищника с оскаленной пастью¹. Пять таких распределителей происходят из кургана около с. Будки в Посулье (рис. 11, 20, 21). Их размеры 2,9—3,7 на 1,4—1,7 см [Могилов, 2008, рис. 135, 5—7]. Дата — конец VI в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 74]

Проделанный выше анализ позволил прийти к **следующим выводам**.

Находки металлических и костяных распределителей конской сбруи на территории Северного Кавказа концентрируются главным образом в Западном и Центральном Предкавказье, а в Украинской лесостепи — в бассейне р. Тясмин и, особенно, в Посулье.

Среди них выделяются две основные группы, насчитывающие, в целом, около 500 находок. Они представлены гладкими экземплярами геометрической формы и пронизями, имеющими зооморфное оформление. Эти находки приблизительно поровну распределяются между

Предкавказьем и лесостепным Поднепровьем, хотя и с некоторым преобладанием геометрических образцов на обеих территориях.

Наибольшее распространение на юге Восточной Европы получили цилиндрические пронизи типа 1 первой группы (122 экз.). Основной областью их распространения на Северном Кавказе является Центральное Предкавказье (87%), а в Украинской лесостепи — Посулье (78%). При этом в Предкавказье они в основном изготавливались из бронзы, а в лесостепном Поднепровье из кости.

Пронизи на широком цилиндрическом основании, завершающиеся округлым щитком, выступающим за края основания (группа 1 тип 5), образуют позднейшую разновидность геометрических пронизей на юге Восточной Европы, основной период бытования которых приходится на вторую половину VI в. до н. э.

Юг Восточной Европы является главным центром распространения разнообразно оформленных «зооморфных» пронизей VII—VI вв. до н. э. на обширных просторах Евразии, откуда они проникали на соседние и более отдаленные территории.

Северному Кавказу принадлежит приоритет в распространении «простых» клювовидно-когтевидных пронизей (тип 1 группа 2) в VII в. до н. э. (71%), тогда на лесостепную Украину приходится 29% находок этого типа, причем датируются они там, главным образом, VI в. до н. э.

Лесостепное Поднепровье является базовой областью использования на юге Восточной Европы пронизей, оформленных в виде детализированных головок хищной птицы с закрученным клювом и рельефной восковицей (тип 2 группа 2). Здесь сосредоточено 68% распределителей этого типа, а также соответственно 69% и 92% вариантов 2 и 3 пронизей типа 3 второй группы, украшенных головками баранов и птиц.

Среди рассматриваемых находок региональная специфика в наибольшей степени проявляется в распространении пронизей, декорированных различными зооморфными плоскорельефными изображениями. Так, распределители, украшенные фигуркой свернувшегося кошачьего хищника, мордой копытного животного с загнутым вперед рогом или изображением головы хищной птицы с дополнительным зооморфным изображением, получили распространение на Северном Кавказе. Изделия с изображениями фигурки лежащей лошади, а также конской головки были наиболее популярны на территории лесостепного Поднепровья.

Основной период бытования распределителей перекрестных ремней на Северном Кавказе приходится на вторую половину VII — ранний VI вв. до н. э., а в лесостепной Украине — на VI в. до н. э.

1. А.Д. Могилов некорректно датирует эти находки келермесским временем и интерпретирует в качестве изображения припавшего на лапы медведя [Могилов, 2008, с. 71].

- Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. — СПб, 2003. — 416 с.
- Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. — М., 1971. — 354 с.
- Андриенко В.П. Детали конской узды с поселения Пожарная Балка // Донецкий археологический сборник. — 2001. — Вып. 9. — С. 46—54.
- Бандрівський М. Образотворчі традиції на заході українського лісостепу у VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 145—177.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1985. — С. 7—115.
- Білан Ю.О., Солтис О.Б. Великий курган ранньоскіфського часу поблизу села Іванковичі на Київщині. — К., 2014. — 85 с.
- Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб, 1894. — Т. II. — 225 с.
- Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб, 1901. — Т. III. — 171 с.
- Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. — 1963. — № 2. — С. 158—170.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. — М., 1977. — 68 с.
- Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. — 1985. — № 3. — С. 156—165.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997. — 264 с.
- Галанина Л.К. Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. — 1999. — Вып. 34. — С. 58—67.
- Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. — 1990. — Вып. 30. — С. 34—54.
- Гречко Д.С. От Архаической Скифии к Классической // АДІУ. — 2016. — № 2. — С. 33—60.
- Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Могилев А.Д. Курган № 3 у с. Текливка на Среднем Днестре // Восточноевропейские древности скифской эпохи. — Воронеж, 2011. — С. 97—109.
- Древности Приднепровья. — К., 1899. — Вып. 2. — 44 с.
- Дударев С.Л., Рунич А.П. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII—V вв. до н. э. — Грозный, 1992. — 37 с.
- Іллінська В.А. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. — 1951. — Т. V. — С. 196—212.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 222 с.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 267 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—63.
- Минаева Т.М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // Материалы по изучению Ставропольского края. — 1956. — Вып. 8. — С. 329—344.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 84—93.
- Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.
- Канторович А.Р., Петренко В.Г., Маслов В.Е. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавлоска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — 2007. — Вып. VII. — С. 168—207.
- Ковпаненко Г.Т. Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. — 1970. — Т. XXIV. — С. 146—169.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. — К., 1994. — С. 41—63.
- Козенкова В.И. Оружие и воинское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант. — М., 1995. — 165 с.
- Коренько В.А. Курган раннескифского времени у села Новозаведенного в Ставропольском крае // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. — М., 2001. — С. 52—64.
- Кузнецова Э.Ф., Курманкулов Ж.К. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники Урало-Казахстанских степей. — Екатеринбург, 1993. — С. 44—52.
- Кулатова І.М. Курганы скіфського часу в ур. Лапівщина у Поворсклі // АЛІУ. — 1998. — № 1—2. — С. 26—28.
- Левченко Б.М., Левченко Н.Б., Гречко Д.С. Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 202—218 (АДІУ. — Вып. 2 (15)).
- Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс. Клады. — М., 1999. — 162 с.
- Ложкин М.Н., Петренко В.Г. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА. — 1981. — Вып. 167. — С. 70—73.
- Мамедов А.М. Новое погребение со столом-ложем на р. Илек // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциальнокультурных процессов степной Евразии. — Караганда, 2011. — С. 199—205.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991. — 132 с.
- Махортых С.В. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista arheologica. — 2014. — Vol. 10, nr. 1—2. — С. 69—79.
- Махортых С.В. Пронизи для перекрестных ремней их северокавказских памятников VII—VI вв. до н. э. // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. — М., 2016. — С. 172—185.
- Махортых С.В. К вопросу о контактах населения Предкавказья с Поволжьем и Южным Уралом в VI в. до н. э. // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. — Алматы, 2016а. — С. 128—141.
- Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. — К., 2008. — 439 с.
- Могилев О.Д., Гуцал А.Ф. Про один із різновидів ранньоскіфських зооморфних уздечних прикрас // Археологія. — 2008. — № 4. — С. 44—48.
- Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII—IV вв. до н. э. — М., 2006. — 207 с.
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. — М., 2006. — 177 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000. — С. 238—248.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II // Археологические памятники раннего

железного века юга России. — М., 2004. — С. 179—210.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 388—423.

Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. Моздокский могильник. — Л., 1940. — 56 с.

Рябкова Т.В. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников // Маргулановские чтения 2011. — Астана, 2011. — С. 100—106.

Санжаров С.Н. Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. — Луганск, 1992. — 54 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 222 с.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. — 2007. — Вып. 5. — С. 4—19.

Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. — 1994. — С. 102—126.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. — Харьков, 1996. — С. 9—131.

Шрамко І.Б. Дослідження Західного укріплення Більського городища на ділянці розкопу 2 // Археологічні дослідження Більського городища. — Київ; Котельва, 2015. — С. 18—34.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Барнаул, 2008. — 274 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в горах Алтае и верхнем Приобье. — Новосибирск, 2015. — 322 с.

Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского периода // СА. — 1990. — № 1. — С. 247—250.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 430 с.

Эрлих В.Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. — М., 2010. — С. 73—106.

Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — М., 2015. — С. 44—57.

Эрлих В.Р., Нехаев А.А. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовский в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. — Грозный; Москва, 2011. — С. 131—152.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь, 2002. — С. 279—343.

С.В. Махортых

ПРОНИЗКИ ДЛЯ ПЕРЕХРЕСНИХ РЕМЕНІВ КІНСЬКОЇ ЗБРУЇ НА ПІВДНІ СХІДНОЇ ЄВРОПИ У VII—VI ст. до н. е.

У статті розглядаються металеві та кістяні пряжки-пронизки різних типів, які використовувалися для фіксації перехресних ременів кінської збруї, що побутували на території півдня Східної Європи у VII—VI ст. до н. е. Серед цих пряжок можна виділи-

ти дві основні групи, що налічують близько 500 предметів; ці групи відповідно представлені гладкими пряжками геометричної форми та пронизками, що мають зооморфне оформлення. Головними ареалами розповсюдження цих пронизок на Північному Кавказі є Західне та Центральне Передкавказзя, а у контексті українського лісостепу — басейн р. Тясмин і, зокрема, Посулля. Найбільше поширення на півдні Східної Європи отримали циліндричні пронизки типу 1 групи 1 (122 екз.). Основним ареалом їх розповсюдження на Північному Кавказі є Центральне Передкавказзя (87%), тоді як на території Українського лісостепу їх основним ареалом виступає Посулля (78%). При цьому у Передкавказзі пронизки здебільшого виготовлялися із бронзи, а у лесостеповому Подніпров'ї — із кістки. Південь Східної Європи є основним центром побутування різноманітно оформлених «зооморфних» пронизок VII—VI ст. до н. е. на великих просторах Євразії, звідки вони проникали на сусідні і більш віддалені території. Основний період використання «геометричних» і «зооморфних» пронизок на Північному Кавказі припадає на другу половину VII — початок VI ст. до н. е., а у лісостеповій Україні на VI ст. до н. е.

Ключові слова: спорядження коня, Північний Кавказ, лісостепова Україна, VII—VI ст. до н. е.

S. V. Makhortykh

HARNESS FITTINGS IN THE SOUTH OF EASTERN EUROPE IN 7th—6th CENTURIES BC

The article is devoted to the analysis of different types of metal and bone harness fittings of 7th—6th centuries BC which were found in the south of Eastern Europe. Among those fittings two major groups could be distinguished: plain fittings of various geometric shapes and fittings with zoomorphic decorations. Together, both groups are constituted by almost 500 artifacts. The main area of distribution of fittings in the Northern Caucasus is the Central and Western Ciscaucasia, whereas in the Ukrainian forest-steppe area they were mostly distributed in the Tyasmin river and, especially, the Sula river basins. The cylindrical harness fittings of the first type from the group 1 were the most widespread ones in the south of Eastern Europe (122 items). The main area of their distribution in the Northern Caucasus was the Central Ciscaucasia (87%), whereas in the Ukrainian forest-steppe area they were mostly distributed in the Sula river basin (78%). The Caucasian objects are mostly made of bronze, while the Ukrainian ones were usually made of bone. The south of Eastern Europe was the major center of manufacturing of diverse decorated «zoomorphic» harness fittings of 7th—6th centuries BC in the vast territories of Eurasia. From this area, those zoomorphic harness fittings expanded both to neighboring and to more distant areas. The main period of existence of «geometric» and «zoomorphic» harness fittings in the Northern Caucasus was the second half of the 7th — the beginning of the 6th centuries BC, while in the forest-steppe Ukraine it was the 6th century BC.

Keywords: horse harness, Northern Caucasus, forest-steppe Ukraine, 7th—6th centuries BC.

Одержано 21.02.2017

Ю.Б. Полидович

ЛЕВ И ПАНТЕРА (ажурные пластинки из Мелитопольского кургана)

В статье рассматриваются ажурные пластинки из Мелитопольского кургана с изображением льва и пантеры. Детально анализируется стиль изображений, особенности композиции и символика образов.

Ключевые слова: скифы, «звериный стиль», Мелитопольский курган, скифо-античное искусство.

В 1954 г. был исследован знаменитый Мелитопольский курган, значительная часть работ на котором проходила под руководством А.И. Тереножкина [Тереножкин, 1955; Покровская, 1955; Тереножкин, Мозолевский, 1988; Мозолевский, 1983, с. 95—106]. В кургане открыты две гробницы, значительно разграбленные в древности, и сопровождающее захоронение коней. Согласно совокупности материалов, комплексы Мелитопольского кургана датируются в пределах конца третьей — начала четвертой четвертей IV в. до н. э. [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 149], 340—330 гг. до н. э. [Монахов, 1999, с. 405], около 330 г. до н. э. или после него [Алексеев, 2003, с. 265—266]. С.В. Полин развернуто аргументирует вторичность женской гробницы и датирует ее в пределах 350—345 гг. до н. э., тогда как мужскую — около середины IV в. до н. э. [Полин, 2014, с. 471—475].

В гробнице 1 была погребена знатная женщина. Ее костюм был украшен огромным количеством (до 4 тыс.) разнообразных золотых пластинок, бляшек и подвесок. Большая часть украшений была перемещена грабителями, а потому найдена во время раскопок в самых разных местах гробницы, меньшая же — была зафиксирована *in situ*. Перемещенные украше-

ния образовывали определенные скопления, одно из которых было найдено возле юго-восточной стены камеры. Здесь «в большем количестве, чем в других местах встречены бляшки: в виде головы вепря, ажурные с изображением пантеры и льва, паука и мухи» [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 30].

Из двух типов ажурных нашивных пластинок наше внимание привлекли бляшки с изображением стоящих друг напротив друга льва и пантеры [Тереножкин, 1955, рис. 3, 10; Покровская, 1955, рис. 5; Онайко, 1970, табл. XLII, кат. 494л; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 93, рис. 98, 11; 103] (рис. 1, 1). Это штампованные ажурные прямые пластинки, окаймленные сверху и снизу продольными кантиками с псевдозернью, размерами 1,2—1,8 × 4,0—4,8 см, найденные в количестве 35 экз. (как целые, так разломанные на две части и обломанные). Лев и пантера изображены в профиль в одинаковых позах: голова прямо поставлена, передние лапы вытянуты вперед (одна из них, дальняя от зрителя, при этом, как бы приподнята над другой), задние расположены в позиции шага, хвост закинут на круп и свернут колечком. Звери, несмотря на небольшие размеры изображения, воспроизведены относительно реалистично, с рельефной проработкой тела. У льва, расположенного на всех бляшках слева, тремя рубчатыми поясками на шее обозначена грива, у пантеры, соответственно находящейся справа, все тело покрыто небольшими ямочками, имитирующими пятна на теле.

Подобные ажурные золотые пластинки происходят из кург. 1 у с. Дуровка в Среднем Подонье [Пузикова, 1966, с. 88, рис. 29, 18] (рис. 1, 3) и погр. 1 кург. 4 у с. Владимировка в Северном

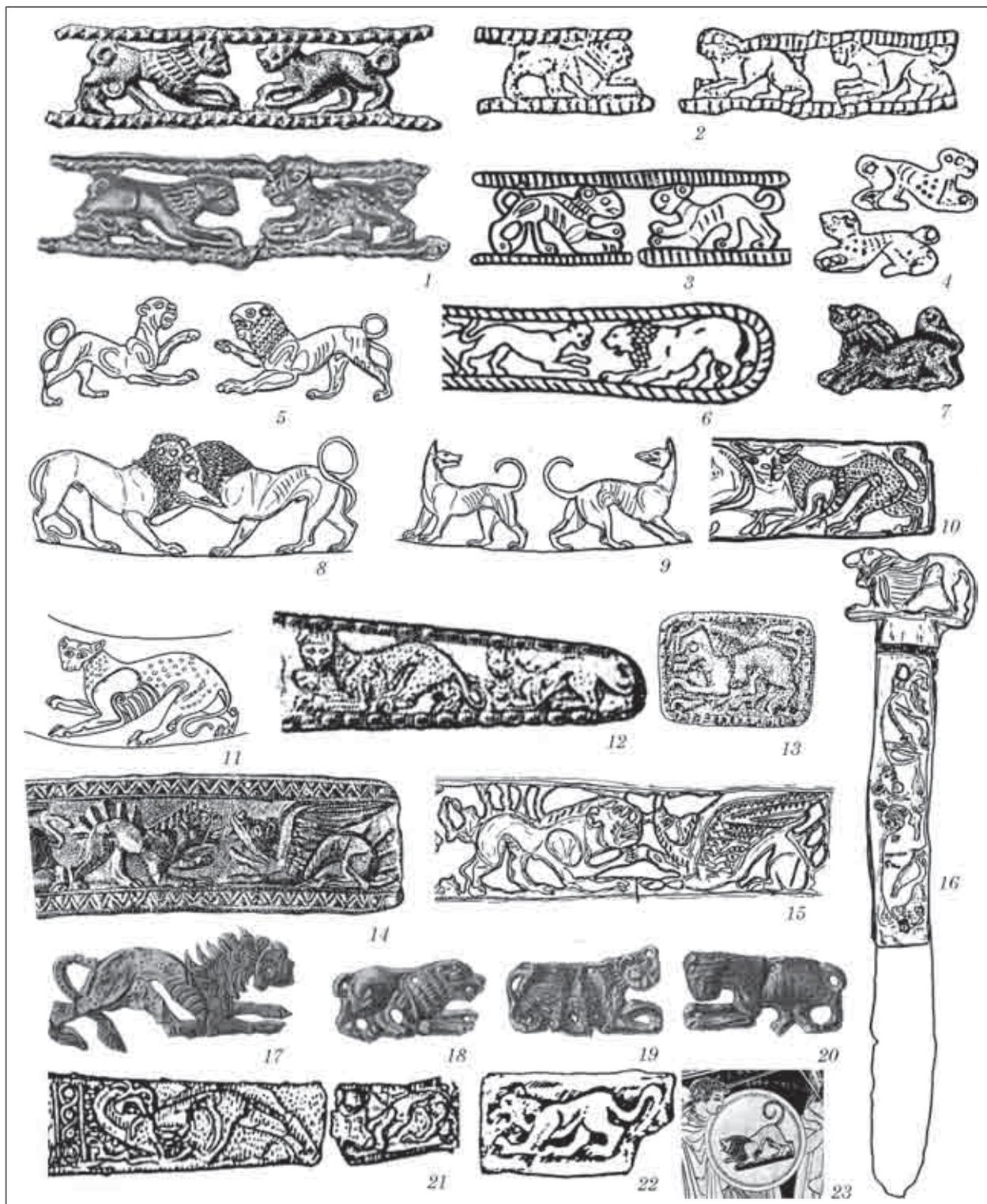

Рис. 1. Изображения на мелитопольских пластинках и аналогии к ним: 1 — Мелитопольский курган, Северное Приазовье; 2 — погр. 1 кург. 4 у с. Владимировка, Северное Приазовье; 3 — кург. 1 у с. Дуровка, Среднее Подонье; 4 — I Мордвиновский курган, Степное Поднепровье; 5 — Старший (№ 1) Трехбратний курган, Крым; 6 — курган Толстая Могила, Степное Поднепровье; 7 — погр. 1 кург. 11 у с. Нагорное, Северо-Западное Причерноморье; 8, 9, 11, 16 — курган Куль-Оба, Крым; 10 — Бердянский курган, Северное Приазовье; 12 — кург. 13 у с. Большая Белозерка, Степное Поднепровье; 13, 14 — курган Толстая Могила, Степное Поднепровье; 15 — курган Чертомлык, Степное Поднепровье; 17—20 — Александропольский курган, Степное Поднепровье; 21 — курган Солоха, Степное Поднепровье; 22 — кург. 5 у аула Уляп, Прикубанье; 23 — фрагмент росписи краснофигурного скифоса Макрона, Музей изящных искусств в Бостоне (по: 1 — Д.В. Ключко, фото; Тереножкин, Мозолевский, 1988; 2 — Полин, Кубышев, 1997; 3 — Пузикова, 1966; 4 — Лесков, 1974; 5 — Трехбратние ..., 2008; 6 — Черненко, 1975; 7 — Андрух, 1995; 8, 9, 11, 15, 16 — Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986; 10 — Чередниченко, Мураїн, 1996; 12 — Отрошенко, 1984; 13, 14 — Мозолевський, 1979; 17—20 — Древности ..., 1866; 21 — Степи ..., 1989; 22 — Масленицына, 1992; 23 — Мифы ..., 1980)

Приазовье [Полин, Кубышев, 1997, с. 30—31, рис. 24, 11, 13—14] (рис. 1, 2)¹.

Изображения львов являются достаточно обычными для скифо-греческого и греко-скифского искусства, предметы которого происходят из погребальных комплексов Северного Причерноморья и Прикубанья V—IV вв. до н. э. [Канторович, 1994, с. 12; Полідович, 2001, с. 13]. В данном случае довольно показательным стилистическим приемом является трактовка гривы в виде рубчатых поясков. Подобным же образом воспроизведена грива у львов на уже упоминавшихся ажурных пластинках из кург. 1 у с. Дуровка и погр. 1 кург. 4 у с. Владимировка (рис. 1, 2, 3). Кроме того, аналогичный стилистический прием использован при изображении львов на золотом конском налобнике и костяном гребне из Бердянского кургана [Чередниченко, Мурзин, 1996, рис. 3; 5; Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994, рис. 8], на золотом конском наноснике из кургана Цымбалова Могила (Большая Цымбалка) [Толстой, Кондаков, 1889, с. 117, рис. 101; Артамонов, 1966, табл. 187], серебряных уздечных наноснике и парных бляшках из кургана Огуз [Лесков, 1974, рис. 16; 18; Фиалко, 1995, рис. 8] и на золотых бляшках из ритуального комплекса кург. 1 у аула Уляп в Прикубанье [Сокровища ..., 1985, кат. 272, фото VIII]. Все данные изображения отличает отход от реалистичной манеры изображения, свойственной греческой и греко-скифской торевтике, и скорее говорят об их местном (скифском или скифо-греческом) изготовлении.

Изображения пантер встречаются достаточно редко на предметах, происходящих из скифских комплексов. Во всех случаях видовое определение хищников как пантер / леопардов характеризуется определенными признаками: формой головы с короткой «кошачьей» мордой и круглым ухом, общим телосложением и длинным изогнутым хвостом, а также разными отметками теле (ямочки, сплошные кружочки, кружочки из точек и т. п.), которые, по всей видимости, воспроизводили «леопардовые пятна». Самым ранним является, вероятно, изображение пантеры на золотых бляшках из погр. 1 кург. 5 у с. Архангельская Слобода конца V в. до н. э. [Лесков, 1972, ил. 35, 39; Грибкова, 2009, с. 105, 106, рис. 2, 3]. К IV в. до н. э. относятся около 20 изображений «пятнистых» хищников,

происходящих из комплексов Северного Причерноморья и Прикубанья. При этом пятна на теле воспроизведены в виде круглых ямочек (подобно тому, как мы видим на мелитопольских пластинках) у хищников, изображенных на золотом конусе из Братолюбовского кургана [Kubysev, 1991, Taf. 16; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, фото 4, рис. 9], на золотой пластине-обивке ножен из кург. 13 у с. Большая Белозерка [Отрощенко, 1984, рис. 1] (рис. 1, 12), на золотых обкладках рукоятей мечей из кургана Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 72; 184—187], на парных бронзовых навершиях из кург. Слоновская Близница [Канторович, 1998, рис. 1, 1, 2], золотой уздечной бляхе из Александропольского кургана [Артамонов, 1966, рис. 134]. В других случаях пятна на теле пантер воспроизведены кружочками, образованными точками, двумя короткими черточками или сплошными кружочками.

Изображения хищников в описанной позе (передние лапы подогнуты, задние расположены в позиции шага) характерны для скифо-античного искусства IV в. до н. э. с той особенностью, что у зверя одна передняя лапа (дальняя от зрителя) иногда поднята, а его тело часто изогнуто: передняя часть несколько опущена, а круп приподнят. Так изображены лев и львица на золотой пластине от головного убора из Старшего (№ 1) Трехбратнего кургана в Крыму [Кирилин, 1968, с. 183, рис. 4; Трехбратние курганы, 2008, табл. 54, 1; 55, 1] (рис. 1, 5), ножнах из кургана Толстая Могила [Черненко, 1975, с. 160—161, рис. 5, 2; 8; Мозолевский, 1979, с. 72, рис. 52; 56] (рис. 1, 6), золотых ажурных пластинках из погр. 1 кург. 4 у с. Владимировка [Полин, Кубышев, 1997, рис. 24, 11, 13, 14] (рис. 1, 2), львы на пластинах от головного убора из Толстой Могила и Чертомлыка [Мозолевский, 1979, с. 127—128, рис. 111; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 113] (рис. 1, 14, 15), хищники на золотых бляшках из Александропольского кургана [Древности ..., 1866, табл. X, 10, 13] (рис. 1, 17, 18), кургана Толстая Могила [Мозолевский, 1979, с. 57, рис. 38, 5] (рис. 1, 13), I Мордвиновского кургана [Лесков, 1974, рис. 36] (рис. 1, 4) и погр. 1 кург. 11 у с. Нагорное [Андрух, 1995, рис. 5, 7] (рис. 1, 7), хищник на бронзовом штампе из ритуального комплекса в кург. 5 у аула Уляп в Прикубанье [Сокровища ..., 1985, кат. 252, ил. 51; Масленицына, 1992, рис. 3, 11] (рис. 1, 22).

В отдельных случаях голова хищника может быть воспроизведена повернутой анфас, как у пантер на кубке из кургана Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 190—192] (рис. 1, 11), конском золотом налобнике из Бердянского кургана [Чередниченко, Мурзин, 1996, рис. 5] (рис. 1, 10) и ножнах из кург. 13 у с. Большая Белозерка [Отрощенко,

1. Остается открытым вопрос интерпретации второго животного, противостоящего льву, на данных пластинках, поскольку в публикации они воспроизведены без отличительных видовых признаков (рис. 1, 2, 3; ср.: 1, 1), а потому вполне могут быть изображениями не пантеры, а львицы. Именно так интерпретирован данный образ на владимировских пластинках [Полин, Кубышев, 1997, с. 31]. А.И. Пузикова обозначила животных как пантер [Пузикова, 1966, с. 88], но на опубликованной фотографии пятен на теле зверя нет.

ко, 1984, рис. 1] (рис. 1, 12) и кургана Солоха [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 155; Степи ..., 1989, табл. 32, 11] (рис. 1, 21), у львов на золотых бляшках из Александропольского кургана [Древности ..., 1866, табл. X, 6, 8] (рис. 1, 19, 20) и серебряном кубке из кургана Солоха [Манцевич, 1987, с. 69—71, кат. 61] (рис. 1, 8), или же повернута назад, как у хищников на золотой обкладке ручки ножа из кургана Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 147] (рис. 1, 16).

Вероятным развитием темы являются подобные изображения хищников с выпрямленными обеими передними лапами или одной выпрямленной, а другой поднятой. Таковы изображения львов и собак на кубке из кургана Солоха [Манцевич, 1987, с. 88—92, кат. 61] (рис. 1, 8, 9), хищника на золотой ажурной бляшке из кург. 8 у аула Уляп в Прикубанье [Масленицyna, 1992, рис. 4, 14].

Композиционный прием воспроизведения хищного животного в обозначенной позе является, по всей видимости, заимствованным из античной традиции. Не случайно, подавляющее большинство упомянутых изображений воспроизведено на предметах, выполненных античными мастерами. Примерами из собственно античного искусства являются изображения львов на вазе для благовоний VII в. до н. э. из Метрополитен Музея [v. Bothmer, 1994, p. 17, cat. 6], на щите на росписи краснофигурного скифоса Макрона V в. до н. э. из Музея изящных искусств в Бостоне [Мифы ..., 1980, рис. на с. 431] (рис. 1, 23), на стеклянном литике в форме скарабеоида, найденном в Курджипском кургане [Галанина, 1980, кат. 33] и др.

В большинстве случаев хищники в описанной позе воспроизведены в сценах своеобразного противостояния друг другу, являющихся вариантом антитетической композиции, построенной по принципам симметрии. При этом, противостоящими друг другу могли быть лев и львица (пластина из Старшего Трехбратнего кургана, пластинки из Владимировки, ножны из Толстой Могилы) (рис. 1, 2, 5, 6), лев и пантера (пластинки из Мелитопольского кургана и, возможно, Дуровки) (рис. 1, 1, 3), два неопределимых хищника (рукоять ножа из Куль-Обы) (рис. 1, 16), два льва и две собаки (кубок из Куль-Обы) (рис. 1, 8, 9), лев и фантастический крылатый кабан (пластины от головных уборов из Чертомлыка и Толстой Могилы) (рис. 1, 14, 15). В аналогичных композициях воспроизводили и других существ, как правило, фантастических, например, двух сфинксов (золотая лента от головного убора из кургана Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 183]), грифонов (золотая пластина от головного убора из кургана Карагодеуашх [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 232]), или иных фантастических персонажей (золо-

тые пластины от головного убора из кург. 21 у с. Каменка [Клочко, Гребенников, 1982, рис. 3; 8]).

Использование в «зверином стиле» различных симметричных композиций, характерных не только для искусства скифской эпохи, но и в целом для древней изобразительности, было, по всей видимости, определено их символическим значением. По определению Д.С. Раевского, образы «звериного стиля» служили своеобразным зоологическим кодом, при помощи которого описывался окружающий мир [Раевский, 1985, с. 116—121], представлявший в традиционной мифологии как Космос — «законосообразная и симметричная пространственная структура» [Аверинцев, 1977, с. 88]. Поскольку симметрия была одной из главных особенностей мифологического пространства, то именно симметричные композиции могли наиболее адекватно выразить это пространство.

На следовании определенным принципам симметрии основывались и изображения сцен нападения двух хищных существ (двух хищников, хищника и грифона, двух грифонов) на копытное животное. В целом известно около 200 изображений сцен нападения (преследования или терзания), происходящих из разных регионов скифского мира (преимущественно, из Северного Причерноморья, Прикубанья и Алтая) и датирующихся VII—IV вв. до н. э. [Полидович, 2006, с. 355—360, рис. 1—18]. Изображения сцен нападения на копытное животное одновременно двух хищников составляют всего около 10 % данного массива, поскольку более распространенными были сцены нападения на жертву одного хищника. Вместе с тем, в плане рассмотрения симметричных композиций данные сцены довольно показательные. Среди них выделяются сцены нападения *льва и львицы на оленя* (на двух серебряных кубках из кургана Куль-Оба [Полидович, 2006, рис. 9, 1; 13, 2]), *льва и пантеры на оленя, кабана* (верхний фриз на обивках горитов чертомлыцкого типа и внешний фриз пекторали из кургана Толстая Могила [Полидович, 2006, рис. 13, 1; 14, 1]) или *козла* (золотой конус из Братолюбовского кургана [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 54, рис. 10а, 2]), *двух пантер на оленя* (серебряный ритон из кург. Карагодеуашх [Полидович, 2006, рис. 10, 3]), *двух львов на коня или быка* (конус из Братолюбовского кургана, золотая фиала из кургана Солоха, бронзовое зеркало из Херсонского кургана [Полидович, 2006, рис. 12, 3; 14, 2, 4; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 54, рис. 10а, 5—6]), *льва и грифона на оленя* или *коня* (золотые пластины-обивки ножен из кургана Куль-Оба, кург. 13 у с. Большая Белозерка и кург. Толстая Могила, серебряная пластина-обивка горита из кургана Солоха, конус из Братолюбовского кургана [Полидович, 2006, рис. 9, 3, 4; рис. 12, 4; Ку-

бышев, Бессонова, Ковалев, 2009, рис. 10а, 3]). Распространенными были и изображения нападения *двух грифонов на оленя* (золотой браслет из Старшего Трехбратнего кургана; амфора из кургана Чертомлык; золотая пластина из кург. 1/1897—1898 гг. у с. Будки; золотые пластины от головных уборов из курганов Чертомлык и Толстая Могила, конус из Братолюбовского кургана [Полидович, 2006, рис. 9, 2; 10, 1, 2, 6; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 233; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 53, рис. 10а, 1]), *коня* (внешний фриз на пекторали из кургана Толстая Могила [Полидович, 2006, рис. 14, 1]), *козла* (серебряный кубок из кургана Куль-Оба и золотая пластина из Ульского кургана 1/1898 г. [Полидович, 2006, рис. 13, 2; 10, 4]), *быка* (золотой кубок из Рыжановского кургана [Скорий, Хохоровські, Григор'єв, Ридзевські, 1999, с. 99]) или даже *пантеру* (гориты чертомлыцкого типа [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 142; Полидович, 2006, рис. 13, 1]).

В рассмотренных сценах нападения олень выступает как главное жертвенное животное, что, по всей видимости, являлось особенностью ритуально-мифологической традиции местных народов Северного Причерноморья и Прикубанья [Полидович, 2006, с. 359, 360, 362, 363]. Вместе с тем, некоторые композиции (особенно на внешнем фризе пекторали из Толстой Могилы и верхнем фризе обивок горитов чертомлыцкого типа) говорят о сакральной значимости жертвы коня и быка. Главными хищными персонажами являются, конечно же, грифон и лев. При этом, грифон взаимодействует в паре либо с другим грифоном, либо со львом, а лев — в единичных случаях с другим львом (только в сценах нападения на быка или коня), а чаще всего с хищником иного пола или вида (грифоном или пантерой)¹. В паре с львицей, которая характеризуется отсутствием гривы и наличием вымени, лев взаимодействует в двух сценах нападения (кубки из Куль-Обы). Пятнистый хищник также достаточно редко выступает партнером льва (внешний фриз пекторали и верхний фриз обивки горитов чертомлыцкого типа), и во всех случаях данный хищник — это самец². Уникальной является половая симметрия в изображении двух грифонов, представленная в сцене нападения

этих существ на пантеру, воспроизведенную на обивке горитов чертомлыцкого типа [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 142; Полидович, 2006, рис. 13, 1]. Таким образом, хищник-самец каждого представленного в сценах нападения вида в паре может сочетаться либо с самцом другого вида, либо (в редких случаях) с самкой своего вида.

Если изображения льва и грифона в скифо-античном искусстве IV в. до н. э. являются многочисленными и представлены различными мотивами (разнообразные полнофигурные изображения, обособленные изображения голов и протом, сцены нападения, терзания, охоты и т. д.), то изображения пятнистого хищника (пантеры) немногочисленны и связаны, как правило, со сценами насилия. Пантера либо сама нападает на жертву, либо становится жертвой более могучих хищников (обивки горитов чертомлыцкого типа, ажурная пластина из Александропольского кургана) или же охотника (бронзовые навершия из кургана Слоновская Близница [Древности ..., 1872, табл. XXVI, 1, 2; Канторович, 1998, рис. 1, 1, 2]), либо же ее изображение дополняет подобные сцены (конский налобник из Бердянского кургана, ножны из кург. 13 у с. Великая Белозерка). В представлениях древних людей хищники уже сами по себе выступали метафорой, символом смерти [Антонова, 1984, с. 176], и закономерно, что тема смерти является одной из определяющих в семантике сцен нападения / терзания, распространенных в искусстве скифского времени [Полидович, 2006, с. 360—361]. Пантера в этом отношении как бы оказывается в своеобразном центре событий. Так, известно только два случая изображения мертвого копытного животного, тело которого воспроизведено лежащим на спине с поднятыми вверх ногами (на верхнем фризе обивок горитов чертомлыцкого типа и на серебряной пластине из кургана Карагодеуаш), и в обоих случаях терзающим хищником является пантера (на обивках — в паре со львом, а на пластине — в паре с другой пантерой). В этом же ряду находятся и изображения лежащей пантеры, которая держит в передних лапах человеческую голову, на золотых бляшках из кург. 5 у с. Архангельская Слобода [Лесков, 1972, ил. 35, 39; Грѣбкова, 2009, рис. 2, 3].

Если учесть все соотношения в паре «хищник — жертва» и парных сочетаниях хищников, можно выстроить своеобразную иерархию хищных существ: грифон — лев — пантера. Не исключено, что каждый из хищников в данной иерархии соотносился с определенной сферой мифологического мироздания³. Характерно,

1. Данный символизм образов воспроизведен и на золотой пекторали из погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье, датируемом I в. н. э. (саму пектораль относят к более раннему времени): на быка нападают два грифона, на козла — два льва, на оленя — лев и львица [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 6—7, рис. 3; Korol'kova, 2005, p. 42, il. 3—5].

2. Изображения пантеры-самки известны в сценах терзания жертвы одним хищником, в частности, в сцене, воспроизведенной на том же верхнем фризе обивки горитов чертомлыцкого типа [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 140].

3. Данный тезис требует более полного обоснования. Отметим лишь, что особенно наглядно предложенная символика проявляется в образе крылатого грифона, уже по этому признаку соотносимого с небесной сферой.

что в сценах нападения в парах сочетались только «соседние» существа (грифон — лев, лев — пантера), тогда как крайние (грифон и пантера) выступают как непримиримые антагонисты (если учесть уже упомянутые сцены нападения грифонов на пантеру¹). Можно также предположить, что образ львицы, появляющийся в паре только со львом, был семантически близок образу пантеры.

Близкую семантическую ситуацию, рассмотренную на примерах сцен нападения/терзания, мы наблюдаем и в сценах противостояния двух хищников, представленных либо львом и пантерой (Мелитопольский курган и, возможно, Дуровка) (рис. 1, 1, 3), либо львом и львицей (Владимировка, Старший Трехбратний курган, Толстая Могила) (рис. 1, 2, 5, 6), либо львом и фантастическим существом (Чертомлык и Толстая Могила) (рис. 1, 14, 15).

Рассмотренные изображения сцен противостояния и сцен нападения позволяют, на наш взгляд, говорить об их семантической близости. Об этом, в частности, говорит и то, что хищников в сценах нападения изображали в тех же позах, что и в сценах противостояния: с вытянутыми вперед передними лапами и задними, расположенными в позиции шага (например, на пекторали из Толстой Могилы, обивках горитов чертомлыцкого типа, ножнах из Куль-Обы и др.). Но если в сценах нападения / терзания жертва воспроизведена, то в сценах противостояния она только подразумевается.

Сцены нападения/терзания имели, по всей видимости, довольно разноплановое семантическое содержание [Полидович, 2006, с. 360—375], в котором, кроме обозначенной темы смерти, одной из ключевых была тема жертвоприношения [Раевский, 1985, с. 226, прим. 29; Полидович, 2006, с. 361—365]. Жертва же «во всех формах образует сердцевицу, средоточие культового действия. Здесь религиозная «вера» обретает свою подлинную зримость, здесь она непосредственно претворяется в дело» [Кассирер, 2002, с. 232]. Алтарь, на котором приносится жертва, является сакральным центром, точкой через которую проходит ось мира, соединяющая все сферы мироздания. Именно поэтому все рассмотренные изображения сцен нападения / терзания, представленные симметричными композициями, размещались на предметах, изготовленных только из драгоценных металлов и имевших особое сакральное значение, соотносимое с мифо-ритуальными

концептами алтаря и оси мира: пектораль, ритуальная посуда, оружие (ножны акинака и горит), головной убор.

Изображения сцен противостояния также находятся в данном семантическом поле, поскольку были связаны с оружием (ножны из Толстой Могилы) и головными уборами (Старший Трехбратний курган, Чертомлык, Толстая Могила).

Труднее определить функциональное предназначение ажурных пластинок с изображением противостоящих льва и пантеры (львицы). Данные пластинки в Мелитопольском кургане найдены в перемещенном состоянии, и можно только предполагать, что они были частью декора женского наряда. Идентичные пластинки из Дуровки и Владимировки, к сожалению, также происходят из ограбленных комплексов [Пузикова, 1966, с. 83; Полин, Кубышев, 1997, с. 29—30]. Учитывая, что подобные изделия, судя по находкам в скифских курганах IV в. до н. э., прежде всего, в кургане Чертомлык, являлись украшением головных уборов [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 113, 122, 136], можно предположить подобное же предназначение и мелитопольских пластинок. Вместе с тем, в мелитопольской женской гробнице фактически *in situ* в районе нахождения черепа погребенной «царицы» были найдены только гладкие и рубчатые подвески, являвшиеся, по всей видимости, частью декора головного убора. Основная же часть таких подвесок обнаружена уже перемещенными «выше погребения в завале у западной стенки», откуда также происходят золотой венчик и бляшки иных типов [Тереножкин, 1955, с. 25, 26]. В районе черепа находились и остатки ленты «из 11 нашитых бляшек в виде головы Афинь» в сочетании с более мелкими украшениями, а также различные украшения, относившиеся, вероятно, к декору «покрывала, спускавшегося с головного убора» [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 33—34]. Следовательно, головной убор погребенной был декорирован иными типами пластинок, а ажурные пластинки могли быть частью декора одежды (см., например: [Трейстер, 2008, с. 110]) или же декора второго головного убора. Последнее предположение представляется вполне возможным, учитывая общую символику изображений, рассмотренную выше, а также то, что известны случаи нахождения в скифских женских погребениях двух головных уборов. Так, в кургане Чертомлык в северо-восточной (№ 2) и юго-восточной (№ 1) камерах Центральной гробницы было найдено по два головных убора [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 63, кат. 113, 122, 128, 136]. Два головных убора конической формы находились и в Центральной могиле Бердянского кургана [Клочко, 1980, с. 95; Болтрик, Филалко, Чередниченко, 1994, с. 147—148].

Таким образом, ажурные пластинки со сценой противостояния льва и пантеры, найденные

1. См. также изображения терзания кошачьего хищника крылатым драконом («гиппокампом») на бронзовых навершиях из Краснокутского кургана [Древности ..., 1872, табл. XXIV, 1, 2; XXV, 3, 4; Мелюкова, 1981, с. 36—37, рис. 9, 1—3] и коллекции Одесского археологического музея [Мелюкова, 1981, рис. 11], пантеры — крылатым драконом на золотых бляшках из курганов Александропольского и Большой Близницы [Мелюкова, 1981, рис. 12].

в женской гробнице 1 Мелитопольского кургана, скорее всего, были частью декора головного убора. Они, по всей видимости, воплощали символику жертвоприношения, совершаемую в сакральном центре, а воспроизведенные образы маркировали две зоны мироздания — условно «земную» и условно «хтоническую». Предполагаемый головной убор (или иной предмет одежды) также был декорирован 24 подобными ажурными пластинками с изображением противостояния паука и крылатого насекомого [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 93, рис. 98, 7; 103]. Подобные пластинки были найдены и в погр. 1 кург. 4 у с. Владимировка [Полин, Кубышев, 1997, с. 30, 31, рис. 24, 12]. В насекомых, воспроизведенных на пластинках, разные исследователи видели муху, осу или пчелу (см. обзор мнений: [Лифантій, 2015, с. 100]). О.В. Лифантій обосновала интерпретацию насекомого как мухи исходя как из внешнего подобия, так и из мифологического контекста, согласно которому данный изобразительный персонаж соотносится с демоном смерти Насу из иранской мифологии, а также другими подобными мифологическими образами [Лифантій, 2015, с. 100—102]. Муха предстает в таком контексте не как жертва паука (каковой она является в природе), а как своеобразный хищник. Тем самым изображения на обоих типах ажурных пластинок воспроизводят противостояние двух хищных существ, из которых один, по всей видимости, предстает как относительно благой (лев и паук), а второй — как носитель идеи смерти (пантера и муха). В целом же сцены противостояния, по всей видимости, воплощали идею смерти и возрождения или же идею преодоления смерти, возможно, через принятие жертвоприношения, условно воспроизведенную в сценах противостояния существ. Не исключено также, что в качестве жертвы в данном случае воспринималась умершая «царица», учитывая, что сами ажурные пластинки являлись частью декора ее погребальной одежды.

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1977. — 320 с.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб, 2003. — 416 с.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. — 414 с.

Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. — Запорожье, 1995. — 206 с.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. — М., 1984. — 262 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Ленинград, 1966. — 120 с.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чердениченко Н.Н. Бердянский курган // РА. — 1994. — № 3. — С. 140—155.

Галанина Л.К. Курджипиский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. — Л., 1980. — 128 с.

Грибкова Г.О. Ювелірні вироби з кургану № 5 біля с. Архангельська Слобода // Эпоха раннего железа: Сб. науч. тр. к 60-летию С.А. Скорого. — Киев; Полтава, 2009. — С. 103—110.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. — М., 1989. — С. 5—13.

Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. — СПб, 1866. — Вып. I. — 28 + XVI с.

Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. — СПб, 1872. — Вып. II. — 90 + XIX с.

Канторович А.Р. Звериный стиль степной Скифии VIII—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1994. — 24 с.

Кантарович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (стилистика и семантика) // РА. — 1998. — № 4. — С. 78—88.

Кассирер Э. Жертва // Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х тт. — М.; СПб, 2002. — Т. 2. — С. 230—242.

Кирилин Д.С. Трехбратние курганы в р-не Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968. — С. 178—188.

Клочко Л.С. Реконструкция элементов скифского костюма из Бердянского кургана // АИУ в 1978—79 гг.: Тез. док. — Днепропетровск, 1980. — С. 95.

Клочко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до н. э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К., 1982. — С. 86—96.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбовский курган. — К., 2009. — 192 с.

Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. — Л., 1972. — 152 с.

Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 124 с.

Лифантій О.В. Дрібні пластинки із зображеннями членистоногих — прикраси одягу скіфів // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». — К., 2015. — С. 100—106.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. — Л., 1987. — 143 с.

Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V — IV до н. э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг. — М., 1993. — С. 57—68.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. — М., 1981. — 112 с.

Мифы народов мира. Энциклопедический словарь в 2-х тт. — М., 1980. — Т. 1. — 720 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 252 с.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. — К., 1983. — 200 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н. э. — Саратов, 1999. — 680 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — М., 1970. — 134 с. (САИ. — Вып. Д1-27).

Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 21—125.

Покровская Е.Ф. Мелитопольский скифский курган (предварительное сообщение) // ВДИ. — 1955. — № 2. — С. 191—199.

Полідович Ю.Б. Образ хижака у мистецтві народів скіфського світу (за археологічними пам'ятками VII—IV ст. до н. е.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2001. — 19 с.

Полідович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк, 2006. — Т. 3. — С. 291—302.

Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 776 с.

Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье). — К., 1997. — 87 с.

Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. — 1966. — Вып. 107. — С. 80—91.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. — М., 1985. — 256 с.

Скорий С.А., Хохоровські Я., Григор'єв В.П., Ридзевські Я. Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. — 1999. — № 1. — С. 94—105.

Сокровища курганов Адыгеи. Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ, 1961—1963. Каталог выставки. — М., 1985. — 152 с.

Стелы европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — 464 с.

Тереножкин А.И. Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. — 1955. — Вып. 5. — С. 23—34.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. — СПб, 1889. — Вып. 2: Древности скифо-сарматские. — 118 с.

Трейстер М.Ю. Изделия из бронзы, кости и украшения // Трехбратние курганы. Курганный группа второй половины IV—III вв. до н. э. в Восточном Крыму. — Симферополь, 2008. — С. 105—122.

Трехбратние курганы. Курганный группа второй половины IV—III вв. до н. э. в Восточном Крыму. — Симферополь, 2008. — 288 с.

Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. — 1995. — № 1. — С. 133—147.

Чердыченко М.М., Мурзін В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія. — 1996. — № 1. — С. 69—78.

Черненко Е.В. Оружие из Толстой могилы // Скифский мир. — К., 1975. — С. 152—173.

Korol'kova E. Lo stile animalistico scito-sarmatico. Il linguaggio dei simboli // I tesori della steppa di Astrakhn. — Milano, 2005. — P. 40—45.

Kubyšev A. Der Bratoljubovka-Kurgan. Die grabanlage eines skythischen nomarchen? // Hamburger Beiträge zur Archäologie. — 1991. — B. 18. — S. 131—140.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC. — Leningrad, 1986. — 183 p.

Bothmer D., von. Greek vase painting. — New York, 1994. — 71 p.

Ю.Б. Полідович

ЛЕВ І ПАНТЕРА (ажурні пластинки з Мелітопольського кургану)

В статті розглядаються ажурні пластинки з Мелітопольського кургану із зображенням протистояння лева і пантери. Детально аналізується стиль зображень та особливості композиції. Сцени протистояння порівнюються зі сценами нападу (шматування) двох хижаків на копитну тварину. Визначаються закономірності сполучення хижаків та їх жертви, а також пари хижаків. Виявлено певну ієрархію хижаків (грифон — лев — пантера), що, вірогідно, співвідноситься з різними сферами міфологічної світобудови. Пантера в цій ієрархії постає як хижак, що найперше асоціюється з темою смерті, тоді як сцени нападу / шматування в цілому виражають тему жертвоприношення. Предмети, декоровані зображеннями сцен нападу / шматування, мали особливе ритуальне та сакральне значення та пов'язувалися у міфологічному контексті з олтарем та віссю світу. Робиться припущення, що ажурні пластинки з Мелітопольського кургану були частиною декору головного убору та символізували ідею подолання смерті через жертвоприношення.

Ключові слова: скіфи, «звіриний стиль», Мелітопольський курган, скіфо-античне мистецтво.

Iu.B. Polidovych

LION AND PANTHER (Openwork Plates from Melitopol Burial-Mound)

The article deals with the openwork plates proceeds from Melitopol burial-mound with the image of confrontation of lion and panther. The images and style features of the composition are analyzed in details. Confrontation scenes are compared with scenes of attack / laceration of two predators on ungulates animals. The patterns of communication of predators and their victims, as well as a pair of predators are identified. There is revealed a hierarchy of predators (griffin — lion — panther), which probably is related to different areas of the mythological universe. Panther in this hierarchy appears as a predator that is firstly associated with the theme of death, while the scene of attack / laceration generally expresses the theme of sacrifice. Items decorated with attack / laceration scenes images had a special ritual and sacred meaning and linked to the mythological context of the altar and the world axis. It is assumed that openwork plates from Melitopol burial-mound were part of the decoration of the hat and symbolized the idea of overcoming death through sacrifice.

Keywords: Scyth, «animal style», Melitopol burial-mound, Scythian art.

Одержано 1.02.2017

О.В. Ромашко

ПРО ВИКОРИСТАННЯ МЕТАЛЕВИХ КАЗАНІВ У КУЛЬТОВІЙ ПРАКТИЦІ ПЛЕМЕН СКІФСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Стаття присвячена висвітленню питань, пов'язаних із визначенням сакральних функцій казанів у культовій практиці скіфських племен Північного Причорномор'я.

Ключові слова: казани, скіфська культура, поховальна обрядовість, культури, Північне Причорномор'я.

Скіфські металеві казани виступають надійним маркером номадів раннього залізного віку, про що неодноразово писали дослідники. Спираючись на письмові та археологічні джерела, головним призначенням цього посуду автори вважають безпосередньо приготування їжі [Петренко, 1967, с. 25; Манцевич, 1987, с. 30, 99; Гаврилюк, 1999, с. 34, 40; Кузнецова, 2004; Грицюк, 2009, с. 84]. На користь цієї тези свідчить і форма, і конструктивні складові казанів функціонально виважені і суцільно пристосовані до їх використання у якості ємкості, призначеної для кип'ятіння рідини, варіння м'яса та інших продуктів. Наявність ніжки-піддона сприяла швидкому нагріванню казана від розведеного під ним вогнища [Сосновский, 1923; Левашова, Рыгдылон, 1952, с. 137; Синицын, 1967, с. 42; Манцевич, 1987, с. 97—99]. Ймовірно, функціональні характеристики металевих казанів були настільки високі, що скіфи за нестачі металевого виготовляли типологічно близький посуд із глини. Н.А. Гаврилюк наводить приклади знахідок уламків глиняних казанів на Кам'янському городищі та поселенні Лиса Гора [Гаврилюк, 1999, с. 40, рис. 4, 4].

Однак, паралельно з цим, в історіографії дослідження скіфських металевих казанів, достатня увага приділена не тільки питанням можливого утилітарного їх використання, а і

культового. Причому в багатьох випадках розмежування слідів побутового використання від культового є достатньо проблематичним. Наприклад, А.П. Манцевич доходить дискусійного висновку про те, що великі за розмірами казани слугували жертвним посудом, а малі — не мали відношення до сакральної сфери та знаходились у особистій власності [Манцевич, 1987, с. 97—99]. Існує й думка, що казани використовувалися лише у культовій практиці, бо, ніби то їх побутова атрибуція не має доказів у археологічних матеріалах [Кузнецова, 2008, с. 178].

Щодо ритуально-релігійного контексту використання казанів для приготування їжі слід зауважити, що вбивство тварини, приготування м'яса та його споживання стародавніми іраномовними народами розглядалося як акт жертвопринесення богам, підтримки існування космосу і завжди супроводжувалося відповідним обрядово-ритуальним дійством. Геродот детально описує нормативно-ритуальну сторону жертвоприношення тварини персами [Herod., I, 131—132]. А.П. Манцевич відмічає, що видовий склад тварин, які за Геродотом приносилися скіфами в жертву (бики, барани, коні) [Herod., IV, 61], відповідає археологічним реаліям, фіксованим за знахідками кісток жертвних тварин у більшості казанів, які походять зі скіфських поховань [Манцевич, 1987, с. 98].

Н.А. Боковенко доходить висновку щодо високого ступеня сакралізації витворів мистецтва деяких аристократичних скіфських комплексів та їхній тісний зв'язок із культурами. При цьому акцентується увага на присутності у більшості з цих комплексів казанів, яким приписуються жертвовно-поминальні функції. На його думку, казани можуть виступати як індикатори, що вказують на діячів, так чи інше пов'язаних із

обрядом жертвоприношення, на хранителів культів, традицій [Боковенко, 1991, с. 258].

Тривалий час увага дослідників при розгляді казанів як предметів культу майже виключно приділялася так званому «казану Аріанта» [Herod., 1V, 81]. Його культове призначення або атрибуція зі святилищем чи загальноноскіфським релігійним центром, розташованим у скіфській священній місцевості Еksamпей загальноновизнані [Раевский, 1977, с. 114; Раевский, Шилик, 1981, с. 80—83; Кравец, 1993 с. 160—165; Петрук, 2005]. Підтримуючи думку про те, що Скіфія являла собою чотирикутник, Д.С. Раевський вважає його моделлю упорядкованого Всесвіту, у якому геометричним центром був Еksamпей. На його думку, геродотівське тлумачення назви Еksamпей як Святі чи Священні Шляхи визначає сакральні властивості «центру світу», бо через нього проходить найкоротший шлях, що «пов'язує землю і людину з Небом і Творцем». У цьому контексті саме «центр світу», тобто Еksamпей, мав бути місцем проведення свят, які відтворювали у ритуалі події «початку світу» [Раевский, 1977, с. 114]. Якщо ми приймемо цю точку зору, то правомірним може здатися і висновок про те, що конкретною точкою «центру світу» був саме казан Аріанта, оскільки він, ймовірно, був головною частиною святилища. Тобто саме він міг бути однією з провідних загальноноскіфських святинь. Слід зауважити, що далеко не всіма дослідниками інформація Геродота про казан царя Аріанта сприймається як достеменний історичний факт. Вони вважають, що її слід сприймати тільки як легенду, бо казан таких розмірів виготовити у скіфській час було неможливо [Ольговський, 2010, с. 81—82; Мурзин, 2013, с. 88—89]. В.Ю. Мурзін наголошує, що Геродот зафіксував один із епізодів скіфського фольклору, який через зрозумілу і прозору алегорію (величезний казан, який увібрав у себе частину кожного скіфа) обгрунтовував тезу щодо єдності скіфського народу. Не випадково в курганах скіфської аристократії присутні казани великих розмірів, які можна розглядати як символ легендарного казана Аріанта [Мурзин, 2013, с. 88—89].

Втім, незалежно від вирішення питання щодо реальності чи міфологічності цього казана, археологічно зафіксовано використання скіфами казанів при улаштуванні культових місць. Вони пов'язані з колом так званих курганоподібних святилищ. Акцентуємо увагу, що значна кількість скіфських культових місць із курганоподібними насипами різних конструкцій відома у правобережному українському Ліссостепу [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 36, 41—42, 48—49; Скорый, 1997, с. 23], Середньому Подонні [Савченко, 2001, с. 56—57, 113, рис. 3, 1—4; 43, 1, 2], степовій зоні Північного Причорномор'я і Нижньому Подонні [Бидзиля, Болтрик, Мозолевский и др., 1977,

с. 64—65; 124—125, рис. 22, 1; 24; 25; Болтрик, 1978, с. 61—62; Ляшко, Фридман, 1987, с. 77—78, рис. 5; Субботин, Охотников, 1981, с. 108, 111, 115; Бессонова, 1989 с. 53—54; Кравец, 1993, с. 160—165; Беспалый, Головкина, Ларенок, 1989, с. 154—156, рис. 2, 14, 16; Болтрик, 2007, с. 47—57; Гершкович, Ромашко, 2013, с. 61—75]. Є свідчення щодо їх присутності у Криму [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 74—76]. До цього кола, незважаючи на суперечливість існуючих у сучасній літературі культурних визначень, ймовірно, слід віднести численні культові «кургани» Закубання [Балонов, 1987, с. 38—45; Новичихин, 2006; Раев, Беспалый, 2006; Лесков, Беглова, Ксенофонтowa и др., 2013].

Але у контексті дослідження нас цікавлять, насамперед, скіфські святилища, у яких знайдені металеві казани. Їх відомо щонайменше сім, а саме: святилище, яке складається з двох курганоподібних насипів «курган 5» та «курган 7» поблизу с. Кременівка [Братченко, Кротова, Швецов, 1977/12a; Братченко, Гершкович, Константінеску и др., 1979, с. 308—309; Шепко, Швецов, 1998, с. 117—119; Шепко, 1999, с. 33—34; 2000, с. 101—102; Болтрик, 2007, с. 45—57; Полин, Карнаух, 2012, с. 116—128; Гершкович, Ромашко, 2013, с. 61—75; Полин, 2014, с. 590—600]; святилище «курган 12» гр. «Рясні Могили» з м. Шахтарськ [Кравец, 1993 с. 160—165]; комплекс з м. Перевальськ¹; святилище «курган 1» з аулу Уль (розкопки 1898 р.); [ОАК, 1901, с. 29—31; Балонов, 1987, с. 38—45; Лесков и др., 2013, с. 76]; святилище «курган 1» з аулу Уляп [Лесков, Беглова, Ксенофонтowa и др., 2013, с. 16—17]; святилище «курган 10» з аулу Уляп [Балонов, 1987, с. 38—45; Лесков и др., 2013, с. 76]; святилище «курган 1» біля хут. Говердовський [Лесков и др., 2013, с. 75]. Конструктивні особливості цих пам'яток та деякі припущення щодо культів, які на них відправлялися викладені у статті автора спільно з Я.П. Гершковичем [Гершкович, Ромашко, 2013, с. 70—73]. Для даної теми головним є те, що на культових місцях присутні металеві казани і що вони представляють чи не найпоширенішу (після амфорного матеріалу) категорію речей, що використовувалася у ритуалах, які здійснювалися на цих святилищах.

Розглядаючи питання щодо ролі казанів у поховальній обрядовості скіфів, слід зупинитись ще на такому моменті. Покладені до могил предмети озброєння, знаряддя праці, прикраси, керамічний та металевий посуд підтверджують існування у скіфів уявлення про смерть як продовження життєвого шляху у потойбічному, загробному світі. Дослідниками давно вже відмічалось, що речі, присутні у похованнях, здебільшого спеціально не виготов-

1. Дякуємо за надану інформацію Ю.М. Бровендеру та О.М. Задорожній.

лялись. Використовувались речі, якими при житті небіжчики (або їхні близькі) користувались тривалий час і якими померлий міг, за тогочасними уявленнями, користуватись у потойбічному житті. Наприклад, А.В. Гейко на матеріалах поховальних пам'яток скіфського часу лісостепового Лівобережжя відзначає, що кераміка з них часто має сліди сажі на стінках, відбиті ручки чи інші дефекти, а також сліди ремонтів [Гейко, 2008, с. 66]. Це спостереження може бути поширене і на інші території Північного Причорномор'я. У цьому контексті цікаво, що і металеві казани, поміщені у могили степового і лісостепового населення Скіфії також мають сліди тривалого використання [Манцевич, 1961, с. 150; Минасян, 1986, с. 77; Боконенко, 1981, с. 43]. Багато казанів із скіфських поховань мають дірки, які вже не дозволяли використовувати їх як посуд для приготування їжі. Тобто скіфи, навіть представники аристократичних родів, через високу собівартість казанів використовували у якості поховального інвентарю — старі, браковані, відлиті з металу поганой якості тощо. До таких, можливо, належить казан типу В/П/б¹ з Келермеського к. 3/Ш, який, як підкреслює Л.К. Галаніна, мав пористий корпус, що унеможливило його використання для утримання рідини та ін. [Галаніна, 1997, с. 152]. Не виключено, що такі недоліки цієї посудини обумовлені саме тим, що він був виготовлений для використання у якості поминального жертвовного інвентаря, у зв'язку з чим і постливарназначечанка поверхні, обов'язкова для казанів побутового призначення, тут була зайва.

На перший погляд, якісь усталені норми та традиції, що визначали б місце встановлення казанів у просторовому вимірі скіфських поховальних споруд, не простежується. Знахідки казанів та слідів їх перебування відомі у вхідних ямах, дромосах, поховальних камерах та гробницях, в окремих ямах напідкурганній площі та стародавньому горизонті (СГ). Однак на найбільш масових матеріалах Головної степової групи одна закономірність все ж таки нами виявлена. Всього в названій групі відомо 84 випадки документованої фіксації місця знаходження казанів. Не менш, ніж 75 % казанів знаходилось у камерах катакомб або площі ям інших видів поховальних конструкцій (16,6 % — безпосередньо біля входу; 17,9 % — недалеко від входу; 40,5 % — на значному віддаленні від входу); 13 % — у дромосах катакомб; 4,8 % — у вхідних ямах; 3,6 % — на СГ (біля вхідної ями); 3,6 % — в окремих ямах у підкурганній площі (біля вхідної ями). Таким чином 59,5 % казанів так чи інакше маркують вхід до гробниці, в якій знаходився померлий. Тобто хтонічні божества, або померлі пізніше

родичі похованого, перед тим, як провідати його, мали можливість пригоститися їжею з казанів, гостинно виставлених біля вхідної ями, в ній, у дромосі, в камері біля входу.

Про важливе місце казанів у міфо-ритуальній символіці, у тому числі пов'язаній з уявленнями про життя та смерть, свідчить особливе ставлення стародавніх народів до вогню, ватрі і всьому, що з ними пов'язане. За етнографічними свідоцтвами, в осередку кочових та напівкочових народів Євразії були поширені забобони, за якими «загашене вогнище, перевернутий казан означали, що життя перервалось і в цій сім'ї, роді, селищі немає більше життя» [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 41].

Показником того, що казани відігравали особливу роль у поховальній обрядовості скіфів є археологічно зафіксоване намагання підкреслити їх значущість як особливого, символічного жертвовного дару, шляхом створення для них спеціальних століків-підставок, споруджених із дерева чи глини. Такі конструктивні елементи присутні в п. 1 к. 6 поблизу м. Маріуполь [Черненко, 1970, с. 177]; в к. 14 поблизу с. Черемушне [Буйнов, Шевченко, 2004, с. 35]; в к. 11/16 (розкопки 1960 р.) та к. 11 (розкопки 1959 р.) Мاستюгінського могильника; к. 1, к. 4 (розкопки 1964 р.) поблизу хут. Городище, к. 11 (розкопки 1954 р.) могильника «Часті кургани» [Пузикова, 1966, с. 83—84; 2001, с. 14, 51, 56].

Цікаві спостереження стосовно використання металевих казанів у жертвовно-поминальній обрядовості племен сіверськодонецької локальної групи здійснені Ю.В. Буйновим [Буйнов, Шевченко, 2004, с. 35—36; Буйнов, Бандуровский, Окатенко, 2005, с. 9—13]. Під час дослідження к. 14 біля с. Черемушне Харківської обл. під ніжкою загорнутого у тканину казана були знайдені пупарії синіх падальних мух (*Lucilia* сімейства Calliphorida). На думку дослідників, яка базується на висновках американських ентомологів, життєвий цикл цих мух надає можливість встановити тривалість проведення поховального обряду. За висновками Ю.В. Буйнова та В.Б. Шевченка, поховання було здійснене влітку. Казан із м'ясною супутньою їжею від одного до двох тижнів знаходився у відкритому стані, інакше мухи не змогли б відкласти яйця. У результаті зниження температури в закритій поховальній споруді пупарії загинули. Виходячи з цих даних, дослідники доходять логічного висновку щодо тривалості поховально-поминальних обрядів, які проводили скіфи в проміжок часу від моменту смерті людини до її поховання. На їхню думку, саме в цей час здійснювалися жалобні обряди прощання родичів із померлим та його «годування». Ця теза знаходить підтвердження в геродотівському описі поховальних звичаїв рядового скіфського населення, згідно з яким, коли помирає скіф, «то найближчі родичі кладуть тіло на воза і возять по всій окрузі до друзів. Всі друзі приймають небіжчика і вла-

1. При визначенні морфологічного типу казана використано власну типологію [Ромашко, 2013].

штвують супроводжувачим пригощання, при цьому підносять і небіжчику покуштувати тих же найдків, що й іншим. Пересічних мужів возять таким чином по окрузі сорок днів, а потім ховають» [Herod., IV, 73]. На наш погляд, спостереження Ю.В. Буйнова та В.Б. Шевченка беззаперечно вказують на особливе місце казанів у скіфській поховальній обрядовості, зокрема у звичаях поминальних трапез і «годування» небіжчиків. Казани у цьому сенсі можуть розглядатися як символи об'єднання сім'ї, роду і відповідного соціуму через залучення до них певного кола людей, допущених до сумісного ритуального споживання їжі, однак це питання потребує спеціального дослідження.

Щодо видового складу цих жертвоприношень, нами отримано наступні дані. У 76 випадках (50 — степова зона, 26 — лісостепова) визначена видова приналежність тварин, м'ясо яких варилося в казанах при приготуванні останньої поминально-жертвовної трапези. У 64 % казанів із поховань степової зони зварене м'ясо дрібної рогатої худоби, переважно вівці; у 24 % — коня; у 4 % — бика; у 8 % — коня та вівці. У похованнях лісостепової зони кістки вівці знаходилися у 61,4 % казанів; коня — в 23 %; бика — в 7,8 %; коня і вівці — в 7,8 %. Звертає на себе увагу тотожність питомої ваги видів тварин, м'ясо яких використовувалося степовим та лісостеповим населенням у жертвовно-поминальних ритуалах, пов'язаних із казанами.

На думку дослідників, культове призначення казанів та їх використання скіфами у жертвовно-поминальній обрядовості підтверджує семантика зооморфних ручок та орнаментация корпусу [Алексеев, 1987; Боковенко, 1991, с. 258; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 118—120; Трейстер, 2007, с. 83—92]. Цікавих висновків доходять казахські археологи при встановленні семантичного навантаження зображень баранів та козлів на семирічінських казанах-триподах. За їх спостереженнями зображення тварин підкреслювали насамперед ритуальний характер цього посуду. Вони визначали зв'язок казанів із жертвовними тваринами, ширше — з жертвою. Можливо, вміст казана із зооморфними прикрасами ототожнювався із самою твариною [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 42]. Серед відомих на сьогодні казанів зі скіфських поховань високохудожнім оформленням вирізняються два — казани з Розкопаної Могили та Північної гробниці Чортomla. Їх орнаментация настільки незвична для цієї категорії виробів, що деякі з дослідників вважають їх продукцією не скіфських, а грецьких (ольвійських чи боспорських) майстрів [Ростовцев, 1925, с. 413—414; Иессен, 1947, с. 4; Онайко, 1966, с. 20—21]. Але у сучасній історіографії домінує думка щодо їх виготовлення скіфськими бронзоліварниками. Семантика орнаменту казана з Розкопаної Могили висвітлена А.Ю. Алексеевим [Алексеев,

1987]. Цим же дослідником, разом із В.Ю. Мурзи́ним та Р. Ролле семантичні розвідки здійснені на прикладі орнаменту казана з Північної гробниці Чортomla. За їх висновками, орнаментация цих казанів являє собою космограму, втілення уявлень скіфів щодо тризональної будови космосу. Верхній фриз із солярними зображеннями пов'язується з «небесною сферою космосу», середній, з рослинним орнаментом (пальметки), — зі світовим деревом, нижній — із хтонічною зоною [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 118—120]. С.Я. Ольговський вважає, що скіфські казаняри використовували елементи грецького орнаменту, але зберігали тричасний поділ тулуба казанів, що відповідало космогонічним уявленням скіфів про поділ Космосу на Нижній, Середній та Верхній Світи. Для доказу скіфського середовища цих виробів дослідник подає дані хіміко-металургійних аналізів металу екземпляру з Розкопаної Могили, що нічим не відрізняється від сплавів, із яких відлита більшість скіфських казанів [Ольговський, 2003, с. 120; 2011, с. 25]. Подальший розвиток дослідження семантики орнаментальних композицій на скіфських казанах пов'язаний з розвідками М.Ю. Трейстера, який, погоджуючись із запропонованими А.Ю. Алексеевим інтерпретаціями «скіфської моделі світу», наголошує, що орнаменти казанів із Розкопаної Могили та Чортomla запозичені скіфами з грецького образотворчого мистецтва. У першому випадку орнаментальна композиція трактується як пряма «цитата» з грецьких художніх виробів, у другому — як випадковий набір елементів грецького декору. Використання цих елементів мало на меті наділення речам, зокрема казанам, нових сакральних функцій [Трейстер, 2007, с. 92].

Висновок щодо казана, як символу взаємозв'язку реального та потойбічного світів, божественного створення космосу, знаходить підтвердження у віруваннях і культурах іраномовних народів, які генетично у тій чи іншій формі пов'язані з прадавніми культурами скіфо-сарматського часу, зокрема в осетинському епосі. Культурний герой Нарт Батраз, на думку Ж. Дюмезіля, отримав частину міфологічного спадку Ареса. У ньому він вбачає не стільки грецького бога, скільки бога типу ведичного Індри, до компетенції якого входить володіння природними явищами (громом та блискавкою), а також битви та війна. Відповідно до одного з варіантів міфу щодо грозового народження (богоявлення) Батраза згадується про сім казанів із водою, які встановлюють на рівні землі, як пересторогу проти стрімкого удару в неї немовляти-блискавки [Дюмезиль, 1990, с. 16—17].

Враховуючи запропоновані вище дослідниками інтерпретаційні ряди змістовного навантаження стилістичних ознак скіфських металевих казанів, ми вважаємо за необхідне звернути увагу на зміни деяких стилістичних

ознак відповідно до хронологічних рамок існування скіфської культури.

Окрім визначених нами змін морфології казана у часовому просторі [Ромашко, у друкі], певна еволюція спостерігається і в його декоративному оздобленні. Останнє дозволяє більш прискіпливо звернутися до аналізу змістовної складової тих чи інших стилістичних ознак. Так, архаїчні вертикальні ручки у вигляді зооморфних фігур протягом V—III ст. до н. е. трансформуються у ручки з трьома відростками-шишечками, які на думку дослідників є ремінісценцією фігури козла [Манцевич, 1961, с. 149; Диамант, 1962, с. 204]. Наявність зооморфних ручок на казані з царського кургану Чортомлик IV ст. до н. е. А.П. Манцевич вважає архаїчним пережитком [Манцевич, 1961, с. 149]. Погоджуючись із цією тезою, підкреслимо, що цей казан поєднав у собі елементи як ранньоскіфського декору (оздоблення ручок і корпусу) так і інноваційні морфологічні характеристики пізньоскіфського часу (овальний у плані закритий корпус). Таке поєднання розглядається нами як навмисне використання архаїчних елементів майстрами-ливарниками для підкреслення стародавності роду, який замовив цей казан. Слід зазначити, що у пізньоскіфський час орнаментация корпусу та ручок казана значно спрощується, а у деяких випадках і зовсім зникає. Можливо, це пов'язано з сакралізацією самої посудини, яка крім свого утилітарного призначення все більше набуває ролі символу, який не потребує вшуканого та працемісткого процесу відливки складних елементів декорування тому, що кількість казанів у цей період час зростає у рази, тобто їх виробництво стає масовим. Як зазначалося вище, складний декор у V—III ст. до н. е. притаманний лише поодиноким посудинам із курганів найвищих страт скіфського суспільства (Розкопана Могила, Чортомлик) на відміну від архаїчних пам'яток (Келермеські кургани). Часово-просторовий аналіз стилістичних ознак скіфських казанів не дозволяє пов'язати їх із будь-якими етнічними угрупованнями скіфів. Скоріш за все, декоративні елементи у класичний та пізньоскіфський час стають соціальним показником, бо від їх присутності та складності залежала вартість казана. Винятком може вважатися лише наявність вусиків на корпусі, які переважно присутні на посуді зі східної контактної зони, де у культурі місцевих скіфських племен виразно відчутний вплив сарматської культури.

Таким чином, у декоративному оформленні скіфських казанів ми відзначаємо тенденцію до спрощення, однак їх сакральне навантаження при цьому не зазнає змін. Проведений аналіз дозволяє нам перенести сакральне навантаження виробів, декорованих зооморфними та рослинними сюжетами на усі казани, що значно збільшує їх роль у духовному житті номадів Північного Причорномор'я VII—III ст. до н. е.

Алексеев А.Ю. О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила // АСГЭ. — 1987. — Вып. ЛП. — С. 28—31.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. — 416 с.

Балонов Ф.Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. — Новосибирск, 1987. — С. 38—45.

Беспалый Е.И., Головкина Н.Н., Ларенок П.А. Поминальные памятники IV в. до н. э.—III в. н. э. Доно-Кагальнического водораздела // СА. — 1989. — № 3. — С. 154—162.

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. — К., 1988. — 218 с.

Бессонова С.С. Культурные сооружения скифского времени в Побужье // Первая кубанская археологическая конференция. — Краснодар, 1989. — С. 53—54.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. — К., 1977. — С. 61—158.

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1981. — С. 42—52.

Боковенко Н.А. Этуд о бронзовых котлах Северного Причерноморья // Клейн Л.С. Археологическая типология. — Л., 1991. — С. 256—263.

Болтрик Ю.В. Культурні споруди степової Скіфії // Магістеріум: Археологічні студії. — К., 2007. — № 27. — С. 47—57.

Болтрик Ю.В. Святилище Арея в уроч. Носаки // АИУ в 1976—1977 гг. — Ужгород, 1978. — С. 61—62.

Братченко С.Н., Кротова А.А., Швецов М.Л. и др. Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 г. / НА ИА НАН Украины. — 1977/12.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константинову Л.Ф. и др. Раскопки курганов в Северо-Восточном Приазовье // АО 1977 г. — М., 1979. — С. 308—309.

Буйнов Ю.В., Бандуровский А.В., Окатенко В.Н. Исследование курганов скифской эпохи в Харьковской области // АДУ 2003—2004 pp. — 2005. — Вып. 7. — С. 9—13.

Буйнов Ю.В., Шевченко В.Б. Новые данные о погребально-поминальной обрядности у племен северско-донецкой группы памятников скифского периода // Проблемы истории та археологии Украины. — Харьков, 2004. — С. 35—36.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э. — Харьков., 1999. — 424 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997. — 269 с.

Гейко А.В. Про призначення посуду та його використання у поховальних обрядах племен скіфського часу дніпровського лісостепового Лівобережжя // Проблемы археологии Восточной Европы. — Харьков, 2008. — С. 65—69.

Геродот. История: в 9 кн. — Л., 1972. — 600 с.

Гершкович Я.П., Ромашко О.В. Скіфські святилища Ареса: археологічні дані та свідчення Геродота // Археологія. — 2013. — № 1. — С. 61—75.

Грицюк В.М. Військо скіфів (озброєння, організація, війни та воєнне мистецтво). — Київ; Чернівці, 2009. — 296 с.

- Диамант Э.И. Литой бронзовый котел из Мартоношского кургана // МАСП. — 1962. — Вып. 4. — С. 203—205.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. — М., 1990. — 229 с.
- Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Л., 1947. — 92 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). — К., 1989. — 336 с.
- Кравец Д.П. Скифское святилище на Крынке // Донецкий археологический сборник. — Донецк, 1993. — С. 160—165.
- Кузнецова Т.М. Сосуды скифов в «Истории» Геродота // Археологические памятники раннего железного века Юга России. — 2004. — № 6 — С. 93—105.
- Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. — М., 2008. — С. 173—198.
- Левашова В.П., Рыгдылон Э.Р. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее // КСИИМК. — 1952. — Вып. 13. — С. 132—137.
- Лесков А.М., Беглова Е.И., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV—III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. — М., 2013. — 184 с.
- Ляшко С.М., Фридман М.И. Скифська антропоморфна скульптура Нижнього Подніпров'я // Археологія. — 1987. — Вип. 60. — С. 71—77.
- Манцевич А.П. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа (котел из кургана Солоха) // Исследования по археологии СССР. — Л., 1961. — С. 145—150.
- Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. — Л., 1987. — 143 с.
- Минасян Р.С. Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии // АСГЭ. — 1986. — Вып. 27. — С. 61—78.
- Мурзин В.Ю. «Скифский рассказ Геродота» с сопроводительными статьями. — К., 2013. — 244 с.
- Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). — Анапа, 2006. — 220 с.
- Ольговський С.Я. Військова справа й озброєння скіфів VII ст. до н. е.—III ст. н. е. — К., 2010. — 128 с.
- Ольговський С.Я. Метал скіфських казанів // Vita antiqua. — 2003. — № 5—6. — С. 113—120.
- Ольговський С.Я. Скіфо-антична металообробка архаїчного часу (за матеріалами Нижнього Побужжя та Середнього Подніпров'я) — К.; М., 2011. — 224 с.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — М., 1966. — 123 с. (САИ. — Вып. Е I-27).
- Отчет императорской археологической комиссии за 1898 год (ОАК, 1901). — СПб, 1901. — 190 с.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. — М., 1967. — 180 с. (САИ. — Вып. Д I-4).
- Петрук В.І. Скіфський сакральний центр Екзампай в контексті культурної спадщини України: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2005. — 19 с.
- Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 776 с.
- Полин С.В., Карнаух Е.Г. Скифский курган IV в. до н. э. у с. Кременевка в Северо-Восточном Приазовье // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 4 (52). — С. 116—128.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). — М., 2001. — 271 с.
- Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской обл. // КСИА. — 1966. — Вып. 107. — С. 80—90.
- Раевский Д.С., Шилик К.К. Эксампей — общескифский культовый центр // VIII Всесоюз. авторско-читательская конф. ВДИ АН СССР. — М., 1981. — С. 80—83.
- Ромашко О.В. Типологія бронзових казанів скіфської культури (в світлі статистико-математичних методів) // Археологія. — 2013. — № 3. — С. 32—44.
- Ромашко О.В. Металеві казани як один із хроноіндикаторів пам'яток скіфської культури // Древности. — В редакції.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологии — Л., 1925. — 621 с.
- Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Тр. Потуданс. эксп. ИА РАН, 1993—2000 гг. — М., 2001. — С. 4—142.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. — Алматы, 2005. — 184 с.
- Синицын М.В. Некоторые собственно скифские элементы в культуре Геродотовой Скифии // ЗОАО. — 1967. — Т. 2 (35). — С. 37—59.
- Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. — К., 1997. — 173 с.
- Сосновский Г.И. Заметки об одной археологической находке // Этнографический бюллетень ВСОРГО. — 1923. — № 3. — С. 17—18.
- Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднепровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К., 1981. — С. 102—116.
- Трейстер М.Ю. Некоторые наблюдения о вещах и их декоре в инокультурных контекстах (на примере памятников художественного металла с территории Боспорского царства и сопредельных областей) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. — СПб, 2007. — Ч. 1. — С. 83—93.
- Черненко С.В. Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова // Археологія. — 1970. — Т. XXIII. — С. 176—181.
- Шепко Л.Г., Швецов М.Л. Скифо-сарматские комплексы в бассейне реки Калки в Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 117—119.
- Шепко Л.Г. Скифские памятники Северо-Восточного Приазовья // Проблемы истории и археологии Украины. — Х., 1999. — С. 33—34.
- Шепко Л.Г. Культовые скифо-сарматские комплексы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк, 2000. — С. 101—102.

А.В. Ромашко

A.V. Romashko

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КОТЛОВ В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ ПЛЕМЕН СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многочисленные находки котлов в погребальных памятниках и на культовых местах, могут свидетельствовать о некоей сакральной роли данных предметов. При анализе места пребывания котлов в погребальных комплексах, установлена тенденция их расположения ближе ко входу, с целью обеспечения хтоническим существам или умершим родственникам возможности испробовать жертвенную пищу, оставленную в котле.

Довольно показательным при решении поставленных в статье задач, стал анализ декоративных элементов скифских котлов, проведенных с учетом их эволюционных изменений в хронологическом контексте. Т. о. в архаическое время доминирует декорирование вертикальных ручек в виде козлов, который практически исчезает в классический и поздний периоды. Зооморфные сюжеты замещаются тремя, реже одним отростком-пищечкой, в чем А.П. Манцевич видит реминисценцию зооморфных сюжетов архаического времени. Т. о. данное «упрощение» следует связывать с увеличением числа самих котлов и их распространением практически во всех слоях скифского общества, что повлекло за собой необходимость удешевления процесса производства данных изделий через упрощение декора и уменьшение их размеров. Однако, в результате этого не была утеряна сакральная роль самого котла, наличие которого в погребальном или культовом комплексе все больше стало выполнять роль символа «держателя котла» семьи, рода; символа взаимосвязи реального и потустороннего миров, божественного творения космоса, что находит многочисленные параллели в верованиях и культурах ираноязычных народов.

Ключевые слова: котлы, скифская культура, погребальные обряды, культы, Северное Причерноморье.

BY QUESTION ABOUT THE USE OF METALLIC CAULDRONS IN CULT PRACTICE OF TRIBES OF SCYTHIAN CULTURE

There are many cauldrons was founded in the tombs and cult places by Scythian culture. We made analysis of cauldron's location in the tomb and established the tendency. A lot of cauldrons was installed nearer to the entrance of tomb. In this place all underground creatures or the dead relatives had possibility to test the special food, which was left in the cauldron.

We received a good result after analysis of the decorative elements on the Scythian's cauldrons. These elements were changed on the time. For example, in archaic time, decorating of vertical handles were looking as goats. It disappeared in classic and late periods of Scythian culture. It was substituted for new decor, which had looking as one or three extensions. A.P. Mancevich suppose that it was a reminiscence of animal figure on the handles of archaic time. In this case, we can attribute this process to increase of prevalence of cauldrons in the deferent parts of Scythian society. This process was accompanied by reduced prices of it manufacture with simplification of handle's decor. But, after this, Scythian's metallic cauldrons didn't lose sacral functions. All cauldrons converted into same sacral symbol, which associate with «holder of cauldron» of family; link between real and other-worldly the worlds, divine creation of space. All this finds numerous parallels in the cultures of Iranian lingual people.

Keywords: cauldrons, Scythian culture, cults, Greater Black Sea area

Одержано 20.02.2017

М.Ю. Трейстер

БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА НАЙДЕННАЯ В ПОЙМЕ р. ТРУБЕЖ (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.)

В статье рассматривается найденная в 2015 г. в пойме р. Трубеж и недавно опубликованная бронзовая матрица с рельефными изображениями. В целом соглашаясь с авторами первой публикации относительно ее датировки в рамках первой половины IV в. до н. э., автор рассматривает гипотезу о ее возможном боспорском происхождении и делает попытку рассмотреть находку в контексте известной нам информации о бронзовых матрицах с рельефными изображениями в Западном и Северном Причерноморье. В этой связи предлагается атрибуция а также исправленная информация о происхождении бронзовой пластины «из Карлеруэ», которая возможно является матрицей для обкладок мечей типа найденной в кургане Куль-Оба.

Ключевые слова: матрицы, торевтика, Западное и Северное Причерноморье, Скифия, Фракия, Боспорское царство, клейма мастеров, обкладка меча из Куль-Обы, бронзовая пластина «из Карлеруэ».

Недавно была опубликована бронзовая матрица с рельефными изображениями, найденная в пойме р. Трубеж¹ (рис. 1) [Бессонова и др., 2016, с. 189—205]. Памятник настолько интересен, с одной стороны, и далеко не все аспекты, связанные с ним, с другой стороны, были рассмотрены в публикации, что я взял на себя смелость еще раз обратиться к его рассмотрению, сосредоточив свое внимание именно на тех аспектах, которые остались вне поля зрения авторов предварительной публикации.

В публикации дается описание матрицы, рассматривается ее композиция и орнамен-

тальная оформление, приводятся аналогии пяти отдельным изображениям лицевой стороны, как в искусстве Передней Азии, так и среди золотых украшений из скифских курганов Северного Причерноморья и из монетных эмблем, прежде всего Боспорского царства. Подводя итоги, авторы датируют матрицу первой половиной, возможно первой четвертью IV в. до н. э., отмечая при этом, что ее композиция является более архаичной и в ней ощущается влияние переднеазиатского, ахеменидского искусства. По мнению исследователей, анализ композиции, отдельных изображений и элементов последних позволяет предполагать, что матрица была изготовлена «на Боспоре или мастером-боспорянином».

Очевидно, что для решения вопросов о датировке матрицы, ее культурной принадлежности, истоков образов и композиции недостаточно рассмотреть аналогии композиции, сюжетам и их элементам. Надо представлять себе, какое место этот памятник занимают в кругу аналогичных изделий, инструментов торевтов, при этом необходимо рассмотреть известные нам матрицы архаического и классического времени.

Я уже обращался к этой теме в книге, опубликованной более 15 лет назад² [Treister, 2001], которая осталась неизвестной авторам публикации. Матрицы античных торевтов изготавливались из камня или бронзы. Безусловно, были и не дошедшие до нас деревянные матрицы. Рабочие изображения на матрицах могли быть выполнены в рельефе или быть врезными.

В целом в античную эпоху преобладали каменные и бронзовые матрицы с негативными

1. Автор выражает искреннюю признательность С.А. Скорому за предоставление фотографии матрицы и информацию о ней.

2. См., например, мой обзор 2008 г.: <http://www.ehw.gr/l.aspx?id=10784>.

Рис. 1. Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубеж, ИА НАН Украины. Общие виды и детали (фото ИА НАН Украины)

(врезными) изображениями. Бронзовые матрицы, которые относятся к до-эллинистическому времени чрезвычайно редки, особенно это касается матриц с рельефными изображениями, все известные находки которых, датирующиеся IV в. до н. э.¹ и более ранним временем происходят с территории Северо-Восточной Болгарии (Кубрат, Горско Абланово, Гарчиново, окрестности Варны) (рис. 2). Несмотря на то, что все они являются случайными находками, три матрицы происходят практически из одной местности — это северная часть Тырговиштской и Разградская области, при этом Горско Абланово

1. Я не могу согласиться с датировкой IV—III вв. до н. э. бронзовой матрицы с рельефным изображением сидящей на троне Кибелы, а не Деметры, как полагает автор первой публикации [Скорый, 2013, с. 193—201; Скорый, Зимовец, 2014, с. 138, № 1/403]. Как место находки этой матрицы указано поселение эллинистического времени в уроч. Колтан у с. Александровка в Белогорском р-не Крыма. Матрица датируется не раньше III—II вв. до н. э., не исключена и ее более поздняя датировка (ср. бронзовые матрицы с изображением сидящих и стоящих божеств из Фракии и Северного Причерноморья первых веков н. э. [Treister, 2001, p. 301—302].

и Гарчиново расположены в 5 км друг от друга, а от Горско Абланово до Кубрата — 30 км и все это находится очень близко от крупного производственного центра фракийского племени гетов — Сборяново [Stoyanov, Mihaylova, 1996, p. 55—77]. Другая группа находок концентрируется восточнее, ближе к побережью Черного моря и происходит из района Варны, древнего Одессоса.

Четыре бронзовые матрицы с рельефными изображениями, служившие для тиснения деталей конской узды и датируемые IV — началом III в. до н. э., были найдены в 1930-х гг. также в Северо-Восточной Болгарии в районе с. Бозвельийско в районе Варны, [Минчев, 2004, с. 53—67, № 1—4, рис. 1—5]. В контексте нашей публикации особого внимания заслуживает матрица с изображением двух орлиноголовых грифонов, стоящих в антитетической позе [Минчев, 2004, с. 62—64, № 4, рис. 5]. Еще на двух матрицах представлены сцены схватки животных: собака, нападающая на кабана, и собака, нападающая на медведя. На круглой матрице представлен всадник с двумя копьями.

Существо, представленное на бронзовых рельефных матрицах из Кубрата (рис. 2, 2) [Ива-

Рис. 2. Бронзовые рельефные матрицы, найденные в Северо-Западной Болгарии: 1 — Горско Абланово. Тырговиште, музей, инв. № 3553; 2 — Кубрат. Разград, музей, инв. № 3719; 3 — Гарчиново. Шумен, музей, инв. № 23

нов, 1982, с. 33—35; Cat. Venice 1989, p. 181, no. 139; Agre, 1995, p. 290, fig. 1; Cat. Saint Louis, 1998, p. 36, fig. 2; Stoyanov, 2000, p. 90; 2010, p. 421—422, fig. 11; Маразов, 2013, с. 22, рис. 2] и Горско Абланово (рис. 2, 1) [Кръстева, 1983, с. 45—47; Cat. Venice, 1989, p. 181, no. 140; Stoyanov, 2000, p. 90; 2010, p. 421—422, fig. 12] имеет тело и нижние конечности коня, крылья птицы и человеческое лицо. Оно держит переброшенное через плечо тело волка или собаки. Это крылатое существо отождествляется исследователями с Аресом Кандаоном («удушителем волков») [Agre, 1995, p. 289—290; Маразов, 2013, с. 22]. Матрицы происходят с территории Северо-Восточной Болгарии, области, где жили геты — их датируют концом V — началом IV в. до н. э. [Иванов, 1982, с. 33—35; Agre, 1995, p. 290] или IV в. до н. э. [Кръстева, 1983, с. 45—47], или второй половиной IV в. до н. э. [Stoyanov, 2000, p. 90; 2010]. Особый интерес заслуживает тот факт, что ближайшая аналогия изображению имеется, как показала Д. Агре [Agre, 1995, p. 290], на электровых¹ бляшках

1. На самом деле, описание в каталоге Ханенко довольно противоречивое. «Бляхи из электрона (числом 3), литые, ажурная и позолоченная». Означенные бляхи были найдены при удилах и, вероятно, составляли украшение конской узды» [Древности ..., 1899, с. 34].

найденных у с. Прусы² [Древности ..., 1899, с. 34, табл. XX, 453; Agre, 1995, p. 291, fig. 2]. Вместе с тем, имеются и существенные отличия — на бляшках из Прусс, изображение не фронтальное, а профильное (вправо). Еще важнее то, что существо, изображенное бляшках из Прусс, имеет туловище не коня, а льва. Таким образом. Агре обозначает бляшки из Прусс как электровые.

На каждой из рассмотренных выше матриц имелось лишь одно изображение, а сами матрицы небольшого размера (4,8 × 5,0 и 7,4 × 5,7 см) служили, вероятно, для изготовления деталей конской узды. На их фоне выделяется матрица из Гарчиново — случайная находка 1919 г. на правом берегу р. Черны Лом (рис. 2, 3; [Fettich, 1934; Filow, 1934, S. 197—205]; см. библиографию: [Damyanov, 1998, p. 28—39; Treister, 2001, p. 161—167; Атанасов, 2005, с. 126—129]). Это бронзовая пластина с прямым основанием и слегка выпуклым верхним краем; левый край матрицы не вертикальный, а скошен слегка влево, справа у матрицы имеется ручка подтреугольной формы с округлым завершением. Матрица покрыта рельефными изображениями, расположенными тремя го-

2. Нынешнее местонахождение бляшек мне неизвестно — во всяком случае, они не были включены в своды Н.А. Онайко и В.Г. Петренко.

ризонально рядами. Центр матрицы занимают три крупных фигуры вправо (кошачий хищник, олень и хищная птица — два последних — с головой повернутой назад. Кроме того, в центральном поле изображения расположены головки хищных птиц. Верхний и нижние ряды заняты мелкими фигурами. Вдоль верхнего края матрицы это головки хищных птиц, между которыми расположена практически на спине центральной фигуры оленя — изображение стоящего кошачьего хищника, обращенного влево. Нижний фриз матрицы отделен от остальных изображений горизонтальным валиком. Между ним и полосой жемчужника, проходящей по нижнему краю матрицы представлены изображения идущих влево (три фигуры слева) и идущих или лежащих вправо (четыре фигуры справа) различных животных — среди них: кошачьи хищники, кабан, бык и олень. Пластина представляет собой массивное литье. Ее масса 2343 г; при толщине около 0,6 см она имеет максимальную длину 34,5 при высоте 10,5 см по краям и 12,0 см — в центральной части. Длина фризов 29,5 см. Высота рельефа изображений составляет от 0,4 до 1,3 см [Filov, 1934, S. 197—198].

Матрица датировалась различными исследователями по-разному: от VII—VI до начала IV в. до н. э., хотя большинство исследователей склонялось к датировке матрицы V в. до н. э. (см. обзор: [Treister, 2001, p. 161]). По-разному трактовалось и ее происхождение. Если вначале исследователи предполагали, что она была изготовлена в мастерской одного из греческих центров Западного или Северо-Западного Причерноморья, в частности Ольвии (в последнее время эту точку зрения разделяет также Дамианов [Damyanov, 1998, p. 35—37]), то в дальнейшем исследователи, отмечая несомненную связь матрицы со скифским звериным стилем, отмечая влияния ахеменидского и архаического греческого искусства, предполагали, что матрицы была инструмент фракийского или гетского торефта. При этом в работах последних десятилетий отмечалась несомненная связь изображений на матрице с образами на фракийско-гетских серебряных сосудах и шлемах (см. обзор: [Treister, 2001, p. 162—163]). Что касается назначения матрицы (см. обзор: [Treister, 2001, p. 164]), то ее считали инструментом для изготовления обкладок горитов или кубков типа Аджигол. Другие полагали, что рельефы матрицы могли использоваться и по отдельности, а некоторые исследователи выражали сомнения в том, что это была матрица. К последней точке зрения недавно присоединилась В. Инкова, отмечая: «данные о составе, технологии производства и прежде всего особенности ее конфигурации, формальные особенности рельефа, задней стороны и литника, а также физико-механическое состояние самой формы дают мне основания предположить, что

вероятнее всего, она никогда не использовалась как матрица, то есть как инструмент для декорирования металлических изделий путем пластической деформации» [Инкова, 2013, с. 46]. Нельзя не отметить, что существуют очевидные параллели между композицией матрицы и фракийско-гетских серебряных сосудов, а также шлемов, которые относят к изделиям так наз. мастерской Аджигола и датируют ок. 360—340 гг. до н. э. В то же время, это означает более или менее существенный разрыв между датировкой матрицы и указанных предметов. Далее, исследование технологии изготовления последних свидетельствуют о том, что они изготавливались в технике свободного репуссе, т. е. без применения матриц, а изображения прорабатывались чеканкой и гравировкой с лицевой стороны. Таким образом, хотя определенная связь матрицы, с одной стороны, сосудов и шлемов, с другой, и прослеживается, матрицу из Гарчиново можно рассматривать скорее, как одно из предыдущих звеньев в цепочки матриц, которые копировались, таким образом, передавая традиционные образы на протяжении длительного времени [Treister, 2001, p. 164—166]. О том, что матрица из Гарчиново могла существовать довольно долго, свидетельствует наблюдение В.В. Василева, о том что боковая ручка была приделана к ней позднее, в процессе использования [Vasilev, 1987, fig. 26]. Соответственно, можно прийти к выводу о том, что матрица, изготовленная в V в. до н. э. фракийским или гетским мастером под влиянием различных стилей, в частности скифского и иранского искусства, через несколько поколений после этого была использована в качестве источника заимствования образов и композиции (а не как инструмент торефта) для изготовления серебряных сосудов и шлемов так наз. фракийско-гетского стиля. С этой точки зрения ее можно было бы сравнить с гипсовыми слепками, преимущественно медальонов сосудов из драгоценных металлов, которые в эллинистическую эпоху и в первые века н. э. получили широкое распространение (от Северной Африки до Центральной Азии, выступая в качестве образцов, «Bildbücher» [Treister, 2001, p. 166—167; эта точка зрения была принята и другими исследователями, см., например, Инкова, 2013, с. 46].

Если внимательно посмотреть, то многое из того, что было написано мною более пятнадцати лет назад относительно матрицы из Гарчиново, может быть отнесено и к матрице, найденной в пойме р. Трубеж.

Интересно, что, как и в случае с рельефными матрицами, найденными на территории Северо-Восточной Болгарии, нам неизвестны украшения, которые могли бы быть изготовлены при помощи матрицы из поймы р. Трубеж. В этой связи отмечу, что скорее можно было бы ожидать, что матрица использовалась для тис-

нения отдельных бляшек, тем более что размеры квадратных полей с изображениями (2,6 × 2,6 см) вполне соответствуют размерам многих бляшек из скифских курганов, несмотря на то, что сверху и снизу все шесть квадратных полей с изображениями обрамлены полосами декора в виде плетенки¹ и волнистой линии (рис. 1, 1). Предполагаемое с наибольшей вероятностью назначение матрицы для изготовления пластин калафов, нежели украшения кубков или пластин горита [Бессонова и др., 2016, с. 192], на мой взгляд маловероятно, учитывая тот факт, что в каждой из трех групп изображений представлены индивидуальные образы, а не антитетические композиции одного и того же образа, обращенного, соответственно влево или вправо. В данном случае, я даже не буду говорить о том, что подобные композиции на дошедших до нас пластинах калафов просто не известны.

Далее. Из всех приведенных аналогий отдельным образам на матрице действительно очень близкими, пусть и не идентичными являются изображения крылатого кабана с львиным туловом (рис. 1, 3) на золотых пластинах калафов из Чертомлыка и Толстой Могилы, что совершенно справедливо отмечается авторами, указывающими на то, что с учетом редкой позы этого существа «можно полагать, что это тот же иконографический тип, что и на матрице» [Бессонова и др., 2016, с. 197].

Меня также убеждает сопоставление лица синкретического существа, изображенного слева в правой группе — сфинкса с лицом бородатого сатира или силена (рис. 1, 4). Авторы сопоставляют его далее с образами на монетах боспорской чеканки [Бессонова и др., 2016, с. 199—200]. Однако слабым местом в цепочке сопоставлений является то, что ничего особенно индивидуального в лице сатира (или силена) ни на матрице, ни на аверсе боспорских статеров нет. Такой тип лица, округлого с носом-картошкой вообще характерен для изображений этих персонажей в античном искусстве, в том числе и на профильных изображениях монетах, и на более ранних, чем пантикапейские². Мог ли этот образ быть заимствован из репертуара чеканки Боспорского царства — конечно мог, но не обязательно. Единственное, о чем он говорит — это о знакомстве резчика матрицы

(ее восковой модели) с античным искусством, впрочем, сомнений в этом и так не возникает. Не может быть, на мой взгляд, аргументом и то, что на реверсе рассматриваемых боспорских монет изображен львиноголовый грифон (при этом сами авторы указывают на другой тип крыла грифона, по сравнению с существом на матрице — так или это именно грифон, а не синкретический образ.

Сопоставление лица синкретического существа на матрице с эмблемой на серии боспорских монет Левкона I с самыми ранними подобными изображениями (379—369 гг. до н. э.)³ — по сути дела, важнейший аргумент в пользу боспорского происхождения матрицы (другие приводимые авторами аргументы, см. [Бессонова и др., 2016, с. 202], так или иначе, базируются на нем). Эти другие аргументы (сочетание элементов греческого, малоазийского и ахеменидского искусства, которое, по мнению авторов, могло произойти только на Боспоре) также не бесспорны.

В этой связи еще одно наблюдение. На оборотной стороне матрицы, найденной в пойме р. Трубеж, имеется негативное изображение (рис. 1, 2, 5), которое авторы публикации определяют как стилизованный львиный скаल्प и считают клеймом мастера [Бессонова и др., 2016, с. 190]. К сожалению, никакого анализа этого изображения в статье нет, есть лишь упоминание об использовании образов из боспорской чеканки V—IV вв. до н. э. и изображение монеты с эмблемой голова льва на лицевой стороне и голова барана в профиль на реверсе [Бессонова и др., 2016, с. 194, рис. 5, 1].

Я присоединюсь к предположению авторов публикации, о том, что изображение в технике инталии в углу оборотной стороны матрицы может быть клеймом мастера, изготовившего матрицу, которое он отиснул штампом на восковой модели. Ближайшая параллель имеется на одной из штампов конца VI — начала V в. до н. э., найденных в Восточной Лидии. На плоской втулке штампа для оттискивания изображений стоящей женской фигуры имеется негативное изображение стоящего орла, с крыльями, поднятыми вверх [Özgen, Öztürk, 1996, no. 195; p. 230; Treister, 2001, p. 62, figs. 7—9], на другом аналогичном штампе — изображение розетты [Özgen, Öztürk, 1996, no. 196; p. 230]. В таком случае, анализ «клейма мастера» должен иметь очень важное значение для атрибуции матрицы. Действительно изображение головы льва *en face* было в течение дли-

1. В качестве параллелей обрамления матрицы плетенкой авторы называют фриз на ножнах меча из Солохи [Бессонова и др., 2016, с. 190]. На мой взгляд, необходимо упомянуть и золотую пластину нагрудного украшения из так наз. Майкопского клада, датируемую серединой V в. до н. э. [Greifenhagen, 1970, S. 57, Taf. 30, 2; Platz-Horster, Nagler, 2007, 226, Abb. 9b].

2. См., в целом: LIMC VIII, 1997, p. 1127, nos. 171—176, s. v. Silenoi (E. Simon), например, серебряные литры Катаны ок. 420 г. до н. э.: LIMC VIII, 1997, p. 1127, no. 173, s. v. Silenoi (E. Simon).

3. Авторы приводят датировки по публикации [Анохин, 1986, № 91], вместе с тем в работе [Анохин, 2011, № 1001] эта же серия датирована 370—360 гг. до н. э.; Д.Б. Шелов [Шелов, 1956, № 29] относил указанную серию к 375—360 гг. до н. э., а А.А. Терещенко — к 378—372/1 гг. до н. э. [Терещенко, 2013, с. 111]. Датировки не выходят за пределы 380—360 гг. до н. э.

тельного времени эмблемой лицевой стороны пантикапейских монет на протяжении почти полутора веков, однако последняя серия монет с таким изображением датируется разными исследователями по-разному, но в целом в рамках 420—380 гг. до н. э.¹, в том числе 410—400 гг. до н. э. (Н.А. Фролова), 403—393 гг. до н. э. (В.А. Анохин). Так или иначе, окончание чеканки этой серии монет в настоящее время датируется или 393/2 или 389/8 гг. до н. э., т. е. временем смерти Сатира I и прихода к власти Левкона I [Терещенко, 2013, с. 105, Па-15, 109, табл. III, 1, 2]. Более того, стилистически сильно схематизированное изображение головы льва «клейма мастера» с вертикально стоящими прядями гривы на матрице можно сопоставить не с эмблемами на монетах времени Сатира I, на которых в деталях передана грива льва, а с более ранними изображениями на монетах конца VI — первой половины V в. до н. э. на которых грива льва передана подобным же схематическим образом в виде отдельно стоящих волосков или прядей. Таким образом, это сопоставление входит в хронологическое противоречие с разрабатываемыми авторами аналогиями на монетах Левкона I.

Итак, выдвинутая гипотеза о боспорском происхождении матрицы, как было показано выше, отнюдь не бесспорна. Тем не менее, происхождение матрицы из Северного Причерноморья вряд ли подлежит сомнению, также как и ее датировка в рамках первой половины IV в. до н. э. Все это подтверждает использование в этот период в Северном Причерноморье бронзовых матриц с рельефными изображениями.

В этой связи заслуживает внимание один предмет, получивший известность сравнительно недавно. Это сохранившаяся в трех фрагментах часть бронзовой пластины с рельефным изображением (рис. 3; см. вклейку), идентичным тому, что присутствует на золотой обкладке ножен меча из Куль-Обы [Алексеев, 2012, с. 178—179]. Будучи опубликована как обкладка римского ложа римского времени, найденная в г. Карлсруэ (район Грюнвинкель, где были обнаружены остатки римского поселения) на юго-западе Германии, в результате раскопок на месте переправы через Рейн [Knötzele, 2005, S. 20, Abb. 3], пластина была справедливо сопоставлена Ф. Мецом с обкладкой ножен меча из Куль-Обы и определена как часть бронзовой обкладки ножен меча и самой западной находкой предмета скифской материальной культуры [Мец, 2006. С. 43—45, рис. 1; Топал, 2014, с. 387; Topal et al., 2014, p. 43, 52, fig. 17, 15]. Между тем, в первой публикации была допущена досадная ошибка — рассматриваемый предмет происходит не из раскопок в Карлсруэ, а хранится в частной коллекции в Карлсруэ, при этом нынешний владелец коллекции, по-

жилой человек, унаследовал ее от своего дяди, который предположительно приобрел ее в антиквариате в Хайдельберге² [Wieland, 2013, S. 212—213]. А. Виланд, которой, в отличие от Ф. Меца и Д.А. Топала, построивших исторические реконструкции, основанные на ошибочных данных о находке бронзовой пластины, была известна приведенная выше информация, на мой взгляд, совершенно справедливо исключила возможность того, что в данном случае, речь идет обкладке ножен меча, но не золотой, а бронзовой [Wieland, 2013, S. 213]. Хотя А. Виланд не видела саму пластину, основываясь на описании своего мужа, сотрудника Охраны памятников Земли Баден-Вюртемберг, Г. Виланда, и фотографии, она отмечает, что пластина довольно массивная и не исключает того, что она могла бы быть матрицей, хотя, в конечном счете, склоняется к тому, что, скорее, это может быть гальваноконья, сделанная после 1840 г., оставляя вопрос открытым до полного исследования предмета. Это исследование А. Виланд не провела и пластину она в руках не держала, а Г. Виланд, который ее видел — наблюдал ее только с лицевой стороны, так как она плотно прикручена проволокой к планшету, обтянутому материей. Поскольку нынешний владелец пластины во время подготовки этой статьи был тяжело болен, и пластина была недоступна для изучения, могу высказать лишь следующие соображения. Я согласен с А. Виланд — пластина не может быть обкладкой ножен меча: судя по фотографии, она массивная и на ней нет отверстий. Мне трудно, с другой стороны, согласиться с предположением о том, что это гальваноконья XIX или начала XX в., учитывая степень сохранности (окисления отдельных фрагментов). Конечно, теоретически нельзя исключить, что пластина могла находиться в какой-то коллекции и быть разбитой во время Второй Мировой войны. Я имел возможность видеть пострадавшие в результате бомбежки и пожара предметы, хранившиеся в Римско-Германском музее Кельна. Они выглядят иначе — обгорели, некоторые оплавлены. Я полагаю, что предположение о том, что пластина в частном собрании в Карлсруэ является бронзовой матрицей, служившей для тиснения обкладок меча куль-обского типа, наиболее вероятно. Тот факт, что, как и матрица, найденная в пойме р. Трубеж, пластина «из Карлсруэ» выполнена с рельефными изображениями, является косвенным подтверждением данной гипотезы.

2. Автор выражает искреннюю признательность за информацию и оригинал фотографии предмета из частной коллекции в Карлсруэ, Г. Виланду, а также П. Кнетцеле за разрешение публикации фотографии.

1. <http://bosporan-kingdom.com/068-2082/>.

- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб, 2012. — 272 с.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. — К., 1986. — 223 с.
- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. — К., 2011. — 326 с.
- Атанасов Г. Инструменты за производство на ювелирни изделия от фонда на РИМ — Шумен // Тракия и околния свят. — Миф. — 2005. — Т. 9. — С. 123—137.
- Бессонова С.С., Зимовец Р.В., Скорый С.А. Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме р. Трубеж // АДЦУ. — 2016. — Вып. 2 (19). — С. 189—205.
- Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.И. Ханенко. — К., 1889. — Вып. II. — 44 с.
- Иванов Т. Тракийски бронзов релеф // Изкуство. — 1982. — № 3. — С. 33—35.
- Инкова В. Одинаковые и разные — три ритона с протомой оленя IV в. до н. э. // Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. — М., 2013. — С. 42—53.
- Кат. Москва 2013. Фракийское золото Болгарии. Ожившие легенды. — М., 2013. — 360 с.
- Кръстева М. Бронзова матрица от Г. Абланово, Търговищко // Изкуство. — 1983. — Т. 33, № 4. — С. 45—47.
- Маразов И. Царская идеология и искусство фракийцев // Фракийское золото Болгарии. Ожившие легенды. — М., 2013. — С. 22—31.
- Мец Ф. О недавней находке в Баден-Вюртемберге // Материалы Всероссийского археологического съезда. — Новосибирск, 2006. — Т. II: Современные проблемы археологии России. — С. 43—45.
- Минчев А. Приноси към тракийското златарство. I: Бронзови матрици, калъпи и наковалия от Варненския музей (края на VI—I в. пр. Хр) // Известия на Народния музей Варна. — 2004. — Т. XL (LV). — С. 53—90.
- Скорый С.А. Бронзовая античная матрица из Предгорного Крыма // Stratum plus. — 2013. — № 3. — С. 193—201.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
- Тереженко А.А. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. — 2013. — № 2. — С. 102—127.
- Топал Д.А. Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы междунар. науч. конф. пам. А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.). — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 380—406.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. — М., 1956. — 220 с.
- Agre D. On the Semantics of the Images of the Matrices Found in the Town of Kubrat and the Village of Gorsko Ablanovo, Targovishte District // Thracia. — 1995. — Vol. 11. — P. 289—298.
- Cat. Saint Louis. Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria. — New York, 1998. — 256 p.
- Cat. Venice. Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanita. — Milano, 1989. — 349 p.
- Damyantov M. The Matrix from Garchinovo: Problems of Origin and Dating // Archaeologia Bulgarica. — 1998. — Vol. 2. — P. 28—39.
- Fettich N. Der skythische Fund von Gartschinowo. — Budapest, 1934. — 59 S. (Archaeologia Hungarica. — T. XV).
- Filov B. Ein skythisches Bronzerelief aus Bulgarien // Eurasia septentrionalis antiqua. — 1934. — T. IX. — S. 197—205.
- Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. — Berlin, 1970. — Bd. 1: Fundgruppen. — 102 S.
- Knötzele P. Pater Rhenus und der Stein des Neptun. Spuren der Römer im Raum Karlsruhe // Archäologische Nachrichten aus Baden. — 2005. — Jg. 71. — S. 18—21.
- Özgen I., Öztürk J. Heritage Recovered. The Lydian Treasure. — Istanbul, 1996. — 247 p.
- Platz-Horster G., Nagler A. Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. — Berlin, 2007. — S. 220—227.
- Simon E. Silenoi // LIMC. — 1997. — T. VIII. — S. 1108—1133.
- Stoyanov T. Notes on the Toreutic Workshops: Production in Northeastern Thrace 4th—3rd centuries BC // Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu. — Bucharest, 2000. — P. 88—93.
- Stoyanov T. Sinope as Trading and Culture Agent in Thrace during the Classical and Early Hellenistic Periods // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. — 2010. — Vol. 16. — P. 405—428, 557—558.
- Stoyanov T., Mihaylova Z. Metal Working in the Getic city in «Sboryanovo» Locality near Ispereh, NE Bulgaria (Preliminary Report) // Ephemeris Napocensis. — 1996. — T. XVI. — P. 55—77.
- Topal D., Terna S., Popovici S. Akinakai de tip Soloha în contextual unei noi descoperiri de la Nistrul de Jos // Peuce. — 2014. — T. XII. — P. 9—67.
- Treister M. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. — Leiden; Köln; Boston, 2001. — 617 p. (Colloquia Pontica. — Vol. 8).
- Vasilev V.P. Bronzene Matrizen aus Moesien und Thrakien // Recherches sur la culture en Mésie et en Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.). — Sofia, 1987. — P. 177—183 (Известия на Археологическия Институт. — Т. XXXVII).
- Wieland A. Skythisches Gold in griechischem Stil. Untersuchungen zur nordpontischen Toreutik am Beispiel der Waffen- und Gefäßbeigaben des Solocha-Kurgans: Inaugural-Dissertation. — Bonn, 2013. — Bd. 1. — 480 S.

М.Ю. Трейстер

M. Yu. Treister

БРОНЗОВА МАТРИЦЯ, ЩО ЗНАЙДЕНА У ЗАПЛАВІ р. ТРУБЕЖ (про використання бронзових матриць з рельєфними зображеннями в Причорномор'ї у VI—IV ст. до н. е.)

A BRONZE MATRIX FOUND IN THE FLOODPLANE OF TRUBEZH RIVER (on the Use of Bronze Matrices with Relief Images in the Pontic Area in the 6th—4th Centuries BC)

У статті розглядається бронзова матриця з рельєфними зображеннями, що знайдена у 2015 р. у заплаві р. Трубеж. В цілому погоджуючись з авторами першої публікації відносно її датування в межах першої половини IV ст. до н. е., автор розглядає гіпотезу про її боспорське походження, що здається йому можливим, хоча й не очевидним.

Матриця розглядається в контексті відомої нам інформації про бронзові матриці з рельєфними зображеннями в Західному та Північному Причорномор'ї. До недавнього часу у Північному Причорномор'ї були відомі або бронзові штампи, або кам'яні матриці із різними зображеннями архаїчного чи класичного часу, але не бронзові матриці з рельєфними зображеннями, які, між іншим, в цей час отримали розповсюдження на території сучасної Північно-Східної Болгарії. Чимало спостережень, що зроблено відносно матриць з численними зображеннями із Гарчиново, можуть бути використані і для інтерпретації матриці, що знайдена в пойми р. Трубеж.

У зв'язку з тим, що тепер, після знахідки публікуємої матриці, можна говорити про використання в Північному Причорномор'ї у IV ст. до н. е. бронзових матриць з рельєфними зображеннями. До того ж, пропонується атрибуція, а також виправлена інформація про походження бронзової пластини «із Карлсруе», яка, можливо, є матрицею для обкладинок пихів мечей типу знайденої в кургані Куль-Оба.

Ключові слова: матриці, торевтика, Західне і Північне Причорномор'я, Скіфія, Фракія, Боспорське царство, клейма мастеров, обкладинка меча із Куль-Обы, бронзова пластина «із Карлсруе».

The article discusses a bronze matrix with relief images found in 2015 in the floodplain of Trubezh river and recently published. Agreeing in general with the authors of the first publication about its dating in the first half of the 4th century BC, the author examines the hypothesis of its possible Bosphoran origin, which seems to him to be non-obvious, though possible.

The matrix is discussed in the context of the known information about the bronze matrices with relief images in the West- and North Pontic area. While in the North Pontic area so far there were attested either bronze punches or stone matrices with negative designs of the Archaic and Classical period, but not bronze matrices with relief images, the latter became wide spread at that time in the territory of modern North-Eastern Bulgaria. Certain observations made for the matrix with various reliefs images from Garchinovo in Bulgaria, may be useful for the interpretation of the matrix, found in the floodplain of Trubezh river.

In connection with the now attested use in the North Pontic area in the 4th century BC of bronze matrices with relief designs an attribution (and corrected information about the origin) of the «Karlsruhe» bronze plate, which was probably originally used as a matrix for sword scabbard overlays of the type, found in the Kul-Oba Barrow-mound, is put forward.

Keywords: matrices, toreutics, North- and West Pontic area, Scythia, Thrace, the Bosphoran Kingdom, craftsmen stamps, sword scabbard overly from Kul-Oba, bronze plate in Karlsruhe.

Одержано 7.02.2017

Е.Е. Фиалко

СЕРИЯ ПОГРЕБЕНИЙ СКИФСКИХ ВОИТЕЛЬНИЦ В МОГИЛЬНИКЕ У с. ГЛИНОЕ (МОЛДОВА)

В статье рассматриваются погребальные комплексы амазонок из скифского могильника у с. Глиное (современная Молдова) — самой представительной серии погребений женщин с оружием на территории Северо-Западного Причерноморья. Отмечаются их общие черты и локальные особенности.

Ключевые слова: амазонки, могильник, погребальный обряд, Европейская Скифия, Северо-Западное Причерноморье.

Различные аспекты амазонской проблемы на территории Европейской Скифии неоднократно становились объектами нашего внимания. Предложенная работа продолжает серию статей, рассматривающих погребальные комплексы женщин с оружием отдельных регионов — степного и лесостепного Приднестровья [Фиалко, 1987; 1991; 2010а; 2010б; 2013; Фиалко, 2011, 2012 и др.], Подонья [Фиалко, 2015], Крыма [Фиалко, 2016] и посвящена обзору и анализу захоронений воительниц Дунай-Днестровского степного региона.

На территории Северо-Западного Причерноморья мне известна 61 могила скифских воительниц, открытых в 13 пунктах. В десяти из них открыто от одного до трех захоронений амазонок, и только в трех могильниках раскопаны группы: у с. Парканы — 5, у с. Николаевка — 7, у с. Глиное — 35 могил. Наиболее представительна и информативна серия из могильника у с. Глиное, именно она и стала предметом настоящего исследования.

После недавно вышедшего в свет полного монографического издания материалов курганного могильника у с. Глиное Слободзейского р-на Молдовы [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016] стало очевидно, что он уникален по объ-

ему раскопанных погребальных комплексов и сопоставим, пожалуй, лишь с могильником Мамай-Гора в Нижнем Приднестровье [Андрух, Тощев, 1999; 2004; 2009; Андрух, 2001], где на сегодняшний день открыто 371 скифское погребение¹, и раскопки его еще продолжаются.

Вопроса этнической принадлежности населения, оставившего курганы Тираспольщины, в том числе и могильника у с. Глиное, касались многие исследователи [Мелюкова, 1962, с. 164—165; Sulimirski, 1970, с. 140; Ольховский, 1991, с. 115; Полин, 1992, с. 45—50; Бруяко, 1995, с. 231—232; 2009, с. 362; Яровой и др., 1997а; 1997б; Редина, 2000, с. 29; Четвериков, 2002, с. 235—236; Дзиговский, 2003, с. 49—54; 2013, с. 609—610; Глебов, 2004; Симоненко, 2005, с. 257; 2009, с. 187 и др.], выдвигая различные гипотезы. В настоящее время, особенно после выхода серии публикаций материалов памятника [Синика, 2011; Тельнов и др., 2012, с. 11—13; Синика и др., 2014а, с. 95; Тельнов, Синика, 2014а; 2014б; 2014в; Синика, Тельнов, 2015, с. 189 и др.], скифская принадлежность этого некрополя, как и других синхронных могильников Нижнего Поднестровья III—II вв. до н. э., считается общепринятой [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016].

За 18 полевых сезонов Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь) раскопано 113 скифских курганов, в которых открыто 181 скифское погребение, в 115 из них (63,53 %) зафиксирова-

1. Выражаю искреннюю благодарность начальнику экспедиции к.и.н. Г.Н. Тощеву за исчерпывающую информацию о последних раскопках курганов в этом некрополе.

ны предметы воинского снаряжения [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2012, с. 7; 2016, с. 73]. В работе В.С. Сеники и А.Н. Алемши выделено девять погребений женщин с оружием из этого некрополя [Сеника, Алемша, 2000, с. 43], в монографическом издании авторы, к сожалению, погребения воительниц обошли вниманием.

После полной публикации материалов могильника безоговорочно можно говорить о 16 женских (к. 6 п. 2; к. 12 п. 1; к. 14 п. 2; к. 19 п. 1; к. 23 п. 1; к. 31 п. 1; к. 41 п. 1; к. 46 п. 3; к. 57 п. 1; к. 81 п. 2; к. 86 п. 1; к. 91 п. 1; к. 91 п. 2; к. 96 п. 2; к. 103 п. 1; к. 109 п. 1) и 4 детских девичьих (к. 12 п. 2; к. 33 п. 2; к. 35 п. 2; к. 68 п. 2) могилах с оружием. Кроме того, женщины с оружием зафиксированы еще в четырех парных погребениях (к. 9 п. 1; к. 13 п. 1; к. 67 п. 4; к. 113 п. 1). И еще 11 захоронений, определенных авторами как мужские, на мой

взгляд, правомерно отнести к выборке женских и вот почему. Как отметили авторы публикации, возрастные определения погребенных принадлежат доктору биологии С. Лукашик (г. Познань, Польша), в то время как «половая принадлежность определена авторами на основании сохранившегося погребального инвентаря» [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016, с. 80]. Именно поэтому большинство комплексов с оружием попали в число мужских. На основании присутствия в составе вещевого сопровождения бусинных браслетов и / или каменных плиток (помимо оружия) 11 из этих погребальных комплексов (к. 3 п. 1; к. 5 п. 1; к. 10 п. 1; к. 24 п. 1; к. 26 п. 1; к. 28 п. 1; к. 41 п. 2; к. 45 п. 1; к. 54 п. 3; к. 95 п. 1; к. 104 п. 1), в отличие от авторов, я рассматриваю как женские.

Таким образом, можно говорить о 27 женских и четырех детских одиночных захоронениях с

Таблица 1. Параметры насыпей курганов

Курган, №	Насыпь		Ров		Тризна, кости животных (к. ж.); фрагменты амфор (а.), сосуда (с.)
	высота	диаметр	диаметр / ширина / глубина	перемычка / ширина	
3	—	8	—	—	к. ж.; а.
5	—	7,5	9,1 / 0,5—0,65 / 0,8—0,9	В / 0,65	к. ж.; 1 а.
6	1,1	10,5	—	—	а.
9	—	11	—	—	—
10	—	9,5	—	—	к. ж.; а.
12	—	7,5	—	—	—
13	—	8	—	—	—
14	1,3	26	23,3 / 2,3—2,85 / 1,6—1,8	В / 4,55	к. ж.; а.
19	—	9,5	—	—	а., с.
23	—	9	—	—	а.
24	—	7	—	—	—
26	—	8	—	—	—
28	—	7,5	—	—	—
31	0,65	13,5	—	—	с.
33	—	13	—	—	—
35	—	10	—	—	—
41	—	8,5	10,9 / 0,45—1,0 / 0,75—0,9	З / 1,55; В / 1,45	а.
45	—	9	—	—	—
46	—	9	—	—	—
54	—	12	—	—	—
57	—	8	—	—	—
67	—	8,5	—	—	—
68	—	7,5	—	—	а.
81	—	9,5	—	—	а.
86	—	8	—	—	к. ж.; а.
91	—	8,5	—	—	—
95	—	9	—	—	а.
96	—	12,5	—	—	ножка а.
103	—	10,5	—	—	1 а.
104	—	9	—	—	—
109	—	8	—	—	1 а., кремень
113	—	9	—	—	—

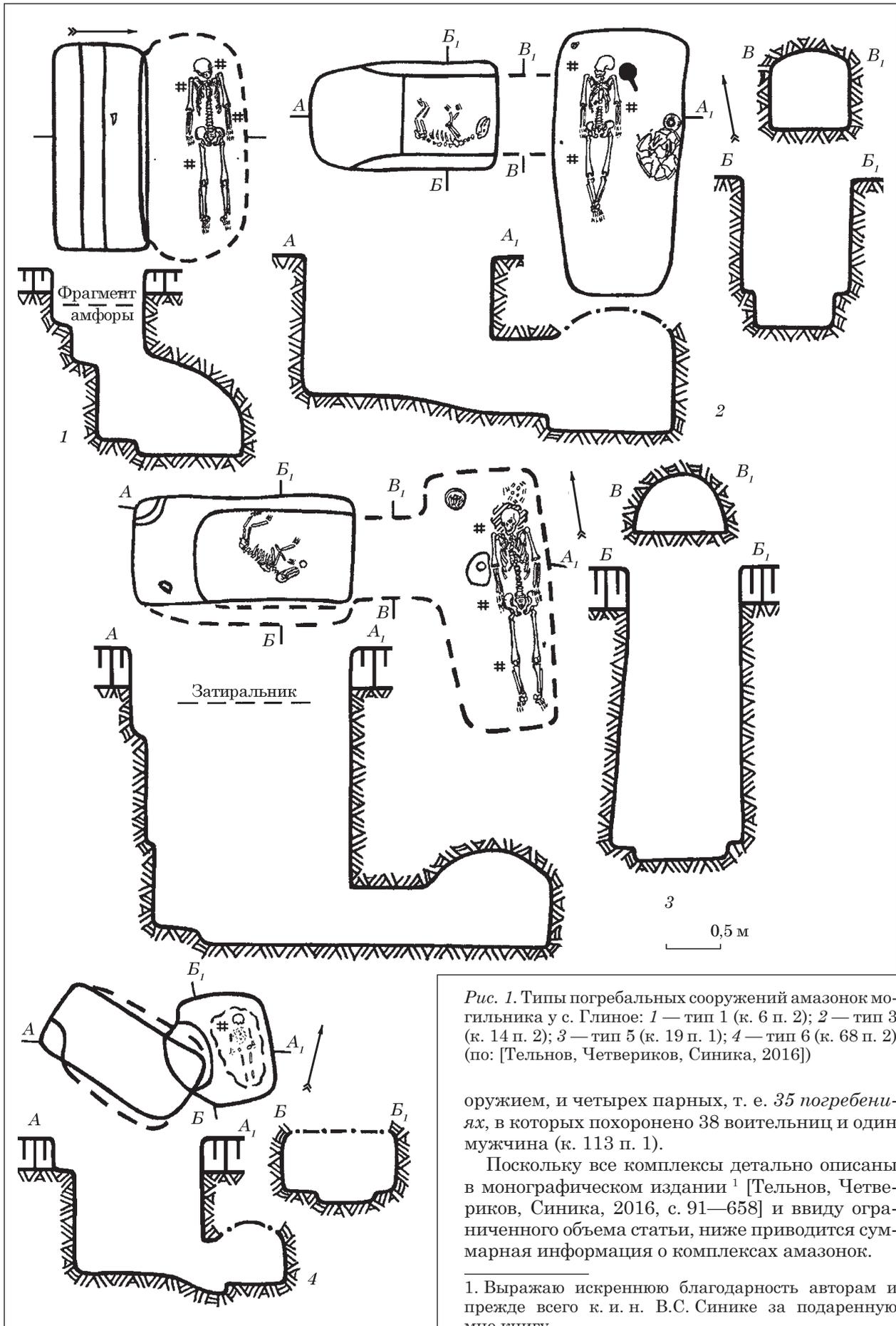

Рис. 1. Типы погребальных сооружений амазонок могильника у с. Глиное: 1 — тип 1 (к. 6 п. 2); 2 — тип 3 (к. 14 п. 2); 3 — тип 5 (к. 19 п. 1); 4 — тип 6 (к. 68 п. 2) (по: [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016])

оружием, и четырех парных, т. е. 35 погребениях, в которых похоронено 38 воительниц и один мужчина (к. 113 п. 1).

Поскольку все комплексы детально описаны в монографическом издании¹ [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016, с. 91—658] и ввиду ограниченного объема статьи, ниже приводится суммарная информация о комплексах амазонок.

1. Выражаю искреннюю благодарность авторам и прежде всего к. и. н. В.С. Сенике за подаренную мне книгу.

Все захоронения амазонок в могильнике *поджурганные*. При этом насыпи подверглись нещадной распашке и проявлялись на поверхности в виде светлых пятен диаметром от 7 до 13 м. Сохранилось лишь три насыпи относительно небольших размеров: к. 31 — высотой 0,65 при диаметре 13,5 м; к. 6 — высотой 1,1 м при диаметре 10,5 м; к. 14 — высотой 1,3 м при диаметре 26 м (табл. 1).

Следует отметить, что ни разу в этих курганах не отмечены следы каменных крепид. Рвы зафиксированы лишь в трех (из 32) курганах — 5, 14 и 41 — в первых двух отмечено по одной перемычке в восточной части, в последнем две — восточная и западная. В 16 случаях отмечены незначительные следы поминальной тризны в виде амфорного боя, фрагментов сосудов и костей животных главным образом на поджурганной поверхности и во всех трех рвах.

Решение вопроса о *последовательности сооружения могил амазонок* (как, впрочем, и других усопших) в курганах могильника у с. Глиное осложнено тем, что ввиду отсутствия насыпей их раскапывали, как правило, с одной центральной бровкой. Поэтому расположенные в центре погребения определены как основные, а остальные как впускные. С учетом данных планиграфии (а в некоторых случаях и антропологии) часть могил я рассматриваю не как впускные, а как боковые, т. е. одновременные с основными могилами. Безоговорочно преобладают основные в курганах погребения воительниц — 24 (причем 16 из них единственные в курганах), одновременных им боковых 9 могил и 2 впускные (табл. 2).

Все *погребальные сооружения* представлены камерными несколькими типами: преобладают катакомбы третьего (24) и пятого (8) типов по классификации В.С. Ольховского [Ольховский, 1991, с. 26—28] — соответственно, когда длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы или находится под углом к ней (рис. 1, 2, 3). Одно погребение (к. 68 п. 2) представляет шестой тип — когда камера примыкает к углу входной ямы (рис. 1, 4), и еще одно (к. 6 п. 2) — первый тип подбойного бездромосного сооружения (рис. 1, 1). Могилы однокамерные за исключением двух: к. 3 п. 1 — комбинированная с двумя камерами 1-го (для коня) и 3-го (для хозяйки) типов (рис. 2, 1), и к. 57 п. 1 — 3 типа с двумя камерами — Западной для амазонки и Восточной для мужчины и женщины (рис. 2, 2). Простых грунтовых ям, в отличие от других регионов, среди них нет вовсе. Отсутствуют здесь и какие-либо каменные конструкции в отличие, к примеру, от крымских могил.

В *конструкции погребальных сооружений* можно выделить несколько особенностей.

1. Угловой принцип расположения ступеней во входных ямах — от одной до четырех отмечен в 34 случаях (рис. 1, 3, 4; 2, 1; 3, 1), еще в

одном (к. 5 п. 1) угловая ступенька сочетается с продольной. Исключение составляют лишь две могилы — к. 6 п. 2, где устроена одна продольная ступенька и к. 14 п. 2 без ступеней. Сerpантинная схема устройства спуска не характерна как для скифских могил этого региона более раннего времени [Синика, 2007а, с. 16], так и для скифских могил в целом. Аналогии известны в синхронных курганах Тираспольщины, в том числе погребении воительницы в к. 289 у с. Чобручи [Мелюкова, 1962, с. 130]. Надо думать, что отмеченный конструктивный элемент присущ именно этому могильнику.

2. Продольная выемка в дне входной ямы прослежена в 27 случаях (рис. 1, 2—3). Этот элемент, как и образованные в результате его сооружения уступы вдоль стен, расценивается авторами раскопок как технологический [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 701]. Среди скифских памятников подобная конструкция углубленных входов не известна.

3. Отсутствие закладов входов в дромос или камеру. Среди могил воительниц отмечено лишь два случая: в к. 3 п. 1 вход в дромос закрывала сырцовая кладка, со стороны входной ямы покрытая ангобом (рис. 2, 1); в к. 45 п. 1 заклад состоял из пяти горизонтально уложенных бревен (рис. 3, 2). Если бревенчатые заклады более характерны для Восточноевропейской лесостепи, то сырцовые вообще крайне редки для комплексов Северного Причерноморья — их известно не более 30 [Ольховский, 1991, с. 30; Гребенников, 1980, с. 152], при большой вариативности закладов степных памятников (камень, деревянные щиты, брусья, грунт, циновки и проч., и их комбинации) [Ольховский, 1991, с. 31]. Заклады рассматриваются как способ защиты подземных помещений от попадания грунта при засыпке входных ям [Ольховский, 1991, с. 30; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 702]. Не исключая утилитарного назначения этого элемента, вполне возможно, что глухой сырцовый заклад мог выступать вариантом ритуала обезвреживания опасного покойника.

К числу особенностей погребальных сооружений амазонок, как и иных в могильнике, относится *дизайн внутреннего пространства*. И, прежде всего, речь идет о заглаживании поверхности стен и сводов помещений. Этот прием оформления поверхностей отмечен в 34 могилах воительниц, в 20 из которых заглажены стены входных ям, в 10 — поверхности входных ям и камер, в двух — только камер, еще в двух — стены и своды всех помещений, включая дромос. Такой прием не характерен для скифских памятников иных территорий. В Приднепровье, к примеру, напротив, на стенах и сводах многих могил отчетливо видны следы копательных орудий. Другой оригинальной художественной манерой является украшение внутренних поверхностей врезным орна-

ментом. В 10 случаях устье дромоса украшал контурный рисунок в виде одинарной (к. 28 п. 1; к. 31 п. 1; к. 46 п. 3; к. 104 п. 1; к. 113 п. 1), двойной (к. 86 п. 1) или тройной дуги (к. 26 п. 1; к. 91 п. 2), и более сложный — в виде дуги с треугольником сверху (к. 54 п. 3) или парой сегментов (к. 33 п. 2) (рис. 4, 1—4). Аналогичный декор не известен в других скифских некрополях. Считается, что эти рисунки несли двойную нагрузку: с одной стороны, выступали как сакральный знак, маркирующий переход в иной мир; с другой — как имитация полога, закрывавшего вход в жилище [Тельнов, Четве-

риков, Синика, 2016, с. 707—712]. Кроме того, свод и стены камеры и дромоса украшал врезной орнамент из пересекающихся вертикальных и горизонтальных полос, имитирующий каркасную конструкцию жилища. Так орнаментировано 10 камер воительниц (к. 3 п. 1; к. 23 п. 1; к. 24 п. 1; к. 26 п. 1; к. 31 п. 1; к. 54 п. 3; к. 57 п. 1; к. 86 п. 1; к. 91 п. 2; к. 95 п. 1) из 30 в могильнике. Различаются два варианта оформления свода — в виде округлой (7) или треугольной (3) арки (рис. 4, 5—6), что отвечает двум типам жилищ, соответственно, типу кибитки или постройки с двускатной крышей

Таблица 2. Погребальные сооружения

К./п.	Тип катакомбы	Входная яма			Дромос		Камера		
		Размер	Глубина	Ориентация	Высота	Размер	Размер	Глубина	Ориентация
3/1о	к-3+1	2,1 × 1	2,8	З—В	— 0,85	— 0,6 × 0,7	1,9 × 0,8 2,4 × 1,25	2,6 2,7	З—В С—Ю
5/1о	к-5	1,9 × 1,1	2,45	З—В	0,75	0,95 × 0,6	2,3 × 1,5	2,65	ССЗ—ЮЮВ
6/2в	к-1	1,9 × 0,85	2,95	З—В	—	—	2,1 × 0,95	3,1	З—В
9/1о	к-3	2,0 × 1,2 2,0 × 1,1	2,5 2,7	З—В ССВ—ЮЮЗ	0,95 1,05	0,7 × 1,05 1,4 × 1,1	2,85 × 1,7	2,5	С—Ю
10/1о	к-3	2,4 × 2,0	4,0	З—В	1,25	0,7 × 1,3—1,5	2,7 × 1,85	4,0	С—Ю
12/1о	к-3	2,0 × 1,15	3,1	З—В	0,65	0,75 × 0,7	1,95 × 1,4	3,15	С—Ю
12/26	к-3	1,4 × 0,7—0,9	2,45	З—В	0,55	0,15 × 0,55—0,65	1,35 × 0,85	2,35	С—Ю
13/1о	к-3	2,1 × 1,0	3,0	З—В	0,9	0,6 × 0,8	2,25 × 1,5	3,0	С—Ю
14/26	к-3	1,7 × 1,0	3,25	ЗСЗ—ВЮВ	0,7	0,5 × 0,7	2,45 × 0,8—1,15	3,45	ССВ—ЮЮЗ
19/16	к-5	2,0 × 1,2	3,25	ЗСЗ—ВЮВ	0,55	0,8 × 0,85	2,45 × 1,0	3,25	С—Ю
23/1о	к-3	2,05 × 1,3	3,4	З—В	0,6	0,5 × 0,8—0,9	2,4 × 1,2	3,4	С—Ю
24/1о	к-5	2,0 × 1,15	2,75	ЗЮЗ—ВСВ	0,65	0,5 × 0,75	2,4 × 1,3	2,75	ССЗ—ЮЮВ
26/1о	к-3	2,1 × 1,2—1,4	3,15	З—В	0,7	0,7 × 0,75—0,95	2,6 × 1,55	3,3	С—Ю
28/1о	к-5	2,4 × 1,25	3,2	З—В	0,8	0,7 × 1,0	2,75 × 1,25	3,3	ССЗ—ЮЮВ
31/1о	к-3	2,8 × 2,3	5,5	З—В	1,8	1,8 × 1,6	2,4 × 2,5	5,5	С—Ю
33/26	к-3	2,25 × 1,4	3,5	ЗЮЗ—ВСВ	1,45	1,4 × 1,15—1,7	2,3 × 1,5	3,5	ССЗ—ЮЮВ
35/26	к-5	1,55 × 0,9	1,8	З—В	0,55	0,6 × 0,55	1,6 × 0,8	1,8	СЗ—ЮВ
41/1о	к-3	1,95 × 1,2	2,2	З—В	0,7	0,7 × 0,6	2,1 × 1—1,25	2,3	С—Ю
41/26	к-3	2,2 × 1,2	3,45	ЗЮЗ—ВСВ	0,7	0,6 × 0,6—0,8	2,1 × 0,8—1,1	3,55	ССЗ—ЮЮВ
45/1о	к-3	3,3 × 1,6	3,2	З—В	1,8	0,9 × 1,5	2,7 × 1,65	3,2	С—Ю
46/3о	к-3	2,55 × 1,6	3,05	ЗЮЗ—ВСВ	0,7	1,0 × 1,2	2,3 × 1,25	3,1	ССЗ—ЮЮВ
54/3о	к-3	2,6 × 1,7	3,95	ЗЮЗ—ВСВ	1,5	1,3 × 1,6	3,0 × 1,7	4,0	ССЗ—ЮЮВ
57/1о	к-3	2,2 × 1,5	3,05	З—В	0,7	1,0 × 1,0	2,5 × 1,4	3,0	С—Ю
67/46	к-5	2,0 × 0,8	3,1	ЗЮЗ—ВСВ	1,0	1,0 × 0,6—1,0	2,25 × 1,4	3,2	ССЗ—ЮЮВ
68/26	к-6	1,45 × 0,9	1,9	ЗСЗ—ВЮВ	—	—	1,0 × 0,8	1,85	ССЗ—ЮЮВ
81/2о	к-5	2,0 × 0,85—1,05	2,55	З—В	?	0,45 × 0,6	1,95 × 1,7	2,55	ССЗ—ЮЮВ
86/1о	к-3	1,9 × 1,0	2,7	ЗЮЗ—ВСВ	0,6	0,8 × 0,6—0,7	2,2 × 1,3	2,7	ССЗ—ЮЮВ
91/1о	к-3	2,0 × 0,8—1,05	2,5	ЗСЗ—ВЮВ	0,6	0,4 × 0,6—0,75	2,15 × 1,2	2,7	ССВ—ЮЮЗ
91/26	к-3	1,8 × 1,3	2,9	ЗСЗ—ВЮВ	0,6	0,9 × 0,6	2,1 × 1,25	3,05	ССВ—ЮЮЗ
95/1о	к-3	2,0 × 1,2	3,3	З—В	0,8	0,6 × 0,7	2,1 × 1,45	3,35	С—Ю
96/2в	к-3	1,7 × 1,0	2,45	ЗЮЗ—ВСВ	0,6	0,7 × 0,65	2,0 × 0,95	2,55	ССЗ—ЮЮВ
103/1о	к-5	2,25 × 1,35	2,95	З—В	0,85	1,05 × 0,8	2,6 × 1,1—1,55	3,0	ССЗ—ЮЮВ
104/1о	к-3	2,05 × 1,0	2,95	ЗЮЗ—ВСВ	0,7	0,8 × 0,6—0,7	2,2 × 1,3	2,95	ССЗ—ЮЮВ
109/1о	к-3	2,2 × 1,5	2,5	СЗ—ЮВ	0,75	0,7 × 0,9	2,3 × 1,35	2,55	СВ—ЮЗ
113/1о	к-3	1,9 × 1,05	2,7	З—В	0,7	0,8 × 0,85—1,2	2,5 × 1,3	2,75	С—Ю

Здесь и в табл. 3: о — основное, в — впускное, б — боковое. * Катакомба 81/2о ограблена.

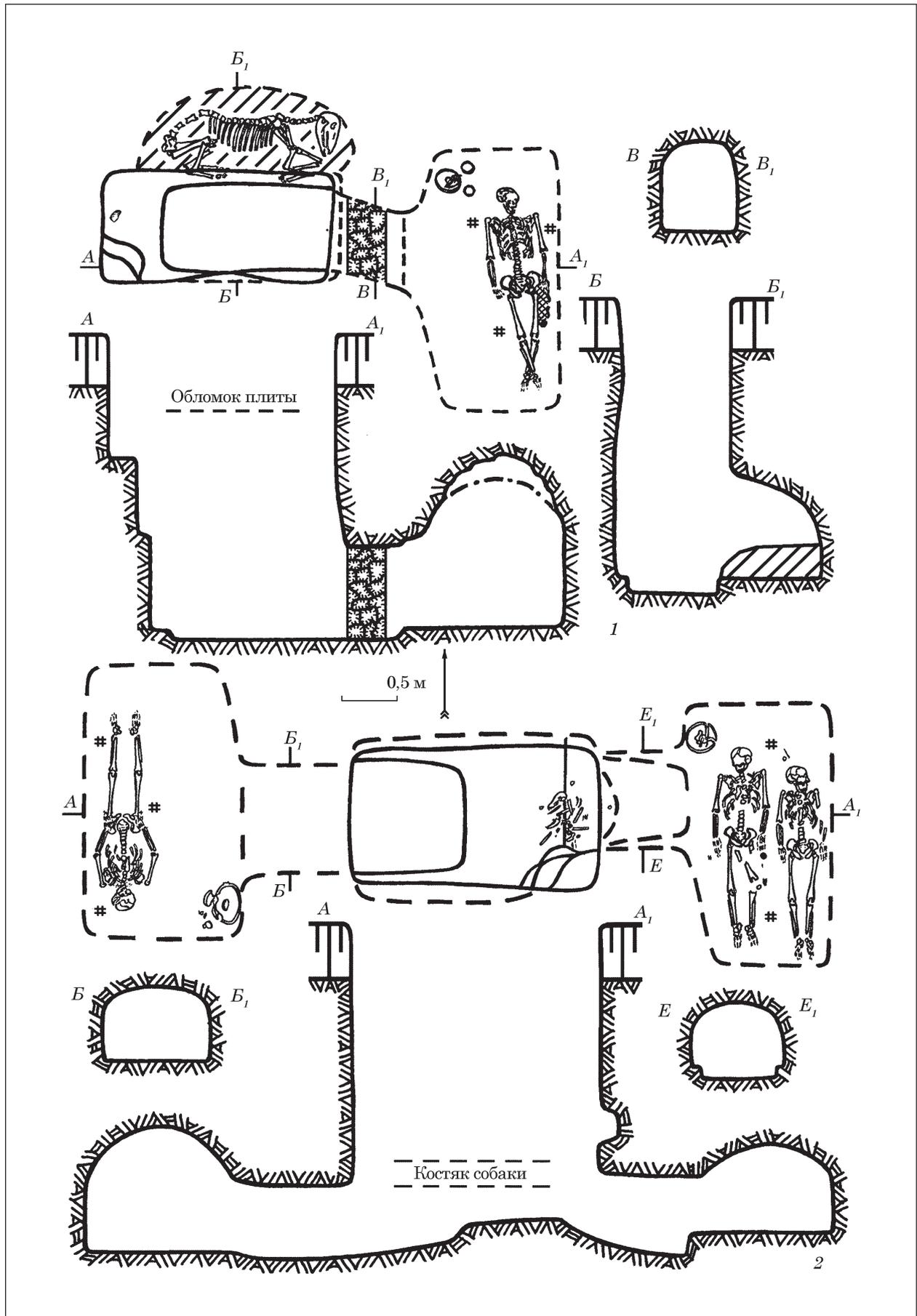

Рис. 2. Двухкамерные могилы: 1 — к. 3 п. 1; 2 — к. 57 п. 1 (по: [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016])

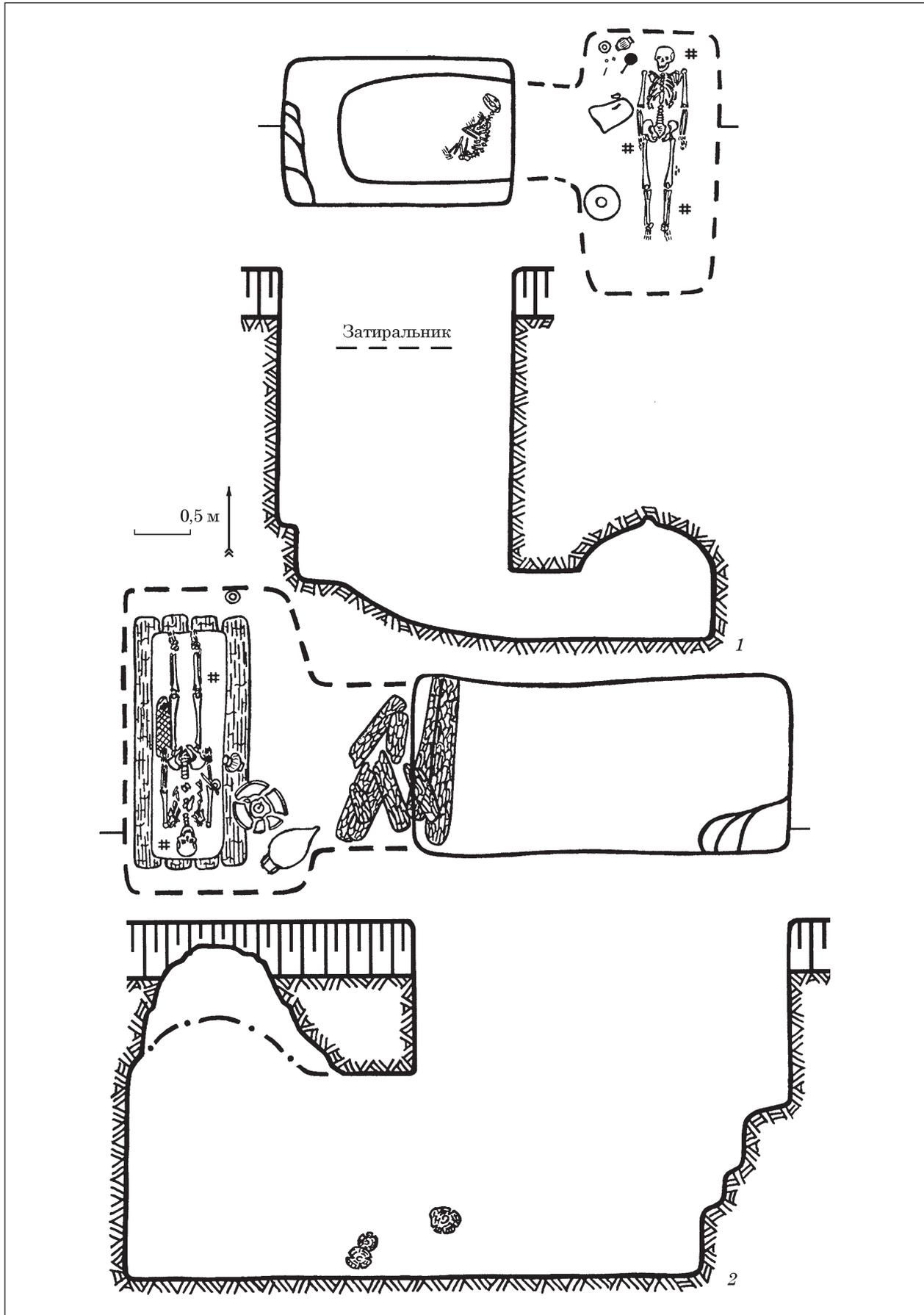

Рис. 3. Конструктивные детали погребальных сооружений: 1 — угловые ступени входной ямы — к. 23 п. 1; 2 — бревенчатый заклад входа в камеру — к. 45 п. 1 (по: [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016])

[Синика, Тельнов, 2014], использовавшимся скифами Нижнего Днестра с конца IV до начала II в. до н. э. [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 712—723]. В других регионах такой декор могил не известен.

Говоря об организации пространства камер, отмечу так же небольшие ниши в стенках на уровне или выше пола. Они устроены в шести могилах: в трех из них (к. 12 п. 1; к. 13 п. 1; к. 67 п. 4) на сводах и стенках остались следы копоти от горящих светильников; две исполняли роль хозяйственных, где лежала напутственная мясная пища (к. 24 п. 1) и сосуды (к. 33 п. 2); еще одна (к. 9 п. 1) оказалась пустой. В то время как примеры использования ниш для размещения заупокойной пищи и напитков в памятниках Северного Причерноморья V — первой четверти III в. до н. э. хорошо известны [Мелюкова, 1962, с. 126; Бидзиля и др., 1977, с. 91; Андрух, Тоцев, 1999, с. 155; Андрух, 2001, с. 32, 98, 136, 138; Гудкова и др., 1985, с. 101; Mateevici, 2007, cat. 164; Кац, 2007, с. 430; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 702—703], размещение осветительных приборов в них относится к числу необычных.

Следует отметить, что из 35 погребений воительниц лишь одно подверглось *частичному ограблению*. Такая степень сохранности археологического источника уникальна для скифских древностей и дает максимально полную картину погребального обряда и материально-но со-провождения.

Все захоронения совершены по *обряду ингу-мации* — вытянуто на спине [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 7—8]. Руки, как правило, вытянуты вдоль тела (22) либо кисти одной или обеих рук лежат на тазовых костях (14). Ноги вытянуты, за исключением четырех случаев, когда согнутые в коленях ноги развернуты вправо (2) или влево (2), и пяти случаев, когда ноги перекрещены в щиколотках или голенях. Такое положение ног не характерно для скифских амазонок, как и для скифского погребального обряда в целом. Несколько подобных случаев отмечено в Скелянском могильнике в Нижнем Поднепровье [Попандупуло, 2011, с. 15, 17]. Не исключено, что подобные признаки могут выступать маркерами некоей субэтнической группы населения [Фиалко, 2013, с. 217]. Особенной выглядит ориентация

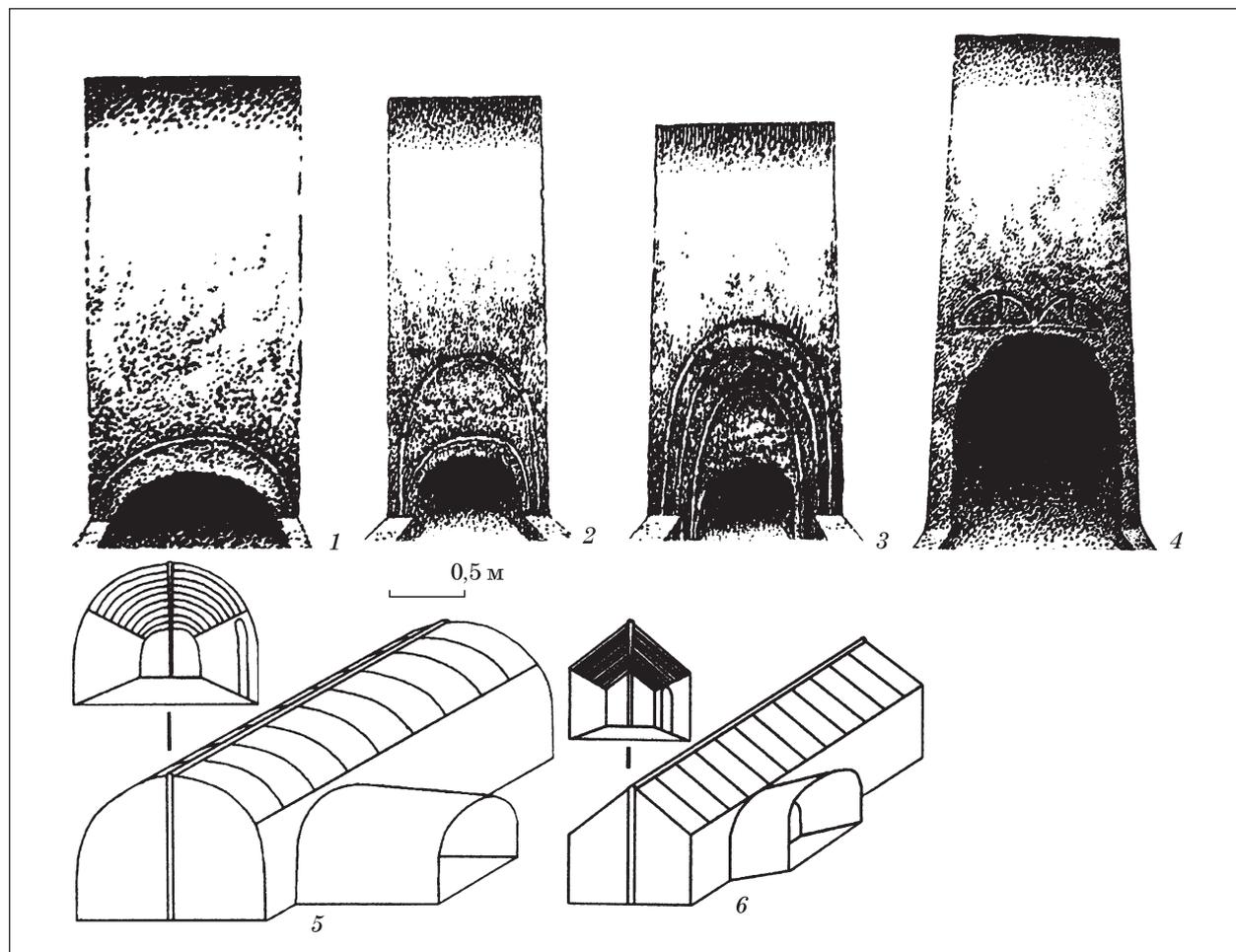
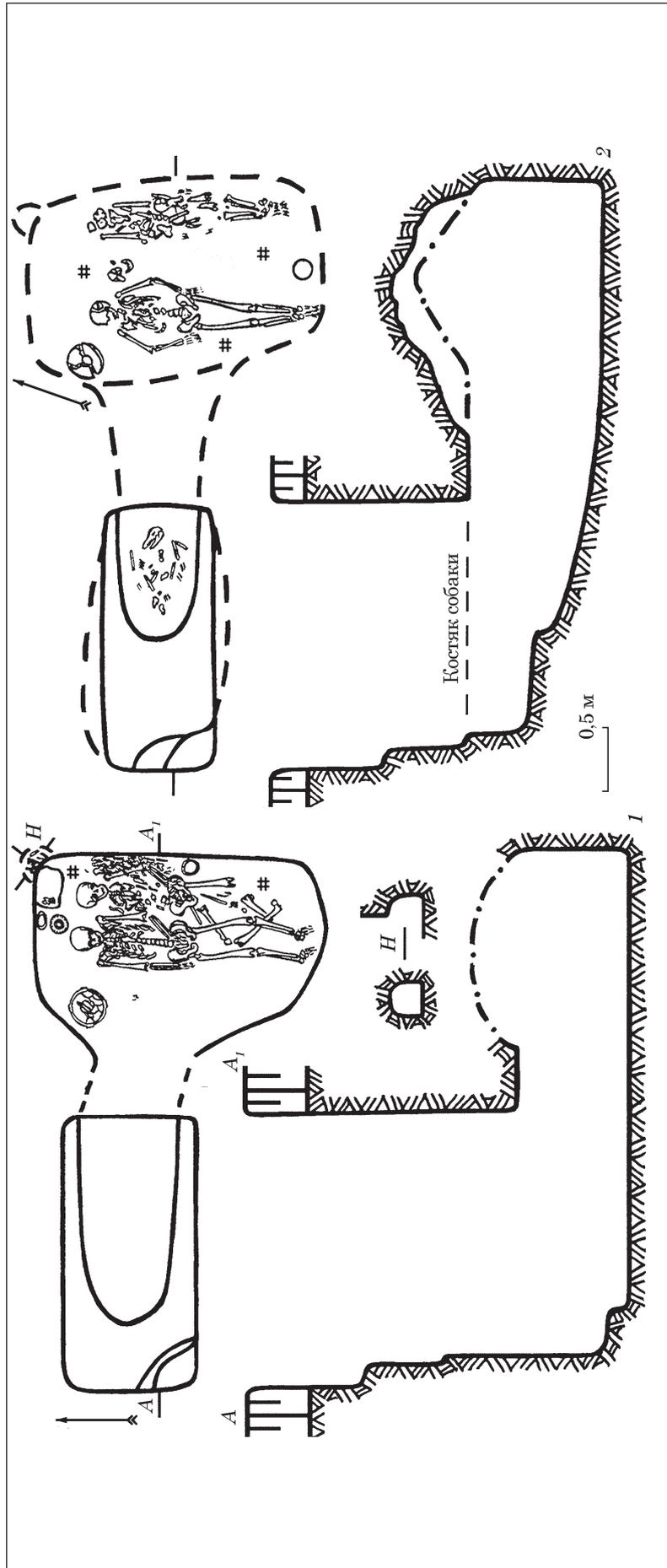

Рис. 4. Дизайн внутреннего пространства погребальных сооружений: врезной орнамент над устьем дромоса (1—4) и варианты реконструкции погребальных камер (5, 6): 1 — к. 46 п. 3; 2 — к. 86 п. 1; 3, 6 — к. 91 п. 2; 4 — к. 33 п. 2; 5 — к. 24 п. 1 (по: [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016])

амазонок, как и иных погребенных в могильнике, поскольку преобладает северная с отклонениями (С — 10 случаев, СЗ — 1; ССЗ — 14; СВ — 1; ССВ — 5). Остальные направления представлены незначительно: З — 1 случай, Ю — 4, ЮЮВ — 3. Как отмечалось ранее, для захоронений скифских амазонок характерна широтная (с преобладанием западной) ориентация, хотя известны и иные варианты [Фиалко, 1991, с. 11; 2013, с. 216]. Такие кардинальные перемены рассматриваются как свидетельства трансформации скифского погребального обряда III—II вв. до н. э. [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 772].

Ввиду хорошей сохранности органических материалов можно отметить и особенности *обустройства погребального ложа*. Если настилы из деревянных плах, хорошо известные в скифских могилах на других территориях, найдены только дважды, то подстилки из органических материалов отмечены в 32 могилах амазонок: 16 растительных, 11 из шкур животных и 5 войлочных, причем в пяти могилах лежали двухслойные из различных материалов [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 762—765]. Из единичных находок можно отметить материковое ложе, покрытое войлоком (к. 10 п. 1), одну глиняную (к. 19 п. 1) и три (к. 12 п. 2; к. 86 п. 1; к. 91 п. 1) растительных подушки.

Как отмечалось в начале обзора, в рассматриваемой серии только четыре парные могилы, причем как будто все они не единовременны. Три из них (к. 13 п. 1; к. 67 п. 4; к. 113 п. 1), исходя из состава сопутствующего инвентаря, содержали пары женщин (рис. 5, 1—3) и одно (к. 9 п. 1) — мужчину и женщину (рис. 5, 4). Судя по тому, что в двух могилах при перемещении анатомический порядок тела первичного погребенного был нарушен, интервал между первичным и вторичным захоронениями был довольно значительным. Последовательные захоронения амазонок в одной могиле не практиковались в Скифии. Один такой случай отмечен в Скелянском могильнике — в погребении 13 для захоронения воительницы с грудным ребенком

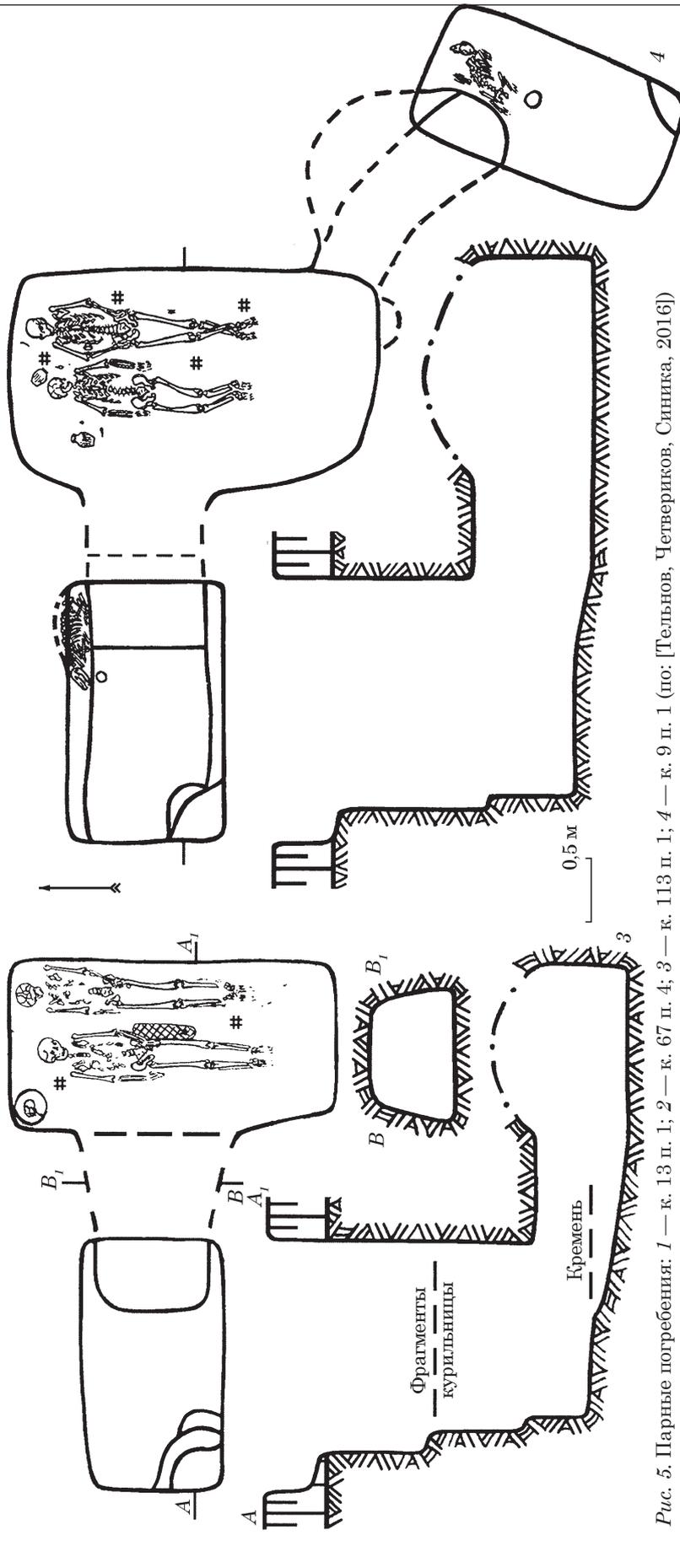

Рис. 5. Парные погребения: 1 — к. 13 п. 1; 2 — к. 67 п. 4; 3 — к. 113 п. 1; 4 — к. 9 п. 1 (по: [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016])

тело мужчины сдвинули и кости его скелета в беспорядке лежали под стенкой [Фіалко, 2013, с. 214].

В числе оригинальных черт обряда нужно назвать *сопровождение* амазонок в потусторонний мир *животными*. В двух могилах находилось по одной взнузданной лошади — в к. 3 п. 1 анатомически целый костяк лежал на материковой подсыпке в специальной камере (рис. 2, 1); в к. 5 п. 1 череп и ноги, вероятно, чучела животного (рис. 6, 1). В массиве скифских древностей известно только одно погребение в лесостепном регионе (к. 35 у с. Бобринца), где в ногах вооруженной женщины лежал конь без каких-либо признаков амуниции [Бобринской, 1901, с. 113—114]. Кроме того, в 15 могилах (к. 5 п. 1; к. 9 п. 1 две; к. 13 п. 1; к. 14 п. 2; к. 19 п. 1; к. 23 п. 1; к. 41 п. 2; к. 57 п. 1; к. 67 п. 4; к. 86 п. 1; к. 91 п. 1 и п. 2; к. 96 п. 2; к. 109 п. 1) лежали *собаки* (рис. 1, 2—3; 2, 2; 3, 1; 5, 2, 4; 6, 10) преимущественно во входных ямах и в одной (к. 13 п. 1) — в специальной нише в камере лежала *кошка* (рис. 5, 1). Если захоронения собак крайне редко встречаются в памятниках Северного Причерноморья [Ольховский, 1991, с. 75, 118 и др.], то случай захоронения кошки уникален для скифских древностей [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 732—736]. В заупокойном эскорте амазонок эти животные встречаются впервые.

Своеобразие рассматриваемой группы воительниц выразилось и в их *возрастной принадлежности* — это главным образом молодые женщины 20—35 лет (20 индивидов), еще шестеро погребены в возрасте 13—20 лет, четверо детей — в возрасте от 4—5 до 8—9 лет. И только две женщины в возрасте 35—50 лет (табл. 3). В шести случаях определения возраста усощших отсутствуют. Такие, в общем, узкие возрастные рамки воительниц наводят на мысль о том, что в среде скифского населения, оставившего этот могиль-

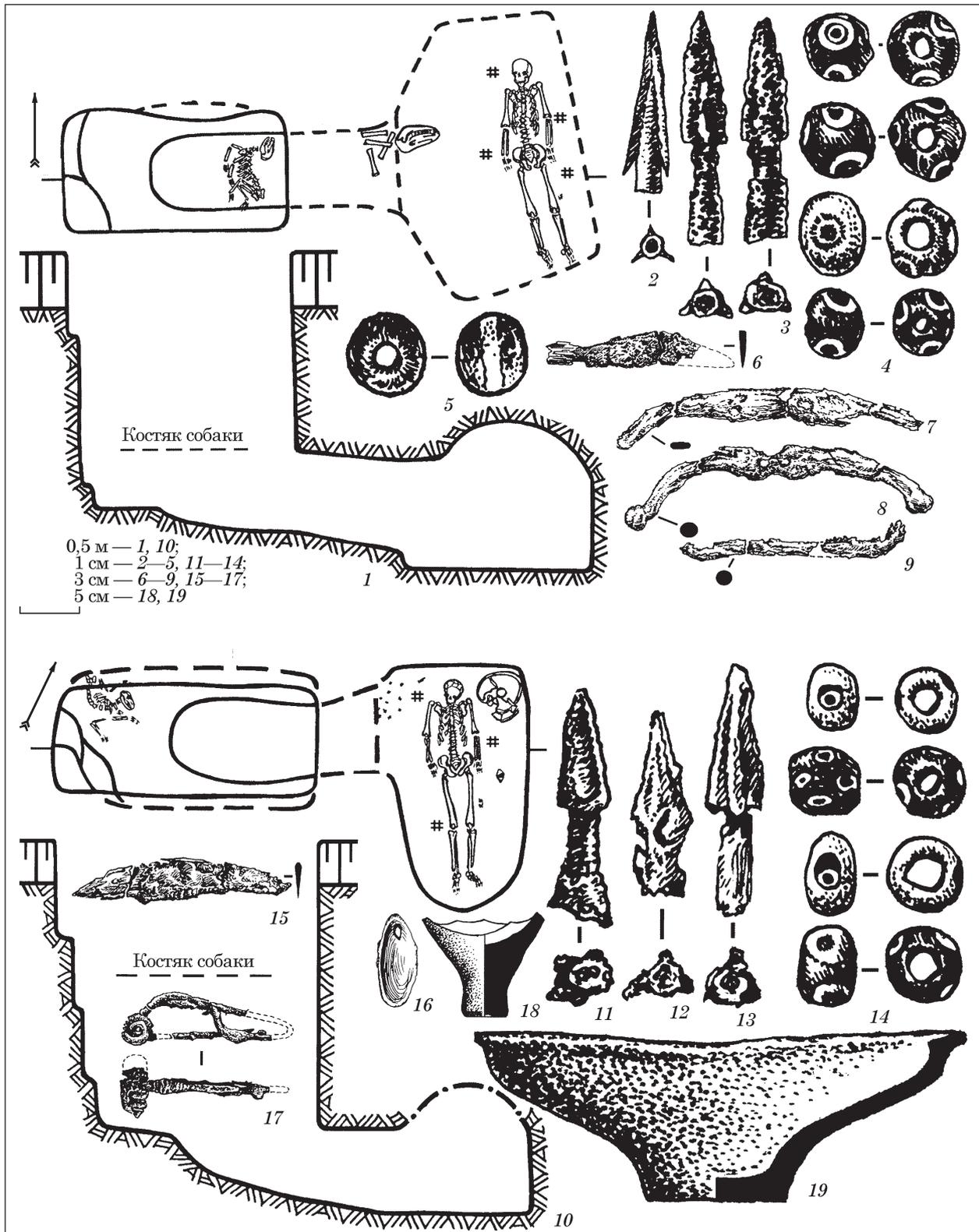

Рис. 6. Погребальные комплексы амазонок в сопровождении животных: 1—9 — к. 5 п. 1 с чучелом коня и собакой; 10—19 — к. 41 п. 2 с собакой (по: [Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016])

ник, существовали отряды профессиональных воинов, в которые набирали и молодых женщин.

Вещевые наборы в большинстве случаев довольно скромные. Определяющим в них является сочетание оружия и характерных вещей-маркеров женских наборов (украшений,

зеркала, веретена, каменной плитки). Категории сопроводительного инвентаря и их количество приведены в табл. 3, поэтому отмечу ключевые моменты.

Стрелы с металлическими наконечниками — наиболее распространенный вид стрел-

Таблиця 3. Погребальний інвентарь

К.п.	Возраст	Ориентация	Оружие		Украшения			Золото / серебро	Посуда: амфора / миска / чашка / курильница / светильник / кувшин / дно-поддон	Мясо / нож	Другие находы
			Стрелы / колчан	Топор / копьё	Бусы / раковины / перстень / серги	Браслеты: бусинный / металлический					
3/10	—	ССЗ	25/+	—	1/-/-/-	1—5 бус. + 1—5 бус. / -	- / +	- / 1 / 1 / - / - / - / 1	+ / 1	Плитка каменная (к.), узла железная (ж.), фибула серебряная (с.), подстилка	
5/10	16—20	ССЗ	9/-	—	- / - / - / 1	1—6 бус. + 1—5 бус. / -	—	—	—	Узда ж., нож ж., подстилка	
6/2в	20—35	З	1/-	—	185 / - / 1 / 2	1—1 бус. + 1—1 бус. / -	- / +	фр. / - / - / - / - / - / - / -	—	Подстилка	
9/10	20—35; 35—50	С	7/-	—	83 / - / - / 2	1—3 бус. / -	—	- / - / 1 / 2 / - / - / - / -	- / 2	Псалый и фибула ж., 2 подстилки	
10/10	20—35	ССВ	1/-	—	3 / 2 / - / -	1—5 бус. + 1—5 бус. / 1	—	- / 1 / - / - / 1 / - / - / -	+ / 1	Фибула ж., подстилка на ложе	
12/10	—	С	3/-	—	- / - / - / 2	1—5 бус. + 1—5 бус. / -	—	- / - / 1 / 1 / - / - / - / -	+ / 1	2 пряслица, подстилка	
12/26	4	С	2/-	—	7 / - / - / 2	1—5 бус. / 1	—	—	—	Подстилка, подушка	
13/10	20—35; 15—20	С	3	—	311 / - / 1 / 3	1—5 бус. + 1—4 бус. + 1—7 бус. / -	+ / +	- / 1 / - / 1 / - / - / 2	+ / 1	Плитка к., подвеска золотая (з.), 8 пуговок з., фибула ж., подстилка	
14/26	>20	ССВ	—	+ / -	- / - / - / 1	1—2 бус. + 1—3 бус. / -	- / +	- / 1 / - / 1 / 1 / - / - / -	+ / 1	Зеркало, пряслице, подстилка	
19/16	20—35	С	3/-	—	—	—	- / +	- / 1 / 1 / - / - / - / 1	+ / 1	Полушка глиняная (гл.), чашка деревянная (д.), шило ж., 3 пряслица, 2 плитки, подстилка	
23/10	>20	С	5/-	—	490 / - / - / 2	1—7 бус. + 1—4 бус. / -	- / +	- / 1 / 1 / 1 / 1 / - / - / -	+ / 1	Шило ж., 2 плитки, 2 пряслица, подстилка	
24/10	—	ЮЮВ	18/-	—	11 / 2 / - / -	1—5 бус. / -	—	- / - / 1 / 1 / - / - / - / -	+ / 2	Крючок ж., фибула ж., подстилка	
26/10	20—35	ССЗ	8/-	+ / -	3 / - / - / -	—	—	- / 1 / - / 1 / - / 1 / - / -	+ / 1	Удила ж., фибула ж., кожаная обувь, подстилка	
28/10	20—35	ССЗ	11/+	- / +	2 / - / - / -	1—5 бус. / -	—	- / - / - / 1 / - / - / - / -	+ / 2	Крючок и пряжка ж., миска д., оселок, подстилка	
31/10	<20	ССВ	2/-	+ / -	170 / - / - / 1	1—7 бус. + 1—5 бус. / -	+ / -	1 / - / - / 1 / - / 1 / - / -	+ / 1	Щит д., узла ж., бронз. (б.), светильник б., плитка к., зеркала, фибула б., канцелябр ж., 13 пуговок з., 2 пряслица, 2 куски реалыгара	
33/26	8—9	ССЗ	6/+	—	—	1—2 бус. / 1	- / +	1 / 1 / - / - / 1 / 1 / - / -	+ / 1	Плитка к., одежда из войлока, фибула б., ворворка на шее, кремь, подстилка	
35/26	8—9	СЗ	1/-	—	1632 / - / - / 2	- / 2	+ / +	—	+ / 1	Миска д., 21 пуговка з., пряслице, подстилка	
41/10	20—35	Ю	1/-	—	88 / - / - / 2	1—8 бус. / -	- / +	- / - / - / 1 / - / - / - / -	+ / 1	Шило ж., 2 пряслица, подстилка	
41/26	20—35	ССЗ	5/-	—	- / 1 / - / -	1—4 бус. / -	—	фр. / 1 / - / - / - / - / - / -	+ / 1	Фибула ж., подстилка	
45/10	20—35	Ю	28/+	—	- / - / - / 1	1—5 бус. / -	- / +	1 / 1 / - / 1 / - / - / - / 1	+ / 1	Крючок ж., фибула ж., кружка керам., настил д., подстилка	
46/30	20—35	ССЗ	2/-	—	125 / - / - / -	—	—	- / - / 1 / 1 / - / - / - / -	+ / 1	Шило, миска д., 3 пряслица, игла ж., реалыгар, подстилка	
54/30	20—35	ЮЮВ	11/-	+ / -	—	1—12 бус. / -	—	- / - / 1 / 1 / 1 / - / - / -	+ / 2	Узда, плитка к., фибула б., подстилка	
57/10	25—30	Ю	1/-	—	125 / - / 1 / 1	1—2 бус. + 1—2 бус. / 1	- / +	- / 1 / 1 / - / 1 / - / - / -	+ / 1	2 пряслица, подстилка	
67/46	—	ССЗ	2/-	—	25 / - / - / -	1—2 бус. + 1—6 бус. + 1—6 бус. / -	—	- / 1 / - / - / - / - / - / 1	+ / -	Крючок ж., фибула ж., подстилка	

К.п.	Возраст	Ориентация	Оружие		Украшения			Золото / серебро	Посуда: амфора / миска / чашка / курительница / светильник / кувшин / дно-поддон	Мясо / нож	Другие находы
			Стрелы / колчан	Топор / копы	Бусы / раковины / перстень / серги	Браслеты: бусинный / металлический					
68/26	4—5	ССЗ	1/-	—	17 / - / - / -	1 — 8 бус. + 1 — 43 бус. / -	—	—	+ / -	Подстилка	
81/20	35—50	ССЗ	1/-	—	37 / - / - / -	—	—	—	+ / -	2 пряслица, подстилка	
86/10	>20	ССЗ	—	- / +	20 / - / - / -	—	—	- / 1 / 1 / 1 / - / -	+ / 1	Плитка к., реалгар, 2 пряслица	
91/10	20—35	ССВ	4/-	—	100 / - / - / 2	—	+ / -	—	+ / 1	Шило, зеркало, 2 пряслица, игла ж., 2 ворворки д., подстилка и раст. подшка	
91/26	—	ССВ	1/-	—	569 / - / 3 / -	1 — 26 бус. / -	+ / -	- / - / 1 / - / 1 / - / -	+ / 1	Узда, 9 бляшек з., 2 пряслица, фр. сосуда лепного	
95/10	20—35	Ю	9/-	—	—	1 — 9 бус. / 1	—	- / 1 / - / 1 / - / - / -	+ / 2	Крючок бр., плитка к., фибула б., коготь, фр. сосуда лепного, подстилка	
96/2в	13—15	ССЗ	1/-	—	273 / - / 3 / 2	1 — 5 бус. / -	—	- / 1 / - / - / - / - / -	+ / 1	Подстилка	
103/10	15—20	ССЗ	19/-	—	176 / - / 1 / 2	1 — 10 бус. + 1 — 5 бус. + 1 бус. + 1 — 5 бус. / -	- / +	- / 1 / 1 / - / - / - / -	+ / 1	Узда б., ж., плитка к., зеркало, 2 пряслица, 2 кремня, подстилка	
104/10	20—35	ЮЮВ	33/+	—	1 / - / - / -	—	—	- / 1 / 1 / 1 / - / - / -	+ / 2	Растральный д., фибула ж., горшок керам., подстилка	
109/10	20—35	СВ	1/-	—	59 / - / - / 2	1 — 4 бус. / -	- / +	- / 1 / 2 / 1 / - / - / -	+ / 1	2 пряслица, подстилка	
113/10	20—35; ж 15—18	С	9/+	—	—	1 — 3 бус. / -	—	- / 1 / - / 1 / - / - / -	+ / 2	Фибула б.	

**В графу украшений к бусам — количество бусин в ожерельи.

кового оружия амазонок. Их нет только в двух могилах. В связи с наборами стрел отмечу три момента. Во-первых, доминирование однотипных железных наконечников стрел (более чем десятикратное в целом по могильнику), что более характерно для Подонья [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 772].

Во-вторых, удивляет столь малое количество стрел в одном комплексе — от одного до 11 (рис. 7, 1—4). Только в пяти могилах этот показатель незначительно превышен — в к. 24 п. 1 — 18 экз., в к. 103 п. 1 — 19 экз., в к. 3 п. 1 — 24 экз., в к. 45 п. 1 — 28 экз., в к. 104 п. 1 — 33 экз. В пяти случаях стрелы лежали в кожаных колчанах и в одном в берестяном — от шести (в двух случаях) до 33 экз. По мнению исследователей этого могильника, небольшое количество стрел в наборах свидетельствует о занятии местного населения охотой, а наличие одного-трех экземпляров указывает либо на вотивный их характер, либо на причину смерти [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 786]. Не стану отрицать варианта использования наконечников стрел в наборе амулетов (при наличии иных их типов) либо усматривать в них причину смерти. Замечу в этой связи только, что решающим здесь является место этих артефактов в могиле, а в большинстве случаев в этом некрополе стрелы лежат у бедра / ноги / кисти (т. е. там, где их обычно и клали). И вновь вспоминается скифский курган 5 у с. Зеленое в Херсонской обл., где среди более чем скудного инвентаря двух девочек-охранниц было, соответственно, один и три наконечника стрел [Фіалко, 2012]. Кроме того, количество стрел могло быть обусловлено и определенным социальным статусом, и степенью ограбления комплекса. Этими же обстоятельствами может объясняться и количество единиц оружия в целом в женской могиле [Фіалко, 2015, с. 77]. Возвращаясь к единичным находкам наконечников стрел, отмечу, что в четырех женских могилах некрополя у с. Глиное (к. 32 п. 1; к. 38 п. 3; к. 66 п. 2 и к. 69 п. 1) они явно связаны с ранениями, поскольку зафиксированы во всех случаях в области грудной клетки. При этом иных единиц оружия там не было.

В-третьих, с колчанными наборами в могильнике соотносятся желез-

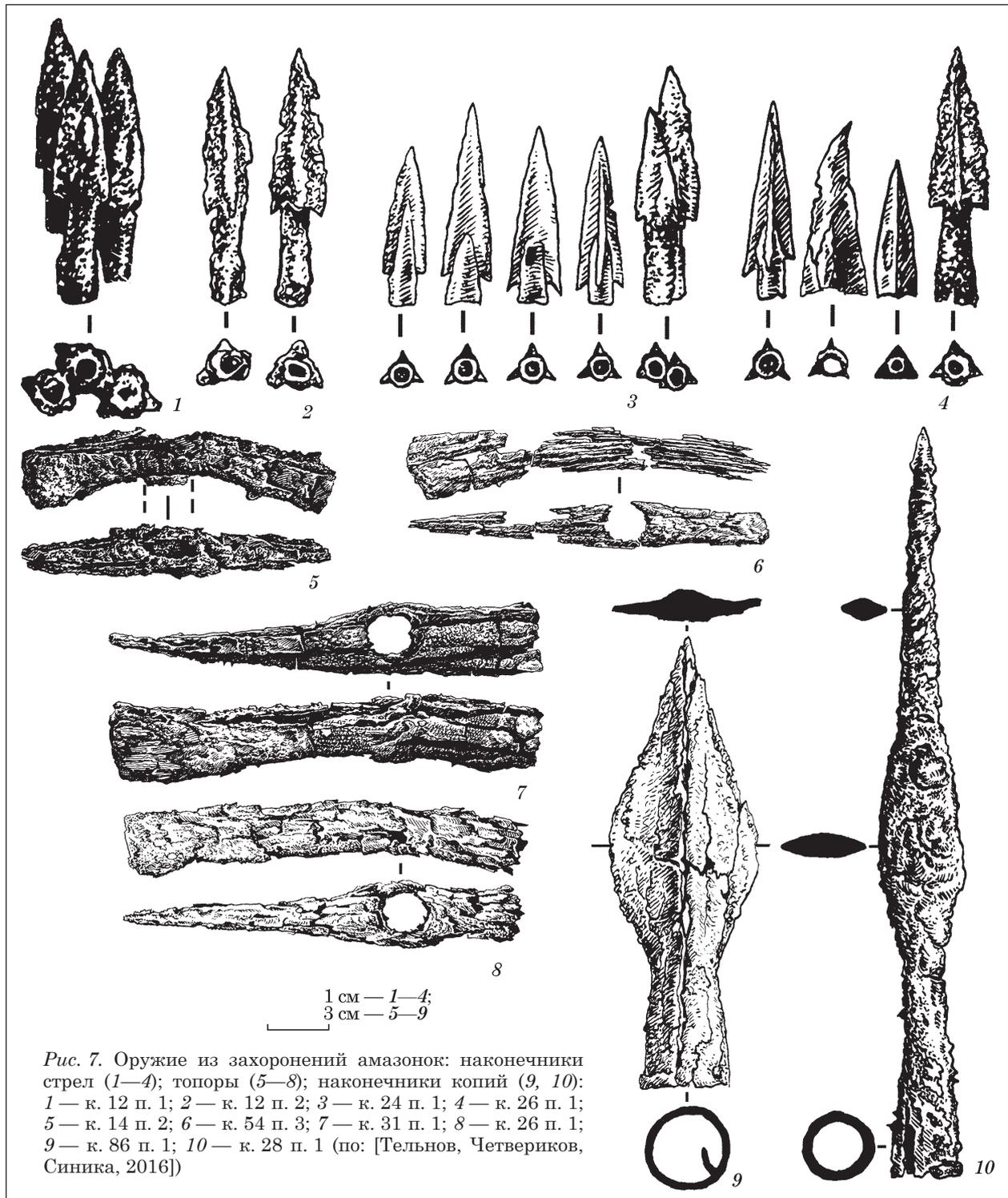

Рис. 7. Оружие из захоронений амазонок: наконечники стрел (1—4); топоры (5—8); наконечники копий (9, 10): 1 — к. 12 п. 1; 2 — к. 12 п. 2; 3 — к. 24 п. 1; 4 — к. 26 п. 1; 5 — к. 14 п. 2; 6 — к. 54 п. 3; 7 — к. 31 п. 1; 8 — к. 26 п. 1; 9 — к. 86 п. 1; 10 — к. 28 п. 1 (по: [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016])

ные колчаные шилья — они отмечены в шести женских наборах. До сих пор в комплексах амазонок такая взаимосвязь не прослеживалась.

Несколько удивляет и отсутствие метательного оружия. Копья с железными наконечниками, хорошо известные по находкам в массиве захоронений амазонок, здесь отмечены лишь в двух комплексах (к. 86 п. 1 и к. 28 п. 1) по одному экземпляру (рис. 7, 9, 10). При этом здесь присутствуют железные топоры — один (к. 14

п. 2) двулезвийный (рис. 7, 5) и три (к. 54 п. 3; к. 31 п. 1 и к. 26 п. 1) однолезвийных (рис. 7, 6—8). Этот тип наступательного оружия ближнего боя до сих пор был известен только в одном погребении скифской амазонки — могиле 13 Скелянского могильника [Фиалко, 2013, с. 219].

Защитной амуниции среди находок нет. Единственным исключением является деревянный щит овальной формы (размер 65 × 50 см), лежавший у правого плеча молодой женщины

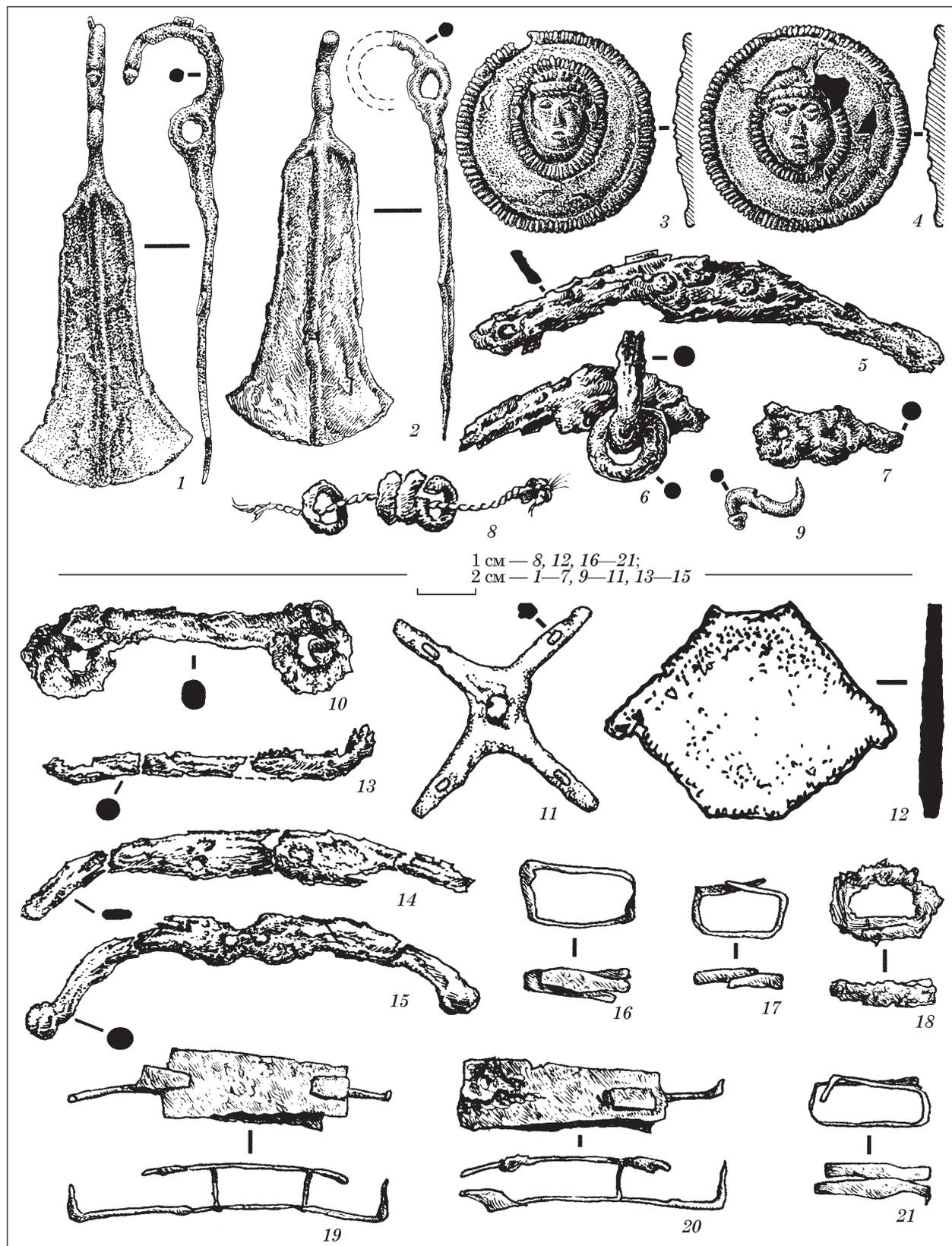

Рис. 8. Металлические детали узды из погребальных комплексов амазонок: 1—9 — к. 31 п. 1; 10 — к. 26 п. 1; 11, 12 — к. 103 п. 1; 13—15 — к. 5 п. 1; 16—21 — к. 54 п. 3 (по: [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016])

в к. 14 п. 1. Ранее таких находок в памятниках воительниц Европейской Скифии не отмечалось. Три подобных щита найдены в этом же могильнике и еще два также на территории

Поднепровья [Синика, 20076, с. 176—178; Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 786].

Кроме оружия, следует упомянуть и несколько комплексов, содержащих детали кон-

ской амуниции — к. 31 п. 1; к. 103 п. 1; к. 3 п. 1; к. 5 п. 1; к. 26 п. 1; к. 54 п. 3. Главным образом это металлические детали оголовья — удила, псалии, налобники, пряжки, бляхи и кольца (рис. 8, 1—7, 9—15), вероятно, нагрудников — пронизи (рис. 8, 8) и уздечного ремня (рис. 8, 16—21). Эти артефакты тоже относятся к числу крайне редких — они известны лишь в четырех могилах амазонок Европейской Скифии [Фиалко, 1991, с. 13; 2011, с. 274—275].

Украшения представлены ординарными бусинными наборами (рис. 6, 4, 14), составлявшими ожерелья (22 погребения) и браслеты, чаще парные (26 погребений). Иногда их дополняли проволочные серьги (одна или две), браслеты и перстни. Необычными в этой группе находок являются фибулы — крайне редкие среди скифских древностей и ни разу не найденные прежде в комплексах амазонок. В могилах воительниц у с. Глиное отмечены девять железных, пять бронзовых и одна серебряная фибула. Возвращаясь к наборным браслетам, замечу, что в их состав входит очень мало бусин — в некоторых случаях это всего два—три экземпляра, чаще — пять—шесть. Вероятнее всего, это объясняется социальным статусом погребенных.

В числе редких находок можно назвать остатки деталей одежды: тлен желтого цвета от какой-то войлочной одежды в к. 33 п. 2; следы кожаной обуви в к. 26 п. 1 и головных уборов — начельных повязок в к. 13 п. 1 и к. 109 п. 1, и цилиндрической шапки из к. 91 п. 1. Подобные находки относятся к числу единичных, в Скифии более раннего времени можно вспомнить, прежде всего, захоронения воительниц у сс. Зеленое и Марьевка. Однако полностью восстановить вид элементов костюма удастся крайне редко. В четырех комплексах костюм по вороту украшали золотые полусферические бляшки-пуговицы — к. 31 п. 1 (13 пуговиц), к. 91 п. 2 (9 бляшек), к. 35 п. 2 (21 пуговица), к. 13 п. 1 (8 пуговиц). Такие элементы декора относятся к серии наиболее популярных и часто встречающихся, однако здесь они, очевидно, выступают маркером высокого социального статуса. Кроме того, в 12 могилах обнаружены серебряные серьги.

Среди крайне редких находок утилитарного назначения упомяну деревянный растиральный или пест (рис. 9, 1), найденный в к. 104 п. 1 в комплекте с каменной плиткой (рис. 9, 2) [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, рис. 348, 8]. Два подобных орудия подтреугольной фор-

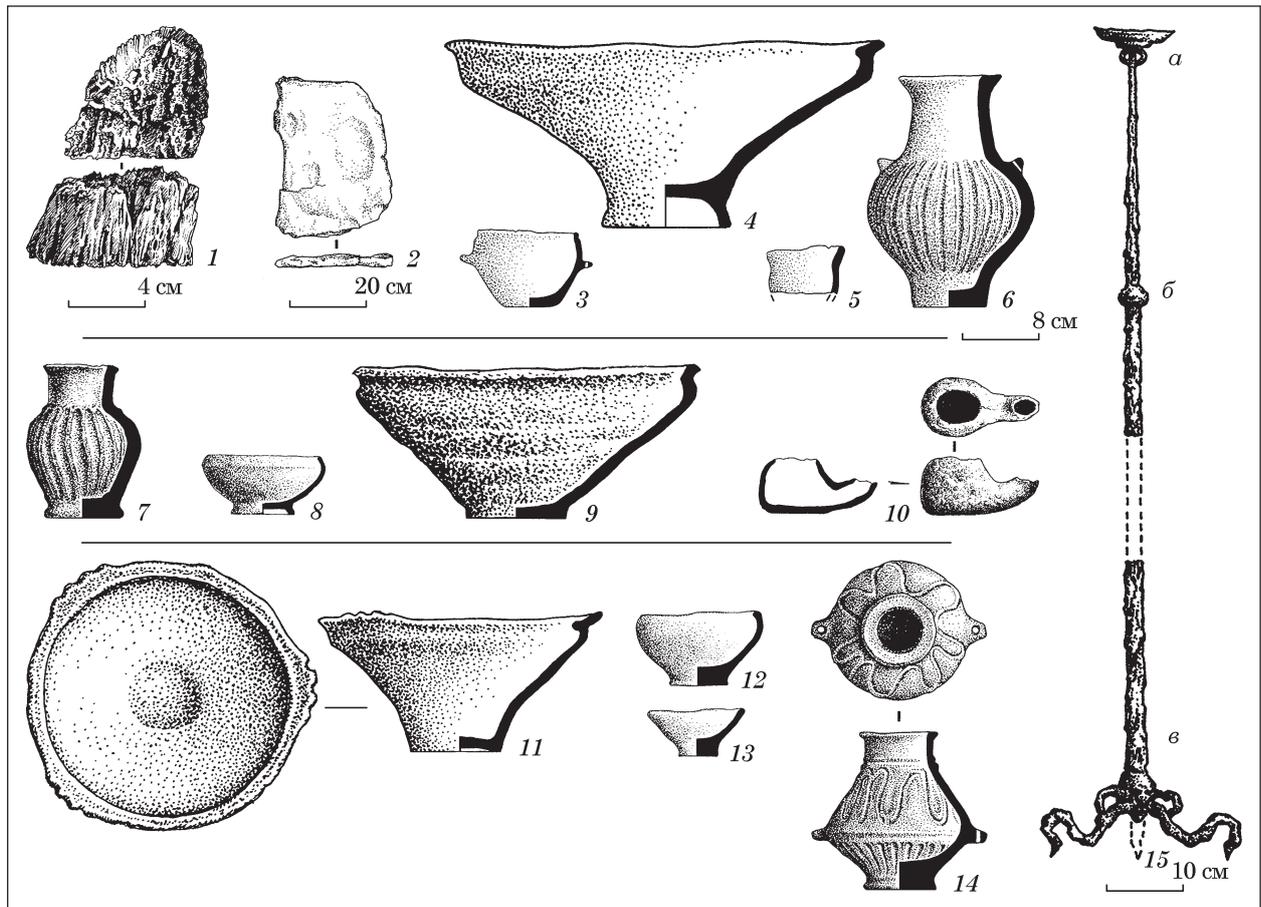
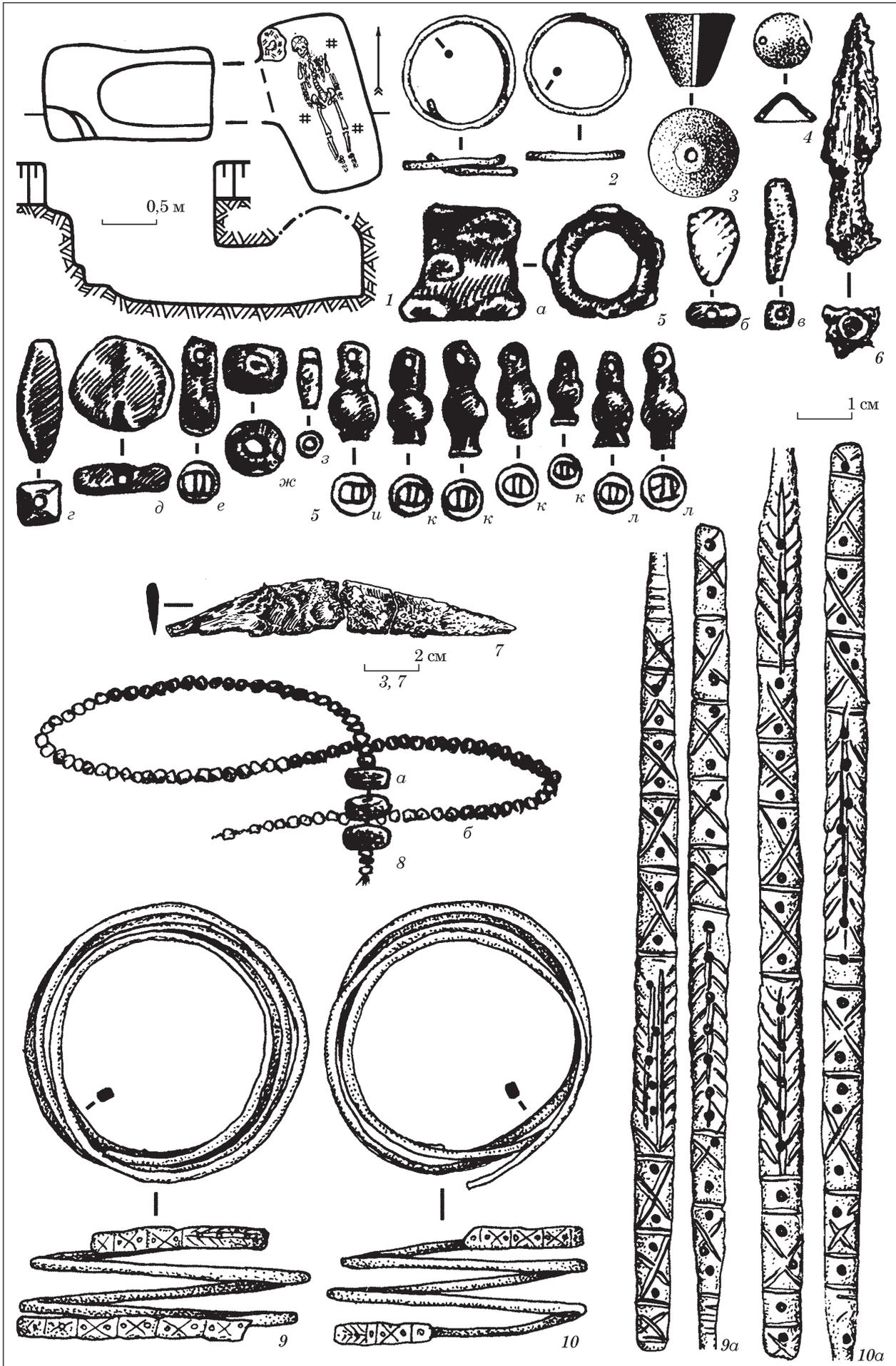

Рис. 9. Необычные артефакты из наборов сопроводительного инвентаря: 1, 2 — деревянный пест и каменная плитка; 3—14 — наборы керамической посуды; 15 — железный канделябр; 1—6 — к. 104 п. 1; 7—10 — к. 23 п. 1; 11—14 — к. 109 п. 1; 15 — к. 31 п. 1 (по: [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016])

мы с плоской рабочей поверхностью происходят из двух комплексов амазонок могильника у с. Зеленое — к. 2 п. 3 и к. 5 п. 3 [Фіалко, 2015, рис. 8, 8 и 11, 2].

Совершенно необычной находкой для материального комплекса амазонок является железный канделябр из к. 31 п. 1 (рис. 9, 15). Составной предмет высотой 1,1 м состоял из треножной подставки, стержня и чаши для светильника. Немногочисленные находки подобных осветительных приспособлений известны в боспорских склепах более раннего времени и крымских погребальных комплексах (Усть-Альминском некрополе) I—II вв. н. э. [Ростовцев, 1914, рис. 38; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, Abb. 9, 4; Пуздровский, 2007, рис. 139, 1, 5, 6; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, рис. 422, 4—8]. В погребальных памятниках классической Скифии таких предметов нет.

Еще одной особенностью могильника у с. Глиное является большое количество разнообразной лепной посуды при полном отсутствии керамики с лаковым покрытием или расписной античной. Среди них выделяются курильницы, светильники, чашки, миски, кружки и горшки — до четырех экземпляров в одном наборе (рис. 9, 3—14), в то время как в известных на других территориях могилах амазонок преобладает чернолаковая посуда.

С учетом всех характеристик погребальных комплексов исследователи выделили представителей нескольких социальных уровней — аристократии (рис. 10), рядовых общинников (рис. 6) и беднейшего слоя (рис. 1, 1), для амазонок это соответственно 5, 18 и 12 погребений [Тельнов, Четвериков, Синика, 2012, с. 674—686]. В общем, думается, эта картина вполне сопоставима с социальной стратификацией воительниц, обитавших на других территориях Скифии.

Хронологический диапазон женских комплексов с оружием могильника у с. Глиное охватывает III—II вв. до н. э.

В заключение отмечу, что 35 могил амазонок составляют 19,3 % от общего числа в некрополе и 30 % от числа могил с оружием. Соответственно каждая пятая могила принадлежала воительнице и каждым третьим воином здесь была женщина. Вполне вероятно, что среди местного населения было создано женское ополчение ввиду нестабильного и беспокойного внешнеполитического положения, причем девочек приобщали к военной подготовке с раннего детства.

Рис. 10. Набор сопроводительного инвентаря девочки — представительницы местной аристократии; к. 35 п. 2 (по: [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016])

Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. — Запорожье, 2001. — Кн. 2. — 282 с.

Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. — Запорожье, 1999. — Кн. 1. — 232 с.

Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. — Запорожье, 2004. — Кн. 3. — 201 с.

Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. — Запорожье, 2009. — Кн. 4. — 312 с.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (предварительная публикация). — К., 1977. — С. 61—158.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб, 1901. — № 1. — 171 с.

Бруяко И.В. [Рец.] Полин С.В. От Скифии к Сарматии. — К., 1992 // РА. — 1995. — № 1. — С. 230—237.

Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. — 2009. — № 3: Скифские интерпретации. — С. 329—370.

Глебов В.П. Тираспольская группа памятников Поднепровья — сарматы, сираки, скифы // ССПиК. — 2004. — XI. — С. 74—77.

Гребенников Ю.С. Скифский курганный могильник у с. Отрадное // Археологические памятники Поингуля. — К., 1980. — С. 146—164.

Гудкова А.В., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. / НА ИА НАН Украины. — 1984/158.

Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. — Одесса, 2003. — 240 с.

Дзиговский А.Н. Сарматы // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. К 95-летию Национальной академии наук Украины. — Одесса, 2013. — С. 597—630.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. — 2007. — Вып. XVIII. — 408 с.

Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // МИА. — 1962. — № 115: Памятники скифо-сарматской культуры. — С. 114—166.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. — К., 1992. — 201 с.

Попандопуло З.Х. Скифский грунтовый могильник Скельки. — Запорожье, 2011. — 116 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — 480 с.

Редина Е.Ф. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья: Материалы полевого семинара. — Тирасполь, 2000. — С. 28—30.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. — СПб, 1914. — Т. 1: Описание и исследование памятников. — 517 с.

Симоненко А.В. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. — Краснодар, 2005. — С. 255—260.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб, 2009. — 328 с.

Синика В.С. Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III вв. до н. э. на террито-

- рии Днестро-Прутско-Дунайских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2007а. — 26 с.
- Синика В.С.* Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правом берегу Нижнего Днестра // РА. — 2007б. — № 4. — С. 170—179.
- Синика В.С.* К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // АДІУ. — 2011. — Вып. 5. — С. 119—124.
- Синика В.С., Алемша А.Н.* Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара). — Тирасполь, 2000. — С. 43—46.
- Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П.* Лепные курительницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н. э. // Stratum plus. — 2014а. — № 3: «Война и мир» на берегах Понта Эвксинского. — С. 65—101.
- Синика В.С., Тельнов Н.П.* Скифские жилища IV—II вв. до н. э. в Северном Причерноморье // АДІУ. — 2014. — Вып. 2 (13): Археология: возможности реконструкций. — С. 18—36.
- Синика В.С., Тельнов Н.П.* Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника IV—II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Днестровье // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. пам. А.И. Мелюковой. — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 180—190.
- Тельнов Н.П., Синика В.С.* Зеркала из позднескифского могильника конца IV—II в. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы междунар. археол. конф. — Краснодар, 2014а. — С. 239—249.
- Тельнов Н.П., Синика В.С.* Миски из скифских погребальных памятников конца IV—II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Tyragetia. — 2014б. — Vol. VIII (XXIII), nr. 1. — С. 287—316.
- Тельнов Н.П., Синика В.С.* Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы // Русин. — 2014в. — № 2 (36). — С. 29—54.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.: Материалы Междунар. науч. конф. — Тирасполь, 2012. — С. 5—15.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное. — Тирасполь, 2016. — 1096 с.
- Фиалко Е.Е.* Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 171—187.
- Фиалко Е.Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. — К., 1991. — С. 4—18.
- Фиалко Е.Е.* Погребения амазонок Чертомлыкского курганного поля // БИ. — 2010а. — Вып. 23. — С. 166—190.
- Фиалко Е.Е.* Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. — 2010б. — № 3. — С. 187—196.
- Фиалко Е.Е.* Паноплия скифских воительниц // Tyragetia. — 2011. — Vol. V (XX), nr. 1. — С. 265—278.
- Фиалко Е.Е.* Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья // Stratum plus. — 2013. — № 3. — С. 203—222.
- Фиалко Е.Е.* Амазонки во времени и пространстве // АДІУ. — 2015. — Вып. 4 (17). — С. 46—99.
- Фиалко Е.Е.* Погребения амазонок Крыма // Археология та етнологія півдня Східної Європи. — Днепр, 2016. — В печати.
- Фиалко О.С.* Нові поховання амазонок Дніпровського Лісостепоного Лівобережжя // Наук. записки. Серія: історичні науки. — Кіровоград, 2011. — Вып. 14. — С. 34—46.
- Фиалко О.С.* Поховання дівчат зі зброєю в скифському кургані на Херсонщині // Археологія. — 2012. — № 1. — С. 82—92.
- Фиалко О.С.* Дружинний могильник Скіфів на Лівобережній Херсонщині // ССПіК. — 2015. — Вып. XVIII. — С. 120—156.
- Четвериков И.А.* Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н. э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь, 2002. — С. 234—245.
- Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В.* Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997а. — С. 251—255.
- Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В.* Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995—1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.): Материалы полевого семинара. — Тирасполь, 1997б. — С. 14—19.
- Mateevici N.* Amforele grecești on mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin on sec. VI — oncerputul sec. II a Chr. — Chișinău, 2007. — 284 p. (Biblioteca Tyragetia. — XIV).
- Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P.* Prunkbestattungen des 1. Jh. N. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia Antiqua. — 2004. — Bd. 10. — S. 229—267.
- Sulimirski T.* Sarmatians. — New York, 1970. — 267 p. (Ancient Peoples and Places. — Vol. 73).

О.С. Фіалко

СЕРІЯ ПОХОВАНЬ СКИФСЬКИХ ВОЙОВНИЦЬ В МОГИЛЬНИКУ ПОВ- ЛИЗУ с. ГЛІНОС (МОЛДОВА)

Серед поховальних пам'яток амазонок Дунай-Дністровського степового регіону найбільш представницьку серію було відкрито в некрополі поблизу с. Гліноє Слободзейського району Молдови. Тут було розкопано 27 жіночих і чотири дитячих одиночних поховання зі зброєю, і чотири парних, тобто всього 35 поховань скифських войовниць. Лише одне з них зазнало часткового пограбування. Такий ступінь збереженості археологічного джерела є унікальним для скифських старожитностей.

Типи і розміри могил, як і характер поховального обряду войовниць, відповідають скифським канонам і фактично не відрізняються від чоловічих могил. Відмінності проявляються, головним чином, в наборі речового супроводу. Серед конструктивних особ-

ливість можна відзначити оформлення стін і стелі поховальних камер ряду могил врізаним орнаментом у вигляді каркасної конструкції типу кибитки. До того ж, внутрішні поверхні могил були заглажені.

Серед оригінальних рис обряду слід назвати супровід амазонок в потойбічний світ тваринами. У двох могилах лежало по одному загнужданому коню, в 15 лежали собаки і в одній — кішка. Останній випадок є унікальним для скифських старожитностей.

Набори речей в цілому досить скромні. Серед зброї переважають стріли з залізними вістрями, зазвичай, від одного до десятка в одному наборі. І лише в двох могилах сагайдачні набори склалися з 28 і 33 стріл. Одиначними знахідками репрезентовані спис із залізними вістрями і дерев'яний щит. До числа рідкісних знахідок належать залізні сокири, знайдені в чотирьох комплексах. Ще в семи могилах відзначені деталі кінської вузди. Прикраси ординарні — це намиста і браслети з бус, дротяні сережки та браслети, представлені тут і фібули. Особливістю наборів речей є велика кількість ліпних посудин різних форм, від однієї до чотирьох в одному наборі, при повній відсутності чорнолакового та металевих посуду. Зазначені особливості є здебільшого регіональними і не залежать від статево-вікової приналежності похованих.

Поховальні комплекси амазонок в могильнику поблизу с. Гліноє, як і могильник в цілому, датуються в межах III—II ст. до н. е.

Ключові слова: амазонки, могильник, поховальний обряд, Скіфія, Північно-Західне Причорномор'я.

E. Ye. Fialko

A SERIES OF SCYTHIAN FEMALE WARRIOR'S BURIALS FROM THE CEMETERY NEAR GLINOE VILLAGE (MOLDOVA)

The most representative series among the burial sites of Amazons of the Danube-Dniester steppe re-

gion was discovered in the necropolis near the village Glinoe in Slobodzeya region of Moldova. Following graves have been excavated there: 27 female and four children single graves with weapons, as well as four double graves, or a total of 35 burials of Scythian warriors. And only one of them has been partially robbed. Such level of preservation of the archaeological source is unique for Scythian antiquities.

Types and sizes of graves, as well as the nature of the funeral rite of female warriors, correspond to Scythian canons and de facto do not differ from men's graves. The differences appear mainly in a set of ware accompaniment. Among the design features can be noted decoration of walls and ceiling of a number of burial chambers with incised ornament in the form of carcass, cart alike. In addition, the inner surface of the graves have been smoothed or erased.

Among the original features of the rite should be named the custom of escorting the Amazons to the underworld by animals. There were two graves with a brindled horse in each, 15 graves with dogs lying in and one with a cat. The last case is unique for Scythian antiquities.

Sets of things are rather moderate. Arrows with iron tips predominate in term of weapon, in general from one to ten in one set. And only in two graves the quiver sets contained 28 or 33 arrows. An iron-tipped spear and a wooden shield present isolated cases. The rare finds include iron axes which have been found in the four complexes. Another seven graves are marked by parts of a horse bridle. Jewels were relatively modest — a necklace and bracelets made of beads, wire bracelets and earrings, fibulae. The peculiarity of sets of items is the large number of hand-made vessels of different shapes, from one to four in one set, with complete absence of black-lacquer and metal utensils. These features are regional and do not depend on sex and age affiliation of buried persons.

Burial complexes of the Amazons in a burial ground near Glinoe, as well as the burial ground itself, are dated within 3—2 centuries BC.

Keywords: Amazon, a cemetery, burial rite, European Scythia, North-Western Black Sea Area.

Одержано 8.03.2017

Я. Хохоровски

КАВКАЗ И КАРПАТСКИЙ БАССЕЙН В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (проблема происхождения сигиннов)

На протяжении периода NaV_2 — NaV_3 в Карпатский бассейн и его окружение поступают бронзовые и биметаллические изделия степного и кавказского происхождения, прежде всего, оружие и металлические части конской узды. По времени эти явления совпадают с кризисом местных поселенческих структур культуры Гава и Киятице (в основном — на Венгерской низменности) и возникновением здесь — чуждых по обряду — могильников с ингумацией типа Мезечат. В VII в. до н. э. в Карпатском бассейне сформировались поселенческо-культурные объединения при участии скифского фактора. В рамках этих процессов произошло также переселение на квази-степные территории «пусты» групп населения, которые, несмотря на действия своеобразного «исхода», сохранили культурную и даже этническую тождественность. Речь идет о народе сигиннов, происходящих из широко понимаемых кавказских территорий. Характерными чертами их культурных поведений были в частности: мидийская одежда, использование мелких лошадей (типа тарпанов) и употребление глиняных печатей — пинтадеров.

Ключевые слова: Кавказ, Карпатский бассейн, ранний железный век, миграция, сигинны.

Проблема культурных связей кавказских территорий с Карпатским бассейном в раннем железном веке давно вызывает интерес многих исследователей, как из Центральной: T. Horváth [1939, p. 65—71], F. Hančar [1947, S. 152—167; 1967, S. 113—134], J. Harmatta [1948, p. 90—94], G. Gazdapusztai [1963, S. 5—40; 1967, p. 307—333], V. Podborský [1970, S. 147—172], Z. Bukowski [1976, p. 120—139], J. Bouzek [1983, p. 177—240; 2012, p. 537—547], T. Kemenczei [1994, p. 591—618; 2005, S. 4—18], C. Metzner-Nebelsick [1994, S. 383—447; 2002, S. 207—379; 2009, S. 200—218], так и Восточной

Европы; А.И. Тереножкин [1976, с. 109—110], В.И. Козенкова [1975, с. 52—73; 1996, с. 132—144, рис. 51—53; 2007, с. 258—294], В.Р. Эрлих [1997, с. 19—34; 2002, с. 26—38; 2007, с. 191—192], С.Л. Дударев [1999, с. 83—142], С.В. Махортых [2003, с. 40—53]. Эти явления рассматриваются, прежде всего, в контексте археологических признаков, определяющих масштаб заимствования и даже усвоения среднеевропейской средой элементов материальной культуры, часто условно называемых «кавказскими». Наибольшее внимание привлекали находки некоторых категорий оружия и узды (рис. 1; 2), функциональный контекст которых (снаряжение воинов-всадников) считался проявлением особого характера этих связей. Касается это, в частности, бронзовых и биметаллических кинжалов с ажурной рукоятью т. н. кабардино-пятигорского типа (или типа Гамув), бронзовых скипетров (парадных топоров-жезлов) или применения однокольчатых удил с пуговицеобразными звеньями для поводов в наборах конской узды, а также некоторых форм нарядных бляшек (например, т. н. лунниц) — украшений ремней оголовья (рис. 3). Хотя ассортимент находок и культурных черт, происходивших из широко понимаемых кавказских территорий, в Карпатском бассейне и в его окружении был значительно шире (напр., металлические элементы женского костюма: [Козенкова, 2007, с. 258—294]), именно отмеченные категории артефактов обусловили способ интерпретации этих связей, являющихся фоном и одновременно основой трансфера. Впрочем, эти элементы вписываются в генетически и культурно неоднородный горизонт находок восточного (степного) происхождения [Chochorowski, 1993, p. 39—139], который, с точ-

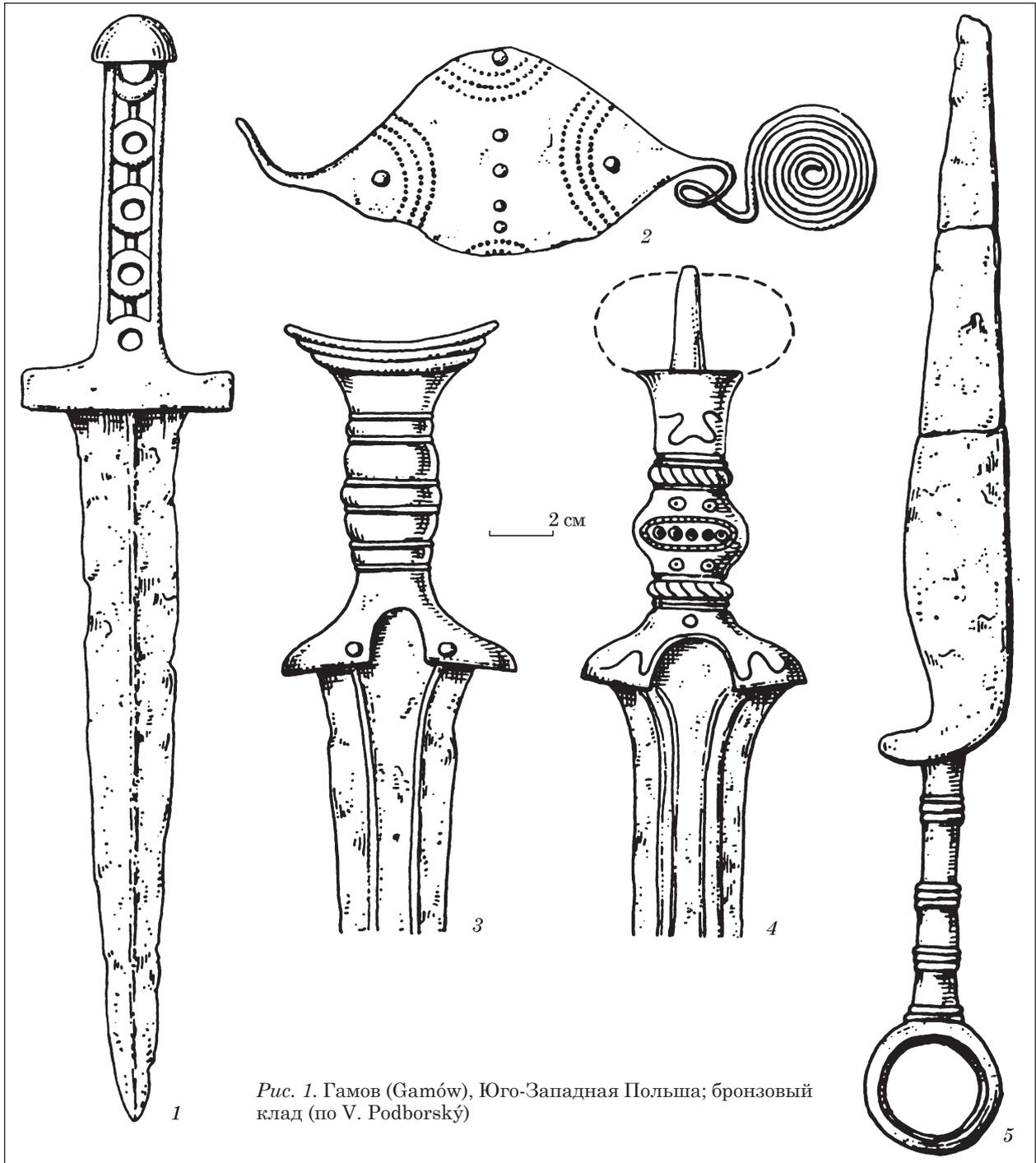

Рис. 1. Гамов (Gamów), Юго-Западная Польша; бронзовый клад (по V. Podborský)

ки зрения хронологии (периоды HaB_2 — HaB_3 = 960/950—810/780 BC) [Pare, 1998, Taf. 4—5; Trachsel, 2004, S. 316; Ciugudean, 2012, Fig. 14] и динамики исторического процесса, определяет этапный момент в истории Средней Европы на рубеже бронзового и раннего железного веков (рис. 4). В особенности это касается восточной части Карпатского бассейна, где в это время наблюдается глубокий кризис поселенческих структур и падение культурного потенциала местных сообществ (особенно т. н. культуры Гава и культуры Кыятице), а также бассейна Среднего Дуная (а впоследствии и Верхнего), где также имеет место кардиналь-

ное изменение культурной модели. Вместо различных группировок культуры урновых полей здесь в раннем железном веке происходит становление гальштатского культурного круга [Chochorowski, 1993, p. 208—241]. В таком историческом контексте наличие и роль восточных (в том числе «кавказских») культурных элементов часть исследователей истолковывает как симптомы и следствие усиленного взаимодействия культур и культурного трансфера. Другие усматривают в этих процессах движущую роль мобильных сообществ (номадов) Великой Степи, являющихся к тому же носителями определенного ассортимента предметов материаль-

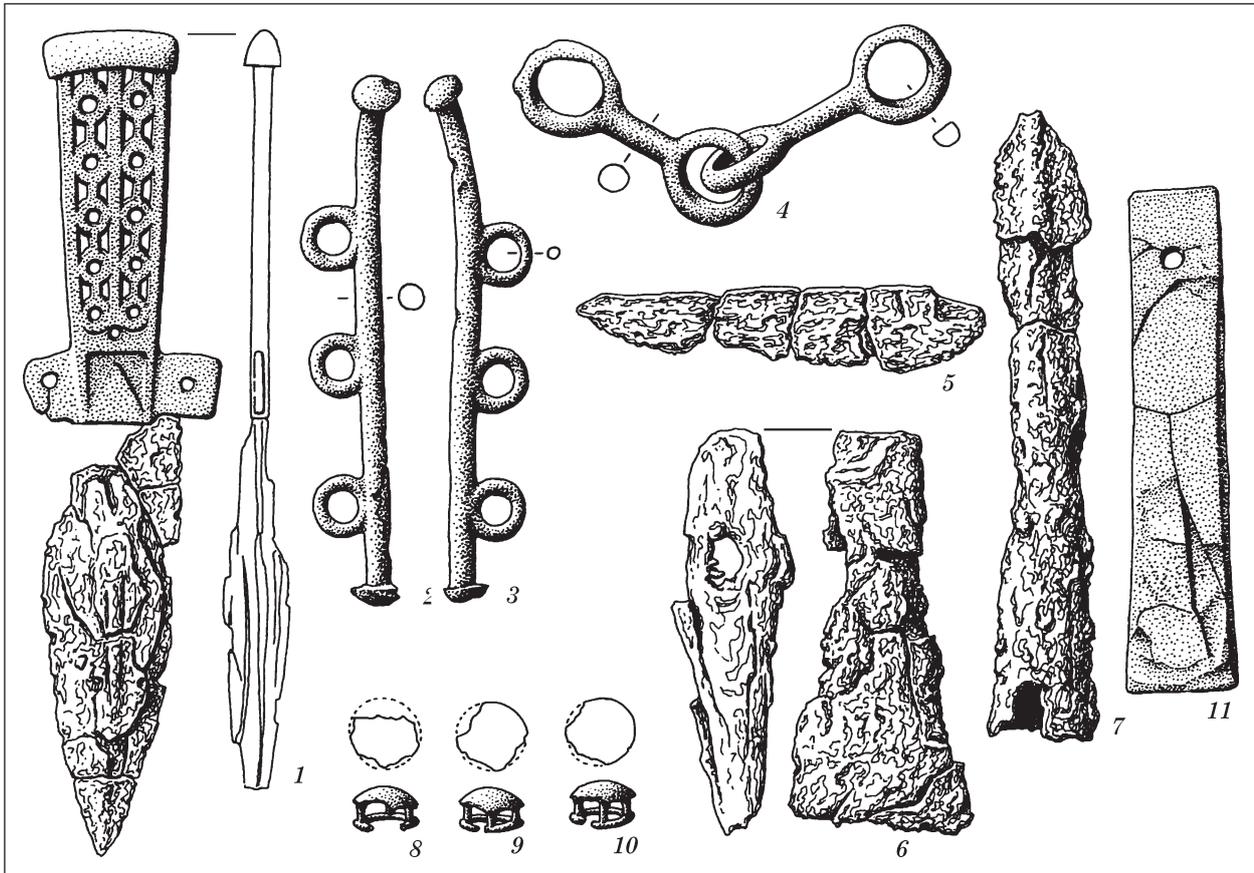

Рис. 2. Печ-Якабхедь (Pécs-Jakabhegy), Юго-Западная Венгрия; инвентарь подкурганного захоронения (по Т. Kemenczei)

ной культуры, которые при их посредничестве распространились на столь отдаленные земли.

Особенным аспектом этих процессов, затрагиваемым некоторыми исследователями [Sulimirski, 1961, S. 793—795; Harmatta, 1966, p. 107—116; Chochorowski, 1987, p. 161—218], является возможность переселения в Карпатский бассейн небольших групп населения восточного происхождения, в том числе сообществ, которые независимо от динамичного характера предполагаемых событий, сохранили — невзирая на своеобразный «исход» — элементы культурной тождественности и сознание этнической принадлежности. Рассматривается, главным образом, концепция о переселении на территорию Венгерской низменности сигиннов, которые в исторических повествованиях, совмещающих античную традицию со знаниями об этнической географии времен Страбона [Strabo, XI; XI, 8] или даже Ктезия (из *Персидской истории* которого Страбон, возможно, взял эти сведения), были вписаны в этническую мозаику «кавказских» народов. Эта проблема приобрела особое значение после обнаружения и идентификации на Венгерской низменности могильников раннего железного века типа Мезечат (Mezőcsát) с захоронениями по обряду ингумации [Patek, 1993, S. 18—46]. Небольшие могильники и отдельные могильные

комплексы этого типа встречаются, главным образом, в северной части Альфельда, вдоль оси Тисы и далее — к северо-западу, вплоть до Южной Моравии [Romsauer, 1999, S. 167—176, Abb. 1]. Они содержат захоронения по обряду ингумации, преимущественно в вытянутом положении, реже на боку в скорченном виде (рис. 5), оснащенные железными предметами и бронзовыми изделиями восточного, «понтийско-кавказского» происхождения, а также — что особенно характерно — тушами животных (прежде всего, крупного и мелкого рогатого скота). Характерный для этих сообществ обряд ингумации, как основной тип погребальной обрядности, а также пастушеский образ жизни и ведения хозяйства свидетельствуют об отсутствии преемственности с местной этнокультурной средой позднебронзового века в Карпатском бассейне, практиковавшей трупосожжение и предпочитавшей оседло-земледельческую модель хозяйствования. Исходя из этого, данное явление рассматривается [Patek, 1974, S. 353; Kemenczei, 1981, S. 79—89] как следствие своеобразного «исхода» пастушеских групп из не совсем определенных «понтийско-кавказских» территорий, занявших благоприятные для пастушеского хозяйства квази-степные территории «пусты». Наличие среди археологических показателей кризиса и общественно-куль-

турных перемен в Средней Европе памятников т. н. киммерийского типа — включая черногоровские и кавказские (новочеркасские) находки — связывает эти процессы с глобальными изменениями культурной и этнической ситуации в южной части Восточной Европы, где в VIII/VII вв. до н. э. происходит исчезновение черногоровско-новочеркасской («киммерийской») культурной модели и появление скифской [Мурзин, 1990, с. 51—78; Chochorowski, 2004, р. 91—102]. Историческим (и в некотором смысле символическим) выражением этих перемен стал идентифицированный античной традицией (Геродотом) эпизод т. н. скифо-киммерийского конфликта.

В Карпатском бассейне экспансия кочевнической стихии со скифской моделью культурного поведения также сыграла немаловажную роль, усилив восточное (степное) влияние, как через культурный трансфер, так и военное давление. Об этом свидетельствует появление в начале VII в. до н. э. на территории Трансиль-

вании культурной группы скифского типа (т. н. трансильванской группы либо группы Чумбруд — Ciumbrud) [Vasiliev, 1980], а также образование в течение VII в. на Большой Венгерской низменности квази-скифской группировки, именуемой группой Альфельд скифского периода, группой Сентеш-Векерзуг или культурой Векерзуг (рис. 6) [Chochorowski, 1985; Kemenczei, 2009]. Эта группировка имеет синкретичный характер и основывается частично на местном поселенческом потенциале (главным образом: пост-Гава, пост-Кьятице, Мезечат) при значительном «унифицирующем» участии скифского культурного элемента. В сценарии динамичного формирования этого культурного комплекса, в особенности ввиду значительного демографического роста в сравнении с предыдущим периодом, нельзя исключить вызванный экспансивностью кочевнической (скифской) стихии приток на Венгерскую низменность новых групп мигрирующего в западном направлении населения. Хотя главную роль в этом

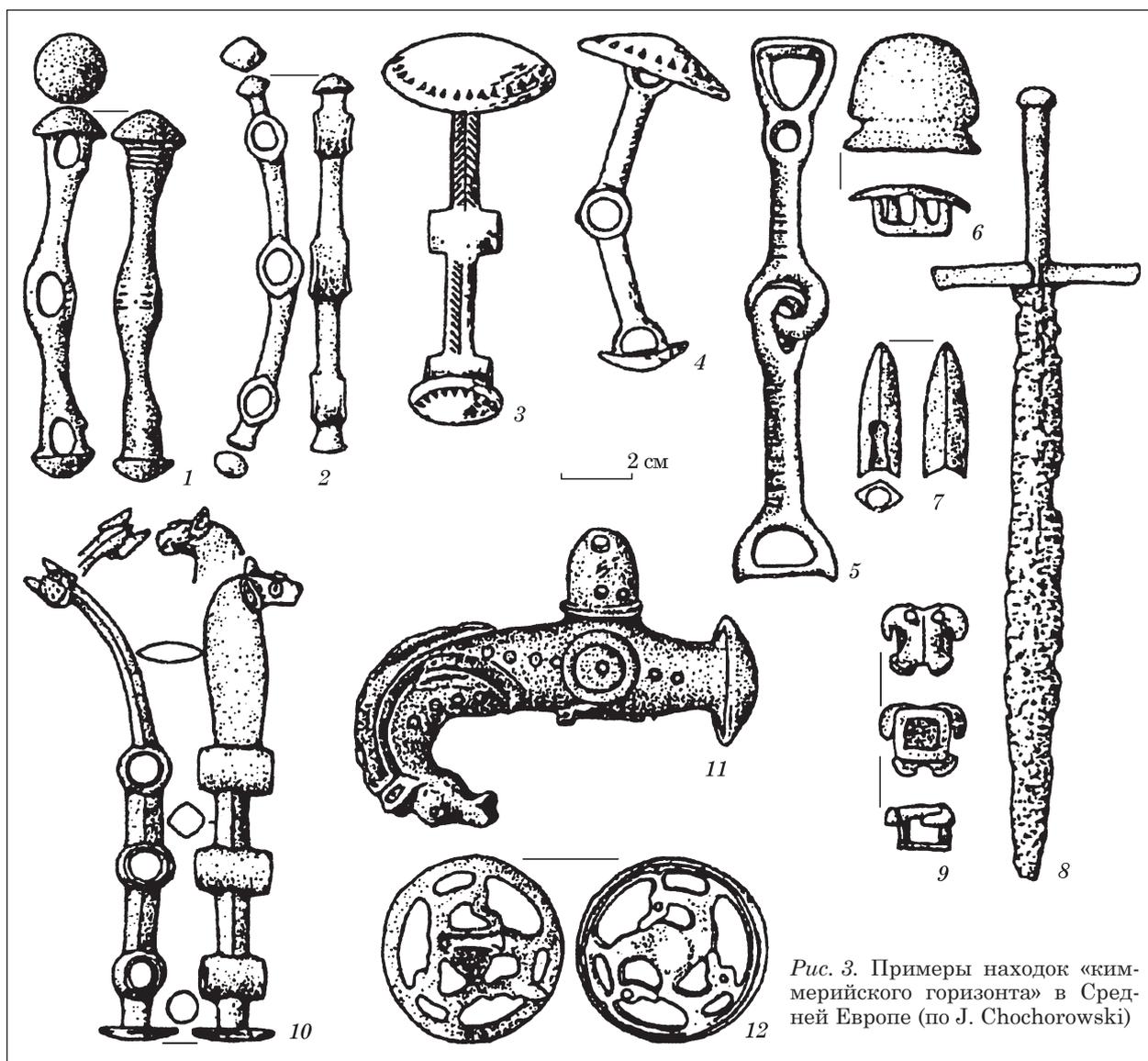
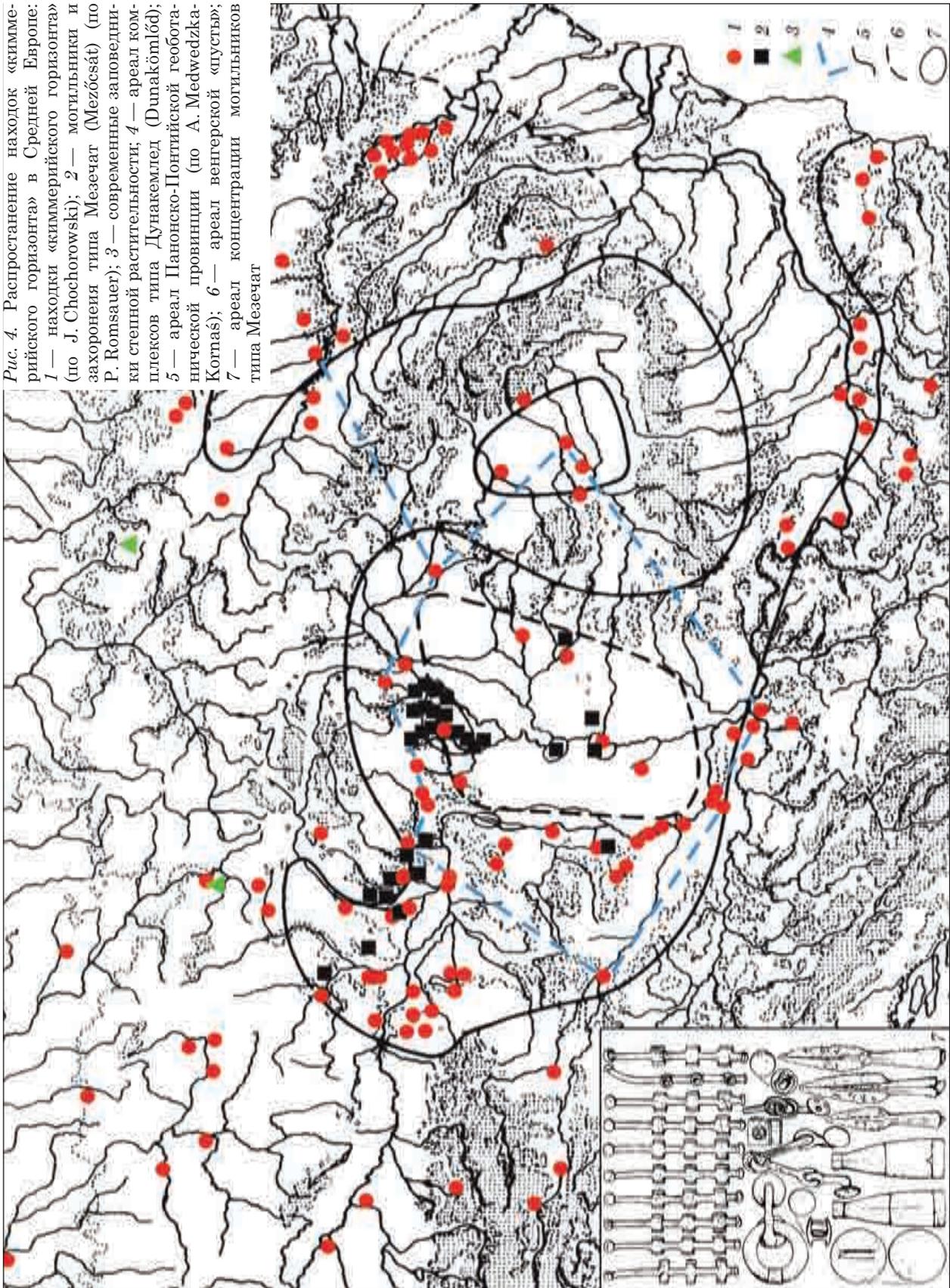

Рис. 3. Примеры находок «киммерийского горизонта» в Средней Европе (по J. Chochorowski)

Рис. 4. Распространение находок «кimmerийского горизонта» в Средней Европе: 1 — находки «кimmerийского горизонта» (по J. Chochorowski); 2 — могильники и захоронения типа Мезечаг (Mezőcsát) (по R. Komsauer); 3 — современные заповедники степной растительности; 4 — ареал комплексов типа Дунакемлед (Dunakömlőd); 5 — ареал Панонско-Понтийской геоботанической провинции (по A. Medwedzka-Kornas); 6 — ареал венгерской «пусты»; 7 — ареал концентрации могильников типа Мезечаг

плане могли сыграть сообщества со скифской моделью культуры из западных окраин «скифского мира», такие как трансильванская или западноподольская группы, несомненно, движущей силой этих процессов была активность кочевнической знати с типичной для скифского мира ментальностью и моделью культурного поведения. Их роль в среде со скифскими культурными чертами, свойственными территории Альфельда, также очень выразительна. Одним из симптомов скифской экспансивности стала также «волна» военных набегов кочевых подразделений, использовавших оружие скифского типа (рис. 6), которая в конце VII и в первой половине VI в. до н. э. охватила даже территории к северо-западу от Карпатского бассейна, в бассейне Верхней и Средней Одры и Вислы [Chochorowski, 2014, p. 32—43].

Основой концепции о размещении сикиннов на Венгерской низменности является повествование Геродота [Herod., V; 9], касающееся этнической ситуации к северу от реки Истр, то есть Дуная (рис. 7), с краткой этнографической характеристикой этого народа. Сикинны были носителями настолько своеобразных и

отличающихся от окружения культурных черт, что, бесспорно, вызывали к себе интерес современников. Следует подчеркнуть, что автор *Истории* посвящает им — народу, заселявшему пограничье известного древним грекам мира — относительно много места, приводя ряд довольно существенных сведений, что стоит процитировать: «О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность, — сикинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сикиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сикиннов простираются почти до [области] зетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии,

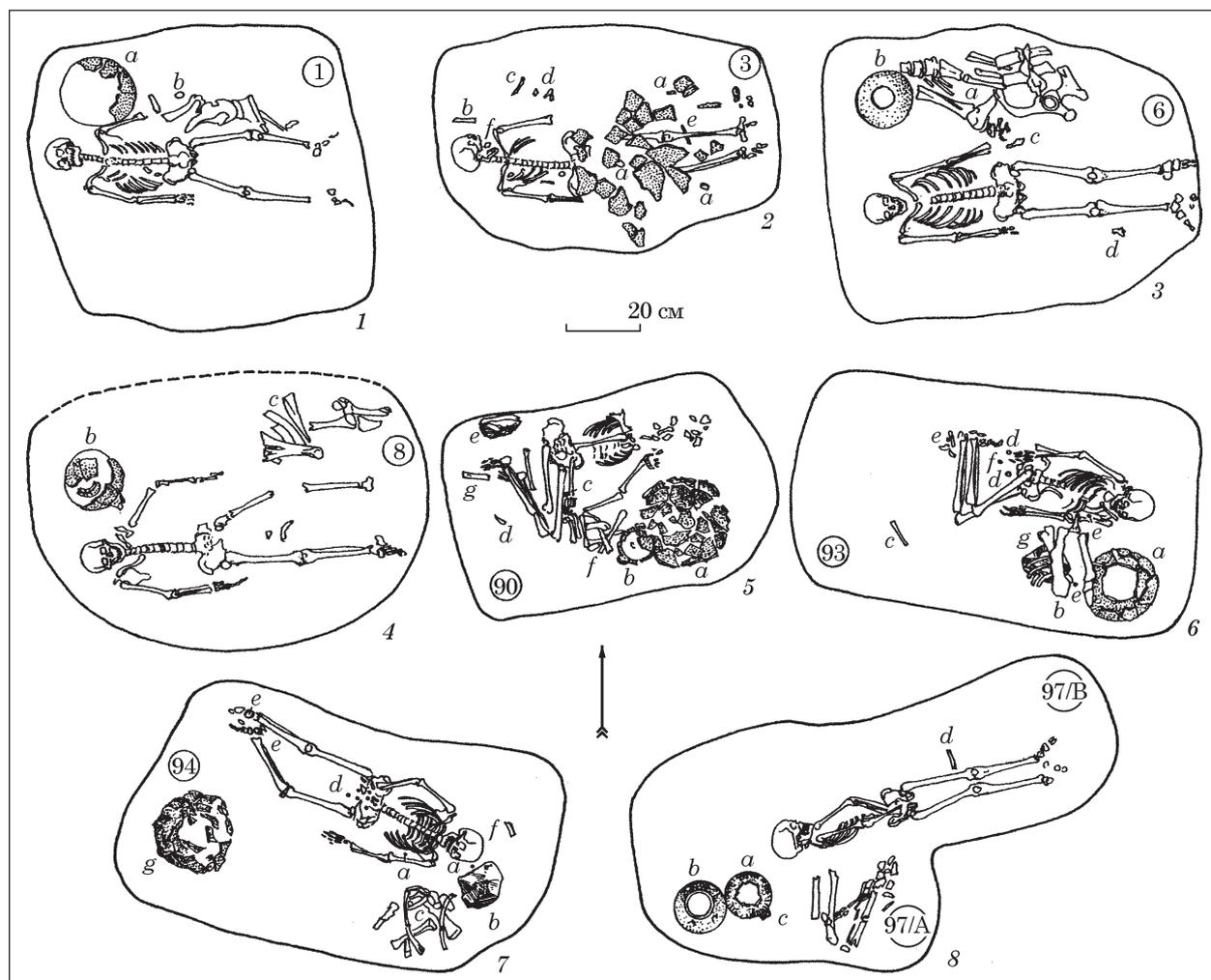

Рис. 5. Мезечат-Херчегеш (Mezőcsát-Höröcsögös); захоронения 1, 3, 6, 8, 90, 93, 94, 97 (по Е. Patek)

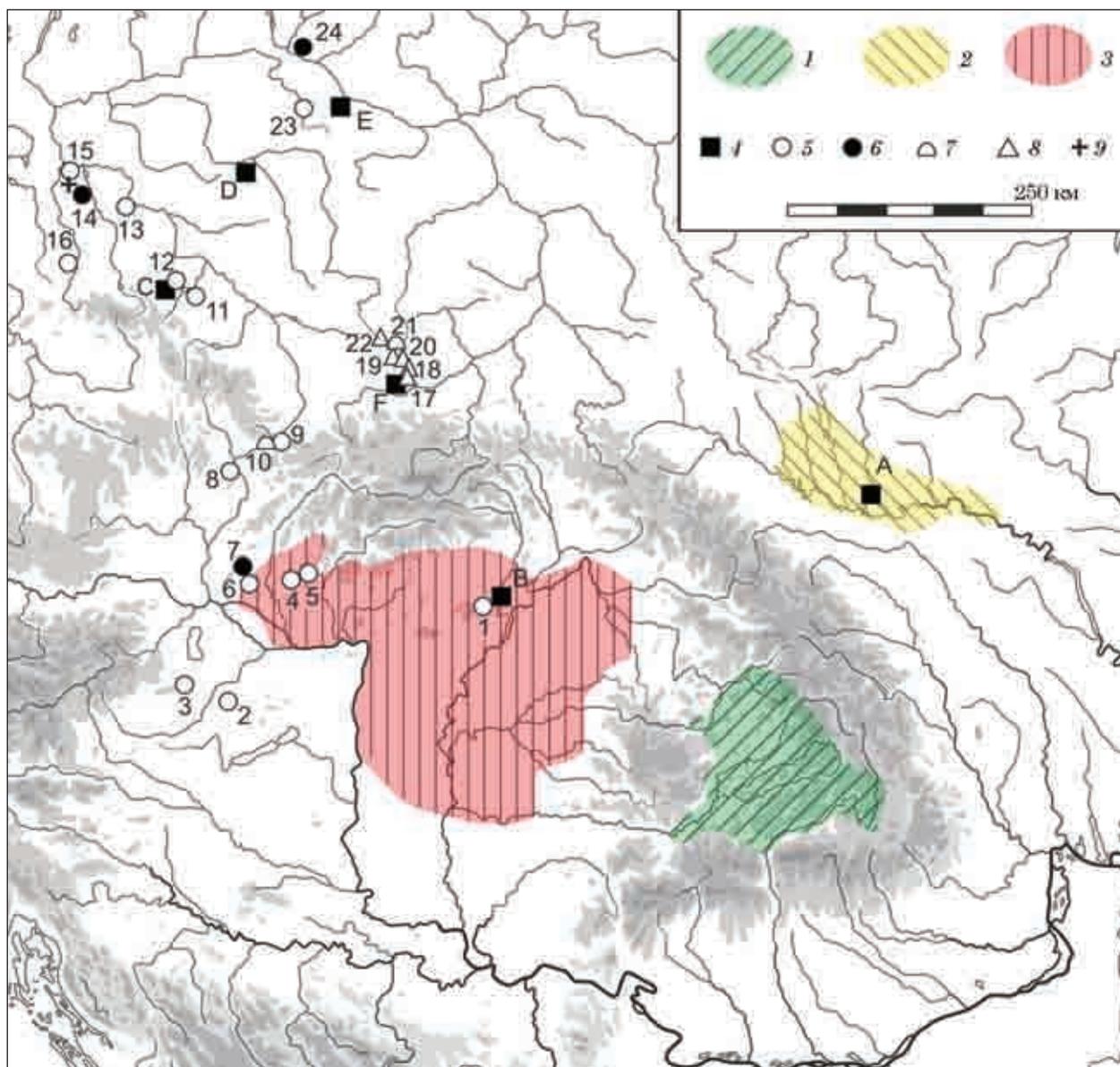

Рис. 6. Находки скифского оружия (в основном, наконечники стрел) на территории городищ и скальных убежищ в Средней Европе: 1 — трансильванская группа; 2 — западноподольская группа; 3 — векерзугская культура; 4 — находки западносибирского происхождения; 5 — находки скифских наконечников стрел на территории городищ; 6 — городища, разрушенные захватчиками, пользующимися скифским оружием; 7 — пещерные убежища, 8 — скальные убежища; 9 — Виташково (Witaszkowo)

я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев, а жители Кипра — копыя.

Данные о размещении сигиннов в этой части Европы предоставляет также другой, созданный приблизительно двумя веками позже Геродота, источник, а именно, *Аргонавтика* Аполлона Родосского (ок. 295—215 гг. до н. э.). Поэт описывает в четвертой песне [IV; 316—327] участь колхов, плывущих вверх Истра (Дуная), которые проплыв «*гору Ангур*» (перелом Железных ворот) и «*утес Кавлика*», где «*Истр разветвился*» (горы Шумадия в районе нынешнего Белграда, у слияния Дуная и Савы),

миновали «*Лаврийскую равнину*», заселенную сигиннами, а также гравкенами и синдами, и вызывали переполох среди местных «*пастырей*», которые при виде судна со страху: «*покинули безмерные стада*». Хронологически эти сведения более ранние, чем времена деятельности автора *Аргонавтики* (территории среднего бассейна Дуная уже с IV в. до н. э. были заняты кельтскими племенами), и представляют знания об этнической, и не только (см. сведения, касающиеся «*безмерных стад*»), ситуации в данной части Европы до вторжения кельтов [Chochorowski, 1987, p. 206—207]. Сведения, содержащиеся в приводимых источниках, позволяют не сомневаться в том, что упоминаемые Геродотом и Аполлоном Родосским сигинны

занимали в V в. до н. э. (хоть и прибыли сюда значительно раньше), равнинные территории Венгерской низменности («Лаврийскую равнину»), расположенные к северу от Дуная. Автор *Истории* не оставляет сомнений, что они были на этих землях пришельцами, а также указывает место, откуда ситинны прибыли («из Мидии»). Интересно, что Аполлон отметил именно синдов как «обитателей» Лаврийской равнины — народ, прочно укоренившийся в этнической структуре Западного Предкавказья (Кубани и Таманского полуострова) [Шелов, 1982, с. 31—39].

Оставленная Геродотом этнографическая характеристика ситиннов необыкновенно схожа с выявленными археологически важными культурными чертами группировок, занимавших Венгерскую низменность в раннем железном веке. Полное отсутствие или редко встречающиеся в погребальном инвентаре группы Мезечат и культуры Векерзуг фибулы и булавки, предметы для застегивания верхней одежды («плаща-пелеринь»), указывают на то,

что здесь использовалась одежда, именуемая в древности «мидийской», «скифской» либо «персидской». Насколько выразителен культурный рубеж, отделявший в этом отношении тогдашнее население Венгерской низменности, свидетельствует, к примеру, сравнение числа фибул, найденных в эпонимном могильнике в Сентеш-Векерзуг (на 136 могил — 7 фибул) [Párducz, 1954, Fig. 32, 20—22; pl. VIII, 1—1a; XVII, 3; XXII, 1, 2; XXIX, 17; 1955, pl. XIV, 3a, 3b], и на позднегальштатском могильнике в Сентлеринц (Szentlőrinc) в Южной Паннонии на противоположном берегу Дуная, где в 64 могилах было обнаружено 67 фибул [Jerem, 1968, p. 184]. Не удивительно, что именно эта черта была для современников существенным отличительным признаком культуры ситиннов и, как таковая, была отмечена Геродотом. Очень интересна в этом контексте находка бронзовой оковки пояса из Мольника (Molnik) близ Любляны в Словении [Teržan, 1998, Abb. 10], представляющая собой т. н. искусство ситул (*Situla Art*), создателями которого были венеты. Это

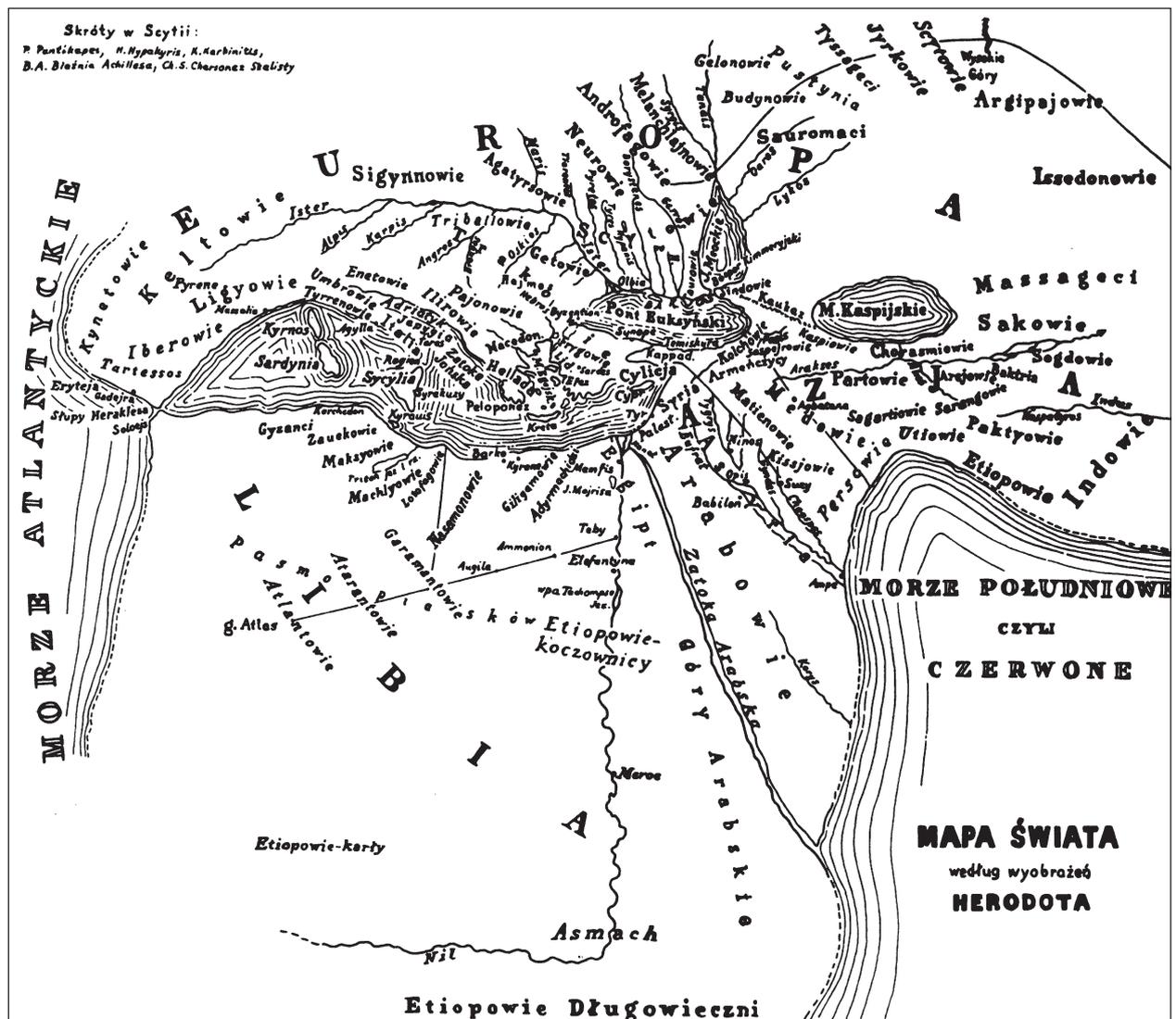

Рис. 7. Карта мира по представлениям Геродота (по S. Hammer)

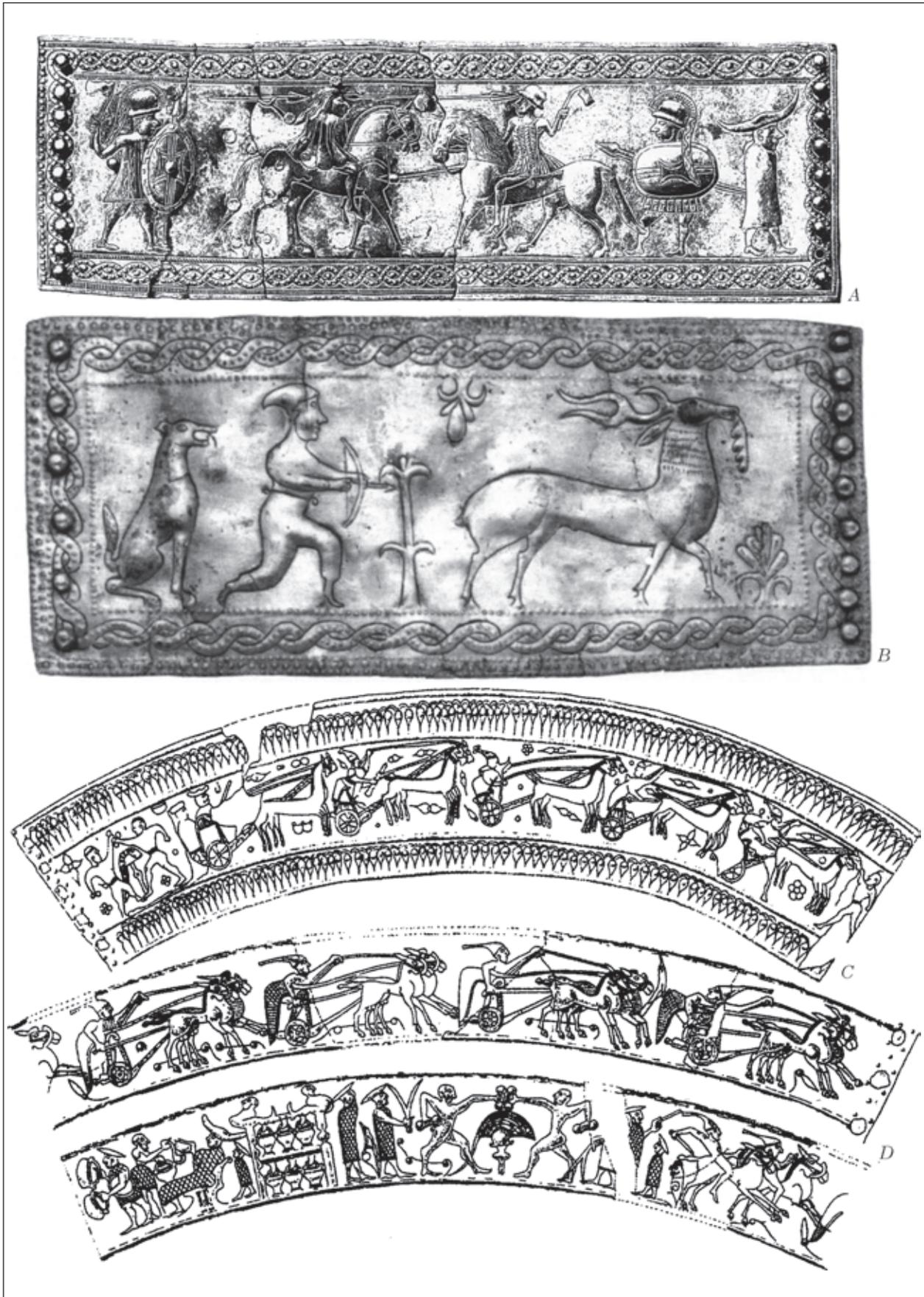

Рис. 8. Архетипи изображений «галльштатського» населення і людей, користуючихся мідійською одягою в «искусстве ситул»: А — Ваце (Vače), Словения; В — Мольник (Molnik), Словения; С — Болонья-Арноальди (Bologna-Arnoaldi), Італія; D — Куфферн (Kuffern), Австрія

явление характерное для территории юго-восточных Альп и Северной Италии в VII—IV в. до н. э. (пик популярности достигло в VI—V вв.). Представленный в сцене охоты лучник носит «мидийскую» одежду (перетянутый поясом кафтан, брюки и островерхий головной убор), отличающуюся от одежды местных жителей (рис. 8, А, В): короткого платья рубашечного покроя и надеваемой поверх него на плечи довольно длинной и широкой накидки (как хитон

и хлайна / хламида в греческом наряде). Безусловно, венецкий (галльштатский) «художник» изобразил представителя чуждой для автохтонов среды, отличие которого воспринималось именно сквозь призму одежды. Кстати, применение лука (вопрос скифского или местного, «простого», как на оковке из Мольника), местным населением подтверждается одинокими находками колчаных наборов (рис. 9) [Staré, 1962—1963, Т. IX, 8—56; X, 1—62] и многочис-

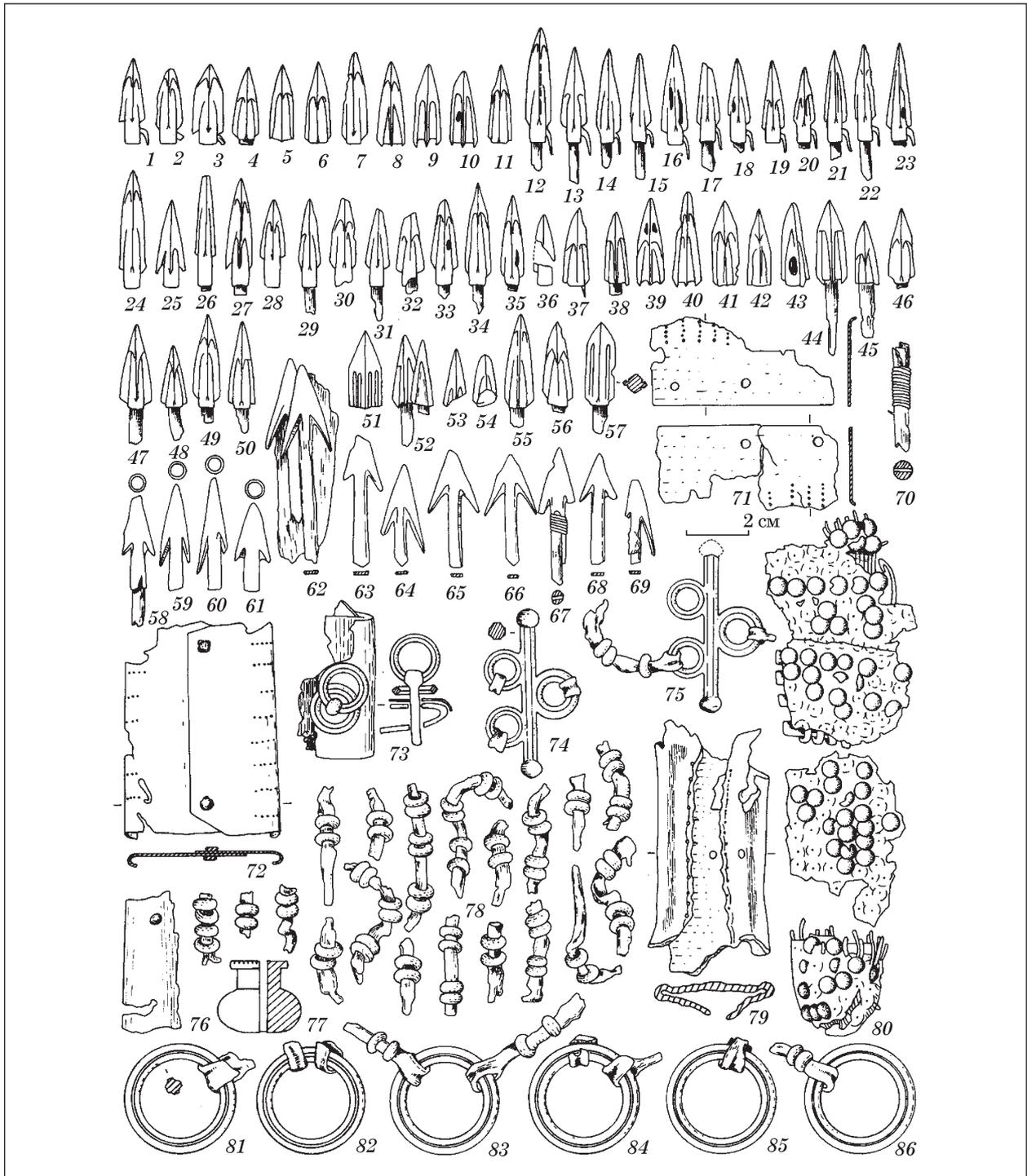

Рис. 9. Либна-Либенска Гора (Libna-Libenska Gora), Словения; инвентарь захоронения «лучника» (по F. Staré)

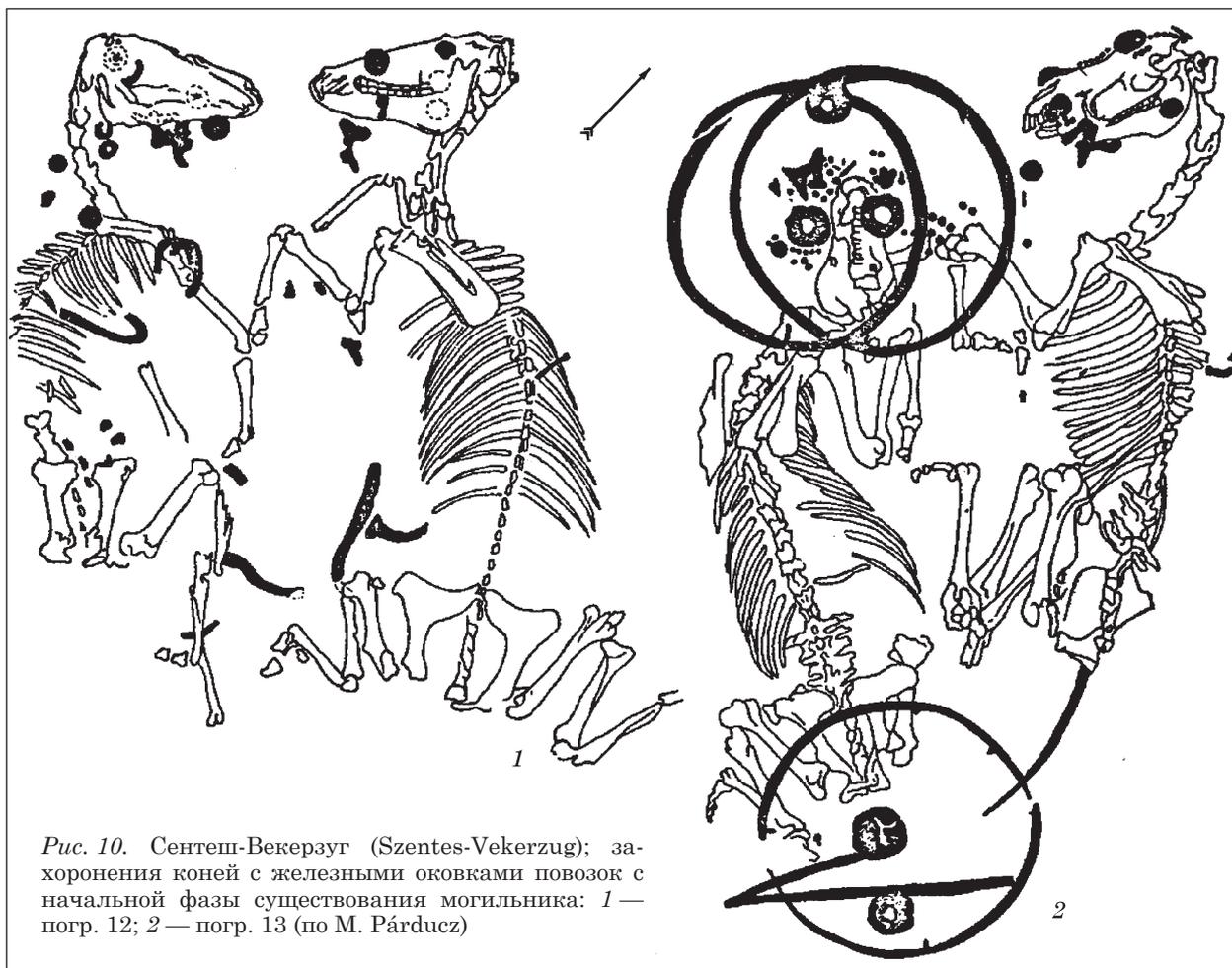

Рис. 10. Сентеш-Векерзуг (Szentés-Vekerzug); захоронения коней с железными оковками повозок с начальной фазы существования могильника: 1 — погр. 12; 2 — погр. 13 (по М. Párducz)

ленными наконечниками стрел в могильных инвентарях.

Повествование Геродота достоверно и в отношении факта использования сигиннами лошадей с чертами, типичными для тарпанов, а также особой роли телег, используемых, по всей видимости, не только для перевозок [Bökönyű, 1954, p. 104—109]. Конские погребения с телегами, известные в этой среде (в том числе из могильника в Сентеш-Векерзуг — рис. 10) [Párducz, 1952, pl. XLII, 1, 2; L, 1, 2], подчеркивают символическое значение этой черты в общественно-ритуальных поведении, возводя ее до роли культурного идентификатора. Не удивляет тогда факт, что лошади из могильника Сентеш-Векерзуг по данным палеозоологии действительно являются представителями породы тарпанов. Отдельные конские погребения в могильниках (Szentés-Vekerzug, Chotín, Tiszavasvári-Csárdapart, Csanytelek-Ujhalastó, Muhi-Kocsmadomb) или же ритуальное возложение в могилу конских черепов (Tápiószéle) [Kmetová, 2014] указывает на то, что лошадь играла существенную роль в символических поведении сигиннов, которые охватывали также погребальные обычаи. Экономическим контекстом данного явления была большая популярность коневодства и очень высокий уровень

разведения пород тарпана на Венгерской низменности в раннем железном веке. Эти факты легли в основу интересной концепции Я. Харматты [Harmatta, 1968, S. 153—157] о роли сигиннов в т. н. венетской торговле беговыми лошадьми, которые при посредничестве венетов попадали в Грецию (в частности в Спарту), где с VII в. до н. э. пользовались репутацией быстрых и победоносных («*Enetidas polos stephanophoros*») рысаков. Иконографические изображения из круга художников «искусства ситул» показывают, что скачки рысаков также были в этой среде существенным элементом общественной жизни, связанным, быть может, с придворным церемониалом. Несложно заметить, что возникшие колесницы (древнегреч. *heniothos*, латын. *auriga*), представленные на ситулах из Болониа-Арноальди и из Куфферн близ Штатцендорф в Нижней Австрии (рис. 8, C, D), отличаются от других персонажей характерным островерхим головным убором, типичным для «мидийской», «скифской» или «персидской» одежды [Chochogowski, 1993, p. 249—250]. Не исключено, что и в этом случае «художник» учел отличительные этнокультурные черты возницы, подразумевая в нем представителя сигиннов. Очень интенсивные связи между сообществами квазискифской культу-

ры, населявшими Венгерскую низменность, с группировками из юго-восточного окружения Альп — главным образом, с гальштатскими группировками, заселявшими нынешнюю Словению [Teržan, 1998, S. 515—536], известную, впрочем, также как и венетские территории, конскими погребениями [Kmetová, 2014, p. 328—343, Tab. 1—4, 33—37] — делают эту концепцию весьма правдоподобной. Не подлежит сомнению, что Венгерская низменность была исходным пунктом селективного разведения быстрых рысаков, культивируемого также Венетами. Эхо этого явления простирается до времен Страбона, который упоминает, что у венетов была [V; I, 4]: «слабость к разведению коней», которые [V; I, 9]: «больше отличаются быстротой, нежели красотой». С этими фактами полностью гармонируют сведения Геродота [V; 9] о границах проживания сикиннов, которые «простираются почти до [области] этетов на Адриатическом море», а также, данные, отражающие роль сикиннов в сверхдальних торговых контактах: «Сикиннами (...) лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев».

Сикинны в качестве автохтонов упоминаются также Страбоном [XI; XI, 8], среди «народностей, живущих около Кавказа и остальной горной страны», в частности: дербиков, тапиров и каспийцев. Переданная им краткая характеристика сикиннов по содержанию ссылается на сведения Геродота, однако не является их копией. Стоит привести ее тоже полностью [Strabo, XI; XI, 8]: «Сикинны во всем следуют персидским обычаям, за исключением того, что пользуются маленькими, косматыми лошадками, которые не могут нести всадника, и их запрягают четверкой в повозку; управляют ими женщины, приученные к этому с детства, и самая искусная возница сожительствоует с каким хочет мужчиной». Замечание о «персидских обычаях» сикиннов может подразумевать также использование ими «персидской одежды»; характерно и упоминание о малых косматых лошадках (тарпанах), применяемых в упряжке. Размещение сикиннов по Страбону неясно, хотя, по мнению некоторых исследователей, чаще всего дербиков и тапиров другие древние авторы размещали в разных районах юго-западного и южного побережья Каспийско-

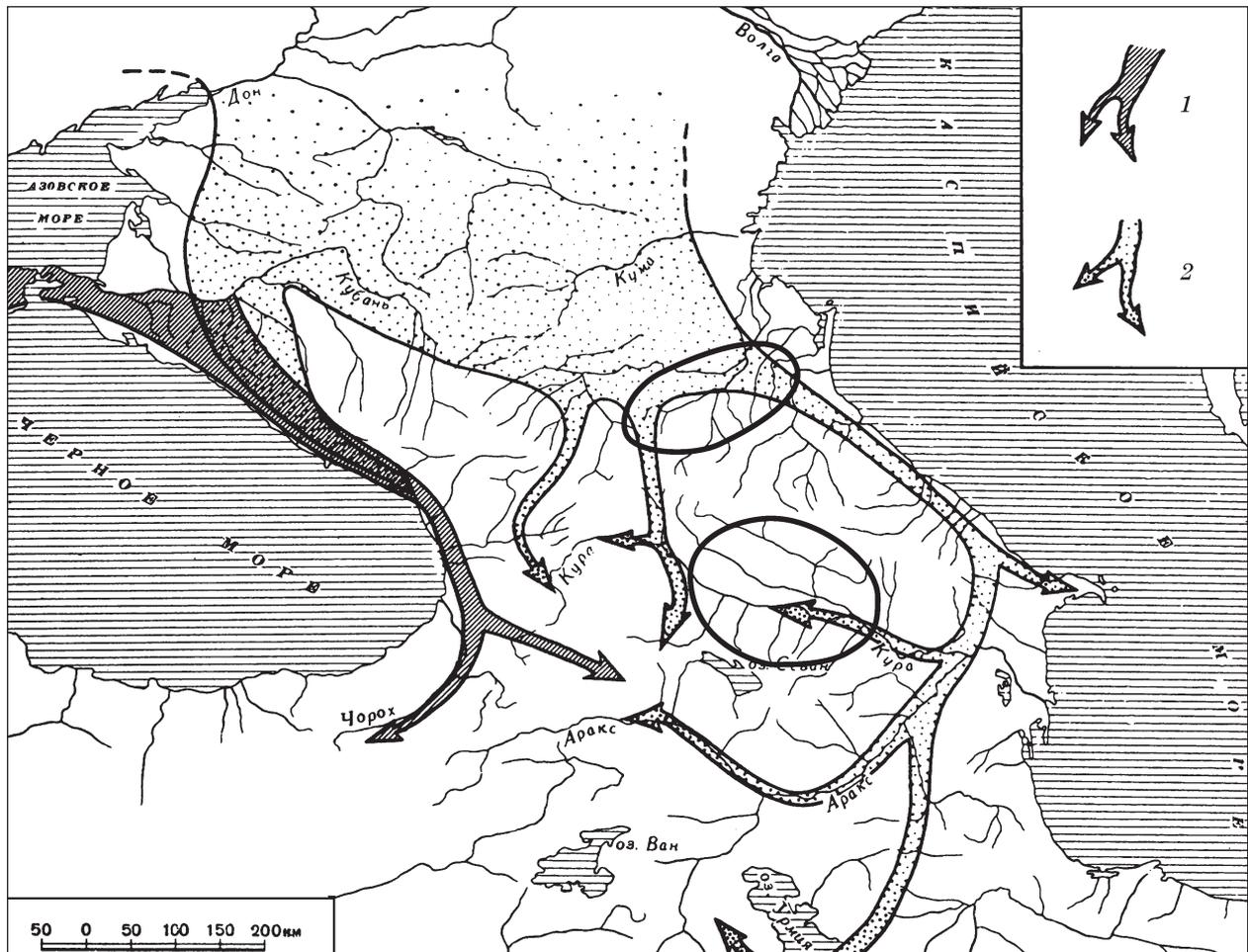

Рис. 11. Пути киммерийских и скифских походов через Кавказ (по Е.И. Крупнову) и главные территории распространения здесь глиняных пинтадеров

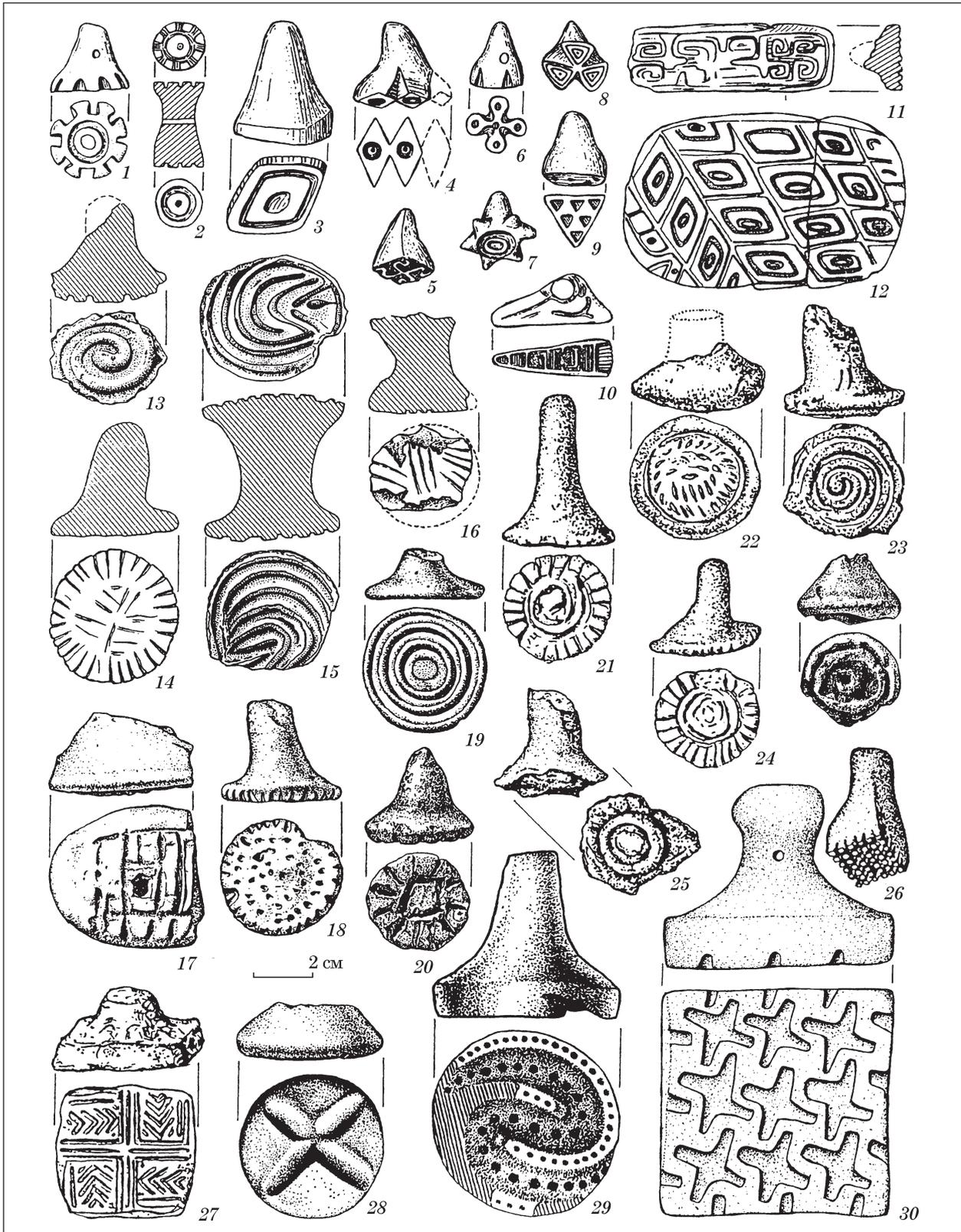

Рис. 12. Глиняные пентадеры: 1—12 — Венгерская низменность, по J. Chochorowski; 13—29 — территория Кавказа, по Е.И. Крупнову; 30 — Причерноморье, по И.В. Бруяко

го моря, в том числе по соседству с каспийцами, обитавшими на пограничье Мидии. Столь же интересное замечание о сигиннах содержит один из фрагментов, сохранившихся среди т. н. *Орфических текстов*, орфической версии поэ-

мы *Аргонавтика* (IV или V в. н. э.). В описании дороги Аргонавтов в Колхиду (759), а точнее этапа между греческими колониями Синоп в Пафлагонии и Фасис в Колхиде, то есть где-то в зоне черноморского побережья Каппадокии,

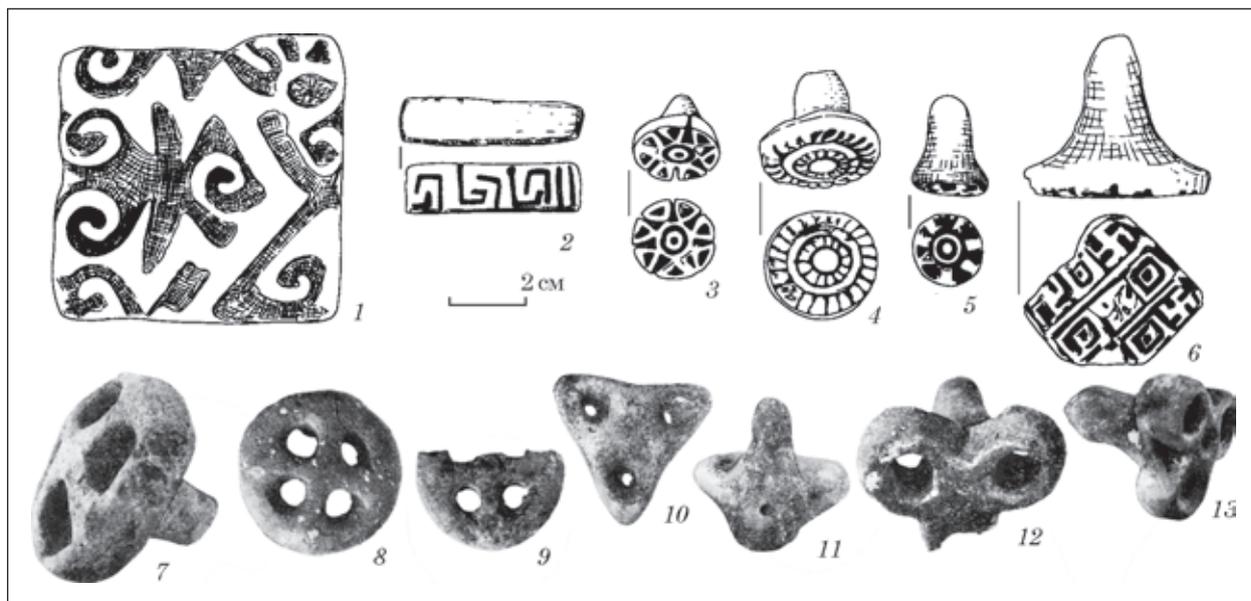

Рис. 13. Глиняные пинтадеры из зоны влияния векерзугской культуры в Средней Европе: 1—6 — Велем-Сентвидхедь (Velem-Szentvidhegy), Западная Венгрия (по J. Chochorowski); 7—13 — Гжыбяны (Grzybiany), Юго-Западная Польша (по Z. Bukowski)

упоминается «негостеприимное племя сигиннов» (*aksena phyla Sigynon*). Неясным представляется вопрос о сигиннах в произведении *Этника* Стефана Византийского (VI в. до н. э.). Содержит оно ряд выписок из *Персидской истории* Ктезия, автора конца V и начала IV в. до н. э., в том числе (565; 3—4), упоминание о «городе *Sigynnos*» (*Sigynnos polis*) и «жителях города *Sigynnos*» (*politai Sigynnoi*). В свое время Й. Маркварт [Markwart, 1932, S. 14—16], опираясь на анализ литературных источников, пришел к выводу, что племя «*Sigynnos*» (в *Аргонавтике*) и город «*Sigynnos*» (у Ктезия) следует размещать в районе нижнего течения реки Чорох (Çoruh).

Анализ письменных источников дает очень нечеткую картину размещения сигиннов в зоне Кавказа. Речь идет либо о территории вблизи юго-западного побережья Каспийского моря, по соседству с Мидией, либо вблизи побережья Черного моря, по соседству с Урарту. Кроме того, замечание Аполлона Родосского в *Аргонавтике* о синдах в качестве соседей сигиннов, обитающих на «Равнине Лаурион», предполагает существование какой-то связи между этими народами; но эта связь могла установиться только в зоне Северо-Западного Предкавказья. Картина становится чуть более понятной, если учесть динамику и направление начального этапа переселения народов, вызванного экспансией кочевников, которое в античной традиции (в результате сужения хронологической перспективы) определялось как «скифо-киммерийский конфликт». Изображает это в какой-то степени сопоставление предполагаемого размещения сигиннов, в широко понимаемой кавказской зоне, с классической схемой «ким-

мерийских» и «скифских» передвижений по Кавказу, разработанной еще Е.И. Крупновым (рис. 11) [Крупнов, 1957, рис. 31]. В связи с этим можно предположить, что античные письменные источники упоминают уже вторичное место обитания этого народа, а, скорее, различных его разветвлений. Первичное же место обитания сигиннов находилось, по-видимому, в трудноопределимом районе, где-то с северной стороны Кавказа. Не исключено, что в результате «скифской» экспансивности часть сигиннов включилась в переселения киммерийцев и вместе с ними оказалась в Закавказье по соседству с Урарту и юго-западным побережьем Черного моря, где впрочем, размещалась также страна «*Гамирк*» [Крупнов, 1960, с. 63], маркирующая присутствие здесь киммерийцев (*Gimirrai*). Значительная динамика этих процессов, изобилующих, несомненно, событиями военного характера, могла также благоприятствовать включению других групп этого народа в волну скифских переселений по направлению, идущему, обобщенно говоря, вдоль побережья Каспийского моря, в сторону Мидии и района озера Урмия. Подобным образом, наверное, можно разъяснить передвижение какой-то части сигиннов в Карпатский бассейн, после включения их в волну переселений вдоль степной зоны и занятия благоприятной для пастушеского хозяйства экологической ниши (т. н. пусты) на Венгерской низменности. Политический контекст этих процессов, имеющих в значительной мере характер «цепной реакции» и изобилующих эпизодами военных угроз и давления, мог в этом случае способствовать сохранению этнической принадлежности, а также основных черт культурной традиции, хотя,

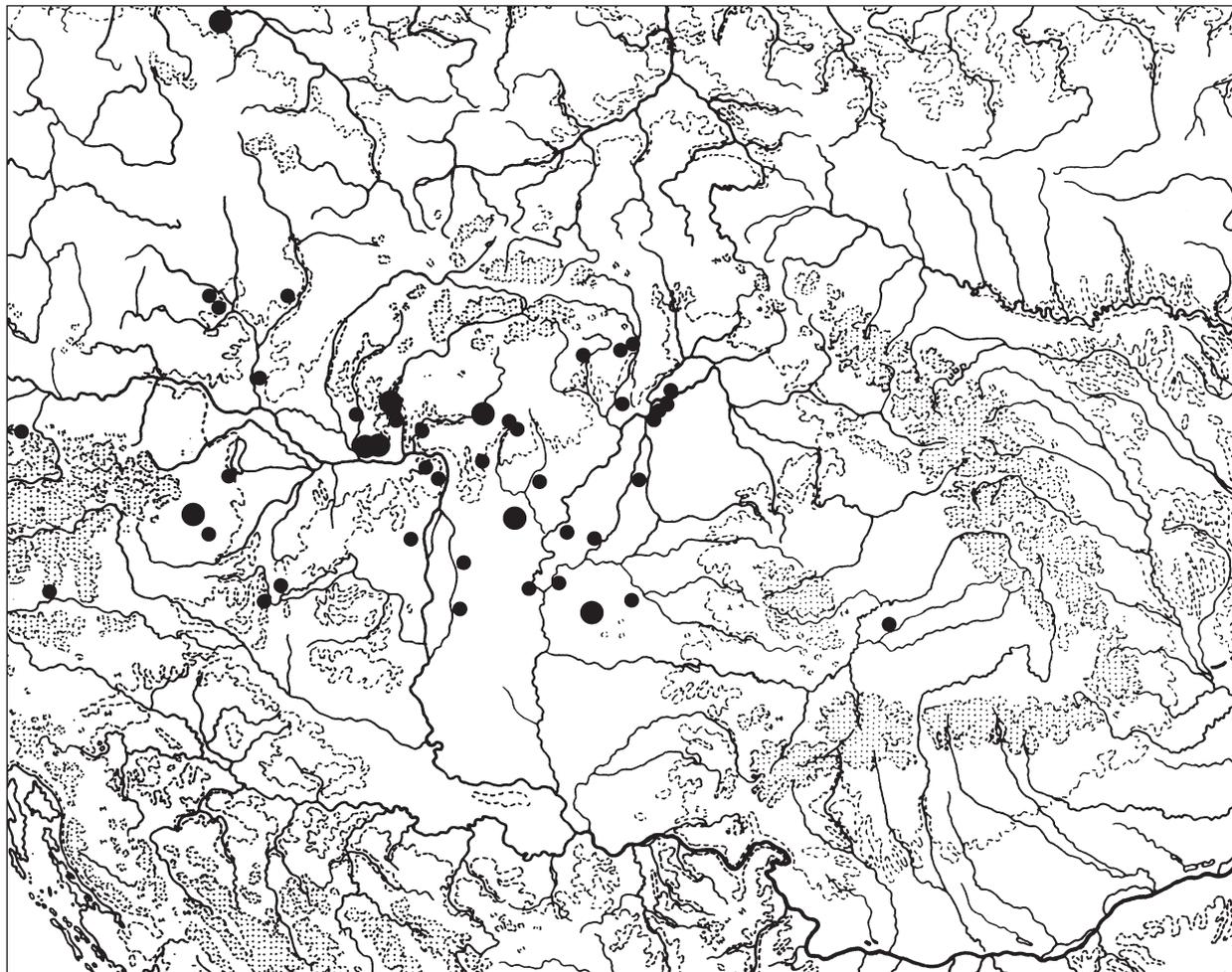

Рис. 14. Карта распространения глиняных пинтадеров в Средней Европе (по J. Chochorowski)

вместе с тем, мог и значительно влиять (попутно) на изменение совокупного «вещевого комплекса», определяющего модель материальной культуры.

Одним из наиболее интригующих моментов в контексте обсуждаемого вопроса является факт наличия в комплексах квази-скифских группировок, заселяющих Венгерскую низменность (то есть в культуре Векерзуг), глиняных печатей — пинтадеров [Chochorowski, 1985, Abb. 23; Kisfaludi, 1997, S. 75—107]. Не имея местных корней и находясь кроме территории культуры Векерзуг (рис. 12, 1—12) исключительно в зоне ее воздействия (рис. 13) [Chochorowski, 1985a, Abb. 5, 1, 6; 6, 7, 9—13; 7, 25; Bukowski, 1988, p. 53—64, Рис. 1—7; Бруяко, 2014, с. 39—49], пинтадеры на территории Средней Европы являются экзотическим феноменом (рис. 14).

Функция пинтадеров не совсем ясна, хотя, судя по контексту находок (они чаще всего являлись снаряжением женских захоронений вместе с каменными плитками и кусочками охры), применялись они для окрашивания тканей либо украшения тела («тагуирования»). Не подлежит сомнению, однако, что пинтадеры — характерный элемент символического (вместе со стилистикой узоров) поведения в этой среде,

имманентно вписанный в картину культурной идентичности. Но наиболее увлекательным является факт, что единственные и ближайшие аналогии этого рода артефактов находятся именно в зоне Центрального Кавказа, как в Предкавказье (рис. 12, 13—29), преимущественно в восточных группировках кобанской культуры, в среднем бассейне реки Терек, так и в Закавказье, в том числе на территории Азербайджана [Krupnov, 1962, S. 197—205, Abb. 1—2; Крупнов, 1965, с. 192—195, рис. 1; 1969, с. 105—110, рис. 1; 2]. Среди материалов этой зоны, датируемых первыми столетиями I тыс. до н. э. (главным образом, IX—VIII вв. до н. э.), встречаются пинтадеры, как две капли воды, совпадающие со среднеевропейскими находками [Chochorowski, 1998, S. 484—486, Abb. 5]. Хотя их нельзя отнести к «этническому» идентификатору, не подлежит сомнению, что перемещение такой своеобразной категории культурного габитуса выходит за рамки действия механизмов обычного культурного трансфера и требует другого истолкования. В какой-то степени, глиняные пинтадеры можно считать тогда маркером культурной тождественности переселявшего этноса, как и крайних, территориальных точек его «исхода».

- Брюляк И.В. Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом // *Stratum plus*. — 2014. — № 3. — С. 39—49.
- Геродот. История в девяти томах / пер. и прим. Г.А. Стратановского. — М., 1999. — 740 с.
- Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н. э.). — Армавир, 1999. — 401 с.
- Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // *Скифский мир*. — К., 1975. — С. 52—73.
- Козенкова В.И., Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). — М., 1996. — 162 с.
- Козенкова В.И., Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций, Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке // *Сборник памяти М.П.Абрамовой*. — М., 2007. — С. 258—294.
- Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. — М., 1957. — 176 с.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960. — 520 с.
- Крупнов Е.И. Новые «пинтадеры» из сел. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия) // *Новое в советской археологии*. — М., 1965. — С. 192—195.
- Крупнов Е.И. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушети // *Древности Восточной Европы* (к 70-летию А.П. Смирнова). — МИА. — 1969. — № 169. — С. 105—110.
- Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. — К., 2003. — 140 с.
- Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса — К., 1990. — 88 с.
- Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. — М., 1964. — 940 с.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 224 с.
- Шелов Д.Б. Синды Прикубанья и греческая колонизация // *Thracia Pontica*. — 1982. — I. — С. 31—39.
- Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы*. — МИАР. — 1997. — № 1. — С. 19—34.
- Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 432 с.
- Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-западном Кавказе (к постановке проблемы). Часть I // *РА*. — 2002. — № 3. — С. 26—38.
- Apollonios Rhodios. Die Argonauten, Verdeutsch von Thassilo von Scheffer. — Leipzig, 1940. — 237 S.
- Bouzek J. Caucasus and Europe and the Cimmerian Problem // *Sborník Národního Muzea v Praze*. — 1983. — T. XXXVII. — P. 177—240.
- Bouzek J. Central Europe and Caucasus in the early iron age // *Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae*. — Kraków, 2012. — P. 537—547.
- Bökönyi S. Les chevaux scythiques de Szentés-Vekerzug II (Étude sur le matériel osseux des fouilles de 1952—1953) // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1954. — T. IV. — P. 93—114.
- Bukowski Z. Elementy wschodnie w kulturze lużyckiej u schyłku epoki brązu. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. — 183 p.
- Bukowski Z. Pintaдеры глиняные з осady otwartej kultury lużyckiej w Grzybianach, woj. Legnickie // *Studia nad etnogenezą Słowian*. — Wrocław, 1988. — T. 1. — P. 53—64.
- Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. — Warszawa; Kraków, 1985. — 163 S.
- Chochorowski J. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa // *Præhistorische Zeitschrift*. — 1985a. — T. 60, 2. — S. 204—271.
- Chochorowski J. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej // *Przegląd Archeologiczny*. — 1987. — T. 34. — P. 161—218.
- Chochorowski J. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Środkowej. — Kraków, 1993. — 327 p.
- Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. — München; Rahden, 1998. — S. 473—491.
- Chochorowski J. Kimmerowie i Scytowie — koczownicy Wielkiego Stepu na progu historii // *Wędrowniacy i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu*. — Kraków, 2004. — P. 91—102.
- Chochorowski J. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości // *MiSROA*. — 2014. — T. XXXV. — P. 9—58.
- Ciugudean H. The chronology of the Gáva culture in Transylvania // *Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae*. — Kraków, 2012. — P. 229—243.
- Gazdapusztai Gy. Beziehungen zwischen den prähistorischen Kulturen des Karpatenbeckens und des Nordkavkasus (Beiträge zum sogenannten Kimmerierproblem) // *Acta antiqua et archaeologica*. — 1963. — T. V. — S. 5—40.
- Gazdapusztai G. Caucasian relations of the Danubian basin in the early iron age // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1967. — T. 19. — P. 307—333.
- Hančar F. Hallstatt — Kaukasus. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems // *Mitteilungen der österreichischen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Prähistorie*. — 1947. — T. LXXXIII—LXXXVII. — S. 152—167.
- Hančar F. Die bronzenen «Pferdekopfszepter» der Hallstattzeit in archäologischer Ostperspektive // *Archaeologia Austriaca*. — 1967. — T. XL. — S. 113—134.
- Harmatta J. Le probleme cimmérien // *Archaeologiai Értésítő*. — 1948. — T. VII—IX. — P. 79—132, tab. XVI—XX.
- Harmatta J. Kimmerek és szkíták // *Antik Tanulmányok*. — 1966. — T. 13. — P. 107—116.
- Harmatta J. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1968. — T. XX. — S. 153—157.
- Herodot. Dzieje, Przełożył z języka greckiego i opracował Seweryn Hammer. — Warszawa, 1954. — 764 p.
- Horváth T. L'expansion de la culture préscythique // Gallus S., Horváth T., Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. — Budapest, 1939. — P. 57—82.
- Jerem E. The late iron age cemetery of Szentlőrinc // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1968. — T. XX. — P. 159—208.
- Kemenczei T. Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur // *Die Hallstatt-kultur. Bericht über das Symposium in Steyr 1980 aus Anlaß der International Ausstellung des Landes Oberösterreich*. — Linz, 1981. — S. 79—92.
- Kemenczei T. Hungarian Early Iron Age Metal Finds and their Relation to the Steppes // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies: Papers from the International Symposium held (Naples 9—12 November 1992)*. — Napoli, 1994. — P. 591—618.
- Kemenczei T. Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. — Stuttgart, 2005. — 86 S. + 64 Taf.
- Kemenczei T. Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe. — Budapest, 2009. — 410 S.
- Kmetová P. Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej panvy. — Bratislava, 2014. — 394 p.
- Krupnov J.I. Kaukasische «Pintaderas» // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. — 1962. — T. XCII. — S. 197—205.

Kisfaludi J. Tonstempel und Knochenzylinder aus der mittleren Eisenzeit im Karpatenbecken // *Communications Archaeologicae Hungariae*. — 1997. — S. 75—107.

Markwart J. Die Sigynnen // *Caucasica*. — 1932. — T. X. — S. 1—42.

Metzner-Nebelsick C. Die früheisenzeitliche Trennentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Jenisei*. — Regensburg, 1994. — S. 383—447.

Metzner-Nebelsick C. Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. — Rahden, 2002. T. 1: Text. — 542 S.

Metzner-Nebelsick C. Ein Urnenfelderzeitliches Keulenkopfepter aus Apetlon im Burgenland, Österreich // *Analele Banatului, Arheologie*. — 2009. — T. XVII. — S. 200—218.

Párducz M. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1952. — T. II. — P. 143—172, tab. XLII—LXVIII.

Párducz M. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug II (les fouilles de 1852 et 1953) // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1954. — T. IV. — P. 25—91, tab. I—XXX.

Párducz M. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug III // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1955. — T. VI. — P. 1—22, tab. I—XIV.

Pare Ch.F.E. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa // *Jahrbuch des RGZM*. — 1998. — 43/1996. — S. 293—433, Taf. I—V.

Patek E. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn // *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. — Bratislava, 1974. — S. 337—362.

Patek E. Westungarn in der Hallstattzeit. — Weiheim, 1993. — 177 S.

Podborský V. Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. — Brno, 1970. — 239 S. + 90 Taf.

Romsauer P. Zur Frage der Westgrenze der Mezőcsát-Gruppe // *Archaeology of the bronze and iron age: Proceedings of the International Archaeological Conference Százhalombatta (3—7 October 1996)*. — Budapest, 1999. — P. 167—176.

Staré F. Kipec ilirskega bojovnika z Vač // *Arheološki Vesnik*. — 1962—1963. — T. 13—14. — P. 383—420.

Sulimirski T. Die Skythen in Mittel- und Westeuropa // *Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte (Hamburg vom 24. bis 30. August 1958)*. — Berlin, 1961. — S. 793—799.

Teržan B. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. — München; Rahden, 1998. — S. 511—560.

Trachsel M. Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit. — Bonn, 2004. — 340 S. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. — T. 104).

Vasiliev V. Scitii agatirși pe teritoriul României. — Cluj-Napoca, 1980. — 186 p. + 26 pl.

J. Chochorowski

KAUKAZ I KOTLINA KARPACKA WE WCZESNEJ EPOCE ŻELAZA (problem pochodzenia Sigynnów)

Przełom epoki brązu i epoki żelaza w Kotlinie Karpackiej charakteryzuje się głębokim kryzysem struktur osadniczych i kulturowych. Głównym czynnikiem sprawczym tych procesów był agresywny charakter oddziaływań koczowniców Wielkiego Stepu. Jednym z efektów presji, głównie wschodnioeuropejskich nomadów, może być przesunięcie się na tere-

ny Niziny Węgierskiej grup ludności wywodzącej się ze strefy kaukasko-pontyjskiej, które w nowym środowisku zachowały poczucie tożsamości kulturowej i etnicznej. W grę wchodzi tu zwłaszcza osiedlenie się jakiegoś odłamu ludności pochodzenia kaukaskiego, wzmiankowanego w źródłach pod nazwą Sigynnów. Według charakterystyki etnograficznej przytoczonej przez Herodota (V; 9), mieli oni nosić «strój medyjski» i używać wozów zaprzężonych w szybkie klusaki (tarpany). Informacje Herodota i Apolloniosa Rodyjskiego, pozwalają ich lokalizować na terenie Alföldu («równina Laurion» Apolloniosa) i identyfikować z częścią quasi scytyjskich ugrupowań z Wielkiej Niziny Węgierskiej z VII—V w. p. n. e. (zespoły typu Szentes-Vekerzug). Ich pierwotne siedziby znajdowały się zapewne gdzieś w strefie kaukasko-kaspjskiej, m.in. w pobliżu ludu Kaspijów (Strabon), gdzieś w sąsiedztwie Medii. Archeologicznym identyfikatorem specyficznych zachowań kulturowych napływowego elementu etnicznego na terenie Niziny Węgierskiej, są m.in. gliniane pieczęcie — pintadery, używane zapewne do tatuowania lub barwienia tkanin. W środowisku środkowoeuropejskim są one elementem całkowicie obcym, tak z punktu widzenia funkcji użytkowej jak i symbolicznej. Stanowiły natomiast charakterystyczny atrybut zachowań kulturowych społeczności zamieszkujących na terenach położonych tak po północnej jak i południowej stronie centralnego Kaukazu, co najmniej od pierwszych stuleci I tysiąclecia p. n. e.

Słowa kluczowe: Kaukaz, Kotlina Karpacka, wczesna epoka żelaza, migracja, Sigynnów

J. Chochorowski

THE CAUCASUS AND THE CARPATHIAN BASIN IN THE EARLY IRON AGE (on the Genesis of the Siginnae)

The Bronze / Iron Age transition saw a severe crisis in the settlement and cultural patterns in the Carpathian Basin, and the main factor behind these processes was the aggressive influence of nomadic peoples from the Great Steppe. One possible result of the pressure exerted by East European nomads was the migration to the Great Hungarian Plain of groups of the Caucasian-Pontic population, who maintained the sense of their cultural and ethnic identity in the new environment. The best example is a group of people of Caucasian origin who came to be known in ancient sources as the Siginni. According to their ethnographic description by Herodotus (V: 9) they allegedly wore a «Median costume» and used carts driven by fast trotting horses (tarpans). The information provided by Herodotus and Apollonius of Rhodes allow the Siginni to be placed in the Great Hungarian Plain («the Plain of Laurion» in Apollonius) and archaeologically identified with some of the quasi-Scythian groups known from that territory in the 7th—5th century BC (materials of the Szentes-Vekerzug type). Their original homeland was probably somewhere in the Caucasian-Caspian zone, close to the Caspi tribe (acc. to Strabo), somewhere not far from Media. The ethnically foreign people migrating to the Great Hungarian Plain left their distinct marks in archaeological record, among others in the form of clay stamps — pintaderas which were probably used for tattooing or cloth decoration. In Central Europe such stamps are a completely foreign element, both in the utilitarian and symbolic aspects, but they were characteristic attributes of people inhabiting the areas to the north and south of the Central Caucasus, at least from the first centuries of the 1st millennium BC.

Keywords: Caucasus, Carpathian Basin, Early Iron Age, migration, Siginnae.

Одержано 28.03.2017

M. Ljuština, I. Ninčić

SCYTHIAN WEAPONS AND HORSE HARNESS IN THE TERRITORY OF SERBIA

The article analyses the objects of Scythian origin in the territory of Serbia, which show the cultural contacts. Weapons and harness of Scythian origin in Serbia are not numerous and come mostly from burials and as accidental finds. Weapons were found in burial mounds of the Early Iron Age in the areas of Atenica, Pilatovići near Požega, and Romaja near Prizren. The finds can be traced from Vršac in the north to Prizren in the south, and the vicinity of Požega in the west. In most cases they are the items imported from the territory of traditional residence of the Scythians.

Keywords: *weapons, horse harness, Scythian, Serbia, import, arrowheads, bits, akinakes.*

Introduction. Speaking in general terms, the communities — bearers of the Early Iron Age cultures in the territory of Serbia were attributed to the tribes of the Balkan peninsula of Illyrian, Thracian, Triballian, Autariataean and Dacogetic origin. A rather small amount of material remains which could be associated with Scythian tribes is insufficient to reflect their way of arrival to the Balkans, with only arrowheads indicating some sort of exchange. Mutual conflicts are not excluded [cf. Jovanović, 1999, p. 39]. Archaeological excavations, so far, have not led to a discovery of a settlement or a necropolis that could be associated with Scythians, but rather to a certain number of movable artefacts, generally found as grave goods. The artefacts, with solid archaeological context, are considered to be imported part of the grave inventory in the sites related to other Iron Age ethnic groups. Research of the so-called Scythian horizon, thus, begins with investigations of these sites in Serbia and refers to identification of artefacts of Scythian origin and their stylistic and typological analysis (Fig. 1).

In the late 1950^s archaeological excavation began in the prehistoric site of Ritopek, in the vicinity of Belgrade, in which the Bronze Age, and Early and Late Iron Age objects and graves were ascertained. Two pairs of horse bits with bridles (part of a horse harness) were discovered within the grave inventories, as well as two decorative plates for harness [Тодоровић, 1966, с. 153], which are considered one of the first and most recognizable Scythian finds in Serbia. During the same period two mounds in Atenica, near Čačak, were excavated [Букнић, Јовановић, 1966]. Excavations resulted in greatest number of the Scythian finds discovered in a single site in Serbia. A bone dagger hilt, seven arrowheads, a horse bit, as well as a harness ring, were all discovered in the context of a princely grave. Once more in a funerary context, in the site of At, on the outskirts of Vršac, a spearhead was found, together with two bronze arrowheads [Јовановић, 1974, с. 305]. In Pilatovići, near Požega, the greatest number of arrowheads uncovered in a single spot, were found in the 1970^s. A total of 25 pieces were found in the outer rim of the mound, within a cremated grave [Zotović, 1985, p. 97]. During the 1970^s, excavations in Zlotska pećina (Zlot cave), a cave site with a wider chronological span, led to a discovery of two axes of Scythian origin [Паровић-Пешикан, 1994, с. 102], with a similar specimen found in a mound in Romaja near Prizren [Ђурић, Глишић, Јовановић, 1975, с. 41—42].

A number of Serbian scholars made their contributions to better understanding of the Scythian horizon of finds. B. Jovanović was engaged in analysis of Scythian animal style, trying to present artefacts, decorated in the style typical for Scythians, found in former Yugoslavia, and to

Fig. 1. Map of archaeological sites with Scythian weapon and horse harness finds on the territory of Serbia

determine analogies and origin of this decorative manner [Јовановић, 1977, с. 19—29]. R. Vasić wrote about Thraco-Cimmerian, Scythian and Thraco-Getic influences in the Danube basin of former Yugoslavia [Vasić, 1987, p. 559—571]. However, M. Parović-Pešikan contributed to the study of the Scythian horizon in greatest extent in her attempt to present the finds and perform typological analysis with contemporary works from countries of the Scythian origin taken into consideration [Паровић-Пешикан, 1994, с. 101—107]. Her paper from the mid 1990s was a review of findings provided by archaeological research in the second half of 20th century, considering the question of Scythians in the territory of Serbia.

A REVIEW OF THE SCYTHIAN HORIZON FINDS IN SERBIA WEAPONS

When the weapons of Scythian origin are in question, amongst many finds of arrowheads in

the territory of Serbia, there is only one short iron sword, a Scythian akinakes, found near Vršac (Fig. 2). It was discovered by chance on the Magarčevo Brdo site. It is made out of wrought iron and 30 cm long [Milleker, 1898; Господари ..., 1990, с. 200]. Archaeological context of the find is unclear due to nature of discovery. M. Parović-Pešikan classified this weapon as a dagger, on the basis of the length, and recognized it as type 1 in the typology of A. Мелюкова [Паровић-Пешикан, 1994, с. 102]. To be categorized as a sword, a weapon must be at least 40—45 cm in total length, or 30—35 cm in blade length [Топал, 2004, р. 26]. Type 1 includes daggers with a flat horizontal crossbar on top, kidney shaped hand protector, and a blade in the form of an elongated triangle with a rhomboid cross section. Similar pieces were found on several sites in Ukraine [Мелюкова, 1964, с. 47]. In the opinion of R. Vasić, the dagger could be dated at the first half of the 5th century BC [Васић, 1987, с. 564]. Since there is no archaeological context of the find, M. Parović-Pešikan chronologically positioned this piece to the second half of the 6th century BC, based on typological similarities with the finds from Hungary and Transylvania [Паровић-Пешикан, 1994, с. 102]. In this area Scythian akinakai start to appear in the 6th century BC, and are linked to the cultural groups of Vekerzug and Ciunbrud [Топал, 2004, с. 29]. D. Topal associated the Vršac akinakes with the type named after the famous Fettersfeld find [Топал, 2014, с. 7—8]. The swords of the Tisa basin and Transylvania are predominantly smaller in size, and are considered symbolic in character, with their utilization being questioned. Differences in military practice could be the reason behind this phenomenon. Bearers of the cultural groups in this area preferred battle axes and bows and arrows, as indicated by a larger amount of these weapons found in Transylvania and the Tisa basin then in steppes [Топал, 2004, с. 26]. Similar akinakai were discovered on several sites near Harkov. However, the lack of archaeological context makes their dating difficult. Based on the typological characteristics, authors concur on a range from the late 7th to the 5th century BC [Бабенко, 2009, с. 24—26].

Besides the sword from Vršac, one bone dagger hilt was discovered in Atenica near Čačak (Fig. 3). Archaeological site in Atenica consists of two princely mounds, explored in systematic excavation campaign of 1958—59 [Ђукнић, Јовановић,

1966, c. 2]. Mound I contains a female burial of a princess in the middle part, and a burial of a younger male at the side. Mound II is bigger and contains a burial of an adult male — the prince. Both graves are rich in goods, including weapons, gold and silver jewellery, bone decorations, Greek bronze vessels, pottery, horse harness, cult and ritual items and other objects. Mound II, in which the bone dagger hilt was discovered, was dated at the late 6th and early 5th century BC, based on the Etruscan box with decorative relief [Васић, 2009, c. 111]. Hilt end is decorated with a relief of a griffin head, which is comparable with Scythian animal style, while the opposite end is decorated with concentric circles and a sequence of hatched triangles, typical for Illyrian geometric style. Similarly decorated bronze vessels, however, point to a Greek origin [Ђукњић, Јовановић, 1966, c. 47]. Bone horse bit ends of Scythian provenance, identically decorated as the dagger hilt from Atenica, were discovered in Kurgan 2, on the site of Ak-syutince in Ukraine [Ильинская, 1968, c. 38]. If the animal head should be interpreted as a bird head, similar pattern could be found with Greek machairai. Greek swords are of curved blades with an average blade length of 44—48 cm. Early types have hilts decorated with a bird head, while later models have heavily stylized curved hilts, without any recognizable prototype [Сермановић, 1957, p. 76]. Similarly decorated sword hilt was found in Hungary, in the area of influence of Vekerzug culture [Паровић-Пешикан, 1994, c. 102]. Bone dagger hilt end, similarly modelled, was discovered in one of the graves of Chotin necropolis. Burial site in Chotin, in southern Slovakia, is the most important and best explored site of the Vekerzug culture [cf. Kozubova, 2013]. Zoomorphic figure presumably represents a bird head with a curved beak [Kozubova, 2013, p. 105].

Three specimens of Scythian axes were discovered in Serbia, two of which in Zlotska pećina and one in Romaja mound near Prizren. Zlotska pećina is one of the most important prehistoric sites in Serbia, as well as the most completely explored prehistoric cave site in Northeastern Serbia. Horizons of occupation range from early Eneolithic, up until the Late Iron Age [Капуран, Булатовић, Јовановић, 2014, c. 123—125]. First specimen is an axe-hammer, with flat or slightly protruding edges (Fig. 4, 1a). Other specimen from Zlotska pećina, discovered in grave 5, has lowered and bent blade edges (Fig. 3, 1b) [Паровић-Пешикан, 1994, c. 102]. The first example from Zlotska pećina is an early type of axe-hammer with flat or slightly bulging edges, with analogous finds in Starshaya mogila near the village of Aksyutince and in a mound near the village of Popovka on the left bank of Dnieper river, which are dated at the 6th century BC [Ильинская, 1968, c. 92]. A. Kozubova classifies these axes as the type 2, variant 2, amongst finds from the Chotin necropolis, in the Vekerzug cul-

Fig. 2. Akinakes from Vršac [www.muzejVršac.org.rs]

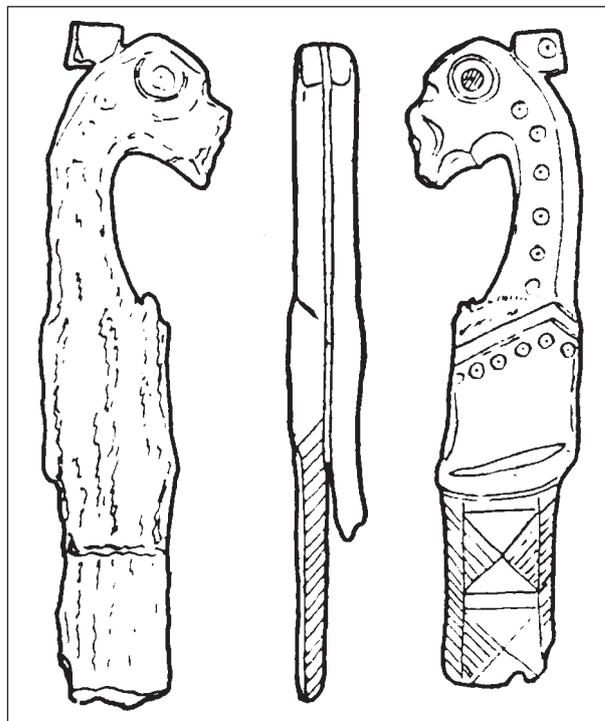

Fig. 3. Atenica — bone dagger hilt [Ђукњић, Јовановић, 1966, таб. XXII, 7a—c]

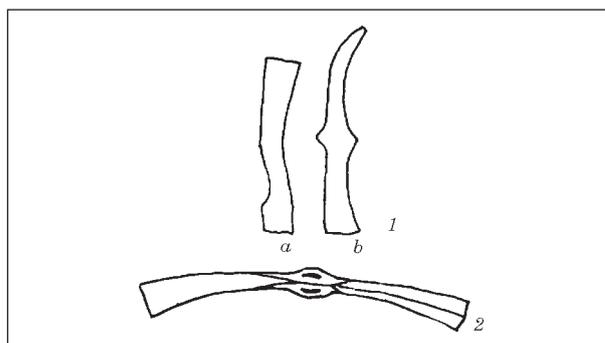

Fig. 4. Zlotska pećina: 1a — Type I axe; 1b — Type II axe [Васић, 1977, таб. 20, 16, 17]

ture area of influence. Main characteristic of this type is an asymmetrically set handle opening, as well as a wide, fan-like spread blade. Opening is located in the first third of the axe length from the flat end, with the blunt end having a rectangular cross section. These axes are dated from the late 7th to the mid 6th century BC [Kozubova, 2010, p. 51—53]. The other piece from Zlotska pećina, discovered in grave 5, has a lowered and bent blade edge, and is identical to late type axes discovered in Hungary and Transylvania, in the cultural area of Vekerzug [Паровић-Пешикан,

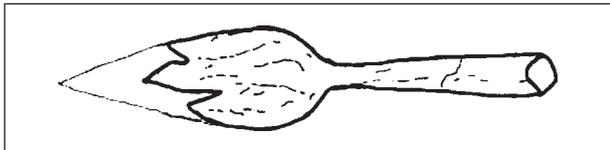

Fig. 5. Spearhead from Vršac-At [Јовановић, 1974, с. 305, V. 200]

1994, с. 102]. It is similar to the axe from Romaja, though there are no analogous finds in Scythia. Similar axes in Chotin necropolis are classified by A. Kozubova as type I — axes with symmetrically set handle opening and a rectangular blunt end, and dated at the second half of the 6th century BC [Kozubova, 2010, p. 47—51].

Romaja necropolis consists of a total of 16 mounds grouped in two zones. Three mounds were explored in the early 1970^s. A «najak» type axe was discovered in grave 5 (Fig. 4, 2) along with a large stone plate construction and a partially preserved human skeleton [Djurić, Glišić, Todorović, 1975, p. 41—42]. It is made of iron, with one end shaped into a blade, and the opposite ending like a mallet, with a handle opening set in the middle. Total length is 20 cm, with the blade being 2 cm long, and mallet diameter of 2 cm [Djurić, Glišić, Todorović, 1975, p. 45]. According to A. Kozubova typology, this axe belongs to type I, variant 1, of axes with symmetrically set handle opening and a blunt end with a rectangular cross section [Kozubova, 2010, p. 47—51]. The Romaja axe bears most resemblance to the second axe find from Zlotska pećina.

Only one spearhead of Scythian origin was discovered in Serbia, in At, on the outskirts of Vršac (Fig. 5). During the exploitation of sand pit on the north-western outskirts of the town, several graves from different periods were discovered. The older prehistoric burials dated back to the local Early Iron Age, while the younger belonged to the final stage of the middle La Tène of the Carpathian basin. The youngest graves were from Late Antiquity [Јовановић, 1974, с. 299]. The spearhead was discovered in a grave along with two bronze arrowheads, a string of amber beads and spiral ornaments made of bronze wire. Another grave contained a carinated pot-urn, analogous to those in the so-called «Scythian» burial sites of the Carpathian basin, from North-eastern Slovakia to Transylvania and the Eastern Danube basin [Јовановић, 1974, с. 305]. The spearhead is made of iron, with an almond-shaped blade, long inset shaft and a cross-section shaped like an elongated rhomboid. Chronological attribution of the spearhead from Vršac-At was made possible by the discovery of a carinated pot-urn in one of the graves. These types of vessels were discovered in graves of Chotin necropolis in southern Slovakia, and are linked to the early stage of the Vekezug culture, around 6th century BC, though later production is not excluded [Kozubo-

va, 2013, p. 142]. The presence of the pot indicates spearhead dating to roughly 6th century BC. Following A. Melyukova's typology, M. Parović-Pešikan classified this piece to the leaf-shaped spearheads type, with a long, narrow inset shaft without distinctly expressed central rib and inset shaft length equal to blade length, which places it into type 3, group 1 [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103]. Spearheads of this type are either completely flat, or forged with two slopes, with a thickening in the middle, so that cross-section has a very elongated rhomboid shape [Мелюкова, 1964, с. 38]. This form can be found in burial sites in Transylvania and Slovakia and is dated from 6th to 4th century BC. Vršac piece could match this cultural and chronological frame, though, considering arrowheads from the grave, it could be older [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103]. According to A. Kozubova, this spearhead can be classified as type V — spearheads with almond-shaped blade leaf and a long inset shaft. They are dated as early as the first half of the 6th century BC, with some examples that could be dated at the 4th century BC [Kozubova, 2013, p. 98—99].

Except arrowheads, remains of other archer equipment, like bow and quiver, were not found in Serbia. Grave finds are usually in small lots, up to 10 pieces, with damage and deformation being common due to grave burning practices [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103]. Two bronze trilobated arrowheads, made of cast iron, were discovered in a grave in Vršac-At, along with an iron spearhead, a string of amber beads and spiral ornaments made of bronze wire (Fig. 5, 1) [Господари ..., 1990, с. 199]. Burials were dated at around 6th century BC, based on a find of a carinated vessel in one of the neighbouring graves [Јовановић, 1974, с. 305]. These vessels are related to the early phase of the Vekezug culture, though later production is not excluded [Kozubova, 2013, p. 142]. According to the typological division made by A. Kozubova, based on the research of Chotin necropolis, the Vršac arrowheads should be classified as type II, variant 3 [Kozubova, 2013, p. 91]. Arrowheads of this type are trilobated, with a blade leaf of triangular or almond shape, and are dated at the 6th and early 5th century BC [Kozubova, 2013, p. 89—90].

Two specimens of bronze arrowheads were discovered in peripheral grave of mound I in Atenica (Fig. 6, 2a), with another five pieces, made of iron, in the central grave of mound II (Fig. 6, 2b) [Ђукнић, Јовановић, 1966, с. 19—48]. The majority are trilobated arrowheads with a hidden inset shaft, with the exception of those with an opening on the inset shaft and the blade tip cut off [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103]. The arrowheads from Atenica are dated at 6th—5th century BC, with an exception of one double-edged arrowhead from mound II, which could be assorted to the first chronological group [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103; Мелюкова, 1964, табл. 6—7]. Most

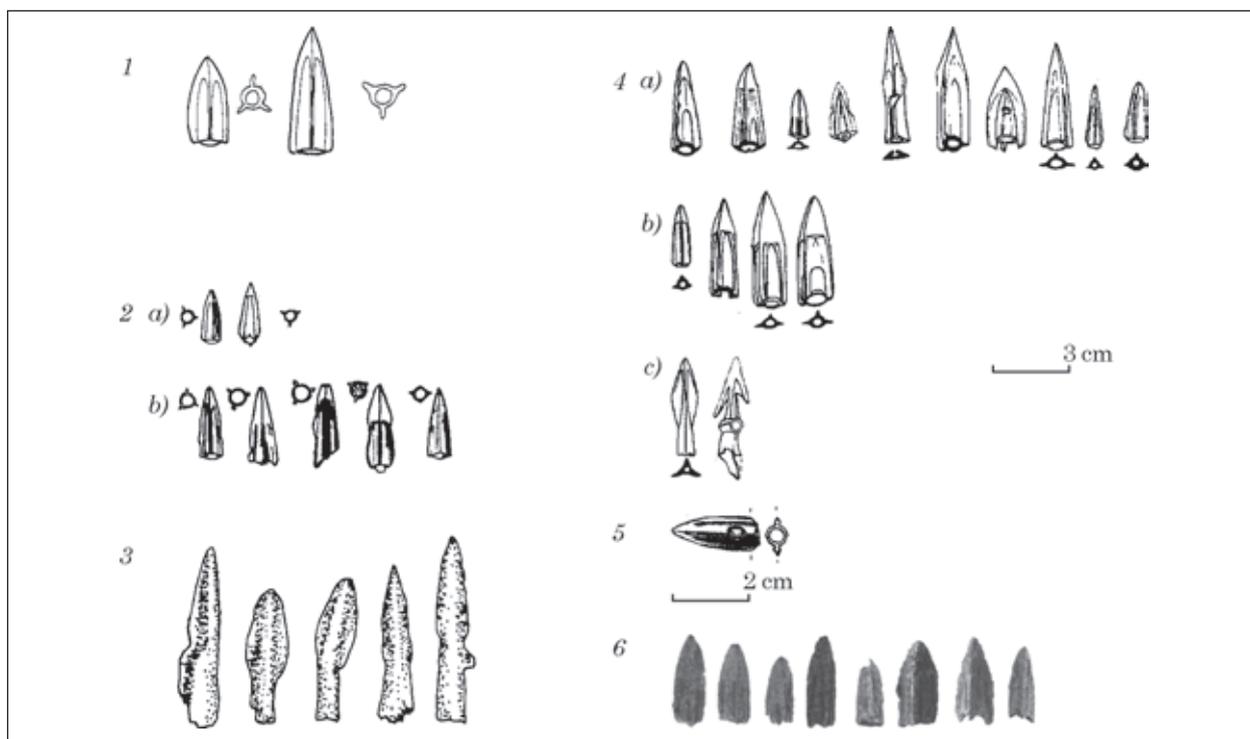

Fig. 6. Arrowheads from Vršac-At [Јовановић 1974, p. 305, V. 200] (1); Arrowheads from mound I in Atenica (2a); Arrowheads from mound II in Atenica [Букнић, Јовановић, 1966, таб. XX, 19, 20; XXIV, 1—5] (2b); Arrowheads from Pilatovići [Zotović, 1985, tab. XXXII, 4] (3); Arrowheads discovered on the Danube bank (4: a — Type 1; b — Type 2; c — Miscellaneous [Тодоровић, 1971, таб. XXXIX, 5—20]; Arrowhead from an unknown site in Ram [Стојић, Јацановић, 2008, таб. LXXXIX, 1] (5); Arrowheads from the male grave in Pećka Vanja [Љуци, 1998, с. 582, сл. 220] (6)

of them are trilobated arrowheads with a concealed inset shaft, with the exception of those with an opening on the inset shaft and cut off blade points [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103]. According to A. Kozubova's typology, both arrowheads from the mound I, as well as three pieces from mound II, can be classified as type I, variant 3 of trilobated arrowheads of triangular or almond shape. They are dated at the 6th and first half of the 5th century. One of the arrowheads from mound II is of trihedron-triangular type — type II, variant 2, dated at the second half of 6th and first half of the 5th century BC. Last piece is a double-edged arrowhead, dated not before the end of the 6th century BC [Kozubova, 2013, p. 91].

In Pilatovići necropolis, near Požega, out of 30 registered mounds, a total of 17 were preserved, more or less damaged by agricultural or other works. Two smaller sites were ascertained during the 1970s: Ravni lug, a military and civilian burial ground, and Trnjaci, where a prominent member of society was buried, most probably an Illyrian prince with his closest family members [Zotović, 1985, p. 80—88; Jevtić, 2016]. Arrowheads discovered in the grave in Pilatovići are the oldest specimens found in Serbia (Fig. 6, 3). A total of 25 pieces were discovered in the southern peripheral part of the mound, within a cremated grave [Zotović, 1985, p. 97]. Majority of the arrowheads are double-edged, though there

are some trilobated pieces, with a large cylindrical inset shaft and an oval blade head. In accordance with A. Melyukova's typology, M. Parović-Rešikan classified them as group I, type 1. Dating is set to 7th—6th century BC [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103; Мелюкова, 1964, с. 18]. Arrowheads of the second type of the first chronological group, with similar dating, are also present. These pieces have sharp leaf shape of the blade, with the greatest width in the base [Мелюкова, 1964, с. 18].

Best preserved specimens of arrowheads were collected on the Danube bank near Zemun [Паровић-Пешикан, 1994, с. 103]. Out of a total of 16 pieces, with the exception of two, all are with a concealed inset shaft (Fig. 6, 4). Despite excellent condition, interpretative value of these finds is restricted by a lack of an archaeological context. According to the typology from Chotin necropolis, 10 arrowheads can be classified as type 1 (trilobated type), out of which only one is a variant 2 (tower shaped), while the rest are variant 3 (triangular or almond shaped) (Fig. 6, 4a). They are dated from the 6th to the first half of the 5th century BC [Kozubova, 2013, p. 89—90]. Four arrowheads are analogous to type 2 (trilobated-triangular shaped), variant 1 (tower shaped) (Fig. 5, 4b). They are dated to the 6th century BC, particularly to the second half of the 6th century, but also appear in the first half of the 5th century [Kozubova, 2013, p. 89—90]. One of them is a

triple-edged arrowhead with an inset shaft that makes up roughly a third of the total length, and a blade leaf of elongated rhomboid shape (Fig. 5, 4c). This form is not found in Chotin necropolis, with closest analogy in chronological group II, according to A. Melyukova, dated to 6th—5th century BC in south-western Ukraine [Мелюкова, 1964, табл. 7, Б10]. The last example is a swallowtail type arrowhead (Fig. 6, 4c), with a long perforated inset shaft, a kind that is not found in sites of Vekerzug culture, or in Scythia, which makes its Scythian origin questionable.

A double-edged bronze arrowhead with a concealed inset shaft came from an unknown site in Ram, and was dated at Early Iron Age, from the early 6th until late 4th century BC (Fig. 6, 5). The arrowhead is with a round cross section [Стојић, Јацановић, 2008, с. 233]. According to the typology of A. Kozubova, this piece should be assorted to type 3, variant 3, of double-edged arrowheads with an almond shaped blade leaf [Kozubova, 2009, p. 69]. They are rare in the neighbouring countries, with only a single arrowhead of this type, which was discovered in Chotin necropolis. They are dated roughly at the first half of the 6th century BC [Kozubova, 2009, p. 80—81].

Protective archaeological excavation at the site Pečka Banja, located on the road to Kosovska Mitrovica, 12 km west of Peć, yielded a devastated rich tomb of a princely couple. Graves were dated at the 6th century BC, based on Greek black-figure pottery. Gender attribution of one of the burials as male was based on the nature of finds, including weapons, silver and bronze buckle and one male ring, since skeletal remains were not found [Јбуци, 1998, с. 577]. Weapon finds include eight arrowheads made of cast bronze (Fig. 6, 6), roughly 1,5—2,2 cm in length [Јбуци, 1998, с. 582]. According to A. Kozubova's typology, all of the pieces found in Pečka Banja are of type I, variant 3: trilobated arrowheads with a concealed inset shaft, almond or triangular shape. They are dated at the 6th and the first half of the 5th century BC [Kozubova, 2013, p. 89—90].

HORSE HARNESS

In the central grave of mound I in Atenica an iron horse bit with bridle was discovered, along with pieces of chariot fittings (Fig. 7, 1). Judging by the burning marks, the deceased was burned on the chariot [Ђукнић, Јовановић, 1966, с. 29]. Rein was connected to bridle via rings, which could be round or in other shapes, and such a ring was found in mound II in Atenica (Fig. 6, 2). The round ring was attached to a triangular buckle [Ђукнић, Јовановић, 1966, с. 32]. The type of bridle discovered in this grave is not distinctive for Scythia in the 6th century BC, though a similar form of early Scythian bits made of bone can be found. Bone sample could have been used as a pattern for later iron models discovered in

the Carpathian necropolises of Vekerzug culture [Паровић-Пешикан, 1994, с. 104]. According to A. Kozubova's typology, this type of bridle can be classified as type II, Sentes-Vekerzug bridle, with rings on the side ends. Since the Atenica piece is heavily fragmented, it is not possible to determine the variant of type II, which places dating into a broader range from the first half of the 6th up until the first half of the 5th century BC [Kozubova, 2011, p. 79—83]. The ring discovered in mound II of Atenica probably served as a part of a horse harness. Although these rings were used for other purposes, this type of ring with a buckle was discovered frequently in Scythian graves along with other pieces of horse harness, as seen in kurgan 2 in Aksyutince [Ильинская, 1968, табл. XVI, 10]. Bit with bridle discovered in Tolsta mogila has this kind of ring interconnected to the external loop, so that rein can be attached to the triangular buckle [Паровић-Пешикан, 1994, с. 104].

Two pairs of horse bits with bridle were discovered in Ritopek. First pair of bits was discovered in grave 12, and is a type with longways bars, that end with pyramidal heads (Fig. 7, 1). C-shaped (arc-shaped), they have three rectangular slots on the middle widened parts. Bars are tied by bits, made of two twisted joints also connected by rings. On one end, the bit is attached to the bars with a hoop, while the other ends with a ring. Total length of the bit is approximately 20 cm [Тодоровић, 1966, с. 155]. It has a close analogy in mound Tolsta mogila from the 4th century BC [Паровић-Пешикан, 1994, с. 104]. There are no analogous finds in Chotin necropolis. The other pair of bits with bridle was discovered by chance, without any archaeological context (Fig. 7, 2). The bit is S-shaped, made of iron, and roughly 30 cm long [Тодоровић, 1966, с. 156]. Bridle of this type, with ends decorated with animal heads, can be found in the mounds of forest steppe as early as the 5th century BC as seen in Aksyutince [Ильинская, 1968, с. 118].

Only three pieces of decorative plates were discovered in Serbia, two in Ritopek and one in

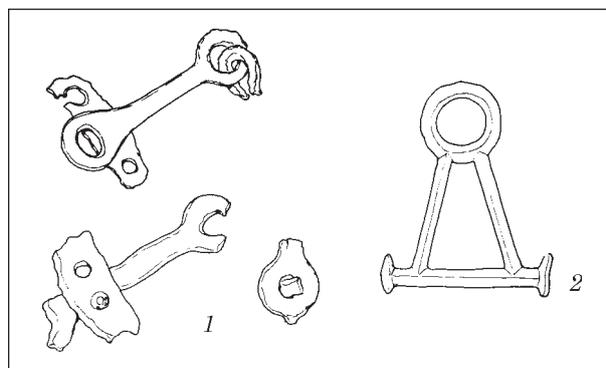

Fig. 7. Iron bits with bridle from Atenica [Ђукнић, Јовановић, 1966, таб. XVIII, 3—5] (1); Ring for attaching rein to bridle from Atenica [Ђукнић, Јовановић, 1966, таб. XXIII, 20] (2)

Baraće near Tekija. Ritopek plates are chance finds, however, nature of the site with numerous graves, indicates a possible grave context [Тодоровић, 1966, с. 155—156]. The larger piece is shaped like an animal head surrounded from the lower side with radially lined spiral volutes made by casting bronze (Fig. 9, 1). The smaller one is shaped like a very stylized animal head (maybe a fantastic beast like a griffin), with an arched ornament, and is also made of cast bronze (Fig. 8, 2) [Јовановић, 1977, с. 22]. Modelling and style of both decorative plates from Ritopek indicate Scythian animal style. Spiral ornaments, however, like those on the larger plate, are not typical for Scythian art. Stylized head of the first plate could have represented a deer, a common motif of Scythian animal style, and is widespread on the territory populated by Scythians. Spiral volute ornamentation of deer horns originates from a tradition of designing horns as bird heads, with examples in mounds of north Crimea and Thrace. Examples of heavily stylized horn ornamentation, as well as more common realistic way, indicate deviations from characteristic decorative patterns of Scythian animal style of the 5th century BC [Јовановић, 1977, с. 23]. There is a presumption that animal on the plate is not a deer, but a griffin. In that case, spiral ornaments would represent wings of a griffin or a lion, although modelling fashion would not be typical. Head of the animal is also not depicted in a way typical for a lion or a griffin, but in a distinctive way for deer depictions of animal style in the lower Danube basin and Black Sea steppes. The Ritopek plate probably served as a decoration for horse harness. Deer depiction fits Scythian animal style, but with an iconographic order somewhat changed. Mutually opposed position of horns and head is a deviation, and with this taken into account, the depiction could be considered a sort of a deer

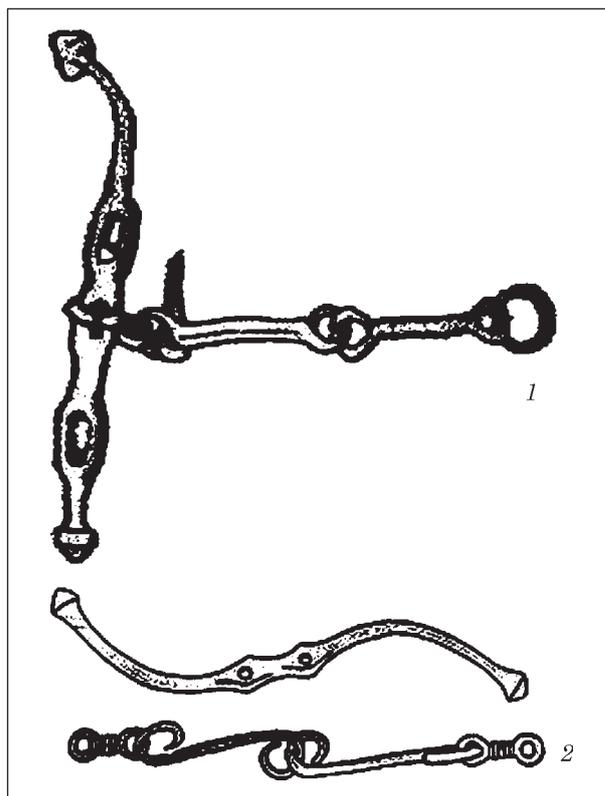

Fig. 8. Bits with bridle: 1 — grave 12 in Ritopek [Тодоровић, 1966, табл. II, 13]; 2 — chance find from Ritopek [Тодоровић, 1966, табл. III, 8]

protoma, and not a complete figure [Јовановић, 1977, с. 24]. Similar deer head design can be seen on a decorative application from Craiova hoard, with loosely depicted horns, reduced to unusual, almost symbolic dimensions, ending with volutes, decorated with shallow, parallel notches. Another analogous piece can be found in a grave in Transylvania. This bronze application depicts a roughly contoured deer, in a usual iconographic

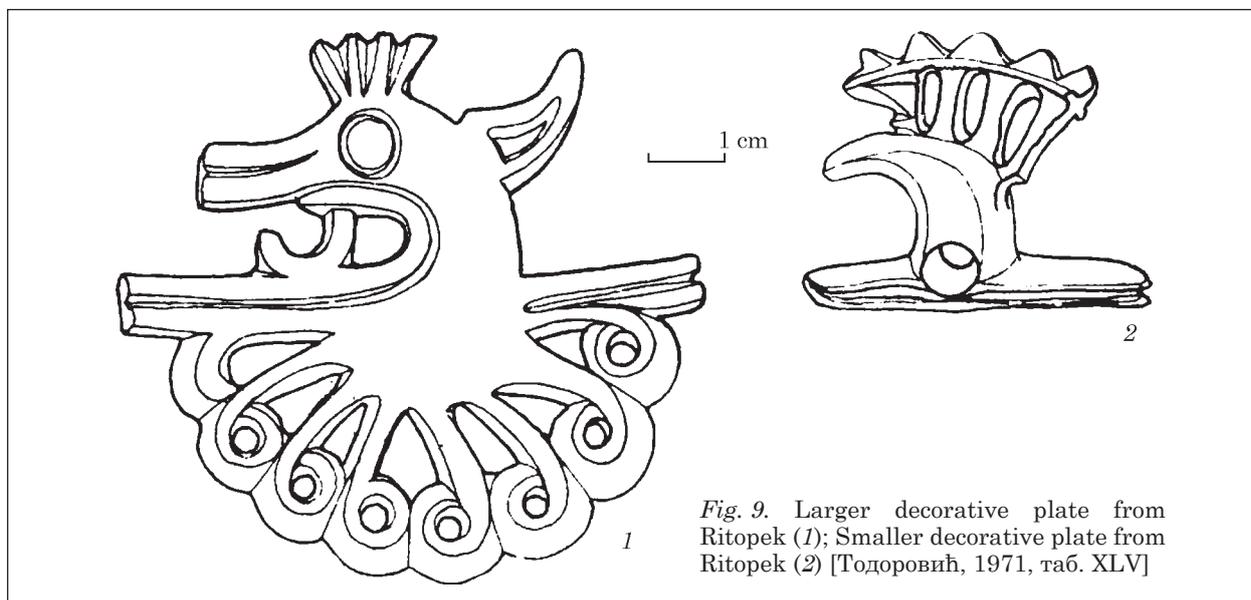

Fig. 9. Larger decorative plate from Ritopek (1); Smaller decorative plate from Ritopek (2) [Тодоровић, 1971, таб. XLV]

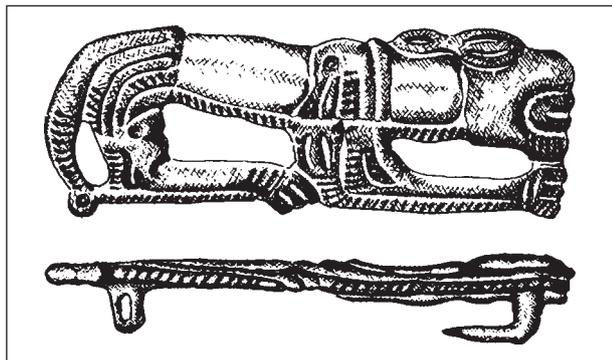

Fig. 10. Bronze buckle from Baraće [Todorović, 1968, tab. I

pose, with bent front legs, and summarized horn represented by triangles, resembling simplified lyre [Јовановић, 1977, с. 24].

Second plate from Ritopek is conducted even more summarily, though it can be with some certainty concluded that it is a bird head, most probably of a griffin. Fastening hole, instead of a buckle or a ring, is not a common feature of items made in animal style of the Iron Age [Јовановић, 1977, с. 25]. These depictions of certain parts of animal bodies are typical for Scythian lands in the 5th—4th century BC [Паровић-Пешикан, 1994, с. 106]. Closer analogy can be found in a silver plate from a rich Thraco-Getic grave in Agighiol in Dobruja, dated to around 400 BC. The plate has a griffin head depicted in a similar manner, with a stand decorated with spiral curls representing stylized clutches with interposed palm tree motifs, considered to be made by a local craftsman [Berciu, 1974, p. 69—70]. Agighiol application is an evidence of the development of same tendencies of Scythian art, with intensive Greco-Thracian influences in the time of arrival of Scythian tribes in Dobruja [Паровић-Пешикан, 1994, с. 106]. Some authors conclude that Ritopek plates are likely products of local craftsmen, inhabiting north-eastern parts of the Pannonian basin and Transylvania in the 5th and first half of 4th century BC [Јовановић, 1977, с. 25].

A bronze buckle made in Scythian animal style (Fig. 9) was discovered in Baraće, in the Iron Gates, by chance, without archaeological context, although the site was of multi-layered settlement character [Todorović, 1968, с. 57; Јовановић, 1977, с. 21]. The buckle is in shape of an elongated lion, made by cast bronze. Middle part of the body is divided by a pronounced rib, while the edges are decorated with deeply rifled lines and strips, decorated with skewed notches. Mane is depicted by short transverse rifles, as well as hind limbs. Ears and eyes are depicted in an ornamental element of «eight», while mouth is pronounced with massive semi arched strips. Buckle dimensions are roughly 9,1 × 2,6 cm [Јовановић, 1977, с. 21]. Dating of the find can be accomplished with some certainty based on analogous pieces discovered in

north-western Bulgaria. Lion shaped item found in Kalugerovo, near Botevgrad, is conducted in an even more evident geometric manner [Јовановић, 1977, с. 21], while Toros buckle has a somewhat shorter animal body. Application from Baraće stylistic design is more similar to Toros find, dated at the 4th century BC [Паровић-Пешикан, 1994, с. 104].

CONCLUDING REMARKS

Appearance of the spearheads typical for the warlike, nomadic tribe from the Black sea coasts in the region of the Central Balkans, together with parts of weaponry and horse harness in princely graves in Atenica and Pilatovići, was explained by «probable contacts between the Illyrians and the Scythians» [Букнић, Јовановић, 1966, с. 85], at the moment of their penetration into the Pannonian zones during the 6th and 5th century BC, most probably as a consequence of trade or war loot. According to M. Parović-Pešikan [Паровић-Пешикан, 1994, с. 107], the material of Scythian origin, being few in number, was brought to the Central Balkans as a result of exchange with neighbouring regions, and not as a consequence of settling of Scythian tribes. The problem of presence of Scythian products in funerary context of the Early Iron Age of the Central Balkans is a specific field or research, but S. Babić [Бабић, 2004, с. 133] stated that the Scythian arrowheads from the graves indicated a possibility to trace their meaning not in the contacts with nomadic settlers of the Lower Danube Basin and the Black Sea region, but in some other contexts. Namely, a function different from the obvious purpose of a projectile can be attributed to the arrowheads, leading to a totally different context. For the Scythian warriors, bronze arrowheads were not only the most common type of weaponry, but they had a symbolic sense, representing warriors themselves, their strength and honour [Бабић, 2004, с. 134 with references]. If it is presumed that the presence of arrowheads is a sort of preparation for the monetary system in exchange between the Greeks and the Scythians in the Pontic area, their presence in the Central Balkans graves with Greek import can be understood as a sign that the similar procedure was applied to the inhabitants of the Central Balkans, too. Since the number of these finds is very small in every single case and having in mind the number of grave units as well, it can be concluded that this attempt did not make a deep impression on the Balkan peoples [Бабић, 2004, с. 134]. On the other hand, this attempt, no matter how (un)successful was, had its roots in the concept in which the arrowheads had a symbolic meaning, closely tied with the notion of prestige. It is not certain to which extent the arrowheads in the graves from Atenica and Pilatovići symbolized prestige of their owners (in Atenica members of the princely family

had them, but in Pilatovići — probably a servant carrying arms), but it is undeniably clear on the basis of their deliberate selective deposition that they have their position in the study on the prestige [Ljuština, Dmitrović, 2010, p. 133].

To conclude, the research on the Scythian horizon of finds in the territory of Serbia has its base in stylistic and typological analysis of material remains of Scythian origin in a different ethnical environment. The total number of archaeological sites and finds is not big, so conclusive remarks are very few. Geographic spread of the finds is not indicative of any pattern, since the finds can be traced from Vršac in the north to Prizren in the south, and the vicinity of Požega in the west. In most of the cases, we are faced with the items imported from the territories traditionally settled by the Scythians, by means of trade of local populations and neighbouring regions. The artefacts analysed reveal a very strong stylistic and typological connectivity with the material from the Carpathian basin and cultural zone of the Vekerzug culture. At the same time, their origin from the remote regions of Ukraine cannot be excluded from our considerations.

Бабић С. Поглаварство и полис: старије гвоздено доба централног Балкана и грчки свет. — Београд, 2004. — 199 с.

Бабенко Л.И. Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине // Эпоха раннего железа. — Киев; Полтава 2009. — 456 с.

Васић Р. Белешке о Гласинцу // Хронологија кнежевских гробова. Старинар. — 2009. — LIX. — С. 109—117.

Господари сребра. Господари сребра // Гвоздено доба на тлу Србије. — Београд, 1990. — 235 с.

Вукмић М., Јовановић Б. Илирска кнежевска гробница у Атеници. — Чачак, 1966. — 62 с.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. — К., 1968. — 187 с.

Јовановић Б. Млађе гвоздено доба // Праисторија Војводине. — Нови Сад, 1974. — С. 299—305.

Јовановић Б. Примерци животињског стила скитског и трачког гвозденог доба у Србији // Старинар. — 1977. — XXVII. — С. 19—31.

Капуран А., Булатовић А., Јовановић И. Бор и Мајданпек // Културна стратиграфија праисторијских локалитета између Вердапа и Црног Тимока. — Београд; Бор, 2014. — С. 123—125 (Археолошка грађа Србије. — IX).

Љуци К. Пећка Бања // Археолошко благо Косова и Метохије: Од неолита до раног средњег века. — Београд, Приштина, 1998. — С. 577—582.

Мелюкова А.И. Вооружение Скифов. — Москва, 1964. — 85 с.

Паровић-Пешикан М. Скитски елементи у гвозденом добу Подунавља и централног Балкана // Културе гвозденог доба југословенског Подунавља. — Београд, 1994. — С. 101—110.

Стојић М., Јацановић Д. Пожаревац: Културна стратиграфија праисторијских локалитета у Браничеву. — Београд; Пожаревац, 2008. — 233 с. (Археолошка грађа Србије. — IV).

Тодоровић Ј. Праисторијске некрополе у Ритопеку // Старинар. — 1966. — XVII. — С. 153—160.

Тодоровић Ј. Каталог праисторијских металних предмета. — Београд, 1971. — 168 с.

Топал Д. Скифские акинаки: Функциональное разделение и контекст обнаружения // Антропологические исследования в Молдове. — Кишинев, 2004. — С. 20—31.

Топал Д. Акинаки на западных рубежах Скифии // Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова. — Кишинев, 2014. — С. 7—43 (Tyragetia. — Vol. VIII (XXIII), nr. 1).

Berciu D. Contribution A L'Etude De L'Art Thraco-Gete. — Bucuresti, 1974. — 238 p. (Biblioteca Historica Romaniaae. Monographies. — XIII).

Cermanović A. Grčki tip krivog mača u našoj zemlji // Vesnik Vojnog muzeja Jugoslovenske narodne armije. — 1957. — 4. — P. 75—82.

Durić N., Glišić J., Todorović J. Praistorijska Romaja. — Prizren, 1975. — 149 p.

Jevtić M. On Funerary Ritual in the Princely Tumulus in Pilatovići near Požega, Funerary Practices during the Bronze and Iron Ages in Central and Southeast Europe // Proceedings of the 14th International Colloquium of Funerary Archaeology (Čačak, Serbia, 24th—27th September 2015). — Belgrade; Čačak, 2016. — P. 257—270.

Jovanović B. Die Tradition der skythischen Eisenzeit in der frühen Latenzzeit des Nordbalkans // Le Djerdap / Les portes de fer a la deuxieme moitie du premier millenaire av. J. Ch. Jusqu'aux guerres Daciques: Kolloquim in Kladovo-Drobeta-Turnu Severin. — Beograd; Bukarest, 1999. — P. 37—40.

Kozubova A. Dial'kove zbrane z pohrebisk Vekerzugskeje kultury na juhozapadnom slovensku // Zbornik slovenskeho narodneho muzea. — 2009. — CIII: Archeologia. — 19. — P. 65—130.

Kozubova A. Hroby so železnymi sekerkami na pohrebiskach zo staršej dobj železnej v Karpatsko-Dunajskom priestore // Zbornik slovenskeho narodneho muzea. — 2010. — CIV: Archeologia. — 20. — P. 45—65.

Kozubova A. Sucasti konskych postrojov z lokalit vekerzugskeje kultury na juhozapadnom slovensku (cast I) // Zbornik filozofickej fakulty univerzity komenskeho musaica. — 2011. — R. XXVII. — P. 69—100.

Kozubova A. Pohrebiská vekerzugskeje kultúry v Chotíne na juhozápadnom Slovensku. Vyhodnotenie: Dissertationes Archaeologicae Bratislavenses 1. — Bratislava, 2013. — 454 S.

Ljuština M., Dmitrović K. Elements of prestige in the Iron Age graves from the West Morava Valley, Serbia // Istros. — 2010. — XVI. — P. 123—142.

Milleker B. A Versecsi Múzeum régiségeiről // Archaeologiai Értesítő. — 1898. — 18. — P. 407—415.

Todorović J. Rekonosciranja i sondažna ispitivanja praistorijskih lokaliteta na relaciji Trajanova tabla-Tekija-Sip // Arheološki pregled. — 1968. — 10. — P. 57.

Vasić R. The chronology of early iron age in Serbia. — Oxford, 1977. — 151 p. (BAR, supplementary series. — 31).

Vasić R. Trakokimerski, skitski i trakogetski uticaji u jugoslovenskom podunavlju // Praistorija jugoslovenskih zemalja. — Sarajevo, 1987. — V: Željezno doba. — P. 559—571.

Zotović M. Arheološki i etnički problemi bronzanog i gvođenog doba Zapadne Srbije. — Beograd; Užice, 1985. — 151 p.

М. Люштина, І. Нінчич

СКИФСКОЕ ОРУЖИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕРБИИ

Существующие исследования скифского горизонта в Сербии все еще не результировали открытием археологической местности, которую однозначно можно было бы охарактеризовать как скифскую. Отсутствуют некрополи и поселения со скифскими элементами, однако, зафиксировано присутствие предметов, относящихся по своему происхождению к культурным кругам скифской цивилизации, и оно указывает на соприкосновения культур. Следовательно, изучение данного культурного горизонта подразумевает в первую очередь узнавание, а также стилистический и типологический анализ данных предметов в местностях носителей другого этнического происхождения.

Находки скифского происхождения в Сербии многочисленны и включают в основном предметы в археологическом контексте погребального инвентаря, вместе с определенным количеством случайных находок. Оружие обнаружено в известных могильных холмиках раннего железного века в местностях Атеница, Пилатовичи, Ат возле Вршаца и Ромаия у Призрена. Декоративная плитка из местности Барач, а также два боевых топора из Злотской пещеры обнаружены в поселенческом слое. Среди находок, собранных вне археологического контекста, выделяются целых 16 наконечников стрел, найденных на берегу Дуная. Небольшое количество находок делает невозможным более детальный статистический анализ контекста, в котором замечены куски оружия.

Географические местоположения не указывают на какой-либо образец распространения местностей, обладающих скифскими элементами. Предметы зафиксированы от Вршаца на севере до Призрена на юге, и до окрестности Пожеги на западе. Численность находок снова же ограничивает выводы о территориальном распределении.

С определенной долей уверенности можно сказать, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о предметах, импортированных с территорий традиционного проживания скифов, попавших на территорию нынешней Сербии путем торговых связей местных населений и соседних цивилизаций. Артефакты указывают на наибольшее стилистическое, типологическое, а также географическое сходство с аналогичными предметами Карпатского бассейна,

культурного ареала культуры Векерзуг; в то же время, происхождение их дальних областей, нынешней Украины, не исключено.

Ключевые слова: оружие, снаряжение, скифы, Сербия, импорт, наконечники стрел, бляшки, псалли.

М. Люштина, І. Нінчич

СКІФСЬКА ЗБРОЯ ТА КІНСЬКЕ СПОРЯДЖЕННЯ НА ТЕРИТОРІЇ СЕРБІЇ

На території Сербії не виявлено археологічних пам'яток, які можна однозначно інтерпретувати як скіфські. Відсутні некрополі і поселення з скіфськими елементами, проте зафіксовано предмети скіфського походження, які вказують на культурні контакти. Знахідки скіфського походження в Сербії нечисленні і включають, головним чином, предмети поховального інвентарю і певну кількість випадкових знахідок. Зброю виявлено в курганних могильниках раннього залізного віку в місцевостях Атеница, Пилатовічі, Ат у Вршац і Ромаія у Призрена. Декоративна плитка з місцевості Барач, а також дві бойові сокири з Злотської печери виявлені у шарі поселення. Серед знахідок, зібраних поза археологічним контекстом, виділяються 16 наконечників стріл, знайдених на березі Дунаю. Невелика кількість знахідок унеможливує більш детальний статистичний аналіз контексту, в якому виявлені фрагменти зброї.

Географія і кількість знахідок не уточнюють локальні особливості скіфських елементів або їх територіальний розподіл. Предмети зафіксовані від Вршац на півночі до Призрена на півдні, і до околиці Пожеги на заході. У переважній більшості випадків йдеться про предмети, імпортовані з території традиційного проживання скіфів, які потрапили на територію нинішньої Сербії шляхом торгових зв'язків місцевого населення з сусідами. Артефакти мають найбільшу стилістичну і типологічну подібність з аналогічними предметами Карпатського басейну, культурного ареалу культури Векерзуг; водночас не виключено їхнє походження з далеких областей нинішньої України.

Ключові слова: зброя, спорядження, скіфи, Сербія, импорт, наконечники стріл, бляшки, псалії.

Одержано 15.03.2017

УДК: 904.5 (477.72)“6385”

Е.С. Дзনেладзе, Д.Н. Сикоза, А.В. Симоненко

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В МОГИЛЬНИКЕ КРАСНЫЙ МАЯК НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Статья посвящена публикации и реконструкции убора воина из погребения 121 позднескифского некрополя Красный Маяк на Нижнем Днепре, исследованного Позднескифской археологической экспедицией ИА НАН Украины в 2014 г.

Ключевые слова: позднескифская культура, сарматы, Красный Маяк, Нижний Днепр, воин, меч, вооружение, реконструкция, убор, костюм.

В 2011 г. Позднескифская археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины возобновила раскопки позднескифского могильника Красный Маяк, эпизодически проводившиеся в 1976—77 и 1986—88 гг. Э.А. Сымоновичем и О.А. Гей. В полевом сезоне 2014 г. было исследовано три могилы. В статье публикуется катакомба 121, содержащая захоронения воинов¹.

Могила располагалась в северо-восточной части могильника, в окружении других погребений. Входная яма прямоугольная, ориентирована по оси СВ—ЮЗ, размерами 2 × 1 м. Дно наклонное, от отметки — 218 у южной стенки до — 248 у входа в камеру. Вход в камеру закрыт плитой известняка размерами 0,72 × 0,7 × 0,14 м, подпертой снизу тремя небольшими камнями (рис. 1, 1), расположен в северной стенке входной ямы, имел закругленный свод и плоское дно. Ширина входа около 0,6 м (рис. 1, 2). Дно входной ямы обрывалось в ка-

меру вертикальной ступенькой высотой 0,48 м (рис. 1, 3).

Во входной яме обнаружены два наконечника стрел (1, 2) и наконечник копья, лежавший острием в сторону погребальной камеры (3). При сооружении могилы 121 ее входная яма повредила более раннюю катакомбу погребения 120, поэтому эти вещи могут относиться и к нему.

1, 2. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (2 экз.). На одном из них лопасти срезаны под тупым (рис. 2, 1), на втором — под прямым углом к короткому черенку (рис. 2, 2). Длина головки 2,6 см.

3. Железный втульчатый наконечник копья с лавролистным, узким, ромбическим в сечении пером и цилиндрической втулкой. Длина пера около 15 см, втулки 11 см (рис. 2, 3).

Камера могилы 121 трапециевидная в плане, ориентирована по оси В—З, размерами 2,2 × 17 м, дно на глубине — 295 от условного 0. На дне камеры вытянуто на спине, головами на СЗ лежало трое погребенных: два подростка и взрослый мужчина (рис. 3). Судя по четкому следу тлена, умершие были похоронены в деревянных гробах с четырехугольными в сечении ножками. Кости и дерево почти не сохранились, превратившись в тлен.

Скелет 1 (мальчик-подросток) лежал у входа в камеру. В изголовье находился наконечник копья (1). На поясе поперек тела, рукоятью к входу лежал меч (2). На груди расчищены фибула (3), подвеска (5) и четыре бусины (4а—г). Еще одна бусина находилась ниже таза (4д), рядом с ножом (6).

1. Железный втульчатый наконечник копья с узким листовидным, линзовидным в сечении пером и втулкой средней длины (рис. 4, 1).

1. Предварительную публикацию см. Симоненко, Сикоза, Дзনেладзе, 2015, с. 40—45, рис. 127, 130—136. Описание вещей в данной статье сделано после реставрации и несколько отличается от первой публикации.

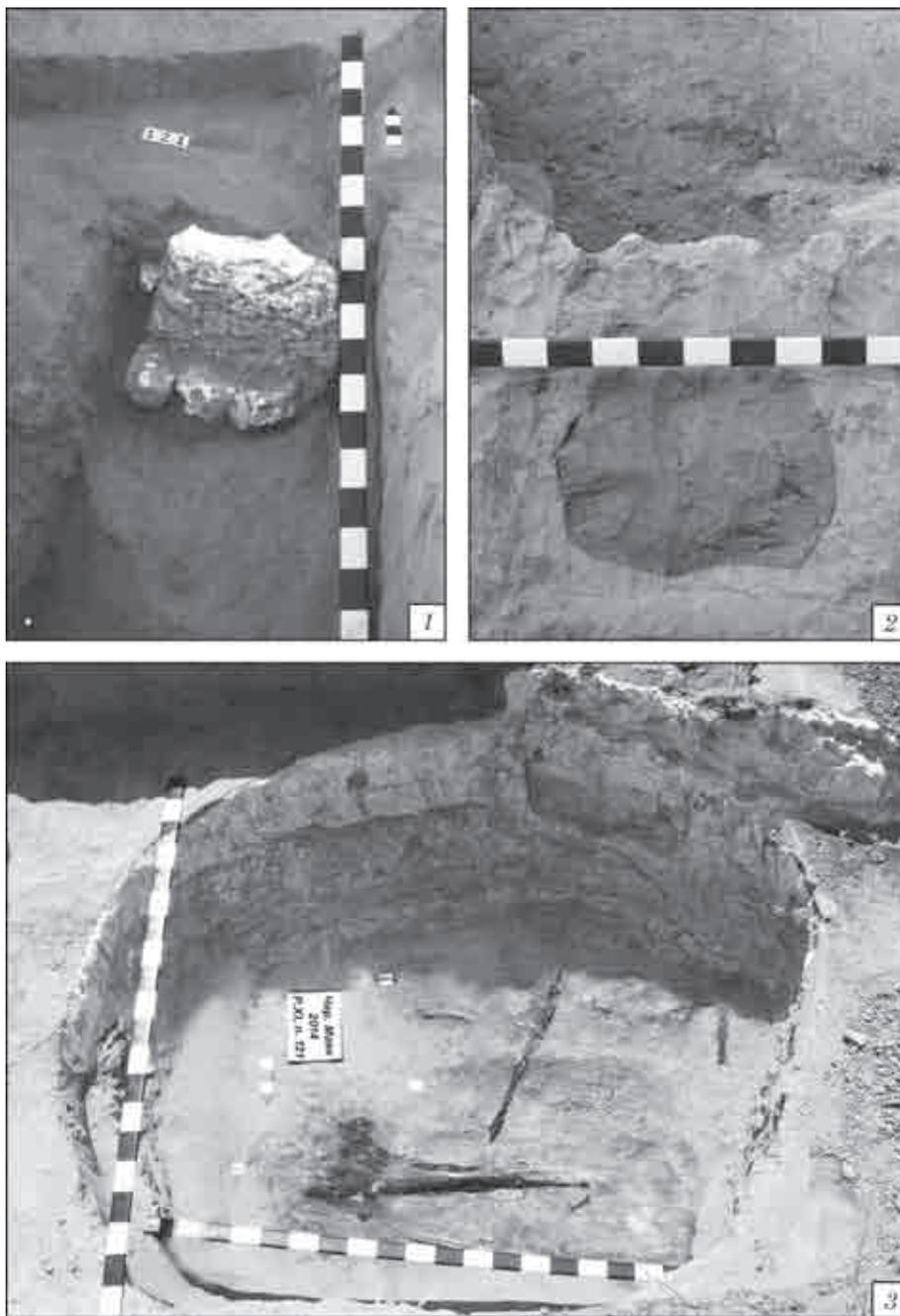

Рис. 1. Погребение 121: 1 — входная яма и заклад входа в камеру; 2 — входное отверстие (вид из камеры); 3 — камера погребения

Перо согнуто при переходе во втулку. Длина пера 16 см, максимальная ширина 3,5 см, длина втулки 10 см, диаметр 2,5 см. Во втулке — остатки дерева от древка.

2. Железный меч с черешковой рукояткой, без металлического перекрестья. Клинок длинный, обоюдоострый, линзовидный в сечении, длиной 73 см, шириной у пяты 4 см. Пята переходит в черенок под тупым углом (рис. 4, 2). Длина черенка 9 см. На черенке и клинке — остатки дерева от ручки и ножен, покрашенных в красный цвет.

3. Проволочная одночленная фибула с треугольно изогнутой спинкой и длинным при-

емником, переход в который украшен гравированными линиями. Спинка украшена едва намеченными бусинами. Конец приемника имеет заостренный выступ. Пружина 4-витковая, тетива нижняя (рис. 4, 3; 5, 1; см. цв. вкл.). Длина 3,8 см, высота 1 см.

4. Бусы:

а) цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла. Длина 14 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 2а; см. цв. вкл.);

б) сферическая бусина из бирюзового египетского фаянса. Длина 16 мм, диаметр 18 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 2б; см. цв. вкл.);

в) полихромная округлая поперечно-сжатая ребристая бусина из темно-зеленого стекла со светло-желтой спиралевидной полосой. Длина 10 мм, диаметр 16 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 2в; см. цв. вкл.);

г) округлая поперечно-сжатая бусина из голубого египетского фаянса со слегка намеченными насечками, которые имитируют дольки (рис. 5, 2г; см. цв. вкл.);

д) меловая бусина неправильной бочковидной формы. Длина сторон 16 и 7 мм, диаметр 13 мм, диаметр канала 7 мм (рис. 5, 2д; см. цв. вкл.).

5. Бронзовая подвеска в виде петли 19 × 29 мм. Сделана из спинки сильно профилированной фибулы причерноморского типа с двумя слегка заметными бусинами на спинке и кнопкой на конце приемника (рис. 4, 4).

6. Железный нож с горбатой спинкой и черенком с остатками деревянной ручки. Ширина клинка 0,8 см (рис. 4, 5).

Скелет 2 (мальчик-подросток) лежал почти в центре камеры, между скелетами 1 и 3. Поперек его таза находилась нижняя часть клинка меча скелета 1. На груди найдены фибула (1) и бусы (2), на тазу — пряжка (3), у левой руки — нож (4).

1. Бронзовая одночленная сильнопрофилированная фибула западного типа с бусинами у основания, посередине спинки и на конце

приемника. Пружина 8—витковая, с нижней тетивой. Приемник достаточно высокий. Длина 2,8 см, высота 1,3 см (рис. 4, 6; 5, 3; см. цв. вкл.).

2. Бусы:

а) цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла, аналогичная бусине скелета 1. Длина 15 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 4а; см. цв. вкл.);

б) цилиндрические ребристые бусины из глухого синего стекла — 2 экз. Длина 11 и 13 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 4б, в; см. цв. вкл.);

в) округлая голубая фаянсовая бусина со слабо выделенными ребрами. Длина 13 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 4г; см. цв. вкл.);

г) бронзовая ребристая бочковидная бусина. Каждое из 5 ребер украшено тремя пишечками. Длина 13 мм, диаметр 11 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 4, 7; 5, 4д; см. цв. вкл.).

3. Фрагментированная серебряная пряжка с овальной проволочной рамкой и подвижным язычком. Размерами 1 × 0,8 см (рис. 4, 8).

4. Железный черешковый нож с прямой спинкой (рис. 4, 9). На черенке — остатки дерева. Длина черенка 3,5 см, ширина клинка 1,5 см.

Скелет 3 (взрослый мужчина) лежал под дальней стенкой камеры. На груди найдены

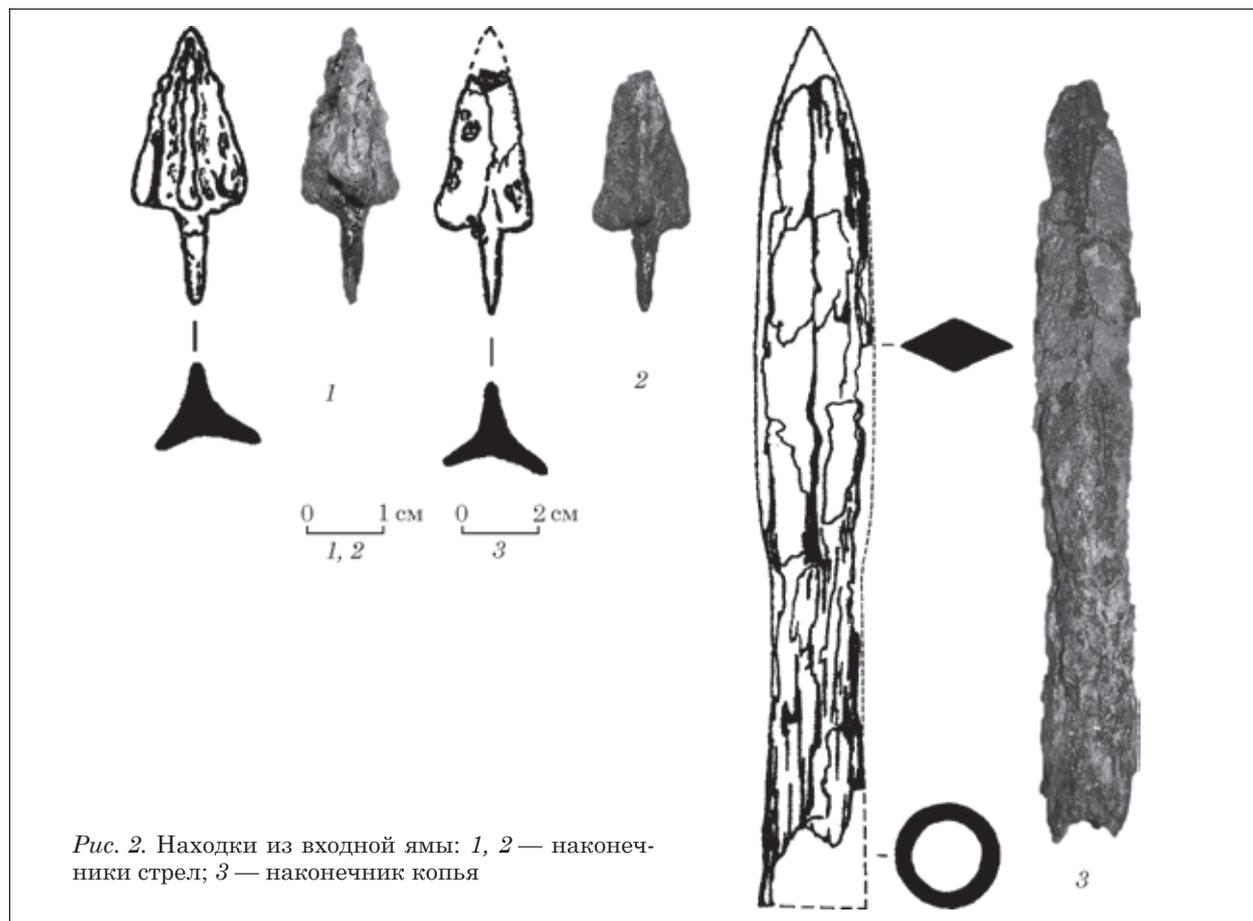

Рис. 2. Находки из входной ямы: 1, 2 — наконечники стрел; 3 — наконечник копья

фибула (1) и бусы (8а, б). Вдоль правой стороны, вплотную к телу, просто на костях руки и ноги лежал длинный меч (2), рядом с ним — остатки нагайки (4), вдоль бедра (вероятно, пристегнутый к нему) — кинжал (3), рядом — железные обоймы (5). На правое запястье был надет бронзовый браслет (6). На тазу найдена железная гарнитура пояса — парные пластины и наконечники ремней (7). У правого колена лежали бусина и подвеска из мела с отверстием (8). На палец правой руки был надет железный перстень (9).

Стопы погребенного перекрывало подквадратное темно-коричневое пятно тлена органического вещества (кожа?), размерами примерно 40 × 40 см. Среди тлена встречались маленькие пластинки золотой фольги, которые, вероятно, были нашиты или наклеены на кожаное изделие.

Среди тлена были найдены фрагментированные пряжки (10, 11), алебастровые бусины (12), удила (13), псалии (14), чомбурный блок (15), кольцо (16). Похоже, что там лежала уздечка.

1. Бронзовая сильнопрофилированная фибула. Основа спинки высоко поднята и оформлена бусиной и крючком для тетивы. Круглая в сече-

нии ножка резко сходит к приемнику, посередине украшена рельефным кольцом с перехватами с обеих сторон. Ниже кольца ножка становится ромбической в сечении, с выраженным продольным ребром и точечным орнаментом. Приемник высокий, украшенный биконической бусиной. Пружина длинная, 10—витковая, с железной осью и верхней тетивой. Длина 6 см, высота 2,8 см (рис. 6, 1; 5, 5; см. цв. вкл.).

2. Железный меч с черешковой рукояткой, без перекрестья. Клинок обоюдоострый, линзовидный в сечении, длиной 90 см, шириной у пяты 5 см. Пята переходит в черенок под тупым углом (рис. 6). Черенок 28 см длиной, закругленный в сечении, сужающийся к концу. На конце черенка — навершие из двух железных шайб: нижней цилиндрической, 1,7 см диаметром и верхней бочковидной, с поперечной серебряной инкрустацией, 2,5 см диаметром (рис. 6, 2а). На черенке и клинке — остатки дерева от ручки и ножен, окрашенных в красный цвет.

Примерно посередине клинка обнаружена железная скоба от ножен, лежавшая между мечом и кинжалом. Она выкована в виде приземистой

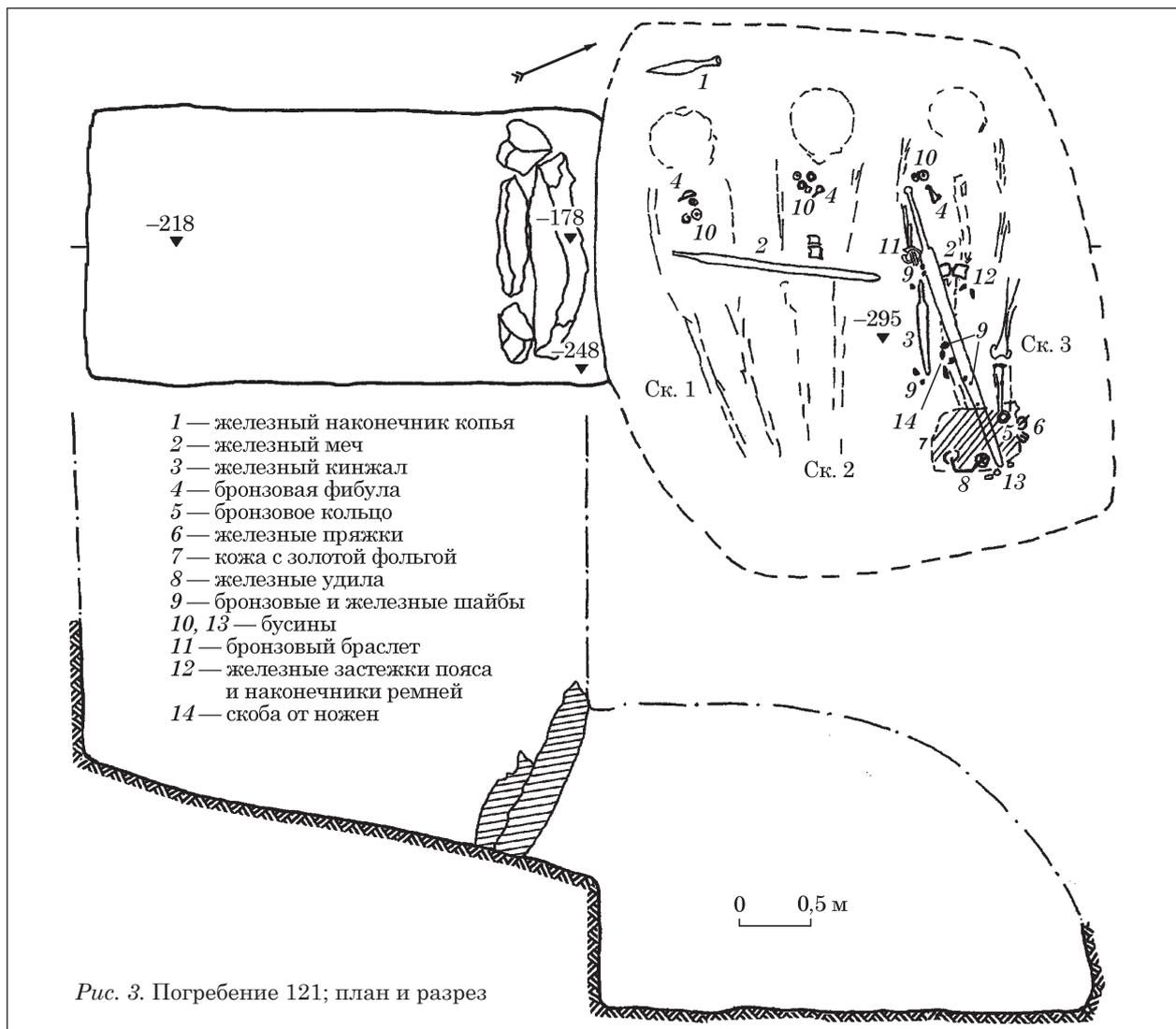

Рис. 3. Погребение 121; план и разрез

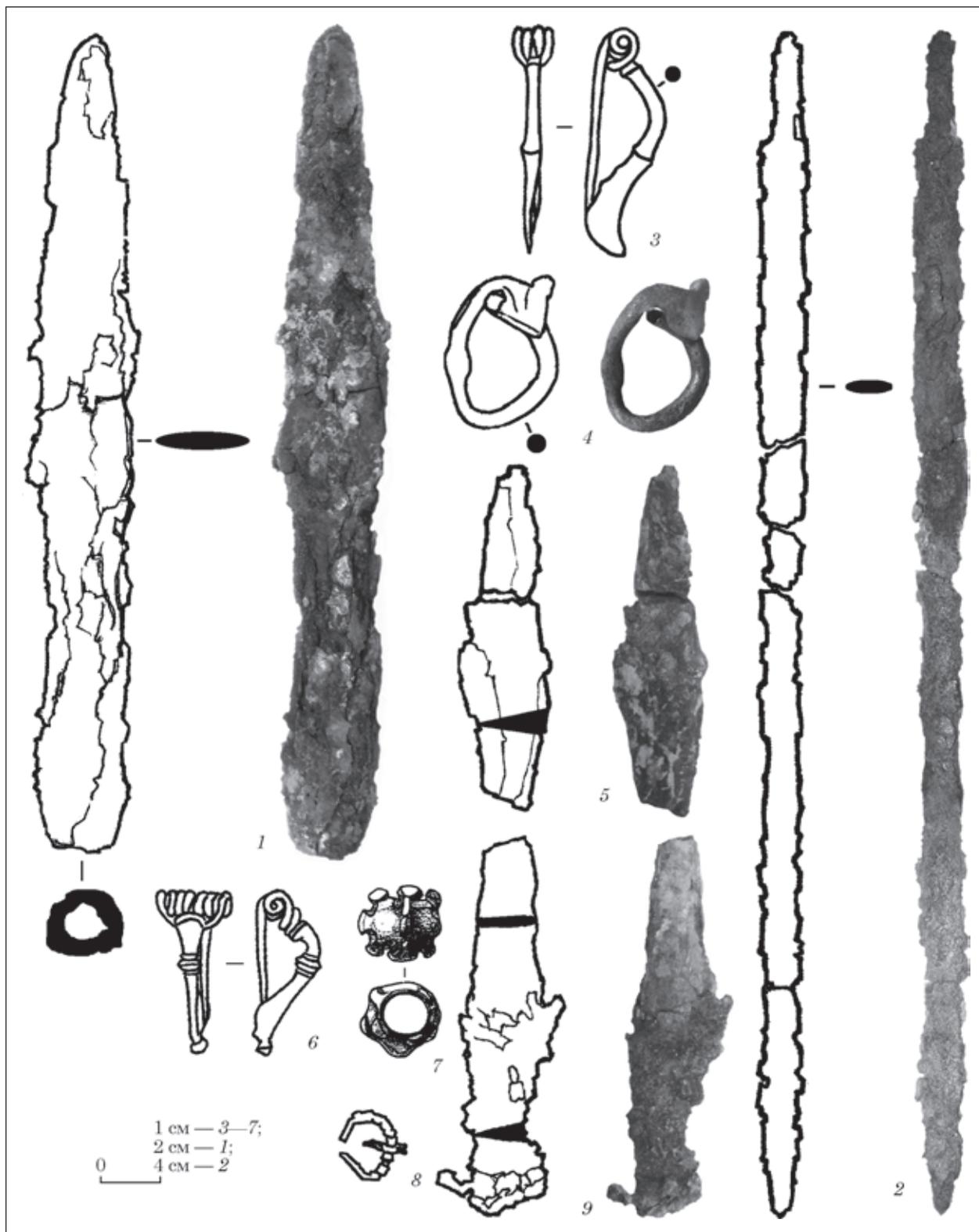

Рис. 4. Инвентарь погребения: скелет 1: 1 — наконечник копья; 2 — меч; 3 — фибула; 4 — подвеска из фибулы; 5 — нож; скелет 2: 6 — фибула; 7 — бронзовая бусина; 8 — серебряная пряжка; 9 — нож

буквы П с длинной перекладной. Концы скобы отогнуты под прямым углом. Верхний конец расширенный и закругленный, нижний — заострен. Внешняя поверхность скобы инкрустирована поперечными вставками серебряной проволоки и двумя позолоченными овальными медальо-

нами — один у основания петли, второй — на ее конце (рис. 6, 2б). Длина скобы 15 см, длина петли для ремня 6 см, высота ее 3 см.

3. Железный кинжал с черешковой рукояткой без металлического перекрестья. Клинок обоюдоострый, длиной 17 см, линзовидный в

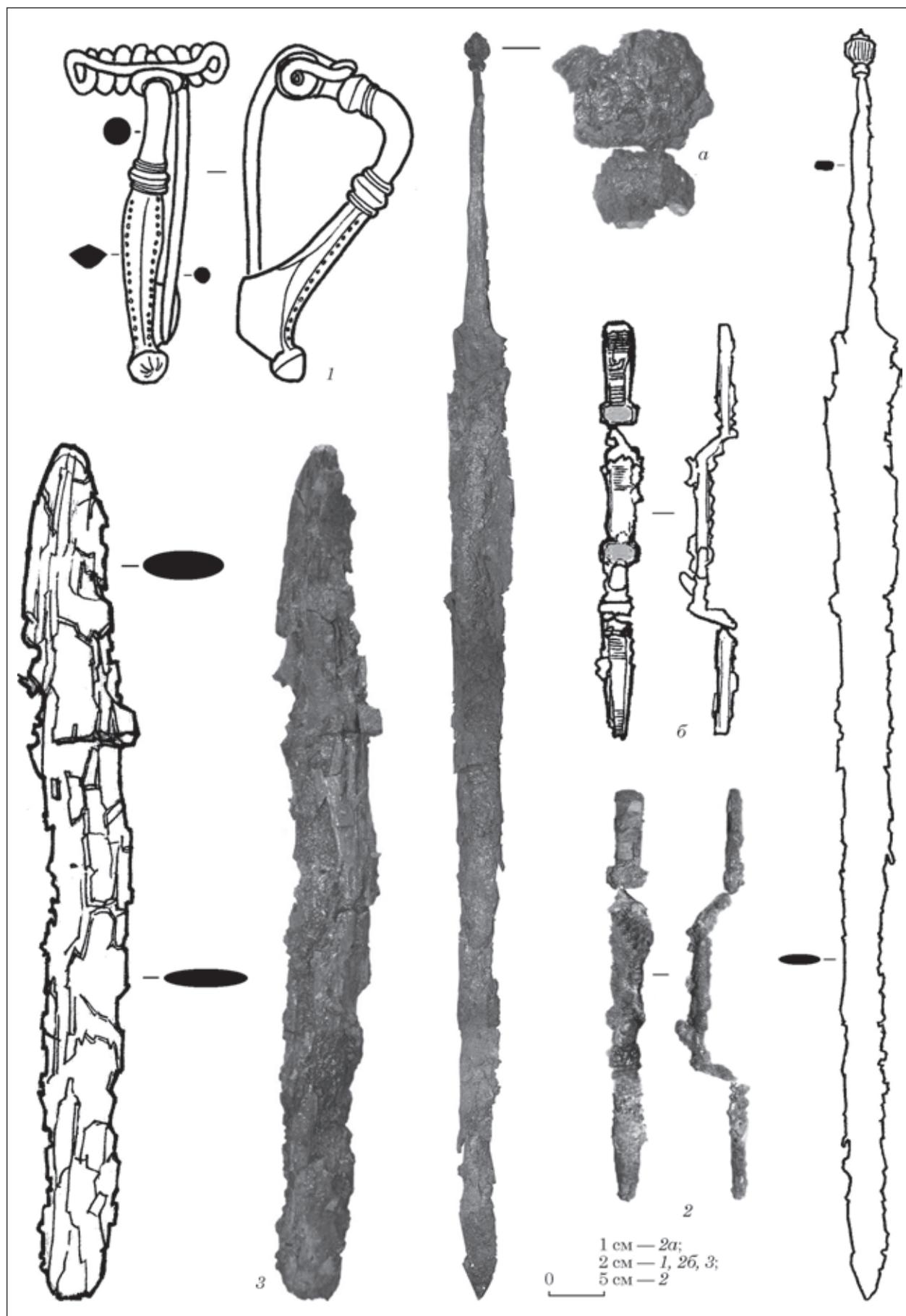

Рис. 6. Інвентарь погребения: скелет 3; 1 — фибула; 2 — меч (а — навершие; б — скоба); 3 — кинжал

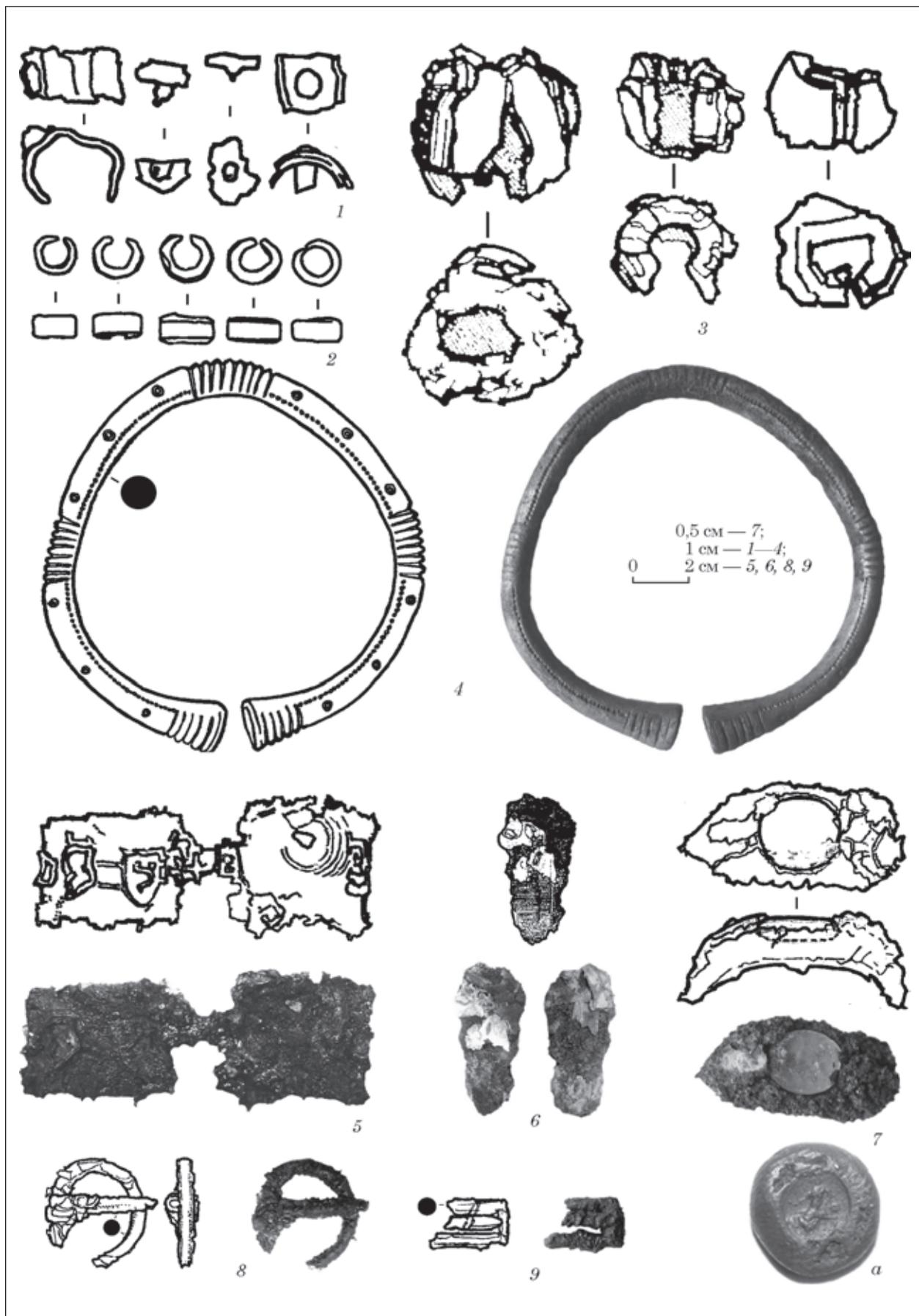

Рис. 7. Инвентарь погребения: скелет 3; 1, 2 — гарнитура плети; 3 — шайбы кинжала; 4 — браслет; 5 — застежки пояса; 6 — наконечники ремней; 7 — перстень с геммой; 8, 9 — пряжки

сечении, около пяты шириной 3,8 см, с овальным острием. Пята переходит в черенок под прямым углом. Деревянная, овальная в сечении, ручка 10,5 см длиной, без навершия, с закругленной головкой. У пяты расширяется, образуя гарду (рис. 5, 8; см. цв. вкл.; 6, 3). Рукоять и ножны клинка покрыты красным лаком.

4. Вдоль меча, справа, в направлении от эфеса к острию лежала бронзовая гарнитура. Она состояла из трех плоских скобок, с остатками дерева в середине, пробитых заклепками (рис. 7, 1), двух катушковидных заклепок, образованных расклепанными концами стержня (распались при реставрации) и пяти цилинд-

рических шайб с соединенными концами, диаметром 0,7 см и высотой 1 см (рис. 7, 2).

5. У острия и в районе рукояти кинжала найдены три железные, инкрустированные серебряной проволокой цилиндрические обоймы диаметром 2 см, высотой 1,3 см (рис. 7, 3).

6. Бронзовый литой браслет с расширенными незамкнутыми концами. Корпус украшен тремя точечными линиями по центральной оси и по бокам. На концах, посередине корпуса и напротив концов — четыре пояска с шестью поперечными насечками (рис. 7, 4). Диаметр браслета 7 см, сечение 0,6 см.

7. Железная гарнитура пояса:

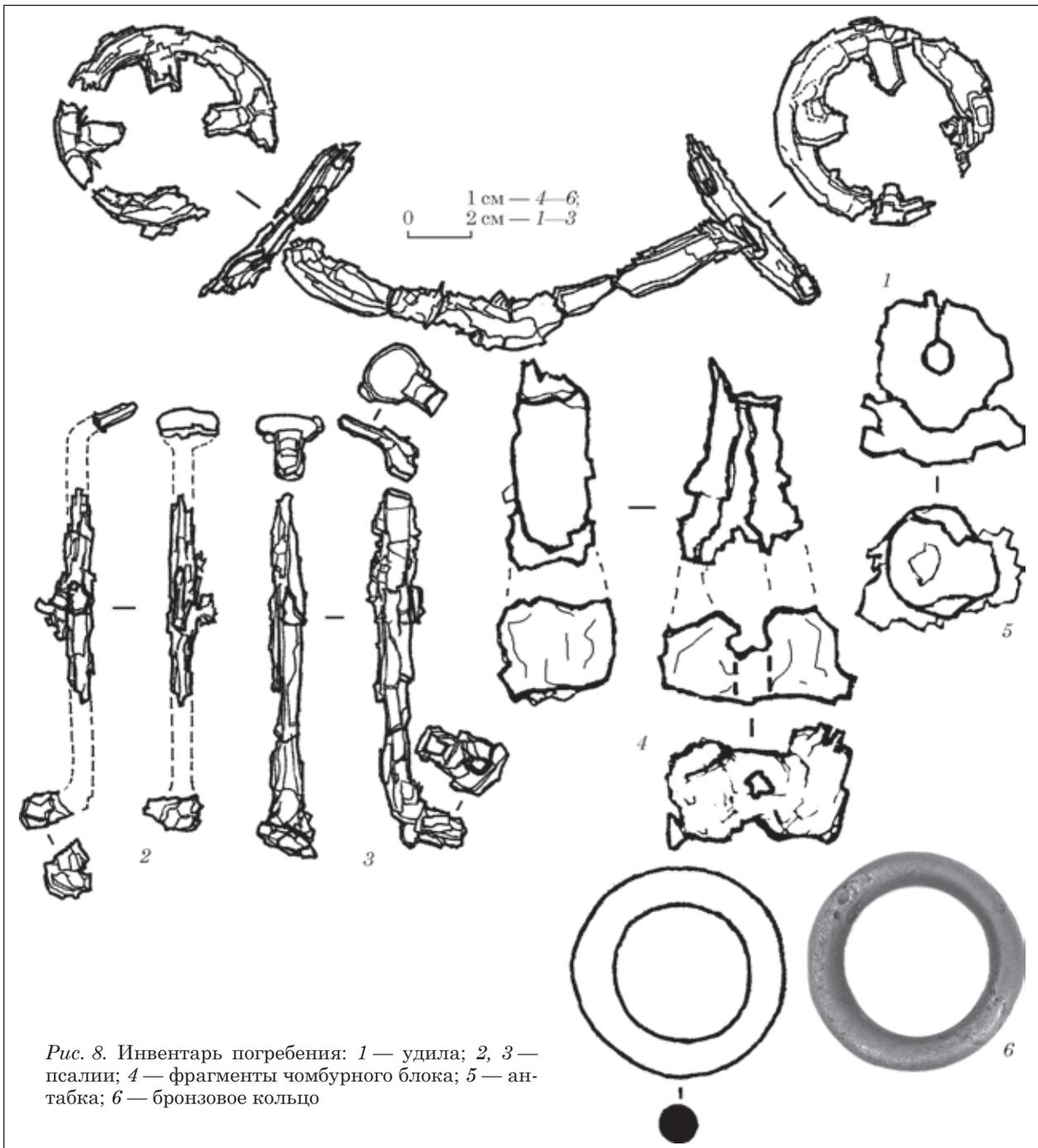

Рис. 8. Инвентарь погребения: 1 — удила; 2, 3 — псалии; 4 — фрагменты чомбурного блока; 5 — антабка; 6 — бронзовое кольцо

1) две прямоугольные поясные бляхи, одна с крючком, другая с отверстием для соединения (рис. 7, 5). На обороте — отпечатки ткани. Размеры 4 × 4,9 и 3,7 × 4,7 см;

2) два наконечника ремня подтреугольной формы, выгнутые из пластины, с перехватом перед закругленным концом (рис. 7, 6). Длина 5,5 см, ширина по верху 2,5 см.

8. Бусы:

а) гагатова бочковидная, косо срезанная бусина. Края канала плоские, хорошо обработанные. Длина сторон 9 и 16 мм, диаметр 20 мм, диаметр канала 8 мм (рис. 5, 6а; см. цв. вкл.);

б) округлая поперечно-сжатая стеклянная полихромная бусина с пятнистым орнаментом. С закраиной с одной стороны отверстия. Длина 9, диаметр 14, диаметр канала 5 мм (рис. 5, 6б; см. цв. вкл.).

Бусы у правого колена:

в) округлая поперечно-сжатая бусина из полупрозрачного темно-зеленого стекла. На поверхности прослеживаются слегка выраженные ребра. Плохой сохранности, сильно ирригирована. Длина 9 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 3 мм (рис. 5, 6в; см. цв. вкл.);

г) мел с отверстием, аморфно-линзовидный в сечении. Размеры 17 × 17 мм, диаметр отверстия 2,5 мм (рис. 5, 6г; см. цв. вкл.).

9. Овальный щиток железного кольца с геммой: литик из прозрачного стекла с изображением сидящей человеческой фигуры (рис. 7, 7а). Размеры 0,8 × 2 см.

10. Фрагментированная железная пряжка с кольцевой рамкой и подвижным язычком, круглая в сечении. Диаметр 4 см (рис. 7, 8).

11. Фрагментированная железная пряжка с прямоугольной рамкой и подвижным язычком, круглая в сечении. Ширина 1,8 см (рис. 7, 9).

12. Алебастровые крупные (диаметром до 30 мм) бочковидные бусины — 4 экз. Фрагментированы (рис. 5, 7; см. цв. вкл.).

13. Фрагментированные железные удила с колесовидными псалиями (рис. 8, 1).

14. Два фрагментированных железных S-образных псалия с двумя (?) петлями. Один конец псалия овальный, уплощенный, другой — овальный в сечении, с отверстием (рис. 8, 2, 3).

15. Железный чомбурный блок, от которого остались треугольная петля с отверстием в уплощенной части (рис. 8, 4) и антабка в виде пластины с отверстием, в котором свободно вращался вставленный туда стержень с круглой петлей (рис. 8, 5). Край выщербленный, все железо покрыто плотной коррозией.

16. Бронзовое литое, круглое в сечении кольцо. Диаметр 3,5 см, сечение 0,5 см (рис. 8, 6).

По своим характеристикам могила 121 не типична для погребальных сооружений поздних скифов Нижнего Днепра. Четырехугольные катакомбы — скорее, исключение среди преобладающих округлых и овальных камер. Квадратные и трапециевидные катакомбы характерны для могильников Юго-Западного

Крыма и Усть-Альминского некрополя в частности.

В Красном Маяке обнаружено два подобных погребальных сооружения: это могила 30 с вещевым комплексом конца I — II вв. н. э. и погребение 117, которое, к сожалению, было полностью ограблено в древности. К этому списку можно добавить катакомбу 1 в кургане 1 и могилу 31¹, содержавшие похожие воинские захоронения конца I — начала II вв. н. э., имеющие большое сходство с погребальными сооружениями Юго-Западного и Центрального Крыма.

Единичные квадратные катакомбы обнаружены на других позднескифских могильниках Нижнего Днепра. В Золотой Балке (погребение 94) в дощатом гробу была захоронена женщина 20—30 лет, по совокупности материалов комплекс датирован I в. н. э. [Вязьмитина, 1972, с. 85—88]. Похожие гробы массово применялись для погребений на Усть-Альминском некрополе [Высотская, 1994, с. 58]. На могильнике Николаевка это катакомба 89, ограбленная в древности. Среди сохранившихся предметов — курильница, лепной светильник, обоймы плети и золотая пронизка с продольным рифлением [Сымонович, 1969/66-67, с. 16—17].

Четырехугольные катакомбы известны также в материалах некрополя Никония. По мнению исследователей, Никоний римского времени населяли поздние скифы, мигрировавшие из Крымской Скифии [Бруйко, Дзиговский, Секерская, 2008, с. 179—180].

Такие катакомбы неизвестны на Нижнем Днепре ранее конца I — начала II в. н. э.

ОРУЖИЕ

Наконечники стрел из входной ямы ничем не отличаются от подобного оружия из сарматских погребений и относятся ко 2 и 3 типам, датированным I — первой половиной II в. н. э. [Симоненко, 2015, с. 108—118].

Узкие, ромбические в сечении *наконечники копий*, подобные найденному во входной яме, встречаются среди вооружения пшеворской культуры [Lasota, 2014, s. 151—161], в то время как поздние скифы и сарматы использовали наконечники преимущественно с линзовидным в сечении листовидным пером [Simonenko, 2001, S. 214—215; Симоненко, 2015, с. 90], типа найденного за головой скелета 1. Такие наконечники хронологически нейтральны как в позднескифских, так и в сарматских древностях.

Мечи, подобные найденному на поясе скелета 1, являются наиболее распространенным у поздних скифов видом клинкового оружия [Simonenko, 2001, S. 241]. В сарматской паноплии Северного Причерноморья такие мечи (с

1. Перечисленные погребения (кроме могилы 117) исследованы экспедицией Э.А. Сымоновича и не опубликованы.

рукоятю-штырем без металлического навершия) выделены во 2 тип, появившийся здесь в I — начале II в. н. э. и позже ставший основным оружием позднесарматских воинов [Симоненко, 2015, с. 68]. Такие клинки были широко распространены по всему Северному Причерноморью, включая территорию Боспорского царства [Виноградов, Горончаровский, 2008, с. 178].

Визуальное сходство позднескифских и сарматских длинных мечей с рукоятю-штырем традиционно считалось доказательством заимствования поздними скифами оружия этого типа у сарматов. Но в то время, когда у поздних скифов появились и бытовали такие мечи, сарматы пользовались оружием с серповидным навершием, а позже — с кольцевым. Аналогичные позднескифским мечи с рукоятю-штырем массово распространились у сарматов только с середины I в. н. э. Иными словами, к моменту начала взаимных контактов поздние скифы и сарматы были вооружены мечами разного типа.

Не исключено, что прототипом таких клинков для позднескифских оружейников стали кельтские длинные мечи [Симоненко, 2001, S. 247—248]. Три экземпляра такого оружия найдены в позднескифских погребениях II — I вв. до н. э. в Верхнетарасовке на Днепре и в мавзолее Неаполя Скифского — столицы крымских скифов. Они могли попасть к скифам от галатов — солдат корпуса Диофанта, воевавших в Крыму в конце II в. до н. э., либо во время Митридатовых войн начала I в. до н. э. Важно то, что латенские мечи, имеющие именно те черты, которые характерны для позднескифских — рукоять-штырь, длинный клинок без прямого перекрестья — хронологически непосредственно предшествуют им [Симоненко, 2016, с. 17].

В позднескифской культуре значительный процент составляют латенские вещи: помимо упомянутых мечей, это поясные наборы, пряжки, среднелатенские фибулы, лощеная керамика определенных форм. Безусловно, позднескифская культура формировалась при участии латенской традиции.

Меч, сопровождавший скелет 3, формально относится к тому же типу — с рукоятю-штырем без металлического навершия. Однако он имеет некоторые индивидуальные черты. Прежде всего, нельзя сказать, что меч не имеет навершия — оно есть, но это, скорее, фиксатор длинной деревянной ручки, который состоит из двух шайб, закрепленных на конце штыря. Такой способ крепления рукояти использовался римскими оружейниками.

Длинный черенок меча сближает его не только с китайской оружейной традицией [Безуглов, 2000, с. 177], но и с римской (см., напр. [Przychodni, 2014, s. 232, tabl. III, 1]). По размерам, пропорциям и длине черенка нашему мечу близок, например, экземпляр из Мауэрна [Kaczanowski, 1982, s. 21, rys. 4, 1]. Различие

состоит в форме пяты — у меча из Мауэрна она прямая, как у всех римских мечей, а у нашего меча переходит в черенок под тупым углом, как у сарматского оружия. Однако черенки собственно сарматских мечей такого типа более короткие и не превышают 14—15 см [Симоненко, 2015, с. 58]. Таким образом, на этом мече присутствуют и западные, и восточные элементы. Назвать его римской спатой мы не решаемся.

Весьма интересна «скользящая» скоба (рис. 9, 1) для подвешивания на портупее (scabbard slide V. Тросдейла, *zawieszka wsuwana* П. Качановского). Подобные скобы использовались римлянами и их соседями (галлами и германцами), начиная с I в. н. э.¹ Большое количество римских бронзовых и железных «скользящих» скоб найдено в Дура-Европос [James, 2004, p. 151—153]. По форме скоба из могилы 121 близка I типу (рис. 9, 2) классификации П. Качановского [Kaczanowski, 1982, s. 39, rys. 9, 1]. Для нашей территории это — редкая находка. Скоба подобного профиля, но с расширяющейся спинкой (рис. 9, 3) обнаружена в варварском святилище Гурзуфское Седло [Новиченкова, 2002, с. 94, рис. 46, 1]. Однако наша скоба отличается от римских изделий конструкцией и декором, хотя сделана по сходному принципу.

С. Джеймс затруднялся определить, как крепились скобы из Дура-Европос, склоняясь все же к тому, что их отогнутые концы привязывали к ножнам [James, 2004, p. 143]. П. Качановский считал, что отогнутые концы скобы заправлялись под кожаную обивку ножен [Kaczanowski, 1982, s. 39]. На нашей скобе нет ни штифтов, ни других следов механического крепления, а позолоченные медальоны рассчитаны на то, что их должны видеть. Остается предположить, что скоба привязывалась к ножнам за концы.

Она лежала рядом с мечом примерно посередине его длины. Следы на корродированном клинке позволяют установить ее первоначальное положение — ближе к середине клинка. Скобы на римских мечах, носимых на наплечной портупее, крепились ближе к устью ножен. Скобы, закрепленные ближе к середине клинка, встречаются на длинных парфянских мечах. Такое крепление, вероятно, вынуждало использовать дополнительный ремень — фиксатор рукояти, чтобы держать меч в близком к вертикальному положении, как на статуе парфянского правителя из Хатры (рис. 9, 4). Судя по расположению скобы почти на середине ножен, меч из Красного Маяка мог требовать подобного дополнительного крепления. Впрочем, это лишь вариант реконструкции.

Скоба была инкрустирована серебряной проволокой. Аналогичная инкрустация украшала металлические части узды из сарматской под-

1. Действовавшие по аналогичному принципу китайские нефритовые скобы, известные у сарматов, здесь не рассматриваются.

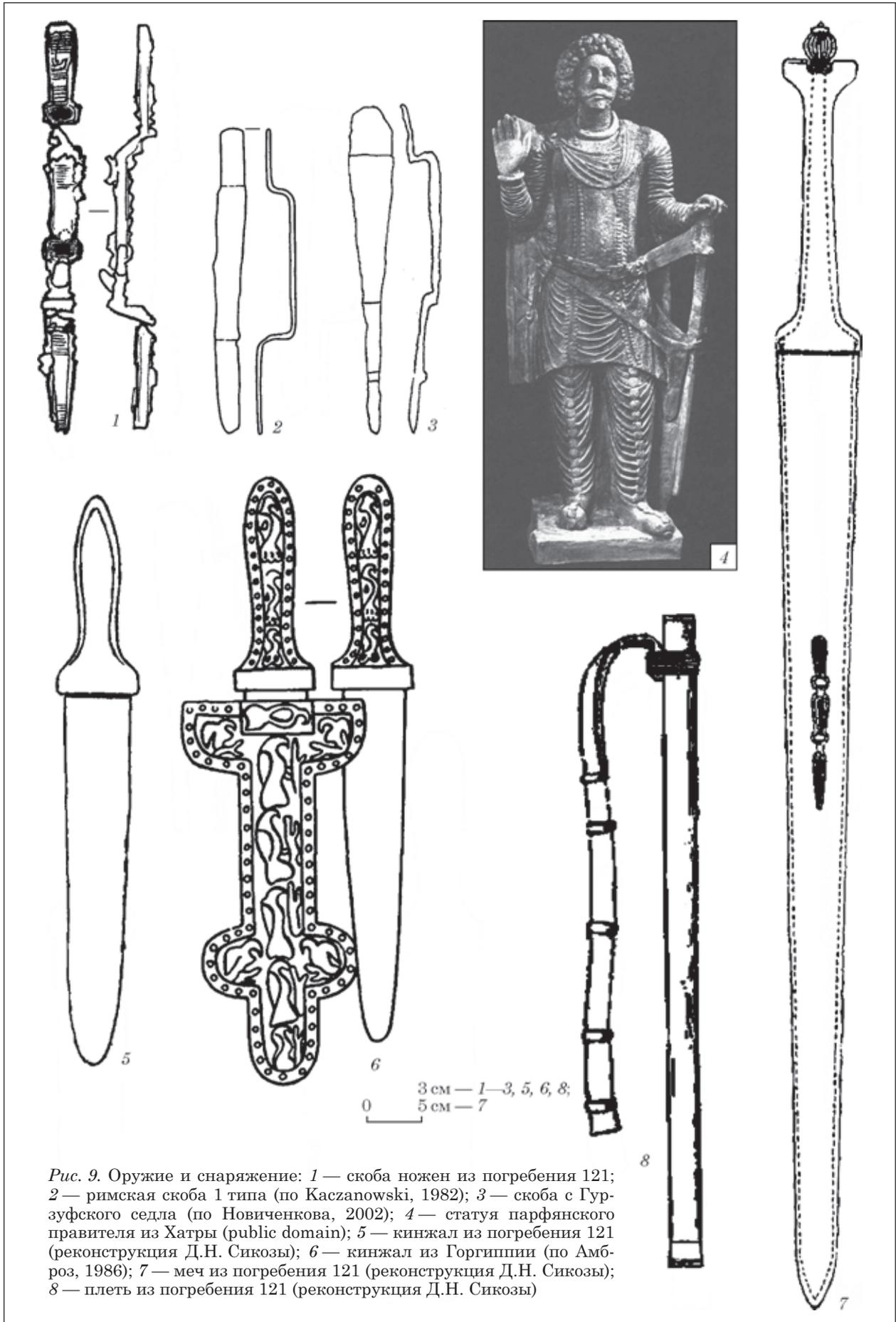

Рис. 9. Оружие и снаряжение: 1 — скоба ножен из погребения 121; 2 — римская скоба 1 типа (по Kaszanowski, 1982); 3 — скоба с Гурзуфского седла (по Новиченкова, 2002); 4 — статуя парфянского правителя из Хатры (public domain); 5 — кинжал из погребения 121 (реконструкция Д.Н. Сикозы); 6 — кинжал из Горгиппии (по Амброс, 1986); 7 — меч из погребения 121 (реконструкция Д.Н. Сикозы); 8 — плеть из погребения 121 (реконструкция Д.Н. Сикозы)

бойной могилы 120 Битакского некрополя близ Неаполя Скифского, датированной концом I — началом II в. н. э. [Пуздровский, Зайцев, Новиков, 1991, с. 121]. Не исключено, что количество подобных находок гораздо больше, чем мы думаем, однако коррозия железа в большинстве случаев скрывает инкрустацию.

В Центральной Европе «скользящие» скобы начали активно использоваться на развитой фазе стадии B2 [Kaczanowski, 1982, s. 39] и известны до стадии D. Основная масса скоб из Дура-Европос относится к периоду римской оккупации вплоть до взятия крепости Сасанидами в 256 г. [James, 2004, p. 143]. Однако китайские нефритовые скобы, работавшие по такому же принципу, найдены в сарматских погребениях конца I — начала II в. н. э., а в ханьском Китае были известны еще раньше [Симоненко, 2004, с. 54]. Иными словами, принцип «скользящей» скобы был известен обитателям причерноморских степей раньше, чем римлянам. Комплекс из могилы 121 по сочетанию датирующих предметов должен относиться ко II в. н. э.

Кинжал (реконструкция на рис. 9, 5) относится к типу, распространенному и у поздних скифов, и у сарматов. Очень важно, что относительно хорошо сохранилась деревянная рукоять кинжала. Близкая по форме рукоять — у кинжала из Горгиппии (рис. 9, 6), который считают изделием боспорского производства [Защепкая, 2014, с. 115].

Рядом с кинжалом были найдены железные обоймы (от ремней крепления?), декорированные в той же технике, что скоба и навершие меча. Они указывают на то, что кинжал и меч могли быть изготовлены одним комплектом.

Впрочем, место производства меча (реконструкция на рис. 9, 7) установить трудно. На нашей территории оружием подобного типа пользовались сарматы, поздние скифы, боспоряне, готы, гунны. Детали этого меча изготовлены как бы «по мотивам»: фиксаторы навершия сделаны по римскому принципу, но не являются достоверно римскими изделиями [ср. Viborski, Pkjær, 2006, S. 231—234]; «скользящая» скоба также несколько отличается от римских образцов, а прикреплена по парфянскому способу; сам клинок мало отличается от сарматских и позднескифских мечей, хотя имеет необычно длинный черенок. Создается впечатление, что мастер, изготовивший это оружие, был знаком со всеми перечисленными традициями и пользовался различными образцами. Мы не исключаем местное (позднескифское) происхождение меча.

Плеть. Такой же набор скоб и шайб сопровождал мужчин в могилах 301 и 330 позднескифского некрополя Заветное (Юго-Западный Крым) [Зайцев и др., 2007, с. 250]. Остатки древесного тлена цилиндрической формы и расположения обойм и шайб позволили реконструировать их как плети. В могиле 301 у стоп погребенного вместе с бронзовой гарнитурой лежали детали

узды. Авторы раскопок предварительно датировали захоронение I — первой половиной II в. н. э. [Зайцев и др., 2007, с. 250, рис. 3]. Подобными плетями пользовались и сарматы, судя по находке из погребения в кургане 6 у станицы Казанская, где лежал подобный набор обойм, надетый на кожаный ремешок, круглый в сечении [Волошинов, Масыкин, 2007, с. 291]. Считается, что плеть найдена в сарматском могильнике Эндред-Суйокерест в Венгрии, в погребении второй половины II — начала III в. н. э. [Vadaí, Szóke, 1983, p. 80, fig. 1].

Подобные изделия хорошо известны во всем ареале позднесарматской культуры, а также у соседних племен. Хорошо сохранившиеся экземпляры плетей происходят из могильника рязано-окского типа у с. Кораблино Рязанской области [Ахмедов, 1991, с. 146—152]. Автор статьи утверждает, что употребление этих предметов не характерно для местных племен и было позаимствовано у позднесарматского населения лесостепной зоны.

Таким образом, плети подобной конструкции (реконструкция на рис. 9, 8) использовались сарматами в первых веках н. э. (а, возможно, и раньше). Вместе с оружием сарматского круга они указывают на заметное влияние сарматской воинской культуры в позднескифской среде.

ФИБУЛЫ

Все фибулы из погребения 121 относятся к группе 10 сильно профилированных фибул с бусинами на дужке по классификации В.В. Кропотова. На *скелете 1* найдена застежка III (нижнеднепровской) серии этой группы, датирующаяся в целом II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 248]. На *скелете 2* обнаружена фибула 1 варианта I серии (дунайской). Дата таких фибул — вторая половина I — начало II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 226]. На *скелете 3* найдена фибула 2 варианта I серии (дунайской), датированной II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 226]. Сочетание датировок фибул предполагает II в. н. э. как дату могилы 121.

БУСЫ

При определении бус использована классификация Е.М. Алексеевой.

На шее *скелета 1* найдены следующие бусины: цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла типа 142 I — II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 71], сферическая бусина из бирюзового египетского фаянса типа 3г этого же времени [Алексеева, 1975, с. 31], округлая поперечно-сжатая бусина из голубого египетского фаянса со слегка намеченными насечками, которые имитируют дольки типа 16д второй половины I — II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 34—35]. Полихромная округлая поперечно-сжатая ребристая бусина из темно-зеленого стекла со

светло-желтой спиралевидной полосой типа 2206 гораздо более ранняя, IV — III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 45] и представляет в этом наборе раритет. Меловая бусина неправильной бочковидной формы условно отнесена к типу 2 с широкой датировкой: V в. до н. э. — II в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 29]. Наиболее вероятная дата набора — II в. н. э.

При скелете 2 обнаружены цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла типа 142 I—II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 71], две цилиндрических ребристых бусины из глухого синего стекла типа 150 первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 71] бронзовая ребристая бочковидная бусина типа 17 I—II вв. н. э. [Алексеева, 1982, с. 24], округлая голубая ребристая фаянсовая бусина типа 16б с широкой датой III в. до н. э. — первая половина II в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33—34]. Наиболее вероятная дата набора — II в. н. э.

На шее скелета 3 найдены гагатовая бочковидная бусина типа 2г I—II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 10—11] и округлая поперечно-сжатая стеклянная бусина с пятнистым орнаментом типа 13, I—IV вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 57—58]. У колена лежали округлая поперечно-сжатая ребристая бусина из полупрозрачного темно-зеленого стекла типа 150 первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 71] и подвеска из мела типа 14 II в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 30]. Наиболее вероятная дата набора — II в. н. э.

Среди остатков уздечного набора найдены разрушившиеся алебастровые бусы типа 5, распространенные в I—II вв. н. э. [Алексеева,

1982, с. 29]. Традиция украшения оголовья крупными бронзовыми или каменными бусинами (скорее всего, пришитыми к налобному ремню) существовала у сарматов и поздних скифов. Одна из самых известных находок такого рода — т. н. погребение аланского военачальника у ворот Неаполя Скифского [Шульц, 1957, с. 76; Высотская, 1979, с. 201—203; Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 81—108].

БРАСЛЕТ

Браслет не имеет прямых аналогов, но по своим характеристикам (включая единичность в могиле) близок т. н. царским браслетам из могил сарматской аристократии [Симоненко, 2012, с. 213]. Такие золотые браслеты — массивные, круглые в сечении, с расширенными концами (рис. 10) — находят обычно в сарматских мужских захоронениях I — начала II в. н. э. по одному, как правило, на правой руке. Они известны в погребениях конца I в. н. э. у Порогов и Весняного в Украине [Симоненко, Лобай, 1991, с. 24, 56, рис. 14, 6, фото 21; Симоненко, 2012, с. 213], в Никольском могильнике (п. 12) в Поволжье [Засецкая, 1979, с. 110, рис. 21] и у ст. Тифлисской (п. 15) в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, с. 58, табл. 27, 265]. Подобные браслеты происходят из комплексов этого же времени некрополя Тилля-Тепе в Северном Афганистане [Sarianidi, 1985, p. 239, 242, 253, 256, 260]. Такой же браслет (рис. 10, 5) якобы из Керчи (скорее всего, купленный там) хранится в Британском музее [Germanen, 1988, S. 108,

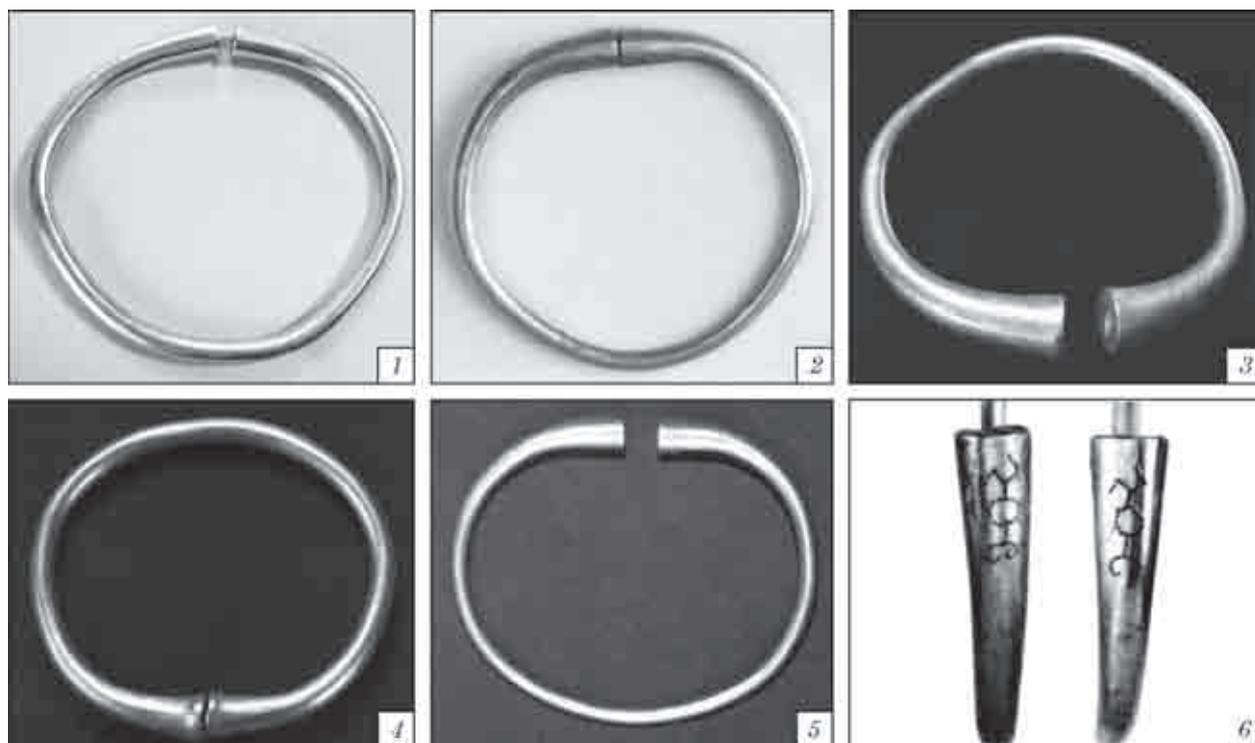

Рис. 10. Сарматские «царские» браслеты (по Симоненко, 2012): 1 — Весняне; 2 — Тифлисская; 3 — Никольский могильник; 4 — Пороги; 5, 6 — Британский музей

Abb. 1, 14c]. Судя по тому, что на его концах нанесены тамги схемы Инисмея (рис. 10, б) конца I в. н. э., он датируется именно этим временем.

Исходя из статуса могил, у сарматов это был знак принадлежности к высшему социальному рангу. Показательно, что в Западной Европе в позднееримское время подобные браслеты (kolben armlets) носили вожди германских племен высшего ранга — *princes*. К. фон Карнап-Борнхайм считает сарматские браслеты с расширенными концами прототипами германских [Lund Hansen, 2001, p. 158—163].

Наш браслет — той же формы, однако он бронзовый и орнаментирован, в отличие от гладких золотых сарматских «царских» браслетов. Браслеты такой формы (тип V по Т.Н. Высотской) хорошо известны у поздних скифов Крыма, однако здесь все экземпляры бронзовые, лишь один плакирован золотом [Пуздровский, 2007, с. 150]. Скорее всего, поздние скифы, как и германцы, заимствовали браслеты этого типа у сарматов — в это время подобных браслетов нет ни в одной другой культуре. В могиле 121 браслет хорошо сочетается с общей сарматской окраской инвентаря.

ПОЯС

В железных пластинах, найденных на тазу, нетрудно узнать застежки статусного хунно-сарматского портупейного пояса со свисающими ремешками с металлическими наконечниками. Такие пояса с пряжками, сделанными из золота, бронзы или железа, плакированного золотой пластиной, часто украшенными вставками драгоценных камней или бирюзы, характерны для захоронений хуннской и сарматской знати [Симоненко, Лобай, 1991, с. 14—23, 49—52; Симоненко, 2010, с. 395; Brosseder, 2011, p. 349—351]. Замечательными образцами китайского и сарматского ювелирного искусства являются золотые пряжки таких поясов из Сибирской коллекции Петра I в Государственном Эрмитаже или из царского захоронения в Порогах на Днестре. Хунну и сарматы носили подобные пояса со II в. до н. э. по середину II в. н. э. Пояс этого типа впервые встречен в позднескифском некрополе и вместе с остальными находками сарматского круга из могилы 121 указывает на тесную связь обеих культур на Нижнем Днестре.

ПЕРСТЕНЬ С ГЕММОЙ

Подобные перстни не являются редкостью в сарматских и позднескифских захоронениях и трактуются некоторыми исследователями как амулеты-апокрофиты [Высотская, 1976, с. 70]. Недавно аналогичная вещь найдена в могиле 32 Краснозоринского некрополя (Бахчисарайский р-н, Крым). Захоронение датировано второй половиной I в. н. э. [Волошинов, Масыкин, Неневоля, 2007, с. 309].

СЕДЛО

Кожаный тлен в ногах мог быть чехлом на подушки мягкого или полужесткого [Степанова, 2015, с. 421] седла. Так трактуют подобные находки из кожи и войлока, зафиксированные в 7 погребальных комплексах некрополя Глиное (Приднестровье). Они были найдены *in situ* на спине коня в захоронении 68/1 вместе с полным уздечным набором, а также в ногах мужского скелета погребения 97/1, где прослежен кожаный тлен седла, размерами 40 × 45 см, поверх которого находились предметы узды: удила, псалии, трензельные кольца, налобник и др. [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 793—794, рис. 414].

УДИЛА

Несмотря на плачевное состояние, в них легко узнать удила с колесовидными псалиями, которые бытовали у сарматов и меотов в I—II вв. н. э. (тип 3 сарматских удил по [Симоненко, 2015, с. 236—238]). В Красном Маяке остатки таких удил были найдены Э.А. Сымоновичем в 1977 г. в могиле 31, находившейся около 250 м к западу от могилы 121 [Сымонович, 1977/174, с. 20].

* * *

На основе найденного археологического материала была выполнена реконструкция убора погребенного воина (скелет 3) (рис. 11). Приведенные в статье аналогии помогли уточнить положение несохранившихся кожаных элементов поясной гарнитуры, креплений меча и кинжала. Формы деревянных рукоятей и перекрестий зафиксированы по четким следам тлена во время расчистки погребения. На основании этих данных сделаны графические реконструкции внешнего вида кинжала (рис. 9, 5) и меча (рис. 9, 7).

Примечательно, что в I в. н. э. какая-то часть сарматов входит в состав населения позднескифских городищах Крыма и Нижнего Днестра. Аналогичные процессы происходят и на меотских городищах [Лимберис, Марченко, 2012, с. 144—154]. Сарматские черты в позднескифских могилах прослежены в Крыму, в частности, в захоронениях Усть-Альминского могильника, синхронных могиле 121 Красного Маяка [Пуздровский, 2007, с. 105, 199]. В рассматриваемом погребении 121 сарматскими являются облик вооружения и характерный браслет с расширяющимися окончаниями. В 2011 г. в склепе 114 могильника Красный Маяк была обнаружена костяная пиксида с сарматскими тамгами [Симоненко, Сікоза, Дзনেладзе, 2015, с. 21, рис. 12, 3]. Исследователи отмечают сарматизацию в I — начале II вв. н. э. позднескифской культуры, указывая на ряд изменений в уборе и погребальном обряде (подробнее см. [Храпунов, 2004]).

Во второй половине I в. н. э. заметно сократилась численность населения в Северо-Западном

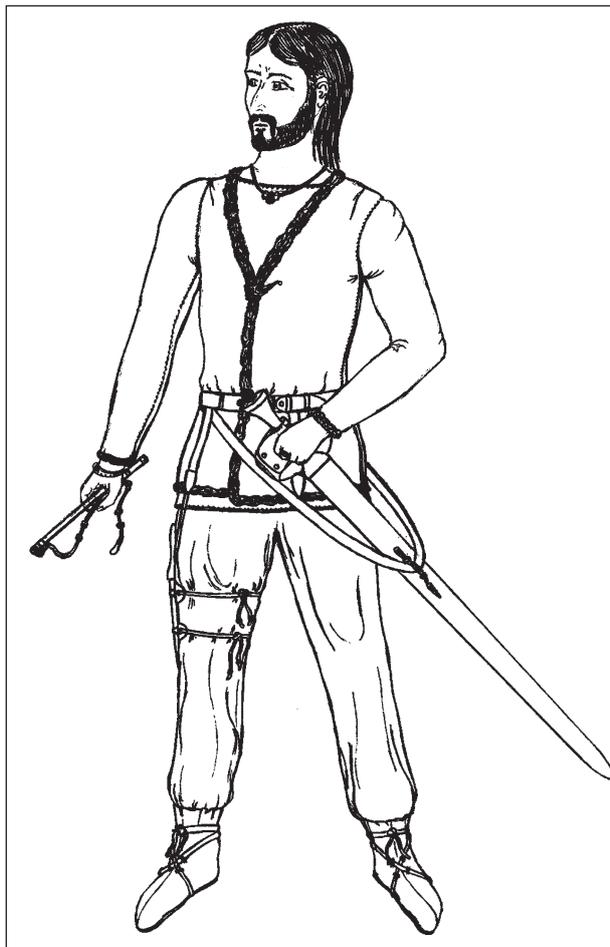

Рис. 11. Внешний вид воина из погребения 121 (реконструкция Е.С. Дзюладзе и Д.Н. Сикозы)

и Юго-Восточном Крыму. Эти события связывают с нестабильной политической ситуацией и многочисленными военными действиями, проходившими на данной территории во второй половине I — начале II вв. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 89]. Слой разрушения и пожара на Усть-Альминском городище В.М. Зубарь связывал с походом Тиберия Плавтия Сильвана [Зубарь, 2003, с. 166].

Такие события могли послужить причиной для миграции крымского позднескифского населения к сородичам — на Нижний Днепр или в Подунавье-Поднестровье [Шукин, 1989, с. 80]. Возможно, маркером этой миграции и являются нетипичные погребения в четырехугольных катакомбах Красного Маяка, Золотой Балки и в некрополе Никония. Этнокультурный синкретизм погребального обряда таких камер не позволяет однозначно относить погребенных там людей к сарматам или поздним скифам. В качестве одной из версий можно предположить, что в I—II вв. н. э. нижнеднепровские поздние скифы и сарматы сосуществовали в одном политическом объединении. Неизбежные при такой ситуации тесные культурные контакты обусловили проникновение в позднескифскую среду престижных и статусных сарматских вещей — оружия, конского снаряжения, воинских поясов, украшений.

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1975. — 95 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1978. — 104 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1982. — 104 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
- Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. — 1986. — № 3. — С. 28—35.
- Ахмедов И.Р. Плетни из могильника у с. Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991. — С. 146—152.
- Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 169—193.
- Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи. — Одесса, 2008. — 224 с.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI до н. э. — середина III в. н. э.). — СПб, 2008. — 348 с. (Тр. ИИМК. — Т. XXV).
- Волошинов А.А., Масыкин В.В. Погребение с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005—2006 гг.) // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 291—302.
- Волошинов А.А., Масыкин В.В., Неневоля И.И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозорино некрополя // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 303—318.
- Высотская Т.Н. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. — 1976. — № 3. — С. 51—73.
- Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — К., 1979. — 207 с.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — К., 1994. — 207 с.
- Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — К., 1972. — 192 с.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье — СПб, 1994. — 172 с.
- Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнельт Э. и др. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I — III вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 249—290.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь 2 в. н. э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 81—108.
- Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. ГЭ. — 1979. — Т. XX. — С. 87—113.
- Засецкая И.П. Стилистические особенности трех кинжалов сарматской эпохи I в. до н. э. — II в. н. э. // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 101—118.
- Зубарь В.М. Еще раз о походе легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику // Исседон-Юсеев: Альманах по древней истории и культуре. — Екатеринбург, 2003. — Т. 2. — С. 155—170.
- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. — К., 2010. — 384 с.
- Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. — Ялта, 2002. — 213 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. — М., 2012. — С. 144—154.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — 493 с.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скиф-

- ского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991. — С. 116—121.
- Симоненко А.В. Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // Нижневолжский археологический вестник. — 2004. — Вып. 6. — С. 45—65.
- Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у с. Весняное // Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. — К., 2012. — С. 207—226.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья: 2-е изд. — К., 2015. — 466 с.
- Симоненко О.В. Пізньоскіфські «спати» — хронологія та генезис // II Міжнар. зброезнавча конф.: Тези доп. — К., 2016. — С. 15—17.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). — К., 1991. — 112 с.
- Симоненко О.В., Сікоза Д.М., Дзюладзе О.С. Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. — Херсон, 2015. — 155 с.
- Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015. — С. 389—425 (Тр. ГЭ. — Т. LXXVII).
- Сымонович Э.А. Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда Института археологии АН СССР и Института антропологии МГУ в 1969 г. в Николаевке / НА ИАН Украины. — 1969/66—67.
- Сымонович Э.А. Отчет о раскопках Черняховской экспедиции ИА АН СССР на Украине в 1977 г. / НА ИАН Украины. — 1977/114.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное // Археологические памятники Приднестровья. — Тирасполь, 2016. — Т. III. — 1096 с.
- Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. — Симферополь; Керчь, 2004. — 239 с. (БИ. — Вып. VI).
- Шульц П.Н. Исследование Неаполя Скифского (1945—1950) // История и археология древнего Крыма — К., 1957. — С. 61—93.
- Шукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. — 1989. — № 1. — С. 70—83.
- Яценко С.А. Костюм Древней Евразии. — М., 2006. — 666 с.
- Biborski M., Ilkjær J. Illerup Edal 12. Die Schwerter. Katalog: Tafeln und Fundlisten. — Aarhus, 2006. — 414 S. (Jutland Archaeological Society Publications. — XXV, 12).
- Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. — Bonn, 2011. — P. 349—424.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. — Nürnberg, 1988. — 628 S.
- James S. Excavations at Dura-Europos, 1928—1937. — Oxford, 2010. — Final report VII: Arms and armour and other military equipment. — 304 p.
- Kaczanowski P. Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego barbaricum. — Kraków, 1992 — 136 s.
- Lasota A. Grób wojownika z cmentarzyska w Gaci, pow. przeworski. Przyczynek do studiów nad lokalnymi formami okuć tarczy w kulturze przeworskiej // Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedukowanie Professorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedemdziesiątej rocznicy urodzin — Kraków, 2014. — S. 151—161.
- Lund Hansen U. Gold Rings — Symbol of Sex and Rank. Necklaces and bracelets in Scandinavia and Continental Europe from the Late Roman and Migration periods // KVHAA Konferenser. — Stockholm, 2001. — Vol. 51. — P. 158—188.
- Przychodni A. Bogato wyposażony pochówek z bronią z cmentarzyska ludności kultury przeworskiej w Korytnicy, powiat jędrzejowski, województwo świętokrzyskie // Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedukowanie Professorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedemdziesiątej rocznicy urodzin — Kraków, 2014. — S. 225—236.
- Sarianidi V.A. Bactrian Gold from the Excavation of the Tilla-tepe necropolis in Northern Afghanistan. — Leningrad, 1985. — 258 p.
- Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. — 2001. — Bd. 7. — S. 187—327.
- Vadai A., Szóke B. Szarmata temető és gepida sir Endrőd-Szujókeresztén // Communicationes Archaeologicae Hungariae. — Budapest, 1983 — P. 80—132.

О.С. Дзюладзе, Д.Н. Сікоза,
О.В. Симоненко

ВОЇНСЬКЕ ПОХОВАННЯ МОГИЛЬНИКА ЧЕРВОНИЙ МАЯК НА НИЗОВОМУ ДНІПРІ

У 2014 р. Пізньоскіфською археологічною експедицією було виявлено поховання воїна-вершника в могильнику Червоний Маяк. Поховання супроводжувалося різноманітним інвентарем, серед якого особливу увагу привертає набір озброєння та рештки узди. Залучені аналогії допомогли реконструювати зовнішній вигляд воїна, його вбрання та особливості кріплення поясу, кинджалу і меча. Форма поховальної споруди і деякі речі з поховання вказують на те, що похований був не місцевим, адже такі ознаки не є характерними для пізньоскіфських поховань Низового Дніпра, проте часто зустрінуті в пізньоскіфських некрополях Криму.

Ключові слова: пізньоскіфська культура, сармати, Червоний Маяк, Низовий Дніпро, воїн, меч, озброєння, реконструкція, вбрання, костюм.

О.С. Dzeladze, D.N. Sikoza,
O.V. Symonenko

THE WARRIOR BURIAL OF THE CHERVONY MAYAK CEMETERY IN THE LOWER DNIEPER REGION

In 2014 the grave of the Late Scythian cavalryman were excavated in the Chervony Mayak burial ground. The burial was accompanied by the numerous and various grave goods among which the weapons and horse harness was of great interest. The parallels helped to reconstruct the look of the warrior, his dress and peculiarities of the fastening of belt, the dagger and sword. The form of burial construction and some items from the grave point that the buried person was not of local origin because these features are not typical of Late Scythian graves of the Lower Dnieper region but often could be occurred in the Late Scythian necropolises of Crimea.

Keywords: Late Scythians, Sarmatians, Chervony Mayak, Lower Dnieper, warrior, sword, weapons, reconstruction, attire, costume.

Одержано 01.03.2017

С.В. Діденко, О.В. Шелехань

МЕЧІ ТА КИНДЖАЛИ ПЕРІОДУ СКІФСЬКОЇ КЛАСИКИ У ЗІБРАННІ НАЦІОНАЛЬНОГО МУЗЕЮ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

Статтю присвячено введенню до наукового обігу мечів та кинджалів кінця VI — IV ст. до н. е. із зібрання Національного музею історії України. Подано типологічну та хронологічну інтерпретацію артефактів.

Ключові слова: меч, кинджал, скіфський час, класична скіфська культура.

У фондах Національного музею історії України зберігається найбільша для нашої держави колекція клинкової зброї скіфського часу. Раніше авторами вже було підготовлено публікацію нових матеріалів доби скіфської архаїки [Діденко, Шелехань, 2016а, с. 65]. Докладно було проаналізовано групу кинджалів з перехрестями правильних геометричних форм [Діденко, Шелехань, 2016б, с. 34]. У запропонованій статті вводяться до наукового обігу раніше неопубліковані мечі та кинджали, що належать до класичної скіфської культури.

Докладно опишемо кожну розглянуту знахідку. Екземпляри подано згідно відносної хронології матеріалу. Метричні параметри подано нижче в узагальнюючій таблиці.

1. Кинджал № Б 599 (рис. 1, 1). Руків'я з брускоподібним навершям та метеликоподібним перехрестям. Рукоятка прямокутна, плоска. Клинок фрагментований, з паралельними лезами, ромбічний в перетині.

Від архаїчних виробів даний екземпляр відрізняється передусім стрункою конструкцією навершя. Якщо за ранньоскіфського часу вони мали масивну форму і кріпились на черешок рукоятки прошивкою, з кінця VI ст. до н. е. фіксується впровадження нової технології кріплення шляхом ковальської зварки на-

кладних пластин [Вознесенська, 2003, с. 85]. Їх профіль у більшій мірі наближений до прямокутника зі злегка закругленими кутами. Найбільш яскравий приклад — церемоніальний меч з кургану 6 біля с. Олександрівка (рис. 2, 1), що за особливостями декору відноситься до кінця VI ст. до н. е. [Ковалева, Мухопад, 1982, с. 97—98].

Пласке і прямокутне навершя вказує на коло аналогій серед старожитностей кінця VI — початку V ст. до н. е. Подібний екземпляр походить з кургану 52, поховання 1 біля Вищета-расівка [Мурзин, Евдокимов, 1977, с. 56], який датується кінцем VI — початком V ст. до н. е. за знахідками базисних наконечників стріл. Інша схожа знахідка відома з некрополя Німфея, поховання Г 8 (рис. 2, 2), яке за чорнофігурним аттичним лекіфом датується початком V ст. до н. е. Одиначні наконечники стріл з поховання також мають типову для цього часу базисну форму [Грач, 1999, с. 100].

2. Кинджал № Б 732, с. Тростянець Канівського р-ну Черкаської обл. (рис. 1, 2). Руків'я з простим волютоподібним навершям. Перехрестя втрачене. Рукоятка прямокутна, плоска. Клинок трикутний, ромбічний в перетині.

Вироби з таким навершям характерні для пам'яток початку V ст. до н. е. Один з них походить з Великої Гомільши, курган 5. Автор досліджень відніс це поховання до першої половини V ст. до н. е. за складом сагайдачного набору [Шрамко, 1983, с. 55]. З огляду на те, що у ньому базисні та гостролісті наконечники представлені у рівній кількості, дата у межах першої чверті V ст. буде найбільш вірогідним варіантом. Інший подібний екземпляр знайдено в кургані 13 біля с. Мачухи [Ковпаненко, 1970, с. 157]. На дату близько першої чверті

Параметри розглянутих екземплярів, см

№	Шифр	Навершья			Рукоятка			Перехрестя			Клинок			Довжина загальна
		Ш	Д/В	Т	Ш	Д/В	Т	Ш	Д/В	Т	Ш	Д/В	Т	
1	Б 599	4	2,3	0,8	2,2	8,8	0,5	4,7	2,1	1,1	3,2	8 *	0,6	20,7 *
2	Б 732	5,4	4,6	0,6	2,2	8,5	0,4	—	—	—	2,7	16,5	0,5	31,3
3	Б 28-1881	4,5	1	0,8	1,6—2,5	7,4	0,6	4,4	2	0,9	3	16,5	0,6	26,5
4	Б 28-5291	5	1,3	1	2,4—2,2	7,3	0,5	—	—	—	3,2	22	0,6	31,5
5	Б 2677	4,8	2,5	3	3,6	8,3	2,2	5,4	2,8	3	4,3	37,3	1,2	50,2
6	Б 28-1869	5,8	2,9	0,6	2,6	8	0,5	6,1	2,8	1,4	3,5	46	0,5	49
7	Б 28-5267	6,3 *	4,5	0,9—1,8	3—3,3	8	1,6	9,4	4,8	1,1	6,6	43,5	0,3	59,3
8	Б 28-1998	5,4	2,1	0,6	3	8,5	1,4	8,5	3,2	1,3	6,4	9*	0,6	21 *
9	Б 2675	6,2 * (8,5)	4	1	2,3	8,5	1,5	5,8	3	1,2	4,8	38	1,3	51
10	Б 8336	6,3	3,8	0,4—1	2,3	8	0,9	7,8	0,4	1,2	6,2	36,2	0,4	51
11	Б 28-2007	5,5	2,9	0,3	2,1	7	1	6,3	2,2	0,5	4,7	—	0,3	12*
12	Б 28-1880	3,4	1,5	0,5	1,5	6,6	0,9	4,3	1,5	0,6	4,1	21	0,3	32
13	Б 49-50	2,9	2,2	0,5	2	8	0,5	5,6	1,2	0,7	5,1	22,4 *	0,4	37 *
14	Б 49-49	4,3	3,1	0,9	2,9—3,5	7*	1,5	—	—	—	4,9	31,5 *	0,8	—
15	Б 49-52	—	—	—	3,1	6,3 *	1,2	—	—	—	4,2 *	28 *	1,3 *	—
16	Б 45-1	2,3	1,2	—	0,9—1,5	8,7	—	5,1	2	0,9	4,4	21 *	0,6	32,5*

Зірочкою позначено фрагментовані дані.

V ст. до н. е. вказують нечисельні знахідки наконечників стріл, серед яких переважають базисні екземпляри

3. Киנדжал № Б 28-1881¹, Київська обл., зібрання Терещенка (рис. 1, 3). Руків'я з брускоподібним навершям та метеликоподібним перехрестям. Рукоятка трапецієподібна, пласка в перетині. Клинок плавно звужений до вістря, ромбічний в перетині, з нервюрою.

Даний екземпляр також належить до кола виробів зі струнким і сплюсненим брускоподібним навершям. Аналогічний меч відомий з кургану 4, поховання 5 біля с. Мартинівка в Криму. Вказаний екземпляр датується серединою V ст. до н. е. за складом сагайдачного набору [Колтухов, 2012, с. 47]. За знахідкою розписної червоноглиняної ойнохої та миски, другою чвертю V ст. до н. е. датується поховання 13 могильника Артющенко-2 (рис. 2, 3), звідки походить типова знахідка подібного меча [Кашаев, 2009, с. 199].

4. Киנדжал № Б 28-5291 (рис. 1, 4). Руків'я зі слабо вигнутим навершям. Перехрестя втрачене. Рукоятка трапецієподібна, пласка. Клинок плавно звужений до вістря, ромбічний в перетині.

Подібні навершья притаманні цьому ж хронологічному горизонту. Зокрема, за античною керамікою (розписними ойнохоями та мискою, а також чорнолаковим аттичним кіліком) у рамках другої чверті V ст. до н. е. визначається

1. За винятком цього екземпляру, всі артефакти із шифром Б 28 не мають географічної прив'язки.

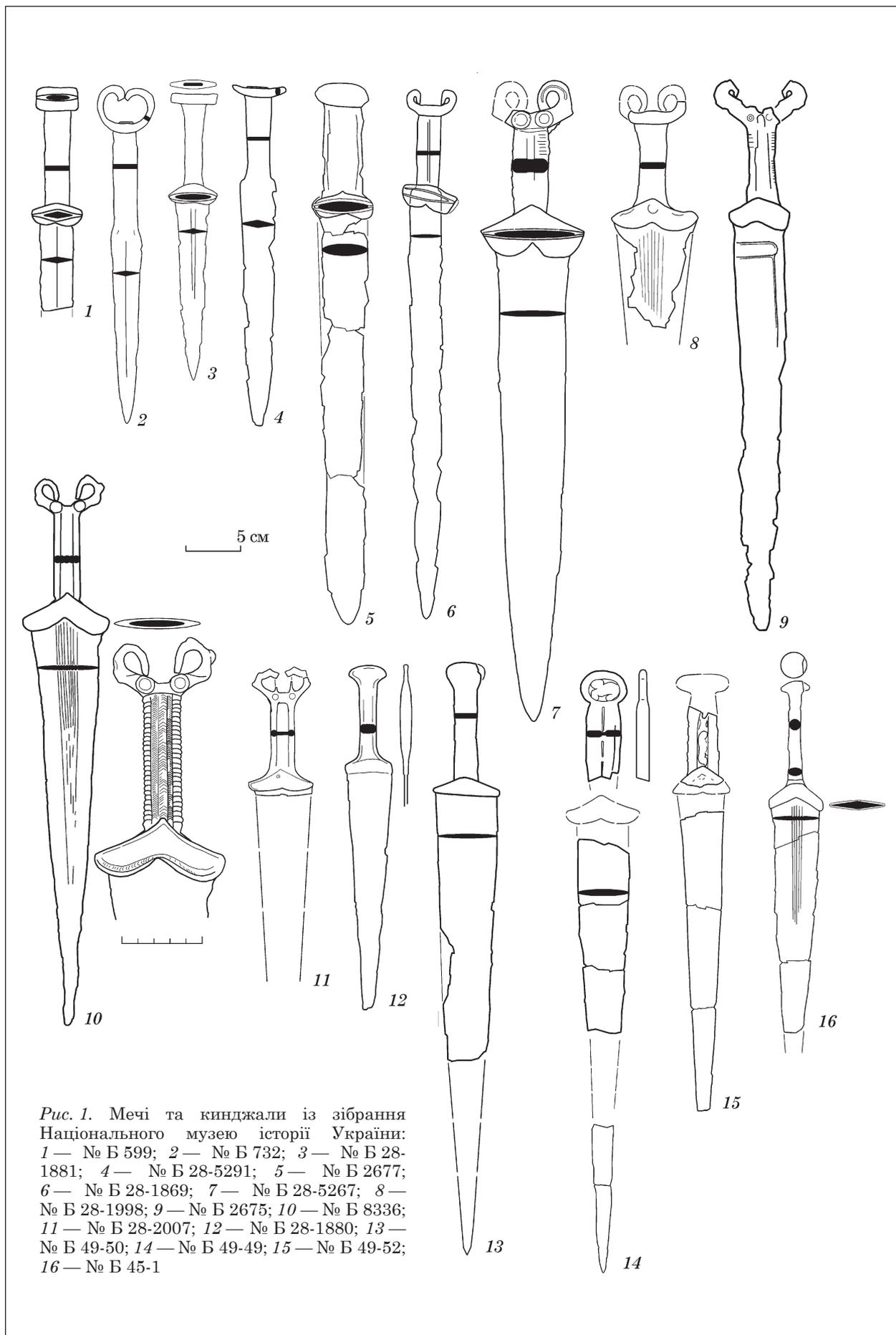
дата поховання 10 могильника Артющенко-2, звідки походить подібний кинджал [Кашаев, 2009, с. 201].

5. Меч № Б 2677, м. Черкаси (рис. 1, 5). Руків'я з овальним навершям та метеликоподібним перехрестям. Рукоятка прямокутна, пласка. Клинок з паралельними лезами, звуженими в останній чверті, лінзоподібний в перетині.

Меч з аналогічним руків'ям походить з поховання 1 кургану 8 біля с. Дальне у степовому Криму. Наконечники стріл з поховання представлено струнками базисними та опорновтульчастими екземплярами середини V ст. до н. е. [Колтухов, Кислий, Тошев, 1994, с. 59]. Також на дату меча з Черкас близько другої чверті V ст. до н. е. вказує аналогія зі вже згадуваним мечем з поховання 13 могильника Артющенко-2 [Кашаев, 2009, с. 199].

6. Меч № Б 28-1869 (рис. 1, 6). Руків'я з простим волютоподібним навершям та пошкодженим метеликоподібним перехрестям, пластини якого розійшлись з однієї сторони. Рукоятка прямокутна, оздоблена жолобками з обох сторін. Клинок з паралельними лезами, звуженими до вістря в останній чверті, лінзоподібний в перетині.

Волютоподібне навершья цього екземпляру не має виразних зооморфних «Але його контур вже несе характерні колінчасті вигини, притаманні дзьобоподібним або пазуроподібним формам. Судячи з ілюстрації, аналогічне волютоподібне навершья має меч з кургану 1G могильника Аджигол. Він датується другою

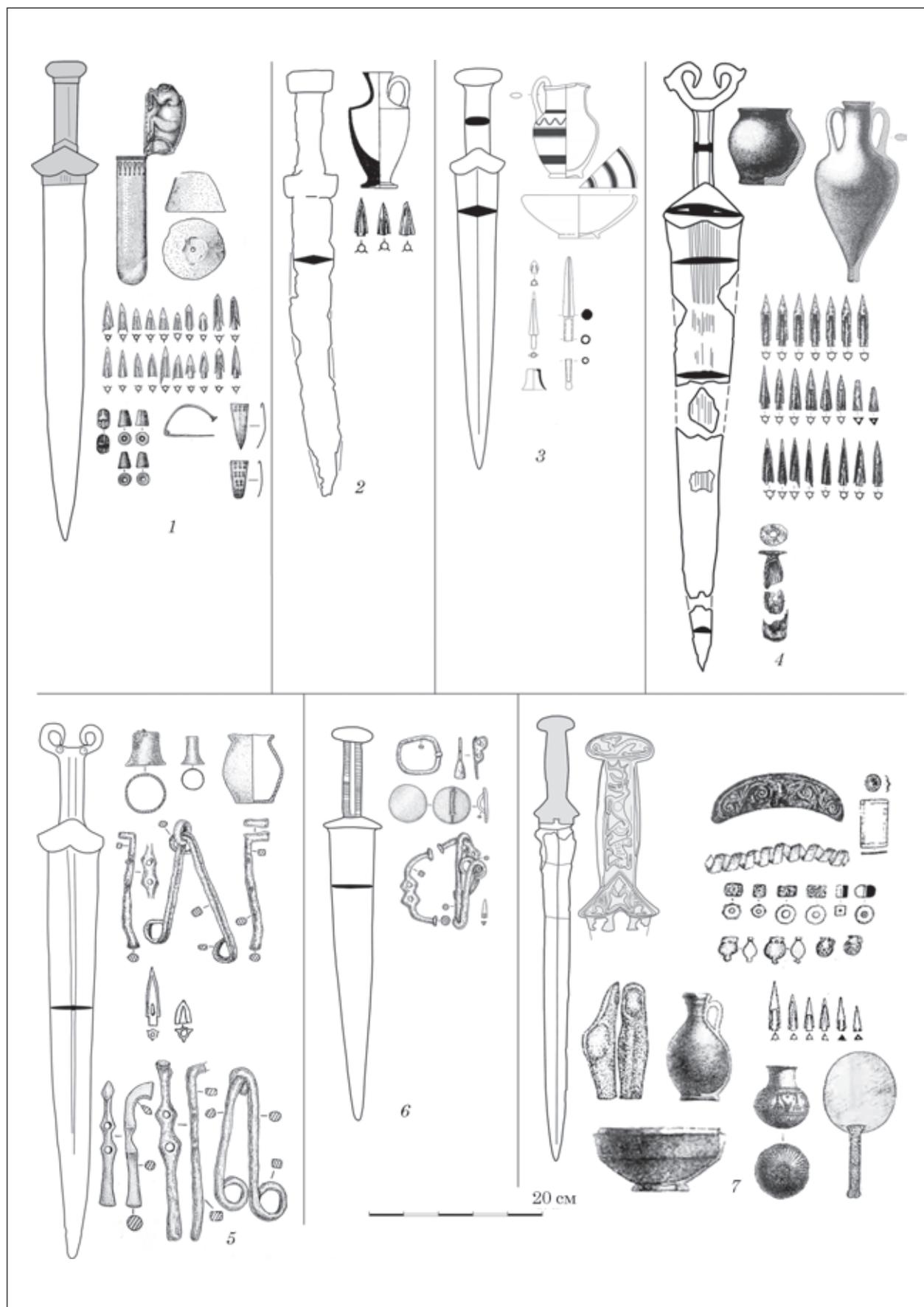

Рис. 2. Опорні комплекси з клинковою зброєю кінця VI — кінця IV ст. до н. е.: 1 — Олександрівка, к. 6; 2 — Німфей, Г 8; 3 — Аргющенко-2, п. 13; 4 — Перещепино, к. 3/2002; 5 — Перещепино, к. 13, п. 1; 6 — Перещепино, к. 12, п. 1; 7 — Старий Мерчик, гр. 3, к. 11

чвертю V ст. до н. е. за супутньою знахідкою хіоської пухлогорлої амфори розвинутого типу [Монахов, 2003, с. 17].

7. Меч № Б 28-5267 (рис. 1, 7). Руків'я з волютоподібним навершям та метеликоподібним перехрестям. Волюти оформлені у вигляді голів хижого птаха. Рукоятка прямокутна, з жолобком, оздоблена насічками по ребру. Клинок плавно звужений до вістря, лінзоподібний в перетині.

Оформлення руків'я даного екземпляру характерне для старожитностей V ст. до н. е. Подібний меч походить з кургану 3/2002 Перещепинського могильника (рис. 2, 4). Його дата визначається за фасоською амфорою другої — третьої чверті V ст. до н. е. Не суперечить цьому і сагайдачний набір, укомплектований переважно баштоподібними та підтрикутними наконечниками [Махортьх, 2012, с. 150].

Додатково слід звернути увагу на форму клинка. Вироби з таким широким і масивним клинком найбільшого поширення набувають у середині V ст. до н. е. Один з найбільш характерних зразків походить з кургану 8, поховання 1 біля с. Дальне у степовому Криму [Колтухов, Кислий, Тощев, 1994, с. 59]. Цю ж хронологічну позицію займає і поховальний комплекс на о. Хортиця, де було знайдено аналогічний масивний виріб [Остапенко, 1995, с. 83]. Згадані комплекси за сагайдачними наборами також можуть бути віднесені до середини V ст. до н. е.

8. Меч № Б 28-1998 (рис. 1, 8). Руків'я з простим волютоподібним навершям та метеликоподібним перехрестям. Навершя фрагментоване, на перехресті читається зображення голови лося (?) з круглим оком. Рукоятка увігнута, плоска. Клинок значною мірою втрачений. Збережений фрагмент свідчить про трикутну форму, лінзоподібну в перетині, оздоблену сімома канелюрами.

Аналогічний меч з неорнаментованим навершям та широким трикутним клинком походить з кургану 5 Пісочинського могильника. На його дату в межах третьої чверті V ст. до н. е. вказує сагайдачний набір, який складався з різного роду опорновтульчастих наконечників. Також цю дату підтверджує знахідка бронзового замочка [Алексеев, 1992, с. 146; Бабенко, 2005, с. 161].

9. Меч № Б 2675 (рис. 1, 9). Руків'я з зооморфним волютоподібним навершям та псевдотрикутним перехрестям. В основі навершя зображено два круглі ока. Рукоятка прямокутна, двотаврова, орнаментована насічками по ребрах. Клинок трикутний, лінзоподібний в перетині. У верхній частині клинка фіксуються законсервовані рештки устя піхов.

Форма навершя цього екземпляру досить цікава. По перше, воно є одним з найширших, по друге, вигини його волют, можливо, найбільш різкі із усіх нам відомих. За цими ознаками він

наближений до вже згадуваного меча другої — третьої чверті V ст. до н. е. з кургану 3/2002 Перещепинського могильника (рис. 2, 4) [Махортьх, 2012, с. 150].

10. Меч № Б 8336, випадкова знахідка 1980-х рр. у р. Іршінь біля с. Білогородка Києво-Святошинського р-ну Київської обл. (рис. 1, 10). Руків'я з зооморфним волютоподібним навершям та псевдотрикутним перехрестям. Волюти навершя виконані у вигляді голови хижого птаха. В основі навершя зображено два круглі ока. Рукоятка прямокутна, двотаврова. Рифлення на ребрах імітує обмотку. В середній частині додатково розміщено три поздовжні ребра, оздоблені насічкою «ялинка». На перехресті аналогічний орнамент нанесено по контуру. Клинок трикутний, оздоблений вісьмома канелюрами, лінзоподібний в перетині.

Окрім наведеного вище меча з кургану 3/2002 Перещепинського могильника, у якості аналогії можна додати меч з кургану 13, поховання 1 цього некрополя (рис. 2, 5). Його хронологічна позиція неоднозначна, адже вуздечний набір датується другою — третьою чвертю, а антична червоноглиняна амфора — вже останньою чвертю V ст. до н. е. Погоджуючись із дослідником, віддамо перевагу даті за імпортом посудом [Махортьх, 2012, с. 150].

Оздоблення цього кинджалу дещо незвичне. З одного боку, навершя та рукоятка цілком вписуються у стандартну схему орнаментативної цього часу [Тошпал, 2014, с. 381]. Однак, ялинковий орнамент, укладений у хвилясту лінію по нижньому краю перехрестя, не знаходить відповідників серед відомого нам матеріалу. Адже навіть за умов максимальної стилізації, композиції на перехрестях утворюють зооморфний орнамент. З подібних винятків можна згадати меч з могильника Малі Чеганди, на перехрестя якого нанесено дві симетричні пари хвилястих ліній [Тошпал, 2014, рис. 3, 1].

11. Кинджал № Б 28-2007 (рис. 1, 11). Рукоятка двосічного кинджала із зооморфним ажурним навершям та псевдотрикутним перехрестям. В основі навершя зображено два круглі ока. На перехресті також угадується зображення круглого ока. Клинок відсутній.

Серед аналогій слід перш за все згадати меч з бічного поховання кургану Солоха, датованого початком або першою чвертю IV ст. до н. е. за уточненою датою античного посуду (чорнолакового кіліка та амфор) [Монахов, 1999, с. 240—243; Алексеев, 2003, с. 228—231]. Показовою аналогією з Лісостепу є меч з кургану 3, поховання 2 могильника Перещепине. Цей комплекс датується початком IV ст. до н. е. за знахідками тригранних наконечників стріл із шипом або опущеними гранями [Махортьх, 2012, с. 153].

12. Кинджал № Б 28-1880 (рис. 1, 12). Руків'я з овальним навершям та псевдотрикутним перехрестям. Рукоятка прямокутна, з жолобка-

ми. Клинок трикутний, лінзоподібний у перетині. Навершя сформоване шляхом розковки руків'я.

У Лісостепу найбільш показовим представником цього типу є кинджал з кургану 12, поховання 1 некрополя Перещепине (рис. 2, 6). Його хронологічну позицію встановлено передусім за деталями вузди — строгими вудилами та С-подібними псаліями. Дані вироби первинно були датовані кінцем V — першою половиною IV ст. до н. е., але згодом дату було звужено до першої половини IV ст. до н. е. [Махортых, 2012, с. 157]. Більшість аналогічних виробів найбільше поширення отримують з другої чверті IV ст. до н. е. [Топал, 2014, рис. 7].

13. Меч № Б 49-50, Київська обл. (рис. 1, 13). Руків'я з овальним навершям та трикутним перехрестям. Рукоятка прямокутна, пласка. Клинок фрагментований, трикутної форми, лінзоподібний в перетині. Згідно візуальних спостережень, даний екземпляр, як і попередній, має спрощену конструкцію.

Досить подібним є наведений вище кинджал з кургану 12, поховання 1 некрополя Перещепине (рис. 2, 6). Також у кургані 36 некрополя Колбино поруч із церемоніальним мечем було виявлено аналогічний меч. Його дата встановлюється за деталями кінської вузди. Знахідки залізних псаліїв прямої стрижнеподібної форми з 8-подібним центром та бронзових С-подібної форми вказують на середину — третю чверть IV ст. до н. е. [Савченко, 2006, с. 326—329].

14. Меч № Б 49-49, Київська обл. (рис. 1, 14). Руків'я з ажурними овальним навершям та овальною рукояткою. В контурі навершя зображено фігуру звіра у профіль (котячого хижака?). Рукоятка також ажурна, з трьома повздовжніми отворами. Перехрестя та частина клинка втрачені. Клинок фрагментований, трикутної форми, лінзоподібний в перетині.

Меч з Товстої Могили є класичним представником цього типу. Для центрального поховання Товстої Могили залишається актуальною дата, запропонована Б.М. Мозолевським у рамках середини — початку третьої чверті IV ст. до н. е. На тлі розмаїття поховального інвентарю вона ґрунтується перш за все на хронологічних позиціях імпортного посуду та кінської вузди [Мозолевський, 1979, с. 227—229].

15. Меч № Б 49-52, Київська обл. (рис. 1, 15). Руків'я ажурне, з трикутним перехрестям. Навершя втрачене. Рукоятка двотаврова, у повздовжньому жолобку зображено фігуру звіра у профіль (котячого хижака?). Клинок фрагментований, трикутної форми, лінзоподібний в перетині.

Для цього виробу будуть актуальними ті ж аналогії, що й для попереднього екземпляру. Додатково, з кола аналогій Лісостепу необхідно згадати меч з кургану 3 Старого Мерчика (рис. 2, 7). Тут було знайдено золоту обмотку рукоятки нагайки, що вказує на другу полови-

ну IV ст. до н. е. [Алексеев, 2003, с. 247; Гречко, Карнаух, 2011, с. 249]. Уточнює час поховання херсонеська амфора, яка відноситься до кінця IV ст. до н. е. [Монахов, 1999, с. 47—52]. Разом з тим, слід згадати, що мечі з ажурними рукоятками присутні й у більш ранніх комплексах, зокрема у Бердянському кургані, що датується другою чвертю IV ст. до н. е. [Фиалко, 1997, с. 57].

16. Кинджал № Б 45-1, с. Миколаївка Таращанського р-ну Київської обл. (рис. 1, 16). Форми перехрестя та клинка цілком відповідають екземплярам скіфської клинкової зброї кінця V — початку IV ст. до н. е. [Топал, 2014, с. 383]. Так, перехрестя виготовлене з тонких пластинок, має форму неправильного трикутника. Клинок в свою чергу трикутний в плані, лінзоподібний в перетині, оздоблений п'ятьма нервюрами.

Проте форма руків'я настільки відрізняється від усіх стандартних екземплярів, що розгляд цієї знахідки винесено насамкінець статті. Його рукоятка кругла в перетині, овальна в нижній частині, оздоблена круглим шляпкоподібним навершям.

Слід зазначити, що форма навершя виявляє певну подібність зі зброєю передскіфського часу [Тереножкин, 1975, с. 6; рис. 5—12]. Але ні загальні обриси виробу, ні технологічний вигляд не дозволяють проводити такі аналогії. Також можна згадати про певну подібність руків'я зі зразками середньолатенських мечів. Хоча проникнення кельтів у Подніпров'я відноситься лише до III ст. до н. е. [Казакевич, 2011, с. 96]. При цьому жоден з відомих зразків кельтських мечів не мав клинка та перехрестя такої форми, як кинджал з Миколаївки. Можна ще згадати, що довга стержнеподібна рукоятка нагадує за формою рукоятки одного з типів сарматських мечів — з рукояткою-черенком [Симоненко, 2010, с. 43; рис. 28]. Але, знову ж таки, цей тип належить іншому культурно-хронологічному горизонту і має зовсім іншу морфологію.

Умови знаходження кинджалу з Миколаївки також не додають значних підстав для його впевненої атрибуції. Адже археологічний контекст цього кинджалу є непевним.

Згідно документації, він походить з розкопок В.Б. Антоновича 1874 р. в Таращанському повіті. Але В.Б. Антонович в «Археологічній карті Київської губернії» вказує, що біля с. Миколаївка працював Я.Я. Волошинський, завідувач Музею старожитностей Київського університету. Згідно його даних, цей дослідник з 30 курганів могильника розкопав чотири. З них походять вироби з каменю, кістки, ліпний та гончарний посуд, у тому числі амфора з клеймом «ΣΝ». Крім того згадуються бронзове дзеркало, залізний кинджал та чотири наконечника списів [Антонович, 1895, с. 76].

Якщо ж звернутись до документів Університету св. Володимира, то у звіті за 1857 р. знаходи-

мо відомості безпосередньо від Я.Я. Волошинського. Дослідник вказує, що у зазначеному році він проводив роботи у Таращанському повіті. Біля дороги між Кошеватого і Таращого ним було досліджено лише один курган, незадовго до того пограбований місцевими мешканцями. На грабівницькому відвалі було зібрано фрагменти «розбитої дворучної посудини форми амфори». Під курганом фіксувалась дерев'яна гробниця розміром близько 2,3 на 2 м. Поза межами гробниці зафіксовано кінський скелет. Зі знахідок у похованні дослідник перелічує зоглілий скелет, два списи, «короткий меч з ефесом», лускатий панцир, та рештки кінської вузди [Отчет, 1857, арк. 194].

Ще кілька курганів було тут розкопано Я.Я. Волошинським у 1859 р. Але відомості про них ще скупіші. Зазначено лише, що біля Миколаївки досліджено п'ять курганів, а цікаві речі з них були передані в музей Університету [Отчет, 1859, арк. 130—131].

Згодом, артефакти з Миколаївки перелічено у Каталозі виставки XI Археологічного з'їзду в Києві 1899 р. Зокрема, під № 215 вказаний «залізний кинджал сибірського типу; рукоятка кругла, з голівкою на кінці, на поверхні рештки дерев'яних піхов та полотняної тканини». Дійсно на руків'ї дослідженого екземпляру простежуються рештки плетеної тканини, вкриті окислами заліза.

Окрім кинджалу перелічено ще низку різнопланового матеріалу. З посиланням на «Археологічну карту» вже вказано, що ці артефакти походять не з розкопок Я.Я. Волошинського, а з розкопок В.Б. Антоновича 1874 р. Хоча деякі речі за описом схожі на ті, що В.Б. Антонович раніше приписав до розкопок Я.Я. Волошинського, зокрема та ж клеймлена амфора [Каталог, XI АС, с. 58].

Згодом О.А. Спицин, наводячи перелік курганів «старшого Журівського типу», згадує, що в музеї Київського університету зберігаються речі з Миколаївки Таращанського повіту. Стосовно їх походження автор лише зазначає, що вони походять з розкопок Я.Я. Волошинського 1858 р. та «інших років» [Спицын, 1918, с. 104].

Сьогодні в колекції Б 45 зберігається низка різночасових речей, які згідно документації походять з Миколаївки. Навіть побіжний огляд вказує на те, що вони походять з різних комплексів. Знахідки посуду представлено фрагментами миски на кільцьовому піддоні та іншої миски з проколами під вінцем, а також слабо профільованим кубком та двома мініатюрними горщиками, один з яких орнаментований виступами по тулубу. Окрім описаного вище кинджалу, воїнський реманент складають оселок, спис з валиком на кінці втулки, два дротики з трикутним вістряем і фрагменти двох втулок а також чотири трилопатеві наконечники стріл (лавролистий, базисний та два остро-

листі). Також тут зберігається бронзове дзеркало з бічною ручкою та дві намистини — одна бурштинова, інша пастова.

Тож, підсумовуючи все вище сказане, зазначимо, що з певною долею ймовірності описаний кинджал пов'язується із комплексом, розкопаним Я.Я. Волошинським у 1857 р. На користь цього свідчить те, що в контексті опису знахідок з Миколаївки жоден інший кинджал або меч не згадувався. Також можна припустити, що «дворучна посудина форми амфори» з кургану 1857 р. та амфора з клеймом «ΣΗΝ» це одна й та сама знахідка.

Тож, якщо прийняти належність цього виробу до горизонту V—IV ст. до н. е. згідно формі клинка, то слід визнати, що він є унікальним для свого часу. Констатуємо відсутність у нашому розпорядженні стовідсоткових аналогій, залишається лише сподіватись на їх здобуття в майбутньому.

Підбиваючи підсумки зазначимо, що опублікований матеріал значною мірою розширює наші уявлення про скіфське озброєння. Деталі розглянутих мечів та кинджалів доповнюють асортимент морфологічних рис та творчих прийомів, які були притаманні класичній скіфській культурі VI—IV ст. до н. е.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. — СПб, 1992. — 206 с.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. — СПб, 2003. — 416 с.

Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. — М., 1895. — 20 с.

Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Харьков, 2005. — 282 с.

Вознесенская Г.А. Результаты металлографического изучения кинжала из раскопок на Трахтемировском городище // Фалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003. — С. 90—91.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. — СПб, 1999. — 328 с.

Гречко Д.С., Карнаух Е.Г. Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода // Stratum plus. — 2011. — № 3. — С. 245—264.

Діденко С.В., Шелехань О.В. Кинджали скіфського часу із нетиповим перехрестям (за матеріалами Національного музею історії України) // Археологія. — 2016а. — № 2. — С. 65—77.

Діденко С.В., Шелехань О.В. Клинок зброя часів скіфської архаїки у зібранні Національного музею історії України // Науковий вісник Національного музею історії України. — К., 2016б. — Вип. I, ч. 1. — С. 34—41.

Каталогъ Виставки XI—го Археологическаго Съезда въ Кіевѣ. — К., 1899. — 48 с.

Казакевич Г.М. Кельтський меч з розкопок О.В. Бодяньського // Археологія. — 2012. — № 2. — С. 96—102.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003—2005 гг., погребения № 1—23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. — Симферополь; Керчь, 2009. — С. 188—267 (БИ. — XII).

- Ковалева И.Ф., Мухомад С.Е. Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 91—117.
- Ковпаненко Г.Т. Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. — 1970. — Т. XXIV. — С. 146—171.
- Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII—VI вв. до н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2012. — 140 с.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. — Запорожье, 1994. — 122 с.
- Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum plus. — 2012. — № 3. — С. 145—160.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 250 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э. — Саратов, 1999. — 679 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог—определитель. — Саратов, 2003. — 351 с.
- Мурзин В.Ю., Евдокимов Г.Л. Раннескифское погребения у с. Верхнетарасовки // Курганы юга Днепропетровщины. — К., 1977. — С. 56—58.
- Остапенко М.А. Скифские памятники северной части о. Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — 1995. — V. — С. 53—66.
- Отчет университета св. Владимира за 1857 год / ДАК. — Ф. 16. — оп. 465, спр. 115.
- Отчет университета св. Владимира за 1859 год / ДАК. — Ф. 16. — оп. 465, спр. 121.
- Савченко Е.И. Курган скифского времени у с. Колбино на Среднем Дону // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 317—334.
- Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 87—143.
- Тереножкин А.И. Скифские мечи и кинжалы // Скифский мир. — К., 1975. — С. 3—34.
- Топал Д.А. Акинаки классической скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 380—406.
- Фиалко Е.Е. Хронологическая позиция Бердянского кургана // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варваской культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). — Тирасполь, 1997. — С. 56—67.
- Шрамко Б.А. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. — 1983. — Вып. 43. — С. 54—62.

С.В. Диденко, А.В. Шелехань

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ ПЕРИОДА СКИФСКОЙ КЛАСИКИ В СОБРА- НИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

В представленной статье вводятся в научный оборот ранее неопубликованные мечи и кинжалы VI—IV вв. до н. э. Формы рассмотренных экземпляров демонстрируют эволюцию вооружения в указанный период. Отдельные детали расширяют ассортимент известных морфологических черт и творческих приемов в оформлении клинкового оружия

Отдельного внимания заслужил кинжал из кургана у с. Николаевка Киевской области. В то время, как его клинок и перекрестие демонстрируют привычный для конца V — начала IV вв. до н. э. абрис, его рукоять и навершие не имеют аналогий среди синхронного материала.

Ключевые слова: меч, кинжал, скифское время, классическая скифская культура.

S.V. Didenko, O.V. Shelekhan

THE SWORDS AND DAGGERS OF THE CLASSIC SCYTHIAN PERIOD FROM COLLECTIONS OF THE NATIONAL MUSEUM OF HISTORY OF UKRAINE

In proposed article new swords and daggers from 6—4 century BC are published. Forms of the analyzed examples demonstrate evolution of the Scythian weapon in considered period. Some details expand assortment of the known morphological features and art techniques in blade-weapon design.

Special attention should be given on the dagger from Mykolaivka village in Kyiv region. While its blade and crossguard have typical contour for weapon of late 5 — early 4 century BC, its handle and pommel has no analogies among synchronous material.

Keywords: sword, dagger, Scythian-time, Classic Scythian culture.

Одержано 7.03.2017

Д.В. Каравайко

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ ПУТИВЛЬСКОГО ПОСЕЙМЬЯ 2016 г.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье изложены результаты исследований городищ раннего железного века бассейна р. Сейм 2016 г. Памятники рассматриваются в контексте изучения вопросов топографии, характера оборонных сооружений, особенностей материальной культуры.

Ключевые слова: Сейм, скифское время, городища, материальная культура.

Начиная с 2012 г., в пределах Путивльского Посеймья систематические работы проводит совместная археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины и Государственного историко-культурного заповедника г. Путивль. Основной целью стало изучение укрепленных поселений. Сняты десятки новых детальных планов городищ. Внимание было обращено на их топографию, характер укреплений, особенности материальной культуры. Итоги предыдущих исследований публиковались, как в виде кратких сообщений [Плаксина, Каравайко, 2013; Каравайко, Плаксина, 2015], так и на уровне аналитических статей [Каравайко, 2014; 2015]. В данном случае речь идет преимущественно (или исключительно) о материалах раннего железного века. Не остались без внимания и иные хронологические срезы. Неким итогом исследований, промежуточной чертой, стала совместная статья 2016 г. [Каравайко, Плаксина, 2016]. Учитывая год публикации, результаты работ 2016 г. (а они были закончены в октябре месяце), не освещены. Видя перспективы будущих исследований, о которых речь пойдет ниже, введение в научный оборот новых материалов представляется актуальным и своевременным. Всего обследовано 8 городищ и один курган (рис. 1).

© Д.В. КАРАВАЙКО, 2017

История исследования городищ данного микрорегиона неоднократно освещалась в ряде работ [напр.: Билинский, 2012], что избавляет нас от повтора. Касательно топографии и характера оборонительных сооружений так же не должно возникать вопросов. Тем не менее, на ряде моментов следует остановиться.

Городища расположены на высоких мысах правого берега Сейма или его притоков (Клевень, Эсмань и др.). Размеры варьируют от 0,1 до 2,3 га. Высота над уровнем поймы в среднем составляет 30—40 м. Как правило, мыс с двух сторон ограничен глубокими оврагами, а с плато соединен узким перешейком. Интересной особенностью многих мысов в этом регионе является то, что не одна, а несколько (в основном две) стрелок мыса плавно опускаются к пойме. От современного русла реки городища удалены на 1—2 км. Эта пойма сегодня сильно заболочена, поросла мелким кустарником и практически непроходима. Прежде нами был сделан вывод о том, что в скифское время русло проходило в непосредственной близости от укрепленного поселения [Каравайко, 2015, с. 66]. Четко датируемых IV в до н. э. городищ на Среднем Сейме неизвестно. Предполагалось, что в этот период происходят климатические изменения, и русло реки удаляется. Отсутствие близости воды привело к переселению на открытую местность [Каравайко, 2016]. Касательно «следствий», наше мнение не изменилось, а вот «причина» нуждается в небольшой корректировке. Вблизи практически каждого из городищ, в той или иной степени, фиксируются заболоченные участки, остатки ручьев или маленьких речушек. Названия их в большинстве случаев неизвестны. Такая маленькая речка-ручеек могла брать начало, например, в Сейме и в него же

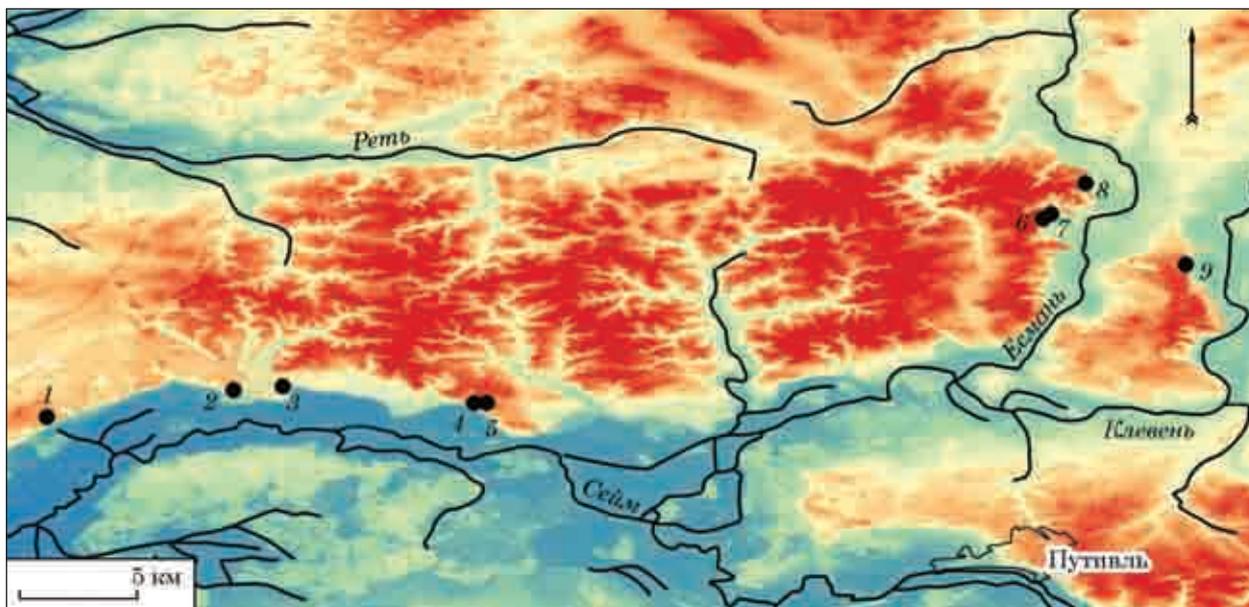

Рис. 1. Карта-схема пам'яток, досліджених в 2016 г.: 1 — Лобанова Гора; 2 — Божок 1; 3 — Божок 2; 4, 5 — Мутин (4 — городище; 5 — курган); 6 — Викторово Южное; 7 — Викторово Северное; 8 — Ионино; 9 — Будище

впадать. Именно она и являлась источником воды для древних жителей. При незначительном потеплении и падении общего уровня воды данный водоем быстро пересыхал. Вероятно, что Сейм кардинально не менял русло, хотя очевидна необходимость отдельных исследований в этом направлении.

Характер укреплений городищ рассмотрим непосредственно на примерах памятников, обследованных в 2016 г. На наш взгляд, наиболее интересным памятником (-ами) являются городища у с. **Викторово** Глуховского района Сумской обл.¹ Оригинальность заключается в том, что на одном длинном мысу построены два укрепленных поселения — одно на краю, второе — ближе к плато (рис. 2). Условно назовем их северное и южное укрепление. Расположены они на правом коренном берегу р. Эсмань, на мысу, образованном заболоченной долиной ручья, впадающего в реку, и оврагами. Памятник находится в 2—3 км на северо-восток от села, в лесу. Урочище носит название «Барвинковая Гора».

Одно из первых упоминаний о памятнике (-ах) находим в работах Д.Я. Самоквасова [1878, прил. с. 8; 1908, с. 113]. Достаточно сложно сказать, идет ли речь о двух городищах или только об одном из них. Долгое время два различных укрепления на соседних мысах считались одним памятником, подобно городищу у с. Воргол. О двух рядом стоящих городищах у с. Викторово впервые упоминает П.М. Еременко [1906, с. 97—98]. В 1968 и 1988 гг. южное укрепление обследовано экспедицией О.В. Сухобокова [Су-

хобоков, 1968/13в, с. 14—15; Сухобоков, Приймак, ... 1988/176, с. 25—26]. Северное укрепление было повторно открыто Ю.А. Коваленко [Коваленко, 2001]. Автор ошибочно называет его селищем, а вал — курганом. [Коваленко, 2007, с. 20—21]. Вероятнее всего, его смутило отсутствие рва и эскарпов.

Северное городище имеет форму трапеции. Его размеры составляют 153 × 75 × 30 м. С южной стороны укреплено башневидным валом шириною 30 м и высотой со стороны площадки 4—4,5 м. Иные укрепления отсутствуют. Тому есть вполне рациональное объяснение. Склоны достаточно круты и не нуждаются в эскарпировании. Отсутствие рва так же продиктовано характером рельефа. Подобные простые укрепления известны на городищах Линове, Бунякино I и ряде других.

В 340 м на юго-запад находится **южное городище**. Между двумя укрепленными поселениями участок мыса очень узкий и не пригоден для застройки или же иных хозяйственных нужд. Характер укреплений на памятнике иной.

Размеры укрепленной части составляют 284 × 90 м. С юго-западной стороны она отделена от плато двумя линиями обороны. Первая состоит из вала шириною 4 высотой 1,3 и рва шириною 7 и глубиною 1,4 м. В 36 м на северо-восток находится вторая линия обороны, состоящая из двух валов. Первый имеет высоту 1,4 при ширине 13 м. Второй — высотой 4 и шириною 15 м. Между валами визуально фиксируется углубление, однако утверждать, что это остатки рва преждевременно. С северо-востока площадка укреплена валом шириною 15 и высотой 2—2,5 м с юго-востока. С внешней сторо-

1. Все обследованные памятники, упоминаемые ниже, расположены в пределах Сумской обл.

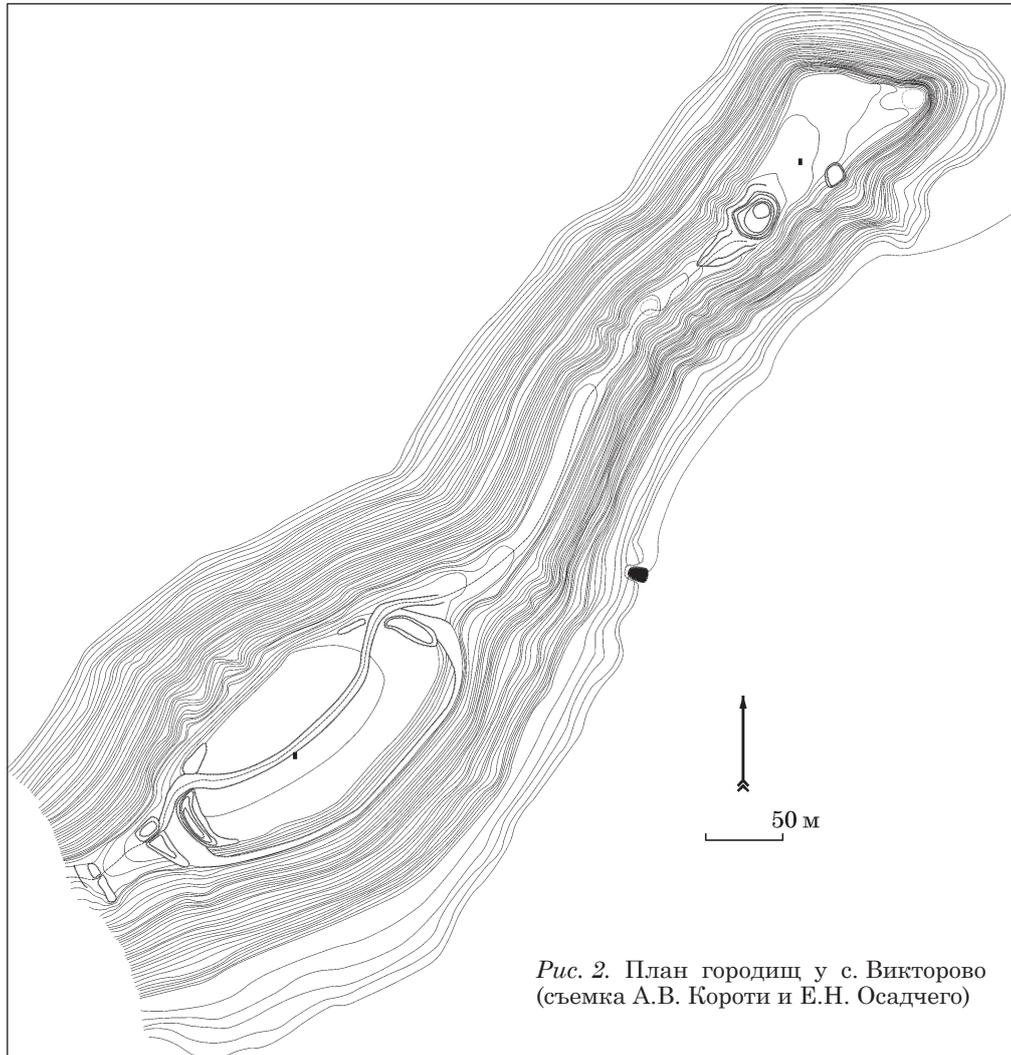

Рис. 2. План городищ у с. Викторovo (съемка А.В. Короти и Е.Н. Осадчего)

ны вал имеет более внушительные размеры. За валом располагался ров шириною 3—6 и глубиною 1,2—1,5 м. Юго-восточная часть склона эскарпирована на высоту 4—5 м. Ширина площадки составляет 1,5—2 м. Эскарп соединяет вторую южную и северную линии обороны.

Как видим, система обороны здесь значительно мощнее. Обращает на себя внимание наличие двух валов в противоположных сторонах площадки, что ранее в данном регионе не фиксировалось. Их необходимость продиктована рельефом мыса и вполне логична. Достаточно хорошо городище укреплено со стороны поля. Нехарактерной чертой для памятников Путивльского Посемья является наличие трех валов, из которых один несколько удален. И это притом, что перешеек, соединяющий поселение с плато, не так уж широк. Такой тип укреплений не известен и в более северных регионах, ареале юхновской культуры. Как исключение, городище Собичи (Шосткинский р-н, Сумской обл.), однако наличие трех валов продиктовано формой мыса [Каравайко, 2012, рис. 3].

Еще одна характерная особенность южного городища — наличие рвов в системе обороны.

Ранее нами неоднократно высказывалась точка зрения относительно отсутствия рвов с напольной стороны на городищах скифского времени Среднего Сейма [Каравайко, 2014, с. 165—166; 2015, с. 66—68]. С практической точки зрения данный элемент оборонительной системы себя не оправдывал. Башневидный вал, ограждавший площадку, имел достаточно отвесный внешний склон, к тому же эскарпированный, что делало городище практически неприступным. На южном же городище у с. Викторovo присутствуют как минимум два рва — внешний юго-западный и ров за северо-восточным валом. Наличие такой сложной системы обороны, отличной от других укреплений Путивльского Посемья, удивляет еще по одной причине. Как предыдущими исследованиями, так и работами 2016 г., было установлено, что культурный слой на памятнике незначителен — 0,4—0,45 м. Он представляет собою серую лесную супесь без видимых включений органики и с единичными находками керамики. Таким образом, городище не было плотно заселено и представляло собою скорее убежище, нежели поселение в его классическом виде.

Рис. 3. План городища Іонино (съемка А.В. Коротки и Е.Н. Осадчег)

Не так далеко от описанных выше городищ, в пределах Глуховского р-на, находится еще одно городище раннего железного века — **Ионинское** (рис. 3). Памятник выявлен Ю.А. Коваленко в 2004 г. [Коваленко, 2007, с. 22]. Городище расположено в 1,4 км юго-запад от северо-восточной окраины с. Ионино и в 2,5 км на северо-запад от западной окраины с. Перемога, в лесу. Имеет форму неправильной трапеции размерами 75×40 м. Высота над уровнем поймы р. Эсмань — 50—55 м. Сама площадка неровная и имеет уклон в южном направлении. Перепад высот составляет 3—4 м. С северной напольной стороны городище укреплено двумя рядами валов и рвом (?) посередине. Внешний вал имеет ширину 7 и высоту в сохранившейся части 1,3 м. Внутренний башневидный вал имеет ширину 22 и высоту 4 м. Ров или же западина между валами имеет ширину 7 и глубину 2 м. На данном этапе исследований сложно говорить о наличии или отсутствии рва. На

южном краю площадки насыпан вал высотой 2 и шириной 15 м. Стрелка мыса эскарпирована на высоту 10 м. Ширина площадки — 6 м.

Как видим, городище Ионино так же отличалось относительно сложной системой укреплений. Прежде всего, это касается постройки валов на противоположных краях мыса, а так же возможного рва между двумя напольными валами. Отсутствие эскарпа вполне объяснимо природной крутизной склонов. В некотором роде оборонительные сооружения южного городища Викторovo и Ионинского однотипны. Оба памятника расположены на северной притоке Сейма р. Эсмань. Не исключено, хотя об этом преждевременно говорить, что в отдельных микрорегионах могут быть выявлены свои локальные особенности, связанные как с характером оборонительных сооружений, так и с материальной культурой в целом. Интересно, что не столь отдаленное городище у с. **Будище** на р. Клевень в том же Глуховском р-не, по вне-

шнему виду не отличается от большинства городищ Путивльского Посемья. Оно известно по работам Д.Я. Самоквасова [1873, прил. с. 8; 1908, с. 113]. Обследовалось в 1988 и 1992 гг. [Сухобоков, Приймак, 1988/176, с. 33—34; Обломский, Терпиловский, 1992/56, с. 6]. Памятник расположен в 1,5—2 км на север от села Будища, в уроч. Аксенов Бугор. Занимает мыс правого берега р. Клевень между двумя узкими оврагами с практически отвесными стенками. В южной части овраги почти соединяются вершинами. Тут расположена природная западина, отделяющая мыс от плато коренного берега. Налицо отсутствие рва. Северная часть мыса — склон береговой террасы правого берега — имеет более плавное понижение и две мысовые стрелки. Высота над уровнем поймы — 32 м. Городище трапециевидной формы. Размеры площадки 104 × 78 × 20 м. Сама площадка ровная, с незначительным уклоном к северу. С южной, напольной стороны, поселение укреплено валом высотой 5 и шириной 15 м. Он сильно поврежден ямами кладочекателей. Склоны эскарпированы на высоту от 2,5 до 4 м. Ширина площадки колеблется в пределах 1—

3 м. В северной части эскарпом отрезаны две покатые стрелки мыса. Ниже эскарпа стрелки укреплены рвами глубиной 2 м.

Приведенный пример хорошо иллюстрирует рациональное использование особенностей рельефа мыса при сооружении укреплений городища. То же можно сказать и о фортификации поселения у с. **Мутин** Кролевецкого р-на, выявленного разведками 2012 г. Памятник, среди прочих, выделяется своими размерами, а так же сохранностью и высотой напольного вала, что заставляет остановиться на его описании подробнее.

Городище расположено в 0,2 км на восток от восточной окраины с. Мутин и в 3 км на северо-восток от с. Камень. Занимает западную часть длинного мыса, образованного склоном террасы правого берега р. Сейм и оврагом. Мыс треугольной формы, поверхность ровная (рис. 4). Южный склон крутой. Северный имеет несколько покатых стрелок, образованных в результате эрозии. Высота над уровнем поймы — 35 м. Городище треугольной формы. Его размеры 245 × 150 м. С напольной, восточной стороны, укреплено валом шириной 25 и вы-

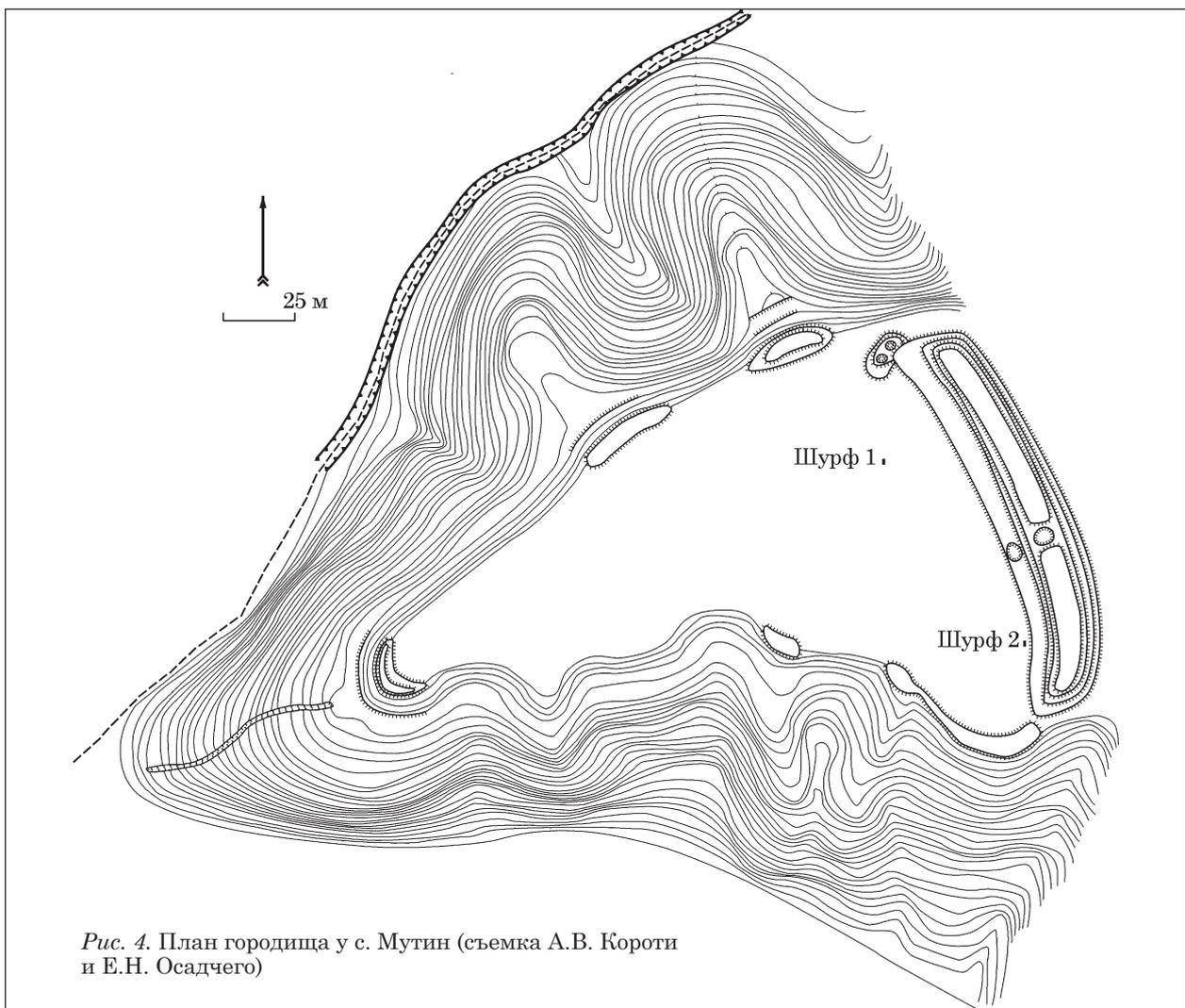

Рис. 4. План городища у с. Мутин (съемка А.В. Короты и Е.Н. Осадчего)

сотою 4—4,5 м. В нем есть несколько больших нор, выкид из которых позволяет говорить, что вал сооружен из темного, практически черного грунта. В северной части вал поврежден старой грунтовой дорожкой. Западная часть стрелки мыса укреплена подковообразным валом высотой 1,5—2 м и шириной 7 м. Склон дополнительно эскарпирован на высоту 3 м. Ширина площадки — 10 м. Южный склон мыса имеет значительную природную крутизну. Тут укрепления зафиксированы только в юго-восточной части. Вал высотой 1 и шириной 6 м объединяет напольные укрепления с фортификациями на отвесном выступе склона. Мысовидные выступы в южной части имеют укрепления в виде вала шириной 5—6 и высотой 1—1,3 м. Северный склон имеет сложный рельеф. Тут есть несколько отвесных мысовидных выступов с собственными фортификациями. Наиболее укреплен северо-восточная стрелка. На краю насыпан вал высотой 2 и шириной 10 м. Склон эскарпирован на высоту 3 м. Ниже эскарпа проложен ров шириной 6 м. Северо-западная стрелка укреплен валом высотой 1,5, а склон эскарпирован на высоту 3 м. Остальные участки склона имеют значительный природный уклон и не требовали дополнительной защиты.

Как видим, укреплялись лишь те части площадки городища, где того требовал рельеф местности. Лишние трудозатраты были исключены.

Вещевой комплекс городищ Путивльского Посеймья ныне изучен недостаточно. За исключением городища Ширяево¹, все работы носили поверхностный, разведывательный характер. В 2016 г. памятники тоже были только прошурфованы, однако даже столь незначительные археологические исследования позволяют нам несколько расширить наше представление о материальной культуре древнего населения указанного региона.

Достаточно выразительные находки происходят с городища Викторovo Северное. Первые шурфовку и сбор подъемного материала на памятнике осуществил Ю.А. Коваленко [2001; 2007, с. 20—21]. Найдены многочисленные фрагменты керамики, украшенной в верхней части проколами, разнообразными насечками и зашипами, глиняные пряслица, глиняная обмазка стен построек и камни. Учитывая тот факт, что хронология большинства городищ Путивльского Посеймья скифского времени не определена, прежде обратимся к находкам, помогающим при решении данного вопроса.

Прежде всего, отметим находку железного S-видного псаля с двумя отверстиями (рис. 5, 1). Подобные изделия широко известны на лесостепных памятниках, где датируются в до-

статочно широких рамках — второй половиной VI — IV вв. до н. э. [Могилов, 2008, с. 37]. Наиболее близкие территориально аналогии данного псаля происходят из курганов у Борзны (Черниговская обл.) и Моисеевского городища (Курская обл.). В первом случае дата определена в пределах V в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 192, табл. XXXI], во втором — V—IV вв. до н. э. [Алихова, 1962, с. 125, рис. 19, 20]. Так же V—IV вв. до н. э. датирует эту находку и ее автор [Коваленко, 2007, с. 21].

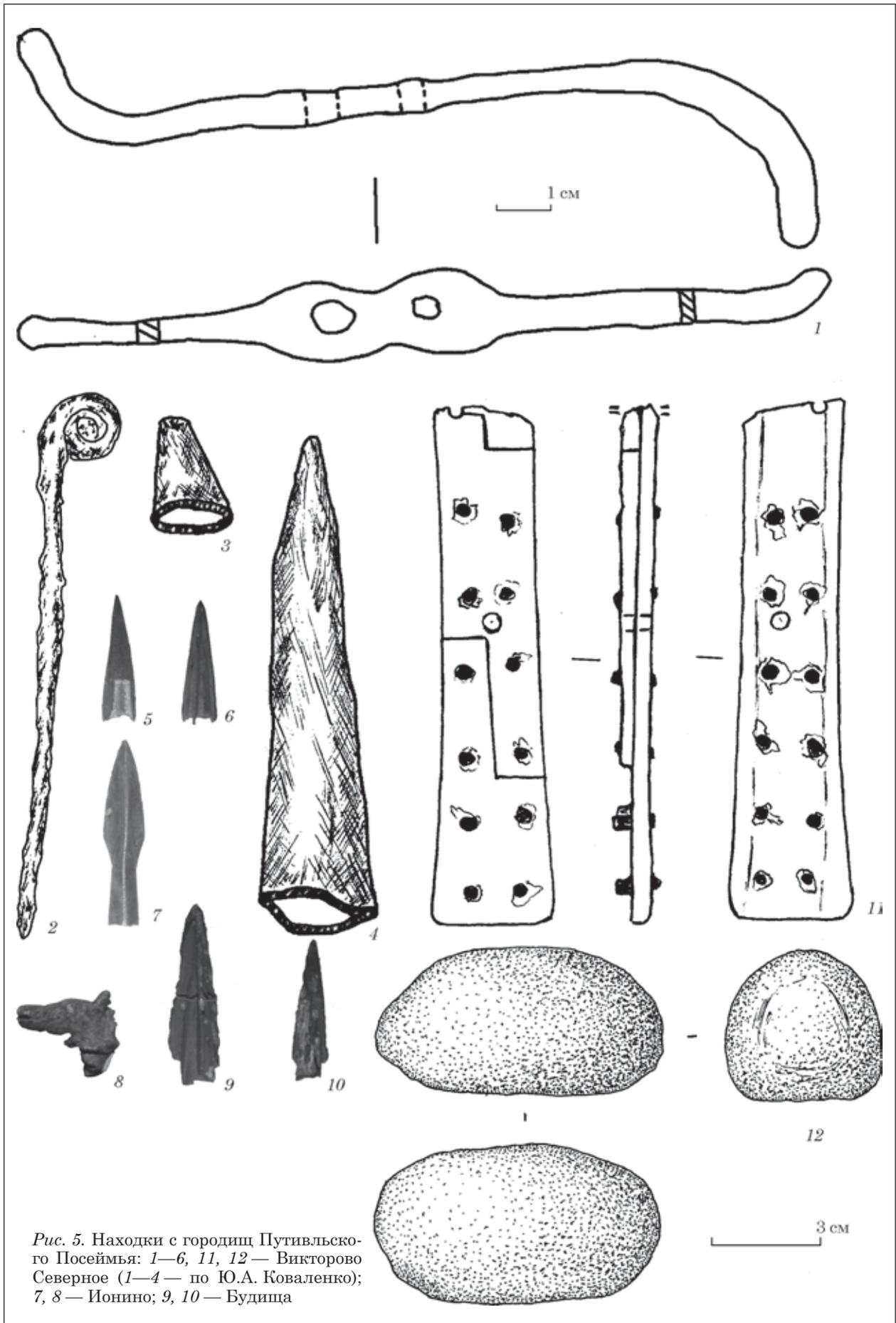
С северного городища у с. Викторovo происходит железная булава со спиралевидной головкой (рис. 5, 2). Согласно В.Г. Петренко она относится к 21 типу второму варианту и может быть датирована в широком диапазоне от VI до III вв. до н. э. [Петренко, 1978, с. 18, табл. 12, 18]. Схожие булавы массово распространены в бассейне Ворсклы [Петренко, 1978, с. 18; Гречко, 2010, с. 99, рис. 115, 20—26; 116, 1—19]. Известны они и на памятниках лесной зоны милоградской культуры. Изготовлены преимущественно из бронзы. Железные встречаются реже. Аналогичная булава найдена на городище Ворновка. Дата подобных изделий определяется в пределах конца VII — VI вв. до н. э. [Лошенко, 2011, с. 196, рис. 60, 4].

Среди прочих находок два наконечника стрел. Один из них бронзовый трехлопастный с выступающей втулкой. Ссылаясь на И.Н. Медведскую (1980), Ю.А. Коваленко датирует его IV—III вв. до н. э. [2007, с. 21]. Второй наконечник изготовлен из железа. Он втульчатый и двулопастный. Сохранился частично, что не позволяет говорить о нем подробнее. В витрине Глуховского археологического музея представлены два бронзовых наконечника стрел, найденных в округе городищ «Барвинкова Гора» (на самом городище?). Исходя из многочисленных аналогий, их дата может быть определена в пределах второй половины V — IV вв. до н. э. (рис. 5, 5, 6).

Крайне сложно что-либо сказать о дате железной ворворки, вероятно, бытовавшей не ранее V в. до н. э. (рис. 5, 3). Железный же вток копья, скорее всего, не относится к скифской эпохе (рис. 5, 4).

В 2016 г. на северном городище Викторovo был заложен шурф 2 × 2 м. Мощность культурного слоя составила 0,6—0,65 м. В его нижней части и в заполнении объектов фиксировались скопления обожженной глиняной обмазки со следами от небольших переплетенных прутьев (2—3 см в диаметре). Вероятнее всего, эти обломки свидетельствуют о наличии в данном месте постройки скифского времени с плетеными стенами, погибшей в свое время при пожаре. Не противоречит этому и объекты, выявленные на уровне материка. Прежде всего, это ряд ямок от столбов диаметром 0,2—0,35 и глубиной от уровня материка 0,1—0,5 м. В пределах шурфа расчищено и две хозяйственные ямы. В

1. Можно вспомнить и раскопки Д.Т. Березовца на городищах у с. Воргол, однако сохранившийся материал крайне незначителен.

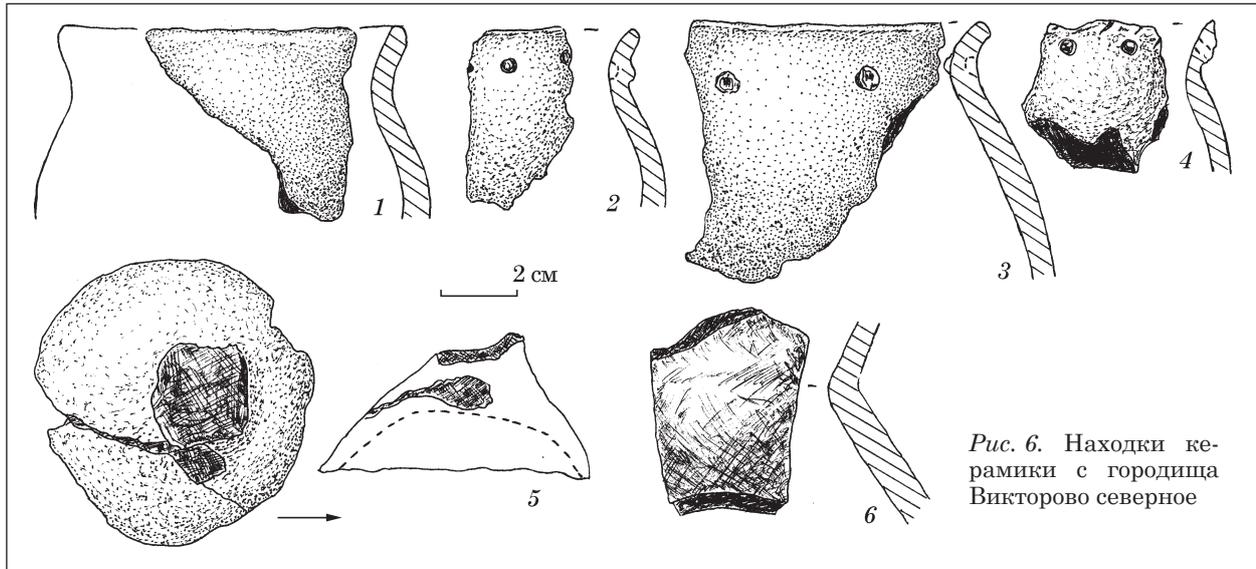

Рис. 6. Находки керамики с городища Викторово северное

заполнение одной из них фиксировалось значительное количество камней, а дно было ими утрамбовано. В нижней части культурного слоя они так же фиксировались. Все камни природного происхождения без следов обработки. Не исключено, что они являлись конструктивной деталью (фундамент, обкладка нижней части стен) постройки. Залежи кварцита находятся недалеко от городища, у с. Баничи, где карьер известен и по сей день.

Керамика, найденная на городище, представлена преимущественно обломками горшков. Основными орнаментальными мотивами являлись проколы, насечки по краю венчика, наколы с внешней и внутренней сторон. Присутствуют и неорнаментированные сосуды (рис. 6, 1—4). В тесте — примеси мелкой дресвы, изредка песка. В целом, по форме, орнаментации и примесям местные горшки схожи с посульско-донецкими сосудами.

В свое время бытовало мнение, что сейминская керамика, по сравнению с остальной территорией Левобережной Лесостепи, достаточно однородна и представлена в основном горшками, при редких находках мисок и лощеной керамики [Ляпушкин, 1950, с. 60; Іллінська, 1953, с. 115—121]. Однако, даже столь незначительные археологические работы, как шурфовка, позволяют в этом усомниться. Так, на городище были найдены поддон лепного сосуда и стеночка лощеной корчаги (рис. 6, 5, 6).

Среди прочих находок отметим костяную рукоятку ножа (рис. 5, 11). Сохранившиеся размеры — $9,7 \times 1,8 \times 0,7$ см. Рукоятка состояла из нескольких пластин, скрепленных 12 железными заклепками. Одна половина была цельная, вторая состояла из трех пластин. Из них сохранилась одна. Приблизительно по центру рукоятки сделано отверстие, такое же присутствует и в месте крепления с металлическим ножом на краю изделия.

Еще одна находка представлена глиняным «хлебцом», выявленным среди завала камней в нижней части хозяйственной ямы (рис. 5, 12). Аналогичные изделия происходят с городища Горки [Ляпушкин, 1947, табл. XXVI; Каравайко, Плаксина, 2016, с. 64]. Не исключено, что они являются моделью хлебцов, выпекаемых древними жителями поселения. Их находят, как правило, в пределах постройки и недалеко от очага.

Наиболее интересным, на наш взгляд, является керамический комплекс городища Ионино. Мощност культурного слоя в центре площадки здесь составляет 0,35—0,4 м, а все находки концентрируются на одном уровне, на предматерике. Найденная керамика неоднородна. В большинстве своем она представлена горшками с плавно отогнутыми венчиками. В тесте — примеси дресвы и песка, а сама поверхность довольно шершавая. Орнаментированы горшки преимущественно проколами, край венчика украшен разнообразными вдавлениями (рис. 7, 1—3). В целом, керамика типична, как для Сейма, так и иных регионов Левобережной Лесостепи. Тут же найдены и фрагменты горшков несколько иного облика, украшенные восьмерковидными вдавлениями и насечками, сделанными косо поставленной щепкою (рис. 7, 4, 5). Основную примесь в тесте является так же дресва, однако поверхность сосудов хорошо обработана и довольно гладкая. Такой декор и качество обработки сосудов характерны для комплекса юхновской культуры.

В виду отсутствия надежных хроноиндикаторов говорить о дате городища Ионино преждевременно. Следует лишь указать на находку бронзового наконечника стрелы второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э. (рис. 5, 7). В экспозиции Глуховского археологического музея, кроме указанного наконечника, представлен еще один обломок изделия в

виде головы коня, местонахождение которого указано как Ионинское городище (рис. 5, 8). Наиболее близкую аналогию находим в Лесостепном Подонье, в одном из курганов группы Частые Курганы [Медведев, 1999, рис. 54, 17].

При исследовании городища Будища так же не было найдено вещей, на основе которых возможно уточнить датировку памятника. Случайные находки бронзовых наконечников стрел, хранящихся в музее, хронологически не

однородны. Один из них относится к VI—V вв. до н. э., второй — ко второй половине V — IV вв. н. э. (рис. 5, 9—10). В вопросах датировки полагаться лишь на данные предметы было бы опрометчиво, прежде всего, по причине их случайного нахождения.

На городище Лобанова Гора у с. Спасское (Кролевецкий р-н) проведены шурфовка и сбор подъемного материала. Основной слой на памятнике относится к эпохе Киевской Руси. На-

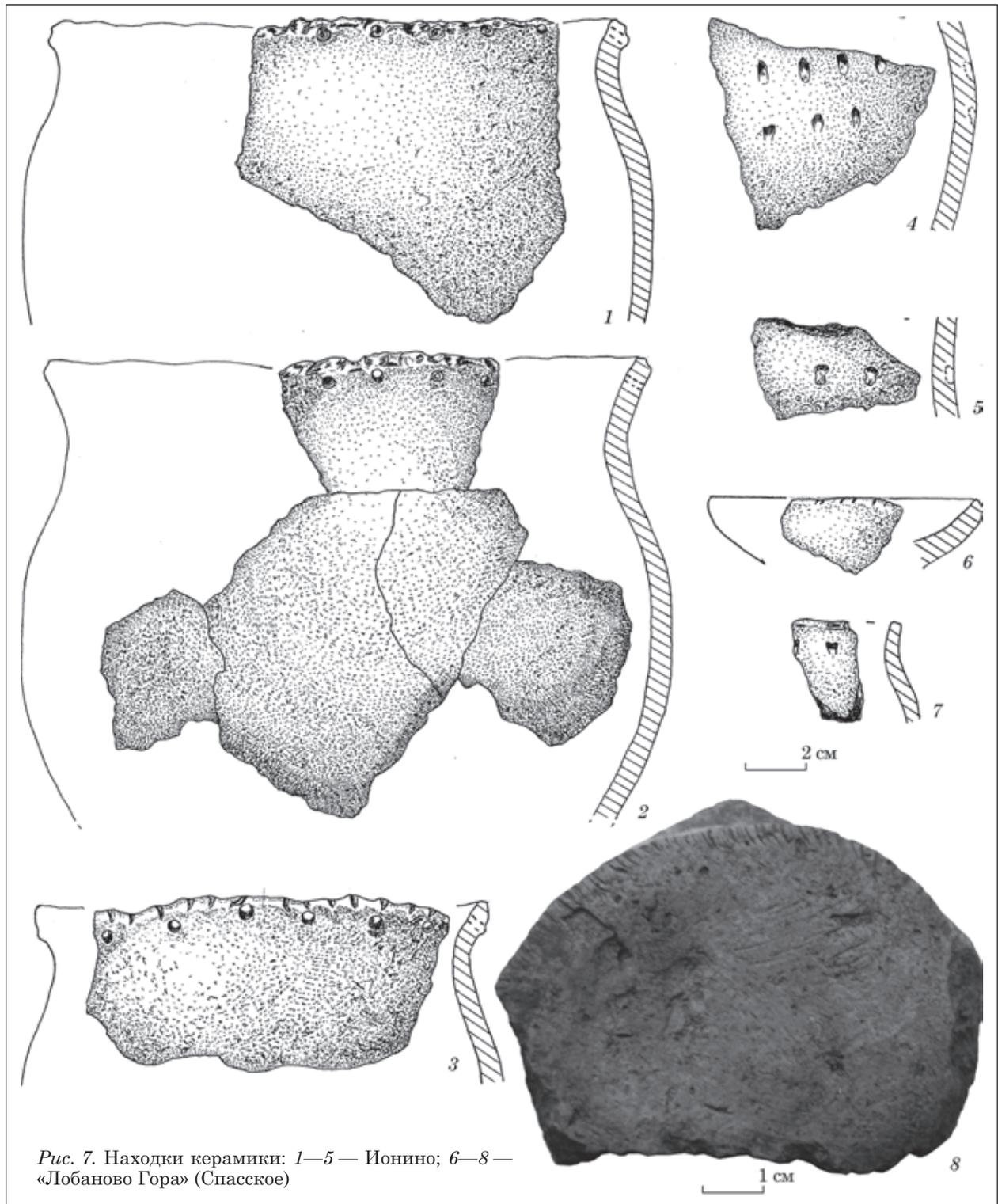

Рис. 7. Находки керамики: 1—5 — Ионино; 6—8 — «Лобанова Гора» (Спасское)

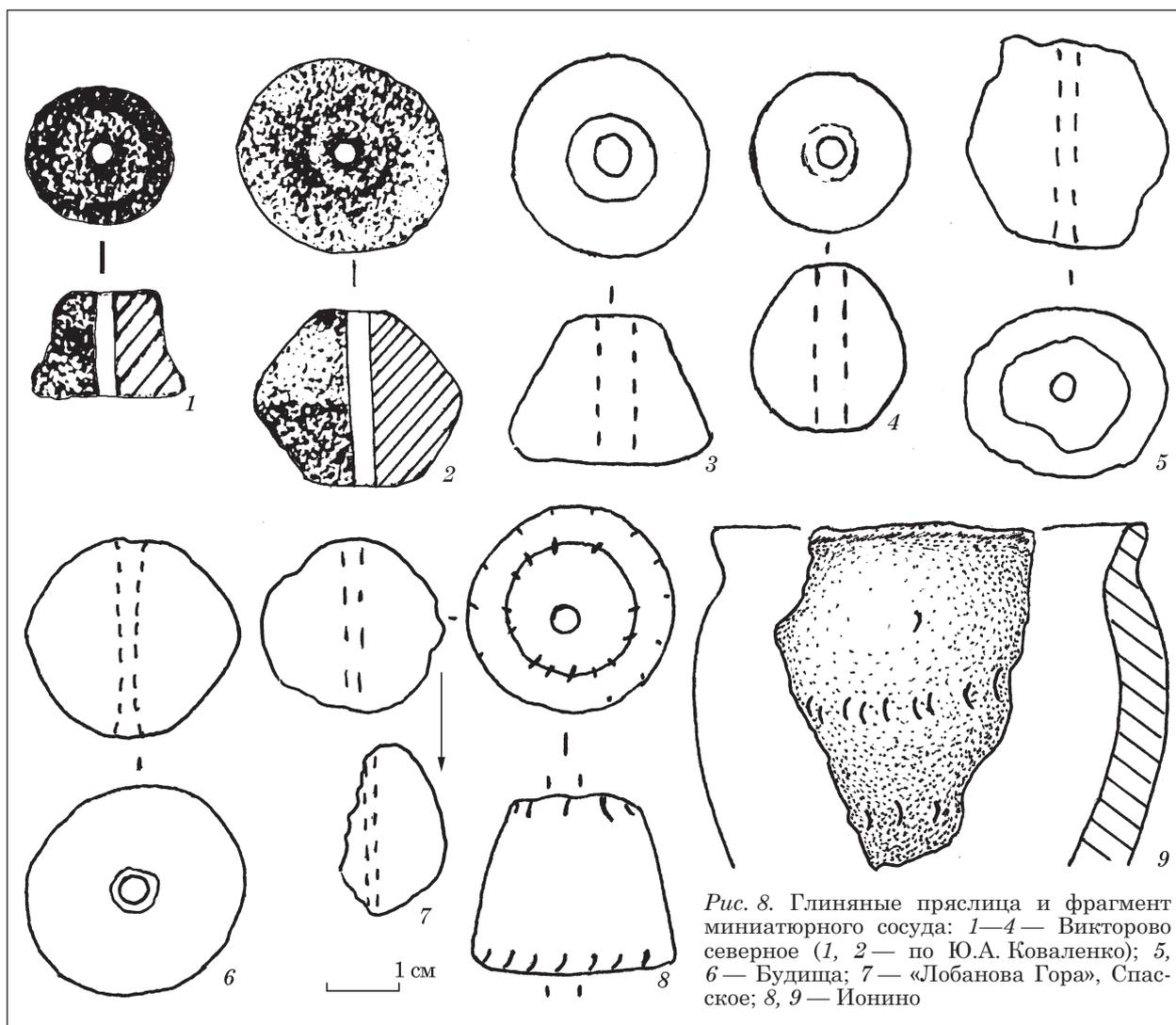

Рис. 8. Глиняные пряслица и фрагмент миниатюрного сосуда: 1—4 — Викторово северное (1, 2 — по Ю.А. Коваленко); 5, 6 — Будища; 7 — «Лобанова Гора», Спасское; 8, 9 — Ионино

ходок скифского времени крайне мало. Среди них следует отметить фрагмент миниатюрной мисочки, находки, считавшейся редкостью на памятниках Посеймья (рис. 7, 6). Обращает на себя внимание фрагмент лепного доньшка сосуда с орнаментом в виде ногтевых вдавлений, нанесенных по краю (рис. 7, 8). Такой декор на посуде памятников раннего железного века Лесостепи нам не известен. Так же найден обломок сосуда типичный для памятников лесной зоны бассейна Десны (рис. 7, 7). Венчик слегка отогнут, плечики высоко подняты. На слабо выделенной шейке нанесен орнамент в виде насечки, сделанной косо поставленной палочкой или щепкой. Край венчика украшен вдавлениями.

Достаточно распространенной категорией находок на городищах раннего железного века являются глиняные пряслица (рис. 8, 1—8). Форма их разнообразна: трапецевидная, битрапецевидная, овальная и округлая в сечении. Как правило, пряслица неорнаментированные, чем и отличаются от аналогичных изделий лесной зоны милоградской и юхнов-

кой культур. Из всех найденных экземпляров лишь на одном (городище Ионино) присутствовал декор в виде ногтевых вдавлений по нижнему и верхнему краям (рис. 8, 8). В непосредственной близости от этого пряслица обнаружен и фрагмент миниатюрного горшочка, так же украшенного таким орнаментом (рис. 8, 9).

В процессе исследований 2016 г. на двух городищах у с. Мути и Викторово южное не было выявлено выразительного культурного слоя, а находки практически отсутствовали. Всего в данном регионе на сегодняшний день насчитывается 6 таких укрепленных поселений. Кроме названных, это городища Новая Слобода II, Линово, Бунякино I, Ротовка. На сегодняшний день достаточно часто употребляется термин городища-убежища. Под ним исследователи понимают укрепленные поселения с невыразительным и маломощным культурным слоем, с незначительным количеством находок и отсутствием объектов. Такие городища известны в Лесостепи, преимущественно на левом берегу Днепра, и датируются позднескифским временем (IV в. до н. э.).

Культурный слой на указанных городищах Посеймья слабогумусирован, без видимых остатков органики. Находки представлены единичными и небольшими фрагментами посуды скифского времени. Среди других предметов с городища Новая Слобода II происходит находка глиняного предмета, напоминающего игральную фишку, а с Линове — глиняное пряслице. На последнем памятнике, вблизи вала, была расчищена хозяйственная яма диаметром 1,2 и глубиной 1,3 м. По дну прослежена выкладка деревом, а на стенах следы глиняной подмазки. Судя по стратиграфии и находкам глиняной обмазки со следами прутьев, сверху ямы находилось перекрытие.

Следует согласиться с мнением А.А. Крюченко [2014] о многих причинах появления подобных городищ (короткий срок существования, особенности рельефа и неравномерная заселенность), судить о которых крайне сложно при незначительных исследованных площадях. На некоторых моментах все же следует остановиться. Обращают внимание порою крайне слабые и неэффективные оборонительные сооружения. Убежищем поселение могло стать, не благодаря им, а лишь при определенных природно-климатических условиях — наличии густых лесов в округе, заболоченности поймы. Маловероятно, что подобные городища использовались под загон для скота. При этом, создание земляных сооружений, требующее определенных трудозатрат, как и само месторасположение, выглядят нелогичными. Можем предположить и культовое назначение. Найти следы проведения обрядов не всегда представляется возможным, особенно учитывая исследованные площади. Настораживает количество таких «святилищ» в пределах небольшого региона.

Наиболее вероятным представляется, что слабозаселенные городища являлись сезонными поселениями, просуществовавшими относительно недолго. Их появление, скорее всего, обусловлено климатическими изменениями произошедшими, вероятно, в конце V — IV вв. до н. э. Засуха, приведшая к пересыханию малых речушек, удаленность русла реки и заболоченность поймы стали причиной постепенного изменения хозяйственного уклада местного населения, а возможно и его сокращения. По мнению А.А. Чубура, именно удаленность от водных ресурсов стало основной причиной запустения в это время микрорегиона Чечевизня в Курском Посеймье [Чубур, 2004, с. 190].

Остается открытым вопрос рациональности сооружения таких городищ. В качестве убежищ они не всегда пригодны, учитывая мощность фортификационных сооружений отдельных из них. Не исключено, что основная часть населения в IV в. до н. э. переселяется на возвышенности, вблизи воды, а городище остается местом общего сбора и своеобразным хранилищем общественных стратегических

запасов. Целью их сооружения могла быть и необходимость централизации населения, его объединения под руководством старейшин или же иной немногочисленной правящей (почитаемой) прослойки общества. При отсутствии погребальных комплексов в данном регионе, это, пожалуй, единственное свидетельство существования определенной социальной дифференциации населения скифского времени Путивльского Посеймья.

Проблема погребального обряда в данном регионе действительно присутствует. Курганов скифского времени до сегодняшнего дня не выявлено, да и грунтовые могильники неизвестны. В связи с этим, отдельный интерес представляет обнаруженный разведками 2016 г. курган, расположенный в 0,45 км на восток от напольных укреплений городища Мутин. Насыпь кургана округлой формы. Диаметр составляет 10, сохранившаяся высота — 1,3 м. Центральная часть уничтожена грабительской ямой. Видимая ее глубина доходит приблизительно до уровня современной дневной поверхности. По сообщению местных жителей невдалеке от городища Ширяево так же находится одинокий курган. Утверждать, что они скифского времени было бы преждевременно, однако и исключать такую возможность (учитывая близость городища) нельзя.

Подводя итоги, остановимся на ряде моментов.

Проведенные исследования 2016 г. позволили говорить, что не на всех городища данного региона отсутствует ров с напольной стороны. Несмотря на общую тенденцию, исключения есть (городища Викторово южное, Ионино).

Материальный комплекс памятников не столь беден и однообразен, как предполагалось. Даже в результате незначительных археологических исследований, осуществленных в 2012—2016 гг., были найдены такие категории посуды, как миски, плошки, миниатюрные сосуды, лощеная керамика, фрагмент сосуда на поддоне, обломок античной амфоры и др.

Прежде неоднократно поднимался вопрос о заселении Сейма юхновскими племенами и населением «скифоидного» облика [Гречко, Каравайко, 2012; Каравайко, 2014, с. 168]. Решение его крайне сложно и многогранно. Можно говорить и о смене этих двух народов, о чем свидетельствуют стратиграфические наблюдения на городище Новая Слобода «Скиток» [Каравайко, 2014, с. 166—167], и о совместном проживании (городище Ионино). Под последним мы подразумеваем смешанные браки. Проведенные на сегодняшний день исследования свидетельствуют о том, что ни на одном городище Путивльского Посеймья керамика юхновской культуры не доминировала. Основным населением здесь были племена, близкие по своей материальной культуре населению посульско-донецкого левобережного варианта.

Говоря о перспективах на будущее, следует отметить, что в результате работ 2012—2016 гг. были обследованы практически все городища раннего железного века Путивльского Посеймья. Сняты их планы, получен выразительный материал. Для освещения ряда вопросов необходимы систематические раскопки, которые в этом регионе на городищах практически не проводились. Особое внимание следует обратить и на исследование неукрепленных поселений. На многих из них раскопки велись, однако, в большинстве случаев, их результаты так и остались на страницах отчетов и не введены в научный оборот должным образом.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. — 1962. — № 113. — С. 86—129.

Билинский О.О. К истории изучения памятников скифского времени в Среднем Посеймье и современное состояние проблемы // Древности Днепроовского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). — Курск, 2012. — С. 110—116 (Материалы и исследования по археологии Днепроовского Левобережья. — Вып. IV).

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверсько-му Дінці. — К., 2010. — 286 с.

Гречко Д.С., Каравайко Д.В. Об этнокультурных процессах в Посеймье в скифское время // Сіверщина в історії України. — 2012. — Вип. 5. — С. 55—60.

Еременко П.М. Могильники и городища Глуховского и Суражского уездов // Тр. Московс. предварительного комитета по устройству XIV АС. — М., 1906. — Вып. 1. — С. 95—105.

Іллінська В.А. Городище скіфського часу на р. Сеймі // Археологія. — 1953. — Т. VIII. — С. 109—122.

Ільинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 268 с.

Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. — К., 2012. — 276 с.

Каравайко Д.В. Городища раннього залізного віку в Путивльському Посеймі // Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. — Переяслав-Хмельницький, 2014. — С. 163—173 (Наук. записки. Серія: Історичні науки. — Вип. 21).

Каравайко Д.В., Плаксина Е.В. Городища раннього залізного віку Путивльщини // АДУ 2014 р. — 2015. — С. 216—217.

Каравайко Д.В. Городища раннього залізного віку на Сеймі // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 65—76 (АДІУ. — Вип. 2 (15)).

Каравайко Д.В. О слабозаселенных городищах на Сейме // Проблеми історії та археології України: Матеріали X Міжнар. конф. — Харків, 2016. — С. 24.

Каравайко Д.В., Плаксина О.В. Дослідження городищ на території Путивльського та Кролевецького районів у 2012—2014 рр. // Сіверщина в історії України. — 2016. — Вип. 9. — С. 58—65.

Коваленко Ю.О. Археологічний комплекс скіфського часу в урочищі Барвінкова Гора на Глухівщині // АЛІУ. — 2001. — № 2. — С. 175.

Коваленко Ю.О. Скіфські старожитності на Глухівщині // Сіверщина в контексті історії України. — Суми, 2007. — С. 19—23.

Кротченко А.А. О городищах — убежищах в бассейне р. Северский Донец // Проблеми історії та археології України: Матеріали IX Міжнар. конф. — Харків, 2014. — С. 25—26.

Лошенко М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. — Минск, 2011. — 408 с.

Ляпушкин И.И. Памятники эпохи железа Левобережной Украины (по материалам полевых изысканий 1947 г.) / НА ІА НАН України. — 1947/29.

Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры («скифов пахарей») в северной полосе Днепроовского Лесостепного Левобережья // СА. — 1950. — Т. XII. — С. 41—65.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э. — М., 1999. — 160 с.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Приймак В. В., Кроткин А.В. Отчет о работе Левобережной раннеславянской экспедиции в 1992 г. / НА ІА НАН України. — 1992/56.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. — М., 1978. — 144 с. (САИ. — Д. 4-5).

Плаксина О.В., Каравайко Д.В. Дослідження городищ раннього залізного віку на Сумщині // АДУ 2012 р. — 2013. — С. 323—324.

Самоковасов Д.Я. Древние города России — СПб, 1873. — 165 с.

Самоковасов Д.Я. Историческое значение городищ // Тр. III АС. — 1878. — Т. 1. — С. 225—235.

Самоковасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам — М., 1908. — 119 с.

Сухобоков О.В. Отчет о разведках Левобережной группы Раннеславянской экспедиции ИА НАН УССР в Сумской области в 1968 г. / НА ІА НАН України. — 1968/13в.

Сухобоков О.В., Приймак В.В., Горбовцов А.А., Звагельский В.Б. Отчет о разведках на территории Сумской области для свода памятников истории и культуры в 1988 г. / НА ІА НАН України. — 1988/176.

Чубур А.А. Микрорегион Чечевизня и некоторые вопросы этнокультурных процессов в раннем железном веке бассейна Днепра // Славянский мир Полесья в Древности и Средневековье: Матеріали Міжнарод. истор.-археол. конф. — Гомель, 2004. — С. 186—190.

Д.В. Каравайко

ДОСЛІДЖЕННЯ ГОРОДИЩ ПУТИВЛЬСЬКОГО ПОСЕЙМ'Я 2016 р.: ПІДСУМКИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ

У 2016 р. фактично було завершено розвідки, спрямовані на дослідження городищ раннього залізного віку Путивльського Посейм'я. Обстеження проводилися в межах Глухівського та Кролевецького р-нів Сумської обл. Знято нові топографічні плани пам'яток. В результаті робіт з'ясовано, що не на всіх городищах цього мікрорегіону з напільного боку був відсутній рів. Виключення становлять два укріплені поселення — Вікторово південне та Іоніно. Їх фортифікаційна система дещо складніша в порівнянні з іншими пам'ятками. При зведенні валів, ровів та спорудженні ескарпів враховувався рельєф мису, при цьому зайві трудовитрати виключалися.

Під час досліджень отримано виразний матеріал і перш за все фрагменти кераміки. На городищах Іоніно та Вікторово північне посуд представлено двома типами. Перший властивий населенню Лівобережного Лісостепу, другий — характерний для племен юхнівської культури. Серед інших знахідок кістяне руків'я ножа з 12 залізними заклепками, глиняне грузило, посудини на піддоні, глиняні пряслиця. До роботи залучено й матеріал з Глухівського археологічного музею, що походить з городищ Будище, Вікторово північне та Іоніно. Певним чином вони сприяють у питанні встановлення хронологічної межі існування укріплених поселень. На двох пам'ятках Вікторово південне та Мутін культурний шар слабко насичений органічними рештками, а знахідки поодинокі. Всього на середньому Сеймі таких городищ на сьогодні відомо шість. З певною долею обережності, можна припускати, що вони виникають в IV ст. до н. е., тоді, коли основна частина населення змінює топографію своїх поселень.

На сьогоднішній день обстежені майже всі городища вказаного регіону. Зріє нагальна потреба в проведенні систематичних розкопок. На особливу увагу заслуговує вивчення неукріплених поселень та розв'язання проблеми поховального обряду місцевого населення.

Ключові слова: Сейм, скіфський час, городища, матеріальна культура.

D.V. Karavaiko

INVESTIGATIONS ON THE HILLFORTS IN PUTIVL AND SEYM RIVER REGION IN 2016 YEAR: RESULTS AND PROSPECTS

In 2016 was actually completed explorations aimed to study the early Iron Age hillforts in Putivl Poseym'ya. Surveys were conducted within Glukhov and Krolevets regions, Sumy region. As a result of the work found that not all of the ancient settlement microregion part of the floor was no moat. The exceptions are two fortified settlements — Viktorovo southern and Ionino. Their fortification system is somewhat more complicated compared to other attractions. When erecting walls, ditches and making scarps taken into account topography Cape and the extra labor costs were excluded.

During the study received an expressive material and above all the fragments of pottery. On the hillforts Ionino and Viktorovo northern dishes presented two types. The first is inherent in the people of the left bank Dniپر river foreststeppe region, the second — typical for yuhnivska forest culture. Among other findings bone handle knife with 12 iron rivets, clay sinker, vessels on the pallet, clay pryaslytsya. The work involved materials from Glukhov Archaeological Museum originating from settlements Budyshche, Viktorovo northern and Ionino. In a way they help in mounting the chronological limits being fortified settlements. The two monuments Viktorovo southern Mutin and cultural layer of rich organic remains weak and rare finds. Today there are six similar hillforts in the middle Seym river. With some caution destiny, we can assume that they occur in the IV. BC, when the bulk of the population changes the topography of their settlements.

To date, almost all hillforts surveyed in said region. Maturing urgent necessity to conduct systematic excavations. Of particular note is the study of unfortified settlements and the problem of burial ritual of the local population.

Keywords: Seym river, scythian time, hillforts, material culture

Одержано 27.03.2017

А.А. Крютченко

ПЕРЕКОПСКИЙ ВАЛ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В статье рассматриваются результаты исследования Перекопского вала расположенного в Валковском районе Харьковской области. С момента своего создания и до 30-х гг. XVIII в. он занимал стратегически важное место, на границе лесостепи и степи. Приведены данные письменных источников и результаты археологического исследования вала 2016 г. На основе полученных материалов возведение первичной насыпи вала отнесено к скифскому времени.

Ключевые слова: Днепро-Донецкая лесостепь, Изюмская черта, скифское время, оборонительные сооружения, Перекопский вал.

Днепро-Донецкая Лесостепь в VII—IV вв. до н. э. была контактной зоной между местным земледельческим населением и степными кочевниками. Характеру их взаимоотношений много внимания было уделено в дискуссии между А.И. Тереножкиным и Б.А. Шрамко, в ходе которой был поднят ряд важных проблем касающихся этнокультурной истории, социальной организации и уровня развития производительных сил лесостепного населения. Важным источником, при раскрытии этих тем, служат данные, полученные в ходе исследования оборонительных сооружений.

Укрепления скифского времени представлены, прежде всего, городищами и, в некоторой мере, длинными валами. Степень исследованности укрепленных поселений довольно высока. На основе топографических особенностей и конфигурации защитных сооружений разработана типология, выявлены особенности создания и основные характеристики надвальных дерево-земляных конструкций, существует ряд успешных наработок по вопросам хронологии и

функционального назначения городищ. Длинные валы, до недавнего времени, не раскапывались, а их датировка основывалась исключительно на данных письменных источников, что вызывало сомнения относительно ее правомерности. К длинным валам скифского времени на Левобережье традиционно относят Перекопский (Турецкий вал).

На сегодня, вал представляет собой один из сохранившихся участков так называемой Изюмской черты — системы укрепленных линий Московского царства, созданных в 1679—1680 гг. для защиты от набегов крымских татар и ногайцев. Многие укрепления скифского времени были созданы в ключевых, с точки зрения обороны местах и повторно использовались в средневековье и Новое время. Исследуемый вал не стал исключением.

Свое условное название черта получила от В.П. Загоровского по имени города Изюм, находившегося в средней части оборонительной линии [Загоровский, 1980]. Она включала в себя целый комплекс сооружений в виде земляных валов и рвов, деревянных сооружений, лесных засек, а также городов и крепостей. Изюмская черта протяженностью 530 км проходила от Коломакской крепости на востоке через города Изюм и Царев-Борисов на Ольшанск, где соединялась с ранее возведенной Белгородской чертой.

Являясь важнейшим элементом этой системы, Перекопский вал, расположенный между верховьями рек Мжа и Коломак, предназначался для прикрытия наиболее опасного направления со стороны Муравского шляха. Шлях «шел муравой», избегая переправ через значительные реки, большей частью по безлюдной степи, окруженный по сторонам вы-

сокой травой. Начинаясь он у Тулы и шел на Ливны, мимо Белгорода на Молочные воды и на Перекоп (Крымский). В Лесостепи он проходил по водоразделу, между притоками Днепра и Северского Донца (рис. 1). Будучи главной меридиональной сухопутной артерией региона, шлях служил маршрутом, по которому кочевники осуществляли набеги в глубины Лесостепи; по нему проходили посольские миссии, разъезжали купцы и станичники. Впервые он фиксируется в письменных источниках XVI века [Книга большому чертежу, 1950; Беляев, 1846; Боплан, 1990]. Ряд исследователей, относят начало его функционирования еще к скифскому времени [Шрамко, 1987, с. 20—22; Болтрик, 1990; Бандуровский, 2001, с. 7; Гречко, 2006, с. 26].

Первое упоминание о существовании на данном участке укреплений относится к 1627 г. В Книге Большому Чертежу (далее КБЧ) говорится «а меж Мжа и Коломока на Муравской дороге рву версты с 3, а ров в ширину сажени с полторы, а в глубину сажень, а инде и больше. А по сторонам того рву обойти нельзя: пришли леса и болота» [Книга ..., 1950, с. 11]. Важно отметить, что в ходе описания «Муравской дороги» упоминалось множество урочищ, городищ и курганов, но только в описании данного сооружения детально приведены его размеры. Детализация подчеркивает стратегическую важность и указывает на местоположении объекта в спорной и, скорее всего, малоизвестной в Москве территории. Эту мысль косвенно подтверждает донесение белгородского воеводы Афанасия Тургенева царю Михаилу Федоровичу, датированное 1636 годом, «что на Муравском шляху есть татарский перелаз в уроч. Валки. Узнал он о нем от станичников, ездивших из Белгорода шляхом «до Берестовой и до верх Орели и Самары через Валки», откуда они, станичники поспевают до назначенных им крайних пунктов наблюдения «в два дня»» [Альбовский, 1993, с. 7].

Воевода Тургенев также не имел сведений и о времени сооружения вала. «А те де Валки, — писал Тургенев в своей челобитной, — ученины изстари...». Далее описание сходно с данными, содержащимися в КБЧ: «...в крепких местах веден насыпной вал через Шлях от лесу до лесу, а леса де пришли ровни, большие, и между тех лесов насыпной вал 3 версты, а ведены-де те Валки меж вершин польских рек Мжа и Коломака» [Альбовский, 1993, с. 8]. На момент осмотра Московскими служилыми людьми вал во многих местах осыпался.

В июле 1646 г. в этот район была направлена экспедиция во главе с белгородцем Иваном Масловым и подьячим Герасимом Жулиновым. Ее целью было описание укреплений и местности вокруг недавно возведенного Можевского острога. В отчете экспедиции имеются данные о параметрах «старого вала»: длина 2 версты 830 сажень, высота вала «в целом

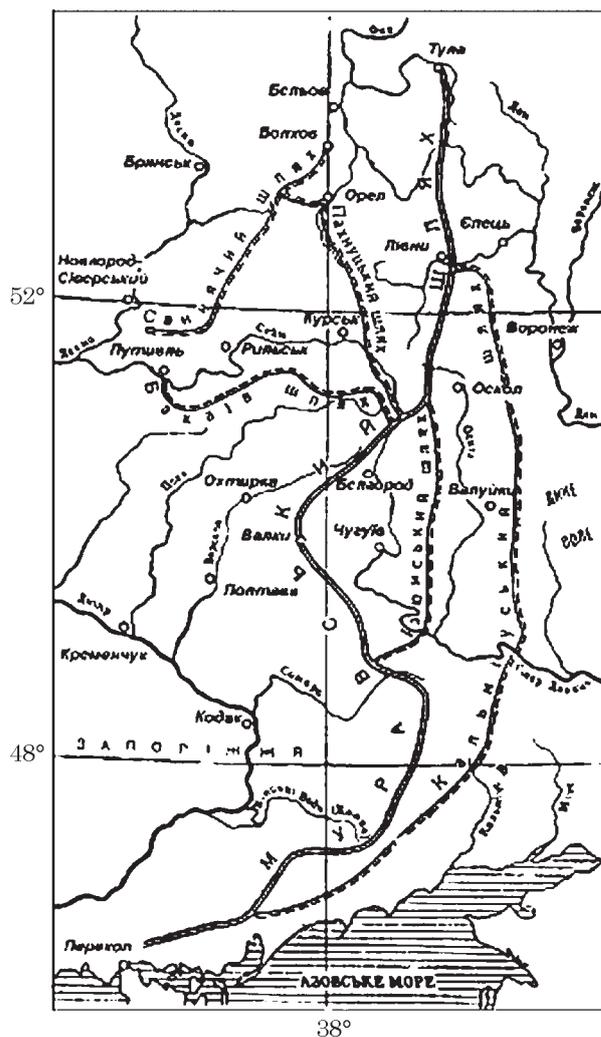

Рис. 1. Средневековые сакмы в междуречье Днепра и Дона. (по Ю.В. Болтрику)

месте» равнялась полутора сажням [Загоровский, 1980, с. 70]. Е.А. Альбовский пишет о том, что в 1646—1647 гг., вероятно после экспедиции белгородцев, вал был «несколько исправлен» [Альбовский, 1993, с. 9].

Исходя из данных письменных источников, следующий этап в сооружении вала, был связан со строительством Изюмской Черты. Он отражен в Историко-статистическом описании Харьковской епархии, где Филарет (Гумилевский) приводит подробное описание достройки укреплений. «Время, с которого начали продолжать старинный Перекопский вал, видно из отписки кн. Якова Семеновича Барятинского. От 2 июля 1679 г. князь требовал к себе чугуевских старожил, которые «досматривали валового дела, с воеводою Борисом Александровичем (Репниным, около 1666 г.) и которые были в тех же урочищах во 183 (1675) г. с Андреем Щепетевым». По донесению авг. 1673 г. царского грамотою предписано было собрать в Белгородском полку с 10 дворов по человеку «на воловое дело и нынешния осени сделать валу всякому человеку по сажени» [Филарет, 2006, с. 206].

Рис. 2. Место расположение и место подчистки Перекопского вала

Возведенный в 1680 г. поверх старых «валков» от верховьев р. Коломак до верховьев р. Мжа вал имел ширину в основании 4 саж. (8,5 м), высоту — 3 саж. с четвертью (7 м), глубина рва за валом — 3 сажени (6,4 м), ширина рва — 2,5 саж (5,3 м), а кое-где и больше [Загоровский, 1980, с. 150—151]. Воевода П.И. Хованский, руководитель работ на данном участке, именовал его «добрым» [Загоровский, 1980, с. 151]. В 30-х гг. XVIII века Изюмская черта, а вместе с ней и Перекопский вал, утратила свое стратегическое значение ввиду возведения новой Украинской линии и, как следствие, переноса границ Московского царства на дальние юг [Голубева, 2011, с. 7]. Таким образом, данные письменных источников свидетельствуют о том, что 70-х гг. XVII в. участок Изюмской черты, проходившей между верховьями рек Мжа и Коломак, строился поверх существовавших ранее укреплений, время возведения которых на момент строительства черты были не известны.

В 1839 г. вал обследовал В.В. Пассек [Пассек, 1838, с. 209]. Исследователь соотнес Перекопский вал с упомянутым в КБЧ. В Историко-статистическом описании Харьковской епархии 1857 г. Филарет (Гумилевский) о дате первого сооружения вала Филарет пишет: «Уже и потому, что этот вал описан в Книге большого чертежа, очевидно, что на протяжении 3 верст он устроен был раньше царя Михаила» [Филарет, 2006, с. 207]. Е.А. Альбовский в книге «Валки, украинный город Московского Государства», основываясь на широкой базе архивных материалов о времени создания вала, указывал: «Постройка его, вероятно, относится ко временам весьма отдаленным и, во всяком случае, до Монгольского нашествия. Правда, в царство-

вание Феодора Иоанновича, в конце XVI века, был «разгар строительной деятельности» Московского правительства и большое стремление его заселить и обезопасить границы. Но если бы вал был насыпан в этот период, то воевода Тургенев на вопрос царя, «какими обычаями учинены Валки», ответил бы более определенно, а не так: «те-де Валки учинены изстари», что вал— «старой» и только», «Может быть, постройка укрепленной линии в уроч. Валки относится к княжескому периоду, а, может быть, и к еще более раннему, далеко от нас ушедшему в глубь веков» [Альбовский, 1993, с. 9]. В материалах XII АС Перекопский вал отмечен Д.И. Багалеем в объяснительном тексте к археологической карте губернии. Кроме того, в статье В.Е. Данилевича Карта монетных кладов и находок отдельных монет Харьковской губернии имеются данные о находке в валу нескольких серебряных монет [Данилевич, 1905].

В дореволюционной историографии Е.А. Альбовского, Филарета (Гумилевского) путем анализа письменных источников были детально описаны многие аспекты строительства вала в 1679—1680 гг., а также обстоятельств, предшествующих его возведению, начиная от первого упоминания в 1627 г. Вопрос о времени сооружения первичного вала оставался открытым.

Снова к проблеме сооружения первичной насыпи Перекопского вала вернулись в 1970—80-е гг. Это связано с разработкой двух научных направлений. К первому следует отнести исследования В.П. Загоровского в рамках серии публикаций, посвященных истории южных земель Московского царства, а также формированию его границ в XVII в. [Загоровский, 1980].

Второе направление в изучении роли Перекопского вала было связано с увеличением интереса скифологов к сухопутным коммуникациям Днепро-Донского междуречья в рамках изучения путей проникновения античного импорта в Лесостепь. Первым предположение о создании первичной насыпи вала еще в скифское время, высказал Б.А. Шрамко [Шрамко, 1987, с. 22]. Позже его поддержали и другие ученые [Бандуровский, 2001, с. 7; Гречко, 2006, с. 32]. Исследователи соотнесли время появления первых укреплений в уроч. Валки со временем увеличения количества поселенческих структур в бассейне Ворсклы и Северского Донца, а также началом функционирования Муравьевского Шляха в конце VI—V вв. до н. э. [Гречко, 2006, с. 101]. Несмотря на проведение на валу серии работ разведочного характера [Радзиевская, 1976; Шрамко, 1983], он до недавнего времени не был исследован путем раскопок.

На востоке вал фиксируется в с. Перекоп Валковского района Харьковской области, где его удалось проследить от северо-западной стены острога, откуда он тянется в сторону с. Высокополье Коломакского района Харьковской области (рис. 2). В черте села его перерезают

три грунтовые дороги. За селом укрепления сильно распаханы. Через 1 км на вал заходит асфальтированная трасса (Перекоп—Высокополье), идущая по валу на протяжении 3,5 км. Она проложена в 1970-х гг. непосредственно по гребню вала. При подъезде к Высокополью у небольшого леса она сворачивает с вала на юго-запад. На западе вал заканчивается через 1,1 км у системы ярков в верховьях реки Коломак. Здесь основной вал, заходя за яр, заканчивается, а от него под углом 140° отходит отрог 0,17 км, который сходит на нет у северного края глубокого сухого яра. Со стороны с. Высокополье вал также сильно пострадал в результате хозяйственной деятельности местного населения. Укрепления в 0,3 км от трассы повреждены при ее строительстве. Около 0,1 км насыпи вала было использовано для консервации сельскохозяйственного инвентаря. В границах села по гребню проходит грунтовая дорога. Общая длина Перекопского вала на сегодня составляет порядка 5,8 км. Высота вала колеблется от 0,3 до 3,7 м, ширина полы 12—36 м. Ров, проходящий с южной стороны, сильно заплыл и также пострадал от хозяйственной деятельности местного населения.

К северу от вала, на восточной окраине с. Высокополье, местными жителями обустроен карьер-свалка, к которому подходят две грунтовые дороги, прорезающие вал. В одном из таких разрезов и было решено провести подчистку. В октябре 2016 г. отдельным отрядом экспедиции ДП ОАСУ «Слободская археологическая служба» под руководством В.Н. Окатенко и автора статьи проведена подчистка вала с целью изучения стратиграфии насыпи. В месте проведения работ он сильно оплыл и порос густым кустарником. Высота его составила около 2 м, а ширина — 12 м. Траншея была заложена поперек линии укреплений, с восточной стороны дороги, прорезающей вал, таким образом, чтобы покрыть все сечение вала, не затронув при этом ров.

В срезе наблюдалась следующая стратиграфия (рис. 3). Над желтой материковой глиной располагался слой древней погребенной почвы, мощностью от 0,6 до 0,4 м. В него с napольной стороны был впущен подтреугольный в сечении ров, ширина его верхней части составляла 2,3 м, а глубина — 1,15 м. Над погребенкой располагался слой чернозема, насыщенного пепель-

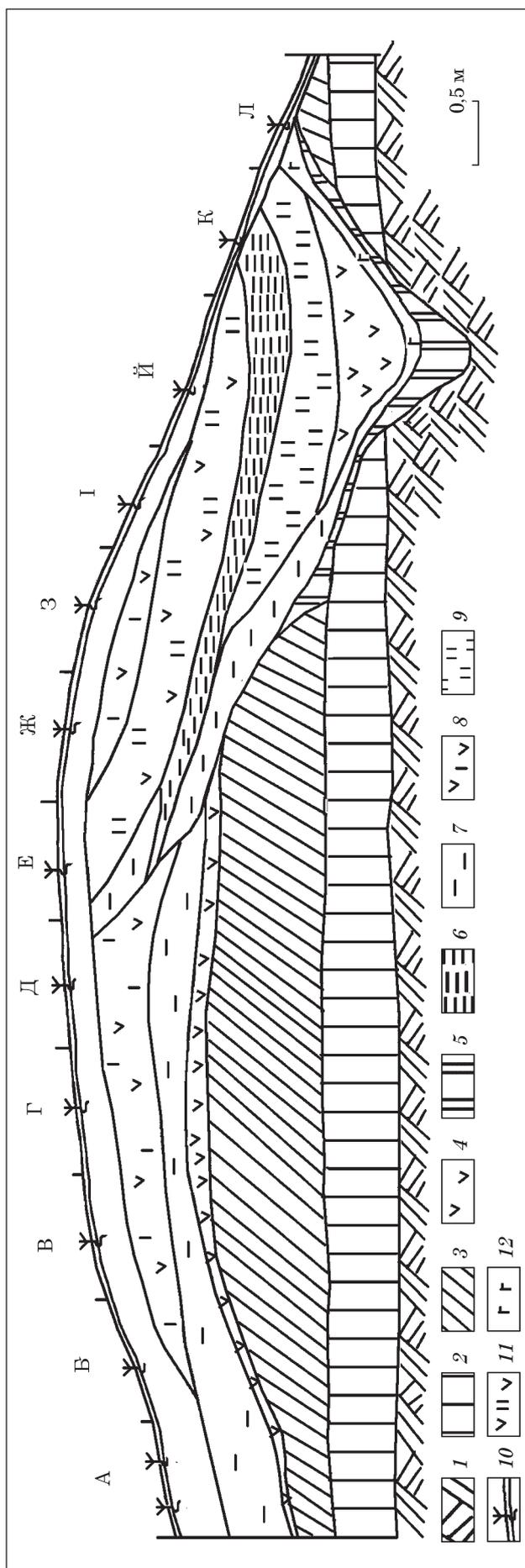

Рис. 3. Профиль разреза вала. (по В.Н. Окатенко и А.А. Крютченко): 1 — материк, желтая глина; 2 — погребенная почва; 3 — чернозем с фракциями селитры; 4 — чернозем; 5 — белая глина; 6 — светло-бурая глина; 7 — серый песок; 8 — бурый глинозем; 9 — светло-бурый глинозем; 10 — дерн; 11 — темно-бурый глинозем; 12 — бурая глина

Рис. 4. Перекопський вал і його місце в системі укріплень скифського часу

но-серими фракціями селитри, шириною 6,7 в нижній частині і висотою 1,15 м. Сверху його перекривав шар древнього дерна потужністю від 0,1 до 0,25 м. Він мав більш пластичну структуру. Над ними прослідковувалися два шари глинисто-чорноземної підсыпки потужністю 0,7 м.

Рів мав два типи заповнення. К першому відносять розташований на дні чорноземний затек потужністю 0,45 м, спускаючийся лінзою з погребеною ґрунту і чорноземною насыпю вала. Ко другому типу заповнення слід віднести шари, які мають характер заброски з рихлою структурою. Вони представлені прослойкою бурою глини, йдучою по зовнішньому краю заповнення потужністю 0,15 м; зверху його перекривав лінза чорнозема потужністю 0,6 м. Його перекривав шар світло-бурою глини 0,5 м, перекритий шаром білою глини потужністю 0,2 м. Над ним прослідковується два шари глинисто-чорноземної заброски 0,7—0,3 м. Над всією відкритою поверхнею розкопу розташований шар, утворений в результаті ерозії на місці штучного розриву в валу. Знахідки представлені двома фрагментами стінок лепних посудин, виявлених в насыпю чорноземного вала.

Різок вала показав відповідність даним письмових джерел. Спочатку Перекопський вал представляв собою насыпю шириною 6,7 і висотою 1,4 з ровом шириною 2,3, глибиною 1,15, відокремленим від вала бermoю шириною 0,5 м. З напольної сторони рову проходила обваловка висотою не менше 0,3 м, збільшувалася його глибина. Южня сторона обваловки була знищена в результаті подальших стро-

ительних робіт, об її наявності свідчить чорноземний останець і характер затечного заповнення рову, спускаючийся від останця, вище рівня погребеної ґрунту.

К моменту освоєння даної території в першій половині XVII в., рів сильно заплыл. Шари глинисто-чорноземної підсыпки над первозначальним валом можуть бути інтерпретовані як сліди робіт проведених в 1646—1647 гг. Висота досыпаного вала становила не менше 1,75 м, рів при цьому підчищен не був. Уже при будівництві Ізюмської черги старий вал послужив основою для нового, при цьому рів був засыпан викидом з нового рову.

Перший етап створення вала, по нашому мнению, слід віднести до останньої чверті VI — початку V вв. до н. е., про що косвенно свідчать знахідки в насыпю вала фрагментів лепної кераміки. Відстань від місця розрізу до найближчого відомого поселення скифського часу становить більше 2 км. Вероятно, вони могли потрапити в насыпю при її спорудженні. В це ж час, по мнению ряду дослідників, починає функціонувати Муравський шлях, навколо якого збільшується концентрація відкритих і укріплених поселень (рис. 4) [Шрамко, 2003, с. 108].

При спорудженні першого вала земля із рову становила близько 1/5 масиви насыпи, решта частина, ймовірно, була складена з дернових вальків. В структурі досліджуваного вала не було виявлено слідів надвальних дерев'яних конструкцій, можливо, це пов'язано з тим, що він не був призначений для ведення на ньому бою, а лише перешкодив випадковому прориву, даючи час для організації оборо-

ны. Земляные валы широко известны на многих лесостепных городищах скифского времени, как один из элементов системы обороны, использовавшийся наряду с дерево-земляными сооружениями. Так вал второго предградья Циркуновского городища представлял собой глинисто-черноземную насыпь вала высотой 0,95 м без следов деревянных конструкций и ров глубиной 1,2 м, проходившую на расстоянии от 20 до 50 м от основной линии укреплений [Пеляшенко, 2010, с. 262—263; Крютченко, 2016, с. 119]. Валы такого рода чаще всего использовались как элемент защиты входа на городище.

Вблизи Перекопского вала на сегодня известно семь открытых поселений скифского времени. Шесть из них зафиксировано в верховьях реки Коломак в границах с. Высокополье [Шрамко, 2010, с. 483; Шрамко, 2009, с. 325—326] и на его южной окраине [Заика, 2003, с. 107—108]. Еще одно находится неподалеку от северо-западной окраины с. Перекоп [Шрамко, 1977, 61]. С внешней стороны вала на левом берегу р. Коломак расположено лишь одно поселение. Примечательно что на нем обнаружены материалы раннескифского времени. [Гречко, 2003, с. 9—14]. Остальные датируются концом VI—IV в. до н. э. Уже в среднескифское время поселения размещались с внутренней стороны вала, под его защитой. В 3 км на восток от вала находится недавно открытое Старовалковское городище [Окатенко, 2014, с. 237—238]. Недавно в 4 км на юго-восток неподалеку от с. Илюховка обнаружено еще одно городище, но оно пока не введено в научный оборот. В 12 км на юго-запад, ниже по течению р. Коломак расположено Коломацкое городище.

На территории Днепро-Донецкого лесостепного междуречья, с последней трети VI в. до н. э. начинается активное строительство городищ, часть из которых возводилась вокруг уже существовавших открытых поселений [Городцов, 1911, с. 298; Шрамко, 1998, с. 14; 2006, с. 33—56; 2010, с. 31]; другие же — изначально возводились как укрепленные пункты [Ковпаненко, 1967; Гавриш, 2000; Гречко, 2006]. Если появление городищ может быть свидетельством желания населения укрепить собственное поселение, то длинные валы, явно указывают на стремление защитить не отдельно взятое поселение, а целый регион. В этом ключе появление на южных границах Лесостепи Перекопского вала выглядит вполне логичным. И указывает на действия местного населения, направленные на организацию участков коллективной обороны на границе со Степью.

Примерами подобных сооружений могут служить городища-убежища. Для них характерны небольшие размеры и чрезвычайно слабо насыщенный культурный слой, отсутствие долговременных сооружений жизнедеятельности человека [Кашуба, 2003, с. 203]. Оборонитель-

ные сооружения этих городищ также не развивались, а застывали в своих первоначальных формах, поэтому у них отсутствуют предградья [Шрамко, 1962, с. 188].

Не существует единого мнения относительно функционального назначения данной категории памятников. Большинство исследователей склоняются к мысли, о том, что это были пункты, куда укрывались жители окрестных селищ в случае военной опасности [Шрамко, 1962, с. 188; Никулицэ, 1987, с. 109—110; Крютченко, 2014, с. 25—26]. Либо они служили для приостановки (на короткий срок) передвижения противника вглубь жизненного пространства в случае военных действий [Кашуба, 2003, с. 203].

Практика создания длинных валов была известна в Северном Причерноморье в античный период. К 70 гг. V в. до н. э. относится создание ранних стен Тиритаки [Толстикова, 1984] По мнению С.Г. Колтухова и ряда других исследователей Узунларский вал, отделяющий восточную часть Керченского полуострова от Крыма, также мог быть возведен в конце VI в. до н. э. [Колтухов, 1999; 2003] Эти оборонительные сооружения несомненно сооружался, Боспорским царством централизованно.

Таким образом, результаты проведенной работы подтвердили данные письменных источников о существовании меж верховьями рр. Мжа и Коломак оборонительной линии, существовавшей задолго до возведения тут укреплений Московского царства. Ряд данных позволяет подтвердить версию о возведении Перекопского вала еще в скифский период. Со времени своего создания он стал своеобразными воротами вглубь лесостепи. На вопрос о временных рамках его эксплуатации в скифское время ответить сложно. Обнаружение в его окрестности не серии монетных кладов римского времени, а также упоминание его в письменных источниках наряду с другими важными урочищами указывает на то, что он в своем первоначальном виде сохранял значение важного ландшафтного ориентира вплоть до перестройки в конце 70-х гг. XVII в. и уже в обновленном виде функционировал до 30-х гг. XVIII в.

Несмотря на общую дестабилизацию ситуации в Северном Причерноморье во второй половине VI — начале V в. до н. э. в Лесостепи фиксируется расцвет поселенческой структуры и обмена с античными городами Северного Причерноморья. Активизируется строительство новых укрепленных поселений и возведение оборонительных сооружений на уже существующих открытых поселениях. В этот период возникает и грандиозное Бельское городище. Создание длинных валов, наряду с вышеизложенными данными, может говорить о существовании на территории Днепро-Донецкой Лесостепи некоего социального образования способного организовать работы рифугиально-го характера.

Альбовский Е.А. Валки — украинный город Московского государства. — Харків, 1993. — 54 с.

Бандуровский А.В. О путях проникновения античного импорта в верховья Северского Донца в скифскую эпоху (по материалам раскопок и разведок последних лет) // АБУ 1999—2000 pp. — 2001. — С. 5—10.

Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. — М., 1846. — 88 с.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. — 1990. — № 3. — С. 30—44.

Болтрик Ю. Тракти Скіфії — Шляхи України // Зап. НТШ. — 2002. — Т. ССXLIV: Пр. Археол. комісії. — С. 204—220.

Боплан Г.Л., де. Опис України / Пер. з фр. Кравця Я. І., Борисяк З.П. — К., 1990. — 256 с.

Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'їлля). — Полтава, 2000. — 232 с.

Голубева І.В. Центральна Слобожанщина кінця XVI — XVIII ст. за археологічними джерелами: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2011. — 20 с.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в 1906 г. // Тр. XIV АС. — М., 1911. — Т. 3. — С. 286—365.

Гречко Д.С. Новые материалы раннескифского времени с поселений Харьковщины // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Харків, 2003. — С. 9—14.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.

Данилевич В.Е. Карта монетных кладов и находки единичных монет в Харьковской губернии // Тр. XII АС. — М., 1905. — Т. I. — С. 374—410.

Загоровский В.П. Изюмская черта. — Воронеж, 1980. — 237 с.;

Заика И.В. Новые данные об археологических памятниках Валковского и Коломакского р-нов Харьковской обл. // АБУ 2001—2002 pp. — 2003. — С. 106—108.

Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века) // Stratium plus. — 2001—2002. — № 3. — С. 118—223.

Книга Большому Чертежу. — М., Л., 1950. — 232 с.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967. — 188 с.

Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. — Симферополь, 1999. — 224 с.

Колтухов С.Г., Труфанов А.А., Уженцев В.Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала // Древности Боспора. — 2003. — Вып. 6. — С. 176—183.

Крютченко А.А. О городищах-убежищах в бассейне р. Северский Донец // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2014. — С. 25—26.

Крютченко О.О. Захисні споруди Циркунівського городища // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2016. — С. 114—123 (АДІУ. — Вып. 2 (19)).

Никулиця И.Т. Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. — Кишинев, 1987. — С. 184;

Ократенко В.М., Голубева І.В. Результати археологічних обстежень на території м. Харкова і Харківської області у 2014 р. // АДІУ 2014 р. — 2015. — С. 314 с.

Пассек В.В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. — К., 1838. — 128 с. (Русский исторический сборник. — 1838. — Т. 3, кн. 2).

Пеляшенко К.Ю. Дослідження Циркунівського городища на Харківщині // АДІУ 2010 р. — 2011. — С. 262—263.

Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Харьковской области

в 1976 г. / Архив МАЭСУ. — 1977. — Ф. 1, оп. 1, д. 28а.

Толстикова В.П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. — 1984. — № 3. — С. 24—47.

Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. — Харьков, 2006. — Т. 1. — 332 с.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962. — 404 с.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. — Харьков, 1998. — С. 9—131.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины: Харьковская область. — К., 1977. — 155 с.

Шрамко И.Б. Исследование округа Люботинского городища // АЛЛУ. — 2002. — № 2; 2003. — № 1. — С. 102—109.

Шрамко І.Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 33—56.

Шрамко І.Б. Бельское городище: основные этапы развития // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2010. — С. 31.

Шрамко І.Б., Голубева І.В., Задніков С.А. та ін. Археологічні розвідки в м. Харків і Харківській обл. у 2008 р. // АДІУ 2008 р. — 2009. — С. 325—328.

Шрамко І.Б., Голубева І.В., Задніков С.А., Пеляшенко К.Ю. Дослідження в м. Харків і Харківській обл. в 2009 р. (за матеріалами експертиз) // АДІУ 2009 р. — 2010. — С. 482—485.

О.О. Крютченко

ПЕРЕКІПСЬКИЙ ВАЛ НА ХАРКІВЩИНІ

У статті розглянуті результати дослідження Перекіпського валу, що розташований у Валківському районі Харківської області. З моменту свого зведення до 30-х рр. XVIII ст. він займав стратегічно важливе місце на кордоні зі степом. Наведені дані писемних джерел та результати археологічного дослідження валу у 2016 р. На основі отриманих даних зведення первинного насипу валу віднесено до скіфського часу.

Ключові слова: Дніпро-Донецький лісостеп, Ізюмська черта, скіфський час, оборонні споруди, Перекіпський вал.

A. O. Krytchenko

THE PEREKOPSKY WALL ON THE KHARKIV REGION

In the article the results of research Perekop Wall that located in the area of Kharkiv region. Since its inception and up to 30th 17 century, he held a strategically important location on the border of forest-steppe and steppe. The data of the written sources and the results of the archaeological research of the Wall in 2016 on the basis of the materials of the primary Wall embankment construction related to the Scythian time.

Keywords: Dnieper-Donetsk forest-steppe, Izyum fortification line, Scythian time, fortifications, Perekopsky Wall.

Одержано 28.02.2017

Ю.Ю. Ляшко

НОВЕ ВЕЛИКЕ ПОСЕЛЕННЯ СКІФСЬКОГО ЧАСУ В ОКОЛИЦЯХ МОТРОНИНСЬКОГО ГОРОДИЩА

Статтю присвячено відкриттю раніше невідомого поселення скіфського часу в околицях Мотронинського городища.

Ключові слова: скіфська доба, басейн р. Тясмин, поселення.

У 2004 р. на території Кам'янського району Черкаської обл., між населеними пунктами Жаботин, Михайлівка і Грушківка, було виявлено одне з найбільших (орієнтовна площа біля 100 га) поселення скіфського часу в окрузі відомого Мотронинського городища. Відстань до городища по прямій, становить біля 6—7 км.

Пам'ятка розташована на рівнинному плато, що трохи понижується в північно-західному напрямку, і з трьох сторін оточене глибокими ярами і балками. У південно-західній частині одного із ярів, функціонує джерело, яке існувало мабуть і в давні часи, що можливо і стало вихідною причиною утворення поселення. Поселення досліджувалась шляхом візуальної розвідки та збором підйомного матеріалу, впродовж 2005—2010 рр. У 2012 р. пам'ятку оглянула С.С. Бессонова.

Площа розповсюдження підйомного матеріалу і зібрані артефакти свідчать про неординарність знайденої пам'ятки. На поселенні по скупченню матеріалу виявлено близько 20 великих споруд. Підйомний матеріал характерний для скіфського періоду (VII—III ст. до н. е.) і представлений керамікою та металевими виробами. (Матеріали зберігаються в фондах історичного музею Кам'янського державного історико-культурного заповідника). Крім того, в одному із скупчень матеріалу (обмазка житла, кераміка, кістки тварин) знайдено ольвійську монету дельфінчик V—IV ст. до н. е. (рис. 1) [Каришковський, 1988, с. 36]. Це перша відома зафіксована знахідка ан-

© Ю.Ю. ЛЯШКО, 2017

тичної монети класичного періоду на території Притясминського регіону [Ляшко, 2009, с. 8]. Незважаючи на те, що в останній час з'явилося багато інформації про знахідки античних монет в нашому регіоні. Проте всі вони не підтвердженні науковими фіксаціями [Шостопа, 2007, с. 6—7].

За аналізом матеріалу найбільше скупчення знахідок VII—VI ст. до н. е. виявлено в центральній і північній частинах селища, матеріал V—III ст. до н. е. фіксується у центральній і південній частинах. На центральній ділянці прослідковно три ряди споруд, які тягнуться однією лінією з заходу на схід. Крім того, в різних частинах поселення виявлені інші споруди, які розташовані хаотично. На північно-східній, протилежній стороні одного із ярів, також виявлено ідентичний матеріал VI—V ст. до н. е., проте зараз важко сказати, чи це становить єдиний об'єкт, чи окреме поселення, яке існувало в той проміжок часу.

Підйомний матеріал, знайдений на поселенні, можна поділити на чотири категорії: кераміка — 114 екз., металеві вироби — 72 екз., кістяні вироби — 1 екз., вироби із каменю — 26 екз. Також, крім того, було знайдено кілька цікавих кісток тварин.

Керамічний матеріал поділяється на ліпну і імпортовану кераміку. Ліпна місцева кераміка нараховує 74 екз. і представлена всіма видами посуду, характерними для раннього залізного віку

Рис. 1. Монета знайдена на поселенні

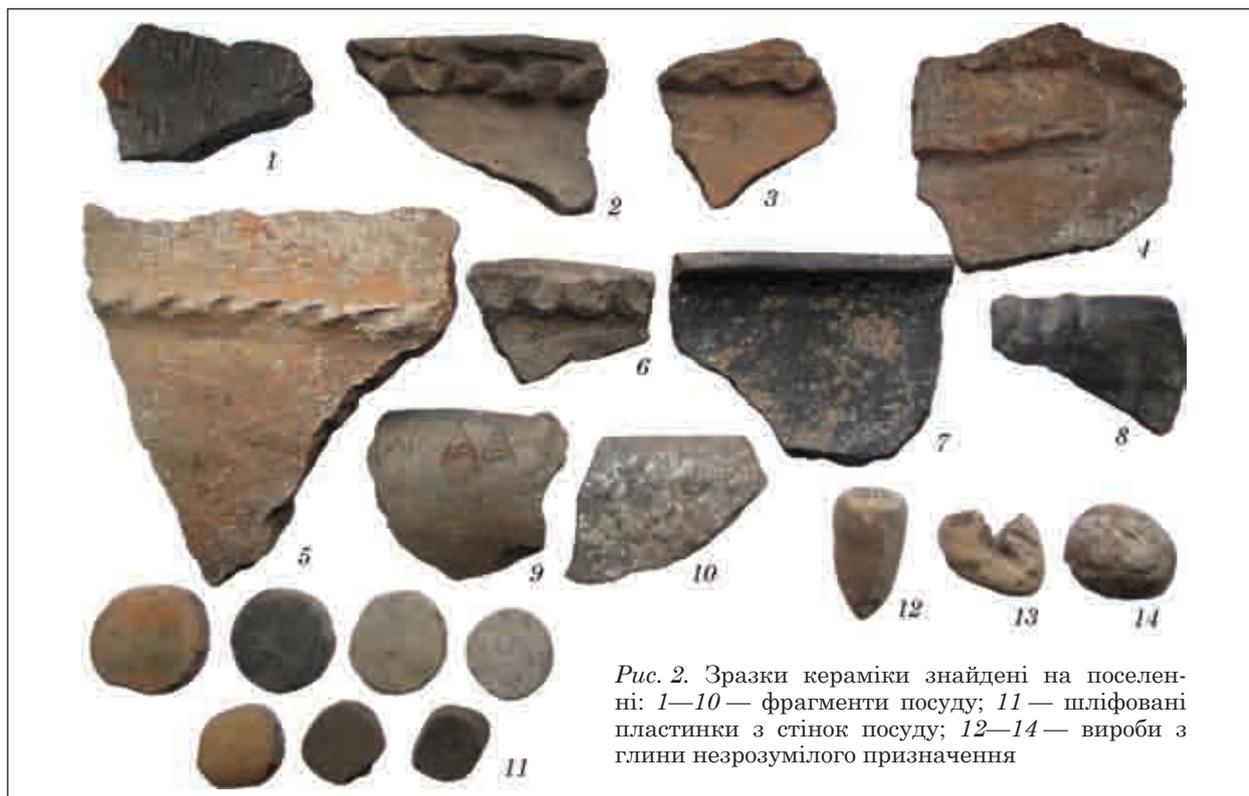

Рис. 2. Зразки кераміки знайдені на поселенні: 1—10 — фрагменти посуду; 11 — шліфовані пластинки з стінок посуду; 12—14 — вироби з глини незрозумілого призначення

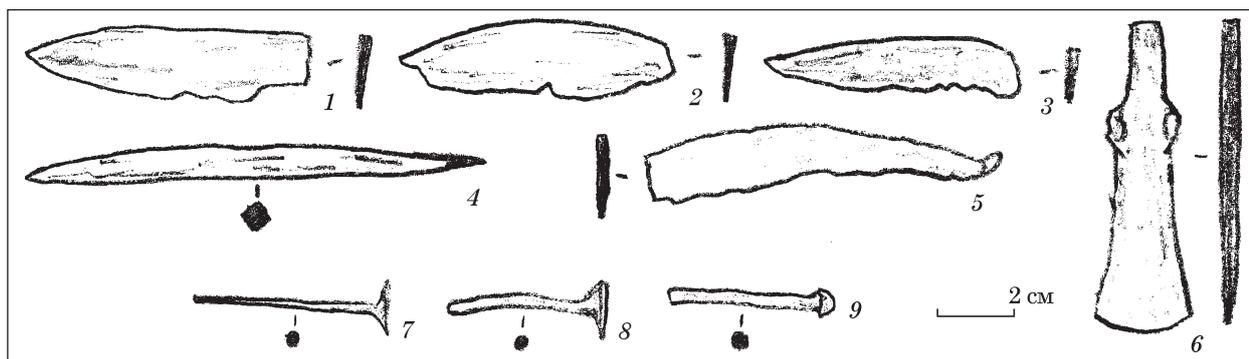

Рис. 3. Вироби з металу: 1—3 — ножі; 4 — шило (проколка); 5 — серп; 6 — тесловидне знаряддя; 7—9 — шпильки

нашого регіону. Це великі корчаги з вирізьбленим геометричним орнаментом по тулубу (рис. 2, 1), горщики з наліпним валиком по вінчику і тулубу, з проколами (рис. 2, 2—5), великі миски — кратери з наліпним валиком під вінчиком (рис. 2, 6), кубки з геометричним орнаментом по тулубу, іноді затертим білою пастою, чорно лощені миски з внутрішніми напівпроколами, які на зовнішній стороні утворюють бутрики (рис. 2, 7), миски з подвійними подовжніми наліпами (рис. 2, 8). Знайдено цікавий фрагмент сіроглиняної миски з вертикальним наліпом і геометричним орнаментом у вигляді заштрихованих трикутників по вінчику (рис. 2, 9), різні типи черпаків, та зразки іншого посуду (рис. 2, 10). Цікаво, що майже всі аналоги фрагментів знайденого посуду прослідковуються на Мотронинському городищі [Бессонова, Скорый, 2001, с. 185—205].

Імпортна кераміка (14 екз.) представлена в основному фрагментами червоноглиняних ам-

фор, а також уламком сіроглиняного світильника з залишками обламаного носика. Крім того до керамічного матеріалу слід віднести округлі, шліфовані пластинки із стінок посуду, яких знайдено 11 екз. (рис. 2, 11). Пряслиця, які разом з уламками становлять 9 екз., а також інші вироби із глини, які мають незрозуміле призначення (рис. 2, 12—14).

Металеві вироби поділяються на три групи: вироби з чорного металу — 26 екз., з бронзи — 28 екз., з свинцю — 18 екз. Вироби з чорного металу представлені уламками ножів 9 екз. (рис. 3, 1—3), шилами і проколками круглої і квадратної форми в розрізі 8 екз. (рис. 3, 4), лучковидним серпом (рис. 3, 5), невеликого розміру 11,4 см теслом (рис. 3, 6), уламками цвяхоподібних шпильок 6 екз. (рис. 3, 7—9) і одною цілою шпилькою з округлим загнутим вушком.

Бронзові вироби представлені в основному наконечниками стріл, як дволопасного і три-

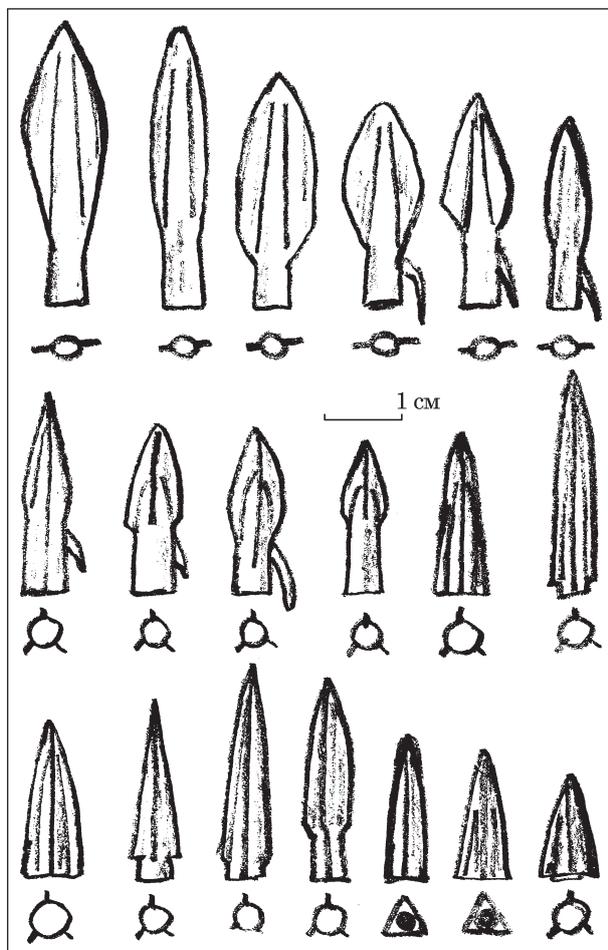

Рис. 4. Наконечники стріл знайдені на поселенні

лопасного з шипами раннього типу, так і пізніми тригранними класичними наконечниками V—IV ст. до н. е. — 19 екз. (рис. 4), прикрасами: цвяхоподібною шпилькою (рис. 5, 1), шпилькою без головки (рис. 5, 2), змійкоподібним браслетом (рис. 5, 3), сережкою-кліпсою (рис. 5, 4), уламком дзеркала (рис. 5, 5), невеликою платівкою від обладунку (рис. 5, 6) і оплавленим фрагментом бронзового шлаку. Також знайдено не часту річ на поселеннях нашого регіону: уламок бокової стінки з провусиною, великого бронзового казана — 9,5 × 9,3 см (рис. 6).

Вироби із свинцю презентують 10 екз. біконічних і конічних пряслеців невеликого розміру, і 8 екз. предметів, які ми умовно віднесли до підвісок або амулетів, хоча можливо вони могли мати і інше призначення.

Кістяні вироби представлені знахідкою шліфованої прямокутної пластини з отвором в середині, і орнаментом у вигляді крапок навколо отвору, розмір виробу 5,5 × 4,3 см. До цієї категорії можна також віднести і знахідки кісток тварин 3 екз. Із них — уламки рогу оленя (рис. 7, 1) та рогу копитної тварини (рис. 7, 2). Також знайдено частину челюсті (собаки, вовка?). Проте, якій точно тварині вона належала можуть сказати лише фахівці.

Матеріал із каменю поділяється на п'ять груп: розтиральники — 12 екз., (рис. 8, 1, 2), то-

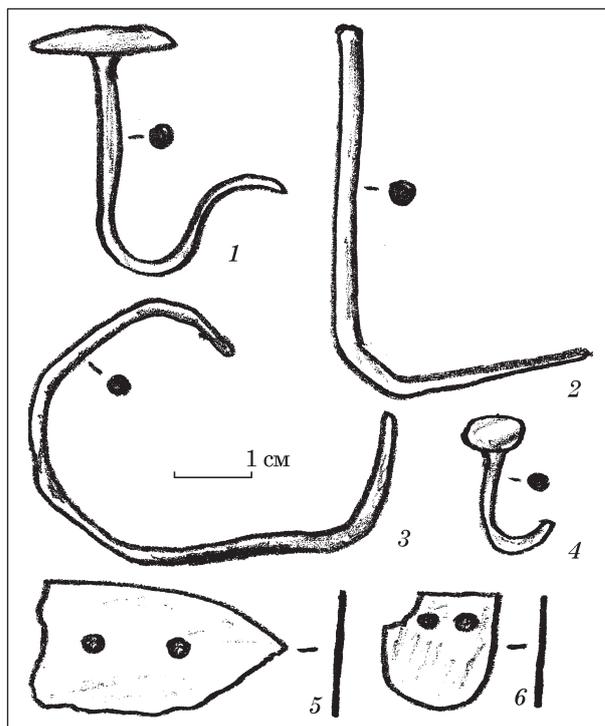

Рис. 5. Вироби з бронзи знайдені на поселенні

Рис. 6. Ручка бронзового казана знайдена на поселенні

Рис. 7. Кістки тварин, знайдені на поселенні

Рис. 8. Вироби з каменю знайдені на поселенні: 1, 2 — розтиральники; 3—5 — точильні камінці; 6 — грузило; 7 — уламок шліфованої сокири

чильні камінці — 11 екз. (рис. 8, 3—5), грузило круглої форми (рис. 8, 6); уламок шліфованого гранітного молотка (сокири) (рис. 8, 7), пращовий камінь діаметром 2,5 см. та крем'яний скребок невеликого розміру.

Весь підйомний матеріал, за виключенням ольвійської монети і уламку казана, є характерним для поселень басейну р. Тясмин раннього залізного віку. Але площа пам'ятки і кількість залишків споруд відносить його до категорії одного із центральних поселень округи Мотронинського городища. Воно, разом із групою пам'яток в околицях Жаботина [Ляшко, 1992, с. 51—53], становить єдиний, так би мовити «пояс» поселень, який оточував городище в скифську епоху і підтверджує теорію дослідників Мотронинського городища про те, що основна маса будівничих цієї пам'ятки жила за його зовнішніми валами в радіусі 5—10 км [Бессонова, Скорый, 2001, с. 126]. Лише ґрунтовні стаціонарні дослідження нововиявленої пам'ятки зможуть або підтвердити, або заперечити цю теорію.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. — Киев; Краков, 2001. — 157 с.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. — К., 1988. — 166 с.

Ляшко Ю.Ю. Новые поселения скифского времени в районе Жаботина // Киммерийцы и скифы. — Мелитополь, 1992. — С. 112.

Ляшко Ю.Ю. Унікальна знахідка // Матеріали VI районної наук.-практич. конф. «Кам'янка в контексті історії України». — Кам'янка, 2009. — С. 75 (Джерело. — № 6).

Шостопал А.В.. Скарби Черкащини. — Черкаси, 2007. — 118 с.

Ю.Ю. Ляшко

НОВОЕ БОЛЬШОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ОКРЕСНОСТЯХ МОТРОНИНСКОГО ГОРОДИЩА

В 2004 году в окрестностях известного памятника раннего железного века — Мотронинского городища было обнаружено одно из самых больших за площадью поселений (около 100 га), которое относится к скифскому времени.

На поселении собран подъемный материал в виде керамики, металлических изделий и предметов из камня и кости. Его анализ показал, что данное поселение занимало довольно значительную роль среди группы поселений, которые окружали городище в скифскую эпоху, что, в свою очередь, подтверждает теорию исследователей Мотронинского городища относительно поселений-сателитов вокруг этого памятника.

Ключевые слова: скифское время, бассейн р. Тясмин, поселение.

Yu. Yu. Lyashko

NEW LARGE SETTLEMENT NEAR MOTRONINS HILLFORT OF SCYTHIAN PERIOD

In 2004, one of the largest Scythian settlements of the area about 100 hectares was found in the vicinity near famous monument of Early Iron Age — Motronins hillfort.

On the settlement assembled lifting material in the form of ceramics, metal products and objects of stone and bone. His analysis showed that the settlement took a considerable role among group settlements that surrounded the fort in the Scythian Epoch, which, in turn, supports the theory researchers Motronins hillfort regarding settlements — the satellites around this monument.

Keywords: Scythian time, Tyasmin-river basin, settlement.

Одержано 12.02.2017

А.Д. Могилов

РАННЯЯ ГРУППА ПОГРЕБЕНИЙ СВЕТЛОВОДСКОГО МОГИЛЬНИКА

Статья посвящена публикации ранней группы погребений Светловодского могильника, расположенного на юге Днепроградской Правобережной Лесостепи. Захоронения, совершенные в ямах, относятся к среднескифскому времени.

Ключевые слова: скифы, грунтовый могильник, погребальный обряд, Днепроградская Правобережная Лесостепь, вооружение.

Светловодский могильник скифского времени, расположенный у одноименного районного центра Кировоградской обл. Украины, на сегодняшний день является наиболее полно исследованным некрополем с грунтовым обрядом захоронения в Скифии.

Памятник был обнаружен в 1975 г. известным Кировоградским археологом Н.М. Бокий (рис. 1). Многолетними раскопками могильника (11 полевых сезонов), продолжавшимися (с перерывами) с 1975, по 1990 г.¹, здесь открыты 154 грунтовые могилы и еще 5 курганов скифского времени, а также насыпь эпохи бронзы и одно сарматское бескурганное захоронение.

В литературе грунтово-курганный некрополь в Светловодске традиционно фигурирует как памятник IV в. до н. э. [Бокий, 1980; Бокий, Могилов, Панченко, 2013; Бокий, Могилов, 2014; Козир, 2014; Панченко, 2014]. Однако, работы с материалами этого могильника, показывают наличие здесь и более ранних могил среднескифского времени. Речь идет о грунто-

1. В 1975—1986 г. работы возглавляла Н.М. Бокий, руководившая экспедицией сначала Кировоградского краеведческого музея, а в дальнейшем — Кировоградского государственного педагогического института. В 1989—1990 г исследования продолжила ее ученица И.А. Козырь.

вых захоронениях под № 21, 39 и 51, раскопанных соответственно в 1980, 1981 и 1982 гг.

Могила 21 (рис. 2) представляла собой яму прямоугольной формы, с закругленными углами, и была ориентирована с запада, на восток. Ее длина — 2,2, ширина — 1, глубина — 1,8 м. Захоронение ограблено. На глубине 1 м обнаружены разбросанные человеческие кости. *In situ* находились позвоночник, часть грудной клетки и обе ноги (у левой — отсутствует стопа), из чего можно заключить, что костяк лежал в вытянутом положении, головой на запад. Возле левой бедренной и правой берцовой костей были расчищены 2 бронзовых наконечника стрел (1). В захоронении найдены также и остатки ножа (2).

1. Наконечники стрел, бронзовые трехлопастные базисные, с треугольной сводчатой головкой и скрытой втулкой. Их длина — 1,8 и 2,2 см (рис. 5, 1, 2).

2. Железный обломок треугольного в сечении лезвия ножа. Длина 4,5 см (рис. 5, 3).

Могила 39 (рис. 3). Яма прямоугольной формы, с закругленными углами, ориентирована с запада, на восток. Ее длина — 2,05 м, ширина — 0,95 м, глубина — 1,65 м. Захоронение ограблено. Отчетливо виден ход грабителей в восточной части могилы. Были обнаружены остатки деревянного перекрытия и обломки железного предмета. В погребении находилось очень малое количество человеческих костей, которые концентрировались в центре могилы. Черепа в захоронении не выявлено. Возле костей были найдены два бронзовых наконечника стрел (1) и бронзоваяavorворка (2).

1. Два бронзовых, трехлопастных, базисных наконечника стрел со скрытой втулкой и треугольной головкой (рис. 5, 5, 6)

Рис. 1. Н.М. Бокий (в центре) на раскопках Светловодского могильника

2. Ворворка бронзовая, срезано-коническая, со слегка вогнутыми сторонами. Высота 2,9, диаметр 3,5 см (рис. 5, 4).

Могила 51 (рис. 4). Яма — прямоугольной формы, с закругленными углами, ориентирована, с небольшим отклонением, в направлении запад—восток. Ее длина 2,5, ширина — 1,25, глубина — 1,2 м. Погребение ограблено. Частично разрушенный костяк, лежал в вытянутом положении на спине, головой — на запад. *In situ* сохранилась часть грудной клетки, левые лопатка и плечевая кость, а также левая нога и берцовые кости правой ноги. В засыпке могилы найдены: бронзовый наконечник стрелы (1), бронзовая ворворка (2), и, у пальцев левой руки — просверленный кабаньей клык (3).

1. Наконечник стрелы бронзовый, трехлопастный, со скрытой втулкой и треугольной головкой, базисного типа. Длина — 2,4 см (рис. 5, 8).

2. Ворворка бронзовая, усеченно-коническая. Высота 1,3, диаметр верхнего основания — 0,8, нижнего — 1,2 см (рис. 5, 7).

3. Подвеска из клыка вепря. Треугольная в сечении и полая внутри, она имеет на широком конце просверленное отверстие для подвешивания. Поверхность местами заполирована. Длина предмета — 8,8, ширина — до 2,6 см (рис. 5, 9).

Эти погребения, знаменовавшие собой закладку некрополя, были выкопаны на возвышении огромного мысового выступа, при впадении в Днепр небольшой р. Цыбульник, не на пустынной территории. К тому времени здесь уже возвышался массивный курган (№ 6) эпохи бронзы. Восточнее виднелись и другие насыпи предшествующей поры. Можно предполагать, что население скифского времени, хороня своих усопших рядом с могилами более раннего периода, таким образом, заявляло права на эту территорию, легитимизировало свое пребывание здесь. А возможно — и хотело доказать

свое древнее владение этими землями, введя в заблуждение инородцев.

Комплексы среднескифского времени в Светловодске не создавали компактного скопления, хотя и были расположены в юго-восточной части могильника. Все захоронения совершены в прямоугольных, небольших по размерам (по меркам некрополя), *ямах* длиной 2,05—2,5, шириной 0,95—1,25, глубиной 1,2—1,8 м и объемом 3,21—3,96 м³ (средние показатели длины — 2,25, ширины — 1,06, глубины — 1,55 м, объема — 3,64 м³). Ориентировка могил — *широтная* (запад—восток). В одном случае зафиксированы остатки *деревянного перекрытия* ямы. Вероятно, было оно и в других случаях. Все захоронения *одиночные*, судя по сохранившимся костям — *вытянутые*, а по инвентарю — *мужские*. Ориентировка костяков — *западная*. Инвентарь, вследствие ограблений, не многочислен. Во всех случаях были наконечники стрел, в одном случае они зафиксированы у левой ноги костяка. Дважды найдены ворворки. Еще раз — нож. Таким образом, во всех случаях можем говорить только о *погребениях рядовых мужчин-воинов*. Отметим, что такая ситуация считается распространенной для раннего, начального этапа освоения территории этносом [Ольховский, 1991, с. 57]. Учитывая то, что более поздняя и наиболее многочисленная группа погребений IV в. до н. э. в Светловодске многими чертами погребального обряда близка степным скифским погребениям, приведенный выше вывод очень важен. Принимая во внимание, что весь разновременный массив гробниц в некрополе, вероятно, принадлежал одной общине, и отражает разные хронологические этапы ее бытования, мы можем предполагать приход этой племенной группы на юг Правобережной Лесостепи еще в раннее среднескифское время. Это вполне согласуется с идеей продвижения «волн» скифов

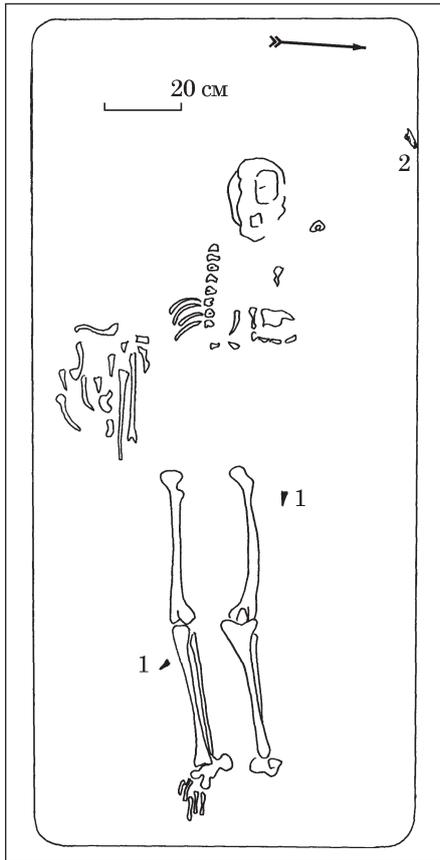

Рис. 2. Могила 21, план

в Лесостепь [Скорый, 2003, с. 73—86], а также — с возможными этническими передвижениями на этапе трансформации раннескифской культуры — в среднескифскую, сопровождавшейся заметными изменениями в материальной культуре [Алексеев, 2003, с. 153—193; Могилы, Діденко, 2009, с. 48—52].

Инвентарный комплекс из могил достаточно скромный, что объясняется еще и их ограбленностью.

Бронзовые наконечники стрел относятся к базисным типам различных пропорций. Все они имеют многочисленные аналогии в памятниках Скифии, и могут быть сопоставлены с наконечниками 2 отдела, 5 типа, вариантов 1, 2 и 5 по классификации А.И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1].

Эти изделия маркируют собой начало среднескифского времени. Любопытно, что встречаются они не только в ранних среднескифских комплексах, но и в переходных погребениях, содержащих некоторые более ранние келермесские элементы. Такие захоронения второй половины VI — первой четверти V вв. до н. э. хорошо известны в разных регионах Скифии. В это время в Лесостепи, например, они найдены в кур-

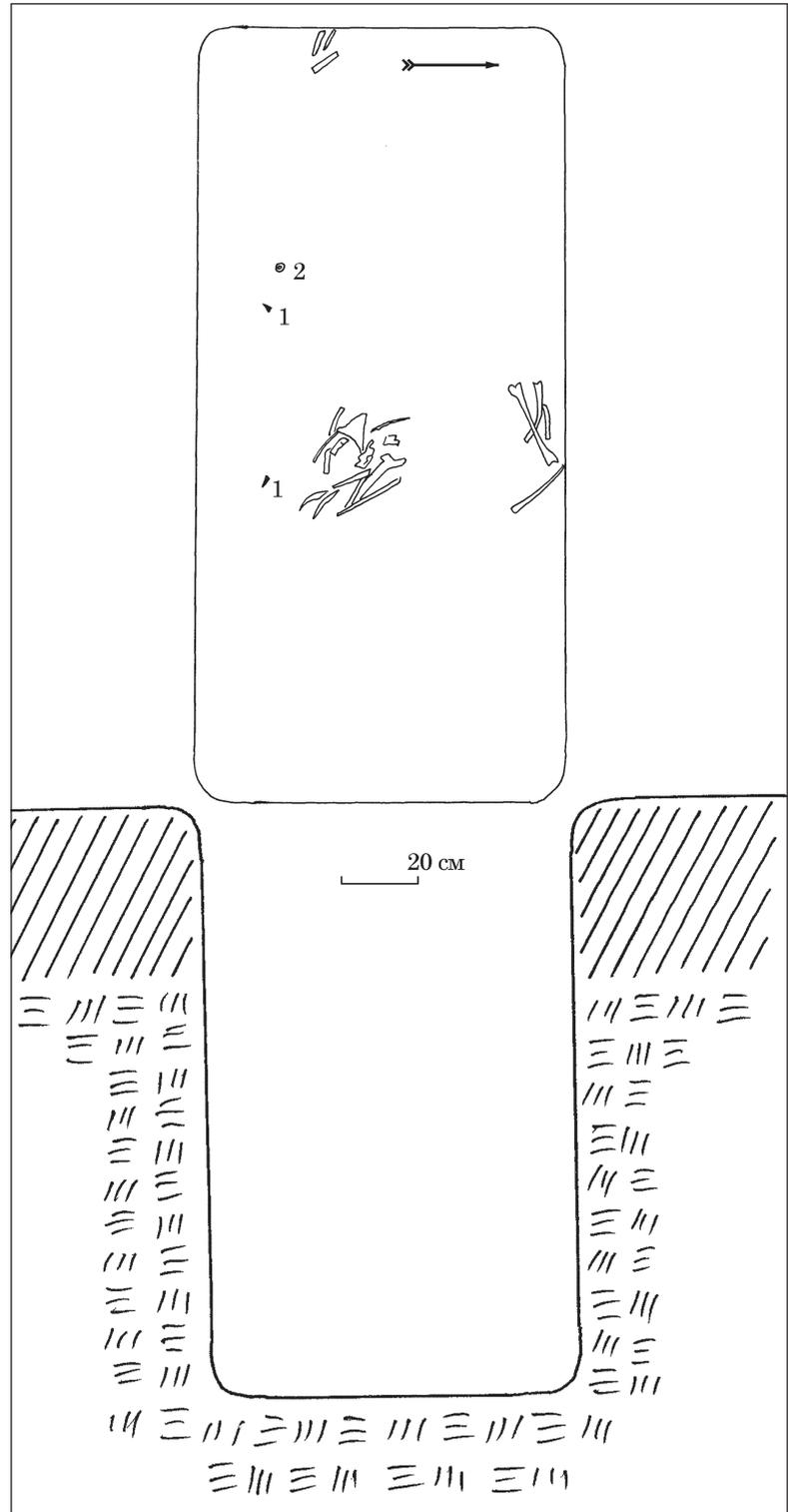

Рис. 3. Могила 39, план

ганах 425 у Кулешовки, 478 у Волковцев, 482 и 483 у Басовки в Посулье [Галанина, 1977, рис. 17, 6—9; 23, 26; 25, 23, 34]. В Правобережье известны предметы в курганах 491 и раскопанном Е.Ф. Покровской — у Макеевки [Галанина, 1977, табл. 11, 26; Покровська, 1957, рис. 2, 12]. Достаточно много предметов происходит из Степи: курганы Золотой, 1 у Херсона [Мелюкова, 1964, табл. 7, в, 3, е, 7], 6 в Александровке [Ко-

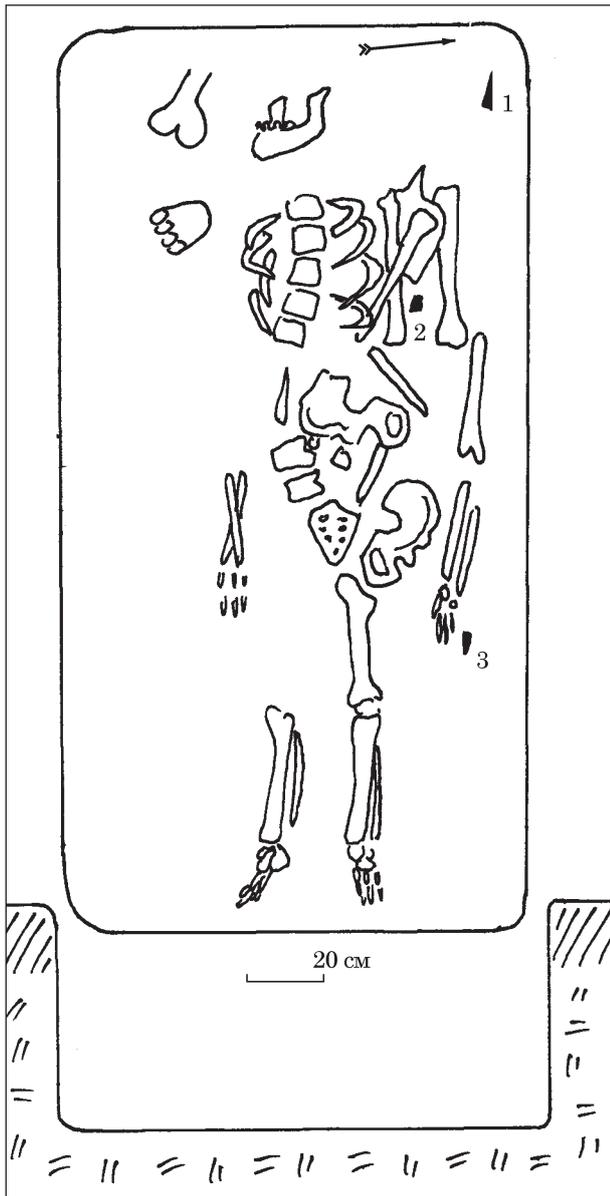

Рис. 4. Могила 51, план

валева, Волкльбой, Костенко, Шалобудов, 1978, рис. 9, 2], около Новокиевки [Евдокимов, Мурзин, 1984, рис. 2, 6], 4 (захоронение 1) возле Ильичево [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, рис. 4, 5], 7 близ Подгородного [Ковалева, Мухопад, 1979, рис. 3, 4], 52 возле Верхнетарасовки [Мурзин, Евдокимов, 1977, рис. 4], 13 (могила 3) недалеко от Владимировки [Колотухин, 2000, рис. 10, 1]. Известны они и в степных грунтовых погребениях: № 49 могильника «Крест» а также 1, 2 и 22 некрополя X у Дугино [Прокофьев, 2014, рис. 37, 5; 74, 22, 47; 80, 43]. Еще один наконечник происходит из могилы 91 (1913 г.) некрополя Ольвии [Скуднева, 1960, рис. 6, 1].

Во второй—четвертой четвертях V в. до н. э. господство в колчаных наборах переходит к наконечникам с треугольной головкой и выступающей втулкой. Однако, базисные наконечники все же иногда продолжают встречаться.

В Лесостепи они происходят из курганов 401 у Журовки [Мелюкова, 1964, табл. 7, г, 2], 1 (погребение 1) возле Яснозорья [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, рис. 2, 19]. В Степи в это время они известны из насыпи 4 (гробница 5) у Никольского [Агульников, Сава, 2004, рис. 20, 12], погребения у Рыбного [Яковенко, 1980, рис. 2, 1]. Встречены такие предметы и на лесостепных городищах: Шарповском [Фабрициус, 1949, табл. VI, 21], Восточном укреплении Бельского городища [Шрамко, 1987, рис. 17, 30]. Как исключение, базисные наконечники иногда встречаются даже в IV в. до н. э.

Ворворки в погребения наиболее часто фиксируются в составе узды [Могилов, 2008, с. 73—81]. Однако, в упомянутых светловодских захоронениях никакие детали узды не упоминаются. Нельзя исключать, что ворворки выступали здесь деталью костюма. Они относятся к следующим разновидностям.

Срезанокопическая бронзовая ворворка с вогнутыми боками из гробницы 39. Она может быть отнесена I подклассу, 1 отделу, 1 типу [Могилов, 2008, с. 74, 75].

Изделия этого типа относятся к наиболее многочисленным разновидностям. Аналогии им хорошо известны из разных регионов Скифии. В Правобережной Лесостепи они происходят из курганов 398, 400, 408, у Журовки [Бобринской, 1905, с. 6, 7, 14, 16, 27, 35], возле Омельника [Боккий, 1971, рис. 1, 5], 4 около Берестняг [Бобринской, 1901, с. 96, фиг. 47, 48], 3 и 4 близ Стеблева [Скорый, 1997, рис. 22, 10—12; 26, 2; 43, 9]. В Левобережной Лесостепи они найдены под насыпями 13, 21—23 Перещепинского могильника в Бельске [Мурзин и др., 1999, рис. 16, 2, 3, 8; 2002, рис. 46, 13; 49, 3—6; Ролле и др., 2003, рис. 3, 9], 13 у Мачех [Ковпаненко, 1970, рис. 4, 4], 13 возле Олещирицы [Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11, 2], в Старшей Могиле, курганах 3 и 20 в уроч. Стайкин Верх около Аксютинцев [Ильинская, 1968, табл. V, 10; VII, 7, 8, 16; XI, 34] и др.

Не редки они и в Степной Скифии: курганы IV Испанова Могила [Мозолевский, 1980, рис. 83, 7], у Ковалевки [Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1, 9], 1 группы Подгородное X [Ковалева, Мухопад, 1979, рис. 2, 12], 7 возле Колосков [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 42], 48 Акташского могильника [Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6, 7, 8]. Встречаются они на Северном Кавказе: насыпи 15 Нарганского могильника [Батчаев, 1985, табл. 39, 47], 52 в уроч. Клады, [Габуев, Эрлих, 2001, рис. 3, 4—8], 5 у Гойты [Марковин, 1965, рис. 4, 8].

Хотя прототипы этой форме известны еще в предскифское время, абсолютное большинство находок датируется среднескифским периодом [Могилов, 2008, с. 75, рис. 141; 142, 1—43].

Срезанокопическая бронзовая ворворка, найденная в могиле 51, может быть отнесена I подклассу, 1 отделу, 3 типу [Могилов, 2008, с. 75, 76].

Аналогии ей известны, прежде всего, из Украинской Приднепровской Лесостепи: курганы 1

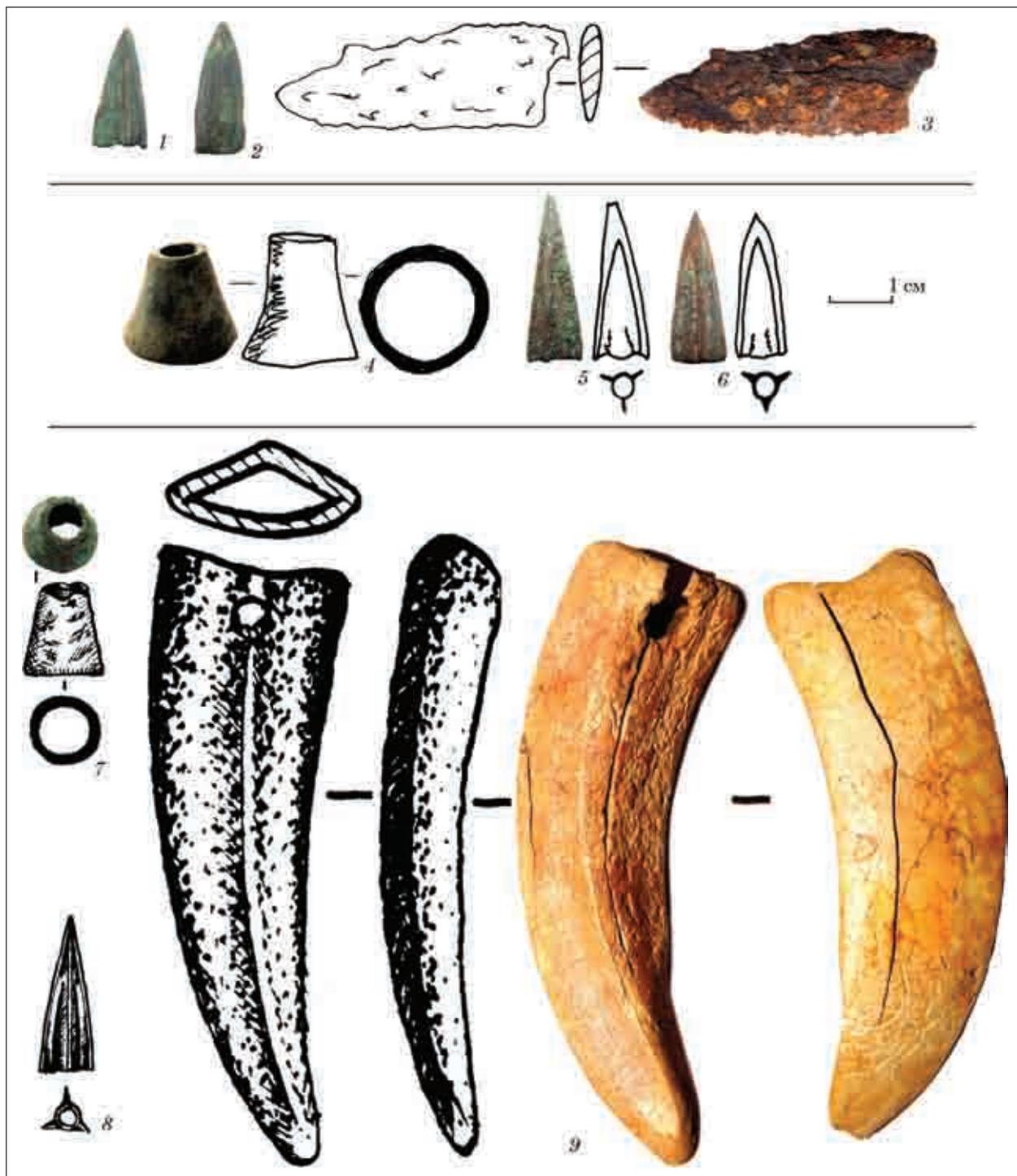

Рис. 5. Находки из могил 21 (1—3), 39 (4—6), 51 (7—9). 1, 2, 4—8 — бронза; 3 — железо; 9 — кость

(1886 р.) возле Аксютинцев [Ильинская, 1968, табл. XVII, 10], 499 у Басовки, [Галанина, 1977, табл. 26, 6], 502 под Броварками [Галанина, 1977, табл. 28, 6], 19 (погребение 1) могильника Куцьеваха [Бойко, Берестнев, 2001, рис. 41, 2], 7 в Скороборе [Шрамко, 1994, рис. 6, 13], 2 группы 1 у Малой Rogozianki [Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 34, 2, 3]. Встречаются они и в Степной Скифии: V Ак-Бурунский курган [Яковенко, 1970, рис. 22, 3], насыпь 2 возле Петровки [Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, рис. 3, 2].

Подобные находки появляются в конце келермесского периода, но время наибольшего распространения приходится на среднескифскую эпоху. Некоторые предметы встречаются и в IV в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 76, рис. 142, 45—55; 143, 1—18]. Ворворка из Светловодска подтверждает такую тенденцию.

Подвеска из клыка вепря, по типологии украшений Е.М. Алексеевой, может быть отнесена к варианту «а» типа 38 костяных привесок, включающих клыки волка и кабана. Исследова-

тельница датировала такие предметы IV в. до н. э. — II в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 32]. Часто подобные вещи использовались и в узде. Они характерны для всего скифского периода [Могиллов, 2008, с. 84]. Эти изделия хорошо известны на Днепровском Левобережье: курганы 1 в уроч. Солодке [Альбом, № 1670—1673], 1 и 2 (1886 г.) у Аксютинцев, 482 и 497 под Басовкой, 2 (1886 г.) у Волковцев [Ильинская, 1968, табл. VII, 17; XIX, 5; XXVII, 45; XXXIV, Ю 12; Галанина, 1977, рис. 25, 5].

Не составляют они редкость и в Правобережье: курганы 403, 422, 432 в Журовке, 478 возле Капитановки [Бобринский, 1905, с. 22; 1905а, с. 83; 1910, с. 57; Ильинская, 1975, рис. 14, 2], поселение в Долинянах [Смирнова, 1981, рис. 8, 4].

Хронология приведенных светловодских могил может быть установлена на основании присутствующих в них базисных бронзовых наконечников стрел раннего среднескифского времени. Аналогичным происходят из комплексов второй половины VI — первой четверти V вв. до н. э. Этим же временем могут датироваться и упомянутые погребения Светловодского могильника. Иной материал из этих комплексов не противоречит такой дате.

Проводя социальную атрибуцию упомянутых погребенных, стоит предполагать их принадлежность рядовым членам проживающей здесь не богатой общины.

В Европейской Скифии, где доминирующим считается курганный обряд погребений, среднескифские грунтовые комплексы не так уж и часты. По времени со Светловодским могильником могут быть сопоставлены несколько комплексов из более северных районов Днепровской Правобережной Лесостепи. Здесь грунтовый обряд погребения имеет предскифские корни и существует весь скифский период. Так, захоронение 256 Пироговского могильника на Киевщине сопровождалось горшком с защипами по венчику. Такие сосуды становятся господствующим типом с началом среднескифского времени. В этой же могиле была и гвоздевидная булава с орнаментом в верхней части стержня, находящаяся параллели в раннескифских комплексах [Кубишев, Скиба, Скорий, 1995, с. 104]. Таким образом, это захоронение хронологически может быть отнесено к памятникам со смешанными раннескифскими и среднескифскими чертами или же с ранними среднескифскими захоронениями второй половины VI в. до н. э. Вместе с этим, стоит сказать, что пироговское погребение кардинально отличается от светловодских по обряду. Оно представляет собой трупосождение в урне.

В грунтовом некрополе в Грищенцах в Поросье доминируют вытянутые трупоположения на спине в ямах. Хотя известны и несколько кремаций и полускорченных костяков [Петренко, 1962]. Интересно захоронение в могиле 16,

сопровождавшееся самосским кольцевидным аском, имеющим аналогии в ольвийских комплексах третьей трети VI — первой четверти V вв. до н. э. (наиболее часто — около 610—600 гг. до н. э.) [Скуднова, 1988]. Подобный сосуд из Афинской агоры датируется 520—490 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 171; 1970a, 1752]. К среднескифскому времени может быть отнесено и трупоположение в могиле 7, сопровождавшееся бронзовыми ворворками и бляхой в виде головы грифона. Последнюю, по реалистичности изображения, В.Г. Петренко сопоставляет с более ранними среднескифскими образцами [Петренко, 1962а, с. 54—56]. Вероятно, к V в. до н. э. относятся и некоторые другие захоронения из Грищенцев, но скромный инвентарь, или отсутствие его вовсе, не дают возможности для «узких» датировок.

Примечательно, что ряд грунтовых комплексов среднескифского периода известен и в Степной Скифии. Скопление таких захоронений расположено в Нижнем Поднепровье. Так, из скифского захоронения у балки Ушвиной на о. Хортица происходит колчанный набор, где преобладают трехлопастные стрелы с треугольной головкой и выступающей втулкой, но есть и несколько базисных, что, вероятно, указывает на вторую—третью четверти V в. до н. э. Похожее сочитание видим в могиле 18 (1966 г.) I Благовещенского могильника [Попандопуло, 2012, рис. 1, 4]. Базисные наконечники стрел относят к раннему среднескифскому времени погребение на о. Дубовой [Яценко, 1959, с. 4; Остапенко, 2007, с. 148, рис. 8, 2]. У Приднепровки раскопано погребение, в отношении которого не ясно, было ли оно грунтовым, или когда-то все же имело насыпь. Колчанный набор отсюда включает и среднескифские, и раннескифские образцы [Бодянский, 1972, с. 95—97]. Это позволяет относить захоронение ко второй половине VI в. до н. э.

V в. до н. э. датируются комплексы 5, 6 и 8 Михайловского могильника. Это подтверждают типы трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой, а также меч с антенным навершием [Лагодовская, Сыманович, 1973, с. 236—241]. Все указанные захоронения были совершены в овальных или прямоугольных ямах с каменными закладами, вообще характерными для грунтовых некрополей Припорожья [Остапенко, 2007, с. 155—157]. Трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой были в катакомбе 54 могильника Скельки, относящейся к I типу [Попандопуло, 2011, с. 61—63]. Свинцовое прясло из комплекса, имеющее параллели в погребениях позднескифского времени, возможно уточняет их дату около конца V в. до н. э.

Безкурганные могильники, раскопанные недавно в дельте Дона [Копылов, 2009, рис. 5; Прокофьев, 2014], убедительно свидетельствуют о существовании в Нижнем Подонье грун-

тогового обряда погребения на протяжении всего скифского периода (с келермесского времени, до самого финала эпохи). Есть там и комплексы интересующего нас времени. В частности, в захоронениях 49 могильника Крест и 1, 4, 22, 26 некрополя X у хут. Дугино преобладали базисные наконечники. Но среди них встречались и келермесские образцы [Прокофьев, 2014, с. 79, 171, 197, 203], что находит параллели среди комплексов второй половины VI в. до н. э. Захоронения 7, 8, 30, 51 некрополя X содержали бронзовые наконечники с треугольной (иногда — утяжеленной) головкой и выступающей втулкой, относящиеся к второй—четвертой четвертям V в. до н. э., или же железные трехлопастные острия остролистой, треугольной, ассиметрично-ромбической форм [Прокофьев, 2014, с. 179, 183, 207, 221]. Упомянутую датировку в ряде случаев подтверждают античные амфоры производства Хиоса, относящиеся соответственно к третьей и четвертой четвертям V в. до н. э. А также амфора Менды четвертой четверти V в. до н. э.

Таким образом, накопление материала, расширение базы источников, позволяет сегодня уверенно говорить о существовании грунтовых некрополей на протяжении всей скифской эпохи не только в Восточноевропейской Лесостепи, но и в Степной Скифии.

Агульников С., Сава Е. Исследования курганов на Левобережье Днестра. — Кишинэу, 2004. — 244 с.
 Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. — СПб, 2003. — 416 с.
 Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1982. — 105 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
 Альбом фотографий планшетов коллекций Д.Я. Самоквасова, хранящийся в кабинете археологии Московского университета.
 Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (Северскодонецкий вариант). — К., 2000. — 236 с.
 Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1985. — С. 7—115.
 Бессонова С.С., Скорый С.А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. — 1986. — № 4. — С. 158—169.
 Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб, 1901. — Т. III. — 171 с.
 Бобринской А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Черкасском уезде Киевской губернии // ИАК. — 1905. — № 14. — С. 1—43.
 Бобринской А.А. Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) // ИАК. — 1905а. — № 17. — С. 17—98.
 Бодянский О.В. Скифське поховання поблизу Запоріжжя // Археологія. — 1972. — Вип. 7. — С. 95—97.
 Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII—III вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). — Харьков, 2001. — 142 с.

Бокій Н.М. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году // АИУ 1968 г. — 1971. — Вып. 3. — С. 154—159.
 Бокій Н.М. Позднескифский безкурганый могильник у г. Светловодска // АИУ в 1978—1979 гг.: Тезисы докл. XVIII конф. ИА АН УССР. — Днепропетровск, 1980. — С. 101.
 Бокій Н.М., Могилев А.Д. Открытие Светловодского могильника // АДІУ. — 2015. — Вип. 2 (15). — С. 253—264.
 Бокій Н.М., Могилев О.Д., Панченко К.І. Колективне поховання скіфського часу в Лисостеповому Правобережному Подніпров'ї // Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я. — Кам'янець-Подільський, 2013. — С. 17—24.
 Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца // СА. — 1989. — № 1. — С. 170—177.
 Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. — М., 2001. — С. 112—125.
 Галанина Л.К. Скифские древности Приднепровья. — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1-33).
 Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю. Раннескифское погребение с оружием в Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 75—82.
 Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 203 с.
 Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 223 с.
 Ковалева И.Ф., Волковой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). — Днепропетровск, 1978. — С. 4—31.
 Ковалева И.Ф., Мухомад С.Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Курганные древности Степного Поднепровья III — I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3. — С. 111—123.
 Ковпаненко Г.Т. Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині (за матеріалами М.Я. Рудинського) // Археологія. — 1970. — Т. XXIV. — С. 146—169.
 Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые курганы раннего железного века в Поросье // Древности скифов. — К., 1994. — С. 41—62.
 Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. — К., 1978. — С. 133—150.
 Козир І.А. Ритуальне поховання 145 з грунтового могильника поблизу м. Світловодськ Кіровоградської області // Феномен Більського городища. — Полтава, 2014. — С. 61—64.
 Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганное погребение Степного Крыма начала железного века): Материалы по археологии Крыма. — Симферополь, 2000. — 120 с.
 Копылов В.П. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII — первая треть III в. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. — Ростов-на-Дону, 2009. — С. 28—38.
 Кубишев А.І., Скиба Л.С., Скорий С.А. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника // Археологія. — 1995. — № 1. — С. 100—111.
 Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — Полтава; Москва, 1993. — 107 с.

- Лагодовская Е.Ф., Сымонович Э.А. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре // Скифские древности. — К., 1973. — С. 235—242.
- Марковин В.И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. — 1965. — № 2. — С. 160—173.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1-4).
- Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Могилев О.Д., Діденко С.В. Скіфський курган 448 біля с. Журовка — пам'ятка перехідного часу в Потясминні // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 45—55.
- Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—155.
- Мурзин В.Ю., Евдокимов Г.Л. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовки // Курганы юга Днепропетровщины. — К., 1977. — С. 56—59.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. — К., 1999. — 60 с.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г. — К., 2002. — 87 с.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. — Симферополь, 1990. — 128 с.
- Остапенко М.А. Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России. — Москва; Киев; Запорожье, 2007. — С. 143—179.
- Панченко К.І. Поховання скіфського часу з ґрунтового могильника біля с. Заломі Кіровоградської області // АДІУ. — 2016. — Вип. 19. — 237—240.
- Петренко В.Г. Могильник скифского времени у с. Грищенцы // МИА. — 1962. — № 113. — С. 142—151.
- Петренко В.Г. Бронзовая бляха с головой грифона // КСИА АН СССР. — 1962а. — Вып. 89. — С. 54—56.
- Покровська Є.Ф. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу Шполи // Археологія. — 1957. — Т. IX. — С. 148—153.
- Попандоуло З.Х. Скифский ґрунтовый могильник Скельки. — Запорожье, 2011. — 115 с.
- Попандоуло З.Х. Благовещенский I ґрунтовый могильник (по материалам исследований А.В. Бодянского) // Музейний вісник. — 2012. — № 12. — С. 63—72.
- Прокофьев Р.В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. — Ростов-на-Дону, 2014. — 398 с.
- Ролле Р., Герц В., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г. — К., 2003. — 86 с.
- Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Порожье. — К., 1997. — 173 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепропетровской Правобережной Лесостепи. — К., 2003. — 161 с.
- Скюднова В.М. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. — 1960. — Т. 1 (34). — С. 60—74.
- Скюднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. — Л., 1988. — 183 с.
- Смирнова Г.И. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.) // АСГЭ. — 1981. — Вып. 22. — С. 40—61.
- Фабрициус И. Тясминська експедиція // АП УРСР. — 1949. — Т. II. — С. 80—111.
- Шрамко Б.А. Розкопки курганів VII—IV ст. до н. е. поблизу Більська // Археологія. — 1994. — № 4. — С. 117—133.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.
- Яковенко Э.В. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА АН СССР. — 1970. — Вып. 124. — С. 54—60.
- Яковенко Э.В. Нові досягнення боспорознавства і проблема скіфів Східного Криму // Археологія. — 1980. — № 33. — С. 46—52.
- Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. — К., 1970. — С. 136—179.
- Яценко И.В. Скифия VII—V вв. до н. э. — М., 1959. — 118 с. (Тр. ГИМ. — Вып. 36.)
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. — New Jersey, 1970. — 382 p. (The Athenian Agora. — Vol. XII, Part 1).
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the the 6th, 5th and 4th centuries BC. — New Jersey, 1970a. — P. 383—472 (The Athenian Agora. — Vol. XII, Part 2).

О.Д. Могилев

РАННЯ ГРУПА ПОХОВАНЬ СВІТЛОВОДСЬКОГО МОГИЛЬНИКА

Стаття присвячена розгляду ранньої групи захоронень Світловодського могильника, розташованого на півдні Дніпровського Лісостепоного Правобережжя. Могили — ґрунтові. Поховання чоловіків здійснені у витягнутому положенні, в прямокутних ямах. Вони супроводжувались наконечниками стріл, ворворками, ножом та привіскою. Комплекси датуються другою половиною VI — першою чвертю V ст. до н. е. Вони належать рядовим представникам місцевої не заможної общини.

Ключові слова: скіфи, ґрунтовий могильник, поховальний обряд, Дніпровський Правобережний Лісостеп, озброєння.

О.Д. Mogylov

THE EARLY GROUP BURIALS OF THE SVITLOVODSK CEMETERY

The article devoted to the early group Svitlovodsk burial graves, which located in the south offorest-steppe of the Right Bank Dnieper. The burials are ditch graves. The burial men lying in a stretched position, in rectangular pits. They were accompanied by arrowheads, vorvorks, knife and earrings. The complexes dating from the second half 6 — first quarter of 5 BC. They are ordinary member of the local, not wealthy community.

Keywords: Scythians, cemetery, funeral ceremony, Dnipro Right Bank Forest-Steppe, weapons.

Одержано 28.02.2017

В.Н. Окатенко, С.А. Скорый

СКИФСКИЙ КУРГАН «ТУРЕЦКАЯ МОГИЛА» В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Публикуются результаты исследований достаточно крупного кургана скифской эпохи, располагавшегося на окраине г. Харьков, содержащего два захоронения. Одно из них, по всей видимости, относится к концу VI в. до н. э., другое — к концу V в. до н. э. Дан тщательный анализ устройства насыпи, содержащей важные конструктивные элементы, погребальных сооружений, сохранившегося вещевого набора.

Ключевые слова: курган, скифская эпоха, бассейн Северского Донца.

Исследования курганов скифской эпохи, имеющих насыпи относительно больших размеров (высотой не менее 4,0 м), в ареале украинской Лесостепи осуществляются в последние десятилетия крайне редко. К числу таковых относятся 3 погребальных памятника, раскопанные в Днепровском Лесостепном Правобережье. Два из них в Черкасской обл.: Большой Рыжановский курган первой трети III в. до н. э. близ с. Рыжановка (высота 4,7, диаметр 42 м; раскопки 1995—1998 гг.) и курган Скифская Могила второй половины V в. до н. э., вблизи Мотронинского городища скифского времени (высота 8,0, диаметр более 50 м; раскопки 2000—2002 гг.) [Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj, 1996; Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski, 1997; Скорый, Хохоровски, 2005—2009]. По совершенно достоверным сведениям первый из упомянутых курганов еще в 1880-х гг. имел высоту 7,0, а второй, учитывая сохранившиеся размеры, в скифскую эпоху имел высоту не менее 10 м. Останец третьего, весьма крупного кургана у с. Иванковичи (высота до 10 м и реконструируемый диаметр 60—70 м), относящийся к концу VII — началу VI вв. до н. э. был

© В.Н. ОКАТЕНКО, С.А. СКОРЫЙ, 2017

исследован на Киевщине в 1994 г. [Скорый, Солтыс, Белан, 2001].

Подчеркнем, что изучение подобных курганов, относящихся, несомненно, к кругу аристократических, имеет чрезвычайное значение для понимания ряда важных вопросов скифской истории.

В связи с этим, бесспорно, заслуживают внимания результаты недавних раскопок достаточно крупного кургана скифской поры, что находился на северо-восточной окраине г. Харьков (бассейн р. Северский Донец, Днепровское Левобережье), носящего в народной традиции наименование Турецкая Могила¹.

Памятник был расположен на вершине водораздела между р. Харьков и ее притоком, в районе современной застройки «Бугор» (земли бывшего пос. Большая Даниловка) Циркуновского сельсовета Харьковского р-на (рис. 1, 1). Точные ориентиры и фотоматериалы Турецкой Могилы были получены с помощью навигационного прибора беспилотного летательного аппарата «Inspire 1» (камера X-5) и GPS приемника «MagellaneXplorerGC».

1. Охранные исследования были осуществлены в июне 2016 г. экспедицией ДП ОАСУ ИА НАН Украины «Слобожанская археологическая служба» под руководством В.Н. Окатенко. Консультант экспедиции — проф. С.А. Скорый. В работах принимали участие сотрудники «Слобожанской археологической службы» А.М. Голубев, к. и. н. И.В. Голубева, сотрудник отдела Археологический музей ИА НАН Украины к. и. н. А.В. Корохина, оператор беспилотного летательного аппарата Д.В. Следюк, студенты харьковских ВУЗов и волонтеры. В связи с приватизацией земель данному памятнику грозило полное уничтожение. Поэтому авторы раскопок выражают искреннюю благодарность за финансовую поддержку экспедиции меценату О.О. Лизенко.

Рис. 1. Местоположение кургана Турецкая Могила: 1 — географическая карта 1 : 50000 (1949 г.); 2 — немецкая аэрофотосъемка (1943 г.); 3 — снимок в составе курганной группы (Google, 2016)

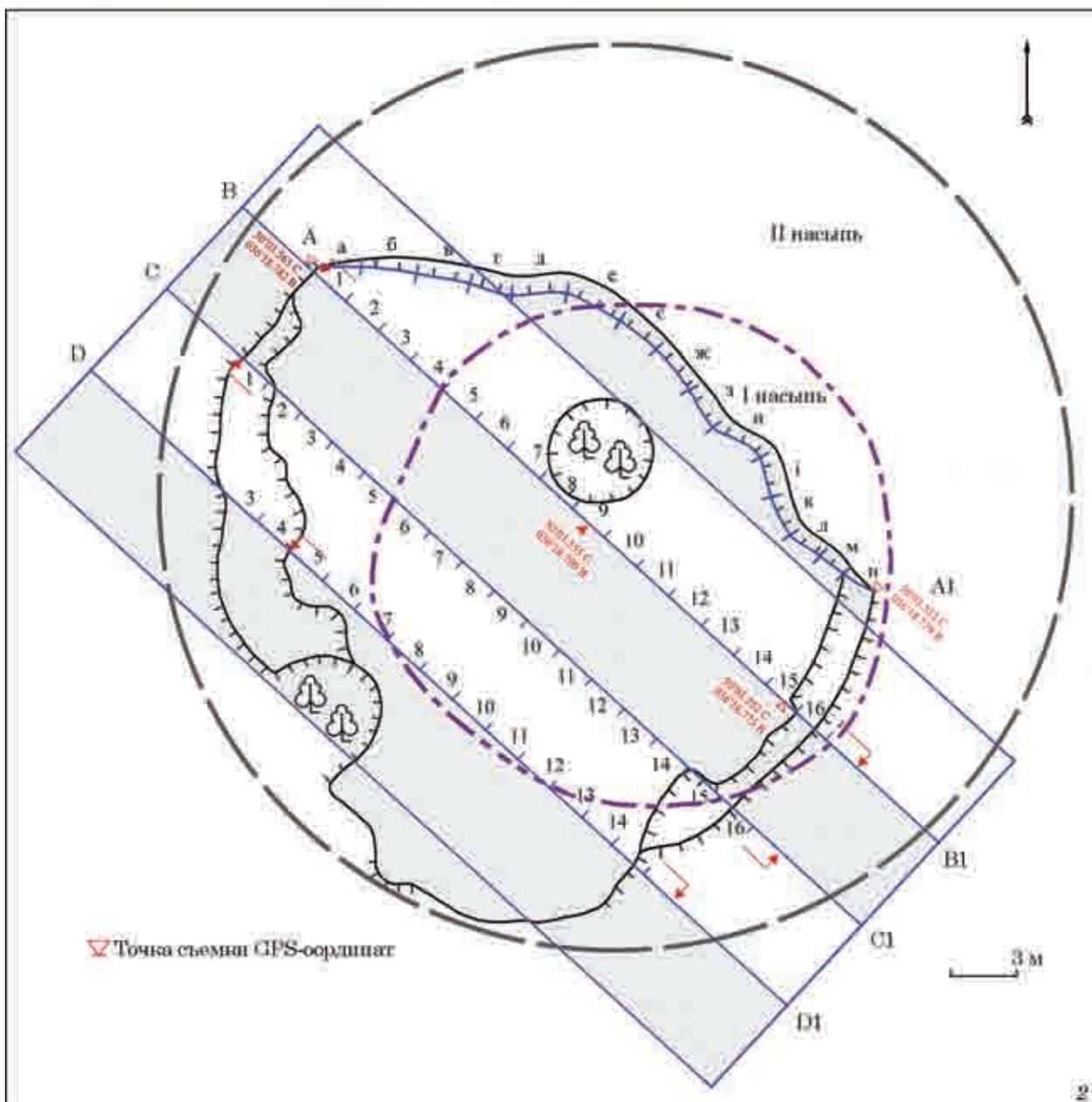
К моменту исследования кургана его насыпь была основательно разрушена владельцами близлежащих земельных участков, с помощью экскаватора, по сути, на треть, особенно с восточной стороны, и достигала в центральной части высоты около 4,0, при диаметре 40 м (рис. 2; 3). Следует также добавить, что верхушка насыпи была повреждена какой-то поздней, округлой в плане ямой, возможно, грабительской, и некогда установленным на самой высокой точке кургана триангуляционным знаком. К тому

же, на начальной фазе работ, в районе вершины Турецкой Могилы фиксировались находки патронов времени Великой Отечественной войны, что также не исключает нарушение поверхности насыпи какими-либо сооружениями упомянутого времени, типа окопов или стрелковых ячеек. При этом любопытно, что на топографической карте 1949 г. высота кургана обозначена 4,4 м.

Примечательно следующее: в 2005 г. рядом с Турецкой Могилой фиксировалась еще одна,

Рис. 3. Сохранность кургана к моменту исследования: 1 — фото спутниковой съемки (Google, 2016); 2 — план кургана

лежат на уровне ДГ, при этом они весьма различны по мощности (рис. 5, 2; 6, 2 — вклейка; 9, 2, 3). Ширина одной из них до 2,0 при высоте до 0,5 м, другая отличается еще меньшими размерами: ширина до 1,0, при высоте до 0,3 м. Столь незначительный по объему материковый выкид, несомненно, указывает на то, что основная могила не отличалась размерами. К

слову сказать, это наблюдение подтверждается двумя иными показателями: краем очень небольшого темного пятна могильной ямы основного погребения, примыкающего с СВ к пятну впускной могилы (рис. 9, 1; 13; 15) и — укажем, несколько забегая вперед — небольшим, неглубоким корытообразным углублением — краем основной могилы, отмеченным в торцевой се-

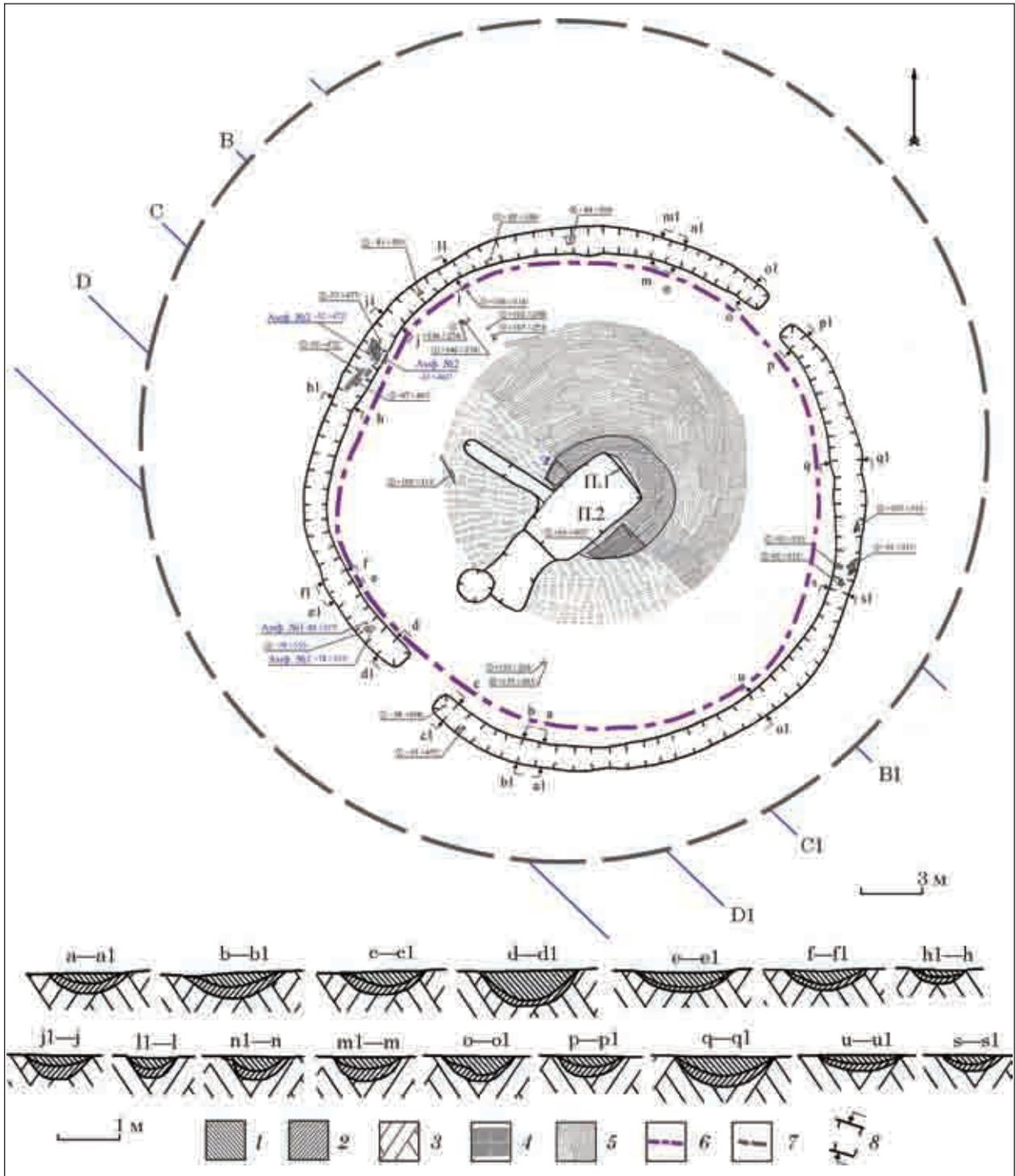

Рис. 4. Общий план Турецкой Могилы по материалам раскопок с профилями рва на различных участках: 1 — плотный темно-серый слой; 2 — слой, перемешанный с глиной; 3 — материк; 4 — дерево на материковом выкиде; 5 — площадка, покрытая деревянными плахами; 6 — контуры первой насыпи; 7 — контуры второй насыпи; 8 — места и направления стратиграфических разрезов

Рис. 8. Етап дослідження кургана: 1 — профіль В1—В з глиняним викидом і обмазкою-крепидою участка другої насыпи (на передньому плані — участок рва з заповненням); 2, 3 — частки глиняної обмазки-крепиди другої насыпи

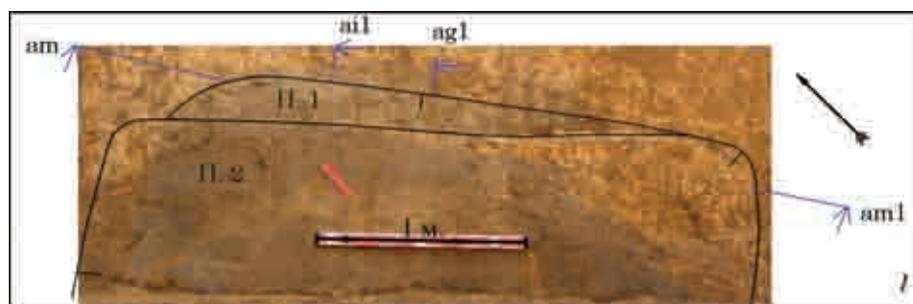

Рис. 9. Планиграфічні та стратиграфічні деталі кургана: 1 — яма погребеній 1 (основного) і № 2 (впускного); 2 — линзи материкового викида основного погребенія; 3 — велика линза названого викида со слідами обкладки дошками; 4 — сліди дерева на участку площадки вокруг основної могили

Рис. 10. Курган в процессе раскопок: 1 — в горизонтальной плоскости участок рва до расчистки (в профиле С—С1 видна светлая первая насыпь); 2 — в горизонтальной плоскости участок рва после расчистки (в профиле С—С1 виден выкид и глиняная обломка-крепида второй насыпи); 3 — участок входной ямы впускной гробницы, заполненной материковой глиной. Вид с ЮЗ

веро-восточной стенке обширной впускной могилы. Судя по нему, глубина основной могилы была не менее 1,10 м от уровня ДГ, судить же об иных размерах этой могилы невозможно. Ориентирована основная могила, скорее всего, была по оси ЮЗ—СВ, соответственно расположению перемычек кольцевого рва.

Материковый выкид основной могилы был обложен дубовыми отесанными досками, следы которых отчетливо присутствовали на поверхности выкида¹ (рис. 9, 3). Они имели примерно

1. Определение породы дерева здесь и далее осуществлено А.И. Поповым, инженером 1-й категории ботанического сада Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

одну ширину — до 10 см. К выкиду, вероятно, по всему периметру, примыкала деревянная вымостка очень плохой сохранности (фиксируемая в основном тленом) (рис. 9, 4), реконструируемый диаметр которой до 15,5 м. Наиболее выразительно сохранился значительный ее участок в северо-восточной половине подкурганной поверхности. В остальных местах вымостка была разрушена при сооружении впускного погребения (рис. 4). Практически по всей открытой площади вымостки встречались следы горения.

Датировать основное захоронение сложно, поскольку предметы погребального инвентаря из самой могилы не сохранились. Тем не менее,

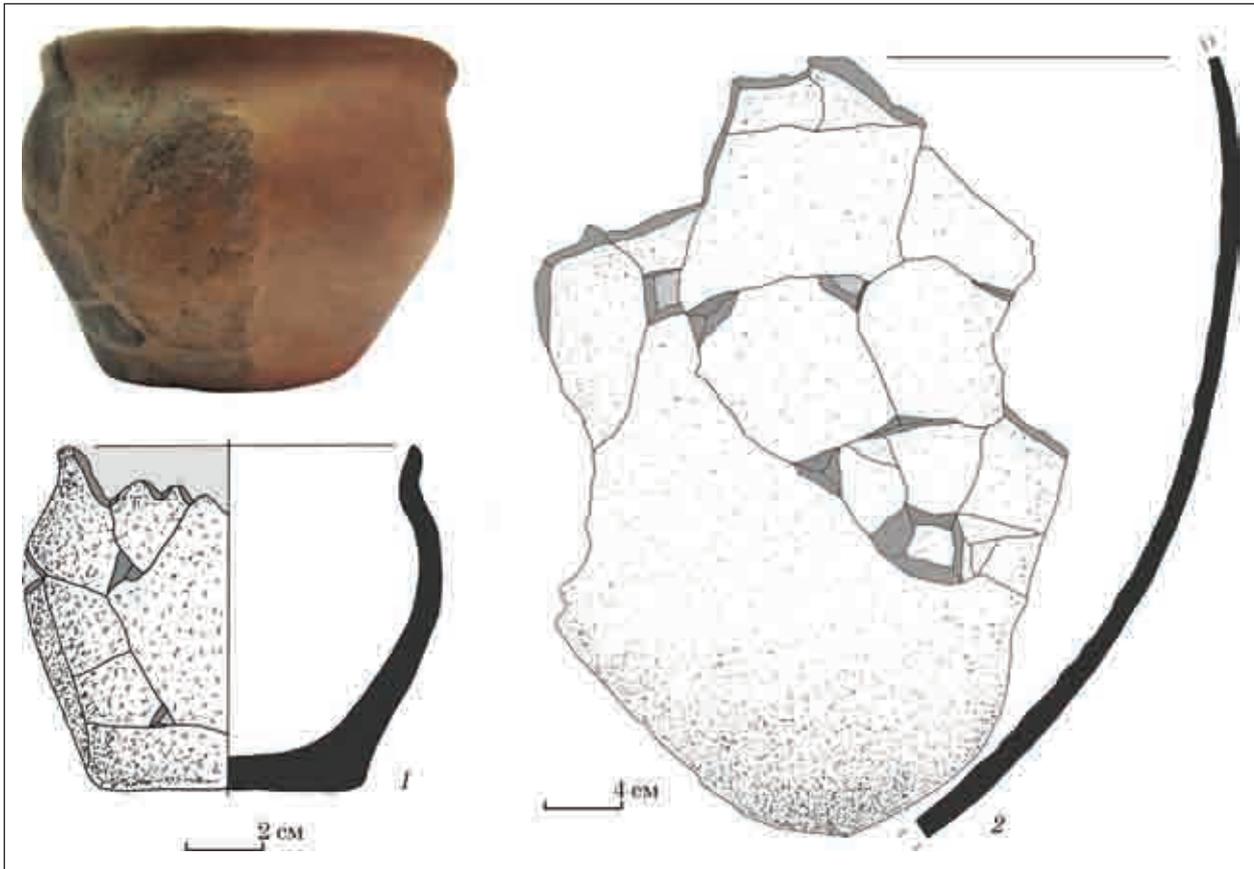

Рис. 11. Находки из нижнего заполнения рва, относящиеся к основной могиле: 1 — лепной горшок; 2 — часть тулова античной амфоры

во рву, в нижней части заполнения, на небольшом затеке, обнаружены фрагменты двух сосудов — остатки тризны (рис. 11, 1, 2), которые, несомненно, связаны с этим захоронением (рис. 21, 1). В некоторых местах нижнего заполнения рва, иногда до глубины 0,90—0,91 м, вблизи фрагментов амфоры, также встречались отдельные плохо сохранившиеся кости коровы и лошади.

Оба фрагментированные сосуда залежали примерно на одном уровне: лепной горшок — на глубине 0,84, части тулова амфоры — на глубине 0,78—0,80 м от уровня ДГ.

Описание находок из нижнего заполнения рва.

1. *Горшок*, лепной, фрагментированный. Сохранился в нескольких фрагментах, реставрирован. Это приземистый сосуд, с широким устьем, коротким венчиком и дном без закраины. Его поверхность серая, слегка подлощена. Высота горшка — 9,0, диаметр донца — 7,0, максимальный диаметр тулова — 11,0 и диаметр венчика — 9,4 см (рис. 11, 1).

Подобные сосуды, на первый взгляд, не дают узкой даты: в керамическом комплексе Днепро-вского Лесостепного Левобережья они встречаются в памятниках VII—IV вв. до н. э. Но есть два обстоятельства, которые, похоже, говорят в пользу относительно раннего характера этой находки. Во-первых, отсутствие на дне

сосуда — закраины, что свойственно в первую очередь для сосудов архаических, VII—VI вв. до н. э., на что в свое время обратил внимание В.П. Белозор, имея дело с массовым керамическим материалом зольников в уроч. Царина на Бельском городище [Белозор, 2002, с. 53]. Во-вторых, подлощенность внешней поверхности сосуда, что также присуще горшкам относительно раннего времени.

Наиболее близкими по форме и размерам сосуду из Турецкой Могилы в ареале Днепро-вского Лесостепного Левобережья являются, к примеру, горшки из курганов 3 и 13 у с. Поповка, кургана у с. Будки (Посулье), дата которых не выходит за пределы VI в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 192, 194, табл. LI, 5; LXII, 4]¹.

2. Часть тулова довольно большой, *пифоидной амфоры*. Восстановлена из нескольких фрагментов. Реконструируемый максимальный диаметр тулова 40 см. Черепок оранже-

1. Благодарим специалиста в области изучения лепной керамики скифской поры в украинской Лесостепи, старшего научного сотрудника Харьковского исторического музея, к. и. н. К.Ю. Пеляшенко, ознакомившегося с данным артефактом, указавшего на ряд аналогий сосуду и пришедшего к выводу о необходимости отнесения его к среднескифскому периоду, т. е. второй половине VI — первой половине V вв. до н. э.

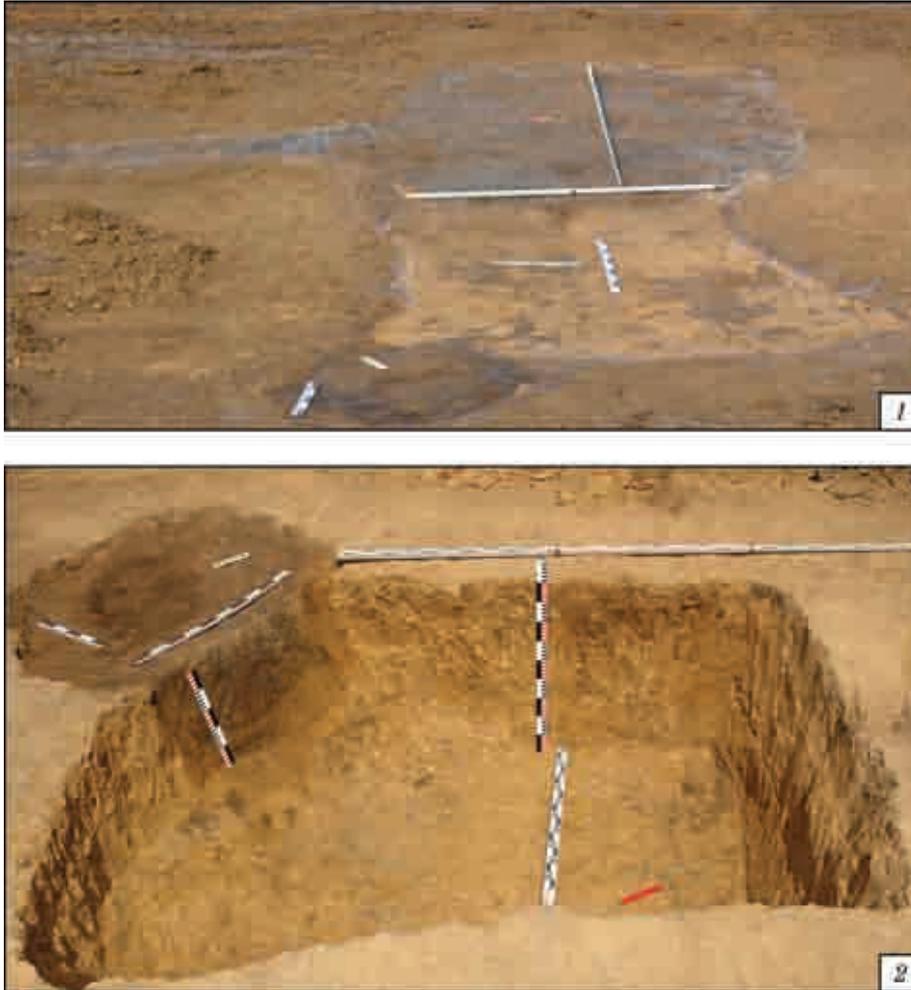

Рис. 12. Этап исследования впускного погребения; 1 — пятно могильной конструкции, вид с ЮЗ; 2 — входная яма гробницы после расчистки, слева — пятно ямы, прорезавшей стенку. Вид с ЮВ

во — светло-коричневый, в изломе пористый, с довольно крупными белыми (слюда) и темными включениями (рис. 11, 2; 21, 1). Отсутствие профильных, морфологических частей амфоры также затрудняет ее датирование.

Похоже, что определенную помощь в определении даты основной могилы могут оказать сохранившиеся детали погребальной обрядности.

Прежде всего, обратим внимание на традицию обкладки деревом или корой линз (или кольца) материкового выкида вблизи могилы. В кругу погребений скифского времени Днепроовского Лесостепного Левобережья такая черта фиксируется весьма редко. К числу наиболее ранних случаев, видимо, стоит отнести курган 14 у с. Купьеваха Харьковской обл. (бассейн р. Ворскла), где корой была обложена южная часть валообразной насыпи [Бойко, Берестнев, 2001, с. 50, 133, рис. 46, 4]. Однако в указанном регионе эта особенность, в основном, характерна для погребальных комплексов второй половины VI — начала V вв. до н. э. В том же Купьевахском могильнике она засвидетельствована в курганах 19, 17, 8 [Бойко, Бе-

рестнев, 2001, с. 94, 122, 127; рис. 7, 1; 35, 1; 40, 1]. В курганах бассейна Ворсклы она встречена также в погребениях V в. до н. э., где деревом обложена, помимо самого выкида, и близлежащая площадка [Мурзин, Ролле, Херц и др., 1997, с. 6, 10; рис. 6]. Несколько подобных случаев отмечено и в погребениях Днепроовского Лесостепного Правобережья, в частности бассейна р. Рось, относящихся к V — началу IV вв. до н. э., при этом дерево обкладки у них обожжено, также как в Турецкой Могиле [Ковпаненко, Скорый, 1988, с. 73—78, рис. 3—5; Ковпаненко, Скорый, Батуревич, 1996, с. 103, 107, 111; рис. 2, III; 5, III; 7, I, III].

В принципе, традиция обкладывать материковый выкид могилы деревом или корой своими истоками уходит в предскифский период [Махортых, 2005, с. 146, рис. 49, 1] и даже — эпоху бронзы, достаточно хорошо фиксируясь, например, в памятниках степной белозерской культуры [Отрощенко, 1975, с. 194]. Что же касается памятников скифского времени бассейна Северского Донца, то, пожалуй, единственной и достаточно близкой аналогией ситуации в Турецкой Могиле является погребение

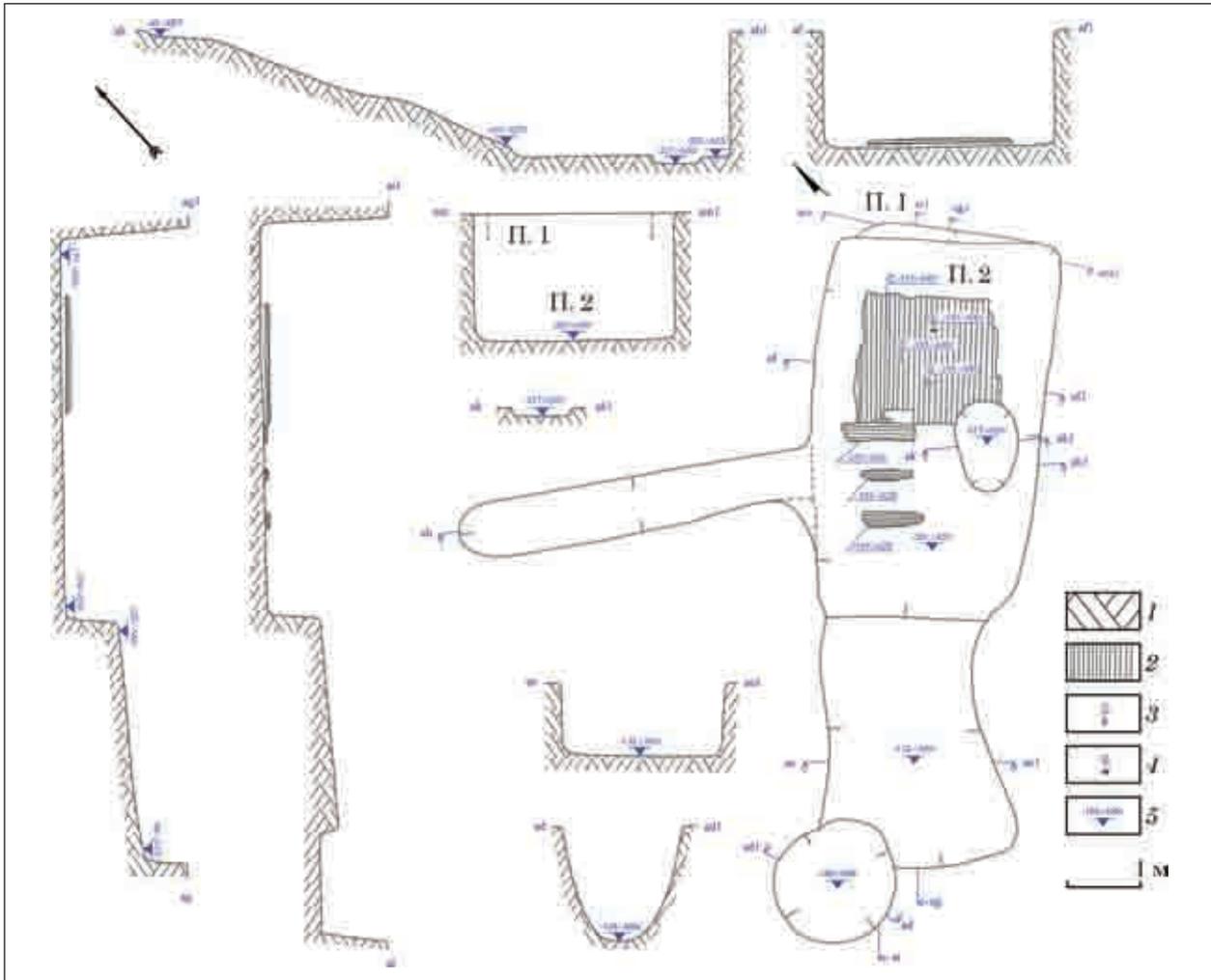

Рис. 13. Впускная гробница Турецкой Могилы; план и разрезы 1 — материк; 2 — дерево; 3 — железные пластины; 4 — бронзовый наконечник стрелы; 5 — глубина от древнего горизонта / от репера

в кургане 2 у с. Тетющино Валковского р-на Харьковской обл. Линза материкового выкида П-образной формы и весь участок, где нет выкида, были обложены деревом, по кругу. Тем не менее, следов горения там нет. Дата указанного погребения хорошо определяется по двум амфорам («протофасосской» и ионийской) в пределах третьей четверти VI в. до н. э. [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 189, рис. 49, 3]. Не противоречат этой дате и 2 бронзовых наконечника — трехлопастный с башневидной головкой и ровно срезанными краями лопастей и трехгранный, с выступающей втулкой, и такой же — башневидной головкой [Бандуровский, 2000, рис. 14, 4, 5].

Использование огня с целью ритуального очищения места захоронения (площадки) или самой погребальной конструкции, в частности деревянного перекрытия и пр. широко известно в погребальной практике народов древности, в том числе кочевников предскифского и скифо-сарматского времени и не является каким-либо четким хроноиндикатором. Широко встречается эта деталь в погребальных древностях Лесо-

степи, в том числе и на Левобережье Днепра, включая бассейн Северского Донца [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 46].

Таким образом, приведенные аналогии лепному горшку из нижнего заполнения рва, связанного с основным захоронением, и некоторым деталям погребального ритуала позволяют предположить, что эта могила относится, скорее всего, к концу VI в. до н. э. и, возможно, близка по времени кургану 2 у с. Тетющино. Кстати, сравнение описания глины «протофасосской» амфоры, ее профилировки из тетющинского кургана с подобными показателями у части тулова амфоры, найденной во рву Турецкой Могилы, показывает их сходство, а, следовательно, совершенно нельзя исключать, что фрагменты последней амфоры также принадлежат «протофасосскому» сосуду.

Судя по палеоботаническим исследованиям золы под первой насыпью, захоронение в основной могиле было осуществлено в апреле—мае.

Учитывая расположение основной могилы в центре подкурганной поверхности, наличие ритуального рва вокруг насыпи, остатки триз-

Рис. 14. Конечный этап исследования впускной гробницы: 1 — целиком расчищенная могильная яма, справа — древний грабительский ход, вид с СЗ; 2 — остатки деревянного заклада во впускной гробнице. Вид со стороны погребальной камеры

ны, размеры кургана можно вполне определенно предположить, что в *основном* захоронении кургана был погребен *мужчина*.

По прошествии определенного времени в кургане было совершено второе, *впускное* захоронение. С этой целью в первоначальной насыпи была устроена горизонтальная «рабочая» площадка, основательно повредившая первоначальную насыпь (рис. 5, 1—3; 6, 1, 2 — вклейка). С нее был осуществлен вертикальный прокоп сквозь насыпь в материковый грунт, с учетом размеров, формы и ориентировки могилы. Извлекаемая земля насыпи складировалась на площадке. Также по мере углубления складывалась и материковая глина.

Впускная могила представляла собой погребальную конструкцию, состоящую из двух

основных частей — собственно погребальной камеры и входной ямы. Могила ориентирована по оси ЮЗ—СВ (рис. 4).

Чрезвычайно интересно, что впускная могила почему-то точно сориентирована на перемычки кольцевого рва, который, бесспорно, соотносится с первым основным погребением (рис. 4, 1; 5) Этот факт вполне недвусмысленно свидетельствует о том, что ко времени совершения второго впускного погребения указанный ров отнюдь не был еще заполнен грунтом и четко ограничивал первую насыпь.

Общая длина могилы 9,90 м. Погребальная камера имеет вид вытянутой прямоугольной ямы со слегка скругленными углами. Ее размеры: длина — 5,45, ширина по центру — 3,27,

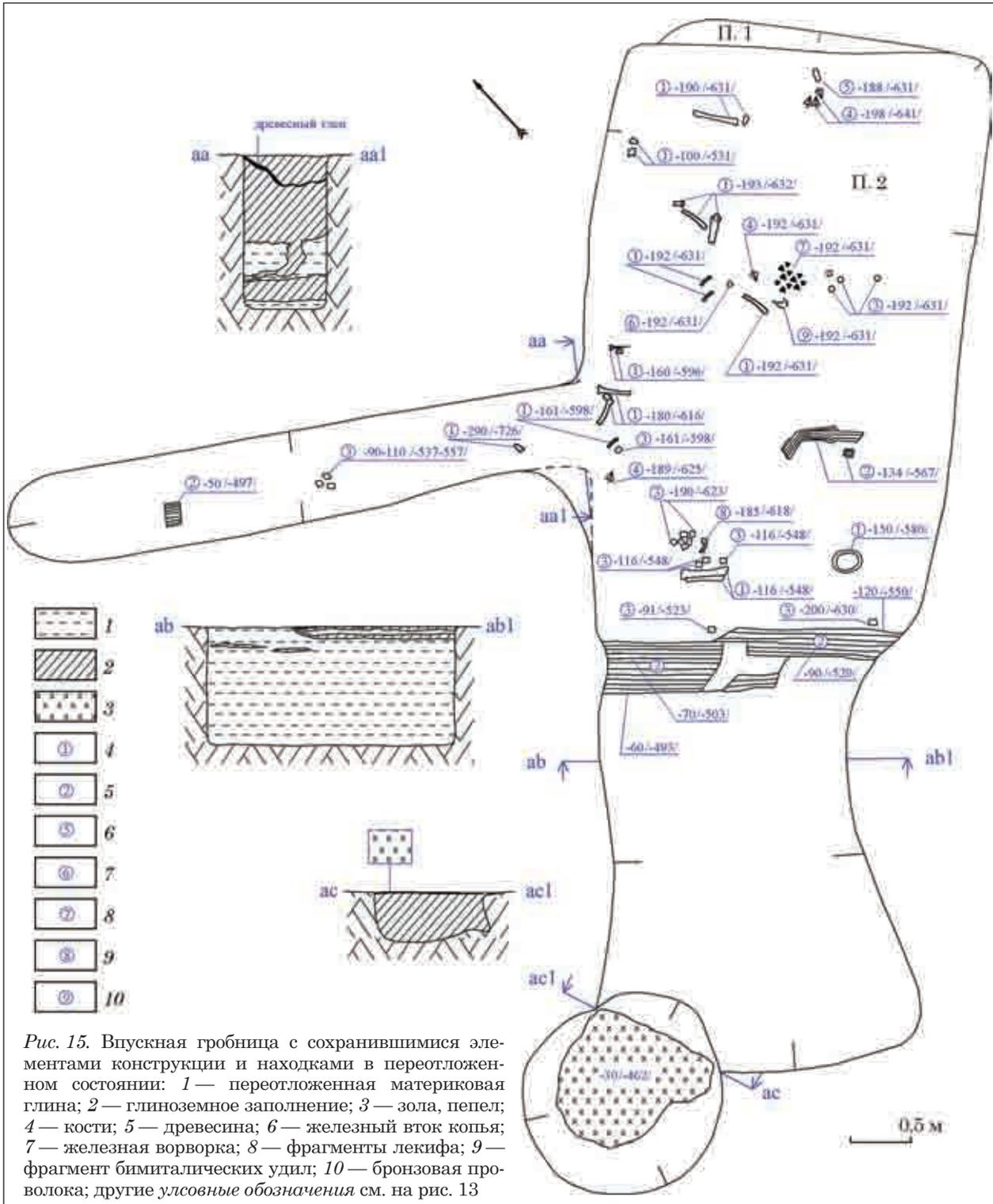

Рис. 15. Впускная гробница с сохранившимися элементами конструкции и находками в переотложенном состоянии: 1 — переотложенная материковая глина; 2 — глиноземное заполнение; 3 — зола, пепел; 4 — кости; 5 — древесина; 6 — железный вток копыя; 7 — железная ворворка; 8 — фрагменты лекифа; 9 — фрагмент бимиталлических удил; 10 — бронзовая проволока; другие улсовные обозначения см. на рис. 13

глубина от уровня ДГ — 2,00 м (рис. 13; 14, 1; 15; 16, 2).

Несомненно, камера таких размеров должна была иметь первоначально некое деревянное перекрытие, которое со временем разрушилось и просело в могилу.

Входная яма примыкает к погребальной камере с ЮЗ. В плане она неправильной прямоугольной формы, также со слегка скругленными углами, значительно расширяется у входа. Ее длина —

4,45, ширина возле камеры — 2,18, ширина по центру — 2,18, ширина юго-западной стенки — 2,72, глубина от уровня ДГ — 1,0—1,3 м.

Стены и полы погребальной камеры и входной ямы достаточно ровные, но при этом пол входной ямы плавно понижается в стороны погребальной камеры. Пол последней находится примерно на 0,80 м ниже пола входной ямы.

К моменту исследования впускной могилы, ее входная яма была целиком заполнена мате-

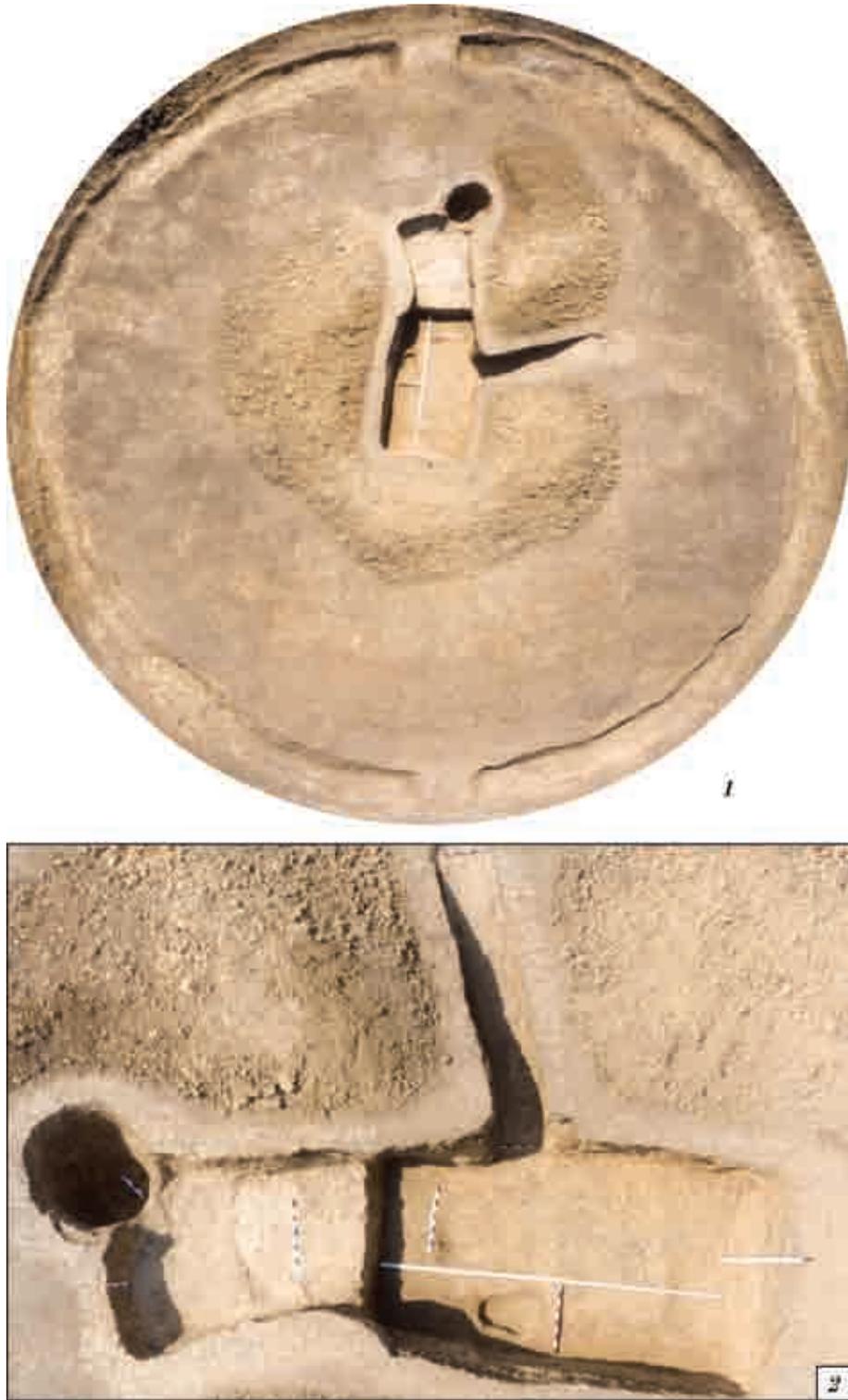

Рис. 16. Полностью исследованный курган, вид сверху: 1 — общий вид памятника; 2 — впускная могила (фото беспилотного летательного аппарата)

риковой глиной (рис. 10, 3; 12, 1). Несмотря на довольно значительные размеры входной ямы, в ней отсутствовали какие-либо находки.

Вход в погребальную камеру со стороны входной ямы перекрывался деревянным закладом из нескольких досок, которые сохранились весьма плохо (рис. 14, 2; 15). Какие-либо столбы для закрепления заклада отсутствовали.

Юго-западный угол входной ямы частично прорезается круглой в плане *ямой* диаметром по верху 1,70 и глубиной 1,88 м от уровня материкового края. Яма сужается ко дну, имея в сечении конусовидную форму. Она выкопана с уровня ДГ, что подтверждается отсутствием ее контура на близлежащем профиле насыпи (рис. 12; 13; 15; 16, 2). К моменту исследования

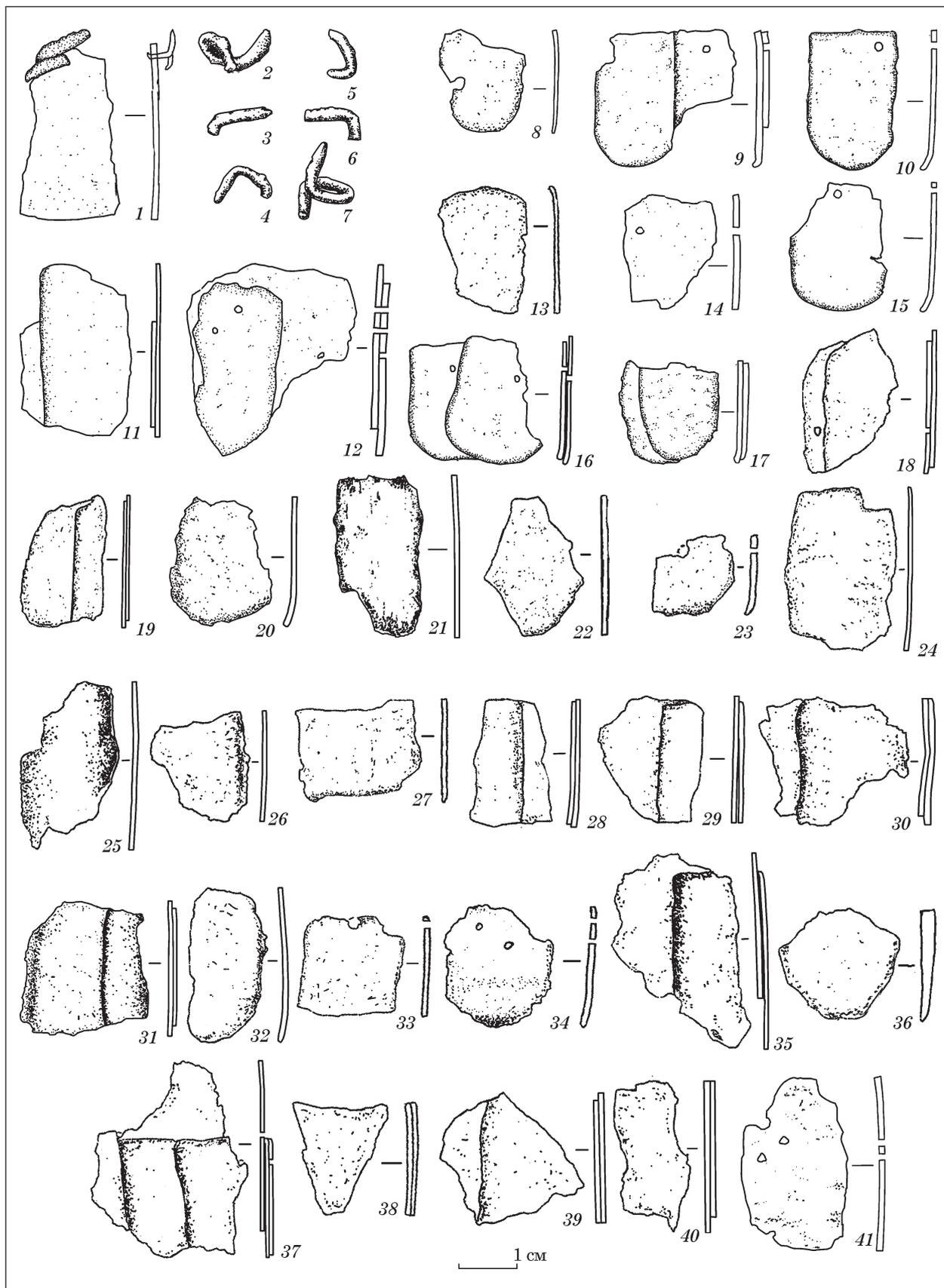
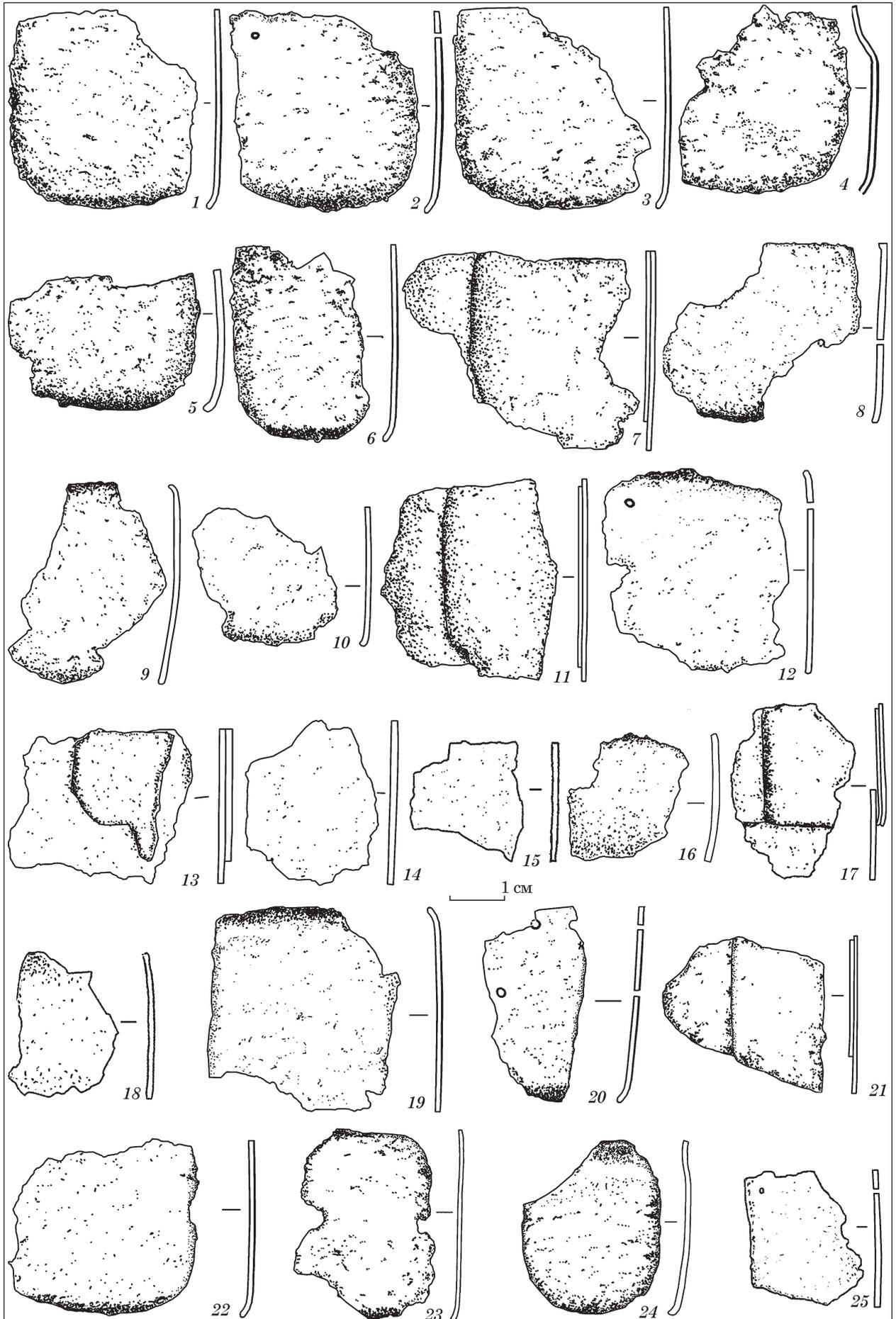

Рис. 17. Фрагменти наборного залізного доспеха: 1—7 — деталі щита; 8—41 — пластини-чешуйки

Рис. 18. Пластини-чешуйки наборного доспеха ▷

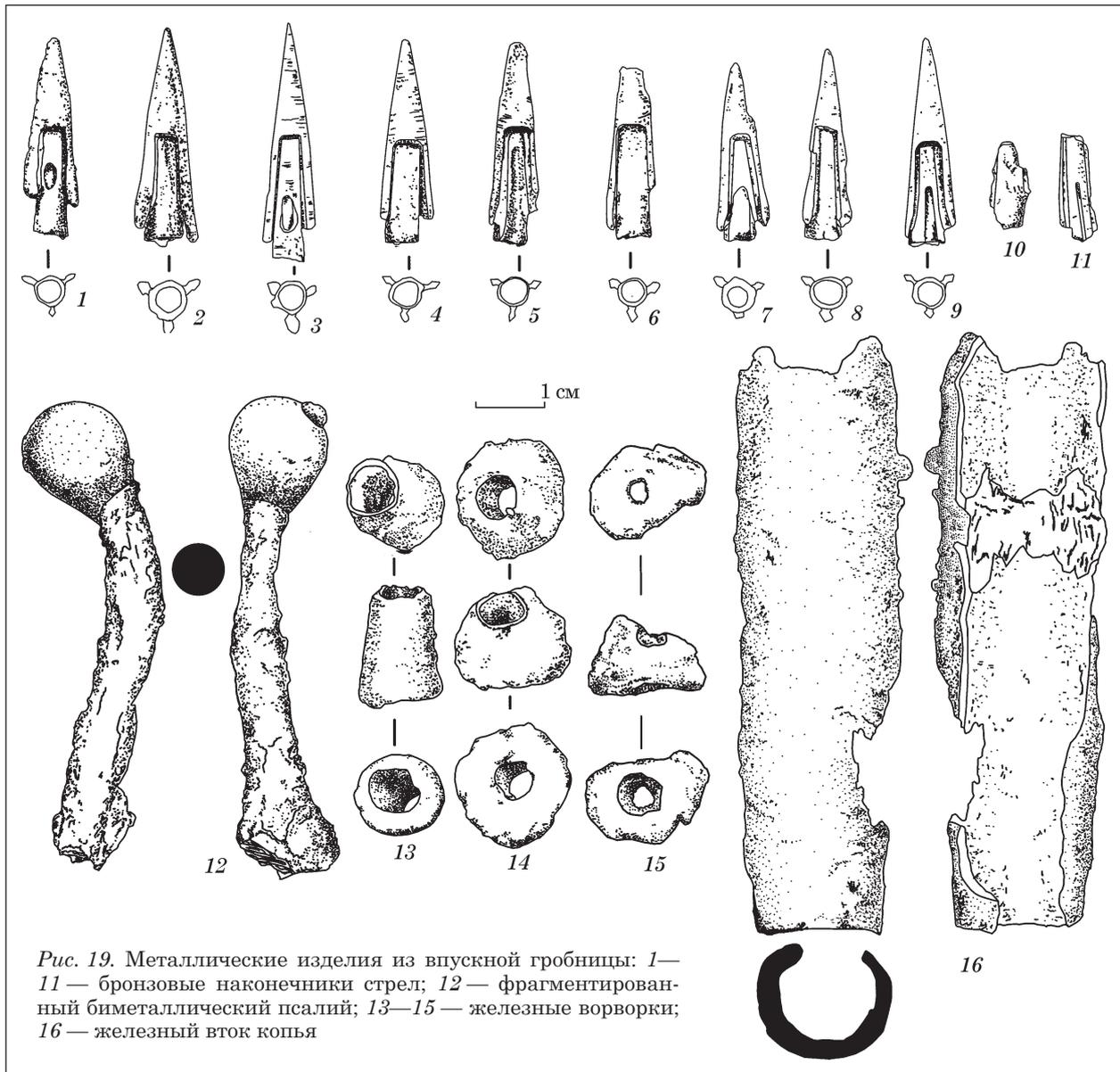

Рис. 19. Металлические изделия из впускной гробницы: 1—11 — бронзовые наконечники стрел; 12 — фрагментированный биметаллический псалий; 13—15 — железные ворворки; 16 — железный вток копья

яма была забита плотным черноземом. Сверху над заполнением ямы фиксировалось пятно небольшого кострища. Какие-либо находки отсутствуют. Назначение данной ямы непонятно, хотя связь ее с погребальной конструкцией — несомненна.

Следует подчеркнуть, что в кругу погребальных памятников скифской поры на Северском Донце могилы подобной конструкции не известны [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 33—39; Гречко, 2010, с. 45—49].

Не получили они какого-либо распространения и в иных регионах Днепровского Лесостепного Левобережья. К числу редких исключений относится сходная погребальная конструкция в кургане у с. Барановка, в междуречье Ворсклы и Псла. При этом курган — ранний, скорее всего, VII в. до н. э. [Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 88]. С другой стороны, подобные могилы, т. е. с погребальными камерами, пере-

крытыми деревом и различной длины дромосами (или входными ямами), широко известны в скифскую эпоху в Днепровском Лесостепном Правобережье, причем они вполне определенно соотносятся с кочевниками скифской культуры, проникающими на разных этапах их истории в данный регион. В их числе, известные архаические погребения — в большом кургане у с. Иванковичи в Киевском Поднепровье [Скорый, Солтыс, Белан, 2001, с. 130, рис. 6], гробница в кургане 491 у с. Макеевка [Галанина, 1977, с. 26—29], Репяховой Могиле (гробница 1) в бассейне р. Тясмин [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980 с.34, рис. 3], кургане 6 (погребение 1) у с. Яснозорье в Поросье [Жовпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 50, рис. 4]. В среднескифский период такие гробницы известны в курганах 400—401 у с. Журовка в бассейне р. Тясмин [Ильинская, Тереножкин, 1980, с. 251, 253]. К позднескифс-

Рис. 21. Фрагменты античных амфор в заполнении рва: 1 — нижний уровень заполнения; 2 — верхний уровень заполнения (развал хиосской амфоры)

кому времени относится, например, гробница 2 в кургане Скифская Могила близ Мотронинского городища [Скорый, Хохоровски, 2005—2009, с. 273]. Правда в таких погребениях, есть, как правило, дополнительные деревянные конструкции в виде опорных столбов, вертикальной обшивки стен плахами и пр. Примечательно, что во всех упомянутых погребениях были похоронены представители скифской знати.

Что же касается забутовки входной ямы материковой глиной, то нам она пока достоверно известна лишь в боковой гробнице скифского царского кургана Солоха (начало IV в. до н. э.) в Нижнем Поднепровье. Примечательно, что и там, несмотря на довольно приличную площадь входной ямы, какие-либо находки отсутствовали [Манцевич, 1987, с. 15, 17, рис. 5].

Впускная могила (а точнее — ее погребальная камера) была, как минимум, дважды ограблена: в древности, с помощью горизонтальной наклонной траншеи, ведущей с СЗ к широкой стене погребальной камеры и в более позднее время, вероятно, в конце XIX или начале XX вв. вертикальной ямой, по контуру погребальной камеры. Кстати, видимо, при вторичном ограблении могли быть выброшены остатки дерева перекрытия. Следы «позднего» ограбления хорошо просматривались в профиле В1—В и фиксировались при снятии насыпи кургана в плане (рис. 5, 2 — вклейка). По всей видимости, грабители сделали прокоп в северной части пола кургана, который вел в самый центр погребения. Именно здесь, в мешаном грунте, были обнаружены также кости и фрагмент красноглиняной амфоры.

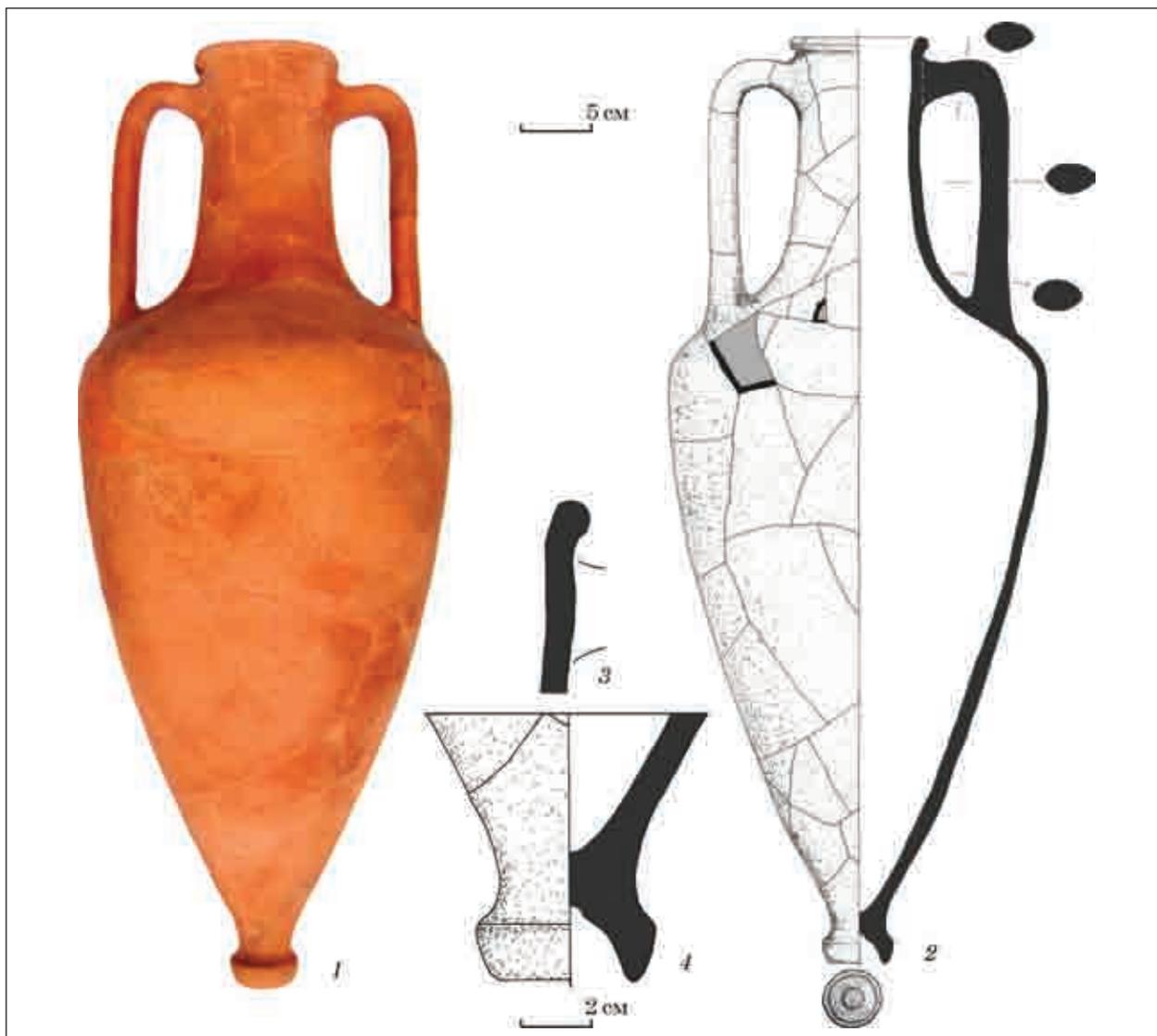

Рис. 22. Хиосская амфора: 1 — фото; 2—4 — прорисовка

Грabitельская траншея была впущена в материк с полы насыпи кургана и наклонно шла в виде лаза в сторону погребальной камеры, резко углубившись к стенке могилы. Ее длина 5,0, ширина по центру 0,8, перед входом в погребальную камеру — 0,7 м. Максимальная глубина траншеи от уровня материкового края, перед входом в могилу 1,35 м (рис. 4; 12, 1; 13; 14, 1; 15; 16). К моменту исследования была заполнена черноземом различной плотности. В самом начале траншеи были найдены остатки дерева, ближе к погребальной камере — несколько достаточно корродированных фрагментов металлического щита в виде пластин со следами жесткого крепления с помощью бронзовой скобы (рис. 15). К слову сказать, эти находки — свидетельство того, что древнее ограбление произошло через определенное время, когда ряд металлических предметов в могиле, по сути, пришел в негодность. Наконец, у входа в погребальную камеру найдено несколько зубов человека.

После второго, позднего, опустошительного ограбления впускной могилы, ни один из оставшихся предметов погребального инвентаря, по сути, не находился *in situ*. Все немногочисленные вещи, отдельные кости человека и животного были в переложном состоянии (рис. 15). Исключение составляют лишь в определенной степени сохранившиеся участки деревянного погребального помоста, который, судя по всему, занимал значительную часть погребальной камеры. Наиболее хорошо они представлены в северо-восточной половине погребальной камеры в виде сплошного деревянного тлена размерами 1,80 × 2,00 м. В юго-восточной половине — от помоста сохранились три фрагментированные лаги, лежащие параллельно друг другу и перпендикулярно длинным стенам могилы, на которые первоначально выстилались доски помоста. Расстояние между лагами 0,5—0,8 м. Реконструируемые размеры помоста примерно 3,5 × 2,0 м (рис. 13).

Вблизи юго-восточной, длинной стенки погребальной камеры, примерно посреди-

не — овальная ямка, размерами 1,50 × 1,00, глубиной 0,2 м от уровня материкового пола, несомненно, следы прокопа пола грабителей.

Найденные разрозненные человеческие кости принадлежат двум погребенным: мужчине (возраст 40—60 лет) и более молодой особе, возможно, женщине (?)¹. Учитывая ориентировку погребального сооружения по оси ЮЗ—СВ, можно предположить, что, во всяком случае, основной покойник был ориентирован головой на СВ.

От мясной напугтвенной пищи сохранились немногочисленные кости лошади и коровы².

На различных глубинах в заполнении погребальной камеры и на его дне были найдены следующие предметы погребального инвентаря: несколько железных пластин и бронзовых креплений от щита (рис. 15), целый ряд отдельных панцирных пластин различных размеров и небольшие их блоки, «сварившиеся» в процессе коррозии (3), 11 бронзовых наконечников стрел (4), вток железный копьа (5), 3 железные ворворки (6), половинка биметаллического псаля (7), фрагментированный арибаллический лекиф (8).

Описание находок из могилы (рис. 15).

1, 2. Достоверно деталями металлического щита с полосчатым покрытием являются одна поломанная железная полоска с приваренной к ней бронзовой скобкой (найдена в грабительской траншее) и 6 бронзовых скобок, из которых лишь 2 сохранились целиком.

Действительно, именно наличие такой жесткой проволоочной связи между пластинами встык отличает наборы щитов от панцирных наборов, где крепление пластин (или чешуек) между собой и на основу доспеха осуществлялось с помощью мягких ремешков [Черненко, 1968, с. 68].

Полоска — прямая. Ее ширина 1,5, сохранилась в длину до 3,0 см (рис. 17, 1).

Крепежные скобки изготовлены из бронзовой, круглой в сечении проволоки, диаметром до 0,2 см (рис. 17, 2—7). Такие скобки пропускались в отверстия состыкованных железных пластин, плотно сжимались, а концы их разводились с оборотной стороны набора [Черненко, 1968, с. 109, рис. 58]. Затем соединенные пластины набора закреплялись на деревянной основе.

Щиты с металлическим, в частности полосчатым, покрытием существовали на протяжении всего скифского периода и получили довольно широкое распространение в Северном Причерноморье [Черненко, 1968, с. 106—110]. Стоит

1. Антропологическое изучение осуществлено к. и. н., с. н. с. отдела биоархеологии ИА НАН Украины А.Д. Козак.

2. Палеозоологическое определение костей животных здесь и далее осуществлено сотрудником Музея природы Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина В.Л. Бондаренко.

также упомянуть и ряд в той или иной степени сохранившихся металлических полосчатых щитов, открытых во фракийских памятниках на территории Болгарии [Скорый, 1984, с. 92, рис. 9]. По устройству они ничем не отличаются от собственно скифских щитов и, вероятно, появились во фракийской паноплии в результате влияния скифского военного дела.

3. Пластины (чешуйки) металлического наборного доспеха, возможно, панциря, хотя совершенно не исключено, что часть из них относилась набору *штанов* или чешуйчатого *илема*. Эти разновидности металлического доспеха засвидетельствованы в скифской паноплии, причем пластины их набора — практически одинаковы, за редким исключением.

Металлические пластины сохранились плохо: сильно корродированы, многие из них обломаны. Лишь несколько экземпляров являются целыми, что позволяет говорить об их размерах и форме.

С учетом размеров, можно говорить о крупных, средних и более мелких пластинах. Среди сохранившихся пластин наиболее хорошо представлены первые и третьи.

Крупные пластины включают 2 типа. Один из них представлен большим количеством находок. Это экземпляры почти квадратной формы, с плавно закругленными нижними углами. При этом нижняя часть пластин слегка загнута внутрь. Практически все они в той или иной степени фрагментированы. Размеры пластин 3,5 × 3,5 см. На двух из них — по одному отверстию (которых, разумеется, первоначально было больше) для нашивания на кожаную основу доспеха (рис. 18, 1—16, 18—23, 25). По Е.В. Черненко, это тип 1 пластин набора, встречаемый на протяжении всей скифской эпохи [Черненко, 1968, с. 27]. Второй наш тип включает всего лишь 3 фрагментированных, «сварившихся» в небольшой блок пластинок. Судя по экземпляру лучшей сохранности, они имели квадратную форму, без закругления углов внизу (рис. 18, 17). Пластинки такой формы крайне редки в панцирных наборах. Несколько «сварившихся» вместе пластин свидетельствуют, что при их креплении на кожаную основу был использован левый принцип набора, т. е. когда левый край одной пластины закрывает правый другой. Примечательно, что в панцирях, как правило, использовался только один принцип набора и очень редко — два [Черненко, 1968, с. 31].

К пластинам среднего размера, входящих в состав набора, достоверно относится лишь один экземпляр. Пластинка слегка фрагментирована в верхней части и имеет размеры 2,5 × 3,0 см (рис. 18, 24). Относится к типу 1 пластин, по Е.В. Черненко [Черненко, 1968, с. 27].

В совокупности пластин малого размера полностью доминируют экземпляры с прямоугольными верхними и плавно закругленными

ми нижними краями, т. е. первого типа, по Е.В. Черненко. Размеры сохранившихся пластин $1,5 \times 2,5$ см. На ряде из них видны отверстия для крепления на кожаной основе доспеха (рис. 17, 9—19, 34, 41; 18, 2, 11, 20). Среди них преобладает левый принцип набора (рис. 17, 11, 16—19, 30, 35, 37, 39), хотя в нескольких случаях имеет место правый принцип набора (рис. 17, 9, 28), т. е. когда правый край одной пластины перекрывает левый край другой [Черненко, 1968, с. 31].

В кругу малых пластин есть также экземпляр иной формы — с прямоугольным верхним краем и заостренным нижним. Его размеры $3,2 \times 1,5$ см (рис. 17, 12). При этом он «сварился» с иными пластинами, свидетельствуя о левом принципе набора. Подобные пластинки относятся к типу 2 по Е.В. Черненко [1968, с. 27]. Примечательно, что в отличие от всех перечисленных пластин, экземпляры с заостренным нижним краем характерны для панцирных наборов позднескифского времени [Черненко, 1968, с. 27].

Учитывая присутствие среди сохранившихся металлических наборных пластин разных принципов набора, можно осторожно допустить, что в состав наборного доспеха входил не только панцирь, а, возможно, и иные виды защитного вооружения.

4. *Наконечники стрел* трехлопастные бронзовые (11 экз.). Сохранность плохая, сильно коррозированы. Определим тип 9 экз. (2 наконечника представлены фрагментами). Восемь из них относятся к наконечникам с более или менее выступающей втулкой, башневидной головкой, прямоугольным, П-образным ложком на половину или $2/3$ высоты головки (рис. 19, 1—8). У одного экземпляра, с головкой подобного типа, — втулка практически не выделена, расположена вровень с лопастями (рис. 19, 9). Концы лопастей у некоторых наконечников слегка отогнуты в стороны. У двух экземпляров — следы брака на втулках в виде овальных лакун (рис. 19, 1, 9). Высота наконечников $2,7—3,5$, диаметр втулки внутренний — $0,4—0,5$ см.

Примечательно, что во втулках наконечников сохранились древесные волокна, позволившие определить породу дерева, из которого изготавливались древка стрел, а именно — дуб черешчатый.

Восемь описанных наконечников характерны для колчаных наборов, бытовавших на протяжении всего V в. до н. э. [Скорый, 1997, с. 27, 159, рис. 55, 26]. Девятый экземпляр — с втулкой вровень с остриями лопастей, башневидной головкой, заглубленным ложком на половину высоты головки — более обычен для комплексов второй половины V в. до н. э. [Скорый, 1997, с. 26—27, 139, рис. 55, 21]. Таким образом, дату сохранившихся стрел можно сузить до второй половины V в. до н. э.

5. *Вток копья* трубчатый, железный. Сильно коррозирован, обломан по всей длине, прак-

тически наполовину, и в конце — с одной из сторон. Сохранившаяся длина предмета — $8,8$, внутренний диаметр — $1,6$, внешний — до 20 см (рис. 19, 16). Древесные волокна, сохранившиеся во втулке, свидетельствуют об изготовлении древка копья из дуба.

Подобные трубчатые втоки, как деталь копий или дротиков, встречаются на протяжении всей скифской эпохи и узкой даты не дают.

6. *Ворворки срезанно-конические* железные (3 экз.). Коррозированы. Две из них сохранились целиком, одна — обломана сверху. Ворворка больших размеров высотой — $1,9$, диаметр внизу — $1,2$, сверху — $0,8$, диаметр внутреннего отверстия — $0,5$ см (рис. 19, 13). Ворворка меньших размеров высотой — $1,1$, диаметр внизу — $1,7$, сверху — $1,0$ см, диаметр отверстия аналогичный (рис. 19, 14). Фрагментированный экземпляр, судя по всему, был аналогичный маленькой ворворке (рис. 19, 15).

Ворворки принадлежат к категории полифункциональных предметов, получивших широкое распространение в скифской материальной культуре. Они использовались как элемент одежды, доспеха, на чехлах копий или дротиков, в конской узде. Железные ворворки появились еще в раннескифское время, но массовое распространение получают в V—IV вв. до н. э. [Могилов, 2008, с. 81, 368, рис. 148].

7. *Псалий S-видной формы*. Сохранилась верхняя (или нижняя) часть изделия, обломанная в районе восьмерковидного расширения, которое имело два отверстия для крепления к узде. Псалий — железный, но сверху (и, очевидно, снизу) был украшен бронзовыми шариками. Железный стержень псалия коррозирован. Сохранившаяся длина изделия — $7,0$, диаметр стержня — $0,8$, диаметр бронзового шарика — $1,4$ см (рис. 19, 12).

Изделие относится к группе биметаллических псалиев. По типологии А.Д. Могилова, это псалии типа П.4.1.2 (комбинированные, с железным центром и бронзовыми концами S-видной формы). Они наиболее хорошо известны в древностях скифской культуры Лесостепи и относятся к V—IV вв. до н. э. [Могилов, 2008, с. 36, 288, рис. 73, 7—12].

8. *Лекиф арибаллический*, чернолаковый, краснофигурный. Сохранился в виде нескольких фрагментов, горло, ручка — отсутствуют. Реставрирован. Лак очень хорошего качества. Изображение правостороннее — лежащий кошачий хищник, по-видимому, пантера. Поза спокойная, задние лапы зверя поджаты под туловище, передние вытянуты, одна из них слегка поднята вверх. Изображение верхней части туловища, в районе спины, не сохранилось, хвост с кисточкой. Голова передана в определенной степени схематично. Она полукруглая, ее венчают большие овальной формы уши. Полудугами переданы надбровия и глаза — маленькими кружочками. Район пасти — невы-

разителен. Животное расположено на четкой горизонтальной плоскости, украшенной овами.

Сохранившаяся высота сосуда — 4,0, диаметр дна — 5,0, максимальный диаметр тулова — 5,5, диаметр горла в нижней части — 2,2 см (рис. 20 — вклейка).

Арибаллические чернолаковые лекифы с краснофигурными изображениями кошачьих хищников встречаются нечасто, во всяком случае, — в Северном Причерноморье. К их числу, к примеру, относятся два фрагментированных сосуда из собрания Одесского археологического музея (найжены предположительно в Пантикапее и Ольвии). На них определенно изображены пантеры. Поза животных абсолютно аналогична той, что имеет место на лекифе из Турецкой Могилы. Однако головы хищников даны в профиль, и животные расположены на обычной светлой полоске, не украшенной овами. Эти лекифы относятся к началу IV в. до н. э. [Буравчук, 2007, с. 40, рис. 6, 3, 4; с. 48—49]. К числу ольвийских краснофигурных лекифов с изображением пантеры относится и сосуд (дата 425—375 гг. до н. э.), хранящийся в Бонне в собрании Akademischen Kunstmuseum [CVA, 230146].

Известны находки лекифов с изображениями пантер и на Боспоре, где их дата также обычно определяется концом V — началом IV вв. до н. э. [Штал, с. 70, № 49—55]¹.

Изображения лежащих кошачьих хищников, достаточно подобные, но не идентичные представленному на лекифе из Турецкой Могилы, известны на ряде лекифов в собрании иностранных музеев, при этом их хронологические рамки не отличаются большой конкретностью [CVA, 3311, 024192].

Как минимум, два еще подобных изображения пантер известно на фрагментах асков, из материалов Афинской Агоры [Moore, 1997, N 1174, 1177]. Наиболее близкое из них представлено на сосуде, данном в каталоге под № 1177. Дата — ранний IV в. до н. э. Изображение на втором фрагменте (№ 1174) тоже довольно сходное. Сосуд датируется поздним V или ранним IV вв. до н. э.

Таким образом, вполне очевидно, что обнаруженный во впускном погребении Турецкой Могилы краснофигурный арибаллический лекиф (к слову сказать, единственный пока с изображением кошачьего хищника из найденных в скифских памятниках Северного Причерноморья), узкой даты, похоже, не дает. Близкие изображения пантеры известны на сосудах как конца V, так и начала IV вв. до н. э. Правда,

есть один нюанс, на который, как представляется, имеет смысл обратить внимание. Ряд краснофигурных лекифов в собрании Государственного Эрмитажа, под рисунками, на которых изображены овы, относятся ко второй половине — концу V в. до н. э. [Передольская, 1967, № 223, 241; табл. CLI, 1; CLVII, 3].

После совершения захоронения, на кургане, на склонах первоначальной насыпи и во рву была осуществлена тризна. Ее следы в виде довольно многочисленных костей животных, к сожалению, плохой сохранности встречались в различных местах насыпи. Среди них — кости лошади, коровы, при этом значительно преобладали конские кости. Во рву, на некоторых участках, в верхней части его заполнения (глубина от 0,35—0,38 м) также встречались немногочисленные кости упомянутых животных.

Обращает на себя внимание ситуация, зафиксированная на одном из северо-западных участках рва, в верхнем заполнении. Здесь концентрировались в непосредственной близости несколько досок или плах (на некоторых следы горения), кости животных и развал красноглиняной амфоры (9) (рис. 21, 2). Несомненно, последняя хронологически соотносится с впускным захоронением. По-видимому, упомянутые доски играли роль некоего столика для поминального пиршества. На этой площадке зафиксирован мелкий бой лепной и гончарной керамики. Возможно, здесь же рядом поджаривалось мясо, что и объясняет наличие следов горения.

Описание находок в верхнем заполнении рва.

9. Амфора красноглиняная, Хиосс. Восстановлена полностью.

Высота сосуда — 66,3, максимальный диаметр тулова — 27, диаметр ножки — 5,2, диаметр горла под венчиком 9,0, диаметр венчика — 9,9 см (рис. 21, 2; 22).

По типологии С.Ю. Монахова, относится к варианту *ботрос* типа IV (или тип IVB) хиосской тары (фракционные амфоры с прямым горлом или амфоры «нового стиля», по В. Грейс). Наиболее хорошо такие амфоры представлены в материалах ольвийского ботроса 1979 г., а также ольвийского склада 2 (1971 г.). Одно из отличий таких амфор — невысокое, цилиндрическое горло.

Дата: четвертая четверть V в. до н. э. или, скорее всего, 420—410 гг. до н. э. [Монахов, 2003, с. 19—20, 239, табл. 9]. Подобные амфоры известны в ряде пунктов Северного Причерноморья, встречаются они изредка и в Лесостепи, например, зафиксированы в зольниках 3, 4 селища в уроч. Царина на Бельском городище, в бассейне р. Ворскла [Ролле, Херц, Махортых, Белозор, 2003, с. 25, рис. 11].

Приведенные аналогии предметам погребального инвентаря из впускного погребения Турецкой Могилы дают достаточно оснований

1. В настоящее время чернолаковый арибаллический лекиф с близким изображением лежащего кошачьего хищника выставлен в экспозиции Керченского историко-археологического музея. Фото любезно представил Н.Ф. Федосеев.

ограничить его хронологические рамки второй половиной — концом V в. до н. э., а с учетом даты хиосской амфоры, сузить их до двух последних десятилетий V в. до н. э.

Судя по возрасту молодой коровы (6—7 месяцев), мясо которой было положено в могилу в качестве папутственной пищи, выпускное захоронение было осуществлено в конце осени.

Таким образом, сохранившиеся находки, несомненно, имеющие отношения к основному и выпускному скифским погребениям в кургане Турецкая Могила, позволяют полагать, что между ними существовал хронологический разрыв примерно в 100 лет. В свете этого допущения становится вполне понятным, почему в центр кургана с существующим уже скифским захоронением была впускана также скифская могила, в конечном итоге полностью разрушившая более раннее погребение. Иными словами, «строители» впускной могилы абсолютно не знали, кому принадлежит курган, и где располагаются под его насыпью захоронения. В пользу версии о значительном хронологическом разрыве между осуществлением погребений в кургане говорит и состояние первой насыпи: ее грунт к моменту сооружения впускной могилы был настолько плотен, что это позволило практически горизонтально срезать часть насыпи и устроить на ней рабочую площадку.

Случаи практически полного разрушения ранних скифских захоронений более поздними скифскими могилами — крайне редки, но все же имеют место. В качестве достаточно показательного примера можно привести ситуацию в кургане 2 у с. Яснозорье вблизи г. Черкассы, в бассейне р. Рось. Здесь основное погребение 1, находящееся в центре кургана и относящееся к концу VI в. до н. э., было прорезано и, по сути, уничтожено впускной могилой 2, датированной концом V или началом IV вв. до н. э. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 47—52, рис. 3]. Как видим, и в данном случае между осуществлением захоронений в кургане прошло продолжительное время.

После совершения захоронения и тризны, насыпь Турецкой Могилы была значительно увеличена за счет досыпки, которая перекрыла и кольцевой ров. Диаметр кургана при этом возрос до 40 м.

Вся поверхность вторичной насыпи (судя по профилям кургана) была обмазана жидкой глиной, которая, засохнув, превратилась в своеобразную крепиду. Толщина слоя глины колеблется на разных участках насыпи от 0,15—0,20 до 0,45—0,50 м (рис. 5; 6 — вклейка; 8).

Столь необычная конструктивная особенность закрепления насыпи кургана встречается крайне редко. Во всяком случае, нам известны лишь два подобных случая. Прежде всего, речь идет об упоминавшемся уже скифском царском кургане Солоха в Нижнем Поднепровье, в котором насыпь над двумя захоронениями

после досыпки (конец V — рубеж V—IV вв. до н. э.) также была закреплена слоем, скорее всего, жидкой глины, толщиной от 0,26 до 0,75 м [Манцевич, 1987, с. 9—10, 15]. Использование подобной глиняной крепиды, судя по всему, имело место и в кургане 1 у с. Ильинцы в Лесостепном Побужье, относящемся к IV в. до н. э. Он также отличался насыпью значительных размеров [Бессонова, 1994, с. 8, рис. 2, 5].

Чрезвычайно важно, что направления дуг обмазки насыпи, от края к вершине, хорошо фиксируемые в профилях (особенно показателен профиль В1—В) дают нам вполне объективно данные о высоте кургана в скифскую эпоху. Принимая во внимание ситуацию на самом высоком из сохранившихся профилей насыпи, реконструируемая высота кургана на данном участке была не менее 6,8 м (рис. 5, 2 — вклейка). Однако мы должны учитывать, что данный профиль отражает не самую высокую точку кургана. Именно на самой возвышенности в свое время стоял триангуляционный знак, и здесь располагалась какая-то поздняя яма, несомненно, разрушившая вершину. Иными словами, у нас есть все основания считать, что в скифскую эпоху курган имел высоту не менее 7,0 м.

Принимая во внимание достаточно большие размеры впускной могилы и осуществленные ограбления, нет сомнений в том, что в ней первоначально было несравненно большее количество предметов погребального инвентаря.

Но даже те немногочисленные находки, что сохранились, вполне однозначно дают основания трактовать данную могилу как место погребения знатного тяжеловооруженного скифского воина, похороненного, скорее всего, в сопровождении зависимого (?) лица, возможно, женщины, а также деталей конской упряжи, символизирующей конское захоронение.

О принадлежности захоронения к скифской, скорее всего, кочевой, элите свидетельствуют, конечно, и размеры насыпи Турецкой Могилы. Нужно подчеркнуть, что курганов больших размеров (подобных тем, что есть в степном ареале Северного Причерноморья, в Посулье на территории Левобережной Лесостепи, или в Киевском Поднеровье — на Правобережье) в бассейне Северского Донца известно совсем немного, да и масштабы их несколько иные. К ним в первую очередь относятся следующие погребальные памятники: Хомякова Могила (высота не менее 8,5 м), входивший в состав Песочинского могильника, одна из насыпей в г. Люботин (высотой до 8 м), несколько насыпей высотой 6—7 м, у с. Большая Гомольша. Меньшие размеры (до 5 м) присущи нескольким курганам у сс. Тетюшино и Зеленый колодец («Высокая Могила») [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 30]. В свете этих данных, курган Турецкая Могила выглядит вполне представительно.

Напомним, что Турецкая Могила входил в состав небольшого курганного могильника (5

насыпей), будучи самой высокой из них — курганом-лидером. Принимая во внимание размеры этого кургана и исходя из получившей признание в скифоведении стратификации курганов скифского знати Северного Причерноморья с учетом их высоты, мы вправе видеть во впускном погребении кургана Турецкая Могила место погребения одного из номархов [Мозолевский, 1979, с. 152, 156, 157; табл. 4], в которых, не без основания, усматривают военных предводителей значительных племенных подразделений или племен [Ллінська, Тереножкін, 1971, с. 45].

В заключение отметим следующее. Курган Турецкая Могила расположен вблизи некоего поселенческого «куста» одного из микрорегионов бассейна Северского Донца. На расстоянии около 3 км к СВ от него находится Циркуновское городище скифской эпохи, а в ближайшей округе — селища, на расстоянии от 1,7 до 2,7 км (рис. 1, 1).

При этом время возникновения Циркуновского городища (конец VI в. до н. э.) вполне совпадает с датой сооружения Турецкой Могилы и совершением в нем первого захоронения. В связи с этим, мы вправе допустить, что появление здесь захоронений явно пришлого, кочевого населения тесно связано с жизнедеятельностью и производством оседлого населения, достаточно важными для пришлых номадов.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. — К., 2000. — 245 с.

Бандуровский А.В. Отчет о работе Мерчанской археологической экспедиции ИА НАН Украины в 2000 г. / НА ІА НАН України. — 2000/3.

Белозор В.П. Исследования зольников в уроч. Царина // Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г. — К., 2002. — 88 с.

Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. — К., 1994. — С. 3—33.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII—IV вв. до н. э. у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). — Харьков, 2001. — 144 с.

Буравчук О.В. Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. — Москва; Киев; Запорожье, 2007. — С. 36—59.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1-33).

Гречко Д.С. Населения скифского часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 267 с.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкін А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—63.

Ллінська В.А., Тереножкін О.І. Скифський період // Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 2. — С. 8—180.

Ильинская В.А., Тереножкін А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1980. — 380 с.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. — К., 1994. — С. 41—63.

Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. — 1988. — № 2. — С. 73—83.

Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., Батуревич С.Ю. Курганы скифского часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія. — 1996. — № 4. — С. 101—114.

Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — Москва; Полтава, 1993. — 108 с.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 379 с.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. — Л., 1987. — 144 с.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 440 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 250 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. — Москва; Саратов, 2003. — 352 с.

Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. — К., 1997. — 23 с.

Отрощенко В.В. Новый курганный могильник Белозерского времени // Скифский мир. — К., 1975. — С. 193—206.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. — Л., 1967. — 402 с.

Ролле Р., Херц В., Махортых С., Белозор В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 2002 г. — К., 2003. — 88 с.

Скорый С.А. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 82—103.

Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. — К., 1997. — 173 с.

Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине // РА. — 2001. — № 4. — С. 124—137.

Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratum plus. — 2005—2009. — № 3. — С. 234—276.

Черненко Е.В. Скифский доспех. — К., 1968. — 192 с.

Шталь И.В. Свод мифо-эллинических сюжетов античной вазовой росписи по музеям РФ и стран СНГ: леканы, аски, лекифы, ойнохои. — М., 2004. — 232 с.

Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanowce na Ukrainie // MiSROA. — 1996. — Т. XVII. — S. 239—261.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MiSROA. — 1997. — Т. XVIII. — S. 77—92.

Moore Mary B. Athic Red-Figured and White-Ground Pottery. — Princeton; New Jersey, 1997. — 449 p. (The Athenian Agora. — Mol. XXX).

В.М. Окаренко, С.А. Скорий

V.M. Okatenko, S.A. Skory

СКІФСЬКИЙ КУРГАН «ТУРЕЦЬКА МОГИЛА» В БАСЕЙНІ СІВЕРСЬКОГО ДІНЦЯ

SCYTHIAN BARROW «TURETSKA MOHYLA» IN THE SEVERSKY DONETSBASIN

Курган був розташований на північно-східній околиці сучасного Харкова і на час дослідження мав висоту 4 м при діаметрі до 40 м. Насип його був частково зруйнований місцевими мешканцями, що брали ґрунт на земельні ділянки.

Курган містив 2 поховання скіфського часу, які знаходились в центрі підкурганної поверхні. При цьому, перше з них, основне, було майже повністю зруйновано більш пізньою впускною могилою, що мала досить велику площу.

Конкретні розміри основної могили не відомі, але, судячи з материкового викиду, що зафіксований на рівні давнього горизонту, вона не відрізнялась площею та глибиною. Після здійснення поховання в основній могилі, над нею був споруджений насип висотою до 3 і діаметром близько 23 м. Навколо нього розташовувався рів діаметром 29 × 28,3 м з двома перемичками. Оскільки на місці основного поховання були відсутні якісь речі, що могли бути з ним пов'язані, для визначення часу основної могили безумовне значення мають знахідки з нижнього шару заповнення рову: ліпний горщик та частина античної амфори. Вони є залишками тризни, що відносяться до основного поховання, і датуються часом не пізніше VI ст. до н. е.

Впускна могила складалась з поховальної камери та вхідної ями та була орієнтована по лінії північний схід—південний захід. Загальна довжина могили 9,90, максимальна ширина 3,27, глибина від рівня давнього горизонту 2,00 м. Свого часу поховальна камера мала дерев'яне перекриття та відокремлювалось від вхідної ями за допомогою вертикального дерев'яного закладу. Вхідна яма була заповнена щільним материковим суглинком.

Поховання виявилось вцілілим пограбованим, спочатку у давнину за допомогою бокового ходу, потім, ймовірно, в новітній час, зверху, для чого був зроблений прокоп насипу. На долівці були зафіксовані залишки дерев'яного помосту.

На долівці могили та на різних рівнях заповнення поховальної камери знайдені кістки двох небіжчиків (чоловіка 40—60 років, та ймовірно, жінці), різноманітні речі, серед яких залишки зброї, кінського спорядження, фрагментований, але чудовий за виконанням червоно фігурний лекіф, окремі кістки тварин.

У верхньому шарі заповнення рову відкрита хіоська амфора, та залишки кісток тварин, що, безумовно, є залишками тризни, пов'язаною з впускним похованням.

Артефакти, що збереглися, дають змогу датувати цю могилу важко озброєного, шляхетного скіфського воїна самим кінцем V ст. до н. е.

Після здійснення поховання курган був значно досипаний і став мати висоту до 7 за діаметру до 40 м. Поверхня насипу була обмазана рідкою глиною, що з часом стала грати роль своєрідної кріпиди.

Безумовно, курган Турецька Могила відображає процес просування скіфів-кочовиків зі степного півдня на терени Лісостепу.

Ключові слова: курган, скіфська доба, басейн Сіверського Дінця.

The barrow was located on the northeastern outskirts of modern Kharkov. At the moment of study the barrow had height of 4 and diameter of 40 m. Its mound was partially destroyed by local residents who took ground to land plots.

There were 2 burials of Scythian times at the center of the barrow surface. The first of them, the main thing, was almost completely destroyed by the later intake grave, which had a fairly large area.

Specific dimensions of the main grave are not known, but as we can judge from the mainland ground that was at the level of ancient horizon, it was not of big area and depth. After the burial in the main grave, a mound was built above it, height up to 3 m and a diameter of approximately 23 m. It was surrounded by the moat with diameter of 29 × 28.3 m and two bridges. Since there were no things at the main burial site that might be associated with it, for determining the time of the basic grave the findings from the lower layer filling the moat have absolute importance: a molded pot and a part of ancient amphorae. They are the remains of funeral feast, referring to the main burial, and date back no later 4 centuries BC.

In letgrave consisted of a burial chamber and the pit entrance and was oriented by the line northeast—southwest. The total length of grave is of 9.90, maximum width of 3.27 m, depth is of 2.00 from the ancient skyline. At one time the burial chamber had a wooden floor and was separated from the entrance of the pit using the wooden vertical construction. The entrance pit was filled with the dense main land loam.

The burial was completely robbed, first in ancient times by using later al move, and then probably in modern times, from the top, by making a perforation of the mound. There main soft he wooden platform were on the floor.

The bones of two dead (male 40—60 years, and probably a woman), a variety of things, including the remains of weapons, horse gear, fragmented, but of excellent execution red figured lekythos, some bones of animals were found on the floor of the grave and on different levels of filling of the burial chamber.

Chios amphora and remains of animal bones, which, of course, are the remains of feast, which was connected with the intake burial, were found in the upper layer of filling of pit.

Saved artifacts enable date this grave of noble Scythian warrior with heavy weapons from the very end of the 5 century BC.

After the embankment was added, the barrow became a height of 7 and diameter of 40 meters. The surface of the mound was plastered with liquid clay, which eventually began to play a role of a kind of retaining element.

Without doubts, barrow «Turetska Mohyla» reflects the advancement of Scythian nomads from the south steppe to the territories of forest steppe.

Keywords: The barrow, Scythian age, Seversky Donets basin.

Одержано 22.03.2017

К.І. Панченко

ДОСЛІДЖЕННЯ ПАМ'ЯТКИ СКІФСЬКОГО ЧАСУ БІЛЯ с. ЗАЛОМИ НА КІРОВОГРАДЩИНІ

У статті висвітлені результати дослідження могильника та поселення скіфського часу біля с. Заломі Знам'янського р-ну Кіровоградської обл. у 1986—1989 рр.

Ключові слова: *скіфський час, ґрунтовий могильник, поховальний обряд, супровідний інвентар, поселення, порубіжжя Правобережного лісостепу та степу.*

У вивченні історичного розвитку давніх культур важливе значення мають комплекси, що поєднують у собі поселення разом з їх могильниками. Одна з таких пам'яток була відкрита у 1980-х рр. біля с. Заломі Знам'янського району Кіровоградської області (рис. 1). Вона знаходиться у верхньому межиріччі річок Ірклеї та Цибульника, що належать до басейну Тясмина. Фактично, у скіфський час тут проходила межа, що розділяла лісостеп та степ.

У 1985 р. під час будівництва ферм біля с. Заломі були виявлені давні поховання, частину з яких у результаті будівельних робіт зруйнували. В стінках траншей знаходилися людські кістки. На цьому ж місці школярі знайшли бронзовий наконечник стріли. У березні 1986 р. егер Знам'янського лісництва М.А. Єськов повідомив про знахідку співробітникам історичного факультету Кіровоградського державного педагогічного інституту ім. О.С. Пушкіна. У квітні того ж року археологічна експедиція інституту на чолі з Н.М. Бокій обстежила місце знахідки та провела перші розкопки. На могильнику було зачищено 9 плям, 6 з яких виявилися похованнями скіфського та білогрудівського часу. Ще дві плями, ймовірно, були залишками від повністю зруйнованих могил. Під час обстеження території навколо некрополя у 1986 р.

було відкрите селище скіфського часу [Бокій, 1986/112, с. 1].

Експедиція Кіровоградського державного педагогічного інституту продовжила розкопки пам'ятки і в наступні роки. В цілому польові дослідження в Заломах тривали з 1986 по 1989 рр. Частина артефактів та польових матеріалів з цих розкопок зберігаються в Археологічному музеї імені Нінелі Бокій Центральноукраїнського державного педагогічного університету (колишній Кіровоградський державний педагогічний університет).

Рис. 1. Умовне розташування пам'ятки біля с. Заломі на карті Google. 1 — могильник білогрудівсько-чорноліського та скіфського часу; 2 — поселення скіфського часу

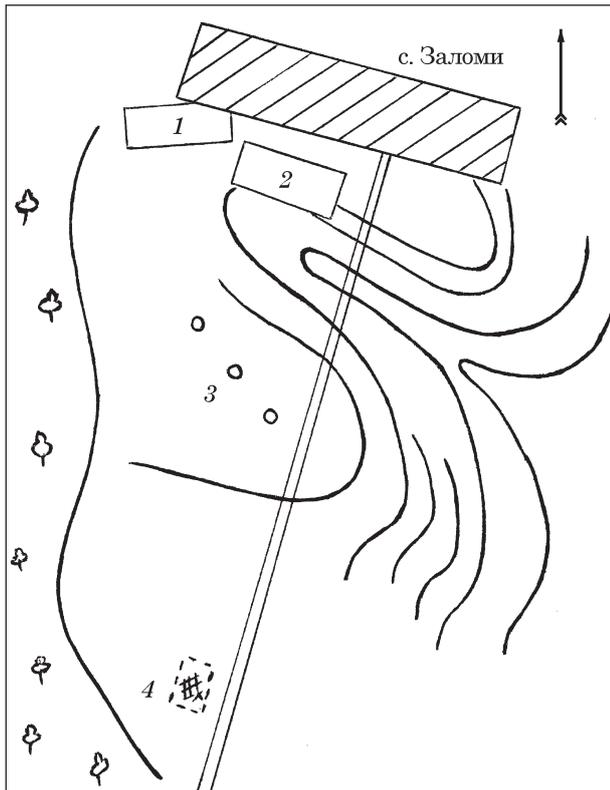

Рис. 2. Схематичний план розташування пам'яток біля с. Заломі (за С.С. Бессоновою): 1 — господарський двір; 2 — могильник білогрудівсько-чорноліського та скіфського часу; 3 — зольні плями на поселенні скіфського часу, 4 — місце знахідки шлаків від залізоплавильного виробництва

У 1987 р. Н.М. Бокій на могильнику було розкопано ще 36 поховань. Для зручності фіксації під час розкопок, могильник було розділено на «Верхній» та «Нижній» [Бокій, 1987, с. 22]. Також поселення та його округа були обстежені С.С. Бессоною, Н.М. Бокій та місцевим краєзнавцем В.Є. Шкодою [Бессонова, 1987/37]. Того ж року Н.М. Бокій узагальнила матеріали перших розкопок та презентувала їх на Всесоюзному семінарі пам'яті О.І. Тереножка у м. Кіровоград. [Бокій, 1987].

Влітку 1988 р. в Заломах було розкопано 35 захоронень в обох секторах некрополя. Було завершено дослідження «Верхнього могильника» [Бокій, 1988/1]. У 1989 р. розкопано 20 могил на «Нижньому могильнику» та 6 поховань епохи бронзи в кургані, який розташовувався на площі некрополя. Крім того, цього року проводились розкопки і на площі поселення [Бокій, 1989]. Це був останній польовий сезон експедиції у Заломах, після 1989 р. розкопки пам'ятки не проводилися.

Охарактеризуємо досліджений могильник детальніше. Некрополь (розмірами 150 × 150 м) знаходився на південно-західній околиці с. Заломі (рис. 2, 2), займаючи верхню площину («Верхній могильник») та схили пагорба («Нижній могильник»). Перепад висоти від під-

ніжжя — до вершини пагорба 12 м. В результаті розкопок вдалося з'ясувати, що поховання передскіфського часу знаходилися лише на «Верхньому» могильнику, в той час як поховання скіфського часу розміщені по всій площі некрополя [Бокій, 1987, с. 22]. Тому цей поділ має і культурно-хронологічний зміст.

За чотири польових сезони тут було досліджено 98 ґрунтових могил та один курган. Щодо хронології розкопаних захоронень, то 58 з них належать до скіфського часу, 16 — до білогрудівсько-чорноліського часу. Ще 24 могили важко датувати через відсутність поховального інвентарю. Варто зауважити, що з поміж них — 22 розташовані на «Нижньому» могильнику, де як вже зазначалося, поховання передскіфського часу не зафіксовані. Розміри ґрунтових ям та орієнтація кістяків з цих поховань дають підстави припускати, що вони теж належали до скіфського часу.

У поховальному обряді могил білогрудівсько-чорноліського періоду переважає трупокладення в неглибоких прямокутних ямах (розміри: довжина — 1—2,4, ширина — 0,8—1,7, глибина — 0,4—0,9 м). Перекриття та підстилки не зафіксовані. Кістяки лежали скорчені в різних положеннях — на боці, на спині чи на животі. Позиція рук є одноманітною: одна з рук небіжчика була опущена вниз, інша — зігнута в лікті, лежала впоперек грудей, живота чи на тазі. В орієнтуванні поховань переважає південний напрям. Ще одна риса, вже відзначена Н.М. Бокій — наявність підзахоронень. При цьому залишки та речі попереднього поховання скидали в сторону на купу. Ймовірно, ці могили належали окремим родинам та виконували роль своєрідних «склепів». Кількість підзахоронень 5—8 в одному похованні. У трьох випадках зафіксовані трупоспалення, здійсненні безпосередньо в могилах (поховання 9, 14, 65).

Знахідки з поховань цього часу представлені ліпними черпаками (рис. 3, 9, 10), тюльпаноподібним горщиком з овальними наліпками на стінках, бронзовими браслетами та підвісками (рис. 3, 2, 3) [Бокій, 1987, с. 23].

Поховальні споруди скіфського часу представлені переважно ґрунтовими ямами прямокутної форми з заокругленими кутами. Розміри ям: довжина 1—3, ширина — 0,9—1,6, глибина 0,4—1,8 м. Виняток становлять поховання 49, здійснене в катакомбі. Дерев'яні перекиртя зустрічаються рідко (поховання 2, 24, 28, 34, 39, 52, 61). У деяких могилах зафіксована підстилка з кори дерева (поховання 2, 29, 34, 43, 47, 52, 68, 71).

Поховальний обряд представлений інгумацією. В окремих випадках зафіксовані сліди спалення. При цьому кремація, так само як і в білогрудівських похованнях, здійснювалась безпосередньо в могилі (поховання 1, 70).

У похованнях скіфського часу переважає широтна орієнтація. Більшість небіжчиків ле-

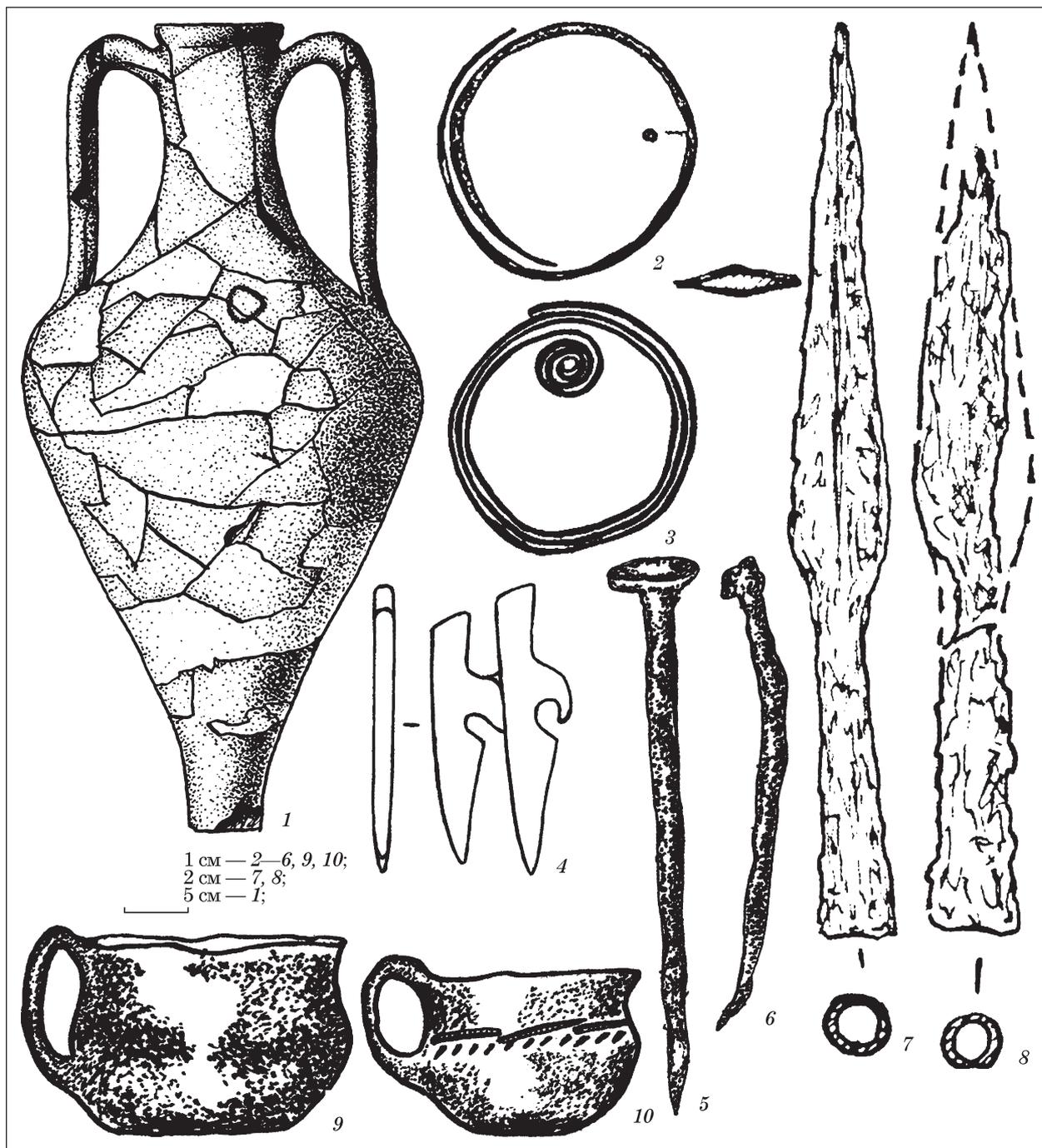

Рис. 3. Знахідки з могильника білогрудівсько-чорноліського та скіфського часу біля с. Заломи (за Ю.О. Столярчуком): 1, 9, 10 — кераміка; 2—4 — бронза; 5—8 — залізо

жали у випростаному стані, головою на захід. Майже всі захоронення цього періоду — одинарні, але зустрічаються і парні (поховання 6, 7, 27, 51, 52, 60—62). Колективних могил не виявлено. Залишки ритуальної їжі зафіксовані лише у кількох випадках (поховання 8, 32, 49, 60). Вони представлені кістками корів та овець, поряд з якими трапляються залізні ножі [Бойкий, 1987/1, с. 23—24; 1987а; 1988/1].

На жаль, більшість могил були пограбовані в давнину. Тому поховальний інвентар скіфського часу з могильника не чисельний. Він представлений бронзовими та кількома залі-

ними наконечниками стріл, двома залізними наконечниками від списів, залізними ножами, залізним фаларом, пастовим та скляним намистом, бронзовими сережками, керамічними пряслами, кількома раковинами саурі, дрібними фрагментами чорнолакового посуду та ін.

Проте, зустрічаються і більш цікаві знахідки. Так, у похованні 42 знайдена частина бронзової зооморфної бляхи у вигляді двох копит коня (рис. 3, 4). Вона належить до рідкісного типу бронзових блях від кінської вузди та має аналогії у скіфських похованнях поряд з Пастирським [Древности ..., 1899, табл. XIX, 320 б]

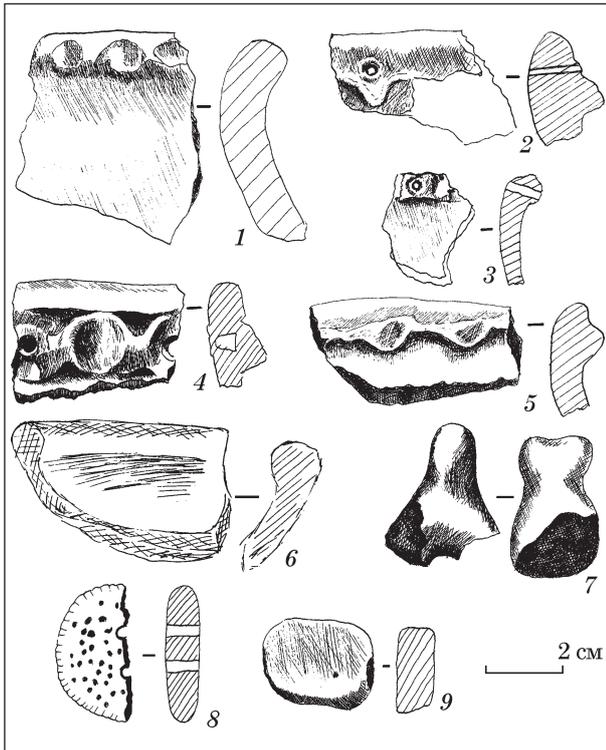

Рис. 4. Знахідки з поселення скіфського часу біля с. Заломи (за Ю.О. Столярчуком): 1—8 — кераміка; 9 — камінь

та в кургані біля Ольшанки [Могилов, Бокій, 2016]. У похованні 82, що віділіло від розграбування, знайдені залишки коралового намиста із золотими амфороподібними підвісками.

На площі могильника виявлена амфора (рис. 3, 1) [Бокій, 1987, с. 24]. Посудина була знайдена у розбитому стані, окремі фрагменти стінок втрачені, нижня частина ніжки відбита, клеїма відсутні. Амфора не збереглася, але серед польових матеріалів (АМБ) наявний її опис та рисунок. Судячи з креслення, описана амфора може належати до фасоських амфор раньобіконічної серії «доклейменового» періоду. Такі неклеювані амфори рідко зустрічаються у Північному Причорномор'ї, вони з'являються тут лише у 20-х рр. V ст. до н. е. та зникають на початку IV ст. до н. е. [Монахов, 2003, с. 66, табл. 41, 6].

У ході вивчень матеріалів з перших розкопок біля с. Заломи, Н.М. Бокій датувала могильник та селище VI—IV ст. до н. е. Основою для цієї дати дослідниця вважала матеріали з поселення та нечисельність серед поховальних споруд катакомб, як характерної ознаки скіфських степових комплексів. За весь час розкопок на могильнику не знайдено жодного повністю віділілого поховання VI ст. до н. е. [Бокій, 1987, с. 24]. Проте ряд поховань з могильника можуть бути датовані VI—V ст. до н. е. У них знайдені залізні та бронзові цвяхоподібні булавки (рис. 3, 5, 6) і цвяхоподібні сережки, що досить часто зустрічаються в поховальних комплексах

VII—V ст. до н. е. на Правобережжі [Петренко, 1978, с. 12, табл. 4].

Щодо селища, то його розкопки здійснювалися у 1989 р. Поселення знаходиться на відстані 258 м на південь — південний захід від могильника (рис. 2, 3). Як і більшість поселень скіфського часу в лісостепу, воно розташоване на підвищенні, у місці досить зручному для ведення сільського господарства та оборони. З південної, західної та східної сторін це підвищення має круті схили (особливо із західної) та оточене природними ярами, які густо порослі деревною рослинністю. Слідів оборонних споруд не виявлено. Західніше поселення знаходиться густий лісок (рис. 1, 2). Площа, селища невелика — близько 4 га. Розкопками було досліджено лише 88 м² [Бокій, 1989].

Потужність культурного шару на поселенні становить 0,25—0,6 м. На сьогодні він руйнується оранкою. Знахідки з розкопок селища представлені фрагментами ліпного посуду та стінок амфор, пряслами, уламками ливарних форм, виробами з кістки та каменю (рис. 4).

Основну масу знахідок з розкопок поселення складає ліплений посуд. Умовно його можна розділити на кухонний та столовий. Кухонний посуд представлений фрагментами горщиків, вінця яких прикрашені валиком, що розчленований пальцевими заціпами та проколами по валику чи під ним, рідше — проколами над валиком. Зустрічаються також фрагменти горщиків, краї вінця яких прикрашені заціпами й наколами під вінцями та стінки слабо профільованих горщиків без орнаментатії. Столовий посуд представлений фрагментами мисок із злегка загнутими всередину краями та ручками від черпаків. Крім того на поселенні знайдені фрагменти зооморфних фігурок та предмети дрібної пластики. Попередньо колекцію керамічних виробів із Заломів можна датувати VII—IV ст. до н. е. В цілому, вона досить велика та потребує окремого вивчення.

На площі селища відкриті залишки наземного житла у вигляді скупчень обмазки зі слідами від жердин [Бокій, 1989/1]. Такі житла, як відомо, на Правобережжі з'являються ще у ранньоскіфський час та набувають масового поширення у IV ст. до н. е. [Ковпаненко, 1989, с. 23].

Під час розвідки 1987 р. поряд з селищем (рис. 1, 4) були знайдені фрагменти шлаків від залізоплавильного виробництва, шматки глиняної обмазки та стінки ліпних посудин [Бессонова, 1987/37, с. 52—53]. Розкопки на місці знахідки не проводилися, але виявлені матеріали дають можливість припустити, що у скіфський час за межами селища знаходився залізообробний комплекс.

Таким чином, попередній аналіз усього комплексу матеріалів з розкопок пам'ятки, дозволяє підтвердити запропоновану раніше Н.М. Бокій дату. На думку дослідниці, найбільша цінність комплексу полягає у можливості прослідкува-

ти наступність землеробських культур Правобережного Лісостепу кінця епохи бронзи — початку раннього залізного віку [Бокій, 1987, с. 24].

Подальше всебічне вивчення матеріалів з поселення та могильника дозволить встановити більш точну дату пам'ятки, хронологічний розподіл її окремих об'єктів, з'ясувати особливості економічного та культурного життя місцевого населення порубіжного регіону за доби пізньої бронзи — раннього заліза.

Бессонова С.С. Отчет о работе Южного отряда Кировоградской экспедиции в 1987 г. / НА ІА НАН України. — 1987/37.

Бокій Н.М. Грунтовий могильник у с. Заломы // Киммерійці і скифи. — Кіровоград, 1987. — Ч. 1. — С. 22—24.

Бокій Н.М. Дневник с раскопок грунтового могильника возле с. Заломы Знаменского района Кировоградской области в 1987 г. / АМБ. — 1987/1.

Бокій Н.М. Дневник с раскопок грунтового могильника возле с. Заломы Знаменского района Кировоградской области в 1988 г. / АМБ. — 1988/1.

Бокій Н.М. Дневник с раскопок поселения скифского времени возле с. Заломы Знаменского района Кировоградской области в 1988 г. / АМБ. — 1989/1.

Бокій Н.М. Отчет Кировоградского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина об археологических раскопках в Знаменском, Петровском, Светловодском и Долинском районах / НА ІА НАН України. — 1986/112.

Древности Приднепровья. — К., 1899. — Вып. 2. — 44 с.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). — К., 1989. — 333 с.

Могилов О.Д., Бокій Н.М. Поховання скифського вершника на р. Синюха // Археологія. — 2016. — № 3. — С. 76—88.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. — М., 2003. — 352 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — М., 1967. — 180 с. (САИ. — Вып. Д 1-4).

К.И. Панченко

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ЗАЛОМЫ НА КИРОВОГРАДЩИНЕ

Статья посвящена изучению могильника и поселения скифского времени у с. Заломы Знаменского района Кировоградской области. Памятник находится в междуречье рек Ирклеи и Цыбульника, принадлежащих к бассейну Тясмина. Фактически,

он находится в порубежье лесостепи и степи Днепровского Правобережья. Раскопки памятника проводились на протяжении 1986—1989 гг. археологической экспедицией Кировоградского государственного педагогического института во главе с Н.М. Бокій.

Поселение скифского времени находилось на юго-западной окраине с. Заломы на возвышении. Его площадь — около 4 гектаров. Керамический комплекс позволяет утверждать, что поселение функционировало на протяжении VII—IV вв. до н. э.

Некрополь расположен к северо-востоку от поселения. Всего было раскопано 98 захоронений скифского и белогрудовско-чернолеского времени. Исследованные скифские захоронения также относятся к VII—IV вв. до н. э.

Таким образом, поселение и могильник у с. Заломы составляют целостный археологический комплекс. Наличие на могильнике захоронений предскифского и скифского времени является важным фактором для изучения вопроса о преемственности земледельческих культур Правобережной Лесостепи конца эпохи бронзы — начала раннего железного века.

Ключевые слова: скифское время, грунтовый могильник, погребальный обряд, погребальный инвентарь, поселение, пограничье Правобережной лесостепи и степи.

K.I. Panchenko

THE RESEARCH OF THE SITE OF THE SCYTHIAN TIME NEAR THE VILLAGE ZALOMI IN KIROVOHRAD REGION

The article is devoted to the study of the burial ground and settlement of Scythian time near village Zalomi Znamensky district of Kirovograd region. The monument is located in the area between the rivers Irkleyi and Tsybulnyka belonging to the basin Tyasmy. The excavations of the site were carried out during 1986 — 1989 by archaeological expedition of the Kirovograd State Pedagogical Institute, headed by N.M. Boki.

Settlement of the Scythian period is was in the south-western near Zalomi, on the dais. Its area — about 4 hectares. Ceramic complex suggests that the settlement functioned during the 6—4 centuries BC.

The necropolis is located north-east of the settlement. There were excavated 98 graves of Scythian and belogrudovsko-cherноleskogo time. Investigated Scythian burial also belong to the 6—4 centuries BC.

This burials and settlement near Zalomi are constitute an integral archaeological site. The materials of burier are very important to analysis the continuity of agricultural cultures at the frontiers of the Right Bank Forest-Steppe and Steppe late Bronze Age — early Iron Age.

Keywords: Scythian time, ground burial, funeral rites, burial items, the settlements, the right-bank borderland forest and steppe.

Одержано 24.02.2017

К. Ю. Пеляшенко

ЗОЛЬНИК ЦИРКУНОВСКОГО ГОРОДИЩА

В публикации освещены результаты раскопок единственного зольника на городище скифского времени у с. Циркуны.

Ключевые слова: зольник, культовые сооружения, скифское время, Лесостепь.

Холмообразные возвышения с высоким содержанием золы в грунте, получившие в литературе устойчивое название «зольники», являются распространенными археологическими объектами для памятников скифского времени Днепро-Донецкой Лесостепи, что в свое время послужило поводом для И.И. Ляпушкина предложить термин «зольничная культура», разделив ее на две хронологические группы: «раннезольничную» и «поздnezольничную» [Ляпушкин, 1950, с. 41—65; 1961, с. 18—29]. Традиция сооружения зольников в лесостепной зоне от Прикарпатья до Днепра прослеживается непрерывно от эпохи средней бронзы вплоть до раннего железного века. На территории Днепро-Донецкой Лесостепи данная традиция возникает вместе с миграцией населения из Днепровского Лесостепного Правобережья в предскифское время (жаботинский этап) и продолжает существовать на протяжении всего скифского времени.

Вопросу сооружения и функционального назначения зольников в научной литературе уделялось значительное внимание, и нет необходимости подробно останавливаться на историографии, она достаточно подробно изложена в ряде научных работ [Гершкович, 2004, с. 104—106; Русанова, 2002, с. 106—118]. Существует несколько мнений относительно их интерпретации: 1) культовые сооружения [Шрамко, 1957, с. 195—197; Андриенко, 1975; Бессонова, 1999, с. 125—126]; 2) свалки бы-

тового и строительного мусора [Рудинский, 1949, с. 79]; 3) объекты синкретического характера — соединение бытового и ритуального контекста [Дараган, 1996, с. 361; Гречко, 2006, с. 279]. Совмещение культовой трактовки зольников с производственно-бытовой предлагает и Я.П. Гершкович. Однако автор сомневается в том, что грунт, из которого насыпались т. н. зольники является зольным, объясняя возникновение возвышений результатом срезания культурного слоя вокруг заброшенной усадьбы и помещением его в центр жилища с возведением холма [Гершкович, 2004, с. 107]. Расположение же зольников бронзового века на определенном отдалении от синхронных поселений, по мнению Я.П. Гершковича, отражает их характер, как остатков хуторов или подворий, связанных с полукочевым хозяйством и отгонным скотоводством [Гершкович, 2004, с. 110—111]. К подобным выводам, на основе данных геохимического исследования почв, пришел Е.Н. Сава [Сава, 2011, с. 273—274].

Раскопки зольников скифского времени позволяют однозначно заключить следующее: по характеру и количеству комплексов, обнаруженных под ними, мощности слоя, размерам и структуре насыпи, они не отличаются однообразием. Ряд исследованных зольников содержали под своей насыпью одно или несколько жилых построек и хозяйственные объекты, под некоторыми зольниками обнаружены культовые комплексы, часть зольников не содержит ни того ни другого и сооружались на свободном пространстве. На сегодняшний день среди исследователей не существует единого мнения относительно процесса возведения и функционального назначения зольников культуры лесостепных племен скифского времени. В на-

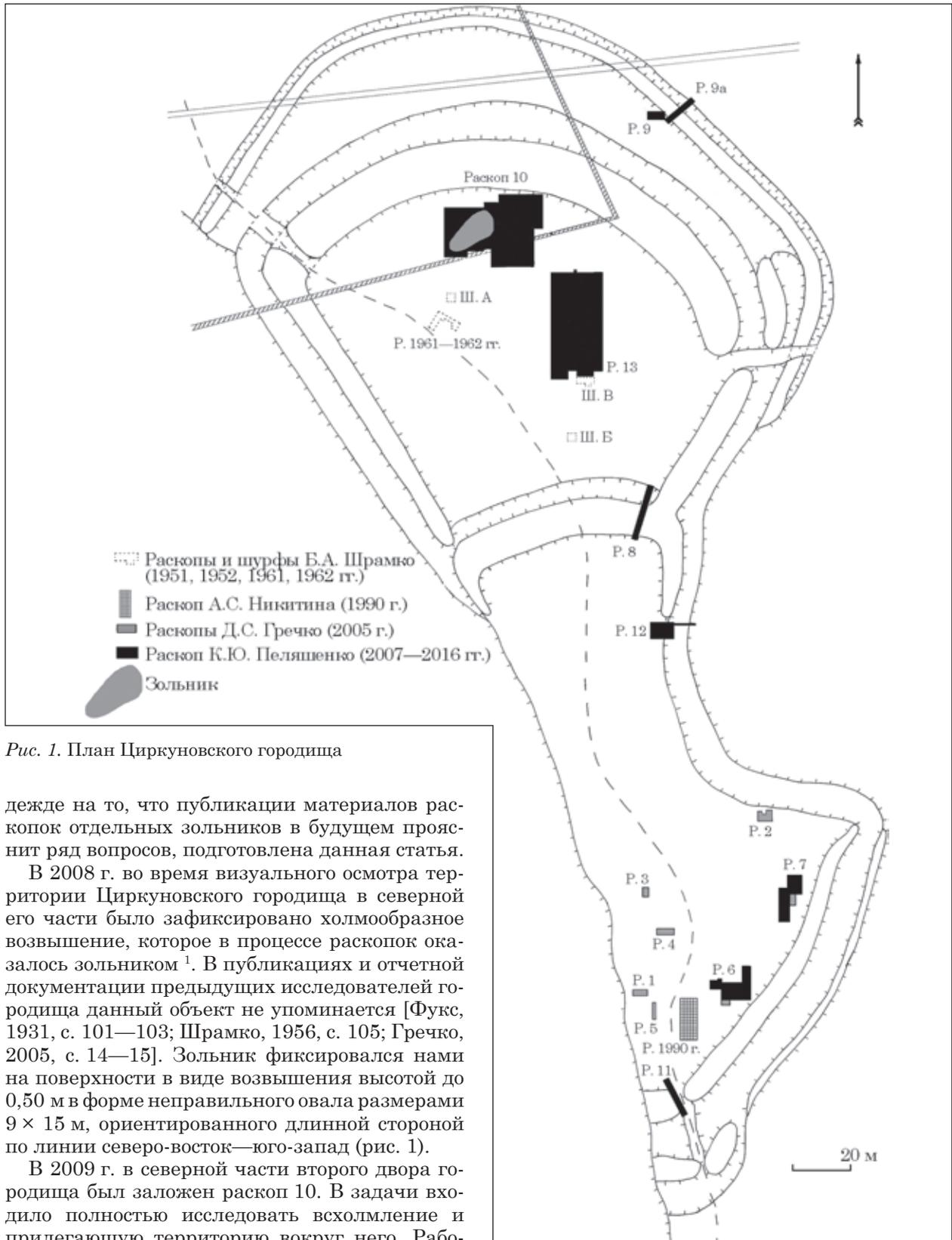

Рис. 1. План Циркуновского городища

дежде на то, что публикации материалов раскопок отдельных зольников в будущем прояснит ряд вопросов, подготовлена данная статья.

В 2008 г. во время визуального осмотра территории Циркуновского городища в северной его части было зафиксировано холмообразное возвышение, которое в процессе раскопок оказалось зольником¹. В публикациях и отчетной документации предыдущих исследователей городища данный объект не упоминается [Фукс, 1931, с. 101—103; Шрамко, 1956, с. 105; Гречко, 2005, с. 14—15]. Зольник фиксировался нами на поверхности в виде возвышения высотой до 0,50 м в форме неправильного овала размерами 9 × 15 м, ориентированного длинной стороной по линии северо-восток—юго-запад (рис. 1).

В 2009 г. в северной части второго двора городища был заложен раскоп 10. В задачи входило полностью исследовать всхолмление и прилегающую территорию вокруг него. Работы на раскопе 10 продолжались в 2009—2011, 2013 гг., общая площадь раскопа составила

668 м². Раскопки непосредственно зольника и прилегающих участков были осуществлены в 2009—2010 гг. [Пеляшенко, 2009, с. 8—14; Пеляшенко, 2010, с. 8—20]. В 2011, 2013 гг. исследована территория к востоку от него [Пеляшенко, 2011, с. 8—15; 2013, с. 15—20].

1. Циркуновское городище — памятник скифского времени, расположенный на мысу правого берега р. Харьков (Харьковский р-н и обл.), относится к северскодонецкому локальному варианту памятников Лесостепной Скифии.

СТРАТИГРАФИЯ, ПЛАНИГРАФИЯ НАСЫПИ, НАСЫЩЕННОСТЬ СЛОЯ АРТЕФАКТАМИ

В раскопе границы зольника фиксировались в стратиграфических разрезах, на зачистке по пропитанному золой суглинку, который был светлее, чем за пределами насыпи, а также по заполненным золой кротовинам. В плане насыпь имела неправильно овальную форму, вытянутую по линии северо-восток — юго-запад, при этом северо-восточная часть имела большую ширину, в то время как юго-западная сужалась к краю (рис. 2). Наибольшая длина составляла 14,5 м, ширина — 7,5 м.

В пределах зольника зафиксирована следующая стратиграфия: от современной поверхности до глубины 0,20—0,30 м черноземный грунт, насыщенный артефактами; ниже, до глубины 0,50—0,70 м черноземно-золистый грунт серого цвета, насыщенный материальными остатками; этот слой залегал на предматериковом суглинке, мощностью до 0,20 м, который постепенно переходил в глину желтого цвета (рис. 2). Более темный (черноземный), перекрывающий зольник, грунт, вероятнее всего, также содержал примесь золы, которая потемнела под воздействием природного фактора — гумусации поверхностного почвенного горизонта, в пользу этого говорит отсутствие резкой границы между верхним черным и нижним серым грунтом. Наибольшая мощность зольника и центр насыпи находились в кв. 6—8 / Г—Е, где золистый слой составлял 0,50 м. В некоторых местах в стенках раскопа зафиксированы прослойки глиняных выбросов, которые залегали на уровне древнего горизонта (рис. 2). За пределами зольной насыпи мощность культурного слоя (чернозем) составляла 0,30—0,40 м.

Поскольку северная часть городища никогда не подвергалась распашке, все находки в верхнем культурном слое залегают в не потревоженном состоянии. Это подтверждает находка целой зернотерки, обнаруженной на глубине 0,10 м, а также нетронутые развалы глиняной обмазки, которые фиксировались на глубине 0,10—0,15 м к востоку от зольника. Исходя из этого, можно заключить, что зольник и в древности имел такие же зафиксированные размеры и высоту.

Насыщенность слоя зольника значительно отличается от прилегающей территории и в целом от насыщенности находками культурных отложений на

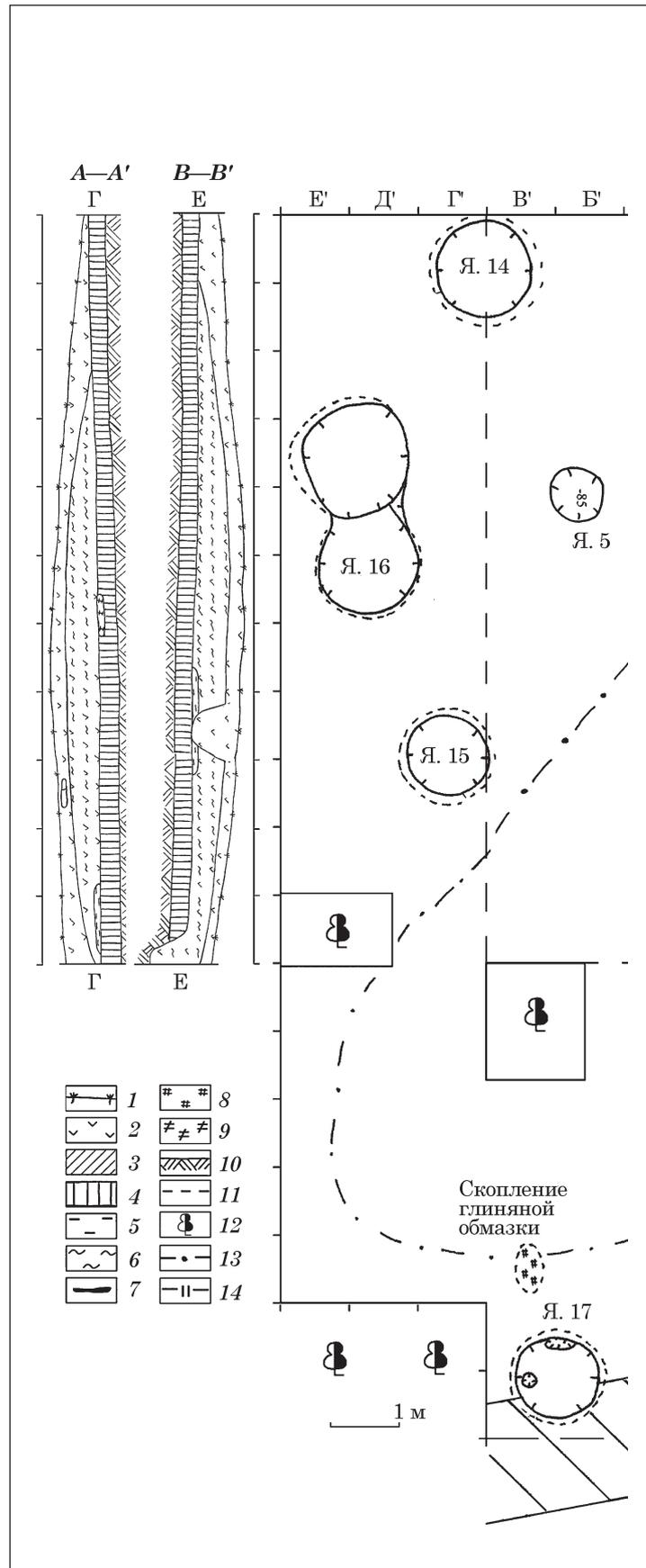
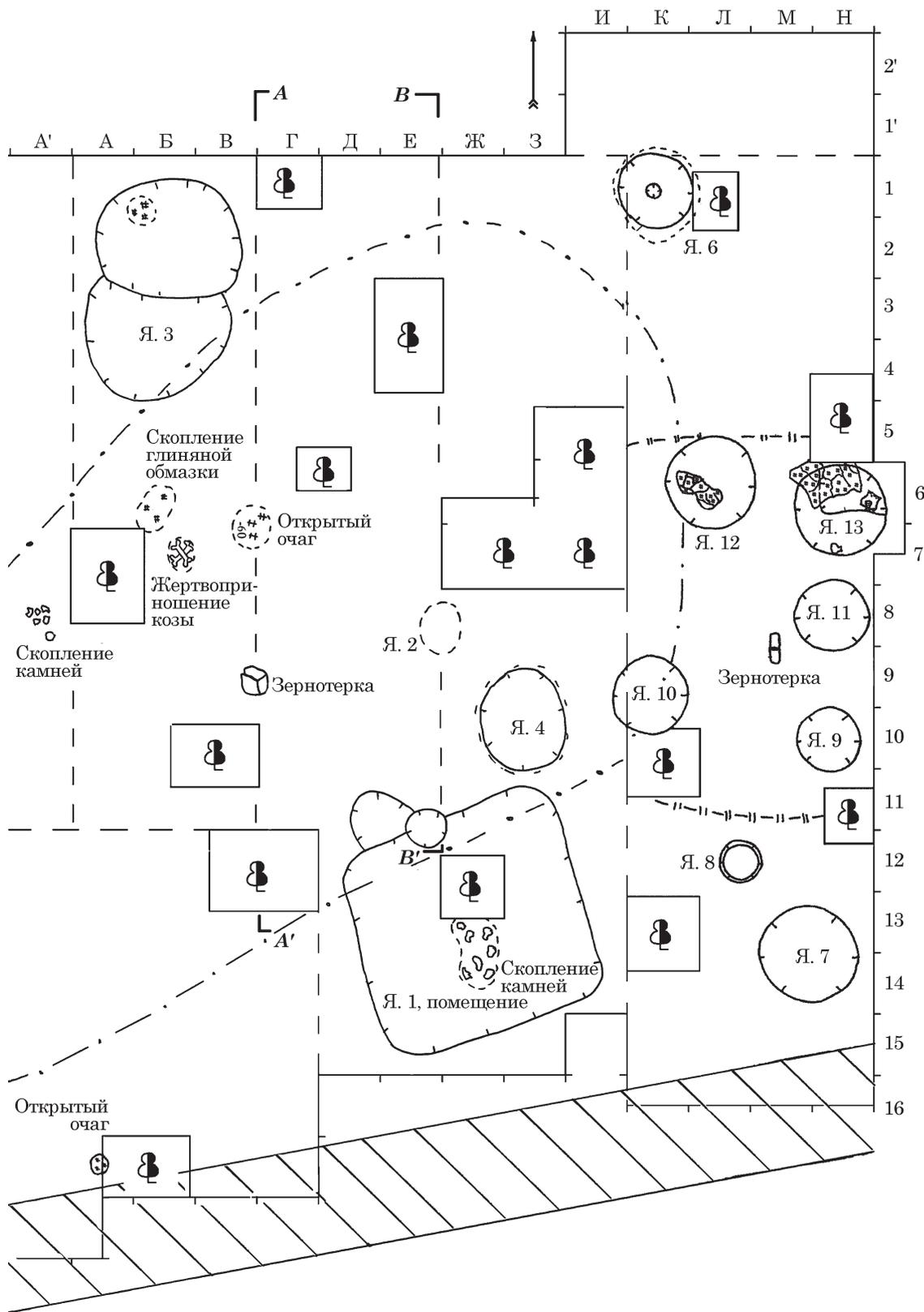
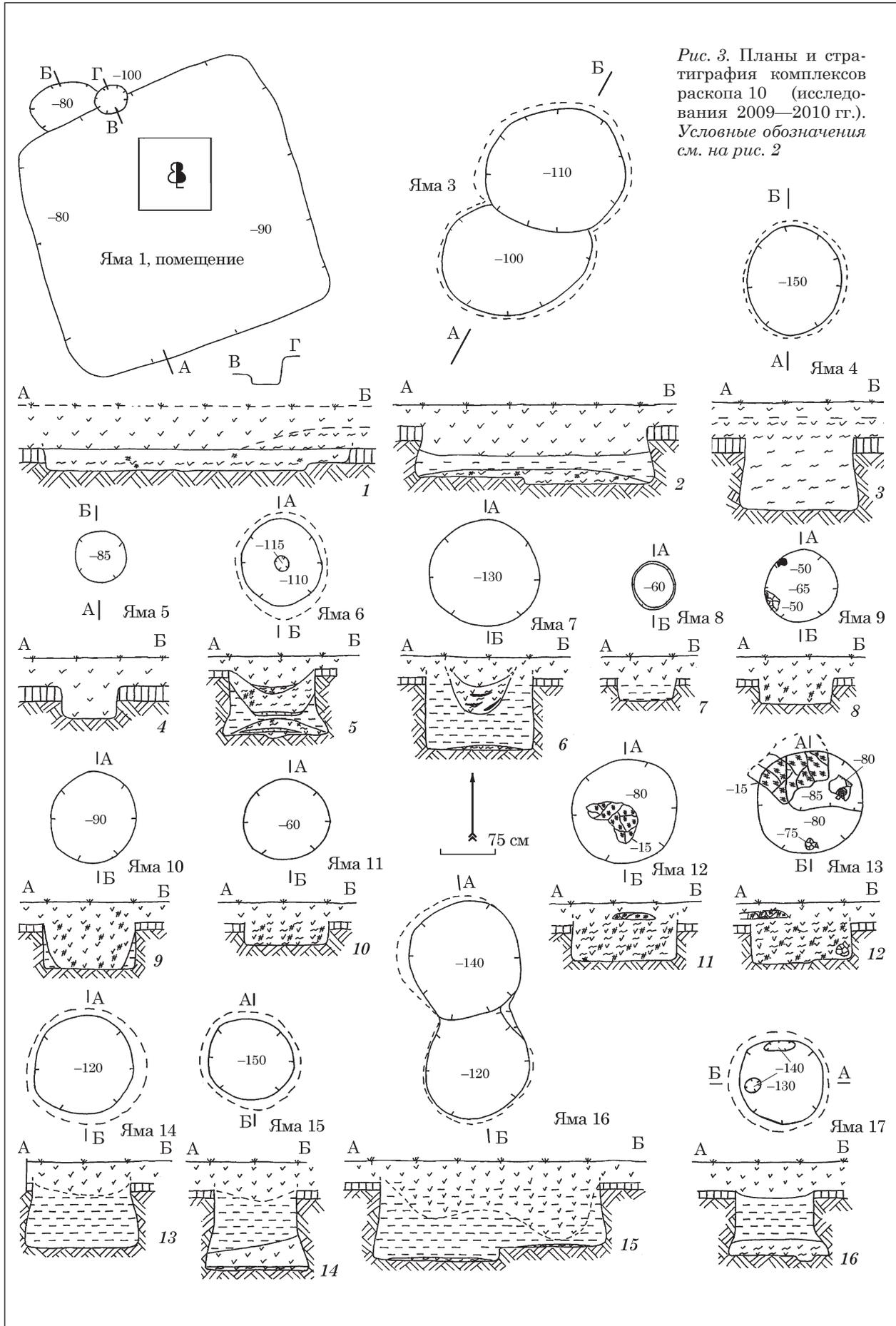

Рис. 2. План раскопа 10 (исследования 2009—2010 гг.) и 2 — чернозем; 3 — современная перекопка; 4 — суглинков; материковая глина; 11 — границы траншей раскопок; 12 — обожженной глиняной обмазки

стратиграфия насыпи зольника. Условные обозначения для рис. 2 и 3: 1 — уровень современной поверхности; 5 — переотложенная глина; 6 — зола; 7 — прослойки углей; 8 — зола; 9 — пропеченный суглинок; 10 — дерево; 13 — границы фиксации зольника; 14 — границы фиксации в культурном слое высокой концентрации

городище. Здесь она намного выше, при этом больше всего артефактов выявлено в верхнем слое (до глубины 0,20 м). На нижних горизонтах, до глубины 0,40—0,60 м количество артефактов на квадратный метр резко сокращается, в 5—10 раз. Максимальная концентрация зафиксирована в траншее, которая проходила через центр зольника. Здесь в кв. 3—11 / Г—Е в верхнем слое (до 0,20 м) фиксировалось от 70 до 130 фрагментов лепной посуды на один квадратный метр. Остальной массивный материал представлен костями животных, фрагментами глиняной обмазки, кусками песчаника и кварцита, которые встречаются в значительно меньшем количестве, чем керамика. В нижних горизонтах зольника количество керамического боя на один квадратный метр уже составляло до 20 фрагментов.

Периферийные участки зольника не отличались такой высокой концентрацией, как центр. Находки фрагментов лепной посуды здесь составляли до 40/1 м² в верхнем слое, количество которых, соответственно, сокращалось ближе к древней поверхности. За пределами зольного холма фрагменты лепной керамики встречаются в среднем количестве до 10—15/1 м², единичные фрагменты глиняной обмазки, камней и очень мало костей. Относительно остеологических материалов можно сказать, что в зольнике они сохраняются намного лучше и, соответственно, их количество больше, чем на остальных участках культурного слоя городища, где кости животных имеют очень плохую сохранность.

ОБЪЕКТЫ ПОД ЗОЛЬНИКОМ

Непосредственно под зольником обнаружено небольшое количество археологических объектов. Из хозяйственно-бытовых комплексов, находящихся полностью под зольной насыпью только одна яма 4. Она расположена в юго-восточной части зольника и была зафиксирована с глубины 0,40 м (рис. 2). Она имела округлую форму, диаметром верхней части 1,30 м, глубину от уровня современной поверхности 1,50 м. Прямые стенки ямы с глубины 0,80 м расширялись в подбой, глубиной до 0,15 м (рис. 3, 3). Примечательно, что заполнение ямы отличалось от других объектов на городище. Она была полностью заполнена очень мягкой золой светло-серого цвета, в котором обнаружены лишь единичные фрагменты лепной посуды, на глубине 0,80 м найдена глиняная модель хлебца (рис. 7, 9).

Яма 2, по всей видимости, является современным перекопом, т. к. в стенке траншеи фиксировалась с верхнего слоя, имела форму воронки, без четкого контура стен и ровного дна, что не свойственно комплексам скифского времени (рис. 2).

В центральной части зольной насыпи, с небольшим смещением на запад, находился от-

крытый очаг, который фиксировался в виде пропеченного на 0,10 м суглинка, ярко оранжевого цвета (рис. 2). Прокаленный участок суглинка имел округлую форму и размеры 0,25 × 0,30 м. Очаг фиксировался с глубины 0,60 м от современной поверхности, под зольными отложениями, что говорит о том, что он, вероятнее всего, использовался до начала сооружения насыпи.

В одном метре к западу (кв. 7/Б) от открытого очага найден целый скелет молодой овцы (определение В.Л. Бондаренко), который можно интерпретировать как жертвоприношение (рис. 2). Отсутствовала центральная часть позвоночника, отдельные части конечностей. Однако, данный объект, по всей видимости, не связан с прокаленным участком, т.к. был зафиксирован в верхних отложениях, на глубине 0,30 м. Жертвоприношение было размещено на участке 0,50 × 0,35 м, из-за густой корневой системы растущего рядом дерева, которая частично нарушила первоначальное положение, не удалось точно зафиксировать положение скелета. В районе ребер был обнаружен обломок железного плоского наконечника стрелы, которым, возможно, животное было умерщвлено (рис. 8, 9).

Кроме того, в слое зольника найдено несколько скоплений: небольшое скопление глиняной обмазки с отпечатками прутьев, недалеко от жертвоприношения, которое залегало на глубине 0,30 м и занимало площадку 0,60 × 0,30 м; такое же по размеру скопление обмазки найдено на юго-западном краю зольника; на глубине 0,20 м в кв. 8/А' зафиксировано небольшое скопление камней песчаника (рис. 2). Данные объекты можно интерпретировать как выбросы.

ОБЪЕКТЫ ЗА ЗОЛЬНИКОМ

Если под зольником отмечено почти полное отсутствие жилищно-хозяйственных комплексов, то вокруг насыпи довольно тесное размещение хозяйственных ям и одно помещение. Некоторые из них (помещение, ямы 3, 10, 12) частично перекрывал слой зольного грунта.

Помещение (яма 1) обнаружено к югу от центра зольника (рис. 2). Имело подквадратную в плане форму углубленного в материк котлована, с закругленными углами. Ориентировано по линии северо-запад—юго-восток, размеры 3,60 × 3,80 м (рис. 3, 1). Глубина объекта от уровня современной поверхности 0,90 м. В северо-восточной стенке зафиксирована небольшая яма размерами 0,40 × 0,50 м, углубленная на 0,10 м от уровня пола помещения. Рядом с ней зафиксирована ступенька размерами 1,0 × 0,60, на 0,10 м выше уровня пола, вероятнее всего это был вход. Заполнена яма черноземно-золистым грунтом (идентичным насыпи зольника) насыщенным бытовыми ос-

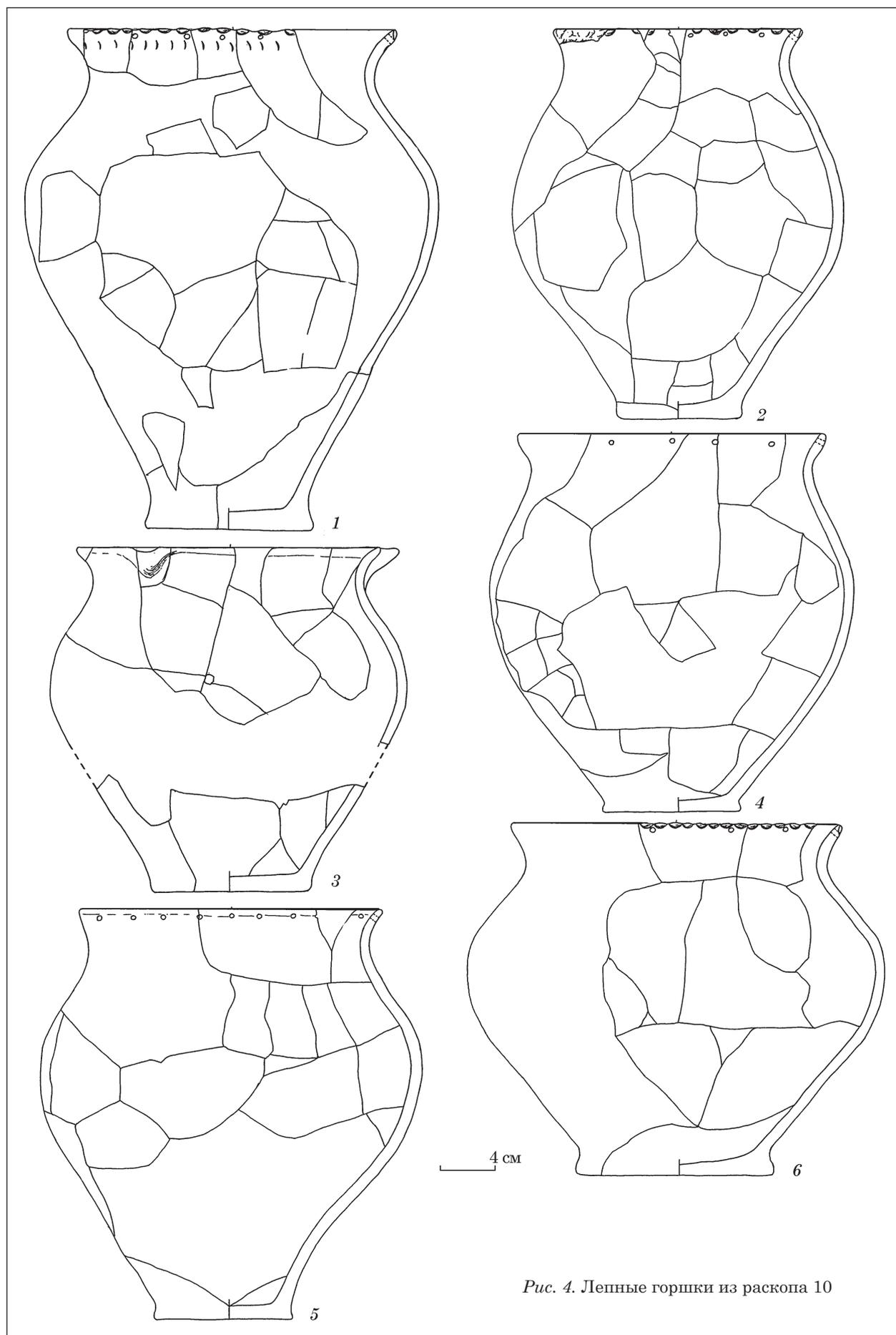

Рис. 4. Лепные горшки из раскопа 10

татками (фрагменты лепной керамики, кости животных). В засыпке центральной части, на глубине 0,60 м, найдено скопление камней песчаника. На дне помещения обнаружены бронзовый наконечник стрелы, фрагмент железного ножа и браслет, маленькая мисочка и глиняная подвеска, орнаментированная солярным знаком (рис. 6, 26; 7, 21; 8, 5, 8, 10).

К востоку от зольника, в кв. 5—11 / К—Н в культурном слое фиксировалась высокая концентрация фрагментов обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев (рис. 2). Эти фрагменты залегали в верхнем слое, почти от современной поверхности, первые куски об-

мазки были извлечены еще при трассировке траншеи, т. е. с глубины до 0,05 м. Всего на этом участке на глубине до 0,40 м обнаружено около 900 фрагментов обмазки. Плотные скопления сброшенной обмазки были зафиксированы лишь в некоторых местах, над ямами 12 и 13. Под этими квадратами обнаружена группа из пяти ям (ямы 9—13). Все они округлой формы, диаметром 1,0—1,5 м, с прямыми стенками, сравнительно не глубокие (0,60—0,90 м от современной поверхности). Фрагменты обмазки найдены и в заполнении самих ям (рис. 3, 8—12). Ритуальный сосуд, с нанесенной идеограммой найден на дне ямы 13, он был положен на бок и накрыт большим обломком кухонного горшка

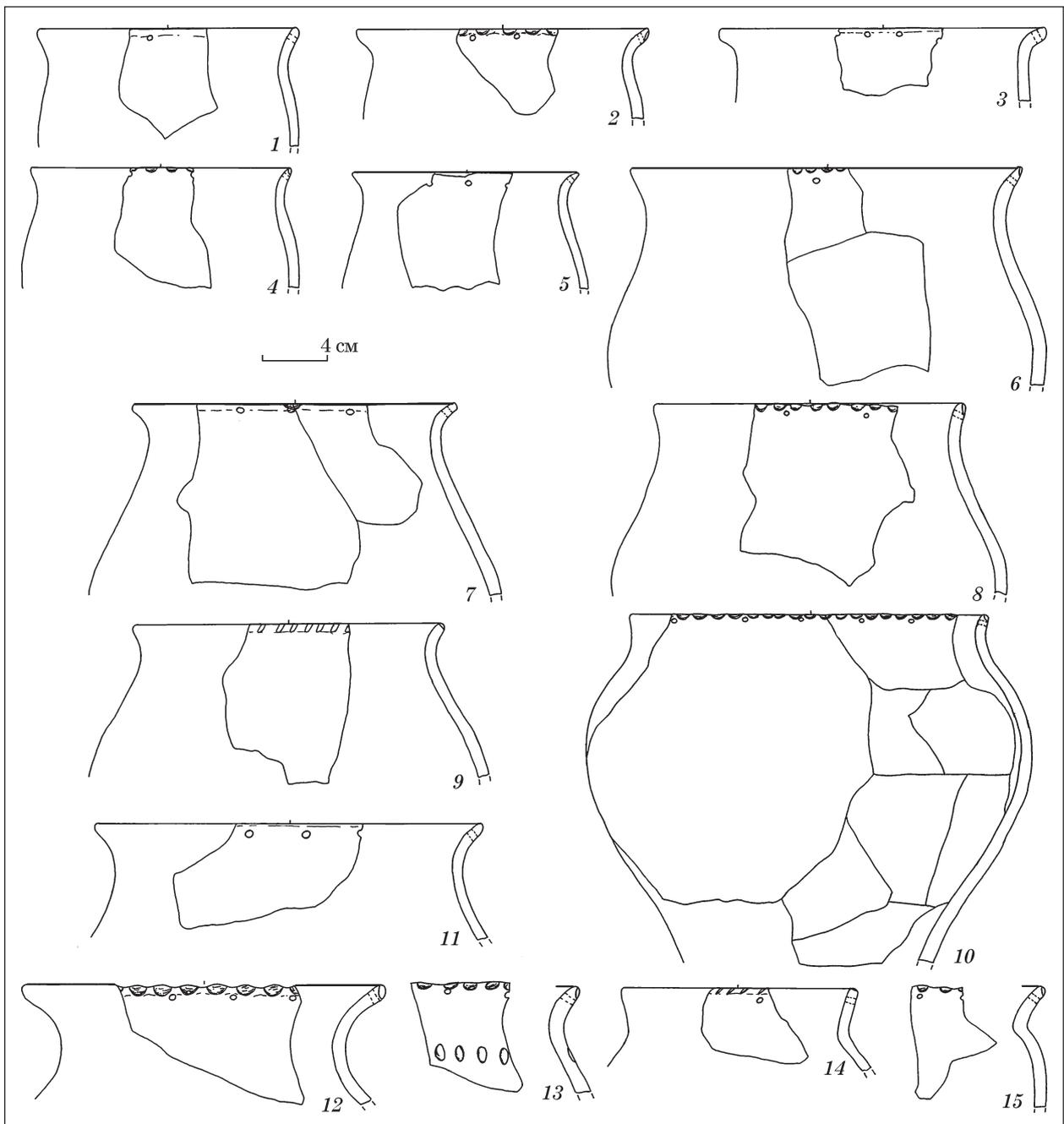

Рис. 5. Фрагменты лепных горшков из раскопа 10

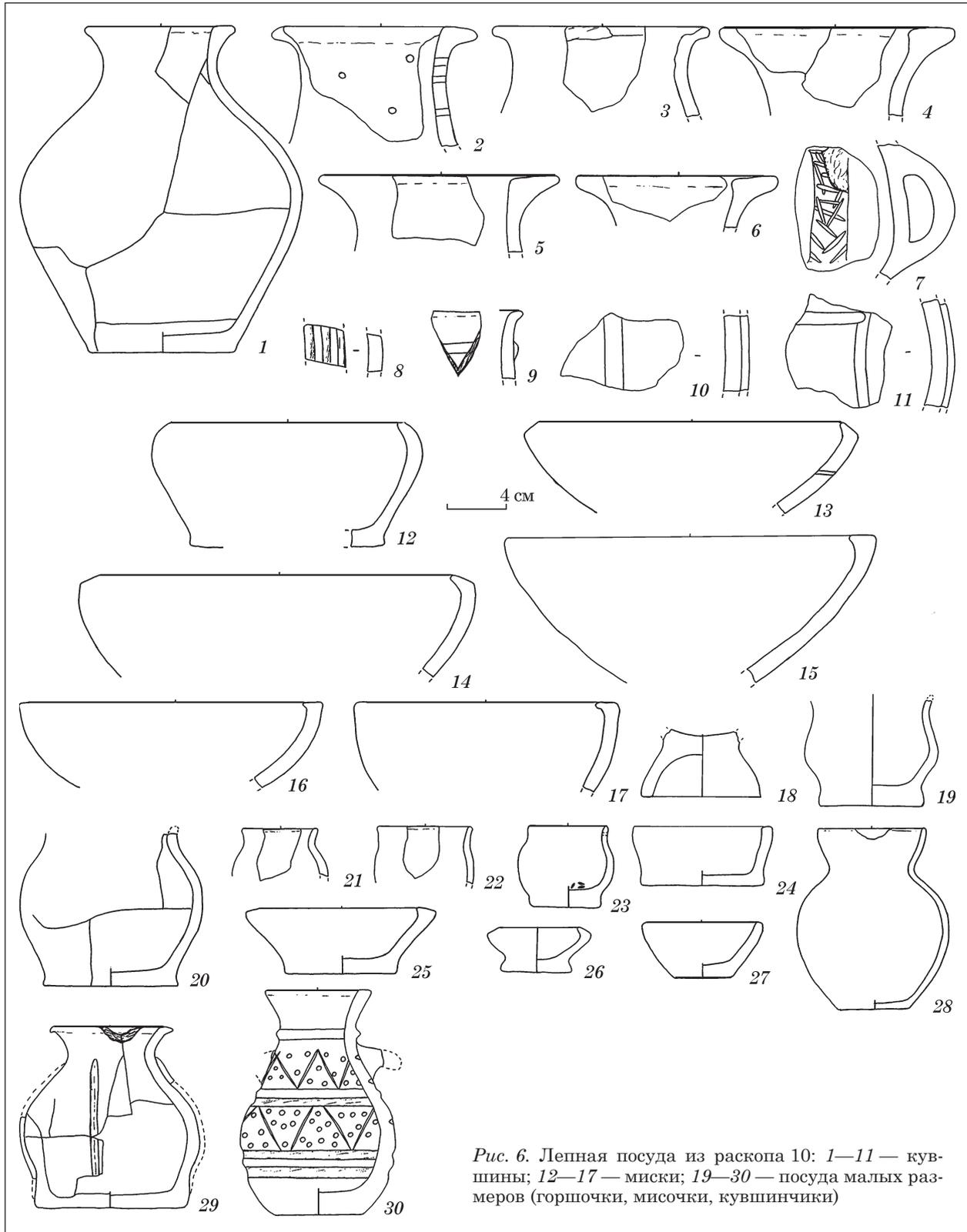

Рис. 6. Лепная посуда из раскопа 10: 1—11 — кувшины; 12—17 — миски; 19—30 — посуда малых размеров (горшочки, мисочки, кувшинчики)

(рис. 6, 30)¹. В этой же яме найден развал кувшина и нескольких горшков (рис. 4, 5, 6; 6, 1).

Другие объекты расположенные рядом с зольником также представлены ямами, преимущес-

твенно округлой формы (ямы 6—8, 14, 15, 17). Они имели диаметр от 0,70 до 1,5 м, глубину от уровня современной поверхности от 0,60 до 1,50 м. Ямы 6 и 17 имели на дне столбовые ямки диаметром 0,20 и глубиной 0,05—0,10 м. От описанных выше комплексов их отличает характер заполнения, а именно присутствие твердого за-

1. Данной находке посвящена отдельная публикация [Пеляшенко, 2015, с. 221—229].

течного глинистого или черноземно-глинистого грунта практически без материальных остатков (рис. 3, 5—7, 13, 14). Данное наблюдение указывает на то, что на каком-то этапе эти комплексы стояли открытыми и не подвергались антропогенному воздействию, в то время как ямы, обнаруженные под выбросом обмазки, были засыпаны сразу после их эксплуатации.

Интерес представляют две ямы расположенные к западу от зольника (ямы 3 и 16) (рис. 2). В плане они имели восьмерковидную форму, образующуюся соединением двух округлых ям. Фиксация продольных разрезов позволяет утверждать, что это не перерезающие друг друга одновременные ямы, а единый комплекс (рис. 3, 15, 16). Округлые части в диаметре примерно равны по размеру, но отличаются глубиной: одна часть на 0,1—0,2 м глубже. Возможно, данные ямы использовались для сортировки, перебирания или пересыпания продуктов питания.

Помимо углубленных в материк объектов, к югу от западной части зольника обнаружен еще один открытый очаг в кв. 17 / А—А' (рис. 2). Также как и очаг в центральной части зольника, он фиксировался в виде округлой площадки пропеченного до ярко оранжевого цвета суглинка.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Материал, найденный в зольнике и культурных отложениях возле него, по своему составу существенно не отличается от общего комплекса материальных остатков, найденных на городище. Как обычно, наиболее массовым материалом является лепная посуда, среди которой больше всего фрагментов горшков. Они представлены четырьмя типами: 1) слабопрофилированные, со слабо выраженным профилем тулова (рис. 5, 1—5); 2) среднепрофилированные (рис. 4, 4; 5, 6—9); 3) горшки с развитым профилем и дугообразно изогнутой шейкой (рис. 4, 1, 2, 5, 6; 5, 10—13); 4) профилированные горшки с резко отогнутым, раструбовидным венчиком (рис. 5, 14, 15). В количественном отношении, в материалах зольника более всего представлены профилированные сосуды типа 2 и 3. Для горшков характерна орнаментация по краю венчика, которая присутствует на большинстве сосудов. Самый распространенный орнамент — пальцевые вдавления по краю в сочетании с проколами. Кроме того, встречается декор в виде косых насечек по краю, ногтевых вдавлений на шейке. Найден также археологически целый профилированный сосуд с носиком для слива (рис. 4, 3).

В меньшем количестве представлены миски округло конической формы, среди которых можно выделить разновидности по оформлению верхней части бортика: с резко загнутым под острым углом краем (рис. 6, 13, 14); с округлым

корпусом и плавно загнутым краем (рис. 6, 12); с резко загнутой под прямым углом краевой (рис. 6, 15, 17). Последние являются преобладающей разновидностью. Часть мисок имела поддоны, фрагменты которых также представлены в материалах зольника (рис. 6, 18).

Для материалов Циркуновского городища характерно довольно большое количество (в сравнении с другими памятниками) находок фрагментов лепных кувшинов (8,5 % от общего количества фрагментов лепной керамики). Все кувшины имеют узкое, относительно профилированного тулова, горло, утолщенный, подтреугольный в сечении венчик (рис. 6, 1—6). Петлевидные ручки, как правило, украшены продольными каннелюрами или другими видами резного орнамента (рис. 6, 7, 8). В редких случаях тулово кувшинов украшалось наlepным валиком (рис. 6, 9—11). К еще одной группе лепной керамики относится посуда малых размеров — уменьшенные копии горшков, мисок, кувшинов (рис. 6, 19—30).

Мелкая глиняная пластика, которая многими исследователями интерпретируется как культовые предметы, в слоях зольника представлена значительным количеством. Из зольника и территории примыкавшей непосредственно к нему происходит 29 глиняных моделей, что составляет 58 % от общего количества данной категории предметов, найденных на городище. В самом же золистом слое найдено 20 артефактов. Из них больше всего зафиксировано т. н. глиняных лепешек или хлебцев (рис. 7, 8—16). По два экземпляра представлены антропоморфные статуэтки (рис. 7, 1, 2) и миниатюрные сосудики (рис. 7, 3, 4). Обнаружено три сферических предмета — объемные глиняные изделия шарообразной или биконической формы. Существует мнение, что эти модели являются имитацией плодов и зерен [Шрамко, 1999, с. 39; Бессонова, Скорый, 2001, с. 88]. К миниатюрной пластике можно отнести фрагмент колесовидного предмета (рис. 7, 20), а так же несколько не поддающихся определению изделий: фрагмент уплощенного изогнутого предмета с четырьмя подтреугольными выступами на одной стороне (напоминающий гребешок) (рис. 7, 7); прямоугольной формы уплощенный предмет с рельефным валиком, проходящим по всей длине через центр и немного выступающий с одной стороны (рис. 7, 5); фрагмент стержневидного изделия со сквозным отверстием (рис. 7, 6).

Довольно большим количеством представлены глиняные пряслица (29 целых и фрагментарных: цилиндрической, шаровидной, овальной, округло-биконической формы (рис. 7, 22—50). Еще одно изделие из глины — небольшая подвеска, плоская часть которой разбита крестом на четыре поля, в каждом из которых нанесено по одному круглому вдавлению (рис. 7, 21).

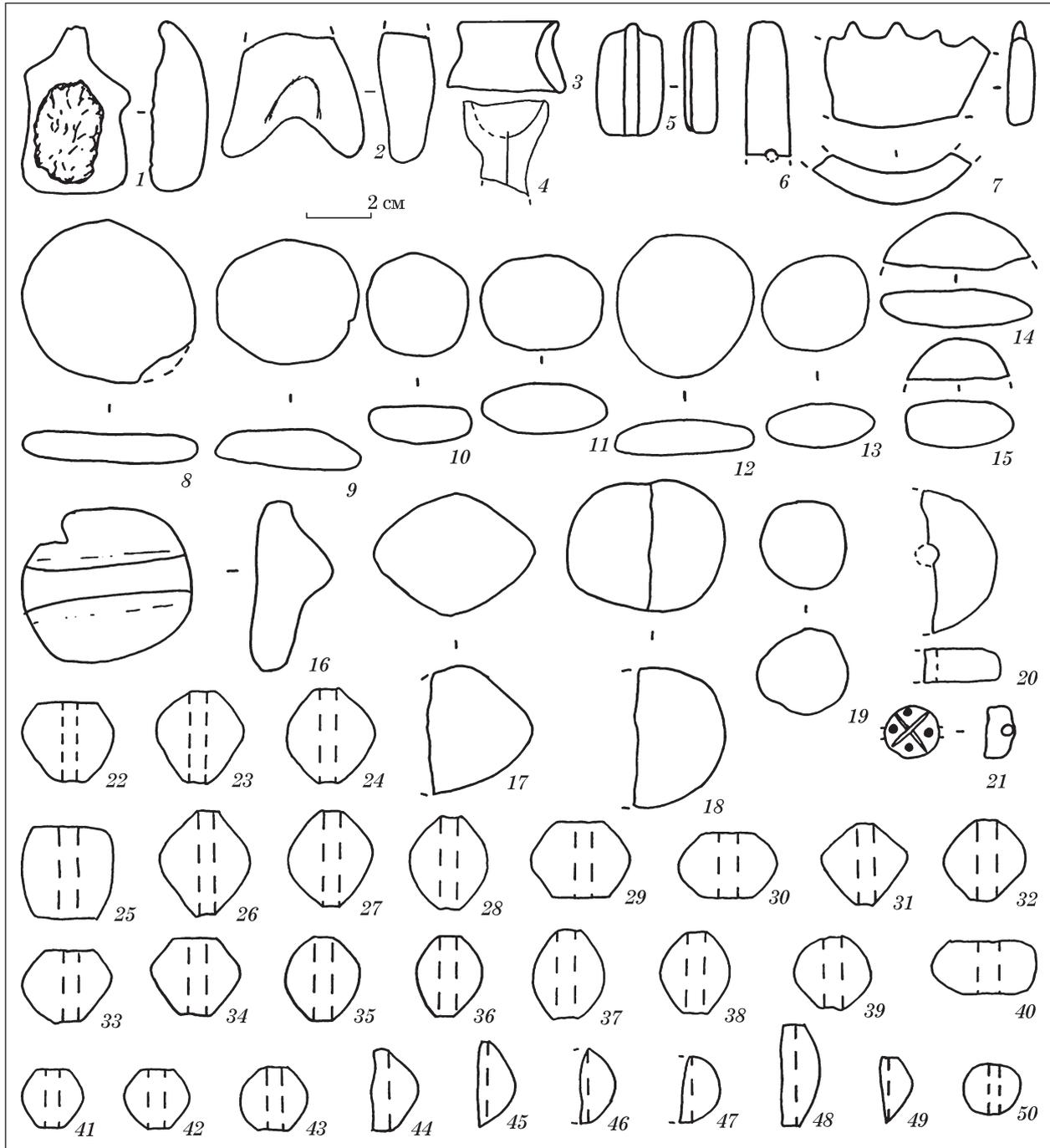

Рис. 7. Миниатюрная глиняная пластика (1—20), глиняная подвеска (21), глиняные прясла (22—50) из раскопа 10

Изделия из цветных металлов, найденные в зольнике представлены двумя предметами: бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, относящийся к отделу II тип 5 по А.И. Мелюковой [Мелюкова, 1961, с. 28] и треугольная (свинцовая?) подвеска с отверстием в центре (рис. 8, 10, 11). Железных артефактов выявлено больше. Два столбиковых серпа найдены в кв. 8 / А' и 10 / В' на уровне древней поверхности в нескольких метрах друг от друга (рис. 8, 1, 2). В районе жертвоприношения овцы обнаружена железная мотыжка (рис. 8, 13), между костями самого жертвоприношения — фраг-

мент плоского наконечника стрелы (рис. 8, 9). Другие артефакты представлены несколькими целыми и фрагментированными ножами, большинство из которых имеет горбатую спинку (рис. 8, 3—7), тремя проколками (рис. 8, 14—16) и проволочным браслетом (рис. 8, 8). Среди изделий из камня можно обозначить фрагменты кварцитовых и песчаниковых зернотерок, терочники, песчаниковые абразивы со следами заточки орудий, оселок (рис. 8, 17). Из костяных предметов в зольнике найдена только рукоять ножа (рис. 8, 12). Всего же в слое зольника обнаружено более 1 тысячи кос-

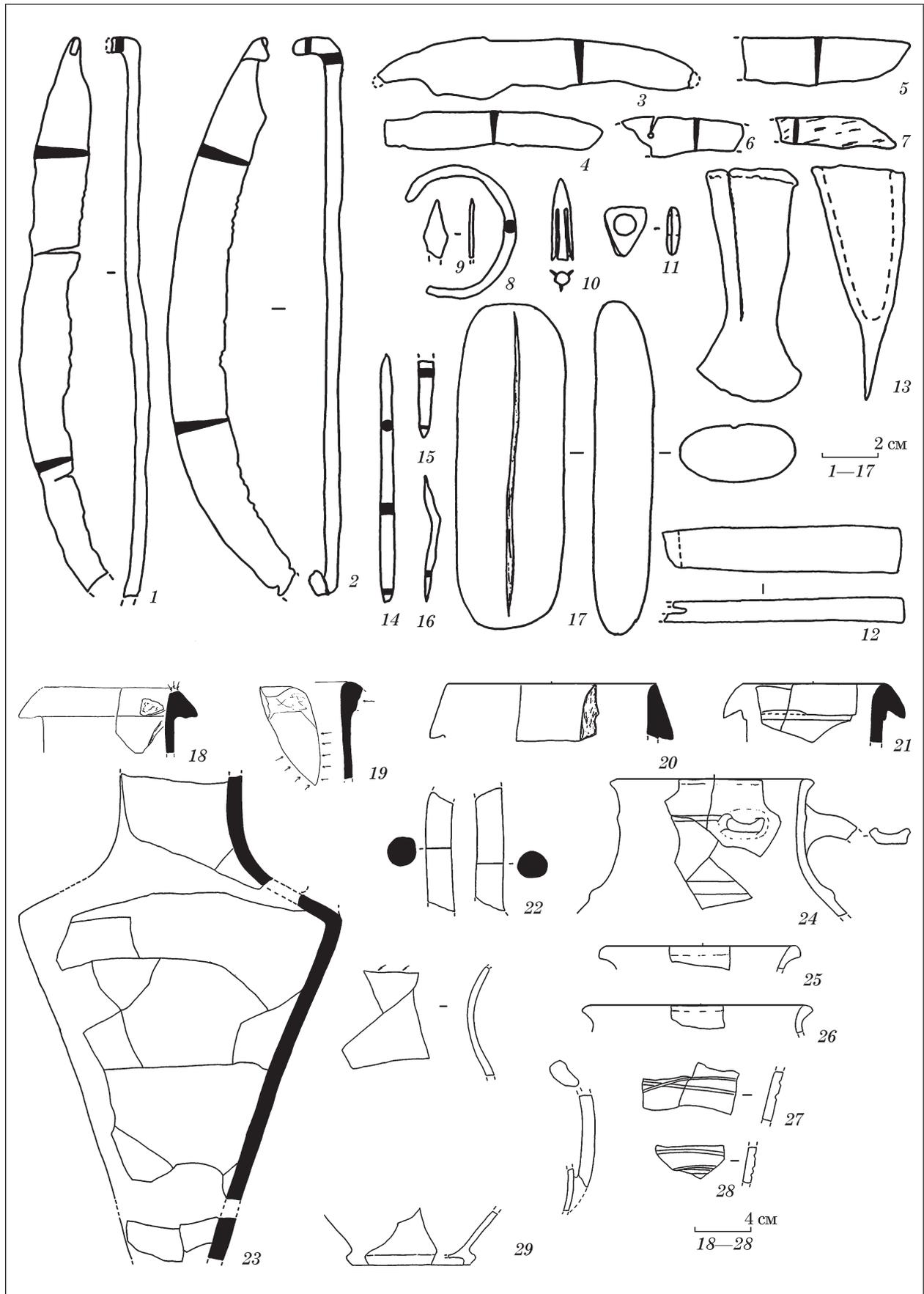

Рис. 8. Находки из раскопа 10: 1, 2 — серпы; 3—7 — ножи; 8 — браслет; 9, 10 — наконечники стрел; 11 — подвеска; 12 — рукоять ножа; 13 — мотыжка; 14—16 — проколки; 17 — оселок; 18—23 — античные амфоры; 24—29 — гончарная керамика (1—9, 13—16 — железо; 10 — бронза; 17 — камень; 18—29 — глина)

тей животных, среди них преобладают коровы (38,05 %), лошади (32,15 %), козы (19,51 %). Остальные виды животных представлены малым количеством: свинья (3,69 %), овца (0,85 %), собака (0,60 %), олень (3 %), кабан (1,89 %), заяц (0,08 %) ¹ [Пеляшенко, 2009, с. 19].

Для определения даты сооружения зольника основным материалом служат находки античной импортной керамики. Весь античный материал определен с. н. с. Музея археологии ХНУ им. В.Н. Каразина С.А. Задниковым, которому я благодарен за помощь. Представлены фрагменты амфор следующих центров: Книд (рис. 8, 21), Гераклея (рис. 8, 23), Кос (рис. 8, 22), Родос (рис. 8, 20). Эти материалы, а так же весь комплекс найденных предметов позволяют отнести время сооружения зольника к IV в. до н. э. Наиболее поздний фрагмент венчика амфоры производства о. Родос, который датируется концом IV — началом III вв. до н. э. найден в верхнем заполнении ямы 7 к востоку от зольника.

Следует также отметить, что среди материалов раскопок Циркуновского городища довольно часто встречаются фрагменты сероглиняной гончарной керамики, аналогии которой находим среди сарматских и меотских древностей. Однако, они отсутствуют в слое зольника. Фрагменты гончарной сероглиняной керамики найдены за его границами (рис. 8, 24—28), что может свидетельствовать о появлении данного импорта на городище после сооружения зольника, т. е. не ранее конца IV в. до н. э.

В целом, можно заключить, что зольник был сооружен на свободной от объектов площадке городища, в условном центре которой находилось кострище, зафиксированное в виде пропеченного суглинка. Площадка находилась на территории или рядом с усадьбой: к югу от зольника находилось жилище, а вокруг нее хозяйственные ямы. Можно только предположить, что зольник начал формироваться еще в процессе существования усадьбы, но заключительный этап однозначно относится уже ко времени прекращения жизни на этом участке, т.к. помещения и часть комплексов были перекрыты насыпью. Сама насыпь состояла из золистого или черноземно-золистого грунта, насыщенного бытовым мусором, по своему количеству значительно превышающим находки в культурном слое.

Ритуальный характер единственного зольника на городище не вызывает сомнения. В пользу этого говорит большое количество предметов миниатюрной глиняной пластики, одной из функций которых было культовое предназначение, а также жертвоприношение целой овцы в слое, возможно, умерщвленной стрелой.

1. Определение остеологического материала из наших раскопок осуществляется старшим научным сотрудником Музея природы ХНУ им. В.Н. Каразина В.Л. Бондаренко, которому я признателен за труд.

В тоже время нельзя исключать и утилитарную функцию: использование этого места для сброса золы с домашними бытовыми отходами.

Присутствие таких объектов как зольники на городищах скифского времени Днепро-Донецкой Лесостепи довольно редкое явление. Помимо Циркуновского, по одному зольнику обнаружено на Караванском, Червонососовском и Кнышовском городищах [Шрамко, 1957; 1972, с. 11; Ильинская, 1957]. Большим количеством они представлены на городищах Полковая Никитовка, Западное Бельское [Моруженко, 1988, с. 33—34; Шрамко, 1987, с. 28—29]. На укрепленных поселениях к западу от Днепра зольники известны на Немировском, Пастырском, Мотронинском городищах [Бессонова, 1999, с. 115; Русанова, 2002, с. 115]. В тоже время, зольные слои насыщенные бытовыми отходами (точно такие же, как на «классических» зольниках) неоднократно фиксируются с внутренней стороны оборонительных сооружений, не образуя холмообразных возвышений [Гречко, 2010, с. 39]. Однако, по нашим наблюдениям, не везде, а в основном в местах неровного естественного рельефа, в основном это склон мыса, на котором располагается памятник. Подобная картина зафиксирована и на Циркуновском городище в раскопах 6, 7, 12 (рис. 1). Это более всего похоже на попытки нивелировать жилую площадку путем засыпания склона выбросами из очага с бытовым мусором.

В связи с этим возникает сомнение относительно мнения ряда исследователей о сакральном значении золы, почтительном отношении к ней, как частице священного домашнего очага и, соответственно, интерпретации зольников как мест совершения культов домашнего очага [Шрамко, 1957, с. 197; Русанова, 2002, с. 113—114]. Помимо описанных выше случаев ссыпания зольного грунта по склону, такие же прослойки неоднократно фиксируются в заполнении хозяйственных ям. Слой золы с бытовым мусором был использован как основа при сооружении вала второго периода Циркуновского городища, зафиксированный в раскопе 11 при разрезе вала у южного входа (рис. 1). Исходя из этого, говорить о сакрализации золы и культе домашнего огня населением скифского времени не приходится. Характер золы, содержащийся в зольниках, позволил исследователям высказаться относительно того, что она могла быть образована и в результате сожжения большого количества соломы или сухой травы [Гречко, 2006, с. 275].

По всей видимости, зольники являются отражением не сакрализации золы, а сакрализации определенного пространства, как культового участка. Единичность зольников на небольших по площади городищах, таких как Циркуновское, может свидетельствовать в пользу не семейного, а общественного характера культов, содержание которых все еще является открытым вопросом.

Андриенко В.П. Земледельческие культуры племен Лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1975 — 18 с.

Бессонова С.С. Центральный зольник Мотронинского городища // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. — М., 1999. — С. 115—126.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — Киев; Краков, 2001. — 256 с.

Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудского типа // РА. — 2004 — № 4. — С. 104—113.

Гречко Д.С. Отчет об исследовании памятников скифского времени у сел. Протопоповка и Циркуны на Харьковщине в 2005 году / НА ІА НАН України. — 2005/5.

Гречко Д.С. К вопросу о функциональном назначении зольников северскодоонецкой группы памятников скифского времени // Вісн. Харків. національ. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. — 2006. — № 728: Історія. — С. 273—281.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010 — 286 с.

Дараган М.Н. К вопросу о функционально-семиотической интерпретации раннескифских зольников Днепровской Лесостепи // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996. — С. 359—362.

Ильинская В.А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. — 1957. — Т. 27. — С. 232—249.

Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского Лесостепного Левобережья (по материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма) // СА. — 1950. — Т. 12. — С. 41—65.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — М., 1961. — 383 с. (МИА. — № 104).

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1-4).

Моруженко А.А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы // СА. — 1988 — № 1. — С. 33—52.

Пеляшенко К.Ю. Звіт про розкопки на Циркунівському городищі скіфського часу, у Харківському районі Харківської області в 2009 р. / НА ІА НАН України. — 2009/[б. н.].

Пеляшенко К.Ю. Звіт про розкопки на Циркунівському городищі скіфського часу, у Харківському районі Харківської області в 2010 р. / НА ІА НАН України. — 2010/[б. н.].

Пеляшенко К.Ю. Звіт про розкопки на Циркунівському городищі скіфського часу, у Харківському районі Харківської області в 2011 р. / НА ІА НАН України. — 2011/[б. н.].

Пеляшенко К.Ю. Звіт про розкопки Циркунівського городища скіфського часу, в Харківському районі Харківської області в 2013 р. / НА ІА НАН України. — 2013/[б. н.].

Пеляшенко К.Ю. Ритуальна посудина з розкопок городища скіфського часу біля с. Циркуни // АДІУ. — 2015. — Вип. 2 (15). — С. 221—229.

Рудинський М.Я. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. // АП УРСР. — 1949. — Т. 2. — С. 53 — 69.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества: Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. — Черновцы, 2002. — 172 с.

Сава Е.Н. Новые данные о происхождении и функциональности «зольников» на поселениях эпохи поздней бронзы Юго-Восточной Европы // Тр. III (XIX) Всерос. АС. — 2011. — Т. 1. — С. 273—274.

Фукс М. Про городища скитської доби на Харківщині // Зап. ВУАК. — К., 1931. — Т. 1. — С. 101—103.

Шрамко Б.А. Курган и городище у с. Циркуны // КСИИМК. — 1956. — Вып. 63. — С. 103—108.

Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. — 1957. — № 1. — С. 178—198.

Шрамко Б.А. Отчет о работах скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1972 г. / НА ІА НАН України. — 1972/61.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.

Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры Лесостепной Скифии // РА. — 1999 — № 3. — С. 35—49.

К.Ю. Пеляшенко

ЗОЛЬНИК ЦИРКУНІВСЬКОГО ГОРОДИЩА

На території Циркунівського городища відомий тільки один зольник, що розташований у північній частині другого двору пам'ятки. В результаті розкопок 2009—2010 рр. він був повністю досліджений з прилеглою до нього територією. Зольник мав овальну форму, розміри 14,5 × 7,5 м і потужність культурних нашарувань до 0,70 м. Зафіксована значна насиченість ґрунту матеріальними залишками (фрагменти ліпного посуду, кістки тварин, каміння та ін.), набагато більше ніж у культурному шарі за його межами. Під насипом майже не виявлено археологічних об'єктів: одна господарська яма, сліди від відкритого вогнища в центрі у вигляді пропеченого суглинку, жертвоприношення вівці. Поза межами зольника фіксується щільне розміщення археологічних об'єктів: одне приміщення і господарські ями. Склад знахідок виявлених в нашаруваннях зольника суттєво не відрізняється від матеріального комплексу всього городища. Можна зазначити лише порівняно велику кількість предметів мініатюрної глиняної пластики (статуетки, «хлібці», мініатюрні посудинки та ін.). Отримані матеріали дозволяють датувати час спорудження зольника IV ст. до н. е.

Ключові слова: зольник, культові споруди, скіфський час, Лесостеп.

К. Yu. Pelyashenko

ASH-HILL TSYRKUNI HILLFORT

In the hillfort Tsyrkuni known only one ash-hill, located in the northern part of the second courtyard settlement. As a result of excavations 2009—2010, it was completely studied with the surrounding areas. Ash-hill was oval in shape, size — 14.5 × 7.5 m. and thickness of cultural layers to 0.70 m. Fixed significant number of material remnants (fragments of pottery, animal bones, stones, etc.), much more than in the cultural layer outside. Under the ash-hill discovered archaeological objects: one economic pit, open fire in the center as baked clay loam, sacrifice sheep. Outside the ash-hill fixed dense placement of archaeological objects: one house and the pits. The composition of the finds discovered in layers of ash-hill were not significantly different from the material of all complex settlement. We can only have a relatively large number of miniature clay sculpture (statues, «bread», miniature vessels, etc.). Received materials allow to date the construction of ash-hill 4 BC.

Keywords: ash-hill, cult buildings, Scythian time, forest steppe.

Одержано 17.02.2017

С.А. Скорый, А.П. Орлик

ЗАХОРОНЕНИЕ ВОИНА ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ КИРОВОГРАДЩИНЫ

Статья посвящена публикации разнообразных предметов из разрушенного впускного воинского погребения на вершине 8-метрового кургана на Кировоградщине, на пограничье Правобережной Лесостепи и Степи. В их числе бронзовые детали конской упряжи, железный наконечник копья, остатки лепных сосудов и пр. Инвентарь погребения характерен для новочеркасской группы предскифских памятников Восточной Европы, соотносимых рядом исследователей с историческими киммерийцами.

Ключевые слова: захоронение воина, памятник новочеркасской группы, киммерийцы, пограничье Лесостепи и Степи Северного Причерноморья.

Погребения предскифского времени с металлическими предметами так называемой новочеркасской группы (или культуры), которые ряд исследователей отнюдь небезосновательно соотносит с историческими киммерийцами, на территории Северного Причерноморья — в степной зоне [Тереножкин, 1976, с. 28—33, 44—46; Махортых, 2005, с. 101—106] или лесостепном ареале [Тереножкин, 1976, с. 73, 78—80; Скорый, 1999, с. 11—16, 20—48], встречаются вовсе не часто. Так, например, в украинской Лесостепи, где ситуация с подобными комплексами лучше, нежели в северопричерноморской Степи, до недавнего времени можно было достоверно говорить лишь о 15 новочеркасских погребениях с теми или иными металлическими предметами: вооружением, деталями конской упряжи, украшениями. В 18 пунктах (на поселениях или случайно) были также обнаружены некоторые «новочеркасские» вещи [Скорый, 1999, с. 11—19].

Ситуация решительным образом иная на территории Северного Кавказа, где, в отличие

от Северного Причерноморья, известно значительное число погребений с металлическими изделиями новочеркасского облика и обилие предметов новочеркасской группы, особенно деталей конской упряжи и вооружения (напр.: [Дударев, 1991; 1999; Махортых, 1994; Эрлих, 1994; Лесков, Эрлих, 1999; Вальчак, 2009]). При этом — что следует подчеркнуть — число находок постоянно возрастает (напр.: [Дударев, 2011, с. 155—170; 2011а, с. 171—177]). Несомненно, большая часть из них является предметами производства местных мастеров.

В свете сказанного, бесспорный интерес представляют материалы разрушенного погребения, обнаруженного в одном из курганов, на пограничье Правобережной Лесостепи и Степи.

Курган 3 группы I¹ расположен в 2,0—2,3 км к З—СЗ от с. Богдановка (ранее — с. Фрунзе) Бобринецкого р-на Кировоградской обл. (междуречье верховьев р. Мертвовод и правого берега р. Сугоклия, правого притока р. Ингул). Упомянутая группа насчитывает 6 насыпей, 4 из которых активно распахиваются (рис. 1). Курган 3 — самый крупный и северный в упомянутой группе, протянувшейся по оси ССЗ—ЮЮВ на довольно большое расстояние — до 1,0 км. Высота кургана 7,9 м, при диаметре насыпи 91 (С—Ю) × 113 (В—З) м (рис. 2). Высота над уровнем моря — 202,6 м. Координаты памятника, определенные с помощью JPS 60 Garmin: N 48 06' 49,1", E 032 04' 04,3".

В апреле 2015 г. на вершине названного кургана одним из соавторов настоящей работы, А.П. Орликом, обнаружена прямоугольная

1. Нумерация соответственно Государственного реестра памятников истории и культуры по Кировоградской обл.

грабительская яма, бесспорно, уничтожившая впускное погребение предскифского времени. Размеры ямы: $4,0 \times 3,5$ глубиной $1,5-1,9$ м. В земле отвалов, окружающих яму со всех сторон, найдены фрагменты истлевшего дерева диаметром до $5,0-8,0$, гранитные камни размерами $10-25 \times 15-35$ см, мелкие фрагменты человеческих костей, металлические предметы конского снаряжения и вооружения, фрагменты керамики (всего 23), несколько мелких костей домашних животных (овцы и лошади) (приложение 1), вероятно, от жертвенной пищи, а также — альчик (астрagal) овцы, возможно служивший игральной костью.

При последующей затем проверке ямы А.П. Орликом было обнаружено углубленное в пол основание могилы прямоугольной формы, со слегка скругленными углами, размерами $1,80 \times 0,60-0,70$ (?) м, ориентированной по оси СВ—ЮЗ. По периметру могильной ямы, вдоль стенок вперемежку с фрагментами дерева (на одном просматриваются следы обожженности) лежали небольшие куски рваного гранита. Аналогичные куски гранита встречались по всей площади могилы. При этом северо-западная длинная стенка была нарушена грабителями и дно прокопано здесь на $10-15$ см.

Глубина могилы, увы, не восстанавливается, но, вероятно, учитывая глубину грабительской ямы, она составляла не менее $2,0$ м. На дне фиксировался тлен белого цвета, скорее всего, от подстилки растительного происхождения. При расчистке дна могилы найдены фрагменты человеческого черепа, расположенные у юго-западной торцевой стенки могильной ямы (мужчина, возраст $30-40$ лет) (приложение 2), что позволяет говорить о юго-западной ориентировке погребенного. А у северо-восточной стенки могилы, параллельно ей, фиксировался тлен костей. В районе таза дно было прокопано на $10-15$ см. Помимо этого, в заполнении, в юго-западной части могилы, почти у дна, найдены железные фрагментированные предметы в виде небольших штырей. Приблизительно в районе таза обнаружено значительное количество фрагментов лепных сосудов, большинство из которых имеет следы свежих обломов.

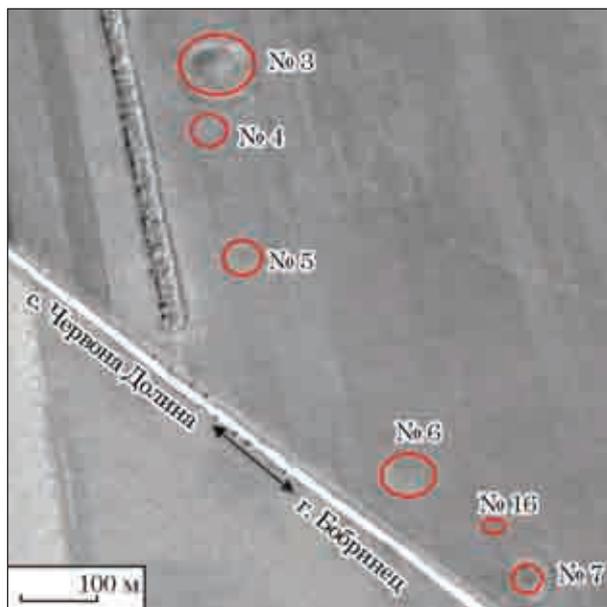

Рис. 1. Курганная группа I близ с. Богдановка (Фрунзе) на Кировоградщине. Курган 3 содержал впускное воинское захоронение новочеркасской группы

В отвале, при его просматривании, найдены два фрагмента почвы с отпечатками меди или бронзы в виде трех полос, возможно, от наконечников стрел и один массивный, не исключено, от удила. Кроме того, обнаружены куски дерева различных размеров, скорее всего, от перекрытия. Ксилотомическое их изучение показало, что это остатки древесины дуба (приложение 3).

Полученные сведения позволяют говорить о том, что могила первоначально имела деревянное перекрытие, из досок или плах, похоже, скрепленных железными штырями или скобами (?), на котором располагалась каменная выкладка. Это предположение подтверждается находкой в земляном заполнении могильной ямы одного из гранитных камней, на котором четко отпечаталось дерево. Подобное использование камня в погребальных конструкциях киммерийцев в северопричерноморской Степи отнюдь не редкость [Махортых, 2005, с. 96].

Рис. 2. Курган 3. Общий вид (фото). Сверху на насыпи — выкид из грабительской ямы, разрушившей впускное погребение

Рис. 3. Нижняя часть стелы из впускного погребения в кургане 3. Гранит

В апреле 2016 г. была осуществлена тщательная проверка всего земляного выкида из грабительской ямы (в пределы которой попало погребение) с целью поиска каких-либо артефактов. В итоге удалось обнаружить 11 фрагментов лепной керамики и ломаные кости — человека и животных. Кроме того, было еще раз зачищено основание могильной ямы, в результате чего были найдены части железного предмета в виде стержня¹.

Заслуживает внимания находка на южном склоне насыпи двух больших гранитных камней с обработанной поверхностью. Их совмещение показало, что это две части низа менгироподобной стелы, сохранившейся в высоту на 1,07—1,10, при ширине 0,50—0,60 м. Верхняя же часть стелы отсутствует (рис. 3).

Несмотря на обработанную поверхность, изображений на сохранившейся части стелы нет, что, впрочем, не исключает, что таковые были на ее верхней части. Несомненно, оба фрагмента стелы скатились с вершины кургана. Ранее, при предшествующих осмотрах памятника, они не фиксировались. Скорее всего, эти части найдены при копке грабительской ямы. Подобные менгириобразные стелы известны в предскифское время, обладая при этом иногда изображением тех или иных аксессуаров [Тереножкин, 1978, с. 15, рис. 6].

Рассмотрим сохранившиеся в ограбленном погребении находки.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УЗДЫ²

1. Звено бронзовых литых стержневидных двукольчатых удиц имеет обычную для этого

1. В работах принимали участие С.А. Скорый, А.П. Орлик, Р.В. Зимовец, К.А. Панченко, Т.А. Потемкин. С целью поиска металлических предметов в выкиде и основе могильной ямы использовался металлодетектор.

2. Реставрацию бронзовых изделий произвел реставратор А. Калашник (ИА НАН Украины).

типа форму — с крупным круглым кольцом внутреннего окончания для соединения с иным звеном, и двумя кольцами, разного диаметра, внешнего окончания, для закрепления псалиев и ремня уздечки.

По классификации А.А. Иессена и В.Р. Эрлиха, звено принадлежит удилам типа I [Иессен, 1953, с. 52—57; Эрлих, 1991, с. 34]. По более дробной классификации С.Б. Вальчака, они относятся к подварианту 1 варианта 1 подтипа 1 типа 1 подгруппы 2 [Вальчак, 2009, с. 34—36]. Двукольчатые удила встречаются в комплексах VIII—VII вв. до н. э.

Общая длина звена 8,5, толщина стержня до 0,7 см. Внешний диаметр внутреннего кольца — 2,2 × 2,3, внутренний диаметр 1,0 × 1,4 см. Внешний диаметр малого кольца окончания звена — 1,7, внутренний — 0,6 × 0,7 см. Внешний диаметр большого кольца окончания звена — 2,5, внутренний — 1,3 см. С внешней стороны на этом кольце виден слабый выступ.

Поверхность звена с двух сторон гладкая, лишена какого-либо орнамента. Звено имеет следы довольно длительного использования, что подтверждается сильной сработанностью внутренней поверхности большого кольца в месте соединения его с другим звеном (рис. 4, 2а, б).

По данным спектрального анализа, звено отлито из меди с повышенным содержанием олова, по восковой модели (приложение 4, образец 1288).

Особенностью этого звена, между тем, являются его небольшие размеры, по сравнению с целым рядом двукольчатых удиц, но главное — очень крупные кольца — внутренние и одно из внешних. Этими особенностями (крупными кольцами) звено данных удиц вполне сближается с однокольчатыми удилами с гладкой поверхностью — по классификации С.Б. Вальчака — подтип 2 типа 1 подгруппы 1, которые широко представлены в памятниках предскифского времени на Северном Кавказе [Вальчак 2009, 27, рис. 23, 2—4].

Крайне небольшие размеры звена говорят о том, что удила, скорее всего, были выполнены по индивидуальному заказу, а лошадь, для которой они предназначались, вряд ли принадлежала к крупным особям. Последнее обстоятельство вполне согласуется с наблюдениями, сделанными в свое время С.Б. Вальчаком. Исходя из них, на основе многочисленных промеров деталей упряжи (до 100 звеньев), минимальная длина звена двукольчатых удиц составляет 7,7, а максимальная — 11,9 см. При этом, подчеркивается, что удила с короткими звеньями составляют лишь около 5 % среди изученных [Вальчак 1995, с. 44—45]. Примечательно, что в публикуемом конском уборе при столь коротких удилах были использованы псалии обычных стандартных размеров, о чем речь пойдет далее. Впрочем, учитывая,

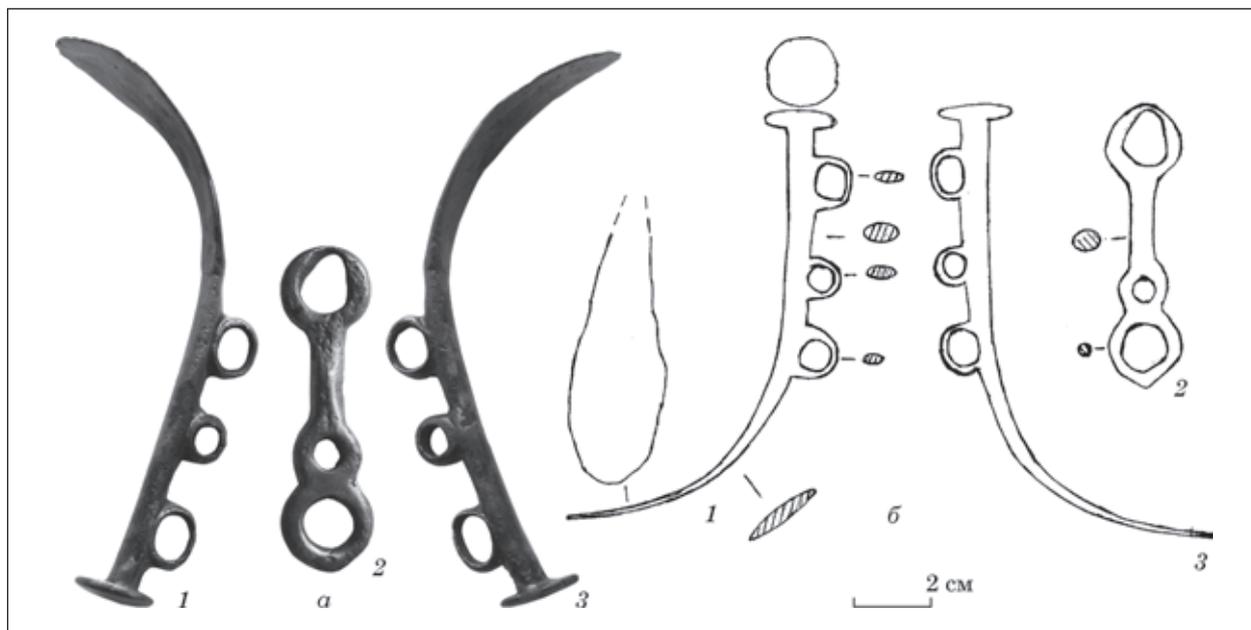

Рис. 4. Принадлежности конского снаряжения: 1, 3 — трехпетельчатые псалии; 2 — звено двухкольчатых удиц (а — фото; б — прорисовка); бронза

что удила представлены лишь одним звеном, нельзя исключать, что второе звено было более длинным и в таком случае говорить о том, что лошадь не принадлежала к числу крупных особей рискованно. Подобные разновеликие звенья — бронзовые и железные — довольно хорошо известны в конском уборе скифского времени [Могилов, 2008, с. 218, 223, 224, 230; рис. 7, 2; 12, 2; 13, 10]. Разновеликость звеньев удиц отражает некие элементы строгости при управлении конем.

Похоже, что звено публикуемых удиц относится к числу ранних. Об этом говорят, по крайней мере, два признака: во-первых, отсутствие рубчатой литой насечки на удилах в виде «квадратиков», что свойственно, прежде всего, для новочеркасских удиц относительно позднего времени, хотя, между тем, есть мнение, что гладкий стержень характерен для всего предскифского периода [Вальчак, 2009, с. 42], и во-вторых, большое внутреннее кольцо удиц [Махортых, 1992, с. 24]. Второй признак представляется более существенным, ибо этой особенностью наше звено сближается с однокольчатыми, более ранними удилами, о чем речь шла выше.

2, 3. *Пара литых бронзовых трехпетельчатых псалиев классического новочеркасского типа* — стержневидной формы, с верхним концом в виде плавно изогнутой лопасти и нижним, оканчивающимся круглой шляпкой. Относятся к типу I, по А.А. Иессену, типу Iв, по В.Р. Эрлиху [Иессен, 1953, с. 60, рис. 5; Эрлих, 1991, с. 35]. По более дробной классификации С.Б. Вальчака, — это второй вариант (классический) типа 6 (Новочеркасск) 4 группы псалиев [Вальчак, 2010, с. 74, рис. 90—109]. Это

самый распространенный тип в древностях предскифского времени Восточной Европы.

Псалии равновеликие, общая длина 13,6, толщина овального в сечении стержня 0,6 × 1,0, максимальная ширина лопасти 2,7, диаметр круглой шляпки на стержне 2,10—2,1 см. Лопасть отделена от стержня неглубокой бороздкой. Две петли крайние на стержне — овальной формы с внешним диаметром 1,5 × 1,1, и внутренним 1,2 × 0,9 см. Центральная петля — круглая с внешним диаметром 1,1, внутренним 0,8 см (рис. 4, 1, 3).

Оба псалия отлиты в одноразовой форме, по восковой модели. По данным спектрального анализа, один — из сложного сплава свинцово-цинковой бронзы (приложение 4, образцы 1286—1286а), другой — из оловянисто-мышьяковой бронзы с повышенным содержанием никеля (приложение 4, образцы 1287—1287а).

Такие трехпетельчатые псалии обычны в новочеркасских конских уборах VIII—VII вв. до н. э. и узкой даты не дают.

4. *Бронзовая фрагментированная пластинка-накладка, по-видимому, от деревянной чашки*¹. Сохранилась в длину на 3,0 см. Максимальная ширина 1,1 см. Очень тонкая, в профиль слегка изогнутая. С двух сторон пластинки — полуовальные выемки, вероятно, под шляпки гвоздиков для крепления пластинки на твердой основе (рис. 5, 3). Фрагментарность

1. При определении назначения находки нас любезно консультировал В.В. Отрощенко, д. и. н., проф., заведующий отделом меди—бронзы ИА НАН Украины, которому мы выражаем искреннюю признательность.

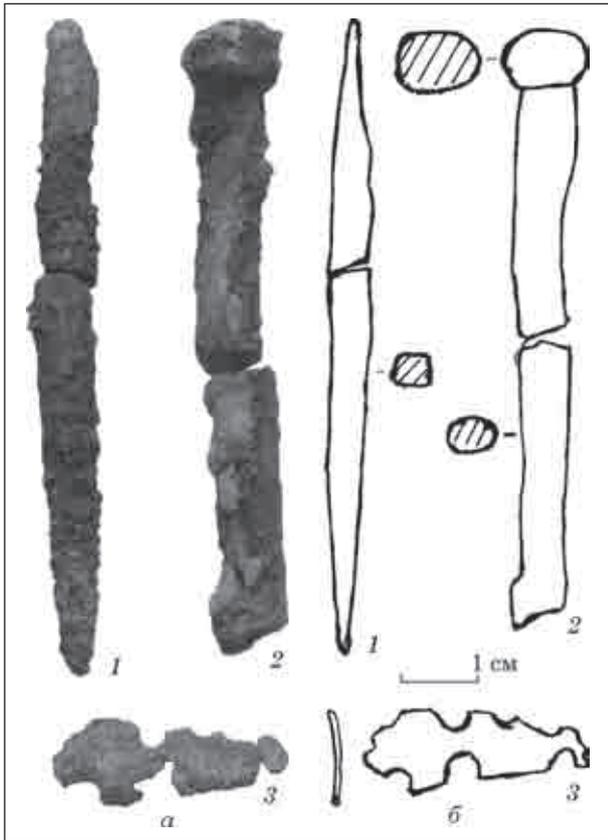

Рис. 5. Стержневидные предметы, железо (1, 2) и пластинка-накладка от деревянной чаши, бронза (3); а — фото; б — прорисовка

пластинки не позволяет обнаружить для нее аналогии. Деревянные чаши с бронзовыми накладками или скобками различной формы, украшенные гунсонным орнаментом или неорнаментированные довольно часто встречаются в предскифских, в том числе новочеркасских погребениях Северного Причерноморья [Махортых, 2005, с. 106]. Фрагментарность предмета не дает оснований говорить о его дате более определенно.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА ВООРУЖЕНИЕ

5. Представлено *железным (или стальным) кованым наконечником копья* сравнительно хорошей сохранности¹. Наконечник имеет длинную втулку, слегка сужающуюся к перу и переходящую в ребро жесткости на нем, довольно широкое перо лавролистной формы с двумя отверстиями у основания. С одной стороны втулки — шов-разрыв на всю ее длину: от края до пера. Общая длина наконечника 32,5, длина втулки 14,5, максимальная ширина пера 5,7, диаметр втулки внешний 3,0, внут-

1. Реставрация наконечника копья осуществлена реставратором 2 категории А.С. Борисюк-Дудкиной (ИА НАН Украины).

ренний — 2,0 см. Диаметр отверстий у основания пера — 0,1 см. Перо наконечника тщательно проковано (рис. 6; 7). Внутри втулки сохранились остатки древка диаметром 2,0 см в виде трухи.

Аналогичные наконечники копий, но без отверстий на пере, хорошо известны в новочеркасских древностях, например, в погребениях у сс. Носачев, Квитки в Днепровском Лесостепном Правобережье [Ковпаненко, 1966, с. 175, рис. 2, 1; Ковпаненко, Гупало, 1984, с. 49, рис. 9, 1, 2], на Северном Кавказе [Иссен, 1954, с. 125, рис. 14]. Что же касается экземпляров с отверстиями на пере, то они встречаются реже. Два аналогичных наконечника копий с отверстиями в основании пера были обнаружены в составе комплекса вещей новочеркасского облика у с. Бутенки на Полтавщине (бассейн р. Ворскла, Днепровское Лесостепное Левобережье) [Ковпаненко, 1962, с. 69, рис. 2, 3, 4]. Правда, у них перо имеет более остроугольную форму. Еще один экземпляр наконечника копья с отверстиями найден в 1960-х гг. случайно близ с. Михновцы Лубенского р-на Полтавской обл., в бассейне р. Сула [Кулатова, 1999, с. 3, рис. 1, 3]. Несомненный интерес представляет находка железного наконечника копья с подобными отверстиями в погребении 40 с вещами новочеркасского времени, в могильнике Фарс / Клады на Северо-Западном Кавказе [Лесков, Эрлих, 1999, с. 126, рис. 34, 5]. К слову сказать, эта находка дала основание предположить северокавказское происхождение железных наконечников копий из Бутенок [Лесков, Эрлих, 1999, с. 47]. Можно упомянуть также находку подобного наконечника копья в высококой культуре Прикарпатья [Крушельницька, 1985, с. 76 рис. 23, 12; Бандрівський, 2014, с. 216, рис. 95, 6] и три железных наконечника, найденные близ с. Матеуцы в Молдове [Тереножкин, 1976, с. 98, рис. 61, 1—3].

Подобные отверстия внизу пера фиксируются и на некоторых бронзовых, а иногда — железных экземплярах наконечников копий IX—VII вв. до н. э., обнаруженных в Средней Европе [Ковпаненко, 1962, с. 70, прим. 1], например, на 3 железных экземплярах в Дунайском погребении в Венгрии [Kemenzsei, 2005, Taf. 20, 19—21], на отдельных экземплярах восточного, сибирского происхождения [Клочко, 2003, с. 34, рис. 7, 1—9]. Отверстия на пере наконечников копий свойственны не только для оружия предскифского периода, как предполагалось ранее [Мелюкова, 1964, с. 12]. Ныне они известны и на наконечниках, в том числе бронзовых, в древностях эпохи бронзы, например, белозерской культуры. В качестве примеров можно привести наконечники копий из Винницкой области [Клочко, Козыменко, 2011, с. 78, илл. 124]. По-видимому, эти отверстия предназначались для закрепления каких-то значков (или кистей?) из органики (?), и, по мнению А.И. Тереножкина,

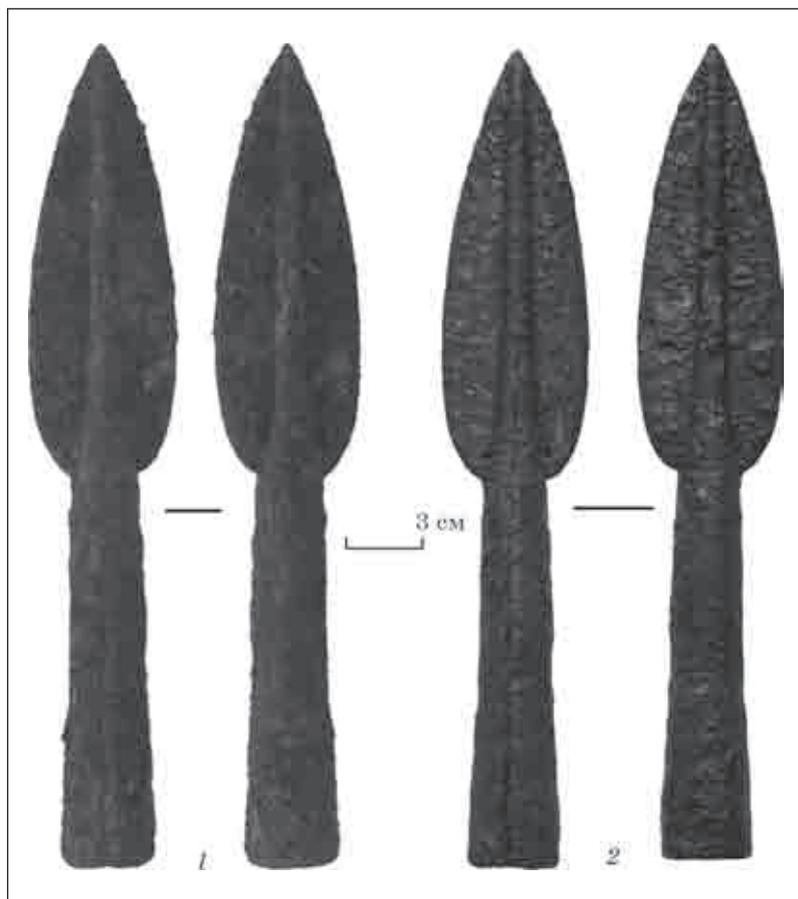

Рис. 6. Наконечник копья, железо: 1 — до реставрации; 2 — после реставрации

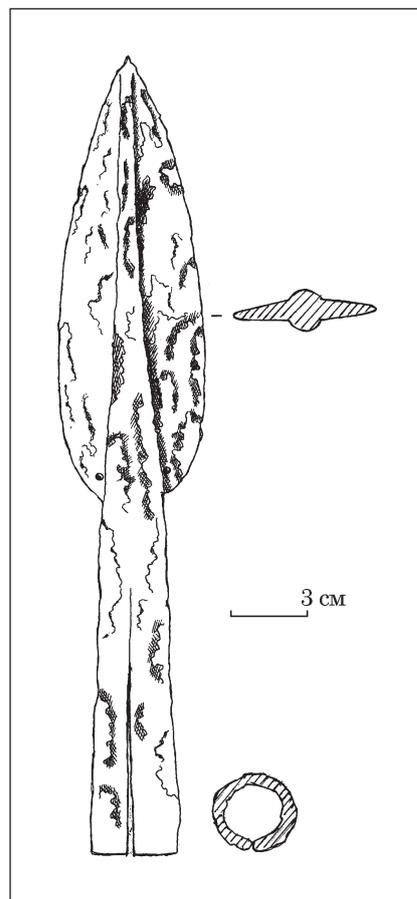

Рис. 7. Наконечник копья, прорисовка

это являлось древней общеевропейской традицией [Тереножкин, 1976, с. 144].

Дата приводимого наконечника копья, принимая во внимание его морфологические особенности, вполне может согласовываться с датой комплекса вещей новочеркасского облика, найденных у с. Бутенки на Полтавщине, (где присутствует подобный наконечник), которую определяют в рамках VIII — первой половины VII вв. до н. э. [Ковпаненко, 1962, с. 66—71], начала — первой половины VII в. до н. э. [Мелюкова, 1988, с. 11], или ограничивают концом VIII в. до н. э. [Скорый, 1999, с. 61, 96]. Последняя дата представляется достаточно аргументированной и приемлемой.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТЕРЖНИ

6. Два фрагмента от кованого круглого в сечении стержня с обломанной нижней частью. Предметы довольно сильно корродированы с хорошо выраженными следами дерева на поверхности. Общая сохранившаяся длина — 8 см. Диаметр сечения до 0,6 см. В верхней части предмет увенчан округлой головкой диаметром до 1 см (рис. 5, 2а, б).

Первоначальные размеры и назначение предмета не ясны. Железные стержни с округ-

лой головкой на одном из концов, имеющие овальное или круглое сечение, известные в некоторых погребальных памятниках новочеркасской группы Лесостепи и Степи, в частности в захоронении у с. Ольшана на Черкащине [Скорый, 1999, с. 119, рис. 13, 5] и кургане 1 (погребение 1) у с. Великая Александровка на Херсонщине [Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 146, рис. 3, 14]. Трактуются он как гвоздевидные булавки и относятся соответственно к VIII—VII или началу VII вв. до н. э. Между тем, размеры нашего предмета и наличие остатков дерева на нем позволяют думать, что он являлся не булавкой-украшением, а служил для крепления деревянной конструкции перекрытия.

7. Кованый стержень, состоящий из двух фрагментов. Сильно корродирован, со следами дерева на поверхности. Общая длина предмета 8,5 см. Квадратное сечение 0,5 × 0,5 см. Оба конца изделия сильно сужены, острые (рис. 5, 1). Аналогии в предскифских древностях не известны. По внешнему виду предмет весьма напоминает шило или проколку скифского времени [Бессонова, Скорый, 2001, рис. 66, 2, 3, 5, 10]. Однако, наличие следов дерева, как и на первом предмете, позволяет допустить его крепежную функцию.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

В выкиде грабительской ямы, перекрывшей впускную могилу, и при расчистке основания могилы в общей сложности найдено более 230 фрагментов керамики. Из них один фрагмент с выделенными валиками относится к эпохе бронзы, 5 обломков кружальной посуды — эпохи позднего средневековья и нового времени, остальные принадлежат раннему железному веку.

ФРАГМЕНТЫ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ
ПРЕДСКИФСКОЙ ПОРЫ

Это остатки, как минимум, 3 сосудов, представлены различным количеством фрагментов.

8. Немногочисленные обломки *горшка* с шершавой светло-серой поверхностью. Всего 11 фрагментов, из них один венчик, два фрагмента дна и 8 стенок. Черепок сосуда — плотный, в изломе — серый, с мелкими белыми включениями. Обжиг поверхности — довольно равномерный. Венчик сосуда слегка отогнут, почти прямой, с горизонтально обрезанным краем, плавно переходит в тулово (рис. 8). Дно без закраины. Судя по сохранившимся фрагментам, горшок имел тюльпановидный профиль и средние размеры.

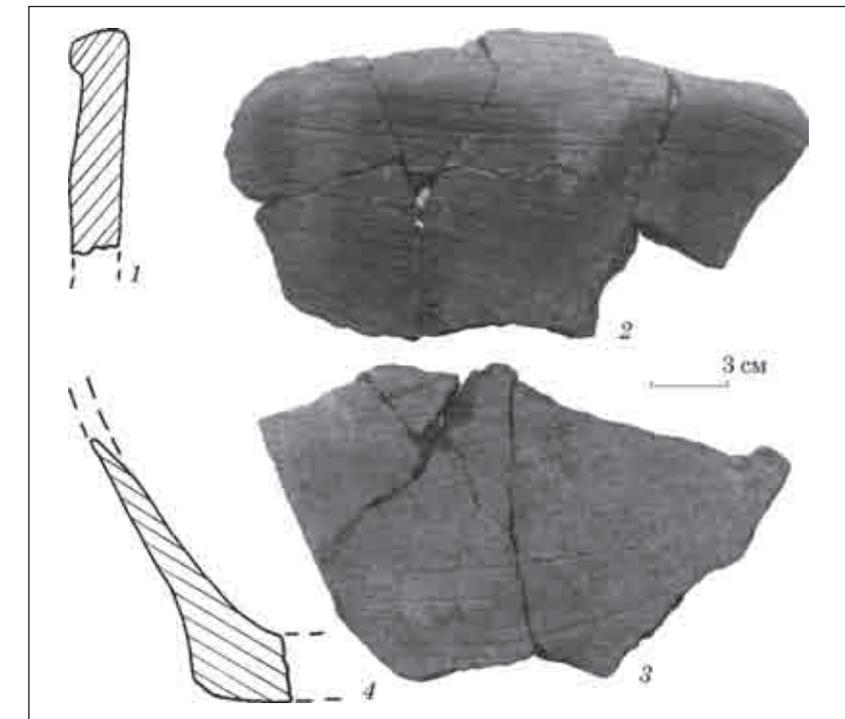
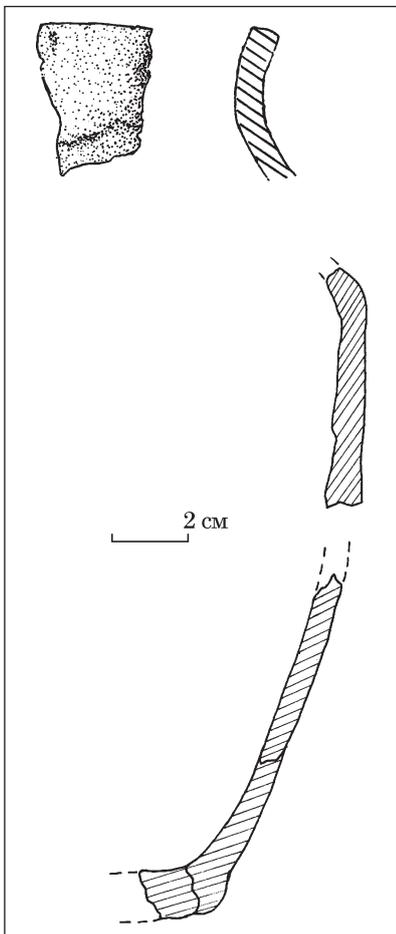

Рис. 9. Фрагменты сосуда с поверхностью, затертой травой

Рис. 8. Фрагменты горшка тюльпановидного профиля

9. Обломки довольно большого *горшка* или, скорее, *корчаги* неодинаковой цветовой гаммы, что связано с характером обжига. Сохранилось 45 фрагментов сосуда, из них — 1 венчик, 3 фрагмента донцев, остальные стенки. Черепок в изломе — серый, не отличается плотностью, тесто содержит ряд примесей, в том числе — мелких и крупных белого цвета. Цвет поверхности — неравномерный, пятнистый, от темно-серого до светло-серого.

Судя по сохранившимся профильным частям, сосуд имел почти прямое горло, украшенное венчиком с горизонтально обрезанным краем, тулово с биконическим изгибом в центральной части и донце, расположенное под тупым углом к стенкам сосуда, без выделенной закраины (рис. 9).

Какой-либо орнамент отсутствует.

Отличительной и яркой особенностью данного сосуда являются следы практически повсеместного затирания сырой внешней поверхности сосуда, перед обжигом, вероятно пучком травы, по большей части в горизонтальном направлении, хотя в отдельных местах просматриваются и вертикальные полосы (рис. 9). Есть подобные следы и на внутренней поверхности, хотя и не столь ярко фиксируемые.

Следует сказать, что подобный способ обработки поверхности сформованного сосуда является довольно архаическим, более свой-

Рис. 10. Корчага. Общий вид после реставрации

твенным для керамики эпохи бронзы, хотя в отдельных случаях фиксируется в предскифское и даже скифское время [Гейко, 2011, с. 85].

10. Фрагментированная орнаментированная серолощенная корчага¹. Сохранилась, в общей сложности, в 166 фрагментах, из которых 7 относятся к венчику сосуда, 5 — к донцу, остальные — к большей части тулова.

Сосуд удалось практически полностью реставрировать.

Корчага — с почти шаровидным, слегка приземистым туловом, маленьким, слабо выделенным донцем, без закраины, узким высоким цилиндрическим горлом, завершающимся плавно отогнутым, сужающимся к краю венчиком (рис. 10).

Внешняя поверхность корчаги довольно хорошо подлощена. В районе горловины подло-

щена и внутренняя поверхность. Лощение в основном светло-серого цвета, и лишь в нижней части оно имеет темно-серый оттенок, что, несомненно, объясняется характером неравномерного кострового обжига.

Сосуд украшен двумя видами декора. Непосредственно в верхней части тулова, в месте перехода его в цилиндрическое горло, расположены 3 конические выступы-налепы. Ниже них находится врезной орнаментальный пояс, прорезанный по сырой глине, довольно небрежно, каким-то острым предметом. Ритм нанесения орнамента следующий. От каждого конического выступа вниз, вертикально, направлены две полосы без какого-либо декора внутри. Между ними находятся 3 орнаментальные блока в виде двух параллельных лент, заполненных чередующимися, косо заштрихованными или неорнаментированными треугольниками. В отдельных случаях вершины последних, находящихся в разных лентах, сходятся, образуя в свою очередь полузаштрихованные или не-

1. Сосуд почти полностью восстановлен реставратором 2 категории С.С. Федоровым (г. Кропивницкий).

Рис. 11. Орнамент в верхней части корчаги

орнаментированные ромбы. Ширина орнаментального пояса 3—3,5 см (рис. 11).

Общая сохранившаяся высота сосуда 28, диаметр дна 9, максимальный диаметр тулова 26, диаметр горла 5,8, диаметр края сосуда у венчика 10,5 см.

Крайне любопытно, что ближайшие аналогии данной корчаге с точки зрения типологии дают степные сосуды черногоровской группы киммерийской культуры, например, из погребения 3 кургана 14 у с. Золотая Балка на Херсонщине [Шевченко, 1987, с. 141—142, рис. 1, 7; Махортых, 2005, с. 91, рис. 35, 6, с. 187, рис. 90, 6] или Казаклии [Махортых, 2005, с. 187, рис. 90, 8]. При этом, корчага из Золотой Балки, происходящая из погребения первой половины IX в. до н. э. [Махортых, 2005, с. 126], наиболее близка нашему сосуду не только общей формой, расположением трех конических выступов близ горла, но и размерами: ее общая высота 24, диаметр дна 8, максимальный диаметр тулова 25, диаметр горла 8 см [Шевченко, 1987, с. 141].

По-видимому, корчаги подобной формы наследуют традиции сосудов белозерской культуры эпохи поздней бронзы [Махортых, 2005, с. 143, рис. 46, 19].

Публикуемая нами корчага отличается от сосуда из Золотой Балки наличием врезного геометрического орнамента. Сходный орнамент хорошо известен на предскифских сосудах, в том числе черногоровской и новочеркасской групп памятников северопричерноморской Степи, но его исполнение отличается, как правило, большей четкостью и уверенностью линий.

Оба вида орнамента на нашей корчаге вполне соответствуют декору, известному на посуде так называемого жаботинского периода (или этапа), широко представленной, в первую очередь, в ареале украинской Лесостепи. Вместе с тем, украшение публикуемой корчаги, в частности, геометрический орнамент, выполнен достаточно примитивно, что разительно отличает его по уровню от декора собственно жаботинской керамики.

Набор остальной лепной посуды, представленной несохранившимися целиком формами, не дает оснований для конкретной узкой даты.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КРЕМНЯ ¹

11. *Скребок концевой на отщепе* подовальной формы. Изготовлен предположительно из донецкого кремня. Судя по сильной волнистости на вентральной стороне, скол-заготовка под скребок был получен с помощью удара жестким отбойником, возможно, даже металлическим. Размеры: 27 × 22 × 4,0 мм (рис. 12, 1). Скребок, вероятно, мог использоваться для обработки шкур животных.

12. *Отщеп с ретушью* нерегулярной формы, темно-серого цвета со светло-серыми вкраплениями. Кремь по цвету похож на деснянский или сожский. Отщеп имеет гладкую площадку и был получен ударом отбойника. Размеры: 37 × 25 × 8 мм (рис. 12, 2).

Кремневые изделия, в том числе различные пластины, отщепы в новочеркасских погребениях немногочисленны, хотя фиксируется на всей территории Северного Причерноморья [Махортых, 2005, с. 103].

Итак, несмотря на варварское разрушение и ограбление впускного воинского погребения предскифского времени в кургане 3 группы I у с. Богдановка (Фрунзе) на Кировоградщине, у нас есть основания высказать некие соображения по поводу этого памятника.

1. При описании изделий из кремня нас любезно консультировал м. н. с. отдела археологии каменного века ИА НАН Украины Д.В. Ступак.

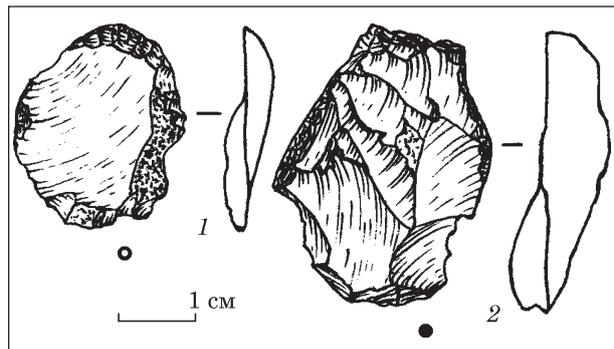

Рис. 12. Изделия из кремня

При решении вопроса о его дате первостепенное значение, как представляется, имеют бронзовое звено двукопчатых удилов и железный наконечник копья, поскольку остальные металлические вещи либо не могут четко датироваться, либо их дата традиционно определяется в рамках VIII—VII вв. до н. э. При этом, не столько первая вещь, сколько вторая указывает на VIII в. до н. э., что — как мы думаем — и соответствует дате захоронения киммерийского воина-конника. В пользу этой, относительно ранней даты, на наш взгляд, вполне свидетельствуют и 2 фрагментированные лепные сосуда, прежде всего, корчага с шаровидным туловом и узким цилиндрическим горлом, находящая ближайшие аналогии в древностях черноворосской группы, и сосуд с поверхностью, затертой по сырой глине травой, что также является отражением ранних керамических традиций.

Погребение, исходя из его месторасположения, относится Приднепровской подгруппе памятников Новочеркасской группы, по классификации С.В. Махортых [2005, с. 137—140].

Захоронение, несомненно, принадлежало мужчине-воину, вероятно, представителю достаточно высокого социального уровня. Об этом свидетельствуют не только предметы вооружения и конского снаряжения, но фрагменты 3 сосудов, а также каменная стела. Несколько лепных сосудов, в том числе — корчаг, в Северном Причерноморье зафиксировано в могилах предскифской знати, в курганах близ сс. Квитки, Ольшана в Днепровской Правобережной Лесостепи. Что же касается каменных изваяний (новочеркасского времени), то пока достоверно известен лишь один случай обнаружения их на курганах — в Птичатой Могиле у с. Белоградец (Болгария), где — как известно — было открыто погребение знатного воина предскифского времени [Тончева, 1972, с. 107, 109—110, 114—119; рис. 5; 7; Тончева, 1980, р. 11].

Пожалуй, следует еще указать, что при обследовании рядом расположенных курганов группы I, в одном из них также выявлены следы современного ограбления впускной (?) могилы. Поскольку в данном случае сохранились хорошо выраженные черты погребальной конструкции, вполне очевидно, что она была аналогичной той, из которой происходят публикуемые нами вещи. Данный факт наводит на мысль о существовании в этом пункте, вероятно, небольшого курганного могильника новочеркасской группы. Как представляется, эти памятники маркируют продвижение киммерийцев в лесостепные области.

В заключение подчеркнем, что материалы из предскифского погребения в кургане у с. Богдановка (Фрунзе), бесспорно, расширяют наши представления о древностях новочеркасской группы (киммерийцев в нашем представлении) в Северном Причерноморье, являясь стимулом для определенных исторических построений.

Бандрівський М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початку доби раннього заліза. — Львів, 2014. — 574 с.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — Киев; Краков, 2001. — 156 с. + 83 табл. илл.

Вальчак С.Б. Удила предскифского времени и киммерийские лошади Восточной Европы // Проблемы археологии древней и средневековой Украины. — Харьков, 1995. — С. 46—47.

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы. — М., 2009. — 292 с.

Гейко А. Гончарство населения скифского часу Днепровского Лесостепного Лівобережжя. — Полтава, 2011. — 247 с. (Українські керамологічні студії. — Вип. 4).

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 848 с.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. — Грозный, 1991. — 124 с. + 30 табл. илл.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. — Армавир, 1999. — 402 с.

Дударев С.Л. Новые комплексы позднейшего предскифского времени с Северного Кавказа // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 155—170.

Дударев С.Л. К вопросу о связях Закубанья с Закавказьем, Подунавьем и Центральной Азией в предскифское время // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 171—177.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР // СА. — 1953. — Т. XVIII. — С. 49—110.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 19543. — С. 112—131.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 380 с.

Клочко В.І. З археологічних матеріалів колекції «ПлаТар». Лубенський скарб // Пам'ятки України. — 2003. — № 4. — С. 31—37.

Клочко В.І., Козыменко А.В. Наш недавний бронзовый век. — К., 2011. — 193 с.

Ковпаненко Г.Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне Ворсклы // КСИА. — 1962. — Вып. 12. — С. 66—72.

Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII—VII вв. до н. е. // Археологія. — 1966. — Т. XX. — С. 174—179.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 110—122.

Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. — К., 1985. — 162 с.

Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. — 1985. — № 4. — С. 144—154.

Кулатова И.Н. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // Скорый С. А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — С. I—VII.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс / Клады. — М., 1999. — 163 с.

Махортих С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу) // Археологія. — 1992. — № 1. — С. 23—31.

Махортих С.В. Киммерійці на Северном Кавказе. — К., 1994. — 95 с.

Махортих С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. — К., 2003. — 140 с.

Махортих С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 380 с.

Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. — 1973. — № 4. — С. 169—188.

Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — 186 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 223 с.

Тереножкин О.И. Киммерийські стели // Археологія. — 1978. — Вип. 27. — С. 12—22.

Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям // Thracia. — 1972. — I. — С. 101—119.

Шевченко Н.П. Новые памятники раннего железного века на юге Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 140—148.

Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Кубани // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991. — С. 31—47.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. — М., 1994. — 145 с. + 32 табл. илл.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 430 с.

Kemenczei T. Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. — Mainz, 2005. — 186 S. + 64 Taf. (PBF. — Abb. XX, Bd. 10).

Тончева Г. Necropole tumulaire pres village Belogradec du VII e. s ann. ers // Thracia. — 1980. — V. — P. 5—52.

С.А. Скорий, О.П. Орлик

ПОХОВАННЯ ВОЇНА ПЕРЕДСКІФСЬКОГО ЧАСУ НА ПІВДНІ КІРОВОГРАДЩИНИ

Стаття присвячена публікації матеріалів зі зруйнованого сучасними грабіжниками передскіфського поховання в кургані біля с. Богданівка (Фрунзе) на Кіровоградщині, на порубіжжі Правобережного Лісостепу і Степу.

Аналіз артефактів, які збереглися, та деяких особливостей поховального ритуалу, свідчить, що це

було поховання чоловіка 30—40 років, воїна, вершника. Це підтверджується озброєнням та деталями кінського вбрання.

Небіжчик був похований на вершині досить великого кургану, у могильній ямі, що була перекрита дубовими плахами та камінням. Орієнтовка небіжчика, скоріш за все, була головою на південний захід. Покійний супроводжувався м'ясною жертвою їжею.

Знахідки в похованні озброєння, кінського вбрання, залишків, як мінімум 3 посудин, розбитою кам'яної стели, на наш погляд, говорять, що поховання в кургані біля с. Богданівка належало представнику передскіфської (кіммерійської) кочової знаті.

Дата пам'ятки, скоріш за все, VIII ст. до н. е.

Ключові слова: поховання воїна, пам'ятка новочеркаської групи, кіммерійці, порубіжжя Лісостепу і Степу Північного Причерномор'я.

S.A. Skory, O.P. Orlyk

THE GRAVE OF WARRIOR OF PRE-SCYTHIAN TIME AT SOUTH OF KIROVOGRAD REGION

The article is devoted to publishing contemporary robbers destroyed in the Pre-Scythian grave near the village Bogdanivka (Frunze) in Kirovograd region, on the border of Right-Bank steppe and steppe.

Analysis of the artifacts has been preserved, and some features of the burial ritual shows that it was the burial of a man 30—40 years old warrior rider. This is supported by arms and parts of horse harness.

The deceased was buried on top of a fairly large mound in the grave pit that was blocked with stones and oak block. Orientation dead, most likely, was chairman of the southwest. The deceased was accompanied by sacrificial meat meal.

The finds in the burial of weapons, horse harness, residues, at least 3 vessels, broken stone stele, in our opinion, saying that burial in the mound near the village Bogdanivka representative Pre-Scythian (Cimmerian) nomadic nobility.

Date of this grave, likely 8 BC.

Keywords: the grave of warrior, monument of Novocherkassk group, Cimmerians, the border of Right-Bank Forest-Steppe and Steppe.

Одержано 27.01.2017

Е. Ю. Яниш

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ 3 У с. БОГДАНОВКА (ФРУНЗЕ)

Остеологический материал для исследования получен в результате доисследования разрушенного современными грабителями предскифского погребения в кургане 3 группы I у с. Богдановка (Фрунзе) Кировоградской области. Объем выборки очень незначительный — 10 костей млекопитающих.

Кости определены путем сравнения с экземплярами современных и субфоссильных видов млекопитающих из коллекции Национального научно-природоведческого музея НАН Украины.

В данном случае 7 фрагментов (70,0 % от всех остатков) составили неопределимые, в виду их значительной раздробленности кости. Естественная сохранность материала составила 3—4 балла по 5-бальной шкале Е. Антипиной [Антипина, 2003]. Общая характеристика коллекции по объектам представлена в таблице 1.

Всего выявлены остатки представителей 2 видов, относящиеся к 2 отрядам: отряд парнокопытные (*Artiodactyla*) — овца домашняя (*Ovis aries*); отряд непарнокопытные (*Perissodactyla*) — лошадь домашняя (*Equus ferus caballus*). Отсутствие на костях следов кухонной разделки, следов огня и зубов собак, а также археологический контекст позволяют отнести кости животных из данного памятника к категории использованных в ритуальных целях.

Оба вида относятся к домашним животным. Овцы часто использовались в качестве жертвенной пищи или относятся к остаткам тризны. Не исключено, что пястная кость и II фаланга лошади принадлежали одному животному (обе кости — левые, размер костей также позволяет это предположить).

Размер плечевой кости овцы близок по размерам плечевым костям овец из Ольвии. Возможно, животное из данного погребения по размерам было близко к наиболее мелким ольвийским особям овец, на что указывают промеры нижнего блока плечевой кости. Но по одному экземпляру кости достоверные выводы сделать невозможно, необходимы дальнейшие исследования.

В результате исследований выявлено.

1. Остеологические материалы данного памятника относятся к категории «ритуальные комплексы».

2. Сохранность материала — 3—4 балла по 5-бальной шкале, объем выборки 10 фрагментов костей млекопитающих, из них определимых — 30,0 %.

3. Всего в материале выявлено 2 вида млекопитающих — овца домашняя и лошадь домашняя.

4. Кости лошади, возможно, принадлежали одному животному.

5. Размер плечевой кости овцы близок по размеру костям овец из Ольвии.

Таблица 1. Видовой и анатомический состав археозоологической коллекции

Анатомический состав	Овца	Лошадь	Не определены		Всего
			КРС / лошадь	?	
Плечевая кость	1	—	—	—	1
Пястная (mtc)	—	1	—	—	1
II фаланга	—	1	—	—	1
Не определимые	—	—	5	2	7
Всего	1	2	5	2	10

Таблица 2. Промеры костей млекопитающих из погребения в кургане 3

Промеры	Овца	Лошадь домашняя	
	Плечевая кость	Mtc	II фаланга
Ширина блока	28,0	—	—
Высота »	25,1	—	—
III. диафиза	16,0	—	40,0
В. »	18,1	22,0	21,0
III. нижнего конца	—	40,0	—
В. »	—	33,0	—
Длина	—	—	41,0
Д. по средней линии	—	—	35,1
III. проксимального конца	—	—	44,0
В. »	—	—	27,0
III. дистального конца	—	—	43,0
В. »	—	—	23,0

6. Для достоверных выводов необходимы дальнейшие исследования.

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новые археозоологические исследования в России. — М., 2003. — С. 7—34.

Приложение 2

Л.В. Литвинова

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ
В КУРГАНЕ 3 У с. БОГДАНОВКА (ФРУНЗЕ)**

У с. Богдановка (Фрунзе) Бобринецкого р-на Кировоградской обл. доисследовано впускное погребение в кургане, которое было разрушено современными грабителями. В нем обнаружены разрозненные кости одного индивида. Сохранились незначительные фрагменты черепа, очень мелкие обломки длинных костей, лопатки, позвонков, ребер. Антропологический материал плохой сохранности, реставрация и измерения невозможны.

Определение пола и возраста проводилось с учетом массивности костей скелета, в целом, особенностей строения черепа, а также степени облитерации черепных швов и состояния зубной системы. Возраст определен в широком возрастном интервале. Определение пола и возраста проведены по традиционной методике [Алексеев, 1966; Алексеев, Дебец, 1964; Никитюк, 1960; Ubelaker, 1984].

Ниже приводим подробное описание антропологического материала из погребения.

Незначительные фрагменты черепа, мелкие обломки длинных костей, лопатки, позвонков и ребер. Судя по сохранившимся фрагментам, скелет, в це-

лом, средне массивный с хорошо развитым мышечным рельефом.

Частично сохранился черепной свод, мелкие кости лицевого отдела. Надбровные дуги 1 балл, сосцевидный отросток около 3 баллов, зубы средних размеров. На черепе хорошо развиты места прикрепления мышц. Из-за сильной фрагментарности материала невозможно проследить состояние черепных швов. Стертость зубов от 1 до 4 баллов, на третьем моляре едва стерты бугорки.

Скелет принадлежал мужчине, возраст 30—40 лет.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. — М., 1966. — 249 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М., 1964. — 127 с.

Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии. — 1960. — Вып. 3. — С. 118—129.

Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. — Taraxacum, 1984. — 172 p.

Приложение 3

М.С. Сергеева

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ПОРОДАХ ДЕРЕВА ОТ ПЕРЕКРЫТИЯ
РАЗРУШЕННОГО КИММЕРИЙСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ**

На анализ поступило дерево от перекрытия из разрушенного киммерийского погребения в кургане 3 группы I близ с. Богдановка (Фрунзе) Бобринецкого р-на Кировоградской обл. На исследование взяты 2 фрагмента. Древесина определена по микроструктуре с помощью микроскопа. Полученные результаты сравнивались с данными определителей дерева [Сукачев, 1940; Гаммерман и др., 1946; Вихров, 1959].

Оба исследованных фрагмента определены как дуб (*Quercus* sp.). Полученный результат согласуется с распространением дуба в Лесостепи и использова-

нием его в разные периоды — от древности до средневековья, как основного строительного материала.

Вихров В.Е. Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. — М., 1959. — 216 с.

Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. — М.; Л., 1946. — 143 с.

Сукачев В.Н. Определитель древесных пород. — М., 1940. — 494 с.

Приложение 4

Т.Ю. Гошко

СОСТАВ МЕТАЛЛОВ ИЗ КИММЕРИЙСКОГО
ЗАХОРОНЕНИЯ У с. БОГДАНОВКА (ФРУНЗЕ)Образец: 1286. Псалий 1,
шляпка, элементный состав

Атомный номер	Элемент	Концентрация
30	Zn	1,226
52	Te	0,019
50	Sn	16,84
51	Sb	0,387
82	Pb	1,443
28	Ni	0,97
12	Mg	0,008
57	La	0,333
29	Cu	78,38
27	Co	0,267
35	Br	0,084
47	Ag	0,05

Сложный сплав: цинк + олово + свинец. Хорошие литейные свойства.

Образец: 1286а. Псалий 1,
лопасть, элементный состав

Атомный номер	Элемент	Концентрация
30	Zn	1,025
52	Te	0,018
50	Sn	15,63
51	Sb	0,308
82	Pb	1,612
28	Ni	1,105
12	Mg	0,055
57	La	0,183
26	Fe	0,006
29	Cu	78,72
27	Co	0,33
33	As	0,959
47	Ag	0,058

Сложный сплав: цинк + олово + свинец. Хорошие литейные свойства.

Образец: 1287. Псалий 2,
шляпка, элементный состав

Атомный номер	Элемент	Концентрация
52	Te	0,018
50	Sn	5,497
14	Si	0,272
51	Sb	0,624
16	S	0,463
82	Pb	0,749
15	P	0,284
28	Ni	0,99
57	La	0,417
26	Fe	0,033
29	Cu	89,34
27	Co	0,05
17	Cl	0,279
20	Ca	0,027
33	As	0,868
47	Ag	0,092

Оловянисто-мышьяковая бронза.

Образец: 1287а. Псалий 2,
лопасть, элементный состав

Атомный номер	Элемент	Концентрация
30	Zn	0,774
52	Te	0,017
50	Sn	7,185
14	Si	0,077
51	Sb	0,849
16	S	0,102
82	Pb	0,511
28	Ni	0,886
57	La	0,104
26	Fe	0,016
29	Cu	86,22
27	Co	0,046
17	Cl	2,265
20	Ca	0,001
33	As	0,833
47	Ag	0,116

Оловянисто-мышьяковая бронза с повышенным содержанием никеля.

Образец: 1288. Звено удила,
элементный состав

Атомный номер	Элемент	Концентрация
22	Ti	0,068
50	Sn	0,654
14	Si	0,168
51	Sb	0,425
16	S	0,062
82	Pb	0,126
26	Fe	0,05
29	Cu	96,2
24	Cr	0,037
27	Co	0,065
17	Cl	1,534
20	Ca	0,043
33	As	0,445
47	Ag	0,126

Мышьяковистая медь с повышенным содержанием олова.

Исследование осуществлено на спектрометре ElvaX компании «Элватех»

И.Б. Шрамко

НОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В МОГИЛЬНИКЕ СКОРОБОР

В статье представлены результаты работ 2016 г. на крупнейшем курганном некрополе Бельского городища — могильнике Скоробор. В центре внимания — погребальный комплекс представителей местной знати, содержащий редкий для Левобережной лесостепи набор золотых украшений раннескифского времени.

Ключевые слова: *Днепровское Левобережье, Бельское городище, курганный могильник, раннескифский период, деревянный склеп, погребальный инвентарь, янтарные и стеклянные бусы, золотые бляшки-аппликации, скифский звериный стиль.*

Урочище Скоробор, расположенное к западу от Бельского городища известно как место многочисленных захоронений местного населения. Могильник формировался на протяжении нескольких столетий, начиная с VII в. до н. э. [Шрамко, 1994, с. 123; Махортых, 2009, с. 268—269]. Он представляет собой огромный курганный некрополь, занимавший площадь около 1000 га.

Первые 10 курганов здесь были раскопаны в 1906 г. В.А. Городцовым [Городцов, 1906 с. 127]. Более двадцати исследованы Б.А. Шрамко в 1960—70-е гг. [Шрамко, 1994, с. 102—126]. Два кургана были раскопаны нами в 2013 г. [Шрамко, Задников, 2014], один — на границе урочищ Скоробор и Марченки в 2014 г. [Шрамко, Задников, 2015, с. 56—67] ¹.

Среди захоронений двух хронологических периодов (VII—VI и V—IV вв. до н. э.) выделя-

ются погребения представителей местной знати. На принадлежность к высшей социальной группе общества кроме иных признаков указывали ценные предметы в составе погребального инвентаря, среди которых встречены и золотые. Однако не потревоженные грабителями курганы встречаются крайне редко. Практически все из них были ограблены в древности, многие имели следы нескольких проникновений, в том числе в сравнительно недавнем прошлом. В связи с этим важен каждый новый комплекс, позволяющий получить дополнительную информацию об особенностях погребального обряда и набора сопровождающего инвентаря в захоронениях представителей социальной группы, занимающей важное положение в обществе.

Именно таким и оказалось открытое нами ² в 2016 г. погребение в небольшом кургане, расположенном в центральной части могильника Скоробор (рис. 1).

К моменту раскопок курган был слабо замечен на линии горизонта, имел диаметр 24 м. Размеры же древней насыпи (около 14 м) были более скромными. Вероятно, небольшой была и ее высота. Однако можно предположить, что еще в середине прошлого столетия курганное возвышение довольно хорошо читалось на фоне окружающего рельефа, так как было использовано в годы Второй мировой войны для обустройства в насыпи кургана огневой точки. Так, в четырех метрах к югу от репера, в поле

1. По мнению Б.А. Шрамко, группы курганов, расположенные в уроч. Скоробор, Марченки, Осняги и Саранчево Поле в древности представляли собой единый могильник [Шрамко, 1987, с. 141].

2. Раскопки проведены Скифской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина при участии сотрудников Историко-культурного заповедника «Бельск» в июле 2016 г.

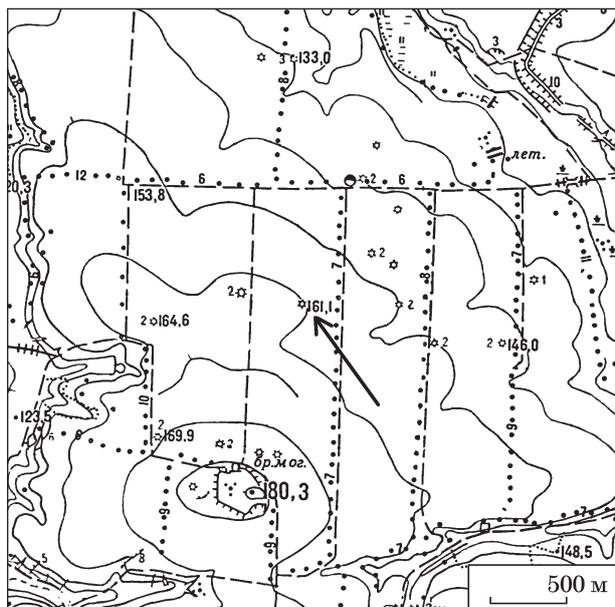

Рис. 1. Месторасположение кургана 1/2016 в уроч. Скоробор; сплошные горизонталы проведены через 10 ; Балтийская система высот

первоначальной насыпи, на глубине 1 м было обнаружено скопление винтовочных патронов.

В нескольких контрольных бровках фиксировались границы первоначальной насыпи кургана, нижняя часть материкового выкида, разрез погребальной камеры, а также остатки деревянного перекрытия, нарушение целостности которого указывало на возможность ограбления кургана в древности. Следов вторичного проникновения грабителей в могилу замечено не было, что давало надежду на незначительные повреждения комплекса и смещения со своих мест лишь небольшой части предметов, оставленных при захоронении.

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

Конструкция могилы не отличалась сложностью. Погребальная яма оказалась относительно неглубокой, имела прямоугольную форму, была впущена в материк с уровня древнего горизонта на глубину 1,15 м. От уровня реперной отметки дно ямы фиксировалось на глубине 1,35 м. Длинной осью она была ориентирована по линии СВ—ЮЗ, имела внешние размеры 2,80 × 3,40 м.

На расстоянии 0,4 м от стен могильной ямы был сооружен срубный деревянный склеп прямоугольной формы, размером 2,4 × 2,95 м.

В некоторых местах хорошо прослеживались контуры древесного тлена от его стен, повторяющие форму могилы. Дерево было использовано и для вымостки дна погребальной камеры. Судя по древесному тлену, оно было выслано цельными дубовыми досками, длиной 2,1, шириной около 0,4 м, опиравшимися на подквадратные в сечении обтесанные бревна, уложен-

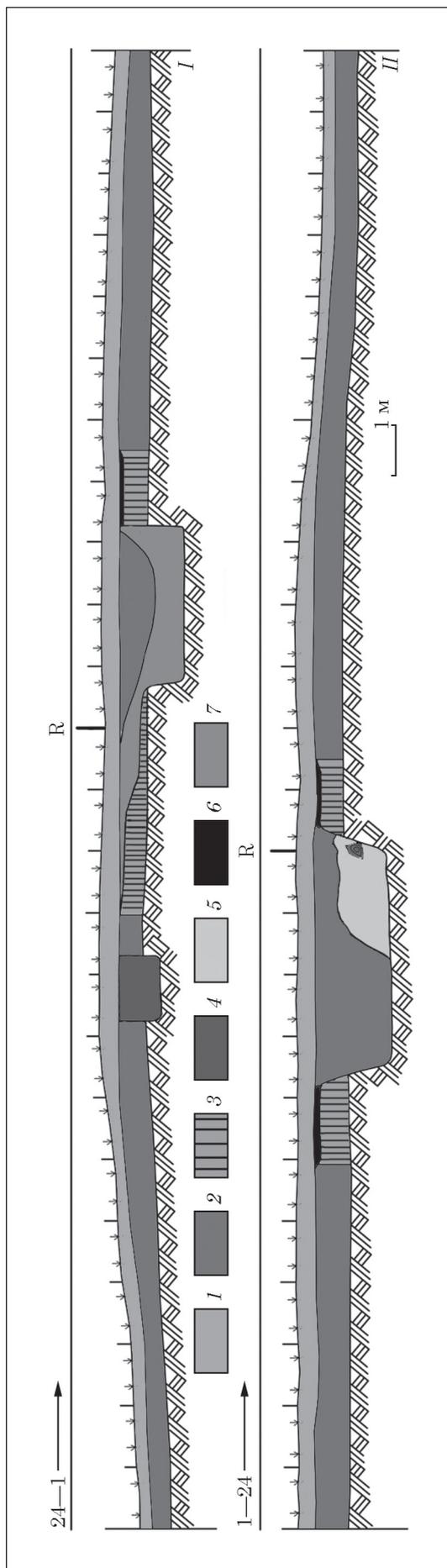

Рис. 2. Профили южной (I) и северной (II) контрольных бровок кургана 1/2016: 1 — пахотный слой; 2 — чернозем; 3 — погребенная почва; 4 — поздний перекоп; 5 — рушенный грунт с остатками просеянного перекрытия; 6 — материковый выкид; 7 — рушенный грунт

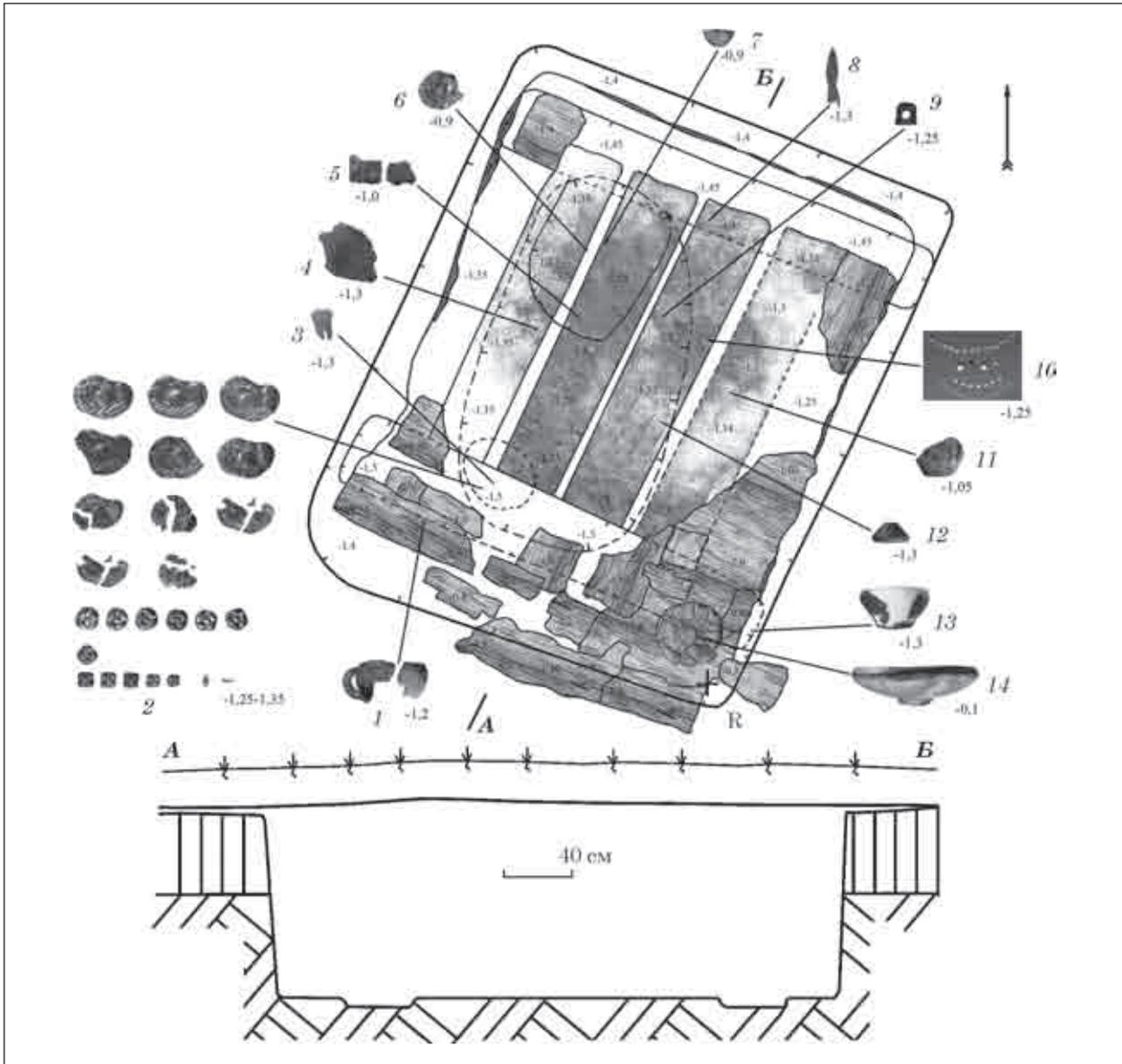

Рис. 3. Общий план и разрез погребения: 1 — лепная кружка; 2 — золотые украшения; 3 — зубы человека; 4 — органические останки; 5 — железный нож; 6 — золотая бляшка; 7 — лепная чашечка; 8 — бронзовый наконечник стрелы; 9 — бронзовая пряжка-пронизь; 10 — скопление бус; 11 — лепной горшок; 12 — глиняное пряслице; 13, 14 — лепные миски

ные в подготовленные для них канавки. Две параллельно расположенные канавки глубиной 0,05 м, были прослежены вдоль северной и южной стен склепа (рис. 3).

Погребения архаического периода с подобным устройством погребальных камер С.В. Махортых рассматривает как деревянные гробницы или срубы, размещенные в грунтовых ямах. Такие сооружения не имели опорных вертикальных столбов. Гробница обычно располагалась в центре могильной ямы [Махортых, 2013, с. 240—242].

После совершения захоронения яму перекрыли уложенными перпендикулярно в два ряда деревянными плахами, со временем просевшими в могилу. Бревна имели длину 3,3—3,8, ширину — 0,2—0,4 м на разных участках. Остат-

ки деревянного перекрытия прослежены лишь в южной части могилы. В северной и центральной — накатник из бревен был пробит грабителями и не сохранился. Несмотря на плохую сохранность древесины и нарушение целостности конструкции можно уверенно говорить о том, что перекрытие было довольно прочным. Подобный принцип устройства перекрытия был прослежен нами и в другом кургане VII в. до н. э., расположенном на этом же курганном поле, в 300—400 м к западу от исследованного в этом году погребального комплекса [Шрамко, Задников, 2014, с. 39].

Проанализировав материалы почти трех десятков курганов в некрополе Скоробор, Б.А. Шрамко также отмечал, что отличительной чертой ранних погребальных сооружений

(VII—VI вв. до н. э.) кроме простых ям, перекрытых деревянным накатником следует считать использование «деревянных склепов с вертикальной и горизонтальной облицовкой, реже со срубом», а также остатки деревянного пола (в 7 из 11 курганов), «который в четырех случаях опирался на уложенные в канавки брусья» [Шрамко, 1994, с. 123]. Справедливо полагая, что ориентировка погребенных совпадала с направлением длинной оси могилы, исследователь предположил также, что большинство захоронений было ориентировано по линии С—Ю с небольшим отклонением к СВ—ЮЗ. Склепы, сооруженные по такому же принципу, ориентированные по линии СВ—ЮЗ были открыты и при раскопках курганов архаического периода в уроч. Перемирки [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 13]. В целом, установлено, что в архаический период в бассейне Ворсклы юго-западная ориентировка, наряду с юго-восточной была определяющей [Махортых, 2013, с. 250]. Не случайно именно у юго-западной стенки склепа, на краю дощатого помоста, в месте вероятного расположения черепа нами были найдены два зуба человека.

Таким образом, наблюдается сходство в устройстве погребальных конструкций, ориентировке погребальных камер, возможной ориентировке погребенных.

Центральная часть погребальной камеры была заполнена черноземом, смешанным с суглинком. В северо-западном углу склепа фиксировалось четкое черное пятно грабительского лаза. Промежуток между деревянным склепом и краями могильной ямы был заполнен более светлым и плотным рупенным грунтом (суглинком). Нижняя часть камеры также была заполнена черноземом, попавшим из насыпи, смешанным с глиной и истлевшей древесиной. Дно и стены камеры в разных частях перерезали кротовины, в заполнении которых встречались отдельные предметы из погребения.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

В ходе древнего ограбления покойник был вытаскен на поверхность через узкий лаз, пробитый в северной части перекрытия, поэтому в ходе расчистки погребения не были обнаружены человеческие останки. Лишь два зуба, найденные в юго-западной части могилы, а также украшения от головного убора (рис. 3, 2, 3) указывали на то, что умерший был уложен головой на юго-запад.

Подобный способ ограбления был зафиксирован нами ранее в кургане VII в. до н. э. № 2/2013 [Шрамко, Задников, 2014, с. 39—40], обращали на него внимание и другие исследователи [Махортых, 2009, с. 269]. Это позволяет говорить о некоторой традиции ограбления небольших по размерам курганов, сложившейся у местного населения в архаический период.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Вещи, найденные в кургане, могут быть отнесены к нескольким категориям материальной культуры: глиняная посуда, предметы вооружения, детали конской упряжи, украшения и предметы быта. Часть из них была оставлена на перекрытии, часть — оставлена на дне могилы, небольшое количество оказалось в заполнении грабительского перекопа. Практически все артефакты, найденные в погребальной камере, были смещены со своих первоначальных мест, лежали в мешаном грунте, в заполнении кротовин.

Тем не менее, для большинства керамических форм и украшений мы можем указать конкретное, изначальное место расположения в данном погребальном комплексе.

ПРЕДМЕТЫ, ОСТАВЛЕННЫЕ НА ПЕРЕКРЫТИИ

Глиняная лепная миска полусферической формы с загнутым внутрь краем и небольшим кольцевым поддоном. Была обнаружена на глубине 0,80—1,0 м (рис. 4, 3). Миска стояла на просевшем перекрытии, истлевшие деревянные плахи фиксировались ниже развала, а также перекрывали его. Корпус сосуда раздавлен грунтом. Максимальный диаметр тулова — 31,2, диаметр венчика — 29, высота — 9,5, глубина чаши миски 7,5, диаметр дна — 9,5, высота ножки — 1,5, глубина кольцевого поддона — 1,3 см. На ножке имеются следы длительного использования. На внешней поверхности кольцевого поддона отсутствует лощение, заметны царапины и заглаженные участки.

Миски с округлым корпусом и плавно загнутым краем бортика, с метрическими параметрами, близкими нашему экземпляру, К.Ю. Пеляшенко относит к 3 типу, известному и в курганах бассейна Ворсклы [Пеляшенко, 2014, с. 39].

Не являются редкостью в раннескифских погребениях и миски на конической ножке или кольцевом поддоне [Ковпаненко, 1968, с. 101, рис. 46; Ильинская, 1975, с. 139, рис. 196, 9; табл. IX, 7, 10]; Мурзин, Ролле, Херц и др., 1999, с. 43, рис. 38, 3; Кулатова, Супруненко, 2010, с. 20; Пеляшенко, 2014, с. 39 и др.].

Обломки лепной миски (рис. 4, 2) с загнутым внутрь краем, найдены на глубине 1,3 м, за пределами деревянного склепа. Возможно, сосуд упал с перекрытия и оказался в нижней части заполнения.

Лепная кружка (рис. 4, 1). Найдена на глубине 1 м, сохранилась в двух крупных частях. Имеет баночный профиль, округлый корпус, постепенно сужающийся ко дну и к краю гладкого венчика, а также петельчатую, овальную в сечении ручку.

Предполагаемая высота сосуда около 9, реконструируемый диаметр венчика 12, толщина стенок 0,7, высота ручки 8,5, ширина 2,6, толщина — 1,5 см. Дно не сохранилось. Кружка вылеплена из глины с большим содержанием шамота,

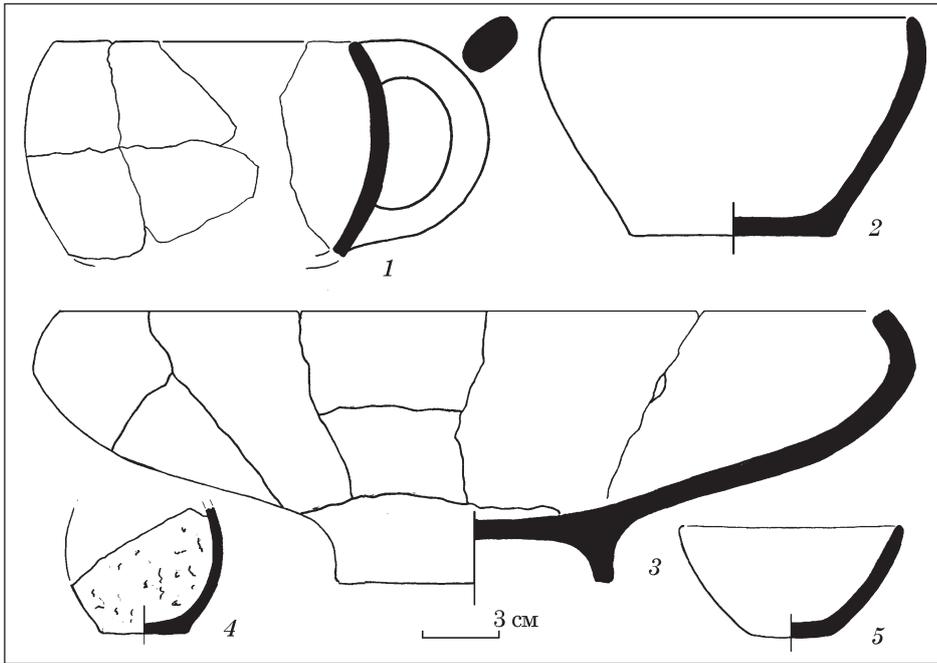

Рис. 4. Лепная посуда: 1 — кружка; 2, 3 — миски; 4 — горшок; 5 — чашечка

имеет плохой, неравномерный обжиг темно-красного цвета со следами сильного пережога. На поверхности сосуда заметны отслаивание пластов глины, трещины и выщерблены. В целом — это керамическое изделие низкого качества.

Кружки с бочковидным и округлым туловом в лесостепном Поднепровье неизвестны. Однако сосуды такой формы характерны для памятников лужицкой и висоцкой культур западных областей украинской лесостепи [Крушельницька, 1985, с. 70; Крушельницькая, Павлив, 1990, с. 107, рис. 33, 4; Крушельницькая, 1990, с. 117, рис. 35, 7, 19; Бандрівський, Кобаль, Крушельницька та ін., 1993, с. 50, рис. 22, 5, 15; 8, 7; Бандрівський, 2014, с. 251, рис. 121].

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ГРАБИТЕЛЬСКОГО ХОДА

Лепная чашечка (рис. 4, 5), склеенная из четырех фрагментов была найдена на глубине 0,9 м. Высота сосуда 5,2, максимальный диаметр 9, диаметр дна 3, толщина стенок — 0,5 см.

Железный нож. Сохранился в двух фрагментах (часть лезвия). Обнаружен на глубине 1 м в мешаном заполнении грабхода. Максимальная длина фрагмента 4,6, высота — 1,7, толщина — 0,4 см (рис. 5, 4).

Золотая бляшка-апликация с изображением горного козла; фрагментирована. Найдена на глубине 0,9 м, в черноземном заполнении (рис. 3, 6).

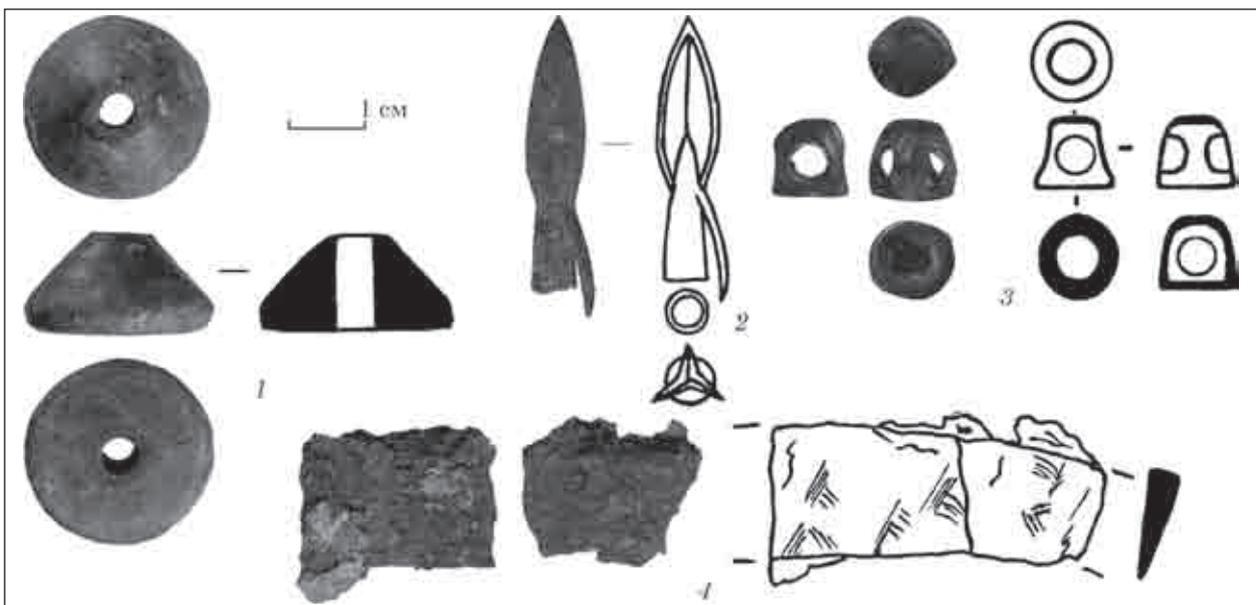

Рис. 5. Изделия из глины и металлов: 1 — глиняное пряслице; 2 — бронзовый наконечник стрелы; 3 — бронзовая пряжка-пронизь; 4 — железный нож

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ

Лепной горшок. Его фрагменты лежали на дне погребальной камеры, на глубине 1,05 м. Венчик не сохранился, высота корпуса сосуда 6 см, поверхность в выщерблинах, диаметр дна 3,7, толщина стенок 0,4 см (рис. 4, 4).

Пряслице. Имеет коническую форму, лощеную поверхность. Обнаружено на глубине 1,3 м. Высота изделия 1,3, диаметр основания — 2,5, отверстия — 0,5 см (рис. 5, 1).

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с шипом лежал на одной из плах деревянного настила, на глубине 1,3 м. Общая высота изделия (с шипом) — 4, длина втулки с лопастью — 3,6, ее диаметр — 0,6, максимальная длина шипа — 1,5 см (рис. 5, 2). Данный тип наконечников обычен для колчаных наборов второй половины VII — первой четверти VI в. до н. э.

Бляшка для перекрестных ремней. Была найдена на глубине 1,25 м, на деревянном настиле. Имеет форму пирамидки с закругленной верхней частью, круглым в плане основанием. Максимальная высота предмета 1, диаметр основания — 1,1, диаметр верхней части изделия 0,7, диаметр четырех сквозных, перпендикулярно расположенных отверстий 0,6, отверстия в основании — 0,8 см (рис. 5, 3).

Подобные бронзовые пряжки отнесены А.Д. Могиловым к срезано-коническим пряжкам-пронизкам с закругленным верхом, которые получили распространение в VII — середине VI в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 67—68; рис. 128, 1—14]. Автор отмечает, что в пределах Днепровского Левобережья основная часть таких пряжек происходит с территории Посулья. Однако один экземпляр этой серии был найден в кургане 23 могильника Скоробор [Шрамко, 1994, с. 120, рис. 11, 12], в комплексе второй половины VII в. до н. э. [Шрамко, 1994, с. 120, рис. 11, 17—19].

С.В. Махортых отметил, что пронизи близкой формы также выделенные им в отдельный тип, кроме Днепровского левобережья известны в курганах Краснознаменского могильника и в Ульском кургане, датированных второй половиной VII в. до н. э. и в предкавказских комплексах первой половины VI в. до н. э. [Махортых, 2016, с. 175, 178, рис. 5, 1—6].

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА И КАМНЯ

В центральной части погребальной камеры, на глубине 1,35 м обнаружено скопление бус, вероятно, входивших в состав ожерелья. Отдельные бусины встречались в разных местах

при расчистке деревянного настила, в том числе и в области предполагаемого расположения черепа.

Янтарные бусы (6 шт.). Имеют биконическую форму. Изготовлены из темно-красного янтаря. Максимальная высота пяти крупных бусин — 1,1—1,3, ширина — 1,3, диаметр отверстия — 0,2 см (рис. 6, 1). Одна, маленькая бусина имеет высоту всего 0,3, ширину — 0,5, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 6, 2).

Как известно, одним из мест происхождения такого янтаря является территория Украины. Именно здесь, в погребениях раннескифского времени янтарные бусины часто доминируют в комплексах ожерелий, в некоторых случаях составляя около 50 % набора [Петренко, 2006, с. 94]. Возможно, находки янтаря в курганах Днепровского Левобережья, в том числе и в памятниках Ворсклинского региона могут быть объяснены прохождением через Бельское городище одного из торговых янтарных путей [Шрамко, 1987, 102].

Фаянсовые (?) бусы (14 шт.) цилиндрической формы (рис. 6, 3), найдены на глубине 1,35 м. Поверхность белая, в некоторых местах заметен слабый синеватый оттенок. Каждая бусина имеет высоту 0,5, ширину 0,5 и диаметр отверстия 0,2 см.

Фаянсовый (?) бисер. В коллекции он представлен двумя видами.

1. Небольшой, коротко-цилиндрический (28 шт.). Бусины белого цвета. Две бисеринки сдвоенные, не разделены при изготовлении (рис. 6, 5). Каждая бусина имеет ширину около 0,2, высоту 0,1, диаметр отверстия 0,1 см.

2. Плоский, кольцевидный (3 шт.) с разными цветовыми оттенками. Одна из бусин светло-бежевого цвета, вторая — голубовато-зеленоватого, а третья — светло-желтого. Вероятно бусы имеют глазурованное покрытие, аналогичное розеткам и бисеру из Моздокского могильника и кургана 407 у с. Журовка [Рябкова, 2010, с. 181]. Однако, для раннего железного века термин «фаянс» может быть использован лишь условно [Островерхов, 2001, с. 400—401; Рябкова, 2010, с. 181—182 и др.] Бусины имеют диаметр 0,4 при высоте 0,1 см. Диаметр канального отверстия 0,2 см (рис. 6, 6).

Пастовые бусы (2 шт.) округлой формы. Высота бусины 0,8, ширина (диаметр) — 0,9, диаметр отверстия — 0,2 см (рис. 6, 7). Сохранились в обломках. В структуре материала заметны блестки, но сильная иризация не позволяет определить первоначальный цвет и структуру изделия. Поверхность белого цвета.

Большинство из перечисленных видов бус обычно для погребений скифской архаики [Ильинская, 1868, с. 141; 1975, с. 152—153; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 49, рис. 20, 9—17; Ковпаненко, 1981, с. 119; 1984, с. 112; Скорый, 1990, с. 32—34; Галанина, 1997, с. 138; Петренко, 2006, с. 93—96; Білан, Солтис,

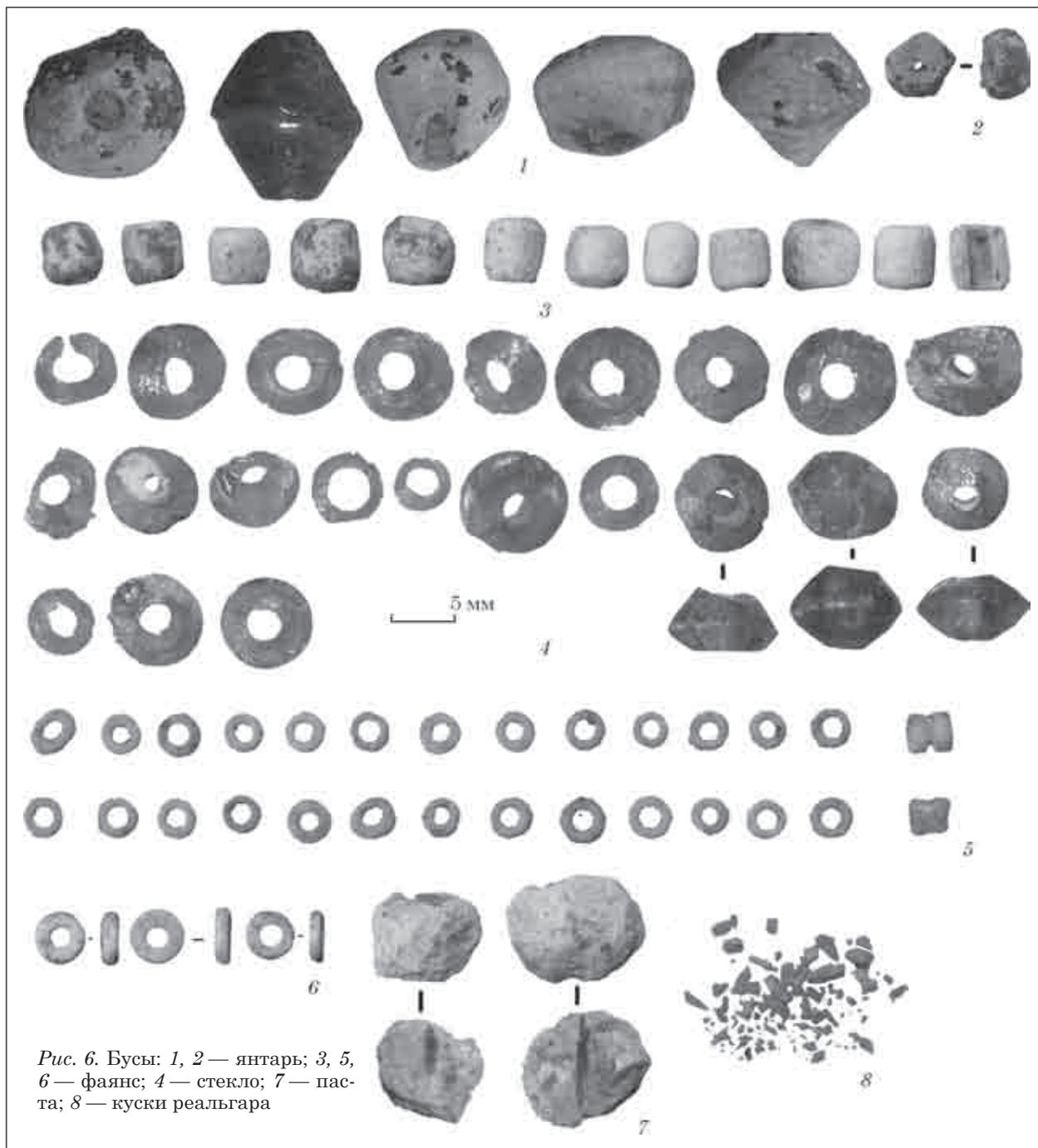

Рис. 6. Бусы: 1, 2 — янтарь; 3, 5, 6 — фаянс; 4 — стекло; 7 — паста; 8 — куски реальгара

2014, с. 22 и др.]. Широкое распространение янтаря, пастового или фаянсового бисера, а также некоторых видов стеклянных бус в раннескифских лесостепных памятниках Северного Причерноморья с одной стороны, и устойчивые давние контакты западных областей Украины с гальштатским кругом культур с другой, позволили ряду исследователей предположить их западное происхождение [Клочко, 2009, р. 415—438; Дараган, 2011, 610—611]. Однако бусы из густокрасного янтаря вполне могли изготавливаться в местных мастерских Северного Причерноморья.

Бусы из прозрачного желтого (золотистого) стекла (21 шт.). Имеют усеченно-бикони-

ческую форму (рис. 6, 4). Найдены на глубине 1,35 м. Высота бусин около 0,6, ширину — 0,9, диаметр отверстия канала — 0,2 см.

В пределах Бельского городища подобная бусина из прозрачного золотистого стекла [Шрамко, 1996, с. 13; рис. 27, 2] была обнаружена на глубине 1 м в заполнении землянки первой четверти VI в. до н. э. в зольнике 28 Западного Бельска [Шрамко, Новоченко, 2013, с. 361—365]. Кроме массового материала, местной лепной посуды, среди которой имелся обломок дна чернолощеной миски с неглубоким, до 1 см кольцевым поддоном [Шрамко, 1996, с. 50] в жилище встречены раковина кури, ан-

тичная керамика, в том числе фрагмент ручки клазоменской амфоры с полосой коричневого лака на внешней поверхности [Задников, 2013, с. 369, рис. 1, 11], а также роговое окончание лука, оформленное в скифском зверином стиле [Шрамко, 2015, с. 487—511]. В расположенной рядом хозяйственной яме, относящейся к этой же усадьбе найдены бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с шипом и крупные обломки расписной тарелочки первой четверти VI в. до н. э. [Задников, 2007, с. 45, рис. 2, 11]. В целом, ранний период формирования зольника 28, с которым связаны две землянки с расположенными возле них хозяйственными комплексами, соотносится с хронологическим горизонтом Б2 (последняя четверть — конец VII — первая четверть VI в. до н. э.), выделенным по материалам Бельского городища [Шрамко, 1994; 1996 и др.].

Усеченно-биконические бусы из прозрачно-желтого стекла встречены также в грунтовом женском погребении, обнаруженном при охранных раскопках в г. Полтава [Супруненко, 2016, с. 263—265, рис. 6, 5;]. Комплекс датирован автором раскопок второй половиной VII — первой четвертью VI в. до н. э. Однако, наличие в погребении биконических золотистых стеклянных бус позволяет сузить время совершения захоронения до первой четверти VI в. до н. э., поскольку на территории Северного Причерноморья, биконические золотистые бусы не встречаются ранее первой половины VI в. до н. э.¹ Производились они, скорее всего, на Ягорлыцком поселении [Ильинская, 1975, с. 153; Островерхов, 1978, с. 42; 1981, с. 214—215, рис. 4], основание которого в свете новых данных может быть отнесено к первой четверти VI в. до н. э. [Vujtsich, 2013, S. 27]. Для VI в. до н. э. такие бусы хорошо известны на Березани и в Ольвии, встречены на ряде скифских памятников [Ильинская, 1968, с. 141; 1975, с. 153; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 49; Островерхов, 1981, с. 215—216; Шрамко, 1987, с. 125 и др.].

Кроме того, на дне погребальной камеры, на глубине 1,35 м, среди скопления бус был обнаружены мелкие кусочки реальгара алого цвета (рис. 6, 8). Этот минерал довольно часто преднамеренно оставлялся в могилах. В нашем случае можно отметить находку реальгара в женском погребении начала VI в. до н. э. в могильнике Скоробор [Шрамко, 1994, с. 105, 107, рис. 3, 30].

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЗОЛОТА

Представлены нашивными бляшками, бляшками-аппликациями, пронизкой и подвеской (рис. 7). Бляшки изготовлены из тонко-

го листа золота. Подвеска — литая с припаянным ушком.

Несколько целых экземпляров и обломки, в основном нашивных бляшек и бляшек-аппликаций разных видов обнаружены в юго-западной части могилы, в предполагаемой области расположения черепа. Украшения были разбросаны, очевидно, слетели с костюма в результате ограбления. Какой-либо системы в их расположении проследить было невозможно, поскольку они не лежали на своих первоначальных местах. Одни из бляшек лежали лицевой поверхностью вверх, другие были перевернуты обратной стороной или стояли на ребре. Каплевидная подвеска обнаружена в кротовине у дна могилы. Бляшки также были найдены в заполнении, в кротовинах, но в пределах могилы практически все золотые украшения локализовались в одном определенном месте, что позволяет связывать их с оформлением головного убора одного человека.

Бляшки-аппликации с зооморфным изображением были найдены у дна и на дне погребальной камеры, в южной части могилы, на досках деревянного настила, а также в кротовинах и в заполнении грабительского хода (рис. 3, 2, 6). Четыре целые бляшки с небольшими визуальными дефектами имели длину 3,6, высоту (ширину) 2,5, толщину 0,01 см. (рис. 7, 1). Несколько изделий найдены в обломках (19 фр.) с размерами 3,3 × 2,5; 2,5 × 2,7; 2,5 × 3,2; 3,6 × 2,5; 2,6 × 1,9 см. Цвет металла, из которого изготовлены предметы варьирует от светло-желтого до красно-желтого с коричневатым оттенком.

Бляшка представляет собой тонкую пластину из кованого листового золота, продолговатой (овальной) формы, длиной около 3,6 шириной 2,5 см, на которой в отгиснуто (штамп на рельефной матрице) полнофигурное изображение лежащего горного козла с повернутой назад головой, на фоне которого схематично обозначена голова другого, меньшего козлика (рис. 7, 1; 9; 10, 4). При этом следует учитывать, что на разных бляшках четкость отгиска различна.

Можно считать доказанным, что на подобных бляшках-аппликациях, происходящих из погребальных памятников лесостепной Скифии VII—VI вв. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 38, XXIV, 22; Іллінська, 1974, с. 75, рис. 2, 6—26; Ковпаненко, 1981, с. 13, рис. 10; Бандрівський, 2010, с. 151—154, рис. 6], изображены не кони, а горные козлы [Канторович, 2016, с. 96—97, рис. 6 и др.].

На бляшках, найденных в кургане 1/2016 могильника Скоробор, безусловно, также показаны горные козлы, изображенные в левосторонней проекции (рис. 7, 1).

Голова основного животного опущена под углом 45° к его спине. Конец широкого массивного дугообразно изогнутого рога направлен вниз и внутрь. Рельефно обозначены попереч-

1. Выражаем благодарность А. Калиниченко за консультацию при атрибуции стеклянных бус.

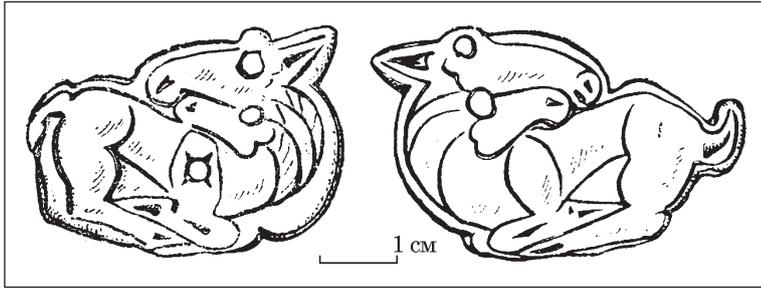

Рис. 8. Костяные бляшки из кургана 2 у с. Жаботин (по Вязьмитина, 1963)

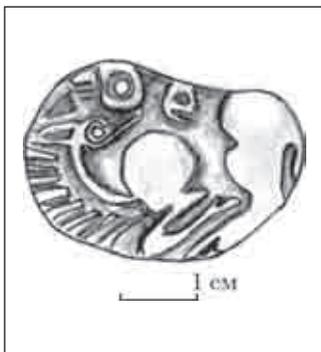

Рис. 9. Золотая бляшка-апликация; курган 1/2016, Скоробор

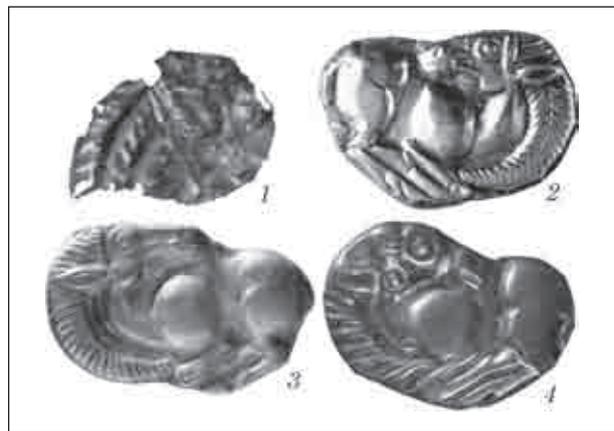

Рис. 10. Золотые бляшки из лесостепных курганов раннескифского времени: 1 — курган Аксютинцы, раскопки Т.В. Кибальчича (фототека ИИМК); 2 — курган 35, Бобрица (по Ковпаненко, 1981); 3 — курган 1, Коцюбинчики 1 (по Бандрівський, 2010); 4 — курган 1/2016, Скоробор

ные валики, обычно расположенные передней стороне рога. Его основание выделено горизонтальными параллельными углублениями. Рог частично перекрыт упрощенно изображенным ухом, близкой к треугольной формы, оконтуренным рельефным валиком.

Большими выпуклыми плоскостями передана передняя лопатка, бедро и задняя нога. Четко обозначен небольшой поджатый хвост, хорошо проработана форма копыт на обеих, расположенных параллельно друг другу нижних частях подогнутых ног.

Миндалевидная форма глаза, присущая горным козлам, также упрощена и глаз подобно другим известным изображениям (Бобрица, 35, Коцюбинчики 1, Аксютинцы) на бляшках этого вида (рис. 10), имеет круглую форму. Выпуклый зрачок обрамлен кольцевым рельефным валиком. Углублением отмечена ноздря, несколькими продольными вдавлениями — открытый рот животного. Линия, обычно очерчивающая скулу и нижнюю челюсть животного не отмечена, что отличает данное изображение от других аналогов, известных по материалам лесостепной Скифии.

На двух, стилистически близких изображениях горных козлов (Бобрица, курган 35 и Коцюбинчики 1, курган 1) ниже глаза, на одной линии с ухом объемно в рельефе показана его щека, четко выделена скула (рис. 10, 2, 3). В нашем случае заметны некоторые отклонения в передаче образа. На наш взгляд, рядом с ухом, в месте предполагаемой щеки, показан еще один выпуклый глаз, обрамленный, как и глаз основного образа, рельефным валиком. Подобное расположение уха и, возможно, «второго глаза», оконтуренного рельефным кружком заметно и на фрагменте подобной золотой

бляшки (рис. 10, 1)¹ из кургана Аксютинцы, раскопки Т.В. Кибальчича 1875—1876 гг. [Ильинская, 1968, с. 20; 1954, с. 69, табл. II].

Гладкий продольный валик, идущий вдоль линии рога, вероятно, передает очертания шеи. Тонким валиком условно передана, скорее всего, лишь обозначена и линия головы (рис. 7, 1; 9). Аналогичное наложение двух профильных силуэтов травоядных (лосей или козлов) мы можем видеть на хорошо известных костяных бляшках из жаботинского кургана 2 [Вязьмитина, 1963, с. 158—169; рис. 4].

Не исключено, что бельским мастером не случайно была выбрана сходная композиция, в которой, очевидно, была реализована и близкая смысловая идея (рис. 9). Это сходство косвенно может указывать и на их близкую хронологическую позицию в пределах не более столетия, если принять, что «жаботинские гравировки были исполнены где-то в конце VII в. до н. э.» [Зуев, 1993, с. 52], что противоречит современным датировкам данного комплекса [Дараган, 2011, с. 37—42, 438 и др.] и требует своего объяснения.

Если сравнить похожие штампы для изготовления золотых бляшек из кургана Скоробор и Коцюбинчики 1, то заметно, что глаз второго

1. Стекланный негатив, ФО НА ИИМК РАН, III 6880

животного, условно названного нами «козленком» расположен в том месте, где на бляшке из Коцюбинчиков 1 рельефом передана щека козла, следовательно, произошло замещение элементов, на общем-то, близких, изображениях. Кроме того, на бляшке из кургана Коцюбинчики 1 крупный, цельный ветвистый рог козла начинается сразу от обозначенного поперечными рубчиками основания, лишь в одном месте он перекрыт изображением уха животного, расположенного на уровне щеки. На скороборской же бляшке между подобным основанием рога и четко показанным рельефным валиком треугольным ухом, расположенным на уровне глаза второго, меньшего животного имеется явно преднамеренно выдавленный треугольный промежуток, также перекрывающий рог козла.

Возможно, так в данном случае мастер условно показал ухо первого, основного из двух изображенных животных. Конечно, такое «прочтение» показанного на пластине сюжета не бесспорно, но оно, на наш взгляд, имеет право на существование.

Необходимо также отметить, что на золотой бляшке из Коцюбинчиков 1 в целом изображение козла более четкое, с лучшей проработкой деталей, хотя из всех известных находок подобных бляшек эти два штампа наиболее похожи в передаче образа.

Образ горного козла был довольно популярен в раннем скифском искусстве, сложился под влиянием передневозосточных традиций, получил распространение на территории лесостепной Скифии, где воспроизводился местными мастерами в кости и даже в золоте [Бандрівський, 2010, с. 151—153; Шрамко, 1987, с. 96; 1995, рис. 1, 25 и др.; Кантрович, 2016, с. 96].

Во второй половине VII в. до н. э. в Лесостепи стали популярны бляшки-аппликации с изображением лежащего козла с повернутой назад головой, а также бляшки в виде строенных треугольников. Распространение в лесостепной Скифии традиции украшения вещей аппликациями исследователи вполне обоснованно связывают с влиянием гальштаттских культур [Фиалко, 2006, с. 61; Дараган, 2011, с. 615]. Такие элементы декора обнаружены в основном в женских погребениях местной элиты с другими престижными вещами. Эта мода, по мнению, М.Н. Дараган могла быть распространена в сравнительно узком временном промежутке середины — третьей четверти VII в. до н. э., поскольку в более поздний период такие погребения не известны. М.С. Бандрівський близкую по стилю изображения золотую нашивную бляшку из кургана Коцюбинчики 1 относит к более раннему времени, ко второй четверти VII в. до н. э. [Бандрівський, 2010, с. 153]. Новые материалы раскопок в могильнике Скоробор не позволяют пока настолько удревнять эту группу архаических погребений и согласиться

Рис. 11. Фрагмент золотой диадемы из Келермесского кургана 3/Ш (по Галанина, 1997)

с бытованием однотипных наборов предметов и обряда захоронения местной элиты на протяжении почти столетнего периода, а также дают веские основания предположить, что подобная традиция, получившая распространение, скорее всего, во второй половине VII в. до н. э. продолжала существовать и в первой четверти VI в. до н. э.

Бляшки в виде четырехлепестковой розетки. Шесть бляшек имеют в плане округлую форму, внешне напоминающую цветок (рис. 7, 2), грани лепестков которого образуют солярный ромбовидный знак в виде четырехлучевой звезды. Размер изделий 1,3 × 1,3 см.

По краям лучей пробиты четыре сквозных отверстия диаметром 0,15 см для крепления к основе. На четырех бляшках отверстия пробиты с лицевой стороны изделия, а на двух — с внутренней. Бляшки имеют небольшие вмятины на поверхности.

Бляшка-аппликация в виде четырехлепестковой розетки округлой в плане формы, размер 1,3 × 1,3 см. Грани выпуклых лепестков формируют изображение солярного знака в виде четырехлучевой звезды, без отверстий для крепления (рис. 7, 3). Бляшка наклеивалась на основу.

Бляшки квадратной формы, в виде стилизованного цветка, лепестки которого обозначены выпуклостями. Не имеют сквозных отверстий, наклеивались на основу. Четыре бляшки без видимых повреждений. На одной заметны

небольшие вмятины на лепестках, остальные целые. Три бляшки имеют размеры $1,2 \times 1,2$ см (рис. 7, 4), две — 1×1 см (рис. 7, 5).

Аналогичные бляшки в форме четырехлепесткового цветка мы находим в кургане 100, Сиявка [Ковпаненко, 1981, с. 51—52, рис. 41, 7], а также в нескольких погребальных комплексах Посулья: в кургане 13, Поповка [Ильинская, 1968, с. 60, табл. L. II, 17—25; Іллінська, 1971, с. 75, рис. 2, 17], кургане 1, Герасимовка [Ильинская, 1968, с. 55, табл. XLV, 33] и др.

Наиболее редкой, не встреченной ранее в раннескифских курганах украинской лесостепи деталью украшения головного убора является золотая подвеска редкой формы.

Каплевидная подвеска с круглым ушком (рис. 7, 6) была в одной из кротовин, перерезавших юго-западную стенку погребальной камеры. Высота изделия 0,8, ширина 0,3 см, диаметр отверстия, образованного припаянным ушком 0,15 см. Единственной прямой аналогией данному изделию пока являются каплевидные подвески на известной диадеме (рис. 11), происходящей из кургана 3/Ш, 1904 г. могильника Келермес [Галанина, 1997, с. 186; табл. 30]. Подвеска была отлита в двусторонней литейной форме. Вдоль длинной оси изделия хорошо заметен литейный шов. Ушко сделано из тонкой золотой проволоки, свернутой в один оборот с заходящими концами и припаяно к золотой капле-подвеске. Гладкие каплевидные золотые подвески на келермесской диадеме (курган 3/Ш, 1904) также состоят из двух половинок [Галанина, 1997, с. 228, кат. 38] и, вероятно, изготовлены по одной технологии. Данный комплекс Л.К. Галанина предлагала датировать 650—627 гг. до н. э. [Галанина, 1997, с. 190], однако новые материалы раскопок скороборского некрополя позволяют предположить, что такие элементы декора оставались актуальными и в первой четверти VI в. до н. э. Можно лишь добавить, что в нижних слоях зольника 28 (горизонт Б2), рядом с упомянутой землянкой (помещение 9) была найдена костяная ручка ножа с изображением пантеры, близкой по внешнему виду знаменитой, келермесской [Шрамко, 1997, с. 25, рис. 32]. В этом же слое встречена и костяная пластина с резным полнофигурным геральдическим изображением горных козлов с повернутой назад головой [Шрамко, 1995, рис. 1, 25].

Трубчатая пронизь (рис. 7, 7) свернута из тонкого листа золота, толщиной до 0,01 мм. Длина пронизки 0,75, диаметр отверстия 0,15 см. Золотые пронизки в составе ожерелья из круглых бляшек и бус из горного хрусталя и сердолика бляшки найдены в кургане 100, с. Сиявка [Ковпаненко, 1981, с. 51, рис. 41].

В целом, курган 1/2016 г. — один из многих в могильнике Скоробор, ставших местом упокоения богатых представителей местной знати, очевидно, выделившейся уже в ранний период

развития поселения. Вид погребальной конструкции, ориентировка погребальной камеры и соответственно погребенных, набор вещей оставленных в могиле и на перекрытии находят прямые аналогии в некрополях Бельского городища, подчеркивая не только общность погребального обряда, но и традиции последующего ограбления богатых могил.

Большинство типов бус, виды золотых бляшек, золотые пронизь и каплевидная подвеска, бронзовая пряжка-пронизь, трехлопастный наконечник стрелы, лепная миска на кольцевом поддоне в различных сочетаниях, как правило, устойчиво повторяются в известных курганных комплексах раннескифского времени.

Основная часть предметов имеет довольно широкие хронологические рамки бытования, преимущественно в пределах второй половины VII в. до н. э. Однако, наличие среди украшений открытого комплекса биконических бус из золотистого стекла, не известных ранее первой половины VI в. до н. э., а также находки подобных бус в землянке конца VII — первой четверти VI в. до н. э. на Западном Бельске позволяют предположить, что богатое, по всей видимости, женское захоронение в кургане 1/2016 было совершено в первой четверти VI в. до н. э.

Таким образом, материалы раскопок 2016 г. позволили внести некоторые уточнения в имеющиеся представления о возможном временном диапазоне существования богатых захоронений с характерным набором золотых украшений определенных типов, а также получить новые для лесостепной Скифии образцы раннескифского звериного стиля.

Бандрівський М.С., Кобаль Й., Крушельницька Л.І. та ін. Памятки гальштатського періоду в межріччі Вісли, Дністра і Прип'яті. — К., 1993. — 321 с.

Бандрівський М.С. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початку раннього заліза. — Львів, 2014. — 574 с.

Бандрівський М.С. Образотворчі традиції на заході українського лісостепу у VII — на початку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // *Изобразительное искусство в археологическом наследии* // *Археологический альманах*. — 2010. — № 21. — С. 145—177.

Виноградська Я.О. До інтерпретації зображень на бляшках скифського архаїчного головного убору // *Музейні читання: Матеріали наук. конф.* — К., 2000. — С. 17—23.

Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // *СА*. — 1963. — № 2. — С. 158—169.

Галанина Л.К. Келермесские курганы // *Степные народы Евразии*. — М., 1997. — 269 с.

Городицов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии, в 1906 году. — М., 1906. — 127 с. (Тр. XIV АС. — Т. III).

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 811 с.

- Задников С.А.* Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. // *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок.* — СПб, 2007. — С. 41—47.
- Задников С.А.* Античная керамика из землянок конца VII — первой четверти VI в. до н. э. Западного Бельского городища // *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке.* — СПб, 2013. — С. 366—371.
- Зув В.Ю.* Изучение жаботинских градировок и проблема развития звірино-стиля в европейской Скифии на рубеже VII — VI вв. до н. э. // *Скифы. Сарматы. Славяне. Русь: Сб. археол. ст. в честь 56-летия Д.А. Мачинского.* — СПб, 1993. — С. 38—52.
- Ильинская В.А.* Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье // *КСИА.* — 1954. — Вып. 3. — С. 66—70.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 267 с.
- Іллінська В.А.* Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // *Археологія.* — 1971. — № 4. — С. 73—79.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 224 с.
- Ильинская В.А., Мозоловский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // *Скифия и Кавказ.* — К., 1980. — С. 31—63.
- Іллінська В.А.* Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // *Археологія.* — 1971. — № 4. — С. 73—79.
- Канторович А.Р.* Образ лосекозла в скифской зверином стиле в свете новых находок на территории Ставрополья и Прикубанья // *Старожитності раннього залізного віку.* — К., 2016. — С. 89—99 (АДІУ. — Вип. 2 (19)).
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967. — 188 с.
- Ковпаненко Г.Т.* «Червона Могила» у с. Флярковка // *Древности Евразии в скифо-сарматское время.* — М., 1984. — С. 107—113.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981. — 160 с.
- Крушельницька Л.І.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. — К., 1985. — 162 с.
- Крушельницькая Л.И.* Высоцкая культура // *Археология Прикарпаття, Вольни и Закарпаття (энеолит, бронза, и раннее железо).* — К., 1990. — С. 115—122.
- Крушельницькая Л.И., Павлив Д.Ю.* Лужицкая культура // *Археология Прикарпаття, Вольни и Закарпаття (энеолит, бронза, и раннее железо).* — К., 1990. — С. 107—114.
- Махортых С.В.* К истории изучения курганных некрополей Бельского городища // *Эпоха раннего железа.* — Киев; Полтава, 2009. — С. 268—278.
- Махортых С.В.* Погребальные сооружения и обряд курганных некрополей Бельского городища // *Stratum plus.* — 2013. — № 3. — С. 223—256.
- Махортых С.В.* Пронизи для перекрестных ремней из северокавказских памятников VII—VI вв. до н. э. // *Кавказ и степь на рубеже эпохи бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. пам. М.Н. Погребовой.* — М., 2016. — С. 171—185.
- Могилов О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Острроверхов А.С.* Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні // *Археологія.* — 1978. — Вип. 25. — С. 41—50.
- Острроверхов А.С.* Древнейшее в Северном Причерноморье античное производство стеклянных бус // *СА.* — 1981. — № 4. — С. 214—229.
- Острроверхов А.С.* Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. — первая половина VII в. до н. э.) // *Stratum plus.* — 2001—2002. — № 2. — С. 386—430.
- Петренко В.Г.* Краснознаменский могильник / Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2006. — 281 с.
- Рябкова Т.В.* К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // *Археологический альманах.* — 2010. — № 21. — С. 178—188.
- Скорый С.А.* Курганы Переп'ятиха. — К., 1990. — 123 с.
- Супруненко О.Б.* Грунтові некрополі лісостепоного населення скіфської доби у Дніпровському Левобережжі // *Старожитності раннього залізного віку.* — К., 2016. — С. 257—269 (АДІУ. — Вип. 2 (19)).
- Тереножкін О.І.* Курганы біля с. Глеваха // *Археологія.* — 1954. — Т. IX. — С. 80—97.
- Фиалко Е.Е.* Об одном типе золотых украшений скифского времени (к вопросу об эволюции и происхождении) // *АДІУ.* — 2006. — № 1. — С. 61—73.
- Черненко Е.В., Ролле Р.А., Скорый С.А. и др.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области 2003 г. — К., 2004. — 100 с.
- Шрамко Б.А.* Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // *Древности 1994.* — 1994. — С. 102—126.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1997. — 184 с.
- Шрамко И.Б.* Раскопки на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. // *Древности 1995.* — 1995. — С. 174—175.
- Шрамко И.Б.* Отчет о раскопках на Западном укреплении Бельского городища в 1996 году / *НА ІАНАН України.* — 1996/35.
- Шрамко И.Б., Новоченко А.В.* Конструктивные особенности земляночных жилищ последней четверти VII — первой четверти VI в. до н. э. Западного Бельского городища // *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке.* — СПб, 2013. — С. 361—366.
- Шрамко И.Б., Задников С.А.* Дослідження Більського городища у 2013 р. // *Археологічні дослідження Більського городища.* — Київ; Котельва, 2014. — С. 5—62.
- Bujskich S., Bujskich A.* Zur Chronologie der archaischen Siedlungen in der Chora von Olbia Pontica // *Eurasia Antiqua.* — 2013. — 19. — S. 1—34.
- Klochko L.S.* Amber in garments of populations of Scythia (way and forms of reception) // *Baltic-Pontic Studies.* — 2009. — Vol. 14. — P. 415—438.

І.Б. Шрамко

I.B. Shramko

НОВИЙ ПОХОВАЛЬНИЙ КОМПЛЕКС РАНЬОСКІФСЬКОГО ЧАСУ В МОГИЛЬНИКУ СКОРОБІР

NEW BURIAL COMPLEX OF EARLY- SCYTHIAN TIME IN THE SKOROBIR BURIAL MOUNDS

У статті вперше друкуються матеріали дослідженого у 2016 р. кургану ранньоскіфського часу, розташованого в одному з найбільших місць поховання мешканців Більського городища — некрополі Скоробір. Не дивлячись на те, що курган був пограбований у давнину, він дозволив отримати нову інформацію про поховання представників місцевої верхівки суспільства. Поховання являло собою дерев'яний склеп з настилом, зробленим з широких дощок. Людські останки були відсутні. Лише два зуба вказували на орієнтування похованого в могилі. Цікавим виявився поховальний інвентар. Окрім декількох керамічних посудин, залишених на перекритті та в могилі, предметів озброєння та деталей кінської вузди, знайдені рідкісні прикраси одягу: золоті платівки-аплікації з повнофігурним зображенням гірського козла, образ якого був вельми поширений у скіфському мистецтві, чотирихпелюсткові платівки-розетки, золота пронизка та каплеподібна підвіска. Незвичайним для архаїчного періоду виявився і склад намиста. Крім добре відомих у ранньоскіфських комплексах бурштинових, пастових та фаянсових намистин, було виявлено біконічні намистини із жовтого скла, невідомі у пам'ятках VII ст. до н. е., що з урахуванням типів інших знайдених речей і стилістичних особливостей зображень на золотих платівках дозволяють встановити дату відкритого поховального комплексу в межах першої чверті VI ст. до н. е.

Ключові слова: ранньоскіфський період, Дніпровське Лівобережжя, Більське городище, курганний могильник, дерев'яний склеп, поховальний інвентар, бурштинові й скляні намистини, золоті платівки-аплікації, скіфський звіриний стиль.

This article is the first publication of the materials from the Early-Scythian barrow, that was researched in 2016 and located in one of the largest burial sites of Bilsk hillfort — Skorobir necropolis. Despite the fact that this barrow was looted in antiquity, it gave new information about the burial of some local elite group of society. The burial presented as a wooden tomb with flooring, which made of wide boards. Human remains were missing. Only two teeth indicated the orientation of buried in the grave. There was interesting implements in the burial. Except several ceramic vessels, left on the ceiling and into the tomb, armament items and details of trappings, there was found some rare clothing decorates: gold plate-application of full-figured image of a mountain goat, whose image was widespread in Scythian art, four-petals plates-rosettes, gold bead and drop-formed pendant. Composition of beads was extraordinary for the Archaic time. Except amber, glass and faience beads, which was well known in the Early-Scythian complexes, there were found biconic yellow-glass beads, unknown in the monuments of the 7th century BC. This fact and types of other found things and also stylistic features of images on the golden plates give the opportunity to date of this burial complex by the first quarter the 6th BC.

Keywords: Dnipro Left Bank, Bilsk hillfort, burial mounds, Early-Scythian period, wooden tomb, burial implements, amber and glass beads, gold plate-applications, Scythian animal style.

Одержано 31.03.2017

П.И. Шульга, Ю.В. Оборин

«ВОСТОЧНЫЕ» ЗЕРКАЛА-ПОГРЕМУШКИ И БРОНЗОВЫЕ ДИСКИ С ГРАВИРОВКАМИ

В 2014 г. в низовьях Оби у Полярного круга обнаружен богатый клад, в состав которого входило несколько крупных бронзовых дисков, очень похожих на рельефные оборотные диски зеркал-погремушек, до этого встречавшихся только в женских погребениях V—IV вв. до н. э. на Алтае, Верхнем Приобье и Южном Урале в пазырыкской, каменной и прохоровской культурах. В ходе их изучения установлено, что это впервые зафиксированная особая категория культовых изделий. На трех экземплярах сохранились не встречавшиеся в скифско-сибирском искусстве гравированные изображения мифических коней. Предположительно, диски могли производить в III в. до н. э. в переднеазиатских ремесленных центрах, копировавших «индийские» зеркала-погремушки, но в соответствии со своей производственной и художественной традицией. Вероятно, уже во II—I вв. до н. э. своеобразный рельеф дисков с конусами и валиками был воспринят культурой населения Нижней Оби и еще несколько столетий воспроизводился на различных бляхах и пряжках.

Ключевые слова: бронзовые зеркала-погремушки, бронзовые диски, скифское время, Алтай, Нижнее Приобье, художественный стиль, мифические лошади.

Зеркала-погремушки являются чрезвычайно интересными и загадочными артефактами. Это наиболее сложные по конструкции и изготовлению зеркала скифского времени на севере Евразии, с экзотическими изображениями «дев» в соответствующих нарядах восточных танцовщиц, «благослава», ланей, птиц, цветков лотоса и листьев растений (рис. 1). По всем данным, изготавливались они где-то в Индии или Бактрии, потому и были названы «восточными». Однако, в указанном регионе ничего подобного пока не обнаружено, и все пять извест-

ных до недавнего времени зеркал-погремушек найдены более чем в 2000 км к северу — в Горном Алтае (1 экз.), Верхнем Приобье (2 экз.) и Южном Урале (2 экз.)¹. После публикации материалов могильников Локоть-4а и Рогозиха-1 с найденными там зеркалами [Шульга, 2003; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005], а также исследований по семантике изображений на зеркалах-погремушках (см. [Васильков, 2003]), эти изделия еще раз рассматривались в труде по импортным изделиям в Южном Приуралье. Приведенные там результаты исследований состава и технологии производства зеркал из Яковлевки-2 и Мечетая подтвердили уже высказывавшееся мнение о сложности изготовления музыкальной бронзы зеркал-погремушек путемковки в ограниченном температурном диапазоне (см. [Трейстер, 2012, с. 121—125; Равич, 2012, с. 248—252; Сиротин, 2012, с. 157—159]). Таким образом, в настоящее время известно шесть зеркал-погремушек, что позволяет более обоснованно выделить характерные черты этих изделий.

1. Недавно в интернете была выставлена фотография оборотного рельефного диска еще одного зеркала-погремушки с изображениями двух противопоставленных дев (в профиль) в одеяниях, подобных изображенным в Рогозихе-1 и Локте-4а. Внизу, как и в Локте-4а (рис. 1, 2) даны две лани (оленья?) с разветвленными рогами, над одной из которых показана птица. Вверху по центру дано поясное изображение третьей девы анфас с маленькими грудями, круглыми серьгами и цветком лотоса в руке. Аналогичным образом изображены и противопоставленные женщины на зеркале в Яковлевке-2 (см. [Влияние ..., 2012, рис. 64]). Предположительно, зеркало обнаружено на Среднем Урале.

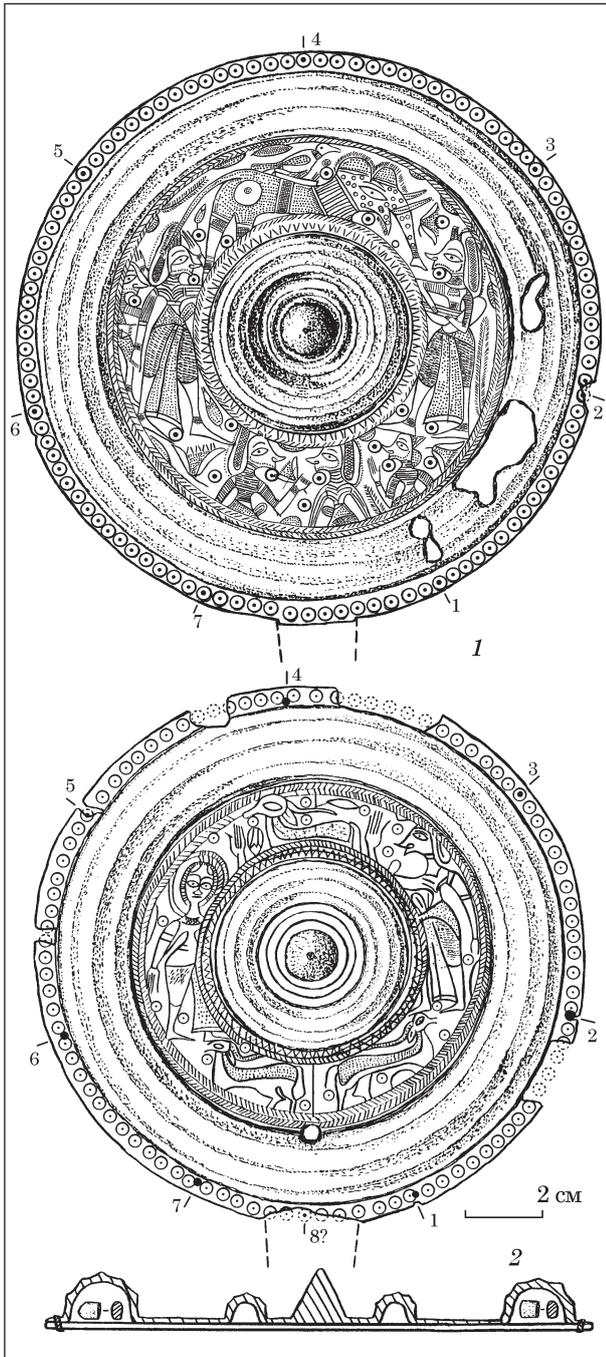

Рис. 1. Бронзовые «восточные» зеркала-погремушки из могильников: 1 — Локоть-4а; 2 — Рогозиха-1

1. Зеркала-погремушки состоят из двух «золоченых» дисков диаметром около 15 см (от 14,5 до 15,5 см), соединенных семью заклепками, с черенком у одного или обоих дисков (рис. 1). «Золочение» дисков достигалось специальной обработкой поверхностей без добавления золота. Лицевой диск был плоский зеркальный, а оборотный — рельефный с полыми валиками, в которые закладывались кусочки металла, гремевшие при потряхивании (рис. 1, 2). Согласно проведенным исследованиям, зеркала изготовлены из т. н. музыкальной оловянистой бронзы, получаемой путемковки в ограниченном

температурном диапазоне [Васильков, 2003, с. 30, 32; Равич, 2012, с. 248—252; Сиротин, 2012, с. 158—159]. Изображения, орнаменты и штриховка на зеркалах, преимущественно, чеканились. У трех из пяти зеркал еще до их попадания в могилы черенки были обломаны и подшлифованы. Вероятно, в таком виде их продолжали использовать еще какое-то время.

2. На оборотном рельефном диске по центру зеркал-погремушек находится конус, окруженный двумя полыми гранчатыми (обычно, шестигранными) валиками, разделенными плоским полем шириной 2—2,5 см. У пяти зеркал между валиками размещалась многофигурная композиция, как бы частично «закрытая» (обрезанная) сверху и снизу валиками и прилегающими к ним орнаментальными поясками (рис. 1). На зеркале из Пазырыка-2 вместо композиции имелось 11 орнаментированных поясков.

3. На плоской, часто приостренной, закраине оборотного диска шириной 5—6 мм по периметру в одну строчку пуансоном выбивались стандартные круглые солярные значки диаметром около 3,5 мм с точкой по центру (рис. 1).

4. На пяти (Рогозиха-1, Локоть-4а, Мечетсай, Яковлевка-2, зеркало из Среднего Урала) из шести известных в настоящее время зеркал-погремушек имеется определенный набор изображений: «дева» в специфических нарядах, лани (олени?), птицы, солярные знаки, цветы (лотосы) и листья растений. Помимо этого, на одном зеркале изображен слон (рис. 1, 1). В композиции имеется верх и низ. Правая и левая стороны, как правило, симметричны. Вверху по линии симметрии расположена одиночная фигура. На трех зеркалах в Южном и Среднем Урале это антропоморфное существо, а в степном Алтае (Верхняя Обь) — «благословенный слон» и лань (рис. 1). Композиции на указанных пяти зеркалах существенно различаются между собой, но все они содержат изображения двух противопоставленных «дев» в восточных нарядах с поднятой правой (правая фигура) или левой (левая фигура) рукой¹.

Изображения особым образом вписаны в пространство между внешним и внутренним валиками, как бы частично закрывающими композицию снизу и сверху (рис. 1). Этот способ расположения композиции не известен в скифском искусстве и у народов более северных территорий, а потому является важной отличительной чертой «восточных» зеркал-погремушек (рис. 1) и дисков с гравировками (рис. 2, 4), изготавливавшихся на юге в иной культурной среде.

5. На всех пяти зеркалах композиции оконтурированы со стороны внешнего валика пояском

1. Исключением является лишь играющая на струнном инструменте правая «дева» на зеркале из Рогозихи-1 (рис. 1, 1).

«елочки» из двух рядов наклонных параллельных линий, а со стороны внутреннего валика — пояском наклонных линий и параллельным ему пояском углового орнамента. На зеркале из Пазырыка-2 дано 11 чередующихся поясков, в том числе шесть поясков углового орнамента и пять, заполненных короткими радиальными линиями.

Согласно последним данным, погребения с зеркалами-погремушками могут датироваться в рамках конца V — начала IV в. до н. э. (см. [Трейстер, 2012, с. 121—125]). Одним из самых поздних является зеркало из оловянистой бронзы без «позолоты» и сцен из Второго Пазырыкского кургана, относящегося ко второй половине IV в. до н. э., возможно, к рубежу IV — III вв. до н. э. (см. [Шульга, 2015, с. 23—28, 32—37]). Следует отметить, что у трех из пяти зеркал еще до их попадания в могилы черенки были обломаны. По всей видимости, обломан и черенок у тыльного диска зеркала-погремушки из Среднего Урала. Места сломов у этих четырех зеркал обрабатывались, а потому у нас нет оснований предполагать их намеренную порчу. Все это указывает на длительность использования зеркал-погремушек в кочевой среде до момента помещения с умершими женщинами. Следов ремонта на них не видно, но у зеркала из Локтя-4а в месте обломанного черенка было пробито крупное сквозное отверстие, которое, скорее всего, предназначалось не для подвешивания, а для пропускания петли, заменявшей ручку.

Зеркала-погремушки могли быть атрибутом жриц, служивших культу находившейся на Севере Мировой горы, а сами зеркала являлись не только музыкальным инструментом, но и объемной моделью страны блаженных (гипербореев), расположенной вокруг Мировой горы за кольцевым неприступным горным хребтом — Рипейскими горами (внешний валик). Соответственно, все персонажи, изображенные между внешним и внутренним валиками, представляются обитателями этой чудесной страны, а расположенные по периметру солярные значки демонстрируют движение солнца и звезд вокруг Мировой горы и страны блаженных. Предполагалось, что некоторые жрицы для отправления культа могли приходить из южных областей на Алтай, что, как будто, подтверждается анализом украшений женской одежды и обуви из Второго Пазырыкского кургана, а также одного найденного там сбруйного набора с лотосами [Шульга, 2003, с. 95—97].

Помимо зеркал-погремушек на Верхней Оби и Южном Урале в IV в. до н. э. в тех же культурах широкое распространение получили цельнолитые зеркала из оловянистой бронзы диаметром около 17—18 см с довольно массивными ручками [Могильников, Уманский, 1995; др.]. Они также имели «золоченую» поверхность. На их оборотной стороне, как

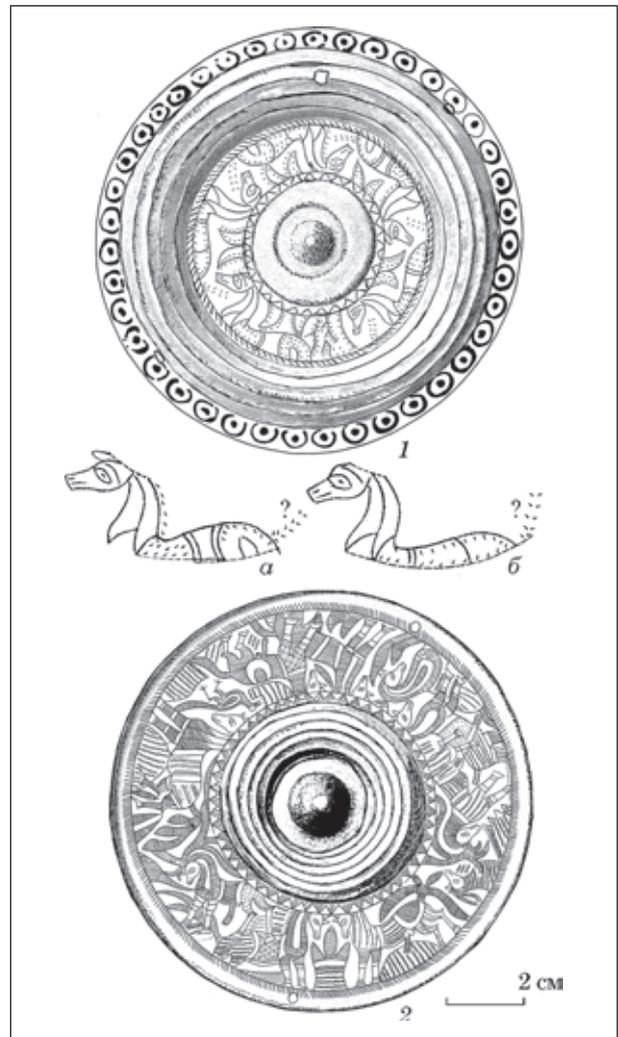

Рис. 2. Казымский клад, бронзовые диски 1 (1, 1а, 1б) и 2 (2) с гравировками

и у погремушек, располагалось по два слабо выраженных кольцевых валика, врезанные циркульным инструментом концентрические окружности, а по центру — небольшой конус с лункой сверху для установки циркульного инструмента. Два экземпляра известно и в Казахстане неподалеку от Алматы в кургане Иссык [Акишев, 1978, с. 31, табл. 32] и на могильнике Каратума [Амиров, 2015; Байпаков и др., 2016, с. 597] по пути их доставки с юга на север. Изображения и орнаменты на такие зеркала, как правило, не наносились. По составу металла, технологии получения «музыкальной» бронзы и «позолоты», а также наличию на оборотной стороне валиков с конусом, эти зеркала близки погремушкам. Предположительно, они производились в одном центре, и в какой-то мере являлись упрощенным вариантом более сложных в изготовлении и оформлении зеркал-погремушек. Оба вида зеркал в глазах современников имели сакральное значение, на что однозначно указывают многочисленные случаи, когда в ходе древних ограблений (осквернений) похищалось или разрушалось все со-

держимое погребальных камер, а лежавшие на виду чрезвычайно ценные «золоченые» зеркала указанных типов оставались на прежних местах [Шульга, 2003, с. 94].

Однотипные зеркала-погремушки, встреченные только у северных кочевников вдалеке от мест их производства, выглядели в Сибири и на Урале какими-то совершенно необычными загадочными «заморскими» изделиями, не оставившими заметного следа в культурах этих регионов. Ничего подобного не было найдено и в местах их предполагаемого производства. Не удивительно, что после публикаций 2003—2005 гг. вопрос о назначении и местах производства зеркал-погремушек даже не обсуждался.

Ситуация принципиально изменилась в результате обнаружения в низовьях Оби у Полярного круга сразу нескольких крупных бронзовых дисков, очень похожих на рельефные оборотные диски зеркал-погремушек, но зеркалами не являвшихся, и имеющих совершенно необычные изображения лошадей в своеобразных стилях, доселе не известных в северной части Евразии¹. Летом 2014 г. в Белоярском районе ХМАО-Югры недалеко от устья р. Казым (правый приток Оби), примерно в 300 км к югу от г. Салехарда, расположенного на линии Полярного круга, были обнаружены два скопления металлических вещей, получивших название Казымский клад. Среди примерно 300 бронзовых изделий там находилось большое количество «зеркал сарматского круга» и несколько бронзовых рельефных дисков с конусом по центру и валиками, очень похожих на зеркала-погремушки [Бауло, 2016, с. 121—122]. На многих из них имеются граффити, нанесенные уже после попадания изделий на Нижнюю Обь². Особый интерес представляют диски 1—3 с гравировками (рис. 2—4).

1. Авторам не удалось обнаружить в скифо-сибирском зверином искусстве подобных изображений лошадей в восточной части скифского мира, включая территорию Казахстана, Китая, Монголии и Забайкалья. Не известны они и в скифском искусстве Восточной Европы (см. [Канторович, 2016]). В ходе консультаций с российскими специалистами по изображениям на диске 2 также не удалось обнаружить аналогий. Определенное сходство отмечается в Передней Азии первой половины I тыс. до н. э., в кобанской культуре и даже в позднеримских изделиях. Однако, аналогии казымским дискам с гравировками пока не найдены.

2. В ходе подготовки к публикации семи найденных в Казымском кладе больших дисков («зеркал») диаметром около 10—11 см, выяснилось, что помимо этих изделий на Нижней Оби встречаются похожие диски (бляхи) с конусом по центру и валиком, но меньшего диаметра (5—7 см). Помимо указанных больших и малых дисков с конусами по центру, там известны привозные бронзовые плоские диски без валиков и конусов с изначальною проделанным отверстием по центру (см. [Приступа и др. 2002; Ширин, Яковлев, 1910; Бауло, 2011; Ширин, 2014; др.]).

Диск 1. По внешнему виду изделие очень похоже на рельефный бронзовый диск зеркала-погремушки, но меньшего диаметра — 11,2 см (рис. 2, 1). Диск цельный, без утрат, хорошей сохранности, с внешней стороны серебристого цвета. По центру диска находится полый конус, окруженный двумя валиками, из которых внешний полый шестигранный, а внутренний практически цельный овальный в сечении. Между внешним и внутренним валиками имеется плоское поле шириной 16 мм с гравированными изображениями пяти коней, идущих друг за другом по часовой стрелке (по солнцу). Верхняя часть голов и нижняя часть тел животных как бы закрыты полосами орнамента, примыкающего к внешнему и внутреннему валикам. Голова, шея и грудь у всех коней даны одинаково, тогда как членение тел на зоны и их орнаментация у всех разные. Над телом каждого коня выступает по два изогнутых крупных листа растений (?), а между конями со стороны внешнего валика (снизу) — по одной «веточке», возможно, воспринимавшихся и как хвосты животных (рис. 2, 1а, 1б).

Диск 2. Диаметр диска 11,5 см (рис. 2, 2) [Бауло, 2016, рис. 3]. По центру диска имеются полые конический выступ и окружающий его шестигранный валик. С внешней стороны от валика находится сравнительно широкое плоское поле шириной 27 мм с гравированными изображениями. Кромка диска округлая зашлифованная, отогнута вверх на несколько миллиметров. По краям диска имеется два пробитых противостоящих овальных отверстия размерами около 3 × 2 мм. Благодаря особой компоновке композиции, как бы обрезанной окружностями (сверху внутренней, а снизу внешней), мастеру удалось расположить на плоском поле изображения десяти фантастических коней, одной птицы и 13—15 заштрихованных фигур, вероятно, изображающих растения. Вдоль отогнутого края диска в один ряд располагается около 400 читаемых косых параллельных линий. Вдоль внутреннего валика имеется 54 заштрихованных треугольника основаниями к валику. Изображения всех лошадей в той или иной степени как бы обрезаны окружностями. Почти полностью показаны только рогатый стоящий конь в сцене 1 и птица (рис. 3, 1, 3).

Композиция на зеркале, возможно, иллюстрирует не известный нам миф о фантастических лошадях, обитающих в своем мире вне связи с человеком. Все кони, за исключением убитого жеребца (?) (сцена 1) даны примерно в одной позе с изогнутой шеей и опущенной головой, выполненной в одной манере. Грудь и круп у них отделены от центральной части тела двойными линиями. Одинаково прямыми или несколько изогнутыми линиями заштрихованы рога, хвосты и «жабо». Определенное сходство встречается и в оформлении ног и ко-

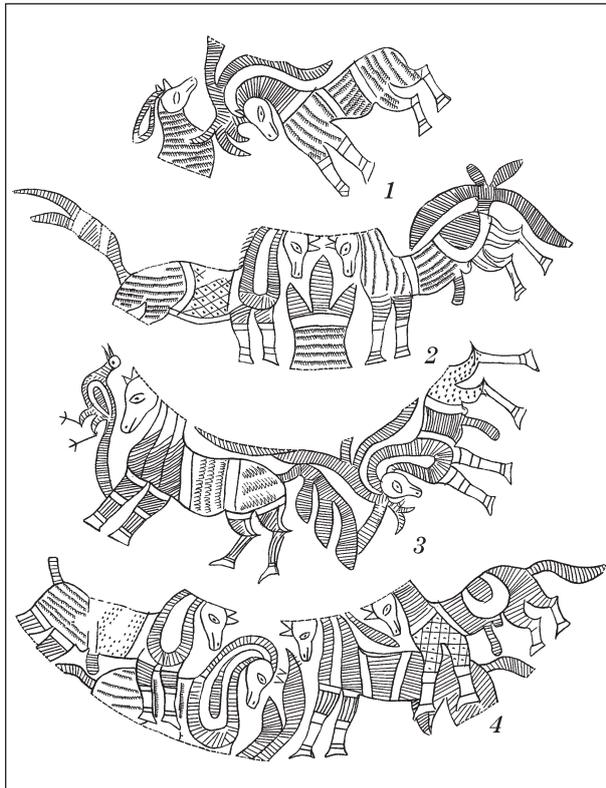

Рис. 3. Казымский клад, бронзовый диск 2 с гравировкой; сцены 1—4: сцена 1, финал борьбы жеребцов, закончившаяся гибелью одного из них; сцены 2, 3 — ухаживание жеребцов за кобылами; сцена 4 — спаривание двух пар жеребцов и кобыл.

пыт. Помимо этого, похожим образом — в виде «жабо», у трех лошадей показаны шея и грудь (рис. 3, 3, 4). У семи лошадей отдельные участки украшены «качалкой». В остальном изображения и орнаментация каждой лошади имеют свои особенности. Вероятно, мастер осознанно стремился избежать повторения. Следует отметить и разнообразие элементов штриховки. Семь лошадей, часть «растений», а местами и фон между изображениями орнаментированы тремя видами своеобразного штихельного зигзага типа встречающейся на керамике «качалки». У трех лошадей на телах имеется штриховка уголковыми углублениями, в том числе в сочетании с сеткой (рис. 3, 2, 4). Широко представлены прямые, изогнутые, полукруглые и криволинейные контуры. Поверх описанной гравированной сцены с конями была грубо процарапана большая фигура стоящего медведя, над головой которого находилось одно из двух пробитых отверстий.

Благодаря наличию намеренно выделенных (но не гипертрофированных) половых признаков (эрегированный фаллос и мошонка) мы можем уверенно отнести 4 существа к «жеребцам» (самцам). Достаточно уверенно выделяются и две кобылы (самки) в сцене 4 (совокупление двух пар жеребцов и кобыл). Половая принадлежность остальных четырех лошадей может

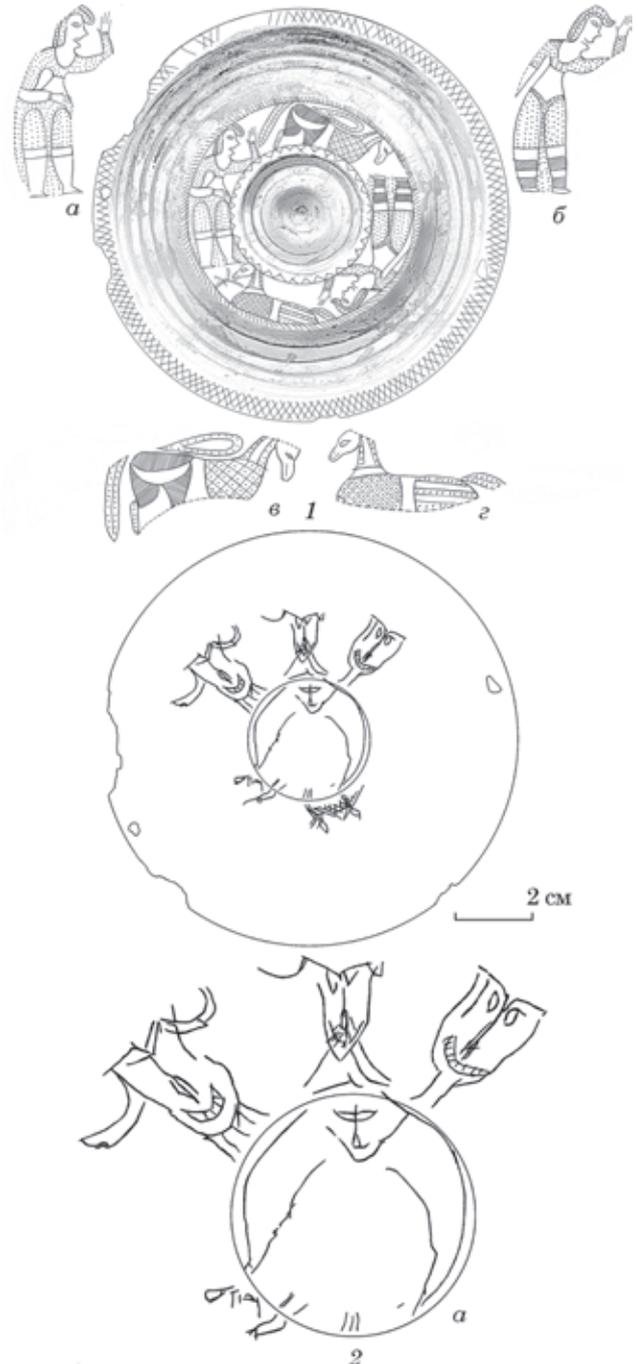

Рис. 4. Казымский клад. Бронзовый диск 3 с гравировкой (1) и граффити

быть определена только исходя из предполагаемого смысла сцен.

У одного из четырех жеребцов имеются пышные разветвленные рога (сцена 3), но хвост не виден. Второй жеребец у «алтаря» (сцена 2) изображен с пышным хвостом, но без рогов. Третий и четвертый жеребцы из сцены 4 даны без рогов, соответственно, с обычным и как бы обрезанным (из-за нехватки места) хвостами. Предположительно, к жеребцам можно отнести и сражавшихся рогатых коней из сцены 1 (рис. 3, 1). Кобылами достоверно являются две лошади из сцены 4 (совокупление двух пар же-

ребцов и кобыл). Кобылами могли быть и две лошади без половых признаков из сцен ухаживания 2 и 3 (рис. 3, 2, 3). Рога на головах этих лошадей не изображены¹. У двух из них (сцены 2 и 3) хвосты разветвленные, а у двух (сцена 4) — обычные.

Подобных изображений в скифском искусстве Евразии и в северных лесных культурах VI—III вв. до н. э. еще не встречалось. Не известен этот стиль и в скифоидных культурах Синьцзяна и Северного Китая. Как правило, лошади у номадов изображались в контексте их использования человеком, или в сценах терзания, где они являются жертвами. На диске 2 мы видим особое смысловое содержание и особый художественный стиль, происхождение которого еще предстоит выяснить. Соответственно, предлагаемое ниже краткое описание и характеристика композиции являются лишь одним из возможных вариантов. Композицию можно разделить на четыре сцены, демонстрирующие период борьбы жеребцов за кобыл, ухаживания и спаривания в свободном табуне. Исходя из последовательности предполагаемых сцен, а также направленности существ в сцене 3 и доминирующих жеребцов в сценах 1 и 2, они расположены последовательно по часовой стрелке (по солнцу) (см. рис. 2, 2; 3).

Сцена 1 (рис. 3, 1). «Финал борьбы жеребцов, закончившейся гибелью одного из них». Жеребец с разветвленными рогами и не выраженными половыми признаками нанес смертельный удар рогом в шею противника. В отличие от других лошадей, шея поверженного жеребца безвольно откинута назад, рога даны в сложном виде, а глаз закрыт (зрачок глаза намеренно не показан мастером). Показательно, что конец вонзившегося в его шею рога не прорисован. Сцены 2 и 3 (рис. 3, 2, 3). «Ухаживание жеребцов за кобылами». Относится ли к сцене 3 птица с длинным хвостом не ясно. Сцена 4 (рис. 3, 4) «Совокупление двух пар жеребцов и кобыл». Возможно, эти симметрично расположенные пары между собой не связаны — их разделяют две фигуры, по форме и штриховке похожие на рога и хвосты лошадей.

Диск 3. Диаметр 11 см (рис. 4, 1). По центру находится полый конус, окруженный двумя полыми валиками, из которых внутренний трехгранный, а внешний шестигранный. По периметру диска на плоской закраине шириной 5—6 мм косыми линиями нанесен не встречающийся на зеркалах-погремушках и других подобных дисках орнамент типа «сетки». Там же пробито два противопоставленных отверстия неправильной формы. В полосе между внешним и внутренним валиками шириной около 14 мм изображена композиция и двух чередую-

щихся фигур «дев» и коней, направленных головами по часовой стрелке (по солнцу). Изображения «дев» с узкой талией и тумбообразными ногами представляют собой довольно грубо выполненные копии «дев» («апасар») с «восточных» зеркал-погремушек. Они также, как на зеркалах-погремушках (рис. 1), имеют достаточно объемный достигающий плеч головной убор и коротенькую блузку типа «чоли», но шаровары у правой «девы» иного кроя (ср.: рис. 1 и 4, 1б). Между женщинами сверху и внизу расположены две лошади с одинаково орнаментированной шеей и передней частью тела. Над верхней лошадию находится фигура в виде вытянутого щита (рис. 4, 1в). По всей видимости, это стилизованное изображение крыла, подобного крылу у птицы на диске 2 (рис. 3, 3). Поверх вышеуказанной композиции грубо процарапано изображение трехголового существа с личиной на груди (рис. 4, 2, 2а).

При первичном знакомстве с дисками 1 и 3 у авторов возникло впечатление, что они являются оборотными рельефными дисками зеркал-погремушек, но меньшего диаметра и с довольно грубой гравировкой, включавшей изображения лошадей. Диск 2 выглядел как внутренняя часть стандартного зеркала-погремушки, но с обрезанным по кругу внешним валиком. Это предположение, как будто, подтверждалось меньшими размерами диска 2 по сравнению с зеркалами-погремушками. Однако проделанный сравнительный анализ зеркал-погремушек и найденных в Казымском кладе дисков позволил установить, что это родственные, но совершенно разные категории вещей, производившиеся в разных центрах, попадавших к кочевникам и северным охотникам в разное время и при особых обстоятельствах. Суммарная характеристика дисков выглядит следующим образом.

1. Несмотря на существенные различия, все диски имели почти одинаковый диаметр около 10—11, т. е. на 4—5 см меньше, чем у зеркал-погремушек. Это совсем другой стандарт, соответствующий диаметрам находившихся вместе с ними зеркал сарматского типа. Заклепки для соединения со вторым плоским диском и черенки-ручки (как у зеркал-погремушек) у них отсутствуют. Имеющиеся два отверстия для крепления к какой-то основе пробиты уже пользователями в низовьях Оби. В отличие от зеркал-погремушек, большинство бронзовых дисков, по-видимому, литые, а не кованные. Изображения и орнаментальные пояса на дисках, преимущественно, гравировались, а не чеканились.

2. На некоторых дисках имеется не два, а один валик, а сами валики часто без граней и полостей. У двух дисков валики имитированы орнаментом и мелкими валиками.

3. Важной особенностью дисков с гравировками является *расположение композиции в*

1. В сценах 3 и 4 за спинами кобыл видны отростки, заштрихованные подобно рогам, но как их интерпретировал мастер, мы не знаем.

виде фриза с направленными по кругу персонажами. В композиции диска 1 все пять лошадей как бы идут одна за другой по кругу (по часовой стрелке, по солнцу). Та же направленность персонажей видна на диске 3, и подразумевается в более сложной многофигурной композиции на диске 2. Это совершенно иной принцип, нежели на зеркалах-погремушках. Он, несомненно, сложился и существовал в иной культурной среде с иными художественными традициями. В композициях дисков 1 и 3 тоже есть верх и низ, но не относительно горизонтали, а относительно центра с валиком и конусом. Фактически композиции на дисках 1 и 2 являются развертками фризов, где декоративная композиция в виде горизонтальной полосы охватывает (обрамляет) тулово сосуда или архитектурное сооружение типа цилиндрической ступы (колонны). Изображения же, на «восточных» зеркалах-погремушках можно сравнить с симметричной композицией иконы, где внутренний валик с конусом, закрывающий центральную часть композиции, является не верхом колонны, а лишь частью линии симметрии. Показательна композиция на диске 3, представляющая удивительное смещение «индийской» и еще не известной нам художественной традиции. Наличие двух противопоставленных «дев» с поднятой рукой в соответствующих одеяниях танцовщиц не оставляет сомнений, что перед нами своеобразная довольно грубо выполненная вариация сюжета, представленного на всех «восточных» зеркалах (рис. 4, 1). Там же помещены и два копытных животных, но это не лани или олени, а лошади. При этом мастер, в соответствии со своей не «индийской» традицией, расположил («направил») всех персонажей головами по часовой стрелке (по солнцу). В результате, левая «дева» и верхняя лошадь с условным изображением птицы даны как на зеркалах-погремушках. Расположение нижней лошади соответствует обеим традициям. Правая же «дева» оказалась перевернутой, что противоречит обеим традициям.

4. Еще одним значимым отличием дисков с гравировками являются изображения лошадей, в том числе, явно мифических с разветвленными рогами и хвостами. На зеркалах-погремушках они отсутствуют. На каждом диске лошади даны в разных стилях и, по-видимому, несколько иначе осмысливались. Так, на диске 3 морды лошадей напоминают головы хищных птиц, а на диске 1 — водоплавающих. Ноги их скрыты. Наличие хвостов можно лишь предполагать. Сами изображения выполнены довольно грубо. Только на диске 2 мы видим собственно лошадей. Там же имеются «лошади» с разветвленными рогами и хвостами. Очевидно, они могут быть отнесены к одной группе мифических существ, представленных прототипами лошадей с крыльями и рогами козорогов в кургане Иссык [Акишев, 1978, табл. 9], голо-

вными уборами с рогами оленей и козорогов у коней в курганах пазырыкской культуры на Алтае [Грязнов, 1950, рис. 16; Руденко, 1953, табл. LXXI; Самашев, 2011, рис. 18, 38—40], а также копытными грифонами, известными на пазырыкских татуировках [Руденко, 1953, с. 181—183; Полосьямак, 2001, рис. 151] и на бляхах в скифоидных культурах к востоку от Алтая вплоть до Монголии и Северного Китая [Шульга, 2010, с. 131—136]. Важно упомянуть, что у деревянных фигурок коней из пазырыкских могильников в Уландрыке имелись отверстия для вставных «рогов, ушей, хвоста и фаллоса» [Кубарев, 1987, с. 107]. Вполне вероятно, что на момент погребения деревянные кони из Уландрыка выглядели также, как и жеребцы на диске 2 — с рогами и эрегированными фаллосами.

5. Среди изображений и орнаментов на дисках имеются общие с зеркалами-погремушками. Большая часть их, по всей видимости, заимствована у зеркал. Наиболее очевидным заимствованием является присутствие двух «дев» в характерных позах и одеяниях рядом с лошадьми на диске 3 (ср.: рис. 1 и 4, 1). На диске 1 имеется поясик солярных знаков (рис. 2, 1). Помимо этого, на диске 2 изображена птица (рис. 2, 2; 3, 3), на диске 3 дано условное изображение еще одной птицы в виде крыловидной фигуры над лошадью (рис. 4, 1), и на всех трех дисках имеются изображения растений — ветвистых на дисках 1 и 3 и объемных на диске 2.

На дисках с гравировками, также как у зеркал-погремушек, композиции оконтурены со стороны внешнего валика пояском наклонных линий, а со стороны внутреннего валика — пояском уголкового орнамента. Вместе с тем, в каждом поясе у дисков убран один ряд наклонных линий, а у диска 2 уголки штриховкой были переоформлены в треугольники. Это очень важная общая особенность, указывающая как на сходство дисков с зеркалами-погремушками, так и на близость оформления самих дисков.

На основе проделанного сравнительного анализа дисков из Казымского клада и зеркал-погремушек можно сделать ряд предварительных выводов.

1. Обнаруженные у полярного круга бронзовые диски с гравировками не являются оборотными дисками зеркал-погремушек, а представляют самостоятельную категорию изделий с иными характеристиками, указывающими на их производство в иной культурной среде.

2. По всей видимости, большие диски с конусом изначально производились как культовые предметы. Изготовители дисков с гравировками и без них почему-то отказались от производства составных зеркал-погремушек, но продолжали копировать оборотные рельефные диски зеркал-погремушек, не имевших выделенной отражающей поверхности, ручек, отверстий и петель

для крепления, а также закрытых полостей для помещения в них гремящих кусочков металла. Поэтому данные диски не могли использоваться в практических целях как зеркала, музыкальные инструменты (погремушки), украшения, детали конского снаряжения или доспеха. Фактически единственной значимой («полезной») особенностью дисков являлось наличие рельефа с конусом и валиками, подобного рельефу на зеркалах-погремушках. Предположительно, диски с конусом, как и зеркала-погремушки, могли рассматриваться в индо-иранской среде и у кочевников до Алтая и Южного Урала в V—III вв. до н. э. как схема мироздания, подобная объемной буддийской мандале.

3. Не смотря на поразительное сходство больших дисков с гравировками и «восточных» зеркал-погремушек, они, по-видимому, изготавливались в разное время и в разных центрах, имеющих свои художественные и производственные традиции. Обнаруженные в Казымском кладе диски диаметром около 10—11 см с конусом и валиками, включая экземпляры с гравировками, неоднородны и существенно различаются между собой как по форме, так и по декору. Такое разнообразие, вероятно, объясняется изготовлением их в разных местах и на протяжении длительного времени, начиная с III в. до н. э., как в Передней Азии, так и в более северных областях, возможно, включавших территорию Казахстана.

Начало явления аккумуляции разного рода зеркал и дисков в Нижнем Приобье, можно отнести к III в. до н. э. Доказательством тому является полное отсутствие на археологических памятниках и в многочисленных кладах на Нижней Оби зеркал раннескифского времени, а также «золоченых» зеркал-погремушек и их упрощенных цельнолитых вариантов диаметром 17—18 см с ручками. Последние в значительном количестве представлены в погребениях V—IV вв. до н. э. каменской (Верхнее Приобье) и прохоровской (Южный Урал) культур. В это время они еще почти не выходили на север за пределы скифоидных культур степи и лесостепи. Возможно, причиной тому была неразвитость обменных отношений северных охотников с номадами. Самые ранние зеркала на Нижней Оби относятся к сарматским типам меньшего диаметра (около 10—12 см) и иначе оформленным. Очевидно, они поступали на территорию кулайской общности, начиная с III в. до н. э. при посредничестве населения формирующейся саргатской культуры. Предположительно к этому времени — примерно к началу III в. до н. э. производство зеркал-погремушек прекращается (переходным вариантом представляется зеркало из Пазырыка-2 без «позолоты» и «индийских» изображений). Диски 1—3 с гравировками предположительно датируются III в. до н. э. Подтверждением тому является их диаметр, соответствующий стандарту сарматских зеркал.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. — М., 1978. — 132 с.

Амиров Е.Ш. Зеркало среднеазиатского облика из могильника Каратума (к постановке проблемы выделения жреческих погребений саков Семиречья) // *Вестн. КазНУ.* — 2015. — № 76: Серия историческая. — № 1. — С. 234—239.

Байтаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. — Алматы, 2016. — 672 с.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. — Новосибирск, 2011. — 260 с.

Бауло А.В. «Старик священного города»: иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // *Археология, этнография и антропология Евразии.* — 2016. — № 2 (44). — С. 118—128.

Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // *Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова.* — Санкт-Петербург, 2003. Кн. II. — С. 28—33.

Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.) (Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе). — М., 2012. В двух томах: Т. 1 — 672 с.: ил., табл.; Т. 2 — 468 с.: ил., табл.

Канторович А.Р. Образ лошади в искусстве восточноевропейского скифского звериного стиля // *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. пам. М.Н. Погребовой.* — М., 2016. — С. 89—114.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987. — 299 с.

Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // *Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи.* — М., 1995. — С. 19—31.

Пристапа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. — Томск, 2002. — 88 с.

Равич И.Г. Состав и технология изготовления редких форм зеркал из погребений ранних кочевников Южного Приуралья // *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.) (Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе).* — М., 2012. — Т. I. — С. 247—252.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953. — 402 с.

Сиротин С.В. Комплекс с предметами ахеменидского круга одиночного кургана Яковлевка-II // *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.) (Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе).* — М., 2012. — Т. II. — С. 157—162.

Трейстер М.Ю. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южно-азиатские импорты и местные подражания // *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.) (Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе).* — М., 2012. — Т. I. — С. 120—133.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. — Барнаул, 2005. — 204 с.

Ширин Ю.В. Хронология Няксимволя // *Няксимволь.* — Томск; Ханты-Мансийск, 2014. — С. 33—52.

Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.* — Томск; Ханты-Мансийск, 2010. — Вып. 8. — С. 21—62.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. — Барнаул, 2003. — 204 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII—III вв. до н. э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация). — Барнаул, 2010. — 238 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье (VI—III вв. до н. э.). — Новосибирск, 2015. — Ч. II. — 322 с.

П.И. Шульга, Ю.В. Оборин

«СХІДНІ» ДЗЕРКАЛА-БРЯЗКАЛЬЦЯ І БРОНЗОВІ ДИСКИ З ГРАВІРУВАННЯМ

У 2014 р. в пониззі Обі біля Полярного кола був виявлений багатий скарб, до складу якого входило кілька великих бронзових дисків, дуже схожих на рельєфні оборотні диски дзеркал-брязкалець, які до цього зустрічалися тільки у жіночих похованнях V—III ст. до н. е. на Алтаї, Верхньому Приоб'ї та Південному Уралі у пазирикській, кам'янській та прохорівській культурах. В ході вивчення зазначених бронзових дисків встановлено, що це не частина складових дзеркал-брязкалець, а вперше зафіксована особлива категорія культових виробів. На трьох виробках збереглися гравірування зображення міфічних коней, які досі не зустрічалися у скифсько-сибірському мистецтві. Імовірно, ці диски могли виготовлятися у III ст. до н. е. у якихось передньоазійських ремісничих центрах, які копіювали «індійські» дзеркала-брязкальця, але у відповідності до своєї виробничої і художньої традиції. Імовірно, вже в II—I ст. до н. е. своєрідний рельєф дисків з конусами і валиками був сприйнятий культурою населення

Нижньої Обі і ще кілька століть відтворювався на різних бляхах і пряжках.

Ключові слова: бронзові дзеркала-брязкальця, бронзові диски, скифський час, Алтай, Нижнє Приоб'є, художній стиль, міфічні коні.

P.I. Shulga, Yu.V. Oborin

«ORIENTAL» RATTLE-MIRRORS AND ENGRAVED BRONZE DISCS

In 2014 in lower reaches of the Ob River near the Arctic Circle it was found a rich treasure which contained a few large bronze discs very similar to some large sculptured rattle-mirrors reverse disks earlier found only in 4—3 centuries BC. female burials in Altai, the Upper Ob Region and the southern Urals in Pazyryk, Kamenskaya and Prokhorovskaya cultures. In the study of these bronze discs it is found that is not the part of composite rattle-mirrors but first recorded special category of religious artifacts. On three copies not found in Scythian-Siberian art mythical horses engraved images preserved. Supposedly, these discs could be produced in the III cent. BC. in some Near Eastern handicraft centers that copied «Indian» rattle-mirrors but in accordance with their industrial and artistic tradition. Probably, in the 2—1 cent. BC. a kind of disk with cones and rollers relief was taken by Lower Ob population culture and had been reproduced on different metal plates and buckles for a few more centuries.

Keywords: bronze rattle-mirrors, bronze discs, Scythian time, Altai, the Lower Ob Region, artistic style, mythical horses.

Одержано 20.02.2017

В.Р. Эрлих, А.Р. Канторович

ПСАЛИИ С УНИКАЛЬНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА ИЗ РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ПСЕНАФА В КОНТЕКСТЕ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ¹

В статье рассматриваются стилистические особенности бронзовых зооморфных псалиев из ритуального комплекса кургана 1 могильника Псенафа (Майкоп, Адыгея). Авторы приходят к мнению о том, что эти предметы, с одной стороны, восходят к традиции оформленных в зверином стиле псалиев из Семибратних курганов, с другой стороны, возникли под непосредственным влиянием предметов, выполненных в «елизаветинском» стиле Прикубанья. С учетом показателей моделировки и иконографии авторы датируют псалии из Псенафы в пределах второй половины IV в. до н. э., что не противоречит объективной датировке соответствующего ритуального комплекса.

Ключевые слова: меотская археологическая культура, святилище, скифский звериный стиль, псалии, кошачий хищник.

Археологический комплекс Псенафа (окраина г. Майкопа, Республика Адыгея) исследовался Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока в 2011—2012 гг. под руководством В.Р. Эрлиха. Памятник находится на краю материковой террасы р. Псенафа, у северной окраины г. Майкопа.

В состав археологического комплекса Псенафа входили два кургана высотой 4,2 и 1,8 м. В межкурганном пространстве выявлен слой поселения, а также погребения грунтового могильника (некрополя), который тяготеет к курганам. К югу от раскопа на поселении в 2011—2012 гг. был раскопан курган 1. В верхней

части насыпи кургана, сооруженного в эпоху бронзы, на глубине 20—150 см от его вершины были обнаружены более 300 жертвенных комплексов меотской археологической культуры. Это, прежде всего, останки принесенных в жертву животных — быков и лошадей — вместе с развалами керамики — сосудами для ритуальных возлияний, подвергшимися преднамеренной порче. Кроме этого, здесь находились различные приношения в святилище, которые фиксировались как отдельные находки или скопления находок.

К этому же времени относится и меотский могильник, открытый на периферии курганной

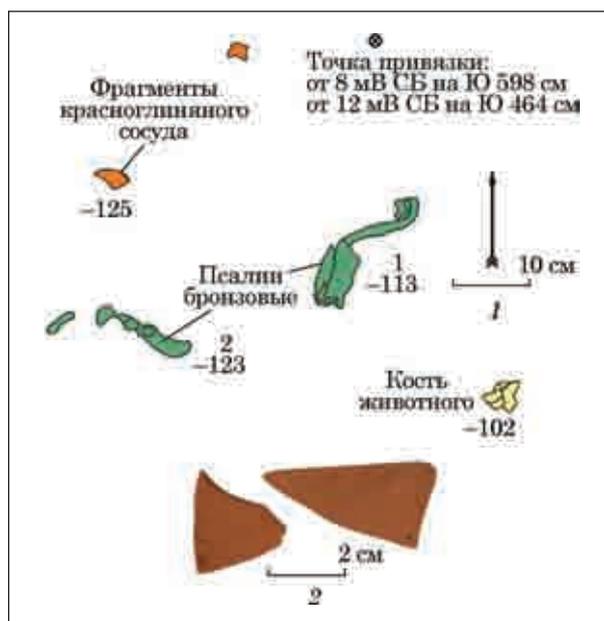

Рис. 1. Скопление 13 ритуального комплекса кургана 1 могильника Псенафа

1. Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение гуманитарных и общественных наук), грант № 15-01-00002.

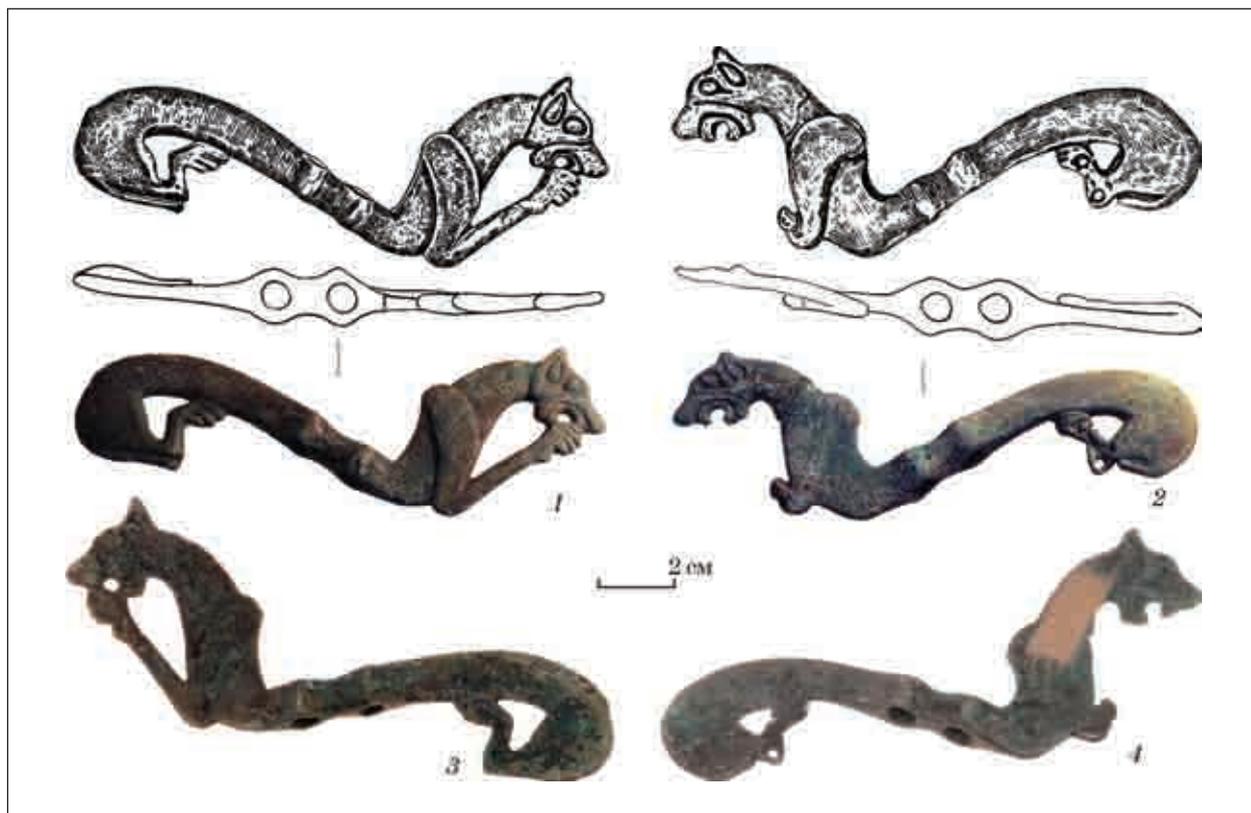

Рис. 2. Бронзовые зооморфные псаалии из скопления 13 ритуального комплекса кургана 1 могильника Псе-нафа: 1, 2 — лицевая сторона, фото и прорисовка; 3, 4 — оборотная сторона, фото (на рис. 1, 4 видны следы реставрации)

насыпи. Всего здесь исследовано более 80 погребений, относящихся к меотской эпохе.

Среди находок ритуального характера особое место следует отвести паре бронзовых псаалиев в виде кошачьих хищников, обнаруженных в жертвенном приношении — «Скопления 13». Приведем подробнее описание этого комплекса.

Скопление 13 обнаружено в I северной траншее кургана на глубине 102 см от его вершины (рис. 1, 1). По верхнему уровню расчистки комплекса найдены бронзовый псаалий (1)¹ и верхние моляры лошади. Ниже на глубине 123—125 см был найден еще один парный бронзовый псаалий (2) и фрагменты красноглиняного сосуда (3).

1. Бронзовый двудырчатый псаалий в виде одностороннего полнофигурного изображения кошачьего хищника с раскрытой пастью, обращенного вправо. Длина псаалия 14,9 см (рис. 2, 1, 3). Музейный номер СКФ ГМВ КП 1548/1.

2. Бронзовый двудырчатый псаалий в виде одностороннего полнофигурного изображения кошачьего хищника с раскрытой пастью, обращенного влево. Передняя лапа животного утрачена. Длина псаалия 14,7 см (рис. 2, 2, 4). Музейный номер СКФ ГМВ КП 1548/2.

1. Здесь и далее: номер соответствует нумерации предметов в легенде рис. 1, 1.

3. Фрагменты стенок тонкостенного гончарного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются (рис. 1, 2).

Рассмотрим подробнее псаалии из этого комплекса (рис. 2). Оба изделия созданы индивидуально по восковой модели с утратой формы, и потому, при определенной симметрии, у них все же имеется ряд различий.

Более качественно выполнен псаалий с хищником, обращенным вправо. У него хорошо подработаны гравировкой ухо, подромбический глаз и когти на лапах. Псаалий с хищником, обращенным влево, отлит не так тщательно. На задней лапе имеются отверстия-каверны, хуже проведена доработка гравировкой изделия после отливки. Несколько отличается трактовка глаза животного, он имеет короткую заднюю слезницу². Эти особенности и были отмечены художником при рисовании публикуемых предметов³.

Оборотная сторона изделий гладкая, рельефность присутствует только в оформлении ременных отверстий (рис. 2, 3, 4), т. е. псаалии

2. То что, что на фотографии псаалия с хищником, обращенным вправо, можно принять за переднюю слезницу, на самом деле является трещиной-раковиной, образовавшейся при отливке.

3. Рисунки псаалиев были выполнены в 2012 г. замечательной художницей Государственного музея Востока Ниной Сергеевной Сурвилло, ныне покойной.

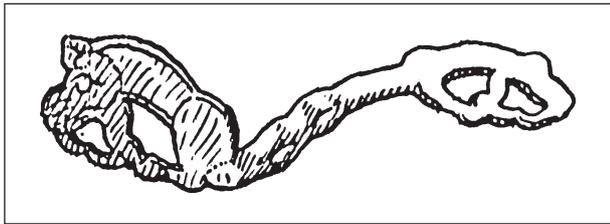

Рис. 3. Бронзовый псалий из коллекции Мерля де Массоно («Майкопский клад») (по: Leskov, 2008, cat. 299)

явно изготовлялись для демонстрации лишь с одной, парадной стороны.

Один из авторов данной статьи на основе псенафских псалиев в своей диссертационной работе, посвященной, в частности, классификации и типологии изображений восточноевропейского скифского звериного стиля¹ выделил особый Псенафский морфологический тип полнофигурного изображения хищника, обозначенный классификационным кодом I-1-A-a-I-10 [Канторович, 2015в, с. 82—83]. Ниже приводится описание этого типа (композиция и трактовка анатомических деталей), в настоящий момент образованного лишь псенафскими фигурами, каковые, будучи зеркальными, могут рассматриваться как одно оригинальное изображение.

Перед нами короткоголовый, широкомордый и относительно короткоухий хищник (т. е. относящийся к семейству кошачьих). Моделировка изображения односторонняя рельефная, ракурс строго профильный.

Основу композиции составляет S-видная схема. Хищник представлен с остроугольно подогнутой передней ногой, предплечье и кисть идут вдоль шеи, лапа упирается в открытую пасть; задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180°, задняя нога сильно согнута, так что голень перпендикулярна бедру, а стопа перпендикулярна голени и упирается передним краем в живот. Хвост облегает зад и заднюю ногу.

Анатомические детали трактованы четким рельефом. Глаз хищника выпуклый, овальный, углублен в глазницу с отходящей назад короткой широкой слезницей. Ухо преувеличенное, овально-подтреугольное, выступающее над головой, с выпуклостью в углублении, маркирующим раковину. Передняя часть головы отделена от глазной части желобком, линия рта образована подковообразным валиком, имитирующим десна. Подбородок и щека обозначены

выпуклостями. Голова отделена от шеи уступом, имитирующим шерстную складку. Шея гладкая, изогнуто-трапециевидная, расширяющаяся к преувеличенной сегментовидной выпуклой лопатке, переходящей в плечо, за лопаткой туловище резко сужается и при переходе к отверстиям псалия становится крайне узким и удлиненным (сообразно фактуре оформляемой вещи), переходит в сегментовидную заднюю часть. Бедро сглажено, тазобедренный уступ едва намечен впадиной, хвост отделен от ноги углубленной линией. Передняя нога хищника тонкая и длинная, задняя короткая. Лапы сведены к преувеличенным рельефным пальцам (четыре на передней ноге, три на задней).

Полные аналогии псалиям из Псенафы нам не известны, за исключением псалия, происходящего с юга России из коллекции Мерля де Массоно (часть так называемого «Майкопского клада»), хранившейся до Великой Отечественной войны в фондах Государственных музеев Берлина. Однако судить об этом изделии можно лишь по рисунку музейной описи [Leskov, 2008, p. 216—217, cat. 299] (рис. 3), недостаточная четкость которого мешает относить майкопское изображение к Псенафскому типу с абсолютной уверенностью. А.М. Лесков сопоставил данный псалий с изделиями «елизаветинского» стиля — налобником из к. 2 Уляпа и наносником и псалием из Кужорской (речь о них пойдет ниже) — и датировал его IV в. до н. э.

Обращаясь к менее близким аналогиям псенафским псалиям, отметим, что в образно-композиционном отношении (исключая расположение задней части туловища и задней ноги) и отчасти в трактовке деталей псенафское изображение весьма сходно с хищниками Семибратненского типа восточноевропейского скифского звериного стиля по классификации А.Р. Канторовича (классификационный код I-3-B-I-1 [Канторович, 2015в, с. 134—136]). К данному типу, локализуемому исключительно на территории Прикубанья, относятся изображения, которые оформляют в основном парные бронзовые псалии, реже — иные уздечные принадлежности. Пять оригинальных изображений (не считая копий) к настоящему времени опубликованы — все это фигуры на бронзовых псалиях из четвертого Семибратнего кургана (рис. 4, 1—4) и из «Майкопского клада» (рис. 4, 5), тогда как еще два оригинальных изображения остаются пока неопубликованными и потому нами графически не приводятся². Семибратненский тип представляет кошачьего хищника с прямоугольно или остроугольно по-

1. Всего было систематизировано 2192 оригинальных изображения, эти изображения были классифицированы по единым критериям, в конечном результате данный массив изображений был разделен на 345 морфологических типов. О критериях классификации, разработанных А.Р. Канторовичем, см.: [Канторович, 2011; 2015б, с. 15—19].

2. Это изображения, которые были в числе прочих изучены Е.В. Переводчиковой и приведены в ее кандидатской диссертации: на бронзовом псалии из 2 Семибратнего кургана [Переводчикова, 1980, кат. 37, ГЭ СБр, II-69] и на уздечной бляхе из Малых Семибратних курганов [Переводчикова, 1980, кат. 42, ГЭ МСБр, 29].

Рис. 4. Семибратненский тип изображений хищников с вывернутой задней частью (по классификации А.Р. Канторовича): 1—4 — Семибратненские курганы, курган 4, бронзовые псалии; 5 — «Майкопский клад», бронзовый псалий (1, 2 — Scythian Art, 1986, cat. 86, 89; 3 — Ростовцев, 1929, табл. V, 18; 4 — Borovka, 1928, pl. 14A; 5 — Leskov, 2008, cat. 249)

догнутой передней ногой (предплечье и кисть идут вдоль шеи, лапа упирается в подбородок), с широко открытой пастью; задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180°, задняя нога вытянута или слабо согнута, так что стопа с голенью ориентированы противоположно предплечью зверя. Хвост облегает зад и прилегает к задней ноге.

Хронология Семибратненского типа основывается на объективной датировке (на основе античной керамики) изображений из четвертого Семибратненского кургана второй половиной или третьей четвертью V в. до н. э. [Коровина, 1957, с. 186], возможно, более узко — 440—430 гг. до н. э. (по чернолаковым чашкам) [Горнчаровский, 2013, с. 230—233]. Изображение из «Майкопского клада», очень близкое семибратненским, должно датироваться аналогично, во всяком случае, в рамках середины-третьей четверти V в. до н. э.

Однако эта датировка не может быть применена к псалиям, как из-за композиционных различий в трактовке задней части фигуры, так и поскольку все изображения Семибратненского типа, как и изображения животных на других меотских зооморфных псалиях IV в. до н. э., двусторонние [Канторович, Эрлих, 2006, кат. 64, 67, 83, 84, 91, 92].

В то же время псалии из Псенафы, как уже отмечалось, несут на себе односторонние изображения, что сближает их с вещами группы «елизаветинского» стиля IV в. до н. э.¹, прежде

1. Термин стиль «круга ст. Елизаветинской» введен Е.В. Переводчиковой [Переводчикова, 1994, с. 158—167] и развит Е.Ф. Корольковой, по словам которой,

всего, с конскими бронзовыми налобниками с изображением припавших к земле кошачьих хищников с вывернутой задней частью из 2 Уляпского кургана, 2 кургана некрополя II Тенгинского городища, «Майкопского клада» и Мезмая (рис. 5). Данные изображения объединены А.Р. Канторовичем в Уляпско-тенгинский тип хищников восточноевропейского скифского звериного стиля (классификационный код I-1-Б-I-1) [Канторович, 2015в, с. 117—119]. Подобные налобники обнаружены и в Закавказье — в святилище в Гюэносе [Шамба, 1988, табл. XX].

Уляпско-тенгинский тип датируется IV — началом III в. до н. э. Основу хронологии составляют изображения из 2 Уляпского кургана, комплекс которого датируется первой половиной (ближе к середине) IV в. до н. э. по античным амфорам [Лесков и др., 2013, с. 28], а также изображения из кургана 2 Тенгинского некрополя, датируемого второй половиной IV в. до н. э. — началом III в. до н. э. по античным импортам — керамическим сосудам, изделиям из золоченой терракоты и из стекла [Эрлих, 2011, с. 48—81, рис. 16—18, 21, 22 (цвет.); 10, 11, 13, 17, 22, 68—72 (черно-белые)]. В силу

«елизаветинский» стиль изделий отличается «обобщенностью образов, сложными текучими ритмами и плавностью контуров, подчеркнутую зачастую характерным рубчатым кантом; плоскостностью и графичностью решения; вытянутостью пропорций и декоративностью... стилизованных изображений... обилием дополнительных звериных мотивов... сочетанием признаков разных животных в едином образе ..., зооморфными завершениями отростков рогов» [Королькова, 2001, с. 91—92, рис. 1, 2, 9, 13—16; 2].

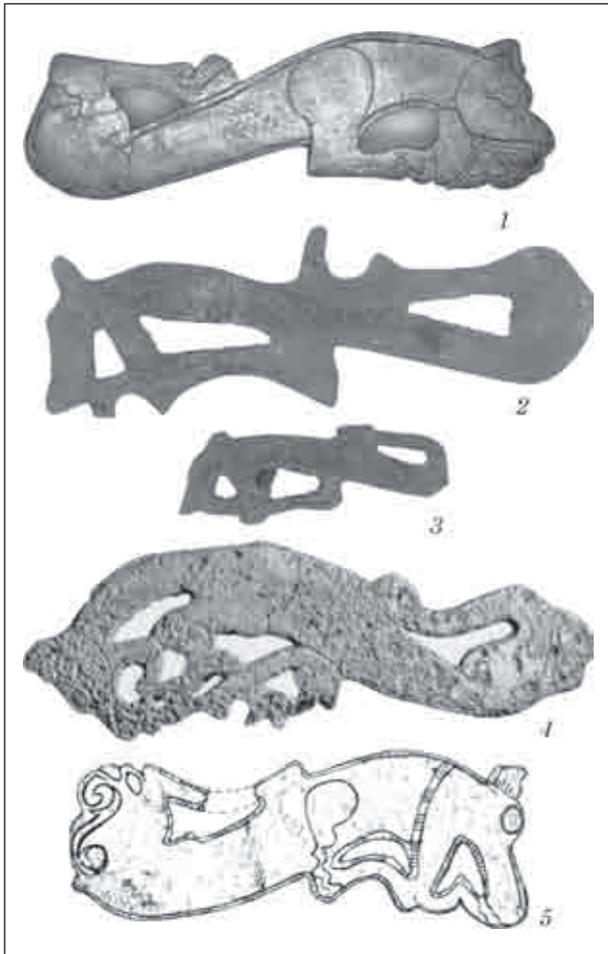

Рис. 5. Уляпско-тенгинский тип изображений хищников с вывернутой задней частью (по классификации А.Р. Канторовича): 1 — Уляпский могильник, курган 2, ритуальная площадка, конь 14, бронзовый налобник; 2, 3 — курган 2 некрополя II Тенгинского городища, бронзовые налобники; 4 — «Майкопский клад», бронзовый налобник — кошачий хищник, поглощающий голову оленя; 5 — Мезмай (частная коллекция), бронзовый налобник (1—3 — Канторович, Эрлих, 2006, кат. 69, 117, 115; 4 — Leskov, 2008, cat. 172; 5 — Эрлих, 2011, рис. 103, 6)

морфологического сходства с этими изображениями изображение из «Майкопского клада» (здесь хищник показан терзающим голову оленя) также должно датироваться в рамках IV в. до н. э. [ср. Leskov, 2008, p. 136—137].

В то же время в изображениях на конских бронзовых налобниках известно и близкое псенафскому положение ног, как, например, на налобнике с изображением крылатого кошачьего хищника (грифона) из Краснодарского музея — случайная находка в районе Майкопа (рис. 6, б). Здесь одна задняя нога поджата, как у хищника из Псенафы, а другая вытянута (в отличие от строго профильного псенафского изображения, у грифона из Краснодарского музея показаны обе задние ноги). Данное изображение относится к Майкопскому типу грифонов восточноевропейского скифского звериного стиля по классификации А.Р. Канторовича (I-1-I-4);

тип датирован первой—третьей четвертью IV в. до н. э. [Канторович, 2015а, с. 138—139, рис. 8].

Но наиболее близка псенафской композиции и, отчасти, моделировка изображения монстра, оформляющего S-образный бронзовый двудырчатый псалий и происходящего из «Майкопского клада» (рис. 6, 5). Это существо с туловищем хищника, короткой головой и коротким широким ухом, но при этом с клювовидной мордой (вместо пасти — клюв, закрученный в кольцо, с кружком-отверстием посередине) — гибрид кошачьего хищника и птицы, своеобразный вариант грифона без крыльев. Данное изображение относится к датируемому V — третьей четв. IV в. до н. э. Тузлинско-кужорскому типу грифонов восточноевропейского скифского звериного стиля по классификации А.Р. Канторовича (I-1-I-1) (см. подробнее: [Канторович, 2015а, с. 133—134, рис. 6]). При этом по моделировке деталей, по полноте реализации образа майкопское изображение, очевидно, является достаточно поздним в эволюционном ряду Тузлинско-кужорского типа, поскольку, в отличие от других изображений данного типа, уже утрачивает важнейшие иконографические признаки грифона. У них нет крыльев, длинного уха, соответствующего канону «остроклювых, безгласных псов Зевса», в описании Эсхила [Aeschyl. Prom., 829—833 ff.; пер. В.В. Латышева].

Наконец, выходя за пределы образов хищников и грифонов, нельзя не отметить определенное композиционное и стилистическое сходство псенафского изображения хищника и двустороннего изображения оленя на аналогичных парных бронзовых псалиях из 2 Уляпского кургана (рис. 6, 2), комплекс которого, как уже говорилось, датируется по объективным показателям первой половиной (ближе к середине) IV в. до н. э. [Лесков и др., 2013, с. 28]. Данные изображения составляют Уляпский тип оленей восточноевропейского скифского звериного стиля по классификации А.Р. Канторовича (I-1-I-7) [Канторович, 2015в, с. 334—336, 1143]. Помимо того, что псенафское и уляпское изображения сходны в трактовке задней части туловища и задней ноги, следует обратить внимание на сочетание в обоих изображениях плоскостной трактовки шейно-грудной части с высокорельефной моделировкой головы и передней ноги. При этом показательно, что у уляпских оленей также в высоком рельефе передана и задняя часть туловища, и хвост, тогда как у псенафских хищников эта часть, не будучи абсолютно плоской (как на вышеописанных налобниках), тем не менее, сильно сглажена, а хвост почти слит с нею. Это показатель постепенного перехода от объемной к плоскостной моделировке (не забудем также, что уляпское изображение двустороннее, а псенафское одностороннее), т. е. псенафское изображение находится на следующей стадии развития стиля и, несомненно, является более поздним, нежели уляпское.

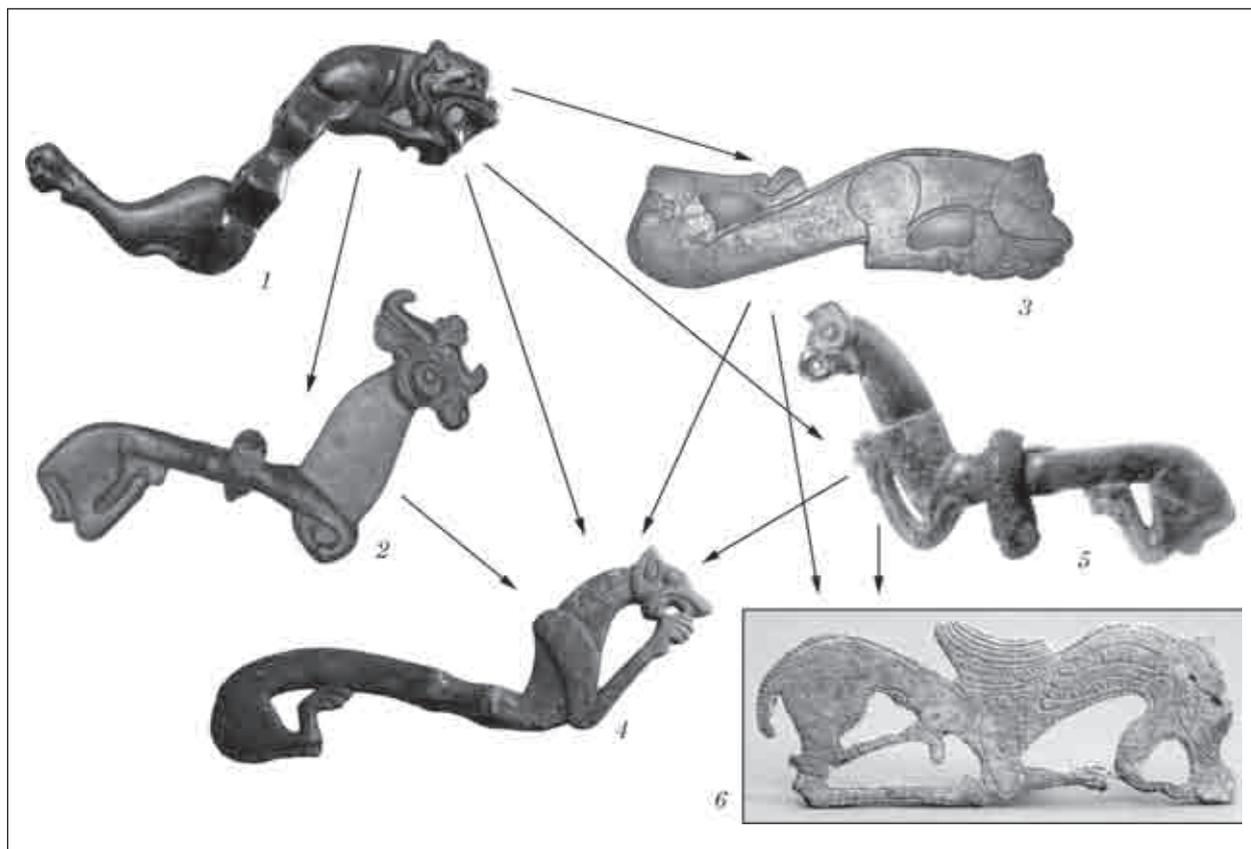

Рис. 6. Иконографические истоки и параллели изображениями на псаалиях из Псенафы: 1 — Семибратние курганы, курган 4; 2, 3 — Уляпский могильник, курган 2; 4 — Псенафа, курган 1; 5 — «Майкопский клад»; 6 — Краснодарский музей, случайная находка в районе Майкопа (1 — Scythian Art, 1986, cat. 86); 2, 3 — Канторович, Эрлих, 2006, кат. 67, 69; 5 — Leskov, 2008, cat. 254); 6 — L'or des Amazones, 2001, cat. 18)

Таким образом, приведенные нами аналогии и параллели изображениям на псенафских псаалиях позволяют утверждать, что, будучи весьма редкими по сочетанию композиционных и стилистических признаков, данные изображения органично вписываются в иконографический контекст скифо-меотского зооморфного искусства Прикубанья (рис. 6). Псенафские хищники (рис. 6, 4), в конечном счете, восходят к композиционной традиции, заложенной рельефными образами круга ранней группы Семибратних курганов V в. до н. э. (рис. 6, 1) и продолженной рельефно-плоскостными изображениями круга Уляпских курганов первой пол. IV в. до н. э. (рис. 6, 3); псенафские изображения сформировались также под влиянием ажурно-плоскостных образов «елизаветинского стиля», характерных преимущественно для середины — второй пол. IV в. до н. э. (об этой стилистической эволюции в Прикубанье см. подробнее: [Переводчикова, 1994, с. 158—167; Масленицына, 1992; Канторович, Эрлих, 2006, с. 46—47]).

При этом вполне естественно, что переход от высокого рельефа к естественной ажурной трактовке гораздо быстрее происходил в орнаментации изначально плоскостных предметов — налобников и иных уздечных блях (рис. 6, 3, 6), тогда как в оформлении псаалиев — традици-

онно объемных предметов — принципы «елизаветинского стиля» проникали значительно медленнее, и соответственно с плоскостными односторонними зооморфными изображениями на налобниках могли хронологически сосуществовать рельефно-плоскостные (но, что характерно, уже односторонние) изображения на псаалиях типа псенафских (в конце концов основным полем зооморфизации псаалия стал специально выделенный для этого участок — плоский щиток на конце).

В этой ситуации вполне закономерным является хронологический контекст скопления 13 святилища Псенафы, к которому относятся публикуемые нами псаалии. В.Р. Эрлих ранее предложил датировать скопление 13 второй половиной IV — началом III в. до н. э., исходя из общего контекста археологического комплекса Псенафа и, в частности, хронологии жертвенных приношений в святилище [Эрлих, 2013, с. 477; 2014, с. 71]. Весь остальной инвентарь, обнаруженный как в погребальных, так и в ритуальных комплексах кургана 1, датирован не раньше конца IV в. до н. э., и В.Р. Эрлих полагает, что значительно отрывать комплекс скопления 13 от этой даты не следует. Таким образом, скопление 13 — одно из наиболее ранних жертвенных приношений в святилище.

Эта дата также согласуется и с материалами времени начала функционирования поселения Псенафа, где в районе колодца обнаружены фрагменты амфор IV в. до н. э.: хиосской с колпачковой ножкой, фасосской биконического типа и предположительно эритрейской (определения С.Ю. Монахова).

Итак, публикуемые псенафские псаліи следует датировать в пределах второй половины IV в. до н. э. и рассматривать их в качестве одного из лучших и весьма оригинальных произведений скифо-меотского звериного стиля на его завершающей, «елизаветинской» стадии.

Горончаровский В.А. О хронологии Семибратних курганов // Третья Абхазская междунар. археол. конф. (посвящена пам. Г.К. Шамба): Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. — Сухум, 2013. — С. 330—333.

Канторович А.Р. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья — М., 2011. — С. 29—38.

Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2015а. — № 3. — С. 113—218.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2015б. — 69 с.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... докт. ист. наук. — М., 2015в. — 1724 с.

Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. — М., 2006. — 232 с.

Коровина А.А. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА — 1957. — № 2. — С. 174—187.

Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. — 2001. — 35. — С. 91—111.

Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в IV—III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. — М., 2013. — 184 с.

Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V—IV в. до н. э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. — М., 1992. — С. 57—68.

Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1980. — 190 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. — М., 1994. — 206 с.

Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Seminarium Kondakovianum. — Прага, 1929. — 29 с.

Шамба С.М. Гюэнос-І. — Тбилиси, 1988. — 134 с.

Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э. — М., 2011 — 212 с.

Эрлих В.Р. Археологический комплекс Псенафа: к проблеме хронологии. // Шестая Кубанская археол. конф.: Материалы. — Краснодар, 2013. — С. 476—480.

Эрлих В.Р. Древности долины яблонь. Каталог выставки. — М., 2014. — 144 с.

Borovka G. Scythian Art. — London. — 1928. — 185 p.

Leskov A.M. The Maikop Treasure. — Philadelphia, 2008. — 294 p.

L'or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C. — Paris, 2001 — 301 p.

Scythian Art. The legacy of Scythian world: mid. 7th to 3rd BC. — Leningrad, 1986. — 184 p.

В.Р. Эрлих, А.Р. Канторович

ПСАЛІЇ З УНІКАЛЬНИМ ЗОБРАЖЕННЯМ КОТЯЧОГО ХИЖАКА З РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСУ МОГИЛЬНИКА ПСЕНАФА В КОНТЕКСТІ СКІФСЬКОГО ЗВІРИНОГО СТИЛЮ

У статті йдеться про стилістичні особливості бронзових зооморфних псаліїв із ритуального комплексу («скупчення 13») кургану 1 могильника Псенафа (Майкоп, Адыгея). Це односторонні повнофігурні зображення котячого хижака з розкритою пащею. Автори вважають, що ці речі, з одного боку, сягають традицій фігурних псаліїв в звіриному стилі Семибратніх курганів, а з іншого — зазнали безпосереднього впливу зразків, виготовлених у «елизаветинському» кубанському стилі. Псалії можна вважати одним з кращих і вельми оригінальним зразком скифо-меотського звіриного стилю на цій завершальній стадії його існування. Враховуючи особливості моделювання та іконографії автори датують псалії у межах другої половини IV ст. до н. е., що узгоджується з об'єктивним датуванням комплексів кургану 1, як поховальних, так і ритуальних.

Ключові слова: меотська археологічна культура, святилище, скифський звіриний стиль, псалії, котячий хижак.

V.R. Erlikh, A.R. Kantorovich

THE CHEEK-PIECES WITH THE UNIQUE IMAGE OF FELINE PREDATOR FROM RITUAL COMPLEX OF PSENAFA-SITE (ADYGEA) IN THE CONTEXT OF THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE

The article discusses the stylistic features of bronze zoomorphic cheek-pieces from the ritual complex of the burial mound 1 Psenafa-site (Maikop, Adygea). The authors have come to believe that these objects, on the one hand, go back to the tradition of decorated cheek-pieces in animal style of Seven Brothers mounds, on the other hand, appeared under the direct influence of objects made in «Elizavetinskaya» Kuban style. Taking into account the performance modeling and iconography authors date the cheek-pieces within the second half of the 4 century BC, which is consistent with the objective dating of the complex.

Keywords: Maiotian archaeological culture, the shrine, the Scythian animal style, cheek-pieces, feline predator.

Одержано 3.03.2017

УДК: 904.4(477.4/5)°638°

М. Н. Дараган

КРУПНЫЕ ГОРОДИЩА СКИФСКОЙ ЭПОХИ В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ. ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ¹

В статье приводится пространственная характеристика городищ скифской эпохи площадью более 100 га. С помощью методов геоинформатики созданы пространственные модели территорий, выбранных древним населением для создания городищ. Проведено определение пространственной локализации городищ, определение особенностей расположения сегментов валов относительно элементов ландшафта и водных источников. Обозначена проблемная ситуация с хронологией городищ.

Ключевые слова: начало раннего железа, скифская эпоха, Украинская Лесостепь, городища, фортификация, геоинформатика, реконструкция.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статья посвящена пространственной характеристике известных в Украинской Лесостепи городищ скифского времени площадью от 100

до более чем 4000 га. Все они окружены внушительными оборонительными конструкциями в виде вала и рва (иногда нескольких валов и рвов) с общим перепадом высот до 10—15 м. Этот феномен скифской эпохи в Украинской Лесостепи в синхронное время не имеет аналогов в европейском ареале.

Строительство этих городищ связывается с военным вызовом эпохи, а именно, рассматривается как ответ (реакция) на вторжение скифов, и, тем самым, постулируется их оборонительный характер [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 282]. Это положение приводит к двум гипотезам. Согласно первой, городища были сооружены в ответ на вероятную угрозу скифского вторжения, т. е. это была еще превентивная мера. Вторая исходит из того, что они созданы после скифского вторжения и завоевания скифами населения Лесостепи. Городища при этом также рассматриваются различно. Большинство исследователей в них видит центры объединений племен — крупные политические, экономические и религиозные центры населения обширных регионов Лесостепи, города или города-государства ([Болтрик, 1993, с. 40—41; Скорый, 2002, с. 68]; более детально об историографии и проблеме см.: [Дараган, 2010а; 2011]; последние публикации про крупные городские центры в Лесостепи, напр.: [Медведев, 2015, с. 209]). Так, относительно Трахтемировского городища высказывалась точка зрения, что это центр среднеднепровского объединения, в Мотронинском предполагается центр племенного объединения, сложившегося в бассейне р. Тясмин [Петренко, 1967, с. 9] или же резиденция родоплеменной аристократии и военной знати, раннегородское поселение, которое изначально строилось как столичный центр

1. Эта статья является изложением первой части доклада «Social and economic processes in a mirror of fortification (in example of mega hillforts in Ukrainian forest steppe region)», прочитанного на международном симпозиуме «Exploring Complexity in Iron Age Societies» в г. Киле (Германия) 21 июля 2015 г. Работа выполнена в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung) по теме: «Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age — early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geo-information analysis of the transformation of settlement and burial structures» в Евразийском отделе Германского археологического института. Хочу выразить признательность друзьям и коллегам без участия которых эта работа была бы невозможной — С. Разумову, Д. Куштану, С. Лысенко, В. Подобеду, М. Потупчику, К. Бондарь, Н. Эбертс. Особые слова благодарности Д. Коробову за помощь в подготовке статьи к печати.

раннегосударственного образования [Павленко, 1994, с. 145—146]. Бельское городище Б.А. Шрамко отождествляет с городом Гелоним со следующей формой политического устройства: «Скорее всего, в местном обществе господствовала олигархия, волю которой осуществлял “царь”, ограниченный каким-то коллективным органом из представителей верхушки общества, разделенного на определенные сословия» [Шрамко, 1987, с. 30]. Население такого города оценивается в 40—50 тыс. человек [Шрамко, 1984, с. 225]. Ю.Н. Бойко соглашается с тезисом Б.А. Шрамко об аристократической (олигархической) республике, но считает, что она скорее напоминала политическое объединение кшатриев в позднеархаической Индии, чем аристократический греческий полис [Бойко, 1994, с. 40]. Он рассматривает Бельское городище в рамках Бельской региональной системы площадью 2740 км² и вычисляет приблизительную цифру, характеризующую демографический потенциал региона — около 120 тыс. человек [Бойко, 1994, с. 30]. С.С. Бессонова предполагает, что население Мотронинского городища превышало условную «городскую величину», что составляла 5000 человек [Бессонова, 2002, с. 22—32].

Согласно второй точке зрения, городища-гиганты, служили убежищем для племенных союзов в случае опасности [Артамонов, 1947; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 260], а в остальное время большая часть их территории пустовала.

Но в любом случае подразумевается, что для организации работ по строительству городищ и поддержанию их в эффективном состоянии требовалась достаточно сильная политическая власть, способная концентрировать трудовые и экономические ресурсы значительных масс населения обширных территорий [Мурзин, Ролле, 1998, с. 39]. А если их сооружение вызывалось военной опасностью, то в данном обществе должны были сформироваться также специальные воинские коллективы и достаточно сложная военная организация.

Трактовка городищ в качестве крупных политических, экономических и религиозных центров кажется вполне логичной и закономерной. К тому же подобные методические принципы для изучения функциональной нагрузки городищ, а именно определение политической и социально-экономической роли городищ в зависимости от площади, защищенной стенами территории и сложности оборонительных сооружений, используются и для других эпох [Моргунов, 1990, с. 95—109]. Однако, несмотря на изобилие гипотез и мнений, до последнего времени отсутствовало более или менее внятное представление о том, что же собой представляют эти городища.

Обозначу только самый общий круг проблем.

1. Неизвестно общее количество больших городищ.

2. Иллюстративный материал даже по широко известным городищам до последнего времени был представлен исключительно планами-схемами. Они не дают представления о взаимосвязи тех или иных городищ с ландшафтом данной местности¹.

3. Раскопки проводились не на всех городищах. В тех же случаях, когда они были проведены, исследованные площади, как правило, незначительны относительно общей площади городищ. Часто раскопы расположены дискретно, и, соответственно, полученных материалов недостаточно для выводов о характере городищ.

4. За исключением Бельского городища, нет полноценных данных о памятниках, расположенных в округе городищ.

5. Отсутствует представление о сходстве или различии фортификации городищ, по какому принципу они сооружались.

6. В подавляющем большинстве эпизодов не установлена или не ясна хронология городищ.

7. Все поселения, известные в районе городищ, как по данным раскопок, так и исключительно по данным разведок, априори считаются синхронными времени функционирования городищ.

За кадром остается огромное количество вопросов и нерешенных проблем, которые заставляют критически воспринимать господствующие в скифоведении трактовки как относительно отдельных городищ, так и концепций в целом.

Цель этой статьи обозначить проблемные ситуации по всем этим вопросам. А именно, показать, что представляют собой городища-гиганты: где они были построены, как выглядела их фортификация, что общего и различного как между городищами, какая существует проблемная ситуация с хронологией городищ. Одной из задач моей работы стало создание точных, детальных и достоверных пространственных моделей территорий, выбранных древним населением для создания городищ. Определение пространственной локализации городищ, определение особенностей расположения сегментов валов относительно элементов ландшафта и водных источников, возможно, сформирует базис для объяснения принципов их создания и понимания характера их использования в прошлом.

Для решения этих проблем был проведен цикл геоинформационных работ, направленных на: а) визуализацию планов городищ, их расположение в рельефе; б) уточнение их метрических параметров: площади, охваченной

1. Начиная с 2008 г., оцифровка участков была предпринята для Немировского и Мотронинского городищ [Дараган, 2010а; 2010б].

линией фортификации, и протяженность самой линии фортификации¹; в) определение метрических параметров собственно сохранившейся на сегодняшний день фортификации (высота и глубина вала и рва, их профили и т. д.).

Геоинформационную базу работы составили топографические карты масштаба 1 : 5000, 1 : 10000 и 1 : 25000, аэро- и космоснимки. В результате обработки данных материалов созданы цифровые модели рельефа (ЦМР) и проведена трехмерная визуализация памятников. Создание ЦМР каждого городища проводилось путем ручной оцифровки карт масштабов 1 : 5000, 1 : 10000 и 1 : 25000. Техническое исполнение реализовано программными средствами ArcGIS 10. В среде ArcGIS была создана файловая база геоданных, включающая набор классов точечных, линейных и полигональных объектов в формате шейп-файлов с сопутствующими им атрибутивными значениями. На участках оборонительных систем некоторых городищ были сделаны тахеометрические съемки, что позволило получить трехмерные профили сохранившихся на сегодняшний день участков фортификации.

Создание общей базы данных ГИС позволило очертить круг пространственных закономер-

ностей в обустройстве городищ и выявить определенные взаимосвязи между ними.

ГОРОДИЩА УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ОПИСАНИЕ

В Украинской Лесостепи на сегодняшний день известно 11 городищ, площадь которых превышает 100 га: Немировское, Трахтемировское, Мотронинское, Чмыревское, Журжинецкое, Комаровское, Моринцы, Тараща, Ходосовское, Бельское. Возможно, к городищам-гигантам относится Басовское городище. Большинство городищ сосредоточено на правом берегу Днепра. На левом берегу известны два городища — Бельское в Поворсклье и Басовское в Посулье.

Также в рамках больших городищ рассматривают и четыре городища, расположенные на сравнительно близком расстоянии друг от друга — Пастырское, Будянское, Буда-Макеевское и Шарповское. Предполагается, что они могли быть объединены единой системой валов [Покровская, 1962; Болтрик, 1993] (рис. 1). И еще один предполагаемый гигант, Каратульское городище, располагают на левом берегу Днепра в Террасовой Лесостепи. Это «городище» было выделено Б.А. Шрамко в 1966 г. после проведения разведки на «змиевых валах», упоминавшихся в этом регионе [Шрамко, 1966, с. 41—45]. Он предположил, что имеющиеся в регионе валы образуют огромное городище скифского времени с «системой расположения валов типичной для Левобережья». Малый Вал, длина которого 15,739 км, ограждает основную и, видимо, наиболее древнюю часть городища. Большой вал тянется на 44,160 км и образует дополнительное укрепление или предградье. Общий периметр поселения равен 83,815 км [Шрамко, 1966, с. 44—45]. В публикациях можно встретить следующие его параметры: «общий периметр городища ... равен 84 км, его окружал малый (длиной около 16 км) и большой (длиной более

1. Существует определенная проблема с установлением площади городищ. Даже в тех случаях, когда оборонительная система городища полностью замкнута (т. е. валы идут по всему периметру городища), сложно определить, как строить полигон для подсчета площади: по границе вала со стороны городища; по гребню вала; по границе вала с внешней стороны или же по кромке рва. Поскольку не всегда оборонительная система сохранилась по всему периметру городища, равно как не всегда весьма отчетливо читаются и границы вала и рва, в основном полигоны строились по гребню вала. После построения полигонов площадь городищ и периметры оборонительных систем были установлены в ArcGIS через набор инструментов Data Management Tools с помощью утилиты Calculate Fields.

Рис. 1. Городища площадью от 100 га и некоторые городища площадью от 20 га в Украинской Лесостепи: 1 — Немировское; 2 — Пастырское; 3 — Моринцы; 4 — Комаровское; 5 — Журжинецкое; 6 — Тараща; 7 — Мотронинское; 8 — Чмыревка; 9 — Плискачевское; 10 — Виха; 11 — Трахтемировское; 12 — Ходосовское; 13 — Хотовское; 14 — Млынок; 15 — Крутьки; 16 — Васютинцы; 17 — Бельское; 18 — Басовское

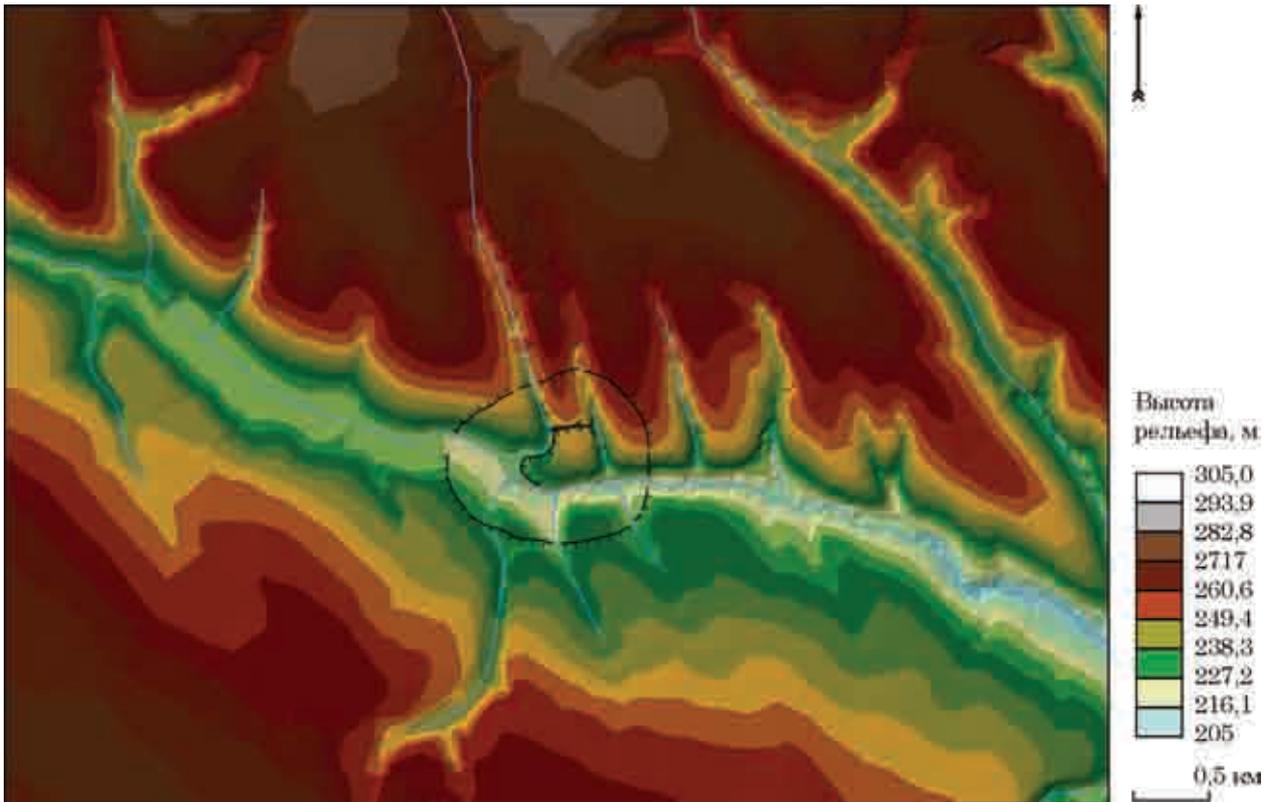

Рис. 2. Немировское городище; план, ЦМР (TIN)

44 км) валь» [Фиалко, 1994, с. 12]; это городище площадью примерно 17×25 км при общей длине валов в 74 км [Мурзин, Ролле, 1998, с. 36] или же городище площадью более 6000 га [Скорый, 2002, с. 68]. Замечу при этом, что никаких дополнительных исследований на этой территории не проводилось. Однако, как впоследствии оказалось, к скифскому времени эта система валов не имеет отношения и, соответственно, скифским городищем не является. Известная в этом регионе сеть валов входит в систему Змиевых валов древнерусского времени, что было подтверждено их раскопками [Кучера, 1978, с. 77—83; Роздобудько, Тегеря, 1996; 1997, с. 140; Шрамко, 2003, с. 49—51; Вовкодав, 2014]. К этому могу добавить, что известный по ряду публикаций план расположения валов Каратувльського городища не соответствует их реальному расположению на местности. Кроме того, исследователей должен был бы насторожить и тот факт, что на территории предполагаемого городища находится не менее 34 курганов.

ОПИСАНИЕ ГОРОДИЩ ПО РЕГИОНАМ

ВОСТОЧНАЯ ПОДОЛИЯ, СРЕДНЕЕ ПОБУЖЬЕ

Немировское городище. Это самое западное городище, из числа городищ-гигантов. Микрорегион, в рамках которого устроено городище, представляет собой слабо пересеченную равнину, расположенную на так называемой Немиров-

ской зоне разломов. От наиболее крупной водной артерии региона — реки Южный Буг — городище отстоит на расстоянии чуть более 8 км¹.

Городище расположено на обоих берегах небольшой речки Мирки и представляет собой укрепление площадью 123 га с периметром оборонительных конструкций чуть более 4 км. В плане образует фигуру овала, ориентированного с запада на восток, размерами $1,5 \times 1,2$ км (рис. 2). Речка в этом месте протекает с запада на восток и делит площадь городища на две неравные части — северную и южную. Северная часть более высокая, составляет около двух третей всей площади городища, а южная — несколько больше трети, поверхность ее полого спускается к речке, лишь местами в восточном углу образуя невысокие бугры. Три перпендикулярными ложбинами, перпендикулярными к долине речки, она делится на четыре участка. Северный берег речки — высокий, крутой и обрывистый, особенно в срединной части городища. Основу его до половины высоты составляют выходы гнейса-гранита, который только отдельными скалами выступает на поверхность в южной части городища. Северная часть двумя

1. Основные геоинформационные работы на Немировском городище были проведены мною в 2007—2009 гг. [Дараган и др., 2010а, с. 111—115; Дараган, 2010]. Позже геоинформационная база данных была дополнена геокартами, а также аэро- и космоснимками, по которым был уточнен абрис оборонительной системы городища. Оцифровка рельефа проведена по карте масштаба 1 : 25000.

оврагами делиться на три участка. Восточный овраг расположен почти перпендикулярно к речке и имеет сравнительно пологие склоны, но при соединении с речкой он заканчивается скалистым обрывом. Западный овраг, извилистый, представляет собой долину ручья Соловниці. Недалеко от впадения в речку он круто поворачивает на З, образуя у среднего отдела северной части городища соответствующий выступ, полого спускающийся к устью этого оврага. Берега западного оврага крутые, обрывистые.

Вал, окружающий городище, в нескольких местах прерывается. Самые широкие перерывы в валу имеются на северном и южном его отрезках для пропуска ручьев и оврагов, а также, видимо, для входа и въезда на городище. Таких перерывов имеется по четыре в южной и северной частях ограды, т. е., всего имеется восемь разрывов, из которых шесть — естественных.

Современная высота вала на различных участках варьируется от 5 до 10 м, современная

глубина рва также различна и на некоторых участках достигает 7 м. В южной части вал несколько выше с внутренней стороны городища. Это происходит потому, что эта часть городища имеет наклон по направлению к реке.

На участках, охваченных тахеометрической съемкой, с внешней стороны высота вала превышала 7, на некоторых участках — до 10, тогда как с внутренней — преимущественно 4—5, но встречаются участки и более 7 м. Ширина вала составляла 30—35 м. Глубина рва 3—4, при ширине вверху — до 26 м, а в некоторых местах и более. Общий перепад вала и рва на разных участках составлял 8—10 м и более. Протяженность боевых склонов валов от дна рва в современном состоянии до верха вала имеет в среднем 25, но на некоторых участках достигает 28 м. Угол подъема по боевому склону на всех участках южной части фортификации снаружи и изнутри составляет 37—45° (рис. 3).

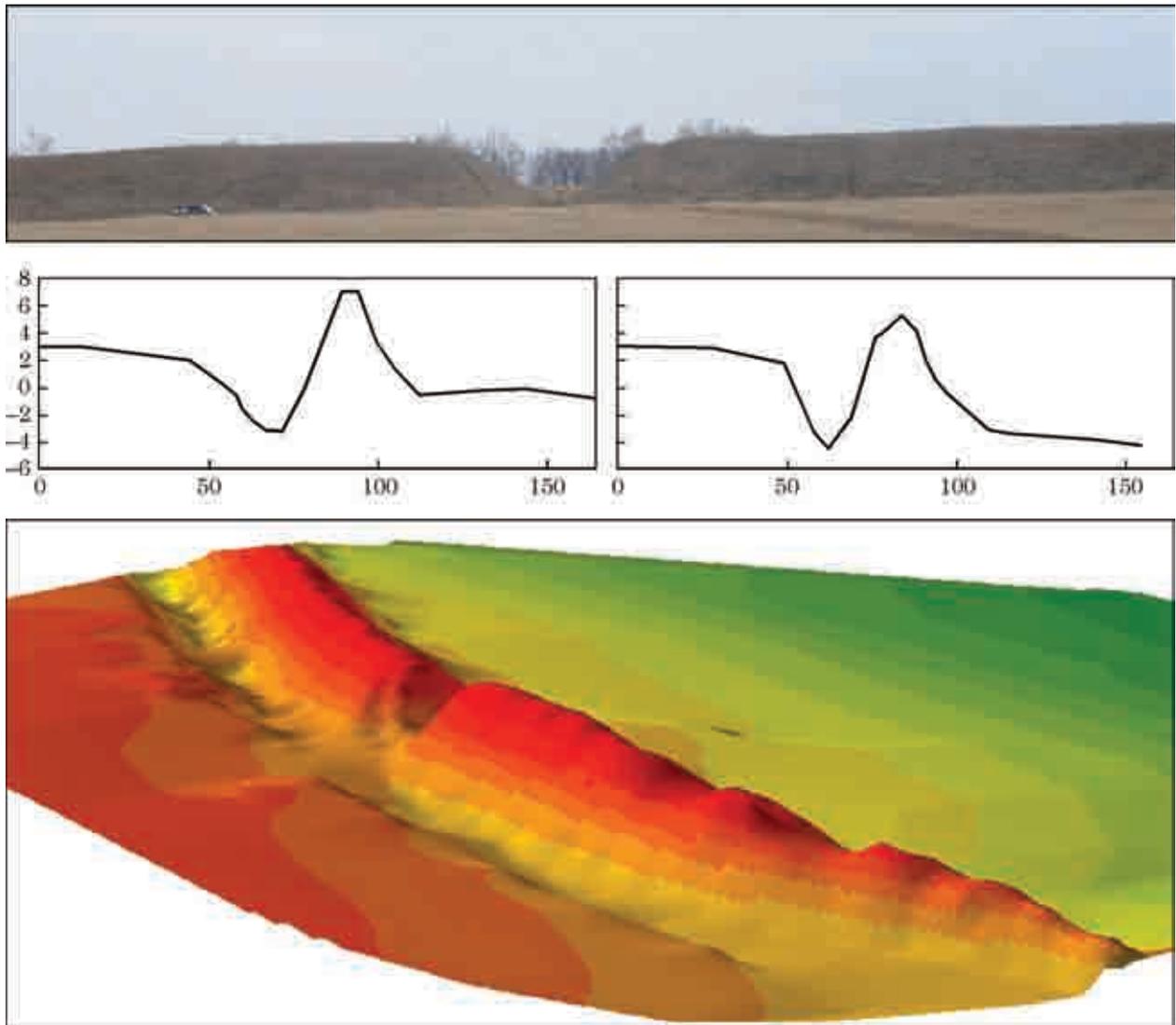

Рис. 3. Немировское городище. Южный участок оборонительной системы: фото, профили и моделирование, ЦМР (GRID)

Центральное укрепление. Почти в центре городища, на высоком северном берегу речки, находится отдельное внутреннее укрепление, которое носит название «Замчиско». Его участок выделен с запада и востока оврагами, а с севера — валом и рвом. Вал прослеживается также и с восточной и западной стороны этого укрепления, однако основную защиту здесь составляли искусственно срезанные склоны оврагов, земля с которых использовалась для повышения уровня площади городища.

Ширина рва с северной стороны внутреннего укрепления достигает 6,5, а глубина — 3 м. Высота вала — до 2 м. С В и З сторон высота вала меньше. С Ю, со стороны реки, на внутреннее укрепление ведет крутой подъем протяженностью до 70 м. Площадь внутреннего укрепления 12,5 га.

На этом участке городища обнаружены материалы трипольского и раннескифского времени. На космоснимке хорошо виден зольник в верхней центральной части укрепления, а также четкая линейная конструкция, отделяющая основную часть массива от клиновидного юго-западного выступа, которая вполне вероятно может быть связана со рвом [Дараган, 2017, рис. 3]. Однако пока можно только гадать, относится эта конструкция к раннескифскому времени или же трипольскому.

На центральном укреплении проводились раскопки только на участке зольника. Данных о характере заселения нет. Полученные материалы относятся к середине VII (возможно еще и VIII) — началу VI вв. до н. э. [Смирнова, 1998]. Характер заселения большого укрепления также неизвестен. Здесь на всей огромной площади были заложены только небольшие шурфы. Проведенные геофизические работы на одном из участков, примыкающих к внешнему валу (к западу от центрального въезда на городище), показали незначительное количество аномалий, что также косвенно может свидетельствовать о полной незаселенности или же о неплотной заселенности участка [Дараган и др., 2010, с. 115].

Округа Немировского городища слабо обследована. На сегодняшний день следов поселений, других городищ скифского времени, могильников или же отдельных курганов возле городища не выявлено. Ближайшее исследованное поселение скифского времени с материалом, синхронным Немировскому городищу, находится возле с. Байраковка в 13 км к северо-западу от него [Магомедов и др., 1983, с. 35—40]; курганы — в 33 км западнее у с. Шершни [Магомедов, Лобай, 1982, с. 25—26].

В Побужье к скифскому времени относится еще четыре городища, расположенных в 40 км севернее Немировского. Это Севериновское городище площадью 5,1 га, датирующееся второй половиной VII — началом VI вв. до н. э. [Смирнова, 1961, с. 88; Болтрик и др., 2010, с. 36]. Мы-

совое городище у с. Якушинцы площадью около 24 га¹ [Шелехань, Лифантій, 2015, с. 344], городище у с. Переорки и, предположительно, Сабуровское городище возле г. Винница.

ДНЕПРОВСКАЯ ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЛЕСОСТЕПЬ. СРЕДНЕЕ ПОДДНЕПРОВЬЕ

Следующие семь городищ расположены на Правобережье Днепра в пределах Приднепровской возвышенности. Последняя представляет собой слабо всхолмленную поверхность с уплотненными междуречными и плоско-увалистыми, слабоволнистыми равнинами в долинах рек. Ее средние высоты составляют 240—220 на СЗ и 180—170 м на Ю и ЮВ. Глубина расчленения возвышенности в полосе, примыкающей к долине Днепра, достигает 100—140 м и несколько уменьшается в пределах Побужья, в бассейнах рек Горного Тикича, Синюхи, Черного Ташлыка и др.

В Приднепровской части возвышенности из-за значительных перепадов высот и сплошного распространения мощных осадочных пород развиваются глубокие балки, врезающиеся в водоносные горизонты и превращающиеся в долины с постоянным водотоком-ручьем.

Плотность расчленения рельефа на большей части Приднепровской возвышенности колеблется в пределах 0,3—0,4 км/км², на некоторых участках бассейнов Роси и Гнилого Тикича достигает 0,4—0,6 км/км². На отдельных участках возвышенности встречаются интенсивно изрезанные разветвленной овражно-балочной сетью площади с плотностью расчленения до 4 км/км² (окрестности Ржищева и Канева). Особо развиты водно-эрозионные формы на правом склоне Днепра в районе Канева. Здесь глубина врезов оврагов в среднем составляет 35—40 м, достигая в отдельных местах 90 м.

Эти сухие географические данные весьма важны в нашем исследовании. Большая часть описываемых ниже городищ находится в весьма специфических с точки зрения рельефа местностях, а именно — в зонах максимальной плотности и глубины расчленения рельефа, находясь или вокруг них, или включая их в свою систему.

Четыре городища расположены в междуречье Роси и Гнилого Тикича последовательно по направлению СЗ—ЮВ: Тараща, Журжинецкое, Комаровское, Моринцы. При этом три из них находятся на почти равном расстоянии друг от друга (рис. 4). Между валами городищ Журжинецкое и Комаровское расстояние 5,7 км, далее от Комаровского до городища Моринцы расстояние 5,5 км; расстояние между городищами

1. На городище очень бедный культурный слой, по этой причине предполагается, что это городище-убежище [Шелехань, Лифантій, 2015, с. 347].

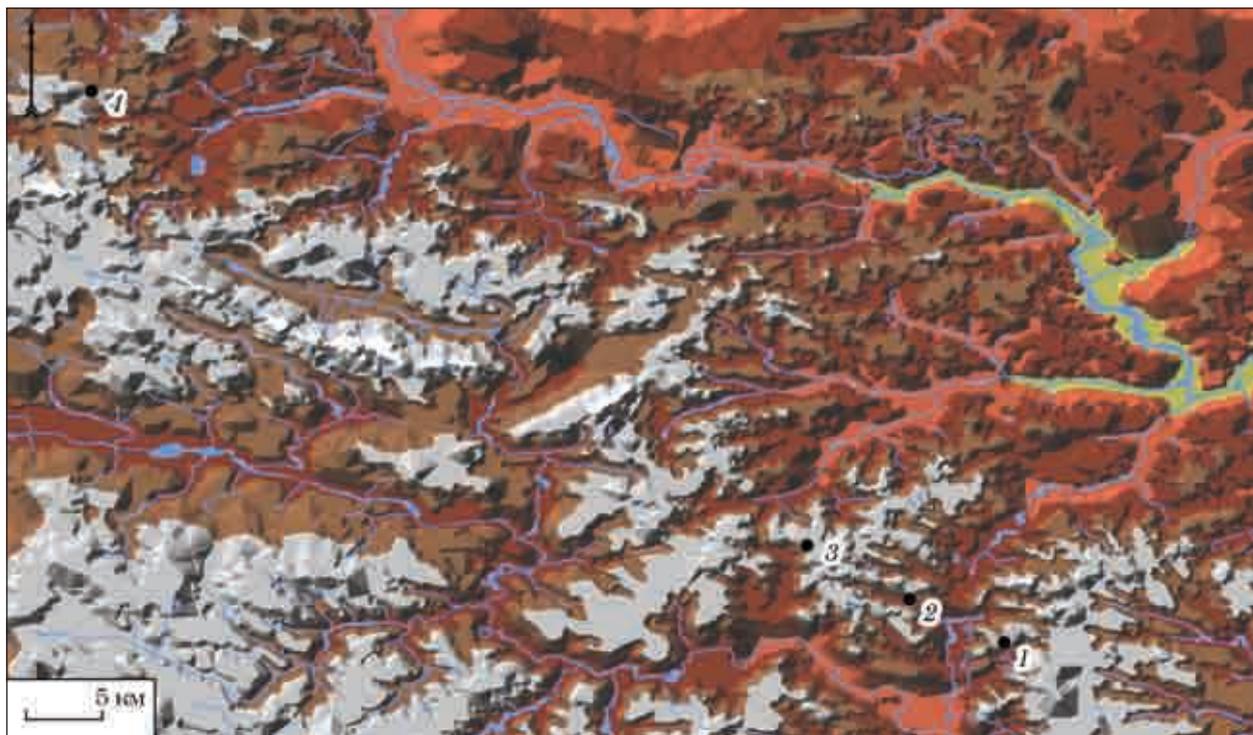

Рис. 4. Городища на участке Роси, Гнилого Тикича, Ирпеня, Ингульца: 1 — Моринцы; 2 — Комаровское; 3 — Журжинецкое; 4 — Тараща

Журжинцы и Моринцы — 12 км¹; городище Тараща отстоит от валов Журжинецкого городища на расстоянии 35 км к северу.

Моринцы. Городище занимало один из западных отрогов водораздела. Отрог представлял собой возвышенность, ориентированную с СЗ на ЮВ. С двух сторон (С и Ю) возвышенность ограничена глубокими природными ярами, с запада — крутым склоном, ведущим к небольшой речушке. С восточной стороны возвышенность переходила в плато. Точную площадь этого городища установить сложно, так как полностью отсутствуют следы фортификации с северной стороны. Если же предположить, что очертания городища с этой стороны также проходили по краю возвышенности, то тогда его площадь должна составлять около 125 га. Городище имело неправильную овальную форму, вытянутую длинной осью по линии СЗ—ЮВ. Общая протяженность валов — 2,5—3 км (рис. 5, 1).

Укрепления на сегодняшний день фиксируются частично. Возможно, их не было с северо-востока, где городище прилегало к природному яру (Сухой Яр), образованному ручьем между верховьями р. Ольпанки и бассейном Гнилого Тикича. Лучше всего они прослеживаются в западной части, где вал был насыпан на вершине оврага, а склоны самого оврага были эскарпированы и у его подножья сформирован

ров. В результате, несмотря на то, что высота самого вала не превышала 2 м при ширине 15 м (на участке тахеометрической съемки), общий перепад вала и рва получился как и у остальных городищ не менее 8 м. Уклон вала до 32° (рис. 5, 2).

Раскопки на городище не проводились. Подземный материал не выявлен. Характер заселения неизвестен², так же как и поселения и могильники в округе городища.

Комаровское городище. Это, по всей видимости, городище округлой формы³. Валы

2. В XIX в. В.Б. Антонович упоминал о существовании возле с. Моринцы двух городищ [1895, с. 120]. Осмотр валов в районе села был совершен сотрудниками Черкасского областного краеведческого музея О.В. Билецкой и В.В. Неродой в 1987 г. Было высказано предположение, что эти валы являются частью огромного городища скифского времени [Билецька, Нерода, 1987, с. 20]. В 2010 г. М.Н. Дараган и Д.С. Куштан сделали план городища и тахеометрическую съемку на участке оборонительного вала. Основание, по которому при отсутствии археологического материала городище было отнесено к скифской эпохе, в данном случае одно — это его параметры. Укрепления большой площади, имеющие округлые очертания, в другие эпохи, кроме скифской, в Лесостепи неизвестны.

3. Разведкой экспедиции ИА НАН Украины под руководством Г.Т. Ковпаненко в 1985 г. было выявлено поселение у с. Комаровка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. [Ковпаненко и др., 1989, с. 150]. Впоследствии О.В. Назаров установил, что поселение на самом деле является большим городищем площадью до 200 га. Материал, собранный на участке городища, относится к VII—VI вв. до н. э. [Назаров, 2004, с. 56].

1. Геоинформационные работы на городищах Моринцы и Журжинцы были проведены мною в 2010 г. Оцифровка рельефа для участков городищ Моринцы, Комаровское, Журжинецкое и Тараща проведены по карте масштаба 1 : 25000.

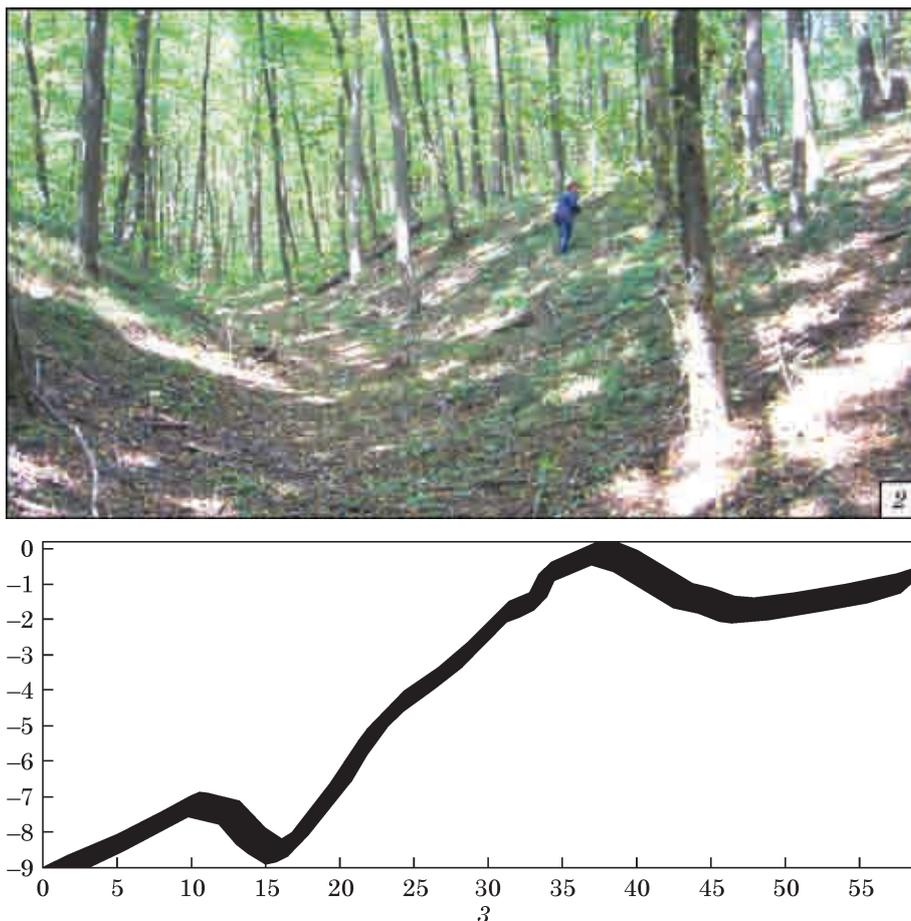

Рис. 5. Городище Моринці: 1 — план, ЦМР (TIN) (см. вклейку); 2 — участок оборонительной системы, фото; 3 — 3D-моделирование профиля оборонительного вала

достаточно отчетливо фиксируются только с восточной, западной и северной стороны. Они окружают пространство, значительную часть которого занимает русло небольшой речки и ее малого притока. С восточной стороны вал проходит по самой кромке правого берега речки, с севера и запада вал обрезает низкие участки отрогов водоразделов. Неизвестно, существовал ли вал с южной стороны. Также прослеживаются еще два вала, западный и восточный, внутри городища. Дуги западного вала направлены в сторону внешнего западного вала городища, а дуги восточного — в сторону внешнего восточного вала городища. Возможно, в древности они смыкались с внешними валами городища или же составляли единое целое каким-то иным образом, и, тем самым, внутри этого большого городища существовало два меньших укрепления. В целом, внешняя система валов не была замкнутой и в некоторых местах прорезалась долинами рек. Различно расположены и внутренние валы. Западный внутренний вал, который возможно стыкуется с западным внешним валом, как бы окаймляет самую высокую точку внутри этого большого городища. Восточный внутренний вал, который, возможно, является одним целым с восточным внешним валом, наоборот, очерчивает, самый

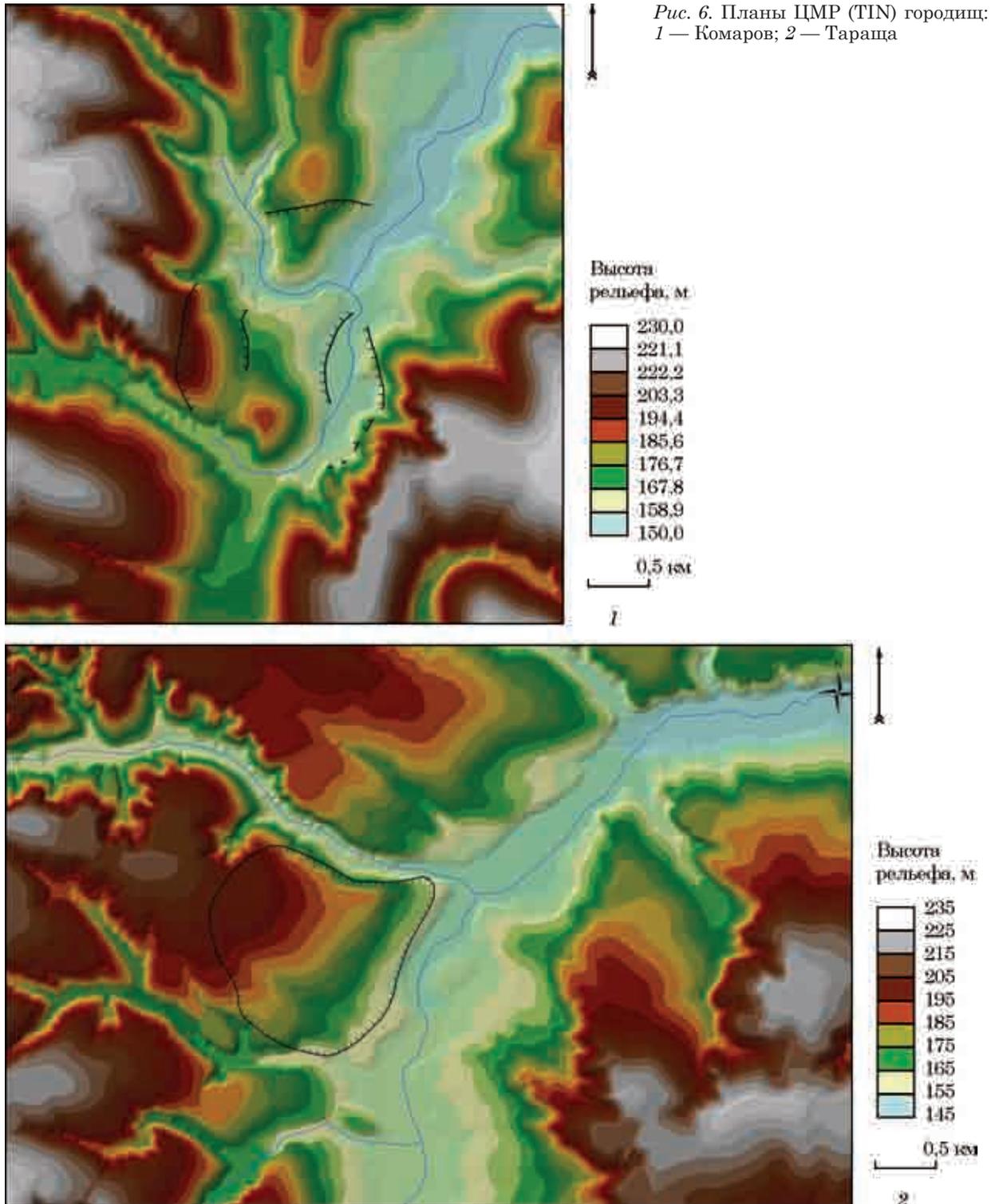
низкий участок, собственно долину небольшой реки. Возможная площадь Комаровского городища около 260 га, если бы фортификация была замкнутой, то ее периметр мог бы достигать 6 км (рис. 6, 1).

Раскопки не проводились. Подъемный материал VII — начала VI в. до н. э. Характер заселения неизвестен.

Журжинецкое городище¹. Расположено на западных отрогах самого высокого и ровного участка водораздела в этой части. Массив, на котором расположено городище, включает четыре относительно изолированных высоких ареала, расчлененных оврагами и балками, создающих участки низкой топографии. Одна наиболее крупная балка заходит на территорию городища с севера, вторая с юго-запада. Городище имеет форму неправильного овала, вытянутого с ЮЗ на СВ. Площадь Журжинецкого городища не менее 326 га², периметр — 9,4 км. Городище состоит из внешней линии

1. Осмотрено экспедицией ИА НАН Украины под руководством Г.Т. Ковпаненко в 1983 г. Краткая информация (без плана) в [Ковпаненко и др., 1989, с. 150].

2. В литературе указывается площадь городища около 700 га [Ковпаненко и др., 1989, с. 20; Скорый, 2002, с. 67].

укреплений, а также внутреннего укрепления площадью 77,6 га (периметр не менее 4,5 км) и небольшого укрепления (полукруга) площадью 6 га, примыкающего к южной части внешнего городища. Валы городища хорошо дешифрируются по космоснимкам почти по всему периметру городища. Внешняя линия укрепления с восточной стороны по большей части проходит строго по кромке наиболее высокого участка этой части местности и в одном месте — непосредственно по ровному участку во-

дораздела. Отчасти это повторяется и с запада, но здесь на некоторых участках с северо-запада вал идет и по более низким топографическим зонам, а непосредственно с З — также по ровной местности. С Ю вал идет по более низким участкам, в том числе и перекрывает входящий на территорию городища овраг (рис. 7, 1). Обращу внимание на тот факт, что с З стороны городище имеет геометрически правильный «сосцевидный» выступ, не увязывающийся с рельефом местности на этой территории.

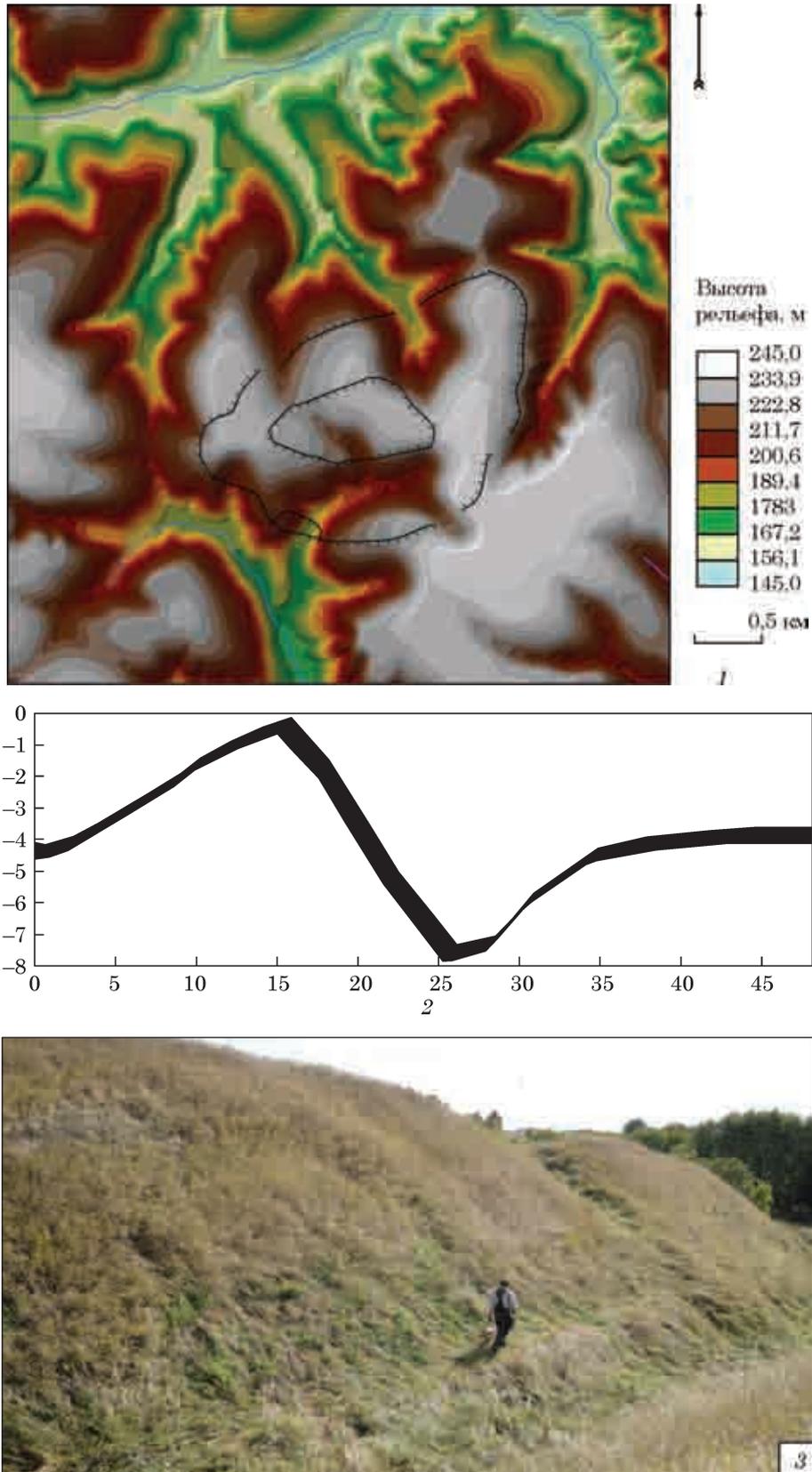

Рис. 7. Журжинецьке городище: 1 — план, ЦМР (TIN); 2 — західний участок оборонительной системы; 3 — фото західного участка оборонительной системы

Вал внешней оборонительной системы в силу различной сохранности на разных участках имеет различную высоту. На участке за-

падной части оборонительной системы высота вала не менее 4, ширина 18, глубина рва более 3, ширина более 10 м. Сохранившийся до се-

годняшнего дня угол уклона вала от 35 до 41° (рис. 7, 2).

Внутреннее центральное укрепление расположено в самом центре большого городища. Имеет форму несколько искривленного ромба, ориентированного с З на В. В древности, по всей видимости, было окружено валом. Сейчас вал хорошо сохранился только с С, З и В стороны и на некоторых участках с Ю. Высота вала — не менее 1, ширина — около 10 м.

Раскопки не проводились. Подъемный материал относится к VII — началу VI в. до н. э. (в том числе сборы автора 2010 г. на внутреннем укреплении)¹. Характер заселения неизвестен. В округе известны поселения и могильники².

Городище Тараща. Расположено на самом краю склона отрога плато на участке слияния малых речек Глыбочица и Котлуга. Обе реки с двух сторон окаймляют территорию городища, а с третьей стороны естественной преградой на пути к городищу был глубокий овраг, по которому в древности, возможно, также протекал ручей. Площадь городища не менее 214 га³. Оборонительная система в виде вала и рва прослеживается почти по всему периметру городища общей протяженностью 5,6 км (рис. 6, 2). Городище расположено в пределах современного районного центра, и поэтому оборонительная система не везде одинаково сохранилась. На некоторых участках высота вала достигает 3 м (по отношению к внутренней части городища), ширина основания 10 м, ров практически полностью запылил [Бессонова, Романюк, 2004, с. 90; 2006, с. 109—110].

На городище проводились небольшие раскопки. Обнаружены материалы второй половины VII — начала VI вв. до н. э. Авторы раскопок полагают, что заселенными были только отдельные участки, а большая часть площади оставалась свободной и служила убежищем для обитателей окрестных поселений [Бессонова, Романюк, 2004, с. 100]. К западу (северо-западу) от городища известны поселения и могильники VII — начала VI вв. до н. э. [Бессонова и др., 1995]. А к югу от городища возле с. Петровское и Лесовичи исследованы курганы конца V — IV вв. до н. э. [Ковпаненко и др., 1997, с. 91—105].

Возможно, что к пространственной организации городища имеет отношение также об-

следованный экспедицией М.П. Кучеры вал, тянущийся по северо-восточному краю пос. Тараща, вытянутый с СЗ на ЮВ на длину 2 км и прерванный почти посередине долиной реки Котлуй. Вал проходит по восточному краю возвышенности — т. н. Лысой Горе — защищал с востока городище, с этой же стороны вдоль вала сохранился ров [Кучера, 1981, чертеж 19]. В.Н. Романюк, проводивший осмотр этого вала, склоняется к тому, что вал был сооружен в скифское время⁴. Т. е., вполне вероятно, что городище Тараща имело еще более значительные размеры, с собственным источником воды. Но это предположение нуждается в уточнении.

В этом микрорегионе известно также одно небольшое городище Бушево, расположенное к северу от Таращи. Оно находится на левом берегу р. Гороховатки недалеко от ее впадения в р. Рось. Занимает возвышение в пойме и имеет круглую в плане форму с валом по периметру и двумя въездами — с СЗ и Ю. Площадь 3,8 га. Это городище широко известно в литературе как древнерусское, но под древнерусским валом был открыт слой раннескифского времени мощностью 40 см. Южную часть городища полукольцом охватывает селище, расположенное непосредственно за рвом на возвышении в пойме. В шурфе найдена керамика скифского времени [Кучера, 1989, с. 188]⁵.

Следующее крупное городище — **Мотроинское**⁶ — находится в самом центре прид-

4. Искренне признательна С.С. Бессоновой за консультацию.

5. Стоит оговорить ситуацию с еще одним городищем у с. Шарки, расположенным в 20 км севернее от Таращанского городища на левом берегу р. Гороховатки. В литературе можно найти упоминание, что городище Шарки — это крупное городище скифского времени площадью 125 га. Это городище более широко в литературе известно как летописный Торческ — столица помещенных здесь тюрских племен, носивших собирательное имя торков, черных клобуков или берендеев. Городище расположено на высоком берегу р. Гороховатки и занимает несколько мысов и большой участок плато. Всего в нем выделяется пять укрепленных частей: внешнее кольцо большого (внешнего) укрепления протяженностью около 1400 м и двух сегментообразных внутренних укреплений (420 и 340 м). Внутри северного сегмента имеется кольцевой вал, образующих двойной ряд укреплений [Рыбаков, 1967, с. 243—244; Кучера, Иванченко, 1987, с. 74]. Известный исследователь древнерусской фортификации П.О. Рапопорт предположил, что изначально городище относится к укреплениям раннего железного века [Рапопорт, 1975, с. 86, прим. 73] и эта точка зрения была поддержана также М.П. Кучерой и Л.И. Иванченко [1987, с. 74]. Но надо сказать, что на городище не выявлено никаких следов скифского времени (личное сообщение Л.И. Иванченко).

6. Основные геоинформационные работы были проведены в 2008 г. [Дараган, 2010а; 2011]. Позже геоинформационная база данных была дополнена геокартами, а также аэро- и космоснимками, по которым был уточнен абрис оборонительной системы городища. Опцификация рельефа проведена по карте масштаба 1 : 25000.

1. В коллективной монографии о памятниках скифского времени Днепровской Правобережной Лесостепи время существования городища совершенно безосновательно ограничивается среднескифским временем (т. е. V—IV вв. до н. э.) [Ковпаненко и др., 1989, с. 19].

2. В 5—6 км к С и СЗ от городища в районе с. Медвин выявлен куст поселений жаботинского и раннескифского времени, группы курганов второй половины VIII — VII вв. до н. э., а также V—IV в. до н. э. [Ковпаненко, Левченко, 1975, с. 58—65; Ковпаненко, 1977, с. 40—72; 1981; Левченко, 2012, с. 139—169].

3. 229 га по С.С. Бессоновой и В.В. Романюку [2006, с. 109].

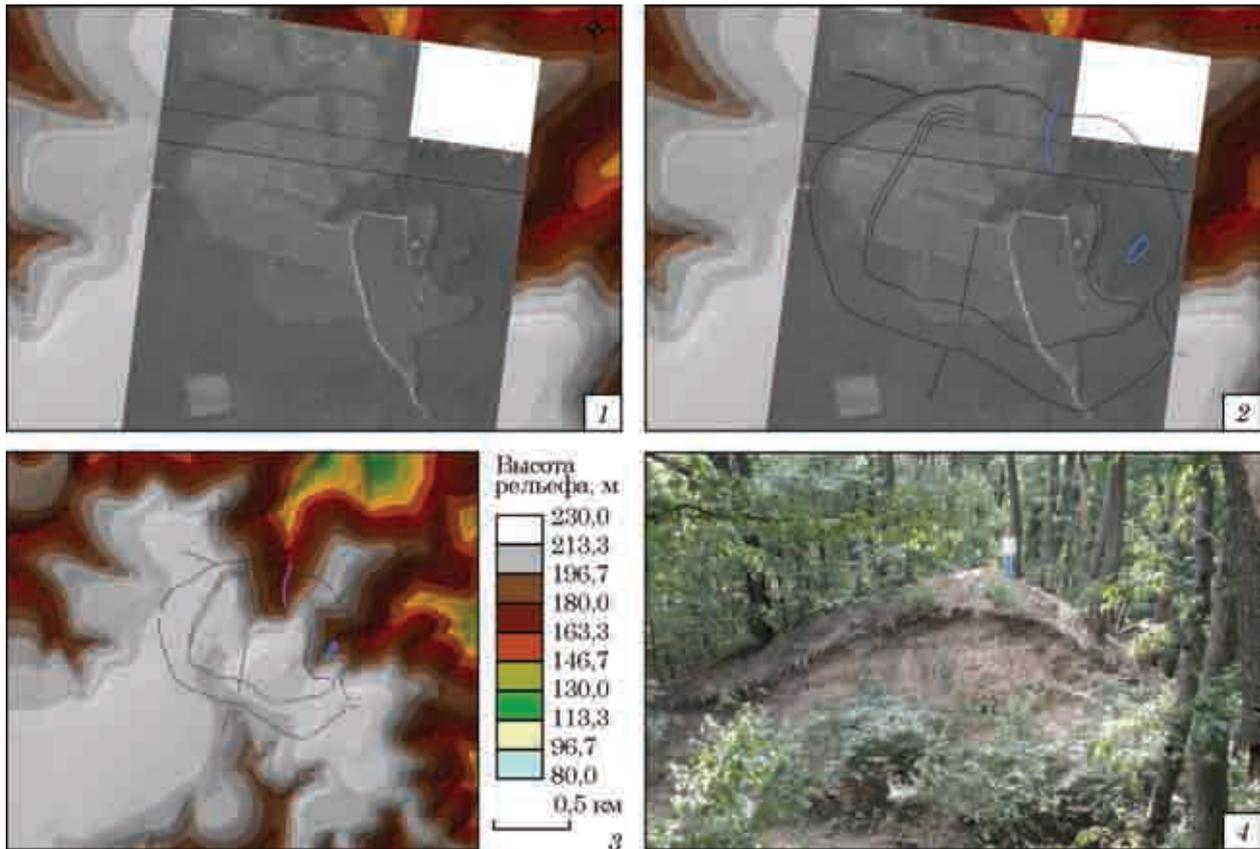

Рис. 8. Мотронинское городище: 1, 2 — городище на аэрофотоснимке 1981 г.; 3 — ЦМР (TIN); 4 — фото разреза западного участка оборонительной системы у дороги на Жаботин

непровской возвышенности, на участке, с трех сторон ограниченном р. Тясмин¹. Собственно, само городище устроено на Холодноярском плоскогорье, окруженном со всех сторон системой глубоких яров. Городище устроено непосредственно на северо-восточном краю плоскогорья, захватывая участки плоскогорья с западной, южной и юго-восточной стороны, а с северной и северо-восточной части в его площадь включены верховья двух оврагов: северного очень большого, на дне которого находится родник², и северо-восточного, узкого, глубокого оврага, на дне которого находится малое озеро и берет начало речка Онуфриевка. Перепад высот в пределах городища от кромки северного оврага до его дна — более 40 м. Площадь городища оказалась чуть больше 106 га³. Городище окружено сложной системой валов и рвов. Наиболее мощная внешняя линия фортификации из вала и рва окружает городище по всему периметру. Периметр оборонитель-

ных сооружений — около 4 км (3900 м) (рис. 8, 1—3).

Вал и сопутствующий ему ров идут по ровным участкам местности и спускаются на дно оврагов. Этот вал прерывается в четырех местах тремя древними въездами и руслом речки на дне большого оврага. С наружной стороны к внешнему валу с трех сторон, — с северо-запада, с юга и с востока, — примыкают три отрезка вала длиной от 50 до 200 м, назначение которых неясно.

Наиболее длинный отрезок протяженностью до 330 м расположен в северо-западной части городища. Он неплохо читается на аэрофотоснимке. Еще два отрезка расположены с юга и с запада; они меньшей длины и на снимках не читаются (рис. 8, 1, 2).

В 2008 г. была проведена тахеометрическая съемка участка вала длиной 222,5 м к северу от въезда у с. Жаботин. На участке съемки современная высота вала с напольной северной стороны достигает 6,5—7, при глубине рва — 3—4 м. Ширина вала по верху до 8, в основе — до 25 м. Уклон вала — до 45—47° (рис. 9, 1). Также был снят небольшой участок основного вала с примыкающей к нему фортификацией с северо-западной стороны. Оказалось, что с внешней стороны рва основной фортификации городища к нему примыкает перпендикулярно направленный вал с собственным рвом с запад-

1. Река Тясмин — правый приток Днепра, в среднем течении образует излучину, меняющую направление реки на 180°. Из-за этого обстоятельства источник и устье расположены всего в 33 км друг от друга.

2. Родник Святого Онуфрия, как считается, с целебной водой.

3. Ранее указывалась площадь более 200 га [Ковпащенко и др., 1989; Бессонова, Скорый, 2001; Дарган, 2010а].

ной стороны (рис. 9, 2). Высота этого вала около 2 при ширине около 12, глубина сопутствующего ему рва 2 при ширине в верхней части до 10 м (рис. 9, 3).

Внутри городища выделяется внутренняя линия обороны, окаймляющая собственно участок плоскогорья площадью около 49 га. Эта фортификация до настоящего времени практически не сохранилась. Она читается на аэрофотосъемке и космоснимках. Ее наличие было подтверждено и раскопками. Ширина рва внутренней фортификации составила 11—12, глубина — более 4 м. Вал не выявлен [Хохоровски, Скорый, 2006, с. 82—83, рис. 7].

Эта внутренняя огражденная часть городища в свою очередь делится на две половины прямым отрезком вала (западную площадью 22,06 и восточную площадью 27,2 га), северный конец которого подходит к концу большого оврага, а южный соединяет собой внутренний и внешний вал (рис. 8, 1, 2).

Хронология городища. На памятнике открыты комплексы середины — второй половины VII в. до н. э. — начала V в. до н. э. Согласно С.С. Бессоновой, на Мотронинском городище была заселена практически вся пригодная для

застройки территория внутреннего укрепления и некоторые участки между внутренними и внешними валами в южной и западных частях городища. Считается, что преобладала кустовая застройка с бессистемным расположением кустов-усадеб на расстоянии между ними в несколько десятков метров. Сколько таких кустов было на городище, не установлено. Однако отмечается, что наиболее заселенным городище было в конце VI — начале V вв. до н. э. [Бессонова, 2001, с. 103—111; 2002, с. 22—32].

К городищу примыкает курганный могильник из 60 насыпей, образующий три курганные группы [Скорый, Бессонова, 1995, с. 68—69; Скорый, Хохоровски, 2009, с. 234]. Большинство насыпей возведено в непосредственной близости от оборонительной системы с юго-западной и южной стороны. Самый большой курган Скифская Могила высотой 7,75 м расположен всего в 150 м от участка внешней оборонительной системы [Скорый, Хохоровски, 2009, с. 237].

С.С. Бессонова и С.А. Скорый, исследовавшие часть курганов, предполагают, что данный могильник может и не принадлежать жителям Мотронинского городища. Аргументами является сравнительно небольшое количество курганов для столь большого по площади городища, существовавшего с конца VII по начало V вв. до н. э., датировка отдельных курганов

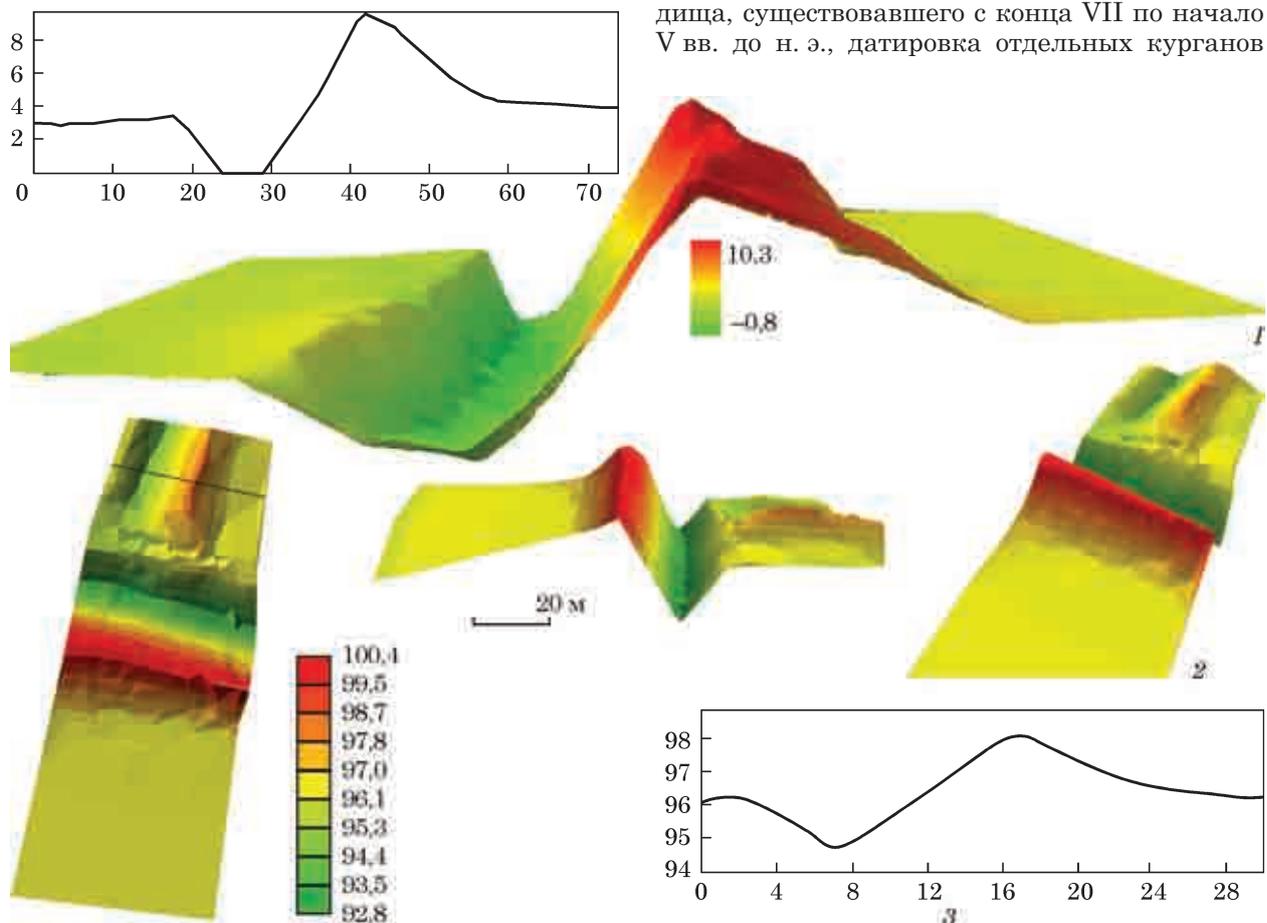

Рис. 9. Мотронинское городище, фортификация: 1 — 3D-моделирование и профиль западного участка оборонительной системы у дороги на Жаботин; 2 — 3D-моделирование западного участка оборонительной системы с примыкающей к ней дополнительной линией фортификации с северо-западной стороны; 3 — профиль СЗ отрезка дополнительной линии фортификации

Рис. 10. Городища: 1 — Трахтемировское, план, ЦМР (ТІН) (см. вклейку); 2 — Малые Валки, план (по: [Ковпаненко, 1967, рис. 2]); 3 — вал в южной части

временем, более поздним, чем время функционирования городища и отдельные черты обряда которые находят аналогии в степной кочевнической среде [Скорый, Бессонова, 1995, с. 73].

В непосредственной близости от городища как будто не выявлены поселения, но они известны в 4—5 км западнее в районе с. Жаботина.

В этом микрорегионе известны еще два городища скифского времени.

Плискачевское городище. Городище расположено в среднем течении р. Тясмина, в 5 км от правого берега реки, около с. Плискачевки (в 1 км к востоку от хут. Шевченко), на возвышенности между двумя глубокими оврагами. Оно, наряду с Мотронинским городищем, отмечено на карте А.А. Бобринского и сейчас просматривается на космоснимках [Дараган, 2017, рис. 17, 18]. Имеет овальную форму, длиной около 0,7—0,75, шириной не более 0,5 км. А.И. Тереножкин, осмотревший городище в 1950 г., отмечал, что вал сохранился почти полностью [Тереножкин, 1952, с. 89]. Ныне юго-западная часть вала застроена и практически не прослеживается. Северо-восточный участок вала имеет высоту 1,5 м. Ров прослеживается слабо или вовсе не просматривается. К югу вал имеет высоту 1,5—1,7 при ширине около 10, ров же, при ширине 7—8, имеет глубину 1,5—1,7 м. С востока несохранившийся участок вала и рва читается на космоснимке.

Раскопок на городище не проводилось, а из собранных П.Н. Третьяковым и А.И. Тереножкиным на поверхности городища фрагмен-

тов керамики ни один не опубликован и место их хранения не известно. Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова и С.А. Скорый относят городище к позднескифскому времени [Ковпаненко и др., 1989, с. 25].

К северу и северо-западу от этого городища находятся такие большие курганные могильники как Гуляйгородской и Чубовский [Ильинская, 1975].

Городище у с. Чмыревка (Турецкий Вал). Это городище было открыто А.И. Тереножкиным в 1950 г. Находится на южном краю с. Чмыревка. Занимает большую площадь в виде треугольника, образованного двумя оврагами, сходящимися в устье. Треугольник с напольной стороны частично был прикрыт валом, тянущимся от западного оврага. Длина городища около 1,5, ширина до 1 км, т. е., общая площадь около 150 га. Ширина вала в основании 10—13, высота 2 м. Вдоль него, но не снаружи, как обычно, а с внутренней стороны, идет ров глубиной в 1 м. Общая длина вала достигает 200 м. Культурный слой городища слабонасыщенный. А.И. Тереножкин указал, что «по времени городище близко к Мотронинскому, но несколько моложе его» [Тереножкин, 1952, с. 88]. Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова и С.А. Скорый датируют городище VI—V вв. до н. э. [Ковпаненко и др., 1989, с. 20, 160], однако данных для этого недостаточно. Раскопок на нем не проводилось, а из собранных А.И. Тереножкиным на поверхности городища фрагментов керамики ни один не опубликован, и место их хранения неизвестно.

В литературе упоминаются еще четыре городища скифского времени: около сел Мельники¹, Чубовки, Флярковки и Малой Яблоновки

1. Расположено над ярами в 2 км к ЮВ от Мотронинского городища с валом высотой от 1 до 1,5 м. Исследования его не проводилось, форма и размер не выявлены [Покровская, 1962, с. 41].

[Петренко, 1967, с. 8]. Никаких достоверных данных об этих городищах нет.

Трахтемировское городище расположено на мысу крутого правого берега Днепра. Участок, занятый городищем, практически на всей площади сильно пересечен очень глубокими оврагами с крутыми обрывами. Следует отметить, что вдоль всего правого берега Днепра Приднепровская возвышенность расчленена густой сетью глубоких речных долин, оврагов и лощин (рис. 10, 1) ¹.

Вал и ров, формирующий пространство городища, лучше всего фиксируется в южной, западной и северо-западной частях, в восточной — на отдельных участках. Высота вала на наиболее хорошо сохранившихся участках достигает 4—5 м (рис. 10, 3). Там, где он проходит вдоль глубоких яров и оврагов, вал имеет еще и вид эскарпа высотой до 8 м. С северной стороны границей городища был высокий (до 100 м и более) берег Днепра. Площадь всего городища ориентировочно определена около 524 га ². Общий периметр городища — не менее 9,8 км, длина собственно оборонительных сооружений могла достигать 5,4 км.

В северо-западной части городища находится отдельное внутреннее укрепление, имеющее название «Малые Валки» (рис. 10, 2). Оно находится на большом холме с почти плоской вершиной в 450 м от береговой линии. С запада оно примыкало к валу большого укрепления, с восточной стороны его границей была небольшая балка, по краю которой была выстроена каменная ограда. С севера границей является небольшой яр, а с юга — глубокий овраг. Вал большого укрепления на этом участке достигал высоты от 3 до 8 м, при ширине основы 12—15 м, ров имеет глубину 3,5 м от современной поверхности [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 86]. Внутреннее укрепление занимает практически всю площадь холма и было раскопано Г.Т. Ковпаненко полностью. Однако, размеры этого укрепления до конца не ясны, поскольку в разных работах приводятся совершенно разные параметры. Так, в одной из работ Г.Т. Ковпаненко указывается, что площадь холма составляет 340 × 450 м (1,53 га) [Ковпаненко, 1971б, с. 117], в другой — 0,856 га [Ковпаненко и др., 1989, с. 15], а Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик указывают площадь более 182 га [Фиалко, Болтрик, 2003, с. 9]. Здесь выявлено 40 жилищ и более 50 хозяйственных построек [Ковпаненко и др., 1989, с. 15].

Если ориентироваться на те пространственные привязки, которые указывают Г.Т. Ковпаненко, а также В.В. Петрашенко и В.К. Козюба относительно локализации Малых Валков, а также на один из планов, приведенный в отчете за 1968 г., то его площадь должна быть около 9 га. Это в том случае, если с севера действительно границей поселения является небольшая балка. Если же ориентироваться на составленный Г.Т. Ковпаненко план городища [Ковпаненко и др., 1989, рис. 3, 3], то северной границей городища является обрыв коренного берега, и в таком случае площадь участка составляет около 14,5 га.

На городище проводились раскопки. Полученные материалы относятся ко второй половине VII — началу VI вв. до н. э. Известно, что Малое укрепление было заселено полностью, однако, поскольку материал не опубликован, плотность застройки неизвестна. Территория большого городища была заселена незначительно. Кроме Малых Валков, в рамках большой системы укреплений зафиксированы следы культурного слоя в ур. Шпильки, Великие Валки, на Марковой горе (северная часть городища), на плато на восток от нее, в ур. Левадки, на горе Здыхальня и возле геодезического знака [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 88]. Керамика раннескифского времени была найдена и в южной части городища на участке примыкающем к оборонительному валу [Фиалко, Болтрик, 2003, с. 62—66].

По разведкам в округе городища известны поселения, но их хронология не выяснена. К югу от городища находятся курганные могильники, в их числе и такие известные курганы, как у с. Бобрица, Пищальники, Синявка и др. [Ковпаненко, 1981].

Также к югу от Трахтемировского городища, вдоль правого высокого берега Днепра, на участке протяженностью около 30 км на различном удалении известно еще как минимум семь городищ меньшей площади, время сооружения которых относится к скифскому времени. Это городище на горе Виха (или Бучак), городище в уроч. Вал возле с. Григорова, городище на Марковой горе и возле с. Черныши, и дальше ниже Канева — Большое и Малое скифское городища (описания и локализация по: [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 86—88, 97, 138—139, 164; Максимов, Петровская, 2008, с. 30; Болтрик и др., 2010, с. 38—39]). Однако, в рамках скифской эпохи, и время их сооружения, и длительность функционирования могли быть различными, по крайней мере, складывается впечатление, что не все они существовали одновременно. Среди последних заслуживает внимания **городище Виха (Бучак)** ³. Оно на-

1. Оцифровка участка проведена по карте масштаба 1 : 10000.

2. Определение точной площади затруднительно, так как валы фиксируются не по всему периметру. Согласно Г.Т. Ковпаненко, его площадь 500 га [Ковпаненко и др., 1989, с. 14], а по Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрику — около 630 га [Фиалко, Болтрик, 2003, с. 9].

3. Описание городища дано по данным кратких сообщений [Болтрик и др., 2010]. Не существует ни одного опубликованного плана городища.

ходится в 1,3 км от берега Днепра и охватывает три холма в северной, северо-западной и юго-западной частях плато. ЮВ часть городища охватывает верхнюю часть ложбины. Участок городища — это одна из наиболее высоких точек Каневских гор в этом регионе (абсолютная высота в балтийской системе — 244 м над уровнем моря) [Дараган, 2007, рис. 21, 1]. Городище имеет неправильную овальную форму с двумя выступами в ЮВ и СЗ направлениях, охватывая самые высокие участки плато. Его максимальные размеры 0,55 × 0,65 км или же 0,3 × 0,8 км. Площадь городища 20 или 24,8 га [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 164; Болтрик и др., 2010, с. 38]¹. Сейчас городище полностью заросло лесом. По всему периметру оно окружено валом высотой до 3 м. Общая длина укреплений по периметру — более 2 км. В некоторых местах просматривается два ряда валов, ров и эскарпированные склоны [Болтрик и др., 2010, с. 38].

Внутри городища имеется один вал, которым оно разделено на две части [Петрашенко, Козюба, 1999, с. 164] или же два вала высотой 0,5 и шириной 4—5 м. Один из них длиной до 150 м, расположен в СЗ части городища, простирается почти параллельно его линии укреплений, в 25—30 м от внутреннего края вала. Внутренний вал не имеет следов рва по бокам. Еще один участок с такой насыпью расположен в СВ части городища и проходит под углом к его укреплениям с СЗ на ЮВ на расстоянии 30—50 м от вала. Длина этого отрезка 70 м [Болтрик и др., 2010, с. 38—39].

Раскопки на городище проводились в 1989—1991 гг. Н.П. Шевченко. Были открыты комплексы жилого и культового характера, датированные второй половиной — концом VI вв. до н. э. [Шевченко, 1993, с. 134—136; Петрашенко, Козюба, 1999, с. 164]. Однако материалы не опубликованы, а отчеты о проведенных работах в архиве ИА НАН Украины отсутствуют и, тем самым, время существования городища не совсем ясно².

Что касается двух таких широкоизвестных городищ как Большое и Малое скифское, то с ними также много неясного. Малое скифское городище — это классическое мысовое городи-

ще площадью до 2 га. Оно укреплено с напольной стороны тремя рядами рвов и валов. Кроме одной ямы с материалом скифского времени, культурный слой здесь не выявлен.

Большим скифским городищем принято называть высокую валообразную возвышенность размером 150 × 300 м, вытянутую с В на З вдоль края крутого берега Днепра [Богусевич, 1952; Бондар, Мезенцева, 1957, с. 73—74]. Однако, четких следов фортификации, т. е. основного признака, по которому городище собственно и считается городищем, там нет. И, что немало важно, отсутствуют сведения о четко выраженном культурном слое. По этой причине и плана городища не существует. Считается, что на Большом скифском городище В.А. Богусевич открыл два наземных жилища и культовое сооружение жертвенник [Богусевич, 1952]. Однако, на самом деле локализация места раскопок не ясна. В 1957 г. Н.Н. Бондарь и Г.Г. Мезенцева исследовали плато между Марьиной горой и предполагаемым участком Большого скифского городища и, скорее всего, именно на этом участке и были исследованы данные объекты³. В связи с этим Е.Ф. Покровская предположила, что, возможно, городищем является большое плато между этим так называемым Большим городищем, ограничивающем плато с ЮЗ, и Марьиной горой с СВ. С северной стороны к плато примыкает Малое скифское городище. Т. е., речь идет о плато размером 430 × 220 м, естественно укрепленном со всех сторон [Покровская, 1962, с. 42]. Как будто материалы обоих памятников относятся к концу VII(?) VI — началу V вв. до н. э., но эти данные нуждаются в уточнении.

СЕВЕРНАЯ ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ДНЕПРОВСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ

Ходосовское городище или же городище Круглык — самое северное из больших городищ Правого Берега Днепра⁴. Оно устроено на участке со сравнительно низким членением рельефа на расстоянии не более 7 км от современного русла Днепра, по обоим берегам правого притока Днепра р. Вита. Валы городища в виде двух подков охватывают русло этой реки. На левом берегу вал идет вдоль низкого пологого склона; на правом берегу вал построен на более высоком участке, по середине водораздела рр. Вита и Пегиль (правый приток Виты) (рис. 11, 1). Таким образом, перед валом с юга и севера были превосходящие высоты (или же соразмерные по высоте) по отношению к тем, на которых была устроена фортификация с этих сторон. С напольной юго-западной стороны перед валом за-

1. Е.В. Максимов и Е.А. Петровская указывают площадь до 90 га [Максимов, Петровская, 2008, с. 30].

2. Возможно, что в регионе в 7 км западнее городища Виха есть еще одно круглое городище у с. Черныши, площадью более 30 га, расположенное на возвышенности между двумя заболоченными балками. Оно обозначено на военно-топографической карте XIX в. Российской империи, и также его очертания вполне удовлетворительно дешифруются на космоснимке. Исследования на городище не проводились. Однако топография, размеры и особенности фортификации типичны именно для скифского времени. Искренне признательна В.К. Козюбе за ценные консультации по расположению городищ скифского времени на Каневщине.

3. Искренне признательна Е.В. Синице за помощь в локализации городищ.

4. Оцифровка участка проведена по карте масштаба 1 : 10000.

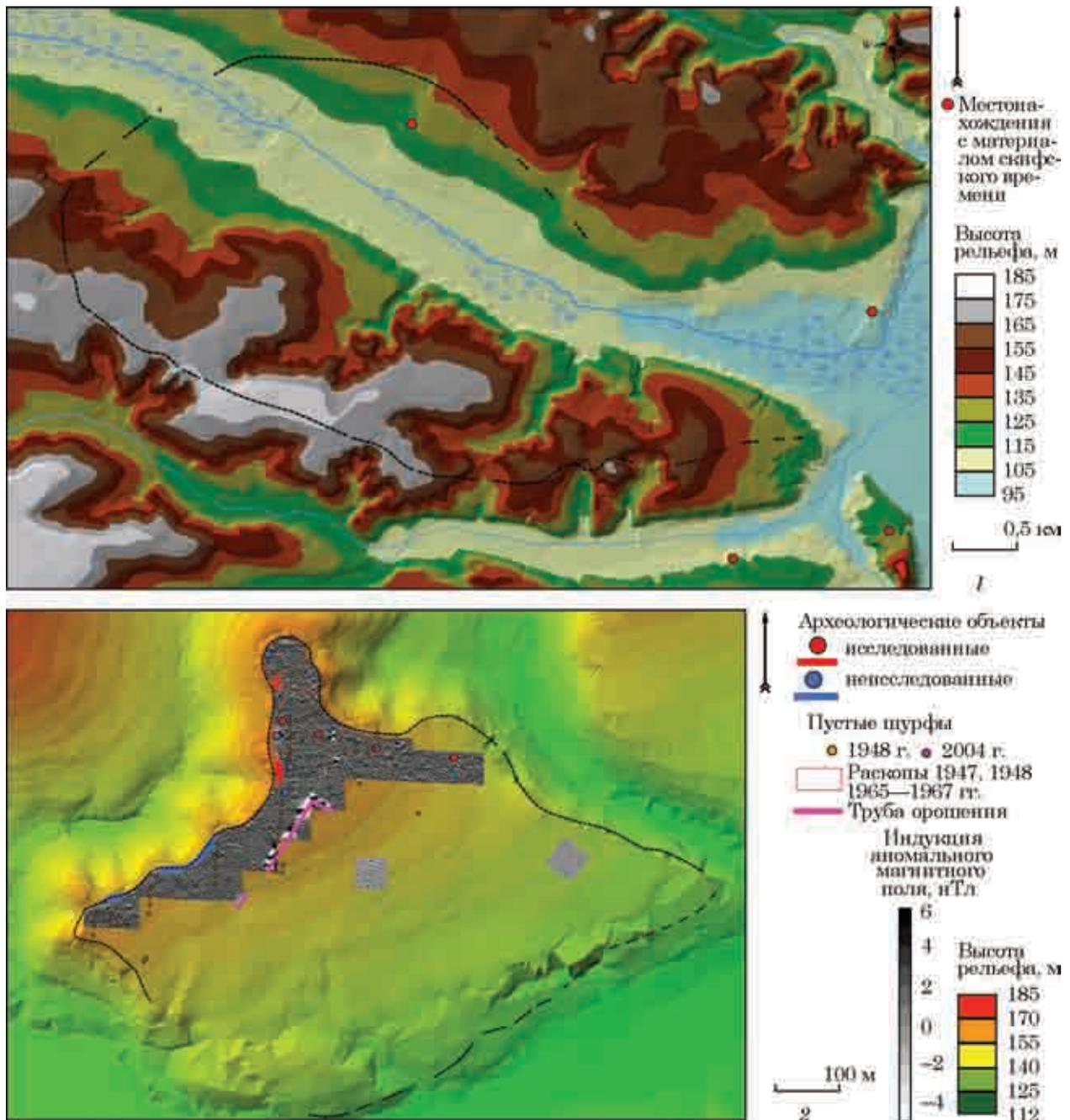

Рис. 11. Хотовское городище, план, ЦМР (TIN) (1), с совмещенной картой магнитной индукции и локализованными местами раскопок и шурфовок (2)

метны следы рва, по которому течет ручей — левый приток р. Виты. Вал в междуречье рр. Вита и Петиль достигает в высоту 5 при ширине 20 м. С южной его стороны хорошо прослеживается и ров, глубиной до 2,5 м [Ковпаненко и др., 1989, с. 140; Петрашенко, Козюба, 1993, с. 12—13; Максимов, Петровская, 2008, с. 15]. Площадь городища может достигать 1200 га¹, периметр — 15 км. Точную площадь назвать нельзя, так как отсутствуют оборонительные сооружения с западной стороны.

1. В литературе указывается площадь городища в 2000 га [Ковпаненко и др., 1989, с. 14].

Возможно, с городищем связаны еще два вала. Один из них обнаружен в 0,7 км к востоку от края с. Кренищице. Он начинается в долине р. Виты в 0,6 км к востоку от моста через нее. Вал опускается в небольшую ложбину и следует на С с небольшим отклонением к З. Общая длина этого вала 1,1 км, ширина 15—20, высота варьируется от 2—3 до 5—6 м. Ров заметен с востока на всем протяжении вала. Его глубина от 1,5 до 3, ширина 7—10 м. Этот вал по форме и размерам аналогичен валу городища, хотя непосредственно с ним и не соединен [Петрашенко, Козюба, 1993, с. 32].

Второй вал находится в 1,2 км от с. Круглык. Сохранился участок длиной около 50 м.

Этот вал расположен перпендикулярно долине р. Виты. Высота вала около 2, ширина 8—10 м, с обоих боков его сохранились рвы глубиной около 0,7 м [Петрашенко, Козюба, 1993, с. 12].

На городище проводились только разведки. Материалы не опубликованы, но указывается, что они соответствуют VI—V вв. до н. э. [Ковпаненко и др., 1989, с. 140].

В округе городища известно также не менее 13 поселений, курганы и грунтовые могильники [Петрашенко, Козюба, 1993, с. 33; Безсонова, 2001, 68], однако их соотношение с городищем не ясно. Например. С. С. Безсонова, полагая, что все вышеперечисленные городища относятся к VI—V вв. до н. э., отмечала, что дружинные некрополи к этому времени уже прекратили свое существование [Безсонова, 2001, с. 68].

В 5 км к северу от Ходосовского городища находится Хотовское городище. Расположено на природном холме высокого левого берега р. Вита и занимает площадь около 35 га. На городище проводились раскопки, а также проведены геофизические исследования (рис. 11, 2). Установлено, что заселены были только участки вдоль оборонительного вала городища [Покровська, 1952, с. 12—20; Петровська, 1970, с. 130—138; Дараган и др. 2016]. Остальная площадь городища в жилищных и производственных целях не использовалась. Материалы соответствуют концу VII в. до н. э. — третьей четверти — концу VI в. до н. э. [Дараган, 2005, с. 256—261].

К ЮЗ от Ходосовского городища находится небольшое Малое Ходосовское городище. Занимает высокий останец, вытянутый с С на Ю. Его высота со стороны долины Днепра до 67 м, а со стороны болотистой долины поймы р. Гвоздовки — 40 м. В плане имеет вытянутую овальную форму размером 60 × 140 м (0,8 га). С напольной стороны сохранился вал высотой 5—6 м [Петрашенко, Козюба, 1993, с. 17; Максимов, Петровская, 2008, с. 14]. На городище проводились небольшие раскопки. Материалы не опубликованы, но указывается, что они соответствуют VI—V вв. до н. э. [Максимов, Петровская, 2008, с. 14].

В 52 км к западу от Ходосовского городища находится **городище Млынок** (или Вепрык). Устроено на равнинном, низменном (ныне поросшем лесом) берегу и на отдельных заболоченных участках¹. В плане городище имеет неправильную овальную форму, в поперечнике около 1 км. Его общая площадь около 40 га. С ЮЗ на СЗ через городище протекает р. Ирпень, а с ЮВ на СЗ русло ее притока — р. Веприк. С Ю, З и В стороны городище обнесено валом и рвом, но при этом в трех местах с С, З и В

городище имеет весьма широкие естественные разрывы (рис. 12, 1). Большая часть городища занимает низменные, подтапливаемые участки [Кучера, 2001, с. 141; Лысенко и др., 2010, с. 128—131].

Проведена тахеометрическая съемка вала и рва северо-восточного сектора городища, согласно которой высота вала достигает 3, ширина 20 м. Глубина рва 2—2,5, ширина — около 15 м. Уклон вала — до 45°. Профиль вала типичен для городищ раннескифского времени (рис. 12, 2, 3) [Лысенко и др., 2010, с. 128—131].

На городище было заложено несколько разведочных шурфов. Комплекс керамики из них был датирован VI—V вв. до н. э. [Безсонова, Скорый, 1982, с. 3]. Однако эту дату трудно считать окончательной. Подобные же типы посуды встречаются и в комплексах конца VII — начала VI вв. до н. э. [Дараган, 2010б, с. 190, рис. 6].

ЮЖНАЯ ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ДНЕПРОВСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ

В этом регионе известно четыре небольших городища: **Пастырское** площадью около 25 га, **Шарповское** площадью около 16 га, **Макеевское** площадью около 24 га и **Будянское** площадью около 20 га [Фабрициус, 1949]. Е.В. Покровская считала, что «эти городища образуют одну группу, расположенную на водоразделе между рр. Турья и Ташлык, на расстоянии 3—7 км одно от другого» [Дараган, 2017, рис. 25]. Городища спрятаны в глухом месте среди природных складок, холмов, яров и балок. В районе расположения этих городищ известны отдельные отрезки земляных валов, не связанные непосредственно с городищами, но, возможно, имевшие к ним какое-то отношение [Покровская, 1962, с. 10]. Подобной точки зрения придерживается и Ю.В. Болтрик, полагая, что «в древности должны были существовать валы, которые бы окаймляли всю эту территорию, сопоставимую по площади со всем Бельским городищем» [Болтрик, 1993, с. 40—42]. Отрезок вала упомянут В.Б. Антоновичем между сс. Оситняжка и Пастырское [Антонович, 1895, с. 139]. И.В. Фабрициус указывала, что два вала были обнаружены Тясминской экспедицией 1939 и 1946 гг. Один из них, длиной 150—200 м, находится в лесу в 1—2 км к ЮЗ от Шарповского городища, между двумя большими оврагами, другой вал расположен к ЮВ в 0,5—1 км от Будянского городища². На

2. В 1987 г. в этом регионе проводили разведку В.П. Григорьев и М.П. Сиволап. В районе с. Буда-Макеевка, к югу от села было обследовано ур. Похилый Яр и территория к западу от него. Территория к востоку от яра, где И.В. Фабрициус помещает скифское Буда-Макеевское городище, частично занята

1. Оцифровка участка проведена по карте масштаба 1 : 5000. Опубликованный С.С. Безсоновой и С.А. Скорым план городища не соответствует действительности [Безсонова, Скорый, 1982, рис. 1].

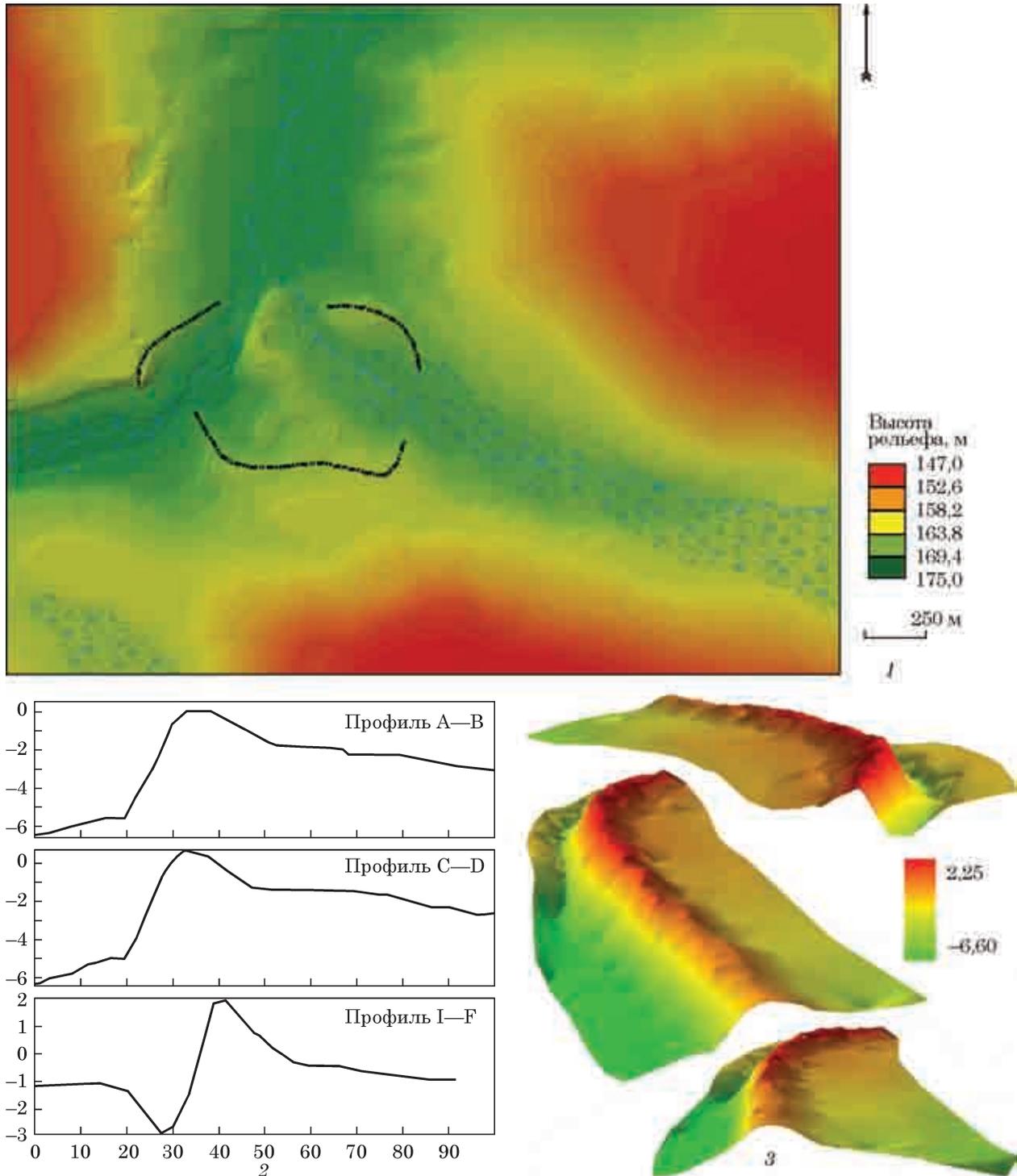

Рис. 12. Городище Млынок: 1 — план, ЦМР (TIN); 2, 3 — 3D-моделирование СВ сегмента оборонительного вала

сегодняшний день эта информация не имеет подтверждения.

Три городища, — Шарповское, Макеевское и Будянское, — мысового типа. Исходя из оуб-

колхозным садом, а частично пашней. Валов и их следов на данной площади не отмечено, подъемного материала не обнаружено. По-видимому, вследствие вспашки и другой интенсивной деятельности, валы городища полностью уничтожены [Григорьев, Сиволап, 1987, с. 10].

ликованных И.В. Фабрициус материалов, городища датируются VI — первой половиной — серединой V вв. до н. э. [Фабрициус, 1949].

Пастырское городище относится к другому типу. Расположено в условиях низкой топографии среди естественных природных возвышенностей, яров и балок. Валы городища окаймляют пространство вокруг речки Сухой Ташлык. В плане имеет грушеподобную форму. По периметру обнесено валом и рвом,

площадь около 25 га. Из этой территории около 5 га занято болотом, прудом, речкой. Сухой Ташлык делит городище на две неравные части. Левобережная его часть имеет площадь около 5 га, которая еще одним валом делится на две части. Площадь правобережной части около 15 га. Северо-западная правобережная часть на площади 0,5 га была отгорожена от основной территории тремя кольцевидными линиями валов высотой 1—1,5 м; не сохранились [Дараган, 2017, рис. 26].

Вал городища на некоторых участках сохранился на высоту до 3—3,5 м, а ров преимущественно имеет глубину 2—4 м. По мнению О.М. Приходнюка, на городище был один въезд с юга, сохранившийся до нашего времени. Еще один въезд был на правобережную часть городища. Укрепления ЮВ левобережной стороны построены по контуру природного яра. Впрочем, даже здесь расстояние от дна яра (рва) до вершины вала составляет 12—14 м [Приходнюк, 2005, с. 12—13].

На городище выявлены материалы не только скифского, но и раннесредневекового времени (славянские). Раскопки на нем проводились в основном именно в связи со слоем славянского времени, вскрытая площадь очень значительна и тем самым позволяет судить о пространственном распространении на памятнике и комплексов скифского времени.

На правом берегу большая часть внутренней площади городища, прилегающей к валу, едва понижается в направлении р. Сухой Ташлык. На этой территории прослежен интенсивный раннесредневековый культурный слой. Ближе к воде склоны обрывистые, высотой 15—20 м. Их крутизна достигает 30—36°. В этой части городища исследовано не более 5 разновременных комплексов скифского времени.

Более низким является левый берег реки, его высота не превышает 5—7 м. Образованная терраса полого понижается в сторону реки. На этой части городища выявлен интенсивный культурный слой раннесредневекового времени, а также 10 объектов скифского времени [Яковенко, 1968, рис. 1].

Материалы с Пастырского городища датируются VII—IV вв. до н. э. Впрочем, в публикациях отражены только материалы конца VII — первой половины V вв. до н. э. [Яковенко, 1968, с. 186].

В целом, можно вполне определенно говорить о слабой заселенности городища в скифскую эпоху.

Непосредственно возле Пастырского городища к югу от него находится курганный могильник скифского времени из 19 насыпей, исследованный в 1900—1901 гг. В.В. Хвойкой и Н. е. Бранденбургом.

Если вернуться к обсуждению возможного объединения всей группы городищ единой системой фортификации, то стоит учитывать

асинхронность их сооружения. Шарповское и Макеевское городища были сооружены позже Пастырского. Наиболее вероятное время их существования — вторая половина VI — начало V вв. до н. э.

Примечательно, что к западу и к югу от этой группы городищ расположены многочисленные широкоизвестные скифские курганные могильники — Журовские, Макеевские, Оситняжские, Репяховатые и др. Известны и отдельные поселения, но данные по ним пока не обобщены.

На левом берегу Днепра в Террасовой Лесостепи большие городища скифского времени не возводились. Как уже отмечалось выше, попытка разместить в этом регионе огромное Каратульское городище неудачна. Здесь в Чернобаевском районе Черкасской области известно только три мысовых городища: возле с. Крутьки площадью более 20 га, у с. Васютинцы площадью около 30 га [Телегин, Дяденко, 1970, с. 171 — 175] и Липляве (или Дудаев городок) площадью 12 га [Роздобудько, Костюк, 1998, с. 140—141].

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ. СРЕДНЕЕ ПОВОРСКЛЬЕ

Бельское городище. Самое крупное из известных не только в Украине городищ находится в Среднем Поворсклье. Однако, в данном случае речь идет не об одном городище, а о системе взаимосвязанных на определенном этапе городищ: Западном Бельском городище (ЗБГ), Восточном Бельском городище (ВБГ) и Большом Бельском городище (ББГ). Большое Бельское городище охватывает огромный участок верхней части водораздела р. Ворсклы и Сухая Грунь. Вал Большого городища с востока тянется на всем протяжении вдоль высокого правого берега р. Ворсклы, а с запада на большей части по краю менее высокого берега р. Сухая Грунь. С юга и севера вал идет по краю располагающихся соответственно севернее и южнее больших участков водоразделов. Т. е., перед валами с юга и севера были превосходящие высоты (или же соразмерные по высоте) по отношению к тем, на которых была устроена фортификация с этих сторон. С запада на восток территорию, окруженную валом ББГ, перерезают два больших оврага, от которых на север и юг отходят меньшие овраги (рис. 13).

Западное Бельское городище устроено на пониженном участке, который полого спускается к р. Сухая Грунь. Западный его вал идет прямо по краю левого берега реки. Восточное Бельское городище построено в 4,2 км восточнее Западного в других топографических условиях — на участке вдоль высокого правого берега р. Ворсклы. При этом южная часть городища включает и наиболее высокий участок

Таблица 1. Опубликованные результаты обмеров Бельских городищ

Литература	ББГ		ВБГ		ЗБГ	
	Площадь, га	Протяженность валов, м	Площадь, га	Протяженность валов, м	Площадь, га	Протяженность валов, м
Шрамко, 1975; 1987	3868 и 4020,6	33833	65,2	3870	72	3270
Мурзін и др., 1999	5013 *	—	85	—	95 **	3523
Гавриш, Копил, 2010	4590 и 4780	33200	72	4250	85	3550
Кушнір Л.Л., Кушнір Л.М., 1999	4875,2	—	75,5	—	86,5	—

* Только ББГ, без ВБГ и ЗБГ 4818. ** Вместе со рвами.

рельефа в рамках всего Бельского городища¹. Именно на этом участке было устроено одно из святилищ городища с деревянным храмом (раскоп 30) [Дараган, 2017, рис. 28].

Существует несколько замеров площади и периметра оборонительной системы всего Бельского городища и отдельных его укреплений. При этом разница между замерами для Западного и Восточного городищ достигает 15—20 га, а для Большого Бельского городища — более 1000 га (табл. 1).

Не в последнюю очередь это связано с принципами измерения: по внутреннему контуру вала, по гребню вала или же по внешнему контуру оборонительного рва.

Мои замеры проведены по топографической карте масштаба 1 : 10000 совмещенной с космоснимками, на которых хорошо дешифрируется вал почти на всей его протяженности, по его условному гребню, и, в целом, совпадают с данными [Кушнір Л.Л., Кушнір Л.М., 1999, с. 106—120]. Площадь Западного Бельского городища — 89,4 га, протяженность валов 3,6 км; площадь Восточного — 75,6 га, протяженность валов 4 км; площадь Большого — 4877,6 га, протяженность валов (включая внешний периметр Западного и Восточного городищ) — 33 км. Высота вала на всех укреплениях достигает 5—6 м. Б.А. Шрамко отмечает, что на отдельных участках сохранились валы на высоту 9—10 и рвы до 6 м глубиной [2007, с. 323].

Западное и Восточное Бельские городища не были синхронными на всем протяжении своего существования. Материалы Западного Бельского городища относятся ко второй половине VIII — началу V вв. до н. э. [Шрамко, 2004, с. 103—106], тогда как материалы Восточного Бельского городища — к VI—IV вв. до н. э. Возникновение же Восточного городища относится к середине — третьей четверти VI в. до н. э. [Задніков, 2014, с. 9].

В Украинской Лесостепи Западные и Восточные Бельские городища наиболее исследованы. Учитывая количество вскрытых комплексов, может сложиться впечатление, что они заселе-

ны на большей площади. Однако, учитывая длительность функционирования городищ, не известно пока соотношение и плотность в их заселении в различные временные промежутки. Например, считается, что весьма плотно было заселено Восточное Бельское городище. Более того, указывается, что при раскопках Восточного Бельского городища обнаружены ремесленные кварталы, общественные здания, выделены усадьбы различных слоев населения [Шрамко, 2012б, с. 7]. Однако, по сей день не проведено хронологическое членение комплексов внутри раскопов Восточного городища. При этом достоверно известно, что ни один из открытых комплексов не существовал на протяжении 300 лет, а как они и в каком количестве между собой соотносятся — неизвестно. Поэтому идея о весьма плотном заселении городища, по всей видимости, нуждается в корректировке. Сведения всех раскопов Бельского городища вполне определенно показывает, что в рамках каждого из них существуют большие свободные пространства. Однако, представление о том, что все, что объединено в одну систему, и все, что выявлено, существовало одновременно — породило миф, пропагандируемый по сей день об огромном населении, проживавшем на Бельском городище на протяжении всего времени его существования. Это совершенно не следует из археологического материала.

В рамках Большого укрепления известны отдельные селища, а в IV в. до н. э. и два небольших курганных могильника [см. напр.: Кулатова 1996, с. 121—137; Мурзін и др., 1999, с. 26—27].

В округе известны поселения, а к западу от городища — многочисленные могильники. Как правило, их включают в т. н. сельскую округу городища, площадью до 750 км² [Гавриш, 2002, с. 76].

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ. ПОСУЛЬЕ

Басовское городище. Является наибольшим в регионе. Первоначально считалось, что городище было устроено на трех небольших отрогах водораздела, разделенных ярами. Но ис-

1. Оцифровка участка проведена по карте масштаба 1 : 10000.

следованиями В.А. Ильинской в 1947 г. были получены новые данные о системе укреплений и площади городища [Ллїнська, 1949, с. 143—144; 1952, с. 34]. Как сейчас представляется, городище расположено на высоком правом берегу р. Хмелевка (правобережный приток р. Сула) в верховьях яров, впадающих с левой стороны в долину р. Хмелевки (посредине между сс. Басовка и Большие Будки). Оно устроено на участке плато и трех его отрогах, разделенных между собой ярами. Три отрога представляют собой отдельные укрепления городища. Каждый из них с трех сторон (З, Ю и В) окружен ярами, склоны которых дополнительно укреплены системой рвов и валов, а с севера — насыпным валом¹. Высота валов доходит до 5, а глубина рвов до 2 м.

Крайняя западная, наиболее крупная и наиболее высокая площадка городища, — Башта, — отделена Широким яром от следующей с востока площадки, названной Аршавское. Третья, восточная часть, отделенная от Аршавского Цегельницким яром, называется уроч. Городок или Малый Городок. Башта и Аршавское соединены между собой в северной части проходом в валу. Далее на север, с напольной стороны, Башта и Аршавское ограждены двумя рядами валов, расположенных на расстоянии 60 м друг от друга. Валы эти постоянно распахивались и сегодня их высота не превышает 1 м. Все три площадки городища объединены в единое целое дугоподобным валом, который огибает их на расстоянии около 0,5 км на север и упирается западным и восточным концами в склоны яров. Каждая из площадок городища имеет свои собственные оборонительные укрепления. Вытянутая с Ю на С площадка Башты с севера ограждена валом высотой 5,5 м и рвом. Восточный конец вала загибается на ЮВ и, подходя навстречу небольшому отрезку вала от яра Широкого, образует проход между Баштой и Аршавским. Далее на запад вал исчезает, переходя в крутой обрыв площадки, а ров сливается со склонами яра. С СЗ, З и Ю площадка Башты ограждена двумя рядами валов со рвом между ними, которые идут и по склонам яра. Крайний внешний вал круто обрывается на склоне яра. С ЮЗ и Ю склоны Башты покаты и образуют четыре выступающих языка. Они ограждены теми же валами, что и Башта, без специальных укреплений.

Третья часть городища — Малый Городок, — занимает южный край третьего, вытянутого с СВ на ЮЗ отрога плато. Ограничена с В, Ю и З сторон ярами, склоны которых дополнительно укреплены валами и рвами. От СВ, напольной части, она отрезана валом и рвом с проходом посредине. ЮЗ конец площадки Малого Город-

ка отделен невысоким до 1 м валом и неглубоким до 60 см рвом (рис. 14).

Считается, что наиболее укрепленной была западная часть — Башта, крутые склоны которой с ЮЗ и Ю стороны были обведены двойным рядом валов и рвов. Третий вал сейчас почти незаметный, проходил по верхнему краю площадки городища. Та часть, которая подступала с СВ, обнесена валом и была незаселенной.

Согласно В.А. Ильинской, площадь трех укрепленных отрогов составляла около 12 га.

К северу и к востоку от этих отрогов расположен большой напольный участок (предместье, по В.А.Ильинской), окруженный валом и рвом. В плане он имеет вид прямоугольника длиной 2 км и шириной 0,6 км. В.А. Ильинская указывала, что площадь участка 75 га. Ближе к отрогам участок разделен валом поперек. Высота валов 3, ширина рвов 2 м [Ллїнська, 1965]. В настоящее время на космоснимках удовлетворительно читается западная дуга вала большого напольного участка, а также часть фортификации укреплений отрогов. Дополнительные фортификации напольного участка, а также вал, объединяющий все три городища на отрогах, визуалью не виден. Тем самым весьма проблематична сверка площади городища, тем более, что, если исходить из данных В.А. Ильинской, то суммарная площадь городища составляет 89 га. Однако в литературе встречается цифра и в 170 га [Граков, 1971, с. 136].

Памятник функционировал, возможно, еще со второй половины — конца VII в. до н. э. до конца IV в. до н. э. Впрочем, неизвестно непрерывно ли.

К З и к ЮЗ от Басовского городища расположены т. н. Посульские курганы, один из наиболее крупных скифских могильников (группы могильников) в Украинской Лесостепи архаического времени. Я не располагаю данными о наличии других поселений и городищ скифского времени в ближайшей округе к Басовскому городищу. В Посулье к скифской эпохе также относятся такие городища как Малый Вязивок, Хитцы, Глинское, Клепачевское, Сухонососовское, Свиридовское [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 330]. Иногда в региональную систему включают и городища, расположенные в бассейне р. Псел. Самое крупное здесь Кнышовское городище имеет площадь более 4 га. Все городища региона мысовые, малой площади. Все они основаны не ранее конца VII, а скорее всего, в VI вв. до н. э. и существуют до конца IV в. до н. э.

ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

Планы городищ позволяют определить их общие и различные черты, а также сгруппировать их по наиболее близким признакам.

Уже обращалось внимание на тот факт, что топография расположения городищ разная [Ковпаненко и др., 1989, с. 14].

1. Оцифровка участка проведена по карте масштаба 1 : 25000.

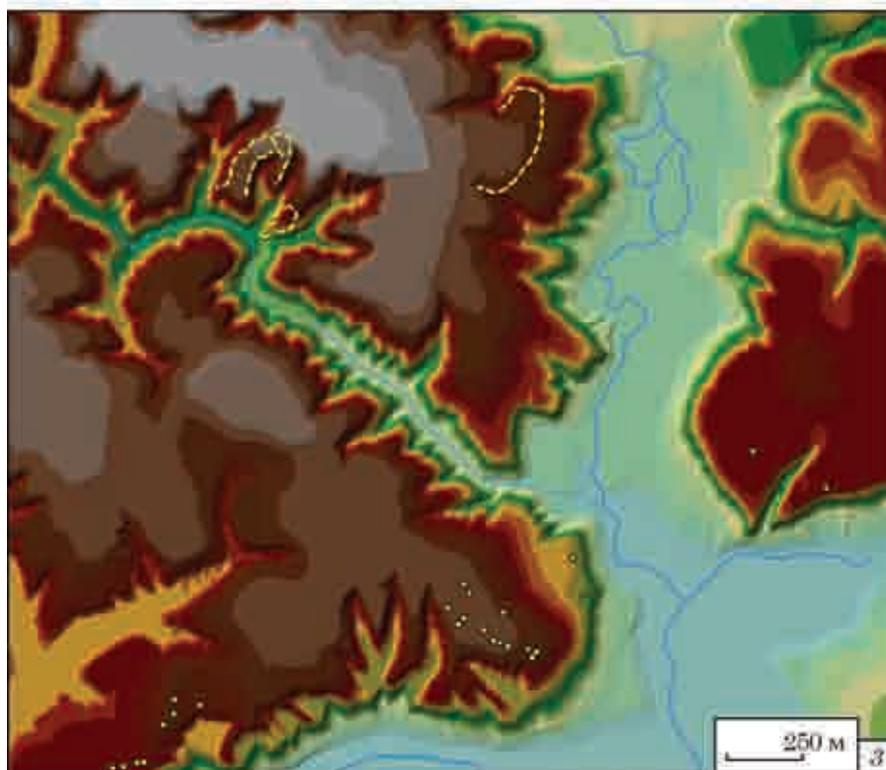
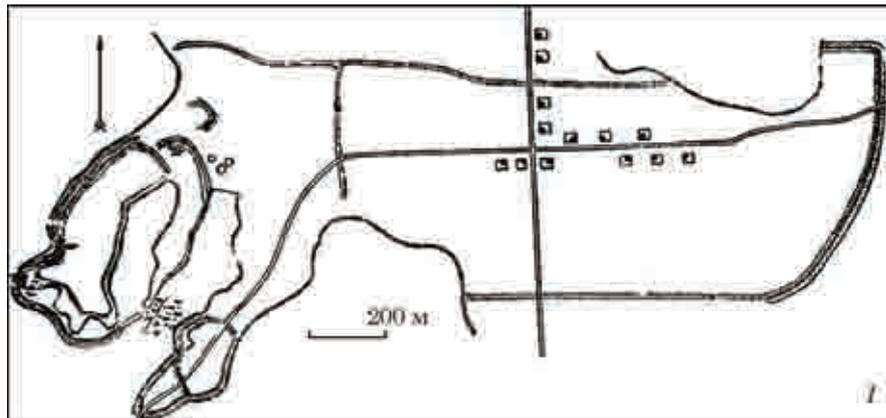

Рис. 14. Басовское городище: 1 — план (по: [Лллінська, 1949, рис. 3, 1]); 2 — укрепления Башта, Аршавское и Малый городок на космоснимке (Google) с обозначенной фортификацией; 3 — план, ЦМР (TIN)

Однако, рассмотрев пространственные характеристики всех крупных городищ, а для Правобережья и городищ с меньшими метрическими параметрами, можно сгруппировать городища по ряду весьма характерных общих показателей.

По топографии.

1. Одного порядка, со всей очевидностью являются городища Млынок, Пастырское, у сс. Комаровка, Немировское и Ходосовское. Их оборонительные системы окаймляют проточный водоем — речку.

2. Другого порядка такие гиганты как Мотронинское и Журжинецкое. Они устроены на высоких участках водораздела. В рамках Мотронинского городища также есть водный источник и, вполне вероятно, что он был и на Журжинецком. В известной степени сюда относятся и Трахтемировское городище, расположенное на высоком берегу Днепра на участке с сложнопересяченным рельефом.

3. Третья группа — городища Тараща и Западное Бельское. Они устроены на краях / склонах плато.

4. Четвертая группа — это типичные мысовые городища: Восточное Бельское, Хотовское, Макеевское, Будянское и Буда-Макеевское, Шарповское. Видимо, несмотря на всю запутанность конструкции, к этой группе относятся и Басовское городище.

Вполне очевидно вырисовывается, что на Днепровском Правобережье в рамках каждой системы существуют городища как с низкой топографией, так и с высокой. На Левобережье в Посулье и Поворсклье городища строились только в рамках высокой топографии. Хронологически все «низкие» городища более раннего времени — VII, возможно начала VI в. до н. э. «Высокие» тоже появляются в архаическое время, но при этом мысовые городища возникают не ранее конца VII в. до н. э., и доминируют в VI—IV вв. до н. э.

По планировке. Городища окружены одним валом и рвом или же имеют дополнительные валы и рвы, в рамках которых выделяются дополнительные укрепления и визуально видимое членение городища на части.

1. Все городища, имеющие проточный водоем, изначально поделены на две (Немиров, Ходосов, Пастырское) или же три (Комаров) части. Кроме того, на Немировском городище отдельным валом и рвом очерчена территория внутри городища, а также за счет ручьев территория большого укрепления поделена еще на несколько зон. Также отдельное, выделенное валом и рвом, укрепление устроено в центре Журжинецкого городища и еще отдельная зона обустроена в южной части городища, примыкающая к южному валу. На Трахтемировском городище валом и каменной стеной выделено отдельное укрепление, прилегающее к западной стене городища. К этой группе отно-

сится и Басовское городище, а также Большое Бельское городище с включенными Западным и Восточным Бельскими городищами. Кроме того, собственно Большое Бельское городище ярами и балками также разделено на дополнительные зоны. Однако, здесь может идти речь о разнице в хронологии (см. ниже). На собственно же Западном и Восточном Бельских городищах таких зон нет.

Весьма сложное деление (районирование) просматривается на Мотронинском городище. Здесь, помимо внешнего кольца, имеется внутреннее, которое разделено на две зоны.

Если сравнивать эти городища с предшествующими, а отчасти и с синхронными в рамках других культур, то мы наблюдаем отрыв планировочной структуры городищ от рельефа окружающей местности и создание сооружений, стремящихся к правильной геометрической форме.

Также в них реализована общая идея фортификации — возведение вала и рва по всему периметру городища. Впрочем, следует оговорить, что это была условно замкнутая система, поскольку во всех случаях специфическая топография обуславливала включение в рамки городищ рек, ручьев и оврагов и, тем самым, обуславливала определенное число естественных разрывов в линии фортификации.

Еще одна характерная черта — выделение внутренних дополнительно укрепленных участков. Во всех случаях они занимают наиболее возвышенные участки в рамках городищ.

Хочу обратить внимание и на тот факт, что форма городищ и особенности топографии или всего городища, или определенных участков того или иного городища, не всегда могут быть объяснены только требованиями обороны. Здесь явно был задействован еще какой-то принцип¹.

Следует учитывать еще один момент. Кроме Трахтемировского городища, расположенного на высоком правом берегу Днепра, и Бельского городища — на берегу р. Ворсклы, — все остальные городища расположены вдали от

1. Считаю уместным привести высказывание А.А. Бобринского о нетипичности скифских городищ. Так, применительно к Немировскому и Мотронинскому городищам он отмечал следующее: «В плане Немировского городища, а отчасти и Мотронинского, поражает черта, вполне противоречащая стратегическим требованиям, а именно, что часть укрепления занимает места довольно низкие, таким образом, что над этой частью вала совершенно господствуют соседние высоты. При нынешних боевых условиях укрепление подобного рода теряло бы всякое значение, так как легко могло быть обстреливаемо с соседних высот. Очевидно, что в то время, когда сооружены были эти валы, не было никакой опасности, не говорю об огнестрельных, но вообще от каких-либо метательных орудий дальнего полета» [Бобринской, 1894, с. 60].

крупных водных артерий, некоторые в глухих и труднодоступных местах.

Пространственная идея, реализованная в больших городищах скифской эпохи, кажется принципиально отличной от реализованной в больших городищах как предшествующего, так и последующего времени в сопредельных регионах. Например, городища площадью более 100 га известны в культуре Гава-Голиград. Здесь, площадь городища Лисичники составляла около 140 га [Завітій, 2011, с. 9]. В начале раннего железного века городища площадью до 500 га известны в юго-восточной Италии [Vanzetti, 2014, p. 411]. Но их топография другая, это мысовые городища, природно укрепленные, когда, как минимум, с двух сторон городище имело естественные укрепления. И вообще, так или иначе, но на всех городищах предшествующей эпохи прослеживается именно этот принцип — строительство на участке, изначально обеспеченном естественной обороной. В большинстве случаев это края плато, мыса и т. д. Впрочем, в рамках той же культуры Гава-Голиграды известны и городища круглой формы с массивным кольцевым валом по всему периметру, расположенные в условиях низкой топографии по обоим берегам небольшого водоема (ручья или маленькой реки) сравнительно большой площади. Это городище Кульчицы площадью 80 га, городище Рухотин — более 20 га [Завітій, 2011, с. 17—18, рис. 16, 17]. По времени они, кажется, синхронны раннескифским.

Расстояние между городищами. В основном городища занимают своего рода центровые позиции, к которым тяготеют остальные поселения и могильники. Однако, на некоторых участках наблюдается повышенная плотность городищ. Например, городища Журжинецкое, Комаров и Моринцы расположены на линии СЗ—ЮВ на почти равном расстоянии друг от друга в 5,5—5,7 км. И далее от городища Комаров до городища Моринцы расстояние 5,5 км. В 35 км северо-западнее Журжинецкого городища находится городище Тараща.

К югу от Трахтемировского городища также находится несколько городищ, расположенных на определенном интервале друг от друга вдоль берега Днепра. В 14 км от Трахтемировского городища устроено городище Виха, а в 15 км — Большое и Малое Скифские.

Известны также места концентрации и малых городищ. Так на близком расстоянии расположены такие городища как Пастырское, Шарповское, Галуцинское и Макеевское. Однако, нет объективных данных о том, сосуществуют ли они во времени.

Между тем, существуют участки, на которых известны, например, могильники, но не выявлены пока поселения. И также существуют участки, на которых вообще не известно (возможно, пока не выявлено) ни городищ, ни селищ, ни могильников.

Так или иначе, но ключевой признак новой эпохи — это именно возведение фортификации вокруг участков с различной топографией. Поэтому как открытые поселения большой площади известны и в предшествующее время.

При этом вполне очевидно, что в ряде случаев речь идет о возведении замкнутой линии фортификации вокруг потенциально незаселенной территории (Большое Бельское городище, Трахтемировское, Ходосовское, Моринцы, Немировское, возможно, Журжинецкое). Однако, важно снова отметить, что во всех случаях это условно замкнутая система.

Еще один немаловажный момент. В большинстве случаев мы не знаем существовали ли эти большие укрепления сами по себе или же рядом с ними (а по идее и под их защитой) параллельно существовали и неукрепленные поселения. Пока для значительной части наблюдений ответ на этот вопрос отрицательный. Между тем напомним, что в рамках господствующей концепции это крупные центры на которых проживали огромные массы населения.

Время сооружения фортификаций городищ.

1. Для Мотронинского городища известна абсолютная дата возведения деревянной стены первого строительного периода. Согласно полученным дендродатам, деревянная внутривальная конструкция была возведена в 665—630 гг. или в 625—520 гг. до н. э. [Chochorowski et al., 2014, p. 653], но последняя дата авторами раскопок считается менее предпочтительной.

Авторы раскопок Я. Хохоровский и С.А. Скорый полагают, что окончательно вся оборонительная конструкция была возведена только ко второй половине VI в. до н. э. Основанием для этой даты являются находки невыразительных фрагментов античной керамики во рву третьего (последнего) строительного периода, датирующиеся второй половиной VI — началом V в. до н. э. [Chochorowski et al., 2014, p. 653]. Предполагается, что на рубеже VI—V вв. или в начале V в. до н. э. исчезли некоторые общественно-политические факторы, которые ранее стимулировали потребность в поддержке оборонительных укреплений. К этому времени также наблюдается почти полное прекращение поступления импортных товаров на Мотронинское городище [Скорый, 2003, с. 83].

Но, как мы видим, объективно данных для выделения дат, последующих за первым строительным горизонтом, нет. Находки во рву свидетельствуют о том, что ко второй половине VI в. до н. э. оборонительная система уже существовала и функционировала. Но вот когда было завершено ее строительство — еще в VII в. до н. э. или же в начале VI в. до н. э. — этого мы не знаем.

Между тем наблюдается очень интересный момент, связанный с хронологией городища. На территории городища известны весьма не-

многочисленные материалы еще VII в. до н. э. Они представлены резной геометрической керамикой жаботинского типа, отдельными наконечниками стрел и фрагментом расписной греческой ойнохой. К этому периоду относят несколько больших ям [Бессонова, Скорый, 2001, с. 125]. Большинство хозяйственных и жилых комплексов и материал из культурного слоя городища авторы раскопок относят к последней трети VI — первой четверти V в. до н. э. [Бессонова, Скорый, 2001, с. 125]. Т. е., основная жизнь на городище стабилизировалась и активизировалась уже после возведения оборонительной системы, которая, скорее всего, на этом этапе уже не поддерживалась. На то, что уже в V в. до н. э. оборонительная система точно не была востребована, указывает и тот факт, что всего в 150 м от нее был устроен большой курган для погребения аристократии [Скорый, Хохоровски, 2009, с. 243—276].

Таким образом, учитывая дискретность и малочисленность материалов второй половины VII в. до н. э. на территории городища, стоит признать, что, в любом случае, оборонительная стена первого строительного периода возводилась вокруг участка площадью более 100 га, практически не заселенного.

А между тем, периметр Мотронинского городища составляет не менее 3800—3900 м. Т. е., на первом строительном этапе только для возведения частокола требовалось не менее 11142 бревен¹ (и это без сооружения дополнительных деревянных конструкций).

2. Известна относительная дата времени сооружения **всей** оборонительной системы Трахтемировского городища. Здесь зафиксирован слой разрушения, лежащий поверх третьего (последнего) строительного периода. Это следы штурма городища группировкой, вооруженной раннескифскими наконечниками стрел. Также к штурму относятся находки железного акинака и греческой ойнохой. Атака имела место в конце VII — начале VI вв. до н. э. [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 82]. Скорее всего, это же время является финалом существования Трахтемировского городища². На этом городище также масштабные земляные работы были проведены для ограничения преимущественно незаселенной территории.

3. Прямых данных относительно времени возведения остальных городищ на правом берегу Днепра у нас нет. Все они косвенные. Так, время возведения укреплений Немировского

городища по всей видимости синхронно с Трахтемировским. Материалы из обоих памятников имеют много общего и не выходят за пределы первой половины VI в. до н. э. Основная территория памятника тоже была незаселенной.

Также косвенно устанавливается и время возведения остальных городищ — по дате находок, полученных в ходе раскопок (Тараща) или сбора подъемного материала (Журжинцы, Ходосов). Это же касается и городищ меньшей площади, например, Пастырского городища, материалы с которого датируются в том числе второй половиной VII в. до н. э. — первой половиной VI в. до н. э.

4. Неоднозначная ситуация с Бельским городищем. Этот памятник крайне неоднороден. Он развивался постепенно и в заключительном виде сформировался по разным предположениям в VII, начале, середине, конце VI или же даже в V в. до н. э. [Шрамко, 1973, с. 33; 2007, с. 323; Бойко, 1985, с. 87; Гавриш, 2000, с. 19]. Возведение первых трех строительных этапов всей фортификации Западного Бельского городища Б.А. Шрамко на основе находок отдельных фрагментов керамики в толще вала относил еще к VII в. до н. э. В насыпи вала четвертого строительного периода были найдены фрагменты античной керамики второй половины VI в. до н. э. (что требует уточнения) [Шрамко, 1987, с. 30]. Восточное Бельское городище он считал не намного моложе Западного [Шрамко, 1987, с. 31], полагая, что все укрепления были объединены валом Большого укрепления в VII — начале VI вв. до н. э. [Шрамко, 2007, с. 323]. Аргументом является культурный слой селища Царина Могила, расположенного с внутренней стороны вала Большого Укрепления, который перекрыл нижнюю полу насыпи последнего четвертого строительного периода [Шрамко, 1987, с. 33]. Кроме того, в почве гребня вала была сделана находка бронзового трехлопастного наконечника стрелы VII—VI вв. до н. э.

По мнению И.Б. Шрамко, сооружение фортификаций как Западного, так и Восточного городищ относится к середине VI в. до н. э. [Шрамко, 2012а, с. 172; 2012б, с. 6]. Время сосуществования Западного и Восточного укреплений, вокруг которых создается единая линия обороны Большого Бельского городища, относится к середине VI — середине V вв. до н. э. Это наиболее поздний этап в развитии Западного городища, жизнь на котором постепенно затухает. Во всяком случае, отложений и комплексов, датированных позже второй четверти V в. до н. э., на нем пока не обнаружено [Шрамко, 2010, с. 38]. Предполагается, что фортификация Большого укрепления, насыпи которого примыкают к основным рвам Западного и Восточного городищ, к середине VI в. до н. э. уже существовала [Гавриш, Копил, 2010, с. 160].

1. Если диаметр столбов был 20—25 см, а интервал между ними составлял не менее 20 см.

2. Вполне вероятно, что находка греческой ойнохой во рву связана с некоторыми действиями после штурма. Вызывает сомнения и то, что акинак был утерян. Вполне вероятно, что этот «набор» предметов, появился уже после столкновения и связан с проведением уцелевшими жителями городища определенных обрядовых действий.

Но уже со второй половины V в. до н. э. фортификация Западного Бельского городища, а в IV в. до н. э. и фортификация Большого Бельского городища не выполняла своих функций, так как на ее территории были устроены два скифских могильника. Объекты этого времени выявлены только на Восточном Бельском городище.

Для Днепровского Левобережья относительные данные также имеются только по времени возведения деревянной оборонительной стены Кнышовского городища. Здесь в деревянных оборонительных конструкциях первого строительного периода застрял двухлопастный наконечник стрелы VII — начала VI в. до н. э. [Гавриш, 2000].

Несмотря на эти и ранее для всех очевидные данные, в рамках концепции развития раннего железного века Лесостепи, например, все известные городища Правобережной Лесостепи были распределены на шкале скифского времени.

Так, к *раннескифскому* времени были отнесены Трахтемировское, Пастырское и Мотронинское городища.

К *среднескифскому* времени отнесено 14 городищ. Но названы были только следующие: Хотовское, Малое Ходосовское, Млынок, Макеевское, Буда-Макеевское, Чмыревка, Журжинцы. И еще два городища — Мотронинское и Пастырское — продолжают функционировать и в это время [Ковпаненко и др., 1989, с. 19—20].

А в *позднескифское* время считается, что были основаны и функционировали такие городища как Плискачевское и у с. Водяныки [Ковпаненко и др., 1989, с. 25].

В раннескифское время действительно возникли вышеперечисленные городища. Но вот относительно распределения на шкале периодизации скифского времени других городищ много вопросов и несоответствий. Например, нет никаких объективных данных о том, что именно в позднескифское время возникли такие городища как Плискачевское и Водяныки¹. На самом деле вообще никаких более или менее точных данных нет. То же самое относится к такому городищу как Чмыревка. Раскопки на этих памятниках не проводились, что собой представляет подъемный материал неизвест-

но. Неправомерно именно к среднескифскому времени и отнесение таких городищ как Млынок и Журжинцы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основании вышеприведенного анализа мы можем заключить следующее, что где-то в середине VII в. до н. э., не позже начала VI в. до н. э. население Лесостепи в разных регионах предпринимает существенные усилия для возведения оборонительных сооружений. По крайней мере, Мотронинское, Трахтемировское, с большой долей вероятности Немировское и Таращанское городища, были созданы именно тогда. Т. е., мы видим, что у социума возникла потребность в больших городищах. Но при этом это была потребность не в городищах как местах концентрации (проживания) больших коллективов. Население, очевидно немногочисленное, занимало сравнительно небольшие, но тоже огражденные участки, внутри больших городищ. Большие же части внутреннего пространства оставались незаселенным. Их функции остаются неизвестными. Это же справедливо и для «мелких» городищ, например, Хотовского. Поддержанная практически всеми скифологами точка зрения, что на территории больших городищ прятались в случае опасности жители окрестных поселков и мелких городищ со всем своим скарбом и скотиной на данный момент не находит подтверждения в археологическом материале. Нет однозначных данных о существовании одновременной (!) сети поселений в ближайшей округе этих городищ. В отношении многих городищ вообще нет данных о наличии возле них поселений.

Наблюдается четко продуманная стратегия строительства фортификации городищ. В основе — палисад, дополнительная деревянная конструкции и небольшой глиняный вал [Дараган, 2017, рис. 33—39]. При этом именно сооружение палисада вокруг большой площади было наиболее экономически трудозатратным мероприятием.

Палисад фиксировал и закреплял некое освоенное пространство. Он отделял территорию городища от природного ландшафта, и освоенная часть пространства становилась социально-культурным ландшафтом. Принципиально различный ландшафт городищ указывает на специфичность выбранных для них участков, что продиктовано, видимо, не только соображениями обороны. Следует отметить, что подобным образом интерпретировал сооружение фортификации первого строительного периода вокруг Западного Бельского городища и Б.А. Шрамко. Он писал: «Первые поселенцы обвели свою территорию небольшим рвом или канавкой, которая имела в верхней части ширину 60—65, внизу — до 25, глубину до 32 см.

1. Городище Водяныки (Звенигородский р-н Черкасской обл.) открыто И.В. Фабрициус. Находится на плато, над правым берегом оврага, в ур. Замчище. Имеет в плане округлую форму площадью около 300 м². Обведено валом и рвом. И.В. Фабрициус шурфовала городище и указала, что городище не представляет интереса для исследования из-за сильной разрушенности культурного слоя [Фабрициус, 1945, с. 2—3; Ковпаненко и др., 1989, с. 161]. Материалы шурфовок не изданы и в отчете также не приведены. На каком основании городище датируется весьма точно именно IV в. до н. э., неясно.

Военно-оборонительного значения эта канавка не имела, но сооружение ее соответствовало очень древним традициям, по которым вокруг нового поселения необходимо было провести ров или канавку. Это была черта, граница, которую проводили с соблюдением специальных обрядов. Эта черта должна была магически защитить население и его жителей от злых сил и одновременно определяла официальную границу поселения. Защита первоначально ограничивалась тем, что в упомянутую канавку с интервалом в 15—18 вбивали кольца толщиной 20—30 см, образующие основу изгороди. Промежутки между кольями закрывал плетень из прутьев. Таким образом, первоначальная ограда представляла собой простой забор в виде плетня» [Шрамко, 1999, с. 54].

С течением времени фортификация монументализируется, приобретая вид грандиозного вала и рва. Однако, идет ли речь о повторении поведенческой стратегии (т. е. использовании накопленного опыта и строительстве следующих этапов с учетом полученных рисков) или же о новой традиции — не ясно. Что касается хронологии, то сооружение фортификаций как будто завершилось к середине — концу VI в. до н. э. При этом, например, Трахтемировское городище вполне определенно демонстрирует «короткую» хронологию сооружения фортификаций. Более того, для Днепровского Правобережья нет данных о функционировании больших городищ во второй половине V — IV в. до н. э.

Появление подобного рода сооружений не следует из внутренней логики развития местной традиции фортификации. Предпринятый подход к рациональному использованию рельефа и фортификационным принципам отличается от того, что был здесь в предшествующее время. Эти сооружения возникли не в ходе эволюции, а как реакция на злобу дня.

Совокупность всех этих данных, в том числе связка укрепление + сеть неукрепленных поселений в округе, определяет ту их объяснительную модель, в которой они воспринимаются как центры племен и т. д. Однако, из имеющегося материала это никак не следует. Это не значит, что так не могло быть. Но этот вывод не обеспечивается в полной мере археологическим материалом. Мы не видим ресурсов этого социума, в первую очередь, демографических. Единственное, что наблюдаем, так это высокий уровень социальной стратификации в обществе (на что со всей очевидностью указывает погребальный обряд), и, то именно на этапе усилившейся стратификации у социума возникла потребность в больших городищах. Что стоит за этой потребностью — неизвестно. То ли попытка противостоять военной угрозе, то ли возникшая потребность в культурной и социальной самоидентификации.

Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии (приложение к XV т. «Древности»). — М., 1895. — 156 с.

Артамонов М.И. Археологические исследования в Подолии // Вестн. ЛГУ. — 1947. — № 12. — С. 134—135.

Бабенко Л.І. [Рец.:] Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010 // Древности. — 2010. — Вып. 9. — С. 358—364.

Безсонова С.С. Історія населення Середнього Подніпров'я в скіфські часи // Цивілізації давньої України. — К., 2001. — С. 103—111.

Безсонова С. Мотронинське городище // Пам'ятки України. — 2002. — № 2. — С. 22—32.

Бессонова С. Кургани ранньоскіфського часу на Київщині // Археологічні пам'ятки Фастівщини: проблеми дослідження і охорони. Науково-інформаційний бюлетень Прес-музей. — Фастів, 2001. — № 10—11 за 1998 р. — С. 67—70.

Бессонова С.С., Романюк В.В. Поселення скіфського часу на території м. Тараща // Археологія. — 2004. — № 2. — С. 90—102.

Бессонова С.С., Романюк В.В. Оборонительные сооружения скифского времени в г. Тараща и Змиевые валы // Музейні читання. Матеріали наукових конференцій 2002—2003 рр. — К., 2006. — С. 107—118.

Бессонова С.С., Романюк В.В., Скорый С.А. Зольник раннескифского времени из урочища Лысая Гора. — К., 1995. — 38 с.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Новое городище скифского времени на Киевщине // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1982. — С. 33—40.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — К. — Краков, 2001. — 157 с.

Білецька О.В., Нерода В.В. Звіт про обстеження пам'яток археології Звенигородського району Черкаської області в 1987 р. / НА ІА НАН України. — 1987/202.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб, 1894. — Т. 2. — 232 с.

Богусевич В.А. Канівська археологічна експедиція // АП УРСР. — К., 1952. — Т. III. — С. 141—153.

Бойко Ю.Н. Системный подход к изучению общественного развития населения Днепровского Лесостепного Левобережья в VII—III вв. до н. э. // Вестн. Харьковского университета. — 1985 — № 268. — С. 83—89.

Бойко Ю.Н. Социология Восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени) // Древности. — 1994. — С. 29—42.

Болтрик Ю.В. Основні скупчення поселенських структур в Середньому Придніпров'ї // Дослідження старожитностей України: Тези доп. наук. конф. Музею історичних коштовностей України — філії Національного музею історії України. — К., 1993. — С. 40—42.

Болтрик Ю.В., Ігначек М., Оледзкі Л. Дослідження Северинівського городища на Поділлі // АДУ 2009 р. — К., 2010. — С. 36—37.

Болтрик Ю.В., Карашевич І.В., Козюба В.К., Кравченко Е.А. Коротка інформація про результати досліджень Канівської експедиції // АДУ 2009 р. — 2010. — С. 38—39.

Бондар М.М., Мезенцева Г.Г. Археологічні дослідження Київського держуніверситету ім. Т.Г. Шевченка в Каневі в 1957 р. // Науковий щорічник за 1957 рік. — К., 1957. — С. 72.

- Вовкодав С. До проблеми позиціонування «зміювих» валів Переяславщини: історіографія питання // Мандрівець. — 2014. — № 6. — С. 16—21.
- Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'їлля). — Полтава, 2000. — 232 с.
- Гавриш П.А. Основа економічного расцвету города Гелона в V—IV вв. до н. э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.): Материалы III Междунар. конф. — Тирасполь, 2002. — С. 237—240.
- Гавриш П., Копил В. Загадка стародавнього Гелона. — Полтава, 2010. — 212 с.
- Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971. — 202 с.
- Григорьев В.П., Сиволоп М.П. Отчет о раскопках и разведках Черкасской Лесостепной археологической экспедиции в 1987 г. / НА ІА НАН України. — 1987/131.
- Дараган М.Н. Античная керамика из Хотовского городища скифской эпохи // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб, 2005. — С. 256—261.
- Дараган М.Н. Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования // Археология и геоинформатика. — М., 2010а. — Вып. 6. [Электрон. ресурс].
- Дараган М.Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // Античный мир и археология. — 2016б. — № 14. — С. 175—206.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепроградской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 848 с.
- Дараган М.Н., Разумов С.Н., Снытко Н.И. и др. Пространственное изучение Немировского городища // АДУ 2009 р. — 2010. — С. 113—115.
- Дараган М., Орлюк М., Роменець А., Бондар К. Интерпретация данных високоточной магнітної зйомки в складі археологічної ГІС (на прикладі Хотівського городища скіфської доби) // 15th EAGE International Conference on Geoinformatics — Theoretical and Applied Aspects (10—13 May 2016, Kiev, Ukraine). — Электрон. ресурс: <http://earthdoc.eage.org/publication/publicationdetails/?publication=84583>.
- Дараган М.Н. Городища-гиганты скифской эпохи в Украинской Лесостепи (особенности расположения и фортификации) // Археология и геоинформатика. — М., 2017. — Вып. 8. [Электрон. ресурс].
- Завітій Б.І. Городища ранньозалізного віку у верхньому і середньому Подністер'ї // Вісн. інституту археології Львівського університету. — 2011. — Вып. 6. — С. 3—51.
- Задніков С.А. Античний керамічний імпорт на Більському городищі скіфського часу: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 2014. — 19 с.
- Ивакин Г.Ю., Дараган М.Н., Орлюк М.И. и др. Геофизические и археологические исследования Хотовского городища скифской эпохи // АВУ 2004 р. — 2005. — С. 400—406.
- Іллінська В.А. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі (1946 р.) // АП УРСР. — 1949. — Т. II. — С. 139—148.
- Іллінська В.А. Басівське городище // Археологія. — 1965. — Т. XVIII. — С. 48—76.
- Іллінська В.А. Верхньосульська експедиція 1947 р. // АП УРСР. — Т. IV. — 1952. — С. 34—42.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 223 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV в. до н. э. — К., 1983. — 380 с.
- Ковпаненко Г.Т. Отчет о работе Трахтемировского отряда ИА АН УССР за 1967 год / НА ІА НАН України. — 1967/12.
- Ковпаненко Г.Т. Новые раскопки Трахтемировского городища // АИУ в 1968 г. — 1971а. — Вып. III. — С. 138—140.
- Ковпаненко Г.Т. Памятники раннескифского времени Каневщины // Проблемы скифской археологии. — М., 1971б. — С. 115—120.
- Ковпаненко Г.Т. Скифские курганы у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. — К., 1977. — С. 40—72.
- Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981. — 160 с.
- Ковпаненко Г.Т., Левченко Б.М. Поселення ранньоскіфського часу у с. Медвин на р. Росі // Археологія. — 1975. — № 15. — С. 58—65.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., Бессонова С.С., Батуревич Е.Ю. Отчет о работах Лесостепной Правобережной экспедиции Института археологии АН УССР в 1985 году / НА ІА НАН України. — 1985/9.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Батуревич Е.Ю. Нові кургани раннього залізного віку в Пороссі // Археологія. — 1997. — № 2. — С. 91—106.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепроговского Лесостепного Правобережья. — К., 1989. — 336 с.
- Кулатова І.М. Археологічні пам'ятки території та найближчої округи Більського городища (за розвідками 1994 р.) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996. — С. 121—137.
- Кучера М.П. Вивчення пам'яток давньоруського часу на території УРСР // Археологія. — 1978. — Вып. 26. — С. 77—84.
- Кучера М.П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов Среднего Поднпрорья в 1981 г. / НА ІА НАН України. — 1981/16.
- Кучера М.П. Бушевское городище // Древние славяне и Киевская Русь. — К., 1989. — С. 188—193.
- Кучера М. Городища Фастівщини // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Проблеми дослідження і охорони. — Фастів, 2001. — С. 141—142.
- Кучера М.П., Іванченко Л.А. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. — 1987. — Вып. 59. — С. 67—79.
- Кушнір Л.Л., Кушнір Л.М. Про географічне положення Більського городища // ПАЗ, 1999. — 1999. — С. 106—120.
- Левченко Б.М. Исследование первой курганной группы у с. Медвин на Богуславщине (раскопки 1982 г., 1984—85 гг.) // Гречко Д.С., Шелехань А. В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012. — С. 139—169.
- Лысенко С.Д., Дараган М.Н., Разумов С.Н. Исследование северного участка вала городища Веприк-1 (Млынок) на Фастовщине // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Матеріали і дослідження. — Фастів, 2010. — № 26—27 (за 2007 р.). — С. 128—131
- Магомедов Б.В., Лобай Б.Н. Отчет Подольского обряда Лесостепной Правобережной экспедиции о работах в 1982 г. / НА ІА НАН України. — 1982/17а.
- Магомедов Б.В., Рижов С.М., Лобай Б.І. Отчет Винницкого отряда Лесостепной Правобережной экспедиции 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/7а.
- Макимов Е.В., Петровская Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья. — Полтава, 2008. — 126 с.
- Медведев А.П. Противоречия и конфликты в скифском обществе // За рекой Танаисом: Сб. пам.

- В.Е. Максименко (1939—2014). — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 207—212.
- Моргунов Ю.Ю. Функциональное назначение пограничных городищ юго-восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. — Полтава, 1990. — С. 95—109.
- Моруженко А.О. Оборонні споруди Немирівського городища // Археологія. — 1975. — Вип. 15. — С. 66—70.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р. Большие городища Лесостепной Скифии // История Руси-Украины (историко-археологический сборник). — К., 1998. — С. 34—41.
- Мурзін В., Ролле Р., Супруненко О. Більське городище. — Київ; Гамбург; Полтава, 1999. — 102 с.
- Назаров О.В. Нововиявленні пам'ятки скифського періоду в межириччі Росі та Тясмину // Від Кіммерії до Сарматії. — К., 2004. — С. 56—57.
- Павленко Ю.В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. — К., 1994. — 400 с.
- Петрашенко В.О., Козюба В.К. Археологічні пам'ятки басейну р. Віти в Київському Подніпров'ї. — К., 1993. — 56 с.
- Петрашенко В.О., Козюба В.К. Узбережжя Канівського водосховища: Каталог археологічних пам'яток. — К., 1999. — 248 с.
- Петренко В.Г. Правобережжя Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — Л., 1967. — 147 с. (САИ. — Вып. Д1-4).
- Петровська С.О. Ранньоскифські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. — 1970 — Вип. 24. — С. 128—145.
- Покровская Е.Ф. Племена скифского времени в лесостепном Правобережье УССР. — К., 1962. — 178 с.
- Приходнюк О.М. Пастирське городище. — Київ; Чернівці, 2005. — 244 с.
- Рапопорт П.А. Древнерусское жилище. — М., 1975. — 180 с. (САИ. — Вып. Е1-32).
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А. До питання про так зване Каратугльське городище // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996. — С. 233—234.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А. Матеріали до датування переяславських «змійових» валів // Археологія. — 1997 — № 3. — С. 139—140.
- Роздобудько М.В., Костюк О.В. Дослідження городища доби раннього заліза на Лівобережжі середнього Подніпров'я // АБУ 1997—1998 рр. — 1998. — С. 140—141.
- Рыбаков Б.А. Торческ — город черных клубуков // АО 1966 г. — М., 1967. — С. 243—245.
- Скорий С.А., Безсонова С.С. Кургани скифської доби біля Мотронинського городища (за матеріалами досліджень 1988, 1990 рр.) // Археологічні дослідження Черкащини. — Черкаси, 1995. — С. 68—78.
- Скорый С.А. Племена Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху // Великая Скифия (курс лекцій). — Киев; Запорожье, 2002. — С. 66—76
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2003. — 162 с.
- Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratium plus. — 2005—2009. — № 3. — С. 234—276.
- Смирнова Г.И. Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.) // АСГЭ. — 1961. — № 2. — С. 88—103.
- Смирнова Г.И. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. — 1998. — Вып. VI. — С. 77—121.
- Телегін Д.Я., Дяденко В.Д. Нові скифські городища і поселення на Середньому Дніпрі // Археологія. — 1970. — Вип. 24. — С. 171—178.
- Тереножкин А.И. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина // КСИИМК. — 1952. — Вып. XLIII. — С. 80—98.
- Тітенко Г.Т. Розкопки пам'яток скифського часу на Пастирському городищі // АП УРСР. — 1956. — Т. VI. — С. 52—55.
- Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. — К., 1994. — 30 с.
- Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скифів на Трахтемирівське городище. — К., 2003. — 152 с.
- Фабрициус И.В. Тясминская скифологическая экспедиция 1945 г. / НА ІА НАН України. — 1945/5.
- Фабрициус І. Тясминська експедиція // АП УРСР. — 1949. — Т. II. — С. 80—111.
- Хохоровски Я., Скорый С. Оборонительная система Мотронинского городища // АЛЛУ. — 2006. — № 1. — С. 74—81.
- Шевченко Н.П. Дослідження археологічних пам'яток на Канівщині // АДУ 1991 р. — 1993. — С. 134—136.
- Шелехань О.В., Ліфантій О.В. Розвідки на городищі скифського часу біля с. Якушинці // Древности 2014—2015. — 2015. — С. 344—349.
- Шрамко Б.М. Отчет о раскопках и разведках скифославянской экспедиции Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в 1966 г. / НА ІА НАН України. — 1966/66.
- Шрамко Б.А. Отчет об археологических работах, проведенных в бассейнах рр. Северского Донца и Ворсклы / НА ІА НАН України. — 1970/70.
- Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. — К., 1973. — С. 82—112.
- Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. — К., 1975. — С. 94—132.
- Шрамко Б.А. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. — К., 1984. — С. 218—230.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 183 с.
- Шрамко Б.А. Возникновение Бельского городища // Древности 1997—1998. — 1999. — С. 50—58.
- Шрамко Б.А. К вопросу о взаимоотношениях племен степной и лесостепной Скифии // Проблемы истории та археології України. — Харків, 2003 — С. 49—51.
- Шрамко Б. Основні підсумки досліджень Більського городища // Зап. НТШ: Пр. Археол. комісії. — 2007. — Т. ССЛІІІ. — С. 323—334.
- Шрамко И.Б. О начальном периоде существования Бельского городища // Від Кіммерії до Сарматії. — К., 2004. — С. 103—106.
- Шрамко И.Б. Бельское городище: основные этапы развития // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международ. науч. конф. (Харьков, 28—29 октября 2010 г.). — Харьков, 2010. — С. 38.
- Шрамко И.Б. Зольники Западного Бельского городища: планиграфия и хронология // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Сб. материалов науч. конф., посвящ. 110-й годовщине со дня рожд. И.И. Ляпушкина. — СПб, 2012а. — С. 168—172.
- Шрамко И.Б. Бельское городище — крупнейший поселенческий комплекс Лесостепной Скифии // Феномен Більського городища: збереження, дослідження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки доби раннього залізного віку. — Київ; Полтава, 2012б. — С. 5—8.

Шрамко І.Б., Шрамко Б.А. Оборонні споруд Великого Більського городища // Пам'ятки археології Полтавщини. — Полтава, 1991. — С. 44—49.

Яковенко Е.В. Пастирське городище скифського часу (за матеріалами розкопок 1955 р.) // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 175—186.

Chochorowski J., Skoryj S. Mielniki, Raj. Čigirin, Obl. Čerkassy (Ukraine). Ein Burgwall und Kurgane der skythischen Zeit // Recherches archéologiques de 1999—2003. — Kraków, 2006 — S. 415—449.

Chochorowski J., Krapiec M., Skoryj S., Skrypkin V. Wiggle-match dating of tree-rings sequences from the early iron age defensive settlement Motroninskoe gorodische in Mielniki (Central Ukraine) // Radiocarbon. — 2014. — Vol. 56, no 2. — P. 645—654.

Skoryj S., Chochorowski J. The excavations of the monuments of Scythian time in the Ukrainian Forest-Steppe // Археологія домобудівництва Європи. — Київ; Париж, 2013. — P. 205—210.

Vanzetti A. Mega-Sites of the Early Iron Age (VIII—VI cent. BCE) // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists (10—14 September 2014, Istanbul, Turkey). — Istanbul, 2014. — P. 411.

М.М. Дараган

ВЕЛИКІ ГОРОДИЩА СКІФСЬКОГО ЧАСУ В УКРАЇНСЬКОМУ ЛІСОСТЕПУ. ОСОБЛИВОСТІ РОЗТАШУВАННЯ

У статті розглядається проблема виникнення в скифський час в Українському Лісостепу великих городищ площею від 100 до понад 4000 га, оточених вражаючими фортифікаційними спорудами у вигляді валу і рову (іноді кілька валів і ровів). Були створені достовірні просторові моделі територій, обраних стародавнім населенням для будівництва великих городищ, розглянуті особливості їх фортифікацій та час їх спорудження, а також найближче оточення городищ на предмет виявлення одночасних їм поселень і могильників.

Показано, що з середини VII ст. до н. е. населення Лісостепу ініціює суттєві зусилля для побудови укріплень. Суспільство мало потребу в великих городищах. Однак це не було обумовлено необхідністю проживання людей на всій території городищ. Ймовірно, жителі займали порівняно невеликі замкнуті осередки всередині великих городищ. Великі частини укріплень залишалися незаселеними. Їх функції невідомі. На сьогоднішній день відносно більшості городищ немає достовірних даних про існування біля них системи синхронних поселень та могильників.

Поява великих городищ не є наслідком внутрішньої логіки розвитку місцевої традиції фортифікації. Реалізований в скифський час підхід до раціонального використання рельєфу і принципу фортифікації відрізняється від відомого на цій території в попередній час. В науковій літературі домінує пояснювальна модель великих городищ як центрів племен на

яких проживали великі людські колективи. Однак з наявного матеріалу це не слідує. Це не означає, що так не може бути. Але цей висновок не підкріплений в повній мірі археологічним матеріалом.

Ключові слова: початок раннього заліза, скифська епоха, Український Лісостеп, городища, фортифікація, геоінформатика, реконструкція.

М.Н. Daragan

LARGE SCYTHIAN HILLFORTS IN UKRAINIAN FOREST-STEPPE. FEATURES OF LOCATION

The paper deals with a problem of appearance of mega hillforts in the Ukrainian Forest-Steppe during Scythian time. These are mega-hillfort with areas from 100 to more than 4000 hectares surrounded by impressive defensive constructions consisting of the rampart and the ditch (sometimes several ramparts and ditches).

The study was aimed on creation of exact, detailed and authentic spatial models of the territories chosen by the ancient population for construction of mega-hillforts, consideration of hillforts outskirts, in order to find synchronous settlements and burial grounds, and time of erection of fortifications. It is demonstrated, that mega-hillforts represent: where they have been constructed, as their fortifications, that the general and various, as between hillforts, and their fortifications looked.

Approximately about the middle of the 7 century BC, population of Forest-steppe initiates essential efforts for constructing of fortifications. So we see that society had a need for big hillforts. However that was not a need for places of people residence. Probably not numerous inhabitants occupied rather small enclosed areas inside big hillforts. Great parts of the area stayed devoid of inhabitants. Their functions are unknown. We have no well-defined data about the synchronous settlements systems through the nearest neighborhood.

Appearance of mega hillforts does not follow from the internal logic of development of local tradition of fortification. The undertaken approach to rational use of a relief and principle of fortification differs from that was here in previous time. It is not evolution. All appeared in response to the latest events.

Set of all these data was a basis for explanatory model of occurrence of mega hillforts as the centres of tribes etc. However from an available material it in any way does not follow. It does not mean, that so cannot be. But this conclusion is not provided to the full with an archaeological material.

Keywords: Early Iron Age, Scythian epoch, Ukrainian Forest-steppe, hillforts, fortification, geoinformatics, reconstruction.

Одержано 1.03.2017

В.Н. Окатенко, Д.В. Следюк

ИЗУЧЕНИЕ ТОПОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ФОТОГРАММЕТРИЧЕСКИМ МЕТОДОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

В статье рассматриваются вопросы методики использования беспилотных летательных аппаратов и новейших компьютерных технологий, получивших апробацию в результате работы на памятниках Харьковщины. Огромное значение в изучении древностей археологам оказывают данные дистанционного зондирования Земли — космосъемка и аэрофотосъемка, которые позволяют быстрее и качественней выявлять, и изучать новые памятники и ландшафты. Специальные методы работы с космоснимками, их точная пространственная привязка с использованием GPS помогают не только находить новые памятники, но и делать пространственный анализ оставленных человеком древностей, реконструировать ландшафты, в которых обитал человек и понять его взаимосвязь с окружающей средой.

Ключевые слова: *топология, зондирование, спутниковая съемка, дрон, поселения, курганные могильники.*

Последние годы изучения памятников скифского времени в бассейне Северского Донца ознаменовались открытием большого количества поселенческих структур (городищ, селищ) и тяготеющих к ним курганных могильников. Например, еще недавно на Харьковщине было известно около двух десятков (16) городищ [Гречко, 2010, с. 28, табл. 1, рис. 2]. За последние же 5 лет число известных укрепленных поселений увеличилось почти вдвое (рис. 1). Это не говоря о селищах, расположенных в их округе, небольших курганных группах и отдельно стоящих насыпях, как на полях (пашне), так и в лесных массивах. Некоторые из них были обследованы Г.Е. Свистуном, В.И. Квитковским, Д.Ю. Юшковым, В.М. Окатенко, М.И. Саяным, и уже получили отражение в научной ли-

тературе [Окатенко, Голубева, 2015; Саяный, 2015; Свистун, Квитковский, Юшков, 2016; Квитковский, Юшков, 2016]. Месторасположение большинства вновь выявленных городищ приводится в данной работе впервые. Следует подчеркнуть, что нами был проведен только первичный осмотр и фиксация отмеченных укреплений (без шурфовок), поэтому хронологическая атрибуция большинства из них является открытой и ожидает последующих тщательных исследований.

Все эти открытия неразрывно связаны с развитием технологий дистанционного зондирования земли и применения их в изучении объектов археологического наследия. Изучение их данных и методы геофизики, базирующиеся на применении ГИС-технологий, получили признание за рубежом и уже активно внедряются в археологическую практику на постсоветском пространстве [Коробов, 2011].

Прежде всего, наиболее доступной для археолога является имеющаяся в открытом доступе космосъемка земли. По материалам спутниковой съемки исследователь фиксирует объект (ты), анализирует архивы и карты, а затем проводит традиционную разведку — выезд на местность (осмотр, сбор подъемного материала, шурфовка). Этот метод имеет потенциал не только для выявления новых объектов, но и для уточнения границ уже известных памятников [Квитковский, Юшков, 2016, с. 24—25]. Но, не смотря на это, его можно отнести, хоть и к очень удобному и доступному, но лишь к первичному методу исследования памятников из-за ряда недостатков спутниковых фото. Так, покрытие поверхности земли снимками в относительно высоком разрешении неравномерно. Большая часть снимков земной поверхности

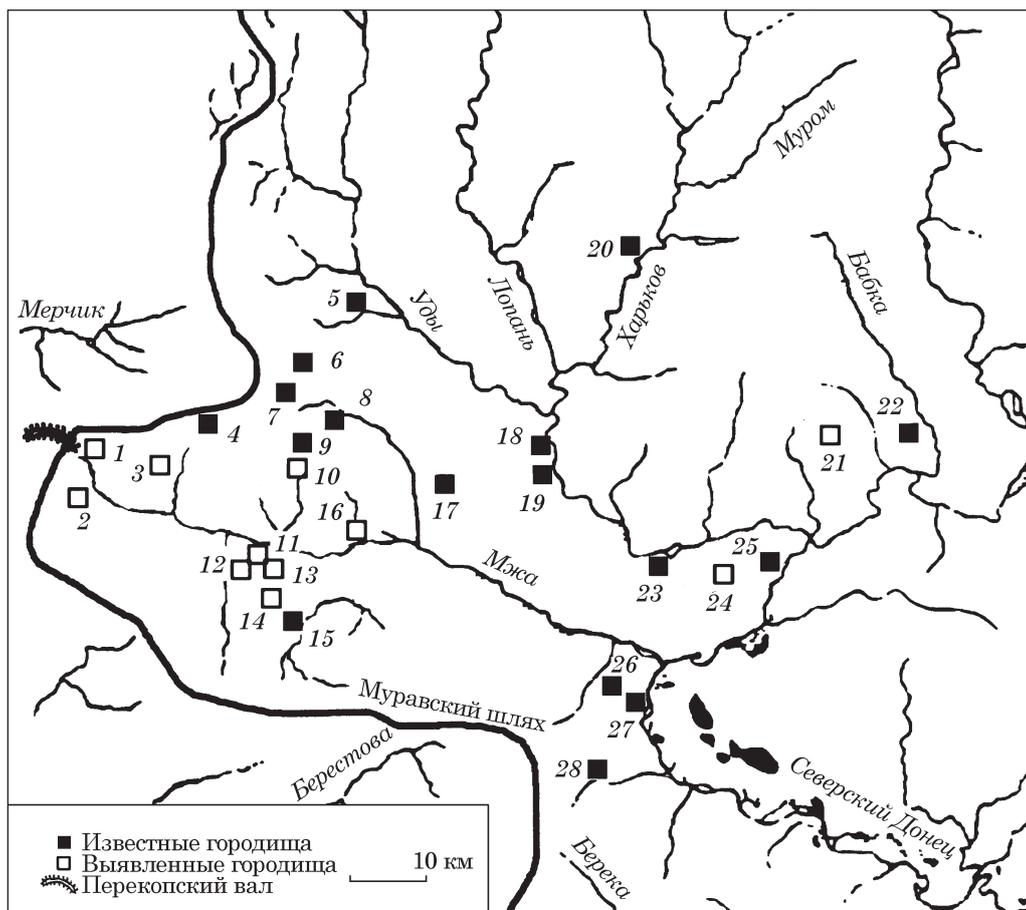

Рис. 1. Схема расположения городищ в бассейне р. Северский Донец: 1 — Старовалковское; 2 — Илюховское; 3 — Костев; 4 — Барановское; 5 — Смородское (Закозаровское); 6 — Люботинское; 7 — Караванское; 8 — Чернецкий Яр; 9 — уроч. Городище (Куколевское); 10 — Одрынское; 11 — Зайцевское; 12 — Знаменское; 13 — Старая Водолага; 14 — Новая Водолага; 15 — Червонососовское; 16 — Ракитнянское; 17 — Яковлевское; 18 — Карачевское (Донецкое); 19 — Хорошевское; 20 — Циркуновское; 21 — Каменная Яруга; 22 — Кочеток II; 23 — Водяное; 24 — Соловецкое; 25 — Мохначанское; 26 — Тарановское; 27 — Коробовы Хутора; 28 — Большая Гомольша; 29 — Леськовка (не обозначено)

для сервиса GoogleEarth выполнена спутниками компании DigitalGlobe, имеющими разрешение 15 м на пиксель (м/пк). Вблизи крупных населенных пунктов доступны изображения более высокого разрешения, но такое покрытие неравномерно, и различается в разных частях света. Например, многие города США — сняты с разрешением 0,15 м/пк, а Москва — с разрешением 0,6 м/пк. Разрешение лучших снимков на территории Украины и того меньше. К сожалению, большая часть интересующих нас археологических памятников находится вне крупных населенных пунктов, и разрешение спутниковых снимков вблизи этих памятников значительно ниже. Еще одним недостатком спутниковой съемки является неоднородность сезонного покрытия поверхности земли по времени съемки. Так, нередки случаи, когда на одном небольшом участке местности соседствуют снимки, выполненные в теплое время года, судя по вегетации растительного покрова, и выполненные зимой, о чем говорит снежный

покров. Это затрудняет анализ содержащейся в снимках информации, так как для одних методик удобнее иметь зимние снимки, для других же — весенние или осенние. Также стоит отметить относительно невысокую точность геопривязки спутниковых снимков. По разным источникам, расхождение координат объектов на спутниковых снимках и данных высокоточных GPS-приемников может составлять до 15 м. Кроме того, из-за особенностей спутниковой съемки, часть мозаики фотоснимков выполнена вертикально «в надир» или близко к этому, а на части снимков хорошо заметны отклонения оси съемки от вертикали. Особенно легко это заметить на снимках городов, где многие здания сняты с большим отклонением от вертикали. Такое отклонение искажает форму и вносит погрешности в определении координат видимых на снимках объектов. Так же важным недостатком общедоступной спутниковой съемки является сложность, а в некоторых случаях, и полная невозможность получения

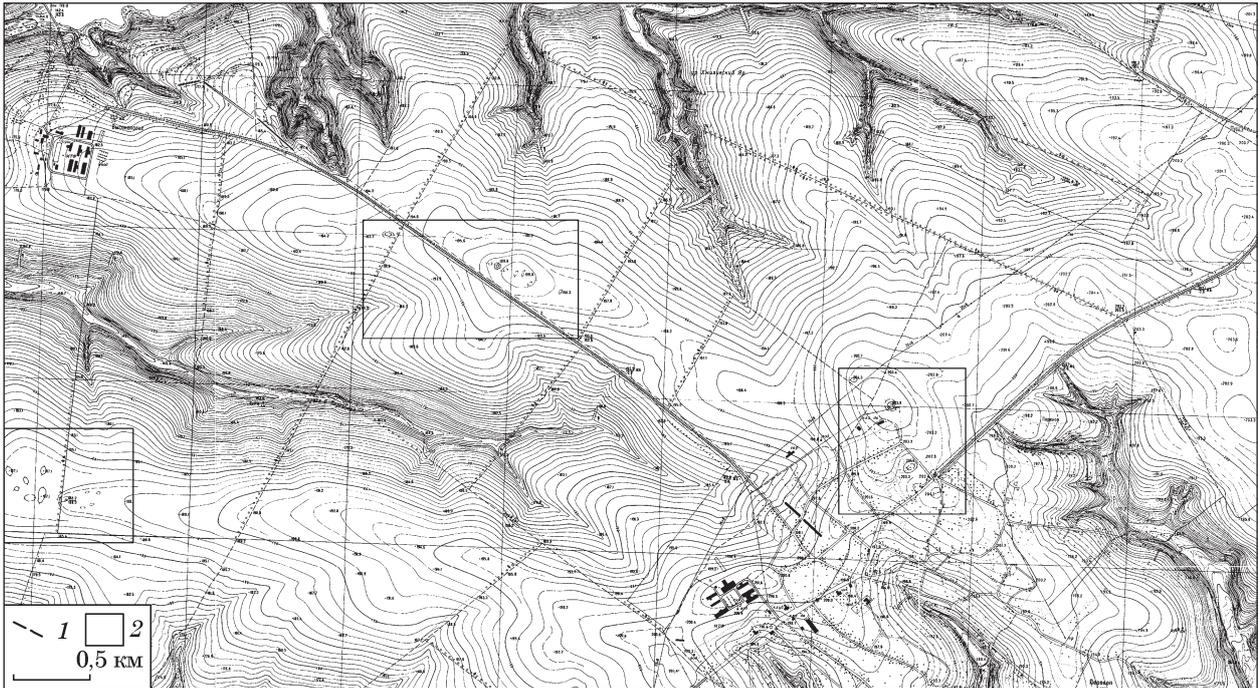

Рис. 2. Месторасположение Перекопского вала и прилегающих курганных могильников в Валковском р-не Харьковской обл.: 1 — сохранившаяся насыпь вала; 2 — места расположения курганных групп

данных о высотах местности. И, наконец, стоит упомянуть, что нередко часть поверхности земли на спутниковых снимках закрыта облаками. Чаще всего такое встречается вдали от населенных пунктов, именно там, где находятся объекты нашего интереса.

Разумеется, традиционные археологические разведки с выездом на местность в ближайшее время ничто не заменит. После изучения архивов, анализа топографических карт и спутниковой съемки мы ставим перед собой цели и задачи разведки (фотофиксация, съемка плана, GPS-привязка и т. д.), выбираем методы и оборудование, которые будем использовать в ходе их выполнения. Это могут быть: компас, теодолит, тахеометр, бытовой или геодезический GPS-приемник, дельтаплан, дрон и т. д.

К числу таких методов относится и использование беспилотных летательных аппаратов — «дронов». Именно беспилотные летательные аппараты являются для исследователей на современном этапе развития наиболее доступным и прогрессивным средством для изучения топографии археологических объектов. ТОПОЛОГИЯ — это наука, учение о местностях. Топология (гр. *topos* «место», «местность» + «логия») [Чудинов, 1894, с. 867]. Во времена, когда топология еще только зарождалась (XVIII—XIX вв.), ее называли геометрией размещения. Применительно к археологии, мы можем говорить об изучении формы и размеров археологических памятников в их неразрывной связи с ландшафтами, на которых они находятся. И если самому описанию археологических памятников в профильной литературе отведено основ-

ное место, то осмыслению и объяснению самой их связи с окружающим ландшафтом, на наш взгляд, уделено еще недостаточно внимания. Особенностью съемки с дронов является фиксация большого участка местности, на которой расположен памятник, а не только его самого или ближайших нескольких метров от его границ, как при традиционной инструментальной съемке с помощью теодолитов или наземных GPS-приемников. Именно применение дронов дает возможность фиксировать и изучать памятники архитектуры в неразрывной связи с окружающей их местностью.

Теперь, стоит правильно определиться с терминологией. Само понятие «дрон» или «беспилотник» или «БПЛА», которое чаще всего используют для обозначения этого класса летательных аппаратов, не совсем верно. В нашем случае следует говорить о «дистанционно — пилотируемых летательных аппаратах» или «ДПЛА». Это различие может быть очень важно в правовом аспекте, так как локальные законодательства разных стран, регламентирующие использование воздушного пространства, по-разному определяют возможности использования «беспилотников», т. е. летательных аппаратов, действующих по программе в автономном режиме, и «дистанционно управляемых» летательных аппаратов, по сути, радиоуправляемых моделей. Однако, так как слово «дрон» уже стало устойчивым нарицательным обозначением для всех летательных аппаратов, не имеющих пилота непосредственно на борту, мы тоже будем его употреблять, чтобы не возникало путаницы в понятиях.

Рис. 3. Аэрофотосъемка Перекопского вала: 1 — курганная группа, расположенная вдоль укрепления; 2 — место зачистки вала А.А. Крютченком

Летом—зимой 2016—2017 гг. мы провели ряд исследований с помощью дрона DJI Inspire 1, с камерой X-550 на борту, на разновременных древних памятниках Харьковской обл.¹ Все снимки имеют GPS-Glanas привязку центров в системе координат WGS84. В данной работе мы коснемся только рассмотрения курганов и поселений раннего железного века.

Археологические разведки были сосредоточены преимущественно на исследовании памятников, расположенных вдоль сухопутной магистрали, которая в средние века называлась «Муравским шляхом» [Шрамко, 1984, с. 227; 1987, с. 20—24, рис. 1; Болтрик, 1990, с. 30—44; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 121—123; Гречко, Шелехань, 2012, с. 11—16, рис. 5]. Территориально все вновь выявленные поселения (рис. 1) находятся в бассейне р. Северский Донец (Валковский, Нововодолажский, Змиевской, Чугуевский р-ны) и одно городище в бассейне р. Ворскла (Богодуховский р-ны)². Нет сомнений, что средневековый Муравский шлях мало чем отличался от торгового пути скифского времени. Современники неоднократно отмечали, что этот путь самый удобный, а в ряде случаев единственно возможный в междуречье Днепра и Северского Донца. На всем своем протяжении он проходил по водоразделу у верховий рек (рис. 1). Большинство вновь выявленных городищ расположены у истоков небольших рек, которые в настоящее время имеют сезонный водоток или вовсе пересохли. Рядом с городищами обязательно расположены селища и могильники. Обращает на себя внимание факт расположения большинства памятников не на крутых берегах Северского Донца, а на значительном удалении от него, то есть в непосредственной близости от Му-

равского шляха. Большинство укреплений и некрополей тяготеют именно к нему (рис. 1) и, видимо, имели большое значение для защиты (контроля) сухопутного пути. Ярким примером такой хорошо продуманной системы защиты из небольших городищ и земляных укреплений есть «стратегическая» возвышенность, которая заметно сужается на водоразделе, оставляя небольшой проход между современными селами Высокополье и Перекоп. Здесь, между заболоченными и поросшими густым лесом берегами рек Коломак и Мжа в уроч. Валки, расположен земляной Перекопский вал и ров длиной 6 км, перегораживающий Муравский шлях (рис. 1—3)³. Очевидно, что укрепленные поселения возле сс. Старые Валки и Илюховка были крепостями в системе обороны Перекопского вала (рис. 1).

Интересно, что подобная ситуация повторилась и в средневековье, когда уже существовавший Перекопский вал был укреплен и использовался для защиты от набегов кочевников вторично, но уже от крымских татар. Царское правительство в то время предусматривало возможность включения только что построенного Можеского острога («Старые Валки») в Белгородскую линию укреплений с целью расширения Московского государства на юг. Так, летом 1646 г. по приказу царя Алексея Михайловича для исследования уроч. Валки и округи по течению рек Коломака и Мжи сюда была направлена своего рода топографическая экспедиция во главе с И. Масловым и Г. Жулиновым [Заго-

1. В разные периоды в работах принимали участие проф. С.А. Скорый и сотрудники ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба» А.М. Голубев, к. и. н. И.В. Голубева и Г.Е. Свистун.

2. Городище Леськовка (на карте-схеме не обозначено) на рис. 1.

3. В 2016 г. в ходе экспедиции ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба» А.А. Крютченко доказал принадлежность первичной насыпи вала к скифскому времени. Этому памятнику посвящена статья исследователя в настоящем сборнике, поэтому нам нет необходимости останавливаться на данном вопросе подробно.

4. Средневековый острог примыкает к Перекопскому валу в юго-восточной его оконечности и был расположен практически в том же месте, что и скифское городище Старые Валки (см. далее: рис. 15—17).

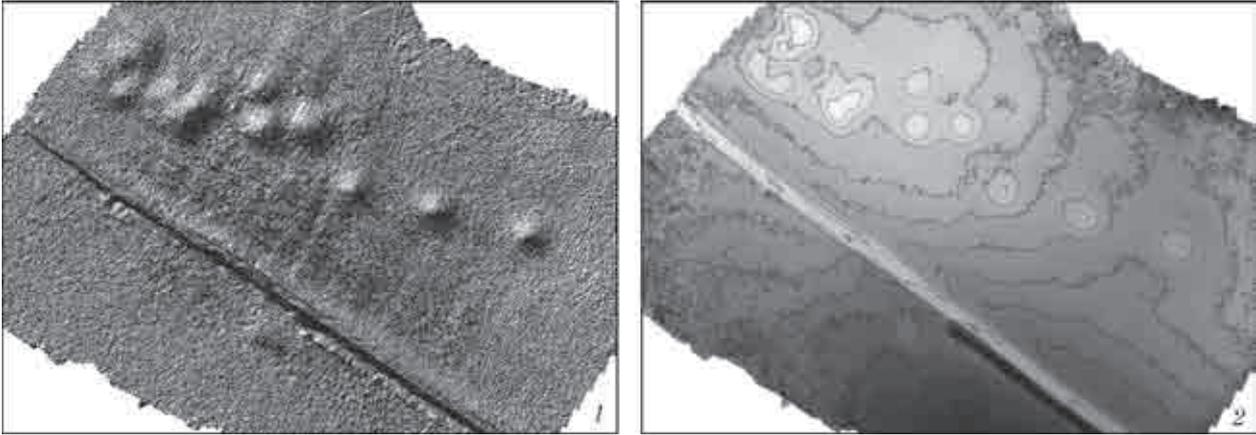

Рис. 4. Цифровая высотная модель курганной группы, расположенной вдоль укрепления на территории Перекопского сельсовета Харьковской обл.

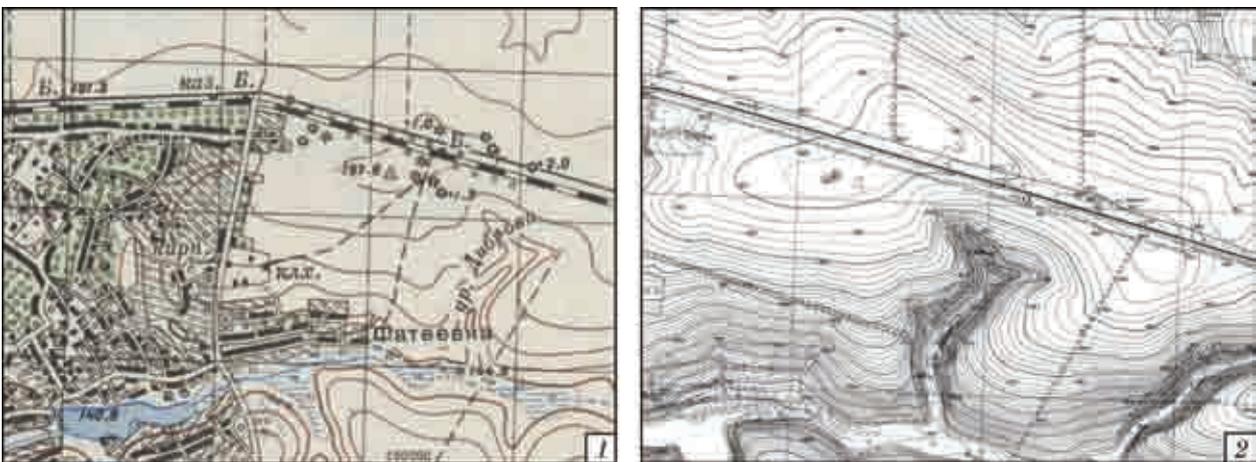

Рис. 5. Месторасположения курганной группы на восточной окраине с. Высокополье Валковского р-на

ровский, 1980, с. 70] ¹. Кроме описания самого Перекопского вала с урочищами они сделали тщательный осмотр «следов и остатков каких-то других древних укреплений». К ним относятся «около р. Болгирь старинный, уже обвалившийся вал, также переведенный концами к обоим лесам, но только значительно короче», а также описание Болгирского и Одринского ² городищ [Альбовский, 1905, с. 18, 25]. Еще И. Маслов и Г. Жулинов обратили внимание на то, что «старинные Валки» являлись передовой линией укреплений соседних городищ [Загорский, 1980, с. 71]. Частые опустошительные набеги татар вызвали крупномасштабное развитие «валового дела» и постройку крепостей Изюмской черты [Альбовский, 1905, с. 52]. Старый Валковский (Перекопский) вал впоследствии вошел в эту систему укреплений.

1. Существуют и более ранние упоминания уроч. Валок, напр., 1627 г. в Книге Большому Чертежу, 1636 г. белгородским воеводой А. Тургеневым.

2. Городище Одринское (от р. Одринка) несколько раз меняло свое название из-за смены названий населенного пункта который впоследствии существовал на его территории: хут. Куколевского, хут. Городище, уроч. Городище (см. далее: рис. 18—22).

Тут важно отметить, что в разные исторические периоды прежние жители данного региона, видимо, должны были укреплять те же «перелазы», защищая свои поселения от набегов кочевников. Как следствие, уместно предположить, что существующая продуманная система защиты из городищ и земляных укреплений в районе современных Валок, а также наличие большого количества городищ, тяготеющих к Муравскому Шляху (рис. 1), может косвенно указывать на существование и других земляных укреплений скифского времени на стратегических участках, которые впоследствии были перекрыты уже средневековыми линиями обороны. Интересен тот факт, что царские «топографы» умышленно скрывали наличие некоторых укреплений. Примером может служить Старовалковское городище, находящееся на соседнем мысу — севернее Можеского острога (рис. 15—17) с культурным слоем как скифского времени, так и середины XVII в. [Окатенко, Голубева, 2014, с. 13, рис. 61—63]. В данном случае укрывательство информации непосредственными исполнителями проекта, очевидно, связано с целью завышения ими денежных средств, выделяемых Московским правительством на земляные работы.

Только тщательное изучение переплетенных земляных укреплений, которые тянутся по доразделу вдоль Муравского шляха рядом с городищами, позволит в дальнейшем выделить участки укреплений, построенных в раннем железном веке. Созданная в скифское время система укреплений была настолько продумана, а места для городищ были выбраны настолько удачно, что на месте многих из них или рядом с ними, впоследствии возводились средневековые крепости. Все эти наблюдения подтверждают точку зрения Б.А. Шрамко. Исследователь считал, что направить массу людей на постройку такой большой системы укреплений, собрать и вооружить гарнизоны городищ, организовать их снабжение всем необходимым, постоянно поддерживать в хорошем состоянии дерево-земляные укрепления можно было лишь при наличии централизованной власти в период государственного образования [Шрамко, 1987, с. 24].

Мы полагаем, что только тесное сочетание традиционных методов археологической разведки и современных технологий позволит нам в полной мере изучить наше культурное наследие. Так, на сегодняшний день мы выделили и опробовали несколько методик применения воздушной съемки с дронов для решения стоящих перед археологией задач. Вот их краткое обозначение.

1. Обзорная аэрофотосъемка.
2. Съемка сферических панорам.
3. Съемка ортофотопланов.
4. Географическая привязка ортофотопланов и объектов на них.
5. Создание 3D-моделей археологических памятников.
6. Создание карт высот открытой местности.
7. Создание карт высот лесистой местности.
8. Создание изолиний высот на основе карт высот.

Начнем с обзорной аэрофотосъемки. Это самый простой и доступный в технологическом плане метод съемки уже известных, и обна-

ружения неизвестных ранее археологических памятников. Обзорная съемка проводится с высоты 250—500 м, камера направлена под углом к горизонту. Значительная высота съемки обеспечивает широкий охват местности, что удобно при разведке памятников. Оператор дрона осматривает окрестности с высоты на своем мониторе, попутно фиксируя увиденное на цифровую камеру дрона. В ряде случаев при использовании этого метода удавалось обнаружить не описанные ранее курганы непосредственно adoculos, прямо на мониторе оператора дрона, в других случаях археологические памятники или их фрагменты выявлялись при последующем анализе фотоснимков *postfactum*. Наглядным примером служат снимки самого Перекопского вала вместе с окружающими его топографическими объектами (рис. 3) — расположенного вдоль него курганного могильника в Валковском р-не [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 61—62]. Эффектно выглядят и насыпи самых крупных «курганов-лидеров» скифского времени, которые находятся среди современной застройки — Хомякова Могила (8,5 м высотой) Песочинского могильника [Бандуровский, 1998, с. 5, фото 8, 9; Бабенко, 2005, с. 23, рис. 2] в смт. Песочин (рис. 13; 14 — см. вклейку), курган, расположенный на въезде Алексеевском (7 м) на территории Люботинского городского совета (рис. 9—11) и городища в уроч. Городище, площадью 26 га (рис. 19) на территории Валковского р-на [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 58—59; Буйнов, Окатенко, 2004, с. 9—12; Буйнов, Гречко, 2005, с. 13—17]. Примером успешного применения этой методики может служить обнаружение группы неизвестных ранее курганов (рис. 8), расположенных на север от Барановского городища (с. Бараново, Валковский р-н). Эти курганные насыпи не обозначены ни на одной из топографических карт и даже не фиксируются на спутниковых снимках (рис. 7). Другим примером может служить установление возможных топологических связей трех курганов (ли-

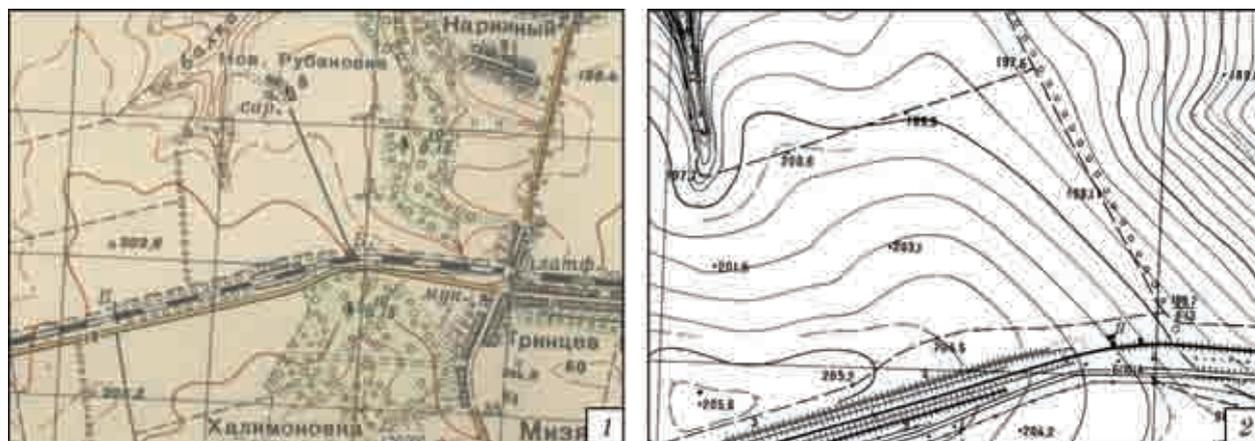

Рис. 7. Карты участка местности, расположенного на север от с. Бараново Валковского р-на

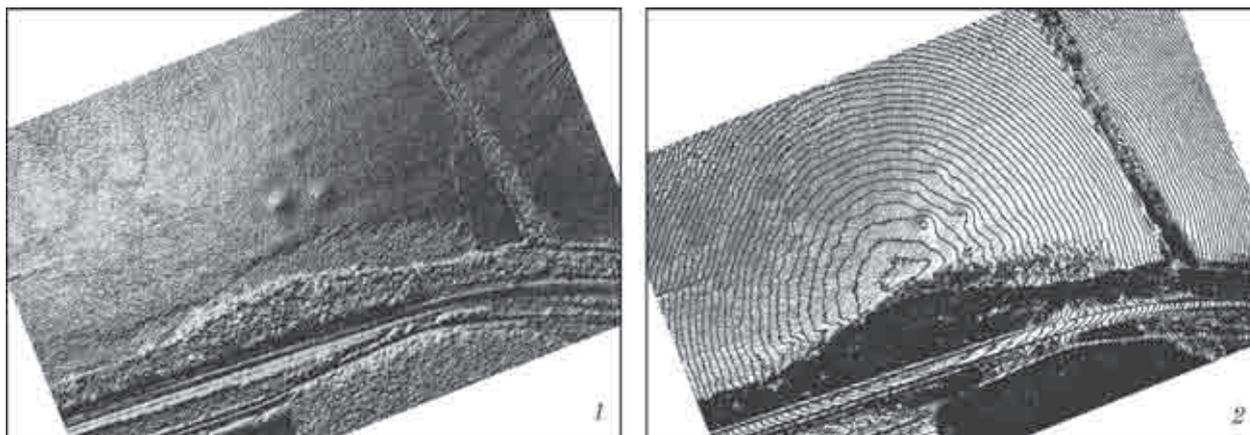

Рис. 8. Цифровая высотная модель курганов расположенных на север от Барановского городища

Рис. 9. Месторасположения трех «Дуншовских» курганов в г. Люботин (въезд Алексеевский): 1 — на географической карте 1 : 50000 (1949 г.); 2 — фото Google, 2016 г.

дерев) на въезде Алексеевском и Дуншовском кладбище (до 5 м) в г. Люботин (рис. 9; 10) с Центральной группой Люботинского могильника [Бандуровский, 1998, с. 1—2; фото 2; 3; Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998, с. 143—157; рис. 1].

Следующий метод, в целом, похож на описанный выше, но съемка происходит не хаотически, по желанию оператора, а из одной точки в воздухе делается ряд снимков вкруговую, так, что они описывают нижнюю полусферу под дроном. В дальнейшем из полученных снимков сшивается сферическая панорама $360 \times 360^\circ$, точнее — ее нижняя полусфера, в эквидистантной проекции. Для сшивки панорамы может быть использована программа PTGui или ее аналоги. После сборки панорама может быть просмотрена в программах — просмотрщиках типа FSPViewer. В этом случае наблюдатель имеет возможность, действуя мышкой или стрелками клавиатуры, направлять свое поле зрения в любую сторону, приближать или отдалять изображение земли по своему усмотрению. Преимуществом данного метода перед описанным выше является то,

Рис. 10. Дуншовские курганы в г. Люботин (обзорная аэрофотосъемка): курган 1 на Алексеевском въезде; крупные курганы 2 и 3, расположенные на городском кладбище (вид с северо-востока)

что съемка ведется систематически, без пропусков по азимуту и вертикальному углу. Таким образом исключаются пропуски участков земной поверхности в осматриваемом регионе, те самые досадные случаи, когда жалеешь, что не

Рис. 11. Аэрофотосъемка кургана 1 на Алексеевском въезде в разные сезоны года (вид с юго-востока)

взял кадр немного левее или ниже. Полноценно проиллюстрировать данную методику в этой статье не возможно, в виду особенности технологии просмотра панорам.

Следующая методика, о которой мы хотим рассказать, это создание ортофотопланов. Под ортофотопланом понимают фотографический план местности на точной геодезической опоре, полученный путем аэрофотосъемки с последующим преобразованием аэроснимков из центральной проекции в ортогональную. Сам ортофотоплан состоит из множества фотоснимков снятых вертикально «в нади́р». Для каждого такого снимка есть одна точка визирования, находящаяся над его центром, и чем дальше от центра снимка, тем больше угол визирования отличается от перпендикулярного к поверхности (центральная проекция). В сильно упрощенном виде при ортогональной проекции каждой точке конечного изображения соответствует своя вертикальная точка визирования. Для получения ортофотоплана используются методики фотограмметрии. Примером программы для таких вычислений может быть Pix4d, являющаяся на сегодня стандартом de facto для обработки данных с «беспилотников». В общем виде сначала происходит выравнивание исходных фотографий, затем на основе анализа перекрывающихся участков снимков строится облако точек, на основе которого создается полигональная модель поверхности, описывающая ее трехмерное представление и, наконец, по этой модели строится ортофотоплан с преобразованием изображения в ортогональную проекцию. Таким образом мы получаем фотоплан местности с минимальными искажениями. Так как практически все современные «беспилотники» оснащены навигационной системой GPS и способны снабжать полученные с их помощью снимки координатами, мы получаем на выходе геопривязанный ортофотоплан. Точность геопривязки зависит от множества факторов и чаще всего колеблется от 0,5 до 3 м. по горизонтали. Для решения многих археологических

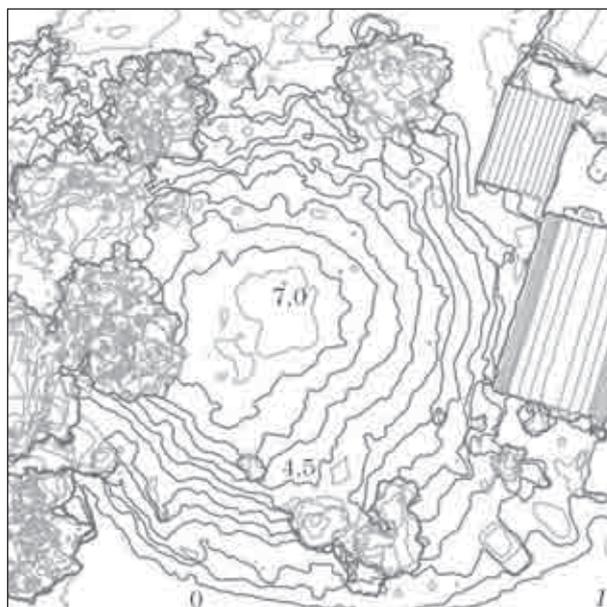

Рис. 12. Курган 1 на Алексеевском въезде с изолиниями высот (также см. вклейку)

задач такой точности вполне достаточно, тем более, что она сопоставима, а во многих случаях и превосходит точность тех карт и спутниковых снимков, которые применяются обычно археологами. Разрешающая способность ортофотопланов, получаемых при помощи дронов, тоже зависит от целого ряда факторов, и при правильном применении технологии вполне может соответствовать требованиям к подробности фотопланов масштаба 1 : 1000 и 1 : 500. Примерами снятых нами ортофотопланов могут быть Можеский острог (средневековье) и городище скифского времени (рис. 16) у с. Старые Валки [Голубева, 2006; Окатынко, Голубева, 2015] и городище в уроч. Городище (рис. 21; 22 — см. вклейку).

В тех случаях, когда необходима более высокая точность геопривязки ортофотоплана, дроны тоже с успехом могут справиться с этой задачей. Так, используя в процессе аэросъемки

Рис. 13. Месторасположение кургана «Хомякова Могила» в с/пос. Песочин Харьковской обл.: 1 — на географической карте 1 : 100 000; 2 — фото Google, 2016 г.

Рис. 14. Курган-лидер Песочинского могильника «Хомякова Могила»: 1 — аэрофотосъемка (вид с юга); 2 — с изолиниями высот (см. вклейку)

сеть из опорных точек на земле, имеющих точные координаты, мы можем после обработки первичного материала получить ортофотоплан с точностью по осям X и Y порядка 2—3 см, и по оси Z в пределах 5 см. Такая точность вполне сопоставима с инструментальными методами съемки, но значительно превосходит их по скорости проведения и количеству получаемых данных. Ярким примером такого вида съемки (рис. 22) служит городище в уроч. Городище, расположенное в Валковском р-не.

Одной из самых интересных, на наш взгляд, методик использования дронов в археологии является методика построения 3D-моделей археологических памятников. Первичным материалом для моделей могут служить фотографии снятые «в надир». Как описывалось выше, после выравнивания исходных снимков и получения облака точек, строится полигональная модель поверхности. Это векторная модель поверхности, состоящая из множества треугольников. Таким образом мы получаем из двумерных фотоснимков 3-мерную модель описывающую не только линейные размеры объекта

по осям X и Y, но и его форму. На этом этапе мы уже переходим на новый уровень — получаем и фиксируем топологическую информацию об исследуемом археологическом памятнике. Как правило, векторная модель может быть покрыта текстурой, тождественной по цвету и форме исходному объекту. В этом случае векторная модель будет предельно фотореалистична и по внешнему виду полностью воссоздавать не только форму, но и текстуру поверхности моделируемого объекта. Полигональная модель так же, как и ортофотоплан, имеет геопривязку, что позволяет проводить любые измерения археологического памятника по его модели. Такая возможность особенно полезна при проведении раскопок, когда облик вскрываемого археологического памятника день ото дня меняется, и часть пространственной (топологической) информации о нем безвозвратно теряется в процессе работы. Последовательное создание 3D-моделей археологических памятников в процессе раскопок позволяет получать такие модели на разных этапах вскрытия памятника, делать как бы объемные цифровые «стоп-кадры». В дальнейшем такие последовательности моделей могут быть использованы как в научных, так и учебно — методических целях. Мы опробовали данную методику в процессе раскопок кургана Турецкая Могила [Окatenко, Скорый 2016, с. 25—26], сделав 3D-модели кургана на этапе зачистки профилей насыпи и после вскрытия самой могилы¹. В дальнейшем 3D-модели могут быть экспортированы в специализированные программы для работы с 3D-объектами для выполнения линейных измерений, а также измерений площадей и объемов и визуализации этих моделей. В данном случае под визуализацией мы понимаем созда-

1. Фотоматериалы раскопок кургана Турецкая Могила, полученные с помощью БПЛА см. в публикации В.Н. Окatenко и С.А. Скорого в настоящем сборнике.

Рис. 15. Месторасположение Старовалковского городища и Можеского острога в с. Старые Валки: 1 — на географической карте 1 : 50000; 2 — фото Google, 2016 г.; 3 — на топографической карте

ние виртуальных фотоснимков и видеокладов на основе цифровых 3D-моделей. Для этих задач могут применяться геодезические программы и программы для работы с 3D-моделями типа Autodesk AutoCAD Civil 3D, Cinema4D, 3DS Max.

Еще одной производной обработки аэрофотоснимков с дронов являются карты высот. В отличие от 3D-моделей, описанных выше, они не содержат полного векторного представления поверхности местности или археологического памятника. В них имеется только информация о различиях в высоте точек, формирующая изображение объекта. Как правило, эта информация закодирована в виде цветовой окраски точек. Шкала высот имеет цветовую кодировку, и в соответствии с ней в условные цвета окрашиваются все точки изображения. Достоинством этого метода отображения топологии поверхности исследуемой местности является то, что у нас есть непрерывная картина, передающая информацию о форме объекта (длине, ширине и высоте), лишенную какого бы то ни было визуального шума в виде естественного цвета его поверхности, скрадывающего восприятие формы данного объекта. Такие виды работ выполнены нами на курганных могильниках, расположенных у с. Высокополье [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 58], в Перекопском и Барановском сельсоветах, а также на городищах у Старых Валок и уроч. Городище (рис. 4; 6; 8; 17; 21, 1 — см. вклейку).

Отдельной задачей является создание карт высот местности, покрытой лесом. Несмотря на внешнюю схожесть задач, и конечных результатов, методика получения карт высот поверхности земли лесистой местности на много сложнее, чем на открытых участках. Как мы помним, исходными данными для получения карт высот являются фотоснимки и полученное

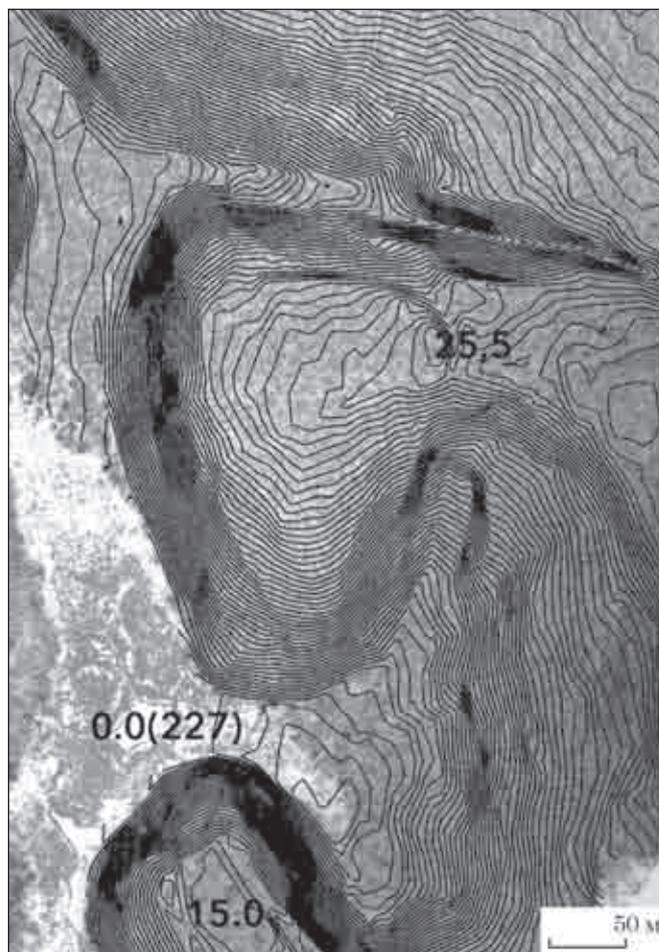

Рис. 16. Ортофотоплан местности покрытой лесом у с. Старые Валки с нанесением микрорельефа

на основе анализа перекрывающихся областей облако точек. В случае с открытой местностью основным вкладом в получаемое облако точек будет оптическая поверхность земли, что и нужно нам. В случае же с лесистой местностью основной вклад будет со стороны крон деревьев, и совсем незначительный — со стороны участков поверхности земли, видимых сквозь

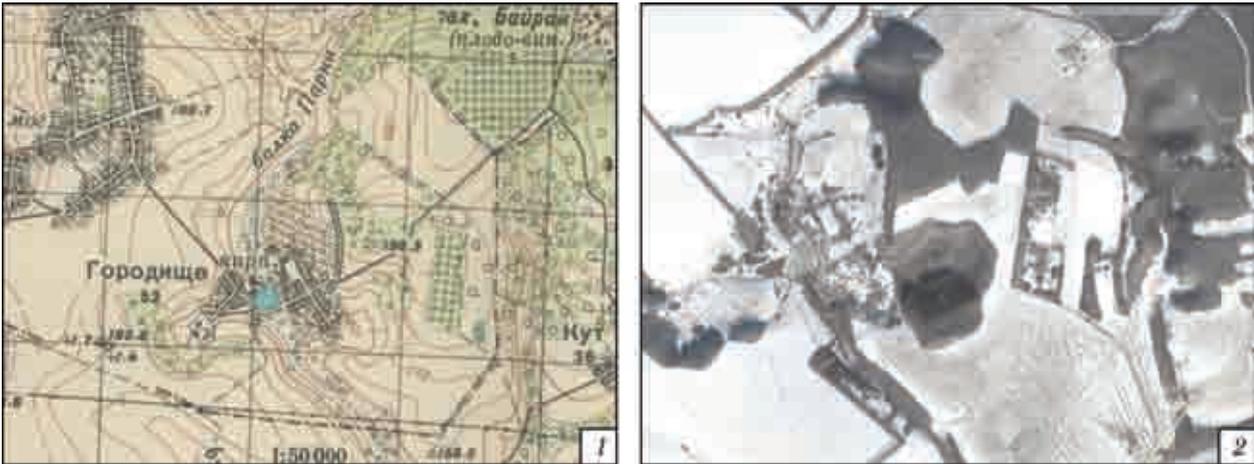

Рис. 18. Месторасположение городища в уроч. Городище (Куколевского) в Валковском р-не: 1 — на географической карте 1 : 50000; 2 — фото Google, 2016 г.

Рис. 19. Обзорная аэрофотосъемка городища в уроч. Городище в осенний период (вид с юго-востока)

просветы крон. В этом случае полученная традиционным способом карта высот будет описывать высоты поверхности, огибающей кроны деревьев, а это совсем не то, что требуется для археологии. Для того чтобы и в этом случае получить карту высот именно поверхности земли, требуется другая методика, основанная на стереофотограмметрии. В упрощенном виде суть ее сводится к следующему: из исходных фотоснимков формируются стереопары, которые рассматриваются визуально, и на них в «ручном» режиме выделяются точки, соответствующие поверхности земли. В дальнейшем, на основании массива полученных таким образом точек, строится карта высот поверхности Земли. Процесс этот долгий и трудоемкий, т.к. плохо поддается автоматизации. Но и результат этой работы сложно переоценить. Это

один из очень немногих методов получения рельефа на территориях, покрытых растительностью. Работа инструментальными методами в лесу крайне затруднительна и трудоемка, ввиду ограниченной видимости для теодолитной съемки. Низкое качество, а иногда и невозможность приема GPS-сигнала под кронами деревьев также сильно затрудняет или делает невозможной получение рельефа при помощи GPS. Мы использовали методику получения рельефа поверхности Земли в условиях лесной растительности на территории 2 городищ, расположенных на юго-восточной оконечности Перекопского вала у с. Старые Валки. Несмотря на неблагоприятное время съемок, при внимательном рассмотрении полученных материалов можно проследить контуры сохранившегося мощного участка вала в северной

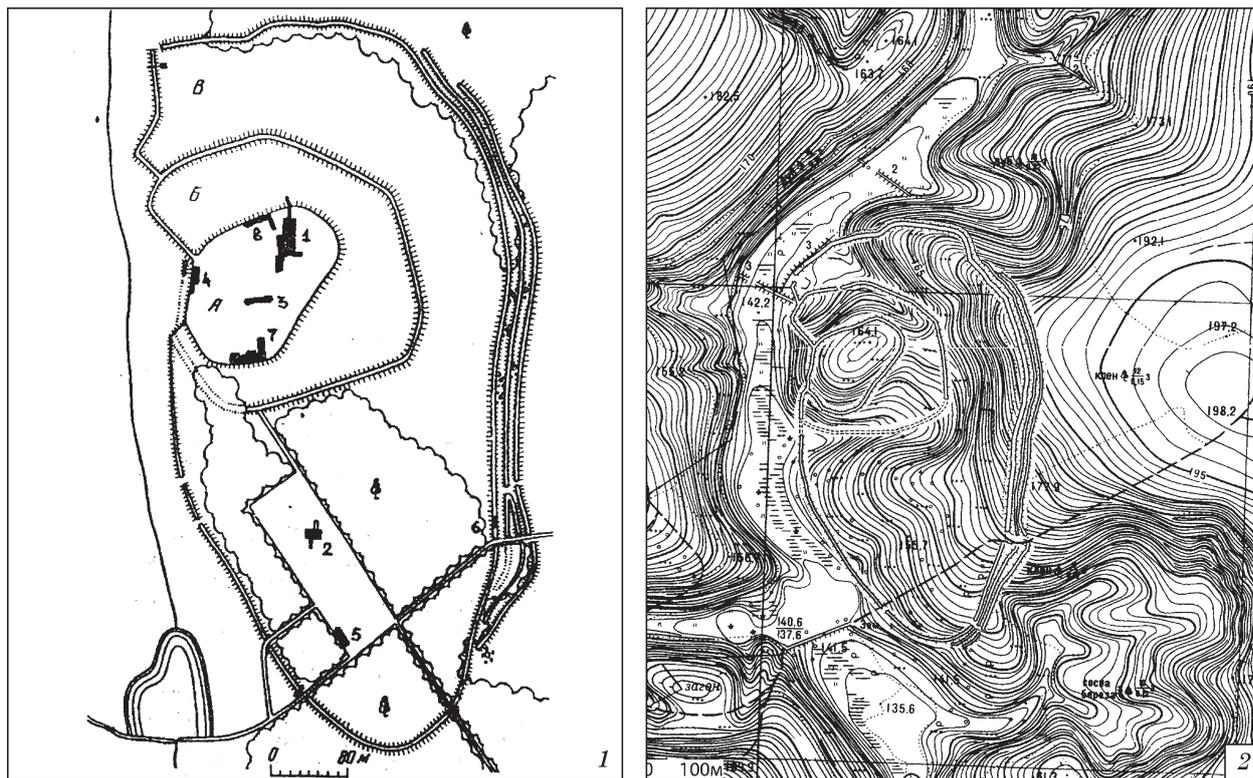

Рис. 20. Городище в уроч. Городище: 1 — съемка Б.А. Шрамко 1951 г., дополненная Ю.В. Буйновым 2001—2003 гг.; 2 — нанесение плана городища на топографическую основу

части скифского городища и полные очертания Можеского острога середины XVII в., с четко выраженными местами расположения башен (рис. 15—17).

Наконец, еще одной методикой, связанной с картами высот, является получение изолиний рельефа. Это привычное для геодезистов и археологов отображение информации о высотах рельефа, которое также помогает обнаруживать топологические паттерны, могущие указывать на искусственный характер некоторых участков рельефа, или позволяют более точно определить геометрию исследуемого объекта (рис. 3; 8; 12; 14, 2; 16; 17; 22 — см. вклейку). Особенно это важно для изучения разрушенных и запаханых курганов и майданов. Примером здесь может служить бесконтактное зондирование майдана одного из могильников возле Перекопского вала, которое позволило установить в его центре углубление, не фиксируемое визуально. Это обстоятельство может указывать нам на то, что здесь был довольно крупный курган, разрушенный в процессе селитроварения (рис. 4, 2).

Подведем итоги.

1. Использование указанных методик, благодаря своей доступности, позволяет не только выявлять новые объекты, визуально не фиксируемые на местности (при сильной распахке, в густом лесу и пр.), но и делать довольно точные топографические планы ландшафтов и GPS-привязки самих памятников. Не менее важно — обзорное и объемное представления о них.

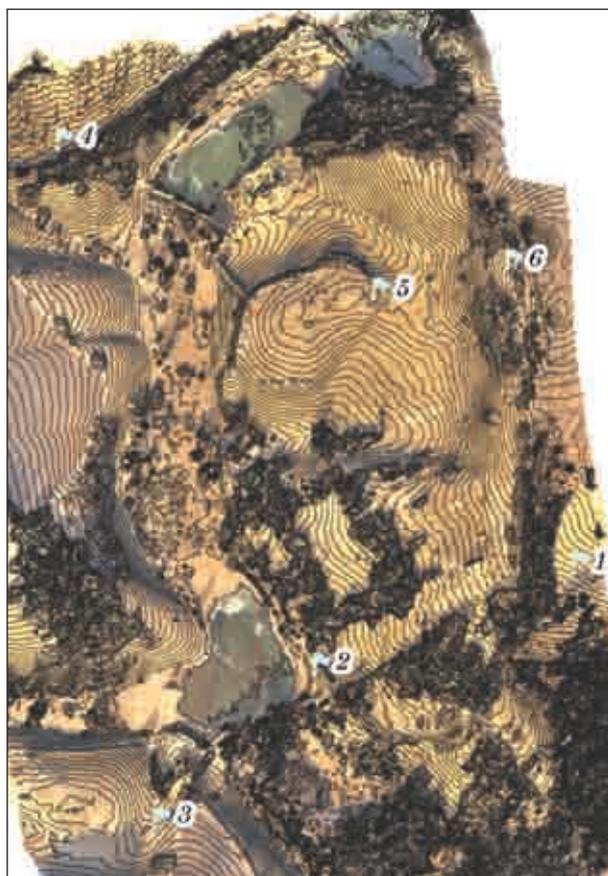

Рис. 22. Ортофотоплан городища в уроч. Городище (осенний период) с нанесением микрорельефа и пунктов опорных точек, зафиксированных геодезическим прибором GPS

2. Изучение топологии археологических объектов позволяет рассматривать их в неразрывной связи с ландшафтами, на которых они находятся, и объединить их в единую систему — т. н. культурные ландшафты.

3. Огромное значение эти работы имеют также для охраны археологического наследия. БПЛА позволяют в довольно короткие сроки делать фотофиксацию и привязки к глобальной системе координат, что в дальнейшем поможет создать банк данных и проводить своевременные охранные мероприятия.

4. Фотоальбомы с видами археологических памятников с воздуха, их 3D-модели способствуют популяризации археологического знания в учебных заведениях, научных учреждениях и широких кругах населения.

Альбовский Е.А. Валки, украинский город Московского Государства // СХИФО. — 1905. — Т. 16. — С. 9—53.

Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Харьков, 2005. — 284 с.

Бандуровский А.В. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской обл. в 1997 г. / НА ІА НАН України. — 1997/19.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. — Харьков, 1998. — С. 143—182.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. — К., 2000. — 245 с.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации скифии // СА. — 1990. — № 4. — С. 30—45.

Буйнов Ю.В., Окатенко В.Н. Раскопки городища скифского времени в уроч. Городище // АБУ 2002—2003 рр. — 2004. — С. 9—12.

Буйнов Ю.В., Гречко Д.С. Некоторые итоги раскопок городища в уроч. Городище (к вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры) // АДУ 2003—2004 рр. — 2005. — С. 13—17.

Голубева І.В. Відновлення досліджень першої Валківської фортеці // Нові дослідженні пам'яток козацької доби в Україні. — 2006. — Вип. 15. — С. 27—31.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.

Гречко Д.С., Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012. — 197 с.

Квитковский В.И., Юшков Д.Ю. Использование спутниковой съемки местности для поиска памятников раннего железного века на Харьковщине // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы X Междунар. конф., посвящ. 125-летию проф. К.Э. Гриневича (Харьков, 4—5 ноября 2016 г.). — Харьков, 2016. — С. 24—25.

Загоровский В.П. Изюмская черта. — Воронеж, 1980. — 238 с.

Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. — М., 2011. — 221 с.

Окатенко В.М., Голубева І.В. Результати археологічних обстежень на території м. Харкова і Харківської області у 2014 р. // АДУ 2014 р. — 2015. — С. 237—238.

Окатенко В.М., Голубева І.В. Звіт про наукові археологічні експертизи і охоронні розкопки в м. Харкові

і Харківській області та наукові розвідки в Донецькій області в 2014 р. / Архів ХІМ.

Окатенко В.Н., Скорый С.А. Скифский курган «Турецкая Могила» // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы X Междунар. конф., посвящ. 125-летию проф. К.Э. Гриневича (Харьков, 4—5 ноября 2016 г.). — Харьков, 2016. — С. 25—26.

Саяний М.І. Соловецьке городище — невідома пам'ятка археології Зміївщини // Харьковський історико-археологічний збірник. — 2015. — Вип. 17. — С. 18—22.

Свистун Г.Е., Квитковский В.И., Юшков Д.Ю. Знаменское городище скифского времени на Харьковщине // АДІУ. — Вип. 2 (19). — 2016. — С. 233—256.

Чудинов А.Н. (ред.) Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — СПб, 1894. — 1004 с.

Шрамко Б.А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця // Археологія. — 1962. — Т. XIV. — С. 136—155.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. — К., 1977. — 155 с.

Шрамко Б.А. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. — К., 1984. — С. 218—229

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.

В.М. Окатенко, Д.В. Следюк

ВИВЧЕННЯ ТОПОЛОГІЇ АРХЕОЛОГІЧНИХ ОБ'ЄКТІВ ФОТОГРАМЕТРИЧНИМ МЕТОДОМ ІЗ ВИКОРИСТАННЯМ БЕЗПІЛОТНИХ ЛІТАЛЬНИХ АПАРАТІВ

Останні роки вивчення пам'яток скіфського часу у басейні Сіверського Дінця ознаменувалися відкриттям великої кількості поселенських структур (городищ, поселень) і курганних могильників, що тягнуть до них.

Усі ці відкриття нерозривно пов'язані з розвитком технологій безконтактного зондування землі і застосування їх до вивчення об'єктів археологічної спадщини. Вивчення даних дистанційного зондування і методи геофізики, що базуються на застосуванні ГІС-технологій, отримали визнання за кордоном і вже активно впроваджуються в археологічну практику на пострадянському просторі.

Найдоступнішою для археолога є наявна у відкритому доступі супутникова зйомка землі. Цей метод має потенціал не лише для виявлення нових об'єктів, але і для уточнення меж вже відомих пам'яток. Не дивлячись на це, його можна зарахувати, хоч і до надзвичайно зручного та доступного, але лише первинного методу дослідження пам'яток, зважаючи на ряд недоліків супутникових фото.

Саме безпілотні літальні апарати являються для дослідників (на сучасному етапі розвитку) найбільш доступним і прогресивним засобом для вивчення топології (геометрія розташування) археологічних об'єктів. Стосовно археології, ми можемо говорити про вивчення форми і розмірів археологічних пам'яток в їх нерозривному зв'язку з ландшафтами, на яких вони знаходяться.

Влітку—взимку 2016—17 рр. автори провели ряд досліджень за допомогою дронів на пам'ятках ран-

ньої залізної доби, розташованих в Харківській області (кургани і городища біля Перекипського валу, кургани в м. Люботин і в смт Пісочин, а також городище в уроч. Городище). Таким чином, на сьогодні ми виділили і випробували декілька методів застосування повітряної зйомки з БПЛА для вирішення завдань, що стоять перед археологією. Ось їх коротке позначення: 1) оглядова аерофотозйомка; 2) зйомка сферичних панорам; 3) зйомка ортофотопланів; 4) географічна прив'язка ортофотопланів і об'єктів на них; 5) створення 3D-моделей археологічних пам'яток; 6) створення карт висот відкритої місцевості; 7) створення карт висот лісної місцевості; 8) створення ізольних висот на основі карт висот.

Підіємо підсумки.

1. Використання вказаної методики, завдяки своїй доступності, дозволяє нам не лише виявляти нові об'єкти, що візуально не фіксуються на місцевості, але і робити досить точні плани і GPS-прив'язки цих пам'яток, оглядове і об'ємне уявлення про них.

2. Вивчення топології археологічних об'єктів дозволяє нам розглядати їх в нерозривному зв'язку з ландшафтами, на яких вони знаходяться і об'єднувати їх в т.зв. культурні ландшафти.

3. Величезне значення ці роботи мають також для охорони археологічної спадщини. БПЛА дозволяють в досить швидкі терміни робити фотофіксацію і прив'язки до світової системи координат, що надалі дозволить створити банк даних і проводити своєчасні охоронні заходи.

4. Фотоальбоми з видами археологічних пам'яток з повітря, їх 3D-моделі сприяють популяризації археологічного знання в широких колах населення.

Ключові слова: топологія, зондування, супутникова зйомка, дрон, поселення, курганні могильники.

V.N. Okatenko, D.V. Sledyuk

STUDY OF THE ARCHAEOLOGICAL OBJECTS' TOPOLOGY BY PHOTOGRAMMETRIC METHOD WITH USING UNMANNED AERIAL VEHICLES

The last years of the study of Scythian time monuments in the Seversky Donets Basin were marked by the discovery of a large number of settlement structures: fortifications, settlements and located near them burial mounds.

All these discoveries are inextricably linked with the development of technologies for contactless sounding of the earth and their application to the study of archaeological heritage sites. The study of remote sensing data and methods of geophysics based on the application of GIS technologies have gained recognition abroad and

are already actively being introduced into archaeological practice in the post-Soviet space.

The most accessible for the archaeologist is the available in the open access Earth satellite imagery. This method has the potential not only to identify new objects, but also to clarify the boundaries of already known monuments. But despite this it can be attributed, albeit to a very convenient and affordable, but only to the primary method of researching monuments because of a number of shortcomings in satellite photos.

Unmanned aerial vehicles is the most accessible and progressive means for researchers at the current stage of development for studying the topology (placement geometry) of archaeological objects. As applied to archeology, we can talk about studying the shape and size of archaeological sites in their inseparable connection with the landscapes on which they are located.

In the summer—winter of 2016—17 the authors conducted a series of studies using drones on the monuments of the Early Iron Age located in the Kharkov region (burial mounds and hillforts near the Perekopsky Val, burial mounds in the city Lubotin and in the urban-type settlement Pesochin, and also a hillfort in the natural boundary Gorodische). Thus, to date, we have identified and tested several techniques for using aerial survey with UAV to solve the challenges facing archeology. Here is their short notation: 1) survey aerial photography; 2) shooting spherical panoramas; 3) photographing of orthophotomaps; 4) geo-referencing orthophotomaps and objects on them; 5) creation of 3D-models of archaeological monuments; 6) creation of elevated elevation maps; 7) creation of maps of heights of a wooded area; 8) create heights isolines based on height maps.

Thus.

1. Using these methods due to its availability allows us not only to identify new objects not fixed in the terrain visually, but also to make fairly accurate plans and GPS bindings of these monuments, a survey and a three-dimensional view of them.

2. The study of the topology of archaeological objects allows us to consider them in indissoluble connection with the landscapes on which they are located and combine the so-called «cultural landscapes».

3. These works are also of great importance for the archaeological heritage's protection. UAVs allow you to make photo fixations and bindings to the world coordinate system in a relatively short time, which in the future will enable creating a data bank and conducting timely security measures.

4. Photo albums with types of archaeological monuments from the air, their 3D-models promote the popularization of archaeological knowledge in wide circles of the population.

Keywords: topology, contactless sounding, satellite imagery, drone, settlements, burial mounds.

Одержано 11.03.2017

Т.Ю. Гошко

ПРО ТЕХНОЛОГІЮ ВИГОТОВЛЕННЯ ЯГОРЛИЦЬКОГО КАЗАНА

У статті детально описано технологічний процес виготовлення Ягорлицького казана. Аналіз складу металу вказав на походження його з родовищ Донбасу.

Ключові слова: технологія, металографічний та рентгенофлуоресцентний аналіз.

До теми клепаных казанів О.І. Тереножкін звертався неодноразово [Тереножкін, 1962; 1976]. Останньою стала робота, теж присвячена публікації казана, який ввійшов у науковий обіг під назвою Ягорлицький [Тереножкін, 1982, с. 218—223]. Казан знайдений випадково неподалік від с. Іванівка Голопристанського р-ну Херсонської обл. на східному березі Ягорлицької затоки Чорного моря. На сьогодні зберігається у Наукових фондах Інституту археології НАН України (кол. № 886). О.І. Тереножкін вважав, що Ягорлицький казан, на відміну від інших клепаных казанів, зібраний із трьох відлитих частин [Тереножкін, 1982, с. 219]. Проведене візуальне обстеження лише частково підтвердило це твердження і стало причиною більш детального вивчення технології його виготовлення.

Корпус казана зібраний із двох частин: верхнього кільця із ручками кільцеподібної форми з круглим отвором та придонної частини (рис. 1). Він має прямі потовщені вінця; невисоку пряму шийку, яка переходить у низькі слабо виражені плічки через уступ; округлий у верхній частині корпус, різко звужується до дна. Піддон казана усічено-конічної форми. Параметри такі, мм: загальна висота казана з деталями — 507; висота корпусу — 385; висота шийки — 30; висота першого кільця — 198;

висота придонної частини — 187; висота ручок — 62; отвори ручок — 42; діаметр вінців — 527; діаметр у місці найбільшого розширення корпусу — 530; висота піддона — 60; верхній діаметр піддона — 133; нижній діаметр піддона — 274; товщина металу на ручках — 12; товщина вінців — 13; товщина металу на шийці — 6; товщина стінки верхнього кільця — 2,5—3; товщина металу дна $\approx 1,5$, на стінках — 2,5; товщина металу на піддоні — 4; діаметр голівки заклепки на піддоні — 11. Загальна кількість заклепок — 41 шт.; кількість заклепок на піддоні — 5 шт. Заклепки зроблені з рубаного квадратного в розрізі прута — 5×5 мм; товщина стрижня заклепки на піддоні — 7 мм. Маса казана — 14 кг.

Проведене дослідження виявило, що казан виготовлений із використанням змішаної технології — литтям та куванням. До такого висновку привело докладне візуальне вивчення поверхонь усіх трьох частин посудини та їх металографічний аналіз.

Заготовка верхнього кільця разом із ручками відлита за моделлю, що втрачається. Сліди роботи з моделлю лишилися на двох масивних кільцеподібних ручках. Окремо вирізані з плитки воску ручки були припаяні до вінців моделі кільця. Хоча сліди пайки на моделі старанно прибрані, та незначні нерівності і вм'ятини з внутрішнього боку все ж лишилися (рис. 2, 1, 2). Діаметр вінців був заданий при створенні моделі й при подальшій ковальській обробці не змінювався. Поверхня вінців прокована. Свідченням тому є результати металографічного дослідження зразка, вирізаного з вінців (ан. 347). На тлі деформованої куванням вилитої дендритної мікроструктури були виявлені частково рекристалізовані поліедричні зерна зі

Рис. 1. Ягорлицький казан

значною кількістю двійників та незначна кількість евтектоїду, що в деяких місцях помітно витягнутий ланцюжками. Величина зерен — 0,035—0,045 мм. Мікротвердість — 108,76 кг/мм² (див. далі: рис. 9, 1, 2).

Основи технології лиття бронзового казана з Ягорлика подібні до технології відливання казанів скіфського часу, детально описаної С.В. Демиденком [Демиденко, 2008, с. 32—34].

Різниця полягає лише в меншій складності. Отже, верхнє кільце ягорлицького казана було відлите одночасно разом із ручками. Спочатку встановлювалася пласка підставка, яка була потрібною для формування вінця казана. По обидва протилежні боки підставки лишали отвори для зручного приєднання моделей ручок. Потім на неї поміщався ливарний стрижень у вигляді кільця положенням вінцями донизу.

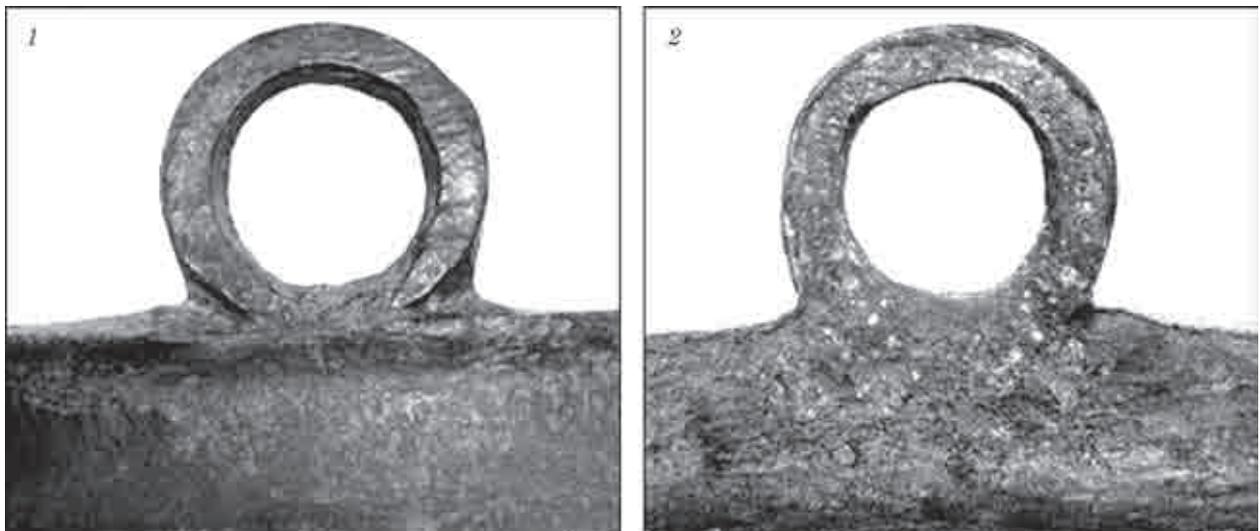

Рис. 2. Ручка Ягорлицького казана: 1 — вигляд ззовні; 2 — вигляд ізсередини

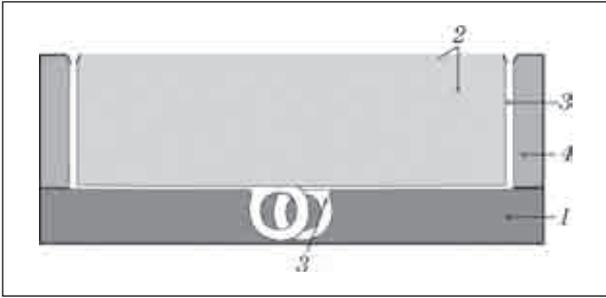

Рис. 3. Схема ливарної форми верхнього кільця із ручками: 1 — підставка; 2 — ливарний стрижень; 3 — воскова модель кільця; 4 — стінки форми

Рис. 4. Сліди кування на внутрішній поверхні

Про це свідчать горизонтальні вінця на литві. Далі на стрижень наносився потрібний шар модельної суміші, а знизу прикріплювалися моделі ручок. Насамкінець уся конструкція замазувалася глиною. Як і в якому місці розташовувалися ливникові канали сказати неможливо, бо відлите кільце було заготовкою для подальшого кування. Схема ливарної форми показана на рис. 3.

Шийка казана, що закінчується плавним уступом, формувалася куванням, яке провадилося ззовні. Техніка кування добре реконструюється за слідами, що лишилися на поверхні. На самому уступі помітні горизонтальні сліди від ковальського інструменту, що наче його підкреслюють. Ділянка нижче уступу піддана формувальній ковальській доробці зсередини. Вся внутрішня поверхня вкрита горизонтальними слідами від двох ковальських інструментів (рис. 4). На зовнішній поверхні результат кування простежується у вигляді горизонтальних опуклих смуг (рис. 5). Отже, кування було направлено на збільшення діаметру кільця.

Верхнє кільце вставлене в придонну частину, що виготовлена в інакший спосіб. Заготовкою

Рис. 5. Сліди кування на зовнішній поверхні

Рис. 6. Сліди вирізання шматочків металу в місцях утворення гофрів

для неї, ймовірно, була плаский зливоч, який потім кувався на ковадлі з виїмкою. За слідами, що залишилися на металі, можна реконструювати послідовність кування різними інструментами. Груба розгонка металу провадилася молотками з широким бійком на підкладному ковадлі з виїмкою. Такі пристосування й досі широко використовуються мідниками. З огляду на те, що внутрішня поверхня на деталі —

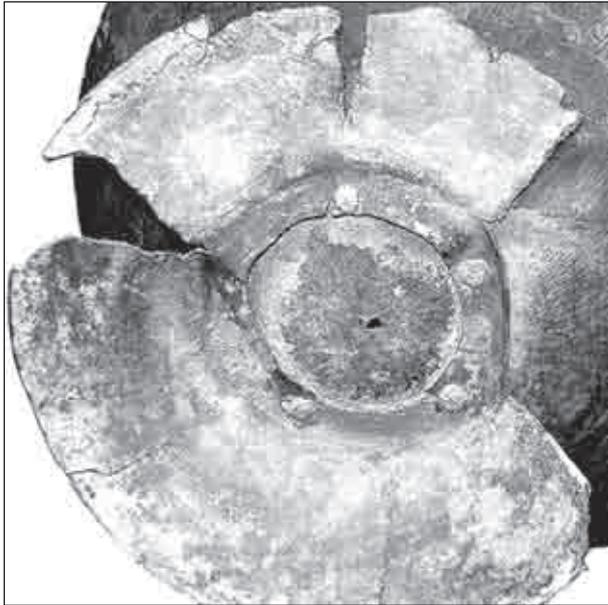

Рис. 7. Місце з'єднання піддону з дном казана

від дна до середини висоти — не має помітних слідів кування, можна припустити, що молоток був дерев'яний. Проведені експериментальні роботи показали, що дерев'яний інструмент не залишає чітких слідів на мідній блясі.

При дифовці в результаті ударів молотка відбувається місцеве сплюскування металу, тобто зменшується його товщина, але збільшується площа. Тому, якщо взяти пласку заготовку й на ковадлі обробляти її центральну частину, то заготовка почне вигинатися, набуваючи форму напівсфери. При глибокому витягуванні по краях заготовки утворюються складки (гофри), які необхідно розпрямити. На Ягорлицькому казані майстер, замість того, щоб їх розпрямляти, по краях придонної частини висік не-

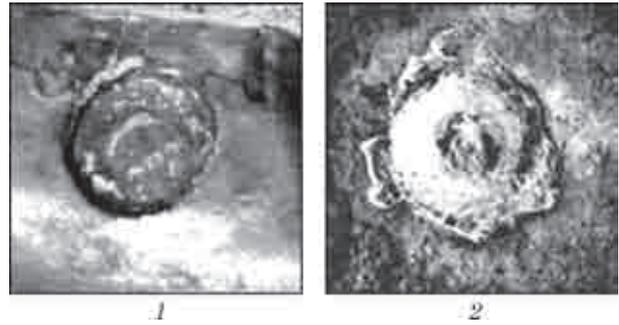

Рис. 8. Заклепка на піддоні: 1 — замикальна шайба; 2 — закладна голівка

величкі трикутні шматочки металу, які потім стягнув проковуванням (рис. 6).

Складові казана з'єднані в нероз'ємну конструкцію за допомогою заклепок. Ширина клепувального шва на Ягорлицькому казані неоднакова й коливається від 21 до 33 мм.

Для металографічного дослідження вирізано зразок на верхньому зрізі придонної частини, що припадає на шов (ан. 346). Спостерігається плавно витягнутий ланцюжками евтектоїд. Мікроструктура — рекристалізовані поліедричні зерна зі значною кількістю двійників на тлі залишкової дендритної ліквіації. Величина зерен — 0,035—0,045 мм. Мікротвердість — 110,76 кг/мм² (див. далі: рис. 9, 3). Отже, придонна частина викувана з відливої заготовки зі ступенем обтискування близько 60 %. Без сумніву, кування провадилося із проміжними відпалюваннями при температурах до 600 °С.

Піддон цього казана відрізняється від усіх відомих на сьогодні. Він вилитий за восковою моделлю й має форму усіченого конуса з кутом нахилу стінок 45°. Сліди обробки моделі спостерігаються на поверхні піддона. У місці

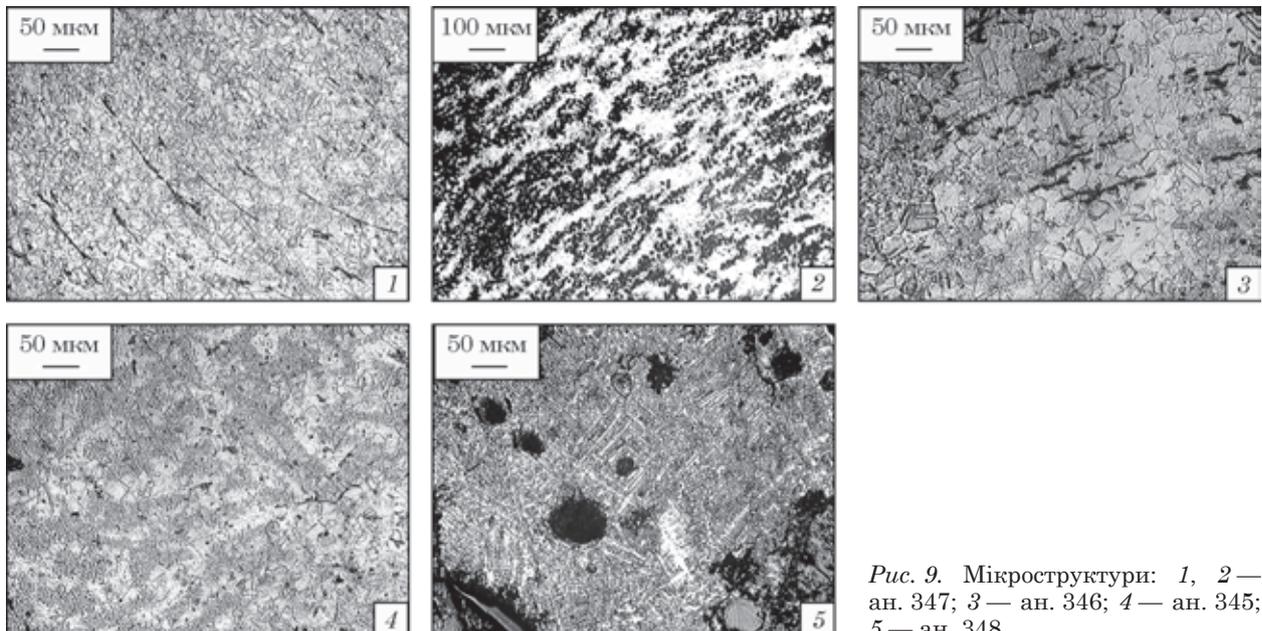

Рис. 9. Мікроструктури: 1, 2 — ан. 347; 3 — ан. 346; 4 — ан. 345; 5 — ан. 348

Таблиця 1. Таблиця спектральних аналізів металу казанів

Пам'ятка	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
Дикий Сад	1201	осн.	0,511	0,226	0	0,012	0,138	0,181	1,457	0,14	0	0
Кам'янка	1204	»	7,922	0,133	0	0	0,032	0,339	0,132	0,007	0,452	0,046
Там само	1205	»	6,0	0,102	0	0	0	0,809	0,442	0,004	0	0
»	1206	»	7,059	0,196	0	0	0,034	0,257	0,226	0	0,725	0,039
»	1206a	»	7,054	0,187	0	0	0,032	0,246	0,189	0,004	0,801	0
»	1388	»	1,857	0,387	0	0,008	0,093	0,168	1,831	0,036	0,03	0
»	804	»	1,638	0,227	0	0	0,054	0,059	0,681	0	0,089	0,019
Лубни, скарб	1388	»	1,857	0,387	0	0,008	0,093	0,168	1,831	0,036	0,03	0
Приватна колекція	804a	»	10,49	0,415	0	0	0,103	0,064	0,681	0,014	0,071	0,007
Те саме	805	»	0,035	0,023	0	0,003	0,069	0,028	1,5	0	0,09	0,016
»	806	»	2,075	0,219	0	0	0,069	0,088	0,729	0,009	0,083	0,008
»	807	»	0,085	0,473	0	0	0,047	0,039	0,906	0,022	0,084	0,013
»	808	»	0,99	0,14	0,086	0	0,036	0,079	0,343	0,225	0,075	0,011
МОКМ	1202	»	2,423	0,226	0	0	0,054	0,071	0,836	0,03	0,09	0
Там само	1203	»	0,43	0,101	0	0	0,071	0,048	1,269	0,018	0,412	0
Новопавлівка	256	»	6,775	0,088	0,228	0	0,026	0,093	0,397	0	0,085	0
Покровка	255	»	7,328	0,237	0	0	0,015	0,129	0,424	0,073	0,073	0
Ягорлик	666	»	3,97	0,137	0	0	0,045	0,117	0,347	0,11	0,111	0
Там само	667	»	4,851	0,172	0	0	0,053	0,183	0,594	0,073	0,128	0
»	668	»	3,384	0,108	1,148	0	0,072	0,081	0,322	0,081	0,156	0
»	668a	»	6,517	0,111	0	0	0,044	0,214	0,451	0,02	0,089	0,01

Скорочення: Осн. — основа. Приватна кол. — приватна колекція А.В. Козименка; МОКМ — Миколаївський обласний краєзнавчий музей.

Таблиця 2. Результати ізотопного аналізу Ягорлицького казана, заклепка

Pb^{206}/Pb^{204}	Pb^{207}/Pb^{204}	Pb^{208}/Pb^{204}	Pb^{207}/Pb^{206}	Pb^{208}/Pb^{206}
18,388	15,666	38,528	0,85188	2,09520

з'єднання з дном казана піддон по периметру загнутий усередину й розклепаний (рис. 7).

Зразок для металографічного аналізу вирізаний у центрі піддона (ан. 345). На шліфі спостерігається невелика кількість евтектоїду та частково рекристалізовані поліедричні зерна на тлі залишкової дендритної структури. Величина зерен — 0,035—0,045 мм. Мікротвердість — 100,5 кг/мм² (див. далі: рис. 9, 4). Форма евтектоїда в поєднанні з мікроструктурою вказує на те, що заміна вилитої структури відбувалася внаслідок нагрівання піддона для розклепування в місці приєднання його до придонної частини. До дна казана піддон прикріплений п'ятьма заклепками, що зсередини казана мають напівкруглі й трохи сплячені по центру голівки. Навколо заклепок є ривчак, що утворився від підкладного інструменту (рис. 8, 1). Цікаво, що вибір форми заклепки залежить від призначення заклепкового шва. На швах, що потребують великої міцності й щільності, застосовують заклепки з напівкруглою голівкою. Якраз такі й застосовані при

з'єднанні корпусу з піддоном. На додаток заклепкове з'єднання зміцнене ще й замикаючими шайбами, які особливо важливі тоді, коли є загроза для заклепок бути вирваними (рис. 8, 2), а цей казан великого об'єму та має відлитий важкий піддон.

Клепання провадилося без нагрівання заклепок. На такий висновок наптовхнуло дослідження мікроструктури на голівці заклепки (ан. 348). По всій поверхні шліфа спостерігаються великі пори та глобули окису міді. Мікроструктура вилита. Дендрити мають довгі осі з короткими гілками (рис. 9, 5).

Проведений спектральний аналіз в лабораторії ІА НАН України показав, що складові казана викувані із олов'янистої бронзи (табл. 1). Результати ізотопного (Pb-isotope) аналізу заклепки з піддону (табл. 2), проведеного в Стокгольмі (Swedish Museum of Natural History, Stockholm), вказують на ймовірне походження металу з міднорудної провінції Донбасу (детальніше неможливо через малий порівняльний матеріал).

Завжди хочеться отримати якнайбільше інформації від аналітичних даних: з'ясувати звідки походить метал та кому належить авторство у виробництві клепанних казанів. У лабораторії Інституту археології НАН України були проаналізовані ще декілька казанів, що походять із Дикого Саду, Кам'янки та казана невідомого походження (Миколаївський обласний

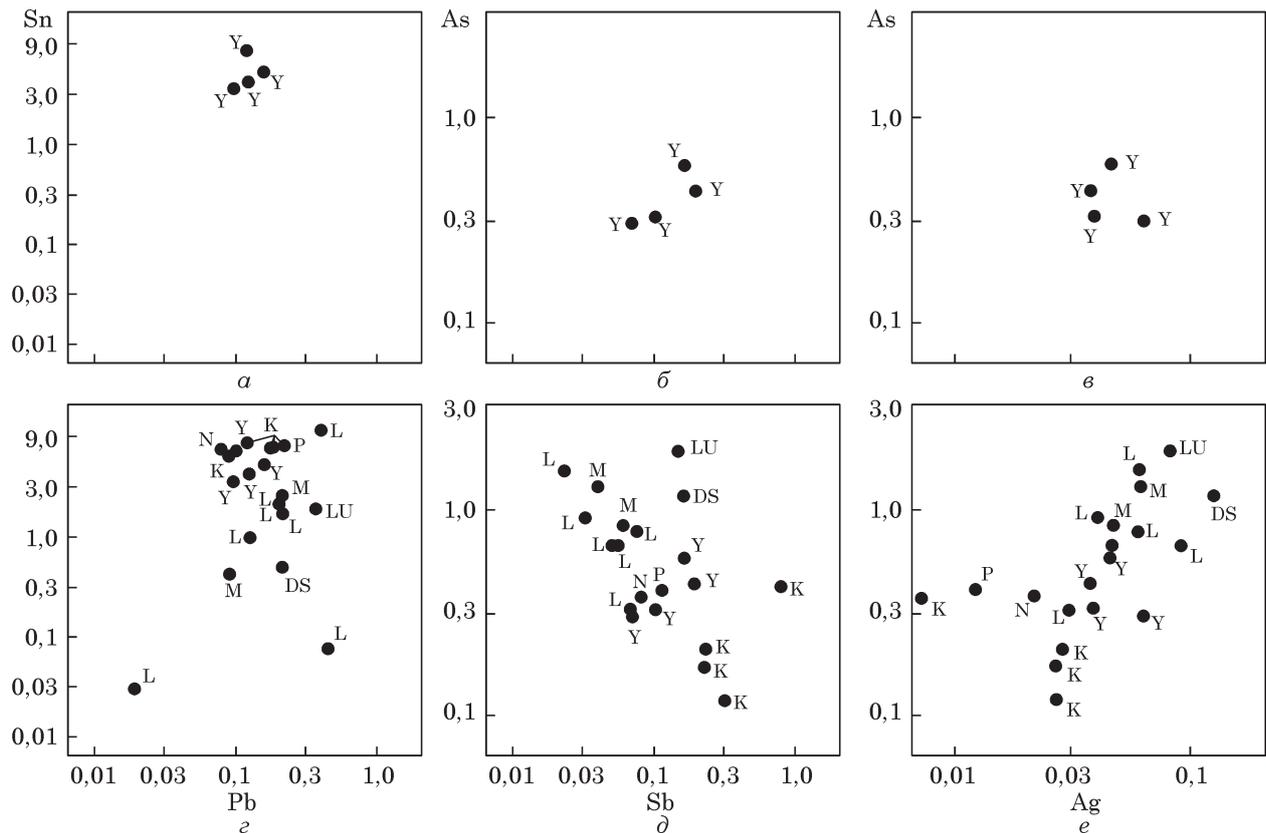

Рис. 10. Кореляційні графіки домішок до міді: а–в — Ягорлицький казан; г–е — Ягорлицький казан та інші казани. Умовні позначення: DS — Дикий Сад; К — Кам'янка; Lu — Лубенський; L — приватна колекція А.В. Козименка; М — Миколаївський обласний краєзнавчий музей; N — Новопавлівка; P — Покровка; Y — Ягорлицький

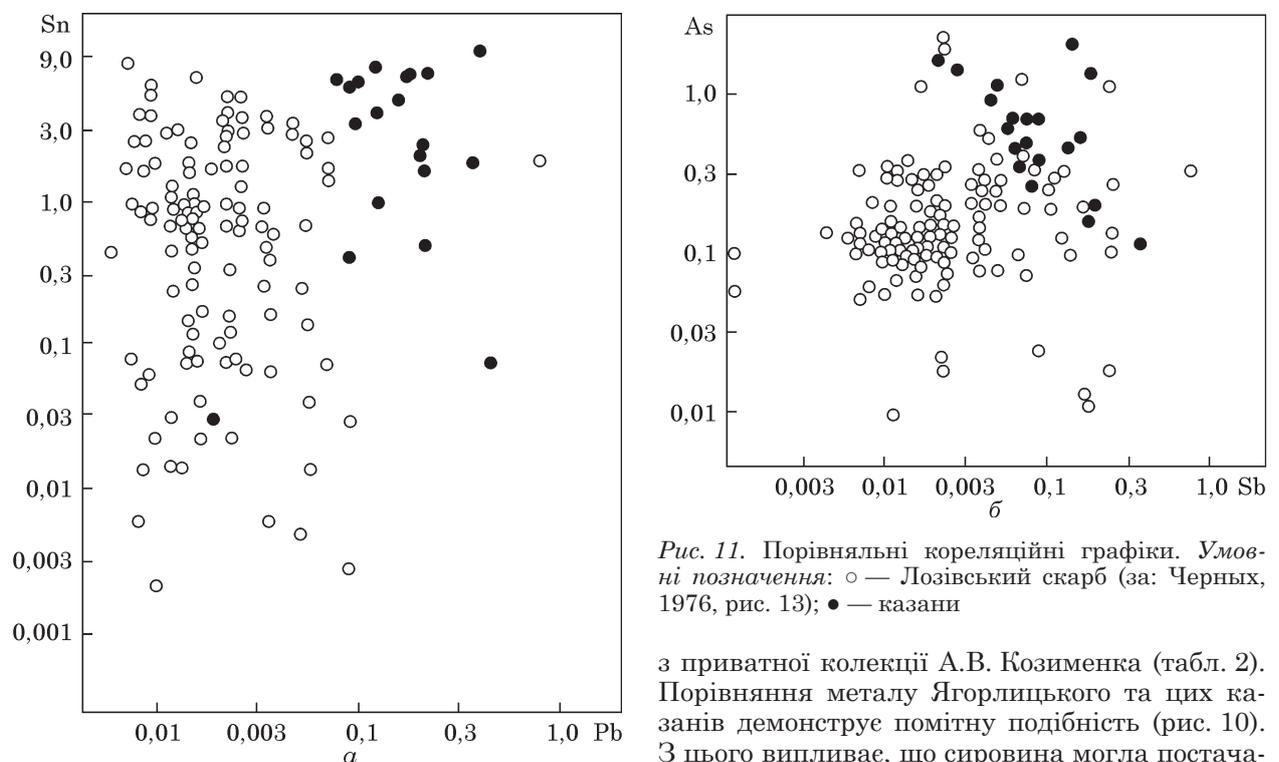

Рис. 11. Порівняльні кореляційні графіки. Умовні позначення: ○ — Лозівський скарб (за: Черных, 1976, рис. 13); ● — казани

краєзнавчий музей), Лубенського скарбу (колекція ПЛАТАР), Новопавлівки та Покровки (Кропивницький краєзнавчий музей) і казана

з приватної колекції А.В. Козименка (табл. 2). Порівняння металу Ягорлицького та цих казанів демонструє помітну подібність (рис. 10). З цього випливає, що сировина могла постачатися у майстерні якщо не одного родовища, то з декількох близьких літологічно подібних.

При геохімічному дослідженні залишків бронзолivarного виробництва та металевих

виробів із міді й бронзи з Суботівського городища XII—IX вв. до н. е., В.Й. Манічев довів, що рудною сировиною для виробництва слугувала самородна мідь і мідисті піщаники, які належать до одного генетичного типу родовища міді з міднорудної провінції Донбасу. Для формації мідистих піщаників Донбасу є типовими свинець, цинк, арсен, залізо, які в залежності від рудної спеціалізації мають відмінний вміст цих елементів [Демченко, Клочко, Манічев, 2000]. В цьому дослідженні була проаналізована геологічна література та проведено порівняння суботівського металу з виділеною Є.М. Черних групою Лб [Черних, 1976, с. 40—43].

Пряме порівняння металу наших казанів із аналізами Є.М. Черних методично неправильне через ряд причин. Московська лабораторія проводила кількісні емісійні спектральні аналізи. Аналізи Київської лабораторії виконані за допомогою рентгенофлуоресцентного метода спектроскопії на спектрометрі СЕР-01 (модифікація ElvaX Light). А, отже, це означає, що існує відмінність у методиці, чутливості апаратури, способах обробки отриманих результатів, внутрішньо-лабораторній відтворюваності окремих хімічних елементів та ін. Та, якщо все ж взяти на себе сміливість і порівняти за декотрими елементами казани з Лобойківським скарбом, за яким і виділена група Лб, то побачимо помітну близькість між ними (рис. 11).

Таким чином, припускаємо, що метал для ягорлицького та інших названих казанів міг походити з родовищ Донбасу.

Демченко Л.В., Клочко В.И., Манічев В.И. Геохимические исследования остатков бронзолитейного производства с Суботовского городища XII—IX вв. до н. э. // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. — 2000. — Вип. 4. — С. 29—47.

Тереножкін А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 223 с.

Тереножкін А.И. Ягорлицький котел // СА — 1982. — № 2. — С. 218—223.

Черних Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. — М., 1976. — 302 с.

Тереножкін А.И. Der Bronzekessel der Odessar Museum // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. — 1962. — XCII. — S. 272—277.

Т.Ю. Гошко

О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЯГОРЛИЦЬКОГО КОТЛА

Ягорлицький котел известен как единственный составленный из трех литых деталей: верхнего кольца с ручками, придонной части и поддона. Проведенное детальное исследование его поверхности, ручек и поддона, а также металлографический анализ, привели к заключению, что котел изготовлен с использованием смешанной технологии — литьем с формирующей кузнечной доработкой деталей корпуса. Поддон расклепан только в верхней части для удобства присоединения к корпусу. Рентгенофлуоресцентный и изотопный анализы дали возможность предположить связь металла котла с міднорудными месторождениями Донбасса.

Ключевые слова: технология, металлографический и рентгенофлуоресцентный анализ.

Т.Ю. Гошко

TECHNOLOGY MANUFACTURING YAGORLITSKI CAULDRON

Yagorlytski cauldron known as the only one composed of three molded parts: the upper part with handles, and the bottom part with the hollow pallet. The study of the cauldron surface, its handles and pallet, metallographic analysis of its parts, led to the conclusion that it is made by casting and forging. Molded parts are further forged. Riveted pallet is only in at the top for ease of attachment to the body. Conducted X-ray fluorescence and isotopic analyzes of Yagorlytski metal. We have the ability to assume the connection of the cauldron metal with the copper ore deposits of Donbas.

Keywords: technology, metallographic and X-ray fluorescence analysis.

Одержано 17.01.2017

М.И. Лошенко

О РАСТИТЕЛЬНЫХ ПРИМЕСЯХ В ЛЕПНОЙ ПОСУДЕ ФИНАЛЬНОГО НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Статья вводит в научный оборот новые данные ботанического содержания с памятников неолита и бронзового века Беларуси. Включения зерна культурных видов (ячмень, пшеница, просо, горох, боб) зафиксированы в лепной посуде 13 поселений. На одном — Кривина Первая — найдены минерализованные семена льна. Документальные факты маркируют начало зарождения земледелия в республике примерно в последней четверти III тыс. до н. э.

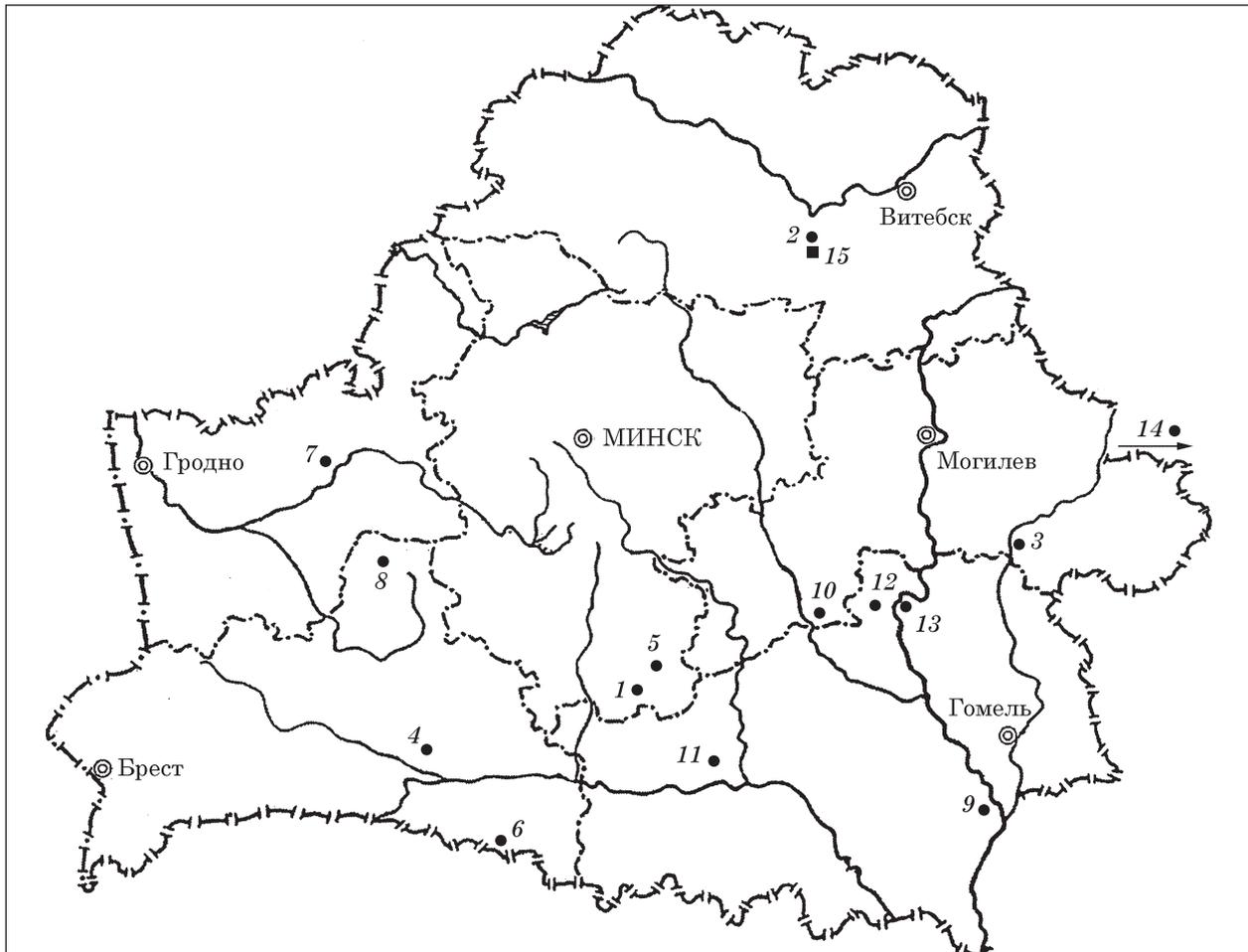
Ключевые слова: растительные примеси, включения зерна и семян, палеоботанический спектр, днепро-донецкая культура, трипольское население, поздний неолит, эпоха бронзы.

В неолите мастера-керамисты на территории Беларуси намеренно добавляли в глину измельченные части травянистых растений, стебли, листву. О таких органических примесях в керамике не раз писали К.М. Поликарпович, В. Голубович, В.Ф. Исаенко, И.М. Тюрина, Е.Г. Калечиц, М.М. Чернявский, Н.Н. Кривальцевич, И.Н. Езепенко, А.А. Разлуцкая, Макс.М. Чернявский — специалисты, изучавшие каменный и бронзовый века. Летом 1926 г. в ходе обследования 122 пунктов на левом (87 п.) и правом (34 п.) берегах реки Сож (98 км) К.М. Поликарпович отметил растительные добавки в керамике неолитических стоянок и местонахождений [Палікарповіч, 1928, с. 141—237]. В Западной Беларуси, которая находилась в составе Польши, В. Голубович обнаружил такие же примеси, в пяти (III—VII) обломках неолитической керамики. Они найдены в 1938 г. около г.п. Любча, на поселении в пойме Немана, которое разрушалось ветровой эрозией [Hołubowich, 1939, s. 261—264]. Он полагал, что эти добавки намеренно вводились

в тесто для обезжиривания глины, как техническая операция. Среди зафиксированных им включений были измельченные стебли соломы (лодыжки) и одно-двулистные травянистые растения [Hołubowich, 1939, s. 264].

Время неолита в Беларуси приходится на IV—III тыс. до н. э., а бронзового века — с начала II тыс. до н. э. по VIII в. до н. э. Здесь обратим внимание на те изменения, которые произошли в использовании искусственных органических добавок при лепке посуды. Именно в пору позднего неолита мастера-керамисты уже к привычным растительным добавкам стали подсыпать зерно и семена растений. Ниже рассмотрим такие факты на памятниках археологии Беларуси.

Новацией финального неолита и ранней бронзы в республике являются добавки в керамику не только измельченных травянистых растений, но и зерен и семян. Последнее обстоятельство для нас важно потому, что оно позволяет констатировать конкретные виды растений. Добавлялись зерна выращиваемых культур: проса, ячменя, пшеницы, гороха и боба, а также семена сорняков (таблица). Именно такие органические примеси зафиксированы в Беларуси на изученном раскопками (688 м²) памятнике днепро-донецкого населения *Старые Юрковичи* (рисунок, 1). Исследователь по керамике датировал неолитический горизонт второй половиной III — началом II тыс. до н. э. [Кривальцевіч, 2010, с. 219, 231, 232]. С этого поселения Н.Н. Кривальцевич пересмотрел 2100 обломков керамики с растительными добавками и выбрал из них только 11 фрагментов, в которых есть включения зерен ячменя, проса, пшеницы, гороха (таблица). Считаем, что работа по визуальной выборке включений

Карта пам'яток каменного і бронзового віків Білорусі з знахідками в лепній посуді отпечатков і включень зерен і семян рослин: 1 — Старые Юрковичи; 2 — Осовец I; 3 — Старая Каменка; 4 — Камень VI; 5 — Озерное I; 6 — Бухличский Хутор; 7 — Докудово V; 8 — Заосье; 9 — Мохов IV; 10 — Большие Бортники; 11 — Коржовка; 12 — Сосонка; 13 — Комарин VA; 14 — Бесец I; 15 — Кривина Первая

зерновок в колекціях всієї кераміки з інших поселень в республіці потребує в цілорозв'язаному продовженні. Косвенно на це вказують випадкові єдиничні знахідки зерен і семян в посуді з інших пам'яток цього часу (рисунок, 2—13).

1. *Осовец I* (рисунок, 2). Це поселення відкрито К.М. Поликарповичем в 1934 г. [Поликарпович, 1940, с. 46, фиг. 1]. В 1960 г. П.А. Прибыткін на даній торф'яниковій стоянці розробив розкоп (5 × 5 м) до глибини 1,8 м. Тут проживало населення пізнього етапу нарвенської культури [Чарняўскі, 1997, с. 200—206]. В началі ХХІ в. А.А. Разлуцкая, переглядаючи колекцію, звернула увагу на отпечаток, подібний на боб, який є на зовнішній поверхні стінки (кол. № 1616) з неолітичного посуду. В 2010 г. Д.І. Третьяков ідентифікував включення боба (*Vicia faba* L.) на цьому обломку (кв. 10, гл. 1,5—1,6 м). Розмір зерна по сліпку — довжина 10 мм, ширина 6 мм. Форма семеня овально-уплощена. По спостереженням В.С. Муратової, вивчаючи культуру бобів, розмір семеня не є показником часового і географічного

значень [Муратова, 1931, с. 7—8, 216—218]. На території Білорусі це — найраніша знахідка боба, яка відноситься до кінця III тис. до н. е.

2. *Старая Каменка* (рисунок, 3). В 1969 г. І.І. Артеменко розкопував поселення неоліта і бронзового віку поруч з одноіменною сільською місцевістю, в с. Сосновий Грива. В другому розкопному пласті, на межі кв. 5 і 6 він зафіксував розвал неолітичного горщика верхнеднепровської культури [Калечыц, 1997, мал. 36, 51]. Обломки цього посуду, як і інші матеріали з розкопок, зберігаються в археологічних фондах Інституту історії НАН Білорусі [Збор ..., 2013, с. 59—60, фота 97, 98]. В одній з стінок розбитого горщика, на її внутрішній поверхні, є включення зерновки (5,0 × 2,4 мм) пшениці м'якої (*Triticum aestivum* L.), як встановив Д.І. Третьяков [Збор ..., 2013, с. 60, фота 97, 2].

3. *Камень VI* (рисунок, 4). В 1981 г. В.Ф. Ісаєнко почав розкопувати поселення неманської культури, що поруч з сільською місцевістю Камень, в Західному Поліссі [Чарняўскі, Ісаєнка, 1997, с. 165]. Спорадический перегляд кераміки поселення

Включения зерен и семян растений в керамике поселений неолита и бронзового века Беларуси

Памятник	Количество фрагментов	Культура					
		Ячмень	Пшеница	Просо	Боб	Горох	Сорняки
1	11	3	3	4	—	1	—
2	1	—	—	—	1	—	—
3	1	—	1	—	—	—	—
4	1	1	—	—	—	—	—
5	1	—	—	—	1	—	—
6	1	—	1	—	—	—	—
7	1	—	—	—	—	—	1
8	1	—	1	—	—	—	—
9	1	1	—	—	—	—	—
10	1	—	—	—	—	—	1
11	1	1	—	—	—	—	—
12	1	—	—	—	—	—	1
13	1	—	—	—	—	—	1
14	3	9	—	—	—	—	—
Всего	26	15	6	4	2	1	4

Нумерацию и обстоятельства находок см. на рисунке и по тексту.

Камень VI позволил обнаружить на одном обломке зерновку. Стенка (кол. № 9613) от поздне-неолитического сосуда найдена в кв. 23 на глубине 0,8 м. Она содержит на поверхности отпечаток включения зерна (5,5 × 3,2 мм) ячменя (*Hordeum vulgare* L.), по заключению Д.И. Третьякова.

4. *Озерное I* (рисунок, 5). Этот многослойный памятник на севере Центрального Полесья изучал в 1985—1991 гг. Н.Н. Кривальцевич. В материалах раскопа 1987 г. есть керамика позднего неолита — населения днепро-донецкой культуры [Кривальцевич, 2009, с. 24]. В одном из обломков стенки сосуда (кв. 97, пл. I), на внутренней поверхности, выявлен отпечаток, как установил Д.И. Третьяков, семени (4,2 × 3,0 мм) боба (*Vicia faba* L.).

5. *Бухличский Хутор* (рисунок, 6). Поселение возле хутора Бухличи, с разновременными материалами, в 1986 г. открыла В.С. Вергей. Оно находится на пологой возвышенности в пойме левого берега р. Горынь. Памятник разрушался ветровой эрозией. В 1988—1990 гг. группа археологов из Минска осуществила сплошные сборы всех находок (кв. 2 × 2 м) в четырех местах раздувов. Общая площадь сборов — 8816 м² [Кривальцевич, 1994, мал. 1, 2].

Коллекцию керамики бронзового века с данного памятника обработал Н.Н. Кривальцевич. Все фрагменты посуды (465 ед.) он разделил условно на две группы: с примесью шамота (первая) и с добавками дресвы (вторая). Обломков посуды первой группы 135 фрагментов, а второй — 330. Керамику с шамотом исследователь отнес к раннему периоду бронзового века и датировал второй четвертью II тыс. до н. э. [Кривальцевич, 1994, с. 116, 123; 1997, с. 306].

Среди обломков первой группы он обнаружил стенку с отпечатком зерновки пшеницы, по данным Д.И. Третьякова [Кривальцевич, 1994, с. 116; 2005, с. 110]. Этот фрагмент принадлежал сосуду культуры полесской шнуровой керамики.

6. *Докудово V* (рисунок, 7). Между деревнями Докудово Первое и Второе, на правом берегу Немана, находится семь поселений каменного и бронзового веков. Они расположены на краю террасы и на дюнах в пойме реки. Из них лучше исследованной является стоянка Докудово V. За три полевых сезона (1998, 1999 и 2004 гг.) В.Л. Лакиза и В.М. Сидорович вскрыли на ней 172 м² [Лакиза, Сидарович, 2007, с. 17]. В ходе раскопок выявлено 2385 обломков лепной керамики и два целых сосуда. Лепная посуда оставлена населением нескольких культур неолита и эпохи бронзы [Лакиза, Сидарович, 2007, с. 18—22]. Среди коллекции керамики 1999 г. есть один фрагмент с органической примесью — зерном овсюга (*Avena fatua* L.) или ржи (*Secale cereale* L.). Отпечаток зерновки в поперечном разломе оказался без четких окончаний, что поставило под сомнение однозначное определение вида растения (таблица). Неполная длина его 7 мм, ширина 2,5 мм (заключение Д.И. Третьякова).

7. *Заосье* (рисунок, 8). Эта торфяниковая стоянка находится северо-западнее одноименной деревни. Она локализована на северо-восточном краю торфяника, образованного вокруг Колдычевского озера. Памятник открыт и изучен М.М. Чернявским в 2002 г. [Черняўскі, 2002, с. 91—99]. Поселение принадлежало коллективу неманской неолитической культуры. В 2005 г. А.А. Разлуцкая исследовала на нем

24 м². Толщина слоя 0,3—0,9 м [Разлуцкая, 2009, с. 347]. В коллекции керамики автор раскопок нашла фрагмент, который содержит включение зерновки. Обломок происходит из кв. 17 второго раскопного пласта (гл. 0,2 м). По заключению Д.И. Третьякова, эта зерновка мягкой пшеницы (5,8 × 3,1 мм).

8. *Мохов IV* (рисунок, 9). Поселение неолита и ранней бронзы находится севернее деревни Мохов, на правом коренном берегу Днепра, в уроч. Шолохова Гора. Раскопки на нем провел Н.Н. Кривальцевич в 2004—2006 и 2008 гг. [Егарэйчанка, и др., 2011, с. 99]. В коллекции керамики 2006 г. он обнаружил фрагмент стенки (кв. А/18, пл. II), на внешней поверхности которой есть отпечаток (определение Д.И. Третьякова) зерновки ячменя с пленкой (6,5 × 2,7 мм).

9. *Большие Бортники* (рисунок, 10). В 2008 г. А.А. Разлуцкая продолжила раскопки этого поселения [Разлуцкая, 2008, с. 273—284]. В траншее (6 м²) она получила коллекцию находок в 200 единиц [Разлуцкая, 2008, д. 2617]. На обломке стенки от сосуда днепро-донецкой культуры она заметила на внутренней поверхности ямочку от включения семени. Судя по отпечатку, оно было шаровидной формы, диаметром 1,1 мм и принадлежало какому-то сорняку (вид не установлен).

10. *Коржовка* (рисунок, 11). Во время обследования в 2008 г. бассейна речки Бобрик Второй — левобережного притока Припяти — Н.Н. Кривальцевич заложил шурф на поселении I, возле деревни Коржовка. В шурфе он обнаружил лепную керамику днепро-донецкой культуры. Одна из стенок сосуда (кв. 5, пл. II) содержит отпечаток, по заключению Д.И. Третьякова, зерновки ячменя (9,0 × 3,6 мм).

11. *Сосонка* (рисунок, 12). Поселение позднего неолита и ранней бронзы находится в 4 км южнее деревни Лучин. Оно локализовано в уроч. Сосонка на возвышенности в пойме правого берега Днепра [Язэпенка, 2014, с. 79—80]. Памятник открыт в 1956 г. И.И. Артеменко, который изучал его два сезона (1956, 1957 гг.), и один — И.Н. Езепенко (1993 г.) [Язэпенка, 1995, с. 60—82]. На нем вскрыто 391 м² при толщине слоя 0,35—0,4 м. В 2008 г. это поселение обследовала А.Г. Тимофеев. На поверхности его она собрала кремь и керамику [Тимофеев, 2008, д. 2626]. Один из фрагментов стенки от сосуда днепро-донецкой культуры на внешней поверхности содержит включение семени сорного растения — гречишки вьюнковой (*Fallopia convolvulus* (L.) A. Löve), по сведениям Д.И. Третьякова.

12. *Комарин VA* (рисунок, 13). Данное неолитическое поселение открыл в 2007 г. И.Н. Езепенко. Находится оно юго-восточнее города Рогачева, в пойме левого берега Днепра. В 2008, 2010 и 2011 гг. его изучала (73 м²) А.А. Разлуцкая [Разлуцкая, 2012, с. 69—73]. В

раскопе 2010 г., во втором раскопном пласте, в объекте на кв. А6¹, она обнаружила развал неолитического горшка большого размера. Автор раскопок восстановила верхнюю часть сосуда днепро-донецкой культуры на две третьих его высоты [Разлуцкая, 2012, с. 69, 73, мал. 5]. В маленьком обломке стенки горшка, на внутренней ее поверхности, она увидела пустоту от выгоревшего зерна. В лаборатории Д.И. Третьяков установил, что здесь было семя ковра полевого (*Bromus arvensis* L.). Размер его по включению — 4,5 × 1,5 мм.

13. *Бесец I* (рисунок, 14). Мы располагаем данными об археоботанических находках с курганного могильника бронзового века (Ржаница) в Брянской обл. РФ [Археологическая ..., 1993, с. 93, 94, 281, 291; Сбор ..., 2013, с. 17—19, 37—38]. Могильник — 22 насыпи — расположен у северо-восточного берега озера Бесец, вдоль края левобережной террасы Десны, на территории неолитической стоянки Бесец I (Ржаница) [Археологическая ..., 1993, с. 93, 94]. В 1970—1973 гг. его раскапывал И.И. Артеменко. Коллекция находок с этого могильника хранится в фондах Института истории НАН Беларуси [Сбор ..., 2013, с. 37]. В насыпи кургана 8 в 1971 г. собрано 48 единиц керамики. Мы полагаем, что они от сосудов стоянки позднего неолита [Археологическая ..., 1993, с. 94, 289]. Просмотр их А.А. Разлуцкой показал, что три стенки содержат растительные добавки. На внутренней поверхности одного из фрагментов (обр. 1) — три зерновки ячменя: 1) 6,5 × 3,3, 2) 7,2 × 3,5, 3) 5,5_н × 2,5 мм. Примечательно, что в первом включении сохранилось обуглившееся зерно. Мы вытащили и повредили его длину. Размер — 4,1_н × 2,3 мм. Как видим, разница в размерах по отпечатку включения и споревшему зерну существенная. Во втором фрагменте имелось пять зерен этой же культуры. Три выявлены на внутренней поверхности: 1) 5,2 × 3,0, 2) 7,3 × 3,1, 3) 6,0 × 2,2_н мм, — и два на внешней: 1) 5,4 × 3,1, 2) 5,5_н × 2,8 мм. В поперечном разломе третьей стенки, в ее внутренней толще, зафиксировано включение фрагмента стебля с узелком (5,5_н × 4,0 мм), по-видимому, ячменя (таблица). На памятнике Брянской области Бесец I два обломка стенок лепной посуды содержат 8 включений зерновок ячменя.

14. *Кривина I* (рисунок, 15). Касаясь зарождения земледелия в Беларуси, в связи с приведенными фактами позволим себе отметить еще один: находки минерализованных семян льна (*Linum usitatissimum* L.). Они обнаружены в 1963 г. Е.Г. Красковской в слое торфяниковой стоянки Кривина Первая [Красковская, 1963, д. 185]. Нижний горизонт на этом памятнике оставлен населением позднего этапа нарвенской культуры [Чарняўскі, 1997, с. 200—206].

При изготовлении лепной посуды в позднем неолите и бронзовом веке в Беларуси, как и на соседних территориях, происходила постепен-

ная замена органических примесей из естественных трав на зерна выращиваемых культур и семян сорняков. Вместе с такими добавками увеличивался и удельный вес минеральных — дресвы, песка и шамота. В глиняную массу мастера намеренно подсыпали зерно злаковых, а иногда и бобовых культур для уменьшения усадки при обжиге. Фактов таких у нас немного. Они обнаружены в керамике 13 поселений, в основном на юге республики (рисунок, 1—13). Это единичные фрагменты, поскольку вся керамика с 12 памятников не изучена с целью поиска включений зерновок. Эти факты лишь маркируют географию поселений с аналогичными материалами.

Единственная стоянка в республике, на которой выполнена полная выборка — Старые Юрковичи. Керамический комплекс ее позволил выявить 11 обломков посуды с включениями зерен (0,5 %). Идентификация их в лаборатории позволила установить принадлежность трем видам злаковых культур и одному — бобовых. Палеоботанический спектр этого поселения состоит из включений ячменя (3), пшеницы мягкой (3), проса (4) (*Panicum miliaceum* L.) и гороха (1) (*Pisum sativum* L.).

В культурно-историческом аспекте все рассматриваемые находки происходят с поселений верхнеднепровской (1), днепро-донецкой (6), неманской (2) и нарвенской (1) культур. На двух памятниках (Докудово V и Мохов IV) авторы раскопок не сделали заключений о культурной принадлежности фрагментов. На одном — Бухличский Хутор — обломок стенки от сосуда культуры шнуровой керамики Полесья [Крывальцэвіч, 2005, с. 110].

Среди обнаруженных в керамике зерен выращиваемых культур (19) были еще и семена сорняков (4 ед.). Все они разные и представлены минимальным количеством: овсюг или рожь (Докудово V), гречишка вьюнковая (Сосонка), костер полевой (Кумарин VA) и неустановленного вида (?) в Больших Бортниках (таблица). Благодаря таким органическим добавкам мы имеем опосредованный документальный материал по выращиваемым культурам общинниками конкретных поселений. Эти данные прямо указывают на зарождение очагов пойменного примитивно-мотыжного земледелия на территории Беларуси. Наиболее вероятное время процесса истоков земледелия — последняя четверть III тыс. до н. э., но не ранее середины.

Аналогии керамике из Беларуси с включениями зерна есть на территории Западной Украины и Молдовы [Янушевич, Маркевич, 1970, с. 83—110; Янушевич, 1976]. Имеются они на ранних поселениях неолита, культуры линейно-ленточной керамики: Чапаевка, Гольшев, Горькая Полонка, Гнидава, Незвисько, Ровно [Зеров и др., 1960, с. 101—102; Пашкевич, 1991, с. 2—3, 23—24, 35]. Это явление зафик-

сировано и у населения Волынского варианта днепро-донецкой культуры: Коник, Крушники, Новоселки, Осница, Рознички [Пашкевич, 1991, с. 3—4, табл. 2]. Мы допускаем, что подобные находки будут и на поселении Бесец I Брянской обл.

В эпоху энеолита весьма развитые регионы земледелия «трипольцев» находились в Среднем Приднепровье и на западе Украины. На памятниках этого населения обнаружены обугленное зерно, его включения в посуде, глиняной обмазке и мелкой пластике. Специалистами такие факты установлены на поселениях Зимно — культуры воронковидных сосудов; среднетрипольских в Приднепровье — Шкаровка и Гребени; позднеприпольских на Волыни — Цвиклицы и Голишев, а также Веселый Кут, Доброводы, Майданецкое, Тальянки [Стародавнее ..., 1974, с. 144; Пашкевич, 1980, с. 234—242; 1989, с. 132—141; 2006, с. 400—402; Пелешишин, 1985, с. 278].

У нас не вызывает сомнения, что весь комплекс агрокультурного процесса земледелия был принесен на территорию Беларуси с развитых очагов земледелия в Украине. Где-то к середине III тыс. до н. э. позднеприпольское население в Среднем Приднепровье смешалось с днепро-донецкими племенами, которые также были на позднем этапе развития [Телегин, 1985, с. 169—172; Мовша, 1985, с. 221—223, 243, 255—263]. Полагаем, что смешанное днепро-донецко-трипольское население примерно во второй половине III тыс. до н. э. двинулось вверх по Днепру в поисках свободных для земледелия пространств. Оно расселилось среди племен юга лесного неолита, достигнув нижних течений Припяти, Березины и Сожа на территории юго-восточной Беларуси.

В середине 1970-х гг. Э.М. Загоруйский, рассмотрев проблему зарождения земледелия в неолитическое время, пришел к заключению, что на территории Беларуси «... в неолите по-прежнему господствовала экономика охотников, рыболовов и собирателей» [Загоруйский, 1977, с. 95], с чем нельзя не согласиться. Теперь, с учетом приведенных новых фактов, можно говорить о том, что в конце III тыс. до н. э. земледелие на территории Беларуси уже зарождалось, и это явление растянулось на последующие сотни лет эпохи бронзы и раннего железа.

Археологическая карта России. Брянская область. — М., 1993. — 304 с.

Егарэйчанка А.А., Макушнікаў А.А., Кравальцэвіч М.М. Мохай, археалагічныя помнікі // АБЭн. — 2011. — Т. 2. — С. 98—101.

Збор крыніц навуковых археалагічных фондаў. — Мінск, 2013. — Вып. 1: Археалагічныя калекцыі І.І. Арцменкі (1956—1981 гг.). — 224 с.

Зеров Д.К., Окснер А.М., Телегин Д.Я. Про знахідку відбитків зернівок ячменю на фрагментах глиняно-

- го посуду з неолітичного поселення в околицях с. Чапаївки Києво-Святошинського району, Київської області // УВЖ. — 1960. — Т. XVII, № 5. — С. 101—102.
- Калечиц А.Г.* Верхнедняпроўская культура // АБ. — 1997. — Т. 1. — С. 170—190.
- Красковская Е.Г.* Отчет о полевых исследованиях на Кривине в 1963 г. / Архив ИИ НАН Беларуси. — Д. 185.
- Кривальцевіч М.М.* Кераміка эпохі бронзы з паселішча Бухліцкі Хутар I на Гарыні // ГАЗ. — 1994. — № 5. — С. 113—130.
- Кривальцевіч М.М.* Культура палескай шнуровой керамікі // АБ. — 1997. — Т. 1. — С. 304—307.
- Кривальцевіч М.М.* Першыя земляробы Палесся. // Тураўшчына: Минулае, сучаснасць, будучыня. — 2005. — Вып. 4. — С. 108—111.
- Кривальцевіч М.М.* Азярное, археалагічныя помнікі // АБЭн. — 2009. — Т. 1. — С. 24—25.
- Кривальцевіч М.М.* Старыя Юрковічы I — культурна-храналагічныя аспекты «шнуровага» комплексу // МАБ. — 2010. — Вып. 18. — С. 219—242.
- Лакіза В., Сідаровіч В.* Кераміка эпохі неаліту і бронзавага веку з паселішча Дакудава 5 (раскопкі 1998, 1999 і 2004 гадоў) // Acta Archaeologica Albaruthenica. — 2007. — Vol. 1. — С. 17—35.
- Мовша Т.Г.* Поздний этап трипольской культуры // Археология УССР. — К., 1985. — Т. 1. — С. 223—263.
- Муратова В.С.* Бобы (*Vicia faba* L.). — М.; Л., 1931. — 292 с.
- Палікарповіч К.М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажы (па досьледах 1926 г.) // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кн. 5: Працы катэдр археалогіі. — 1928. — Т. I. — С. 123—252.
- Пашкевич Г.А.* Культурные растения трипольских поселений Поднепровья // Первобытная археология — поиски и находки. — К., 1980. — С. 234—242.
- Пашкевич Г.А.* Палеоботанические исследования трипольских материалов междуречья Днестра и Южного Буга // Первобытная археология: материалы и исследования. — К., 1989. — С. 132—141.
- Пашкевич Г.А.* Палеозтнботанические находки на территории Украины (неолит—бронза): Каталог. — Препр. — К., 1991. — 48 с.
- Пашкевич Г., Охріменко Г., Позіховський О., Романчук О.* Нові палеоботанічні дані з пам'яток неоліту та бронзового віку пам'яток Волині // Нариси культури давньої Волині. — Луцьк, 2006. — С. 400—403.
- Пелецишин Н.А.* Культура воронковидных сосудов // Археология УССР. — К., 1985. — Т. 1. — С. 273—280.
- Поликарпович К.М.* Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. — 1940. — № 6—7. — С. 44—46.
- Разлуцкая А.А.* Остатки растений из культурного слоя поселения Большие Бортники (бассейн Березины) // Ботаника. — 2008. — Вып. 35. — С. 273—284.
- Разлуцкая А.А.* Отчет о полевых исследованиях в 2008 году на территории Рогачевского района Гомельской области и Бобруйского района Могилевской области / Архив ИИ НАН Беларуси. — Д. 2617.
- Разлуцкая А.А.* Завоссе I, археалагічны помнік // АБЭн. — 2009. — Т. 1. — С. 346—347.
- Разлуцкая А.А.* Неалітычныя матэрыялы паселішча Камарын 5А ў Рагачоўскім Падняпроўі // Романовские чтения. — 2012. — № 8 — С. 69—73.
- Стародавнє населення Прикарпаття і Волині.* — К., 1974. — 288 с.
- Телегин Д.Я.* Днепро-донецкая культура // Археология УССР. — К., 1985. — Т. 1. — С. 156—172.
- Тимофеевко А.Г.* Отчет об археологических работах, проведенных в Жлобинском и Речицком районах Гомельской области в 2008 г. / Архив ИИ НАН Беларуси. — Д. 2626.
- Чарняўскі М.М., Ісаенка У.Ф.* Неманская культура // АБ. — 1997. — Т. 1. — С. 145—170.
- Чарняўскі М.М.* Нарвенская культура // АБ. — 1997. — Т. 1. — С. 190—206.
- Чарняўскі М.М.* Новыя неалітычныя матэрыялы з вярхоўяў Шчыры ў Заходняй Беларусі // Badania archeologiczne w Polsce polnocno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000 — 2001: Materiały z konferencji (Białystok 6—7 grudnia 2001 roku). — Białystok, 2002. — С. 91—99.
- Язэпенка І.М.* Матэрыялы паселішча ва ўрочышчы Сасонка і яго месца ў неаліце Верхняга Падняпроўя // ГАЗ. — 1995. — № 7. — С. 60—82.
- Язэпенка І.М.* Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. — Магілёў, 2014. — 240 с.
- Янушевич З.В., Маркевич В.И.* Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970. — С. 83—110.
- Янушевич З.В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. — Кишинев, 1976. — 214 с.
- Hołubowicz Wł.* Ceramika grzebieniowa z Lubcza, wrowiecie nowogrodzkim, z minralna, roslinna i zwierca domieszka w glinie // Przegląd archeologiczny. — 1939. — R. 20—21, t. VI, z. 2—3. S. 261—266.

М.І. Лошенко

M.I. Loshenkov

ПРО РОСЛИННІ ДОМІШКИ У ЛПЛЕНОМУ ПОСУДІ ФІНАЛЬНО- ГО НЕОЛІТУ ТА ДОБИ БРОНЗИ НА ТЕРИТОРІЇ БІЛОРУСІ

У статті представлена невелика колекція ботанічних знахідок з 14 пам'яток археології на території Білорусі. Хронологічні рамки поселень — пізній неоліт — бронзовий вік (друга половина III тис. до н. е. — VIII ст. до н. е.). На 13 пам'ятках виявлені включення зерен і насіння культурних видів (19 од.): ячмінь (*Hordeum vulgare* L.), пшениця м'яка (*Triticum aestivum* L.), просо (*Panicum miliaceum* L.), боб (*Vicia faba* L.) і горох (*Pisum sativum* L.). Є насіння і супутніх бур'янів (4 од.): бромус польовий (*Bromus arvensis* L.), витка гречка березкоподібна (*Fallopia convolvulus* (L.) A. Löve), вівсюг (*Avena fatua* L.) або жито (*Secale cereale* L.). Палеоботанічний спектр поселення Старі Юрковичі складається з ячменю (3), пшениці (3), проса (4), гороху (1). У нижньому шарі торфяникової стоянки Кривіна I знайдені мінералізоване насіння льону (*Linum usitatissimum* L.).

Автор вважає, що культуру землеробства племенам півдня лісового неоліту на територію Білорусі принесло змішане населення (трипільсько-дніпродонецьке) з розвинених землеробських осередків в Україні. Зародження землеробства в республіці відбувалося десь у другій половині III — II тис. до н. е.

Ключові слова: рослинні домішки, включення зерна і насіння, палеоботанічний спектр, дніпродонецька культура, трипільське населення, пізній неоліт, доба бронзи.

THE COMBINATION OF IMPURITIES IN THE STUCCO WARE OF THE FINAL NEOLITHIC AND THE BRONZE AGE

There are small collections of botanic findings from the 14 archaeological monuments on the territory of Belarus. Chronological frames of settlements — the late Neolithic — the Bronze age (the second half of 3 thousand BC — 7 century BC). There are found the inclusion of grains and seeds of cultivated species (19) on the 13 archaeological monuments: barley (*Hordeum vulgare* L.), wheat (*Triticum aestivum* L.), millet (*Panicum miliaceum* L.), bean (*Vicia faba* L.) and pea (*Pisum sativum* L.). There are seeds of related weeds (4): fire field (*Bromus arvensis* L.), grekiska vonkova (*Fallopia convolvulus* (L.) A. Löve), wild oat (*Avena fatua* L.) or rye (*Secale cereale* L.). Paleobotanical spectrum of the settlement of Old Yurkovich consists of barley (3) wheat (3), millet (4), peas (1). Mineralized lesema (*Linum usitatissimum* L.) was found in the lower lay of peatland of the settlement Krivina I.

The author considers that the culture of agriculture was brought to the tribes of the South forest Neolithic on the territory of Belarus from developed agricultural centers in Ukraine by a mixed population (Tripolye—Dnieper-Donets). On the territory of Belarus the origination of the agriculture was during the second part of the 3—2 BC.

Keywords: vegetable additive, inclusion of grains and seeds, paleobotanical spectrum, Dnieper-donets culture, Tripolye settlements, the late Neolithic age, the Bronze age.

Одержано 2.02.2017

С.А. Горбаненко

ГОРОДИЩЕ ЦИРКУНИ: ПАЛЕОЕТНОБОТАНІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

До наукового обігу введено нові палеоетноботанічні матеріали ранньозалізного віку з городища Циркуни.

Ключові слова: *ранній залізний вік, Циркуни, палеоетноботаніка, обгорілі зернівки.*

Скіфське городище Циркуни (с. Циркуни, Харківський р-н і обл.; рис. 1) впродовж останніх років досліджує Циркунівська археологічна експедиція Харківського історичного музею під керівництвом К.Ю. Пеляшенка¹. У 2015—2016 рр. у ході археологічних досліджень на пам'ятці виявлено господарські ями, що містили обгорілі зернівки у великій кількості. Тому у 2016 р. вирішено провести розширені пошукові роботи з метою виявлення й забору біологічних матеріалів незначних розмірів із заповнень ям [Горбаненко, 2016]. З-поміж отриманих біоматеріалів важливе місце посідають макрорештки зернівок і насіння культурних рослин і бур'янів.

Зауважимо, що про культурні рослини, вирощувані за скіфських часів на півдні Східної Європи, є згадки у писемних джерелах. Так, Геродот засвідчував існування у скіфів проса [Herod., IV, 17]. Для пізнішого періоду у Плінія Старшого знаходимо дані, що сармати переважно харчувалися кашею з проса [Plin., XVIII, 100]. Природно, що таких даних недостатньо для досліджень зернового господарства скіфських часів. З цією метою слід використовувати

цілеспрямовані пошуки зернівок культурних рослин на відповідних пам'ятках.

Додамо, що матеріали з городища досі практично не ставали об'єктом досліджень щодо палеоетноботанічних матеріалів. З городища З.В. Янушевич оглянула один фрагмент кераміки, на якому знайшла відбиток гороху [Янушевич, 1986, табл. 7].

Матеріали і методи. Частина матеріалу надійшла на аналіз завдяки ретельній праці у ході класичних досліджень. Це матеріали з ям 11 і 14. Інші матеріали отримано завдяки спорадичним дослідженням заповнень об'єктів методами флотації й промивання, з метою збільшення інформативності археологічних досліджень (рис. 2). Фільтрацію ґрунту проводили С.А. Горбаненко та А.О. Беліменко. Фільтрацію ґрунту з метою виділення дрібних біологічних зразків проведено із застосуванням звичайної антмоскітної сітки з коміркою приблизно 1 × 1 мм. За допомогою флотації ведеться забір органічних решток рослинного походження (вуглики дерева) і карбонізовані зернівки й насіння культурних рослин і бур'янів.

Для досліджень було відібрано кілька зразків ґрунту з шести відкритих об'єктів — господарських ям. Зважаючи на велику скупченість матеріалу, у ямі 14 макрорештки зернівок культурних рослин були простежені візуально. Звідти було відібрано два відра суміші ґрунту з зернівками: методи флотації й промивання у цьому випадку були застосовані лише для відокремлення зернівок від ґрунту. З інших ям (№ 13, 15, 16, 20, 21) було забрано різну кількість ґрунту без візуального підтвердження знаходження там ботанічних решток. Надалі їх було розділено на фракції методами послідов-

1. Детально про історію досліджень пам'ятки і посилання на відповідні джерела інформації див. у статті К.Ю. Пеляшенка у цьому збірнику.

ної флотації й промивання¹. З ями 13 відібрано шість відер ґрунту, з ям 15, 16, 20 і 21 — по два відра. Для двох відер з ями 13 проведено флотацію й промивання. Флотація дала очікувані результати: легка фракція складалася з ботанічних решток — суміші вугликів незначних розмірів і зернівок та насіння культурних рослин і бур'янів. Результатами промивання стала надзвичайно мала кількість включень антропогенного й природного походження незначних розмірів. «Антропогенні» включення склалися з незначних фрагментів виробів з глини і дрібних фрагментів кісток поганої збереженості. Оскільки промивання не дало очікуваного результату, фільтрацію заповнення посередництвом цього методу надалі вирішено припинити.

Після розділення легкої фракції (результат флотації), вуглики передано на визначення порід дерев М.С. Сергеевій (див. додаток). Палеоетноботанічні матеріали визначено завдяки морфологічним особливостям зернівок, їх порівнянню з раніше визначеними аналогічними зразками і широким колом публікацій на цю тему; зернівки бур'янів визначено за атласом-визначником бур'янів [Веселовський, Лисенко, Манько, 1988]. Кількісні показники матеріалів, за ямами, наведено у таблиці.

За характеристиками, запропонованими О.Ю. Лебедевою для загальної стандартизації цілеспрямованих палеоетноботанічних досліджень, заснованих на флотації й промиванні [Лебедева, 2007; 2008], показники матеріалу такі (за зразок прийнято стандартне відро об'ємом 10 дм³). *Результативність* флотації — 1 (100 %): у кожному зразку було виявлено макрорештки землеробських рослин. Середня *наситченість*, за ямами: 14 — 5 дм³ / 10 дм³; (далі показники: зернівка / 10 дм³) 13 — 5; 15 — 7; 16 — 3,5; 20 — 1,5; 21 — 1.

Отримані карбонізовані рештки мають різну збереженість; за п'ятибальною шкалою (від 1 до 5), стан матеріалу з ям 11 і 14 — 5 балів; з решти ям (13, 15, 16, 20, 21) — 1–3 бали. Зважаючи на пошкодження зернівок від вогню і зміну їх параметрів щодо первинного стану, точне вимірювання їх параметрів не має сенсу.

1. Метод промивання ґрунту фактично не дав результатів: надзвичайно дрібні седименти антропогенного походження не викликають зацікавленості; іхтіологічних матеріалів виявлено не було. Цьому є два пояснення. Можливо, риба взагалі не потрапляла на територію городища. Однак, імовірним може бути й припущення, що хімічний склад ґрунту на пам'ятці є доволі агресивним і знищує такі дрібні об'єкти пошуку, як кісточки й луска риби. Опосередкованим підтвердженням цьому є надзвичайно погана збереженість виявлених фрагментів не кальцинованих кісток великих тварин. Отже, метод промивання з метою пошуку іхтіологічного матеріалу для реалій городища Циркуни слід визнати неефективним.

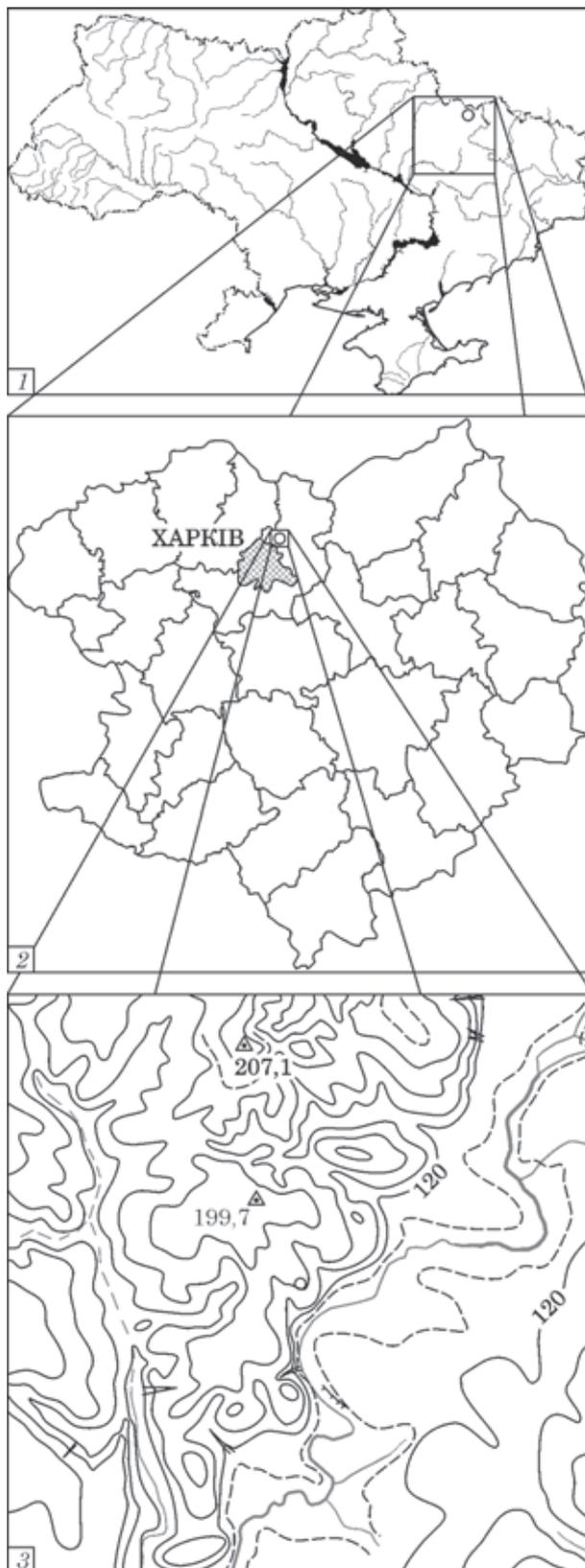

Рис. 1. Місце розташування городища Циркуни, на карті: 1 — України; 2 — Харківської обл.; 3 — кілометрової основи

Результати та їх інтерпретація. Отримані результати переважно не представляють статистичної цінності. Ями 11 і 14, вочевидь, пред-

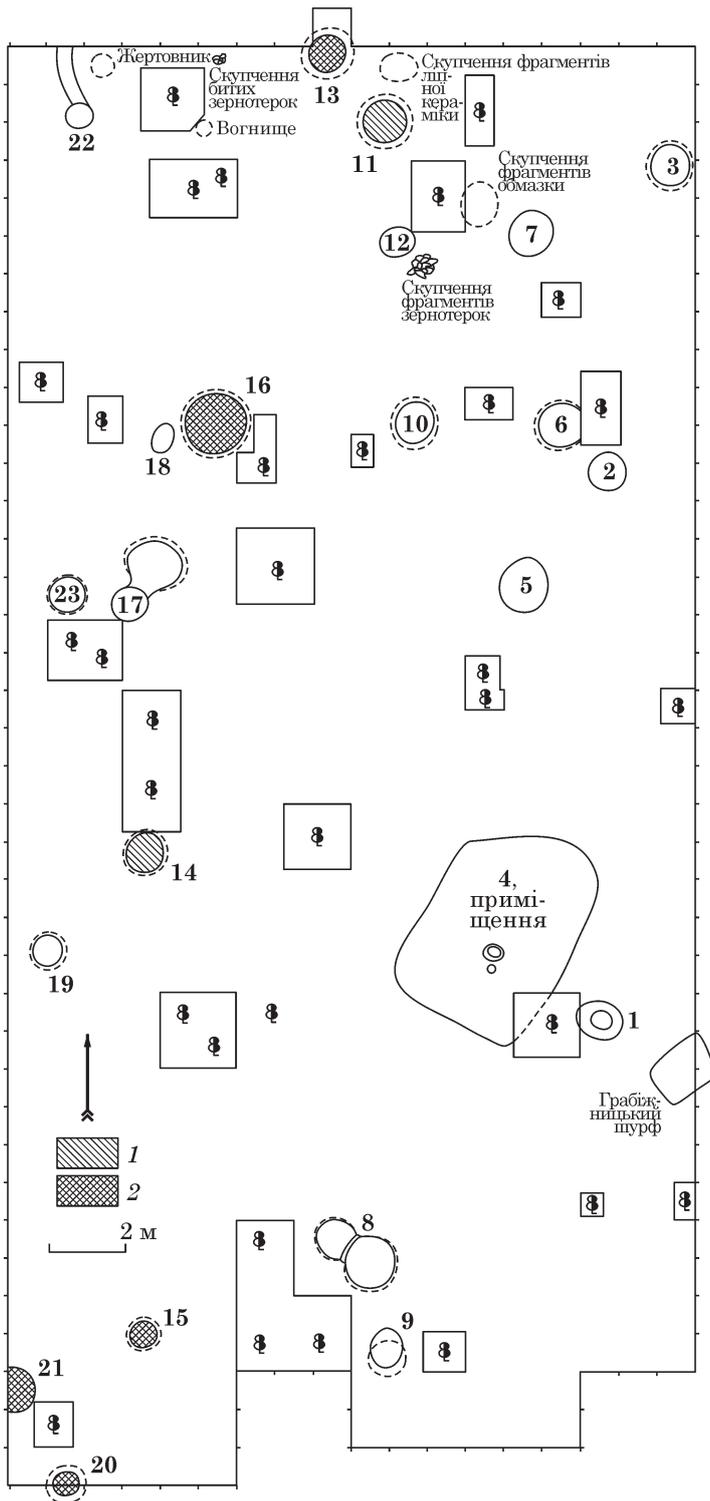

Рис. 2. Схематичний план розкопу 13 (2014—2016 рр.) з позначенням ям, звідки визначено палеоетноботанічні матеріали: 1 — великі скупчення; 2 — матеріал, відібраний методом флотації; **напівжирним** виділено номери ям

ставляють «зернові ями», ями для зберігання запасів, в яких у результаті трагедії археологізувались зернівки однієї злакової культурної рослини — ячменю півчастого (рис. 3). Отже, матеріал редукований і тому не представляє статистичної цінності. Крім того зауважимо, що завдяки одночасній швидкій консервації

об'єкту і його вмісту, зернівки в цих ямах збереглися найкраще. Матеріали з ям 15, 16, 20, 21 не представляють статистичної цінності через незначну кількість даних, отриманих з їх заповнень. Єдиний об'єкт — яма 13 — може бути проаналізований як палеоетноботанічний спектр (ПБС) (основні поняття див.: [Кравченко, Пашкевич, 1985]). Первинний ПБС складений на основі кількісних показників зернівок (ПБС_к). У ньому враховано лише такі зернівки злакових культурних рослин: просо, ячмінь півчастий, пшениця двозернянка, жито (рис. 4). Крім того, до ПБС_к (а далі — і до ПБС за масою (ПБС_м)) не залучено горох і сочевицю, оскільки невідомо, чи були це польові посіви, чи городні. Такий спектр є лише відображенням співвідношення кількості матеріалів, себто — лише констатацією факту. Також складено сумарний ПБС, в якому враховано всі ідентифіковані зернівки з усіх ям. Розбіжності показників між особним ПБС_к ями 13 (рис. 4, 1) і сумарним (рис. 4, 2) становить 2,1 % — у межах статистичної похибки.

Оскільки переважна більшість дослідників сприймає кількісні показники як кінцевий результат, що майже завжди приводить до хибних висновків про беззаперечне переважання проса (кількісні показники становлять абсолютну більшість), для інтерпретації отриманих результатів потрібен інший підхід. Ми використовуємо індексацію зернівок з урахуванням різниці в масі, в основі якої лежить співвідношення маси зернівок злакових культурних рослин, а за базову одиницю взято найменшу зернівку — просо (1 зернівка ... злакової культурної рослини = n зернівкам проса): просо — 1, ячмінь півчастий — 5,5, пшениця двозернянка — 6,2, жито — 4,8 [Горбаненко, 2012]. Перерахунок можна проводити безпосередньо з кількості зернівок, або з їх відсоткового співвідношення (ПБС_к). Однак, отримані результати (ПБС_м) обов'язково мають бути відображені лише у відсотковому співвідношенні. Показники, отримані шляхом такого перерахунку, відрізняються від кількісних у тому числі набагато меншим розкидом крайніх даних. Порівняння показників ПБС_м ями 13 із сумарним дає розбіжність у межах статистичної похибки (рис. 5).

За даними, отриманими у результаті перерахунку, найбільші показники продемонстрував ячмінь півчастий (понад 1/3 частки від зернового господарства); пшениця двозернянка має

Палеоетноботанічні матеріали з досліджень городища Циркуни

Яма №	Рослини									Р а з о м
	Культурні						Бур'яни			
	Зернові					Бобові				
	<i>P. m.</i>	<i>H. v.</i>	<i>T. d.</i>	<i>S. c.</i>	Cer.	<i>P. s.</i>	<i>L. c.</i>	<i>G. a.</i>	<i>S. sp.</i>	
11	—	30 см ³	—	—	—	—	—	—	—	30 см ³
13	11	4	3	2	8	1	—	2	1	32
14	—	10 дм ³	—	—	—	—	—	—	—	10 дм ³
15	4	2	1	2	5	—	—	—	—	14
16	3	—	—	—	2	—	2 *	—	—	7
20	—	1	1	—	1	—	—	—	—	3
21	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
Р а з о м	18	7	5	4	18	1	2	2	1	58

P. m. — *Panicum miliaceum* (просо); *H. v.* — *Hordeum vulgare* (ячмінь півчастий); *T. d.* — *Triticum dicoccon* (пшениця двозернянка); *S. c.* — *Secale cereale* (жито); Cer. — *Cerealia* (зернові); *P. s.* — *Pisum sativum* (горох посівний); *L. c.* — *Lens culinaris* (сочевиця); *G. a.* — *Galium aparine* (підмаренник чіпкий); *S. sp.* — *Setaria* sp. (мишій). * — половинки.

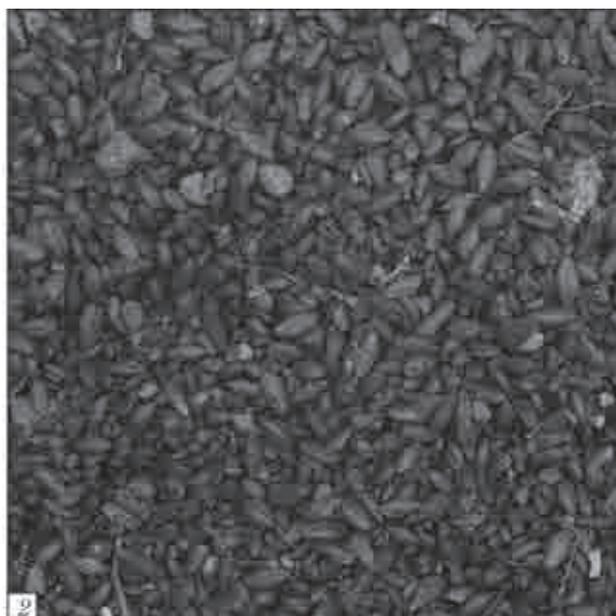
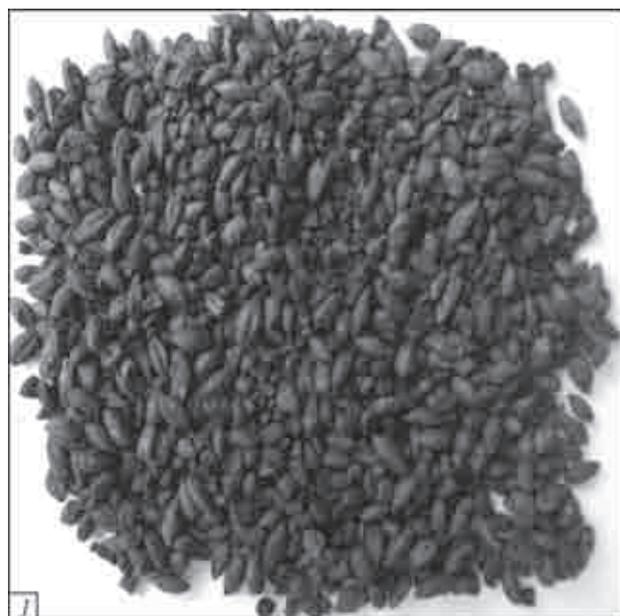

Рис. 3. Зернівки ячменю півчастого (*Hordeum vulgare*), з ям городища Циркуни, розкоп 13: 1 — яма 11, 2015 р.; 2 — яма 14, 2016 р.

показники до 1/3 частки; просо і жито становили до 1/5 частки (див. рис. 5).

Перш ніж перейти до детального аналізу палеоетноботанічних матеріалів, зауважимо, що отриманий ПБС поки не може бути безпосереднім відображенням загального зернового господарства для всього городища: ці дані співвідносні лише з часом існування досліджених об'єктів. Проте, цілком імовірно, що такі чи подібні показники будуть притаманні для ПБС_м / зернового господарства пам'ятки загалом. Для верифікації й перевірки стабільності ПБС потрібні подальші дослідження.

ПБС_м Циркунівського городища представлений переважно найдавнішими культурними рослинами: пшеницею двозернянкою, ячме-

нем півчастим і просом (понад 4/5), а також житом. Знахідки перших трьох (винятково, або з абсолютним переважанням над іншими злаковими) присутні на пам'ятках півдня Східної Європи з другої половини VI тис. до н. е. до кінця II тис. до н. е. включно [Пашкевич, 1992, с. 9—12; див.: Янушевич, 1976; 1986; Пашкевич, 1991; 1991а; 2000; 2008; Котова, Пашкевич, 2002; Пашкевич, Відейко, 2006; Котова, 2013, табл. 20 (визначення Г.О. Пашкевич)]. Також список переважаючих культур доповнений пшеницею однозернянкою і спельтою.

У I тис. до н. е. носії скіфських традицій суттєво розширили асортимент злакових [Šramko, 1973; Janushevich, 1981; Янушевич, 1976; 1986; Pashkevich, 1984; 2001; Шрамко, Януше-

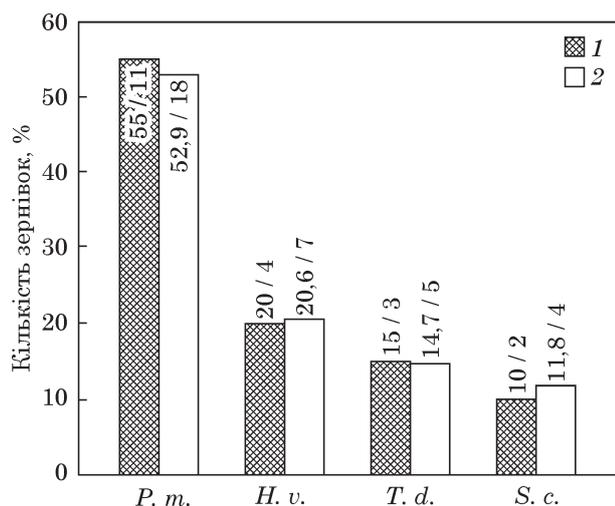

Рис. 4. Палеоетноботанічний спектр зернівок злакових культурних рослин за кількістю. Тут і на рис. 5: 1 — яма 13; 2 — сумарні дані (ями 13, 15, 16, 20); *P. m.* — *Panicum miliaceum* (просо); *H. v.* — *Hordeum vulgare* (ячмінь пльвічастий); *T. d.* — *Triticum dicoccon* (пшениця двозернянка); *S. c.* — *Secale cereale* (жито). Над стовпчиками дано: відсоток / кількість зернівок

вич, 1985; Пашкевич, 1991а; 1992; Гаврилюк, Пашкевич, 1992], тощо), однак дослідники підкреслюють важливу роль саме трьох «найдавніших» зернових культур. Певним узагальненням розглянутого комплексу знахідок з палеоетноботаніки може бути такий висновок: «Таким чином, результати аналізу обвугленого зерна та відбитків на кераміці дозволяють дійти висновку, що основними вирощуваними рослинами скіфської епохи в лісостепу були пшениця двозернянка, і пльвічастий багаторядний ячмінь, меншою мірою — м'яка й карликова пшениця, жито і просо. Вирощували також і горох, однак лишається незрозумілим, якою була масова частка його посівів»¹ [Шрамко, Янушевич, 1985]. Зауважимо, що Г.О. Пашкевич до основних вирощуваних злакових зараховує також і просо (див., напр.: [Пашкевич, 1992, с. 33—34; Гаврилюк, Пашкевич, 1992, с. 62], тощо). Подальші дослідження загалом не суперечать означеним (в цілому — доволі всеосяжним) висновкам. Варто додати, що до вирощуваних зернобобових належить також сочевиця, а технічні були представлені льном і коноплями.

Не суперечать цим висновкам і матеріали з Циркунівського городища.

Отже, ячмінь пльвічастий, пшениця двозернянка і просо — чи не найдавніші вирощувані культурні рослини, що мали надзвичайно широке розповсюдження. За ранньозалізного віку вони відомі на всій території півдня Східної Європи; далі, у лісовій зоні зернівки цієї «тріади» взагалі були чи не єдиними культурними злаковими (див.: [Кирьянова, 2005; Горбанен-

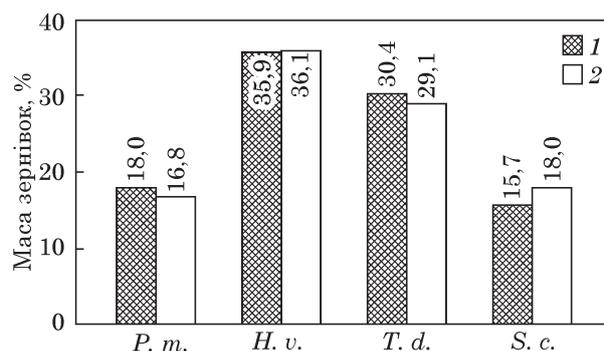

Рис. 5. Палеоетноботанічний спектр зернівок злакових культурних рослин за масою

ко, 2013; 2015; Андреев, Горбаненко, Разуваев, 2014; Лошенко, 2015; Разуваев, Горбаненко, 2015], літературу див. там само). Додамо, що за нашими визначеннями за відбитками на кераміці з Хотівського городища, яке за скіфських часів також найімовірніше було у лісовій зоні, теж встановлено лише ці три види зернівок культурних рослин. Отже, важлива роль цих злакових цілком закономірна і підтверджена фактичним матеріалом. Це твердження особливо актуальне для лісової зони.

Деяку іншу картину демонструє аналіз розповсюдженості жита: для I тис. до н. е. питання про його вирощування залишається найскладнішим. Так, у монографії 1976 р. З.В. Янушевич писала, що перші достовірні знахідки культурного жита щонайменше на території сучасної Молдови походять з матеріалів черняхівської культури [Янушевич, 1976, с. 133]. Разом з тим, жито було відоме античним поселенцям не пізніше IV ст. до н. е. [Янушевич, 1976, с. 134—137; 1986, табл. 9; Шрамко, Янушевич, 1985, табл. 6]. На скіфських пам'ятках нижнього Дніпра знахідки зернівок жита також нечасті. З матеріалів 12 пам'яток археології (9 поселенських і 3 курганів) серед 120 відбитків виявлений усього 1 відбиток жита; з господарського комплексу з Лисої Гори (обвуглене зерно) жита не виявлено [Гаврилюк, Пашкевич, 1991]. Лише на поселенні Мала Рублівка (Полтавська обл.) виявлені в основному обгорілі зернівки жита (56 з 64); в одній з проб Більського городища жито було зафіксоване у незначній кількості. Але на карті знахідок культурних рослин скіфського часу (у тому числі на античних пам'ятках; усього 103 пам'ятки), наведеною у тій самій статті Б.А. Шрамка і З.В. Янушевич, знахідки жита позначені на 24 пам'ятках: 7 — вище межі степу й лісостепу, 17 — нижче [Шрамко, Янушевич, 1985]. Додамо, що дослідженнями на Северинівському городищі (межа степу й лісостепової зони за часів його існування) у ПБС також встановлено наявність жита, масова частка якого там становила майже третину [Северинівське ..., 2015, с. 164, рис. 6].

За даними О.Ю. Лебедевої, на Середньому Дону за скіфських часів жито було відсутнє:

1. Переклад з російської мови наш (С. Г.).

«провідна роль належала просу, дві других культури — півчастий багаторядний ячмінь і пшениця двозернянка ... вирощувалися у меншому обсязі. Можливо, вирощувався й горох»¹ [Лебедева, 2000; 2001; 2004; Лебедева, Антипина, 2009]. Тим не менше, за даними, отриманими нами впродовж останніх років, жито було також і на скіфоїдних і городецьких пам'ятках лісостепової зони Подоння (див.: [Горбаненко, 2013а; 2014; Разуваев, Горбаненко, 2015; Горбаненко, Меркулов, 2015]).

Для періоду середньовіччя, збільшення питомої частки жита в посівах вважається показником підвищення рівня розвитку землеробства, поліпшення агротехнічних можливостей [Lange, 1975; Яжджевский, 1988]. Ця теза знаходить широке підтвердження в матеріалах різних культур того періоду. Одночасно з широким розповсюдженням залізних деталей на знаряддя для обробітки ґрунту, за палеоетноботанічними матеріалами спостерігається і збільшення частки жита, оскільки для доброї врожайності воно вимагає якісного обробітки ґрунту [Культурная ..., 1989, с. 276]. Однак, якісний обробіток ґрунту є обов'язковим для отримання **гарного врожаю**. Тим не менше, жито може обійтися і без цього; очевидно, різниця у якості обробітки ґрунту повинна позначитися на врожайності. Взагалі жито — рослина, що перешкоджає нормальному росту інших рослин; вона може «заглушити» не тільки однорічні, але навіть і багаторічні бур'яни [Зінченко, Салатенко, Білоножко, 2001, 2.1.2.2]. У зв'язку з чим практично не вимагає до себе жодної уваги від хлібороба. Таким чином, крім врожаю, корисні дії від вирощування полягають ще й в очищенні полів від бур'янів, а також накопиченні деяких корисних елементів.

Від подальшої статистичної обробки ПБС^М (порівняльний, кластерний аналізи) хронологічно й територіально близьких пам'яток поки доведеться відмовитися, оскільки нині Циркунівське городище — єдина пам'ятка раннього залізного віку Середньоросійської лісостепової провінції лісостепової зони (Харківської схилово-височинної області) (за сучасною номенклатурою фізико-географічного районування [Географічна..., 1993, т. 3, карта «Фізико-географічне районування»]), для якої отримано статистично достовірний матеріал.

Доповнюють картину вирощуваних культурних рослин зернобобові: горох² і сочевиця. Однак, про їх роль у життєдіяльності давніх жителів Циркунівського городища щось певне сказати неможливо, оскільки досі не вирішено

питання про їх вирощування: чи це були польові посіви, чи городні.

Додамо, що виявлені бур'яни — типові антропохори.

Прикінцеві положення. Метод флотації добре зарекомендував себе для забору у тому числі палеоетноботанічних матеріалів на Циркунівському городищі; ступінь збереженості матеріалів в об'єктах переважно залежить від умов його консервації в минулому. Метод слід визнати перспективним для використання у наступні сезони.

Андреев С.И., Горбаненко С.А., Разуваев Ю.Д. О земледелии у населения городецкой культуры в лесостепном поценье (по материалам Давыдовского городища) // Вестн. Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2014. — Вып. 10 (138). — С. 149—158.

Веселовський І.В., Лисенко А.К., Манько Ю.П. Атлас-визначник бур'янів. — К., 1988. — 72 с.

Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V — IV вв. до н. э. // СА. — 1991. — № 2. — С. 51—64.

Географічна енциклопедія України. — К., 1993. — Т. 3: П—Я. — 480 с.

Геродот. Історії в дев'яти книгах / Перек. А. Білецького. — К., 1993. — 576 с.

Горбаненко С.А. Сельское хозяйство до образования Киевской Руси // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902—1968) (3—5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург). — СПб, 2012. — С. 106—109.

Горбаненко С.А. Материалы по земледелию южновосточной культуры в Черниговском Подесенье // РА. — 2013. — № 2. — С. 62—66.

Горбаненко С.А. Новые палеоботанические данные с Мостищенского городища скифской эпохи // Восточноевропейские древности. — Воронеж, 2013а. — С. 63—68 (Вестн. Острогского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского. — Вып. 3).

Горбаненко С.А. Материалы по земледелию Сырского городища // Материалы межрегион. науч. конф. «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвящ. 125-летию первых археол. раскопок под эгидой ИАК в Липецком крае (бывш. Задонском уезде Воронежской губ.) (г. Липецк, 20—22 декабря 2013 г.). — Липецк, 2014. — С. 330—335 (Верхнедонской археологический сборник. — Вып. 6).

Горбаненко С.А. Палеоетноботанические материалы Знаменского городища и зерновое хозяйство дьяковской культуры // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 232—239 (АДІУ. — Вып. 2 (15)).

Горбаненко С.А. Флотація й промивання як методи археологічних досліджень: реалії й перспективи // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Проблеми та відкриття. — К., 2016. — С. 137—144 (АДІУ. — Вып. 1 (18)).

Горбаненко С.А., Меркулов А.Н. Свидетельства земледелия с городища скифского времени у с. Пекшево // Изв. ВГПУ. — 2015. — № 9—10 (104). — С. 219—224.

Зінченко О.І., Салатенко В.Н., Білоножко М.А. Рослинництво: підручник. — К., 2001. — 592 с. — Електрон. ресурс: <http://buklib.net/books/21965/>

1. Переклад з російської мови наш (С. Г.).

2. Додамо, що за визначеннями З.В. Янушевич, на єдиному фрагменті кераміки, взятому для аналізу з городища Циркуни, також виявлено відбиток гороху [Янушевич, 1986, табл. 7].

- Кирьянова Н.А. О находках зерен культурных растений I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. на территории лесной зоны Восточной Европы // II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. — М., 2005. — С. 226—230 (Тр. ГИМ. — Вып. 145).
- Котова Н.С. Деревянная культура и памятники нижнемихайловского типа. — К., 2013. — 486 с.
- Котова Н.С., Пашкевич Г.А. Каталог отпечатков культурных растений на керамике неолитических культур Украины. Приложение 2 // Котова Н.С. Неолитизация Украины. — Луганск, 2002. — С. 106—110.
- Культурная флора СССР: Т. 2, ч. 1: Рожь. — Л., 1989. — 368 с.
- Лебедева Е.Ю. Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. — М., 2000. — С. 91—100.
- Лебедева Е.Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.). — М., 2001. — С. 188—195.
- Лебедева Е.Ю. Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001—2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг.). — М., 2004. — С. 119—126.
- Лебедева Е.Ю. Методические аспекты археоботанических исследований // Матеріали та дослідження з археології Східної Європи: від неоліту до кімерійців. — Луганськ, 2007. — № 7. — С. 289—296.
- Лебедева Е.Ю. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // *Opus*: междисциплинарные исследования в археологии. — М., 2008. — Вып. 6. — С. 86—109.
- Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I — «постоянный адрес, или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН, 2004—2008 гг.). — М., 2009. — С. 198—220.
- Лошенко М.И. Археоботанические коллекции с памятников раннего железного века Беларуси // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 240—249 (АДІУ. — Вип. 2 (15)).
- Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины (неолит — бронза): Каталог. — Препр. — К., 1991. — 48 с.
- Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины: Памятники I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.: Каталог I. — Препр. — К., 1991а. — 48 с.
- Пашкевич Г.А. Культурные растения Украины от неолита до средневековья (по палеоэтноботаническим материалам): Дис. ... д-ра биол. наук в форме науч. докл. — К., 1992. — 46 с.
- Пашкевич Г.А. Земледелие в Степи и Лесостепи Восточной Европы в неолите — бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства) // *Stratum plus*. — 2000. — № 2. — С. 404—418.
- Пашкевич Г.О. Палеоэтноботаничні дослідження 2008 р. // АДІУ 2007 р. — 2008. — С. 221—222.
- Пашкевич Г.О., Відейко М.Ю. Рільництво племен трипільської культури. — К.: ІА НАН України, 2006. — 157 с.
- Плиний. Естественная история. — М.; Л., 1937. — 304 с.
- Разуваев Ю.Д., Горбаненко С.А. К характеристике земледельческого хозяйства населения городища культуры бассейна Дона и Цны // РА. — 2015. — № 3. — С. 55—66.
- Северинівське городище скіфського часу: біогосподарський аспект досліджень / Ю.В. Болтрик, С.А. Горбаненко, М.В. Кублій, М.С. Сергеева, Є.Ю. Яніш // Археологія і простір. — К., 2015. — С. 155—192 (АДІУ. — Вип. 4 (17)).
- Шрамко Б.А., Янушевич З.В. Культурные растения Скифии // СА. — 1985. — № 2. — С. 47—64.
- Яжджевский К. О значении возделываемой ржи в культурах железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 98—99.
- Янушевич З.В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. — Кишинев, 1976. — 214 с.
- Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоэтноботанические исследования. — Кишинев, 1986. — 90 с.
- Janushevich Z.V. Die Kulturpflanzen Skitiens // *Zeitschrift für Archaeologie*. — 1981. — Nr. 15. — S. 87—93.
- Lange E. The development of agriculture during the first millennium AD. // *Geologiska Föreningens i Stockholm Förhandlingar*. — 1975. — 97. — P. 115—124.
- Pashkevich G.A. Palaeoethnobotanical examination of archaeological sites in the Lower Dnieper region, dated to the last centuries BC and the first centuries AD. // *Plants and ancient man. Studies in palaeoethnobotany*. — Boston, 1984. — P. 277—283.
- Pashkevich G.A. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea // *Eurasia antiqua*. — Berlin, 2001. — B. 7. — P. 511—567.
- Šramko B.A. Der Ackerbau bei den Stämmen Skythiens im 7—3. Jahrhundert v. u. Z. // SA. — 1973. — T. XXI, 1. — S. 147—167.

С.А. Горбаненко

ГОРОДИЩЕ ЦИРКУНЫ: ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научный оборот вводятся новые палеоэтноботанические материалы раннего железного века из городища Циркуны (рис. 1). Раскопки на памятнике проводит Циркуновская археологическая экспедиция под руководством К.Ю. Пеляшенко (см. статью в данном сборнике). Материал получен двумя способами: из двух хозяйственных ям (№ 11 и 14; рис. 2) происходит массовая находка зерен одного вида — ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*) (рис. 3). Заполнение еще пяти ям (№ 13, 15, 16, 20, 21; см. рис. 2) было исследовано при помощи флотации и промывания. Результаты флотации из ям 15, 16, 20, 21 ввиду их незначительности не представляют статистической ценности. Количественные показатели (ПБС_к; таблица, рис. 4) приведены исключительно для полноты материала и не будут проанализированы. Показатели ПБС_м из ямы 13 таковы: более 1/3 доли зернового хозяйства представлены ячменем пленчатым (*Hordeum vulgare*), пшеница пленчатая (*Triticum dicoccon*) несколько уступает (до 1/3 доли), просо (*Panicum miliaceum*) и рожь (*Secale cereale*) представлены до 1/5 доли (рис. 5). Полученный ПБС_м пока не может считаться окончательным для всего памятника, поскольку он характеризует только время активного использования исследованного объекта.

ПБС_м в основному представлений древнішою «тройкою» зернових культур, котрі, к тому ж, являються чуть ли не єдиними в лісній зоні Східної Європи. Суттєвним же відмінням є наявність ржи в зерновому господарстві. Додатково до картини зернобобових: горох (*Pisum sativum*) і чечевиця (*Lens culinaris*), роль яких визначити складно, оскільки до сих пор неясно, чи це польові посіви, чи городні. Супутні сорняки представлені типовими антропохорами: подмаренником цепким (*Galium aparine*) і щетинником, не визначеним до виду (*Setaria* sp.).

Ключеві слова: ранній залізний вік, Циркуні, палеоетноботаніка, обгорілі зерновки.

S.A. Gorbanenko

TSYRKUNY HILLFORT: PALAEOETHNOBOTANIC RESEARCH

New palaeoethnobotanic materials from Tsyркuny hillfort (Fig. 1) dated to Early Iron Age are introduced to the scholarly circulation. The excavation at the site was carried out by Tsyркuny archaeological expedition under the direction of K.Y. Pelyashenko (see the article in this volume). The material was obtained in two ways. A mass find of single species of grains that is a barley (*Hordeum vulgare*) (Fig. 3) comes from two household

pits (No 11 and 14; Fig. 2). A filling of five more pits (No 13, 15, 16, 20, 21; see Fig. 2) was investigated using flotation and flushing. Flotation results from pits No 15, 16, 20, 21 do not represent statistical values because of their insignificant quantities. Quantitative indicators (Palaeoethnobotanical quantitative spectrum, PBQS; see Table, and Fig. 4) were represented only for the completeness of the material, and they were not evaluated. Indicators of Palaeoethnobotanical mass spectrum (PBMS) from the pit No 13 are as follows: more than 1/3 share of grain production presents barley (*Hordeum vulgare*), emmer wheat (*Triticum dicoccon*) is slightly inferior (to 1/3 share), millet (*Panicum miliaceum*), and rye (*Secale cereale*) are presented to 1/5 share (Fig. 5). PBMS obtained cannot yet be considered as final for the entire site because it characterizes only the time of active use of the object.

PBMS is mainly represented by the ancient three crops which, moreover, are virtually the only ones in the forest zone of Eastern Europe. A significant difference is the presence of rye in the grain farming. The leguminous plants complete the picture. They are peas (*Pisum sativum*), and lentil (*Lens culinaris*), the role of which is difficult to determine, because it is still unclear whether they were field or horticultural crops. Related weeds are presented by typical anthropochores. Cleavers (*Galium aparine*), and foxtail indefinite to the species level (*Setaria* sp.).

Keywords: Early Iron Age, Tsyркuny, palaeoethnobotany, charred grains.

Одержано 16.02.2017

Додаток

М.С. Сергеева

АНТРАКОЛОГІЧНІ ВИЗНАЧЕННЯ МАТЕРІАЛІВ З ГОРОДИЩА ЦИРКУНИ (2016 р.)

На аналіз для визначення порід дерева надійшов 61 зразок вугілля з різних об'єктів. Матеріал отримано за результатами вибіркової флотації. Усі зразки репрезентовані дрібним вугіллем. Стан його збереженості й розміри, недостатні для точної діагностики, дозволили визначити породи до роду або родини для 28 екземплярів. 33 екз. репрезентовані широколистяними деревами невизначених порід, з них 19 визначені як широколистяні розсіяносудинні. Хвойні породи відсутні. Породи дерева визначені за характерними особливостями мікроструктури за трьома розрізами. Отримані результати порівнювалися з даними визначників деревини [Сукачев, 1940; Гаммерман і др., 1946; Вихров, 1959]. При задовільній збереженості вугілля породи дерева можна визначити до роду.

Отримані результати представлені у таблиці.

Проаналізоване деревне вугілля репрезентоване такими породами:

дуб (*Quercus* sp.) — 16 / 57,1 %
тополя / осика (*Populus* sp.) — 6 / 21,4 %
клен (*Acer* sp.) — 3 / 10,7 %
липа (*Tilia* sp.) — 2 / 7,1 %
верба (*Salix* sp.) — 1 / 3,6 %

Серед деревини, визначеної до роду, переважає дуб. Кількість дубового вугілля складає більше половини визначеного дерева (57,1%), тільки воно присутнє серед матеріалів зі всіх комплексів. Друге місце у вибірці посідає деревина роду тополь, вона виявлена у двох комплексах. Інші породи репрезентовані поодинокими екземплярами.

Загалом склад деревних порід не суперечить даним про деревну рослинність регіону. Основною лісоутворюючою породою тут є дуб. Решта визначених дерев (клен, липа, осика) належать до його супутників. Отже все визначене дерево належить місцевим породам дерева, характерними для місцевих

Результати визначення
антракологічного матеріалу

Яма, №	Кількість зразків	Дерево
13	21	Тополя / осика — 5 Дуб — 3 Липа — 2 Широколистяні — 11, з них широколистяні розсіяносудинні — 9
15	23	Дуб — 4 Клен — 3 Широколистяні — 16, з них розсіяносудинні — 6
16	6	Дуб — 2 Тополя / осика — 1 Верба — 1 Широколистяні розсіяносудинні — 2
20	2	Дуб — 2
21	9	Дуб — 5 Широколистяні — 4, з них розсіяносудинні — 2

широколистяних лісів. Наразі діброви залишаються основним типом лісу на Лівобережжі [Генсірук, 1992, с. 108], а також у лісостеповій зоні басейну Сіверського Дінця, зокрема вони складають основу лісового масиву, розташованого поблизу сучасного с. Циркуни. Є всі підстави говорити про поширення дібров у Придніпровському лісостепу також у середньовіччі [Генсірук, 1992, с. 15]. На відміну від лісової зони, де діброви вирубалися під оранку, у лісостепу вони майже не викорчувалися, поки для землеробства було достатньо степових ділянок [Лосицький, 1981, с. 21], що дозволяло широко використовувати дуб у деревообробних спеціальностях і як паливо.

Матеріали з кожного комплексу репрезентовані невеликою кількістю зразків, отже вибірка по ним не є презентабельною. Дрібні розміри вугілля і його розміщення не *in situ* унеможливають інтерпретацію отриманого матеріалу. Проте загалом можна

констатувати, що проби, отримані безпосередньо з археологічних об'єктів, дозволяють виявити основні породи дерева, використовувані у виробництві й господарстві. Матеріали з городища підтверджують віддання переваги конкретним широколистяним лісовим породам як основним видам ділової деревини: насамперед дубу, тополі /осиці, клену, липі, вербі. Ці породи широко використовувалися у широких часових межах.

Значення отриманих даних полягає в розширенні існуючої бази даних з археологічного дерева. Загалом стадію вивчення середньовічного викопного вугілля на території України, зокрема на поселеннях Дніпро-Донецького Лісостепу, можна охарактеризувати як початкову, тобто стадію накопичення матеріалу. Щодо доби раннього заліза, вивчення антракологічних матеріалів взагалі залишається «білою плямою». На сьогодні для цього періоду антракологія залучена тільки у загальному біоархеологічному дослідженні, присвяченому Северинівському городищу (Жмеринський р-н Вінницької обл.) [Болтрик та ін., 2015]. Антракологічні матеріали доби раннього заліза з Дніпро-Донецького Лісостепу практично невивчені. Отримання внаслідок дослідження матеріалів з різних поселень достатнього об'єму інформації надалі дозволить створити достатньо репрезентативну вибірку і перейти до використання антракологічного матеріалу у контексті вивчення палеоекології і господарчої діяльності у цей період.

Болтрик Ю.В., Горбаненко С.А., Кублий М.В., Сергеева М.С., Яниш Є.Ю. Северинівське городище скіфського часу: екогосподарський аспект досліджень // Археологія і простір. — К., 2015. — С. 155—192 (АДІУ. — Вип. 4 (17)).

Вихров В.Е. Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР — М., 1959. — 132 с.

Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. — М.; Л., 1946. — 144 с.

Генсірук С.А. Ліси України. — К., 1992. — 408 с.

Лосицький К.Б. Дуб. — М., 1981. — 101 с.

Сукачев В.Н. Определитель древесных пород. — М., 1940. — 497 с.

УДК: [902.6:904.2](470.5)“638”

Е. Ф. Королькова

О НЕАБСОЛЮТНОСТИ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ И ЕЕ ВОСТОЧНЫХ РЕПЕРОВ

Статья рассматривает уникальную арамейскую надпись на раннескифском псалии, найденном в Южном Приуралье в с. Рысайкино в разрушенном крестьянами кургане, и ее интерпретацию, предложенную А.С. Балахванцевым, а также дискуссионные проблемы возможности ее использования как надежного основания для смещения датировки к VIII в. до н. э.

Ключевые слова: абсолютная хронология, архаическая Скифия, арамейская надпись, палеография, буква, псалий, дата, конская узда, аналогия, звериный стиль.

Проблема абсолютной хронологии скифской истории и, в частности, ее раннего периода всегда остается остро дискуссионной. Время от времени появление новых методических возможностей или археологических открытий стимулировало приверженцев противоположных точек зрения выдвигать новые крайние позиции в этом споре и, соответственно, критику и контраргументы со стороны оппонентов. В последнее время поводом для смещения начала раннескифской культуры к VIII в. до н. э. послужила датировка А.С. Балахванцевым надписи на псалии из с. Рысайкино в коллекции Эрмитажа и ее значительное удревание (рис. 1). А.С. Балахванцев опубликовал несколько статей, посвященных этой надписи [Балахванцев, 2012, с. 358 — 361; 2016, с. 15 — 24], стремительно меняя даже собственные обоснования и констатируя, что предложенная им же ранее «аргументация в части хронологии успела устареть еще до выхода сборника со статьей в свет» [Балахванцев, 2016, с. 19]. Автор рассматривает палеографические особенности и формальные признаки как основание для датировки надписи и приходит к заключению,

© Е. Ф. КОРОЛЬКОВА, 2017

что «используемые в ней формы букв и словоразделителя могли встретиться на одном предмете только в конце VIII в. до н. э. [Балахванцев, 2016, с. 20]. Поскольку я не являюсь специалистом в области арамейской палеографии, не берусь вдаваться в надежность аргументации автором датировки форм написания отдельных букв, но все же хочу отметить ряд несомненных формальных неточностей и логических нарушений в его публикации. В данном случае точность в деталях мне представляется особенно важной.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на несколько странный «исторический экскурс» в вопросе открытия самой надписи. А.С. Балахванцев, упоминая данные о приобретении Эрмитажем в 1932 г. псалия из разрушенного крестьянами погребения в с. Рысайкино, пишет, что через пятьдесят лет после находки «хранитель Е.Ф. Чежина» обнаружила в 1986 г. надпись, остававшуюся до того незамеченной [Бала-

Рис. 1. Фотография псалия из с. Рысайкино

Рис. 2. Фотография надписи с протиркой 1986 г.

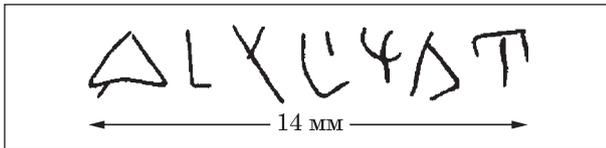

Рис. 3. Прорисовка надписи Е.Ф. Корольковой

хванцев, 2016, с. 19]. Поскольку именно я в то время носила эту фамилию, хотя вовсе не была хранителем псалия, а занималась его детальным исследованием, думаю, что правильнее было бы упомянуть мою настоящую фамилию, которая автору хорошо известна, тем более что на мои публикации этой надписи [Чежина (Королькова), 1987, с. 25 — 28; 1989, с. 261 — 264], вышедшие под прежней фамилией, А.С. Балахванцев все равно не ссылается.

Опубликовав обнаруженную надпись (рис. 2, 3), я надеялась на то, что она привлечет внимание специалистов в палеографии и эпиграфике, однако, к сожалению, ошиблась: вероятно, подобные надписи настолько редки, что их практически не с чем сравнивать. Это первая и, увы, единственная арамейская надпись, обнаруженная на предмете, найденном в Южном Приуралье, и датированная столь ранним временем. Надпись на утилитарном предмете, принадлежащем культуре древних кочевников, не имевшей письменности, — случай сам по себе исключительный. Когда по прошествии еще двадцати лет этот сюжет привлек, наконец, внимание А.С. Балахванцева, я была рада предоставить ему фотографии, прорисовки и все данные, надеясь на новое развернутое исследование. Тем более что за прошедшее время появились новые технические возможности фотофиксации. А.С. Балахванцев внес уточнения в начертании некоторых знаков: я полагала, что надпись состоит из 7 букв, однако он выделил еще разделительный знак между двумя словами, который я приняла за гасту одной из букв [Балахванцев, 2012, с. 358]. Таким образом, надпись состоит из двух слов, включающих 7 букв, и разделительного знака. А.С. Балахванцев дал также новую транслитерацию рысайкинской надписи и предложил ее прочтение.

Сейчас мне кажется необходимым уточнить все данные. Речь идет о раннескифском роговом псалии с головкой грифобарана и копытцем на концах. К сожалению, в силу обстоятельств находки, сведения о происхождении предмета минимальны, а сам он лишен архе-

Рис. 4. Фотография фрагмента псалия с надписью

ологического контекста. Надпись, несомненно, сделана человеком, имевшим в письме значительный навык: нанесена она острым предметом на криволинейную выпуклую поверхность твердого гладкого материала (рога), покрытого тончайшими продольными трещинками. Все это затрудняет нанесение букв. Тем не менее, буквы написаны ровной строчкой, тонкими линиями с равномерными интервалами и нажимом (высота букв примерно 2 мм, а вся надпись занимает в длину 1,4 см) (рис. 4). Нет сомнения в том, что эта надпись должна иметь какой-то весьма значимый смысл, сделавший достаточной мотивацию автора для ее аккуратного нанесения на столь неудобной поверхности. Этот уникальный благодаря надписи предмет, безусловно, имеет какой-то исторический контекст, неведомый нам.

Раннескифский псалий обнаружен в регионе, для которого такого типа детали конской узды, как и образ грифобарана, совершенно нехарактерны. Таким образом, столь интересная находка содержит в себе больше вопросов, чем доказательной информации.

В свое время я показывала разным специалистам эту надпись, и наиболее обоснованной мне показалось заключение В.А. Лившица, который признал ее арамейской и склонен был датировать ахеменидским временем [Чежина (Королькова), 1989, с. 263]. Справедливости ради, следует отметить, что высказав свое мнение относительно атрибуции надписи, В.А. Лившиц сразу оговорился, что предлагаемое им чтение абсолютно условно и, скорее всего, не соответствует реальности. Более того, он крайне скептически отнесся к возможности прочтения этой надписи вообще, учитывая, что материала для сравнения практически нет, и установить диалект, на котором мог говорить ее автор, вряд ли будет возможно. Однако, то, что надпись арамейская, у него не было сомнений, в отличие от И.Ш. Шифмана, который не был в этом уверен. А.С. Балахванцев отверг все лингвистические выводы В.А. Лившица и предложил свою интерпретацию надписи [Балахванцев, 2012, с. 358]. Не будучи специалистом в такой тонкой материи, как палеография, не стану оценивать лингвистическую мотивацию обоих исследователей. Замечу только, что в последней статье А.С. Балахванцева, посвященной рысайкинской надписи, к моему удив-

лению, он уже вообще не вспоминает мнения В.А. Лившица, а ссылается лишь на свою более раннюю публикацию: «Чтение и перевод надписи, оказавшейся арамейской, были опубликованы мною еще в 2012 году» [Балахванцев, 2016, с. 19], как бы забывая, что арамейской она «оказалась» еще в 1986 г.

Однако вернемся к предложенному А.С. Балахванцевым чтению надписи. По его мнению, надпись можно перевести как «крепко пригнанный (прилаженный) для жеребенка», «что очень хорошо соответствует сути предмета», на который нанесена надпись [Балахванцев, 2012, с. 359; 2016, с. 19]. Позволю себе с этим не согласиться, потому что как раз никакого смыслового соответствия не вижу: во-первых, логически необъяснимо, зачем стараться подписать функциональную деталь узды (для которой, кстати, не в первую очередь в конской амуниции важна «крепкая пригнанность»); во-вторых, для жеребенка это и вовсе не актуально, поскольку узда — средство управления лошадью, а использовать жеребенка под седло вряд ли кому-то в здравом уме пришло бы в голову даже в VIII в. до н. э. В качестве второго варианта интерпретации слова, А.С. Балахванцев допускает вместо «жеребенка» имя собственное «Малыш», т. е. имя лошади. Но и это чтение не кажется мне убедительным, поскольку смыслом надпись от этого не наполняется и полностью игнорирует задачу любой надписи, которая всегда имела какую-то осмысленную цель. Кроме того, само предложение выглядит откровенной вульгаризацией: может быть, в современной деревне каждая корова «Зорька», а каждый тележный мерин «Малыш». Однако представляется, что имя верхового коня в древности должно было выглядеть иначе. Подтверждением этому может служить эпос разных народов, в котором имя коня героя обычно названо, что говорит о важности самого персонажа и его близости к герою. Тексты донесли до нас древнюю традицию давать лошадям имена, обозначающие их масть [Королькова, 2006, с. 36, 37]. В средневековых эпических поэмах Западной Европы кони нескольких героев носят одно и то же имя — Босан, что значит «пегий». Этим именем названы кони Гильома Оранжевого и Ожье Датчанина [Песни ..., 1985], а также герцога Бега де Белена в «Романе о Гарене Лотарингском». В «Песни о Роланде» имя коня Ганелона — Ташбрюн, что значит «бурый в яблоках» [Песнь ..., 1976, с. 37]. Близкая традиция прослеживается и в культурах Востока. Так, в китайской мифологии [Юань Кэ, 1987, с. 244] у правителя Му-вана, было восемь скакунов. Они происходили от боевых коней, некогда отпущенных на волю, и носили примечательные имена: Хуалю — рыжий черногривый (т. е. гнедой), Луэр — Зеленое ухо, Чицзи — Рыжий быстроногий, Байса — Белая жертва, Цюйхуан — Огромный буланный, Юй-

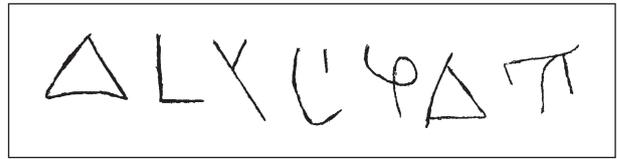

Рис. 5. Прорисовка надписи, предложенная А.С. Балахванцевым

Рис. 6. Фотография надписи для уточнения графики букв

лунь — Превосходное колесо, Даоли — Быстроногий вороной, Шаньцзы — Сын гор. Конь Манаса носит имя Ак-кула (Белая нога) [Манас, 1984], а имя Сивки-Бурки-Вещего Каурки из русских сказок не требует комментария.

Исторические реалии дают интересный материал для сравнения. Известно, что центральноазиатские кочевники курыканы преподносили в дар китайскому императору своих лучших коней. Так, в 647 г. император Поднебесной выбрал десять отличных коней, которым были даны поэтические имена: Парящий, как белый иней; Пегий, блестящий как снег; Пегий, как застывшая роса; Пегий, как висящий свет; Прекрасный конь, разрезающий волну; Желтый конь, как летящая заря; Красный конь, как стремительная молния; Желтый конь с черной мордой, как текучее золото; Красный, как убегающая радуга [Нестеров, 1990, с. 9; Королькова, 2006, с. 37]. Приведенные примеры показывают, что имена лошадей в древности выбирали не случайно, и «Малыш» плохо вписывается в эту концепцию: представить себе боевого коня с таким именем можно лишь обладая большой долей фантазии. Таким образом, предложенное чтение надписи мне представляется несостоятельным.

А.С. Балахванцев увязывает интерпретацию рысайкинской надписи с проблемой абсолютной хронологии и периодизацией скифской истории, рассматривая этот уникальный предмет в числе самых важных восточных реперов для обоснования радикально ранней датировки начала раннескифской культуры в конце VIII в. до н. э. Не вдаваясь в детали этой области исследования, хочу лишь обратить внимание на то, что А.С. Балахванцев все же не избежал некоторых субъективных неточностей в воспроизведении в прорисовке надписи и, следовательно, искажил отдельные признаки, которые могут оказаться важными (рис. 5; 6). Кроме того, надежным и точным хронологическим индикатором любой признак может стать лишь при наличии большого количества сравнительного материала, а его-то, как раз и

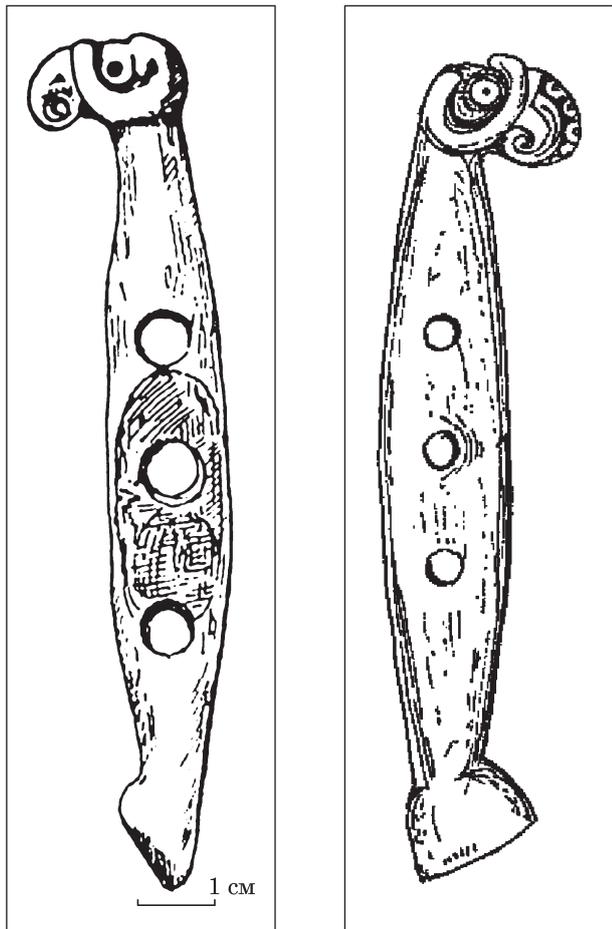

Рис. 7. Псалий из с. Рысайкино. Рисунок Е.Ф. Корольковой

Рис. 8. Псалий из кургана 2 у с. Аксютинцы (по В.А. Ильинской)

не хватает. Например, А.С. Балахванцев указывает, что в рысайкинской надписи две буквы встречаются дважды. При этом в обоих случаях (два раза использован *ламед* и дважды — *далет*) их начертание сильно различается, при том, что они нанесены одновременно и заведомо одной рукой [Балахванцев, 2012, с. 359]. Графика обеих букв в этих повторах имеет существенные различия, на мой взгляд, необъяснимые при строгости формальных признаков письма. Возможно, хронологические признаки в этой графике не столь категоричны, чтобы на одном случае решить все хронологические задачи. А если учесть, что арамейским письмом мог пользоваться человек самого разного происхождения, привычными для которого могли быть навыки, полученные неизвестно где и в какой среде, можно допустить, что мы *слишком многого* не знаем в данном случае. Но оставим проблемы палеографии.

Образы звериного стиля также могут давать некоторую опору, хотя и не слишком надежную, в определении хронологической позиции рысайкинского псалия. Самой близкой аналогией ему является пара псалиев с головкой грифобарана

и копытцем на концах их кургана 2 у с. Аксютинцы в Посулье (коллекция КИМ) [Ильинская, 1968, табл. XX, 16; Могилев, 2008, с. 258, рис. 43, 3]. Псалии из кургана 2 в Аксютинцах демонстрируют близость рысайкинскому экземпляру как в стилистическом, так и в морфологическом отношении (рис. 7; 8). Курган 2 (С.А. Мазараки) у с. Аксютинцы, к сожалению, не имеет ясной археологической картины, но детали конской узды, обнаруженные в нем, без сомнения, имеют раннюю дату и сопоставимы с псалиями с грифобаранами из Келермесского могильника. Еще одна близкая аналогия для рысайкинского псалия — псалии из Репяховатой Могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 35, рис. 4]. Однако как келермесские псалии [Галанина, 1997, табл. 21, 179, 180, 188, 189, 195], так и псалии из Репяховатой Могилы, были составными и отличались морфологически от рысайкинского экземпляра, а в стилистическом отношении демонстрировали более рельефные, почти «монументальные» изображения. Косвенно это служит признаком относительно более раннего происхождения. Так как художественный стиль вообще имеет свои универсальные законы развития, эволюционируя от ясной и лаконичной конструктивности, часто характеризующейся признаками монументальности и брутальной рельефности, к декоративности и графической трактовке формы, сопровождающейся сглаживанием рельефа и выраженной тенденцией к миниатюрности, можно предполагать относительно более позднюю дату рысайкинского псалия по сравнению с келермесскими образцами.

Близкие аргументы против точки зрения А.С. Балахванцева в определении хронологической позиции рысайкинского псалия и надписи уже высказывались в литературе [Эрлих, Канторович, Маслов, 2015, с. 78]. В то же время другие исследователи с готовностью приняли раннюю дату, предложенную А.С. Балахванцевым, правда, ее первоначальный вариант — начало VII в. до н. э. [Рябкова, 2014, с. 207, прим.].

Что касается абсолютной датировки рысайкинского псалия, то опубликовав обнаруженную надпись в 1987 г. и опираясь на общепринятую тогда хронологическую схему периодизации скифской истории, претерпевшую заметные изменения в последующие годы, я склонна была отнести его к началу VI в. до н. э. [Чежина (Королькова), 1987, с. 27]. К слову, А.С. Балахванцев, приводя в своей статье прежние мнения на датировку псалия, в том числе и совпадающие с моим, ссылается на работы разных исследователей, исключая мою [Балахванцев, 2012, с. 360]. Сейчас, учитывая сдвиг всей скифской хронологии и пересмотр дат таких памятников, как Келермесские курганы, Репяховатая Могила и т. д. в сторону удреждения, я считаю, что приемлемой датой для самого псалия и надписи вполне может быть время около середины

VII в. до н. э., но датировка VIII в. до н. э. представляется слишком смелой в силу отсутствия достаточно надежных для этого оснований.

Резюмируя аргументацию А.С. Балахванцева для интерпретации рысайкинского псалия с арамейской надписью как восточного репера для датировки раннескифской культуры VIII в. до н. э., хочу еще раз перечислить реально имеющиеся у нас данные.

Итак, мы имеем: псалий раннескифского типа, без какого бы то ни было сопроводительного материала, не имеющий археологического контекста и найденный в разрушенном крестьянами кургане в Самарской области, место которого точно не установлено и который никогда не исследовался. Тип псалия и зооморфное изображение на нем абсолютно не характерны для региона Южного Приуралья. Псалий имеет уникальную особенность — арамейскую надпись, аналогий которой нет. Надпись практически не читается, т. к. предложенная А.С. Балахванцевым интерпретация более, чем сомнительна. Неизвестно, на каком языке или диалекте арамейского языка сделана эта надпись. И вот именно она становится решающим аргументом для серьезного пересмотра абсолютной хронологии скифской истории, становясь репером для всей ее хронологической системы. Мне кажется это необоснованным.

Балахванцев А.С. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М.П. Грязнова.* — М., 2009. — Кн. 2. — С. 358—361.
Балахванцев А.С. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. конф., посвящ. пам. М.Н. Погребовой (Москва, 25—27.04.2016 г.).* — М., 2016. — С. 15—24.

Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997. — 296 с. (Степные народы Евразии. — Т. 1).

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 203 с.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // *Скифия и Кавказ.* — К., 1980. — С. 31—63.

Королькова Е.Ф. Скачущие сквозь века... // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре: Произведения из собрания ГЭ. — СПб, 2006. — С. 29—61.

Манас. Киргизский героический эпос. — М., 1984. — 544 с. (Эпос народов СССР. — Кн. 1).

Могилев О.Д. Спорядження коня скифської доби у лісостепу східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990. — 142 с.

Песни о Гильоме Оранжском / Пер. Ю.Б. Корнеева. — М., 1985. — 576 с. (Литературные памятники).

Песнь о Роланде / Пер. Ю.Б. Корнеева. — М., 1976. — 656 с. (Библиотека всемирной литературы).

Рябкова Т.В. Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // *Археологические вести.* — 2014. — Вып. 20. — С. 205—216.

Чежина (Королькова) Е.Ф. Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // *СГЭ.* — 1987. — Вып. 52. — С. 25—28.

Чежина (Королькова) Е.Ф. Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья // *СА.* — 1989. — № 1. — С. 261—264.

Эрлих В.Р., Канторович А.Р., Маслов В.Е. Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии // *Вестн. РГНФ.* — 2015. — № 1. — С. 73—82.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М., 1987. — 527 с.

Е.Ф. Королькова

ПРО НЕАБСОЛЮТНІСТЬ АБСОЛЮТНОЇ ХРОНОЛОГІЇ АРХАЇЧНОЇ СКИФІЇ ТА ЇЇ СХІДНИХ РЕПЕРІВ

Стаття присвячена унікальному арамейському напису, що був виявлений у 1986 р. на роговому псалію, знайдений 1932 р. у с. Рысайкіно в Приураллі. Цей ранньоскифський псалій із зібрання Ермітажу став предметом дискусії та визвав полеміку відносно східних хронологічних реперів та того, яким чином вони впливають на абсолютну хронологію архаїчної Скифії. На думку А.С. Балахванцева, що побудована на палеографії, напис може датуватися VIII ст. до н. е., що дозволяє суттєво поглибити абсолютну хронологію ранньоскифської історії. Полеміка наче дає можливість визнання достатніми основи для такого раннього датування предмету, який між іншим розглядається у порівнянні з палиями такого ж типу VII ст. до н. е.

Ключові слова: абсолютна хронологія, архаїчна Скифія, арамейський напис, палеографія, буква, псалій, дата, конська вузда, аналогія, звериний стиль.

E.F. Korolkova

ABOUT NON-ABSOLUT OF ABSOLUTE CHRONOLOGY OF ARCHAIC SCYTHIA AND ITS EASTERN CHRONOLOGICAL BENCHMARKS

The article deals with the unique Aramaic inscription which was discovered in 1986 on a bone cheek-piece found in 1932 in Rysaikino village in the Urals region. This archaic Scythian cheek-piece from the Hermitage collection became a cause of discussion and inspired polemics concerning eastern chronological benchmarks and how they can contribute to the absolute chronology of archaic Scythia. On A. Balakhvantsev opinion basing on paleography, the inscription can be dated from the 8th century BC. The controversy is of sufficient grounds for such early date of this object which can be considered in comparison with the similar cheek-pieces of the 7th century BC.

Keywords: absolute chronology, archaic Scythia, Aramaic inscription, paleography, letter, cheek-piece, date, horse-bridle, analogy, Animal Style.

Одержано 16.02.2017

Т.М. Кузнецова

СОСУД ИЛИ ЗЕРКАЛО (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова)

В статье рассматриваются вопросы, связанные со временем появления зеркал с боковой ручкой в Северном Причерноморье и атрибуцией предмета, бронзовая ручка от которого происходит из Немировского городища.

Ключевые слова: хронология, зеркало, патера, греки, скифы, Немировское городище.

Проблемы, связанные со временем появления и распространения в Северопонтийском регионе зеркал с боковой ручкой приобретают все более и более принципиальное значение, так как хронологический ограничитель, связанный с античным миром, а, следовательно, и с VI в. до н. э., мешает исследователям перенести их датировку в VII в. до н. э. или еще ниже [Медведская, 1992, с. 91; Алексеев, 2005; Дараган, 2010, сн. 64].

Поскольку эта тема получила дальнейшее развитие и серьезный аспект, связанный с выделением хронологического индикатора для скифской культуры [Kaşuba, Vakhtina, 2016, p. 268], к ней приходится возвращаться вновь.

Речь идет о ручке от неопределенного предмета (рис. 1, а), происходящей из Немировского городища, которую одни исследователи связывают с зеркалом [Смирнова, 1996, с. 80, рис. 13, 11; Вахтина, Кашуба, 2016], а другие — с сосудом [Кузнецова, 2002, с. 207—208].

Реконструируемый предмет [Кузнецова, 2002, рис. 28; Вахтина, Кашуба, 2016, рис. 4] по форме находит ближайшие аналогии среди патер — античных греческих и римских сосудов в виде неглубокой «сковороды» или «блюдца», чаще всего использовавшихся в культовых целях [Hilgers, 1969, s. 242]. По форме он близок так называемым «ольвийским зеркалам» (рис. 1, б, в) с зооморфным оформлением верха

© Т.М. КУЗНЕЦОВА, 2017

и конца ручки, определенным ранее как зеркало-патеры [Кузнецова, 2002, с. 208; Кузнецова, 2010, с. 239—241; Бандрівський, 2010, с. 159—162]¹. Поскольку точно установить функцию для последних затруднительно, сопоставление и доказательство строится на основании иных, но, безусловно, атрибутированных формах.

В античной культуре отмечены зеркала и патеры, ручки которых представлены в виде человеческих фигур (рис. 1, з—ж; 2, з). Происхождение таких патер и зеркал связывают с Пелопоннесом VI в. до н. э., а более позднее распространение патер с греческими колониями Южной Италии [Vassilika, 1998, p. 42].

Обе категории предметов, имея значительное сходство между собой, демонстрируют и различия, обусловленные их функцией. Рабочая сторона патеры (ковш) всегда соответствует ручке-фигуре человека, обращенной лицом к зрителю (рис. 1, з—е). У зеркал рабочая сторона (гладкая,

1. Исследователь предлагает определять некоторые формы только как сосуды («патеры») и убедительно доказывает их возможное использование в таком качестве [Бандрівський, 2010, с. 160—161].

Рис. 1. Зеркала и патеры: а — ручка патеры?, Немировское городище [Вахтина, Кашуба, 2016, рис. 4]; б — зеркало-патера, нижнее левобережье Днепра [Онайко, 1966, с. 57—58, табл. XIX, 3]; в — зеркало-патера, курган «Мачуха» (фото из личного архива Б.Н. Гракова); г — патера ≈500 г. до н. э., Королевский музей Онтарио, Канада; д — ручка патеры ≈500 г. до н. э., Кристи (Christie's); е — ручка патеры ≈600 г. до н. э. [Eisenberg, 1985, no. 33]; ж — ручка-подставка зеркала, с. Анновка [Жебелев, 1907, табл. III]; з — фрагменты зеркала, Дельфы, [Lerat, 1937, p. 49, fig. 3]; и — зеркало, Пилос; к — схематичное изображение зеркала [Bénédite, 1907, p. V, fig. D]

отражающая) также соответствует ручке-фигуре человека, обращенной лицом к зрителю (рис. 1, ж; 2, з), причем у греческих форм, имевших бортик, он всегда расположен с оборотной стороны диска, как в архаический, так и в классический период [Keene Congdon, 1981, pl. 7, 11; 13; 31; 48; 53; 55; 64; 79; 87; 88; 91, 3c].

Патеры, ручки которых переданы в виде человеческих фигур, нередко имеют на конце изображение головы барана, лоб которой, обращенный к зрителю, служит опорой для всей фигуры (рис. 1, г—е). У зеркал ручки-фигуры человека, как правило, опираются на различные подставки, среди которых опоры в виде бараньей головы пока не встречены [Keene Congdon, 1981].

Представленное сопоставление показывает, что и у зеркал, и у патер, фронтальная сторона ручки определяет рабочую сторону предмета, а это позволяет предположить, что ручка немировского экземпляра скорее могла принадлежать сосуду. Об этом свидетельствует наличие глубоких каннелюр только с одной ее стороны, противоположной той, которую у зеркал можно было бы использовать как рабочую (без бортика) поверхность [Кузнецова, 2002, с. 207].

Доказать, что эта ручка имеет какое-то отношение к зеркалу невозможно, так как для сопоставления нет материала.

Ранее немировский экземпляр был упомянут мной из-за его некоторой близости (по орнаментации ствола) так называемым «ольвийским зеркалам» с высоким бортиком и зооморфным оформлением ручки (рис. 1, б, в). Последние были определены как зеркала-патеры, связанные с античным миром. Предполагалось, что они, возможно, являются греческими сосудами, послужившими прототипами для патер конца VI — середины V в. до н. э., ручка которых имеет вид фигуры человека [Кузнецова, 2002, с. 212].

В контексте античной традиции находка в Кирене (Северная Африка) зеркала-патеры с бараньей головкой на конце ручки [Скуднова, 1962, с. 18] выглядит вполне уместно, так как этот город основали жители острова Фера, отправив колонию в Ливию [Herod., IV, 158—159; Strabo, X, 484].

Двойное название к рассматриваемым предметам было применено потому, что для безусловной атрибуции «ольвийских зеркал» в качестве сосудов, отсутствует возможность определить у них рабочую сторону, так как орнамент в виде каннелюр расположен на обеих сторонах ручек. При этом двухсторонние зооморфные изображения на ручках (лев, кабан, олень, пантера) имеют нейтральное (профильное) расположение, а головка барана, хотя чаще всего развернута лобной частью к гладкой стороне диска, могла размещаться и иначе (рис. 1, в), что позволило предположить их бифункциональное применение [Кузнецова, 2002, с. 212].

Аналогий немировской ручке нет, поэтому атрибуция предмета, которому она принадлежала, затруднительна.

Показать, что эта ручка имеет какое-то отношение к зеркалу, исследователям Немировского городища не удалось, хотя они и сделали попытку найти ей место среди зеркал, отметив, что Т.М. Кузнецова «отнесла в системе разработанной ею классификации немировское зеркало» к определенному уровню, т. е. к классу односоставных зеркал «смешанного» пелопоннеско-скифского типа» [Kaşuba, Vakhtina, 2016, p. 271—272; Вахтина, Кашуба, 2016, с. 44—45].

Однако это абсолютно неверно, поскольку немировская ручка в классификацию мною введена не была, оттого указанный М.Ю. Вахтиной и М.Т. Кашубой тип зеркал, да еще с таким абсурдным названием, не выделялся [Кузнецова, 1987, с. 36], а рассматриваемый предмет с зеркалом никогда отождествлен не был [Кузнецова, 2002, с. 207—208].

И уж, если исследователи решили включить немировскую ручку в классификацию, то это нужно было делать от своего имени, а не от имени Т.М. Кузнецовой. Реконструкция, показанная М.Ю. Вахтиной и М.Т. Кашубой, представлена неправильно (рис. 1, а), поскольку на рисунке разрез демонстрирует значительную сохранившуюся часть ковша (или диска), что может ввести коллег в заблуждение, так как на самом деле эта часть ничтожно мала и не дает точного представления о его форме [Вахтина, Кашуба, 2016, рис. 4]¹.

В результате, связав немировскую ручку с зеркалом, исследователи столкнулись с проблемой несоответствия между временем появления зеркал в Греции в VI в. до н. э. и датой рассматриваемого ими предмета. По мнению авторов, землянка, в верхнем слое которой эта ручка была найдена (контекст находки определен условно), прекращает свое существование не позднее конца VII в. до н. э. [Вахтина, Кашуба, 2016, с. 45].

Отмеченное несоответствие в датировках М.Ю. Вахтина и М.Т. Кашуба попытались упразднить, рассмотрев историю появления и развития зеркал в Греции от микенской эпохи до классического периода, опираясь на статью И. Стрем, где она связывает появление зеркал в Греции как с Египтом, так и с Ближним Востоком, осторожно предполагая возможное продолжение развития и микенской традиции в позднегеометрический период, поскольку одно зеркало обнаружено в могиле конца VIII в. до н. э. в Дельфах, во вторично использованной гробнице [Strøm, 1998, p. 76, n. 233].

Однако дельфийское зеркало (диаметр ≈ 4,5 см), видимо, было «импортным», потому что диск у него, судя по представленным фрагментам (рис. 1, з), имел вытянутые очертания.

1. Следовало дать пунктиром.

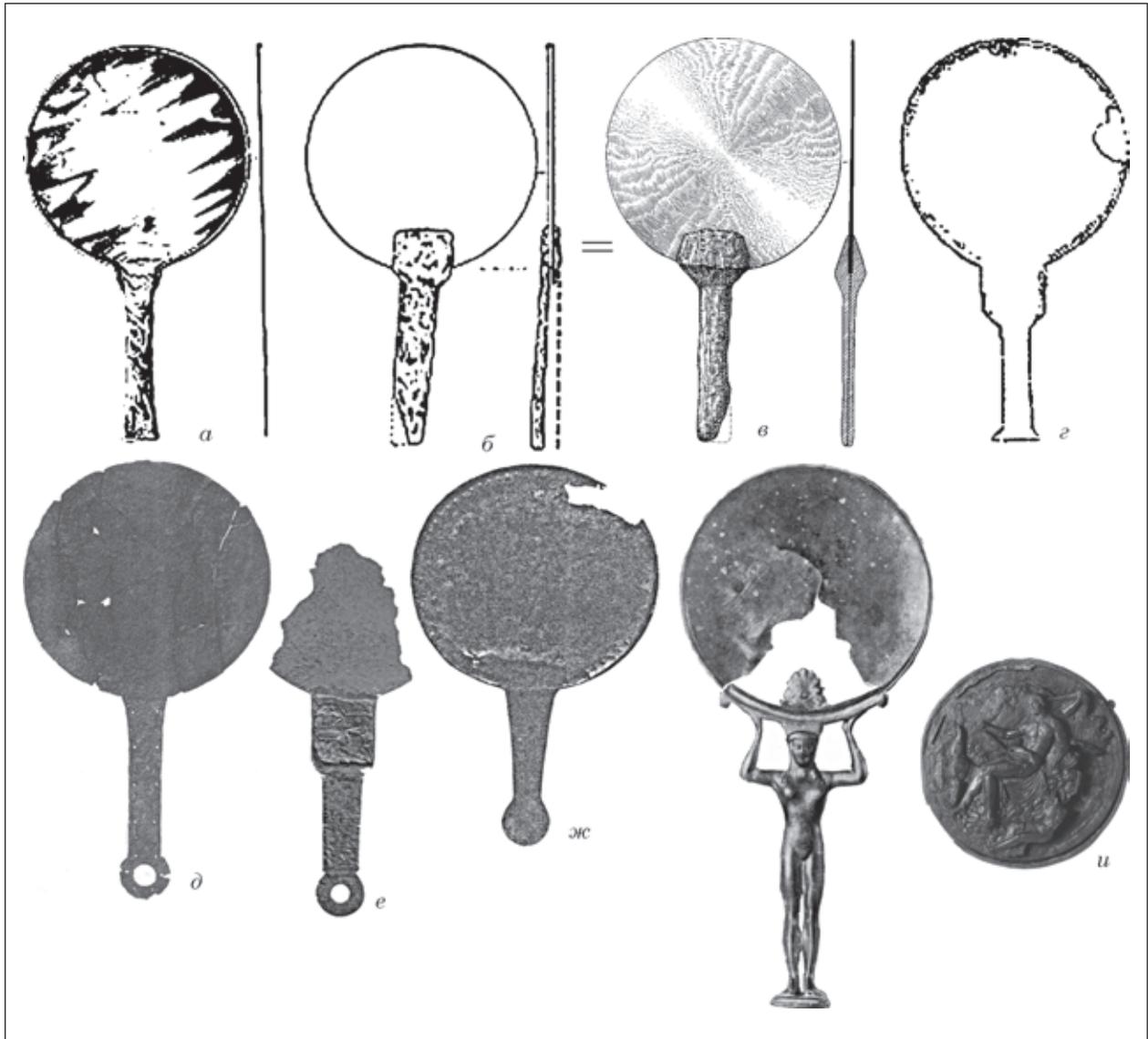

Рис. 2. Зеркала: а — курган «Репяховатая Могила», гробн. 2 [Кузнецова, 2002, табл. 29/Б, № 477 (в табл. 29 опечатка: проставлен № 474)]; б = в — курган «Репяховатая Могила», гробн. 2 [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 20; Кузнецова, 2010, табл. 86, № 476]; г — Коринф [Рауне, 1931, р. 228, fig. 103, А]; д — Ольвия, некрополь, мог. 4 [Билимович, 1976, рис. 3, кат. 6]; е — Ольвия, некрополь, мог. 23 [Скуднова, 1988, с. 58, кат. 62]; ж — Ольвия, некрополь, мог. 7 [Билимович, 1976, рис. 7, кат. 66]; з — с. Анновка [Онайко, 1966, табл. XIX, 5]; и — Пантикапей, некрополь, 1834 г. [Александр ..., 2007, с. 181, кат. № 163]

Об этом можно судить по сохранившейся ручке [Lerat, 1937, p. 49, fig. 3], у которой место перехода к диску не дает основания предполагать круглую, характерную для микенского периода [Paschalidis, 2012, pl. CXXXIX, b, c], форму диска (рис. 1, и). Близкие дельфийскому экземпляру диски отмечены для зеркал (рис. 1, к), встречающихся в Египте [Bénédite, 1907, p. V, f. C] ¹.

Не исключая вероятной преемственности между микенскими и архаическими греческими зеркалами, поскольку и те, и другие имели круглые диски, следует отметить, что «в археологической летописи греческих зеркал» от 1100 до 700 г. до н. э. прослеживается hiatus [Keene

Congdon, 1985, p. 19]. И данных для его заполнения пока нет.

Поэтому остаются неясными причины, по которым, М.Ю. Вахтина и М.Т. Кашуба, со ссылкой на статью И. Стрем, предполагают возможность передатировки зеркал из Аргивского герайона и других святилищ Греции более ранним временем — VII в. до н. э., так как и у И. Стрем, и у других исследователей, сведения для подобного вывода совершенно отсутствуют [Waldstein, 1905, p. 264—266; Oberländer, 1967; Keene Congdon, 1985; Strøm, 1998, p. 76—77].

В результате рассуждений о находке из Немирова, которая обозначена М.Ю. Вахтиной и М.Т. Кашубой как «зеркало», исследователи отмечают, что рассматриваемая ими ручка «является уникальной и не находит полных

1. В данном случае отмечена только предполагаемая форма, а не происхождение зеркала.

аналогий среди ... зеркал», а центр ее производства однозначно определить невозможно, но ее изготовление предположительно можно связать с греческим мастером, и относят ее при этом к «хронологическому индикатору скифского типа», предлагая «удревнить» датировку некоторых зеркал лесостепной Скифии [Kashuba, Vakhtina, 2016; Вахтина, Кашуба, 2016].

Однако предмет, не имеющий точного определения времени и места изготовления не может служить хронологическим репером для скифских памятников. В этом плане хронологические изыскания исследователей, обусловленные стремлением изменить даты вопреки имеющимся фактам, выявленным ими же самими, вызывают лишь недоумение.

Зеркала с боковой ручкой были известны на обширной территории с эпохи бронзы: от Месопотамии [Albenda, 1985, p. 2—3] до Египта [Brunton, 1927, pl. XXXIX; William, 1953/1978, p. 241], от Средиземноморья [Keene Congdon, 1985, p. 19; Ström, 1998, с. 75] до Центральной Азии [Кузьмина, 1966, с. 68—69, табл. XIII, 1, 6, 9; Kuz'mina, Vinogradova, 1983, p. 101, pl. 8, 16; Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 137, рис. 6, 3] и Сибири [Грязнов, 1956, с. 16; Членова, 1967, с. 90; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 8; Членова, 1981, рис. 2, 1].

Изменяясь во времени, зеркала, происходящие из разных регионов, и в раннем железном веке сохранили свои особенности. Это относится и к форме дисков, и к форме боковых ручек или подставок [Albenda, 1985; Трейстер, 2012, с. 120—121, рис. 62], которые также были различными еще с эпохи бронзы. Поэтому такой факт как наличие боковой ручки у зеркала не может указывать на время его существования и уж тем более служить маркером для определенного периода, как это следует из некоторых работ [Медведская, 1992, с. 91; Дараган, 2010, с. 191]. Дата определяется по особенностям оформления диска и ручки.

Такие особенности для скифских памятников отмечены в материалах гробницы 2 «Репяховатой Могилы»: два зеркала с боковой ручкой (рис. 2, а—в), датирующиеся не ранее второй четверти VI в. до н. э. [Кузнецова, 2002, с. 79—80; Кузнецова, 2010, с. 238; Кузнецова, 2017], так как они подражают «коринфским» формам античных зеркал (рис. 2, г, е), появившимся в Греции в пределах указанного времени [Oberländer, 1967, S. 5].

Поскольку Северопричерноморский регион не имел собственной традиции производства зеркал, то появление экземпляров с боковой ручкой в этом районе обусловлено контактами с греческим населением, учитывая, что в памятниках Северного Причерноморья нашли отражение все изменения в форме и конструкции (рис. 4, д—и) античных зеркал [Билимович, 1976, с. 32—66; Кузнецова, 2002; Кузнецова, 2010]. Зеркала с боковой ручкой в Греции

появляются не ранее VI в. до н. э., поэтому дата комплексов с предметами такой формы не может быть определена раньше этого времени. Для ранних греческих зеркал характерны круглые диски и нехарактерны ручки, изготовленные из железа, что делает зону лесостепи одной из возможных территорий, с которой связано появление подражаний зеркалам подобной конструкции.

Как уже говорилось, предполагаемая дата немировской находки, связанной М.Ю. Вахтиной и М.Т. Кашубой с зеркалом, противоречит времени появления зеркал с боковой ручкой в Греции. Попытка перенесения этой даты как на скифские памятники Северного Причерноморья, так и на святилища древнего Пелопоннеса не имеет основания, поскольку принадлежность рассматриваемой ручки сосуду, как было показано выше, доказать еще возможно, а для сопоставления с зеркалами данных нет.

Александр Великий. Путь на Восток: Каталог выставки, ГЭ. — СПб, 2007. — 512 с.

Алексеев А.Ю. Предскифское зеркало из Саркела // Древности Евразии: от ранней бронзы до средневековья: Памяти В.С. Ольховского. — М., 2005. — С. 161—166.

Билимович З.А. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // Тр. ГЭ. — Т. XVII. — 1976. — С. 32—66.

Бандрівський М. Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу в VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Изобразительное искусство в археологическом наследии. — Донецк, 2010. — С. 145—177 (Археологический альманах. — № 21).

Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф. пам. М.Н. Погребовой (25—27 апреля 2016 г.). — М., 2016. — С. 43—48.

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. — М., 1986. — С. 126—151.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 24. — 194 с.

Дараган М.Н. О датировке амфоры из погребения 2 Репяховатой Могилы // Античный мир и археология: Межвузовский сб. науч. тр. — 2010. — Вып. 14. — С. 175—202.

Жебелев С. Статуэтка — подставка в виде нагой женской фигуры // МАР. — 1907. — № 32. — С. 25—35.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—63.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э. — М., 2002. — Т. I. — 352 с.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э. — М., 2010. — Т. II. — 426 с.

Кузнецова Т.М. О времени сооружения кургана «Репяховатая Могила». — РА. — № 2. — 2017. — С. 103—117.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — М., 1966. — 139 с. (САИ. — Вып. В 4—09).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. — М., 1975. — 155 с.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. — 1992. — № 3. — С. 86—107.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — М., 1966. — 117 с. (САИ. — Д 1-27).

Скуднова В.М. Скифские зеркала в архаическом некрополе Ольвии // Тр. ГЭ. — 1962. — Т. VII. — С. 5—27.

Смирнова Г.И. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII—VI вв. до н. э. // Археология. — 1996. — № 4. — С. 67—84.

Трейстер М.Ю. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южноазиатские импорты и местные подражания // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.). — М., 2012. — С. 120—133 (Древняя тюркитика и ювелирное дело в Восточной Европе. — Вып. 5, Т. I).

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры. — М., 1967. — 300 с.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. — 1981. — Вып. 167. — С. 100—108.

Albenda P. Mirrors in the Ancient Near East // Source: Notes in the History of Art. — 1985. — Vol. 4, nos. 2—3. — P. 2—9.

Bénédict G. Catalogue général des antiquités égyptiennes du musée du Caire. Miroirs. — Le Caire, 1907. — XXV + 64 p. + XXV pl.

Brunton G. Qau and Badari I. — London, 1927. — 89 p. + XLIX pl.

Eisenberg J. Art of the Ancient World. — New York; London, 1985. — Vol. IV. — 208 p. + 192 pl.

Hilgers W. Lateinische Gefäßnamen. Bezeichnungen, Funktion und Form römischer Gefäße nach den antiken Schriftquellen. — Düsseldorf, 1969. — 315 S. (Beihfte der Bonner Jahrbücher. — Bd. 31).

Kaşuba M., Vakhtina M., (with the supplement by S. Khavrin). Oglinda de bronz din cercetările vechi din fortificația Nemirovo de pe Bugul de Sud. // Culturi, Procese și Contexte on Arheologie: Volum omagial O. Levițki la 60 de ani. — Chișinău, 2016. — P. 268—277.

Keene Congdon L.O. Caryatid Mirrors of Ancient Greece: Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series. — Mainz, 1981. — 288 p.

Keene Congdon L.O. Greek Mirrors // Source: Notes in the History of Art. — 1985. — Vol. 4, nos. 2—3. — P. 19—25.

Kuz'mina E.E., Vinogradova N.M. Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen und Oasenkulturen in Mittelasien // Beiträge zur allgemeinen Vergleichenden Archäologie. — 1983. — Bd. 5. — S. 35—55.

Lerat L. Tombes submycéniennes et géométriques à Delphes // Bulletin de correspondance hellénique. — 1937. — Vol. 61, no. 1. — P. 44—52.

Oberländer P. Griechische Handspiegel. — Hamburg, 1967. — 300 s.

Payne H. Necrocorinthia: a study of Corinthian art in the archaic period. — Oxford, 1931. — XII + 363 p.

Paschalidis C. Reflection of Eternal Beauty. The Unpublished Context of a Wealthy Female Burial from Koukaki, Athens and the Occurrence of Mirrors in Mycenaean Tombs // Kosmos. Jewellery, Adornment and Textiles in the Aegean Bronze Age: Proceedings

of the 13th International Aegean Conference, University of Copenhagen, Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research (21—26 April 2010). — Leuven; Liege, 2012. — P. 547—557.

Ström I. Bronze Imports and Archaic Greek Bronzes. The Early Sanctuary of the Argive Heraion and its External Relations (8th—Early 6th cent. BC.) // Proceedings of the Danish Institute at Athens. — Aarhus, 1998. — Vol. II. — P. 37—125.

Vassilika E. Greek and Roman Art. — Cambridge, 1998. — 136 p.

Waldstein C. The Argive Heraeum. — Boston; New York, 1905 — Vol. II. — 389 p. + pl. XLII—CXL.

William C.H. The Scepter of Egypt. A Background for the Study of the Egyptian Antiquities in The Metropolitan Museum of Art. — Vol. 1: From the Earliest Times to the End of the Middle Kingdom. — New York, 1953/1978. — 421 p.

Т.М. Кузнецова

ПОСУДИНА ЧИ ДЗЕРКАЛО (до питання про бронзове руків'я з Немирова)

Статтю присвячено питанням, пов'язаним з часом появи дзеркал з бічною ручкою в Північному Причорномор'ї і атрибуцією предмету, бронзове руків'я якого походить з Немирівського городища.

Показано, що дата для цього руків'я, яку дослідники Немирівського городища пов'язують з античним дзеркалом, суперечить часу появи дзеркал з бічною ручкою в Греції. Зауважено, що спроба перенесення цієї дати як на скифські пам'ятки Північного Причорномор'я, так і на святилища древнього Пелопоннесу не має підстави, оскільки належність цієї ручки посудині довести можливо, а для зіставлення з дзеркалами даних немає.

Ключові слова: хронологія, дзеркало, патера, греки, скифи, Немирівське городище.

Т.М. Kuznetsova

A VESSEL OR A MIRROR (on the Question of a Bronze Handle from Nemirov)

The article deals with the issues related to the time of appearance of mirrors with side handle on the northern Black Sea coast and the attribution of the object, the bronze handle of which comes from the Nemirovsky hillfort. It is shown that the date for the handle that some researchers of Nemirovsky hillfort connect with antique mirrors is contrary to the advent of the mirrors with side handle in Greece. It is noted that the attempt to transfer this date on the Scythian monuments of the Northern Black Sea as well as on the sanctuary of the ancient Peloponnese has no foundation, because it belonging of the considered handle to a vessel is possible to prove, while we have no data for comparison with the mirrors.

Keywords: chronology, mirror, patera, Greeks, Scythians, Nemirovsky hillfort.

Одержано 10. 02. 2017

С.Я. Ольговский

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ КАРАВАННЫЙ ПУТЬ ИЗ ОЛЬВИИ НА УРАЛ И В ПОВОЛЖЬЕ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается возможность существования торгового пути от Ольвии, до Урала и Поволжья в архаическое время. Такое предположение было высказано в середине XX в. ошибочно, поскольку Ольвия на фоне недостаточной исследованности скифских памятников оседлого быта выглядела развитым ремесленным центром, продукция которого распространялась в самые отдаленные области. Последние исследования скифских ремесленных центров позволяют считать их более мощными и развитыми, и хотя греческие купцы были там частыми гостями, дальше на восток они не проникали и скифы сами распространяли свою продукцию до Урала и Поволжья. «Ольвийские» зеркала и крестовидные бляхи с элементами скифского звериного стиля не могут служить доказательством связей Ольвии с этими областями, поскольку не являются продукцией ольвийских литейщиков.

Ключевые слова: *звериный стиль, «ольвийские» зеркала, крестовидные бляхи, караванный путь бронзолитейного ремесла, ремесленный центр.*

В 1947 г. впервые было высказано предположение о постоянно действующем торговом пути из Ольвии в Поволжье и на Урал, который якобы активно функционировал в VI—V вв. до н. э. [Граков, 1947]. В качестве подтверждения этой гипотезы были приведены некоторые пассажи из четвертой книги «Истории» Геродота, а также отдельные категории изделий, которые неопровержимо считались продукцией ольвийских литейщиков и были известны из раскопок как в Причерноморье, так и в Поволжье. Таким образом, были затронуты вопросы этногеографии Скифии, и, в очередной раз, Ольвия была представлена как решающий фактор в развитии торговых и культурных связей в Се-

верном Причерноморье и с более отдаленными районами.

Прежде всего, Б.Н. Граков обратил внимание на перечисление Геродотом племен, населявших земли на предполагаемом пути и указанные им при этом расстояния. Так за Борисфеном по Геродоту были расположены земли скифов-земледельцев, а за ними на восток после 14 дней пути до реки Геррос лежат земли скифов-кочевников.

Далее за Танаисом на 15 дней пути Геродот называет земли савроматов — первого нескифского народа. То, что у древнего автора называются условные расстояния, Б.Н. Граков считает доказательством того, что речь идет именно о постоянно используемом караванном пути [Граков, 1947, с. 23—24]. Но за землями савроматов о расстояниях у Геродота ничего не говорится и дальше описываются сказочные земли, населенные козлоногими людьми, которые спят по шесть месяцев в году и какими-то плешивыми людьми.

Совершенно очевидно, что за землями савроматов заканчиваются знания греческих информаторов Геродота о более отдаленных землях и племенах. И хотя, по свидетельству Геродота, об этих далеких восточных землях можно узнать не только от скифов, но и от греков из причерноморских городов, Б.Н. Граков относительно этого пишет: «Я считаю, что, скорее всего, там бывали **только скифы**, которые поставляли восточные товары в греческие города, **а не греки**» (выделено мною — С. О.) [Граков, 1947, с. 25]. Впрочем, эту фразу в работе Б.Н. Гракова последующие исследователи странным образом не заметили, но статья в целом стала основополагающей, и начали выстраиваться схемы, на которых Ольвия изображалась отправным

пунктом для распространения различных товаров в самые отдаленные районы ойкумены. При этом Ольвия архаического времени называлась наиболее развитым ремесленным центром из всех причерноморских колоний, в мастерских которой изготавливались различные изделия из цветных металлов для удовлетворения варварского рынка. А своеобразие продукции, типы изделий, техника отливки и стиль якобы свидетельствовали о «специфически ольвийском характере изделий и созданном в Ольвии VI в. до н. э. особом художественном стиле» [Прушевская, 1955, с. 328]. Позже будут предприняты попытки выделить даже особую ольвийскую школу звериного стиля [Островерхов, 1994, с. 67]. Сам же Б.Н. Граков, веря в исключительность ольвийского ремесла, и считая продукцией ольвийских литейщиков оригинальные зеркала и крестовидные бляхи, в декоре которых использовались элементы скифского звериного стиля, использовал их для подтверждения постоянных связей Ольвии с Уралом и Поволжьем в архаическое время. Хотя его же наблюдение относительно того, что о восточных землях можно узнать только от скифов этому противоречит.

Я неоднократно обращал внимание на диспропорцию в исследовании скифских и античных памятников, которая сложилась к середине XX в., что и способствовало формированию мнения о высоком уровне развития греческой культуры в Северном Причерноморье, которая якобы определяла направление развития местной культуры [Ольговский, 2014, с. 3]. Если греческие колонии, хотя и с некоторыми перерывами, всесторонне исследовались с рубежа XVIII—XIX вв., то культура скифского населения изучалась лишь эпизодически и в основном по материалам погребальных памятников, преимущественно курганов скифской знати. Материалы же поселений и городищ сравнительно мало привлекали внимание исследователей. Только в конце XIX в. А.А. Бобринский и И.А. Зарецкий произвели эпизодические разведывательные работы соответственно на Бельском и Лихачевском городищах. Затем В.А. Городцов в начале XX в. на Западном укреплении Бельского городища исследовал один из зольников. И хотя при этих, по существу случайных и небольших по объему работах сразу были обнаружены выразительные следы местной металлообработки, этот факт остался без внимания исследователей.

Активное исследование скифских памятников оседлого быта началось в середине XX в. и сейчас на правом берегу Днепра известны Трахтемировское, Шарповское, Мотронинское городища, Жаботинское поселение; на Левобережье — городища Бельское, Коломакское, Кнышевское, Люботинское, Лихачевское, Полковая Никитовка. Все эти памятники функционировали в V—VI вв. до н. э. и являлись

крупными ремесленными и торговыми центрами. Мастерские с плавильными горнами, наборы уникальных инструментов, литейные формы, товарные слитки металла, разнообразные отходы производства, готовая и бракованная продукция — по своему разнообразию и многочисленности значительно превышают аналогичные находки из греческих колоний в целом и из Ольвии в частности. Поэтому миф об исключительности колониального ремесла можно считать развеянным.

Следует сказать о зеркалах, так называемого «ольвийского» типа и крестовидных бляхах, в декоре которых присутствуют элементы скифского звериного стиля и которые Б.Н. Граков приводит в качестве доказательства ольвийского экспорта на Урал и в Поволжье. Если принять тезис об изготовлении этих изделий в ольвийских мастерских, то это единственные вещи колониального производства, которые доставлялись в далекие области.

К «ольвийским» относятся зеркала, диск которых имеет по краю невысокий бортик, а боковая ручка с продольными канелюрами, иногда украшенными косой насечкой «елочкой» или круглореберная, украшенная на конце фигурками зверей. Это или головка барана, выполненная с различной степенью стилизации, или фигурка хищника — барса или пантеры (рис. 1, 1—3). Достаточно редкими являются зеркала, боковая ручка которых украшена фигуркой животного, условно названного сфинксом (рис. 1, 4). Иногда в месте соединения ручки и диска помещается фигурка лежащего оленя, реже кабана.

Крестовидные бляхи являются более типичными для архаической Скифии. Конструктивно они построены в виде центрального круга с изображением животного. Как правило, это пантера, свернувшаяся в кольцо, а с трех сторон размещены еще три круга также с изображением пантеры или профилированные головки птиц, или других животных. Эти три круга или ажурные зооморфные фигурки являются короткими концами креста. Четвертый удлиненный четырехугольный конец начинается от свободного края центрального круга и также украшен фигурками зверей.

Первым «безусловно ольвийскими» назвал зеркала с фигурками животных Б.В. Фармаковский, поскольку изображения зверей, по его мнению, находят сходство с ионийской скульптурой. Соглашаясь с мнением немецкого исследователя XIX в. Г. Гампеля, что такие зеркала могли изготавливаться только в каком-либо античном центре на побережье Черного моря, Б.В. Фармаковский, учитывая, что кроме Ольвии такие изделия больше ни в каких греческих городах Северного Причерноморья не встречались, утверждает, что именно Ольвия и была единственно возможным местом их изготовления.

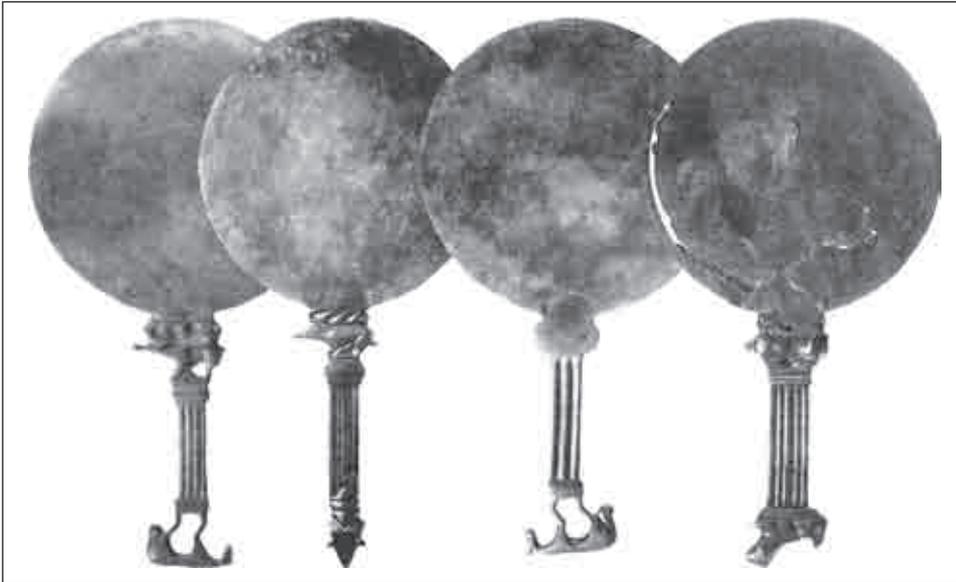

Рис. 1. Зеркала «ольвийского» типа: 1 — Нальчик; 2 — Ольвия; 3 — Ольвия; 4 — Трансильвания

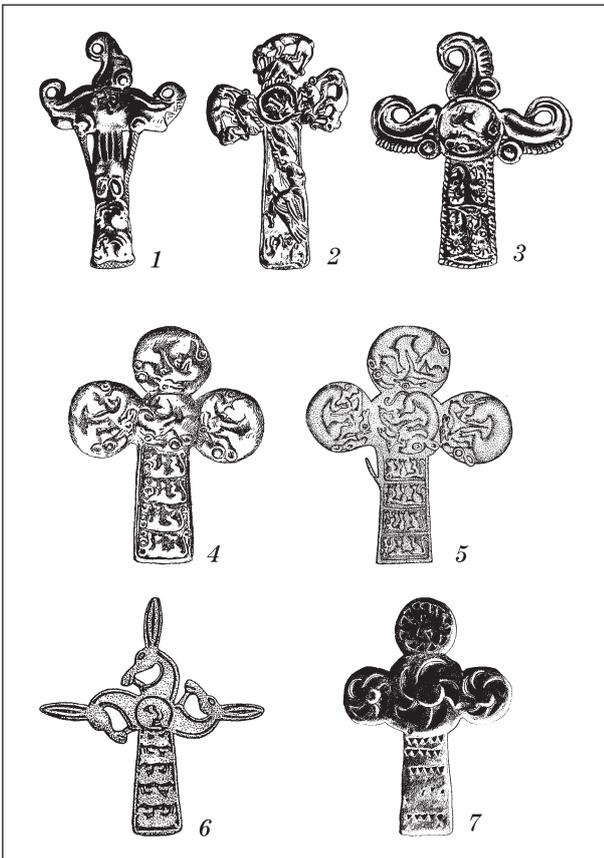

Рис. 2. Крестовидные бляхи: 1, 2 — Комаром, Мезолак (Венгрия); 3, 4 — Опишлянка, Ениковоц (Украина); 5 — Зуевский могильник (Поволжье); 6 — Гусарка (Украина)

Далее Б.В. Фармаковский, слишком переоценивая и идеализируя ольвийское бронзолитейное ремесло, допускает, что продукцией ольвийских мастеров, очевидно, являются также зеркала, украшенные на конце боковой ручки рельефным изображением цветка лотоса или маской Горгоны [Фармаковский, 1914, с. 27,

28], которые традиционно считаются античным импортом из греческой метрополии. Но только первая часть высказывания Б.В. Фармаковского об ольвийском происхождении зеркал с фигурками животных и по сей день используется исследователями, как единственное доказательство изготовления зеркал в Ольвийских мастерских греческими мастерами.

По мнению Б.Н. Гракова, скифский звериный стиль на зеркалах неслучаен, поскольку изготовление вещей в этом стиле в Ольвии — явление обычное. А отсутствие таких зеркал в погребениях некрополей других городов Северного Причерноморья дало повод этому автору, так же, как и Б.В. Фармаковскому, категорично утверждать, что они являются продукцией металлообрабатывающих мастерских именно Ольвии [Граков, 1947, с. 28].

Происхождению зеркал «ольвийского» типа и крестовидных блях с элементами скифского звериного стиля были посвящены отдельные статьи [Ольговский, 1992; 1995] и раздел монографии [Ольговский, 2014, с. 207—247]. Поэтому мы не будем вдаваться в подробности этой проблемы. Отметим лишь, что нет никаких оснований считать Ольвию местом изготовления этих изделий. Нет никаких следов их изготовления и в каком либо конкретном скифском центре. Можно назвать лишь опосредованные данные. В этом отношении весьма интересно зеркало из кургана 6 у с. Басовка в Посулье, исследованного С.А. Мазараки в 1899 г. (рис. 3, 3). О нем мы уже говорили в связи с монографией Т.М. Кузнецовой. Место крепления массивного литого диска с боковой ручкой оформлено в виде ионийской капители с двумя волютами и пальметтой между ними. Сама ручка железная, но окончание ее бронзовое в виде двух орлиных головок с непропорционально большими и сильно загнутыми клювами. В.А. Ильинская безапелляционно называет это зерка-

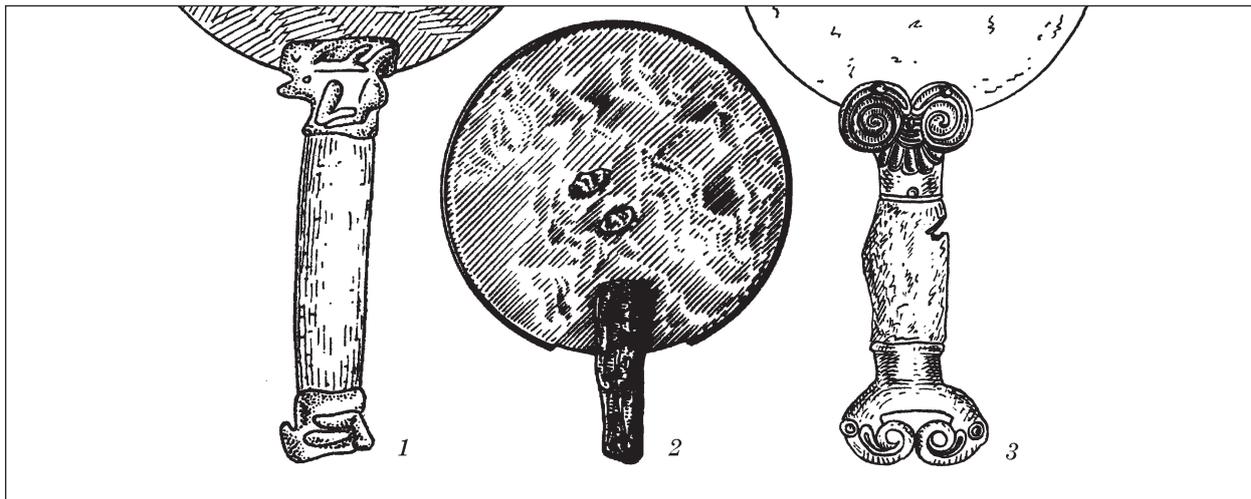

Рис. 3. Скифские зеркала из лесостепных курганов: 1 — Старшая Журовская группа; 2 — Захарейковская Могила; 3 — Басовка, Посулье

ло греческим из-за наличия чисто греческого орнамента в декоре диска [Ильинская, 1968, с. 40, табл. XXX, 3]. Автора не смутило наличие и чисто скифского элемента, выполненного с соблюдением всех канонов классического звериного стиля VI в. до н. э.

Т.Б. Барцева считает, что художественное оформление ручки зеркала как бы показывает, с одной стороны, для кого оно изготовлено, так как изображение фигурок хищных птиц было популярно в скифском искусстве, а с другой — кто его изготовил (ионийская капитель — мотив, который ближе по духу для жителей греческого города) [Барцева, 1981, с. 72]. То есть, и этот автор считает это зеркало произведением греческих мастеров.

Т.Б. Барцева имела в своем распоряжении результаты спектрального анализа бронзовых элементов этого зеркала, но и она не обратила внимания на рецептурные различия в сплавах, из которых были отлиты диск и окончание ручки.

Если для отливки диска использовалась высокооловянная бронза с концентрациями лигатуры до 33 %, как, например, для отливки высокохудожественной посуды из метрополии, то окончание ручки изготовлено из бронзы с концентрациями олова до 5 %. Различается металл двух элементов зеркала и по содержанию некоторых микропримесей, например: серебра, сурьмы, мышьяка [Барцева, 1981, с. 103, ан. № 19753, 19753а]. А это дает основание для предположения, что диск и ручка были изготовлены в различных мастерских и, возможно, в различное время.

Вполне реальным будет предположение, что железная ручка с бронзовым окончанием была прикреплена после поломки греческого зеркала, которым владел житель лесостепи. Ремонт совершил тоже скифский мастер, который подпил место поломки и приклепал железную

ручку, украшенную на конце орлиными головками, придав зеркалу варварский облик.

Однако, оригинальность изображений животных позволяет с уверенностью считать авторами этих зеркал варварских мастеров, а различие химико-металлургических характеристик металла указывает на возможность производства их в нескольких ремесленных центрах или различными группами бродячих мастеров, пользовавшихся металлом из различных источников.

Следует также отметить наблюдение С.С. Бессоновой, которая, проанализировав погребальный инвентарь сорока женских погребений ольвийского некрополя архаической поры, выделила те, в которых представлены каменные блюда и плиты, нередко в сочетании с зеркалами и кусочками красной краски и серы, что является характерным для скифских жреческих погребений. Поэтому можно считать открытым вопрос об этнической принадлежности, по крайней мере, части населения Ольвии, пользовавшегося зеркалами [Бессонова, 1996, с. 106].

Крестовидные же бляхи, хотя и имеют тот же ареал распространения, но по количественным показателям демонстрируют совершенно другую картину. Большинство их, как уже было сказано, происходит из Карпато-Дунайского бассейна и лесостепного Поднепровья и всего по одному экземпляру известно в Нижнем Побужье (рис. 2, 3) и в Прикамье (рис. 2, 7). Последняя бляха отличается от прочих находок своей орнаментацией. Вместо изображений животных она украшена солярными символами. На верхней, четырехугольной ее части, имеется пять рядов зубцов, которые, по мнению Б.Н. Гракова, передают изображения пантер. В центральном и боковых кругах переданы солнечные лучи во вращательном движении, которые также, по мнению Б.Н. Гракова, «симво-

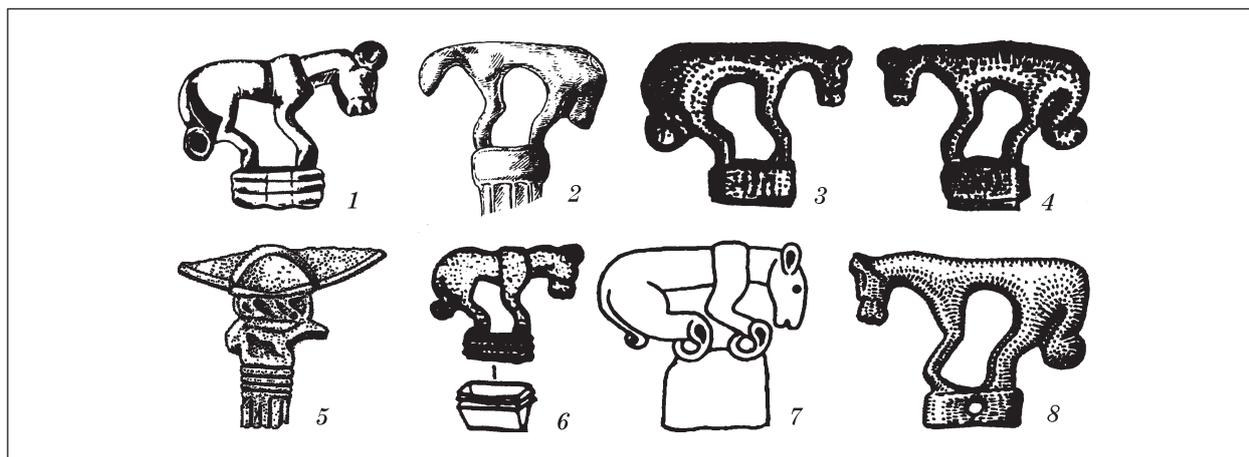

Рис. 4. Фигурки животных с ручек зеркал: 1 — Мариуполь; 2 — Преображенка (Урал); 3 — Дюдойка; 4 — Дебросен (Центральная Европа); 5, 6, 8 — Березанское поселение; 7 — могильник Скоробор (Бельское городище)

лизируют непонятных мастеру, свернувшись в кольцо пантер» [Граков, 1947, с. 35].

Для носителей ананьинской культуры свойственны культы, связанные с огнем и солнцем [Збруева, 1952, с. 126, 132], поэтому ни у А.В. Збруевой, ни у Б.Н. Гракова не вызывает сомнения местное изготовление этой бляхи, но по образцу скифской. Б.Н. Граков связывает ее с торговыми походами ольвийских купцов в этот далекий край [Граков, 1947, с. 35]. Однако странно, что ольвийские негоцианты совершили свой далекий и, нужно полагать, далеко небезопасный поход в земли ананьинской культуры только для того, чтобы познакомить далекий народ с формой крестовидных блях. Так как среди материалов двадцати поселений и двенадцати могильников, исследованных ко времени публикации объемной монографии А.В. Збруевой, не встретилось ни одной импортной античной вещи. Но удивительным образом, мимо внимания исследователей прошли костяные псалии с элементами звериного стиля из Маклашевского могильника и городища Сорочины Горы, которые находят многочисленные аналогии в посульских курганах; скифские акинаки с бабочковидными перекрестиями из Зуевского и Луговского могильников; скифское зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, которые подпирали бляшку с изображением животного из Маклашевского могильника; ажурная бляха в виде свернувшегося в кольцо хищника из Ананьинского могильника [Збруева, 1952, с. 30, 35, 37, 100].

Происхождение этих вещей не вызывает сомнений и попасть к ананьинцам они могли только из Скифии и скорее всего без посредничества греческих купцов из причерноморских колоний. Кстати, Геродот писал о людях, лысых от рождения, живущих около высоких гор, имя этого народа аргишпей, а земли до этих людей хорошо известны, поскольку к ним иногда приходят скифы и ведут с ними беседу при помощи переводчиков на семи языках (IV, 23, 24).

Ананьинская бляха обнаружена в погребении V в. до н. э., а это свидетельствует, что скифские вещи могли попасть к ананьинцам позже скифской экспансии на территорию современной Украины, то есть, не в ее процессе, и не были результатом случайных связей.

Исходя из всего сказанного, можно исключить ананьинскую бляху из списка рассматриваемых изделий. Отметим лишь, что использование ее для моделирования торговых путей из античных городов Северного Причерноморья в Поволжье и Приуралье, как это делал сначала Б.Н. Граков, а затем Н.Л. Членова [1983], неправомочно.

Остальные же бляхи, как и зеркала с фигурками животных, считаются продукцией ольвийских мастеров, хотя из Нижнего Побужья происходит всего один экземпляр. Это бляха из погребения 12 ольвийского некрополя, исследованного Б.В. Фармаковским (рис. 2, 3). Короткие концы креста этой бляхи оформлены в виде орлиных голов, а на верхней части изображены четыре бараньи головки, которые, по мнению Б.В. Фармаковского, трактованы в чисто греческой манере [Фармаковский, 1914, с. 37].

Если «ольвийские» зеркала Б.Н. Граков считал безоговорочно греческими, то относительно крестовидных блях он лишь допускал возможность их изготовления в Ольвии, хотя оговаривал, что они «негреческого происхождения, но есть все основания связывать их с районом Ольвии». Не совсем понятно, какие основания автор имел в виду, если бляхи негреческого происхождения. Тем более, что сам Б.Н. Граков выделяет в отдельную группу бляхи, обнаруженные в Венгрии (рис. 2, 1, 2), в которых, как он считает, «нельзя заподозрить изделия ольвийского цикла, а в стилизации и художественной технике нет ничего, что позволило бы видеть в их зверином стиле руку надднепрянского художника» [Граков, 1947, с. 32—35]. То

есть, венгерские бляхи происходят от украинских, а своим наследованием последних указывают, что именно в Ольвии появился их прототип.

Таким образом, из контекста понятно, что Б.Н. Граков считал: венгерские бляхи были изготовлены местными западнопонтийскими мастерами, но по образцу украинских, которые, в свою очередь, могли быть изготовлены лесостепными скифскими мастерами, а также ольвийскими литейщиками.

Это мнение отличается от мнения Б.В. Фармаковского, который, связывая бляху из ольвийского некрополя исключительно с ольвийским ремеслом, утверждал, что «все искусство скифов Причерноморья было создано в греческих колониях, мастера которых превратили убогие изобразительные элементы в жемчужину творчества» [Фармаковский, 1914, с. 37]. А в целом, как считает Б.В. Фармаковский, звериный стиль возник в Ионии, откуда был завезен колонистами в Северное Причерноморье, и только тогда был заимствован скифами.

Но из этого следует, что звериный стиль, начиная с VII в. до н. э., необходимо рассматривать как два стилистических направления: во-первых, принесенный скифами из восточных областей Евразии и, во-вторых, трансформированное искусство как результат взаимодействия скифской и греческой культур.

Думается, что такая точка зрения давно устарела и в настоящее время не разделяется исследователями, поэтому не будем подробно останавливаться на ее критике. Но почему-то даже современные авторы считают, что Б.В. Фармаковский и Б.Н. Граков убедительно доказали ольвийское происхождение крестовидных блях [Скржинская, 1984, с. 120, 121], хотя ни в одной из работ этих авторов никакие аргументы не указаны, кроме утверждений об отсутствии или крайне низком уровне бронзолитейного ремесла у скифов. Но о состоянии этого вопроса уже сказано достаточно много.

Исследуя одну из последних находок такого рода — крестовидную бляху из раннескифского погребения у с. Гусарка Запорожской обл. (рис. 2, 5), В.Ю. Мурзин называет ее ольвийской и пишет, что «в изображении животных на ней заметно влияние греческого искусства, под действием которого реалистические изображения самобытного скифского стиля постепенно превратились в вычурный и перегруженный многочисленными деталями звериный орнамент» [Мурзин, 1977, с. 56, 57]. Хотя стилистические особенности изображения пантер на этой бляхе не выходят за рамки изобразительных канонов традиционного скифского звериного стиля и не дают оснований выделять ее из серии других поднепровских находок. Более того, изображения животных на ней очень сходны с изображениями на крестовидной бляхе из Опишлянки (рис. 2, 4). Разница

лишь в том, что бляха из Гусарки плакирована золотом и это, возможно, обусловило некоторые различия. Да и вывод В.Ю. Мурзина является слегка перефразированным повторением слов Б.В. Фармаковского.

Таким образом, все известные в настоящее время крестовидные бляхи можно условно разделить на две группы, характеризующие искусство двух регионов — Среднего Поднепровья и Западного Причерноморья. И нет никаких оснований считать местом изготовления крестовидных блях Ольвию и, тем более, Березань, как это делает А.С. Островерхов. Этот автор утверждает, что в момент наивысшего подъема в деятельности мастерских Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э., именно в этих центрах и изготавливались эти изделия, хотя, как уже было сказано, из Ольвии происходит всего один экземпляр, а на Березани крестовидные бляхи вообще неизвестны. Тем не менее, называя Ольвию местом изготовления «ольвийских» зеркал, А.С. Островерхов о Березани умалчивает [Островерхов, 1978, с. 10], хотя из раскопок этого памятника на время публикации статьи этого автора было известно 4 зеркала с фигурками животных [Скржинская, 1984, с. 119], а в 2007 г. был найден фрагмент еще одного миниатюрного зеркала с фигуркой оленя между диском и ребристой ручкой (рис. 4, 5). Со стороны А.С. Островерхова было бы логичнее считать Березань местом изготовления зеркал, а не крестовидных блях.

Находясь под впечатлением утверждений А.С. Островерхова, но и учитывая их противоречивость, Ю.Б. Полидович допускает возможность изготовления в Ольвии единичных экземпляров крестовидных блях, которые выпадают из логики развития скифского искусства [Полидович, 1993, с. 65]. Но, учитывая низкий уровень собственно ольвийской металлообработки, а также большую вероятность изготовления этих изделий в Балканском регионе, такие предположения не имеют под собой оснований, а выпадающие из логики развития скифского искусства экземпляры, изготавливались в Карпато-Дунайском регионе.

Можно согласиться с Б.Н. Граковым в том, что венгерские бляхи были компилированы из поднепровских. Подтверждается это исследованием К. Хоредта, который разработал хронологию крестовидных блях Дунайского региона. Он проследил их замену от образцов, которые повторяют украинские, до упрощенных, выполненных в виде простого креста [Мурзин, 1977, с. 58]. Из этого следует, что венгерские бляхи более поздние, чем поднепровские и, беря во внимание высокий уровень развития металлообрабатывающего ремесла в скифской Лесостепи, можно уверенно говорить, что именно лесостепные скифские мастерские и были местом, где выработалась форма этих украшений и были изготовлены первые экземпляры. Хотя

есть информация о новых находках в Западном Причерноморье блях, относящихся к VI в. до н. э., среди которых есть бракованные экземпляры. Окончательное же решение вопроса о появлении и месте изготовления «ольвийских» зеркал и крестовидных блях возможно только после обнаружения литейных форм для их изготовления или полуфабрикатов в конкретной мастерской. Интересна в этом отношении крестовидная бляха, найденная в разрушенном кургане у с. Енковец на Полтавщине [Кулатова, 1995, с. 142.], которая увеличивает список подобных изделий в лесостепной Скифии, хотя техника изображения животных более близка венгерским экземплярам (рис. 2, б). Короткие концы креста образованы головками копытного животного (лося или осла), выполненными в ажурной манере.

Утверждения о том, что греческие мастера могли изготавливать вещи в зверином стиле с соблюдением стилистических особенностей, свойственных изобразительной традиции скифского искусства, якобы по заказу варваров, не выдерживают критики. Поскольку изложенный выше материал свидетельствует о крайне низком уровне литейного ремесла у греков северопричерноморских полисов в архаическое время и достаточно развитой металлообработке у скифов лесостепного Поднепровья, чьи мастера могли в полной мере обеспечить свое население подобными вещами.

Кроме того, разительное отличие в манере изображения животных в архаическое и раннеэллинистическое время, когда жизнь на лесостепных скифских поселениях затухает, позволяет говорить, что именно греческие мастера были авторами шедевров торевтики IV в. до н. э. — чертомлыцкой вазы, украшений из Куль-Обы, пекторали из Толстой Могилы и многих других. Впрочем, производство этих вещей, скорее всего, следует связывать с металлообработкой в Боспоре, а не в Нижнем Побужье.

Поскольку грекам была чужда скифская религия и традиция изображения животных как объектов поклонения, то на изделиях изображались не отдельные животные или сцены терзания, выполняющие роль оберегов, тотемов, а целые сюжеты на темы скифской мифологии, где, естественно, были задействованы животные, которые, однако, не могли выполнять роли ритуальной первовещи, тотема. То есть, памятники греческой торевтики не несли на себе той мировоззренческой нагрузки, какая была свойственна раннескифским памятникам звериного стиля. Поэтому первые могут рассматриваться только как произведения искусства с нагрузкой чисто эстетической, хотя большинство сюжетов связаны со скифской мифологией и некоторыми культами. Но это может свидетельствовать о знакомстве греков со скифским эпосом, обычаями и желании греческих торевтов угодить вкусам скифской верхушки.

Впрочем, М.Ю. Вахтина отмечает, что традиционно появление греческого импорта в варварском мире связывают с деятельностью греческих поселений в Нижнем Побужье. И это свидетельствует, по ее мнению, не только об экономическом характере греко-варварских связей, но и о начале воздействия греческого искусства на искусство и на **идеологию** (выделено мною — С. О.) скифского мира. Далее, соглашаясь, что изображения животных и сцен терзания не сводились к изображениям орнаментально-декоративного характера, а были тесно связаны с духовной жизнью туземного населения, М.Ю. Вахтина утверждает, что знакомство племен Северного Причерноморья с изделиями греческих мастеров VII—VI вв. до н. э. могло способствовать утверждению здесь «скифского звериного стиля» [Вахтина, 1985, с. 12, 13]. Такая точка зрения представляется нам несостоятельной, поскольку зарождение звериного стиля произошло раньше появления греков в Северном Причерноморье и не на этой территории.

Однако и классический скифский звериный стиль, являвшийся характерной чертой скифской архаики, в IV в. до н. э. вырождается. Не связано ли это с прекращением к этому времени жизни в лесостепных поселениях? Во всяком случае, с этим фактом можно связывать изменения в изобразительной традиции скифов. Но что могло повлиять на развитие ольвийского искусства? Почему в эллинистический период в Ольвии прекратили производить изделия в классическом скифском зверином стиле? Ответ может быть только один: греческие мастера не были авторами таких изделий и включились в производство вещей для варварского населения довольно поздно, когда скифское общество пережило социальную и имущественную дифференциацию, а упадок скифского ремесла обусловил неспособность местных мастеров удовлетворять спрос местной верхушки. Единственный ремесленный центр в Скифии IV в. до н. э. — Каменское городище на Днепре было сезонным торжищем и вряд ли могло обеспечить население степи предметами роскоши. Эту функцию взяли на себя греческие полисы. Но происходило это уже в начале упадка Великой Скифии.

Таким образом, торговый путь в восточные области существовал, но не из Ольвии, а из лесостепной левобережной Скифии, и ни зеркала «ольвийского» типа, ни крестовидные бляхи не могут служить подтверждением визитов греческих купцов в Поволжье и к Уралу, которые не решались выезжать за пределы Скифии, о чем свидетельствует отсутствие античных вещей на северо-восточных памятниках. Скифы же сами распространяли свою продукцию в отдаленные районы и рассказывали грекам о своих дальних путешествиях, что и отобразилось в сказочных впечатлениях Геродота.

Барцева Т.Б. О химическом составе металла на-
верший скифского времени // СА. — 1980 — № 3. —
С. 77—91.

Бессонова С.С. К вопросу о скифо-ольвийских кон-
тактах в VI — начале V вв. до н. э. // Мир Ольвии. —
К., 1996. — С. 104—106.

Вахтина М.Ю. Об одном из аспектов греко-варварс-
ких связей в Северном Причерноморье эпохи архаи-
ки // Проблемы исследования Ольвии. — Парутино,
1985. — С. 12—13.

Граков Б.М. Чи мала Ольвія торгівельні зносини з
Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епо-
хи // Археологія. — 1947. — Т. I. — С. 23—37.

Збруева А.В. История населения Прикамья в анань-
инскую эпоху. — МИА. — 1952. — № 30. — 332 с.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного
Левобережья. — К., — 1968. — 203 с.

Кулатова И.М. Хрестовидна бляха скіфської доби
з Єнківцею у Посуллі // ПАЗ. — 1995. — Вип. 3. —
С. 139—147.

Мурзин В.Ю. Два раннескифских комплекса из
Запорожской обл. // Новые исследования археоло-
гических памятников на Украине. — К., 1977. —
С. 54—68.

Ольговский С.Я. Походження дзеркал «ольвійсь-
кого» типу // Археологія. — 1992. — № 3. — С. 14—
21.

Ольговский С.Я. Походження хрестоподібних блях
скіфського часу // Археологія. — 1995. — № 2. —
С. 25—31.

Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Се-
верного Причерноморья VII—V вв. до н. э. — М.,
2014. — 275 с.

Островерхов А.С. Экономические связи Ольвии, Бе-
резани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII —
середина V вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист.
наук. — К., 1978. — 23 с.

Островерхов А.С. Звіриний стиль в культурі Оль-
вії // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 58—69.

Поллидович Ю.Б. Изображение свернувшегося хищ-
ника из архаического некрополя Ольвии // Древнее
Причерноморье. — Одесса, 1993. — С. 64—66.

Прушевская Е.О. Художественная обработка метал-
ла Ольвии, Боспора и Херсонеса // АГСП. — 1955. —
Вып. 1. — С. 325—355.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из
Ольвии и Березани // АКСП. — К., 1984. — С. 105—
129.

Фармаковский Б.В. Архаический период в России //
МАР. — 1914. — № 34. — С. 15—78.

Членова Н.Л. Предыстория «торгового пути Геро-
дота» (из Северного Причерноморья на Южный
Урал) // СА. — 1983. — № 1. — С. 47—66.

С.Я. Ольговский

ЧИ ІСНУВАВ КАРАВАННИЙ ШЛЯХ З ОЛЬВІЇ НА УРАЛ ТА ПОВОЛЖЯ В АРХАЇЧНУ ДОБУ

У статті розглядається можливість існування тор-
гівельного шляху від Ольвії до Уралу і Поволжя в
архаїчний час. Таке припущення було висловлено в
середині ХХ ст. помилково, оскільки Ольвія на фоні
недостатньої вивченості скіфських пам'яток осілого
побуту виглядала розвиненим ремісничим цент-
ром, продукція якого розповсюджувалась в найвід-
даленіші області. Останні дослідження скіфських
ремісничих центрів дозволяють вважати їх більш
потужнішими і розвиненими, і хоча грецькі куп-
ці були там частими гостями, долі на схід вони не
проникали і скіфи самі розповсюджували свою про-
дукцію до Уралу і Поволжя. «Ольвійські» дзеркала
і хрестоподібні бляхи з елементами скіфського зві-
риного стилю не можуть служити доказом зв'язків
Ольвії з цими областями, оскільки не являються
продукцією ольвійських ливарників.

Ключові слова: звіриний стиль, «ольвійські»
дзеркала, хрестоподібні бляхи, караванний шлях,
бронзолivarне ремесло, ремісничий центр.

S. Ya. Olhovskyy

WAS THERE A CARAVAN ROUT FROM OLBIA TO THE URALS AND VOLGA REGION IN THE ARCHAIC ERA

The article is considered to the possibility of exist-
ence of a trading way from Olvia to Ural Mountains and
Volga regions in archaic times. This false assumption
was stated in the middle of 20 century as Olvia looked
like the developed craft centre on account of insufficient
study of Scythian monuments of settled life, and the
production of which extended to the most remote areas.
The recent researches of the Scythian craft centre allow
us to consider them as more developed and powerful.
Although the Greeks were frequent visitor there, they
never went further to the west, so the Scythians them-
selves extended their production to Ural Mountains
and Volga regions. The «Olvian» mirrors and the cross-
shaped pendants with the elements of animalistic style
can prove the connection of Olvia with these regions as
they appear not to be the products of olvian casters.

Keywords: animal style, «olvian» mirrors, cross-
shaped pendants, caravan track, bronze casting craft,
handicraft center.

Одержано 15.03.2017

К.В. Чугунов

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ АЗИАТСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ И ВОПРОСЫ ИХ СИНХРОНИЗАЦИИ С ДРЕВНОСТЯМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматриваются вопросы датирования азиатских древностей эпохи ранних кочевников, для которых отсутствуют исторические даты и абсолютная хронология может опираться только на датированные естественно-научными методами представительные комплексы. На примере наборов стрел из ранних погребений тагарской культуры демонстрируется необходимость коренного пересмотра ее хронологии и модели эволюционного развития. Предлагается методологический подход для возможности синхронизации азиатских материалов со скифской хронологией, который демонстрирует взаимосвязь культурно-исторических процессов в степях Азии и Восточной Европы.

Ключевые слова: эпоха ранних кочевников, предскифское время, хронология, культурно-хронологические горизонты, миграционные импульсы.

Вопросы хронологии какого-либо региона, имеющего свою периодизацию, зачастую могут быть существенно скорректированы привлечением для их решения материалов извне. Прекрасным примером является то, что А.И. Тереножкин одним из первых обратил внимание на результаты раскопок кургана Аржан и соотнес ряд найденных там предметов с древностями черноголовского круга. Это позволило ему предложить для исследованного в Туве памятника датировку второй половиной IX — первой половиной VIII вв. до н. э. [Тереножкин, 1976, с. 210]. На тот момент такая дата для комплекса, включающего предметы, выполненные в зверином стиле, выглядела чрезвычайно смело и неизбежно вызвала дискуссии, которые общеизвестны и не раз рассматривались.

Присутствие в раннескифском материальном комплексе бесспорных следов восточного импульса сейчас едва ли можно отрицать, на

что уже не раз обращали внимание исследователи [Kossak, 1987; Chochorowski, 1993; Алексеев, 2003, с. 42—57; Скорый, 2003, с. 73—80; Рябкова, 2010, с. 100; 2014, с. 411—413; Хохоровски, 2011; Мурзин, 2014, с. 18—20]. Однако, противоречивость абсолютной хронологии, для уточнения которой в азиатских степях не так уж много опорных дат, затрудняет определение направления культурно-генетических связей, выяснение исходных очагов инноваций и путей их распространения. Без надежных хронологических реперов невозможно синхронизация памятников Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана с одной стороны, и европейских памятников с другой.

Один из способов выхода из этой ситуации — широкое использование для датировки археологических комплексов естественно-научных методов, из которых наиболее распространенный — радиоуглеродное датирование. Сложность соотнесения полученного радиоуглеродного возраста образца с календарным временем для раннескифской эпохи, обусловленную так называемым «гальштадским плато» на калибровочной кривой, не раз отмечалась [Евразия ..., 2005, с. 64—66]. Тем не менее, для ряда ключевых памятников трудности метода удалось преодолеть при помощи согласования датировок дендрообразцов [Там же, с. 70—92]. Особенно узкий календарный интервал был получен при радиоуглеродном датировании образцов из кургана Аржан. Наиболее вероятная дата его сооружения определена 788 г. до н. э., а при 95%-ом доверительном интервале — от 807 до 772 г. до н. э. Этот период хорошо согласуется с результатами калибровки (806 — 786 гг. до н. э.) [Зайцева и др., 2007]. Соответственно, как и предполагал

А.И. Тереножкин, сооружение кургана Аржан относится к рубежу IX — VIII вв. до н. э., что дает первую опорную дату для начала эпохи ранних кочевников. Такая дата практически совпадает с известной исторической датировкой падения династии Западного Чжоу в Китае (770 г. до н. э.), на что впервые указал Д.Г. Савинов [2002, с. 76], и что косвенным образом говорит о трансформационных процессах, происходивших в азиатском регионе в этот период. Комплекс кургана Аржан-2 проанализирован еще более подробно, но поскольку он сооружен позже и радиоуглеродные определения попали на «гальштадское плато», его многочисленные датировки, выполненные как традиционным методом, так и с применением ускорительной масс-спектрометрии, показали широкий календарный интервал. Тем не менее, при помощи метода согласования время сооружения его погребальной камеры было определено в пределах от 671 до 609 гг. до н. э. с наиболее вероятным значением 659 г. до н. э. [Евразия ..., 2005, с. 84—88]. Таким образом, Старший Аржан древнее Аржана-2 примерно на 150 лет, что подтверждается также сравнением археологических комплексов [Чугунов, 2009].

Мнение о поздней датировке Аржана сложилось во многом под влиянием традиционных (в рамках VII—III вв. до н. э.) представлений о хронологии тагарской культуры, в материалах которой присутствуют прямые аналогии предметам, обнаруженным в тувинском «царском» кургане. Н.Л. Членова — один из основных оппонентов М.П. Грязнова и А.И. Тереножкина по этому вопросу — во многом опиралась именно на древности Среднего Енисея, доказывая, что этот комплекс не может возникнуть ранее VII в. до н. э. [Членова, 1997]. Но специалисты, отстаивавшие раннюю дату Аржана, уже тогда говорили, что традиционную хронологию тагарской культуры необходимо пересмотреть [Курочкин, 1991]. Радиоуглеродное датирование образцов из тагарских курганов подтвердило это мнение и в корне поменяло сложившееся в науке представление об этом ярком культурном образовании. Определения, полученные для серии раннетагарских памятников (подгорновский этап), показали калиброванные значения календарного возраста, верхняя граница которых не выходит за пределы IX в. до н. э. [Бокоренко и др., 2002, с. 21]. Соответственно, этот пласт комплексов оказывается синхронным кургану Аржан, а некоторые из них даже древнее его. Многие памятники следующего, как представлялось ранее, сарагашенского этапа тагарской культуры, образцы из которых датированы радиоуглеродным методом, также удревелились [Gorsdorf et al., 2004, p. 85, tab. 1; Поляков, Святко, 2009, с. 35—43], и, вероятно, появление их в регионе необходимо относить к гораздо более раннему времени, чем это считалось прежде. На это указывают и

произведенные демографические расчеты семикратного роста населения на Среднем Енисее в сарагашенское время [Субботин, 1995, с. 140—142], что едва ли возможно в рамках традиционных представлений о хронологии периода в течение двух веков. Радиоуглеродные датировки памятников этого этапа не столь однозначны, но, тем не менее, можно утверждать, что наиболее ранние сарагашенские курганы могут быть отнесены к раннескифскому времени. Кроме того, для сарагашенских комплексов также существуют определения возраста, выполненные методом согласования. Серия радиоуглеродных датировок была сделана для образца деревянной конструкции могилы 1 кургана 1 могильника Черемшино на севере Хакасии [Евразия ..., 2005, с. 118; Александров и др., 2014, с. 74—108]. Сохранность дерева позволила получить достаточно узкий календарный интервал возраста, который определяется рубежом VIII — VII вв. до н. э. С учетом того, что образец мог не сохранить как-то часть внешних колец, не исключено, что возраст рубки дерева несколько позже. Тем не менее, эту дату можно считать реперной для памятников сарагашенского типа, а датировка его даже концом VII в. позволяет предполагать сосуществование на каком-то этапе подгорновской и сарагашенской погребальной традиции. Для синхронизации тувинских материалов с тагарскими комплексами это очень важно, так как снимает противоречия, заключающиеся в многочисленных аналогиях, найденных в памятниках алды-бельской культуры Тувы.

Предложения пересмотреть эволюционную периодизацию тагарской культуры звучали и ранее, вне зависимости от радиоуглеродных определений ([Вадецкая, 1999, с. 132; Подольский, 2007, с. 121]; историографию см.: [Савинов, 2012, с. 33—38]). Таким образом, свежий взгляд на хронологию тагарских древностей назрел давно. Он приводит нас к пониманию, что сарагашенские памятники могут иметь свою независимую линию происхождения и на раннем этапе сосуществовать с поздними подгорновскими [Чугунов, 2013]. На это указывают не только близкие радиоуглеродные датировки, но и данные антропологии [Козинцев, 1977; Учанева и др., 2017]. Различия в конструкции погребальных сооружений, на основании изменения которых строилась ранее эволюционная модель, состоящая из последовательных этапов, могут объясняться не постепенной трансформацией, а разными исходными компонентами истоков традиции. Этому, на мой взгляд, не противоречит новое исследование яркой курганной архитектуры, предпринятое в последние годы [Акулов, Паульс, 2008]. На нелинейный характер развития тагарской культуры указывает и статистико-комбинаторный анализ материалов двенадцати полностью раскопанных могильников, проведенный А.В. Субботиным

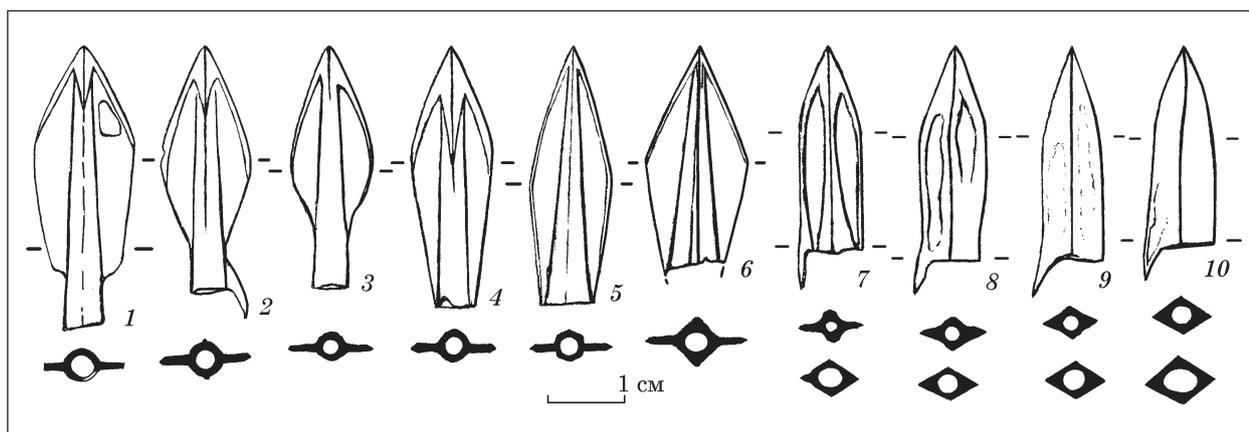

Рис. 1. Набор бронзовых наконечников стрел из могилы 1 кургана 1 могильника Тигир-Тайджен IV (рисунок автора)

[2014]. Предлагаемая автором схема динамики культуры предполагает сосуществование традиций последовательных этапов на протяжении 100—150 лет, хотя итоговые рассуждения еще не вполне свободны от традиционных датировок [Там же, с. 76, рис. 25]. Полученные радиоуглеродные даты тагарских памятников, на которые было указано еще более 10 лет назад [Чугунов, 2005; Евразия ..., 2005], побудили некоторых исследователей пересмотреть свои взгляды как на культуру в целом, так и на отдельные ее этапы. Н.А. Боковенко просто раздвинул ее хронологические рамки, сохранив эволюционную последовательность всех этапов схемы М.П. Грязнова [Боковенко, 2011]. Начало тагарской культуры (баиновский этап) он относит к рубежу X—IX вв. до н. э. [Боковенко, 2010, с. 100]. Л.С. Марсадолов сосредоточил внимание на выделении салбыкского культурно-хронологического этапа, датированного им VIII—VI вв. до н. э. [Марсадолов, 2014; 2015]. Большой Салбыкский курган, исследованный С.В. Киселевым, большинством исследователей традиционно относился к сарагашенскому этапу. Автор утверждает, что ему удалось совместить «плавающую» дендрощкалу, полученную им по образцу из этого памятника, с дендрощкалой Аржана-2 и делает вывод, что тагарский «царский» курган старше тувинского на 35 лет, то есть датируется первой половиной VII в. до н. э. [Марсадолов, 2015, с. 15]. Если это действительно так¹, то в этом случае мы имеем еще один хронологический репер для тагарских материалов. В целом, современному пониманию древностей I тыс. до н. э. Среднего Енисея соответствует рассмотрение их в рамках не одной культуры, а тагарской культурно-исторической общности [Савинов, 2012]. Происхождение отдельных компонен-

1. Поскольку, в отличие от материалов Аржана-2, Л.С. Марсадолов не опубликовал график измерений образца из Большого Салбыкского кургана, проверить правильность такого заключения пока не представляется возможным.

тов этой общности, их взаимосвязи и влияние на соседние регионы еще предстоит уточнить. В рамках этой работы необходимо рассмотреть основания для хронологических определений, базирующиеся не только на радиоуглеродных датировках, но и на сопоставлении с имеющимися разработками для европейских степей.

Наиболее показательными при установлении хронологической позиции памятников эпохи ранних кочевников являются бронзовые наконечники стрел, найденные в погребениях. Они имеют во многом общую линию развития у степных народов Евразии в начале I тыс. до н. э. Несмотря на то, что в тагарские захоронения обычно не клали большого колчанного набора, несколько комплексов со значительным количеством бронзовых наконечников все же присутствуют. Один из них — из могилы 1 кургана 1 могильника Тигир-Тайджен IV (раскопки М.Л. Подольского, 1999 г.) — очень представительный, включает помимо десяти бронзовых втульчатых наконечников стрел полный набор вооружения. Здесь найден массивный втульчатый чекан с прямоугольной петлей под обухом и выступом «палочкой» в основании бойка, а также кинжал с трехжелобчатым навершием рукояти. Типологическое соответствие колчанного набора из этого раннетагарского погребения стрелам из Аржана абсолютно полное (рис. 1). Здесь присутствуют двухлопастные экземпляры с ромбической формой головки, один из которых имеет шип, отходящий от края втулки (рис. 1, 2); наконечник с удлиненным асимметрично-ромбическим пером (рис. 1, 4); крупный наконечник выступающей втулкой и нижними краями широких лопастей, отходящих от нее под тупым углом (рис. 1, 1); четырехгранные стрелы со скрытой втулкой и шипом в основании (рис. 1, 7—10). Комплекс имеет радиоуглеродную дату, калиброванный интервал которой не выходит за пределы IX в. до н. э. [Евразия ..., 2005, с. 114].

Самые многочисленные наборы бронзовых стрел происходят из двух комплексов могиль-

ника Каменка I — в могиле 3 кургана 2 найдено более тридцати наконечников (рис. 2) и в могиле 3 кургана 4 70 бронзовых и костяных экземпляров (рис. 3). Данные о могильнике опубликованы лишь в виде обобщенной сводки [Шер, Прокофьева, 1966], однако коллекция

находок передана в Государственный Эрмитаж (колл. 2440) и доступна для исследования. Все бронзовые стрелы относятся к группе втульчатых. В обеих могилах найдены наконечники с лопастями ромбической формы, а также стрелы с удлинненно-ромбическим пером. Такие

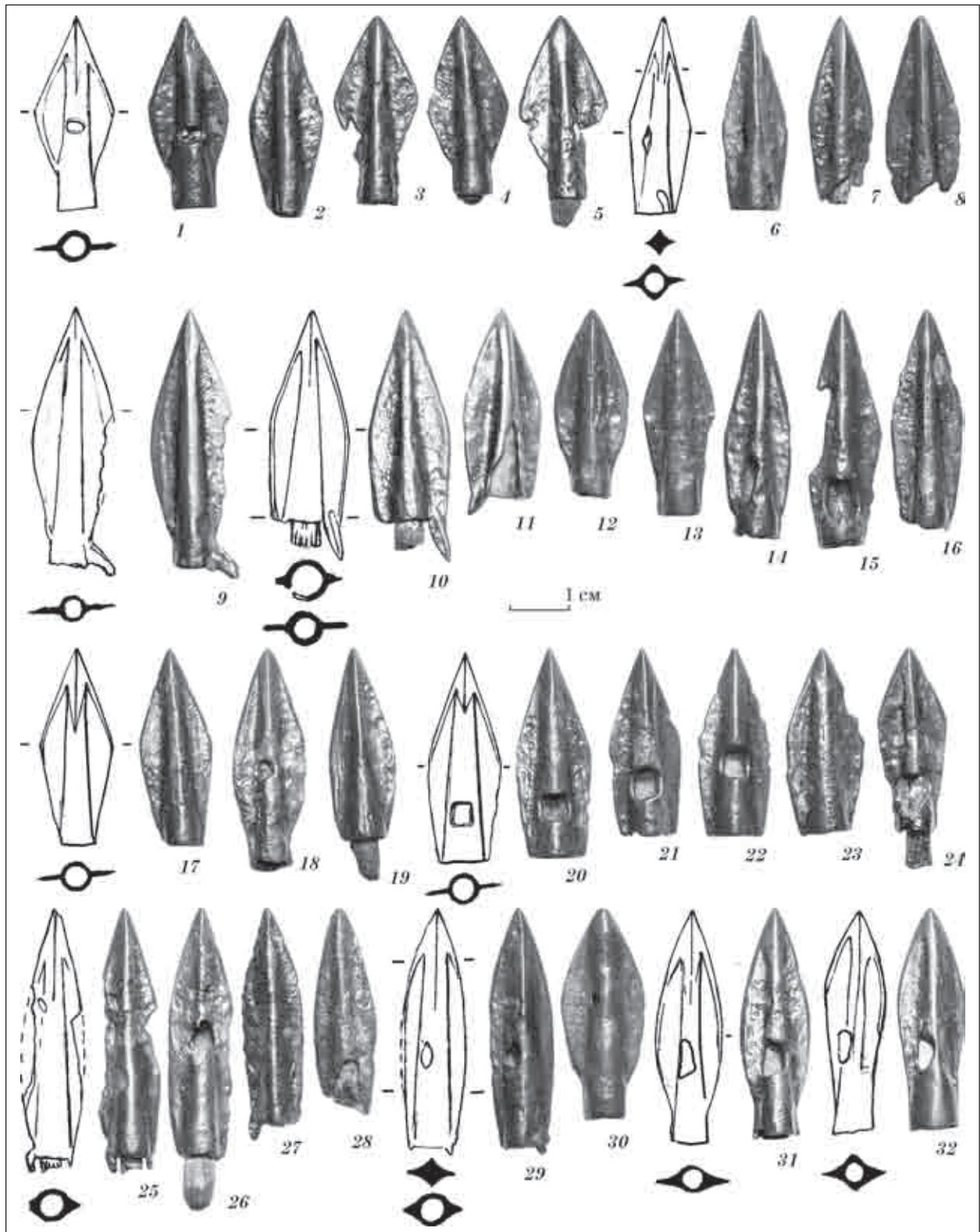

Рис. 2. Набор бронзовых наконечников стрел из могилы 3 кургана 2 могильника Каменка I (фото и рисунок автора)

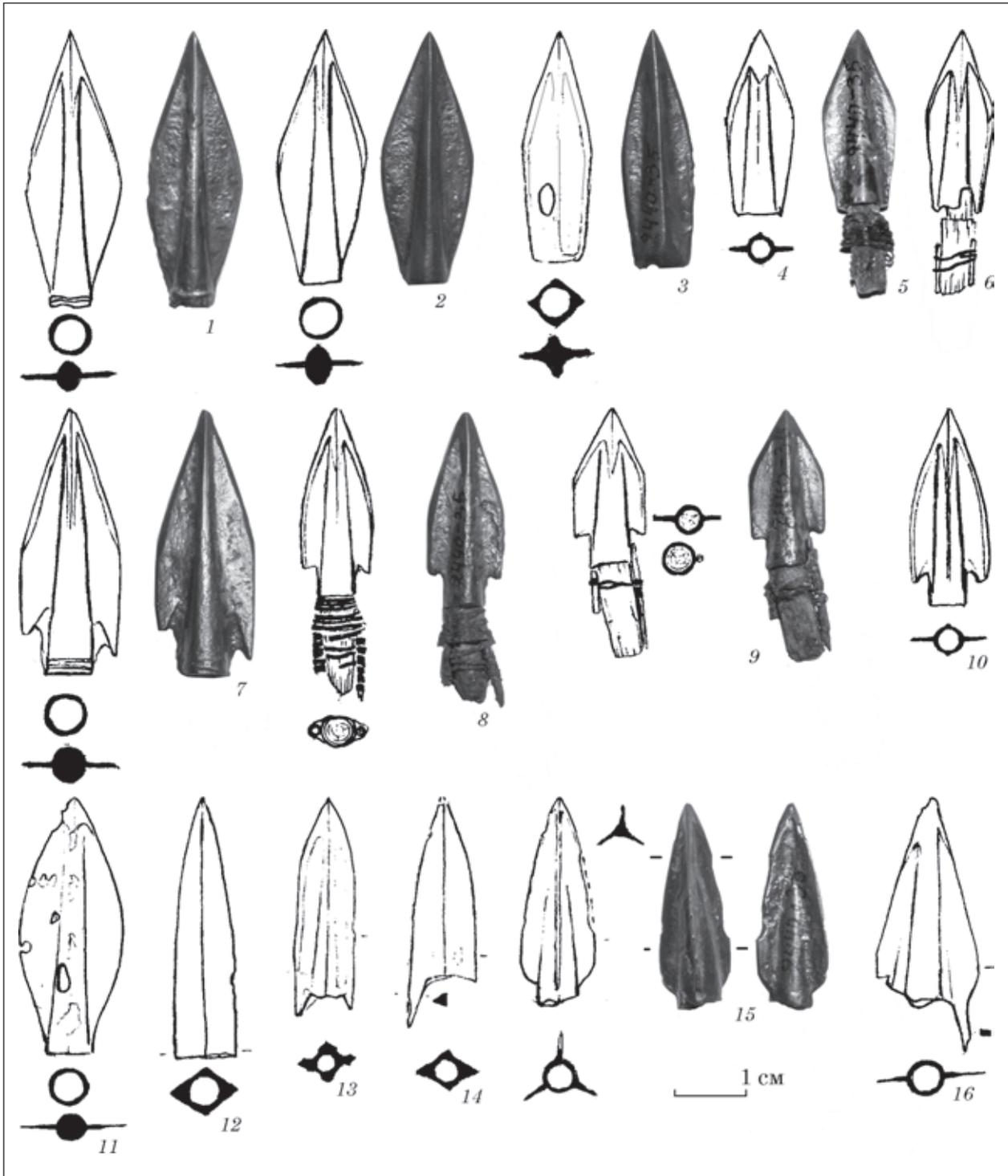

Рис. 3. Набор бронзових наконечників стрел із могили 3 кургана 4 могильника Каменка I (фото і рисунок автора)

стріли присутують в Аржане. Інтересно, що, незважаючи на очевидну культурну близькість цих комплексів (із обох могил походять характерні посудини), два набори стрел декількома різняться за типологічним складом. Переважає більшість наконечників двохлопастних, але в наборі з кургану 4 присутують сім чотирикутних екземплярів із прихованою втулкою (рис. 3, 12–14), відсутні в комплексі кургану 2. Крім того,

в цьому ж наборі присутують і наконечник, що належить до відділу трилопастних (рис. 3, 15). Він має трохи виступаючу втулку і голівку витягнутих листовидних очертаній з максимальною шириною в нижній частині.

Однак надзвичайно важливо, що серед цих типів у складі стрілецького набору з кургану 4 мають місце так звані килевидні наконечники (рис. 3, 7–10). Один із них більший за інші і має випуклий валик по краю

втулки. Подобный валик есть и на одном наконечнике с ромбовидными лопастями (рис. 3, 1). У многих бронзовых стрел из кургана 4 сохранились фрагменты древков, законсервированные окислами меди. Это позволило выявить еще одну интереснейшую особенность — наличие пары деревянных шипов, примотанных в основании втулки наконечников (рис. 3, 5, 6, 8, 9).

Известно, что стрелы килевидной формы характерны для черноголовских комплексов Восточной Европы и не встречаются в скифских колчанах. Точно такие стрелы, как в кургане 4 Каменки I, найдены, например, в погребении 5 Высокой могилы [Тереножкин, 1976, с. 33, рис. 7, 13—24]. Кроме того, валики в основании втулки также очень характерны для причерноморских комплексов эпохи поздней бронзы. Примотанные деревянные шипы, зафиксированные у стрел из Каменки I, позволяют высказать предположение о наличии такой традиции у носителей другой предскифской культуры — новочеркаского типа. На характерных для нее длинных втулках наконечников в ряде случаев зафиксирована обмотка, которая не нужна при таком способе крепления (напр., у стрел из кургана Квитки [Ковпаненко, Гупало, 1984, с. 49, рис. 9, 10, 23—25, 32, 34, 37: 10]).

В стрелковом наборе из кургана 2, помимо наконечников с ромбическим очертанием головки, имеются стрелы с узкими лопастями (рис. 2, 25—29), находящие аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы Казахстана, например, на поселении Кент [Варфоломеев, 2011, с. 238, рис. 25; Бейсенов и др., 2014, фото 31, 3, 6—9]. Крупный листовидный наконечник с шипом в основании лопасти (рис. 2, 9) совершенно аналогичен известной втульчатой стреле из могильника Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55, 9]. Не исключено, что такой набор сложился несколько раньше более разнообразного по типам набора из кургана 4. Возможно, в пользу этого говорит топография могильника Каменка I, где рассматриваемые курганы располагаются в отдельных группах, причем группа, включающая курган 2 устроена на более высоком месте террасы [Шер, 1963].

В целом, для раннетагарского стрелкового набора абсолютно преобладающими являются двухлопастные втульчатые формы [Морозов, 2003], происхождение которых от прототипов эпохи бронзы не вызывает сомнений. Показательно, что единичные трехлопастные черешковые наконечники известны только в сарагашенских комплексах, фиксируя таким образом синхронизацию с алды-бельской культурой Тувы. Бронзовые чеканы и кинжалы, аналогичные и близкие оружию из Аржана, подтверждают соотнесение подгорновских древностей современем формирования комплекса тувинского кургана, на что указывала и Н.Л. Членова [1997]. Также получает объяснение широкое

распространение в сарагашенских комплексах бронзовых наконечников и блях в виде оленей с подогнутыми ногами, которые находят прямые аналогии в самом раннем пласте памятников эпохи ранних кочевников на других территориях. На хронологическое несоответствие известных образцов из раннескифских и раннесакских памятников и этих ярких категорий находок в тагарской культуре не раз указывалось ранее [Чугунов, 2005; 2013]. Проблема их внутренней хронологии в рамках сарагашенских древностей остается и требует особого внимания, так как, вероятно, эти категории существуют у населения Среднего Енисея дольше, чем в других областях. Возможно, она может быть решена с позиций развития звериного стиля и вычленения из общего массива изделий с наиболее архаичными признаками, обозначенными Я.А. Шером [1980, с. 243—247].

Проблема хронологии тагарских древностей, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке, так как эта, пожалуй, наиболее исследованная многими поколениями археологов культура, рассматриваемая в русле устаревших представлений, сейчас мешает сопоставлению материалов на самом широком уровне. Тем не менее, с учетом данных, приведенных выше, уже сейчас можно предложить общий методологический подход при рассмотрении всего пласта культур эпохи ранних кочевников степной зоны Евразии.

Сопоставление материалов сильно удаленных друг от друга регионов должны проводиться с учетом их хронологии, которая для каждого комплекса, как правило, весьма относительна. Вероятно, самый общий межрегиональный анализ возможен с позиций концепции культурно-хронологических горизонтов, которая в наиболее разработанном виде представлена в работах Л.Т. Яблонского [2007, с. 27—31; 2008, с. 309—312]. Такой подход уже применен при сопоставлении материалов яркого комплекса кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье, которые авторы раскопок справедливо соотнесли с некоторыми находками в могиле Аржана-2. Ими даже было предложено выделение «аржано-кичигинского горизонта» для памятников азиатской части степной Евразии второй половины VII — середины VI вв. до н. э. [Боталов, Таиров, 2010, с. 351]. На мой взгляд, такое название едва ли удачно, так как ограничивает рассмотрение горизонта древностей лишь от Тувы до Зауралья и, кроме того, может ассоциироваться со Старшим Аржаном и аржано-черноголовским этапом, предложенным М.П. Грязновым для начального периода эпохи ранних кочевников. Возможно, для изучения азиатских областей расселения номадов было бы правильнее разбить весь массив имеющихся материалов на три последовательных горизонта, подобно вошедшему в научный обиход европейских скифологов опре-

Рис. 4. Могильник Мохучахань: погребение и некоторые находки: 1—5 — ІМ54; 6, 7 — ІМ46; 8 — ІМ9; 9 — ІМ148; 10 — ІМ68 (фото по [Синьцзян Моху ..., 2016])

делению РСК 1—3 (1—3 этапы раннескифской культуры) [Kossak, 1987; Медведская, 1992]. Деление на три этапа, по сути, является синхронизацией комплексов ранней скифской культуры в областях, где пребывание скифов документально зафиксировано письменными источниками, анализ которых, наряду с греческими и ближневосточными импортами, в значительной мере и дает основу для хронологических определений. Оно во многом условно и, поскольку на современном уровне анализа источников обсуждаются периоды с временным диапазоном в четверть столетия, вызывает критику специалистов, предлагающих свои схемы (напр. [Гречко, 2013], там же историография вопроса). Тем не менее, сам принцип разграничения всего массива источников на условные последовательные горизонты представляется продуктивным для самого общего анализа культурно-исторических процессов.

В отличие от ареала скифской культуры, для большей части территории азиатской горно-степной зоны этническая идентификация древних народов и хронологические реперы, опирающиеся на исторические сведения, отсутствуют (некоторые исключения — регионы, соседствующие с княжествами Чжоуского Китая) и для реконструкции культурно-исторических процессов можно опираться только на данные археологии. Введение трех горизонтов с одной стороны даст возможность отойти наконец от чрезмерно расширенных датировок комплексов раннескифского времени в два или даже три столетия, с другой — вести самую общую разработку азиатских кочевнических древностей в едином ключе без привязки к локальным археологическим культурам. Кроме того, такое деление позволит сопоставить эти горизонты с тремя этапами РСК на западе, что имеет большое значение для понимания процессов формирования собственно скифской культуры.

Объединение археологических материалов в культурно-хронологический горизонт должно сопровождаться выявлением общих, только им присущих элементов, которые предложено именовать «маркерами горизонтов» [Яблонский 2007а: 29; 2008: 310]. Выделить такие маркеры чрезвычайно непросто по многим причинам, одна из которых — консервативность культур в некоторых замкнутых регионах, где многие традиции существовали, почти не изменяясь, длительное время. Одна из таких культур — тагарская, что и породило в значительной мере представление исследователей об ее «короткой» хронологии. Между тем, как я попытался сделать выше, взгляд «извне» на тагарские древности позволяет рассмотреть и ее формирование в общем русле.

Первый культурно-хронологический горизонт в азиатских степях Евразии представлен комплексом кургана Аржан. Этот памятник демонстрирует несомненную связь, как в пог-

ребальном обряде, так и в материальном комплексе с кругом культур предшествующей эпохи, что было отмечено еще М.П. Грязновым [1983], выделившим аржано-черногоровскую фазу развития степных культур Евразии. Истоки комплекса Аржана, восходящие к эпохе бронзы, продемонстрировал также Д.Г. Савинов [Савинов, 2002]. Появление оленных камней в Европе на черногоровском этапе убедительно показал А.А. Ковалев, одновременно очертив круг находок черногоровского облика в восточной зоне степи [Ковалев, 2000].

Сейчас этот круг стал значительно шире. Помимо аналогий в тагарском стрелковом наборе, не учтенных тогда А.А. Ковалевым и приведенных выше, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР недалеко от Урумчи исследован могильник Мохучахань, где в ряде погребений найдены предметы конского снаряжения [Синьцзян Моху..., 2016]¹. Они включают бронзовые и роговые трехдырчатые псалии аржанского типа² (рис. 4, 4, 6, 7). Погребальный обряд некрополя — небольшие камеры из валунов в неглубоких ямах (рис. 4, 1), окруженные оградой специфической прямоугольно-округлой или подтреугольной формы — напоминает могильники Чаохугоу в южных предгорьях Тянь-Шаня [Шульга, 2010, с. 26]. Поза погребенных скорченная, головой на север с небольшими отклонениями к востоку или западу. Помимо предметов конского снаряжения, комплексы включают бронзовые ножи разнообразных форм, преимущественно с выделенной рукоятью, с кольцевидными, валиковыми навершиями или без оных. Встречены ножи с навершиями типа «арки на кронштейне». Найдены небольшие дисковидные зеркала с центральной петлей, в том числе украшенные литым орнаментом в виде концентрических рассеченных полос. Присутствуют также роговые и каменные трехжелобчатые застежки и круглые стержни с перехватом в средней части. Единственный кинжал имеет гарду в виде трапециевидных выступов и валиковое навершие рукояти. Он найден в комплексе с выпуклообушковым ножом, имеющим уплощенно-грибовидное навершие выделенной рукояти. Встречены единичные наконечники стрел из бронзы и кости. Втульчатая группа представлена несколькими роговыми пулевидными экземплярами и четырьмя бронзовыми двухлопастными, три из которых можно отнести к

1. Сердечно благодарю А.А. Ковалева, который предоставил для написания этой статьи только что вышедшую из печати монографию, где опубликованы материалы могильника Мохучахань, а также Н.А. Сутягину, которая помогла с переводом ее текстов.

2. Под псалиями аржанского типа здесь и далее понимаются изделия с окончаниями, оформленными с одной стороны шляпкой грибовидных очертаний, с другой — выступом с перехватом в основании.

наконечникам с узкими лопастями (рис. 4, 10). Все остальные стрелы черешковые и по форме близки китайским — плоские или двухлопастные, подтреугольной или сводчатой формы, с опущенными вниз жалыцами (рис. 4, 9). Возвращаясь к рассмотрению найденных в Мохучахань псалиев, необходимо отметить, что, помимо аржанского типа этих изделий, в одной из могил вместе с черепом лошади обнаружен изогнутый трехдырчатый псалий (рис. 4, 8), аналогичный изделию, обнаруженному в черноговорском погребении 5 кургана 7 у с. Красная Деревня [Лукашов, 1984, с. 157—161]. Замечу также, что в могильнике, насчитывающем около 250 комплексов, не обнаружено предметов, выполненных в зверином стиле. Этот факт также сближает культуру населения, оставившего некрополь в Синьцзяне, с предскифским пластом древностей. Единственное очень обобщенное скульптурное изображение животного, отлитое у края длинного стержня (булавка?), ассоциируется скорее с искусством среднеазиатских раннеземледельческих оазисов эпохи бронзы, чем со звериным стилем скифской эпохи. Многоярусные и крестовидные нашивные бляшки, шпильки с навершиями в виде полого раструба, с выступами и перехватами на стержне, также имеют аналогии в культурах второго тысячелетия до н. э. Для образцов из ряда могил Мохучахань получена серия радиоуглеродных дат, которые не моложе IX в. до н. э. [Синьцзян Моху..., 2016, с. 352, 353].

Независимо от того, оставлен этот памятник какой-то кочевой группой населения или в его культуре нашли отражение контакты с номадами, полученные материалы позволяют синхронизировать Мохучахань со Старшим Аржаном и отнести к первому горизонту древностей. На Южное Притяньшанье, как возможную территорию происхождения одного из компонентов комплекса тувинского опорного памятника, указывалось ранее [Чугунов, 2011а, с. 73, сл.] и сейчас это предположение получило еще одно подтверждение.

Очевидные параллели предскифскому пласту древностей Восточной Европы предоставляют возможность прибегнуть к европейским разработкам для определения хронологической позиции первого горизонта эпохи ранних кочевников. Уздечные комплекты, а также роговые украшения узды, аналогичны ранним черноговорским [Вальчак и др., 1996, с. 29]. Роговые восьмерковидные бляхи, в свою очередь, сопоставлялись с бронзовыми аналогами из горизонта IVB Хасанлу [Иванчик, 2001, с. 214]. Эти сопоставления подтверждают датировку горизонта IX—VIII вв. до н. э. независимо от радиоуглеродных определений. В таких же хронологических рамках находятся раннеананьинские комплексы и «клад» погребения могильника Клинь-яр III на Северном Кавказе, где найдены аналогии уникальной для азиатских

древностей кольцевидной пряжке с перемычкой из Аржана [Смирнов, 2015, с. 105—108].

Другие материалы Аржана позволяют синхронизировать с ним древности переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку [Чугунов, 2006]. К ним, в частности, относятся стремеvidные пряжки со шпеньком, сопоставимые с найденными в бегазы-дандыбаевских поселениях [Варфоломеев, 2003, с. 102, рис. 4, 15, 16; Чугунов, 2015, с. 472, ил. 4], которые, вероятно, являются прототипом двучастных подпружных застежек раннескифского времени. Найденные в Аржане серьги специфической формы, по своим морфологическим признакам конструктивно восходят к украшениям из постандроновских памятников [Чугунов, 2003].

Помимо западного по отношению к Туве направления связей, в комплексе памятника присутствуют находки, демонстрирующие юго-восточный компонент. В погребальной обряде Аржана отчетливо видны центрально-азиатские корни — радиальность конструкции, ассоциируемая с херексурами; сильно скорченная «андоновская» погребальная поза; наземный способ захоронения, восходящий к традиции монгун-тайгинской культуры Тувы. Аналогии некоторым находкам, сделанным в Аржане, также указывают на юго-восток. Как уже отмечалось А.А. Ковалевым [1996], древнейшей аналогией аржанскому клинковому оружию является кинжал из могилы 1040 на поселении Чжукайгоу в Ордосе имеющий такое же специфическое перекрестие. Могила датирована по раннешанскому клевцу «гэ» серединой II тыс. до н. э., однако предлагается и более поздняя датировка XIII—XII вв. до н. э. [Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 129] Случайная находка кинжала с похожим оформлением перекрестия и зооморфным навершием рукояти на юго-западе Тувы, возможно, свидетельствует о бытовании такого оружия здесь уже в эпоху поздней бронзы [Чугунов, 1997]. Кроме того, местные формы оружия, найденные в комплексах типа Наньшаньгэнь к северо-востоку от Ордоса, украшены изображениями животных в так называемом аржано-майэмирском зверином стиле, датируются китайскими предметами IX—VIII вв. до н. э. [Ковалев, 1998]. Одна из ярких категорий находок в Аржане — бронзовые навершия с фигурами баранов — находит близкие соответствия в ордосских бронзах. Но подобные навершия известны и в комплексах Казахстана, и в Минусинской котловине, и в лесостепи Западной Сибири, и в Прибайкалье. Связывают их, как правило, с деталями или украшениями колесниц [Новоженков, Алтынбеков, 2014, с. 239—242, рис. 3, 6, 11], что также указывает на традиции предшествующей эпохи [Новоженков, 2012].

Таким образом, опираясь прежде всего на материалы Аржана, можно выделить маркеры для первого культурно-исторического горизон-

та. В погребальном обряде таковыми могут являться признаки традиций эпохи бронзы (они могут быть различными для каждого конкретного региона). Из материального комплекса следует особо указать на предметы, связанные со снаряжением коня: псалли «аржано-черногоровского» типа, пряжки особого вида, двучастные (восьмерковидные) пронизи. Комплекс вооружения, найденный в Аржане, может выступать маркером только с учетом того, что он стоит в начале типологического ряда изделий соответствующих категорий. Надо отметить, что почковидные, сердцевидные или бабочковидные перекрестия, характерные для раннекифского клинкового оружия, еще отсутствуют. Особо выделяются кинжалы со специфическими гардами, аналогии которым известны в раннетагарских памятниках. В стрелковом наборе абсолютно господствуют втульчатые двухлопастные наконечники, которые в Казахстане и Приаралье соседствуют с двухлопастными черешковыми. Важным маркером являются узколопастные типы стрел, продолжающие традиции постандроновских культур эпохи поздней бронзы. Килевидные втульчатые наконечники, аналогичные позднему черногоровским, являются редкой формой в Азии, но позволяют отнести к первому горизонту, помимо ряда раннетагарских памятников, комплексы с такими стрелами в Южном Приаралье [Яблонский, 1996] и курган 10 могильника Памирская I, на углубление хронологии которого уже указывалось [Рябкова, 2013]. Бронзовые навершия с фигурами животных также могут являться маркером, но с учетом их длительного существования в сарагашенских комплексах. Здесь необходимо учитывать признаки ранней стилистики искусства, обозначенные Я.А. Шером [1980, с. 243—247]. Это же относится и к образу свернувшейся пантеры на знаменитой бляхе. Предметы, выполненные в зверином стиле, чрезвычайно редки в памятниках первого горизонта, а те, которые присутствуют, чрезвычайно архаичны и всегда передают образ реального зверя. Фантастические и синкретичные образы животных вообще не характерны для восточных областей расселения кочевников вплоть до ахеменидского времени. Поэтому бляхи из Сакар-Чаги 6, найденные в одном из самых ранних представительных комплексов Приаралья, нельзя трактовать как изображение фантастического грифона [Яблонский, 1996, с. 47]. Эти бляхи, безусловно, являются наиболее ранним воспроизведением головы верблюда, который зачастую изображался с оскаленной пастью. Показанный треугольный язык ассоциируется с хэнланышанскими петроглифами, что говорит об архаичности образа. Сейчас известна подобная бляха, происходящая из несколько более позднего тасмолинского комплекса, где хохолок, обычный для иконографии верблюда, более акцентирован и помогает правильно

определить приаральские изделия [Бейсенов, Минасян, 2015, с. 61, рис. 4].

В русле концепции формирования кочевых культур в азиатских горно-степных областях, предложенной в качестве гипотезы [Чугунов, 2015а], первый культурно-хронологический горизонт соответствует наиболее раннему миграционному импульсу. Кратко приведу основные выводы, подробно рассмотренные в специальной работе. Вероятно, не позже конца IX в. до н. э. Казахстан и Тува принимают первую волну переселенцев из внутренних областей Азии. На Верхнем Енисее это время возведения кургана Аржан и распространения синхронных ему памятников шанчигского типа, которые во многом сохраняют традиции могунтайгинской культуры эпохи поздней бронзы [Чугунов, 1994]. Не исключено, что в это время в Минусинской котловине уже существовало население, оставившее после себя раннетагарские (подгорновские) памятники, что позволяет допустить и более ранний локальный импульс, проходивший через территорию Тувы. Оседание мигрантов именно здесь может объясняться наиболее благоприятными климатическими условиями в котловинах Среднего Енисея по сравнению с более южными регионами, что показали специальные исследования [Дирксен, Чугунов, 2007]. Можно предположить, что и в Хакасии, и в Казахстане этот внешний импульс привел к появлению погребений с вытянутыми костяками. Причем, в данном случае, едва ли исходной для него является территория Синьцзяна, как предполагает А.Д. Таиров [2007, с. 50], так как на рубеже тысячелетий здесь распространены культуры, имеющие такой общий компонент, как расписная керамика и обряд, предусматривающий скорченную погребенную позу. Погребения с вытянутыми костяками, которые здесь известны, возможно, маркируют продвижение каких-то групп населения из более отдаленных регионов.

Не исключено, что в наиболее «чистом» виде погребальный обряд носителей кочевнических традиций, пришедших с первой миграционной волной, отражен в могильниках Приаралья. Мигранты вступили в тесный контакт с земледельческим населением, осваивавшим в это время вновь обводненные дельтовые русла Аму-Дарьи и Сырдарьи, что привело к миксации населения, отразившейся в разной степени антропологической метисации [Яблонский, 2015, с. 159]. Культурный комплекс приаральских кочевников включает, помимо вытянутой позы погребенного, такие элементы обряда, как дромос и помещение узды в качестве замены верхового коня. В материальной культуре здесь присутствует наиболее архаичный колчаный набор, состоящий из двухлопастных втульчатых и черешковых наконечников стрел, крупные зеркала с бортиком и предметы, выполненные в аржано-майэмирской стилистике.

Клювовидные жертвенники, распространенные здесь, вероятно, восходят к сохранившейся в земледельческой среде древнемаргианской традиции особых ритуальных сосудов [Чугунов, 2016]. Возможно, что именно этот регион впоследствии стал источником многих технологических инноваций на широкой территории расселения азиатских кочевников.

Вероятно, в Семиречье именно в это время возводятся первые грандиозные курганы Бешатыра, сопровождаемые многочисленными ритуальными сооружениями, восходящими к центрально-азиатской традиции херексуров. В Восточном и Центральном Казахстане в это время еще продолжали обитать носители бегазы-дангыбаевской культуры (БДК), сосуществовая и взаимодействуя с конгломератом мигрантов, которые еще не сформировали здесь ядро своей культуры, а их памятники разрозненны и чрезвычайно мозаичны по своим признакам (например, в могильнике Измайловка [Ермолаева, 2012, с. 66—75]). В частности, на истоки традиции северной ориентации погребенных и подбоев в памятниках тасмолинской и майэмирской культуры, возможно, указывают опубликованные данные о памятниках, исследованных в провинции Ганьсу [Шульга, 2014, с. 253—256]. Наиболее ранние комплексы бийкенской культуры в Горном Алтае, содержащие псалы аржанского типа (Курту-2), по погребальным конструкциям из валунов ассоциируются с рассмотренным выше могильником Мохучахань. Вместе с притоком нового кочевого населения на территории Казахстана и Саяно-Алтая появляются первые изделия, выполненные в зверином стиле. Исходные области всех этих миграционных импульсов, обусловленных, как представляется, глобальными климатическими изменениями, сейчас определить очень не просто, но в общих чертах можно утверждать, что они находятся к юго-востоку.

Наиболее дальний выплеск этой миграции знаменует появление в восточно-европейских степях памятников черноговровского круга. Мигранты принесли с собой с востока, прежде всего, специфические детали конского снаряжения, украшения сбруи и отдельные типы предметов вооружения — то есть элементы мужской субкультуры, что говорит о перемещении именно отдельных групп кочевников, которые достаточно быстро могли быть инкорпорированы в местную среду. Подобная модель была реконструирована В.А. Киселем для переднеазиатских походов скифов [Кисель, 2003, с. 106—112], но возможно справедлива и для несколько более раннего периода. В окружении аборигенного населения кочевники скорее всего сохранили особое, вероятно главенствующее положение в обществе. Это, в частности, объясняет перенос на новые территории традиции оленных камней, распространение которых в Европе, без-

словно, является следствием миграции с востока еще в предскифское время.

Второй культурно-хронологический горизонт характеризуется чрезвычайно динамичным развитием номадизма на всех территориях степной Евразии. Он связан в Туве с появлением алды-бельской культуры, однако, поскольку ранний ее этап пока уверенно не вычленяется из всего массива памятников, выделить маркеры этого горизонта здесь затруднительно. «Царский» курган этой культуры Аржан-2, датированный второй половиной VII в. до н. э., безусловно, относится к завершающей фазе горизонта. Два исследованных в «долине царей» Тувы элитных памятника разделяет период времени более 150 лет, за который изменился и погребальный обряд, и материальная культура. Но именно богатейший непотревоженный комплекс Аржана-2 является хронологическим репером этого горизонта и позволяет выявить памятники, расположенные на хронологической шкале между двумя «царскими» курганами. Как показывает анализ прикладного искусства [Чугунов, 2015б, с. 396—403], таковыми являются исследованные большие курганы Чиликтинской долины и некоторые комплексы в Центральном Казахстане (курган 2 могильника Талды-2), где найдены значительные серии золотых украшений в зверином стиле. Маркерами начала второго горизонта могут являться некоторые специфические образы в искусстве, трактовка деталей и ювелирные приемы, отсутствующие на ранней фазе и присутствующие на поздней. В это время в колчанах как восточных, так и западных кочевников появляются наборы двухлопастных удлиненно-ромбических или асимметрично-ромбических стрел, имеющиеся на предыдущем этапе лишь в единичных экземплярах. По мнению специалистов, такие наконечники достаточно вариативны [Рябкова, 2014, с. 378; Дараган, 2015, с. 133], но именно они, вероятно, являются маркером вооружения начальной фазы второго горизонта. Чуть позже в азиатском регионе широко распространяются стрелы с черешковым и зажимным насадом. Вероятно, колчаные наборы, включающие двухлопастные втульчатые наконечники наряду с черешковыми примерно в равной пропорции (типа набора в Большом Гумаровском кургане) также могут маркировать начальную фазу этого горизонта.

Завершающая его фаза, вероятно, может считаться фазой расцвета культуры ранних кочевников, так как именно к ней, помимо Аржана-2, относятся курган 3 могильника Кичигино на Южном Урале и большинство ярких комплексов Приаралья и Центрального Казахстана. На западе к ней относятся поздние курганы Келермеса.

Начало второго культурно-хронологического горизонта соответствует, вероятно, VIII в. до н. э. (возможно, его второй половине) — време-

ни второй миграционной волны, когда на всей территории Казахстана происходит становление номадизма, как основы экономики общества. В это время появляются элитные некрополи в Чиликтинской долине, погребальный обряд которых впоследствии продолжается в Центральном Казахстане (могильник Талды-2 и др.). Носители местных традиций эпохи поздней бронзы постепенно осваивают территорию Горного Алтая, смещаясь туда из западных предгорий. При анализе комплексов Верхнего Прииртышья А.С. Ермолаева обозначила сходство погребального обряда могильников эпохи поздней бронзы с курганами бийкенской культуры Горного Алтая [Ермолаева, 2012, с. 117]. Действительно, очень вероятно, что ее культурный комплекс формируется в результате смешения с мигрантами-номадами. Суперстратное кочевое население занимает предгорную зону вдоль Иртыша, оставив после себя майэмирский круг памятников.

Вероятно, вторая миграционная волна привела к появлению в Минусинской котловине памятников сарагашенского типа. Соотнесение тагарских оград с обозначенным входом может восходить к поздним мавзолеям могильника Бегазы — мегалитических сооружений с дромосом [Чугунов, 2006, с. 70]. Носители традиций БДК в период сооружения этого некрополя уже сосуществовали с номадами первой миграционной волны, на что указывают найденные в нем наконечники стрел. Вероятно, обычай оформленного вертикальными плитами входа в погребальное пространство был воспринят от них и является, по сути, переосмыслением дромосов приаральских могильников и Бесшатыра. Пути проникновения этой традиции на Средний Енисей могли проходить вдоль границы лесостепи, но этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании хронологической позиции лесостепных тагарских комплексов.

На Туву вторая миграционная волна оказала влияние опосредованно, через территорию Казахстана. Алды-бельская культура сформировалась с участием местного субстрата, включающего предшествующий аржанский компонент и, вероятно, сохранившихся еще носителей монгун-тайгинской культуры. Пути проникновения сюда новых мигрантов могли проходить по разным направлениям, но основным, вероятно, являлся Горный Алтай, заселенный наиболее близким и родственным населением. На тесные связи бийкенской и алды-бельской культур указывает весь комплекс материалов из алтайских памятников, отнесенных к завершающему бойтыгемскому этапу [Тишкин, 2007]. По сути, отличия их от синхронных тувинских сводятся к некоторым особенностям в погребальном обряде и могут объясняться разной долей исходных компонентов культуры. Формирование культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на

территории Тувы и Горного Алтая было обусловлено одними и теми же составляющими компонентами — западным (казахстанским) и южным (центрально-азиатским). Разница может заключаться в степени участия этих компонентов, так как в Туве преобладали южные инновации, а на Алтае западные. Не случайно металл в бийкенских памятниках легирован оловом, что характерно именно для казахстанской металлургии [Хаврин, 2008], а изделия из кургана Аржан преимущественно выполнены из мышьяковой меди. Кроме того, пока неизвестны «царские» памятники VII в. до н. э. бийкенской культуры Горного Алтая и вполне возможно, что эта территория входила в сферу влияния вожества, хоронившего своих предводителей в «долине царей» Тувы. Контакты населения Тувы и Казахстана носили другой характер, но не прерывались в течение всего раннескифского времени, на что указывают многочисленные параллели в элитарной субкультуре [Чугунов, 2011б]. Последние находки еще более подтверждают теснейшее взаимодействие носителей алды-бельской и тасмолинской культур [Бейсенов, 2015, с. 26]. Не исключено, что проявление очень ранних, имеющих корни в древностях Маргианы, традиций в торевтике, выявленное при анализе прикладного искусства Аржана-2, объясняется сохранением и развитием их где-то на территории Казахстана или Приаралья. Определенные специальными естественно-научными исследованиями «пришлое» происхождение похороненной в основном погребении женщины [Лохов и др., 2007] позволяет допустить даже династические браки в среде племенной верхушки двух областей, однако подтвердить казахстанское происхождение «царицы» из Аржана-2 может лишь подобная аналитика тасмолинских образцов.

В Центральной Туве известны несколько погребальных комплексов с вытянутыми костяками, черепами животных и наборами стрел раннескифского времени, что может указывать на непосредственное пребывание здесь какой-то группы пришлого населения [Семенов, 2012, с. 432—435]. Больше всего исследованные в Туве комплексы похожи на так называемые погребения коргантасского типа, однако на территории Казахстана эти памятники датируются концом сакской эпохи [Бейсенов, 1997, с. 15, 16; 2015, с. 28]. Вероятно, они маркируют какие-то передвижения центральноазиатских номадов, появившихся в Туве ранее. Исходную территорию традиции помещения черепов животных в могилы сейчас можно достаточно уверенно определить в области расселения племен Северного Китая, оставивших культуру Юйхуанмяо и более поздние могильники типа Маоцингоу [Maoqinggou, 1992; Шульга, 2015]. На контакты с носителями Юйхуанмяо в течение всего раннескифского времени указывает

цельный ряд аналогий в комплексах алды-бельской культуры, в том числе в Аржане-2.

В западных областях этот период также отмечен активными перемещениями кочевников. Это время переднеазиатских походов скифов, которые могли осуществляться не только номадами Северного Причерноморья, но и другими кочевыми ордами, которые проникали на территорию восточных царств вдоль горных массивов, обходя Каспий с юга.

Третий культурно-хронологический горизонт — время ломки традиций, сложившихся в раннескифское время. Как правило, смена культур в различных регионах датируется серединой VI в. до н. э., но традиции предшествующего периода могли доживать и позже, а, видоизменяясь, в трансформированном виде существовать и в новой культурной среде. Одним из маркеров этого горизонта для степей Евразии можно считать находки узды с пропускным сопряжением удила и двудырчатых псаляев. В таких азиатских комплексах использовались удила, изготовленные в архаической традиции — со стремевидными окончаниями. Возможно, еще один маркер для восточной зоны — появление наборных парадных поясов с X-видными очертаниями обойм. При отсутствии в культуре региона этих категорий вещей или обычая помещать их в погребальные комплексы, соотнести с третьим горизонтом памятники возможно лишь по каким-то инновационным проявлениям, характерным для последующего этапа культуры. Поэтому верхняя граница горизонта, как правило, очень размыта.

В европейских степях в это же время завершается период архаической скифской культуры и начинается культура классической Скифии. Исследователи отмечают здесь резкую смену материального комплекса, трансформацию многих существовавших ранее категорий предметов и появление новых. А.Ю. Алексеев считает, что в последней трети VI в. до н. э. под влиянием этнокультурного импульса с востока в Северном Причерноморье происходит смена населения. Предметный комплекс, вероятно принесенный этим импульсом, включает так называемые крестовидные бляхи, золотые «конусы», реминисценции конских масок и другие инновации, не имеющие корней в предшествующей культуре [Алексеев, 2003, с. 182—184]. При этом подчеркивается, что «памятников, которые эволюционно сочетали бы обе традиции, раннюю и позднюю, в степной зоне нет (в Приднепровской лесостепи они есть, но весьма немногочисленные ...; есть они и на Кубани ...; важно, что во всех этих случаях вещевые комплексы имеют как бы двухкомпонентную природу), что свидетельствует о хронологически резкой смене вещевых наборов» [Там же, с. 182,

сл.]. Д.С. Гречко, не возражая по сути концепции «двух Скифий», несколько скорректировал хронологию переходного периода. Обозначив еще ряд инноваций, он выделил ряд комплексов, которые можно отнести к нему. Основным аргументом в его рассуждениях являются колчаные наборы, в которых, наряду с ранними типами наконечников, присутствуют новые. Кроме того, в переходных памятниках им отмечено появление зеркал с боковыми рукоятями [Гречко, 2012, с. 80—82]. Такой подход представляется правильным, так как наборы стрел — очень динамично меняющаяся составляющая вооружения, что обусловлено отношением к ним стрелка, как к расходному материалу. После боестолкновений, несомненно, собирались как свои, так и чужие стрелы, что позволяет предполагать появление новых форм в колчанах достаточно быстро.

Подобная картина наблюдается и в азиатских областях в конце третьего горизонта. Анализ стрелковых наборов в памятниках Тувы позволил выявить наконечники, которые являются маркерами поздних алды-бельских комплексов и ранних наборов следующей, уюкско-саглынской культуры [Чугунов, 2000, с. 226, сл.]. С середины или, может быть, конца VI в. до н. э. наконечники стрел в азиатских степях становятся более стандартизованы, что характерно и для скифских колчанов, по сравнению с наборами раннескифского времени. Интересно, что и в Туве зеркала с боковыми рукоятями (хотя и других типов) маркируют завершение третьего горизонта, появляясь в комплексах уюкско-саглынской культуры. Характерно, что в переходных памятниках уюкского типа, в которых еще очень сильно проявляется местный компонент, совместно встречены оба типа зеркал — как дисковидные с петлей в центре, так и с боковой ручкой. Все эти наблюдения показывают, что на стыке горизонтов и отдельных хронологических фаз должны выделяться переходные периоды. В любых культурно-хронологических реконструкциях, которые всегда являются исследовательскими конструктами (как и предлагаемая работа), это в наибольшей мере отвечает реальным процессам древности.

Таким образом, если подвести итог всему вышеизложенному, то первый культурно-хронологический горизонт в азиатском регионе соответствует пласту древностей предскифского времени в Европе; второй — начинается в «допоходное» время (РСК 1) и продолжается весь период функционирования Келермесского могильника (РСК 2 по И.Н. Медведской [1992]); третий горизонт, вероятно, практически совпадает с РСК 3. Безусловно, второй горизонт (как, вероятно, и остальные) должен быть разбит на последовательные фазы, границы которых сейчас могут быть только намечены.

- Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. II. — С. 5—8.
- Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. — СПб, 2001. — 100 с.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб, 2003. — 416 с.
- Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7—1 вв. до н. э.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. — Алматы, 1997. — 24 с.
- Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7, № 6, ч. 2. — С. 22—31.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. — Алматы, 2014. — 192 с.
- Бейсенов А.З., Минасян Р.С. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик // Вестн. Дагестанского научного центра. — 2015. — № 58. — С. 58—62.
- Боковенко Н.А. Начало тагарской эпохи // Древние культуры Евразии. — СПб, 2010. — С. 99—103.
- Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея в 2—1 тыс. до н. э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. — 2011. — Вып. 3. — С. 308—314.
- Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Ван Гил Б. и др. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. — СПб, 2002. — Кн. 2. — С. 19—22.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб, 1999. — 440 с.
- Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Астана, 2003. — Т. 1: Древние эпохи. — С. 88—99.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. — Алматы, 2011. — Т. 1. — С. 210—240.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черноморского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. — 1996. — Вып. 2. — С. 23—44.
- Гречко Д.С. О возможных просветах в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. — 2012. — № 3. — С. 75—103.
- Гречко Д.С. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // Stratum plus. — 2013. — № 3. — С. 133—154.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. — Л., 1980. — 62 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. — 1983. — Вып. 12. — С. 3—18.
- Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015. — С. 127—170 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
- Дирксен В.Г., Чугунов К.В. Турано-Уюкская котловина Тувы: изменения природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. — СПб, 2007. — С. 139—164.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. — СПб, 2005. — 290 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — раннее железо). — Алматы, 2012. — 236 с.
- Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю. и др. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. — СПб, 2007. — С. 251—262.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии II. — М., 2001. — 324 с.
- Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. — СПб, 2003. — 190 с.
- Ковалев А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э. — СПб, 1996. — С. 121—127.
- Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньген) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. — СПб, 1998. — С. 122—130.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. — М., 2000. — С. 128—180.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 39—58.
- Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. — Л., 1977. — 144 с.
- Курочкин Г.Н. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 103—105.
- Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И. и др. Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. — СПб, 2007. — С. 263—273.
- Лукашов А.В. Новый памятник VIII—VII в. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 157—161.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. — 360 с.
- Марсадалов Л.С. Даты Большого Салбыкского кургана и этапа в Хакасии // Тр. IV (XX) Всерос. АС в Казани. — Казань, 2014. — Т. II. — С. 211—217.
- Марсадалов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. — 2015. — № 1 (11). — С. 7—31.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. — 1992. — № 3. — С. 86—107.
- Морозов С.В. Бронзовые наконечники стрел в раннетагарских памятниках Южной Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. — СПб, 2003. — Кн. II. — С. 119—122.
- Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. — К., 2014. — 120 с.
- Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. — М., 2012. — 500 с.
- Новожинов В.А., Алтынбеков К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии. — Алматы, 2014. — С. 231—247.
- Подольский М.Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. — СПб, 2007. — С. 113—128.

- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. — 2009. — Вып. 5. — С. 20—56.
- Рябкова Т.В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ — 2010. — № 38. — С. 87—106.
- Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10: культурно-хронологическая позиция комплекса // АСГЭ — 2013. — № 39. — С. 59—99.
- Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. — 2014. — Вып. 4. — С. 372—432.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). — СПб, 2002. — 204 с.
- Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986—1989 гг.). — СПб, 2012. — 180 с.
- Семенов Вл.А. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб, 2012. — Кн. 2. — С. 432—435.
- Синьцзян Мохучахань муди. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. — Пекин, 2016 (на кит. яз.). — 400 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. — К., 2003. — 161 с.
- Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // Поволжская археология. — 2015. — № 2 (12). — С. 104—113.
- Субботин А.В. Предварительный анализ периодизаций тагарской культуры // Южная Сибирь в древности. — СПб, 1995. — С. 136—142.
- Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам полностью раскопанных памятников). — СПб, 2014. — 154 с.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII — VI вв. до н. э. — Челябинск, 2007. — 274 с.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. — М., 2010. — С. 339—354.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 222 с.
- Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры // Теория и практика археологических исследований. — 2007. — № 3. — С. 146—158.
- Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — № 1 (36). — С. 78—87.
- Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Барнаул, 2008. — Ч. I: Раннескифское время. — С. 173—178.
- Хохоровски Я. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века // Terra Scythica. — Новосибирск, 2011. — С. 319—345.
- Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. — М., 1997. — 98 с.
- Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. — М., 2000. — С. 110—127.
- Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. — 1994. — Вып. 8. — С. 43—53.
- Чугунов К.В. Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. Археологические изыскания. — 1997. — Вып. 42. — С. 81—86.
- Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. — Барнаул, 2003. — Кн. 1. — С. 386—395.
- Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры — взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. — Красноярск, 2005. — С. 102—104.
- Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. АС. — Новосибирск, 2006. — Т. II. — С. 69—71.
- Чугунов К.В. Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. — Кызыл, 2009. — Ч. 1. — С. 48—52.
- Чугунов К.В. Дата кургана Аржан и хронология начала эпохи ранних кочевников // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. — СПб, 2011а. — С. 69—75.
- Чугунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения 2011. — Астана, 2011б. — С. 177—182.
- Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестн. Томского государственного университета: История. — 2013. — № 3 (23). — С. 97—102.
- Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015а. — С. 457—486 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
- Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени Тувы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронология // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. — Алматы, 2015б. — С. 389—404.
- Чугунов К.В. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2 // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. — М., 2016. — С. 242—247.
- Шер Я.А. Отчет о работе 1-го Правобережного отряда в 1963 г. / Архив ИИМК. — Ф. 35, оп. 1, 1963, д. 143. — Л. 10—25.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980. — 328 с.
- Шер Я.А., Прокофьева А.М. Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // КСИА. — 1966. — Вып. 107. — С. 57—61.
- Шульга Д.П. Погребения в подбоях на территории провинции Ганьсу Китайской Народной республики (эпоха раннего железа) // Тр. IV (XX) Всерос. АС в Казани. — Казань, 2014. — Т. II. — С. 253—258.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII—III вв. до н. э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация). — Барнаул, 2010. — 238 с.
- Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI вв. до н. э.). — Новосибирск, 2015. — 304 с.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). — М., 1996. — 185 с.

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. — Волгоград, 2007. — С. 4—35.

Яблонский Л.Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии. — М., 2008. — С. 302—315.

Яблонский Л.Т. Саки в дельте Окса (теория и практика этногенетического исследования). — М., 2015. — 312 с.

Chochorowski J. Ekspansja kimmerijska na terenie Europy Środkowej. — Kraków, 1993. — 327 s.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Taim // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. — Dordrecht; Boston; London, 2004. — P. 83—89 (NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences — Vol. 42).

Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. — München, 1987. — S. 24—86.

Maoqinggou. Eine isenzeitliches Graberfeld in der Ordos-region (Innere Mongolei). — Mainz am Rein, 1992. — 220 S. (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie. — Bd. 50).

К.В. Чугунов

ПРОБЛЕМИ ДАТУВАННЯ АЗІЙСЬКИХ МАТЕРІАЛІВ ДОБИ РАННІХ КОЧОВИКІВ ТА ПИТАННЯ ЇХ СИНХРОНІЗАЦІЇ З СТАРОЖИТ- НОСТЯМИ СХІДНОЇ ЄВРОПИ

Традиційні хронологічні установки, що склалися за всю історію вивчення старожитностей Сибіру, в останні роки все більше вступають у протиріччя з новими матеріалами. Хронологічними реперами у Центральній Азії і Південному Сибіру зараз можуть виступати добре датовані комплекси «царських» курганів ранньоскіфського часу Туви, деякі матеріали яких знаходять відповідності у старожитності віддалених регіонів, що мають письмову традицію.

Проблема розглядається на прикладі хронології тагарської культури. Незалежні від археологічних побудов методи датування і зіставлення її матеріалів з хронологією пам'яток раннього залізного віку інших територій показує, що модель розвитку цієї культури повинна бути переглянута. Передбачається, що на Середньому Єнісеї у ранньоскіфський час співіснували дві традиції, що відповідали подгоровському і сарагашенському етапам розвитку культури за традиційними уявленнями. На підставі зіставлень археологічного матеріалу і радіовуглецевих визначень можна припустити появу подгоровських пам'яток тагарської культури вже на аржанському етапі доби ранніх кочівників. Наприкінці існування подгоровської традиції до Туви проникають носії алди-бельської культури. Поява тагарської культури вже на самому початку I тис. до н. е. може бути пояснено найбільш сприятливими кліматичними умовами, у порівнянні з сусідніми областями. Не виключено, що подгоровський комплекс своїм походженням пов'язаний з центральноазійських регіоном, а сарагашенський — з територією Казахстану.

Загальний міжрегіональний аналіз можливий з позицій концепції культурно-хронологічних горизонтів. Пропонується розділити весь масив матеріалів ранньоскіфського часу азійської зони на три горизонти. Такий поділ дозволить зіставити ці горизонти з трьома етапами ранньоскіфської культури на заході, що має велике значення для розуміння процесів її формування у результаті послідовних міграційних імпульсів зі сходу. Перший такий імпульс можна впевнено відносити ще до передскіфського часу, що підтверджують нові матеріали з Синьцзяна.

Ключові слова: доба ранніх кочовиків, передскіфський час, хронологія, культурно-хронологічні горизонти, міграційні імпульси.

K. V. Chugunov

PROBLEMS OF DATING OF EARLYNOMADS ASIAN MATERIALS AND QUESTIONS OF THEIR SYNCHRONIZATION WITH ANTIQUITIES OF EASTERN EUROPE

Traditional archaeological chronology of Siberia is being in variance with the new data nowadays. Well dated complexes of «tsar's» kurgans of Tuva that gave some artifacts that have analogies in distant regions with written tradition can provide scholars with chronological frames for Central Asia and South Siberia.

This problem is reviewed on an example of chronology of *tagarskaya* culture. Non archaeological dating methods combined with comparison of its artifacts with archaeological data derived from Early Iron Age sites from other territories shows that current concept of its development should be revised. Author assumes that two traditions in Early-Scythian period of Middle Yenisei zone, *podgornovsky* and *saragashensky* stages, that are traditionally seen as successive stages where synchronous for some time. Archaeological comparison and radiocarbon dating suggest that *podgornovsky* sites of *tagarskaya* culture derive from *arshan* period of early nomad age. The end of *podgornovsky* tradition was the time when *aldi-belskaya* culture penetrated Tuva. The origin of *tagarskaya* culture in the very beginning of the first millennium BC may be explained by optimal climate of this territory in comparison with others. The *podgornovsky* complex may derive from Central Asia and *saragashensky* — from Kazakhstan.

Total trans-regional analysis is possible from the perspective of the concept of cultural and historical horizons. There is offered to divide all materials of early-Scythian time in Asian zone into the three horizons. Such division will allow to compare these horizons with three stages of early Scythian culture in the West that is important for understanding the formation processes as a result of serial migrations impulses from East. The first impulse can be confidently attributed to the pre-Scythian time which is confirmed by the new materials from Xinjiang.

Keywords: era of early nomads, prescythian time, chronology, cultural and chronological horizons, migratory impulses.

Одержано 27.03.2017

УДК: 904'39;15(477.7)''6383''

В.Ю. Мурзин

КИММЕРИЙЦЫ ЕВРОПЕЙСКИЕ И КИММЕРИЙЦЫ АЗИАТСКИЕ

В статье рассказывается о первых встречах автора с Алексеем Ивановичем Тереножкиным, которые определили его судьбу и профессию.

Ключевые слова: Алексей Иванович Тереножкин, Варвара Андреевна Ильинская, скифы, экспедиция.

Не скроем, заглавие данной работы навеяно названием известной статьи К.А. Акишева «Саки азиатские и скифы европейские», в которой этот выдающийся ученый убедительно доказывал, что, несмотря на все локальные отличия, скифы юга Восточной Европы и их культура вместе с савроматами, а также сакскими племенами Центральной Азии с присущими им соответствующими культурами, могут рассматриваться как единое культурно-историческое явление [Акишев, 1973].

Как нам представляется, подобный же феномен имел место и в позднейший предскифский период. К сожалению, мы не знаем названий кочевых племен, обитавших в Центральной Азии в этот период¹ в отличие от кочевников юга Восточной Европы, упоминаемых в письменных источниках под обобщенным именем «киммерийцы», поэтому будем называть первых условно «киммерийцами азиатскими».

Как известно, согласно выводам А.И. Тереножкина, культура исторических киммерийцев представлена памятниками типа Черногоровки — Новочеркасского клада. Ее хронологические рамки А.И. Тереножкин определил в пределах 900—650 гг. до н. э. Он также разделил

ее на два последовательных хронологических этапа: черногоровский (приблизительно 900—750 гг. до н. э.) и новочеркасский (около 750—650 гг. до н. э.) [Тереножкин, 1976].

По мнению А.И. Тереножкина, толчком к формированию культуры исторических киммерийцев послужил мощный восточный импульс, носители которого привнесли на территорию юга Восточной Европы новые формы конской узды — бронзовые и костяные трехдырчатые псалии, бронзовые стремячквидные удила, а также бронзовые двулопастные наконечники стрел с ромбической или килевидной головкой, каменные антропоморфные стелы, связанные своим происхождением с «оленными камнями».

Последнее, как справедливо заметила Н.Л. Членова [Членова, 1975, с. 88], окончательно убеждает, что речь идет не о торговых связях (каменные статуи слишком тяжелые и большие, чтобы ими торговать, да и едва ли такой «товар» нашел бы спрос в чужой среде), а именно о продвижении населения.

Особое внимание А.И. Тереножкин обратил на то, что начало эволюции мечей и кинжалов киммерийского типа было связано с карасукскими кинжалами, которые были выявлены на территории Северного Причерноморья и стали прототипами этого вида киммерийского оружия [Тереножкин, 1976, с. 106, 132].

Таким образом, нам представляется вероятной такая картина событий, которые разворачивались на территории юга Восточной Европы в самом начале I тыс. до н. э. В это время здесь обитали ираноязычные племена эпохи поздней бронзы, которые были носителями Белозерской культуры. На этот местный субстрат накладывается мощный импульс чужеземцев с востока,

1. Прежде всего нас интересует территория современного Казахстана.

Рис. 1. Бронзовая бляха из кургана Аржан

Рис. 2. Бронзовая бляха из кургана Аржан 5

которые были родственны местному населению по языку, но привнесли с собой новые формы материальной культуры. Поскольку эти нововведения касались, прежде всего, вооружения и узды верхового коня, можно предположить, что чужеземцы были ранними номадами, что окончательно содействовало переходу к кочевому образу жизни обитателей восточноевропейских степей.

Другими словами, мы считаем, что формирование черногоровской культуры было следствием миксации первой волны носителей протоскифской культуры, которые проникли на территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья из восточных районов Евразии, и местного населения эпохи поздней бронзы [Клочко, Мурзин, 1987, с. 18].

В поисках прародины этих восточных пришельцев нельзя не упомянуть широко известный курган Аржан в Туве [Грязнов, Маннай-Оол, 1973; Грязнов, 1980] и обойти вниманием его датировку.

Вскоре после его открытия А.И. Тереножкин [Тереножкин, 1976, с. 210] уверенно синхронизировал его с черногоровскими древностями, опираясь, прежде всего, на находку в нем кинжала карасукского типа, а также деталей узды, морфологически близких черногоровским.

Однако, многих исследователей смущала находка бронзовой бляхи в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Кстати, совсем недавно в кургане Аржан 5, материалы которого еще не полностью опубликованы, но судя по всему, они синхронны материалам кургана Аржан, была найдена еще одна подобная круглая бляха (рис. 1; 2).

Все это привело к значительным расхождениям в датировке этого памятника [Савинов, 2002, с. 36—58]. Н.Л. Членова [Членова, 1997, с. 37] даже признала возможным датировать его VII—VI вв. до н. э.

Однако нам более близка позиция А.И. Тереножкина, с которым согласился и К.В. Чу-

гунов, объединивший аржано-черногоровские древности в единый хронологический пласт, который соответствует начальному этапу эпохи ранних кочевников [Чугунов, 2006, с. 69]. Кроме того, он включил в этот же пласт наиболее ранние памятники бийкенского культурного комплекса Алтая и раннетагарские памятники подгорновского этапа [Чугунов, 2006].

Что касается степей Северного Причерноморья и равнин Северного Кавказа, то на основе черногоровских памятников здесь прослеживается постепенное формирование новочеркасской культуры поздних киммерийцев, которая выглядит как чрезвычайно самобытное, и будто то бы закрытое для окружающего мира, явление [Тереножкин, 1976, с. 201].

Однако, успешное развитие киммерийской культуры было прервано второй волной протоскифских племен, продвинувшихся с востока [Клочко, Мурзин, 1987], и привнесших в западные районы Евразийской степи такие новые элементы, которые отсутствуют в новочеркасских древностях, как двулопастные бронзовые наконечники стрел, акинаки, антропоморфные статуи, прототипом которых, возможно, были «оленные камни» с личиной, наверхия, стремячквидные удила и трехдырчатые псалии, круглые зеркала с петлей на обороте, элементы скифо-сибирского звериного стиля. Исходя из древневосточных письменных источников, это событие должно было состояться в самом начале VII в. до н. э., во всяком случае, не позднее 70-х гг.

В поисках прародины европейских киммерийцев весьма заманчивым было бы также связывать их с носителями бегазы-дандыбаевской культуры (далее — БДК) Центрального Казахстана или, если точнее, территории Сарыарки. Тем более, что в памятниках БДК кое-где (но едва ли реже, чем в черногоровских) встречаются вещи карасукского типа [Маргулан, 1979]. Характер взаимодействия носителей БДК и карасукской культуры трактуется современными

исследователями по разному (см., напр.: [Киселев, 1951, с. 143—178; Маргулан, 1979, с. 333; Зданович, 1984, с. 23; Боковенко, 2011; Варфоломеев, 2011; Новоженев, 2012 и др.]), однако для нас особой сути это не имеет — в любом случае район распространения БДК был то ли исходной территорией карасукского импульса на запад, или, что нам представляется более вероятным — транзитной территорией, через которую проходил этот импульс.

Эта идея отнюдь не нова, однако ее признанию препятствует несколько немаловажных обстоятельств.

Во-первых, это несоответствие погребальных сооружений БДК, прежде всего мавзолеев, простым грунтовыми ямам, в которых похоронены черногоровцы. Однако, это противоречие может быть преодолено с учетом географического фактора — в отличие от территории Сарыарки, в северопричерноморских степях выходы камня встречаются довольно редко, а также тем, что среди погребальных сооружений БДК встречаются не только погребальные комплексы мавзолеевого типа, а и грунтовые ямы и грунтовые ямы с каменными ящиками [Бейсенов, Варфоломеев, 2008, с. 68].

Во-вторых, такому предположению будто бы противоречат: развитая поселенческая структура БДК (известны даже городища-протогорода типа Акрайма и Кента), значительная роль цветной металлургии (как известно, номады, мягко говоря, весьма прохладно относились к занятиям ремеслом — достойным делом каждого кочевника были выпас скота и война), а также заметная роль в составе стада носителей БДК крупного рогатого скота — на городище Кент, например, численность КРС в составе стада достигала 34,4 % [Бейсенов, Варфоломеев, 2008, табл. 9]. Все это подталкивало исследователей к заключению об относительно невысокой подвижности населения БДК [Бейсенов, Варфоломеев, 2008, с. 64]. А это отнюдь не вяжется с кочевым образом жизни киммерийцев европейских.

Однако Р. Исмагил [Исмагил, 1998] нашел иной вариант решения этого вопроса, указав, что памятники БДК не составляют единого монокультурного массива, а сравнение бегазинского феномена со скифским позволяет сделать вывод, что бегазинский феномен мог быть, скорее всего, первым известным нам кочевым объединением на территории Казахстана, типологически близким синхронному ему киммерийскому (черногоровскому) и более позднему скифскому объединению раннеклассового типа на юге Восточной Европы.

Иными словами, в рамках БДК сформировались два различных по своему хозяйственному укладу и способу жизни элемента: 1) кочевой скотоводческий («киммерийцы азиатские»); 2) оседлый, ремесленно-земледельческий.

В этом плане мы можем предположить следующее. На рубеже II и I тыс. до н. э. какая-то

группа населения аржанской культуры (судя по всему — кочевого), начала свое движение на запад. Продвигаясь по территории Южной Сибири, это кочевое ядро, как всегда бывает в таких случаях, вовлекло в свою орбиту близкие по языку и образу жизни группы населения, в частности карасукского. На территории Центрального Казахстана они смешались с носителями поздней андроновской культуры, что привело к переходу части андроновцев к кочевому образу жизни.

Эти номады и составили кочевую составную БДК (условно их можно назвать «киммерийцами азиатскими»). В то же время андроновское население, группировавшееся возле источников медной руды и металлургических центров, оставалось оседлым и более «чистым» в этническом плане. Такое предположение хорошо соотносится с выводом Р. Исмагила о полиэтничности и поликультурности БДК.

Достигнув степей Восточной Европы и потеряв на своем длинном пути некоторые зачатки звериного стиля (возможно, под влиянием позднеандоновской культуры, где, судя по керамике, был весьма развит геометрический орнамент, звериный стиль уступил место геометрическому), чужеземцы смешались с местным населением поздней бронзы и положили начало формированию этноса исторических киммерийцев и присущей им культуры.

Если это предположение более или менее верно, из этого вытекает один весьма интересный момент.

Как известно, рубеж черногоровского и новочеркасского этапов киммерийской культуры Восточной Европы ознаменовался киммерийскими вторжениями в страны Передней Азии, что зафиксировано достаточно многочисленными письменными источниками. В это же время усиливается давление киммерийцев на оседло-земледельческое население современной Лесостепной Украины, прежде всего на территорию носителей чернолесской культуры.

Несомненно, основной побудительной причиной этой экспансии киммерийского объединения был поиск объектов внешней эксплуатации с целью получения, прежде всего, таких необходимых каждому кочевому обществу продуктов земледелия и ремесленного производства.

В отличие от своих западных сородичей, азиатские киммерийцы могли решить эту проблему не прибегая к дальним походам, а установив свой контроль (возможно, в виде патроната) над ремесленными центрами Сарыарки (ремесленно-земледельческая составляющая БДК). Нечто подобное происходило в пустынных районах Северной Африки, где кочевники-туареги контролировали расположенные там оазисы, пользуясь изделиями местных ремесленников и продуктами земледелия, прежде всего — сорго.

Результатом движения на запад второй волны носителей культуры скифского типа, которая, судя по материалам курганов Аржан черногоровского времени и Аржан 2 [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010], датируемого самым концом VIII или VII вв. до н. э. [Сугунов, Parzinger, Nagler, 2004] непрерывно развивалась на территории, примерно соответствующей территории современной Тувы, стало возникновение на юге Восточной Европы скифского объединения, в состав которого вошли и покоренные племена европейских киммерийцев [Мурзин, 2014, с. 15, 33].

Подобная же картина, по нашему мнению, имела место и в казахских степях и на прилегающих к ним территориях. В своем движении на запад носители второй волны культуры скифского типа, вероятно, освоили территории Центральной Азии и, покорив киммерийцев азиатских, включив их в состав своего объединения, положили начало развитию культур сако-массагетского круга.

На территории Казахстана наиболее ранние памятники саков, представлены, как известно, материалами курганов могильника Талды-2 [Бейсенов, 2011] и Золотого Чиликтинского кургана [Черников, 1965].

Суммируя все вышесказанное, еще раз подчеркнем, что хотя многие вопросы относительно взаимосвязи черногоровской культуры и БДК все еще и остаются открытыми, поиск в этом направлении представляется нам весьма перспективным.

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. — 1973. — С. 43—58.

Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакской культуры степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциальных процессов степной Евразии. Тез. докладов Круглого стола, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан. — Караганда, 2011. — С. 14—20.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. — Алматы, 2008. — 112 с.

Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2—1 тыс. до н. э. // Вопросы археологии Казахстана. — 2011. — Вып. 3. — С. 308—314.

Варфоломеев В.А. Бегазы-дандыбаевский феномен: культура и субкультура // Маргулановские чтения 2011: Материалы Междунар. археол. конф. — Астана, 2011. — С. 50—53.

Грязнов М.П. Аржан. — Л., 1980. — 61 с.

Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х. Курган «Аржан» — могила царя раннескифского времени // Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. — 1973. — Вып. XVI. — С. 191—204.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1984. — С. 3—23.

Исмагилов Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. — 1998. — № 1. — С. 3—7.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 302 с.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 12—19.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1979. — 307 с.

Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. — К., 2014. — 119 с.

Новожионов В.А. Заметки по этнокультурной принадлежности племен эпохи бронзы Центральной Азии // Полевые материалы и исследования Кафедры археологии, этнологии и музеологии Казанского НУ им. Аль-Фарби. — 2012. — Вып. II. — С. 44—67.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. Археологические культуры и этногенез. — СПб, 2002. — 204 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 220 с.

Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». — М., 1965. — 188 с.

Членова Н.Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica. — 1975. — I. — С. 69—80.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. — М., 1997. — 98 с.

Чугунов К.В. Синхронизация культур раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. АС. — Новосибирск, 2006. — Т. II. — С. 69—71.

Сугунов К.В., Parzinger H., Nagler A. Chronologie and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archaeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. — 2004. — Vol. 42. — P. 1—7.

Сугунов К.В., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arzhan 2 in Tuva. — Mainz, 2010. — 330 S.

В.Ю. Мурзин

КИМЕРИЙЦІ ЄВРОПЕЙСЬКІ ТА КИМЕРИЙЦІ АЗИАТСЬКІ

Протягом тривалого часу кимерійська проблема була далека від свого розв'язання, оскільки, незважаючи на численні спроби, зв'язати дані писемних джерел з конкретним археологічним матеріалом не представлялося можливим.

Віршальним проривом у цьому відношенні стала монографія О.І. Тереножкіна «Киммерийці». Дослідник пов'язав культуру історичних киммерійців із старожитностями X — початку VII ст. до н. е., та поділив її на два послідовних хронологічних етапи — Черногорівський і Новочеркаський.

Поза сумнівом, у формуванні черногорівського культурного комплексу зіграв свою роль досить потужний імпульс зі сходу, який ми відносимо до першої хвилі представників протоскифської культури. Поступово на його основі була сформована і культура новочеркаського типу, яка за своїми ознаками була нібито ізольована від зовнішнього світу.

Її існування було перервано нашестям другої хвилі протоскифів, яке мало місце на початку VII ст. до н. е.

Походження перша хвилі представників протоскіфської культури може бути пов'язане, на наш погляд, з пам'ятками типу кургану Аржан і пам'ятками бегази-дандибаєвської культури Центрального Казахстану, а другий — із старожитностями, найкраще репрезентованими курганом Аржан 2 в Туві.

Ключові слова: кіммерійська культура, скіфська культура, східний імпульс, курган Аржан, курган Аржан 2.

V. Yu. Murzin

THE CIMMERIANS EUROPEAN AND THE CIMMERIANS ASIAN

For a long time Kimmerian problem remained far from a solution, because, despite numerous attempts to link data of written sources with a specific archaeological material was not possible.

The decisive breakthrough in this respect was the monograph of A.I. Terenozhkina «Kimmeritsy».

Academic dated culture of historical Kimmerians 10 — early 7 cent. BC, sharing it into two consecutive chronological stages — chernogorovsky and novocherkassky.

Undoubtedly in shaping of the chernogorovsky complex played a role quite powerful impulse from the east which we attribute to the first wave of representatives of protoskifsky culture. Gradually on its basis was formed the novocherkassk culture which has been isolated from the outside world.

Its existence was interrupted by the invasion of the second wave of proto-Scythians that took place at the beginning of 7 century BC.

The origins of the first wave of representatives of protoskifsky culture should be linked, in our view, with representatives of begazy-dandybaevsky culture of Central Kazakhstan, and the second — with the antiquities, the shape of which is determined by Arzhan 2 in Tuva.

Keywords: Alexey Ivanovich Terenozhkin, Varvara Andreevna Ilinskaya, the Scythians, the expedition.

Одержано 28.02.2017

О. В. Брель

ДАВНЬОСЛОВ'ЯНСЬКІ ПАМ'ЯТКИ ЧИГИРИНЩИНИ В АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ О.І.ТЕРЕНОЖКІНА

У статті йдеться про внесок О.І. Тереножкіна у археологічні дослідження ранньослов'янських пам'яток Чигиринщини.

Ключові слова: О.І. Тереножкін, ранньослов'янські пам'ятки, Суботівське зарубинецьке поселення і могильник, пенківська культура.

У науковому середовищі Олексій Іванович Тереножкін більше відомий як видатний скіфолог; ним створена концепція розвитку культур раннього залізного віку в Україні; йому належить основна заслуга в розробці періодизації, хронології, культурно-етнічної трактовки пізніх передскіфських пам'яток степового Півдня України [Нераденко, 2012, с. 271]. Його археологічні розкопки і розвідки дали матеріали для вивчення різночасових пам'яток і культур.

О.І. Тереножкін зробив значний вклад у вивчення археологічних пам'яток Чигиринщини. Можна з упевненістю сказати, що саме завдяки самовідданій праці цього вченого тут було виявлено кілька пам'яток доби неоліту, міді-бронзи, цілу низку пам'яток чорноліської культури, досліджено пам'ятки скіфської епохи, слов'янські поселення, зафіксовано та обстежено ряд курганів. Його роботи стали базою для подальших археологічних досліджень.

Безсумнівно, заслугове уваги внесок Олексія Івановича у вивчення давньослов'янських пам'яток Чигиринського р-ну.

Восени 1950 р. Олексій Іванович здійснив розвідку вздовж р. Тясмин від Ново-Георгієвська (нині околиця Світловодська, під водами Кременчуцького водосховища) до Сміли, яка дала вражаючі результати. Над деякими виявленими в той час пам'ятками вчені працюють

дотепер. Ось як про цю розвідку писав сам вчений у автобіографії: «Глибокою осенню 1950 г. ... я совершил двухнедельную разведку в свое отпускное время... Разведка была пешеходная по берегам р. Тясмин в Новогеоргиевском, Чигиринском и Смелянском районах Черкасской области» [Из жизни ..., 2006, с. 103]. Під час цієї розвідки серед різночасових пам'яток Олексій Іванович виявив і два ранньослов'янські поселення: одне поселення «полів поховань» і інше — VIII—IX ст.

Поселення «полів поховань» черняхівського типу в долині р. Калинівка, що впадає в р. Тясмин нижче с. Медведівка, займало велику площу по обох берегах річки. Збір на поверхні дав рядові фрагменти кераміки черняхівського типу [Тереножкин, 1952, с. 82]. У щоденнику Олексій Іванович відмітив: «... по береговому склону в большом количестве встречаются мелкие обломки глиняной посуды типа «полей погребений». Характерны серые донца сосудов с кольцевым поддоном, имеющие шероховатую поверхность. Есть немного лощеных черных черепков. Встречаются обломки красных амфор» [Тереножкин, 1950/25, с. 60]. Це поселення було обстежено Т.М. Нераденко у 1987 р. в ході підготовки «Зводу пам'яток історії та культури» по Черкаській області [Нераденко, 1988/1, с. 45].

Слов'янське поселення (VIII—IX ст.), виявлене у 1950 р., займає верхній кінець Великого острова, що знаходиться біля с. Суботова Чигиринського р-ну (навпроти кутка Раківка). Тут по ріллі неширокою смугою (30—40 м), протяжністю 750 м зустрічались у невеликій кількості фрагменти глиняного посуду, кістки тварин, купки обпалених гранітних каменів і глиняної обмазки від вогнищ. Посуд — грубий, ліпний.

В одних випадках зроблений із глини зі значною домішкою гранітної жорстви, в інших — із чистої глини, але поверхня всіх посудин шершава, нерівна [Тереножкин, 1952, с. 82]. Горщики були з відігнутих назовні вінцем, стінки товсті. Вінця прикрашені пальцевими вдавленнями. По плічках інколи нанесені одним або двома зубцями хвилясті лінії [Тереножкин, 1952, с. 83; рис. 24, 10—12]. Знайдено було уламок товстостінної низької сковорідки, а також овальну намистину зі скляної пасти [Тереножкин, 1952, с. 85; рис. 25, 2, 3]. Поселення такого типу відомі, наприклад, поблизу с. Райки Бердичівського р-ну Житомирської обл. і біля Львова, датуються не пізніше VIII ст. н. е. [Тереножкин, 1952, с. 82, 84]. Ця пам'ятка була обстежена Т.М. Нераденко у 1987 р. Дослідниця відмітила, що не дивлячись на незначну кількість підйомного матеріалу, ймовірно, під ріллею і дотепер збереглися залишки поселення [Нераденко, 1988/1, с. 7, 8]. Дане поселення було занесене до переліку нововиявлених пам'яток археології Черкаської обл. під № 916 [Нераденко, 2012, с. 119].

У 1951 р. Інститут археології АН УРСР організував розкопки під керівництвом О.І. Тереножкіна на Суботівському чорноліському городищі, які продовжились у 1955 р. Під час цих розкопок виявлено і досліджено поселення і могильник рубежу нашої ери, які вперше потрапили в поле зору археологів у 1911 р. завдяки випадково виявленому похованню [Максимов, 1960, с. 29]. Ранньослов'янські знахідки 1951 р. сприяли організації невеликих розкопок, проведених у 1953 р. І.М. Самойловським. В результаті було досліджено 4 поховання (трупопалення) в урочищі Чапалівка неподалік від поселення. І хоча матеріальний комплекс був небагатий, але дозволив датувати пам'ятку пізнім корчуватським часом, включаючи I ст. н. е. [Самойловський, 1960, с. 93—95]. Деякі знахідки (зокрема, металеві вироби), виявлені експедицією О.І. Тереножкіна у 1951 р., були опубліковані Є.В. Махно [Махно, 1955, с. 96]. У 1955 р. дослідження Суботівського чорноліського городища було продовжено експедицією О.І. Тереножкіна. В тому числі досліджувались і ранньослов'янські пам'ятки. Результати археологічних розкопок ранньослов'янського поселення і могильників були опубліковані Є.В. Максимовим. На поселенні була виявлена одна землянка і дві ями. Досліджувалась лише південно-західна частина землянки. Серед підйомного матеріалу — фрагменти ліпної кераміки місцевого виробництва; гончарний посуд представлений уламками амфор, червонолакового та сіроглиняного посуду. Знайдено металеві вироби: два ножі, два серпа, риболовний гачок, два шила, голка, цвях. Знахідки великих шматків залізного шлаку та фрагмент глиняного сопла, виявлений біля землянки, свідчать про місцеве виробництво залізних ви-

робів. За 1951 і 1955 рр. експедицією О.І. Тереножкіна досліджено було також могильник в урочищі Чапалівка, розкопано три поховання (трупопалення). Урнами слугували глек із ручкою, невеликий горщик з трьома підковоподібними наліпками, накритий коричневою мискою (нині ці речі експонуються у Чигиринському археологічному музеї), та ліпний горщик з високою шийкою. Якість посуду з двох перших поховань говорить про те, що виготовлені вони були, ймовірно, на повільному гончарному крузі [Максимов, 1960, с. 30—41; рис. 7].

Матеріали розкопок 1951 і 1955 рр. мали велике значення для розширення знань про культуру зарубинецького типу, їх економічні, культурні, торговельні зв'язки; матеріальну культуру [Максимов, 1960, с. 38—42].

У 1971 р. на території Суботівського чорноліського городища працювала Скіфська середньодніпровська експедиція під керівництвом О.І. Тереножкіна і В.А. Іллінської. Крім чорноліських знахідок, в порушеному оранкою шарі зустрічались фрагменти ліпної та амфороно кераміки зарубинецького часу. Найчастішими знахідками, що відносились до рубежу нашої ери, були уламки елліністичних амфор, у тому числі косських двоствольних ручок. Кераміка місцевого виробництва зустрічалась значно рідше. Такий матеріал був рівномірно розсіяний у невеликій кількості по всіх ділянках розкопів VIII і IX і стратиграфічно невіддільний від чорноліських матеріалів [Тереножкин, 1971/12, с. 31].

Суботівське поселення зарубинецького часу взято на державний облік під № 1503 [Нераденко, 2012, с. 126].

У зв'язку з планами побудови Кременчуцької ГЕС, в результаті чого мало бути затоплено велику територію долини Дніпра, багату стародавніми археологічними пам'ятками, постало завдання обстежити значну кількість таких об'єктів. З цією метою Інститутом археології АН УРСР у 1956 р. було організовано, поряд з іншими дослідженнями в зоні будівництва Кременчуцької ГЕС, комплексну експедицію, яка провела дослідницькі роботи на ділянці правого берега Дніпра між містами Чигирин і Ново-Георгіївськ. Очолив експедицію О.І. Тереножкін [Тереножкин, 1959, с. 3]. Роботи експедиції проводились кількома загонами і групами. Найбільш цікавими та порівняно добре збереженими пам'ятками, виявленими в долині р. Тясмин під час роботи цієї експедиції, були слов'янські поселення, що відносяться до часу, який передував утворенню давньоруської держави. Так, загonom під керівництвом В.М. Даниленка, який працював в районі сіл Новоселиця і Адамівка Чигиринського району, було виявлено ранньослов'янську напівземлянку VI—VII ст. на території урочища Молюхів Бугор біля Новоселиці, а також досить велике

черняхівське поселення, що займало значну ділянку в Адамівці [Даниленко, 1959, с. 21]. Безсумнівно поселення потребувало детального археологічного вивчення, що, на жаль, не вдалося зробити.

Загоном під керівництвом Є.В. Максимова та Є.О. Петровської, який працював біля с. Велика Андрусівка Ново-Георгієвського району, було виявлено сліди давньослов'янських поселень в урочищах Чаплин і Камінувате. Так, у Камінуватому спостерігались скупчення гранітних каменів — сліди зруйнованих печей-кам'янок, а відповідно й жител. Серед підйомного матеріалу в обох урочищах: фрагменти ліпного посуду, що датується третьою чвертю I тис. н. е., амфорний матеріал ранньосередньовічного часу, невеликий слабо вигнутий залізний серп з петельчастою ручкою [Максимов, 1959, с. 24]. Як зазначають дослідники, ці поселення цікаві тим, що вони є ланками низки числених поселень, що існували у VI—VIII ст. н. е. на островах болотистої заплави Тясмина [Максимов, 1959, с. 29].

Загоном Є.Ф. Покровської і Г.Т. Ковпаненко були проведені розкопки на слов'янському поселенні біля с. Стецівка Чигиринського району і відкрито 9 жител-землянок [Тереножкін, 1959, с. 5]. Усі житла були досить бідні щодо матеріальних знахідок. Серед підйомного матеріалу в основному фрагменти ліпної кераміки, кілька фрагментів кружального посуду, глиняні прясельця, уламки точильних брусків. У чотирьох землянках знайдено кам'яні жорна з гладкою робочою поверхнею і напівкруглою грубо оббитою верхньою площиною. В одному із жител поряд з вогнищем знайдено повне жорно з двох каменів, верхнього і нижнього. Металеві предмети зустрічались досить рідко. Вони представлені двома уламками ножів і залізними стрижнями, лезами залізних ножиць. Під час розкопок виявлено було також одну цілу і одну фрагментовану посудини, а також розвал грубого ліпного горщика [Покровская, 1959, с. 33; рис. 3—5]. Зараз ці речі представлені в експозиції Чигиринського археологічного музею. Поселення, виявлене загоном Є.Ф. Покровської і Г.Т. Ковпаненко, становило великий інтерес в плані вивчення культури стародавніх слов'ян на Середньому Подніпров'ї. Тому в подальшому воно досліджувалося В.П. Петровим у 1957 р., а в 1958 р. — В.П. Петровим і Н.М. Кравченко. Обстеження місцевості біля с. Стецівка дозволило встановити наявність тут двох поселень. Одне з них, поселення третьої чверті I тисячоліття, виявлене на північ від

села, на останці в заплаві Тясмина (досліджувалось загоном Є.Ф. Покровської і Г.Т. Ковпаненко); інше — черняхівського часу — виявлене на протилежній стороні села. Дослідження біля Стецівки дали змогу твердити, що ці поселення являють собою проміжну ланку розвитку в період між черняхівським часом і добою Київської Русі [Петров, 1963, с. 210, 233].

Групою Д.Т. Березовця у 1956 р. було проведено поглиблену розвідку з розкопками на слов'янських поселеннях поблизу с. Пеньківка в урочищах Молочарня, Луг і Макарів Острів [Тереножкін, 1959, с. 5]. Розкопки на цих поселеннях проводились до 1959 р. і дали вражаючі результати. В загальному було відкрито більше 50 жител, зібрано великий комплекс ліпної кераміки місцевого виробництва, фрагментів гончарного привозного посуду, технічної кераміки, кістяних та металевих знарядь праці, в тому числі унікальний скарб з 19 виробів. Було з'ясовано, що всі поселення відносяться приблизно до VI — початку IX ст. Результати розкопок дозволили виділити окрему культуру — пеньківську, і співвіднести її зі східнослов'янськими племенами уличів. На думку Д.Т. Березовця, саме на теренах цієї культури зародились майже всі елементи високої культури Київської Русі [Березовец, 1959, с. 37; 1963, с. 148—187, 208].

Археологічні роботи на території, що підлягала затопленню в результаті будівництва Кременчуцької ГЕС, виконані комплексною експедицією ІА АН УРСР у 1956 р., носили характер поглибленої розвідки. У їх світлі почало складатись уявлення щодо складу і основних особливостей стародавніх пам'яток на території Дніпровського Правобережжя між Чигирином і Ново-Георгієвськом, що на той час була майже не вивченою в археологічному відношенні. Одним із найважливіших результатів експедиції стало відкриття раніше невідомого в науці великого району давньослов'янських поселень, що передували часу утворення Київської держави [Тереножкін, 1959, с. 12]. Дослідження поселень біля с. Пеньківка дозволило виділити культуру, яка отримала назву пеньківської.

Таким чином, хоча сам Олексій Іванович Тереножкін в основному займався вивченням пам'яток чорноліської та скіфської доби, але його археологічні розвідки та розкопки виявили і значну кількість ранньослов'янських об'єктів. Ці пам'ятки в подальшому досліджувались іншими вченими. Результатом стало введення в науковий обіг слов'янських поселень, могильників і цілих культур.

- Березовец Д.Т.* Славянские поселения в устье Тясмина // КСИА. — 1959. — Вып. 8. — С. 37—45.
- Березовец Д.Т.* Поселения улицей на р. Тясмине // МИА. — 1963. — № 108. — С. 145—208.
- Даниленко В.Н.* Археологические исследования 1956 года в Чигиринском районе // КСИА. — 1959. — Вып. 8. — С. 13—21.
- Из жизни* Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). — К., 2006. — 112 с.
- Максимов Е.В.* Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове // КСИА. — 1960. — Вып. 9. — С. 29—42.
- Максимов Е.В., Петровская Е.А.* Археологические памятники в окрестностях с. Большой Андрусовки на Тясмине // КСИА. — 1959. — Вып. 8. — С. 22—29.
- Махно Е.В.* Раннеславянские (зарубинецко-корчеватские) памятники в Среднем Поднепровье // СА. — Вып. XXIII. — С. 81—100.
- Нераденко Т.Н.* Отчет по итогам обследования памятников археологии Чигиринского района Черкасской области / НА НКЗ «Чигирин». — 1988/1.
- Нераденко Т.М.* Археологія Чигиринщини. — Черкаси, 2012. — 506 с.
- Петров В.П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. // МИА. — 1963. — № 108. — С. 209—233.
- Покровская Е.Ф., Ковпаненко Г.Т.* Раскопки около сел Калантаева и Стецовки на Тясмине в 1956 году // КСИА. — 1959. — Вып. 8. — С. 30—36.
- Самойловский И.М.* Суботовский могильник // КСИА. — 1960. — Вып. 9. — С. 93—95.
- Тереножкин А.И.* Дневник / НА ІА НАН України. — 1950/25.
- Тереножкин А.И.* Поселения и городища в бассейне реки Тясмина // КСИИМК. — 1952. — Вып. XLIII. — С. 80—98.
- Тереножкин А.И.* Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году // КСИА. — 1959. — Вып. 8. — С. 3—12.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А.* Отчет скифской среднеднепровской экспедиции 1971 г. в Черкасской области / НА ІА НАН України. — 1971/12.

О.В. Брель

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧИГИРИНЩИНЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ А.И. ТЕРЕНОЖКИНА

Среди археологических памятников, обнаруженных и исследованных А.И. Тереножкиным, есть значительное количество объектов раннеславянского и славянского периодов.

В результате археологической разведки осенью 1950 г. А.И. Тереножкин зафиксировал два славянских поселения: одно — поселение «полей погребений» черняховского типа вблизи с. Медведовка и другое — славянское VIII—IX вв. вблизи с. Суботов. Оба поселения были обследованы Т.Н. Нераденко в 1987 г. в ходе подготовки «Свода памятников истории и культуры» по Черкасской области.

В 1951 г. во время раскопок под руководством А.И. Тереножкина на Суботовском чернолесском городище было зафиксировано зарубинецкое поселение и два могильника неподалеку. В 1953 г. один из могильников был исследован И.М. Самойловским. В 1955 г. на поселении были продолжены раскопки

под руководством А.И. Тереножкина. Материалы раскопок были тщательно изучены и опубликованы Е.В. Максимовым. Раскопки, которые в 1971 г. проводил на Суботовском чернолесском городище Алексей Иванович, также дали значительный материал зарубинецкого времени.

В 1956 г. Институтом археологии АН УССР была организована комплексная экспедиция под руководством А.И. Тереножкина в зоне строительства Кременчугской ГЭС. Исследования проводились на участке правого берега Днепра между Чигирином и Ново-Георгиевском. В результате экспедиции были обнаружены и частично исследованы ряд славянских поселений. Изучение поселений вблизи с. Пеньковки (сейчас затоплено) позволило выделить культуру, которая получила название пеньковской.

Ключевые слова: А.И.Тереножкин, раннеславянские памятники, Суботовское зарубинецкое поселение и могильник, пеньковская культура.

O. V. Brel

THE ANCIENT SLAVONIC MONUMENTS OF THE CHYHYRYN REGION IN THE ARCHEOLOGICAL RESEARCHES OF A.I. TERENOZHKIN

Among the archaeological monuments that are detected and explored by A.I. Terenozhkin in Chyhyryn region is a significant number of monuments early Slavic and Slavic periods.

During the exploration in autumn 1950 A.I. Terenozhkin fixed two old Slavic settlements: one settlement «burial fields» of Chernyakhiv type near the village Medvedivka and another — Slavic 8—9 century near the village Subotiv. Both settlements were surveyed by T.N. Neradenko in 1987 in preparation for the «The directory of historical and cultural monuments» in Cherkassy region.

In 1951 during excavations under the direction of A.I. Terenozhkin at Subotiv Chornyi Lis hillfort (south-western) was fixed Zarubinty settlement and two burial grounds nearby. In 1953 I.M. Samoylovskyy explored the one of the burial ground. In 1955 in the settlement continued the archaeological excavations under the direction of A.I. Terenozhkin. The materials of the excavations in 1959 have been thoroughly studied and published by E.V. Maksymov. The excavations, conducted in the territory Subotiv Chornyi Lis hillfort in 1971, also gave the significant material of Zarubinty time.

In 1956 the Institute of Archaeology of the AS USSR conducted a comprehensive expedition led by A.I. Terenozhkin in Kremenchuk HES construction zone. Was studied a part of the right bank of the Dnieper between cities Chyhyryn and Novo-Georgiyivsk. The result was the discovery and partial study of several Slavic settlements. Research of settlements near the village Penkivka (now flooded) helped to distinguish culture, known as Penkivska.

Keywords: A.I. Terenozhkin, Ancient Slavonic monuments, Subotiv Zarubinty settlement and burial ground, Penkivka culture.

Одержано 13.03.2017

В.В. Отрощенко

ОСТАННЯ СТАТТЯ ОЛЕКСІЯ ІВАНОВИЧА ТЕРЕНОЖКІНА

Статтю присвячено актуальній проблемі класифікації, типології та хронології клепанних казанів до якої періодично повертався О.І. Тереножкін. Він довів, що такі казани виготовлялися за доби пізньої бронзи, позначив їх періодизацію та вилучив ці артефакти з контексту киммерійської археології. Його концепція лишається актуальною й опинилася нині в центрі дискусії, напружуючи старих і нових опонентів.

Ключові слова: Тереножкін, Бочкарьов, Демиденко, клепані бронзові казани, доба пізньої бронзи, «киммерійський» казус.

Драматичні події останніх місяців життя Олексія Івановича збіглися у мене зі завершенням підготовки до захисту кандидатської дисертації та важкою хворобою батька, що помер за тиждень до захисту. 13 травня автор цих рядків таки захистився, а за тиждень по тому не стало й мого наукового керівника. Наша остання зустріч у його оселі мала місце 9 квітня 1981 року й почалася з обміну текстами. З мого боку це був щойно надрукований автореферат, а вчитель одарив дисертанта каталогом «Die Hallstattkultur. Früform europäischer Einheit» зі своєю статтею «Die Kimmerier und ihre Kultur» [Terenožkin, 1980]. Зважаючи на меморіальний характер конференції наводжу текст автографа Олексія Івановича: «Счастлив подарить свою статью в этом каталоге дорогому, милому Отрощенко Виталию Васильевичу в день, когда он дал мне свой автореферат диссертации. А. Тереножкин 9 апреля 1981 г.». Далі ми обговорили технічні аспекти майбутнього захисту. Між іншим, Олексій Іванович заговорив про поганий стан здоров'я й втрату інтересу навіть до археології. Ну, тут він мабуть дещо перебіль-

шив, позаяк за кілька хвилин згадав про статтю «Ягорльський котел», надіслану до Москви. Свідомий важливості цього тексту його автор хотів бачити своє дітище в друкованому форматі. Не склалось.

Названа стаття вийшла наступного року й досі не втратила актуальності [Тереножкін, 1982]. Вона відрізняється чіткістю викладу та бачення діб пізньої та фінальної бронзи, киммерійського та ранньоскіфського періодів, ставши дороговказом для дослідників проблеми клепанних казанів. Проте, її видали під рубрикою «Заметки» й дослідники, загалом, користувались нею як публікацією яскравого артефакту. Його ж зауваження щодо датування та ймовірної культурної належності клепанних казанів практично ігноруються чи ставляться під сумнів дослідниками нового тисячоліття.

Роль Олексія Івановича у вивченні клепанних казанів стане виразнішою на тлі стислого огляду історії вивчення проблеми. Відправним у їх вивченні став 1928 р., коли відповідні публікації з'явилися у Варшаві [Antoniewicz, 1928, tab. XXX] та Москві [Городцов, 1928, с. 246—259; Гольмстен, 1929, с. 133, рис. 46]. Тоді В. Городцов у статті «К вопросу о киммерийской культуре» долучив до неї групу артефактів доби пізньої бронзи. Був серед них і казан на конічному піддоні, знайдений на межі Таврійської та Херсонської губерній, який дослідник вперше порівняв з ліпними горщиками [Городцов, 1928, с. 56, рис. 8]. Так прикметник «киммерійський» приклеївся до цього типу металевого посуду. Невдовзі М. Макаренко примножив коло клепанних казанів за рахунок випадкових знахідок з с. Михайлівка на Херсонщині та Таращі в Надроссі, розглядаючи їх у контексті контактів між Скіфією та Галь-

штатом. Він же порівняв казан з Михайлівки з конкретним типом керамічного посуду: «... la forme d'un vase ukrainien nommé "makitra"» [Makarenko, 1930]. Серію керамічних «макітр» нещодавно виявлено в будівлі 2 (виробничого призначення) на поселенні рудокопів та ливарників Червоне Озеро 3 біля гірничих виробіток Картамиша (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл.). У них, зокрема, здійснювали збагачення водою видобутої мідної руди, що засвідчує зцементований рудний концентрат на дні однієї з макітр [Бровендер та ін., 2010, с. 98—99, рис. 9, 8, 11, 13].

Етапною стала розробка теми казанів у монографії О. Кривцової-Гракової, де їхнє місце було окреслене в системі пам'яток пізньої бронзи та зрубної культури. Дослідниця оперувала вже 5 артефактами й, розвиваючи ідеї В. Городцова та М. Макаренка, аргументувала морфологічну схожість між клепаками казанами та кубками на конічному піддоні зрубної культури. Поза тим, вона відзначила зв'язок між стрічковою технологією формовки великих посудин зрубної культури та виготовленням кованих казанів зі стрічок (штаб) металу. Проте, появу кубків на конічному піддоні та валиків на кераміці дослідниця вже вважала зворотнім впливом металевих посуду на керамічний [Кривцова-Гракова, 1955, с. 43—44, с. 133—135; рис. 10, 9, 10; 31, 1]. Показово, що О. Кривцова-Гракова не називала ці казани «кіммерійськими», пов'язуючи зрубну культуру з генезою скіфів.

Перу О.І. Тереножкіна належить перша узагальнююча праця щодо клепааних казанів, видана у Відні. Зважаючи на брак комплексних знахідок дослідник обмежився попередніми висновками щодо належності клепааних казанів до зрубної культури та встановив їхній вік «не ... моложе белозерской ступени» (XII—IX ст. до н. е.) [Terenožkin, 1962, S. 276]. Верхню хронологічну межу він обґрунтував тим, що в казані, знайденому на межі Таврійської та Херсонської губерній, окрім зливків металу, знайдені ще й кельти. Останні ж вийшли з ужитку в IX ст. до н. е. Таким висновком Олексій Іванович фактично опускав такі казани за межі кіммерійського періоду в добу пізньої бронзи. Але його аргументована думка так і не була почута. Чи не тому, що пролунала німецькою мовою та відчутно дисонувала з кіммерійським мейнстрімом в інтерпретації клепааних казанів з Надчорномор'я?

Новим поштовхом у цьому напрямку стала стаття Є. Крупнова «Кіммерійці на Северном Кавказе», де згадується клепааний казан, знайдений на р. Ешкакон [Крупнов, 1958, с. 191]. У заголовках публікацій наступних казанів з Північного Кавказу фігурують «кіммерійський час» [Мінаєва, 1969, с. 171] чи «кіммерійське поховання» [Нечитайло, 1975, с. 50]. Маківкою кіммерійського дискурсу щодо казанів

стала узагальнююча стаття В. Бочкарьова «Кіммерійські казани», де, всупереч висновкам О. Тереножкіна, клепаї казани були датовані VIII—VII ст. до н. е. [Бочкарьов, 1972, с. 66—68]. Традиція пізнього датування клепааних казанів йде не лише від В. Городцова, але й польських (В. Антоневич, Т. Вегржанович) та українських (М. Макаренко, Б. Шрамко) дослідників. За ними пішов В. Бочкарьов, знаючи вже про відкриття А. Нечитайло. Дослідник розділив казани на «тюльпаноподібні», «горшкородібні», круглоденні з уступчастим горлом, «яйцеподібні», ігноруючи форму денеч, за винятком третьої групи [Бочкарьов, 1972, с. 65, рис. 2]. Показово, що назви всіх груп асоціюються з конкретними формами ліпної кераміки доби бронзи.

Олексій Іванович у монографії «Кіммерійці» різко відреагував на спробу В. Бочкарьова занурити клепаї казани в кіммерійську добу, опустивши час появи їх у середину II тис. до н. е. на підставі знахідки такої посудини в п. 2 кург. 4 біля ст. Суворовської на Ставропіллі [Нечитайло, 1975, с. 51—54; рис. 2—5; Тереножкін, 1976, с. 163—164]. Жодного клепааного казана в «Кіммерійцах» немає. Для останньої відповіді опонентам О. Тереножкін використав знахідку клепааного казана неподалік від Ягорлицького поселення ремісників на Херсонському узбережжі Чорного моря. Автор зазначає, що коли в культурній атрибуції клепааних казанів дослідники одностайні, пов'язуючи їх з ареалом зрубної культури, то в питаннях датування та походження їх лишаються істотні розбіжності. Він послідовно підтримував точку зору О. Кривцової-Гракової щодо місцевої (зрубної) генези таких казанів, спростувавши аргументи польського колеги В. Антоневича щодо походження їх від італійських та гальштатських клепааних посудин IX—VIII ст. до н. е. [Тереножкін, 1982, с. 220]. При цьому О. Тереножкін наголошує на глибшому віці надчорноморських казанів, що автоматично знімає можливість західних запозичень у технології їхнього виготовлення.

Принципово обстоюючи ранній вік клепааних казанів, Олексій Іванович зіткнувся з тандемом знаних фахівців металу доби пізньої бронзи в особі В. Бочкарьова та О. Лєскова, що склався на середину 1970-х рр. Шкода, що жертвами цього зіткнення стали, зрештою, казани. Через розбіжності у датуванні їх немає як у кіммерійській монографії О. Тереножкіна, так і в каталозі металу доби пізньої бронзи з Надчорномор'я, підготовленого опонентами [Leskov, 1981]. Відсутні вони й у докторській монографії видатного металознавця доби палеометалів Є. Черниха, присвяченій цьому ж регіону [Черных, 1976]. Остання стаття О. Тереножкіна окреслила вихід з цієї безглуздої ситуації.

Розв'язуючи проблему періодизації та датування клепааних казанів дослідник сперся на

«замечательный комплекс вещей» зі станиці Суворовської, згадуваний вище [Нечитайло, 1975, с. 50—58]. Аналіз супроводу дозволює йому підтвердити коректність аналогії речовому матеріалу, запропонованих А. Нечитайло, й наголосити на необхідності поглибити дату цього комплексу на 200 років, до середини II тис. до н. е. Відповідно він припустив, що плоскодонні банкуватого типу казани з Суворівської та Старомихайлівки є найстарішими для зрубної культури [Тереножкін, 1982, с. 220]. Паралельно О. Кузьміна вказала на аналогії клепанам казанам півдня Східної Європи в шахтових усипальницях кола «А» Мікен, датувавши їх кінцем другої чверті II тис. до н. е., тобто XVI ст. до н. е. [Кузьміна, 1978, с. 21—23].

Ця поправка змусила Олексія Івановича до наступного кроку — датуванню групи казанів, виготовлених у комбінованій техніці клепання та литва (Лапас у Астраханській обл., Дикий Сад у Миколаєві та Ягорлицький) до сабатинівської сходинки зрубної культури [Тереножкін, 1982, с. 222—223]. Полемізуючи з В. Бочкарьовим та О. Лесковим, а останній відносив названі казани «к самому кінцю білозерського етапа» (IX—VIII ст. до н. е.) [Лесков, 1975, с. 40—41], О. Тереножкін заперечив можливість виготовлення їх не лише за кіммерійської доби, але на білозерській сходинці зрубної культури (XII—X ст. до н. е.). Він справедливо зауважує, що виготовлення таких масивних виробів як казани в умовах гострої нестачі сировини за доби фінальної бронзи навряд чи було можливим [Тереножкін, 1982, с. 223].

Такими спостереженнями та висновками Олексій Іванович блискуче пов'язав феномен клепанних казанів з піковим періодом металовиробництва за доби пізньої бронзи, аж на 300 років віддаленим від історичної доби в Надчорномор'ї, пов'язаної з кіммерійцями. Відтоді стало геть незручно називати ці казани кіммерійськими. Реакцію на цю статтю не можна вважати жвавою. Відгукнувся хіба-що автор у розділі «Білозерська культура» з відомої колективної монографії, де розвинув тезу О. Тереножкіна щодо малої ймовірності виготовлення клепанних населенням згаданої культури [Березанская и др., 1986, с. 141]. Автори цієї книги практично демонтували зрубну культуру О. Кривцової-Гракової, обґрунтовано виокремивши з її «тіла» багатоваликової кераміки, сабатинівську та білозерську культури. Проте в характеристиці культур доби пізньої бронзи (зрубна, сабатинівська) знову не знайшлося місця для таких шедеврів ковальської справи як клепані казани. Схоже, що науковий загал чекав нових закритих комплексів з казанами й, зрештою, дочекався.

1989 р. А. Плахов дослідив п. 16 на ґрунтовому цвинтарі Комсомольське в Харабалінському р-ні Астраханської обл. РФ, де в комплексі

з лобойківським металом (ніж-кинджал з наміченим упором, бритва з плоским ребристим упором) стояв бронзовий клепанний казан на конічному піддоні. В. Бочкарьов люб'язно познайомив автора з цим комплексом ще до публікації його в Берліні [Boroffka, Sava, 1998, S. 74, Abb. 47, 1—9]. Відкриття в Комсомольському підтвердило періодизацію кованих казанів, запропоновану О. Тереножкіним і спонукало до групування клепаного посуду доби пізньої бронзи на плоско-, конічно- та круглодонний [Отрощенко, 1997, с. 16—17]. Перші дві групи спираються на реперні поховання — Суворовське та Комсомольське, відповідно. Понад те, звернено увагу на широтне розташування казанів на піддоні двома ланцюжками на мапі — лісостеповим (від Волині до Башкортостану) та степовим, надморським (від Дністра до Волги). Зважаючи на розрив північного (лісостепового) ланцюга поміж Дніпром та Волгою автор припустив появу в ньому казанів другої групи з часом [Отрощенко, 1997, с. 16]. Знахідки під Лубнами на Сулі (Полтавщина) та в Борисоглібську на Хопрі (Вороніжщина) за якихось 20 років матеріалізували таке припущення [Клочко, 2007, с. 31, рис. 1]. Харківські тези були розгорнуті в статті [Отрощенко, Тупчієнко, 2005, с. 176—184, рис. 9]. На той час увага до клепанних казанів поживавилася у зв'язку з наступними комплексними відкриттями, зокрема в Казахстані [Куш и др., 2016, с. 208, рис. 5, 1—7]. Нарешті виявлено клепанний казан (біметалевий зі залізним вінцем) у похованні новочеркаського типу з кіммерійською стелою на Бельмак-Могилі в Надазов'ї [Самар, Антонов, 1996, с. 63—67, рис. 41, 2, 3]. Проте він технологічно та морфологічно відмінний від усіх казанів доби бронзи, будучи схожим на велику пательню.

Наступна класифікація казанів, запропонована С. Демиденком, теж базується на таких ознаках, як наявність чи відсутність піддону, але вже в поєднанні з формою корпусу. Її створено за методикою, розробленою для савромато-сарматських казанів VI—III ст. до н. е., й вона включає: 1) тип — який визначається поєднанням ознак, що описують форму корпусу й піддона; 2) варіант — поєднанням ознак, що описують форми корпусу й форми ручок; 3) підваріант — наявність орнаменту [Демиденко, 2005, с. 95—100]. Дослідник розділив клепані казани на 6 типів, датуючи їх від кінця XVI — до початку VII ст. до н. е., тоді як О. Тереножкін не виводить цей процес за межі чотирьох віків (XV—XII ст. до н. е.).

Важливо, що С. Демиденко бачить у плоскодонних казанах (Суворовський, Старомихайлівка) копії мікенських кратерів датуючи їх кінцем XVI—XIV ст. до н. е. [Демиденко, 2005, с. 102]. Тому вони зараховані до найбільш ранніх (тип I). Середню позицію у класифікації зайняли казани Домашка (тип II) та Антоніни,

ОАМ, Поділля і Тараща (тип III). До найпізніших відносить посудини IV—VI типів, які він вважає скопійованими з литих екземплярів VIII — початку VII ст. до н. е. (IV тип — Лапас; V тип — Іванівський, Дикий Сад, Ягорлицький і, можливо, Булгар). Казан із Новопавлівки, що без піддону, зарахований до останнього VI типу [Демиденко, 2005, с. 95—102, рис. 2, 3, 6, 7].

Загалом, щодо запропонованої класифікації С. Демиденка можна сказати, що вона не містить заявленої повної технологічної інформації, так само як і в розробках попередників. Будучи фахівцем з археології раннього залізного віку, він не вельми орієнтується в реаліях епох пізньої та фінальної бронзи. Поза його увагою лишився комплекс з Комсомольського, на той час виданий у Берліні та перевиданий у Києві й датований XIV—XIII ст. до н. е. [Отрощенко, 2001, с. 161—162, 279, мал. 33, 1—9]. С. Демиденко датує казани з конічним піддоном VIII — початком VII ст. до н. е., посилаючись на ранню статтю В. Бочкарьова та з певністю, що вони копіюють перші зразки литих казанів скіфо-савроматської доби. Продуктування клепа-них казанів у нього займає мало не 1000 років (кінець XVI — початок VII ст. до н. е.) [Демиденко, 2005, с. 102].

Грунтовнішою є друга класифікація казанів В. Бочкарьова, побудована на урахуванні 18 ознак, що дозволяють сформувати три групи [Бочкарев, 2010, с. 188—195; рис. 5]. Її вадою, що практично нівелює переваги витонченої типології, є ігнорування хронологічних напрацювань попередників (О. Тереножкін, В. Отрощенко, С. Демиденко), які обґрунтували ранню хронологічну позицію плоскодонних казанів щодо ємностей з конічним піддоном. Для цього В. Бочкарьов пропонує підтягти Суворовський комплекс до Комсомольського, що входить до Лобойківсько-Дербеденівської зони металообробки, й синхронізувати різночасові клепані казани [Бочкарев, 2010, с. 195—207]. Але ж ці комплекси роз'єднують у часі різні традиції металообробки (північнокавказька проти лобойківської) та хімічний склад металу (миш'якові бронзи проти олов'яних). Вироби з Суворовської за формами знарядь праці та присутністю миш'яку в сплаві тяжіють ще до перехідного періоду від середньої до пізньої бронзи, часу формування бережнівсько-маївської зрубної культури (БМЗК), а вироби з Комсомольського репрезентують заключний період названої культури — переддень переходу до періоду фінальної бронзи з численними аналогіями в сабатинівській культурі, що засвідчують матеріали зі Степового (розкопки І. Шарафутдінової). До того ж, археологи Слобожанщини зробили важливе стратегічне спостереження: поховання на ґрунтовому цвинтарі Червоний Шлях, віднесені до другого періоду БМЗК, прорізували культурний шар першого періоду цієї культури до якого можна відносити поховання з ка-

заном з Суворовської [Буйнов, Дегтярь, 2005, с. 110].

О. Тереножкін послідовно обстоював ранній вік плоскодонних кованих казанів, вказуючи, зокрема, на бронзовий ніж з Суворовської, «свойственный по форме ножам катакомбной культуры», сейминсько-турбінську аналогію чаші та зіставляючи суворовське тесло з теслами Костромського скарбу [Тереножкін, 1982, с. 221]. В. Бочкарьов оголошує ранні аналогії ключовим речам з Суворовського комплексу, запропоновані А. Нечитайло та О. Тереножкіним, безперспективними, хоча й сам вказує на аналогії чаші з катакомбних та лолінських поховань, теслу — в Костромському скарбі, а стамесці — з тих-таки «безперспективних» сейминсько-турбінських комплексів [Бочкарев, 2010, с. 196, 200]. Аби хоч якось синхронізувати Суворовський та Комсомольський комплекси дослідник відкидає мікенські аналогії плоскодонним клепанам казанам як віддалені й начебто «чужі». Чи не тому, що Мікени (комплекси шахтових усипальниць кола «А») підтверджують датування О. Тереножкіна, а не В. Бочкарьова?

Загалом, дослідження С. Демиденка та В. Бочкарьова поєднує дещо зверхнє ставлення до текстів Олексія Івановича. Перший з них вважає, що останню статтю корифея української археології можна лише «оговорками» розглядати в качестве своеобразного итога по проблемам изучения «киммерийских» котлов». Втім, припускається «оговорок» сам критик, приписуючи корифеєві датування казанів від XV до X ст. до н. е., тоді як О. Тереножкін востаннє датував їх від середини II тис. до XII ст. до н. е. До того ж в посиланні на статтю чомусь фігурує «Тереножкін В.С.» [Демиденко, 2005, с. 94].

В. Бочкарьов якось обходить увагою періодизацію казанів, запроповану Олексієм Івановичем та його аргументи на користь того, що такі ємності не могли продукуватись у білозерській час. Публікуючи російській переклад першої своєї статті по казанам він не лише бере в лапки прикметник «киммерийський», але й самих киммерійців, що автору культової монографії «Киммерийці» навряд чи сподобалося б. Замість слова «Степ» у перекладі вже фігурують «южнорусские степи» [Бочкарев, 2010, с. 180—185].

У зіставленні згаданих реперних комплексів В. Бочкарьов нівелює аспект поховального ритуалу, вважаючи, що для доби пізньої бронзи він нібито й не є культурною ознакою, а тому зв'язок казанів зі зрубною культурою не такий вже й незаперечний [Бочкарев, 2010, с. 196]. Мушу зазначити, що Суворовське поховання відповідає параметрам раннього бережнівського горизонту поховань зрубної культури (прямокутна яма, середній стан зібраності небіжчика, лівий бік, східна орієнтація [Жачалова, 1978,

с. 72—73, рис. 1]. У Комсомольському маємо позицію на правому боці, орієнтацію на північний схід, за збереження форми ями. Останній ритуал показовий для поховань другого періоду БМЗК з керамічними кубками на піддонах, що могли бути взірцями при виготовленні клепанних казанів аналогічного силуету [Отрощенко, 2009, с. 161—162, 279, мал. 33, 1—9]. Такі поховання синхронізуються з комплексами розвиненої сабатинівської культури, на що й вказував О. Тереножкін в останній статті.

Наступний пункт незгоди з В. Бочкарьовим полягає в намаганні просунути час виготовлення казанів на конічному піддоні в білозерську культуру й час. Як переконливий аргумент на користь такого бачення дослідник наводить глиняну репліку казана банкуватої форми з вертикально поставленими ручками та позначеним валиком під вінцем з поселення білозерської культури Чобручі I в Республіці Молдова [Бочкарев, 2010, с. 207, рис. 8, 9]. Але ж автори публікації вказують на багаточисельність пам'яток, та наявність у розкопці помітної серії банкуватого посуду з високо поставленим валиком, чужої білозерській кераміці. Вони називають її «сабатинівською архаїкою» [Агульников, Чеботаренко, 1990, с. 95, рис. 1, 9; 2, 4, 6, 7, 10]. Присутність сабатинівської кераміки не дозволяє вважати Чобручі I чистим комплексом білозерської культури й доточувати до неї дійсно унікальну керамічну репліку казана. Досі клепані казани в контексті пам'яток білозерської культури не виявлені.

Гострота сучасної дискусії доводить, що стаття О. Тереножкіна «Ягорлицький котел» не втратила актуальності й понині. У цьому збірнику є стаття Т. Гошко, присвячена нюансам технології виготовлення Ягорлицького казана. Запропоновані ним періодизація та хронологія кованих казанів лишаються все ще актуальними та все ще напружують старих і нових опонентів. Розмаїті типології цих казанів звичайно ж мають право на життя, але їх варто обов'язково перевіряти стратиграфією та хронологією реперних комплексів, до чого й закликав Олексій Іванович.

Агульников С.М., Чеботаренко Г.Ф. Поселение белозерской культуры Чобручи // Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. — Кишинев, 1990. — С. 90—99.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердиченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986. — 166 с.

Бочкарьов В.С. Киммерийські казани // Археологія. — 1972. — Вип. 5. — С. 63—68.

Бочкарев В.С. О металлических котлах эпохи поздней Бронзы Восточной Европы // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. — СПб, 2010. — С. 185—209.

Бровендер Ю.М., Отрощенко В.В., Пряхін А.Д. Каргамиський комплекс гірничо-металургійних пам'яток бронзового віку в Центральному Донбасі // Археологія. — 2010. — № 2. — С. 87—101.

Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Грунтовый могильник позднего бронзового века Червоный Шлях-1 в бассейне Северского Донца // Вісн. ХНУ ім. В.Н. Каразіна. — Харків, 2005. — № 701: Історія. — Вип. 37. — С. 110—119.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Тр. секции археологи РАНИОН. — М., 1929. — IV. — С. 123—133.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археологи РАНИОН. — М., 1928. — II. — С. 46—60.

Демиденко С.В. К вопросу о происхождении клепаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. — М., 2005. — С. 93—103.

Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. — 1978. — № 3. — С. 69—79.

Клочко В. З археологічних матеріалів колекції «ПлаТар». Лубенський скарб // Пам'ятки України: історія та культура. — К., 2003. — Ч. 4. — С. 30—37.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. — 1955. — № 46. — 168 с.

Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. — 1958. — № 68. — С. 176—195.

Кузьмина Е.Е. Связи евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н. э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1978. — С. 21—23 (Науч. тр. КуйбГПИ. — Т. 231).

Куц Г., Джумабекова Г., Демиденко С., Базарбаева Г. Клад эпохи поздней бронзы с клепанным сосудом из Восточного Казахстана // Tyragetia. Archeologie. Istorie. Antică. — 2016. — Vol. X (XXV), nr. 1. — С. 201—210.

Лесков А.М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1975. — 72 с.

Минаева Т.М. Нова знахідка казана киммерийського часу // Археологія. — 1969. — Т. XX. — С. 171—173.

Нечитайло А.Л. Про одне з найдавніших киммерийських поховань // Археологія. — 1975. — Вип. 15. — С. 50—58.

Отрощенко В.В. До питання про класифікацію та культурну належність клепанних казанів // Проблеми історії та археології України: Тези доп. — Харків, 1997. — С. 16—17.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — К., 2001. — 290 с.

Отрощенко В.В. Найпізніші поховання бережнівсько-маївської зрубної культури // Проблеми гірничої археології: Матеріали VII міжнар. Каргамиського польового археол. семінару. — Алчевськ, 2009. — С. 114—126.

Отрощенко В.В., Тупчійко М.П., Бронзові клепані казани та Донецький гірничо-металургійний центр // Проблеми гірничої археології: Матеріали VII міжнар. Каргамиського польового археол. семінару. — Алчевськ, 2009. — С. 176—184.

Самар В.А., Антонов А.Л. Отчет об археологических исследованиях Восточной археологической экспедиции ЗОИОПИК в 1996 г. / НА ІА НАН України. — 1996/89.

Тереножкін А.И. Ягорлицький котел // СА. — 1982. — № 2. — С. 218—223.

Тереножкін А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 208 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. — М., 1976. — 302 с.

Antoniewicz W. Archeologia Polska. — Warszawa, 1928. — 344 s.

Boroffka N., Sava E. Zur den steinernen «Zeptern / Stossel-Zeptern», «Miniatursaulen» und «Phalii» der Bronzezeit Eurasiens // Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. — 1998. — Bd. 30. — S. 17—113.

Leskov A. Jüng- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet. 1: Prähistorische Bronzefunde. — München, 1981. — Abt. 20, Bd. 5. — 113 S.

Makarenko N. La civilisation des Scythes et Hallstatt // Eurasia septentrionalis Antiqua. — Helsinki, 1930. — V. — S. 22—48.

Terenožkin A.I. Der Bronzekessel des Odessaer Museums // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft. — 1962. — Bd. XCII. — S. 272—277.

Terenožkin A.I. Die Kimmerier und ihre Kultur // Die Hallstattkultur. Frühform europäischer Einheit. — Steyr, 1980. — S. 20—29.

В.В. Отрощенко

ПОСЛЕДНЯЯ СТАТЬЯ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ТЕРЕНОЖКИНА

Статья посвящена актуальной проблеме классификации, типологии и хронологии бронзовых клепанных котлов — сферы научных интересов А.И. Тереножкина. Он доказал, что такие котлы из-

готовлялись в эпоху поздней бронзы, обосновал их периодизацию и вывел эти артефакты из контекста киммерийской археологии. Его концепция остается актуальной и оказалась ныне в эпицентре дискуссии старых и новых оппонентов.

Ключевые слова: Тереножкин, Бочкарев, Лесков, Демиденко, клепанные бронзовые котлы, эпоха поздней бронзы, «киммерийский» казус.

V. V. Otroshchenko

THE LAST ARTICLE OF OLEXIY IVANOVICH TERENOZHKIN

The article is devoted of actual problem of classification, typology and chronology of the bronze riveted caldrons — the sphere of scientific interests of O.I. Terenožkin. He is argued, that such caldrons were manufactured in Late Bronze age, made there division into periods and removed this artifacts out of context of Cimmerian archaeology. His conception is actual today and remain in the centre of discussion of the old and new opponents.

Keywords: Terenožkin, Bočhkarev, Leskov, Demidenko, the Late Bronze Age, riveting bronze caldrons, «kimmerian» incident.

Одержано 18.02.2017

О.В. Бузько

ПРО УЧАСТЬ МАРІЇ ВЯЗМІТИНОЇ В АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ СЕРЕДНЬОЇ АЗІЇ (за спогадами і листуванням)

«Когда я перебираю свои воспоминания о Туркестане, я иногда не без грусти думаю о том, как основательно забыты люди, игравшие когда-то более чем заметную (научную) роль даже при скромном служебном положении».

В.В. БАРТОЛЬД, 1926

На тлі роботи двох великих Середньоазійських експедицій (Термезької археологічної комплексної експедиції та Південно-Туркменістанської археологічної комплексної експедиції) розглядається участь у них археологині Марії Вязьмітиної у 1937 р. і протягом 1946—1950 рр. відповідно. За спогадами Г.А. Пугаченкової та листуванням М.І. Вязьмітиної відтворюється атмосфера експедицій: побут та наукові будні.

Ключові слова: *Марія Вязьмітіна, Михайло Массон, Галина Пугаченкова, біографістика, епістолярій, історія археології, Середня Азія, археологічне повсякдення.*

Такий епіграф археолог Михайло Массон обрав для своєї маленької науково-популярної книжечки «Рудник погибели» (1971) — про перші роки діяльності Туркестанського гуртка любителів археології. Ця книжечка, разом з іншою, переважно науковою, літературою з персональної бібліотеки М.І. Вязьмітиної, в середині 1990-х рр. «переїхала» з дому на Софіївській, 25 до Наукової бібліотеки Інституту археології НАН України. На першій сторінці — дарчий напис автора: «Марии Ивановне Вязьмитиной. Добром вспоминающий свою такэинку и ютакэинку М. Массон».

У тому ж Інституті археології, в Науковому архіві (далі — НА), зберігається персональний фонд Марії Вязьмітиної¹, у якому, зокрема, є матеріали, що висвітлюють її наукове повсякдення. Хотілось би дану статтю присвятити не

1. Фонд Марії Іванівни Вязьмітиної — № 34 — зберігається в НА ІА НАН України і наразі перебуває у процесі науково-технічного опрацювання (далі — НТО). Далі в тексті — посилання на матеріали з цього фонду: відгуки та листування.

Марія Вязьмітіна

стільки науковим здобуткам конкретних експедицій в Середній Азії (це може бути темою спеціальних історіографічних розвідок), скільки постаті Марії Вязьмітиної в цих експедиціях. Тож хронологічно у фокусі не час існування Кушанського або Парфянського царств, а 1937 і 1946—1950-і рр., протягом яких М. Вязьмітіна працювала в Середній Азії. Територіальні межі збігаються рівно в тих точках, де «ступала нога» Марії Іванівни. З огляду на висловлену в епіграфі думку сходознавця В.В. Бартольда, поширену М.С. Массоном, антропологізація науки була і залишається актуальним завданням. У статті наведено багато цитат — методологічно це пояснюється прагненням авторки «дати слово» безпосереднім учасникам експедицій.

Марія Іванівна Вязьмітіна (1896—1994) відома в археологічному середовищі передусім

Михайло Массон у центрі стола в таборі Старого Мерва [Стиль ..., 1972]

як дослідниця сарматів та пізніх скіфів. Однак, проживши довге і плідне життя, вона прийшла в українську археологію, коли їй був 51 рік. До того вона встигла захистити три кандидатські дисертації: «Синтаксис русских пословиц» (1922 р., звання кандидата філологічних наук); «Мусульманський інкрустований бронзовий посуд часів розквіту» (1929 р., промоційна робота на звання наукового співробітника — мистецтвознавця); «Памятники кушанского искусства в Айртаме» (1947 р., звання кандидата історичних наук). Невипадково першою темою, за яку вона візьметься як спеціалістка у галузі мистецтва і культури східних народів, почавши роботу в Інституті археології в Києві, буде мистецтво Скіфії [Бузько, Саєнко, 2016]. Однак і археологічний досвід на той час вона вже матиме — участь в якості начальниці загону у двох середньоазійських експедиціях: Термезькій археологічній комплексній експедиції (1937 р.) та Південно-Туркменістанській археологічній комплексній експедиції¹ (1946—1950 рр.).

Обидві експедиції очолював патріарх середньоазійської археології (як його традиційно називають) Михайло Євгенович Массон (1897—1986). Ось як описала його майбутня дружина, також видатна вчена і академікня Академії наук Узбекистану Галина Анатоліївна Пугаченкова (1915—2007): «Так вот он какой, Массон! Я стала украдкой его рассматривать. Выразительное у него было лицо: крупный нос («Бургундский, от французских предков» — позднее полушутя говорил он), ярко-голубые глаза под круглыми очками, рыжеватые усы (в ту пору немодные — мужчины начисто их сбрасывали), твердый раздвоенный подбородок, волосы прикрыты черной шапочкой, как на портретах некоторых старых академиков (он ссылался, что-де шапочка защищает его от головных бо-

1. Далі в тексті назви подаються в російськомовній транскрипції і в лапках — «ТАКЭ» і «ЮТАКЭ».

Галина Пугаченкова і Михайло Массон

лей, но на самом деле то было простительное в общем-то стремление выделиться среди других). Широкоплечий, стройный, с мускулистыми ногами («это от моих горных шотландских предков») в шерстяных гольфах. Был ли он красив? Нет, пожалуй, это не то; скорее — от него исходила особая эманация мужественности, которая столь неотразимо действовала и на мужчин, и на женщин. И в добавление ко всему — удивительный тембр голоса — баритон, то рокочущий, то бархатистый, с богатейшими модуляциями, передававшими настроение и темперамент» [Горшенина, 2002, с. 75].

«ТАКЭ»

У жовтні 1932 р. біля урочища Айртам у водах Амудар'ї було помічено велику кам'яну плиту із зображенням музикантів. Дізнавшись про це, наступного року Михайло Массон виїхав на місце знахідки, де заклав два шурфи. В результаті були знайдені кам'яні плити скульптурного фризу з фігурами музикантів та геніїв, що приносять дари, а також основу цоколя пілона. Другий шурф виявив прямокутну в плані будівлю, яку М. Массон попередньо визначив як буддійський монастир або палац правителя з культовим приміщенням [Вязьмитина, 1945, с. 25—26]. Знахідки засвідчили присутність на території Бактрії-Тохарістану буддизму, кушанів і античної культури. Постає необхідність археологічного дослідження.

У 1936 р. на пленумі ДАІМК у своїй доповіді М.Є. Массон як делегат від Комітету Наук УзРСР поставив завдання суцільного археологічного вивчення Середньої Азії. Відкриття, яке привернуло увагу наукової громадськості до молодого вченого, сприяло присудженню йому звання доктора археології без захисту дисертації. Епіграфом до брошури, яка вийшла у 1937 р., за підсумком проголошеної доповіді, стоїть уривок «Листа молодих вчених України товарищу Сталіну» (березень, 1936 р.): «Стахановское движение по новому поставило перед нами вопросы научной работы. Мы будем большевистски бороться за ликвидацию отставания науки, неразрывно связанной с живой

практикой социалистического строительства» [Массон, 1937, с. 3]. За тих суворих обставин йому вдалося переконливо обґрунтувати і принцип комплексності майбутньої експедиції: «Всякого рода научной замкнутости, изолированности и отрыву от злободневной тематики теории и практики жизни, помимо всего прочего, нельзя не противопоставить плодотворного кооперирования ряда дисциплин для сосредоточения над комплексной проработкой одной темы и взаимного и обоюдно полезного проникновения одних наук в другие, заставляющих по новому относиться к ряду вопросов» [Там само, с. 4].

У 1936 р. було утворено Термезьку археологічну комплексну експедицію, яку М. Массон і очолив. Можливо, саме вдало обґрунтований розмах експедиції дозволив мистецтвознавиці Марії Вязьмітіній уникнути репресій 1937 р., долучившись до розкопок. Після ліквідації у 1934 р. відділу мистецтва Сходу (який М. Вязьмітіна утворила і очолювала у Державному Художньому Музеї¹), вона була позбавлена можливості працювати за спеціальністю — тож стала завідувачкою бібліотеки Київського Будинку архітекторів, куди була запрошена для організації спеціальної мистецтвознавчої бібліотеки [Curriculum vitae]. Галина Пугаченкова у червні 1937 р. закінчила архітектурне відділення будівельного факультету Середньоазійського індустріального інституту, а її перше кохання, Вадима Сукіна, у цей час було заарештовано, його батька розстріляно. 3 грудня 1937 р. в Ташкенті розстріляли вчителя М. Вязьмітіної Ф. Шміта — мистецтвознавця, дослідника живопису та архітектури Візантії. 11 грудня 1937 р. розстріляно колегу і однокурсницю М. Вязьмітіної по Київському археологічному інституту та по гуртку «Студію» Наталю Коцюбинську. 14 грудня 1937 р. в Києві заарештували Сильвестра Магуру, з яким М. Вязьмітіна навчалась у Київському Археологічному Інституті, а менше ніж за місяць його також розстріляли. Список можна продовжувати.

Протягом квітня—червня 1937 р., взявши відпустку в бібліотеці, М. Вязьмітіна проводила розкопки поблизу Термеза, очолюючи третій загін «ТАКЭ». З 24 вересня по 1 грудня вона допомагала організувати звітну виставку матеріалів експедиції до 20 ювілею радянської влади [Curriculum vitae]. У цій багатозагінній експедиції, окрім співробітників «Узкомстариса»², брали участь співробітники ПМКу, Ермітажу, Центрального антирелігійного музею в Москві, Сурхандар'їнського окружного музею, Самаркандського музею. М. Вязьмітіна представляла Київський Будинок архітектора [Мас-

Розкопки на городищі Айртам

сон, 1940, с. 113; 1945, с. 3]. Згідно з принципом «комплексності» експедиції, з археологами працювали спеціалісти суміжних дисциплін в області гуманітарних та природничих наук.

«ТАКЭ» працювала протягом трьох польових сезонів — 1936, 1937 і 1938 р. У ході роботи експедиції була вивчена історична топографія

1. Узбекистанский комитет по охране памятников старины и искусства.

2. Далі в тексті назви подаються в російськомовній транскрипції і в лапках — «ТАКЭ» і «ЮТАКЭ».

термезького городища, відкрито буддистський монастир епохи кушанів. Марія Вязьмітіна працювала в експедиції лише в 1937 р., продовживши минулорічні розкопки храмового приміщення на городищі Айртам, яке М. Массон датував I ст. н. е., відмітивши у ньому як східно-елліністичні елементи, так і індійські. Дослідження дозволило прослідкувати п'ять періодів у житті монастиря: від останніх століть до н. е. до часу напередодні арабського завоювання. Час зведення монастиря (I ст. до н. е. — початок I ст. н. е.) встановили за бронзовою монетою «Безіменного царя», знайденою на підлозі «святилища» та за стилістичним аналізом кам'яного фризу з музикантами [Вязьмітіна, 1945, с. 33—34].

М.С. Массон вніс ряд інновацій у техніку польових досліджень. Так з археологічним інтересом спостерігаючи за природою, він винайшов метод вивчення археологічного об'єкту за рослинним покривом. Він помітив, що навесні перші трави-ефемери над руїнами ростуть нерівномірно — десь з більшою концентрацією, десь з меншою. Окремі види зростають у щільному ґрунті по контурах стін, а інші — на більш м'якій землі у проміжках, у завалах приміщень. Так, слідуючи трав'яним контурам, М. Массону вдавалося складати доволі чіткі плани приміщень [Массон, 1945, с. 8; Горшенина, 2002, с. 81].

Другим цікавим нововведенням було застосування ентомологічних знань в археології. Так з інформації про те, що скарабей закладає в пухку землю кульки з гноєм (харчуванням личинок) над щільним ґрунтом максимум на 30 сантиметрів, М.С. Массон зробив висновок, що якщо в археологічному шарі трапляється така кулька, глибше на 30 см слід шукати підлогу будівлі. Знання про інших жуків і їхні особливості також використовувалися під час розкопок. Г. Пугаченкова згадує, що в їхній квартирі відтоді висіла колекція жуків, які були саме такими археологічними жуками-індикаторами [Горшенина, 2002, с. 81].

На жаль, листів або мемуарів М. Вязьмітіної, які б описували атмосферу експедиції 1937 р., наразі в її фонді не знайдено, тож про побут табору ми можемо дізнатися із розповіді Галини Пугаченкової: «Полевого лагерь располагался вовсе не в палатках, как я предполагала, а в просторном зале ханаки XII века Хаким-и ат-Термизи, возвышавшегося над могилой этого ученого богослова. Высокий купол с оконцами для проветривания, под которым некогда принимали странствующих дервишей, сохранял прохладу даже в жаркие дневные часы. Посредине стоял длинный стол для трапезы и работы, наскоро сбитые из досок скамьи, столики для обработки материалов, ящики с этими самыми материалами, а в глубине — ряд кроватей, покрытых, как старинные колыбели, марлевыми полотнищами — пашахона — защита

от свирепых комаров, орды которых на закате слетались в лагерь с Амударьи. Каждый вечер мы собирались у входа в ханаку, ужинали, потом представляли короткие доклады о проделанной за день работе и, как только солнце уходило на закат, спешили побыстрее под пашахону, в тщетной надежде укрыться от нещадных комаров-злодеев» [Там само, с. 82].

Однак збережений у фонді М. Вязьмітіної відгук на її дисертацію, написаний майже десять років по тому її опонентом Михайлом Массоном, свідчить про те, що табір Марії Вязьмітіної стояв окремо: «Если автор в своих статьях ничего не говорит об условиях полевых работ, то моя обязанность отметить и эту сторону изначального момента в создании ее опубликованного научно-исследовательского труда. Жара, превышавшая порой +40°; гнетущая духота при отсутствии тени в условиях пребывания на постоянном солнцепеке рабочих площадок; изматывающие организм дни, когда по полутора суткам непрерывно дует несущий песок горячий ветер «афганец». К этим чисто климатическим трудностям надо добавить обособленность пребывания отряда от базисного лагеря ТАКЭ, от которого его отделяло свыше 30 км. Лагерь М.И. Вязьмитиной находился в совершенно пустынной обстановке пограничного района, где на узкую береговую полосу Амударьи вплотную насаждают сыпучие пески и где при отсутствии вблизи жилья налицо обилие зверей и диких птиц. В бытность мою на Айртаме лагерь отряда дважды посещался тигром, а из соседнего тугая временами сквозь камыш проглядывали ветвистые рога бактрийского оленя» [Відгук М.С. Массона].

Цінною для історії експедиційного повсякдення є згадка Галини Пугаченкової про харчування в таборі: «Проблемой было в те голодные годы и обеспечение экспедиционной группы питанием. Используя свои геологические связи, Михаил Евгеньевич сумел запастись в Ташкенте перловой крупой, макаронами, мясными консервами, сгущенным молоком, чаем и сахаром. Первое время мы были без поварахи, готовили по очереди. Число возможных комбинаций для трехразовой еды было ограниченным: крупа или макароны с тушенкой в виде супа или густого месива. Многие годы после ТАКЭ меня мучило при одном лишь запахе консервированного мяса. Но тогда все это было почти роскошью (ведь и дома выбирать не приходилось!), да как-то никто не придавал особого значения однообразию еды, а физический труд на свежем воздухе порождал, по крайней мере у многих, завидный аппетит» [Горшенина, 2002, с. 83—84].

Про режим експедиції ми дізнаємось із того ж джерела: «Вставали рано, работали часов пять, потом в самые жаркие часы передышки пили чай в прохладной ханаке, приводили в порядок записи и чертежи и снова шли на рас-

копки. М. Массон внімательно следил за ходом раскопочных работ, педантично обходя все раскопочные площадки (а находились они на значительном расстоянии), размеренно шествуя под огромным полотняным зонтиком, что нередко используют при работе топографы (за этот зонтик мальчишки прозвали его «дяденька с парашютом»). Ложились тоже рано — зажигать огонь не полагалось, да и комары с остервенением набрасывались на нас. Единственное спасение — скорее под пашахону! Лежали, тихо беседовали с соседями, но сон смаривал быстро. А с восходом солнца слышали бодрый голос начальника «Доброе утро, Такинцы!» [Там само, с. 84].

Один із розділів книги С. Горшеніної про Г. Пугаченкову, фрагменти з якої вище зацитовано, має назву «Археологическое крещение: Термезская археологическая комплексная экспедиция». Можна сказати, що «археологічне хрещення» М. Вязьмітіної також відбулося у цій експедиції, у 1937 р., за рік до «хрещення» Г. Пугаченкової. Недарма М. Массон іноді у листах до М. Вязьмітіної підписувався її «хрещеним батьком в археології».

Матеріали експедиції були опубліковані вже після війни, у 1945 р., у Термезькому збірнику. Дві статті М. Вязьмітіної («Раскопки на городище Айртам»; «Керамика Айртама времени кушанов»), які вона написала у 1940 р., вміщено у другому томі. Після виходу друком результатів її праці, вона вирішила оформити їх у кандидатську дисертацію: «статьи объединены плавными вступлением и заключением, в текст введены, напр., развернутый анализ Айртамского фриза и ряд новых вставок, переделок, дополнений, примечаний, указаний на литературу. Сохранить старый текст диссертанта побудило, по-видимому, то, что этот текст имеет значение первой публикации материала, а также и то, что предполагать его известным читающему работу нельзя: вышедши крайне ограниченным тиражом, термезский сборник с самого момента своего напечатания стал библиографической редкостью» [Відгук В.М. Зуммера].

Кандидатська дисертація, яка мала назву «Памятники кушанского искусства в Айртаме» була успішно захищена Марією Іванівною 9 грудня 1947 р на історичному факультеті Середньоазійського державного університету в Ташкенті¹. Це була робота на стику археології, мистецтвознавства і архітектури. Недарма у дисертантки виникли складнощі з вибором установи, в якій мав відбутися захист. Галина Пугаченкова писала їй у листі: «Может быть, Вам желаннее защитить диссертацию в САГУ² или

в ТФАН — на кандидата исторических наук? Бог с ним, с искусствоведением!» [Лист від Г.А. Пугаченкової від 20 червня 1947 р.] Врешті так і сталося. Університет САДУ виявився гостиннішим до дисертантки, ніж Академія архітектури в Києві, при якій вона спершу хотіла захищатись. Михайло Массон на історичному факультеті САДУ очолював кафедру археології Середньої Азії. Він був опонентом дисертантки. Фрагмент його відгуку вище цитувався.

На кафедрі мистецтвознавства цього ж факультету лекції читала Галина Пугаченкова. «Ну а душою кафедры был, понятно, Зуммер — живой, энергичный, похожий внешне — повод для вечных студенческих шуток — на старичка-лесовичка...» [Горшенина, 1994, с. 140]. Всеволод Михайлович Зуммер³ очолював кафедру мистецтвознавства протягом 1943—1949 рр. Будучи вчителем, колегою і близьким другом Марії Іванівни, він допомагав дисертантці збирати документи, морально підтримував і всіляко сприяв її успішному захисту. Свідчення про це містить листування, що відклалося у персональному фонді М. Вязьмітіної. «М. Евгчу [Массону] оппонентом быть придется, и вот почему: я до сих пор не утвержденный доктор, ВасАф [Шишкин⁴] — кандидат, — нужно подпереть это дело доктором. Он — руководитель экспедиции, — не руководитель работы, — он имеет право выступать, как оппонент. Вот он отзыв свой и прочтет. Мне очень досадно, что до сих пор не удалось мне добиться утверждения доктором, — и вследствие этого я не могу настаивать и на праве факультету присуждать кандидата искусствоведческих наук. Как было бы тогда просто Вам — но, к сожалению, сие от нас не зависит. Я оппонентом буду, дело не в этом, но и М. Евг. [Массон] необходим...» [Лист від В.М. Зуммера від 8 жовтня 1947 р.].

Готуючись до захисту дисертації, Марія Іванівна вже працювала у другій великій комплексній експедиції М.Є. Массона — «ЮТАКЭ», яка багато років (1946—1967 рр.) вивчала парфянські городища Старої та Нової Ніси, а також городище центру Маргіани — Старий Мерв.

«ЮТАКЭ»

3 квітня 1946 р. М. Вязьмітіна отримала листа з Туркменського філіалу Академії наук СРСР, Інституту історії, мови та літератури в Ашхабаді, від т. в. о. директора інституту М. Сакалі такого змісту: «Нами получено Ваше сообщение о согласии принять участие в орга-

3. Всеволод Михайлович Зуммер (1885—1970) — український та радянський історик східного мистецтва, мистецтвознавець, ісламознавець, музеєзнавець, доктор історії і теорії мистецтв. Один із фундаторів орієнтального мистецтвознавства в Україні у 1920-х рр.

4. Василь Афанасійович Шишкін (1894—1966) — узбецький та радянський археолог і сходознавець.

1. Детальніше про захист дисертації М. Вязьмітіної див. Бузько, 2017.

2. Середньоазійський державний університет (рос. САГУ). З 1960 р. — Ташкентський університет ім. В.І. Леніна. Нинішня назва — Національний університет Узбекистану ім. Мірзо Улугбека.

низуемой нашим Институтом Южно-туркменской Археологической Экспедиции. 27 марта Вам послана телеграмма, подтверждающая включение Вас в число личного состава экспедиции.

Южно-туркменская Археологическая Комплексная Экспедиция (ЮТАКЭ) ставит соей задачей изучение памятников материалов культуры южного Туркменистана, при этом особое внимание предполагается уделить первобытному обществу, периоду существования парфянского государства и эпохе XI—XII вв.

В 1946 г. намечена организация 9 отрядов в составе экспедиции, из которых 3 будут работать стационарно на городищах Старой и Новой Несы¹. Предполагается Ваше участие в составе одного из этих отрядов, который будет проводить разведочные работы в центральной части городища Старой Несы.

Продолжительность работ рассчитана на 2 месяца.

Для получения сведений об условиях работы Вам необходимо обратиться непосредственно к начальнику экспедиции проф. М.Е. Массону. (Ташкент, ул. 9 января, 16, кв. 34)» [Лист від Туркменського філіалу АН СРСР...].

«ЮТАКЭ» була однією з найбільших постійнодіючих експедицій Радянського союзу. З її діяльністю пов'язаний ряд наукових відкриттів світового значення — на городищах Ніси і Старого Мерва. Завдяки «ЮТАКЭ» Туркменістан вийшов на одне з перших у СРСР місць за рівнем археолого-історичної вивченості. В ході робіт на городищах Старої та Нової Ніси (столиці прикопетдазької області Парфіїни) було виявлено контури давнього міста. Тут було відкрито парадні будівлі палацу і храму, сховище царських реліквій. Серед знахідок — мармурові скульптури елліністичного стилю, срібні та бронзові статуетки, орнаментовані ритони зі слонової кістки [Горшенина, 2002, с. 128]. Наукові результати «ЮТАКЭ» знайшли відображення у двох випусках «Материалов ЮТАКЭ» і в 20 томах «Трудов ЮТАКЭ».

М. Массон створив окремі комплексні загоны за напрямками роботи: епоха кам'яного віку, період від неоліту до ранньозалізного віку, два великі міста античного і середньовічного часу (Ніса і Мерв). Сам М. Массон керував загонами, що вивчали античність і середньовіччя. Працювали в експедиції співробітники і студенти кафедри археології САДУ, а також вчені з Ашхабада, Москви, Ленінграда, Новоросійська, Самарканда. Від Києва Г. Пугаченкова називає М. Вязьмітіну [Там само, с. 122].

1. Ніса, Наса, Несà (туркм. Gadymy Nusaý, перс. نسا, давньогр. Νισαία, також Парфавніса) — давнє місто, руїни якого розташовані поблизу селища Багір, у 18 км на захід від Ашхабада. Складається з двох городищ: парфяньського міста Нова Ніса в долині і царської фортеці Стара Ніса на підвищенні.

Марія Вязьмітіна працювала у другому загоні на городищі Нової Ніси протягом першої п'ятирічки — 1946—1950 рр.² Результати її досліджень 1946 і 1947 рр. викладені у двох статтях перших двох томів «Трудов ЮТАКЭ». Перший том вийшов друком у 1949 р., другий — у 1951 р. Як значиться на початку другого тому, його опублікування затрималось у зв'язку із стихійним лихом — страшним Ашхабадським землетрусом, який стався в ніч з 5 на 6 жовтня 1948 р. В результаті землетрусу в аулі Багір і в Ашхабаді загинула половина землекопів першого—третього загонів експедиції, що працювали на розкопках Ніси, шофер Г. Данишвар, агентка для доручень Шихоркіна, члени сімей Д.М. Овезова та бухгалтера Панжиної [Стиль ..., 1972, с. 77]. Співробітники експедиції, разом з жителями Ашхабада, розкопували руїни будинків і рятували людей.

Незважаючи на трагедію, роботи експедиції в сезон 1948 р. були продовжені. В господарських приміщеннях було знайдено парфяньський архів з більш ніж двома з половиною тисячами написів на остраконах, які містили свідчення про культурне життя Парфії. Напередодні землетрусу на городищі Старої Ніси аспіранткою М. Массона Оленою Давидович були знайдені знамениті ритони зі слонової кістки — сплав культур грецької античності та Сходу. Пощастило, що вони залишались в землі до землетрусу — це дозволило їм зберегтися.

Михайло Массон відповідально ставився до того, щоб забезпечити місце для камеральної обробки матеріалів. Також він був уважним до питань повсякденного побуту учасників експедиції — тому не визнавав життя в наметах під час розкопок. З турботою про особистий комфорт учасників «ЮТАКЭ» у Мерві він обрав для розміщення експедиції велику стару конюшню, а в Нісі — невелике закинута медресе у селищі Багір [Горшенина, 2002, с. 125]. Марія Вязьмітіна, як уже було сказано, працювала на городищі Нова Ніса (Тязе-Нусай). В її фонді збереглося листування³, яке є цінним джерелом про експедиційні будні.

2. В одній з автобіографій М. Вязьмітіна зазначала роки роботи в експедиції: 1947—1950, у другій — 1946—1949, у третій зазначає, що з 1946 р. включилась у п'ятирічний план археологічних досліджень. З огляду на те, що її звіт про розкопки за 1946 р. включено до першого тому «Трудов ЮТАКЭ», ми можемо з великою вірогідністю припустити, що вона була учасницею експедиції протягом п'яти зазначених років.

3. Листи публікуються мовою оригіналу. Мовностилістичні особливості збережено, явні помилки або описки виправлено, пунктуацію приведено до сучасних вимог. У квадратних дужках подано примітки публікатора. Три крапки у квадратних дужках означають пропущене публікатором місце

За експедиційним столом: друга зліва — ймовірно, Г. Пугаченкова; перший справа — М. Массон; по-та справа — ймовірно, М. Вязьмітіна [Фото-Газета, 1948]

«Кабінет» професора М.Є. Массона у приміщенні старшого конюха [Стиль ..., 1972]

[25 серпня 1946 р., М.О. Новицька¹ до М.І. Вязьмітіної]:

Маринька моя серебристая певунья! Как я рада, что ты наконец расправила свои крылья и, оторвавшись от библиотечной грязи, акад [емических] будней и других неприятностей, улетела на восток, на свободу. Надеюсь, что ты уже давно побывала в объятиях и Вс[еволада]. М[ихайловича²], и Массона [...].

[24 вересня 1946 р., М.О. Новицька до М.І. Вязьмітіної]:

Маринька милая, не забывай, пожалуйста, что ты не котенок, а ландыш серебристый, который по обрывам не ходит, а потому я боюсь, чтобы ты куда-нибудь не сорвалась. Вообще не очень задавайся и задирай носик, что у тебя под началом настоящие археологи [...] [Листи від М.О. Новицької до М.І. Вязьмітіної].

[24 вересня (ймовірно 1947 р.). М.І. Вязьмітіна до М. Новицької, олівцем]:

В обеденный перерыв (12—3 1/2 ч.), выкупавшись, вернее, умывшись в тазике горячей водой и позавтракав хлебом, колбасой, тарелкой лапши, чарджуйской дыней и чаем, вышла за пределы своего лагеря, на окраинку помидорного огорода — к арыку помыть найденные сегодня черепки (тут и культура Анау, и парфяне, и сельджуки, и тимуриды).

[Далі — синіми чорнилами]:

Пока живется ничего. Работа интересная, условия приличные, моюсь 3 раза в день горячей водой, стираюсь.

Дорога на раскоп и обратно чудесная, по ранним утрам и на закате — доставляет истинное наслаждение. С гребня цитадели — вид захватывающий. Вчера там перед закатом солнца ели божественную чарджуйскую дыню —

1. Марія Олексіївна Новицька (1896—1965) — українська мистецтвознавиця, музейна працівниця. Дочка академіка Олексі Новицького, учениця Данила Щербаківського. Близька подруга Марії Вязьмітіної, з якою вони разом вчилися, а потім проживали за адресою Калініна (пізніше Софійська), 25, разом поховані на Байковому цвинтарі.

2. Всеволод Зуммер.

сплошной сок и сахар, нежнейшая из нежнейших.

К сожалению, виноград уже снят и колхозники не продают.

Вчера, обходя владения Новой Несы, нашла черепки крашеной керамики культуры Анау (типа трипольской) и черную лощеную — первоклассные образцы!

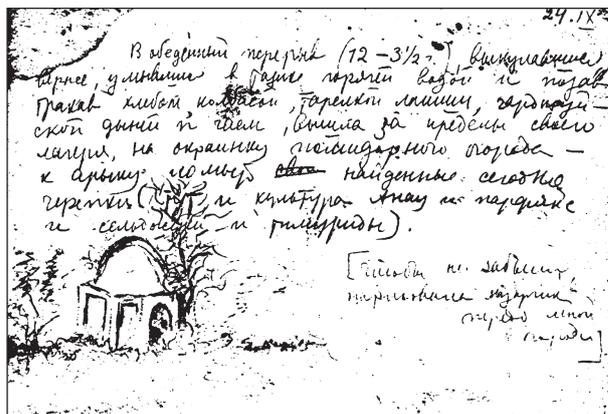
Вообще сделала вчера еще несколько открытий.

Одно только — трудно с рабочими. Колхозники туркмены не хотят работать, постоянно разбегаются. Сегодня у нас утром (в моем отряде) не было ни одного. Дадут, кажется, из других источников [...] [Листи від М.І. Вязьмітіної до М.О. Новицької].

[27 вересня 1947 р., Багір. М.І. Вязьмітіна до М.М. Ігнат'євої³]:

Дорогая Мария Николаевна, ну вот я снова в своих нисийских владениях: зеленый кишлак, горы на горизонте, по обе стороны кишлака на

3. Марія Миколаївна Ігнат'єва (1866—1953) — дочка дипломата графа Миколи Павловича Ігнат'єва та Катерини Леонідівни (уродженої княжни Голіциної, яка була хрещеною матір'ю М.І. Вязьмітіної). Єдина з семи дітей Ігнат'євих лишилась у Києві, опікувалась долею сімейних реліквій.

Фрагмент листа М. Вязьмітіної до М. Новицької

высоких холмах — древние цитадели — Старой и Новой Нисы. Журчат арыки, пахнет пылью... Благотельная тишина. Лишь изредка донесутся издали звуки человеческого голоса, отрывок песни, протяжный крик ишачка.

Живем в том же лагере, но с большими удобствами. У меня отдельная худжра с очагом, вентиляцией в крыше, 5-ю нишами для книг, туалета и буфета. В худжре — стол, кровать, табурет, керосиновая лампа.

Я уже в письме приглашала Мусю заглянуть ко мне в буфет. В нем она может найти: красные помидоры, золотистый виноград, персики, темно-синюю ежевику и полосатую сладкую дыню.

Может выкупаться под горячим душем, помыть свои пышные косы и сушить их на солнышке, сидя на плоской кровле с видом на горные цепи Копет-дага и серебристо-зеленые сады и огороды Багира.

Может прогуляться со мной на раскоп, где 10 мальчиков из детской трудовой колонии вздымают к небу столбы археологической пыли.

Завтра — поездка в Анау. Мы обмениваемся визитами с коллегами по работе. В этом году у нас 3 лагеря: в Багире, Анау и Старом Мерве. Меня назначили начальником Багирского лагеря (чему я не очень рада) [...].

Погода чудесная, теплая. По вечерам, правда, прохладно. Но все же днем еще по-летнему жарко.

Про библиотеку не вспоминаю и чувствую себя свободно и легко [...].

[10 жовтня 1947 р., Багір. М.І. Вязьмітіна до М.М. Ігнат'євої]:

Только что получила Ваше письмо от 25.IX. Большое Вам спасибо за память. Как долго идут сюда письма. Я пишу Вам уже второе письмо отсюда, а Вы сообщаете еще о получении московского моего письма.

Я живу уже здесь две недели. Время летит очень быстро. Я очень занята своими раскопками. У меня в этом году два новых помощника и одна прошлогодня. Работают у нас мальчишки-подростки из трудовой колонии. Народ довольно своенравный и непослушный. Все время нужен за ними присмотр. Но понемножку двигаемся. Есть некоторые достижения. Открыли погребальную камеру парфянского времени на глубине 6 метров от поверхности земли. К сожалению, погребение было нарушено ямой и промоиной, сделанной уже в позднейшую эпоху по самой середине камеры, но все же на полу были найдены некоторые остатки: розовая бузина, медные болтики, фрагментик бортика чашечки, несколько золотых тоненьких ленточек от какого-то украшения и часть черепа (лобная часть) древнего парфянина или парфянки. Стены и пол камеры покрыты красной штукатуркой.

Я вполне здорова. Чувствую себя неплохо. На воздухе порозовела и загорела. Единственный недостаток — очень потрескалась от лесовой пыли на раскопках кожа на ногах и на руках... А так, вообще говоря, жаловаться мне не на что. Кормят нас неплохо, по-домашнему. Не очень изобильно и разнообразно, но вполне прилично. Повариха, наша прошлогодня знакомая, старается нам угодить.

Относятся ко мне хорошо. Мой начальник сейчас в другом лагере, в Анау. Изредка к нам наезжает. Я — начальник нашего Багирского лагеря. Всего у нас в Багире 2 отряда по Старой и Новой Нисе. Под моей командой, кроме того, отряд второй.

Отослала в Ташкент все свои тезисы и дополнения к диссертации, которые смогла закончить только здесь в тиши ночной, в своей худжре, вдали от шума городского и киевской сутолоки и неприятностей библиотеки. Уже получила телеграмму, что документы, высланные Мусей¹, получены, и защита назначается после октябрьских праздников. Мой шеф хочет задержать меня на октябрьские дни здесь для устройства юбилейной выставки по материалам экспедиции.

Посмотрим. Мне хочется еще заехать в Самарканд посмотреть перед защитой материалы по кушанам и побеседовать с тамошними музейными работниками.

Мечтаю закончить здесь работу и по Нисе. Шеф мой был очень огорчен, что я ничего не привезла готового к печати. Но все же примирился с фактом, взявши с меня слово, что я не уеду, не сдавши работы, т. к. на меня уже заключен договор на печатание моей статьи в сборнике в этом году. Думаю это выполнить.

В этом году лагерь оборудован значительно лучше. У меня отдельная худжра, есть керосиновая лампа. Могу заниматься, сколько хочу. Никто не мешает. Что я и делаю. Очень довольна, что захватила с собой все свои прошлогодние записки и карточки.

Очень жалели, что я с собой не привезла Колин прибор² для реконструкции форм сосудов. Я послала ему телеграмму спешно его выслать, но пока ответа не имею. Очень долго оборачиваются письма и телеграммы.

Я Вам, кажется, рассказывала, что Коля изобрел прибор для реконструкции форм сосудов по отдельным черепкам — еще до войны,

1. Марія Новицька.

2. Микола Іванович Вязьмітін — брат Марії Іванівни. У примірнику збірника «ТАКЭ» з бібліотеки М. Вязьмітіної на маргінесі, біля слів М. Массона про те, що «кандидат фізико-математичних наук М.І. Вязьмітін винайшов і сконструював у 1937 р. спеціальний прилад для механічної графічної реконструкції первісних форм посудин» [Массон, 1945, с. 8], Марія Іванівна ручкою поставила знак питання. Очевидно, М. Массон «присвоїв» її брату вчене звання для надання повідомленню більшої ваги.

но он у него пропал. В этом году он, по моей просьбе, снова его возобновил и усовершенствовал; сделал мне рисунки. И здесь очень заинтересовались его приобрести. Это даст ему небольшую материальную поддержку, а для археологии облегчит полевую работу и зарисовки форм керамики [...].

У нас еще тепло, даже жарко на солнце. Я хожу в своей широкополой шляпе и комбине зоне. Очень люблю по утрам и вечерам ходить одна по узенькой тропинке среди капустных огородов, тутовых деревьев и журчащих арыков; вдыхать воздух, напоенный запахом полыни, смотреть на гребни дымчатых гор. После работы иногда прогуливаюсь по плоской кровле медресе, где мы живем, и смотрю, как постепенно тускнеют вечерние краски и близится ночь. Звонок к обеду (в 7 час[ов] вечера) прерывает обычно мою вечернюю прогулку. Я спускаюсь по крутой лестничке вниз и присоединяюсь к шумной компании членов нашей экспедиции, уже рассаживающейся за длинным столом в нашей столовой. У меня возле тарелки стоит даже букет лиловых диких цветов, типа мелких астр. Иногда я делаю всем краткие информации о находках текущего дня.

Перед отъездом из Киева я купила фотоаппарат, училась им действовать за 10 минут до отхода поезда. Сейчас делаю снимки и даже не очень плохие. Когда мне напечатают, постараюсь Вам прислать образчик [...].

[1 листопада 1947 р., Багір. М.І. Вязьмітіна до М.М. Ігнат'євої]:

Прошли блаженные денечки... Сползли с гор сизые тучки, поползли по желто-зеленым багирским садам и огородам, просеялись над ними мелким дождиком...

Дорогая Мария Николаевна, открыточку Вашу получила, спасибо за нее. Как Вы поживаете в далеком Киеве? Что, у Вас тоже дождики? Даже снежок падал?

Со вчерашнего дня я надела ватную стеганку (есть у меня такие же штаны). В Ашхабаде купила непромокаемый плащ. От дождиков есть защита. Чувствую я себя хорошо, ни разу не болела. Вот что значит жизнь на свежем воздухе.

Вчера с работы возвращалась под маленьким дождиком. Было даже приятно вдыхать свеженький мокренький воздух, пахнущий душистой горной полынью. Деревья стоят зеленые, многие уже пожелтели и покраснели. Удивительно красивые краски разлиты вокруг. И такое спокойствие.

Еще позавчера наслаждалась теплом. Удивительные, прямо летние дни стояли все время, и чудные лунные ясные ночи. Взибалась по крутым ступенькам на плоскую кровлю своего обиталища — слушать лунные сонаты и журчание бегущих вод. Дремали дремучие горы, дремали древние городища Нисы; тихий сон сходил на весь аул...

Еще осталось нам по расписанию заниматься раскопными или, вернее, обработкой материалов и чертежами — три дня. Вчера должны были закончить земляные работы, но я отпустила детишек обратно в колонию, чтобы они не простудились под дождем.

Не знаю, что будет сегодня.

Сейчас — половина седьмого утра. Дождика нет, но небо все серенькое и холодно. Лагерь уже проснулся. Поют петухи. Если приедут наши ребята, закончим сегодня раскоп и будем заканчивать снятие планов, чертежи, рисунки; шифровать керамику, готовить ее к отправке.

В нашем полевом музейчике есть чудесные вещи. В этом году повезло на целые сосуды. Из Тимуридской керамики (XV век) — можно составить прямо полный сервиз: большие глубокие чаши, тарелки, миниатюрные пиалы; на белом фоне кобальтом синий орнамент: птицы, цветы, деревья. Есть совершенно изумительная голубая чаша с рифленой поверхностью и орнаментом на дне с датой (XII век). Изящные тонкостенные серые и красные кувшинчики, тонкие, как яичная скорлупа, белые фарфоровые и кашинные чашечки с многокрасочным узором...

Итак, кончаем работу. Наш парфянский некрополь выглядит сейчас почти грандиозно. Вздвигаются кверху на 10-метровую высоту величественные стены с прорезанными сквозь них нишами, коридорами и камерами, покрытыми красной и черной лощеной штукатуркой, с остатками полуколонок и ступеньками.

Наводим полный порядок: расчищаем сырцовые кирпичики, подчищаем полы, подметаем, готовим для окончательной фотографии. Только бы не помешал нашим снимкам дождик.

Думаю еще после окончания раскопа пожить в Ашхабаде в гостинице, посмотреть материалы в музее, дочитать последние строки взятых для прочтения книг. Праздники придется провести уже здесь. Мой шеф с одним из отрядов 2.XI уезжает в маршрутную поездку.

Я заканчиваю здесь отчет и статью. 8-го предполагаю выехать в Ташкент с остановкой на 3 дня в Самарканде. Во второй половине ноября предполагается моя защита. Значит не раньше 30 ноября должна быть в Киеве. На службу послала телеграмму отсрочить отпуск до 1 декабря [...].

Ну, пока всего доброго.

Уже приглашают дежурные и петухи к утреннему завтраку. Целую Вас крепко. Благодарю передававших мне приветы и снова их приветствую.

Ваша путешественница [Листи від М.І. Вязьмітіної до М.М. Ігнат'євої].

Напередодні ювілею «ЮТАКЭ» М. Масон ініціював видання книжки спогадів про експедицію [Стиль ..., 1972]. За свідченням

Школярі белуджі на урочистому табірному засіданні в день річниці Жовтневої революції [Стиль ..., 1972]

Г. Пугаченкової, відгукнулися шестеро жінок, натомість чоловіки поставилися до задуму скептично. «А жаль, — констатує Г. Пугаченкова, — сьогодні эта книжечка восстанавливаєт атмосферу тех уже давних лет...» [Горшенина, 2002, с. 127]. У вступному слові від редакції зазначається, що досі не знайшли належного висвітлення питання про те, як будувалась виховна робота, як готували молодих спеціалістів, який був порядок проведення польових досліджень, як було влаштовано табірний побут. «Об этом по существу почти ничего нет и в отношении других археологических экспедиций. В порядке обмена опытом с ними и в связи с XXV-летием ЮТАКЭ составлена данная публикация на основе воспоминаний участников самого крупного XVIII-го Старо-Мервского отряда экспедиции» [Стиль ..., 1972, с. 4].

Якщо брошуру складають спогади учасниць Старо-Мервського загону про 1960-і рр., то атмосфера у другому загоні в селищі Багір у другій половині 1940-х рр. відтворена у наведених листах, які дозволяють, наскільки це можливо, подивитись на експедицію очима М. Вязьмітіної. Ці листи публікуються вперше і доповнюють уже опубліковані спогади про «ЮТАКЭ».

На завершення варто сказати декілька слів про атмосферу кінця 1940-х рр. — сумну добу боротьби з космополітизмом. У 1949 р. стається трагічний перелом на історичному факультеті САДУ: кафедру мистецтвознавства позбавляють її керівника Всеволода Зуммера — за невідповідність, як професора, висунутими в країні вимогам ідейного та методологічного характеру [Зуммер, 1949]. Піддано критиці роботу не лише окремих вчених та викладачів, а й кафедру археології та мистецтвознавства в цілому. І якщо за кафедрою археології вступилося багато вчених (не останню роль в її збереженні відіграли здобутки М.Є. Массона), то кафедрі мистецтвознавства пощастило менше. У вину їй було поставлено відхід від сучасності, небажання займатися питаннями радянсько-

го мистецтва. Кафедру намагалися зберегти, змінюючи навчальні плани і склад співробітників. Певний час її очолювала молода Г. Пугаченкова, потім — Г. Чабров, в 1952 р. її реорганізували у кафедру музеєзнавства, але вже у 1953 р. вона припиняє своє існування, «розчинившись» у кафедрі історії СРСР [Горшенина, 2002, с. 111—115].

Г. Пугаченкова, як і М. Вязьмітіна, переходить до археології. С. Горшенина так пояснює цей перехід у випадку Галини Пугаченкової: «Ідея, котра визривала в надрах її підсвідомості — тісний зв'язок археології з мистецтвознавством — була піддана остракізму; першій в якості винятку дозволялось займатися давньою, від другого вимагали розробки виключно сучасної тематики, по суті підмінюючи поняття «мистецтвознавство» поняттям «художня критика» і відкидаючи тим самим такі галузі науки про мистецтво, як історія та теорія мистецтва. В подібній ситуації займатися історією мистецтва можна було лише під прапором археології... Аполітичність та наукову об'єктивність можна було зберегти, лише вивчаючи історичні періоди вельми віддалені у часі від сучасних подій» [Там само, с. 114].

Шляхи М. Вязьмітіної і Г. Пугаченкової, двох сильних і амбітних жінок, були дещо схожими. Обидві починали наукову кар'єру як мистецтвознавиці, обидві пройшли «хрещення» в експедиції «ТАКЭ», обидві у складний для мистецтвознавства час перейшли в археологію — і, варто думати, не пошкодували. Археологічна наука від того лише виграла — адже їхнє мистецтвознавче минуле робило їх цінними фахівчинями, особливо чутливими до певних, дотичних до мистецтва, тем. Так після успішного захисту дисертації М. Вязьмітіна звільнилась з бібліотеки і з 1948 р. почала працювати в Інституті археології. Її початкова тема була все ще мистецтвознавча — скіфське мистецтво.

Ще багато років після того, як М. Вязьмітіна обере об'єктом свого дослідження сарматські й пізньоскіфські пам'ятки території Української РСР, М. Массон і Г. Пугаченкова шкодуватимуть, що вона більше не приїжджає до них у Середню Азію. У фонді М. Вязьмітіної збережені листи до неї від цього подружжя вчених. Г. Пугаченкова підписує листи: «Друзья-ташкентцы», «Дорогой Марии Ивановне, такинке и ютакинке». М. Массон підписує листи та книги по-своєму: «Ваш бывший строгий и требовательный начальник»; «Ваш соратник по ТАКЭ, ЮТАКЭ и “крестный отец” по археологии», іноді просто «Ваш М. Массон». «Как жаль, что Вы отошли от наших работ... Хочу думать, что у Вас все более или менее благополучно и что Вы работаете успешно и не забываете старых друзей, в числе которых и я. Ваш М. Массон». «Новая Ниса — стоит осиротевшей. И ее продолжают уничтожать. Вы себе не можете представить, как ее изуродовали! От души желаю

здоров'я. Все ще не потерявши надєжди видєть Вас в составе ЮТАКЭ. Ваш М. Массон»; «Всегда тепло Вас вспоминающие Г.А. Пугаченкова и М. Массон» [Листи від Г.А. Пугаченкової; Листи від М.С. Массона].

Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. / Сост. Б.В. Лунин. — Ташкент, 1976—1977. — Т. 1—2. — 439 + 424 с.

Бузько О.В., Саенко В.М. До історії написання М.І. Вязьмитіної праці «Искусство Скифии» // АДІУ. — 2016. — Вып. 2 (19). — С. 280—283.

Бузько О. Дівчина і тигри. Як Марія Вязьмитіна захищала дисертацію // Історія археології: архівна і музейна спадщина Центральної та Східної Європи. — Львів, 2017. — У друці (МДАПВ. — Вып. 21). Відгук В.М. Зуммера / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Відгук М.С. Массона / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Вязьмитина М.И. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1949. — Т. 1. — С. 147—169.

Вязьмитина М.И. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 году // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1951. — Т. 2. — С. 147—168.

Вязьмитина М.И. Керамика Айртама времени кушанов // Тр. АН УзССР. Серия 1: История, Археология. Термезская археологическая экспедиция. — Ташкент, 1945а. — Т. 2. — С. 35—64.

Вязьмитина М.И. Раскопки на городище Айртам // Тр. АН УзССР. Серия 1: История, Археология. Термезская археологическая экспедиция. — Ташкент, 1945. — Т. 2. — С. 23—34.

Горшенина С.М. Галина Пугаченкова. Перебирая жизни черепки. — Ташкент, 2002. — 254 с.

Горшенина С. «...Какой мне сон приснился ныне» // Звезда Востока. — Ташкент, 1994. — С. 133—148.

Зуммер В.М. Заявления в разные инстанции о несправедливом освобождении его от должности заведующего кафедрой и преподавателя в Средне-Азиатском Государственном университете. 2—11 апреля 1949 г., Ташкент / ИР НБУВ. — Ф. 291, спр. 191. — Арк. 4.

Колесникова В.А., Яненко А.С. Жизнь археолога в повседневном измерении как одно из направлений истории археологии // Евразийский археолого-историографический сборник: К 60-летию С.В. Кузьминых. — Санкт-Петербург; Красноярск, 2012. — С. 153—160.

Лист від Туркменського філіалу АН СРСР до М.І. Вязьмитіної / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Листи від В.М. Зуммера до М.І. Вязьмитіної / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Листи від Г.А. Пугаченкової до М.І. Вязьмитіної / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Листи від М.І. Вязьмитіної до М.М. Ігнатєвої / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Листи від М.І. Вязьмитіної до М.О. Новицької / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Листи від М.О. Новицької до М.І. Вязьмитіної / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Листи від М.С. Массона до М.І. Вязьмитіної / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

Массон М.Е. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии. — Ташкент, 1937. — 19 с.

Массон М.Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). // КС ИИМК. — 1940 — Вып. 8. — С. 113—116.

Массон М.Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. // Тр. АН УзССР. — 1945. — Т. 2. — С. 23—35.

Массон М.Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1949. — Т. 1. — С. 5—15.

Массон М.Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1949а. — Т. 1. — С. 16—115.

Массон М.Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ. — Ашхабад, 1951. — Т. 2. — С. 7—72.

Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Тр. САГУ. Археология Средней Азии. — Ташкент, 1956. — Вып. LXXXI. — С. 5—40.

Массон М. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. — Ташкент, 1976. — 176 с.

Пугаченкова Г.А. Михаил Евгеньевич Массон — основатель центральноазиатской археологической школы // Кумбес. — 1998. — № 1. — С. 2—4.

Стиль работы и полевой быт Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (воспоминания участников). — Ашхабад, 1972. — 106 с. Фото-Газета. — Ташкент, 1948. — № 8.

Шамукарамова Ф.Ш. Михаил Евгеньевич Массон и археология Средней Азии // История и историки Узбекистана в XX веке. — Ташкент, 2014. — С. 194—216.

Curriculum vitae Вязьмитиной Марии Ивановны / НА ІА НАН України. — Ф. 34.

А.В. Бузько

ОБ УЧАСТИИ МАРИИ ВЯЗЬМИНОЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (по воспоминаниям и переписке)

В 1937 г. в Термезской археологической комплексной экспедиции произошло археологическое «крещение» Марии Ивановны Вязьмитиной (1896—1994) М.Е. Массоном. В этот страшный для советских граждан год она, выехав весной из Киева, работала начальницей третьего отряда экспедиции на городище Айртам, раскапывая греко-буддийские памятники кушанов на правом берегу Аму-Дарьи близ Термеза.

После войны, когда экспедиционная деятельность стала возобновляться, Мария Вязьмитина принимала участие в первой пятилетке работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (1946—1950) в качестве начальницы второго отряда, работая на городище Новой Нисы — столицы Парфянского царства. Параллельно с работой в экспедиции и в библиотеке Киевского Дома архитекторов, она подготовила и успешно защитила в 1947 г. кандидатскую диссертацию по итогам своих работ 1937 г.

Таким образом, в статье рассматривается фигура Марии Вязьмитиной в контексте работ двух крупнейших Среднеазиатских экспедиций. Помогают ближе рассмотреть быт и научные будни экспедиций воспоминания Галины Пугаченковой и переписка Марии Вязьмитиной. И если С. Горшениной удалось вовремя записать и издать мемуары Г. Пугаченковой, то материалы М. Вязьмитиной «законсервировались» в ее архиве. Статья вводит в научный оборот ценные

фрагменты переписки Марии Вязьмитиной, которые помогают более целостно воссоздать картину ее длинной и интересной жизни.

Ключевые слова: Мария Вязьмитина, Михаил Массон, Галина Пугаченкова, биографистика, эпистолярный, история археологии, Средняя Азия, археологическая повседневность.

O. V. Buzko

**MARIA VYAZMITINA'S
PARTICIPATION IN THE
ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
OF CENTRAL ASIA (Based on the
Memoirs and Correspondence)**

In 1937 in Termiz Archaeological Complex Expedition Mariia Ivanivna Vyazmitina (1896—1994) was «baptised» as an archaeologist by M.E. Masson. In this terrible for the Soviet citizens year she leaved Kyiv in Spring and worked as a chief of the third brigade on ancient settlement Airtam excavating Greco-Buddhist Kushan monuments on the right bank of the Amu Darya River near Termiz.

After the war, when expedition activity has renewed, Mariia Vyazmitina participated in the first five year-plan of work of the South-Turkmen archaeological complex expedition (1946—1950) as a chief of the second brigade, working on the ancient settlement of New Nisa — the capital of the Parthian Empire. In parallel with the work in the expedition, and in the library of the Kyiv House of Architects, she had prepared and successfully defended in 1947 her thesis on the results of her work in 1937.

Thus, we consider the figure of Mariia Vyazmitina in the context of the work of two major Central Asian expeditions. Memories of Galina Pugachenkova and correspondence of Mariia Vyazmitina assist a closer look at the scientific expeditions' everyday life. While S. Gorshenina on time managed to record and publish memoirs of G. Pugachenkova, the documents of M. Vyazmitina are «conserved» in her personal archive. The article introduces into scientific discourse valuable Mariia Vyazmitina's correspondence, which helps to recreate a more holistic picture of her long and interesting life.

Keywords: Mariia Vyazmitina, Mikhail Masson, Galina Pugachenkova, biographic studies, epistolary, history of archeology, Central Asia, archaeological everyday life studies.

Одержано 3.01.2017

С.В. Полин

ОБ ОГРАБЛЕНИИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Статья посвящена различным вопросам связанным с ограблением курганов скифского времени.

Ключевые слова: скифы, курганы, грабители, ограбление курганов, мотивы ограбления.

С начала раскопок скифских курганов в Северном Причерноморье археологи столкнулись с фактом ограбления подавляющего большинства скифских могил. По подсчетам А.М. Хазанова и Е.В. Черненко по 6 могильникам степной Скифии ограбленность курганов в них составила от 70 до 100 %. Причем нетронутыми остались наиболее бедные захоронения [Хазанов, Черненко, 1979, с. 18].

С тех пор были исследованы десятки новых скифских могильников, в которых открыты сотни погребений, и база данных возросла во много раз. Поэтому вернемся к этой проблеме повторно и попробуем вновь проанализировать, кто, когда, как и с какой целью грабил скифские курганы в Северном Причерноморье.

1. КТО И КОГДА?

По заключению А. Ашика в Керчи курганы без внешних признаков ограбления, когда курган сохранял внешне целостную форму и грабительская воронка давно заплывла грунтом, были ограблены во времена древних греков — современников захоронений, а курганы, имевшие видимые воронки на поверхности, были ограблены в позднее время генуэзцами и турками [Ашик, 1848, с. 32—33].

Участие современников, возможно непосредственных свидетелей и участников погребальных церемоний или их ближайших

потомков, в ограблении скифских курганов предполагается многими исследователями и часто подтверждается фактами, открываемыми в процессе раскопок. Устройство многих грабительских ходов предполагает точное знание местонахождения гробниц в курганах, их глубин, наличия в них драгоценных изделий [Герц, 1876, с. 4; Забелин, 1908, с. 286; МРЗ, с. 141; Спицын, 1910, с. 66; Бобринский, 1910б, с. 63; Артамонов, 1935, с. 142; Руденко, 1960, с. 103—104; Березовец, 1960, с. 88; Граков, 1971, с. 71]. Особенно это справедливо для боковых впускных гробниц в больших скифских курганах, которые без знания точного их расположения невозможно обнаружить с поверхности кургана. Не вызывает сомнений ограбление боковых гробниц Гаймановой Могилы, Мелитопольского кургана, Соболевой Могилы и Огуза современниками [Хазанов, Черненко, 1979, с. 19; Мозолевский, Полин, 2005, с. 152; Бидзиля, Полин, 2010, с. 78—100].

Высокий процент скифских курганов, ограбленных современниками, квалифицированность проделанной работы при ее весьма большой трудоемкости позволяют предполагать существование в скифское время групп профессиональных грабителей [Хазанов, Черненко, 1979, с. 22].

А.М. Хазанов и Е.В. Черненко по находкам костей животных, пропитанных бронзовыми окислами в результате пребывания в бронзовом котле, а также позеленевших костей ног человека в результате былого наличия на погребенном бронзовых поножей, предполагали значительный промежуток между временем совершения захоронений в Страшной и Толстой могилах и их ограбления и относили эти

ограбления к сарматскому времени¹ [Хазанов, Черненко, 1979, с. 23]. Оба ограбления осуществлены первым способом, наиболее характерным для скифского времени. Насколько длительным мог быть промежуток времени, достаточный для позеленения костей животных в результате пропитывания окислами при пребывании в бронзовом котле или человека при наличии на его ногах бронзовых поножей, дает ответ ограбление впускной Северной гробницы 1 Гаймановой Могилы. Здесь в заполнении грабительского хода, помимо различных вещей, также были найдены кости животных зеленого цвета, пропитанные бронзовыми окислами, выброшенные грабителями из котла. Северная гробница Гаймановой Могилы была ограблена, когда потолок катакомбы еще стоял целым, и грабители имели возможность внимательно, без помех очистить от драгоценностей захоронения основных покойников 2—5, не тратя времени на захоронения слуг и лошадей, а также хозяйственную нишу² [Бидзиля, Полин, 2010, с. 79, рис. 100; 113]. Потолок весьма значительной по площади камеры Северной гробницы, превышавшей 15 м², подрезанный со всех сторон двумя входными ямами и двумя нишами, не мог оставаться целым сколько-нибудь длительное время. Хотя и сложно точно рассчитать этот промежуток до полного обвала, но в любом случае он не превышал 5—10 лет. Что, как выяснилось, оказывается вполне достаточным для пропитывания окислами костей животных в котле и приобретения зеленого цвета. Еще одно косвенное соображение указывает на краткость этого промежутка — пропитывание костей окислами в котле происходило в результате пребывания костей в жидкости (в мясном бульоне), для высыхания которого также не нужно слишком много времени, даже в условиях пониженной температуры изолированного подземелья. Также и пропитывание костей ног человека бронзовыми окислами поножей наиболее интенсивно могло происходить только пока сохранялась влажная мякоть мяса, окислявшая металл. По данным судебной медицины разложение мягких тканей с сохранением связок и хрящей длится от 3—6 месяцев до 1 года, полное скелетирование — от 1 года до 5

и более лет [Нелин, 2001, с. 317—321]. Можно полагать, что в пустых, свободных от грунта камерах процессы разложения под воздействием воздуха шли достаточно быстро. И процесс пропитывания окислами костей человека успешно завершился в эти 5 лет, а возможно, и ранее, и, соответственно, вторжение грабителей произошло в этот же промежуток времени.

Таким образом, и захоронения с пропитанными окислами костями были ограблены вскоре после их совершения, буквально через несколько лет. То обстоятельство, что в Северной гробнице 1 Гаймановой Могилы сохранился тайник, видимо, указывает на неполную информированность грабителей о погребении. Безусловно, закладка вещей в тайник совершалась в глубокой тайне, без какой бы то ни было огласки.

Для средневековья известно несколько случаев размещения впускных половецких погребений в скифских курганах, непосредственно в катакомбах скифских погребений (курган 1 у пгт Новотроицкое, курган 1 у с. Богдановка, курган 5 у с. Новокаменка и др. на Херсонщине — раскопки А.И. Кубышева в 1974—1976 гг.), на Николаевщине [Кубышев, Орлов, 1982, с. 241], возле Большого Токмака на р. Молочной [Смирнов, 1960, с. 177], в районе Скадовска [Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 253] и на Керченском полуострове [Хазанов, Черненко, 1979, с. 20]. Во всех этих случаях половецкие впускали захоронения в центр курганов и случайно попадали на входные ямы скифских центральных захоронений. При том, что погребения половецкие даже высокого статуса в этих районах не отличаются значительной глубиной (не более 2 м), в этих случаях прокапывались скифские входные ямы на всю их глубину (толща насыпи кургана + до 5 м в материке) и половецкие покойники размещались в опустошенных камерах скифских катакомб. Возможно участие половецких в грабеже этих скифских могил, если только они не были опустошены до них ранее, еще в скифское время.

Венецианские купцы, проживавшие в Танаисе (средневековой Танае), в 1437—38 гг. в поисках мифического аланского сокровища с помощью 120—150 землекопов предприняли безрезультатные раскопки, как они полагали, большого кургана Контобе в районе Кобякова городища. По весьма характерным деталям, сохранным в описании этой операции Иосафато Барбаро, сейчас стало понятным, что незадачливые кладоискатели безуспешно копали культурный слой Кобякова городища [Барбаро, 1971, с. 137—140, 166; Косяненко, 2008, с. 10—11; Каменецкий, 2011, с. 12—13]. Тем не менее, как уже отмечалось выше, А. Ашик подозревал венецианцев в ограблении части керченских курганов.

Вероятно, для периода позднего средневековья, когда причерноморско-приазовские степи

1. Неоднократно высказывавшееся предположение о том, что грабителями скифских курганов могли быть сарматы, согласно легенде разгромившие и изгнавшие скифов в Северном Причерноморье, реальных доказательств не имеет [Граков, 1971, с. 71; Хазанов, Черненко, 1979, с. 20], как и сам разгром [Полин, 1992].

2. Конечно, с современных позиций содержимое хозяйственной Северной ниши Северной Гробницы 1 Гаймановой Могилы [Бидзиля, Полин, 2010, с. 87—94, 324—376, рис. 116—121, 458—498] представляет неопределимое сокровище. Однако, скифские грабители думали иначе, что лишний раз указывает на истинные мотивы ограбления.

входили в состав Дикого Поля и были практически безлюдными, можно предполагать спад грабительской деятельности. Но в приднепровской лесостепи, где сохранялось постоянное население, этот процесс, по всей видимости, не затихал практически никогда. В междуречье Ворсклы и Сулы зафиксировано ограбление почти 100 % скифских курганов VII—IV вв. до н. э. Единичные могилы, избежавшие ограбления, являются бедными, практически безинвентарными захоронениями. Первые ограбления здесь, как и везде, произошли еще в скифское время. Следующий период активного грабежа, по мнению А.Б. Супруненко, относится ко второй половине XVI—XVII вв., когда польские гарнизоны, нередко остававшиеся без жалования, занимались грабежом курганов¹. Наибольшего размаха ограбление курганов в лесостепи достигло в XVII в., когда многочисленные магнаты-промышленники (Бартоломей Обалковский, Иеремия Вишневецкий и др.) на окраинных землях Левобережья вели активную добычу селитры, прежде всего из грунта курганов. Огромные курганы в урочищах Скоробор, Саранчево поле, Осняги, а также валы Бельского городища, многочисленные курганы в Среднем Поворсклье стали объектами разработки при добыче селитры именно в это время [Супруненко, 2000]. В необъятных имениях Вишневецких существовала так называемая «селитренная держава» [Андриенко, 1971, с. 75—76]. Добыча селитры в эти времена непрерывных войн в Польше и России, вплоть до новейшего времени осуществлялась в государственных масштабах. Даже в XVIII в. т. н. буды по добыче селитры имелись в каждом левобережном козацком полку [Бакай, 1885, с. 734]. Можно предполагать, что в это время в лесостепи исчезло с лица земли значительное число крупных курганов. Несомненно, при этом разрушались и курганные захоронения. Имеется сыскное дело 1626 г. о находке селитренным мастером Романом Гавриловым в кургане возле Путивля значительного количества золотых «прутков», «персней», «пуговиц» и «иных мелких статей» [Оглоблин, 1893, с. 118—119].

После присоединения в результате русско-турецких войн степей Северного Причерноморья и Приазовья, в XIX в. происходило хозяйственное освоение новых территорий, в процессе которого курганы, и прежде всего скифские,

1. В описании Каневского замка 1552 г. содержится следующее: «Переказа от копачевъ. А еще переказуют уходом иным таковымъ же обычаемъ копачи з драбов, которые по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопываютъ, ищущи тамъ оброчей и перстней, мощи погребенныхъ выкидываютъ, на помъсту за то живымъ и невиннымъ». По контексту драбы были людьми служивыми, составлявшими гарнизон Каневского замка [Архив, 1886, с. 103, 105; 1890, с. 45—46].

привлекали новое население наличием большого количества дефицитного в степях строительного материала — огромного количества камня. Так в 1830 г. при добыче камня из курганов была открыта царская гробница Куль-Обы, а в 1851 г. сделаны замечательные находки в крепиде Александропольского кургана. Богатство керченских курганов привело к появлению в Керчи т. н. «счастливицков» — профессиональных грабителей курганов, кормившихся этим ремеслом (подробнее: [Мозолевский, Полин, 2005, с. 439—441]). В керченских курганах гробницы находились на уровне горизонта, их устройство было вполне понятным, как и вероятные способы их обнаружения.

В степях Северного Причерноморья скифские курганы устроены иначе — гробницы в них находятся глубоко в материке. И знакомство местного населения с устройством скифских курганов и возможностью обогащения в них происходило при официальных раскопках, так сказать «наглядно». Так, после раскопок Александропольского кургана в 1852—1856 гг., Чертомлыка в 1862—1863 гг., Огуза в 1891—1894 гг. на окрестных территориях происходило массовое возникновение и бурное развитие грабительской деятельности местных селян, ранее и не подозревавших о таких возможностях. Особенно прославился в этом отношении Н.И. Веселовский, после раскопок которого в недокопанных курганах (Огуз, Деев курган) при обвалах открывались ненайденные им обильные золотом неграбленные погребения, становившиеся добычей местного населения. После завершения официальных раскопок, и в особенности благодаря таким находкам, в этих местах вспыхивала «золотая лихорадка», при которой перекапывались сотни окрестных курганов ([Мозолевский, Полин, 2005, с. 435—438] — здесь история и литература вопроса).

Для советского периода в силу ряда причин, в том числе и полицейского свойства, ограбления курганов были сравнительно редким явлением. После развала Советского Союза и обретения Украиной независимости грабеж курганов и всех прочих видов археологических памятников повсеместно приобрел грандиозные абсолютные неконтролируемые размеры. В стране сложился черный рынок древностей, добытых грабительскими раскопками, вполне легально действуют интернет-аукционы, часть вещей контрабандой вывозится за рубеж и сбывается на различных антикварных аукционах. На современном этапе грабеж ведется на высоком организационном уровне с помощью современной поисковой аппаратуры. Среди представителей финансовой и политической элиты стало модным коллекционирование древностей. Появились и частные музеи древностей, состоящие из вещей, скупленных у грабителей.

2. КАК?

В степном Причерноморье известны *два типа* ограбления крупных скифских курганов.

Первый: копался вертикальный колодец у края кургана, чаще всего, с северной стороны, и после его некоторого углубления в материк, пробивалась наклонная штольня, направленная в центральное захоронение кургана. Как правило, ориентация грабительского хода по направлению и глубине бывают весьма точными. Иногда входной колодец грабительского хода точно «садится» сверху на входную яму или камеру впускного бокового захоронения, которое сверху, с поверхности насыпи кургана без знания точных координат обнаружить невозможно. Целиком вероятно абсолютная неслучайность таких сверхточных «попадающей». Известны случаи, когда грабительская штольня, направленная в центр, попутно «пронизывает» и другие впускные захоронения, что также нельзя считать случайностью. Все эти факты указывают на точное знание грабителями подкурганной планировки. Все обстоятельства указывают на то, что первый тип ограбления совершался в основном еще в скифское время. Так были ограблены Александропольский курган, Чертомлык, Огуз [Мозолевский, Полин, 2005, с. 431—433], первой и второй Мордвиновский курганы [Макаренко, 1916, с. 271], центральные гробницы Солохи [ОАК, 1912, с. 40—41], Гаймановой [Бидзиля, Полин, 2010, с. 139—141, рис. 27] и Толстой могил, Желтокаменная Толстая [Мозолевский, 1979, с. 49—51, рис. 2; 1982, с. 201—203, рис. 29], Водяна, Бабина и Соболева могилы [Мозолевский, Полин, 2005, 84, 108—113, 152, рис. 4; 27; 77], курганы 13, 15 и 22 в Золотобалковском могильнике [Полин, 2014, с. 65, 115—116, 172—173, рис. 23; 35; 51; 64; 92; 98; 99].

Ограбления первого типа датируются преимущественно скифским временем. Однако, есть и исключения. Через наклонную штольню из полы кургана был ограблен 2-метровый курган CDLXXXI у с. Капитановка на Черкащине. Кроме лошадиных и человеческих костей, в заполнении грабительского хода были найдены «кирпичи и предметы новейшего времени» [Бобринский, 1910а, с. 59]. Несомненна датировка ограбления XIX в.

Есть и пример повторного использования древнего грабительского хода в новейшее время. В Чертомлыке, входящем в четверку крупнейших курганов Скифии, ограбление было произведено в скифское время через боковую штольню, бравшую начало в северной поле кургана, в Северной впускной гробнице. В период первоначального заселения земель Новороссии, вероятно, в XVIII — начале XIX в., грабители повторно воспользовались тем же ходом [Мозолевский, Полин, 2005, с. 432—433].

Второй тип ограбления — вертикальный колодец копался непосредственно на вершине кургана. В Северном Причерноморье вершина кургана в подавляющем большинстве случаев находится точно над центральным захоронением и такой способ ограбления, даже при незнании местонахождения погребений под курганом, точно приводит к цели. Такие ограбления чаще всего являются повторными, произведенными уже после древних ограблений первого типа, как правило, в новейшее время. Они же являются и наиболее сокрушительными, когда разрушаются погребальные сооружения, а содержимое, иногда вплоть до последней косточки, выбрасывается наверх, на поверхность кургана, для тщательной переборки. В целом такие ограбления принято считать поздними, что часто вполне справедливо. Поздние ограбления иногда имеют твердую датировку XIX в. по вещам, утерянным грабителями [Мозолевский, Полин, 2005, с. 435]. В 8 Пятибратнем кургане на Нижнем Дону в заполнении грабительской воронки на вершине кургана найдены захоронения середины XIX в., на основании чего его ограбление датировано XVII—XVIII в. На позднюю дату ограбления указывает также неточность попадания грабительского колодца в цель. Грабители обнаружили лишь одно крайнее помещение большого погребального сооружения, по-видимому, не подозревая о существовании остальных камер [Шилов, 1961, с. 153—156, рис. 2].

Но правил без исключения нет. Имеются свидетельства ограбления вторым способом еще в древности. В Соболевой Могиле и в кургане 4 у с. Первомаевка грабительские колодцы в центре курганов перекрыты половецкими святилищами [Евдокимов, Купрій, 1991, с. 264; Евдокимов, Фридман, 1991, с. 75], что указывает на совершение этих ограблений ранее XII ст. Курган Верхний Рогачик высотой 11 м ограблен дважды — наклонным ходом из полы кургана и колодцем сверху. По мнению Н.И. Веселовского, удачливее был грабитель, шедший сверху, что, по-видимому, свидетельствует о несколько большей древности верхнего ограбления в сравнении с боковым [ОАК, 1913—1915, с. 133—134]. Раскопки Александропольского и Краснокутского курганов, Слоновской и Томаковской Близниц, Каменной Могилы были первыми раскопками скифских курганов в причерноморских степях, производившимися вскоре после заселения края, когда еще ничего не было известно об устройстве и содержимом здешних курганов. По этому и ряду других признаков можно считать, что ограбления вертикальным колодцем сверху, зафиксированные в этих курганах, были совершены еще в древности.

В больших курганах нередки двойные ограбления, осуществленные обоими способами, и ограбления второго типа в них стратиграфичес-

ки являются более поздними (Александропольский курган¹, Огуз², Желтокаменская Толстая Могила, Бабина и Соболева могилы, курган 13 Золотобалковского могильника, Башмачка³ и др.). Мелкие курганы и в скифское время, и позднее грабились вторым способом.

3. С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ?

Курганы в Северном Причерноморье начали грабить с тех пор, как среди вещей, сопровождавших погребенных в потусторонний мир, начали помещать изделия из драгоценных металлов в достаточно ощутимых количествах [Мозолевский, Полин, 2005, с. 427]. Хотя еди-

1. В Александропольском кургане кроме ограблений вертикальным колодцем с вершины насыпи и из северо-восточной полы кургана боковой штольной, имеются и некие загадочные штольни в северо-западном секторе. Из северо-западной полы кургана в центр были направлены две почти параллельные наклонные штольни, заканчивавшиеся, несколько не доходя до центральной могилы кургана, значительно глубже нее, на уровне почвенных вод [ДГС I, Атлас, табл. I, мины № XIV, XV]. Эти ходы традиционно считаются грабительскими. И.Е. Забелин полагал, что эти мины, направленные к центральной гробнице чрезвычайно верно, не достигли цели потому, что были ошибочно направлены слишком глубоко, значительно ниже подземных сооружений кургана, и врезались в водоносные слои [ДГС I, с. 25]. Однако, такие ошибки просто невозможны для грабителей скифского времени и, по-видимому, данные штольни к ограблению не имеют отношения. В больших сакских курганах Казахстана в кургане 3 могильника Уштобе и Бешатырских курганах 3 и 6 обнаружены подобные ходы-штольни высотой до 2 м, синхронные захоронениям в курганах. Они не связаны с погребениями, имеют сложную планировку и очень тщательно отделаны - входы оформлены бревенчатыми окладами, тщательно оформлены своды, устроены специальные ниши для светильников. По мысли Р.Б. Исмагилова эти ходы служили местом проведения брачных действий, отражая концепцию кругооборота жизни и смерти, символа единства жизни и смерти [Исмагилов, 1992, с. 34—35; Акишев, Кушаев, 1963, с. 62]. Трудно сказать, какие церемонии совершались в загадочных штольнях Александропольского кургана, но то, что какие-то действия там производились, свидетельствуют находки костей животных [Мозолевский, Полин, 2005, с. 431].

2. В 20-метровом Огузе Центральный склеп кургана ограблен трижды: дважды грабители проникли в склеп по подземному дромосу сбоку кургана и один раз вырыли вертикальный колодец с вершины кургана. О его существовании также свидетельствовала впадина на вершине [ОАК, 1891, с. 72; 1894, с. 9—10]. Не избежали ограбления и впускные захоронения кургана [Болтрик, Фіалко, 1991], что, безусловно, свидетельствует о совершении ограбления современниками, знавшими точное местонахождение впускных погребений в огромном кургане.

3. Курган Башмачка ограблен дважды — наклонным ходом из полы кургана и колодцем с вершины [Спицын, 1901, с. 78], по-видимому, в скифское и в новое время.

ничные золотые и серебряные изделия в нашем регионе впервые появляются в погребениях ямной и катакомбной культур эпохи энеолита и средней бронзы, однако, практика ограбления курганов возникает в более позднее время. Погребения ямной и катакомбной⁴ культуры ограблению не подвергались. Мне известен единственный факт ограбления погребения ямной культуры в кургане у с. Ново-Алексеевка (Лазурное) Скадовского р-на Херсонской обл. (раскопки Е.В. Черненко в 1975 г.). Однако, это ограбление позднее и случайное. Грабители новейшего времени, введенные в заблуждение солидными размерами кургана (высота 5 м), по-видимому, посчитали курган скифским и прокопали вертикальный колодец на вершине и таким образом попали на первичное захоронение ямной культуры в центре кургана. Ограбления погребений катакомбной и срубной культур эпохи средней и поздней бронзы в Северном Причерноморье неизвестны.

Однако, курганы единственного в своем роде могильника XIV—X вв. до н. э. у с. Гордеевка в Побужье, видимо, связанного по происхождению с Подунавьем, насыщенного ценными импортными изделиями, безусловно были ограблены современниками похорон [Березанська, Лобай, 1994, с. 150]. Ограбленными в древности оказались и все богатые захоронения в курганном могильнике белозерской культуры XI—X вв. до н. э. у с. Степное в Запорожской обл., в то время как остались непотревоженными все бедные захоронения этого могильника, что недвусмысленно указывает на причастность к этому современников [Отрощенко, 1975, с. 193]. Аналогичные факты известны и для киммерийского времени [Черняков, 1977, с. 33].

Таким образом, изначально были прежде всего корыстные мотивы ограбления. Именно корысть была главным мотивом грабителей скифских курганов во все времена — и в древности в скифское время, и в средневековье, и в новое время, и в особенности в наши дни. В скифских курганах Северного Причерноморья мы видим изобилие золота, несопоставимое по количеству и качеству ни с одним другим народом, когда-либо обитавшим в этом регионе. Необходимо учесть, что сохранившееся в музеях огромное количество скифского золота⁵ явля-

4. В катакомбной культуре известно немало погребений с захоронениями расчлененных скелетов, где захоронены разделенные кости человека, сложенные в относительном порядке. Возможно, это перенос костей умершего «на родину», возможно, захоронение скелета человека, по каким-то экстраординарным причинам оставшегося незахороненным и совершенное впоследствии.

5. Прежде всего в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, где хранится богатейшая коллекция скифского золота из курганов Северного Причерноморья, раскопанных на протяжении XVIII — начала XX в., не менее богатой

ется лишь самой незначительной частью, случайно уцелевшей от грабителей, настойчиво опустошающих скифские гробницы на протяжении более 2500 лет. Совершенно очевидно, что в скифское время в живом обороте и попало в скифские курганы в виде различных изделий фантастическое количество благородного металла¹. Что полностью соответствует легендарным представлениям древних греков о Причерноморье и далеких северных странах, всегда ассоциировавшимся с изобилием золота. Миф об аргонавтах, совершивших отважное путешествие в Колхиду за золотым руном, является наиболее ранним свидетельством добычи золота на Кавказе. Сюжет о грифонах в далеких Рипейских горах, стерегущих золото от падких до него людей, отражен в творчестве ряда греческих и римских авторов. В этих горах предполагается Урал, Кавказ, Алтай или даже Карпаты. Как полагал Л. Стефани, далекая северо-восточная Скифия (в широком смысле) служила вторым главным источником золота для греков [Стефани, 1864, с. 51—54; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 220, 257, прим. 181, 250].

Для целого ряда культур степного и лесостепного пояса Евразии различные нарушения захоронений, как-то: частичное или полное разрушение скелета, частичное изъятие костей скелета или значимых категорий сопровождающих вещей рассматривается как проявления обряда обезвреживания покойников. О существовании такого обряда у некоторых народов известно по данным этнографии. Так по представлениям алеутов пока тело погребенного оставалось неповрежденным, оно продолжало быть членом родной общины и являлось потенциально опасным для человека, убившего его. Расчлененные тела теряли силу, заключенную в теле [Лафлин, 1981, с. 33—44].

В могильниках черняховской культуры Северного Причерноморья и раннесредневековых кочевников на Волге, Каме, Дону, Северном Кавказе и в Нижнем Подунавье как будто прослежен ритуал обезвреживания покойников, заключавшийся в проникновении в могилы с целью нарушения или уничтожения скелета и (или) изъятия части вещей [Сымонович,

1963, с. 57—59; Флеров, 1989, с. 177—186; 1992, с. 29—32; 1998, с. 138]. То же предполагается для синташтинской, петровской и алакульской культур эпохи бронзы Южного Урала, где ограбленные и потревоженные погребения составляют 47 % [Нелин, 2001, с. 317—321]. Сходные объяснения предполагаются и для захоронений раннего железного века в Горном Алтае, где помимо банального грабежа, имевшего место во все времена, предполагаются и другие мотивы, такие как осквернение захоронений, месть ушедшему в иной мир человеку, или какому-либо конкретному клану, или «обычай приобщения», когда новые мигранты сооружали рядом свои курганы, либо погребали своих покойников впускными в более ранние инокультурные курганы, при этом, однако, не тревожа более ранние захоронения, или «обычай замещения», когда в более ранние курганы на место предшественников укладывали своих покойников и при этом более древнее захоронение разрушалось частично или полностью [Суразаков, 1999, с. 171—173]. Предлагается также объяснение массовости ограблений курганов в скифское время в результате длительного процесса периодического активного физического общения живых и мертвых, или как это называется в северных мифологиях, «путешествия к обитателям курганов» [Жук, 1990, с. 62; Савинов, 1992, с. 109; Курочкин, 1993, с. 30].

Все это предполагается и для скифских курганов Северного Причерноморья [Хазанов, Черненко, 1979, с. 24—26]. Однако, достоверно установить такой обряд при раскопках практически невозможно. Мой собственный многолетний опыт раскопок говорит о том, что погребения всех времен и народов активно подвергались воздействию различных видов землероев, сами погребения нередко использовались для устройства нор, как мелкими, так и более крупными животными (лисы и т. п.), что приводит к частичному или полному разрушению скелета или (и) исчезновению отдельных костей или вещей². Поэтому считать, что разрушение ске-

коллекции в Музее исторических драгоценностей Украины в Киеве, где хранятся находки из раскопок курганов в Украине с 1954 до середины 1980-х гг. и немного из старых раскопок XIX — начала XX в. из коллекции Ханенко, а также в Фондах ИА НАН Украины, где хранятся находки из раскопок начала 1980-х гг. — 2009 г., а также еще в нескольких музеях Украины и мира в неизмеримо меньших количествах.

1. Даже в весьма небогатых скифских захоронениях, избежавших ограбления, нередко присутствует минимальный набор золотых вещей из пары перстней, сережек и ожерелья или бус, либо что-то одно из перечисленного.

2. В кургане 5 у с. Владимировка в Приазовье в погребении ямной культуры 2 у скелета отсутствовали череп и кисти рук, малая берцовая кость правой ноги была смещена. Все погребение изрыто норами землероя. При этом бронзовый нож, крайне редкая находка в погребениях ямной культуры Северного Причерноморья — Приазовья, был найден в стенке погребения в одной из нор на расстоянии примерно 0,3 м от погребения [Полин, Черных, 2009, с. 39, рис. 1, 3—4]. Безусловно, все это является результатом активной деятельности грызунов и ни о каком ограблении или обряде обезвреживания не может быть и речи. И другой пример. На территории лесостепной Черкасской обл. в Золотоношском р-не практически все погребения ямной культуры как первичные, так и впускные имеют незначительную глубину — прорезают лишь толщу погребенного чернозема и углубляются в материк всего на 0,1—0,3 м. Практически все они в большей или меньшей сте-

лета, или смещение отдельных костей, и даже их отсутствие, является результатом обряда обезвреживания, а не работы животных нет ни малейших оснований. Вероятность такого объяснения в Северном Причерноморье возможна лишь теоретически.

Яркое косвенное свидетельство дает курган 13 у с. Золотая Балка на Херсонщине, в насыпи которого, в крепиде и в закладе одного из погребений найдены скифская антропоморфная стела с изображением воина со всеми атрибутами, разбитая надвое, и часть ее постаменты. Безусловно, данные находки свидетельствуют о свержении этой стелы с более раннего скифского кургана и использование ее в разбитом виде в кургане новых владельцев данной территории с целью унижения прежних хозяев, их дезавуирования, и утверждения собственного господства [Полин, 2014, с. 51—53, 59, 61, 188, кат. 39, рис. 33, 10]. Вполне можно предполагать, что свержение стелы с этого кургана сопровождалось и осквернением погребений в соседних курганах, принадлежавших предшественникам.

Однако, достоверно выделить эпизоды, связанные именно с такими действиями, абсолютно невозможно, поскольку все нарушения скифских гробниц в Северном Причерноморье сопровождалось сокрушительным ограблением погребения, изъятием из него максимального количества драгоценных изделий, за малым исключением случайно незамеченных или утерянных в процессе ограбления, и частичным или полным разрушением скелета. Встречающиеся случаи слабых ограблений скифских гробниц объясняются тем, что такие ограбления производились уже после обвалов катакомб, когда грабителям в поисках добычи с риском для жизни приходилось переклаивать горы обвалившегося грунта, когда физически невозможно было сколько-нибудь полное извлечение драгоценных вещей, в том числе и относительно крупных. Самый яркий пример — находки в центральной гробнице Толстой Могилы, где пектораль, меч в золотых ножнах, нагайка с золотой обмоткой и некоторые другие ценные вещи были сложены в

пени разрушены норами землероев, нередко многие кости отсутствуют, особенно в детских погребениях (раскопки С.А. Беляева в 1983 г.). Такие же особенности погребений ямной культуры в Золотоношском и соседнем Чернобаевском р-не на левом берегу и в Монастырищенском на правом отмечены и работами других экспедиций (раскопки Е.В. Черненко, А.В. Симоненко, С.Я. Ольговского, С.В. Полина).

очень необычном месте, — в стороне от скелета, ближе к входу в катакомбу, в дромосе, — и, будучи скрытыми обвалом потолка, остались незамеченными грабителями, которые не могли предположить подобное расположение вещей и даже не искали в этом районе [Мозолевский, 1979, с. 53—54, рис. 31, 6—12]. В огромной обвалившейся катакомбе впускной женской гробницы Мелитопольского кургана при раскопках из грунта обвалов извлечено 3904 ед. мелких золотых изделий общим весом 1595,915 г при отсутствии крупных изделий, которые грабителям, видимо, все же удалось изъять [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 342]. В Александропольском кургане после ограблений¹ не осталось крупных изделий, однако, в заполненных обвалами погребальных сооружениях кургана было найдено более 5000 единиц мелких золотых изделий общим весом более 3,5 кг, не считая множества предметов из иных металлов с золотым покрытием [Полин, 2017].

И с другой стороны — в огромном курганном могильнике Мамай-гора в Запорожской обл. в исследованных на протяжении 1988—2008 гг. 171 скифском кургане неогрбленными оказались 187 погребений из 355 погребений или 53 % общего числа скифских погребений² [Андрух, Тоцев, 1999, с. 173—179; 2004, с. 114, 138—140; 2009, с. 52—116, 183—198; Андрух, 2001, с. 225—239], что существенно образом не соответствует привычным представлениям. В чем же здесь секрет? Дело в том, что могильник Мамай-гора оставлен беднейшим скифским населением, сосредотачивавшемся в V—IV вв. до н. э. в окрестностях Каменского городища на краю днепровского Великого луга. Данные по Мамай-горе безусловно свидетельствуют, что основным мотивом ограбления скифских курганов в скифское время (а именно к этому времени относятся ограбления курганов на Мамай-горе — [Андрух, 2000, с. 114]) все же была корысть. Все остальные вполне вероятные предполагаемые мотивы ограблений полностью скрываются возможностью элементарной поживы и выделить их не представляется возможным.

1. Хотя картина ограбления Александропольского кургана далека от ясности, его неоднократность сомнений не вызывает.

2. По состоянию на 2009 г. Последняя опубликованная цифра — 175 скифских курганов, содержащих 358 погребений [Андрух, Тоцев, 2012, с.486]. Раскопки могильника продолжаются по сегодняшний день.

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата, 1963. — 298 с. + 11 табл.
- Андриченко В.П. Майдани і майдановидні споруди України // Вісник Харківського Університету. — Харків, 1971. — Т. 62: Історія. — Вип. 5. — С. 65—76.
- Андрух С.И. Могильник Мамай-гора в Нижнем Поднепровье // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. — М, 2000. — С. 110—120.
- Андрух С.И. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 2001. — Кн. 2. — 282 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 1999. — Кн. 1. — 231 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 2004. — Кн. 3. — 201 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 2009. — Кн. 4. — 310 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник скифского времени Мамай-Гора // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. — Krakow, 2012. — С. 485—490.
- Артамонов М.И. Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М.; Л, 1935. — № 1—2. — С. 142—164.
- Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. — К., 1886. — Ч. 7, т. 1. — 746 с.
- Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. — К., 1890. — Ч. 7, т. 2. — 863 с.
- Ашик А. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. — Одесса, 1848. — Ч. 2. — 88 с. + 11 л. ил., план.
- Бакай Н. Южно-русский дворянин XVIII века // Киевская старина. 1885. — Т. XI. — С. 717—742.
- Барбаро и Контарини о России. — Л, 1971. — 275 с.
- Березанська С.С., Лобай В.І. Курганний могильник бронзової доби поблизу с. Гордіївка на Південному Бузі // Археологія. — 1994. — № 4. — С. 148—153.
- Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. — 1960. — Т. 9. — С. 39—87.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2010. — 814 с.
- Бобринский А.А. Исследования в Чигиринском у. Киевской губ. в 1907 г. // ИАК. — 1910а. — Вып. 35. — С. 48—60.
- Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. // ИАК. 1910б. — Вып. 35. — С. 61—85.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Огуз — курган скіфського царя кінця IV ст. до н. е. // Золото степу. Археологія України. — Київ; Шлезвіг, 1991. — С. 178—180.
- Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. — М, 1876. — 118 с.
- Граков Б.Н. Скифы. — М, 1971. — 168 с. + 28 табл.
- ДГС I — Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. — СПб, 1866. — Вып. I. — 28 с. + приложение С. I—XVI.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — М, 1982. — 455 с.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. — К., 1991. — С. 72—97.
- Евдокимов Г.Л., Купрій Н.М. Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я // Золото степу. Археологія України. — Київ; Шлезвіг, 1991. — С. 264—268.
- Жук А.В. Курганные жители и путешествия к ним (по отчетам графа А.А. Бобринского 1901—1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. — Л., 1990. — С. 62—65.
- Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. — М, 1908. — Ч. 1. — 703 с.
- Исмагилов Р.Б. Об одном сакском обряде // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. пам. А.И. Тереножкина. — Мелитополь, 1992. — С. 34—35.
- Каменецкий И.С. История изучения меотов. — М., 2011. — 383 с.
- Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. — К., 1973. — С. 253—265.
- Косьяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.). — Азов, 2008. — 542 с. (Донские древности. — Вып. 9).
- Кубышев А.И., Орлов Р.С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. — 1982. — № 1. — С. 238—246.
- Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Петербургский археологический вестник. — 1993. — Вып. 6. — С. 27—31.
- Лафлин У.С. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М, 1981. — С. 33—50.
- Макаренко Н. е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. — 1916. — № 12. — С. 267—272.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 248 с.
- Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 179—222.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы). — К., 2005. — 599 с.
- Самковасов Д. Могила русской земли. — М, 1908. — 276 с.
- Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». — Самара, 2001. — С. 317—321.
- ОАК за 1891 г. — СПб, 1893. — 187 с.
- ОАК за 1894 г. — СПб, 1896. — 171 с.
- ОАК за 1912 г. — СПб, 1916. — 130 с.
- ОАК за 1913—1915 г. — Пг, 1918. — 295 с.
- Оглоблин Н.Н. «Сыскные дела» окладах в XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. — К., 1893. — Кн. 7. — С. 115—154.
- Отрощенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. — К., 1975. — С. 193—206.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. — К., 1992. — 201 с.
- Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 774 с.
- Полин С.В. Александропольский дракон // Сборник памяти В.А. Ромашко. — Днепрпетровск, 2017. — В печати.

Полін С.В., Черных Л.А. Конструктивные особенности первичных насыпей ямных курганов у с. Владимировка и у г. Орджоникидзе // Проблемы археологии Подніпров'я. — 2009. — Вип. 9. — С. 37—48.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л., 1960. — 358 с. + 78 табл.

Савинов Д.Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан и церемониальный центр кочевников Тувы // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. — СПб, 1992. — С. 108—112.

Смирнов К.Ф. Курганы біля м. Великого Токмака // АП УРСР. — 1960. — Т. 8. — С. 164—189.

Спицын А.А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринбургского уезда // ИАК. — 1901. — Вып. 1. — С. 69—79.

Стефани Л. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России // ОАК за 1864 г. — СПб, 1865. — С. 3—246.

Супруненко О. До питання про пограбування курганів на Полтавщині за козацької доби // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — 2000. — Вип. 9. — С. 86—91.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1999. — С. 171—173.

Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. — 1963. — № 1. — С. 49—60.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 260 с.

Флеров В. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 117—126.

Флеров В.С. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. — Липецк, 1992. — С. 123—127.

Флеров В.С. Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I—VIII вв. // Проблемы археологии Юго-восточной Европы: VII Донская археол. конф. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 92—94.

Хазанов А.М., Черненко С.В. Час і мотиви пограбування скифських курганів // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 18—26.

Черняков И.Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. — К., 1977. — С. 29—36.

Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. — 1961. — № 1. — С. 150—168.

С.В. Полін

ПРО ПОГРАБУВАННЯ СКІФСЬКИХ КУРГАНІВ В ПІВНІЧНОМУ ПРИЧОРНОМОР'І

Переважаюча більшість скифських курганів Північного Причорномор'я пограбована. Хто, коли і з якою метою грабував скифські кургани в Північному Причорномор'ї?

Скифські кургани Північного Причорномор'я грабувались протягом всього періоду їх існування, насамперед їх сучасниками, можливо безпосередніми свідками і учасниками поховальних церемоній або їхніми найближчими нащадками, які мали точну інформацію про топографію поховань і наявність в них дорогоцінних речей. Надзвичайно інтенсивно

пограбування скифських курганів відбувається в наші дні.

Кургани в Північному Причорномор'ї почали грабувати з того часу, коли в складі супроводжуваних речей почали з'явитись вироби з дорогоцінних металів в достатній кількості. Головними, якщо не єдиними, були, є і будуть корисні мотиви пограбування скифських курганів на всі часи. В курганах скифів ми спостерігаємо надзвичайну кількість золота, незрівняну за кількістю та якістю з жодним іншим народом, будь-коли жившим в цьому регіоні.

Для цілого ряду культур степової та лісостепової зони Євразії різноманітні порушення поховань, а саме: часткове або повне руйнування скелета, часткове видалення окремих кісток скелету або значущих категорій супроводжуваних речей розглядається як прояви обряду знешкодження мерців. Все це припускається і для скифських курганів Північного Причорномор'я. Проте, з об'єктивних обставин достовірно виявити такий обряд при розкопках скифських курганів практично неможливо.

Ключові слова: скифи, кургани, грабіжники, пограбування курганів, мотиви пограбування.

S. V. Polin

ABOUT THE ROBBERY OF SCYTHIAN KURGANS IN NORTHERN BLACK SEA COAST

The overwhelming majority of Scythian kurgans of Northern Black Sea Coast is plundered. Who, when and for what purpose plundered Scythian kurgans in Northern Black Sea Coast?

Scythian kurgans of Northern Black Sea Coast were plundered throughout all period of their existence, first of all by their contemporaries, probably direct witnesses and participants of funeral ceremonies or their nearest descendants, having the exact information on topography of burials and presence in them of precious things. Rather intensively the robbery of Scythian kurgans occurs today.

Kurgans in Northern Black Sea Coast have started to plunder since among the things accompanying buried in the other world, have started to place products from precious metals in enough notable quantities. Mercenary motives were the main occasion of a robbery of Scythian barrows in Northern Black Sea Coast always. In kurgans of Scythians of Northern Black Sea Coast we see the abundance of gold non-comparable by quantity and quality with one other people, ever living in this region.

For many archaeological cultures of a steppe and forest-steppe belt of Eurasia various infringements of burial places, somehow: partial or skeleton final fracture, partial withdrawal of bones of a skeleton or significant categories of accompanying things is considered as display of a ceremony of neutralisation of dead men. All it is supposed and for Scythian kurgans of Northern Black Sea Coast. However, for the objective reasons authentically to establish such ceremony at excavation of Scythian barrows it is impossible.

Keywords: Scythians, kurgans, robbers, a robbery of kurgans, motives of a robbery.

Одержано 1.03.2017

НАШІ АВТОРИ

- АХІЯРОВ Іслам Кизамединович** — магістр гуманітарних наук, молодший науковий співробітник ІА ім. А.Х. Маргулана. E-mail: *azbeisenov@mail.ru*.
- БАБЕНКО Леонід Іванович** — старший науковий співробітник Харківського історичного музею ім. М.Ф. Сумцова. E-mail: *babenkoleonid@yandex.ua*.
- БАЗАРБАСВА Галія Аппазівна** — кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник ІА ім. А.Х. Маргулана. E-mail: *galiya2002@gmail.com*.
- БЕЙСЕНОВ Арман Зіяденович** — кандидат історичних наук, завідувач відділу ІА ім. А.Х. Маргулана. E-mail: *azbeisenov@mail.ru*.
- БЕЛОВІНЦЕВА Наталія Іванівна** — молодший науковий співробітник МДУ ім. М.В. Ломоносова. E-mail: *natalya.belovinceva@gmail.com*.
- БОЛТРИК Юрій Вікторович** — кандидат історичних наук, завідувач відділу ІА НАН України. E-mail: *boltryk@ukr.net*.
- БРЕЛЬ Ольга Володимирівна** — старший науковий співробітник Національного історико-культурного заповідника «Чигирин». E-mail: *ov_brel@ukr.net*.
- БУЗЬКО Олександра Вікторівна** — аспірантка Національного університету «Києво-Могилянська академія». E-mail: *alexandrabuzko@gmail.com*.
- ВАСІНА Зінаїда Олександрівна** — дослідниця історії костюмів. E-mail: *zinaidavasina@gmail.com*.
- ГАВРИЛЮК Надія Овксентівна** — доктор історичних наук, провідний науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *gavr51@mail.ru*.
- ГОРБАНЕНКО Сергій Анатолійович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *gorbanenko@gmail.com*.
- ГОШКО Тетяна Юріївна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Університету ім. Бориса Грінченка. E-mail: *goshko_t@ukr.net*.
- ГРЕЧКО Денис Сергійович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *ukrspadshina@ukr.net*.
- ГУЦАЛІ Анатолій Федорович** — доцент Кам'янець-Подільського Національного університету ім. І. Огієнка. E-mail: *dpoasukam@gmail.com*.
- ДАРАГАН Марина Миколаївна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *darmar@ukr.net*.
- ДЖУМАБЕКОВА Гульнара Саїновна** — кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник ІА ім. А.Х. Маргулана. E-mail: *gdzhuma@mail.ru*.
- ДЗНЕЛАДЗЕ Олена Сергоївна** — кандидат історичних наук, науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *dzyulya@gmail.com*.
- ДІДЕНКО Сергій Васильович** — завідувач сектору Національного музею історії України. E-mail: *svdidenko@yandex.ru*.
- ДУЙСЕНБАЙ Даніяр Булатбекович** — магістр гуманітарних наук, молодший науковий співробітник ІА ім. А.Х. Маргулана. E-mail: *daniar_db88@mail.ru*.

- ЕРЛИХ Володимир Роальдович** — доктор історичних наук, головний науковий співробітник Державного музею мистецтва народів Сходу. E-mail: *verlikh@bk.ru*.
- ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович** — кандидат філософських наук, науковий співробітник Інституту філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України. E-mail: *romanzimovets@gmail.com*.
- КАЙЗЕР Елька** — доктор, професор Інституту доісторичної археології Вільного університету Берліна. E-mail: *ekaiser@zedat.fu-berlin.de*.
- КАНТОРОВИЧ Анатолій Робертович** — доктор історичних наук, завідувач кафедрою МДУ ім. М.В. Ломоносова. E-mail: *kantorovich@mail.ru*.
- КАРАВАЙКО Дмитро Володимирович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *dkaravaiko@mail.ru*.
- КАШУБА Майя Тарасівна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІМК РАН. E-mail: *mirra-k@yandex.ru*.
- КЛОЧКО Віктор Іванович** — доктор історичних наук, завідувач кафедрою НаУКМА. E-mail: *vklochko@ukr.net*.
- КЛОЧКО Любов Степанівна** — кандидат історичних наук, завідувач відділом Музею історичних коштовностей України. E-mail: *vklochko@ukr.net*.
- КОРОЛЬКОВА Олена Федорівна** — кандидат мистецтвознавства, завідувач сектором Державного Ермітажу. E-mail: *lenkor_54@mail.ru*.
- КРЮТЧЕНКО Олексій Олександрович** — аспірант ІА НАН України. E-mail: *spg9m@ukr.net*.
- КУЗНЕЦОВА Тетяна Михайлівна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА РАН. E-mail: *mamulya-kuznecova@yandex.ru*.
- КУЛЬКОВА Мариана Олексіївна** — кандидат геолого-мінералогічних наук, доцент Державного педагогічного університету ім. О. Герцена. E-mail: *kulkova@mail.ru*.
- ЛИТВИНОВА Людмила Володимирівна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *litvinovalv@ukr.net*.
- ЛОШЕНКОВ Михайло Іванович** — кандидат історичних наук, співробітник Центральної наукової бібліотеки ім. Якуба Колоса НАН Білорусі. E-mail: *loshenkov_mihail@mail.ru*.
- ЛЮШТИНА Марія** — доктор археології, доцент Департаменту археології університету в Белграді. E-mail: *mljustin@f.bg.ac.rs*.
- ЛЯШКО Юрій Юрійович** — завідувач історичним музеєм Кам'янського історико-культурного заповідника. E-mail: *iur.liashko@yandex.ru*.
- МАХОРТИХ Сергій Володимирович** — доктор історичних наук, провідний науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *makhortykh@yahoo.com*.
- МОГИЛОВ Олександр Дмитрович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *mogilovod@gmail.com*.
- МУРЗІН В'ячеслав Юрійович** — доктор історичних наук, професор Мелітопольського інституту державного та муніципального управління. E-mail: *vjmurzin@ukr.net*.
- НІНЧИЧ Іван** — науковий співробітник Департаменту археології Університету в Белграді. E-mail: *bgninjah@gmail.com*.
- ОБОРИН Юрій Володимирович** — науковий співробітник Інституту кольорових металів та матеріалознавства Сибірського федерального університету. E-mail: *oborin.yur@yandex.ru*.
- ОКАТЕНКО Віталій Миколайович** — директор ДП ОАСУ «Слобідська археологічна служба». E-mail: *okatenko@mail.ru*.
- ОЛЬГОВСЬКИЙ Сергій Якович** — кандидат історичних наук, професор Київського національного університету культури та мистецтв. E-mail: *olgovskiy@online.ua*.
- ОРЛИК Олексій Пантелійович** — науковий співробітник редколегії тому «Звіт пам'яток історії та культури України» по Кіровоградській області. E-mail: *orlidema@ukr.net*.
- ОТРОЩЕНКО Віталій Васильович** — доктор історичних наук, завідувач відділу ІА НАН України. E-mail: *otrok_o@ukr.net*.
- ПАНЧЕНКО Кирило Ігорович** — аспірант ІА НАН України, викладач кафедри історії України Центральноукраїнського державного педагогічного університету ім. Володимира Винниченка. E-mail: *pankir90@gmail.com*.
- ПЕЛЯШЕНКО Костянтин Юрійович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Харківського історичного музею ім. М.Ф. Сумцова. E-mail: *peyashenko@mail.ru*.
- ПЕРЕВОДЧИКОВА Олена Володимирівна** — кандидат історичних наук, науковий співробітник Державного історичного музею. E-mail: *perevelena@yandex.ru*.

- ПОЛІДОВИЧ Юрій Богданович** — кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник Музею історичних коштовностей України. E-mail: *yurkop@ukr.net*.
- ПОЛІН Сергій Васильович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *polin-arheo@ukr.net*.
- РОМАШКО Олександра Володимирівна** — кандидат історичних наук, доцент Дніпровського національного університету ім. О. Гончара. E-mail: *romashko.a.v@gmail.com*.
- САЄНКО Валерій Миколайович** — керівник археологічної групи Токмацького краєзнавчого музею. E-mail: *saykolaksay@yandex.ru*.
- СЕРГЄЄВА Марина Сергіївна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *mar.sergeyeva@gmail.com*.
- СІКОЗА Денис Миколайович** — завідувач відділом Обласної інспекції охорони пам'яток історії та культури Херсонської держадміністрації. E-mail: *arheolog111@gmail.com*.
- СИМОНЕНКО Олександр Володимирович** — доктор історичних наук, провідний науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *simonal@ukr.net*.
- СЛЕДЮК Дмитро Володимирович** — науковий співробітник ДП ОАСУ «Слобідська археологічна служба». E-mail: *painter12@mail.ru*.
- СКОРІЙ Сергій Анатолійович** — доктор історичних наук, професор, завідувач Відділу ІА НАН України. E-mail: *idanfirs@ukr.net*.
- ТРЕЙСТЕР Михайло Юрійович** — доктор наук, науковий співробітник Германського археологічного інституту. E-mail: *mikhail.treister@dainst.de*.
- ФІАЛКО Олена Євгенівна** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *ofialka@ukr.net*.
- ФІРСОВ Кирил Борисович** — головний зберігач Відділу Державного історичного музею. E-mail: *kirill-firsov@mail.ru*.
- ХОХОРОВСКИ Ян** — доктор гуманітарних наук, професор ІА Ягеллонського університету. E-mail: *j.chochorowski@uj.edu.pl*.
- ЧУГУНОВ Костянтин Володимирович** — старший науковий співробітник Державного Ермітажу. E-mail: *chugunovk@mail.ru*.
- ШЕЛЕХАНЬ Олександр Володимирович** — кандидат історичних наук, науковий співробітник ІА НАН України. E-mail: *oleksandr_shelekhان@iananu.org.ua*.
- ШРАМКО Ірина Борисівна** — кандидат історичних наук, доцент ХНУ ім. В.М. Каразіна. E-mail: *belsk.archaika@mail.ru*.
- ШУЛЬГА Петро Іванович** — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник ІА та етнографії Сибірського відділення РАН. E-mail: *shulgapi55@yandex.ru*.
- ЯНІШ Євгенія Юріївна** — кандидат біологічних наук, молодший науковий співробітник Інституту зоології ім. І.І. Шмальгаузена НАН України. E-mail: *tinel@ukr.net*.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АБ	— Археологія Беларусі: У 4 т.
АБЭн	— Археологія Беларусі: энцыклапедыя.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні.
АГСП	— Античные города Северного Причерноморья.
АДУ	— Археологія і давня історія України.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні.
АИУ	— Археологические исследования в Украине.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України.
АКСП	— Античная культура Северного Причерноморья.
АМБ	— Архів Музею ім. Н.М. Бокій Кіровоградського державного педагогічного університету.
АО	— Археологические открытия.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БИ	— Боспорские исследования.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВУАК	— Всеукраїнська археологічна комісія.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік.
ГАИМК	— Государственная академия материальной культуры.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока.
ДАІМК	— Державна академія історії матеріальної культури.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КазНУ	— Казанский национальный университет.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
МАБ	— Матэрыялы па археалогіі Беларусі.
МАЭСУ	— Музей археологии и этнографии Слободской Украины.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

Список сокращений

МАР	— Материалы по археологии России.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МГУ	— Московский государственный университет.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России.
НА ІА НАН України	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України.
НТО	— Науково-технічне опрацювання.
НТШ	— Наукове товариство Шевченка.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
ПАЗ	— Полтавський археологічний збірник.
РА	— Российская археология.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник.
РАНИОН	— Российская Ассоциация институтов общественных наук.
РГНФ	— Российский государственный научный фонд.
СА	— Советская археология.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет.
САДУ	— Середньоазійський державний університет.
САИ	— Свод археологических источников.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ССПіК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.
СХИФО	— Сборник Харьковского историко-филологического общества.
ТАКЭ	— Термезская археологическая комплексная экспедиция.
Тр. ... АС	— Труды ... Археологического съезда.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея.
Тр. ГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа.
Тр. ИИМК	— Труды Института истории материальной культуры.
ТФАН	— Туркменський філіал Академії наук СРСР.
УБЖ	— Український ботанічний журнал.
ХИМ	— Харьковский исторический музей им. Н.Ф. Сумцова.
ЦГМ РК	— Центральный государственный музей Республики Казахстан.
ЦДКФАУ	— Центральный державний кінофотоархів України
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет.
BAR	— British Archaeological Report.
CVA	— Corpus Vasorum Antiquorum.
EAGE	— European Association of Geoscientists & Engineers.
KVHAA	— Kungl. Vetterhets Historie och Antikvitets Akademien.
LIMC	— Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.
MiSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde.
RGZM	— Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift.
SA	— Slovenská Archeológia.

До статті
Л.С. Клочко, З.О. Васиної «Убрання скіф'янок за матеріалами з Мелітопольського кургану»

Рис. 9. Реконструкція костюмів небіжчиць за декоративними елементами. Вбрання скіф'янки — жриці та супровідної особи

До статті
Л.С. Ключко, З.О. Васиної «Убрання скіф'янок за матеріалами з Мелітопольського кургану»

Рис. 10. Декоративні елементи костюма служниці

К статье
М.Ю. Трейстера «Бронзовая матрица, найденная в пойме
р. Трубеж»

Рис. 3. Бронзовая пластина (матрица?). Частная коллекция в Карлсруэ, Фото В. Хауснера

К статье
 Е.С. Дзнеладзе, Д.Н. Сикозы, А.В. Симоненко «Воинское погребение в могильнике
 Красный Маяк на Нижнем Днепре»

Рис. 5. Инвентарь погребения: скелет 1: 1 — фибула; 2 — бусы; скелет 2: 3 — фибула; 4 — бусы; скелет 3: 5 — фибула; 6 — бусы; 7 — алебастровые бусы в ногах; 8 — рукоять кинжала

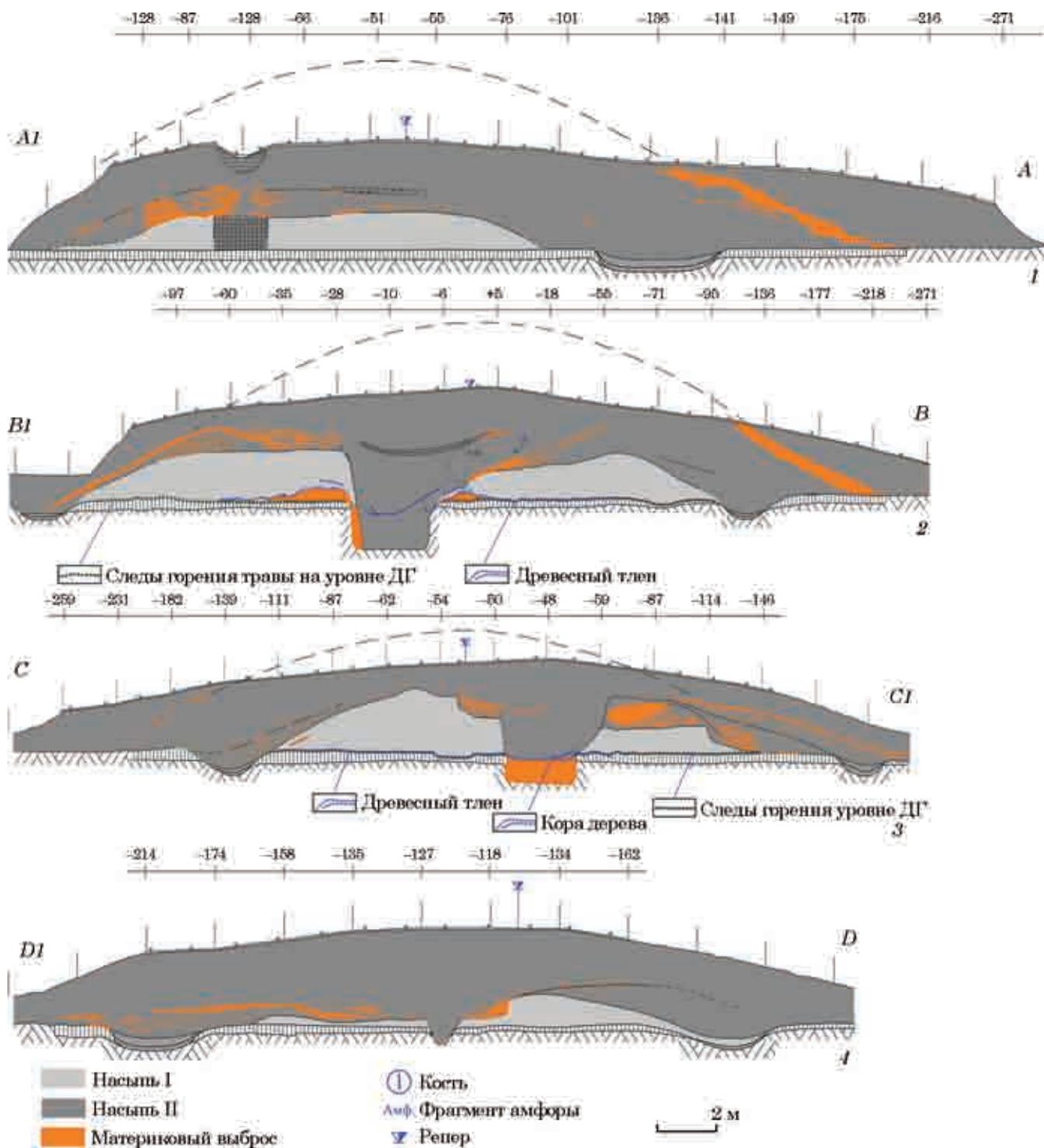

Рис. 5. Профили бровок кургана: 1 — А1—А; 2 — В1—В; 3 — С—С1; 4 — D1—D

Рис. 6. Профили С—С1 и V1—V Турецкой Могилы с хорошо выделенной первой светлой насыпью и глиняной обмазкой-крешидой на второй насыпи (фото с беспилотного летательного аппарата)

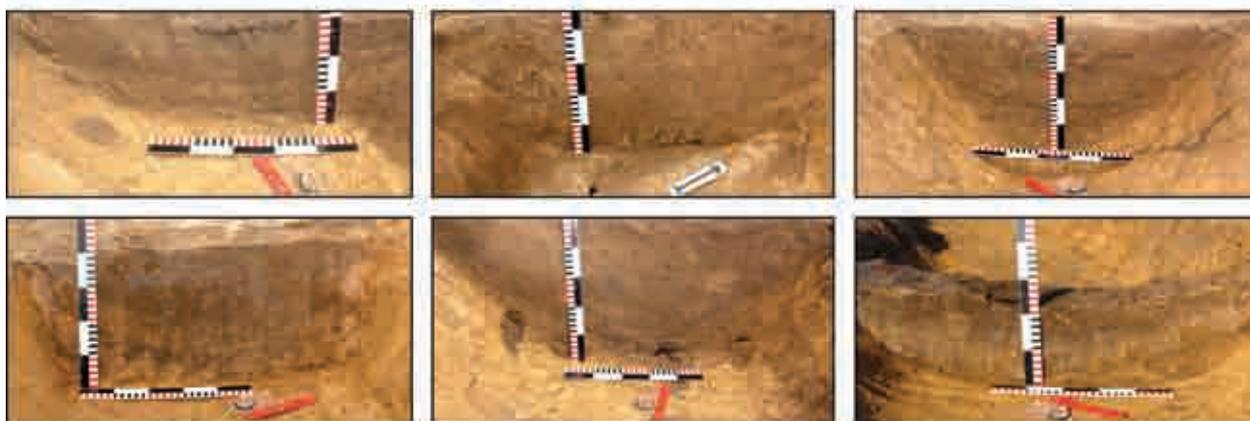

Рис. 7. Этап исследования кургана: 1 — вид сверху на кольцевой ров на начальном этапе расчистки (фото с беспилотного летательного аппарата); 2 — профили рва на различных участках

К статье
 В.Н. Окатенко, С.А. Скорого «Скифский курган “Турецкая Могила” в бассейне Северского Донца»

Рис. 20. Краснофигурный арибаллический лекиф

К статье
 И.Б. Шрамко «Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Скоробор»

Рис. 7. Золотые украшения: 1 — бляшка с изображением горного козла; 2—5 — бляшки в форме четырехлепестковой розетки; 6 — каплевидная подвеска; 7 — пронизь

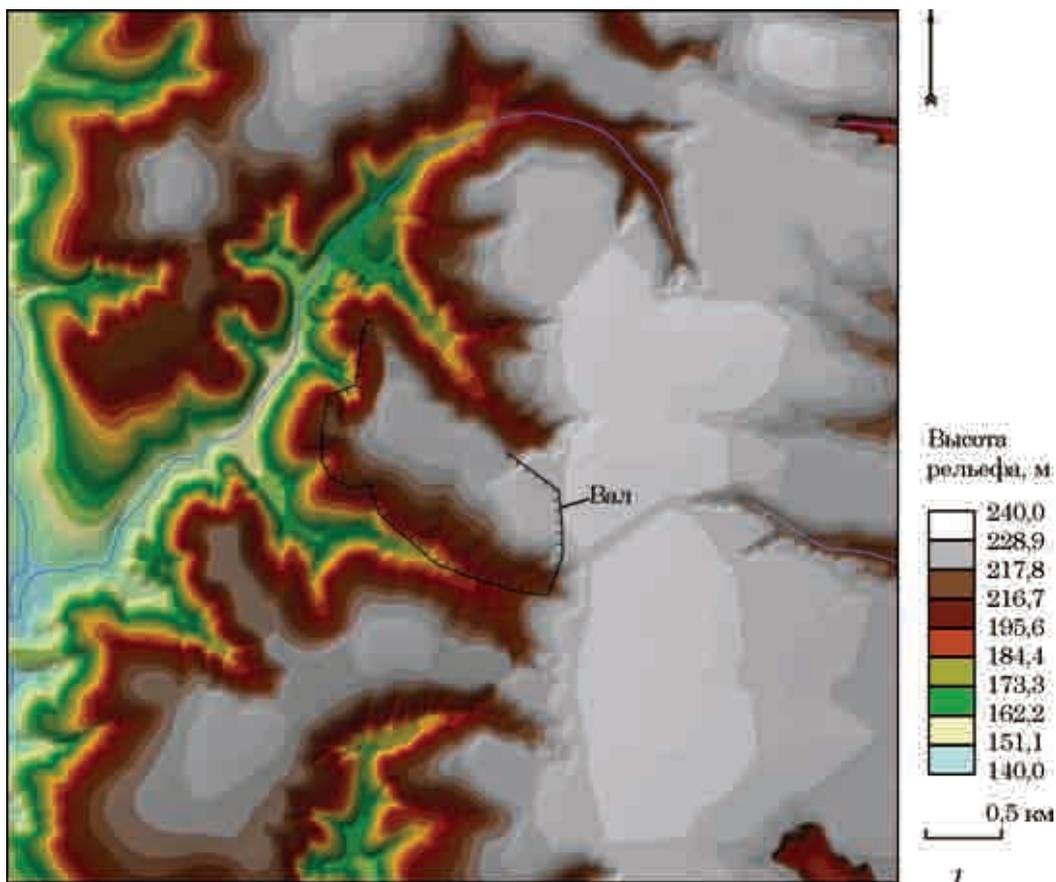

Рис. 5. Городище Моринцы: 1 — план, ЦМР (TIN)

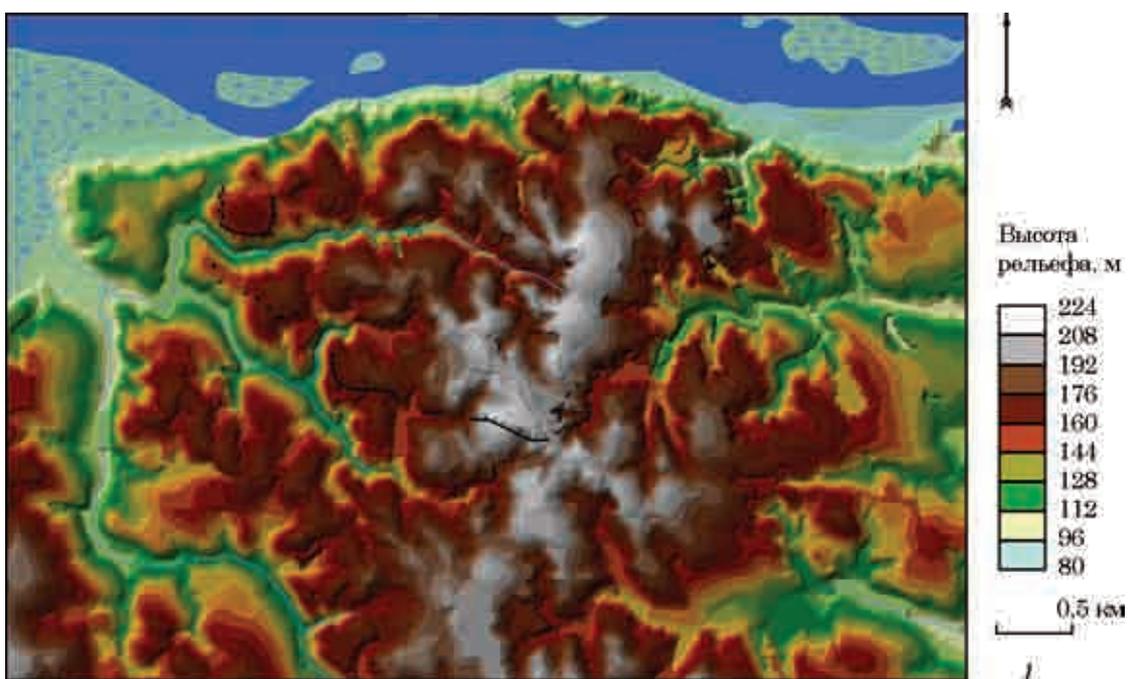

Рис. 10. Городище Трахтемировское, план, ЦМР (TIN) (1)

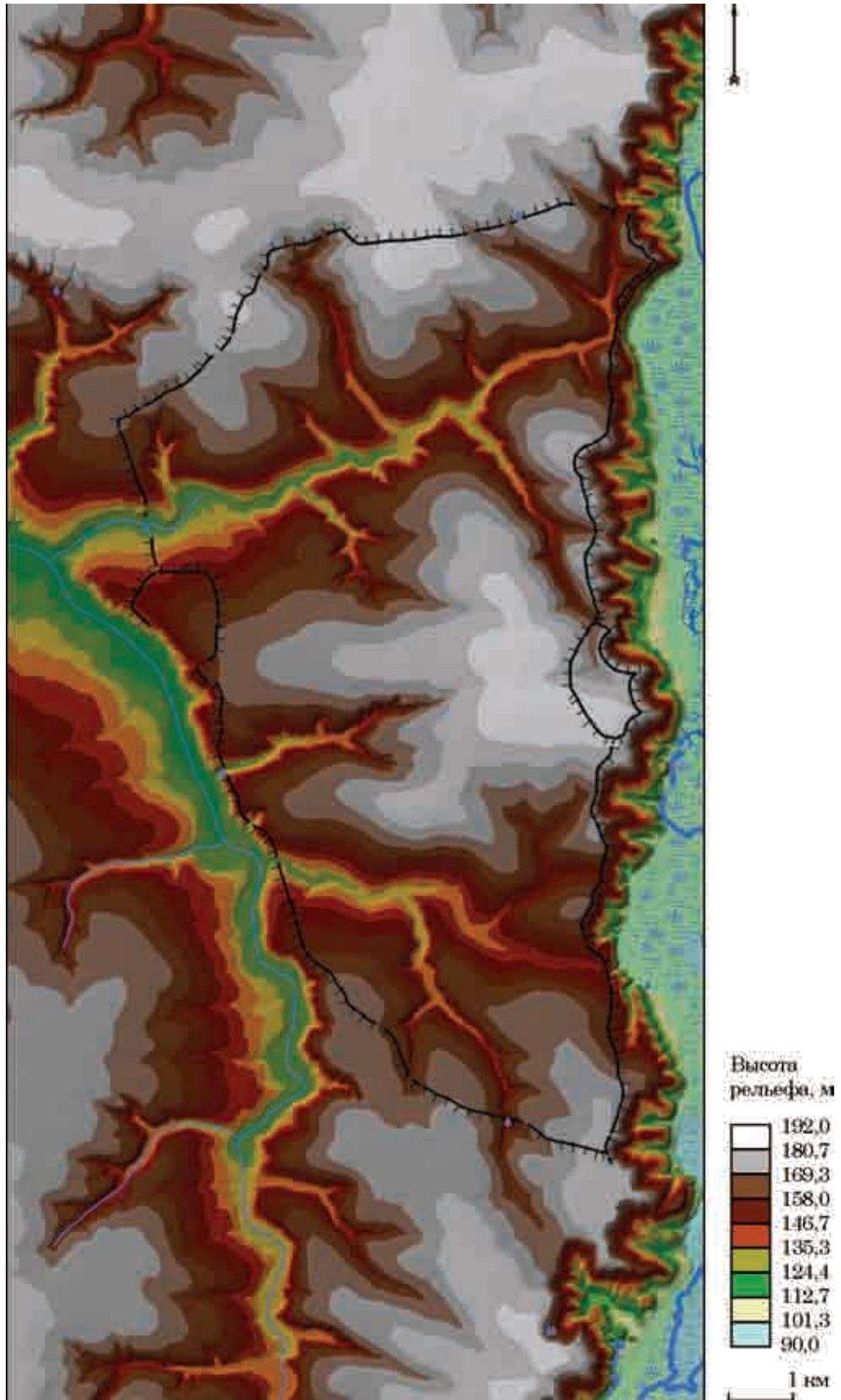

Рис. 13. Бельское городище, план, ЦМР (TIN)

К статье

В.Н. Окатенко, Д.В. Следюка «Изучение топографии археологических объектов фотограмметрическим методом с использованием беспилотных летательных аппаратов»

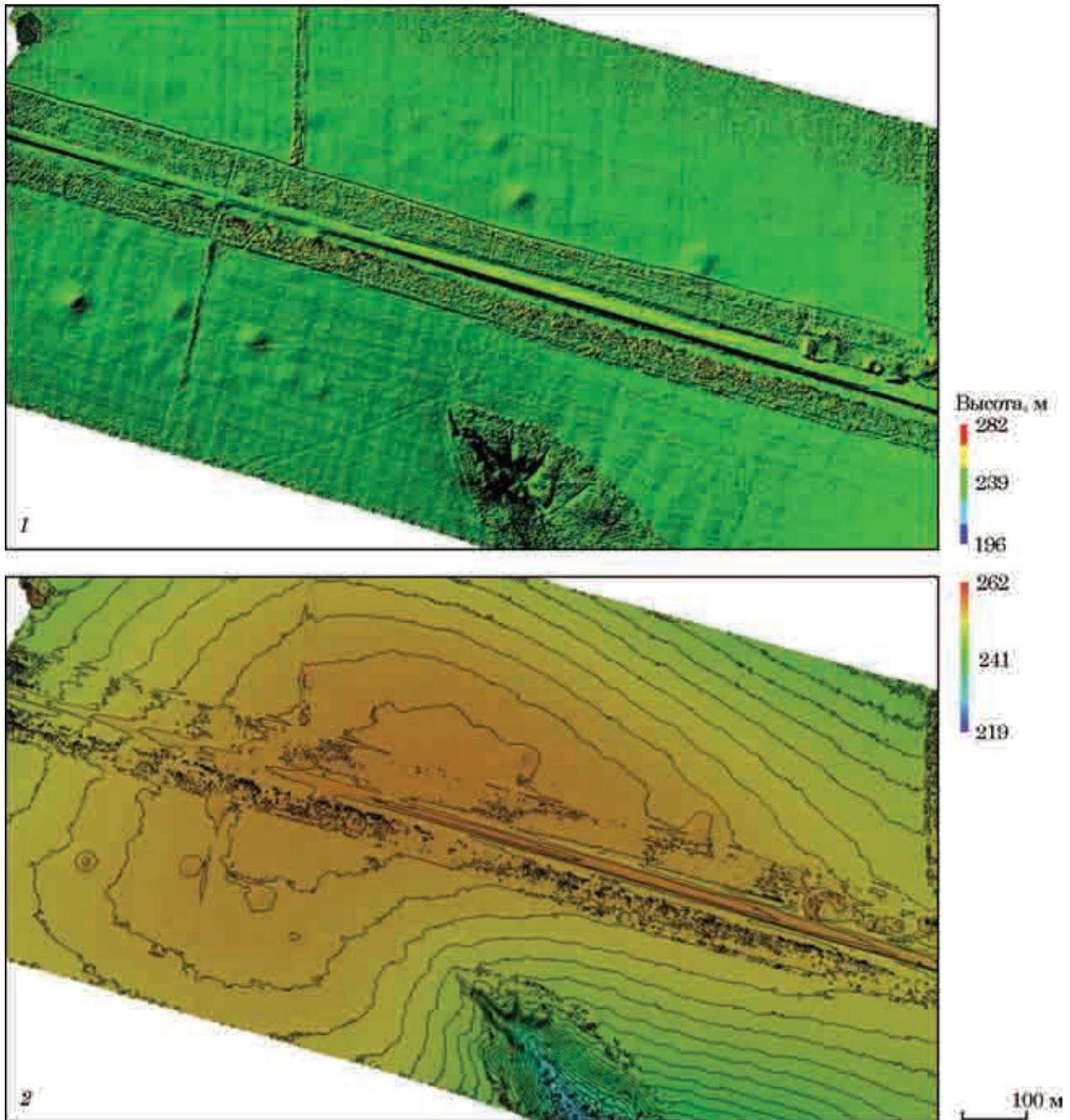

Рис. 6. Цифровая высотная модель курганной группы, расположенной на восточной окраине с. Высокополье Валковского р-на Харьковской обл.

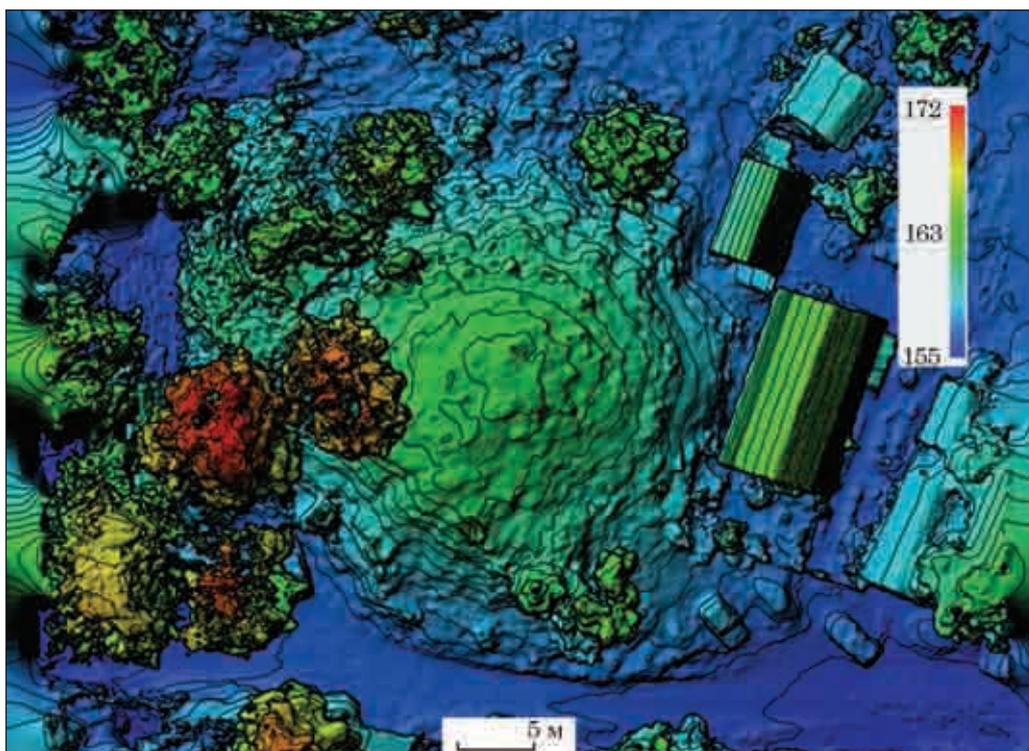

Рис. 12. Курган-лидер (№ 1) на Алексеевском въезде в г. Люботин

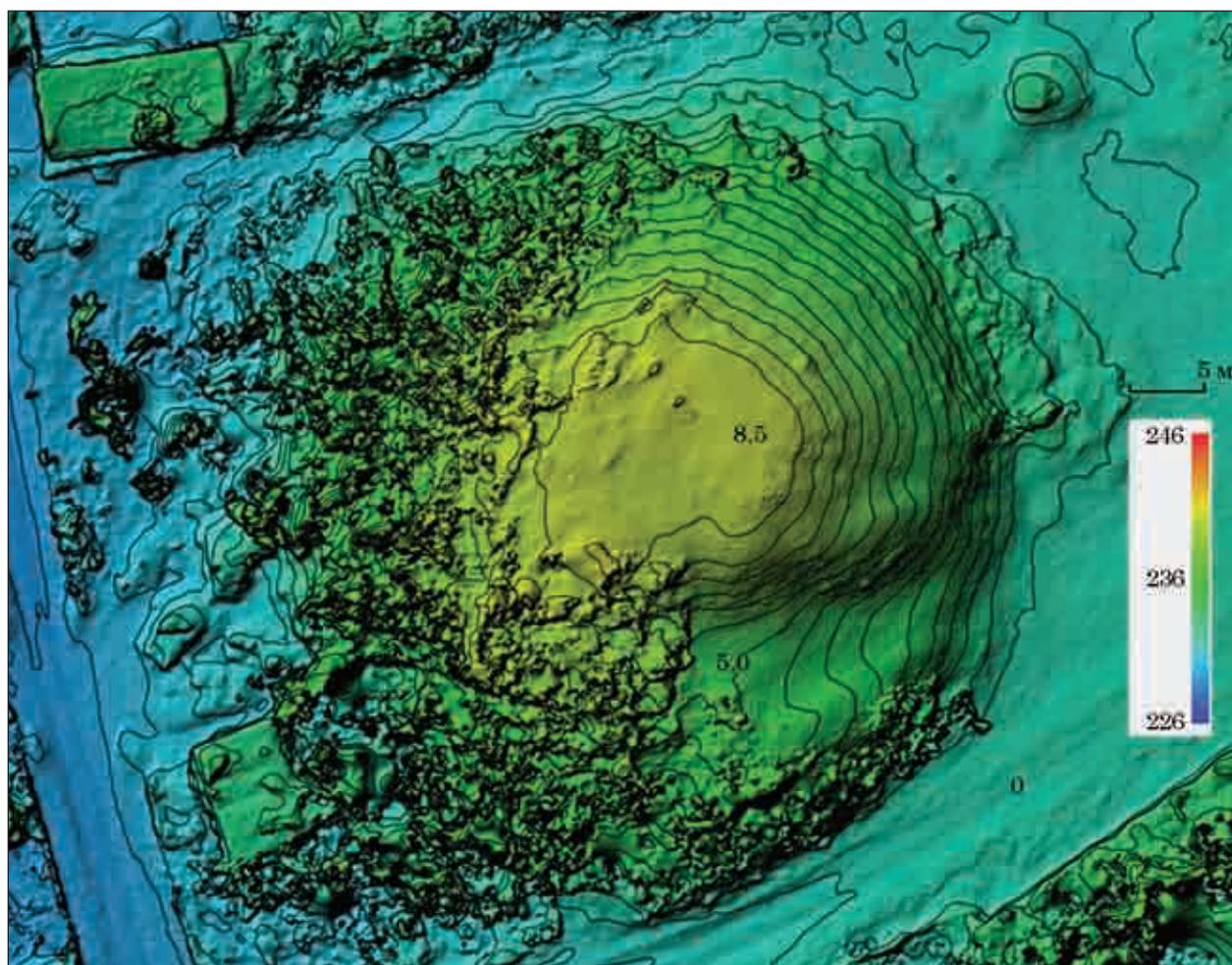

Рис. 14. Курган-лидер Песочинского Могильника «Хомякова Могила» на территории с/пос. Песочин

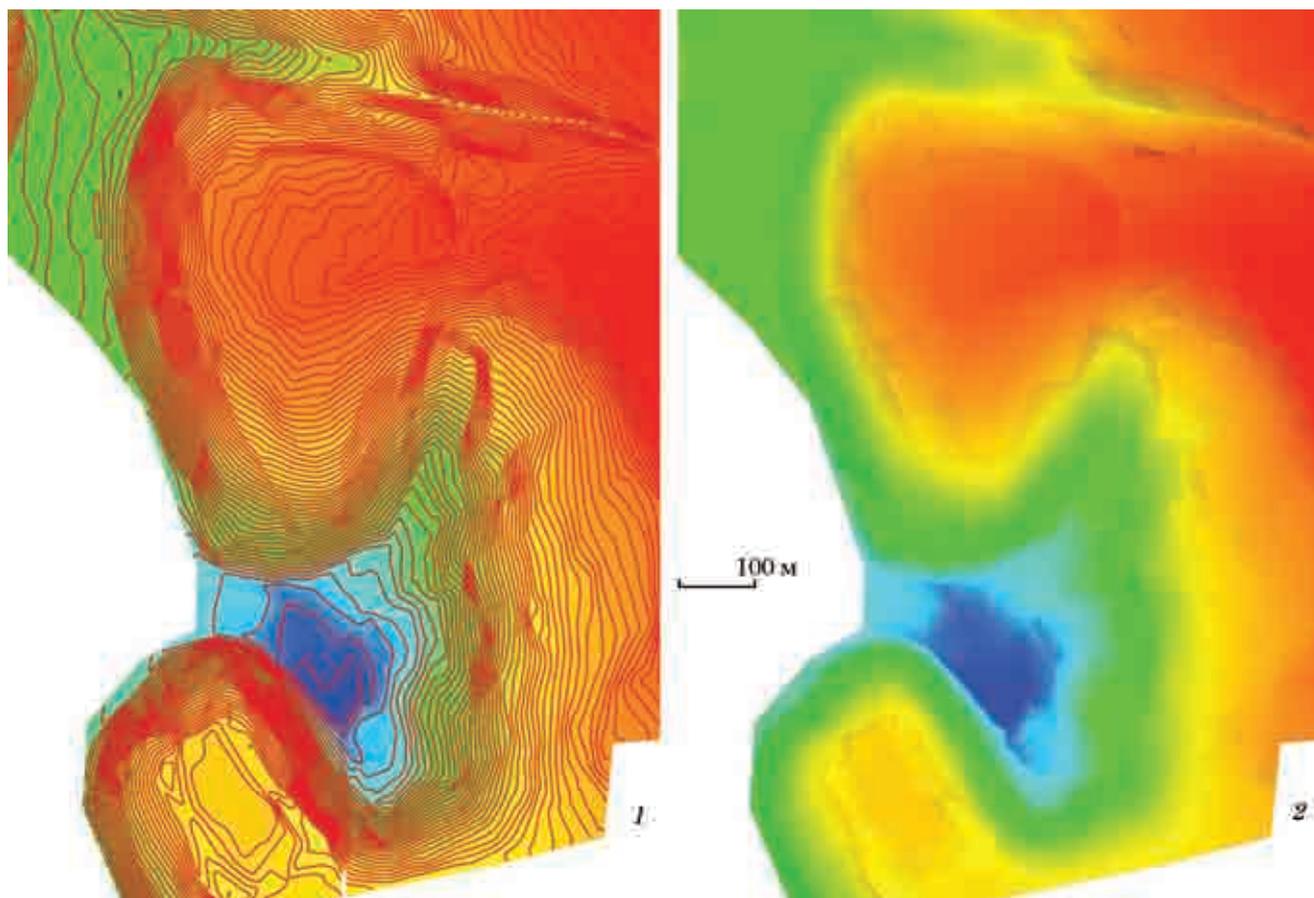

Рис. 17. Карта высот скифского городища Старые Валки и средневекового Можеского острога с нанесением микрорельефа

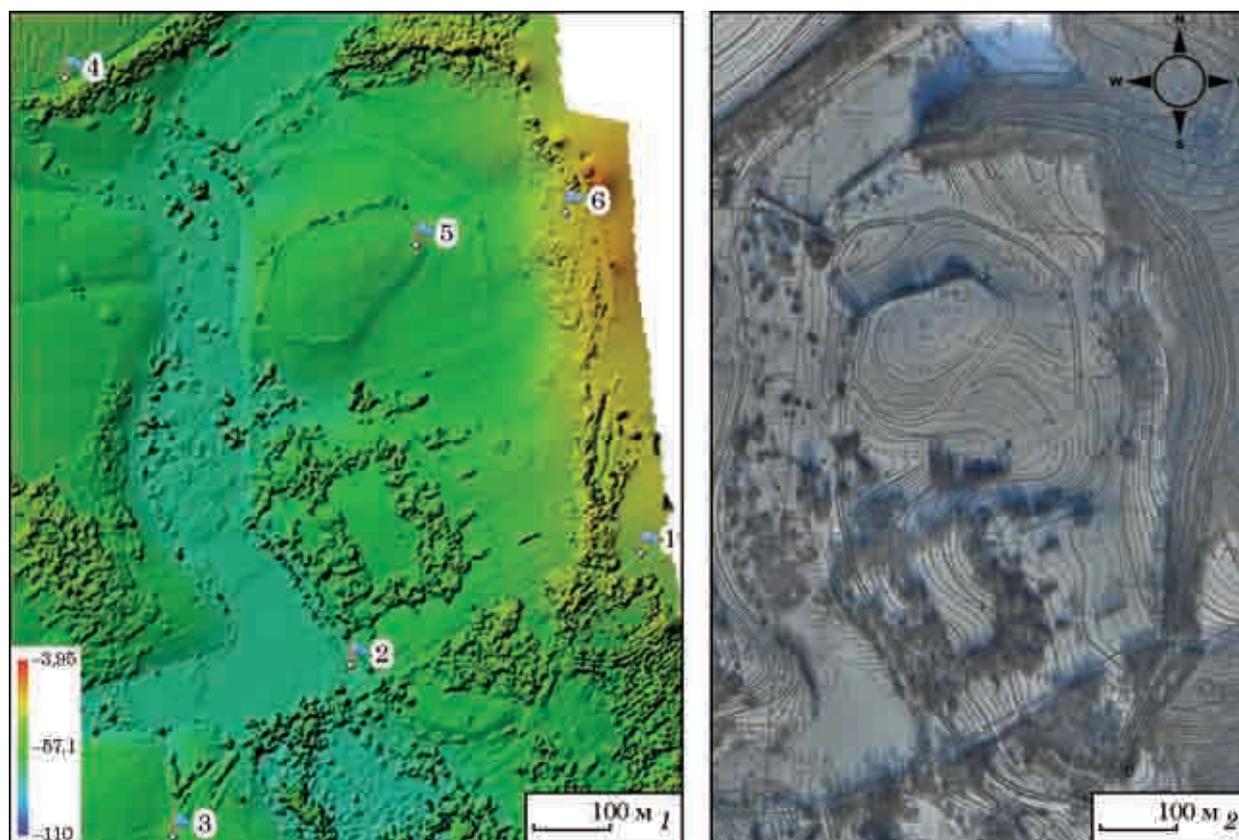

Рис. 21. Ортофотоплан городища скифского времени в уроч. Городище в Харьковской обл.: 1 — карта высот памятника; 2 — аэрофотосъемка в зимний период с нанесением рельефа и оборонительных сооружений